ЖИЗНЬ

ЕВРОПЕЙСКИХЪ НАРОДОВЪ.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

ТОМЪ I.

ЖИТЕЛИ ЮГА.

съ 25 рисунками В. М. Васнецова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1875

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9 ноября 1874 г.

Текстъ печатанъ въ типографіи Ф. Сущинскаго, (С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, 168), а рисунки и обертка въ типографіи II Отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго труда познакомить читающую публику съ жизнію европейскихъ народовъ. Совершенный недостатокъ такого рода книгъ чувствителенъ не только у насъ, но и въ западной литературѣ. Между тѣмъ какъ безпрестанно появляется множество ученыхъ и популярныхъ сочиненій, рисующихъ намъ до малѣйшихъ подробностей жизнь американскихъ и африканскихъ дикарей: ихъ вѣрованія, обычаи, степень образованія, ихъ общественныя понятія, встрѣчаемъ даже прекрасные ученые труды, знакомящіе насъ съ бытомъ всѣхъ первобытныхъ племенъ, — нѣтъ ни одного сочиненія, заключающаго въ себѣ описаніе жизни всѣхъ европейскихъ народовъ. Въ иностранной литературѣ можно найти много сочиненій объ отдѣльныхъ европейскихъ государствахъ, но даже и тутъ вы не найдете полнаго изображенія жизни того или другаго народа, а обыкновенно описываютъ одинъ классъ общества или еще чаще разъясняютъ одну сторону въ положеніи этого класса. Такъ, напр. относительно нѣкоторыхъ странъ подробно говорятъ о фабричныхъ рабочихъ и совершенно умалчиваютъ о земледѣльцахъ; при описаніи другихъ—рисуютъ политическія партіи, государственные перевороты, броженіе умовъ и совершенно упускаютъ изъ виду болѣе глубокія причины этихъ явленій, коренящіяся въ народной жизни. Переводятъ у насъ подобныя сочиненія еще болѣе случайно: иногда выходитъ нѣсколько книгъ по одной и той же странѣ, тогда какъ по другимъ странамъ нѣтъ рѣшительно ни одного описанія. Между тѣмъ у науки не должно быть своихъ любимцевъ: для нея одинаково интересны и какой нибудь патріархальный черногорецъ, и дикій, необузданный, во многихъ уголкахъ еще совсѣмъ нетронутый образованіемъ, албанецъ, и изысканный, переживающій, такъ сказать, ультра-цивилизацію парижанинъ.

Что же заключаетъ въ себѣ масса книгъ, наводняющихъ литературу и выходящихъ подъ заглавіемъ „путевыя записки туриста“ по какому нибудь изъ европейскихъ государствъ? За немногими исключеніями, въ нихъ изображены чисто личныя, случайныя впечатлѣнія авторовъ: прелесть природы, обходительность и красота женскаго пола, трактирныя похожденія — вотъ любимыя темы. Въ болѣе серьёзныхъ изъ нихъ находимъ архитектурныя изслѣдованія о замѣчательныхъ зданіяхъ, подробныя описанія художественныхъ произведеній, часто уже утратившихъ всякое значеніе для современной жизни, описаніе религіозныхъ движеній, наконецъ разсказы, касающіеся исключительно внѣшней стороны городской жизни, и только городской, а не сельской. Особенно это слѣдуетъ сказать объ описаніяхъ Италіи и Испаніи: тутъ болѣе всего занимаетъ туристовъ природа, женщины, вино, зданія и художественныя произведенія. Точно въ этихъ странахъ не существуетъ народа, точно его прошлая судьба, политическое положеніе и даже природа не создали для него никакой промышленности, никакихъ оригинальныхъ нравовъ, особыхъ отношеній между членами семьи. Конечно, можно найти одно, два сочиненія по нѣкоторымъ странамъ, которыя дѣйствительно знакомятъ съ народною жизнію и которыхъ авторы пользуются несомнѣннымъ авторитетомъ; но по этому самому факты, въ нихъ изложенные, уже безъ всякой оцѣнки и часто безъ указанія на источникъ, повторяются во всѣхъ послѣдующихъ сочиненіяхъ: факты эти становятся, такъ сказать, стереотипными на вѣчныя времена, между тѣмъ какъ жизнь европейскихъ народовъ, особенно въ послѣднее время, быстро измѣняется, и такимъ образомъ изъ этихъ будто бы новѣйшихъ сочиненій мы часто узнаемъ о странѣ, что было справедливо назадъ тому 30 лѣтъ. Изъ предыдущаго ясно, что для изображенія народной жизни встрѣчается очень мало матеріаловъ и приходится прибѣгать къ другимъ сочиненіямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ путевыми записками. Чтобы дать на трехъ, четырехъ страницахъ понятіе объ общинѣ, о суевѣріяхъ, пѣсняхъ, о нѣкоторыхъ обрядахъ того или другаго народа, мы нерѣдко должны были знакомиться со спеціальными сочиненіями по этимъ предметамъ.

При огромномъ представлявшемся намъ матеріалѣ, мы начертили себѣ планъ, котораго и старались строго придерживаться при описаніи каждаго государства. Задавшись цѣлію изобразить дѣйствительную жизнь каждаго изъ европейскихъ народовъ, мы давали и внѣшнее описаніе главнѣйшихъ городовъ, и вообще такъ называемыхъ достопримѣчательностей, но на столько, на сколько онѣ выражаютъ степень развитія и характеръ народа.

Мы обращали также вниманіе и на природу каждой страны, но для того, чтобы указывать ея вліяніе на жизнь человѣка. Тамъ, гдѣ

это вліяніе сильнѣе, и описаніе ея у насъ заняло болѣе мѣста: такъ напр. въ статьѣ о Швейцаріи мы обстоятельно описали Альпы, дали характеристику флоры и фауны, ледниковъ, лавинъ, обваловъ и т. п.

Современная жизнь народа, его понятія, вѣрованія, его семейный и общественный бытъ совершенно непонятны, если мы незнакомы съ прошлою жизнію народа. Поэтому другимъ необходимымъ элементомъ нашей книги мы считали свѣдѣнія историческія. Въ этомъ отношеніи еще легче было увлечься и выйти изъ границъ. Но мы рѣшили касаться исторіи лишь тѣхъ народовъ, прошлое которыхъ менѣе извѣстно, напр. народовъ славянскихъ. Разсказывать въ общихъ чертахъ исторію, напримѣръ, Франціи было бы излишне, — она и безъ того достаточно извѣстна; входить же въ подробности намъ не позволилъ планъ нашей книги. При этомъ мы брали изъ исторіи факты исключительно народной жизни.

Главная задача нашего труда—дать по возможности полную и всестороннюю картину жизни европейскихъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ сословій, или образованныхъ классовъ, т. е. познакомить съ понятіями народа, выражающимися въ наиболѣе распространенныхъ его обычаяхъ, въ самомъ складѣ его общественной и семейной жизни, со степенью развитія въ массахъ и съ ихъ экономическимъ положеніемъ. Для этого мы болѣе всего останавливались на различныхъ обрядахъ и обычаяхъ народа, на описаніи одежды, пищи, на народныхъ увеселеніяхъ и суевѣріяхъ, пѣсняхъ, жилищахъ, на домашней обстановкѣ, на положеніи женщины, на отношеніи между собою различныхъ членовъ семьи, на положеніи земледѣльческаго и фабричнаго сословія, на занятіяхъ народа и на главнѣйшихъ предметахъ его промышленнаго производства, наконецъ на характерѣ его политической жизни.

Относительно картинокъ, помѣщенныхъ въ книгѣ, мы должны сказать, что, при ихъ композиціи г. Васнецовымъ, матеріаломъ служили большею частію собранныя нами фотографическія карточки, изображавшія не снимки съ художественныхъ произведеній, а дѣйствительныхъ лицъ изъ народа, снятыхъ, какъ образцы типовъ, на мѣстѣ ихъ жительства.

Послѣ предисловія мы прилагаемъ списокъ книгъ и статей, которыми мы пользовались. Мы дѣлаемъ это прежде всего для того, чтобы дать возможность насъ провѣрить, а также и для того, чтобы избавить отъ библіографическихъ затрудненій тѣхъ, которые пожелаютъ подробнѣе ознакомиться съ изложенными у насъ фактами. При составленіи нашего труда уже однѣ подготовительныя библіографическія работы отняли у насъ не мало времени.

Мы не хотѣли вносить въ нашъ списокъ тѣхъ книгъ и статей, [illegible]

торыя по прочтеніи оказались малосодержательными и тѣмъ безъ пользы увеличивать его объемъ. Что касается сочиненій, вышедшихъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ годахъ, то мы вносили въ нашъ списокъ только тѣ изъ нихъ, которыя еще не совсѣмъ устарѣли и по своимъ достоинствамъ заслуживаютъ вниманія и въ настоящее время.

Послѣ труда библіографическаго не мало препятствій мы встрѣтили добыть эти книги. Нѣкоторыя роскошныя изданія оказались совершенно недоступными по цѣнѣ; относительно другихъ сочиненій, послѣ долгаго ожиданія, мы получали отвѣтъ, что онѣ распроданы. При всѣхъ этихъ затрудненіяхъ намъ не удалось бы познакомиться съ весьма многими сочиненіями, еслибы, благодаря посредству нѣкоторыхъ лицъ, мы не могли воспользоваться книгами, находящимися въ Публичной Библіотекѣ и библіотекахъ Академіи Наукъ и Университета, а также и нѣкоторыми частными библіотеками.

Мы предполагаемъ описать всѣ западно-европейскіе народы въ двухъ томахъ. Первый представляемъ теперь на судъ читателей: онъ уже самъ по себѣ составляетъ законченное цѣлое—даетъ картину жизни европейскаго юга. Тутъ нашли мѣсто всѣ романскія племена, часть славянскихъ турки, греки и албанцы. Швейцарія не совсѣмъ подходитъ подъ опредѣленіе страны южной, но за то она, по своему смѣшанному населенію, представляетъ удобный переходъ отъ народовъ романскихъ къ германской расѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ юга къ сѣверу Европы. Вторымъ томомъ, который приметъ тотъ же объемъ, какъ и настоящій, будетъ закончено описаніе жизни западно-европейскихъ народовъ.

Мы отводимъ въ нашемъ трудѣ не послѣднее мѣсто народамъ славянскимъ, за что, конечно, читатель на насъ не посѣтуетъ, такъ какъ этотъ предметъ, въ высшей степени для насъ интересный, еще не былъ у насъ представленъ въ сколько нибудь цѣльномъ и популярномъ изложеніи.

На сколько мы съумѣли выполнить нашу задачу, судить не намъ; замѣтимъ только, что ея выполненіе было для насъ тѣмъ труднѣе, что въ иностранной литературѣ мы не нашли ни одного сочиненія, въ которомъ были бы хоть нѣсколько обработаны и сведены въ одно цѣлое разбросанные матеріалы о жизни европейскихъ народовъ, поэтому намъ пришлось предпринять не передѣлку какого нибудь иностраннаго сочиненія, какъ это было бы возможно относительно другой части свѣта, а самостоятельную обработку этихъ матеріаловъ.

Ел. Водовозова.

СПИСОКЪ ИСТОЧНИКОВЪ.

Flandin. L'Orient. Bosphor, Stamboul, Smyrne. in f⁰ (съ великолѣпными рисунками).

Османъ-бей. Турки и ихъ женщины; султанъ и его гаремъ. Спб. 1874.

Базили. Очерки Константинополя. Спб. 2 т. 1835.

Базили. Босфоръ и новые очерки Константинополя. 2 т. Спб. 1836.

Давыдовъ. В. Путевыя записки, веденныя во время пребыванія на Іоническихъ островахъ, въ Греціи, Малой Азіи и Турціи въ 1832 г. 2 т., съ атласомъ. Спб. 1840.

Живописные очерки Константинополя. Съ 23 картинками. Спб. 1855.

Милюковъ. Афины и Константинополь. Спб. 1859.

Тридцать лѣтъ въ гаремѣ. Автобіографія Мелекъ-Ганумъ, жены Кибризли Мегеметъ Паши. Спб. 1874.

Ubicini. Lettres sur la Turquie. 1 part: les Ottomans, 2 part: les Raias. P. 1853—54.

Розенъ. Исторія Турціи, отъ реформы въ 1826 г. до Парижскаго трактата въ 1856, въ 2 ч. Спб. 1872.

Aya Sofia. Constantinople as recently restored by order of the sultan Abdul Medjid from the original drawings by chevalier **Caspard Fossati** in f⁰. (Текста нѣтъ; одни рисунки, великолѣпно раскрашенные.)

Коранъ Магомета, съ примѣчаніями и жизнеописаніемъ Магомета.

Константинополь и Турки. 2 т. съ 96 карт. Спб. 1841—43 г.

Лежанъ. Этнографія Европейской Турціи. Спб. 1868.

Barth. Reise durch das innere der Europäischen Türkei. Berlin. 1864.

Мосоловъ. Отрывки изъ путешествій по восточнымъ областямъ Европейской Турціи. Спб. 1868.

Kunisch. Bukarest und Stambul. Skizzen aus Ungarn, Ruminien und der Türkei. Ber. 1866.

Tchichatcheff. Lettres sur la Turquie. Brux. 1859.

Heuschling. L'Empire de Turquie. Brux. et Leipz. 1860.

Galibert. L. et **Pellé.** Constantinople ancienne et moderne. 3 vol., съ рисунками.

Dethier. Der Bosphor und Constantinopel. Deutshe Original. Ausg. Wien. 1873.

Brennecke. Die Länder an der untern Donau und Konstantinopel. Hannov. 1870.

Rasch. G. Die Türken in Europa. 2 Bd. Prag. 1873.

Kapper. Christen und Türken. Eine Skizzenb. v. d. Save bis einern. Theiz. 2 Th. 1873.

White. Ch. Häusliches Leben und Sitten der Türken. Nach d. Engl. von Reumont. 2 Bde. Berl.

Dumont. Le Balkan et l'Adriatique. Les Bulgares et les Albanais. L'administration et les campagnes en Turquie. 1873.

Благовѣщенскій. Среди богомольцевъ. Афонъ. Фессалія. Спб. (Почти исключительно по этой книгѣ составлены нами статьи объ Афонѣ и Метеорскихъ монастыряхъ).

Toozer. Researches in the highlands of Turkey. 2 vols. Lond. 1869, съ рисунками.

Hahn. Albanesische Studien. Jena 1854.

Hecquard. La Haute Albanie.

С. Н. Константинопольскія письма. Рус. Вѣст. 1867, № 5.

Карлова. Турецкая провинція и ея сельская и городская жизнь. Вѣстн. Евр. 1870 г. №№ 6 и 7.

Березинъ. И. Мусульманская религія въ отношеніи къ образованности. Отеч. Зап. 1855 г. т. 98.

Березинъ. И. Рамазанъ въ Стамбулѣ. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 1.

Березинъ. И. Рамазанъ въ Султанскомъ дворцѣ и бейрамъ. Рус. Вѣст. 1856 г. № 2.

Турки, Греки и Славяне. (Статья, составл. по книгѣ **Mackenzie** and **Irby** The Turks, the Greeks, and the Slavons. Lond. 1867.) Отеч. Зап. 1867 г. №№ 15, 16, 18, 19 и 21.

Cyprien Robert. Les Slaves de Turquie. Serbes, Montenegrins, Bosniaques, Albabanais et Bulgares. Paris. 1843. 2 vols.

Пыпинъ. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ. Спб. 1865.

Каравеловъ. Страницы изъ книги страданій болгарскаго племени. Повѣсти и разсказы. М. 1868.

Clair and **Brophy.** A residence in Bulgaria or notes on the resourses and administration of Turkey—the condition and character, customes and language of the Christian and Musulman populations.

Kanitz. Reise in Süd-Serbien und Nord-Bulgarien, ausgeführt im Jahre 1864. Wien.

Blanqui. Vogage en Bulgarie. P. 1843.

Южаковъ. Мѣсяцъ въ Болгаріи. Совр. 1860 г. т. 84.

Даскаловъ. Возрожденіе Болгаръ или реакція въ Европейской Турціи. Руск. Бесѣда 1858 г. т. II, годъ III, кн. 10.

Юридическій бытъ Болгаръ (по Богишичу). Записки Рус. Геогр. Общ. по отд. Этногр. т. IV. Спб. 1871.

Гильфердингъ. Боснія, Герцоговина и Старая Сербія. (3-й т. Собранія Сочиненій). Спб. 1873.

Kanitz. Serbien. Historisch-etnographische Reizestudien aus den Jahren 1859—1868. Mit 40 Illustrationen in Texte, 20 Tafeln und einer Karte. Leipz. 1868.

Ранке. Исторія Сербіи. М. 1857.

Поповъ. Сербія и Россія. Историческій очеркъ русскаго покровительства Сербіи съ 1806 по 1856 г. ч. I и II-я М. 1869.

Семейная община южныхъ Славянъ. Статья, составленная по книгѣ Утѣшеновича. (Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien 1859). Рус. Бесѣда, 1859 г. книга 16-я.

Миличевичъ. Семейная община по селамъ Сербскимъ. Рус. Бесѣда 1858 г книга 11-я.

Миличевичъ. Сербская Община. Рус. Бесѣда 1859 г. книга 18-я.

Ровинскій. Два мѣсяца въ Сербіи. Вѣст. Евр. 1868 г. № 11.

Ровинскій. Бѣлградъ, его устройство и общественная жизнь. Вѣстн. Евр. 1870 г. №№ 4 и 5.

Общественный и домашній бытъ Сербовъ. Жур. Мин. Нар. Просв. 1856 г. т. 90.

Ламанскій. В. Сербія и южнославянскія провинціи Австріи. Спб. 1864.

Сербское село. Современ. 1865 г. № 5.

Якшичъ. В. О племенномъ составѣ населенія въ княжествѣ Сербскомъ. Записки Русск. Геогр. Общ. по отд. Этногр. Т. III. Спб. 1873 г.

Розенъ-Чудновскій. Историческій очеркъ элементарныхъ училищъ въ Сербіи. Ж. М. Нар. Просв. 1870 г. № 8 и 10.

Эпосъ сербскій и болгарскій во взаимномъ отношеніи историческомъ и топографическомъ. Временникъ Имп. Общ. Ист. и Древн. кн. 21-я М. 1855.

Гербель. Н. Поэзія Славянъ. Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній Славянскихъ народовъ. Спб.

Ковалевскій. Черногорія и Славянскія земли. Спб. 1872.

Поповъ. А. Путешествіе въ Черногорію. 1847.

Медаковичъ. Живот и обичаи Црногораца. Нов. Садъ. 1860 г.

Vialla du Sommières. Voyage historique et politique au Montenegro. 2 vols. Paris. 1820.

Lenormant. Turcs et Montenegrins. Paris. 1866.

Макушевъ. Задунайскіе и Адріатическіе Славяне. Спб. 1867.

Троянскій. Замѣтки изъ путешествія по Далмаціи и Черногоріи. Рус. Вѣст. 1863 г. №№ 11 и 12.

Мармье. Изъ Парижа въ Черногорію. Библ. для Чтен. 1854 г. №№ 4 и 5.

Костичъ. О школахъ въ Черногоріи. Жур. Мин. Нар. Просв. 1873 г. № 9

Rasch. Die Völker der unteren Donau und die orientalische Frage. Breslau 1867.

Румынія. Разсказы о Бессарабіи, Буковинѣ, Молдавіи и Валахіи. Изд. иллюст. Одесса. 1868.

Le Cler. La Moldo-Valachie . Itineraire, impressions de voyage, moeurs, coutumes, croquis sur nature, récits, aperçu historique. Paris. 1866.

Neigebauer. Die Donau-Fürstenthümer. Gesammelte Skizzen geschichtlich—statistisch—politischen Inhalts. 3 Hefte. Breslau. 1854—55.

Демидовъ. А. Путешествіе въ южн. Россію и Крымъ чрезъ Венгрію, Валахію и Молдавію. Съ рисунками. М. 1848.

Schott. Walachische Märchen. 1845.

Жадовскій. Молдавія и Валахія въ современности. Спб. 1856.

Палаузовъ. С. Н. Румынскія господарства Валахія и Молдавія въ историко-полит. отношеніи. Спб. 1859.

Derblich. Land und Leute der Moldau und Walachei. Prag. 1859.

К—севичъ. И. Придунайскія княжества. Биб. для Чтен. 1860 г. №№ 11 и 12, т. 162.

Крестьянскій вопросъ въ Молдавіи. Русск. Вѣстн. 1859 г. Октябрь кн. 2-я.

О положеніи крестьянскаго сословія въ Молдавіи. Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1858 г. т. XXIX.

Дунайскія Княжества Молдавія и Валахія. Современ. 1858 г. №№ 4 и 8.

Іонинъ А. С. О Куцо-Влахахъ Эпира, Фессаліи и Македоніи. Записки Геогр. Общ. по отдѣл. Этногр. Спб. 1873 г. т. III.

Tuckermann. The Greeks of to-day. Lond. 1873.

About Edm. La Gréce contemporaine. 6-me edit. Paris 1872.

Bybilakis. Neugriechisches Leben, verglichen mit dem Altgriechischen zur Erläuterung beider. Berlin. 1840.

Hettner Herm. Griechische Reizeskizzen. Braunschw. 1853.

Fauriel C. Chants populaires de la Grèce moderne, recuellis et publiés, avec une traduction française, des eclaircissements et des notes. 2 vols. Paris 1824 et 1825.

Firmenich-Richartz. Neugrieschiche Volksgesänge. Original und Uebersetzung. 1 Th. 1840, 2 Th. 1867. Berl.

Friederichs C. Kunst u. Leben. Reisebriefe aus Griechenland, dem Orient und Italien. Düsseld. 1872.

Wordsworth. La Grèce pittoresque et historique, traduite par Regnault. Paris 1841. Avec 350 gravures.

Гервинусъ. Исторія XIX в. т. V и VI. (Исторія греческаго возстанія).

Феоктистовъ. Борьба Греціи за независимость. Спб. 1863.

П. Письма о Греціи. 1869.

Базили. Архипелагъ и Греція въ 1830 и 1831 гг. Спб. 1834. 2 ч.

Lenormant. La Grèce et les îles Ioniennes. Paris. 1865.

Тэнъ. Искуство въ Греціи. Перев. Чудинова. Воронежъ. 1874.

Busch. Bilder aus Griechenland, gezechn. Löffler. Triest. 1869.

Legrand Em. Recueil des chansons populaires grecques. 1 vol. 1874.

Деступисъ Г. Очерки возрождающейся Греціи. Библ. для чт. 1858. № 5.

Орбинскій Р. О народности нынѣшнихъ обитателей Греціи. Русск. Слово 1860 г. № 3.

Сочиненія **Гнѣдича.** Изд. Смирдина. 1854. (Тутъ есть переводы новогреческихъ пѣсенъ).

Майковъ А. Мотивы изъ народной поэзіи нынѣшнихъ грековъ. Русск. Вѣстн. 1861 г. № 1.

Burnouf E. Le brigandage en Grèce. Rev. des deux mondes, 1870 г.

Gregorovius Ferd. Wanderjahre in Italien. Leipz. 1864. Bd. I. Figuren. Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien. Bd. II Lateinische Sommer. Bd. III. Siciliana. Wanderungen in Neapel und Sicilien. Bd. IV. Von Ravenna bis Mentana.

Löher Franz. Sicilien und Neapel. Münch. 1864. 1 Th. Sicilien. II Th. Neapel.

Schlüter. Aus und über Italien. 2 Bd. Hann. 1863.

Taine Voyage en Italie. T. I. Naples et Rome. t. II Florence et Venise. 1866 и 1872. Paris.

Яковлевъ. Италія. Письма изъ Венеціи, Рима и Неаполя. Спб. 1855.

(**Муравьевъ**). Римскія письма. 2 т. Спб. 1847.

Генъ. Италія. Взгляды и бѣглые замѣтки. Перев. съ нѣмецк. Спб, 1872

Ковалевскій. Картины Италіи.

Teste L. Notes sur Rome et l'Italie. 1873. Paris.

Hartung. Aus Sicilien. Cultur u. Geschichtsbilder. 1873.

Heefferich. Briefe aus Italien. 2 Bde.

Schneider. Italien in geographischen Lebensbildern. Aus. d. Munde der Reisenden gesammelt. Mit. 14 Illustr. 1863.

Allmers. Römische Schlendertage. Oldenb. 1873.

Wey Fr. Rome. Containing 345 Beutiful Illustrations.

Cremer. Reizeskizzen aus Italien. Nach seinen Tagebüchern herausg. 1873.

Dempwolff. Mittelitalienische Fahrten. München. 1873. 1 Bd. Bologna, Florenz.

Gaume. Rom in seinen drei Gestalten od. das alte, neue u. unterirdische Rom. 1870. 4 Bd.

Hoffmann. Bilder römischen Lebens. Münster. 1871.

Stahr. Ein Iahr in Italien. 3 Bd. Old. 1850.

Stahr. Herbstmonäte in Oberitalien. 2. Verm. Aufl. 1871.

Stahr u. Fanny **Lewald**. Winter in Rom. 2 verm. Aufl. Berl. 1871.

Rasch. Die neue Italien. Berl. 1866.

Noé. H. Italienisches Seebuch. Naturansichten und Lebensbilder von den Alpenseen und Meeresküsten. 1874.

Бранди. Письма о Тосканской мареммѣ. Соврем. 1863 г. т. 97, 1864 г. № 7.

Бранди. Этрурія. Совр. 1862 г. т. 93.

Григоровичъ. Ницца и Генуя. Время 1863 г. № 1.

Д-въ. Карнавалъ въ Генуѣ и Миланѣ. Рус. Вѣстн. 1860 г. т. 26.

Іюньскіе праздники въ Римѣ. Рус. Вѣстн. 1867 г. №№ 9, 11 и 12.

Изъ Рима въ Неаполь. Рус. Вѣстн. 1869 г. № 12.

Разбойничество въ Италіи. Время 1862 г. № 8.

Губернатисъ. Эскизы Итальянскаго общества. Вѣстн. Евр. 1873 г. № 1 и 8, 1874 г. № 7.

Leroy-Beaulieu. La population agricole de la Toscane. Rev. des deux mondes. 1870. 15 Janv.

Вулканы Италіи. Сборникъ Природа 1873 г. т. I.

Современное состояніе школы въ Италіи. Вѣстн. Евр. 1870 г. № 6.

Davilliers L'Espagne illustrée par **Gustave Doré**. Magnifique vol. in 4°, contenant 309 gravures. Paris. 1874.

Beguin Em. Voyage pittoresque en Espagne. Paris.

Garrido. L'Espagne contemporaine, ses progrés moraux et materiels au XIX siecle. Brux. et Leipz. 1862.

Боткинъ В. Письма объ Испаніи. Спб. 1857 г.

Taine. Voyage aux Pyrénés. 1 v.

Poitou. Voyage en Espagne. Illustr. par Foulquier. Tours. 1869.

Poitou E. L'Espagne et son peuple. 1873.

Geppert. Reiseneindrücke aus Spanien in Winter 1871—72. Berl. 1872.

Cuendias. Spanien und die Spanier, ihre Sitten, Trachten, Volkssagen u. Legenen, Bau und Kunstdenkmäler. M. viel. Holzschn. u. Aquarellen. Brüss.

Wachenhusen. Reisebilder aus Spanien. 2 Bde.

Wolzogen. Reize nach Spanien. Lpz.

Gautier Théophile. Voyage en Espagne. Tras los montes. Nouv. edit. 1 magn. vol. in 8° orné de gravures sur acier et de planches de costumes coloriés.

Baumstark. Mein Ausflug nach Spanien im Frühjahr 1867. 2 verb. Aufl. 1869. Regensb.

Rasch. Das heutige Spanien. 2 Ausg. Stuttg.

Teste L. L'Espagne contemporaine. Journal d'un voyageur. 1872.

Cherbulier. L'Espagne politique. 1868—1873.

Willkomm. Zwei Jahre in Spanien und Portugal. 3 Bd. Dresd. u. Leipz. 1847., 2 е изд. 1856 г.

Willkomm. Die Halbinsel der Pyrenäen, eine geograph. statistische Monographie 1855.

Willkomm. Wanderungen durch die nordöstlichen und centralen Provinzen Spaniens (1850) 2 Bd. 1852.

Carnarvon Lord. Portugal, Galicia and the Basque Provinces. 3 ed. Lond. 1848.

Wattenbach. Eine Ferienreise nach Spanien und Portugal. Berl. 1869.

Gerstäcker. Reisen um die Welt. Bd. I Leipz. 1871 (статья о Португаліи).

Minutoli. Portugal u. seine Colonie im Jahre. 1854. 2 Bd.

Денегри Э. Поѣздка въ Испанію. Отеч. Зап. 1868 №№ 11 и 12, 1869 г. №№ 2—5 и 8.

Саліасъ гр. Путевые очерки по Испаніи. Русск. Вѣстн. 1874 г. №№ 3, 4, 6 и 9.

Борро. Путевыя записки Англійскаго миссіонера въ Испаніи. Биб. для чт. 1858 г. т. 147, №№ 1 и 2.

Григоровичъ. Уголокъ Андалузіи. Время 1861 г. № 10.

Каченовскій Д. Разсказы объ Испаніи. Рус. Слово 1863 г. № 1.

Lavergne. La Portugal et son agriculture. Revue des deux mondes. 1869. 1 Août.

Du Camp Max. Paris, ses organes, ses fonctions et sa vie dans la seconde moitié du XIX siècle. 5 vols. Paris. 1869—1873.

Stark K. B. Städteleben, Kunst und Alterthum in Frankreich. Jena. 1855.

Rodenberg. Paris bei Sonnenschein u. Lampenlicht. 1872.

Hillebrand. Frankreich und die Franzosen in den zweiten Hälfte des XIX Jahrhundert. 1873.

Paris nouveau illustré. Ouvrage orné de 165 gravures sur bois. 1873.

Wright. France illustrated, exhibiting its landscape scenery, antiquities, military aud ecclesiastical architecture. Drawings by Th. **Allom.** 2 vols. Lond.

Malte Brun. La France illustrée. Geographie, histoire, administration et statistique. Paris.

Geyer. Frankreich unter Napoleon III. Politischökonomische Skizzen. Leipz. 1865.

La Normandie illustrée: monuments, sites et costumes, dessinés d'après nature par **Benoist,** les costumes par **Lalaisse.** Paris. 1854. 2 vols in f°.

Dessaix. La Savoie historique, pittoresque, statistique et biographique. Chamb. 1854.

Gregorovius. Corsica. 2 Bd. 1854 и нов. изд. 1874 г.

Montegut. Souvenirs de Bourgogne. Paris. 1874.

Михайловъ. Пролетаріатъ во Франціи. Спб. 1869.

Симонъ Ж. Работница въ Европѣ. Перев. Коваленко. Спб. 1874.

Михайловъ А. Ассоціаціи. Спб. 1871 г.

Лавлей. Народное образованіе. Народныя школы, ихъ современное положеніе и относящееся къ нимъ законодательство во всѣхъ государствахъ. Спб. 1873.

Simon J. L'Ecole. 4-me edition. Paris. 1865.

Боммеръ. Письма о крестьянахъ и земледѣліи во Франціи. Русск. Вѣстн. 1859 №№ 2, 9, 10, 15, 16, 19, 21 и 24, 1860 г. №№ 9, 12, 16 и 21, 1861 г. №№ 7, 9 и 12. (Эти статьи послужили главнымъ матеріаломъ при описаніи французскихъ провинцій).

Броневскій. Общинная собственность во Франціи и Германіи. Жур. Мин. Гос. Им. 1863 г. № 5.

Бернье. Общины и общинныя земли во Франціи. Жур. Мин. Гос. Им. 1859 г. № 6.

Louandre Ch. La France du Nord. La Picardie. Revue des deux mondes. 1873, 1-e Juillet—15-me Aout.

Liebert. Eug. L'agriculture française après la guerre. Rev. des deux mondes. 1871, 15 Fevrier.

Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ. По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ. Франція. Вѣстн. Евр. 1873 г. № 8.

Пыпинъ А. Народное образованіе во Франціи. Совр. 1862 г. № 2.

Народное образованіе во Франціи (по Луи Рэбо). Заграничн. Вѣстн. 1865 г. № 9.

Ренанъ Э. Высшее обученіе во Франціи, его исторія и будущность. Эпоха 1864 г. № 5.

Le Fort Leon. De la mortalité des enfants et de l'industrie des nourrices en France. Rev. des deux mondes. 1870, 15 Mars.

Baudrillart. La famille et la loi de succession en France. Rev. des deux mondes. 1872, 15 Avr.

Кавелинъ. Очеркъ французскаго университета. Журн. Мин. Нар. Просв. 1862 г. №№ 6, 7 и 11.

Памятники Парижа. Русск. Вѣстн. 1871 г. № 5.

Берлепшъ. Швейцарскія Альпы и Альпійская жизнь. Спб. 1872.

Чуди. Альпійскій міръ. Съ картою Швейцаріи и рисунками. Спб. 1873 г.

Тиндаль. Альпійскіе ледники. М. 1866.

Диксонъ. Швейцарія и Швейцарцы. Спб. 1872.

Zschokke. Die Schweiz in ihren klassischen Stellen u. Hauptorten geschildert. 1870 — 1871.

Dora d'Istria. La Suisse Allemande. P. 1856. 4 v.

Ковалевскій. Этюды путешественника. Италія и Швейцарія. Спб. 1864.

Max Wirth. Beschreibung und Statistik der Schweiz. Zürich. 1871—1873 г.

Osenbrüggen. Die Schweizer. Daheim und in der Fremde. 1874.

Osenbrüggen. Die Urschweiz. Classischer Boden der Tellsage. 60 Stahlst. von Hubert. Mit hist. — topogr. Text. Basel. 1870.

Seun. Charakterbilder schweizerischen Landes, Lebens und Strebens. Glarus. 1870.

Laveleye. De la proprieté et de ses formes primitives. Paris. 1874.

Михайловъ А. Основы образованія въ Европѣ и Америкѣ. Спб. 1874.

Grube. Alpenwanderungen. Fähren auf hohe und höchste Alpensitzen. 1873.

Whymper Ed. Escalades dans les Alpes. Ouvrage traduit de l'anglais par Joanne. Illustr. de 75 gravures. 1872.

Flugi. Die Volkslieder des Engadin. Strassburg. 1873.

Rambert. Les Alpes suisses. Basel. 1871. Съ рисунк.

Runge. Die Schweiz in Original-Ansichten ihr interess. Gegenden. Darmst. 1866 — 1870.

Vouga. La Suisse illustrée. Vues pittor. Bas. 1866 — 1868.

Frey. Das Schweizerland in Bild und Wort. Dargestellt in maler. Original-Ansichten. Mit geschichtlich.—topo-u. orographisch.-physikalish. u. ethnographisch. Erläuterungen. 1868 — 1872.

Weilenmann. Aus der Firnenwelt. 2 Bd. 1871 — 72.

Гельмгольцъ. Популярныя научныя статьи. вып. 1-й. Спб. 1866 г. (Статья: Ледъ и ледники).

Д. Е. Очерки Швейцарской жизни и нравовъ. Отеч. Зап. 1868 г. №№ 5 и 7.

Обычаи Ури. Заграничн. Вѣстн. 1861 г. № 3.

Нефедовъ. Вопросъ о рабочихъ, рѣшенный въ Ури самими рабочими. Библ. для чтен. 1865 г. №№ 7 и 8.

Brezy. Les torrens des Alpes. Rev. des deux mondes. 1 Juin 1872.

Maunier M. Guillaume Tell. La legende et l'histoire. Rev. des deux mondes, 1 Janv. 1870.

Duvergier de Hauranne. La Suisse et la revision de la constitution. Rev. des deux mondes, 15 Avr. 1873.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

Стр.

Констастинополь. — Значеніе водъ для этого города.—Сераль.—Изнанка турецкой столицы. — Улицы.—Дома.—Нищіе.—Базары.—Безестенъ. — Молитва магометанъ.— Турецкій кейфъ.—Турокъ на улицѣ и дома 1

Общественныя удовольствія турокъ — Бани. — Кофейни. — Теріаки и страшныя послѣдствія потребленія опіума. — Торговля рабами. — Кладбища и оригинальныя надписи на памятникахъ. — Народное гулянье. 11

Ая-Софія и характеръ турецкихъ мечетей 20

Дервиши 22

Рамазанъ. — Какъ постятся мусульмане. — Китайскія тѣни. — Рамазанъ во дворцѣ. — Обрядъ цѣлованія «священной мантіи». — Выѣздъ султана 25

Сущность мусульманской религіи.—Какое она имѣетъ вліяніе на нравственность, образованіе, развитіе и положеніе народа. — Образъ правленія и турецкіе чиновники. — Современное положеніе финансовъ и промышленности 30

Затворничество женщинъ. — Нарядъ турчанки и ея физіономія. — Турецкая свадьба. — Житье-бытье гаремныхъ затворницъ. — Пагубное вліяніе такого затворничества на общество. — Почему магометанская религія не имѣла такого вреднаго вліянія на образованныхъ арабовъ 42

АЛБАНІЯ.

Общій характеръ страны. — Жители. Ихъ нравы, языкъ одежда. — Обычай кровомщенія. — Албанскія постройки.—Положеніе женщины. — Свадебные обряды. — Покойникъ. — Семья и ея значеніе для албанца. — Воспитаніе дѣтей 52

Мирдита. — Природа страны.—Одежда жителей, ихъ характеръ, нравы и обычаи. — Похищеніе женщинъ. — Побратимство. — Нынѣшній князь Мирдитскій Бибъ-Дода; его характеръ, отношеніе къ подданнымъ и его Орошскій дворецъ. — Какъ управляется страна. — Правосудіе 62

Афонъ. — Природа Афона. — Киновіи и монахи этихъ монастырей: ихъ тяжелая жизнь, труды и удовольствія. — Келіоты-пустынники. — Гробничные старцы.— Штатные монастыри и ихъ привольное житье.—Правленіе Афона 67

Метеорскіе монастыри—Общій видъ мѣстности.—Монастырь св. Стефана.— Троицкій монастырь. — Какимъ образомъ поднимаются въ эти монастыри.—Жизнь и нравы монаховъ . . . . . .

БОЛГАРІЯ.

Стр.

Прошлая судьба болгаръ. — Фанаріоты и ихъ вліяніе. — Ненависть всѣхъ славянъ къ фанаріотамъ. — Положеніе народа и его отношеніе къ туркамъ 83

Гайдуки. — Ненависть къ туркамъ. — Сама природа способствуетъ распространенію разбойничества. — Видъ Балканскихъ горъ. — Пастухи и болгарскія повѣрья. 90

Помаки: ихъ нравы и обычаи. — Павликіане. — Семейный бытъ болгаръ.—Болгарка: ея одежда и характеръ. — Занятія болгаръ и ихъ праздники 92

Свадебные обряды и пиршества 99

ЧЕРНОГОРІЯ.

Природа страны 102

Каттарскій заливъ. — Промышленность, торговля и занятія народа. — Черногорка: ея наружность, одежда и положеніе въ семьѣ. — Черногорецъ: его образъ жизни, понятія и отношенія къ женщинѣ 103

Воспитаніе черногорца и его посвященіе въ юнаки 111

Какъ живутъ черногорцы. — Ихъ жилища. — Семейная жизнь. — Почтеніе къ старшимъ. — Любовь сестры къ брату.—Пища. — Страсть черногорца къ трубкѣ.— Семейный очагъ. — Пѣсни. — Танцы. — Черты изъ прошлой жизни. — Народныя суевѣрія 114

Побратимство. — Четованіе. — Ускоки. — Поединки и кровомщеніе; строгое преслѣдованіе ихъ въ настоящее время. — Свадьба и похороны. — Религія, церковь и образованіе 120

Цетинье. — Княжескій дворецъ. — Нынѣшній князь. — Образъ правленія.—Сенатъ. — Тяжбы. — Жизнь цетинскихъ гражданъ. — Законы страны 129

СЕРБІЯ.

Когда и откуда пришли сербы и хорваты въ Задунайскія Княжества. — Какъ и почему подпали они подъ чужое вліяніе. — Природа, климатъ и горы Сербіи. — Морава и ея значеніе для страны. — Шумадія 135

Нѣсколько словъ о прошлой судьбѣ сербскаго народа. — Четырехвѣковое рабство сербовъ. — Униженіе и несчастія, которыя они выносили отъ турокъ. — Ихъ освобожденіе отъ ига, и права, которыя они пріобрѣли 138

Какъ нынче живутъ сербскіе поселяне. — Жилище серба. — Его наружный видъ и внутреннее убранство. — Пища. — Задруга: ея характеръ и значеніе.—Женщина и ея положеніе въ семейной общинѣ. — Старѣйшина: его обязанности и отношеніе къ остальнымъ членамъ. — Задругари. — Привязанность сербскихъ женщинъ къ своимъ братьямъ. — Моба. — Хорошія и дурныя стороны семейно-общинныхъ отношеній. — Раздѣлъ задруги и его послѣдствія 143

Характеръ, наружность и одежда мужчинъ и женщинъ.—Женскія притиранія.— Религіозность серба. — Церкви и монастыри — мѣста молитвы и народныхъ увеселеній. — Суевѣріе народа и знахарки. — Народныя пѣсни. — Ихъ любимый богатырь Марко-Кралевичъ. — Отношенія другъ къ другу разныхъ сословій 153

Занятія народа.—Ремесла и презрѣніе къ нимъ серба.—Земледѣліе.—Первобытный способъ обработки земли и плохія орудія. — Посѣвъ и молотьба. — Маисъ и зерновой хлѣбъ. — Фруктовыя деревья. — Винодѣліе. — Скотоводство. — Свиньи и роль, которую играютъ эти животныя въ сербскомъ хозяйствѣ. — Шелководство. — Пчеловодство. — Лѣсоводство 163

Сербскіе праздники.—Свадьба.—Слава и здравицы 167

Государственное устройство. — Султанъ и его сюзеренныя права въ Сербіи.— Сербскій князь и его значеніе въ странѣ. — Скупштина. — Сенатъ. — Чиновничество. — Образованіе и школы 173

РУМЫНІЯ.

Стр.

Прошлая судьба этого народа.—Значеніе боярства.—Признаніе покровительства Оттоманской имперіи обѣими княжествами. — Грабежи пашей. — Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ. — Замѣна ихъ фанаріотами. — Послѣдствія ихъ господства въ странѣ. — Освобожденіе 177

Богатая природа страны: животныя и растенія. — Тарантулъ и саранча. — Золото. — Каменная соль.—Бѣдность домашней обстановки простолюдина. — Его пища и одежда. — Отсутствіе типа и его причины. — Происхожденіе румынской народности. — Языкъ. — Пѣсни.—Другія племена, населяющія Румынію: евреи и цыгане.— Религія румынъ и ихъ духовенство. — Браки. — Монастыри 182

Желѣзныя ворота. — Изъ Журжи въ Бухарестъ.—Видъ этого города издали. — Климатъ страны.—Землетрясенія.—Котроценскій монастырь.—Внѣшній видъ улицъ.— Что представлялъ этотъ городъ 25 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь. — Подемогошу—главная улица теперь и прежде. — Цисмеджу. — Лаутари 191

Бояре: ихъ дворцы и жизнь.—Среднее сословіе.—Крестьяне и ихъ занятія: земледѣліе и скотоводство. — Характеръ народа 197

Увеселенія румынъ. — Ярмарка и праздникъ Мози. — Калюзари. — Народныя пляски. — Казино и его значеніе для румынъ 201

ГРЕЦІЯ.

Географическое положеніе греческаго полуострова. — Характеристика страны и первое знакомство съ нею 205

Пирей. — Солнечный закатъ. — Одежда грековъ и гречанокъ.—Дорога изъ Пирея въ Афины 208

Афинъ.—Бѣдствія и превратности судьбы этого города.—Храмъ Тезея.—Холмъ Пниксъ. — Ареопагъ. — Акрополь. — Пропилеи.—Пинакотека.—Храмъ Безкрылой Побѣды. — Парфенонъ.—Видъ этихъ памятниковъ въ настоящее время и ихъ значеніе въ прошломъ 211

Новый городъ. — Неудачный выборъ мѣстности для греческой столицы.—Внѣшній видъ нынѣшнихъ Афинъ. — Садъ королевы Амаліи.—Улицы и постройки —Внутреннее убранство домовъ. — Уличная жизнь. — Похоронныя процессіи.—Общественная жизнь столицы. — Знать и высшее общество. — Афины зимою и лѣтомъ. . . 218

Окрестности Афинъ.—Колонъ.—Деревенскія жилища.—Народъ: его характеръ и пища 224

Промыслы и занятія народа.—Мраморныя богатства грековъ.—Земледѣліе; его жалкое состояніе. — Что сдѣлала Греція для улучшенія своего быта за послѣднее 50-ти-лѣтіе. — Торговый и промышленный духъ народа 226

Образованіе.—Первоначальное образованіе. — Университетъ. — Страсть греческаго народа къ наукѣ. — Лишенія университетской молодежи. — Какая карьера предстоитъ въ будущемъ образованному греку. — Женскій институтъ Арсакеонъ . . . 229

Суевѣрія.—Повѣрья и примѣты простолюдина.—Вриколаки: страхъ, который причиняетъ грекамъ это повѣрье —Сходство между суевѣріями древнихъ и новыхъ грековъ. 233

Греческіе обряды. — Знакомство молодежи между собою.—Обрученіе.—Обычай молчанія. — Бракъ и церемоніи, какими онъ сопровождается. — Похороны. — Миріологи. — Посты и другіе религіозные обряды. — Пѣсни и ихъ значеніе для грековъ.— Слѣпые пѣвцы 236

Какъ веселятся и проводятъ праздники нынѣшніе греки. — Праздникъ Василія Великаго. — Какъ встрѣчаютъ въ деревняхъ 1-е Марта.—Страстная недѣля.- Первые дни Пасхи. — Праздникъ въ храмѣ Тезея.—Танцы. — Романка—любимый народный танецъ. — Попытка возстановить Олимпійскія игры 239

Разбойничество.—Причина этого явленія во время господства турокъ.—Клефты —Арматолы: ихъ положеніе и разрывъ съ турками.—Характеръ и обычаи клефтовъ.—Ихъ значеніе въ странѣ, ихъ пѣсни и борьба за независимость [illegible]

Стр.

Нынѣшніе разбойники.—Ихъ отношеніе къ правительству и образъ жизни.—Тщетныя попытки правительства уничтожить разбойниковъ.—Убійство на Марафонѣ. . . . 243

Положеніе народа и государства съ 1833 года до 1862.—Конституція страны.—Выборы.—Тайная подача голосовъ 252

ИТАЛІЯ.

Характеръ итальянскаго побережья: восточный и западный берегъ.—Маремы.—Несчастное положеніе рабочихъ въ этихъ мѣстностяхъ.—Богатая южно-итальянская растительность и ея значеніе для жителей 256

Венеція.—Лагуны и водяныя улицы Венеціи.—Прошедшая и настоящая жизнь этого города.—Венеціанцы: нищіе и гондольеры.—Приливъ и отливъ.—Ночныя серенады.—Дворецъ дожей 261

Римъ.—Первое впечатлѣніе.—Храмъ св. Петра.—Ватиканъ.—Пантеонъ.—Капитолій.—Колизей и его прошлое значеніе для Рима.—Уличная жизнь.—Балъ натурщицъ.—Климатъ римскій. 271

Страсть итальянца къ церемоніямъ и къ различнымъ зрѣлищамъ. — Карнавалъ.—Конфектный и цвѣточный ливень 277

Вербное Воскресенье и приготовленія къ этому празднику 281

Представленія восковыми фигурами страданій различныхъ мучениковъ. — Капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями.—Катакомбы. 283

Страстная недѣля. — Страстная среда. — Сикстинская капелла.—Miscrere.—Страсть итальянцевъ къ музыкѣ.—Чистый четвергъ.—Страстная пятница 284

Театръ маріонетокъ на Монтапарѣ и театръ Св. Аполлинарія 286

Площадь Навона и ея Dottori promoti 289

Проповѣдь дѣтей.—Мадонна въ церкви Св. Августина.—Бамбино.—Пилигримы. 292

Римская Кампанья.—Работы въ Капаньѣ.—Выходъ на жатву.—Сельское хозяйство Кампаньи.—Сборъ винограда и выдѣлываніе вина.—Шествіе Бахуса.—Свадьбы. 295

Въ Понтійскихъ болотахъ и на берегу 299

Неаполь.—Чудный видъ неаполитанскаго залива.—Уличная жизнь и движеніе.—Удовольствія средняго класса.—Развлеченія народа.—Чудо кипѣнія крови 300

Геркуланъ.—Изверженіе Везувія.—Помпея.—Видъ Везувія 303

Капри.—Природа этого острова.—Виноградари.—Рыбаки.—Дѣти и женщины.—Лазурный гротъ 308

Танцующія башни Нолы 312

Сицилія.—Мессина.—Природа острова по берегамъ и внутри страны.—Сирокко.—Пѣвцы и состязаніе поэтовъ.— Жатва.—Ловля тунцовъ.—Джирженти и сицилійскіе сѣрныя копи.—Рабочіе.—Значеніе сѣры въ странѣ и вывозъ ея за границу 314

Земледѣліе и крестьяне.—Положеніе крестьянъ арендаторовъ и условія, которыя они заключаютъ съ землевладѣльцами.—Ихъ семейная жизнь и домашняя обстановка.—Итальянскій народъ, его дурныя и хорошія стороны.—Страсть итальянца къ зрѣлищамъ и причина этаго явленія.—Разбойничество.—Образованіе 319

ИСПАНІЯ.

Черезъ Баскскія провинціи, по старой Кастиліи въ Мадридъ. — Баски и ихъ отношеніе къ Испаніи. — Природа Баскскихъ провинцій. — Басконка. — Басконецъ.—Ихъ понятія и горячая любовь къ родинѣ.—Старая Кастилія и тяжелое впечатлѣніе, какое она производитъ.—Почему испанцы плохіе земледѣльцы 326

Путешествіе на мулахъ. 330

Мадритъ. — Окрестности испанской столицы. — Ея убійственный климатъ.—Пуэрта-дель-Сель.—Одежда.—Эскуріалъ.—Прадо.— Мадриліанки 331

Путешествіе изъ Мадрита черезъ Кордову въ Севилью. — Аранхуэсъ. — Плодородіе его почвы.—Провинція Ла-Манчъ. — Ея жители и ихъ дурная слава. — Альма-

Стр.

денъ и его ртутныя копи. — Рабочіе. — Сьерра-Морена. — Жители и природа этой мѣстности. — Слѣды Мавританскаго владычества. — Испанскій народъ, его прошедшее и настоящее. — Кордова. — Характеръ построекъ этого города и жизнь въ немъ 336

Севилья. — Севильскіе дома и ихъ внутренніе дворики. — Вечеръ. — Ночныя сцены. — Соборъ. — Живопись и скульптурныя произведенія церкви de la Caridad. — Альказаръ. — Севильскіе цирюльники. — Предмѣстье Тріаны и его жители 346

Занятія жителей и ихъ промыслы. — Земледѣліе. — Водяной судъ. — Алоэ. — Его значеніе для мѣстныхъ жителей. — Виноградники Хереса и виноделіе — Оливы и оливковое масло. — Апельсинныя рощи. — Фиговыя пальмы. — Овцы: ихъ громадное значеніе для страны. — Жизнь испанскихъ фабричныхъ рабочихъ: ихъ жилища и заработокъ . 350

Типы испанскихъ пролетаріевъ. — Нищіе. — Разбойники. — Контрабандисты. — Шарраны. — Бреттёры. — Цыгане. — Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни 355

Времяпрепровожденіе испанца. — Сіэста. — Тертулія. — Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ молодыхъ людей. — Пища 362

Религіозные праздники и процессіи. — Страстная недѣля. — Пазо и ихъ значеніе во всѣхъ испанскихъ празднествахъ. — Праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря въ Альмеріи. — «Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ. — Костюмъ «шести». — Испанское богомолье 363

Народные праздники. — Ивановъ день и праздникъ св. Георгія въ Алкоѣ. — Страсть испанца къ танцамъ. — Фандангo. — Ола. — Танецъ среди разставленныхъ стакановъ. — Ламповые балы. — Танцы съ кувшинами на головахъ. — Танцы у смертнаго одра покойника 372

Бычачьи травли. — Страсть испанца къ разнымъ боямъ. — Разница между бычачьими травлями и боемъ. — Какъ ведутъ себя испанцы во время боя 375

ПОРТУГАЛІЯ.

Историческій очеркъ. — Характеръ народа. — Языкъ. — Народное образованіе. — Климатъ. — Земледѣліе, разведеніе плодовыхъ деревьевъ и виноделіе. — Промышленность и торговля. — Положеніе сельскаго населенія. 381

Путешествіе по провинціи Миньо. — Природа этой мѣстности. — Португалецъ. — Гостинницы. — Пища. — Обиліе плодовъ. — Опорто и его постройки. — Гондолы. — Женщины. — Служителя. — Экипажи. — Страсть къ процессіямъ 385

Путешествіе изъ Опорто въ Коимбру. — Выѣздъ изъ Опорто. — Разнообразіе видовъ и богатство природы. — Пастухъ. — Провинція Бейра. — Нищіе. — Нравы бѣднаго португальскаго люда. — Коимбра и ея университетъ 389

Лиссабонъ и его окрестности. — Видъ города и его восхитительное мѣстоположеніе. — Землетрясеніе 391

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. — Всесвѣтное стремленіе въ Парижъ и причины этого явленія — Значеніе Парижа для Франціи. — Прошлое столицы. — Французскій языкъ и его значеніе. 394

Внѣшній видъ Парижа. — Его аллеи и бульвары. — Ихъ блескъ и оживленіе. — Балы и веселость парижанъ. — Уличная жизнь. — Ораторство уличныхъ торговцевъ. — Парижское благерство. 399

Сена и ея значеніе для жителей. — Спасеніе утопленниковъ. — Моргъ. — Общество спасителей 402

Парижскій центральный рынокъ. — Пуассардки. — Воришки. — Продажа объѣдковъ. 404

Парижская почта 407

Нищіе, бродяги и мошенники . . . . . [illegible]

Подземный Парижъ и его клоаки. . . . . [illegible]

Характеръ французскаго народа. — Его хорошія и дурныя стороны. — Француженки. — Парижанка, ея характеръ и времяпрепровожденіе. . . . . [illegible]

Стр.

Рабочіе (*ouvriers*).—Положеніе рабочихъ.—Ихъ жилища, пища, трудъ и вознагражденіе 425

Семейная жизнь французскихъ рабочихъ. — Работница и ея трудовой день.— Дѣти.— Фабричная дѣвушка и швея.—Ассоціаціи 431

Французскіе крестьяне.—Крестьянская изба и ея обстановка.—Воспитаніе дѣтей и годы юности.—Посидѣлки.—Суевѣрія крестьянъ. 436

Французская администрація.—Общинное управленіе.—Гибельное вліяніе централизаціи. 440

Землевладѣніе. — Арендаторъ и землевладѣлецъ. — Хозяева и батраки; ихъ взаимныя отношенія.—Мелкое фермерство 442

Бретань.—Природа страны.—Ланды.—Дюны.—Топливо и какъ его добываютъ.— Сборъ водорослей и опасности, съ нимъ сопряженныя.— Береговое право и его безчеловѣчныя послѣдствія.—Причины бѣдности бретонца.—Его обстановка и пища.— Характеръ народа.— Семейство бретонца. — Праздникъ «отпущенія».— Продажа женскихъ волосъ.—Свадьба.—Погребеніе. 445

Вандея. — Природа.—Вандейскія дороги.—Бокажъ.—Марэ.—Равнина.—Жители этихъ мѣстностей, ихъ жилища и занятія: охота за ехиднами, ловля піявокъ и мануфактурная промышленность.— Пляска нищихъ.— Священники и ихъ отношеніе къ народу. 455

Департаментъ Мэны и Луары.—Роскошная природа этой мѣстности.—Страсть здѣшнихъ крестьянъ къ пріобрѣтенію земли. — Луара: польза и вредъ, которые она приноситъ жителямъ 459

Департаментъ Майенны и Сарты.—Нравы жителей и ихъ занятія.—Праздникъ снопа 461

Нормандія.—Природа страны.—Прекрасное состояніе фермъ.—Обстановка жилища.—Яблони и сидръ.— Богатыя пастбища и разнообразное сельское хозяйство.— Откармливаніе тощихъ быковъ.—Перемежающіеся источники.—Земледѣліе.—Торговля и промышленность.—Кормилицы.—Нормандскій крестьянинъ: его характеръ, понятія и вѣрованія.—Одежда. 463

Департаменты: Сѣверный, Соммы, Па де-Кале. (Прежнія провинціи: Фландрія, Пикардія, Артуа). — Мѣстная природа. — Блестящее состояніе земледѣлія. — Занятія жителей.—Воздѣлываніе свекловицы. — Характеръ народа и его привычки.— Игры и удовольствія. 471

Острова и берега океана.—Характеръ, нравы и занятія жителей.—Тяжелый женскій трудъ; независимость женщинъ. — Ловля сардинокъ, устрицъ и добываніе соли.—Бѣдняки и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ жителей. 474

Шампань.—Несчастная природа Шампани прежде и ея производительность теперь.—Приготовленіе шампанскаго. — Погреба для винъ и опасности, которымъ подвергаются въ нихъ рабочіе.—Виноделы и ихъ положеніе 477

Образованіе.—Прошлое и настоящее французскихъ народныхъ школъ.—Парижскія школы.—Воспитаніе въ среднеучебныхъ заведеніяхъ.—Конкурсы и ихъ значеніе для воспитанниковъ и начальства.—Высшія учебныя заведенія. 479

ШВЕЙЦАРІЯ.

Альпы. — Характеристика горной области: жизнь, движеніе и богатство окружающей природы. — Климатъ. — Фёнъ и его вліяніе на природу, людей и животныхъ. — Туманы.—Времена года въ горной области.—Горные потоки и вредъ, приносимый ими жителямъ.—Майскіе ключи.—Пещеры 486

Богатство и разнообразіе растительности горной области. — Кукуруза. — Виноградная лоза.—Каштаны.—Ихъ польза и значеніе для мѣстныхъ жителей.—Цвѣты.— Животная жизнь.—Пернатые обитатели.—Дѣвственные альпійскіе лѣса.—Заповѣдные лѣса.—Вліяніе лѣса на климатъ и почву.—Ужасныя послѣдствія истребленія лѣсовъ. 491

Водопады 494

Обвалы.—Разрушеніе Гольдау.—Чудные случаи спасенія.—Обрывы отдѣльныхъ

Стр.

большихъ камней. — Причина такихъ обваловъ и обрывовъ. — Что можетъ помочь этому горю 496

Лавины: ихъ страшныя послѣдствія.—Порошистыя лавины.—Какъ деревня Руэрасъ ночью была сдвинута лавиной. — Муки засыпанныхъ снѣгомъ. — Счастливые случаи избавленія.—Когда падаютъ твердыя лавины.— Инстинктъ животныхъ, предугадывающихъ паденіе лавинъ.—Картина обвала.—Лѣса, какъ охрана отъ лавинъ . . 499

Альпійская область.—Ея растительноеть.—Характеръ природы выше 6,000 ф.—Мхи.—Малорослая сосна.—Альпійская роза.— Озера. — Грязные потоки.— Кристаллическія пещеры.—Лапіазы.—Животныя этой полосы и ихъ жизнь 502

Серны.—Альпійскій охотникъ и его жизнь 507

Альпійскія пастбища.—Торжественный выгонъ скота въ первый день весны.—Смышленность альпійскаго рогатаго скота.—Шалэ и ихъ значеніе.—Жизнь пастуха.—Aelplerkilwi. 510

Альпійскіе козопасы.— Ихъ несчастная жизнь и опасности, которымъ они подвергаются. 513

Косцы и дровосѣки.—Опасности, которыми они окружены 515

Искуственныя дороги и мосты.—Страннопримные монастыри 517

Снѣжная область.—Грозныя явленія природы въ этой области.—Красный снѣгъ 519

Ледники.—Какъ и почему они образуются.—Какую пользу приносятъ ледники.—Ручейки и озерки. — Голубые своды надъ потоками. — Цвѣтъ ледника. — Вкусъ его воды.—Движеніе.—Отчего происходятъ трещины 521

Политическое устройство.—Дѣленіе Швейцаріи на кантоны.—Ихъ политическое значеніе.—Языкъ народа.—Власть законодательная и исполнительная.—Кантонъ Ури: его нравы, обычаи, преданія и политическое устройство.—Майское собраніе 527

Община. — Ея значеніе для гражданъ. — Гейматлозы.—Положеніе бѣдныхъ.—Общинныя власти и ихъ обязанности.—Общинныя земли. 535

Семейная жизнь швейцарцевъ.—Товарищества однолѣтокъ.—Значеніе женщины.—Воспитаніе дѣтей.— Вечернее времяпрепровожденіе.— Свадьба. — Воскресный день.—Швейцарскія церкви.—Танцы и пристрастіе къ нимъ молодежи.—Метаніе камней.—Похороны 538

Занятія народа дома и на чужбинѣ. — Рабочіе: ихъ характеръ и отношенія къ фабриканту 542

Народные праздники.—Праздники: стрѣлковъ, пѣвцовъ и борцовъ.—Народныя представленія на открытомъ воздухѣ. — Мѣстные праздники: виноградарей въ Веве; празднованіе масляницы въ Базелѣ; сожиганіе зимы въ Цюрихѣ 544

Образованіе.—Школьныя зданія. — Положеніе учителя.— Отношеніе народа къ школѣ.—Обученіе.—Кретины и другіе больные 550

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

Страницы.

1. Турецкая кофейня . . . . . 14—15
2. Турецкое кладбище. . . . . 18—19
3. Гаремныя затворницы . . . . . 42—43
4. Албанцы . . . . . 54—55
5. Болгары: сборъ винограда . . . . . 98—99
6. Черногорцы. . . . . 104—105
7. Сербы: ихъ праздникъ крстно имя . . . . . 170—171
8. Румыне, слушающіе игру лаутари . . . . . 186—187
9. Греки. . . . . 224—225
10. Набережная въ Венеціи передъ дворцомъ дожей . . . . . 264—265
11. Римляне. . . . . 274—275
12. Выносъ папы. . . . . 282—283
13. Уличная жизнь въ Неаполѣ. (Направо уличный писецъ) . . . . . 302—303
14. Путешествіе по испанскимъ дорогамъ . . . . . 330—331
15. Испанскій танецъ. . . . . 374—375
16. Бой быковъ. . . . . 378—379
17. Португальцы. . . . . 388—389
18. Парижскій рабочій людъ: пуассардка, торгующаяся съ блузникомъ; подлѣ его жена; сзади тряпичникъ и рабочій въ стокахъ. . . . . 428—429
19. Бретонцы и ихъ праздникъ «отпущенія» . . . . . 454—455
20. Нормандцы . . . . . 262—463
21. Жители западнаго побережья Франціи . . . . . 474—475
22. Альпійскій охотникъ . . . . . 508—509
23. Швейцарцы и альпійское хозяйство. (Налѣво швейцарка изъ кантона Берна) . . . . . 512—513
24. Альпійскій косецъ . . . . . 516—517
25. Ледники . . . . . 524—525

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТУРЦІЯ.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

Какое впечатлѣніе производитъ этотъ городъ. — Значеніе водъ для Константинополя.—Сераль.— Изнанка турецкой столицы. — Улицы .— Дома.—Собаки. — Нищіе.—Базары. — Безестенъ и базаръ оружій.—Молитва магометанъ.—Какое значеніе имѣетъ для турка его кейфъ. — Турокъ на улицѣ и дома.

Ни одинъ городъ въ мірѣ не представляетъ такихъ крайнихъ противоположностей, какъ Константинополь. По единодушному отзыву всѣхъ путешественниковъ — это городъ полный замѣчательнаго великолѣпія и блеска и въ тоже время невообразимой грязи и крайней нищеты... На каждомъ шагу вы тамъ встрѣтите то поразительную, своеобразную красоту природы, то сцены, до глубины души возмущающія душу и унижающія всякое человѣческое достоинство. Впрочемъ первое впечатлѣніе обыкновенно бываетъ чрезвычайно пріятное.

Прежде чѣмъ подъѣхать къ Босфору (Константинопольскій проливъ), вы оставляете позади себя Принцевы острова, которые точно корзины съ роскошною зеленью плаваютъ въ Мраморномъ морѣ... Но вотъ вы повернули на лѣво, на голубую водную площадь Константинопольскаго залива, который называется Золотымъ Рогомъ и бросили тутъ якорь среди цѣлаго лѣса мачтъ съ разноцвѣтными флагами всѣхъ націй. Не только Венеція съ своими мраморными дворцами среди волнъ, но, по мнѣнію многихъ, даже и Неаполь съ своими волшебными окрестностями и вѣчно дымящимся, грознымъ Везувіемъ, не очаруетъ васъ такъ, какъ Константинополь въ первую минуту!

Этотъ городъ разсыпанъ на возвышенныхъ холмахъ и раздѣленъ Константинопольскимъ проливомъ на двѣ главныя части: на Европейскую и Азіатскую. Европейскую часть можно назвать всемірнымъ портомъ, такъ какъ тутъ можно видѣть представителей всѣхъ частей свѣта.

Чудныя воды самое лучшее украшеніе этого города. Голубое море съ разныхъ сторонъ вторгается въ него, омываетъ его въ сотнѣ разныхъ видовъ и тѣмъ придаетъ каждой его части особую, характерную физіономію.

То вбѣгаетъ оно въ середину его заливами, то принимаетъ въ себя рѣки,

которыя тихо катятся по предмѣстьямъ, огибая мысы и островки, застроенные древними зданіями; часто волны смѣло подходятъ къ подножію кіосковъ (*) и башенъ, и серебрянныя брызги влетаютъ въ отворенныя окна домовъ... Тогда занавѣси, какъ паруса надуваются отъ вѣтра.

Что ни шагъ, то новая, невыразимо прекрасная картина! Тутъ множество небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ, блещутъ и сверкаютъ среди сумрачной зелени; тамъ громадная мечеть таинственно смотрится въ неподвижную воду залива, по которому мелькаютъ быстрые каики (лодки). Но вотъ поверхность сонныхъ водъ вдругъ рябится длинными полосами, вы думаете, что откуда нибудь подулъ вѣтерокъ, но вмѣсто бѣлоголовыхъ валовъ показываются тысячи черныхъ, блестящихъ треугольниковъ, и въ ту же минуту цѣлое стадо дельфиновъ подымаетъ изъ воды свои головы, чтобы подышать воздухомъ... Черезъ мгновеніе они снова нырнули въ глубь и появляются также внезапно въ другомъ мѣстѣ и уже не головой, а хвостомъ и затѣмъ начинаютъ кувыркаться, прыгать и прятаться въ волнахъ, которыя они поднимаютъ въ своей забавной рѣзвости. Иногда отдѣлившись отъ товарищей, кучка дельфиновъ въ пять, шесть штукъ вдругъ бросается за каикомъ и долго, долго его провожаетъ.

Также разнообразятъ эту прелестную картину чайки, крикливыя стаи которыхъ покрываютъ море и набережныя. Какъ граціозно полощутся онѣ въ волнахъ, выставляя свою бѣлоснѣжную шейку и головку. Вотъ онѣ взвились вверхъ, а черезъ мгновеніе опустились такъ низко, что гребцы чуть чуть не задѣваютъ ихъ своими веслами.

Надъ чудною голубою водяною площадью, замкнутой слѣва сералемъ (**), подымается городъ, расположенный амфитеатромъ на семи холмахъ: онъ представляетъ огромную массу строеній, а развалившіяся стѣны опоясываютъ его кругомъ, — и все это утопаетъ въ роскошной зелени!... Только тамъ и сямъ живописно возвышаются, среди стоящихъ группами кипарисовъ, раззолоченные кіоски да мечети (магометанская церковь), окруженныя тѣнистыми садами, ярко сверкаютъ на солнце своими золотыми полумѣсяцами. Тонкія иглы минаретовъ (***), представляются взору какими-то исполинскими свѣчами изъ бѣлаго воска и волшебно сверкаютъ въ чудной синевѣ неба.

Позади, на Азіатскомъ берегу, тянется другой, слегка выгнутый амфитеатръ строеній необыкновенно граціозно и фантастично осѣненный и испещренный зеленью. Съ своими чудными водами и необъятными ~~монетями~~, ~~съ~~ стройными кипарисами и древними башнями, наконецъ съ своими плѣнительными долинами, по которымъ разгуливаютъ люди чуть ли не всѣхъ націй, Константинополь необыкновенно поражаетъ путешественника и переноситъ его въ какой-то сказочный міръ, ни съ чѣмъ другимъ не имѣющій сходства.

Самый поэтическій уголокъ Константинополя,—это сераль—дворецъ султана, который расположенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Византія.

И дѣйствительно, мѣстоположеніе сераля превосходитъ всякое описаніе.

Съ одной стороны Константинопольскій портъ, названный Золотымъ Рогомъ, представляетъ глубокую перспективу многихъ тысячь домовъ и кораб-

---

(*) Кіоскъ — родъ бесѣдки съ выдавшеюся впередъ разукрашенною и раззолоченною крышею. Внутри эти кіоски бываютъ иногда отдѣланы съ необыкновенною роскошью.

(**) Дворецъ султана — турецкаго властелина.

(***) Съ высоты этихъ минаретовъ пять разъ въ день возвѣщаютъ магометанамъ о началѣ молитвы.

лей, откуда отлично видно предмѣстье Эюбъ, надъ которымъ возвышаются холмы Стамбула и Перы; затѣмъ взоры утопаютъ въ горизонтѣ Мраморнаго моря... Азіатскій берегъ отсюда своеобразно живописенъ: онъ является вамъ безконечною цѣпью цвѣтущихъ холмовъ, предмѣстій, долинъ и садовъ... Взглянете вы послѣ этого на Босфоръ, и васъ приковываетъ къ себѣ его живая, кипучая дѣятельность: легкіе каики (турецкія лодки) легко и ловко скользятъ по гладкой поверхности, съ какою-то нѣгою покачивая гребцовъ въ полосатыхъ рубахахъ и турокъ въ фескахъ (*), или въ бѣлыхъ чалмахъ (**), которые сидятъ на разосланныхъ коврахъ и подушкахъ, поджавъ подъ себя ноги калачикомъ. Но всего замѣчательнѣе то, что множество самыхъ разнообразныхъ видовъ и прелестныхъ окрестностей, нисколько не подавляютъ и не уменьшаютъ своеобразной красоты сераля. Это происходитъ отъ того, что сераль представляетъ не одно какое нибудь сплошное зданіе въ родѣ европейскихъ дворцовъ, — а цѣлый лабиринтъ маленькихъ правильныхъ зданій, окруженныхъ садами и кипарисами, иногда совсѣмъ купающихся въ морѣ...

Въ серальскій дворецъ рѣшительно не возможно проникнуть безъ особеннаго на то разрѣшенія, но если оно и дано, то все-таки гяурамъ (такъ называютъ турки всѣхъ иностранцевъ) не доступны весьма многія мѣста сераля.

Большія ворота сераля находятся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мечети святой Софіи. Между ними устроенъ чудный фонтанъ. Турки чрезвычайно любятъ фонтаны и ихъ очень много въ Константинополѣ, только здѣсь они имѣютъ совершенно другой видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Фонтаны въ Римѣ, да часто и въ другихъ мѣстахъ на югѣ устроены такъ, что вода бьетъ изъ подземельной трубы на извѣстную высоту, а здѣсь она обыкновенно вытекаетъ изъ четырехугольнаго каменнаго строенія, украшеннаго широкою, вызолоченною крышею. Иногда же, какъ напр. въ предмѣстьѣ Эюбъ, вода не вытекаетъ сама собой, а люди стоятъ за золотой рѣшеткой, нацѣживаютъ ее въ сосуды и за мелкую монету подаютъ ее въ стаканахъ прохожимъ.

Но возвратимся къ Сералю. Вступивъ въ его ограду, прежде всего встрѣчаешь греческую церковь, въ которой сдѣлано теперь нѣчто въ родѣ оружейной палаты: тутъ показываютъ разныя оружія и сабли многихъ султановъ, знамена и ключи, пышно отдѣланныя и хранимыя въ большихъ футлярахъ. Второй дворъ прекрасно обсаженъ деревьями. Съ одной стороны его находится султанская кухня, а съ другой великолѣпно отдѣланный кіоскъ, гдѣ угощаютъ пословъ до представленія ихъ султану. Но украшенія и позолота этого великолѣпнаго кіоска не столько въ турецкомъ, сколько во французскомъ вкусѣ 18-го столѣтія. Впрочемъ и другія достопримѣчательности сераля: мраморныя ванны, бани, фонтаны, арабески и т. п. украшенія, кото-
рыя встр
я здѣсь повсюду, представляютъ смѣсь грубыхъ азіатскихъ по-
нятій и
— съ нѣкоторымъ вліяніемъ древней Византіи и внѣшняго по-
дражані
ейцамъ. Далѣе идти уже нельзя, тамъ за стѣнами—султанскій
гаремъ
дятъ жены султана и входъ въ который запрещенъ не только
иновѣ
о, кромѣ самого хозяина, рѣшительно всѣмъ мущинамъ на свѣтѣ.
рили все о внѣшности Константинополя, заглянемъ же теперь
, пройдемся по его улицамъ, приглядимся къ его жизни и движенію.
внутр

а—это плотно прилегающій къ бритой головѣ колпакъ съ цвѣтною кисточкою
ма перекрученный платокъ, которымъ нѣсколько разъ обвертываютъ голову.

Чѣмъ сильнѣе былъ вашъ восторгъ при видѣ Константинополя съ моря, тѣмъ сильнѣе будетъ разочарованіе, когда вы его увидите вблизи. О площадяхъ здѣсь нѣтъ и помину. Весь городъ состоитъ изъ тѣсныхъ, кривыхъ закоулковъ, небрежно вымощенныхъ камнемъ, съ грудами мусора, костей, гнилыхъ овощей и другихъ нечистотъ: все это выбрасывается здѣсь безъ всякой церемоніи прямо на улицы, которыя рѣдко метутся, такъ что вся эта дрянь часто здѣсь перегниваетъ. Все это, разумѣется, страшно заражаетъ воздухъ и поддерживаетъ чуму и другія страшныя мѣстныя болѣзни. Нечистота и смрадъ еще болѣе увеличивается отъ несмѣтнаго числа отвратительныхъ, паршивыхъ собакъ, которыя въ каждомъ закоулкѣ, на каждомъ перекресткѣ, цѣлыми десятками грызутся между собой и разрываютъ нечистоты. И тутъ подлѣ нихъ валяются такими же десятками и такія же грязныя, худые, искалѣченные и паршивые, какъ собаки, (какъ ни ужасно это слово въ примѣненіи къ человѣку)—нищіе. Собакъ и нищихъ здѣсь отъ того такъ много, что и тѣ и другіе пользуются благотворительностію правовѣрныхъ (такъ называютъ себя сами магометане). Ихъ религія, какъ на одну изъ самыхъ главныхъ обязанностей человѣка, указываетъ на милостыню,—вотъ турки и подаютъ милостыню одинаково щедро, какъ собакамъ, такъ и нищимъ. Ясно, что по этому самому число тѣхъ и другихъ неимовѣрно увеличивается съ каждымъ годомъ, и потому, не смотря на всѣ старанія правовѣрныхъ, ихъ милостыня все скуднѣе прокармливаетъ этихъ несчастныхъ существъ и видъ ихъ становится все болѣе ужаснымъ. «Кто не видалъ», говоритъ одинъ русскій путешественникъ, «Константинополя, тотъ и понятія не имѣетъ о нищихъ и калѣкахъ. Что значатъ передъ ними тѣ уроды, съ подрѣзанными жилами, которыхъ возили бывало въ телѣжкахъ по русскимъ ярмаркамъ и богомольямъ. У кофеенъ, при входахъ въ мечети и на ступеняхъ фонтановъ вы встрѣчаете безпрестанно нищихъ, почти голыхъ, съ однимъ обрывкомъ какого-нибудь грязнаго рубища на поясѣ, съ татуированной грудью, съ отвратительной наготою кровавыхъ ранъ. Никогда не забуду я страшнаго существа, которое мы видѣли у Галатскаго моста. Это былъ человѣкъ сухой и желтый, съ острой бородкой и мелкими зубами, какъ перловая крупа. Вокругъ пояса висѣли у него какія-то темныя лохмотья, а на головѣ желтое рубище, изъ-подъ котораго вмѣсто ушей виднѣлись одни слуховыя отверстія. На обнаженной груди его наколотъ былъ черный узоръ, затертый порохомъ, а на правомъ плечѣ вмѣсто руки остались только страшные слѣды грубой операціи. Отрѣзанная рука, искусно высушенная, съ растопыренными вѣеромъ пальцами, вдѣлана была въ деревянную подставку, похожую на подсвѣчникъ, и стояла передъ хозяиномъ въ качествѣ возбуждающей къ состраданію вывѣски. Въ лѣвой рукѣ держалъ онъ длинную трубку, а у ногъ его стояла деревянная чашечка съ мѣдными деньгами. Какой-то прохожій турокъ, старикъ въ чалмѣ и халатѣ, замѣтивъ, что трубка погасла въ рукѣ калѣки, остановился, набилъ ее изъ своего кисета и всунулъ ему въ ротъ. Нищій пробормоталъ благодарственное: Аллахъ вересынъ! и предался кейфу въ струяхъ табачнаго дыма.

Проходя мимо, я бросилъ ему нѣсколько мѣдныхъ паръ. Онъ свирѣпо окинулъ меня взглядомъ, съ круглой шляпы до сапогъ, и проводилъ хриплымъ привѣтствіемъ: — да спалитъ Аллахъ всѣхъ гяуровъ въ вѣчномъ огнѣ!»

Не менѣе грустное зрѣлище представляютъ и дома вблизи. Вдоль чрезвычайно узкихъ улицъ тянутся въ два ряда деревянные домики грязно-краснаго цвѣта, сколоченные изъ дурно обтесанныхъ досокъ, съ зелеными рѣшет-

ками въ окнахъ. Верхніе этажи какъ-то алиповато выступаютъ впередъ; кіоски, такъ восхищающіе издали, оказываются безобразными старыми постройками; зубчатыя стѣнки, такъ мило выглядывавшія на синевѣ моря, теперь оказываются просто развалившимися стѣнами, какой-нибудь самой ничтожной постройки. Правда, что и въ самыхъ грязныхъ улицахъ, подлѣ цѣлой кучи нестройныхъ, полуразваливщихся избушекъ, очень часто встрѣтишь мраморные кіоски, великолѣпную мечеть и изящный арабскій фонтанъ..., но всякое болѣе или менѣе красивое зданіе обставлено грязными лавченками, или грудами обгорѣлыхъ бревенъ отъ пожаровъ, которые при множествѣ деревянныхъ построекъ случаются тутъ почти каждый день. Да наконецъ безъ дворцовъ и фонтановъ, Константинополь походилъ бы не на столицу, а на безпорядочныя палатки цыганъ, или какихъ-нибудь другихъ кочевниковъ, которые ужъ черезъчуръ долго загостились на одномъ мѣстѣ.

Но что же дѣлается на улицахъ? А вонъ другъ за другомъ цѣлою вереницею тянутся ослы, нагруженные сложенными на спинѣ крестъ на крестъ досками, которыя чуть-чуть не задѣваютъ дома. Тутъ же армянинъ съ необыкновенно красивыми чертами лица и въ высокой шапкѣ бодро ведетъ ослика, по бокамъ котораго болтаются кожанные мѣшки съ водою. Всѣхъ этихъ ословъ старается опередить необыкновенно странный экипажъ. На высокихъ, тяжелыхъ колесахъ безъ рессоръ, поставленъ огромный досчатый ящикъ съ рамами и съ парусинными занавѣсками, разукрашенный позолотой и рѣзьбой и запряженный парою воловъ пепельнаго цвѣта. Волы эти въ свою очередь тоже разукрашены очень оригинально—разными побрякушками, цвѣтными кистями, блёстками изъ фольги и сукопными тесемками яркихъ цвѣтовъ; вокругъ шеи ихъ виситъ множество амулетовъ, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза. Такой экипажъ называется *арба* и бываетъ обыкновенно биткомъ набитъ дѣтьми и турчанками въ яркихъ одеждахъ. А вонъ катитъ и болѣе изящный турецкій экипажъ — карета, красная снаружи и позолоченная внутри, — въ ней уже сидятъ турчанки болѣе высокаго полета: жены султана (магометане, какъ увидимъ ниже, имѣютъ по нѣсколько женъ), или какого-нибудь другаго сановитаго турецкаго вельможи.

Карета эта запряжена великолѣпными лошадьми, а очень часто и прекрасными волами: рога у нихъ вызолочены, а сами они украшены разноцвѣтною сбруею и небольшими зеркалами на лбу: при всякомъ такомъ экипажѣ, непремѣнно находится стражъ, который зорко глядитъ, чтобъ къ его каретѣ не подошелъ какой-нибудь мущина... Да не только подойти, даже посмотрѣть на женщину здѣсь можетъ только ея мужъ, — взглядъ посторонняго мущины считается преступленіемъ. Вотъ потому-то всѣ женщины покрываютъ здѣсь лицо *яшмакомъ*, т. е. покрываломъ, при которомъ только глаза и ротъ остаются свободными.

Между экипажами пробираются всадники съ длинными бородами и въ бѣлыхъ чалмахъ, а другіе въ алыхъ фесахъ съ синими кисточками,—женщины въ свѣтло-зеленыхъ, палевыхъ, розовыхъ и голубыхъ *фередже* — (такъ называютъ здѣсь плащь, который сплошь покрываетъ весь женскій костюмъ), изъ подъ котораго выглядываетъ пара цвѣтныхъ туфлей... Но вотъ мы у Гипподрома— площадь, на которой среди лабиринта смрадныхъ ямъ, грязныхъ домишекъ и притоптанныхъ кучъ мусора, виднѣются памятники древней Византіи. Входя на эту площадь отъ сераля, прежде всего вы видите большой обелискъ розоваго гранита. За нимъ стоитъ Змѣиная колонна—одинъ изъ самыхъ древнихъ па-

мятниковъ въ мірѣ. Колонна эта представляетъ три бронзовые змѣя, которые, опираясь хвостами на пьедесталъ, сплетаются въ вертикально подымающуюся колонну и на верху опять раскидываютъ головы на три стороны. Но теперь осталось одно скрученное туловище, такъ какъ турки вслѣдствіе распространившагося между ними преданія, что въ колоннѣ этой запрятано много золота, нѣсколько разъ принимались его здѣсь искать. Золота, разумѣется, никакого не нашли, а *змѣиныя головы, у дрогоцѣннѣйшаго по своей древности* памятника—пообламали. Осматривая эту колонну, случается видѣть, какъ къ ней подъѣзжаетъ тотъ или другой турецкій экипажъ. «Такъ и турки» думаетъ при этомъ обыкновенно туристъ, «придаютъ значеніе древностямъ»? и начинаетъ всматриваться въ сидящихъ въ экипажѣ. Изъ него обыкновенно выходитъ негритянка, вся въ бѣломъ; затѣмъ она высаживаетъ оттуда турчанку въ ярко-цвѣтномъ фередже окутанную бѣлымъ яшмакомъ. Турчанка, поддерживаемая своею невольницею и шлепая своими желтыми туфлями, медленно подходитъ къ рѣшеткѣ памятника. Невольница подаетъ ей горсть камней, которые она тутъ же по камешку начинаетъ бросать за рѣшетку, стараясь непремѣнно попасть въ отверстіе колонны. Турки вѣрятъ, что въ колоннѣ запрятаны всѣ злыя болѣзни, поэтому всякій выздоравливающій старается забросить камень внутрь колонны.

Походите дольше по улицамъ, и вы увидите *всю промышленность столицы.* На огромномъ дворѣ каменьщики высѣкаютъ памятники изъ бѣлаго мрамора для мусульманскихъ кладбищъ... Далѣе оружейные мастера выдѣлываютъ сабли; сзади мѣдники оглушаютъ стукомъ своихъ молотовъ.... И весь этотъ шумъ и стукъ рабочихъ, крики купцовъ, заманивающихъ въ свои лавки, (мы говоримъ о купцахъ изъ грековъ, или изъ армянъ, — турки же важно сидятъ по лавкамъ), сливается въ оглушительный концертъ, который вполнѣ замѣняетъ собою грохотъ экипажей о каменныя мостовыя въ Европейскихъ столицахъ. Впрочемъ тутъ есть и издѣлія, которыя изготовляются безъ всякаго стука; я говорю о выдѣлываніи янтарныхъ мундштуковъ и трубокъ изъ черешневыхъ и жасминныхъ тростей и всѣхъ принадлежностей дымныхъ наслажденій турка, которымъ онъ удѣляетъ большую часть своего времени. Поэтому производство трубокъ и мундштуковъ во всей Турецкой Имперіи пользуется огромною извѣстностію и поощряется всѣми жителями отъ послѣдняго бѣдняка до перваго богача. И дѣйствительно, ни въ одной странѣ въ мірѣ всѣ эти курительныя принадлежности не достигли такого разнообразія формъ, причудливыхъ украшеній, тонкой, изящной отдѣлки, какъ въ Константинополѣ.

Но чтобы составить себѣ еще болѣе ясное понятіе о Константинополѣ, необходимо посѣтить здѣшніе базары и рынки. Тутъ тѣже контрасты, какъ и въ другихъ мѣстахъ столицы: пестрота и грязь, необыкновенный смрадъ и въ то же время чудное благовоніе лавокъ, гдѣ продаются разныя душистыя эссенціи и розовыя масла, проблески восточной роскоши и нищета. Въ самой толпѣ, которая наполняетъ эти рынки, вы встрѣтите тѣ же діаметрально-противуположныя крайности. Посреди грековъ, армянъ, евреевъ, которые бѣгаютъ, суетятся, выкрикиваютъ похвалы, своимъ товарамъ, чинно проходятъ настоящіе турки Стамбула, всегда величавые, спокойные, необыкновенно молчаливые. Они никогда не затеряются въ общей массѣ базарнаго населенія, ихъ всегда можно узнать: продаютъ ли они свой товаръ, покупаютъ ли, прогуливаются, или отдыхаютъ! Вездѣ, гдѣ есть только возможность присѣсть и закурить трубку, — турокъ сядетъ, задумается, и

начнетъ пускать дымъ въ проходящихъ. Онъ не разговорится съ прохожимъ, не станетъ сообщать ему политическихъ новостей, не только никогда горячо ни съ кѣмъ не заспоритъ, но часто и на сдѣланный вопросъ не обращаетъ вниманія, а продолжаетъ курить трубку, безразлично уставившись въ пространство.... А если онъ и отвѣтитъ, то чрезвычайно кратко, чаще всего только «да» или «нѣтъ» да и проговоритъ-то это не поворачивая головы, не удостоивши ни единымъ взглядомъ того, кто съ нимъ заговорилъ. Оторвать турка отъ трубки и вывести изъ задумчивости, можетъ только пожаръ въ двухъ шагахъ да призывъ къ молитвѣ. Какимъ вы видите его здѣсь, такимъ онъ и вездѣ. Вонъ подъ широкимъ навѣсомъ платана сидятъ, поджавъ подъ себя ноги, нѣсколько молодыхъ турокъ. Они ни объ чемъ не спорятъ, не разговариваютъ между собою, а курятъ и дремлютъ, да отъ времени до времени, чтобы совсѣмъ не заснуть, развлекаютъ себя нѣсколькими глотками крѣпкаго, чернаго кофе: эту дремоту они предпочитаютъ даже сну. Турки это первый народъ въ мірѣ по умѣнью отдыхать и все-цѣло предаваться нѣгѣ, самоуслажденію, т. е. кейфу, какъ это называютъ, говоря объ нихъ. Въ эти блаженныя для турка минуты, ему не только лѣнь двигаться и говорить, но даже и думать.

Послѣ типичныхъ, оживленныхъ и энергическихъ лицъ испанцевъ, итальянцевъ, и вообще всѣхъ южныхъ жителей, европейца необыкновенно поражаютъ турки, особенно, если онъ наблюдаетъ ихъ во время ихъ продолжительнаго кейфа. Да и какъ не изумиться: сколько бы часовъ сряду ни отдыхалъ турокъ, онъ всегда сидитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, и непремѣнно молча куритъ, прихлёбывая черную гущу изъ чашки чуть-чуть побольше наперстка, или жуетъ разныя сласти. И во все это время лицо его ни разу не отуманится грустью, никогда не блеснутъ глаза радостью, злостью, или какою нибудь другою страстью.... Никогда не прочтете вы въ глазахъ никакого признака отчаянія, рѣшимости, какой нибудь мысли.... однимъ словомъ полное отсутствіе какого бы то ни было движенія ума или сердца. Съ жвачкой во рту, съ неопредѣленно-устремленнымъ взоромъ въ одну точку, турокъ въ такія минуты гораздо болѣе походитъ на животнаго, чѣмъ на человѣка.

Однако возвратимся къ базарамъ, о которыхъ мы начали было говорить.

Между базарами; прежде всего вниманіе туристовъ обращаетъ на себя *Безестенъ*, — самый большой изъ всѣхъ базаровъ. Во избѣжаніе пожаровъ здѣсь не только не позволяютъ торговать при огнѣ, но даже и вносить его въ лавки въ какомъ бы то ни было видѣ. За то днемъ Безестенъ всегда кишитъ народомъ.

Безестенъ лежитъ не далеко отъ Галатскаго моста. По извилистой, сплошь застроенной кофейнями улицѣ, приходишь наконецъ къ каменнымъ воротамъ, сведеннымъ аркою. Онѣ ведутъ въ темный корридоръ со сводами. Вдоль и поперегъ извивается множество неправильныхъ, темныхъ переходовъ. Каждый рядъ носитъ особое названіе: шелковый, оружейный, москательный. Тутъ въ каждой лавкѣ купецъ сидитъ на возвышеніи, покрытомъ ковромъ, а товары развѣшаны и разложены у него по стѣнамъ въ живописномъ безпорядкѣ. Персидскія шали, сибирскіе мѣха, китайскій фарфоръ, драгоцѣнные камни Индіи, кораллы Африки, перлы Персидскаго залива, янтарь Пруссіи, дорогое турецкое оружіе, восточныя издѣлія изъ золота и серебра, ковры и ткани Малой Азіи, богатые старинные костюмы, — все это, или перемѣшанное, или расположенное систематически группами, со всѣмъ умѣніемъ купца привлекать

вашіи взоры, производитъ самый живописный эффектъ. Яркость и блескъ красокъ напоминаютъ вамъ Востокъ «тысячи одной ночи», вызываютъ изъ глубины души всѣ грезы и мечты, которыя рисовала вамъ фантазія, разгоряченная чтеніемъ арабскихъ сказокъ.

При входѣ покупателя — турокъ преспокойно продолжаетъ сидѣть на коврѣ и только, когда вошедшій попроситъ подать товаръ, тотъ лѣниво встаетъ и молча подаетъ ему, что было спрошено. «Какъ дорого!» говоритъ покупатель, желая поторговаться. «Этому нечего удивляться...» покойно и отчетливо промолвитъ турокъ, замолчитъ и тотчасъ устремитъ попрежнему свои взоры въ одну какую нибудь точку. Разъ назначивъ цѣну, турокъ рѣдко что нибудь уступитъ. «Да дай же мнѣ что нибудь другое, покажи вотъ хоть тотъ кусокъ....» Но турокъ, хоть и вскользь посмотрѣлъ на покупателя, но отлично умѣетъ угадать его настроеніе; онъ понимаетъ, что тотъ хочетъ теперь только рыться въ товарѣ.... «Нечего еще тебѣ смотрѣть, ничего изъ этого не выйдетъ....» или: «этого смотрѣть тебѣ не для чего, — оно для тебя дорого....» отрѣжетъ онъ, тотчасъ отходитъ къ своему тюфяку и поджимаетъ ноги калачикомъ, чтобы по своему обыкновенію усѣсться, какъ должно.

Въ шелковомъ и галантерейномъ ряду больше всего попадаются женщины. Онѣ бродятъ отъ одного магазина къ другому, или сидятъ передъ лавками и разсматриваютъ матеріи, опахала изъ павлиныхъ перьевъ, туфли, шитыя золотомъ и серебромъ.... и т. п. Но несмѣтныя богатства оружейнаго базара, больше всего привлекаютъ туристовъ, тѣмъ болѣе, что онъ до сихъ поръ еще имѣетъ характеръ чисто восточный. Оружейный базаръ—краса столицы и гордость турка! И если онъ когда и разговариваетъ, то только показывая оружіе.... Тутъ только на минуту спадаетъ съ него вѣковѣчная апатія и онъ начинаетъ пересчитывать всѣ войны, которыя вела Порта, начиная съ пророка. Въ этомъ базарѣ вы найдете саблю Дамаска, клинокъ которой представляетъ рядъ округленныхъ зубцовъ въ видѣ пилы, и ятаганы, которые проколютъ любой панцырь, какъ листъ бумаги; здѣсь висятъ и кинжалы съ рукоятками изъ одной сплошной массы драгоцѣнныхъ камней. Кромѣ украшеній, на многихъ клинкахъ выдѣланы изъ золота разныя надписи: «дарую тебѣ побѣду надъ невѣрнымъ», гласитъ одна изъ нихъ. «На защиту друзей и на гибель враговъ», читаете вы на другой.... но чаще всего: «нѣтъ бога, кромѣ бога, и Магометъ его пророкъ».

Невольно залюбуешься красотою и богатствомъ этого оружія: серебро и золото, яшма, кораллы, слоновая кость, изумрудъ, рубинъ, алмазъ и жемчугъ необыкновенно симметрично расположены на рукояткахъ. Но трудно описать прелесть, блескъ и игру всѣхъ этихъ бриллiантовыхъ и сапфирныхъ звѣздъ, когда лучъ солнца прокрадывается съ высотысвода и освѣщаетъ всѣ эти драгоцѣнности!

Чтобы покончить съ описаніемъ Константинополя, прибавимъ еще, что тутъ даже два дня рѣдко бываютъ похожи другъ на друга. То отправляется огромный караванъ въ Мекку, гдѣ находится храмъ Кааба, который считается главнымъ святилищемъ магометанъ, и въ Медину поклониться гробу пророка; то страшный пожаръ съ неимовѣрною силою и быстротою заволакиваетъ небо темными тучами дыма и тогда отовсюду раздаются вопли и стоны несчастныхъ; то показывается блестящій поѣздъ султана....

Но чаще всего видишь и слышишь муэззиновъ, т. е. людей, которые призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Для этого они каждый разъ всходятъ на

верхнія галлереи минаретовъ, кладутъ большіе пальцы за ухо и гнусливымъ, однообразно-протяжнымъ голосомъ кричатъ между ладонями, обращаясь на всѣ четыре страны свѣта: «есть только одинъ Богъ и Магометъ его пророкъ. Приходите на молитву, приходите на омовеніе». Такіе возгласы повторяются пять разъ въ день, чрезъ одинаковыя промежутки времени и въ одно время со всѣхъ минаретовъ. При этомъ всѣ торопятся умыть лице и руки и затѣмъ идутъ въ мечети, молельни, а то и тутъ же на улицѣ, гдѣ нибудь у колодца, или подъ деревомъ, благоговѣйно преклоняютъ свои колѣна. Въ первую минуту они обыкновенно стоятъ молча, затѣмъ кладутъ большіе пальцы къ ушамъ и произносятъ вступительную молитву. Черезъ минуту они перекладываютъ уже руки на животъ, растопыриваютъ пальцы и, потупивъ взоры въ землю, кладутъ ихъ на колѣна.

Эта религіозная гимнастика магометанъ чрезвычайно разнообразна: то они совсѣмъ выпрямляются, то стоя на колѣняхъ откидываются назадъ, то бросаются на протянутыя руки, иногда приникаютъ къ землѣ такъ, чтобы пальцы рукъ, ногъ, даже лобъ, губы и носъ непремѣнно коснулись земли. Большіе носы при этомъ служатъ немаловажнымъ препятствіемъ выполнять по всей формѣ эти молитвенныя пантомимы, поэтому турки съ предубѣжденіемъ смотрятъ на людей съ большими носами. Всѣ движенія при молитвѣ выдѣлываются необыкновенно важно и медленно, такъ какъ ихъ пророкъ Магометъ строго завѣщалъ своимъ послѣдователямъ не спѣшить въ молитвѣ, чтобы не походить на пѣтуховъ, клюющихъ ячменныя зерна. Величайшею опасностію считается также зѣвнуть во время молитвы, такъ какъ магометане твердо убѣждены, что злой духъ только и ждетъ такой минуты, чтобы прокрасться во внутренность правовѣрнаго.

До сихъ поръ мы видѣли турка только на улицѣ, посмотримъ же на него дома. И въ домахъ своихъ турки предпочитаютъ комфортъ — изяществу и красотѣ убранства. Но наше понятіе о удобствѣ совсѣмъ не то, что у турка. Тамъ все, что мало-мальски можетъ понѣжить тѣло, дать ему возможность безъ всякой мысли провести нѣсколько минутъ, доведено до высокой степени совершенства. Болѣе или менѣе зажиточный домъ турка обыкновенно раздѣляется на двѣ половины: одна предназначается для мужчинъ, въ другой — гаремъ, или женское отдѣленіе, которое въ Турціи представляетъ совершенно отдѣльную часть дома и соединяется галлереею съ комнатами, въ которыхъ живутъ мужчины. Это одно уже доказываетъ, какъ много у нихъ комнатъ, да имъ иначе и нельзя. У нихъ обыкновенно нѣсколько женъ и при нихъ множество прислужницъ, да и у мужчинъ пропасть прислуги разнаго рода: варильщикъ кофе или *каведжи*; *чубукчи*, подъ вѣдѣніемъ котораго находятся курительныя принадлежности хозяина; особый *привратникъ*, вся обязанность котораго заключается въ томъ, чтобы отворять двери и т. д.

У знатныхъ турецкихъ вельможъ бываетъ по цѣлой дюжинѣ этихъ *чубукчи* и *каведжи* и въ такихъ случаяхъ тутъ есть всегда главный, который распоряжается другими, имѣетъ совершенно особенную комнату и называется *каведжи-баши*, *чубукчи-баши* и т. под. Кромѣ домовъ, каждый богатый турокъ имѣетъ еще кіоскъ, или лѣтній павильонъ. Форма этихъ кіосковъ бываетъ то квадратная, то круглая; они строятся изъ дерева съ отверстіями для оконъ, закрытыми шторами. Вся меблировка, какъ этихъ кіосковъ, такъ и жилыхъ покоевъ состоитъ изъ ковровъ и дивановъ. Вы здѣсь не найдете ни столовъ, ни стульевъ. Причина отсутствія такой, по мнѣнію европейца,

необходимой мебели понятна. Сидя за столомъ на стулѣ, будешь чувствовать жесткость дерева, да и сидѣть приходится болѣе, или менѣе прямо. Совсѣмъ иначе располагаются турки на своихъ софахъ (диванахъ), которыя стоятъ обыкновенно у всѣхъ стѣнъ каждой комнаты. Это небольшія возвышенія, съ красными, набитыми овечьей шерстью матрацами сверху, днемъ покрытые матеріей, или коврами и обложенные подушками, ночью же онѣ служатъ постелью. Вотъ на этихъ-то софахъ очень удобно располагается турокъ, поджавъ подъ себя ноги, полулёжа и облокотившись на мягкихъ подушкахъ.

Такимъ образомъ избѣгаетъ онъ всякаго безпокойства. По этой же самой причинѣ ни одинъ турокъ никогда бы не вынесъ нашихъ паркетовъ. Дома передъ нимъ всегда стелется цыновка, или мягкій коверъ, чтобы его не тревожилъ шумъ шаговъ, чтобы нога его неутомлялась ощущеніемъ жесткаго дерева. Обутъ онъ всегда въ тонкія, легкія туфли и слѣдовательно не чувствуетъ жесткой кожи сапога. И не только дома у себя онъ наслаждается всѣми этими благами: куда ни пойдетъ, тотъ же комфортъ будетъ его окружать. Катается ли онъ по Босфору, въ каикѣ своемъ онъ тонетъ въ мягкихъ подушкахъ; скачетъ ли онъ верхомъ на жеребцѣ и тутъ сидитъ на мягкомъ сѣдлѣ, какъ въ креслѣ. А если вздумается ему подышать чистымъ воздухомъ, отдохнуть гдѣ-нибудь подъ тѣнистымъ, развѣсистымъ деревомъ, неподалёку отъ фонтана, или среди своихъ роскошныхъ цвѣтниковъ, сколько ковровъ, сколько подушекъ и сафьянныхъ тюфяковъ должны сперва разостлать ему рабы. Вздумалось ему для того же кейфа ѣхать за 10, за 20 верстъ и всѣ его чубукчи, каведжи, подушки и ковры тоже ѣдутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Тотъ чубукъ, изъ котораго онъ будетъ курить, опрыскиваютъ водою, чтобы дымъ былъ свѣжѣе и прохладнѣе, на прогулку понесутъ эту трубку въ шелковомъ чехлѣ. Да иначе и нельзя, такъ какъ на трубкахъ сосредоточенъ не только весь изящный вкусъ турка, но въ большинствѣ случаевъ и огромная часть его богатства. По мѣрѣ того, какъ падаетъ воинственный духъ турка, на украшеніе чубуковъ все больше употребляютъ золота и камней, которые прежде шли на оружіе. У нѣкоторыхъ, кромѣ янтарныхъ мундштуковъ, убранныхъ эмалью, кораллами и драгоцѣнными камнями, самыя даже трубки покрыты настоящей позолотой и усыпаны алмазами. У самыхъ богатыхъ, вмѣсто простаго чубука, слуга несетъ за ними въ сафьянномъ футлярѣ великолѣпный кальянъ, или трубку, изъ которой курятъ крѣпкій табакъ, пропуская его черезъ воду, налитую въ золоченыя наргилэ, (такъ называются вазы, которыя служатъ въ этихъ случаяхъ для кальяна). Но и въ этихъ прихотяхъ, необыкновенно утонченныхъ и изящныхъ, сказывается азіатскій человѣкъ съ самыми дикими привычками.

Даже богачь, которому не нальютъ кофе въ чашку, если она не достаточно окурена ароматическими благовоніями, даже такой изнѣженный человѣкъ обѣдаетъ безъ ножей и вилокъ и, какъ дикарь, собственными руками раздираетъ свою пищу.

Конечно, роскошью, о которой мы только что говорили, огромнымъ количествомъ прислуги, трубками въ драгоцѣнной оправѣ и многими женами, всѣмъ этимъ обладаютъ только самые знатные и богатые турки. Но здѣсь и самымъ бѣднымъ дана возможность, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, пользоваться множествомъ удобствъ и, смотря по средствамъ, болѣе, или менѣе часто, предаваться желанному кейфу.

Во всѣхъ окрестностяхъ столицы, вездѣ по берегамъ Босфора, гдѣ только замѣтишь красивое мѣстоположеніе, вездѣ найдешь и тѣнистую аллейку, гдѣ такъ хорошо укрыться во время зноя, и свѣжій ручеекъ, гдѣ можно и прохладиться и подъ журчаніе котораго такъ хорошо дремлется турку, и красивая бесѣдка, которой можно располагать по своему усмотрѣнію.

Услужливый содержатель кофейни, которыхъ здѣсь такъ много, за самую мелкую монету, принесетъ турку куда ему вздумается, коверъ, кофе и трубку — эти главныя принадлежности турецкаго кейфа.

Общественныя удовольствія турокъ.—Бани.—Кофейни. — Теріаки и страшныя послѣдствія потребленія опіума.—Торговля рабами.—Кладбища, и оригинальныя надписи на памятникахъ. — Народное гулянье.

Кто бы ни былъ турокъ: богатъ онъ, или бѣденъ, приближенный султана, или не важный купецъ, юный, или старый, каждый изъ нихъ чрезвычайно любитъ ходить въ баню. Причина этого, конечно, и въ устройствѣ самыхъ бань, которыя доставляютъ турку множество разнообразныхъ удовольствій, а также и въ томъ, что частымъ посѣщеніемъ ихъ магометанинъ въ тоже время выполняетъ завѣтъ своего пророка, который гораздо больше заботился о чистотѣ тѣлесной, чѣмъ о душевной и своимъ послѣдователямъ указалъ на омовеніе тѣла, какъ на одну изъ первѣйшихъ обязанностей человѣка.

Если турокъ задумаетъ сдѣлать доброе дѣло, онъ прежде всего выстроитъ баню и запишетъ ее вакуфомъ, т. е. церковнымъ имуществомъ, къ какой нибудь мечети, и назначитъ ей постоянный доходъ, потому что бани въ мусульманскихъ земляхъ почти никогда не бываютъ торговымъ предпріятіемъ; въ нихъ довольствуются весьма умѣреннымъ сборомъ, и содержатели обязаны безплатно впускать бѣдняковъ. Однѣхъ публичныхъ бань въ Константинополѣ считается болѣе двухъ сотъ. Между ними есть великолѣпныя зданія, мощенныя и обитыя внутри прекраснымъ мраморомъ, просторныя, съ прелестными фонтанами, со стихами изъ Корана на стѣнахъ.

Въ этихъ баняхъ турокъ наслаждается своимъ кейфомъ, слушаетъ новости и подъ часъ даже занимается политикой, на сколько можетъ заниматься политикой человѣкъ, совсѣмъ необразованный, кромѣ пошлыхъ легендъ и сказокъ почти ничего не читающій.

Для турчанокъ, которыя ведутъ совершенно затворническую, однообразную жизнь, бани самое лучшее partie de plaisir, и онѣ буквально проводятъ здѣсь цѣлые дни.

Входить въ турецкія бани обыкновенно приходится чрезъ грязныя сѣни; но когда отдернешь коверъ, которымъ завѣшана дверь, взору прежде всего представится высокое, круглое зало, съ бѣлоснѣжнымъ мраморнымъ поломъ, со множествомъ маленькихъ, круглыхъ окошекъ на кругломъ сводѣ. Окошечки эти такъ малы и оригинальны, что при солнечномъ освѣщеніи кажется, будто куполъ усѣянъ драгоцѣнныти камнями. Вокругъ залы тянется галлерея на деревянныхъ столбахъ и къ ней съ обѣихъ сторонъ подымаются отлогія лѣстницы. Посреди журчитъ мраморный бассейнъ, обставленный горшками, или вазами съ цвѣтами; тутъ же въ фантастическихъ раскрашенныхъ клѣткахъ, звонко распѣваютъ разныя птички. Съ одной стороны фонтана—печь, у которой выставлена цѣлая коллекція трубокъ и кофейниковъ, съ другой дверь въ [illegible]

теплую баню. Прежде всего всходишь по лѣстницѣ на галлерею, въ родѣ нашего предбанника. Тутъ стоятъ безконечно длинные турецкіе диваны, покрытые холщевыми простынями.

На нихъ въ самыхъ покойныхъ позахъ сидятъ и лежатъ нѣсколько турокъ, которые давно покончили со своимъ мытьемъ, но никакъ не могутъ еще разстаться съ баней. Плотно укутанные въ бѣлое покрывало, изъ котораго виднѣются только ротъ и руки, крѣпко придерживая мундштукъ, они скорѣе походятъ на муміи, чѣмъ на людей. Но вотъ одна изъ мумій нѣсколько пошевелилась, приподнялась, затѣмъ удобно прислонилась къ дивану и, выпуская струйку дыма, что-то медленно заговорила....

Лишь только вы стали раздѣваться, какъ къ вамъ подбѣгаетъ прислужникъ, въ одну минуту стягиваетъ съ васъ одежду, затѣмъ съ ногъ до головы окутываетъ бѣлымъ, тонкимъ покрываломъ, устраиваетъ вамъ на головѣ чалму изъ цѣлой простыни и, схвативъ подъ руки, энергически стаскиваетъ внизъ. На послѣдней ступени васъ пріостанавливаютъ и надѣваютъ деревянные башмаки. Отопленіе тутъ происходитъ подъ поломъ и мраморныя плиты до того горячи, что по нимъ нельзя ходить иначе, какъ въ деревянныхъ башмакахъ. У двери васъ, какъ какую нибудь упакованную вещь, передаютъ на руки баньщику, у котораго на тѣлѣ только одѣты два кожанные передника. Этотъ послѣдній вводитъ васъ въ теплую баню и бережно кладетъ на какое то возвышеніе, устланное египетскими рогожками. Прежде чѣмъ начать мыться, вы еще должны отдохнуть тутъ и понѣжиться нѣсколько минутъ. Турокъ не умѣетъ даже и отдыхать безъ предварительнаго отдыха. Лишь только вы успѣли растянуться, какъ теплый воздухъ снизу и нѣжный ароматъ, который носится въ комнатѣ, необыкновенно пріятно пронизываютъ васъ насквозь.

Когда вы чувствуете, что достаточно здѣсь отдохнули и пропитались ароматами, то дѣлаете знакъ баньщику, который тотчасъ подбѣгаетъ къ вамъ, снова надѣваетъ на это время снятые, деревянные башмаки и опять подъ руки вводитъ васъ въ другую залу, которая представляетъ собою уже настоящій храмъ восточнаго кейфа. Обыкновенно это огромная, прелестная зала изъ бѣлаго мрамора, съ мраморными колоннами, иногда съ нѣсколькими мавританскими куполами, усѣянными безчисленнымъ множествомъ небольшихъ окошекъ съ малиновыми стеклами. Свѣтъ, проникающій въ залу сверху, черезъ малиновыя стекла, бросаетъ на все необыкновенно прелестный нѣжно-розовый цвѣтъ.

Посреди залы нѣсколько возвышеній, на которыхъ каждый турокъ опять таки отдыхаетъ часокъ, другой. И только послѣ троекратнаго или четырекратнаго отдыха, баньщикъ вводитъ наконецъ въ комнату съ нѣсколькими мраморными бассейнами, надъ которыми торчатъ изъ стѣны мѣдные краны. Тамъ и сямъ въ нишахъ разставлена серебрянная посуда, въ родѣ нашихъ блюдечекъ, исписанная стихами изъ корана. Баньщикъ проворно отворяетъ краны, снимаетъ съ васъ покрывало и кладетъ своего паціента на полъ, на разосланную рогожку. Натянувъ на свои руки рукавицы изъ верблюжьей шерсти, онъ поливаетъ васъ водою изъ серебрянаго блюдечка. Затѣмъ онъ приноситъ мѣдную чашу и кисть изъ бѣлыхъ тонкихъ мочалокъ.

«Съ ловкостью кондитера,» говоритъ одинъ путешественникъ, «взбивающаго сабайонъ, напѣнилъ онъ мыльную массу, которая, подымаясь миріадами бисерныхъ, сверкающихъ пузырьковъ, превратилась въ ароматную пѣну. Бойко обмакивая кисть, турокъ натеръ меня съ ногъ до головы этимъ горячимъ благоуханнымъ снѣгомъ, потомъ припалъ на меня колѣномъ и, проводя лок-

тями по спинной кости, принялся ломать и вывертывать мнѣ руки и ноги. Сначала я думалъ, что отъ меня останется одинъ торсъ, но черезъ минуту почувствовалъ, какъ все тѣло начинаетъ свѣжѣть и укрѣпляться, будто его обвили новыми, желѣзными нервами. Трудно объяснить всю прелесть этой оживляющей пытки, все упоеніе этой восхитительной инквизиціи.»

Послѣ этого окутываютъ теплыми полотенцами, выводятъ въ другую комнату, гдѣ опять таки придется гдѣ нибудь прилечь и только тогда уже отправляются на галлерею, гдѣ предстоитъ самый большой отдыхъ. Прежде всего подаютъ лимонадъ, затѣмъ трубки и чашку кофе. Когда вы одѣлись подносятъ зеркальце — оглядѣться и положить на него бакшишъ (все равно, что у насъ магарычъ, или на водку), за труды банщику и слугѣ.

Утелъ турокъ домой, пообѣдалъ, покурилъ, и отправляется въ кофейню дѣлать то же, т. е. курить свою неизмѣнную трубку, пить кофе и молчать. Если банныя наслажденія и приведутъ его въ такое сверхъестественное настроеніе, что отъ полноты сердца заговорятъ уста и онъ передастъ новость, которую только что слышалъ отъ продавца фиников, или отъ писца, то въ кофейнѣ онъ уже навѣрно не обмолвится ни однимъ словомъ. Потребность въ обществѣ сказывается и въ туркѣ; вотъ онъ и идетъ въ кофейню. Пусть окружающіе и онъ самъ будутъ нѣмы, какъ рыбы, — ему все равно, только бы сидѣть въ кругу себѣ подобныхъ. Къ тому же здѣсь, не тревожа своего кейфа, чтобы отвѣчать сосѣду онъ услышитъ и человѣческую рѣчь. Многія здѣшнія кофейни держатъ особыхъ разскащиковъ, которыхъ за ихъ услуги даромъ кормятъ хозяева и даютъ имъ даровую трубку, а деньги, если только Аллахъ не обошелъ талантомъ такого разскащика, онъ всегда можетъ собрать отъ приходящихъ, выпрашивая у нихъ на бакшишъ при всякомъ разсказѣ. Способный изъ нихъ можетъ даже сколотить себѣ капиталецъ. Многіе стамбульскіе разскащики, чтобы возбудить щедрость слушателей, прерываютъ свой разсказъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Они поставили своего героя если героиню, въ самое затруднительное положеніе, окружили ихъ страхами, надеждою и въ то же время отчаяніемъ, такъ что многіе слушатели уже на ухо сообщаютъ сосѣду какой конецъ долженъ быть по ихъ соображенію, какъ вдругъ въ ту же мунуту разскащикъ прерываетъ свой разсказъ, хватаетъ въ руки подносъ и объявляетъ публикѣ, что если она хочетъ знать, чѣмъ покончила красавица, такъ пусть ободритъ бѣднаго разскащика бакшишомъ. При этомъ, собирая деньги, онъ дѣлаетъ замѣчаніе каждому, кто мало кладетъ, чтобъ онъ не скупился, такъ какъ только въ этомъ случаѣ могутъ разсчитывать, что онъ перескажетъ все безъ утайки и со всѣми подробностями. Если разскащикъ доволенъ сборомъ, онъ необыкновенно живо и занимательно оканчиваетъ начатое; если нѣтъ, то онъ даже въ ту минуту, когда казалось слѣдовало бы кончить, вводитъ новыя приключенія и новыхъ лицъ, опять останавливается и объявляетъ слушателямъ, что сказку эту сегодня не возможно покончить; если же угодно публикѣ, то она можетъ ее дослушать завтра въ этой же самой кофейнѣ, въ такомъ то часу. Такимъ образомъ разскащикъ соблюдаетъ свои собственные интересы вмѣстѣ съ интересами кофейни.

Когда у старика разскащика пересохнетъ горло, или ему надоѣстъ въ десятый разъ въ одинъ и тотъ же день пересказывать о мертвецахъ, вырывающихъ человѣческое сердце, о храбрыхъ витязяхъ, о правдивыхъ калифахъ, и онъ смолкаетъ на минуту, тогда правовѣрные прислушиваются въ журчанію

фонтана, который вы непремѣнно найдете въ каждой порядочной турецкой кофейнѣ. Разскащика часто смѣняетъ оркестръ, который впрочемъ напоминаетъ собою скорѣе вой голодныхъ стамбульскихъ собакъ и однообразные призывы муэззиновъ, чѣмъ музыку. Самые лучшіе оркестры здѣшнихъ кофеенъ состоятъ обыкновенно изъ трехъ музыкантовъ, которые одѣты въ рваныя широкія шальвары, оборванныя куртки и желтыя чалмы. Если взрослый турокъ съ удовольствіемъ слушаетъ отвратительную музыку и страшные разсказы, которыми у насъ необразованныя няньки стращаютъ малыхъ ребятъ, то онъ чувствуетъ себя на верху блаженства, когда одинъ изъ музыкантовъ затянетъ пѣсню. Какъ человѣкъ совсѣмъ необразованный неимѣющій, ни малѣйшаго понятія о прошедшемъ и настоящемъ другихъ государствъ, турокъ любитъ болѣе всего выражать свою любовь къ родинѣ тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ превозноситъ ее сколько можетъ.

При этомъ, разумѣется, о гяурахъ онъ ничего ни хочетъ слышать и съ презрѣніемъ относится ко всѣму, чтобы вы ему о нихъ ни разсказали. «Нѣтъ края на свѣтѣ лучше нашей Турціи» завываетъ пѣвецъ, «нѣтъ народа умнѣе Османлисовъ. Имъ Аллахъ далъ всѣ сокровища мудрости, бросивъ другимъ племенамъ только крупицы разумѣнія, чтобы они не вовсе остались верблюдами и могли служить правовѣрнымъ. Еслибы Черное море наполнилось вмѣсто воды чернилами, то и его не достало бы описать, какъ сильна и богата Турція, сколько въ ней войска и денегъ, какъ всѣ народы завидуютъ ея сокровищамъ, могуществу и славѣ».

Но чаще всего слышится такая пѣсня: «Соловушка, зачѣмъ ты такъ вопишь? Не стони, соловей, не стони, ты терзаешь мою душу. Ахъ, соловушка! голосъ твой достигъ до эмпирея, твоихъ малютокъ похитилъ соколъ. Надрываясь и стоная, ты проносишься надъ нами и твои вздохи раскрываютъ мои старыя и новыя раны.... Но у тебя есть крылья и ты далёко можешь улетѣть....»

Въ Константинополѣ есть еще совершенно особыя кофейни, куда исключительно собираются только теріаки, т. е. потребители опіума. Прежде чѣмъ говорить объ этихъ людяхъ, скажемъ нѣсколько словъ объ опіумѣ? Когда головки мака еще несовсѣмъ созрѣли, ихъ надрѣзаютъ и оттуда вытекаетъ молочный сокъ; на воздухѣ сокъ этотъ твердѣетъ и называется опіумомъ.

Мы знаемъ, какое важное значеніе имѣетъ опіумъ въ медицинѣ. Когда больной лежитъ въ страшныхъ страданіяхъ и ни минуты не можетъ спокойно уснуть, опіумъ служитъ благодѣтельнымъ средствомъ, доставляя ему сонъ. Особенно важенъ опіумъ въ желудочныхъ болѣзняхъ. Однако въ нѣкоторыхъ странахъ злоупотребляютъ этимъ благодѣтельнымъ средствомъ и поглощаютъ его въ громадныхъ количествахъ, то въ твердомъ состояніи, какъ пилюли, то въ жидкомъ—въ видѣ настоя; или наконецъ его курятъ въ чрезвычайно маленькихъ трубочкахъ.

Въ видѣ пилюль его употребляютъ въ магометанскихъ земляхъ, въ особенности же въ Персіи и въ Турціи. Турецкіе теріаки или потребители опіума начинаютъ обыкновенно принимать не болѣе полуграна, постепенно все увеличиваютъ и увеличиваютъ эти пріемы и доходятъ до 120 грановъ, а иногда даже и еще больше. Дѣйствіе начинается спустя 2, 3 часа послѣ пріема и продолжается часовъ пять, шесть.

Вы, конечно, спросите: да что же такъ тянетъ человѣка къ этому горькому опіуму? Послѣ его пріема онъ на время становится необыкновенно ве-

М. Рашевскій
В. Васнецовъ

селъ, забываетъ все свое горе, всѣ труды и заботы, часто не чувствуетъ страшной болѣзни, которая его передъ тѣмъ мучила. Вначалѣ, со свѣжей головой, онъ чрезвычайно легко все соображаетъ, потомъ засыпаетъ и его прельщаютъ очаровательные сны. А эти-то сны и дороги стамбульскому теріаку. Онъ во снѣ, какъ на яву, необыкновенно отчетливо, ясно видитъ рай, обѣщанный пророкомъ, въ такихъ роскошныхъ, фантастическихъ, заманчивыхъ картинахъ, которыхъ онъ прежде и представить себѣ не могъ.

Однако за возбужденнымъ состояніемъ слѣдуетъ полное ослабленіе силъ, упадокъ духа и совершенное отупѣніе всѣхъ чувствъ. Между тѣмъ укоренившаяся привычка употреблять опіумъ почти непобѣдима. Мученія, претерпѣваемыя употребляющимъ его человѣкомъ, когда у него недостаетъ этого привычнаго возбужденія, такъ же ужасны, какъ полно счастіе слѣдующее за пріемомъ. Ночи приносятъ ему всѣ муки ада, дни—всѣ прелести рая; но послѣ долгаго удовлетворенія этой страсти, человѣкъ подвергается нервнымъ припадкамъ, которыхъ не можетъ облегчить и самый опіумъ.

Любовь, дружба, родственная привязанность, ненависть, мщеніе, корыстолюбіе, однимъ словомъ всѣ страсти угасаютъ мало по малу, уступая мѣсто одному всепоглощающему непобѣдимому влеченію еще и еще проглотить лишнюю пилюльку и еще въ большемъ количествѣ.

Тѣ, которые много лѣтъ принимали опіумъ, возбуждаютъ въ другихъ ужасъ и отвращеніе: ихъ лица искажены постоянными судорогами, судороги сводятъ имъ руки и ноги, глаза ихъ дико бѣгаютъ и сверкаютъ, колѣни трясутся. Потребитель опіума постепенно теряетъ аппетитъ и черезъ годъ—два послѣ того, какъ страсть укоренилась, превращается въ совершенный скелетъ.... Но ужаснѣй всего то, что на его до омерзенія изнуренномъ и исхудаломъ лицѣ трясется каждая жилка.... Когда, принимая два, три года опіумъ, человѣкъ, пожелаетъ вдругъ покончить со своею страстью, то онъ испытываетъ такія страданія, что въ большинствѣ случаевъ доходитъ до совершеннаго помраченія ума.

Странно наблюдать за Стамбульскими теріаками, когда они около третьяго часа—время исключительно посвященное здѣсь послѣобѣденному отдыху, собираются въ кофейню, близь Солимановой мечети. Сгорбленные въ три погибели, изможденные, худые, какъ скелеты, съ морщинистымъ, желтымъ, какъ лимонъ, лицемъ, съ помутившимися глазами, съ шаткою походкой, съ сильно трясущимися руками и ногами, они долго шлепаютъ по мостовой своими туфлями, дѣлаютъ странные зигзаги, пока наконецъ, скорѣе какимъ то чутьемъ, чѣмъ сознательно, не доберутся до желаннаго мѣста. Тутъ они, ни съ кѣмъ не разговаривая, ничего не заказывая служителямъ, прямо бросаются по диванамъ и тупо, вяло, безсознательно сосредоточиваютъ свой взглядъ на одномъ какомъ нибудь предметѣ. Въ ту же минуту слуга подноситъ имъ на блюдечкѣ магическія пилюли: онъ твердо знаетъ порцію, принимаемую каждымъ изъ нихъ; за тѣмъ тотчасъ подаетъ имъ крѣпкій кофе, холодной воды, трубки, и за тѣмъ больше не подходитъ къ нимъ, оставляя ихъ въ совершенномъ покоѣ. Обыкновенно физіономіи всѣхъ этихъ посѣтителей такъ тупы и безжизненны, что, глядя на нихъ, трудно опредѣлить, когда началось на нихъ дѣйствіе опіума. Но вотъ они наконецъ выпустили изо рта трубки и оставили чашки и за тѣмъ, какъ будто стали замирать. Чрезъ мгновеніе ни одинъ жестъ, ни одно киваніе головою, не показываютъ въ нихъ присутствія жизни: глаза ихъ полуоткрыты, вѣки не мигаютъ болѣе.... Вы напрасно будете ждать у Стамбульскаго теріака блаженной улыбки на губахъ; которую можно видѣть у другихъ

потребителей опіума. Стамбульскіе теріаки уже до того отупѣли, что едва ли могутъ ощущать какое нибудь блаженство или страданіе и вообще не похожи на живыхъ людей.

Въ Константинополѣ не мало существуетъ кофеенъ, въ которыхъ собираются продавцы и покупатели рабовъ. Чѣмъ богаче турокъ, тѣмъ болѣе у него рабовъ; нужно впрочемъ замѣтить, что въ прежнее время въ Турціи держали ихъ еще болѣе. Паши имѣли много рабовъ, бѣдные чиновники по одному, по два человѣка, каждый сообразно съ своими средствами. Въ старину здѣсь существовалъ даже обычай, теперь мало по малу выходящій изъ моды, дарить другъ другу рабовъ. Вельможи ежегодно дарили султану невольниковъ обоего пола. Когда какое нибудь лицо вступало на важный постъ, то этикетъ требовалъ, чтобы ему присылали въ подарокъ красивыхъ невольницъ. Такимъ образомъ сановники сразу принимали въ свои дома цѣлыя партіи молодыхъ дѣвушекъ, мальчиковъ, евнуховъ, присланныхъ имъ въ подарокъ отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ. Еще лѣтъ двадцать пять тому назадъ рабовъ покупали открыто на Константинопольскомъ рынкѣ. Купцы, торговавшіе людьми, наживали огромные барыши и не только не возбуждали презрѣнія, напротивъ пользовались всеобщимъ уваженіемъ. Промышленники этого рода такъ открыто вели свои дѣла, что обязаны были, какъ и торговцы всякимъ другимъ товаромъ, записываться въ гильдію и получали патентъ коммерсантовъ. Многіе изъ нихъ, окруженные толпою невольниковъ и невольницъ разныхъ націй, предпринимали путешествія въ главнѣйшія города европейской Турціи, гдѣ они являлись къ турецкимъ вельможамъ. Невольниковъ и невольницъ выставляли въ рядъ, вельможи расхаживали, осматривали ихъ и торговались. Барышникъ часто заламывалъ такую цѣну, что турокъ при всемъ желаніи пріобрѣсти новую невольницу, давалъ только половину требуемой суммы и въ придачу предлагалъ двухъ трехъ старыхъ рабовъ. Такимъ образомъ покупали и продавали людей, точно дѣло шло о какомъ нибудь животномъ.

Болѣе другихъ странъ поставляли туркамъ невольниковъ: Кавказъ и Африка; изъ послѣдней привозили чернокожихъ рабовъ. Кавказскіе горцы также продавали своихъ необыкновенно красивыхъ соотечественницъ, нерѣдко даже своихъ женъ и дочерей турецкимъ рабопромышленникамъ. Но послѣ 1864 года, т. е. послѣ покоренія Кавказа, горцамъ пришлось прекратить этотъ промыселъ. За то послѣ войны, оборванныя, несчастныя черкешенки, настрадавшіяся отъ голода и нищеты, тысячами бросались въ Турцію, гдѣ ихъ уже поджидали купцы, и цѣлыми кучами отвозили въ Константинополь.

Уменьшеніе числа невольниковъ въ Турціи вслѣдствіе различныхъ историческихъ причинъ, наконецъ много разъ выраженное желаніе другихъ державъ прекратить торговлю людьми, все это заставило турецкое правительство лѣтъ двадцать пять тому назадъ закрыть Константинопольскій рынокъ, на которомъ до того времени такъ безцеремонно торговали людьми. Но эта мѣра только уничтожила *публичный* торгъ людьми, но мало измѣнила сущность дѣла. Изгнанные съ рынка торговцы сначала стали держать товаръ на дому, но когда они почувствовали, что такимъ образомъ они не могутъ вести дѣла въ широкихъ размѣрахъ, открыли множество кофеенъ, куда подъ предлогомъ курить трубку, послушать сказки и музыку и теперь еще входитъ каждый желающій купить себѣ рабыню. Всѣ знаютъ эти кофейни: нѣкоторыя изъ нихъ расположены противъ мечети Сулейманіе, тогда какъ дома, въ которыхъ содержатся рабы, находятся въ различныхъ кварталахъ столицы. Всѣ дома и

фейни этого рода посѣщаются въ опредѣленное время. Покупатели пьютъ кофе и приглядываются въ это время къ женщинамъ, которыя сидятъ тутъ же и затѣмъ, покуривая трубку, торгуются съ промышленниками. Но вотъ турокъ сошелся въ цѣнѣ, встаетъ, разсчитывается, дѣлаетъ знакъ купленной женщинѣ, которая и сопровождаетъ его до дому. Нужно замѣтить однако, что въ Константинополѣ торгуютъ рабынями не одни торговцы-маклаки. Большинство женщинъ высшаго круга, нерѣдко жены нашей и министровъ занимаются торговлею этого рода. Эти дамы покупаютъ по самой низкой цѣнѣ дѣвочекъ-подростковъ и потомъ, когда онѣ придутъ въ возрастъ, перепродаютъ ихъ въ пять разъ дороже того, чѣмъ онѣ ихъ пріобрѣли. Прибыли доставляемыя этою торговлею громадны: семи-восьмилѣтняя дѣвочка, стройная и съ красивыми чертами лица, стоитъ не дороже двухъ тысячъ франковъ, а когда она придетъ въ возрастъ, аристократка-спекуляторша продастъ ее за двадцать и даже за двадцать пять тысячъ франковъ. Между тѣмъ содержаніе и расходы на дѣвочку въ семьѣ почти ничего не стоятъ. Свой товаръ онѣ сбываютъ легко и скоро: обыкновенно купля и продажа идетъ черезъ особыхъ посредницъ, которыя отыскиваютъ покупщиковъ и расхваливаютъ имъ продаваемыхъ дѣвушекъ.

Однако возвратимся къ общественнымъ удовольствіямъ турокъ. Кромѣ бань и кофеенъ, которымъ они отдаютъ бо́льшую часть своего времени, турки также очень любятъ гулять по кладбищамъ, и это понятно. Сами по себѣ турецкія кладбища представляютъ прохладныя, тѣнистыя мѣста для прогулки во время жаровъ, которыя любитъ, разумѣется, каждый житель юга, но для магометанина онѣ имѣютъ еще бо́льшее значеніе. Роскошные сады, тѣнистыя рощи—блаженства, обѣщанныя пророкомъ въ будущемъ,—если же ихъ можно предъвкусить раньше, въ настоящей жизни, то турокъ цѣнитъ это больше всего на свѣтѣ. Въ любви турка къ кладбищу лежитъ и другая причина: грязная, нечистоплотная столица, въ которой часто нѣсколько улицъ сряду представляютъ одну сплошную зловонную яму, порождаетъ всякія язвы и заразы, наконецъ вѣчные пожары и кровопролитія, все это невольно заставляетъ турка каждую минуту ожидать смерти, спокойно разсуждать о ней и съ любовью чтить память умершихъ.

Самое большое и любимое кладбище турокъ въ Скутари, которая лежитъ на Азіатскомъ берегу. И потому каждый день подъ вечеръ множество турокъ и турчанокъ отправляются въ каикахъ на Азіатскую сторону.

Довольно опрятная и широкая улица Скутари, подымаясь отъ набережной въ гору, ведетъ къ большому кладбищу. Это кладбище прежде всего представляетъ огромный, прекрасный, разчищенный лѣсъ изъ платановъ и кипарисовъ. Платанъ и кипарисъ—вотъ два дерева, которыя еще съ древнѣйшихъ временъ служили южнымъ народамъ для изображенія жизни и смерти. Платанъ садили древніе при рожденіи ребенка, а кипарисъ надъ гробомъ.

Турки переняли этотъ обычай у византійцевъ, украшаютъ свои кладбища кипарисами и съ почтеніемъ смотрятъ на это дерево. Сломать надгробный кипарисъ, даже оторвать отъ него вѣтку считается оскорбленіемъ могильной святыни. При входѣ на кладбище находится фонтанъ, а подлѣ него кофейня. На площадкѣ передъ кладбищемъ навалены груды арбузовъ и расхаживаютъ продавцы фруктовъ и прохладительнаго питья. Тамъ и сямъ въ темномъ лѣсу, сильно напоенномъ запахомъ кипариса, стоятъ тюрбе (могильные склепы) сановитыхъ турецкихъ особъ, мраморные саркофаги (гробницы) съ высѣченною звѣздою и

полумѣсяцемъ, обнесенныя золотою рѣшеткою, но чаще всего мелькаютъ столбики съ изваянною чалмою и золотыми надписями.

Надгробный мраморъ турчанки не украшенъ чалмою: это двѣ скромныя плиты одинаковой формы, вверху остроконечныя, очень часто съ надписью, въ которой прославляются добродѣтели усопшей: «Душа покойницы», читаете вы, «бѣлая голубица, поспѣшно улетѣла отъ этого міра, гнѣзда всѣхъ скорбей, чтобы получить свое мѣсто въ сонмѣ прелестныхъ гурій» (*). Или: «На скрижаляхъ судебъ было написано, что Айеше, красивѣйшій изъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ жизни, будетъ сорванъ съ своего стебля на семнадцатой своей веснѣ».

Каждый классъ Константинопольскихъ жителей имѣетъ особыя эпитафіи, свойственныя его сану и занятіямъ при жизни. На гробѣ одного адмирала написано: «Покойникъ поставилъ руль на румбъ вѣчности, вѣтръ кончины сломалъ мачту его корабля, и погрузилъ его въ море благости Господней». На гробѣ поэта: «Свѣтило сокрылось въ землѣ, но будетъ сіять между свѣтилами неба; соловей пролетѣлъ на одно мгновеніе по землѣ и поспѣшилъ въ кусты эдема.» Но любопытнѣе всего напыщенныя эпитафіи на гробахъ улемовъ (**). Всякій изъ нихъ названъ ученѣйшимъ изъ ученыхъ, мудрѣйшимъ изъ мудрецовъ, славнѣйшимъ изъ законоучителей, убѣжищемъ ума, сокровищницею науки, источникомъ просвѣщенія, полюсомъ всѣхъ познаній.

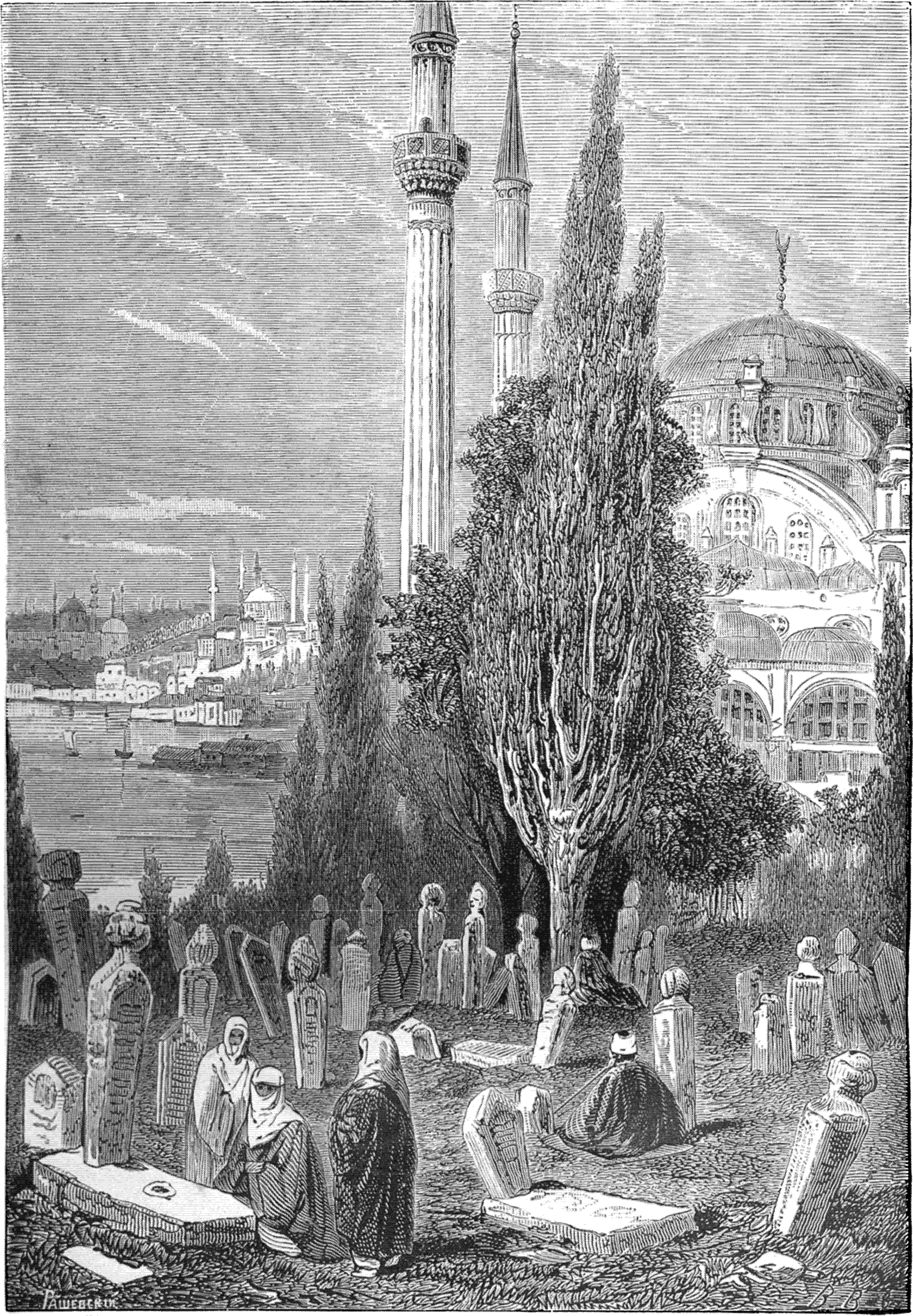
Низшіе классы населенія хотя не имѣютъ надписей, но у нихъ часто бываютъ особыя надгробія, которыя наглядно указываютъ проходящему, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Если усопшій портной, на его мраморѣ изсѣчены ножницы; топоръ—если онъ былъ плотникомъ; пара бритвъ—если онъ былъ брадобрѣй и пара веселъ—если покойникъ всю свою жизнь былъ гребцомъ на Босфорѣ и наконецъ доплылъ до вѣчной пристани.

Нѣкоторыя изъ могилокъ обсажены кустами розъ, другія обнесены рѣшеткой, искусно сплетенной изъ блестящей проволоки. Подъ тѣнію деревъ всюду разостланы ковры и на нихъ группами безмолвно сидятъ женщины въ своихъ бѣлыхъ покрывалахъ. Не только тутъ, но и на другихъ общественныхъ собраніяхъ женщины держатся, хоть и кучками между собою, но всегда отдѣльно отъ мужчинъ. Мужчины же на кладбищѣ сидятъ въ одиночку. Выбравъ себѣ самое уединенное мѣстечко, турокъ усаживается здѣсь какъ можно удобнѣе и вынимаетъ изъ-за пояса складную трубку; когда онъ ее разложитъ во всю величину, чтобы начать курить и тѣмъ удобнѣе предаться уединенному кейфу и мысли о смерти, эта трубка своею огромною величиною прежде всего обращаетъ на себя вниманіе гяура.

Но гораздо болѣе разнообразную, пеструю толпу можно видѣть по пятницамъ и въ другіе праздничные дни, когда посѣщаешь какую-нибудь изъ пятидесяти живописныхъ долинъ Босфора. Въ тѣхъ долинахъ, которыя лежатъ недалеко отъ предмѣстій, гдѣ живутъ иностранцы, прогуливаются семейства европейскихъ туристовъ. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ устраивается подвижной таборъ изъ грековъ и армянъ съ ихъ дѣтьми и красавицами дѣвушками. Въ великолѣпной долинѣ Буюкдере съѣзжается весь высшій дипломатическій кругъ, къ

(*) *Гуріи* — черноокія дѣвы, которыхъ Магометъ назначаетъ на томъ свѣтѣ въ подруги истиннымъ правовѣрнымъ.

(**) *Улемы*, т. е. юристы и богословы. Улемами въ Турціи называютъ, какъ они сами объясняютъ, всѣхъ ученыхъ служителей Бога и закона. Это довольно обширный классъ, такъ какъ къ нему принадлежатъ: всѣ судіи, монахи, дервиши, священнослужители и т. п.


PAUWELS EN DK

которому примѣшивается и турецкая аристократія въ фескахъ и синихъ, расшитыхъ золотомъ, казакинахъ. Но самое любимое народное гулянье—это долины — такъ называемыя Европейскія Сладкія воды и Сладкія воды въ Азіи, которыя находятся весьма близко другъ отъ друга. Мѣстоположеніе этихъ долинъ дѣйствительно прекрасно: всюду мраморные фонтаны, которые тутъ походятъ на волшебные храмы, роскошная зелень, изъ которой такъ фантастично выглядываютъ высокіе минареты, и наконецъ великолѣпные зеленые луга на которыхъ группами, разбросаны платаны. Лишь только день склоняется къ вечеру, какъ тутъ все чаще начинаютъ сновать турецкіе экипажи, набитые гаремными затворницами... Подъ тѣнью деревъ разостланы ковры и шелковые тюфяки. На нихъ сидятъ турчанки, облокотясь на атласныя и парчевыя подушки. Еслибъ онѣ не курили своихъ папиросокъ, ихъ можно было бы принять за фарфоровыя куклы. Мужчины, поджавъ ноги, сидятъ на коврѣ тоже группами, но, разумѣется, отдѣльно отъ женщинъ... До чего лѣнь и апатія свойственна туркамъ, можно видѣть здѣсь на дѣтяхъ. Тутъ такъ много мѣста побѣгать и порѣзвиться, между тѣмъ всѣ дѣти чинно сидятъ подлѣ своихъ матерей. Дѣвочки одѣты въ атласные казакины и шелковые шальвары съ желтыми сапожками, а волосы заплетены во множество мелкихъ косичекъ, перевитыхъ золотымъ или серебрянымъ снуркомъ. Мальчики въ курткахъ шитыхъ золотомъ, очень часто съ орденами и медалями на шеѣ. Здѣсь каждый, украшенный орденомъ отъ правительства, имѣетъ право повѣсить копію съ него на старшаго сына.

Въ праздничные дни лужокъ бываетъ сплошь покрытъ балаганами, харчевнями и палатками. Множество торговцевъ расхаживаютъ съ лотками и предлагаютъ гуляющимъ лакомства и шербетъ (*)... У одной палатки толпятся армяне: они пьютъ свое любимое виноградное вино и заѣдаютъ его шашлыкомъ (баранье мясо, изрѣзанное на мелкіе куски и изжаренное на вертелѣ); въ другой—тихо и чинно покуривая трубку, турки пьютъ свое кофе и жуютъ сладкое... Всюду мелькаютъ длинные халаты евреевъ въ черныхъ шапочкахъ, обвязанныхъ сверху еще синимъ платкомъ въ родѣ чалмы; арнауты (албанцы), съ наброшенными на одно плечо шитыми золотомъ куртками; греки — въ богато вышитыхъ курткахъ и въ фустанеллахъ (бѣлыхъ юбкахъ).

Самая большая толпа народа подлѣ балагановъ, которые очень напоминаютъ наши маслиничные балаганы. Тѣ же балконы для паяцовъ, та же бѣсѣдка съ висячими качелями, такое же множество палатокъ съ разными лакомствами. Подлѣ балагановъ съ одной стороны площади настроены цѣлые ряды деревянныхъ скамеекъ, на которыхъ сидитъ множество женщинъ: турчанки, армянки и гречанки, даже высшаго полета, всѣ пришли полюбоваться балаганными увеселеніями, которыя ихъ тѣшатъ, какъ дѣтей... Сюда же шагомъ подъѣзжаетъ и необыкновенно блестящая карета, запряженная великолѣпными лошадьми: важно выступая, ихъ ведутъ подъ уздцы люди въ малиновыхъ курткахъ и бѣлыхъ чалмахъ. Сзади карету сопровождаютъ болѣе полудюжины конныхъ всадниковъ, а съ правой стороны, у самыхъ дверецъ, идетъ стражъ гарема, замѣчательно безобразный негръ съ отвислыми губами, въ бѣлой курткѣ и чалмѣ. Такъ катаются обыкновенно дочери султана, или его жены. Паяцами на балаганахъ являются обыкновенно греки и армяне, турокъ

(*) Шербетомъ называется отваръ изъ сушеныхъ плодовъ: персиковъ, изюма, сливъ, грушъ; изъ нихъ приготовляютъ кислосладкое питье со льдомъ. Это самое любимое прохладительное питье какъ турокъ, такъ и очень многихъ жителей Балканскаго полуострова.

же и въ нищетѣ никогда не снизойдетъ до этой унизительной для себя роли. Правда, вы встрѣтите его здѣсь часто съ большимъ ящикомъ, въ которомъ онъ передвигаетъ аляповатыя картинки, но онъ никогда не пойдетъ сниски-вать себѣ пропитаніе—паясничествомъ. Главную роль, конечно, тутъ играетъ не столько нравственное чувство турка, сколько лѣнь и полнѣйшая неспособность къ его подвижности.

Ая-Софія и характеръ турецкихъ мечетей.

Мечеть Ая-Софіи—самое любопытное и роскошное зданіе не только въ Константинополѣ, но и во всей Турецкой Имперіи. Доступъ въ нее чрезвычайно труденъ для христіанина. Только султанскій фирманъ (повелѣніе) открываетъ ему двери, но запастись имъ не легко. Впрочемъ, турки, какъ и всѣ южные жители, смотрятъ на туриста, какъ на дойную корову, и деньги даютъ ему возможность проникать иногда даже въ сокровенныя мѣста для магометанина, конечно, кромѣ гарема. Софійская мечеть—прежде православный соборъ древней Византіи, который строился 16 лѣтъ десятью тысячами рабочихъ подъ управленіемъ Исидора, при греческомъ императорѣ Юстиніанѣ, и обращенъ въ магометанскую мечеть покорителемъ Византіи Магометомъ II. Снаружи зданіе имѣетъ очень тяжелый видъ: въ хаосѣ куполовъ, полу-куполовъ, грубыхъ минаретовъ и разныхъ пристроекъ, подымается квадратная масса блѣдно-желтаго цвѣта, съ красными, поперечными полосками, такъ что напоминаетъ даже отчасти огромную тиковую палатку. «Но въ этой чудовищной грудѣ камней», говоритъ одинъ путешественникъ, «таится прекраснѣйшій храмъ, какъ сталактитовая пещера въ нѣдрахъ какой нибудь безобразной горы».

У входа въ древній храмъ васъ непремѣнно встрѣчаетъ цѣлая толпа имамовъ (духовныя лица, совершающіе богослуженіе) съ щетинистыми бородами и въ грязныхъ чалмахъ. Если у васъ нѣтъ фирмана, имамы предлагаютъ осмотрѣть мечеть за деньги и назначаютъ за осмотръ необыкновенно большую цифру. Туристъ проситъ сбавки и они, перекрикивая другъ друга, начинаютъ торговаться не хуже цыганъ и евреевъ. Лишь только вы вступаете на паперть, вы прежде всего встрѣчаете въ разныхъ позахъ сидящихъ и валяющихся нищихъ и калѣкъ. Съ другой стороны обыкновенно навалена огромная груда бабушей или сафьяныхъ туфлей. Дѣло въ томъ, что въ сапогахъ нельзя войти въ магометанскій храмъ, а приходится ихъ снимать у входа и вмѣсто ихъ надѣвать туфли, которыя тутъ лежатъ.

Вышина, громадность объема, простота и богатство, золото и рогожки на бѣломъ мраморномъ полу,—все тутъ поражаетъ каждаго своею оригинальностію. Вотъ какъ описываютъ этотъ храмъ: «Исполинскія боковыя стѣны, закругленныя наверху и пронизанныя окнами, примыкая впереди къ тройному выгибу алтаря, а назади къ колоннадѣ пропилей, сливаются въ легкіе полукуполы. Между ними четыре скрещенныя арки раскидываются, точно радуги, и поддерживаютъ неизмѣримое каменное кольцо, пронизанное шестьюдесятью окнами, на которомъ, какъ на горизонтѣ, весь залитый свѣтомъ, покоится громадный куполъ, прекраснѣйшій въ мірѣ послѣ небеснаго свода. По исполинской площади справа и слѣва тянутся два ряда громадныхъ колоннъ, связанныхъ арками, на нихъ встаютъ попарно новыя колонны, подпирающіе сво-

ды другими рядами величественныхъ арокъ,—и эта сквозная масса, поддерживая хоры, наполняетъ храмъ мрачной сѣтью колоннадъ, которая придаетъ ему неописанную красоту и величавую таинственность. На темныхъ стержняхъ серпентинныхъ и порфировыхъ колоннъ бѣлыя мраморныя капители и арки, съ сквозной вырѣзкою, выдѣляются словно серебряныя, а по коричневымъ и темнокраснымъ стѣнамъ и сводамъ раскидывается узорная, бѣло-мраморная рѣзьба, какъ бѣлыя кружева на черномъ полѣ. Это точно ажурный ящикъ изъ слоновой кости и серебра, съ подкладкою изъ темнаго бархата, на которой рѣзко обозначаются всѣ выпуклости сквозной филигранной работы....

«Весь древній міръ жертвовалъ своими сокровищами для построенія этого собора: драгоцѣнные мраморы, яшмовыя и серпентинныя колонны свезены были изъ Европы и Азіи, изъ Афинъ и Сизика, изъ храма Діаны въ Ефесѣ, изъ храма Солнца въ Геліополѣ. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ геній Исидора создалъ чудное зданіе, котораго не могли исказить грабежи, не въ силахъ были затмить всѣ новѣйшіе памятники.... Напрасно землетрясенія колебали его стѣны, крестоносцы похищали украшенія, Венеціяне вывозили колонны и двери; напрасно Италія подражала ему въ порывахъ своего генія, Турки съ фанатизмомъ отбивали его мраморы и мозаики,—Софійскій-Соборъ остался несокрушимымъ и неподражаемымъ памятникомъ человѣческаго искусства....»

Тамъ и сямъ со стѣнъ и сводовъ изъ подъ золотыхъ надписей корана, сквозь турецкую закраску и золотые арабески—выглядываютъ остатки греческихъ мозаикъ; видны и серафимы и фигуры святыхъ, — но всѣ они старательно прикрыты какимъ нибудь украшеніемъ въ восточномъ вкусѣ.

На мѣстѣ алтаря—теперь камень изъ розоваго мрамора, показывающій направленіе къ Меккѣ; тутъ же и полинялый коверъ, на которомъ молился самъ Магометъ. Подъ куполомъ развѣшаны зеленые щиты, а со сводовъ висятъ на проволокахъ фарфоровыя лампады, очень напоминающія чайныя чашки.

Большинство другихъ мечетей представляютъ обыкновенно одну огромную комнату, почти безъ всякихъ украшеній. Но за то въ каждой мечети непремѣнно красуются на стѣнахъ изреченія изъ Корана, висятъ канделябры, да еще непремѣнно замѣтите возвышенное мѣсто, на которомъ молится султанъ, такъ какъ онъ хоть разъ въ году, но непремѣнно побываетъ въ каждой значительной мечети города. Полъ въ мечетяхъ обыкновенно покрытъ рогожками. Во время службы каждая мечеть наполнена турками. Горячности во время молитвы вы у нихъ не замѣтите, напротивъ, богослуженіе совершается какъ-то вяло, чинно, точно выполняется заданный урокъ. Они падаютъ ничкомъ, съ дикими завываніями, но это нисколько не подкупитъ васъ и не заставитъ вѣрить въ ихъ теплое религіозное чувство, такъ какъ въ коранѣ до мельчайшей подробности изложены всѣ правила молитвы.

У колоннъ совершенно отдѣльно стоятъ турчанки... Магометъ не считаетъ женщину такимъ же разумнымъ существомъ, какъ мужчину, поэтому она и до сихъ поръ въ Турціи не только не играетъ ни какой роли ни въ общественной, ни въ семейной жизни, но даже и въ храмѣ Божіемъ не смѣетъ молиться вмѣстѣ съ мужчиною.

Еще самая характерная и общая черта всѣхъ мечетей—это громадная толпа нищихъ при каждой изъ нихъ. Въ какое время ни войдешь въ мечеть, они всегда здѣсь валяются, молятся, отдыхаютъ, даже ѣдятъ, а когда прямо-

вѣрные соберутся молиться Богу, они выпрашиваютъ у нихъ милостыню. Въ этомъ безцеремонномъ отношеніи къ храму виновата магометанская религія, которая такое важное значеніе придаетъ милостынѣ. Однако магометанину при всей его добротѣ къ нищимъ, никогда не придетъ въ голову, какъ бы бѣдняка поставить въ такое положеніе, чтобы тотъ могъ пробиваться не случайнымъ подаяніемъ, а честнымъ посильнымъ трудомъ. Зажиточный турокъ до тонкости вникаетъ достаточно ли наваренъ его кофе, хорошо ли онъ приготовленъ, какимъ образомъ сдѣлать табачный дымъ болѣе пріятнымъ; но ни на что другое мысль его никогда не была направлена.

Въ средѣ ихъ вы не ищите на столько образованныхъ людей, которыхъ могли бы занимать, или тревожить вопросы объ улучшеніи народнаго быта. Вы спросите, какимъ же образомъ тогда являются новыя законодательныя мѣры.

Въ Турціи отмѣняются тѣ или другія устарѣлыя формы правленія тогда, когда народъ, выведенный ими изъ терпѣнія, начинаетъ возмущаться. Да и реформы-то эти даются только для виду, отчасти чтобы отдалить мятежъ, отчасти—похвастать передъ Европой. Такъ что въ этихъ реформахъ вовсе не видно искренняго участія къ судьбѣ народа, а если судьбою народа кто и занимается, то опять таки администраторы, т. е. тѣ, которымъ это вмѣнено въ обязанность, а не общество. Да что за охота тревожить свой кейфъ какими бы то ни было мыслями, когда совѣсть такъ легко успокоить, подавъ милостыню. Къ тому же она здѣсь вовсе и не обременительна, такъ какъ религія предписываетъ непремѣнно подавать бѣднымъ, но тогда, когда у самого остается избытокъ.

Вотъ для мечети — нищіе дѣйствительно тяжелое бремя. Довольно сказать, что въ одномъ Константинополѣ до 60-ти тысячъ кормятся ежедневно обѣдами отъ мечетей. Правда, мечети располагаютъ большими средствами: владѣютъ обыкновенно нѣсколькими домами, или богатою землею, но не мало и нужно, чтобы прокормить здѣшнихъ нищихъ.

Дервиши.

Любимое народное зрѣлище испанца — бой быковъ, итальянецъ любитъ театръ, но у турка нѣтъ ни театра, ни цирка, и дикіе обряды дервишей служатъ для него самымъ любимымъ развлеченіемъ. Дервишами называются люди, вступившіе на высшую ступень спасенія — въ родѣ нашихъ монаховъ, или нашихъ юродивыхъ въ прежнее время. Жизнь этихъ избранниковъ Аллаха, глубокое уваженіе, которое питаютъ къ нимъ остальные правовѣрные, ихъ обряды и богослуженіе отлично рисуютъ религіозныя понятія турокъ, ихъ образованіе и развитіе.

И странно: коранъ который не позволяетъ туркамъ допускать иновѣрцевъ въ свои мечети во время богослуженія, совсѣмъ не стѣсняетъ въ этомъ отношеніи дервишей. Они охотно впускаютъ иностранцевъ въ свои теккіе — монастыри, и при этомъ не тольконе затрудняются исполнять всѣ свои обряды до мельчайшихъ подробностей, но большое собраніе зрителей, кажется, еще больше воодушевляетъ ихъ.

Въ одной изъ лучшихъ мѣстностій Перы построенъ монастырь дервишей Мевлеви. Кругомъ монастыря этихъ отшельниковъ расположено клад-

бище дервишей, гдѣ въ зелени кипарисовъ стоятъ мраморные, надгробные столбики. Налѣво тянется низенькое, деревянное строеніе, занятое кельями: направо — мечеть, а посреди — прелестный фонтанъ. Огромная толпа народа всѣхъ націй—всегда нетерпѣливо ждетъ у рѣшетки начала богослуженія, т.-е. представленія; такъ, кажется, вѣрнѣе будетъ назвать эти пляски и кривлянья, изъ которыхъ и состоитъ ихъ богослуженіе. Турчанки обыкновенно составляютъ большую часть зрителей. И это понятно при однообразной затворической жизни, тамошнія женщины никогда не пропускаютъ ни одного зрѣлища и прогулки....

Лишь откроютъ желѣзныя ворота, вся толпа уже зашевелилась и двинулась впередъ. Взору прежде всего представляется большая зала, съ трехъ сторонъ обведенная двойной галлереей. Въ верхнемъ ярусѣ помѣщается оркестръ, который состоитъ изъ нѣсколькихъ флейтъ и литавръ и изъ небольшаго хора поющихъ дервишей; въ нижнемъ ряду — богомольцы и зрители, а по бокамъ женскія ложи, которыя обведены до того высокой, зеленой рѣшеткой, что сидящихъ въ нихъ почти совсѣмъ и не видно. Нѣсколько деревянныхъ колоннъ и рядъ перилъ отдѣляютъ зрителей отъ мѣста, гдѣ совершается обрядъ.

Огромнаго размѣра арабскія надписи изъ Корана украшаютъ стѣну съ восточной стороны. Зеленая подушка для настоятеля ордена и нѣсколько цыновокъ для братьи, — вотъ и все внутреннее убранство. Полъ залы, гдѣ совершаются обряды, точно для танцевъ, полированъ, какъ стекло.

Настоятель, сухой, какъ скелетъ, старикъ, въ зеленой мантіи и съ зеленымъ тюрбаномъ на огромномъ дервишескомъ колпакѣ, неподвижно, какъ истуканъ, сидитъ на подушкѣ. Три старыхъ дервиша стоятъ по сторонамъ, сложивъ руки и потупивъ взоры. Но вотъ наконецъ попарно вошли въ залу и остальные мевлеви. Медленно и едва слышно ступаютъ они своими босыми ногами и идутъ, смиренно опустивъ глаза внизъ и со сложенными на груди руками. Одѣты они въ коричневыхъ рясахъ и войлочныхъ шапкахъ. Необыкновенное смиреніе, которое они представляютъ всей своей фигурой, блѣдность ихъ лицъ, высокіе колпаки, длинныя, сѣдыя бороды и ихъ странная одежда, все это придаетъ имъ какую-то таинственность. Когда всѣ вошли и размѣстились въ одинаковомъ другъ отъ друга разстояніи, настоятель встаетъ съ своего мѣста и начинаетъ читать молитву. Въ отвѣтъ ему раздается визгливое пѣніе хора. При этомъ дервиши разомъ опускаются на колѣна, вытягиваютъ впередъ руки и, падая на нихъ ницъ, дружно издаютъ какой-то стонъ и крикъ: «Это онъ! Это онъ!» Затѣмъ они откидываются назадъ и опять падаютъ на протянутыя руки съ тѣмъ же завываніемъ. Пѣніе смолкло и нѣсколько минутъ царствуетъ глубокая тишина. Послѣ этого дервиши подымаются на ноги: лица ихъ пылаютъ, глаза блещутъ какимъ-то страннымъ огнемъ.

Настоятель торжественно входитъ на разостланный коверъ. Раздаются рѣзкіе звуки флейты и визгливое пѣніе. Въ эту минуту одинъ изъ дервишей медленно подходитъ къ настоятелю, кланяется ему въ поясъ, потомъ отходитъ на средину, складываетъ руки на груди и начинаетъ тихо кружиться на пяткахъ. Затѣмъ выходитъ другой, также кланяется настоятелю и точно также кружится. Тоже по-очереди дѣлаетъ каждый и такъ скоро вся зала наполняется вертящимися фигурами. Музыка постепенно становится громче и скорѣе, хоръ все болѣе дико и рѣзко взвизгиваетъ славословіе Аллаху, дервиши все быстрѣе кружатся. Они вытянули свои руки горизонтально, голови

ихъ склонились на бокъ, глаза начали смыкаться, лица озарились восторженной улыбкой, а ихъ одежда поднялась на воздухъ и образовала огромные вертящіеся круги, среди которыхъ блѣдные дервиши кажутся какими-то куклами на пружинахъ. Между тѣмъ настоятель стоитъ неподвижно посреди, набожно опустивъ внизъ глаза.

Музыка, пѣніе и восклицаніе хора слились наконецъ въ дикій, оглушительный ревъ; но вотъ дервиши вдругъ содрогнулись и сразу остановились въ тѣхъ же разстояніяхъ одинъ отъ другаго, какъ при началѣ представленія. Черезъ минуту они шатаясь отступили къ балюстрадѣ и опустились на колѣна. Это былъ молитвенный антрактъ.

Эти дикіе звуки и пляска такъ овладѣли присутствующими, что всѣ они превратились въ зрѣніе и слухъ, вытянули лица и восторженными глазами впились въ дервишей. Послѣ небольшаго отдыха началась опять пляска. Въ этотъ разъ музыка играла еще быстрѣе: флейты, литавры, барабаны готовы были разорваться на части. Дервиши кружились съ непостижимою скоростью, потъ лился съ нихъ градомъ,—однако многіе изнемогали и тутъ же имамы подбѣгали къ нимъ и выводили ихъ изъ теккіе. И немудрено: нужны не человѣческія усилія, чтобы принимать участіе въ третьемъ актѣ этой душеспасительной гимнастики.

Когда пляска возобновляется въ третій и послѣдній разъ, на сценѣ остается обыкновенно не болѣе, какъ третья часть дервишей. Тутъ оркестръ доходитъ до такой быстроты, что вы слышите только неистовый ревъ и гулъ. Всѣ три акта этого религіознаго бѣснованія продолжаются около часу съ небольшимъ, и во время этого страннаго балета дервиши въ изступленномъ бѣшенствѣ, точно волчки, то и дѣло, мелькаютъ передъ глазами настоятеля. У другаго отъ этого давно бы запестрило въ глазахъ и закружилась голова, но онъ, до послѣдней минуты бодро и тихо, никого не задѣвая, скользитъ между пляшущими.

Народъ признаетъ дервишей за святыхъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старается выказать имъ свое глубочайшее уваженіе. Къ нимъ собираются турки за совѣтомъ въ своихъ болѣзняхъ и вѣрятъ безусловно въ ихъ нашептываніе и пророчество. Какъ бы ни были нелѣпы ихъ медицинскіе совѣты, дервиши не несутъ никакой отвѣтственности, такъ какъ сама религія въ этомъ случаѣ беретъ ихъ подъ свое покровительство. Магометане вѣрятъ въ предопредѣленіе: т. е. они твердо убѣждены въ томъ, что съ человѣкомъ сбудется все, что ему предназначено съ самаго его рожденія. Поэтому, когда паціентъ умираетъ, дервишъ говоритъ его родственникамъ, что значитъ, такъ было угодно Аллаху, и несчастные даже и въ мысляхъ не обвинятъ лѣкаря, будучи увѣрены въ такомъ предопредѣленіи.

Къ чести дервишей мевлеви должно прибавить, что они ведутъ жизнь гораздо болѣе порядочную, чѣмъ ихъ собратья другихъ орденовъ: они никогда не доходятъ также до бѣшенаго фанатизма, которымъ славятся другіе. Они до неистовства и до полнаго помраченія разсудка пляшутъ во славу Аллаха, но не вырываютъ себѣ всѣхъ зубовъ, какъ это дѣлаютъ другіе дервиши, въ память своего пророка Магомета, не привязываютъ себя за волосы къ стѣнѣ, чтобы не уснуть всю ночь, и не терзаютъ своего тѣла раскаленнымъ желѣзомъ.

Особеннымъ фанатизмомъ отличаются дервиши Руфаи, Шемси и др. По стѣнамъ ихъ молелень развѣшаны разныя орудія пытки, напоминающія инкви-

зицію: желѣзные крючья, тонкіе кинжалы, кривыя, изубренныя сабли и безчисленное множество подобныхъ инструментовъ. Тутъ при звукахъ дикой и оглушительной музыки, дѣлаются всевозможныя безобразія. Одинъ выходитъ на средину, срываетъ съ себя мантію, махаетъ надъ своей головой кинжаломъ въ разныя стороны и затѣмъ ударяетъ имъ себя въ грудь. Другой кидается на остріе кинжала.... Нѣкоторые бьютъ себя раскаленнымъ желѣзомъ, или держатъ его въ зубахъ, грызутъ его, и такъ далѣе, съ тѣми, или другими измѣненіями, смотря по ордену братства, къ которому они принадлежатъ....

Но какія бы раны ни наносили себѣ эти дервиши, они обыкновенно остаются здравыми и невредимыми. Одни приписываютъ это тому, что эти фанатики знаютъ только имъ извѣстныя средства тотчасъ залѣчивать свои раны, другіе на эти религіозныя самобичеванія смотрятъ какъ на ловкое фокусничество. Вообще объ этихъ самобичевателяхъ въ народѣ ходятъ весьма дурные слухи, какъ о людяхъ безнравственныхъ.

Впрочемъ это нисколько не мѣшаетъ тому же народу приносить каждый разъ въ ихъ молельни десятки больныхъ дѣтей для излѣченія.

При этомъ несчастнаго малютку кладутъ на коверъ и одинъ изъ этихъ дервишей ставитъ на грудь ему сперва одну ногу, потомъ другую и затѣмъ выпрямляется. Послѣ этого такимъ же образомъ подносятъ другаго и такъ всѣхъ.... Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ искренніе фанатики совершенно убѣждены, что наложеніемъ своихъ ногъ на больнаго они исцѣляютъ его.

Рамазанъ.—Какъ постятся мусульмане.—Ночи въ Рамазанъ.—Китайскія тѣни.—Рамазанъ во дворцѣ.—Обрядъ цѣлованія «священной мантіи».—Выѣздъ султана.

Мы уже говорили о свѣтскихъ удовольствіяхъ турка, но чтобы дать полное понятіе о его характерѣ, чтобы составить себѣ ясное о немъ представленіе, необходимо разсказать о его отношеніи къ религіи и къ правиламъ, которыя она предписываетъ, а это лучше всего выражается во время Рамазана, мусульманскаго поста.

Съ мыслію о постѣ мы обыкновенно привыкли соединять тѣ, или другія лишенія, умерщвленіе плоти и страстей. Но такое понятіе совсѣмъ не вяжется съ мусульманскимъ постомъ.

Мусульманскій постъ не воплощаетъ собой никакого событія (какъ напримѣръ у насъ великій постъ установленъ въ память поста Іисуса Христа и Его страданій); онъ исполняется неизвѣстно зачѣмъ и ни къ чему не ведетъ. Это совершенно пустая форма безъ всякой идеи! Къ тому же мусульманскій Пророкъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ держаться въ это время совершенно особыхъ правилъ. Мусульманинъ долженъ подвергать себя самому строгому воздержанію отъ пищи и питія во все время Рамазана днемъ, но за то онъ имѣетъ полное право вознаградить себя за это лишеніе ночью: онъ тутъ можетъ предаваться всѣмъ своимъ страстямъ, услаждать свой слухъ и зрѣніе чѣмъ ему вздумается, угощать себя любимыми яствами, и на столько, на сколько потребуетъ его желудокъ, отощавшій послѣ дневнаго поста. Относительно питья то же самое. Онъ можетъ пить шербеты и другіе любимые напитки, за исключеніемъ вина, вообще запрещеннаго кораномъ. Да и въ этомъ мусульмане дѣлаютъ себѣ послабленіе: они говорятъ, что коранъ запрещаетъ

пить виноградное вино, водка же не изъ винограда—и вслѣдствіе этого водка съ каждымъ годомъ все больше и больше входитъ въ употребленіе.

Мусульмане буквально выполняютъ всѣ предписанія, данныя на время Рамазана. Днемъ они такъ постятся, что стараются даже какъ можно меньше говорить, чтобы рѣже открывать ротъ и такимъ образомъ какъ можно меньше впускать въ себя воздухъ, но за то въ теченіи цѣлой ночи пресыщаются рѣшительно всѣмъ, такъ что Рамазанъ превращается изъ поста въ самый веселый мѣсяцъ въ году.

Рамазанъ непремѣнно долженъ совпадать съ новолуніемъ, но у турокъ не существуетъ никакихъ астрономическихъ вычисленій и все рѣшаютъ особые астрологи.

Когда приближается это время, они отправляются къ Босфору на вершину высокой горы Гиганта. Гора эта служитъ и Босфорскою обсерваторіей и мѣстомъ поклоненія. Тутъ съ самыхъ древнихъ временъ находится какой-то памятникъ. Византійцы называли его гробомъ великана, а турки, завладѣвши имъ, стали признавать его мусульманскою святынею, и приписываютъ ему чудодѣйственную силу. Больные турки и турчанки съ дѣтьми стекаются сюда на поклоненіе и обвѣшиваютъ лоскутьями отъ бѣлья и платья цвѣты и кустарникъ, которыми обсажена гробница. Они твердо вѣрятъ, что вмѣстѣ съ своими лохмотьями передаютъ растеніямъ и свою болѣзнь. Такъ вотъ съ этой-то поэтической вершины, прославленной многими преданіями,—и высматриваютъ астрологи появленіе новой луны въ началѣ и концѣ Рамазана. Иногда за облаками и не видать вовсе луны, но имъ надоѣдаетъ долго смотрѣть, и они объявляютъ, что луна появилась и Рамазанъ начался. Тогда нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ даютъ знать всѣмъ о началѣ поста. Тотчасъ минареты унизываютъ плошками, воздухъ оглашается звуками пронзительной военной музыки, ночные сторожа оглушаютъ свои кварталы стуканьемъ по огромному бубну. Но первая ночь проходитъ безъ особеннаго оживленья, такъ какъ всѣ стараются провести ее въ своихъ гаремахъ, и въ кругу своего семейства,—это нѣчто въ родѣ нашего заговѣнья. Впрочемъ безъ особеннаго шума проходятъ и слѣдующія ночи, до первой Рамазанной пятницы, — мусульманскаго недѣльнаго праздника. За этими днями по ночамъ идетъ разгулъ, что море разливное. Однако разскажемъ по порядку весь день. Утромъ на восходѣ солнца и вечеромъ при его закатѣ Босфорскія и Скутарійскія батареи возвѣщаютъ начало и конецъ пощенія, а сообразно этому правовѣрные и распредѣляютъ свою жизнь. Поздно встаетъ турокъ, такъ какъ ночь онъ провелъ безъ сна, въ ежеминутномъ пополненіи своего желудка, да наконецъ ему просто бы хотѣлось проспать все время поста, т. е. — всѣ дни. По этому во время Рамазана на улицахъ царствуетъ необыкновенная тишина. Изъ домовъ рѣдко кто показывается и то развѣ за какимъ нибудь важнымъ дѣломъ. Турокъ и безъ того лѣнивъ, а тутъ ужъ совсѣмъ еле двигается. Его всегда вялая, заспанная физіономія теперь безжизненна до идіотизма. Пройдетъ онъ мимо васъ какъ тѣнь и ни за что не отвѣтитъ на вашъ вопросъ. Турки побогаче совсѣмъ не выходятъ на улицу, они стараются покончить всѣ свои дѣла до Рамазана, чтобы спать цѣликомъ всѣ дни.

Даже и собаки, которыя на каждомъ шагу попадаются подъ ноги, — теперь спятъ гдѣ-то по закоулкамъ, чтобы бодрствовать ночью вмѣстѣ съ правовѣрными. Присутственныя мѣста и Безестенъ, лучшій Стамбульскій базаръ, открыты только часа на два, на три въ день; зайдете днемъ въ кофейню, и не найдете въ ней не только кофе, но даже и трубки....

Солнце близко къ закату, османы стараются поскорѣе кончить свои дѣла, неподвижныя ихъ физіономіи нѣсколько оживляются, и они то и дѣло поглядываютъ на западъ....

Но ни одинъ правовѣрный не позволитъ себѣ разговѣться до тѣхъ поръ, пока муэззинъ не провозгласитъ вечерней молитвы.... Вотъ за гремѣла пушка, со всѣхъ минаретовъ раздалось пѣніе муэззиновъ и правовѣрные, омывши лице и руки, спѣшатъ въ мечети.... Молитва кончена, и все мусульманское населеніе устремляется, кто домой, кто въ кофейню на представленіе.... На Стамбульскихъ улицахъ сразу все ожило и проснулось: собаки и калѣки опять вылезли изъ своихъ норъ; всюду множество народа, улицы освѣщены необыкновенно фантастично: всѣ карнизы минаретовъ обставлены зажженными шкаликами, нѣкоторые изъ нихъ даже висятъ на проволокахъ между минаретами и издали кажется, будто горятъ звѣзды въ самомъ небѣ. Тамъ и сямъ изъ этихъ шкаликовъ составлены разныя фигуры, слова и цѣлыя фразы.

И дѣйствительно, трудно себѣ представить, какъ заманчиво въ темную ночь разобрать и прочесть на небѣ огненныя слова «Аллахъ», или разсмотрѣть огненный султанскій каикъ и другія украшенія на мечетяхъ. Нѣкоторыя зданія и особенно кофейни украшены гирляндами изъ бумажныхъ цвѣтовъ и изъ оконъ ихъ раздаются звуки музыки и пѣнія. Большинство правовѣрныхъ, смотря по вкусу, выбираютъ какую нибудь кофейню; нѣкоторые же въ одну ночь перебываютъ въ нѣсколькихъ, тѣмъ болѣе, что каждая изъ нихъ обыкновенно славится какимъ нибудь особымъ искуствомъ. Одна изъ нихъ извѣстна своимъ пѣвцомъ, другая плѣняетъ хорошимъ разсказщикомъ, въ третьей даютъ «хязиль» — китайскія тѣни или кукольныя комедіи; въ иной подкутившій турокъ заставитъ и плясать передъ собой. Извѣстно, что правовѣрные сами никогда не пляшутъ и считаютъ танецъ унизительнымъ ремесломъ, но они далёко не прочь посмотрѣть, какъ отплясываетъ молодой, красивый грекъ или армянинъ. Эти пляски (смотрѣть которыя въ рамазанные дни позволяютъ себѣ только кутилы), пѣніе, разсказы, кукольная комедія и всѣ прочія увеселенія рамазанныхъ ночей, отличаются далёко не душеспасительнымъ характеромъ. Можно даже смѣло сказать, что большинство этихъ великопостныхъ удовольствій носятъ на себѣ до такой степени грязный, циническій оттѣнокъ, что возбуждаютъ въ европейцѣ лишь одно отвращеніе.

Хязиль необыкновенно любимъ турками и чаще всего дается въ рамазанныя ночи: это единственное драматическое представленіе въ турецкой имперіи, имъ восхищается какъ простой народъ, такъ и высшее сословіе, вотъ поэтому мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Китайскія тѣни обыкновенно занимаютъ уголъ кофейни: здѣсь развѣшивается занавѣсъ, а за нимъ стоитъ яркая лампа, передъ которой двигаются бумажныя куклы въ $^1/_4$ арш. величиною. Куклы эти передвигаетъ и говоритъ за нихъ актеръ, сидящій за занавѣсомъ. Онъ изображаетъ иногда не только турокъ, но и другія племена Турецкой имперіи, а очень часто и гяуровъ, поэтому актеръ долженъ хотя не много говорить на разныхъ языкахъ. Интрига комедіи очень не сложна, сцены слѣдуютъ за сценами безъ особенной связи и смысла. Да объ этомъ, разумѣется, никто и не думаетъ. Такая кукольная комедія не можетъ увлечь актера, не можетъ выказать его таланта и сценическихъ дарованій, поэтому и содержаніемъ ея сочинители не особенно озабочены. Въ ней обыкновенно два дѣйствующихъ лица: Карагёзъ (что значитъ черноглазый) и Айвасъ.

Первый говоритъ всегда басомъ и выражается простонародно, а второй гнуситъ и щеголяетъ мудреными выраженіями. Завязка комедіи состоитъ въ желаніи обоихъ друзей надуть и одурачить другъ друга; что имъ и удается поочередно. Карагёзъ, какъ итальянскій Пульчинелли, осмѣиваетъ все, иногда затрогивая даже политическія событія и пашей, любитъ потѣшиться надъ гяурами, изображая ихъ въ забавномъ видѣ. Нѣкоторые изъ этихъ Карагёзовъ дѣйствительно обладаютъ порядочнымъ запасомъ остроумія и каламбуровъ, но при грубыхъ сценическихъ выходкахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, при бездарности всей пьесы, эти остроты лишь праздно тѣшатъ турокъ. Да и станетъ ли правовѣрный задумываться въ Рамазанныя ночи, когда ему такъ хочется повеселиться!

Наконецъ наступаютъ послѣдніе, самые священные дни Рамазана: по религіозному повѣрію, если усердно помолишься Аллаху въ одну изъ этихъ ночей, то всякое желаніе будетъ исполнено. Такая таинственная и чудесная ночь и выпадаетъ обыкновенно на 27-ое число Рамазана. Турки думаютъ, что молитвы, совершаемыя въ одну эту ночь, равняются самымъ усерднымъ молитвамъ за нѣсколько лѣтъ. Они искренно вѣрятъ, что въ эту ночь творятся милліоны чудесъ, и что въ ней есть такая минута, когда исполняется всякое желаніе правовѣрнаго. Эта «ночь судьбы», какъ ее называютъ мусульмане, проходитъ въ Константинополѣ слѣдующимъ образомъ. Въ восемь часовъ вечера пушечные выстрѣлы возвѣщаютъ выѣздъ султана изъ дворца въ мечеть на молитву. Мечети и минареты иллюминованы, улицы биткомъ набиты народомъ, который собрался посмотрѣть и на своего падишаха (султана) и на бенгальскіе огни, зажигаемые въ это время по берегу и на каикахъ, что на Босфорѣ. Помолившись въ мечети около часу, султанъ возвращается къ себѣ во дворецъ, сопровождаемый пушечными выстрѣлами и при свѣтѣ ракетъ; темная ночь и голубыя волны Босфора и Золотаго рога придаютъ этому освѣщенію особенную прелесть. Вслѣдъ за султаномъ расходится и весь народъ. Въ городѣ наступаетъ мертвая тишина. Кофейни пусты, такъ какъ правовѣрные усердно молятся по своимъ домамъ.... Нѣкоторые однако не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на пламенныя молитвы собратій и прекрѣпко спятъ въ эту ночь. Это обыкновенно разувѣрившіеся въ чудесной силѣ «ночи судьбы.» Они нѣсколько лѣтъ сряду усердно молили Аллаха въ таинственную минуту исполнить то или другое ихъ желаніе, но ни одна просьба ихъ не сбылась.... Однако такихъ очень мало. Большинство чрезвычайно хладнокровно относится къ тому, что ихъ просьбы, произносимыя въ священную ночь, остаются безъ послѣдствій. «Видно такъ предопредѣлено со дня рожденія», говорятъ турки, и не сбывшіяся надежды нисколько не ослабляютъ ихъ религіозныхъ чувствъ.

Прежде чѣмъ говорить о Бейрамѣ, посмотримъ, что дѣлается въ дни Рамазана во дворцѣ падишаха. Первое важное и необыкновенно оргинальное торжество совершается въ серединѣ поста: я говорю объ обрядѣ цѣлованія «священной мантіи» мусульманскаго пророка, хранящейся въ старомъ дворцѣ. Эта мантія пользуется глубочайшимъ почтеніемъ мусульманъ и хранится въ особой комнатѣ, которая поэтому и называется «комнатою священной мантіи». Снаружи комната эта завѣшана планами Мекки и Медины; внутри покрыта черною матеріей, по которой вышиты стихи изъ корана. Посреди стоятъ два драгоцѣнныхъ ящика: въ одномъ хранится мантія, а въ другомъ — знамя; тутъ же въ нишѣ стѣны есть и другія вещи, принадлежавшія пророку. Чрезвычайно роскошный, драгоцѣнный сундукъ съ священной

мантіей окруженъ наибольшимъ почетомъ. Кругомъ его стоятъ нѣсколько огромныхъ, серебряныхъ шандаловъ, съ потолка къ нему спускаются серебрянныя лампы, которыя горятъ по ночамъ. Самая мантія обернута въ сорокъ чахловъ изъ самыхъ драгоцѣнныхъ матерій.

Въ пятнадцатый день Рамазана, сюда пріѣзжаетъ султанъ и собираются всѣ сановники имперіи. Съ молитвами и съ необыкновеннымъ благовѣніемъ развертываютъ сорокъ покрововъ мантіи, затѣмъ къ ней подходитъ султанъ и прикладывается, а за нимъ одинъ за другимъ идутъ сановники и цѣлуютъ край мантіи. Съ одной стороны мантіи стоитъ при этомъ особой церемоніимейстеръ съ жезломъ въ рукахъ, который наблюдаетъ, чтобы сановники подходили, строго соблюдая, различіе своего чина: полковникъ не смѣетъ приложиться раньше генерала, и т. п. Съ другой стороны стоитъ придворный, подлѣ котораго на богатой подушкѣ лежитъ цѣлая кипа кисейныхъ платковъ. Ими онъ стираетъ съ мантіи каждый поцѣлуй и затѣмъ подаетъ этотъ платокъ приложившемуся.

Когда всѣ исполнили обрядъ цѣлованія, нѣсколько духовныхъ лицъ осторожно поднимаютъ мантію и при чтеніи молитвъ опускаютъ ее въ серебрянный бассейнъ, наполненный водою; тотъ край, который только что былъ покрытъ поцѣлуями, слегка полощутъ въ водѣ. Затѣмъ опять съ молитвами и съ такимъ же благовѣніемъ завертываютъ мантію въ сорокъ чахловъ и уже не открываютъ ее до будущаго Рамазана. Султанъ возвращается въ свой дворецъ при громѣ пушекъ, а сановники разъѣзжаются по домамъ.

Воду, въ которой поласкали мантію съ этой минуты считаютъ уже священной, наливаютъ ее въ множество пузырьковъ, каждый пузырекъ запечатываютъ султанскою печатью и съ придворными служителями разсылаютъ ихъ ко всѣмъ присутвовавшимъ при обрядѣ цѣлованія. Эту воду во всѣ дни Рамазана вливаютъ каждый разъ по одной, по двѣ капли въ обыкновенную, и прежде чѣмъ принять пищу въ рамазанскую ночь разговляются этой священной водой.

Въ послѣдніе дни Рамазана гаремныя затворницы больше всего проявляютъ свою дѣятельность: цѣлыми днями онѣ чистятся, моются, отправляются въ Безестенъ накупать себѣ обновокъ и шьютъ ихъ себѣ къ празднику.

Но вотъ наступаетъ и Бейрамъ. Мусульмане омываются, одѣваютъ свое лучшее платье, разговляются передъ бейрамнымъ моленьемъ и идутъ въ мечеть. По выходѣ оттуда они непремѣнно въ этотъ день должны раздавать милостыню. «На нѣсколько лѣтъ» говорятъ турки, встрѣчаясь между собою, обнимая другъ друга и касаясь руки.

Юноши и дѣти при встрѣчѣ со старшими цѣлуютъ у нихъ руки, а подчиненные лобызаютъ у начальниковъ край одежды. Затѣмъ на площадяхъ устраиваютъ для народа качели, тамъ и сямъ показываютъ лубочныя картинки; никакихъ другихъ, болѣе интересныхъ, зрѣлищъ не бываетъ. Самое главное торжество этого праздника сосредоточиваются только во дворцѣ султана.

Еще до солнечнаго восхода собираются туда всѣ сановники имперіи и каждый занимаетъ мѣсто, соотвѣтствующее его званію. Отъ дворца до мечети, въ которую отправится султанъ молиться, по обѣимъ сторонамъ дороги, разставляютъ солдатъ въ полной формѣ. Въ семь часовъ начинается шествіе. Впереди негры въ бѣлыхъ чалмахъ ведутъ подъ уздцы восемь султанскихъ лошадей; ихъ головы убраны страусовыми перьями, узды покрыты серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, на спинахъ-шитыя турецкія сѣдла съ

длинными чепраками, на которыхъ сдѣланъ султанскій вензель изъ дорогихъ камней. Затѣмъ верхами на статныхъ коняхъ, по два въ рядъ одни за другими, ѣдутъ генералы и паши; за ними гуськомъ въ одиночку тянутся министры; затѣмъ опять ведутъ двухъ султанскихъ лошадей знаменитой кровной породы «Неджд», прославленной въ арабскихъ пѣсняхъ. Весь уборъ на этихъ лошадяхъ сіяетъ золотомъ и алмазами. Кругомъ ихъ гвардейцы въ турецкихъ темно-зеленыхъ мундирахъ съ киверами на головахъ. Дальше толпа стражи, вооруженной сѣкирами, и среди нихъ верхомъ самъ султанъ. На немъ накинутъ плащъ, пристегнутый бриллiантовымъ аграфомъ, а на головѣ фесъ. Поѣздъ замыкаютъ менѣе важные чиновники....

Парадъ этотъ иногда нѣсколько измѣняется: то больше свиты впереди, то сзади, — смотря по предписанію. «Падишахъ аминъ» (да здравствуетъ императоръ!) кричатъ войска и затѣмъ все тотчасъ смолкаетъ. Мусульманскій этикетъ воспрещаетъ излишній шумъ при султанскомъ шествіи. На поклоны султанъ отвѣчаетъ лишь легкимъ поворотомъ глазъ въ ту сторону, — и только; иначе онъ никогда не кланяется. Процессія эта двигается передъ публикою въ глубокомъ молчаніи.... На безстрастныхъ лицахъ свиты не выражается не только никакой мысли, даже трудно замѣтить присутствіе жизни: это точно куклы, которыхъ медленно передвигаютъ съ мѣста на мѣсто.

По окончаніи молитвы султанъ возвращается тѣмъ же порядкомъ въ свой дворецъ и тутъ происходитъ парадное поздравленіе съ праздникомъ и лобызаніе султанской одежды. Падишахъ садится на тронъ, а всѣ сановники и духовенство, опять каждый строго соблюдая свой чинъ, подходятъ къ султану цѣловать его ногу, или платье. Великій визирь (первое лицо въ государствѣ, хранитель печати и предсѣдатель тайнаго совѣта,—черезъ его руки проходятъ всѣ султанскія повелѣнія) два раза падаетъ ницъ передъ султанамъ и затѣмъ цѣлуетъ его ногу. Послѣ него всѣ высшіе государственные чины имѣютъ право поклониться уже одинъ разъ и удостоиваются только приложиться къ низу одежды. Низшіе чины удостоиваются и еще меньшей чести — они цѣлуютъ край султанскаго рукава. Духовенство безъ поклоновъ прямо цѣлуетъ одежду султана на груди, а низшее духовенство — край одежды. Бывали примѣры, что за малѣйшую оплошность въ порядкѣ приближенія къ особѣ государя, которое показывало не совсѣмъ твердое знаніе табели о рангахъ церемоніймейстерами, ихъ наказывали вѣчной ссылкой на какой нибудь изъ отдаленныхъ острововъ.

Вотъ и весь постъ, когда веселятся и наѣдаются болѣе чѣмъ въ обыкновенные дни, и праздникъ, который состоитъ въ униженіи слабыхъ и бѣдныхъ передъ сильными и богатыми.

Сущность мусульманской религіи.—Какое она имѣетъ вліяніе на нравственность, образованіе, развитіе и положеніе народа.—Образъ правленія и турецкіе чиновники.— Современное положеніе финансовъ и промышленности.

Прежде чѣмъ говорить о сущности магометанской религіи, мы считаемъ необходимымъ хотя кратко объяснить ея происхожденіе. Мусульманское ученіе, изложенное въ коранѣ (*) не представляетъ собою ничего новаго,

(*) Коранъ или алкоранъ значитъ чтеніе, книга.

оригинальнаго, а переполнено заимствованіями изъ другихъ религій, которыя господствовали тогда въ Аравіи.

Магометъ внесъ въ проповѣдуемое ученіе множество уставовъ языческой религіи своихъ соотечественниковъ аравитянъ: поклоненіе съ многочисленными обрядами Меккскому храму Каабѣ, многоженство, пятикратную молитву съ колѣнопреклоненіемъ и паденіемъ ницъ. Очень много заимствовалъ онъ и изъ іудейскаго закона: единство Бога, сотвореніе міра въ шесть дней и покой Божества на седьмой, воздаяніе по смерти, въ раю и аду, воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, жертвоприношеніе и многое, многое другое....

Все это онъ соединилъ въ одну религію, кое-что сократилъ и прибавилъ, но главное, все, что онъ заимствовалъ, онъ разукрасилъ своей богатой фантазіей.

Магометъ былъ знакомъ также и съ христіанскою религіею, но изъ нея онъ взялъ лишь нѣсколько Евангельскихъ выраженій и ни одного основнаго догмата. Магометъ признаетъ Іисуса Христа только пророкомъ, но отвергаетъ Его божественность. Онъ больше всего разсчитывалъ имѣть послѣдователей между аравитянами и іудеями, поэтому и въ свое ученіе онъ старался внести религіозныя понятія и обряды, уже усвоенные этими народами. Къ тому же и по своимъ природнымъ склонностямъ, и по своимъ политическимъ разсчетамъ Магометъ не могъ особенно сочувствовать всепримиряющей, полной любви, христіанской религіи. Онъ понималъ, что распространять свою религію ему придется не словомъ убѣжденія, а огнемъ и мечемъ, и потому ему гораздо болѣе пришелся по вкусу суровый Моисеевъ законъ: «Око за око, зубъ за зубъ». И Магометъ опредѣляетъ даже степень мщенія. «Если вы мстите за обиду», говоритъ онъ, «то мстите наравнѣ съ обидою, которая вамъ нанесена».

Главное ученіе его религіи — это ученіе о единствѣ Бога. «Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магометъ его пророкъ», вотъ изрѣченіе корана, которое вы встрѣтите на каждомъ шагу, услышите изъ устъ каждаго его послѣдователя. И Магометъ дѣйствительно всею душею ненавидѣлъ идолопоклонство и всю свою жизнь словомъ и дѣломъ ратовалъ противъ него. Какъ же много руководилъ имъ разсчетъ, сколько въ немъ самомъ вкоренились понятія его соотечественниковъ, если онъ, не смотря на всю антипатію къ религіи идолопоклонниковъ, всетаки многое изъ нея заимствовалъ.

Кромѣ заимствованій изъ разныхъ религій, Магометъ въ свою проповѣдь внесъ многое, сообразуясь съ арабскими нравами. Поэтому, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, онъ и въ своемъ ученіи допустилъ обычай кровавой мести, изстари господствовавшій между бедуинами; усилилъ затворничество женщинъ, которое у аравитянъ - идолопоклонниковъ простиралось только на дѣвушекъ. Наконецъ, не смотря на возгласы корана, которыми онъ до того унижаетъ женщинъ, т. е. цѣлую половину рода человѣческаго, что ставитъ ее на ряду съ животными, въ то же время въ уставы священной книги имъ внесено изъ бедуинскаго быта нѣкотораго рода уваженіе къ беззащитности и слабости женщины, развившееся, вѣроятно, отъ столкновенія съ христіанами.

Нужно замѣтить, что изъ каждой религіи Магометъ заимствовалъ только второстепенные догматы, отвергая въ каждомъ изъ этихъ ученій самое главное. У іудеевъ онъ отнялъ надежду на пришествіе Мессіи, у аравитянъ—идолопоклонство, у христіанъ — таинство искупленія, божественность Спасителя и любовь ко всему человѣческому роду.

Вотъ главныя предписанія, составляющія основу магометанской религіи—

вѣра въ единаго Бога и въ небесныхъ духовъ, предопредѣленіе, мзда и награда въ будущей жизни; истребленіе всѣхъ немагометанъ огнемъ и мечемъ; частое омовеніе и молитва; милостыня, постъ и путешествіе въ Аравію на поклоненіе храму Каабѣ. Посмотримъ же, какъ выполняются эти догматы и какое значеніе имѣютъ они въ жизни мусульманъ.

По ученію магометанской религіи лишь только умираетъ человѣкъ, какъ уже начинается для него покровительство или гоненіе: духъ смерти *бережно* беретъ душу умершаго мусульманина и—безъ всякой осторожности обходится съ немусульманской душой; затѣмъ душу мусульманина, если онъ жилъ сообразно указаніямъ Магомета, услаждаютъ дуновеніемъ райскаго воздуха, немусульманинъ же во всякомъ случаѣ подвергается истязаніямъ. Какъ бы честенъ и хорошъ ни былъ иновѣрецъ, онъ никогда не отдѣлается послѣ своей смерти отъ адскаго мученія, между тѣмъ какъ грѣшнымъ мусульманамъ даже и во время послѣдняго суда предоставляется множество льготъ, при которыхъ имъ довольно легко войти въ рай.

Праведнымъ мусульманамъ Магометъ обѣщаетъ въ будущей жизни: великолѣпныя рощи съ павильонами и фонтанами, роскошныя одежды, утонченныя яства, нѣжнѣйшіе плоды, усладительныя питья, въ томъ числѣ и вино, тамъ уже лишенное всякаго опьяняющаго свойства, верховыхъ разукрашенныхъ животныхъ, юную и красивую прислугу, прелестныхъ, черноокихъ женщинъ (гурій) и наконецъ вѣчный тридцатилѣтній возрастъ...

Изъ этого описанія рая, уготовленнаго праведнымъ мусульманамъ, мы видимъ грубое представленіе, какое имѣетъ эта религія о счастіи человѣка,—представленіе, лишенное всего духовнаго и высоко-нравственнаго. Она не можетъ иначе представить себѣ блаженства, какъ въ обжорствѣ, въ роскоши одеждъ, всегда въ кругу черноокихъ женщинъ... Обѣщая правовѣрнымъ въ будущей жизни юную, красивую прислугу, Магометъ обѣщаетъ имъ и за гробомъ дѣлить ихъ на баръ и рабовъ. Другаго идеала о счастіи турокъ не имѣетъ и потому онъ еще и при жизни старается его достигнуть. По цѣлымъ днямъ онъ куритъ трубку, пьетъ кофе, прислушивается къ журчанію фонтановъ, разгуливаетъ въ тѣнистыхъ аллеяхъ и такимъ образомъ предвкушаетъ будущее блаженство... А чтобы и всю жизнь наслаждаться этимъ безмятежнымъ покоемъ, онъ, сколько хватаетъ силъ, грабитъ подвластныя ему племена...

Въ статьѣ объ «общественныхъ удовольствіяхъ турокъ», мы видѣли, что хотя публичная купля и продажа рабовъ и запрещена въ Турціи, тѣмъ не менѣе она и до сихъ поръ производится въ кофейняхъ и частныхъ домахъ. Невольничество освящено, какъ мы сейчасъ увидимъ, самимъ пророкомъ и будетъ существовать въ Турціи такъ же долго, какъ и сама магометанская религія.

Гаремная жизнь и невольничество тѣсно связаны между собой и одно безъ другаго совсѣмъ не можетъ существовать. Съ прекращеніемъ невольничества пришлось бы построить жизнь женщинъ на новыхъ началахъ, а слѣдовательно измѣнить нравы, обычаи, привычки, вѣрованія, однимъ словомъ пересоздать всю общественную жизнь турокъ.

Когда Магометъ издалъ свои законы, невольничество было распространено повсемѣстно. Еслибы Магометъ враждебно отнесся къ идеѣ рабства, горячо и открыто сталъ бы на защиту рабовъ противъ угнетенія, униженія и порабощенія ихъ другою половиною рода человѣческаго,—онъ нажилъ бы себѣ разумѣется, много враговъ. Между тѣмъ Магометъ, какъ человѣкъ въ выс-

шей степени практическій, прежде всего старался о томъ, чтобъ его религія, такъ или иначе, была какъ можно болѣе распространена. Вотъ поэтому онъ не только позволяетъ своимъ послѣдователямъ обзаводиться рабами, но даже опредѣляетъ число палочныхъ ударовъ, которыми правовѣрный мусульманинъ можетъ наказать строптиваго раба, ударяя его по спинѣ, или по пяткамъ. Однако, позволяя господамъ въ случаѣ неповиновенія рабовъ прибѣгать даже къ тѣлесному наказанію, онъ въ то же время ограждаетъ ихъ отъ произвола. Магометъ учитъ своихъ послѣдователей обходиться съ своими рабами милостиво и смотрѣть на нихъ, какъ на своихъ собственныхъ дѣтей, за которыхъ они будутъ отвѣчать передъ Богомъ. Онъ говоритъ даже, что мусульманинъ, желающій совершить истинно доброе дѣло, долженъ дать свободу рабу, который служилъ ему вѣрою и правдою. Такое наставленіе пророка имѣло огромное значеніе. Каждый рабъ, получая свой отпускной листъ отъ господина, становится такимъ же равноправнымъ гражданиномъ, какъ и турокъ, и можетъ занимать въ государствѣ различныя должности и достигнуть высшихъ почестей. И дѣйствительно бо́льшая часть сановниковъ и полководцевъ Оттоманской имперіи, имена которыхъ сохранились въ исторіи, принадлежатъ къ сословію освобожденныхъ невольниковъ.

Когда невольница получаетъ отпускъ, она уже становится дамою, «гапумъ», и съ этой минуты никто не вправѣ обратить ее въ свою собственность, безъ соблюденія извѣстнаго рода установленныхъ закономъ формальностей.

Красивыхъ невольницъ, какъ прежде, такъ и теперь, тотчасъ помѣщаютъ въ гаремы. Наиболѣе миловидныя изъ нихъ дѣлаются женами турокъ, менѣе красивыя поступаютъ горничными, кухарками и разнаго рода прислужницами при гаремахъ. Прежде, когда рабы были даже у простаго народа, турки употребляли ихъ для воздѣлыванія своихъ полей. Теперь рабовъ держутъ мало, особенно сравнительно съ толпою женской прислуги. Но какія бы обязанности ни лежали на рабахъ, турки согласно съ требованіями Корана, обходились съ ними во времена рабства гораздо человѣколюбивѣе другихъ народовъ и многіе изъ нихъ дѣйствительно заботились о своихъ рабахъ съ отеческою любовью. Это гуманное обращеніе съ рабами и возможность для нихъ сдѣлаться равноправными гражданами, въ то время, когда другіе относились къ нимъ съ высокомѣріемъ и съ презрѣніемъ, заставила многихъ невольниковъ бросать свою религію и вступать въ ряды мусульманъ.

Коранъ строго предписываетъ соблюдать «Сетръ-Авретъ», т. е. законъ, повелѣвающій женщинѣ скрывать свое лицо. Посмотримъ же, что изъ этого выходитъ на практикѣ. При своихъ гаремахъ турки обязаны держать много прислуги. Если бы въ гаремахъ прислуживали турчанки, то каждый разъ, при появленіи своего господина, онѣ должны были бы бросаться въ разныя стороны, чтобы подальше скрыться отъ взоровъ мужчины, и вмѣсто того, чтобы спокойно продолжать свою работу, только и думать о томъ, какъ бы плотнѣе укутать свое лицо. Да и можетъ ли быть пріятно турку видѣть этихъ движущихся мумій, относительно которыхъ и самъ онъ, по обычаямъ страны, долженъ быть очень остороженъ. Другое дѣло съ невольницами: съ ними ему не надо никакихъ предосторожностей. Онѣ прежде всего составляютъ полнѣйшую собственность хозяина и онъ можетъ видѣть ихъ съ открытыми лицами. Вотъ вслѣдствіе этого для гаремовъ пріобрѣтаютъ женщинъ изъ чужихъ странъ и отказываютъ въ заработкѣ своимъ.

Вѣра мусульманъ въ предопредѣленіе имѣетъ также весьма пагубныя по-

слѣдствія. «Гдѣ бы вы ни были», сказано въ Алкоранѣ, «смерть постигнетъ васъ, хотя бы вы были на высочайшихъ башняхъ. И не ты убиваешь, но Богъ убиваетъ; не ты бросалъ стрѣлу, когда ты бросалъ, но Богъ бросалъ. Бѣдствіе никогда не поразитъ ни землю, ни людей, если то не написано въ книгѣ еще прежде сотворенія. Если будетъ моровая язва въ странѣ, которую вы обитаете, то вы не покидайте этой страны, вѣря, что если кому уже не опредѣлено погибнуть, тотъ не погибнетъ, хотя бы былъ окруженъ всякими язвами и напастями».

Вѣра въ предопредѣленіе необыкновенно гибельна для народнаго здравія въ Турціи — этой жаркой странѣ, среди полудикаго народа, все образованіе котораго ограничивается изученіемъ религіи.

Согласно словамъ своего пророка, турки непоколебимо вѣрятъ, что каждый, уже при своемъ рожденіи, получилъ приговоръ: умереть-ли ему отъ чумы, отъ войны, или отъ другой какой напасти — и что всѣ жертвы мороваго повѣтрія предвѣчно записаны въ книгѣ судебъ.

«Кысметъ» — судьба — никогда не сходитъ съ языка османла и онъ не только не принимаетъ никакихъ предосторожностей отъ заразительныхъ болѣзней, но съ остервененіемъ набрасывается на каждаго, въ комъ замѣтитъ малѣйшее желаніе предостеречься. Проносятъ ли турки покойника, умершаго отъ чумы, и лишь только подмѣтятъ они, что кто нибудь осторожно пробирается, чтобы какъ нибудь не задѣть носильщиковъ, — тогда бѣда, они нарочно будутъ стараться какъ нибудь до него дотронуться, а если это не удастся, начнутъ проклинать и обругаютъ его на чемъ свѣтъ, что онъ хочетъ отвратить неотвратимую руку судьбы.

Въ Константинополѣ множество лавокъ, въ которыхъ за безцѣнокъ продаются всѣ вещи отъ зачумленныхъ, и турки, безъ всякаго страха покупая эти вещи, еще болѣе распространяютъ чуму и разносятъ ее по всѣмъ концамъ города.

Такое же дурное вліяніе имѣетъ этотъ догматъ и на нравственность. Турокъ сдѣлалъ что нибудь скверное, подумаетъ, подумаетъ, скажетъ: «кысметъ» и успокоится, больше у него и нѣтъ угрызеній совѣсти. Точно также и всякое свое бѣдствіе онъ сваливаетъ не на свое неблагоразуміе, не на свою лѣнь, недостатокъ воли, знанія, а на предопредѣленіе божіе.

Такимъ образомъ въ человѣкѣ мало по малу исчезаетъ стремленіе къ самосовершенствованію, образованію, къ изученію ремеслъ, къ пріобрѣтенію того или другаго знанія, чтобы улучшить свое положеніе. «Потому», думаютъ османлы, — «ничѣмъ тутъ не поможешь... сказано въ книгѣ судебъ, что будешь валяться съ собаками, — ну и валяйся!... Смѣетъ ли слабый человѣкъ перемѣнить предопредѣленіе?» Правда, иногда этотъ фатализмъ внушаетъ человѣку отчаянную рѣшимость на геройскіе подвиги, но эти порывы истекаютъ не изъ нравственнаго чувства, а только изъ фанатической вѣры мусульманина, что онъ не умретъ, если не предопредѣлено свыше.

Что же касается обрядовой стороны мусульманскаго ученія, то она не только не имѣетъ никакого символическаго значенія, но очень часто даже никакого смысла. Лучшимъ примѣромъ этого служитъ весь ихъ постъ Рамазанъ, который описанъ нами въ предыдущей статьѣ. Но для большей ясности, приведемъ еще примѣръ. Въ праздникъ Курбанъ-Бейрамъ предписано закалывать агнца. Такъ какъ султанъ пользуется не только свѣтскою властію, но имѣетъ и высшую духовную, слѣдовательно представляетъ на землѣ намѣст-

ника пророка, то онъ собственноручно и закалываетъ этого агнца. Это бываетъ такимъ образомъ. Въ день Курбанъ-Бейрама съ необыкновенною торжественностью и при страшномъ стеченіи народа вносятъ въ султанскій кіоскъ небольшой столикъ, покрытый со всѣхъ сторонъ бѣлою, вышитою шелкомъ, глазетовою матеріею и весь убранный чудными цвѣтами и зеленью. Послѣ этого втаскиваютъ трехъ, красивыхъ и тучныхъ барановъ, съ позолоченными рогами и чисто вымытою и расчесанною шерстью. Черезъ нѣсколько минутъ, одного изъ нихъ султанъ, по личному выбору, собственноручно закалываетъ на столикѣ, который играетъ роль жертвенника, и такимъ образомъ въ качествѣ первосвященника, выполняетъ одинъ изъ главнѣйшихъ обрядовъ магометанской религіи. Спрашивается, что означаетъ этотъ праздникъ? Въ память чего онъ установленъ? Къ чему тутъ рѣжутъ барана? «Такъ повелѣлъ пророкъ Магометъ», скажетъ на эти вопросы турокъ, а если что уже указано въ коранѣ, османлы исполняютъ безъ всякихъ размышленій. Ясно, что этотъ обрядъ заимствованъ у іудеевъ, но тамъ онъ имѣетъ смыслъ, здѣсь же—никакого.

Въ первую минуту, кажется, что обрядъ омовенія, долженъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія, но нужно помнить, что мусульманская чистоплотность имѣетъ чрезвычайно узкое, ограниченное примѣненіе. Очень часто омывая свое тѣло и еще чаще лице и руки, османлъ совсѣмъ не заботится о чистотѣ бѣлья: свою рубашку онъ перемѣняетъ одинъ, много два раза въ годъ, еще меньше заботится онъ о чистотѣ своихъ великолѣпныхъ, покойныхъ дивановъ и всего своего помѣщенія. Наконецъ эта чистоплотность у турка нисколько не связана съ душевною чистотою. Да и что заботиться о душѣ, когда ему стоитъ только пять разъ въ день помолиться, столько же разъ вымыться, соблюдать Рамазанъ, давать лишнія деньги нищимъ—и онъ непремѣнно будетъ въ раю

Молитвѣ магометанская религія предаетъ особенно важное значеніе. «Кто молится вмѣсто утренняго и вечерняго сна, тотъ внидетъ въ рай».— «Кто скажетъ въ день слово молитвы сто разъ, заслуга того равняется освобожденію десяти невольниковъ; сто добрыхъ дѣлъ ему вписываются и сто дурныхъ вычеркиваются....» При такихъ условіяхъ, разумѣется, каждый магометанинъ долженъ быть въ раю, такъ какъ произнести сто разъ на дню молитву вовсе не трудно и можно пріучиться дѣлать это чисто механически.

Кромѣ религіозныхъ догматовъ и обрядовъ, мы находимъ въ коранѣ правила для нравственнаго руководства человѣка въ отношеніи къ Богу, къ самому себѣ, и въ отношеніи къ другимъ людямъ.

Изъ всѣхъ мыслей, высказанныхъ въ магометанской религіи, и правилъ, ею предписанныхъ, болѣе свѣтлымъ взглядомъ отличаются обязанности, которыя она заповѣдуетъ въ отношеніи къ Богу. Согрѣшившій, по постановленіямъ алкорана, долженъ втайнѣ принести Богу покаяніе и въ молитвахъ просить у него прощенія. Онъ долженъ также стараться искупить грѣхи, раздавая милостыню нищимъ и освобождая невольниковъ,—хотя и тутъ, какъ мы уже говорили раньше (въ статьѣ о мечетяхъ), милостынѣ придаютъ черезъ чуръ узкое, одностороннее значеніе.

Главныя обязанности къ самому себѣ слѣдующія: нерасточительность, воздержанность въ пищѣ и питьѣ, не желать себѣ смерти, не убивать себя. Эти обязанности такъ немногосложны и не трудны, что ихъ выполняетъ мало-мальски здравомыслящій человѣкъ. Что же касается до обязанностей по отношенію къ другимъ,—то тутъ именно и кроется самая пагубная сторона этого ученія. Магометанская религія не смотритъ, какъ христіанская, на всѣхъ

людей, какъ на братьевъ, но дѣлитъ весь родъ человѣческій на двѣ категоріи: на мусульманъ и на немусульманъ. Если и требуются соблюдать нѣкоторыя добродѣтели въ отношеніи ближняго, то тутъ подразумѣваются только мусульмане; къ немусульманамъ же правовѣрные могутъ питать полнѣйшее презрѣніе, стараясь вездѣ, гдѣ возможно, истребить ихъ огнемъ и мечемъ. «Джихадъ», война за вѣру, считается пророкомъ самымъ высшимъ подвигомъ. Войну противъ невѣрныхъ, по ученію ислама, должно вести всегда, пока на свѣтѣ есть хоть одинъ немусульманинъ. Отъ этой войны можетъ отказываться только хромой и слѣпой. Да и они, если только не совершенно разслаблены болѣзнями, должны ходить вездѣ и проповѣдывать магометанскую вѣру.

Во время войны религія запрещаетъ правовѣрнымъ уродовать плѣнниковъ, но позволяетъ брать ихъ въ рабство, продавать, пользоваться ихъ имуществомъ, однимъ словомъ быть полнымъ господиномъ ихъ жизни и смерти. Воровство въ Турціи чрезвычайно строго наказывается: у вора, мужчина это, или женщина, отсѣкаютъ руку; но воровать и грабить у немусульманина вполнѣ допускается.

Извѣстно всѣмъ, какимъ возмутительнымъ лихоимствомъ и взяточничествомъ отличаются турецкіе чиновники и сборщики податей; по отношенію же къ раямъ (*) и другимъ иновѣрцамъ, которые платятъ дань Турціи и находятся отъ нея въ зависимости,—они безъ церемоніи дерутъ, что называется, съ живаго и съ мертваго.... Въ случаѣ малѣйшаго сопротивленія со стороны этихъ несчастныхъ подданныхъ Турецкой имперіи, чиновники садятъ ихъ на колъ, а иногда съ совершеннымъ хладнокровіемъ дѣлаютъ то же и съ другими членами ихъ семействъ; затѣмъ складываютъ на возы весь ихъ домашній скарбъ, сгоняютъ стада и все это отправляютъ къ себѣ, какъ свою собственность. Сумма, которую должны были внести несчастные турецкому правительству, выплачивается, а львиная доля остается чиновнику.

Такой грабежъ, разбой и убійство, учиняемый правовѣрнымъ надъ немусульманиномъ, правительство никогда не преслѣдуетъ:—чиновнику нужно же собрать дань, а то, что онъ самъ себѣ понагрѣлъ руки и убилъ гяура, — не бѣда, самъ великій пророкъ повелѣлъ истреблять ихъ всѣхъ безъ исключенія.

Кромѣ хищничества и разбоя, которые свободно допускаются религіей по отношенію къ немусульманамъ, пророкъ старается внушить еще совершенное презрѣніе и пренебреженіе къ нимъ. Слѣдуя его ученію, турки гнушаются всякимъ гяуромъ, отвергаютъ все немусульманское, какъ бы оно ни было для нихъ полезно. Судопроизводство Оттоманской имперіи вообще чрезвычайно плохо устроено, но турокъ все таки еще можетъ найти какую нибудь защиту у закона; самая же законная жалоба немусульманина, особенно жалоба, поданная имъ на турка, большею частью только увеличиваетъ его вину. Турокъ грабитъ, или убиваетъ болгарина, и какъ это обыкновенно бываетъ, не тайно, а при всѣхъ, среди бѣлаго дня. Обиженный отправляется къ кади (къ судьѣ) и подаетъ жалобу на турка.

— «А свидѣтели есть?»

— «Какъ же, вся деревня видѣла.... Дѣдушка Мито, дѣдушка Петро, сельскій священникъ, еще....»—«Нѣтъ, нѣтъ....», перебиваетъ его кади, а пра-

---

(*) Раями называются въ Турціи вообще всѣ подданные въ имперіи немусульманскаго исповѣданія.

вовѣрнаго имѣешь свидѣтелемъ? Пора же вамъ привыкнуть къ тому, что пятьдесятъ болгаръ свидѣтелей безъ турка ничего не значатъ....» скажетъ кади равнодушно и несчастный уйдетъ ни съ чѣмъ.... Нѣтъ, впрочемъ, онъ выходитъ изъ суда съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ своемъ обидчикѣ нажилъ себѣ злѣйшаго врага и что его жалоба ни за что не пройдетъ ему даромъ. Да хоть турокъ и видѣлъ, какъ его собратъ грабилъ христіанина, но развѣ онъ возьмется свидѣтельствовать за гяура, да еще противъ мусульманина? А бываетъ и хуже: ограбившій турокъ самъ идетъ еще раньше жаловаться на того, кого онъ только что ограбилъ.... Поводъ найти не трудно: ограбленный райя, поколотилъ его и этого совершенно достаточно. Онъ беретъ въ свидѣтели кого нибудь изъ своихъ и тотъ на судѣ подтверждаетъ, какъ собака-гяуръ билъ товарища. Сколько бы ни оправдывался райя, сколько бы ни представлялъ свидѣтелей изъ своихъ, что онъ нанесъ ударъ турку только тогда, когда тотъ оскорбилъ его дочь, отнялъ у него его имущество, до полусмерти избилъ его старика отца,—ничего не примутъ во вниманіе, а только будутъ повторять: «отвѣчай на вопросъ: билъ ты, или нѣтъ османла?» Несчастный не запирается и пускается объяснять причину своего поступка, но его уже не слушаютъ, выводятъ и даютъ 100, или 200 палокъ по пяткамъ. Христіанинъ жалуется, что такой-то турокъ укралъ его лошадей и въ доказательство того, что онъ говоритъ правду, указываетъ на всю деревню. Но у него требуютъ свидѣтеля непремѣнно изъ турокъ. «Да во всемъ нашемъ селеніи нѣтъ ни одного турка, ни одинъ турокъ не знаетъ моихъ лошадей.... Значитъ для моего показанія мнѣ ужъ просто нужно нанять лжесвидѣтеля изъ турокъ....»—«Много не разговаривай и помни разъ навсегда: нѣтъ турка-свидѣтеля, нѣтъ и лошадей....» Существуетъ законъ, по которому никакой подданный султана не можетъ быть задержанъ безъ суда. Но и этотъ законъ соблюдается въ отношеніи лишь магометанъ; что же касается райевъ, то ихъ хватаютъ и отправляютъ въ тюрьму безъ всякаго суда и даже спроса, просто по прихоти мѣстныхъ властей и оставляютъ въ заключеніи, сколько вздумается. Выпустятъ же его на волю опять-таки не по приговору суда, а потому, что онъ дастъ взятку. Все это происходитъ и въ наши дни, не смотря на изданіе разныхъ указовъ, въ которыхъ громко и во всеуслышаніе заявляютъ о томъ, что отнынѣ всѣ подданные султана, какого бы они ни были исповѣданія — равны передъ закономъ. Но въ Турціи всѣ хорошія реформы и указы всегда остаются только прекрасными фразами. Такимъ образомъ будутъ идти дѣла и впредь до тѣхъ поръ, пока не будетъ расширено образованіе турецкаго юношества, которое теперь ограничивается только религіей, тормозящей всякія знанія и внушающей одну ненависть ко всему иновѣрческому.

Чтобы образовать воиновъ, всегда способныхъ во имя вѣры идти съ огнемъ и мечемъ, Магометъ проповѣдывалъ, что и праздное время должно проводить не въ играхъ и забавахъ, а въ воинскихъ упражненіяхъ. Поэтому у турокъ изгнаны всѣ, даже самыя невинныя увеселенія: у нихъ нѣтъ ни народныхъ игръ, ни народныхъ плясокъ. Богатые, когда хотятъ позабавиться, стрѣляютъ изъ лука, остальные смотрятъ на эту забаву и такимъ образомъ еще болѣе разжигаютъ свой воинственный и религіозный фанатизмъ, свои дикія страсти.

Мусульманамъ запрещены игры, но такъ какъ каждый человѣкъ чувствуетъ иногда какое-то влеченіе къ забавѣ, то они отъ времени до времени (особенно же, какъ мы это видѣли, во время Рамазана) смотрятъ на самыя постыдныя зрѣлища.

Магометъ такъ ненавидѣлъ идолопоклонниковъ и такъ опасался, чтобы его послѣдователи когда нибудь не сдѣлались ими, что запретилъ живопись и скульптуру. Мусульмане допускаютъ поэтому только изображеніе цвѣтовъ и рѣзьбу, которые получили названіе арабесковъ. Вотъ почему въ исторіи Турціи ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ вы не встрѣтите ни одного имени великаго мастера, и живопись и скульптура въ совершенномъ упадкѣ; также неодобрительно отнесся Магометъ и къ музыкѣ. Поэтому у турокъ не было ни одного великаго музыканта, и вы никогда не услышите не только хорошей музыки, но даже и пѣсни, которая бы пѣлась общимъ хоромъ рабочихъ. Тутъ до васъ не донесется ни единаго звука ни изъ мастерской, ни съ Босфора, по которому разъѣзжаетъ всегда столько лодочниковъ. Изрѣдка пѣсню вы можете услышать только въ кофейняхъ, но и тутъ поется она не иначе, какъ однимъ и тѣмъ же напѣвомъ, употребляемымъ при мусульманскомъ богослуженіи. Содержаніе пѣсни до крайности бѣдно и однообразно. И это понятно: всѣхъ-то пѣвцовъ здѣсь какой нибудь десятокъ — другой, поютъ все старыя пѣсни, или присочиняютъ къ нимъ нѣсколько словъ, или на тотъ же сюжетъ выдумываютъ новую, братья по ремеслу подхватываютъ ее и такъ одна и та же пѣсня будетъ ходить по кофейнямъ много десятковъ лѣтъ.... Хотя магометанская религія и не одобряетъ музыку, но турки очень любятъ громкіе, раздирательные звуки и предаются отъ времени до времени этимъ удовольствіямъ.... Но не только въ этомъ, но и во многомъ другомъ турки теперь отступаютъ отъ правилъ, предписанныхъ Магометомъ. Иначе и не возможно. Магометъ до мелочей предписываетъ своимъ послѣдователямъ, чѣмъ заниматься, что пить, что ѣсть, какую носить одежду, обувь, не забылъ даже и бороды, которую приказываетъ отпускать, а усы брить. Но частое столкновеніе съ европейцами заставляетъ турокъ мало-помалу кой-что у нихъ перенимать. Къ сожалѣнію до сихъ поръ всѣ эти отступленія и перемѣны ограничиваются лишь пустою внѣшностью. Вмѣсто туфлей, указанныхъ Магометомъ, нѣкоторые одѣваютъ теперь сапоги, вмѣсто чалмы многіе начали носить фесъ, и затѣмъ все больше и больше потягиваютъ шампанское.

Кромѣ безразсуднаго гоненія на искуства, Магометъ въ своей проповѣди коснулся и нѣкоторыхъ полезныхъ знаній. Такъ напримѣръ, анатомія совершенно исключена изъ списка мусульманскихъ наукъ, ради того, что умершій, по ихъ мнѣнію, долженъ немедленно представиться ангелу смерти. По ихъ понятіямъ лучше рѣзать и разсѣкать живыхъ людей, чѣмъ тревожить этими операціями мертвыхъ. Были примѣры, что султаны разсѣкали пажей своихъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ съѣлъ апельсинъ, или выпилъ шербетъ,—на это нѣтъ закона, но законъ строго запрещаетъ вскрыть человѣческій трупъ. Поэтому медицина въ мусульманскихъ земляхъ въ самомъ жалкомъ состояніи. Она ограничивается только изученіемъ нѣкоторыхъ лѣкарствъ, но такъ какъ докторъ не знаетъ устройства и отправленій человѣческаго тѣла, то его лѣкарства не могутъ быть удачны, а главное—безъ знанія анатоміи невозможно распознать и самыхъ болѣзней.

Пагубное вліяніе мусульманской религіи на образованіе и нравственность и безъ того должно было породить въ туркахъ множество суевѣрій, но кромѣ этого еще сама религія распространяетъ ихъ. По извѣстію мусульманскихъ писателей, Магометъ самъ выдумывалъ разныя заклинанія, и поэтому носить на шеѣ амулетъ, въ которомъ вложена хорошо переписанная та или другая глава корана, считается самою лучшею охраною противъ дурнаго глаза и т. п.

Турки самый невѣжественный, самый суевѣрный народъ. Всѣ они вѣрятъ снамъ, заговариваютъ болѣзни, почти всѣмъ камнямъ приписываютъ какую-то таинственную силу. У нихъ даже для талисмановъ есть особенная наука.

Такъ же безнравственны и такое же дурное вліяніе на общество имѣютъ и гражданскіе законы алкорана. Весь государственный строй Турецкой имперіи основанъ на магометанской религіи, совершенно неподвижной и глухой къ современнымъ требованіямъ. Вотъ почему самыя блестящія реформы въ Турціи не имѣютъ никакого практическаго примѣненія, такъ какъ на всякое новое учрежденіе, какъ бы оно ни было хорошо и гуманно, народъ прежде всего смотритъ съ предубѣжденіемъ, какъ на отступничество отъ корана. Это предубѣжденіе переходитъ мало по малу во всеобщую вражду, и султанъ, не смотря на свою неограниченную власть, не вольно долженъ глядѣть сквозь пальцы на дурное выполненіе его новаго декрета, а погодя немного и все обыкновенно идетъ по старому. По этому-то всѣ турецкія государственныя учрежденія остались далеко позади учрежденій всѣхъ другихъ европейскихъ странъ.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о государственномъ строѣ. Турецкая Имперія представляетъ собою деспотическую, неограниченную монархію. Султанъ, или Падишахъ, т. е. повелитель пользуется высшею *духовною* властію, такъ какъ онъ царствуетъ, какъ преемникъ пророка и *свѣтскою*, какъ представитель и охранитель закона. Это соединеніе духовной и свѣтской власти въ лицѣ султана наводитъ страхъ и трепетъ на всѣхъ его подданныхъ. Они не только боятся не исполнить какой нибудь пустой его прихоти, приносящей иногда страшное горе и несчастіе сотнямъ людей, но считаютъ преступленіемъ даже и подумать о томъ, что онъ могъ бы, для блага столькихъ подданныхъ и безъ всякаго ущерба для себя, отказаться отъ своей прихоти. Противиться султану они считаютъ для себя одинаково преступнымъ, какъ противиться и самому Богу, и по этому всякое помышленіе о несовершенствѣ султана такъ же для нихъ предосудительно, какъ если бы дѣло шло о самомъ Богѣ.

Первое лицо по свѣтскимъ дѣламъ послѣ султана великій визирь и шейхъ-уль-ислама — по духовнымъ. Во главѣ отдѣльныхъ отраслей управленія находятся государственные министры: министръ полиціи, генералъ-инспекторъ вакуфовъ, т. е. духовныхъ имѣній, министръ торговли, земледѣлія и публичныхъ работъ, народнаго образованія, финансовъ, морской и т. д. Всѣ эти министры подъ предсѣдательствомъ великаго визиря образуютъ диванъ, или тайный совѣтъ, который собирается два раза въ недѣлю, преимущественно для обсужденія иностранной политики. Но что бы ни рѣшилъ диванъ—все разлетится въ прахъ, если того не захочетъ султанъ, и министръ, бывшій сегодня на верху своего могущества, силы и богатства, завтра не только можетъ сдѣлаться нищимъ, но и висѣть на первомъ балконѣ. Интриги султанскихъ женъ и его матери (которая называется Валиде-Султанша и послѣ султана занимаетъ высшее почетное мѣсто въ государствѣ), множество любимцевъ султанскихъ, наконецъ его неограниченная, деспотическая власть—все это даетъ особый характеръ исторіи Турціи: она наполнена такими фактами, что падишахъ безъ всякаго суда вдругъ приказываетъ повѣсить или низводитъ на самую низкую ступень самаго умнаго, заслуженнаго министра и возводитъ въ высшее достоинство самаго мелкаго торговца, ни чѣмъ себя не заявившаго. Такъ же деспотично и плохо устроено и управленіе по областямъ. Паша, т. е. губернаторъ въ области тоже самое, что султанъ въ Константи-

пополѣ; это полновластный властелинъ надъ жизнію и имуществомъ ввѣренныхъ ему согражданъ.

Дворянство въ Турціи не существуетъ и всѣ почетныя мѣста пріобрѣтаются не знатностію происхожденія, не достоинствами и заслугами отечеству, а просто за деньги, или личнымъ благоволеніемъ султана, великаго визиря, Валиде-Султанши, много численныхъ женъ султана, или благосклонностію другихъ пашей.

Вотъ какъ въ большинствѣ случаевъ возводятъ въ Турціи молодыхъ людей въ высшія государственныя должности. Понравится какому нибудь министру, или даже самому султану мальчикъ красивой наружности, его и берутъ въ услуженіе. Это счастіе болѣе всего выпадаетъ на долю армянъ, которые, кстати сказать, дошли теперь до крайняго отупѣнія, и константинопольскихъ грековъ, самыхъ безнравственныхъ, какъ мы увидимъ ниже, изъ всѣхъ подданныхъ турецкаго падишаха. Больше всего падаетъ такой выборъ на грековъ и армянъ, такъ какъ тѣхъ и другихъ природа одарила стройнымъ станомъ и необыкновенно красивыми, типичными чертами лица. Этихъ юношей обращаютъ въ магометанство и знатные люди держатъ ихъ при себѣ для мелкихъ услугъ. Красивые мальчуганы подаютъ своимъ патронамъ трубку, кисетъ съ та акомъ, подстилаютъ коврики подъ ноги, поддерживаютъ подъ руки, когда патронъ взлѣзаетъ на сѣдло, вообще исполняютъ службу, которую у насъ во время помѣщичьяго быта несли на себѣ казачки, съ тою только разницею, что наши казачки вѣкъ свой такъ и оставались казачками, или дѣлались со временемъ лакеями, буфетчиками и никогда не выше. Въ Турціи же эти красивые мальчики, заслуживъ благосклонность патрона, дѣлаются губернаторами (пашами), городничими, получаютъ и другія высшія должности. Понятно, какъ можетъ управлять цѣлой областью человѣкъ, неполучившій никакого образованія, который всю молодость провелъ въ праздной и пустой жизни у богатаго турецкаго вельможи, въ лакейскихъ занятіяхъ, человѣкъ который былъ всегда на готовѣ получить затрещину за плохо набитую трубку и съ раннихъ лѣтъ ожидалъ за свои услуги хорошаго мѣста. Разумѣется, сдѣлавшись пашею, такой человѣкъ не только не заботится о благосостояніи ввѣреннаго ему края, но и не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ ни малѣйшаго понятія. Его первая забота устроить огромный гаремъ для своихъ женъ, имѣть массу прислуги, держать около себя, какъ и его патронъ, толпу красивыхъ мальчиковъ, эвнуховъ, пятьсотъ лошадей и т. п. Чтобы поддерживать такой штатъ и удовлетворять своимъ прихотямъ, приходится, что называется, драть и съ живаго, и съ мертваго.

Итакъ въ Турціи отъ писца до губернатора всѣ живутъ доходами отъ занимаемыхъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что жалованья чиновники или вовсе не получаютъ, или получаютъ самое ничтожное. Кромѣ того, получивъ мѣсто, каждый чиновникъ торопится выручить ту сумму, которую онъ затратилъ для его пріобрѣтенія. Такимъ образомъ все управленіе есть ни что иное, какъ грабежъ возведенный въ систему, — грабежъ поселянъ, грабежъ купцовъ и *сарафовъ* (банкировъ); у послѣднихъ знатные часто берутъ взаймы безъ отдачи. Не смотря на то, что паши смѣняются почти ежегодно, — новый паша дѣйствуетъ обыкновенно такъ же, какъ и всѣ его предшественники.

Послѣ губернатора первое мѣсто занимаетъ *кади*. Занявъ мѣсто, кади

первымъ долгомъ считаетъ смѣнить всѣхъ своихъ подчиненныхъ. За кади слѣдуютъ *тюбекчи-баши* (оберъ-полиціймейстеръ), потомъ члены совѣта, городской *чербаджій* (голова изъ христіанъ) и т. д. Эти и многія другія должности продаются пашею или дарятся его *посарамъ*, *каседжіямъ*, *конюшамъ* и проч.

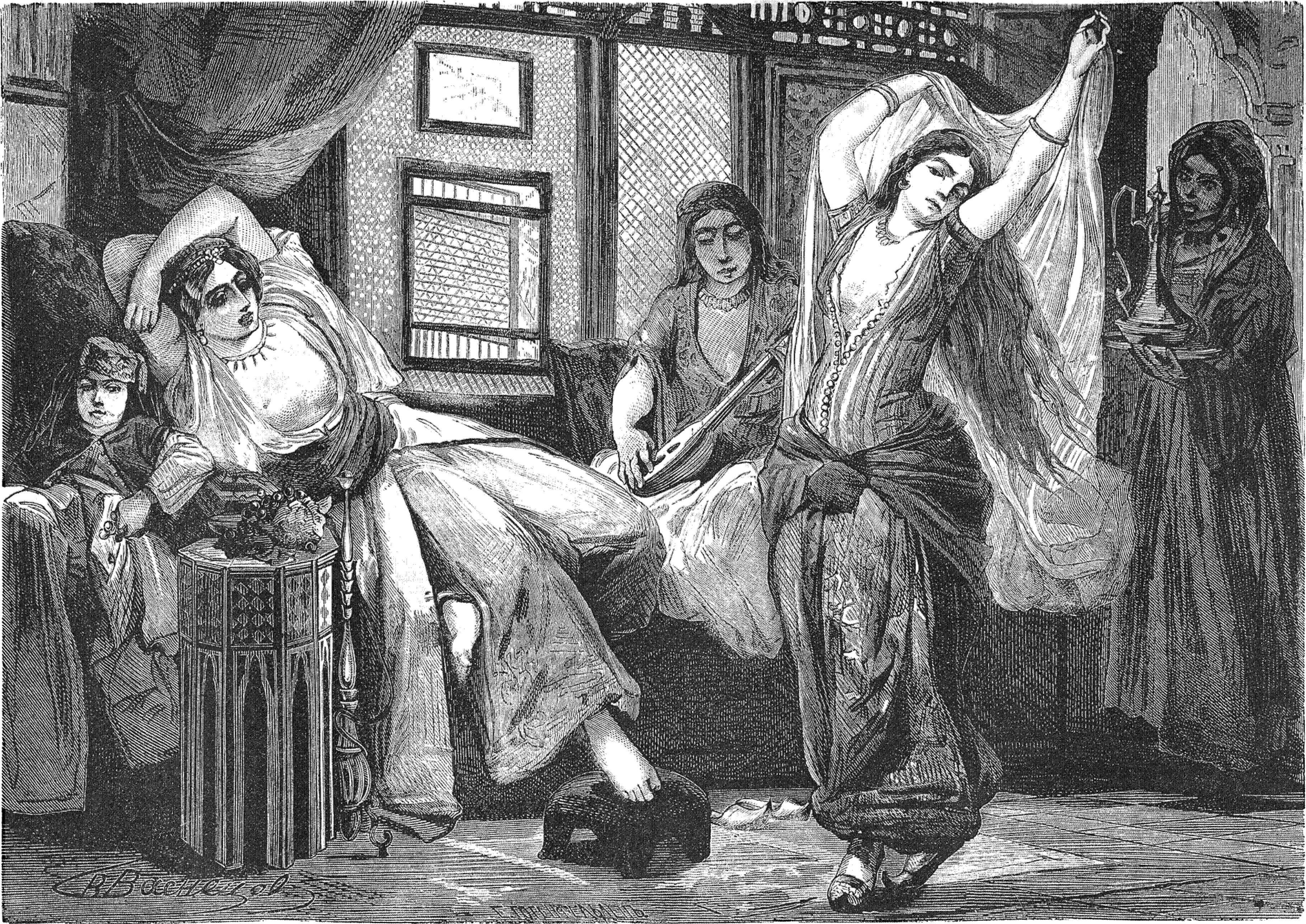
Вслѣдствіе такого правленія страной и финансы въ самомъ плачевномъ состояніи. Не смотря на то что сборы за послѣдніе годы дѣлаются все обременительнѣе для народонаселенія, въ особенности для земледѣльцевъ, не смотря на то, что взысканія этихъ сборовъ стали очень жестоки, доходы государства все уменьшаются и уменьшаются, и Турція прибѣгаетъ къ ежегоднымъ громаднымъ займамъ. Такъ какъ страна эта не пользуется большимъ довѣріемъ, то, дѣлая заемъ, ей всегда приходится давать огромные проценты, такъ что уже одна уплата по этимъ процентамъ заставляетъ прибѣгать все къ новымъ и новымъ займамъ. Расходъ въ государствѣ теперь превышаетъ болѣе чѣмъ на половину самый приходъ. При такомъ безотрадномъ положеніи дѣлъ Турція не сегодня завтра должна ждать, что она отовсюду лишится всякой довѣренности и всякаго кредита. Чтобы поправить свои денежныя дѣла Турціи необходимо или поднять свои доходы, или уменьшить расходы. Большую часть государственныхъ расходовъ составляетъ, какъ мы уже говорили, уплата процентовъ по займамъ, но проценты эти, какъ мы видѣли, съ каждымъ годомъ выростаютъ въ огромную сумму, а не уменьшаются. Слѣдовательно, нельзя разсчитывать на уменьшеніе государственныхъ расходовъ. Но можетъ быть можно увеличить доходъ страны? Для разрѣшенія этого вопроса прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на состояніе промышленности въ государствѣ и на его производительныя силы. Но и въ этомъ отношеніи Турція представляетъ самое плачевное зрѣлище. Торговыя обороты Турціи за послѣдніе десять лѣтъ дѣлаются все менѣе значительными, вывозъ уменьшается; земледѣліе находится въ совершенномъ упадкѣ. Причина такого упадка промышленности заключается въ крайне плохомъ управленіи страною и въ отсутствіи безопасности и обезпеченія. Вся тягость государственныхъ налоговъ лежитъ на земледѣльцѣ, а незаконный способъ собиранія этихъ налоговъ еще болѣе увеличиваетъ его нищету. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ нѣкоторыя части Турціи испытывали жестокій неурожай, а холера и лихорадки косили людей, земледѣльцы, имѣвшіе полное право разсчитывать на помощь правительственныхъ властей, не видѣли отъ нихъ ничего, кромѣ самыхъ жестокихъ притѣсненій. У народа, совершенно раззореннаго эпидеміями и неурожаемъ, безъ жалости захватывали скотъ, орудія и домашнюю утварь, и продавали все это для пополненія недоимокъ. Налоги же такъ велики, что составляютъ болѣе чѣмъ половину дохода земледѣльца, такъ что изъ той части, которая ему остается отъ уплаты податей, онъ и въ самый урожайный годъ едва можетъ кормиться въ проголодь. Отдавая государству болѣе половины своего дохода земледѣлецъ въ замѣнъ этого не имѣетъ ни хорошихъ дорогъ, ни справедливаго суда. Мы знаемъ, что въ спорахъ, тяжбахъ и даже преступленіяхъ христіанинъ всегда не правъ, а мусульманинъ всегда выходитъ чистъ изъ самой мутной воды. При этомъ неудивительно, что сельскіе жители часто бываютъ вынуждены въ бѣгствѣ искать спасенія отъ сборщика податей, или, бросая совсѣмъ свою землю, переселяются въ городъ для какого нибудь промысла или для нищенства. Вотъ почему нынче обезлюдѣли многіе земледѣльческія провинціи, множество плодороднѣйшихъ и обработанныхъ прежде полей теперь остаются

въ запустѣніи, тогда какъ города переполняются здоровыми, крѣпкими, способными къ труду и ничего не дѣлающими людьми.

Изъ всего сказаннаго нами ясно видно, въ какомъ страшномъ упадкѣ находится Турція и изъ этого положенія она можетъ выйти только тогда, когда совершится въ ней переворотъ, который дастъ странѣ и новое правительство, и построитъ общество на совершенно новыхъ началахъ.

Затворничество женщинъ. — Нарядъ турчанки и ея физіономія. — Турецкая свадьба. — Житье-бытье гаремныхъ затворницъ.—Пагубное вліяніе такого затворничества на общество. — Почему магометанская религія не имѣла такого вреднаго вліянія на образованныхъ арабовъ.

Самый вредный изъ всѣхъ гражданскихъ законовъ корана — это многоженство, унизительное положеніе женщины и ея затворническая, гаремная жизнь. Мусульманскій законъ дозволяетъ мужчинѣ жениться на одной, двухъ, трехъ и даже четырехъ женахъ, и держать столько невольницъ, сколько каждый можетъ ихъ купить и кормить. При этомъ законъ только одно условіе ставитъ мусульманину, чтобы онъ обезпечилъ приданымъ каждую жену, съ которою вступилъ въ бракъ; но обезпеченіе это самое пустое и скорѣе дается по обычаю, чѣмъ для того, чтобы дѣйствительно обезпечить женщину. Вступить же въ бракъ необходимо каждому мусульманину, такъ какъ холостому совсѣмъ не дадутъ ходу. Холостой не можетъ пользоваться всѣми гражданскими правами и всѣ презираютъ его. Поэтому бѣдняки хотя тоже бываютъ всегда женаты, но имѣютъ только по одной женѣ; однако лишь только у турка завелись деньги, у него является такое же желаніе обзавестись новой женой, какъ у венеціанца — купить красивую гондолу, какъ у англичанина — пріобрѣсть статнаго скакуна. Правда, бываютъ примѣры, что турокъ такъ хорошо живетъ съ одной женой, что и при деньгахъ не женится на другой, но въ большинствѣ случаевъ это происходитъ отъ лѣниваго характера турка, который боится ввести въ свой домъ новую женщину, чтобы не нарушить мира и тишины въ своемъ семействѣ, такъ какъ нѣсколько женъ всегда живутъ между собою не въ ладахъ, заводятъ ссоры, дрязги, интриги. Если мужчинѣ предосудительно быть холостымъ, то совершенное презрѣніе къ незамужней женщинѣ освящено даже закономъ. Мусульманское ученіе вообще презрительно относится къ женщинѣ: оно беззастѣнчиво называетъ ее *нечистою*, говоритъ, что она не болѣе, какъ поле, т. е. недвижимое имущество, бездушная вещь, проповѣдуетъ, что жена можетъ удостоиться рая только по милости своего мужа. «Рай женщины — подъ пятами ея мужа», говоритъ коранъ. Вотъ почему турки и считаютъ совершенно погибшею для будущей жизни ту женщину, которая не преклоняется раболѣпно передъ каждымъ словомъ своего супруга, не потакаетъ безпрекословно всѣмъ его пошлымъ прихотямъ. Объ участи ожидающей на томъ свѣтѣ вдовъ, дѣвицъ и старыхъ дѣвъ — коранъ совершенно умалчиваетъ. По этому замужество для турецкой женщины все: безъ этого ни ея набожность, ни ея добродѣтели, ни высшіе подвиги благочестія, ни что не заслужитъ ей вѣчной жизни. На этомъ основаніи турки смотрятъ на незамужнюю женщину, какъ на совершенно презрѣнное существо, молитвы котораго даже совсѣмъ не угодны Богу. Такой взглядъ на женщину заставляетъ ее во что бы то ни стало искать себѣ мужа и съ величайшею радостію выходить за перваго, кто попроситъ ея руки. Осо-



бенно комична бываетъ эта погоня женщинъ за мужьями, когда приходитъ время отправиться въ Мекку. Мы уже говорили, что каждый мусульманинъ обязанъ хоть разъ въ своей жизни пропутешествовать въ Мекку для поклоненія гробу Магомета. Понятно, что это обязательно и для женщинъ, но незамужняя женщина ни какъ не можетъ надѣяться, что странствованіе ея въ священный городъ можетъ быть пріятно Аллаху.

Поэтому всякій разъ, какъ караванъ пилигримовъ отправляется къ святымъ мѣстамъ, незамужнія женщины, вдовицы или дѣвушки начинаютъ отыскивать мужчинъ, которые согласились бы принять на себя роль ихъ мужей на время путешествія каравана въ Мекку.

«Магометъ-Ага», говоритъ въ такихъ случаяхъ вдова или престарѣлая дѣвушка, «хочешь быть моимъ мужемъ на время богомолья?» — «Пожалуй», отвѣчаетъ Ага, «не придавая ни какого значенія этому браку, и затѣмъ тотчасъ являются свидѣтели, удостовѣряющіе что между такими-то лицами заключенъ законный, кратко-срочный бракъ. Съ этой минуты новобрачные идутъ уже рядомъ посреди каравана и вчера всѣми презираемая дѣвушка поднялась сегодня на полвершка въ общественномъ мнѣніи. Правда, ради этого повышенія ей пришлось надуть Аллаха, но мусульмане совсѣмъ иначе смотрятъ на это и считаютъ такіе браки богоугодными дѣлами.

Когда караванъ возвращается изъ Мекки, новобрачные прощаются и расходятся на всегда. Такіе браки, разумѣется, даютъ поводъ ко множеству злоупотребленій. Часто временный мужъ, узнавъ о томъ, что его жена богата, не даетъ ей развода, прежде чѣмъ получитъ отъ нея хорошее вознагражденіе, и несчастной ничего не остается дѣлать, какъ выполнить всѣ его требованія.

Впрочемъ въ Турціи разводъ и послѣ настоящаго брака совершается очень легко и безъ всякихъ глубокихъ размышленій. Оно и понятно, у насъ мужчина не можетъ жениться второй разъ при живой женѣ, такъ какъ женщина, которую онъ выбираетъ, будетъ ему подругою до гробовой доски, то онъ размышляетъ долго и серьёзно, какъ бы ему жениться на такой, которая бы сошлась съ нимъ характеромъ, имѣла бы одинаковыя воззрѣнія на нравственность и обязанности человѣка. Никакихъ такихъ взглядовъ нѣтъ въ Турціи, а по отношенію къ женщинѣ они и совсѣмъ не могутъ существовать. Полюбилась жена, турокъ живетъ съ ней 5—6 мѣсяцевъ, наскучила, онъ женится во второй, въ третій, въ четвертый разъ. Ту, къ которой онъ сохранилъ какую нибудь привязанность, онъ оставляетъ жить въ своемъ гаремѣ; той же, которую онъ совсѣмъ разлюбитъ, онъ только скажетъ: «жена, уйди отъ меня!» и этими словами онъ ей даетъ разводъ, который такимъ образомъ безъ всякихъ свидѣтелей и суда имѣетъ полную законную силу. Женщина при этихъ роковыхъ словахъ окутываетъ свое лице покрываломъ, собираетъ свои пожитки и по первому слову на вѣки удаляется изъ подъ супружескаго крова. Жены же въ свою очередь не имѣютъ никакого права сказать своему супругу: «уйди отъ меня» и должны безропотно переносить иногда безчеловѣчное обращеніе своихъ мужей. Впрочемъ и въ этомъ случаѣ турокъ только добросовѣстный исполнитель предписаній Магомета, который говоритъ: «если жены ваши не повинуются вамъ — бейте ихъ».

Какъ бы часто мужъ ни разводился съ своими женами, какъ бы часто онъ ни пріобрѣталъ себѣ новыхъ подругъ, онъ нисколько не роняетъ себя въ глазахъ общества. Часто турокъ женится исключительно изъ за-богатства

невѣсты, обираетъ ее до ниточки, тотчасъ даетъ ей разводъ, снова женится и снова разводится и такимъ образомъ можетъ онъ даже все свое время исключителвно проводить въ брачныхъ пиршествахъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы сразу онъ не имѣлъ болѣе четырехъ законныхъ женъ.

Одною изъ главныхъ причинъ развода, служитъ такъ же и то, что мужщина выбираетъ себѣ жену не только ни разу не поговоривши съ ней, но и ни разу не видавъ ее до брака.

Вотъ какъ въ Турціи совершаются браки.

Задумалъ молодой турокъ жениться и объявляетъ о своемъ намѣреніи матери, а если ея нѣтъ то свахѣ. Та и другая въ этомъ случаѣ играютъ совершенно одинаковую роль. Мать, разузнавъ отъ знакомыхъ ей женщинъ о дѣвицахъ, которыя, какъ ей кажется по своему положенію, должны подходить къ ея сыну, отправляется стучать въ эти дома, хоть въ двери ихъ она до этого ни разу не входила. Въ ту минуту, когда служанки подходятъ къ ней, она только произноситъ слово: «гіурруджи», т. е. смотрѣть невѣсту и та съ полнымъ радушіемъ бросается снимать съ нея головное покрывало и фередже. Хозяйка дома, извѣщенная о намѣреніи посѣтительницы, хотя лично съ ней не знакома и ничего о ней не слыхала, тотчасъ приказываетъ дочери явиться въ лучшихъ своихъ нарядахъ и во всемъ блескѣ своей красоты, сама же торопится къ гостьѣ, чтобы принять ее со всевозможнымъ почетомъ и предупредительностію. Обѣ матери, сидя рядомъ на диванѣ, ведутъ между собою какой нибудь пустой разговоръ, дѣлаютъ другъ другу принятыя при этомъ комплименты, пока не войдетъ дѣвушка. Тогда разговоръ прекращается и мать жениха устремляетъ на невѣсту пытливый взоръ. «Масхаллахъ! Масхаллахъ!» (чудо Божіе) вскрикиваетъ гостья, будто пораженная красотою дѣвушки. «Ахъ, сударыня! ваша дочка, какъ луна прекрасна! глаза! волосы! о масхаллахъ! черны, какъ смоль! Если бы она была невольница, вѣрьте, сударыня, она стоила бы по меньшей мѣрѣ тысячу кошельковъ (около 40 тыс. рублей)»—и подобныя комплименты сыплются, какъ горохъ, изъ устъ гостьи, даже и тогда, когда она вовсе не намѣрена отрекомендовать ее своему сыну.

Между тѣмъ дѣвушка, лишь только она вошла въ комнату, старается, какъ можно граціознѣе поклониться гостьѣ, затѣмъ подходитъ къ ней ближе и хватаетъ край ея платья, чтобы его поцѣловать, потомъ отходитъ на нѣсколько шаговъ, чтобы дать возможность вполнѣ себя осмотрѣть.

Такимъ образомъ объѣзжаетъ мать или сваха каждый домъ, вездѣ обѣщая непремѣнно вернуться завтра съ утвердительнымъ отвѣтомъ. Вотъ молодой человѣкъ и выбираетъ себѣ въ жены ту женщину, которая понравилась его матери или свахѣ, такъ-какъ по турецкимъ обычаямъ онъ совсѣмъ не можетъ видѣть своей жены до брака.

Когда уже сдѣлано предложеніе и получено согласіе, семейство жениха шлетъ въ подарокъ невѣстѣ серебряный ящикъ, зеркало и другія туалетныя принадлежности. Невѣста отдаривается табакеркой, шалью, подтяжками. Нѣсколько дней спустя послѣ помолвки, женихъ шлетъ отцу своей невѣсты, какъ бы выкупъ за нее извѣстную сумму. Прежде суммы эти были довольно значительны и могли хотя нѣсколько обезпечить женщину, на тотъ случай, когда ее бросалъ мужъ; теперь же женихи самыхъ знатныхъ фамилій посылаютъ за своихъ невѣстъ не болѣе тысячи рублей. Да и эти деньги нынче никогда не остаются невѣстѣ; они всѣ до копѣйки съ большою прибавкою отцовскихъ денегъ будутъ израсходованы на свадебныя пиршества. Турки считаютъ

свадьбу самымъ торжественнымъ, самымъ веселымъ, самымъ счастливымъ днемъ своей жизни и потому каждый отецъ старается отпраздновать свадьбу своей дочери съ возможно большимъ шумомъ блескомъ и на свадебный пиръ ставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку. А какъ бьется сердце невѣсты, что наконецъ то насталъ ея праздникъ! Да это и понятно: турецкую дѣвушку не учили ничему путному и серьезному, держали ее въ гаремѣ, все равно, что птичку въ тѣсной клѣткѣ, разжигая при этомъ ея воображеніе только сказками о нарядахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ, которыми разукрасятъ ее въ день свадьбы. Вотъ она и ждетъ не дождется только этого дня, а о тѣхъ обязанностяхъ, которыя за нимъ послѣдуютъ, она и не думаетъ....

Черезъ восемь дней послѣ помолвки совершается брачный контрактъ. Эта церемонія не имѣетъ никакого религіознаго характера, такъ какъ бракъ по мусульманскому закону не считается религіознымъ обрядомъ, а только гражданскимъ договоромъ. Весь этотъ обрядъ ограничивается тѣмъ, что женихъ шлетъ въ домъ своей невѣсты своего повѣреннаго въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей. Невѣста съ своей стороны тоже пригласила свидѣтелей и имама. Когда всѣ соберутся въ комнатѣ, всѣ встаютъ съ своихъ мѣстъ и одинъ изъ свидѣтелей жениха вслухъ и съ торжественною медленностью произноситъ, что Гасанъ-Ага или Магометъ-Али желаетъ взять себѣ въ жены Фатьму, дочь Гаджи-Улемъ-Эффенди. Это заявленіе повторяется три раза. Послѣ него имамъ подходитъ къ полуоткрытой двери гарема и спрашиваетъ названную дѣвушку о согласіи на бракъ. Та черезъ щель двери нѣсколько разъ отвѣчаетъ «да». Вотъ и вся церемонія. Брачный контрактъ вписывается въ книгу и скрѣпляется подписью имама и свидѣтелей, и всѣ расходятся по домамъ.

Затѣмъ наступаетъ свадебный пиръ. Послѣ полудня женихъ подъѣзжаетъ къ невѣстиному дому, въ которомъ всѣ двери открыты настежь для всѣхъ, желающихъ видѣть свадьбу. Онъ поднимается по лѣстницѣ къ гарему и на минуту останавливается на площадкѣ. Тутъ передъ нимъ, какъ призракъ, выступаетъ человѣческая фигура, окутанная въ шитую золотомъ ткань, съ лицомъ, покрытымъ густою, розовою вуалью. Этотъ призракъ—невѣста, которую женихъ беретъ за руку и вводитъ въ комнату, посреди которой устроенъ красивый тронъ. Надъ трономъ сдѣланъ прелестный балдахинъ изъ розоваго тюля, шелку, или бархата. Женихъ подводитъ невѣсту къ этому трону и усаживаетъ ее на немъ; затѣмъ отвѣшиваетъ ей низкій поклонъ и отправляется въ особыя покои пировать съ товарищами. Какъ бы женихъ ни сгоралъ нетерпѣніемъ поскорѣе увидѣть свою невѣсту, онъ, въ продолженіи этой небольшой церемоніи, все-таки не посмѣетъ открыть ея вуаль.

Лишь только женихъ вышелъ изъ комнаты, какъ въ нее врывается цѣлая толпа, по большей части вовсе незнакомыхъ женщинъ, чтобы поглазѣть на невѣсту и ея приданое. И такіе смотрины въ день свадьбы,—самая святая обязанность для всякой семьи, въ которой играютъ свадьбу. Первая встрѣчная на улицѣ женщина, безъ всякой церемоніи, входитъ въ домъ невѣсты, останавливается предъ трономъ и какъ статую осматриваетъ дѣвушку съ ногъ до головы, дѣлаетъ вслухъ свои замѣчанія о ея физіономіи, о туалетѣ и т. п. Послѣ этого собравшійся людъ оглядываетъ каждый фестонъ балдахина и наконецъ отправляется смотрѣть приданое, которое выставлено нарочно для зрителей на особыхъ столахъ, обнесенныхъ рѣшеткою, чтобы зрительницы ничего не трогали руками.

Когда толпа разойдется, невѣста сходитъ съ своего трона, на которомъ

она неподвижно просидѣла около двухъ, трехъ часовъ. Затѣмъ она отправляется къ гостямъ, которыхъ то и дѣло угощаютъ разными сластями, тогда какъ музыканты и танцовщицы лѣзутъ изъ кожи, чтобъ ихъ развеселить.

На мужской половинѣ идетъ такой же пиръ, только съ болѣе буйнымъ оттѣнкомъ, такъ какъ всѣ до единаго обыкновенно перепьются до безчувственнаго состоянія. Наконецъ въ 8 часовъ имамъ произноситъ молитву, послѣ которой новобрачный отправляется къ своей женѣ. Въ эту минуту къ нему съ разныхъ сторонъ бросаются его товарищи и бьютъ его кулаками и старой подошвой: это дѣлается, чтобы предохранить отъ дурнаго глаза и изгнать на вѣки скуку изъ сердца новобрачнаго. Новобрачный увертывается отъ пріятелей и вбѣгаетъ въ гаремъ, въ дверяхъ котораго встрѣчаетъ его эвнухъ съ факеломъ въ рукѣ. Посреди комнаты стоитъ его жена еще окутанная непроницаемой вуалью,—онъ подбѣгаетъ къ ней и разрываетъ вуаль. Въ ту же минуту изъ двери выходитъ старушка и повелительнымъ жестомъ указываетъ новобрачному на коверъ. Этотъ жестъ означаетъ, что новобрачный долженъ прежде всего возблагодарить Аллаха за ниспосланное ему счастіе. «Есть за что благодарить», приходится сказать иногда турку злобно и онъ, если не понравилась ему жена, прогоняетъ старуху и начинаетъ несчастную женщину бранить на чемъ свѣтъ, за то что та имѣла несчастіе ему не понравиться, проклинаетъ и сваху. И такъ начинаетъ турокъ иногда съ первой минуты думать, какъ бы ему отдѣлаться отъ своей жены. Потерпитъ ее два три мѣсяца, а тамъ и разводъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда турчанка красива и нравится мужу въ первую минуту, это еще не обѣщаетъ ей счастья въ будущемъ. Не зная характера и привычекъ другъ друга, новобрачные скоро начинаютъ ссоры, во время которыхъ мужъ вразумляетъ жену звонкими затрещинами. Однако разъ понравившаяся женщина все-таки можетъ надѣяться, что ея мужъ не такъ скоро дастъ ей разводъ и хотя возьметъ другую, третью, а потомъ и четвертую жену, все-таки пожалѣетъ бросить ее на произволъ судьбы, а оставитъ ее при себѣ въ гаремѣ.

Когда турокъ обзавелся нѣсколькими женами, онъ помѣщаетъ ихъ въ гаремѣ, что означаетъ запрещенное мѣсто. Такъ называются эти помѣщенія потому, что туда проникать могутъ только женщины, а изъ мужчинъ одинъ мужъ и самые близкіе родственники.

Чтобы не возбуждать зависти между женами, ихъ размѣщаютъ въ отдѣльныхъ, совершенно одинаково меблированныхъ комнатахъ, даютъ имъ одинаковые экипажи, одинаковое количество прислуги и т. д. Иногда правовѣрные доходятъ до такого безпристрастія, что женъ называютъ не по имени, а по нумерамъ. Но это нисколько не уменьшаетъ гаремныхъ интригъ и много женщинъ умираетъ въ чахоткѣ отъ слишкомъ бурной жизни среди своихъ гаремныхъ подругъ, которые смотрятъ другъ на друга, какъ на смертельныхъ враговъ. Чтобы вполнѣ уяснить себѣ это, нужно имѣть хоть нѣкоторое понятіе о томъ, какъ живетъ турчанка въ своихъ гаремахъ. Какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, такъ и теперь вы встрѣтите турчанку только на улицѣ, или на гуляньѣ, всегда въ своемъ широкомъ *фередже* (нѣчто въ родѣ плаща) нѣжно-розоваго, голубаго, или лиловаго цвѣта, всегда въ цвѣтныхъ туфляхъ, всегда подъ покрываломъ передъ всѣмъ свѣтомъ, кромѣ своего мужа. Безъ яшмака (покрывало) и фередже ни одна женщина не смѣетъ появиться на улицѣ, иначе она подвергаетъ себя сотни разныхъ оскорбленій. Правда, турчанки ловко приноравливаются носить свою одежду такъ, чтобы и себя показать,

и другихъ посмотрѣть: молоденькія дѣлаютъ свое покрывало изъ весьма прозрачной матеріи и такъ ловко набрасываютъ его на лице, что и соблюдаютъ законъ пророка, и отлично выставляютъ свои черные, блестящіе глаза съ насурмленными рѣсницами и подкрашенными бровями. Та же исторія и съ фередже: несмотря на неуклюжесть его, женщины умѣютъ расположить его такъ, что онъ не только не скрываетъ, но лучше чѣмъ во всякой другой одеждѣ обрисовываетъ ихъ станъ.

Возвратившись домой, женщины снимаютъ свои покрывала и остаются въ домашнемъ нарядѣ. Нарядъ этотъ, до котораго тоже еще не касалась мода, состоитъ изъ широкихъ шальваръ, сшитыхъ изъ шелковой или какой нибудь прозрачной матеріи; сверхъ нихъ одѣто длинное, со шлейфомъ платье, съ прорѣзами на бокахъ и открытое спереди. Изъ подъ вырѣзаннаго лифа видна спереди газовая рубашка. Широкіе, висячіе рукава платья украшены ленточками, пуговками, вышивками. Талья турчанки никогда не бываетъ затянута въ корсетъ, она только перехвачена широкимъ кашемировымъ поясомъ. Сверхъ этого платья турчанки надѣваютъ еще нѣчто въ родѣ длиннаго кафтана изъ сукна, бархата, или вышитой шелковой матеріи; кафтанъ часто бываетъ вышитъ золотомъ и обшитъ мѣхомъ. На ногахъ у турчанки туфли съ загнутыми вверхъ концами; онѣ дѣлаются изъ желтаго сафьяна, или изъ бархата и вышиваются шелкомъ и золотомъ. На черные волосы, заплетенные въ мелкія косички и падающія на затылокъ и плечи, турчанки одѣваютъ атласную шапочку, красную или голубую, иногда же всю сплошь изъ жемчужныхъ нитокъ. Свой головной нарядъ каждая старается, какъ можно болѣе украсить драгоцѣнными камнями. Браслеты, ожерелья, тяжелыя серьги составляютъ любимую принадлежность туалета не только турчанокъ, но всѣхъ восточныхъ женщинъ.

Жительницы константинопольскихъ гаремовъ принадлежатъ къ самымъ разнороднымъ племенамъ. Войны, разбойничество, необразованность и грубость нравовъ постоянно способствовали богатымъ магометанамъ пополнять свои гаремы красивыми невольницами разныхъ племенъ. Тѣмъ не менѣе преобладающій типъ турчанки таковъ. Черты лица правильны и рѣзки; глаза черные, большіе, скулы выдаются, носъ орлиный, ротъ правильный и губы розовыя. Турчанки бываютъ дѣйствительно хороши, но только въ самой ранней молодости; богатыя женщины живутъ въ довольствѣ и потому съ лѣтами толстѣютъ такъ, что достигаютъ невѣроятныхъ размѣровъ.

Вся жизнь турчанки протекаетъ въ крѣпко на крѣпко запертыхъ гаремахъ, среди другихъ такихъ же, какъ она затворницъ. Все воспитаніе турецкихъ женщинъ направлено къ тому, чтобы каждая изъ нихъ была весела, умѣла живо болтать всякій вздоръ, была граціозна, могла хорошо танцовать, (замѣтьте, что та же религія, которая мужчинамъ не разрѣшаетъ пляски и считаетъ ее для нихъ предосудительною, дозволяетъ ее женщинѣ, такъ какъ самъ Магометъ часто развлекался пляскою своихъ женъ) однимъ словомъ, чтобы только нравиться мужьямъ. Понятно, что у женщинъ, воспитанныхъ такимъ образомъ, не можетъ быть никакого стремленія къ какому нибудь полезному занятію, ни даже къ чтенію. Работы имъ тоже никакой не полагается: тотъ турокъ, который не можетъ окружить жену прислужницами и всѣмъ необходимымъ, и не беретъ себѣ нѣсколькихъ женъ. Слѣдовательно, гаремныя затворницы всегда обезпечены на столько, чтобы самимъ не работать. Но что же онѣ дѣлаютъ цѣлый день? Бездѣльничаютъ, сплетничаютъ, бранятся, возводятъ другъ на друга и бывалыя, и не бывалыя преступленія.

Лишь только встаютъ женщины утромъ, какъ служанки цѣлой вереницей входятъ въ ихъ спальни и цѣлое утро помогаютъ имъ въ ихъ умовеніяхъ, притираніяхъ, расчесываніяхъ волосъ. Наряжаться и притираться — главная цѣль жизни турчанки, такъ какъ ея первѣйшею обязанностью по корану — прельщать и развлекать своего мужа.

Лишь только окончили онѣ свой туалетъ, какъ къ нимъ входятъ служанки и вносятъ варенья и кофе; затѣмъ каждой изъ нихъ подаютъ папироски, и такъ въ пустѣйшей болтовнѣ и сплетняхъ онѣ проводятъ съ часъ времени, послѣ чего имъ предлагаютъ фрукты, шербетъ. Немного погодя обѣдъ, а послѣ имъ запрягаютъ экипажи, или пѣшкомъ съ подругами онѣ отправляются въ магазины покупать обновки. Но онѣ никуда не смѣютъ ходить въ одиночку: должны быть всегда или съ служанкой, или съ одной изъ женъ своего мужа, не смотря на то, что ни одна изъ нихъ не можетъ безъ отвращенья смотрѣть другъ на друга. Хоть и въ обществѣ ненавистныхъ подругъ, но ни одна изъ нихъ не пропуститъ гулянья, такъ велико желаніе этихъ несчастныхъ хоть изъ-за вуали посмотрѣть на свѣтъ Божій. Если сегодня жены ѣздили въ магазины, завтра онѣ уже не смѣютъ выпроситься у мужа за тѣмъ же самымъ и потому всей гурьбой отправляются въ бани. Бани самое любимое развлеченіе женщинъ и онѣ посѣщаютъ ихъ безпрестанно. Тамъ турчанки остаются по цѣлымъ днямъ, тамъ они ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, поютъ, хохочутъ до слезъ, не зная чему, ссорятся не на жизнь, а на смерть. А то отправляются въ садъ, который по большей части бываетъ при богатыхъ гаремахъ. Тамъ, подъ тѣнистыми деревьями евнухъ разстилаетъ чудные ковры и перины, кладетъ подушки, и женщины, лѣниво развалившись, жуютъ тутъ же снимаемыя для нихъ: персики, абрикосы, дули, винныя ягоды. Надоѣло слушать журчаніе фонтана и жевать плоды, онѣ, какъ дѣти, начинаютъ бѣгать, ловить другъ друга, пляшутъ подъ бубенъ, играютъ въ шашки, иногда даже по примѣру своихъ мужей, курятъ кальянъ. А вонъ одна изъ женъ мрачно стоитъ въ сторонѣ и разговариваетъ со старой прислужницею; она уговаривается съ ней пойти завтра на прогулку и зайти вмѣстѣ къ колдуну, чтобы упросить его какими нибудь чарами снова приколдовать къ себѣ сердце своего мужа и удалить отъ него ненавистную подругу, которая заняла ея мѣсто.

Очень часто, еще больше возбужденная такимъ разговоромъ, она бѣжитъ къ подругамъ и то одной, то другой наговариваетъ на ту, которую она собирается на другой день угощать снадобьями, что получитъ отъ колдуна. Въ ней тотчасъ принимаютъ участіе — и вотъ поднимается ругань, крики, слезы, дрязги. Тутъ каждая желаетъ только одного, чтобы мужъ любилъ ее болѣе другихъ женъ и далъ ей возможность командовать надъ остальными. Поэтому ласками и услужливостью каждая больше всего добивается войдти въ большее довѣріе къ мужу. При этомъ онѣ, какъ женщины, не имѣющія ни какихъ нравственныхъ понятій, не стѣсняются никакими средствами и каждая изъ нихъ старается оклеветать, очернить свою подругу. Завтра на высотѣ своего могущества, она будетъ сама окружена толпою возненавидѣвшихъ ее затворницъ, которыя будутъ ловить всякое ея слово, всякій жестъ, чтобы оклеветать ее въ свою очередь и лишить преимуществъ, которыхъ она достигла. Но это ничего. «Хоть одинъ день, да мой», вѣроятно, думаетъ каждая изъ нихъ и поступаетъ по слѣдамъ предшественницы. Вслѣдствіе этихъ интригъ говорятъ происходятъ ужасныя вещи въ гаремахъ. Провинившуюся, а то и вслѣдствіе клеветы вызвавшую гнѣвъ своего супруга,—зашиваютъ въ мѣшокъ

и бросаютъ въ море, безъ всякаго суда и расправы, такъ какъ всякій мужъ въ полномъ смыслѣ самовластный властелинъ своего гаремнаго царства. И вотъ иногда ночью по Босфору быстро скользитъ каикъ съ двумя гребцами: онъ на минуту остановился, гребцы дружно подняли мѣшокъ... раздался страшный, пронзительный крикъ, плеснула вода и все смолкло... Среди этихъ-то интригъ, пошлыхъ и мелочныхъ дрязгъ, растутъ и воспитываются дѣти гаремныхъ затворницъ. Какой примѣръ можетъ видѣть здѣсь ребенокъ? Онъ рано начинаетъ понимать, что всѣ эти женщины, какъ хищные звѣри, каждую минуту готовы растерзать другъ друга и ребенокъ своимъ тонкимъ дѣтскимъ чутьемъ начинаетъ сознавать, что жизнь его матери виситъ на волоскѣ, что онъ каждый день можетъ быть оторванъ отъ родной груди... Но вѣчныя дрязги очень скоро и въ ребенкѣ развиваютъ интересъ къ нимъ и онъ мало по малу самъ начинаетъ отъ одной къ другой переносить сплетни. Къ тому же матери-затворницы такъ поглощены этими интригами, что мало занимаются своими дѣтьми. Да какое же воспитаніе, какое образованіе можетъ дать своему ребенку мать, сама не получившая никакого развитія, мать, которая не имѣетъ житейскаго опыта и никогда не знала трудовой жизни? Можетъ ли наконецъ женщина, которая не играетъ никакой роли въ обществѣ, а живетъ какъ птица въ клѣткѣ, воспитать въ своемъ сынѣ любовь къ родинѣ, сдѣлать его гражданиномъ?.. Да ей даже непонятны эти стремленія и ея сынъ будетъ, какъ и отецъ, только мечтать, какъ бы съ большимъ комфортомъ усѣсться покурить трубку, попить кофе и, когда выростетъ, обзавестись, какъ и всякій правовѣрный, нѣсколькими женами, а тамъ хоть и трава ни рости!

Такъ вотъ въ какомъ положеніи очутилась турчанка вслѣдствіе предписаній корана. Раздѣленіе половъ было главною причиною замкнутости, при которой каждый только и думаетъ, какъ бы получше устроить свой домашній мірокъ, а отсюда полнѣйшее равнодушіе къ общественнымъ интересамъ.

И такъ результатомъ униженія турецкой женщины — совершенный упадокъ нравственности, апатія, господство мелкихъ стремленій и интригъ, которые ставятъ Турецкую имперію на ряду съ самыми неразвитыми, дикими, азіатскими народами.

Однако многіе могутъ задать вопросъ, почему же арабы, которые тоже исповѣдывали магометанскую религію, были въ высшей степени образованнымъ народомъ? Ихъ калифы (государи) покровительствовали писателямъ и ученымъ, огромное значеніе придавали естествознанію, математикѣ, обращали серьезное вниманіе на изученіе медицины, которая у турокъ въ такомъ небреженіи? Какъ объяснить себѣ такое явленіе? А дѣло вотъ въ чемъ: религія дѣйствительно имѣетъ огромное вліяніе на складъ народной жизни, но не одна она вырабатываетъ народный характеръ. Тутъ природа, климатъ, географическое положеніе страны и историческія условія,—все имѣетъ огромное значеніе... Вотъ различіемъ-то историческихъ условій въ особенности и объясняется то, что при одной и той же религіи турки и арабы достигли совершенно различныхъ степеней цивилизаціи. Дѣло въ томъ, что когда арабы въ VII вѣкѣ покорили западную Азію и Африку, то они нашли въ этихъ странахъ весьма распространенную греческую образованность и подпали ея вліянію. Но не одно это развивало и просвѣщало ихъ. Въ это время тутъ между прочимъ жили евреи и послѣдователи одной христіанской секты — несторіане, и тѣ и другіе тогда съ большимъ успѣхомъ занимались медициной. А несторіане перевели даже многія сочиненія греческихъ философовъ на пер-

сидскій языкъ. Несторіане и евреи много терпѣли преслѣдованій въ Византійской имперіи за то, что они не исповѣдывали господствующей христіанской религіи, поэтому и тѣ и другіе сблизились съ ея врагами — арабами и распространяли между ними свои знанія. При этомъ естественно, чѣмъ болѣе становились арабы людьми образованными, тѣмъ они съ большимъ сомнѣніемъ относились ко множеству предразсудковъ, предписываемыхъ исламомъ. «Зачѣмъ это», стали они поговаривать между прочимъ, «намъ не позволяютъ ѣсть свиное мясо?» (мусульманская религія запрещаетъ употребленіе свинины). «Такое постановленіе можетъ быть полезно свиньямъ, но не людямъ...» Наконецъ быстрому распространенію образованія въ государствахъ, основанныхъ арабами, содѣйствовало еще и то, что въ нихъ не было религіозной вражды между различными народностями, ихъ населявшими. Незадолго передъ этимъ христіанскую церковь волновали разнообразныя секты, между которыми шла самая ожесточенная борьба. Вотъ эти-то раздоры и помогли мусульманамъ всюду водворить свою религію.

Въ совершенно иномъ положеніи были турки. Это была дикая орда, вышедшая изъ центральной Азіи и не подвергшаяся тѣмъ образовательнымъ вліяніямъ, которымъ подпали арабы въ Азіи и Египтѣ. Византійская имперія въ это время уже совершенно одряхлѣла и клонилась къ упадку. Правда, она еще хранила остатки греческой образованности, но эта образованность была достояніемъ весьма немногихъ кабинетныхъ тружениковъ, которые кропотливо собирали и хранили плоды греческой мудрости, но ни чуть не двигали науку впередъ и не имѣли никакого вліянія въ обществѣ, занятомъ въ то время совсѣмъ другими интересами. При такомъ положеніи населеніе Балканскаго полуострова не только не видѣло большой бѣды въ томъ, что турки, прочно утвердившіеся въ Малой Азіи, покорятъ дряхлую Византію, но многіе даже положительно желали этого и входили въ сношеніе съ турками. Простой народъ уже потому могъ желать имъ успѣха, что подати, налагаемыя въ то время турками были значительно легче налоговъ, собираемыхъ Византійскими императорами. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ Византійская имперія рухнула подъ напоромъ турецкаго нашествія. Повидимому теперь съ турками могло бы случиться тоже, что съ арабами, т. е. они могли бы также циливизоваться. Но это только повидимому. Прежде всего турки, какъ мы уже упомянули, были народомъ гораздо болѣе грубымъ и менѣе способнымъ къ развитію, чѣмъ арабы. Къ тому же греческая образованность въ это время въ значительной степени потеряла свою жизненность и силу. Ко всему этому присоединилось и еще одно весьма важное обстоятельство мѣшавшее ихъ развитію. Арабы весьма быстро и успѣшно обращали въ магометанство покоренные ими народы. Туркамъ же это почти совершенно не удалось. Причиною этому было то, что со времени турецкаго нашествія христіанство уже справилось почти со всѣми сектами, раздиравшими его прежде, окончательно окрѣпло и пустило глубокіе корни въ народонаселеніи Балканскаго полуострова. Кромѣ того это народонаселеніе было еще не давно свидѣтелемъ Крестовыхъ походовъ, направленныхъ противъ турокъ, овладѣвшихъ гробомъ Господнимъ; поэтому, если христіане по своимъ политическимъ и экономическимъ соображеніямъ и могли иногда желать замѣнить власть Византійскаго императора властію турецкаго падишаха, то все-таки на турокъ они не могли смотрѣть иначе, какъ на враговъ христіанской вѣры, слѣдовательно и не могли принять ихъ религіи. Религіозная вражда между христіанами и

магометанами еще болѣе окрѣпла, когда турки измѣнили своей прежней благоразумной политикѣ и стали обирать и грабить покоренные ими народы. Мы уже говорили, что быстрому распространенію образованія между арабами весьма помогло то обстоятельство, что они представляли единый народъ, исповѣдующій одну религію. Между тѣмъ въ Турецкой имперіи мы видимъ постоянную вражду между побѣдителями и побѣжденными. Правда, воинственный жаръ турокъ со временемъ охладѣлъ, но ихъ барское положеніе на Балканскомъ полуостровѣ, въ средѣ разныхъ славянскихъ племенъ, болѣе или менѣе имъ подвластныхъ, все способствовало къ тому, что къ нимъ совсѣмъ не привилась привычка къ труду, что представляетъ первѣйшій и самый существенный двигатель прогресса.

Слѣдовательно, арабы, не смотря на свою магометанскую религію, дѣлали успѣхи въ наукахъ и улучшали свою матеріальную жизнь потому, что они сталкивались съ образованными народами и заимствовали отъ нихъ разныя знанія. Турки же не подпали образовательнымъ вліяніямъ и у нихъ все образованіе даже и теперь ограничивается изученіемъ религіи, которая сама по себѣ весьма негуманна и мало просвѣтительна; безъ плодотворнаго же вліянія науки она окончательно сдѣлалась источникомъ всезможныхъ суевѣрій. Вотъ потому турки и теперь еще грубый, праздный народъ, эксплуатирующій подвластныя племена, народъ, которому чужды идеи и стремленія другихъ европейскихъ государствъ; вотъ потому всѣ реформы Турціи нисколько не прививаются къ жизни, а остаются фразами одного какого нибудь администратора, совершенно случайно пріобрѣвшаго современные взгляды.

АЛБАНІЯ.

Общій характеръ страны.—Жители.—Ихъ нравы, языкъ, одежда.—Свирѣпый обычай кровомщенія.—Албанскія постройки.—Положеніе женщины.—Обрученіе.—Свадьба и ея обряды.—Покойникъ.—Отношеніе между собою различныхъ членовъ семьи.—Семья и ея значеніе для албанца.—Отношеніе семьи.—Воспитаніе дѣтей.

Албанія строго отдѣлена отъ своихъ сосѣдей рѣзкими, естественными границами. Страна эта представляетъ узкую, береговую полосу, которая въ длину простирается на 100 часовъ ѣзды, а въ ширину на 30 часовъ.

Если Константинополь кишитъ людьми всевозможныхъ національностей, то Албанія въ этомъ отношеніи представляетъ тоже не менѣе пеструю картину. Тутъ вы встрѣтите цыганъ, румынъ, сербовъ, черногорцевъ и наконецъ албанцевъ, которые слывутъ подъ названіемъ арнаутовъ, а сами себя они называютъ скипитарами. Въ Турціи албанцевъ считаютъ до 1.600.000 душъ: ихъ особенно много въ Босніи, въ западной части Сербіи; ихъ колоніи есть и въ Болгаріи. Но албанцы не только живутъ на Балканскомъ полуостровѣ: ихъ очень много въ Малой Азіи, въ Сициліи, въ Неаполѣ, но больше всего ихъ въ греческомъ королевствѣ. Многія мѣстности, какъ напр. Беотія, Аттика, Арголида, Мегара, острова Гидра, Спеція, Паросъ и Саламинъ исключительно населены албанцами, такъ что греки приняли даже ихъ одежду. Число албанцевъ въ Греціи до 200.000, такъ что они составляютъ пятую часть населенія греческаго королевства.

Турецкіе албанцы дѣлятся на множество племенъ, но главныя изъ нихъ: *геги*—жители сѣверной Албаніи и *тоски*—южной части. Они отличаются другъ отъ друга характеромъ, образомъ жизни, одеждою, даже языкомъ. Различіе въ языкѣ геговъ и тосковъ такъ велико, что они только съ большимъ трудомъ понимаютъ другъ друга. Вообще языкъ албанцевъ совершенно особый, не похожій ни на одинъ изъ европейскихъ языковъ. Ученые думаютъ, что это одинъ изъ индо-европейскихъ языковъ. Въ одеждѣ у нихъ уже менѣе отличія. Покрой платья, за исключеніемъ мелочей, одинаковъ, только у геговъ преобладаетъ болѣе красный цвѣтъ, а у тосковъ — бѣлый. Они отличаются и въ религіозномъ отношеніи. Большая часть геговъ магометане, но тѣ изъ нихъ, которые удержали христіанскую религію — римскіе католики, между тѣмъ тоски

православнаго исповѣданія. Однако нужно замѣтить, что высшіе классы албанцевъ обыкновенно принадлежатъ къ магометанской религіи. Всѣ эти племена постоянно враждуютъ между собою и эта-то вражда мѣшаетъ такому воинственному, смѣлому народу, какъ албанцы, сдѣлаться совершенно независимымъ отъ Порты, по примѣру своихъ соплеменниковъ мирдитовъ (одно изъ племенъ геговъ). Лишь только между ними возникаетъ ссора, турки пользуются благопріятнымъ случаемъ и посылаютъ ихъ усмирять другъ друга, а это еще больше, разумѣется, разжигаетъ между ними ненависть. Однако между всѣми этими различными племенами и много общаго. Всѣ албанцы чрезвычайно невѣжественны и суевѣрны, дики, воинственны и храбры. Тому, кто не имѣетъ рекомендательнаго письма, или близкаго знакомства съ кѣмъ нибудь изъ нихъ—лучше и не показываться въ ихъ страну, — такъ они грубы и суровы въ обращеніи со всякимъ человѣкомъ не своего племени и другой религіи. Албанцы прекраснаго сложенія: это народъ необыкновенно рослый. Самая характерная ихъ особенность—длинная шея, длинныя узкія лица съ рѣзкими чертами и необыкновенно суровымъ выраженіемъ, дышащимъ силой, самоувѣренностью и отвагой. Волосы на головѣ они сбриваютъ, за исключеніемъ чуба на маковкѣ. Одежда всѣхъ ихъ чрезвычайно живописна: бѣлая фустанелла (короткая юбка) поверхъ рубашки у таліи затянута широкимъ поясомъ, за которымъ каждый изъ нихъ носитъ пистолетъ, ятаганъ, или кинжалъ, большею частью въ ножнахъ со множествомъ серебряныхъ украшеній. Изъ подъ фустанеллы видны широкія, бѣлыя шаровары;—полусапоги съ ремнями, обвитыми около ногъ до колѣнъ и удерживающими бляху, которою прикрыты икры. Сверху бѣлой рубахи одѣваютъ короткую куртку, богато вышитую золотомъ. Нѣкоторые замѣняютъ фустанеллу очень широкими шароварами, доходящими до колѣнъ. Ихъ начальники одѣваются въ богатыя, вышитыя золотомъ, бархатныя платья и носятъ на себѣ кирасу, или нагрудникъ.

Албанцы не терпятъ въ своей странѣ никакихъ перемѣнъ и поэтому всякое малѣйшее нововведеніе со стороны Порты встрѣчаютъ какъ кровную обиду и тотчасъ стараются отомстить туркамъ. Вообще дикая свирѣпая месть за малѣйшее оскорбленіе и даже кровомщеніе еще существуютъ и до сихъ поръ почти между всѣми албанцами.

Разскажемъ случай, который можетъ дать понятіе объ этомъ ужасномъ, первобытномъ обычаѣ. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, два албанца поссорились и подрались такъ сильно, что оба замертво пали на землю. Одинъ изъ нихъ собрался однакожъ съ послѣдними силами, подползъ къ другому и такъ хватилъ его кулакомъ по головѣ, что тотъ тотчасъ умеръ. За нимъ чрезъ нѣсколько часовъ скончался и ударившій его, потому что оба они были покрыты смертельными ранами, слѣдовательно если ударъ въ голову и ускорилъ смерть, то развѣ на нѣсколько часовъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ и казалось случай этотъ былъ совершенно забытъ, такъ какъ дѣти подравшихся никогда и не вспоминали между собою этого событія. Но вдругъ, черезъ 50 лѣтъ, потомокъ того, который умеръ первый, приходитъ къ потомку того, который на смертномъ одрѣ ударилъ его прадѣда кулакомъ, и требуетъ вознаградить его за эту обиду сто козлами, угрожая въ противномъ случаѣ не оставить камня на камнѣ и сжечь всю деревню и его самого. Бѣднягѣ, конечно, ничего не остается дѣлать, какъ отдать безпрекословно все, что у него требуютъ; иначе къ этому его принудятъ силою остальные и тогда уже не только 100 козловъ, но у него буквально не останется ни кола, ни двора.

Этотъ суровый обычай заставляетъ многихъ бѣжать изъ своей родины. Не смотря на то, что албанцы дѣлятся на множество племенъ и что одно племя смертельно ненавидитъ другое и мало понимаетъ его языкъ, ихъ суевѣрія, народныя пляски, пѣсни, любимые герои, которые ихъ одушевляютъ, — одни и тѣже. Вотъ какъ одинъ извѣстный поэтъ описываетъ этотъ народъ:

«Свирѣпъ и дикъ албанецъ съ виду;
Но вы, Албаніи сыны,
Врагамъ дадитесь ли въ обиду?
Они несутъ труды войны,
Они стремительны и скоры,
Суровымъ мужествомъ горды;
Они, какъ скалы ихъ и горы,
Непоборимы и тверды.....»

Всѣ албанцы превосходные стрѣлки и самый дикій и воинственный народъ. Величайшіе храбрецы въ странѣ, отличившіеся на полѣ битвы, называются *паликарами*. Еще болѣе поддерживается между ними это воинственное настроеніе ихъ пѣснями, полными отваги, ихъ дикою страстною пляскою. Въ праздничный день собираются они на лужку; музыкантъ съ инструментами въ рукахъ, который напоминаетъ собою тамбуринъ, съ 4-мя, или 6-ю струнами, ударяетъ по немъ стволомъ гусинаго пера. Вотъ какъ описываетъ ихъ пляску тотъ же поэтъ:

«На берегу огни сверкаютъ,
Оконченъ праздникъ и кругомъ
Въ толпѣ веселой наполняютъ
Всѣ чаши пурпурнымъ виномъ.
Но вотъ въ огнѣ скользнули пары,
Веселый голосъ раздался
И заплясали паликары.
Народный танецъ начался.
Отбросивъ мечь, сплелися руки,
Толпа сомкнулась въ общій кругъ,
И тишину ночную вдругъ
Смутили пѣсенъ дикихъ звуки,
На лицахъ радость, смѣхъ и жаръ—
И съ крикомъ пляшетъ паликаръ...
Когдажъ на лицахъ дикарей
Живѣе щеки запылали,
Движенья сдѣлались быстрѣй,
Когда ихъ кудри въ танцѣ скоромъ
Волной разсыпались, въ тотъ мигъ—
Ихъ голосъ былъ могучь и дикъ—
Они запѣли общимъ хоромъ,
И въ полуночный этотъ часъ
Такая пѣсня раздалась:
Барабаны! вашъ грохотъ сзываетъ
На войну и побѣду народъ....»

Самыя характерныя черты албанца вообще—любовь къ войнѣ, жадность къ добычѣ и гостепріимство; еще недавно онъ одинаково былъ чуждъ и турку, и греку, между тѣмъ дружилъ и съ тѣми, и съ другими, когда это было ему

M. Pallegrini
B. Bacchiocchi

выгодно. Въ личныхъ дѣлахъ албанецъ вѣренъ дружбѣ и слову; онъ любитъ, какъ мы уже видѣли, кровь и месть и не боится смерти. Его одежда прекрасна даже и въ бѣдности, и поступь его изящна и легка.

Вы всегда между всѣми отличите албанскаго юношу. Онъ всюду такъ и бросается въ глаза: и въ пляскѣ, когда онъ такъ молодцовато кружится и прыгаетъ, а его фустанелла такъ и развѣвается, и на базарѣ, и на праздникахъ, когда онъ съ товарищами начнетъ играть въ войну, и раздѣлившись на двѣ партіи, станутъ они бросать камнями... Однимъ словомъ, гдѣ бы они ни были, всякій, глядя на нихъ залюбуется и непремѣнно скажетъ, что за ловкій и смѣлый народъ! И какой бы бѣдный ни былъ албанецъ, онъ всегда одѣтъ необыкновенно аккуратно, и даже съ какимъ-то изяществомъ. Къ сожалѣнію того же нельзя сказать объ албанскихъ жилищахъ: онѣ поражаютъ путешественника своимъ несчастнымъ видомъ. Не у всѣхъ даже есть въ домѣ потолокъ. Въ окнахъ нѣтъ никакихъ стеколъ, а только ставни висятъ. Зимой, какъ поднимется вѣтеръ и вьюга, снѣгомъ занесетъ всѣхъ, кто сидитъ въ избѣ... Тутъ ужъ одно спасеніе: закроютъ ставни, а сами усядутся вокругъ очага, трясутся, да согрѣваютъ у огня свои окаченѣвшія члены.

Если албанецъ на столько богатъ, что его хижина выстроена съ потолкомъ, то она непремѣнно напоминаетъ жилища грековъ: тотъ же очагъ изъ камней и изъ глины посреди комнаты, но прислоненный къ одной изъ стѣнъ. Надъ очагомъ устроена или дырка, или нѣчто въ родѣ дымовой трубы. Въ домахъ болѣе зажиточнаго класса — башни, которыя составляютъ или часть дома, или совершенно особыя зданія. Особостоящія башни имѣютъ четырехъугольную форму, въ три, а иногда даже и въ четыре этажа. Сообщеніе между этажами происходитъ посредствомъ витой лѣстницы; нижніе этажи освѣщаются лишь бойницами и только верхніе маленькими окошками. Дверь въ башню сдѣлана во второмъ этажѣ; къ ней ведетъ обыкновенно каменная лѣстница, отстоящая отъ башни на пять, на шесть футовъ и соединяющаяся съ дверью башни посредствомъ подъемнаго моста. Эти зданія стоятъ обыкновенно на возвышенныхъ мѣстахъ, такъ что ихъ видно еще далеко издали. Всѣ знатные городскіе дома имѣли въ прежнія времена такія башни, которыя отдѣльно стояли на дворѣ и сюда-то во время войны и пожара спасалась вся семья со всѣмъ имуществомъ.

Положеніе женщины въ Албаніи,—самое унизительное. Лишь только дѣвушка на столько подросла, что она можетъ выйти замужъ, ее крѣпко накрѣпко запираютъ въ домѣ и съ тѣхъ поръ она не смѣетъ уже болѣе никуда показываться. Она никогда уже не ходитъ на свадьбу къ своимъ подругамъ, не смѣетъ и танцовать при постороннихъ, только развѣ дома, въ обществѣ двухъ, трехъ, такихъ же, какъ и она сама несчастныхъ пріятельницъ невѣстъ. Этого мало: она не смѣетъ даже бывать въ церкви. И посѣщенія храма Божьяго, точно также, какъ пляска и другія увеселенія передъ посторонними, считается здѣсь для взрослой дѣвушки великимъ срамомъ. Одинъ разъ въ годъ всѣ дѣвушки, извѣстной мѣстности собираются въ одну церковь причащаться, и въ это время, кромѣ попа и пѣвчихъ, ни одинъ мужчина не смѣетъ войти туда. Чѣмъ богаче домъ, тѣмъ строже держатъ дѣвушку и это понятно, такъ какъ богатымъ людямъ есть гдѣ и спрятать, есть кому и надзоръ за ней строгій поручить. Богатому есть досугъ думать о каждой мелочи, потому онъ болѣе чѣмъ бѣдный придаетъ значеніе всякому пустяку. Однако пока дѣвушка еще не считается взрослой, ее могутъ видѣть въ домѣ и посторонніе: она обы-

кновенно подаетъ гостямъ варенье и кофе, сама ходитъ въ гости; если есть школа въ мѣстности, то акуратно посѣщаетъ и ее; родители берутъ ее даже смотрѣть танцы, — но все это, пока еще ей нѣтъ 14 лѣтъ.

По выходѣ замужъ, строгость затворничества еще усиливается и къ тому же она должна теперь спать и видѣть во снѣ, что бы какъ нибудь не прогнѣвить своего мужа, какъ бы не забыть при всякомъ удобномъ случаѣ выказать ему свое рабское смиреніе и глубочайшее почтеніе. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одинъ албанецъ: «Всѣ мы женъ нашихъ въ строгости большой держимъ; онѣ съ нами и за столъ не смѣютъ сѣсть, а стоя служатъ намъ, и ѣдятъ послѣ. Я и самъ разъ хотѣлъ было застрѣлить жену свою и вотъ за что. Шелъ я по улицѣ, а она у сосѣдскихъ воротъ стоитъ съ сосѣдкой и смѣется, спиной къ улицѣ; я иду; она видитъ, и должна была повернуться ко мнѣ лицомъ. Да забыла, бѣдняга, видно. Я дома и показалъ ей, что значитъ мужъ. Оно, конечно, я ужъ не деревенскій человѣкъ и европейское обращеніе съ госпожами видѣлъ, и даже чрезъ мѣру знакомъ со всѣмъ этимъ, ибо много консульшъ всякихъ державъ и другихъ знаменитыхъ и офиціальныхъ дамъ знавалъ близко. Поэтому я на жену и не разсердился взаправду, а только видъ ей страшный показалъ, чтобы древній обычай чтила.»

Молодой человѣкъ изъ очень хорошаго и богатаго албанскаго дома женился однажды на дѣвушкѣ тоже изъ весьма уважаемаго семейства. Албанецъ отправился съ своею молодою женою къ отцу, но по дорогѣ молоденькая женщина устала и такъ какъ съ ними была только одна лошадь, то мужъ и посадилъ ее на эту лошадь, а самъ пошелъ около нея пѣшкомъ. Увидѣлъ старикъ отецъ новобрачныхъ и, вмѣсто привѣтствія, гнѣвно отозвалъ сына въ въ сторону и, указывая ему на свое ружье, сказалъ: «Видишь это ружье, негодяй! другой разъ увижу, на мѣстѣ убью».

«За что Христосъ и Панагія» (*), спрашиваетъ сынъ.

— «И ты не знаешь?» говоритъ старикъ, все болѣе раздражаясь». Развѣ прилично паликару садить на лошадь жену, а самому идти подлѣ нее? Ты долженъ сидѣть на лошади, а жена должна идти около и ружье твое на плечѣ нести. Если тебѣ жалко стало ее, по дорогѣ везъ бы ее на лошади, а въ деревню не въѣзжалъ бы срамить меня».

Въ большинствѣ случаевъ отецъ женитъ сына, совсѣмъ не спрашивая его на то согласія, дѣвушекъ же всегда безъ исключенія выдаютъ замужъ, не справляясь о ихъ желаніи. Впрочемъ это происходитъ отчасти потому, что женятъ здѣсь въ такую раннюю пору, когда молодые люди не имѣютъ еще установившихся взглядовъ на вещи. Обыкновенно уже 10-ти лѣтній мальчикъ обрученъ, въ 15 лѣтъ онъ непремѣнно мужъ, а въ большонствѣ случаевъ и раньше этого. Дѣвушекъ выдаютъ замужъ нерѣдко и 12-ти лѣтъ. Почти вездѣ въ Албаніи существуетъ обычай обручать дѣтей въ самомъ раннемъ возрастѣ. Здѣсь нерѣдко 3 лѣтній мальчикъ имѣетъ уже невѣсту. Албанцы глубоко убѣждены, что провидѣніе особенно благосклонно относится къ обрученнымъ и неутомимо заботится о здоровьи и жизни обрученныхъ дѣтей. Предложеніе всегда дѣлаютъ родители мальчика и если оно принято родственниками дѣвочки, то взаимно обмѣниваются монетами. Это обыкновенно старая золотая или серебрянная монета, уже вышедшая изъ употребленія, нерѣдко древне-греческая, римская, или византійская; встрѣчаются также древне-италіянскія

(*) Панагія, Божія матерь, всесвятая.

и другія средне-вѣковыя монеты. Всѣ онѣ продыравлены, такъ какъ женщины носятъ ихъ въ волосахъ, а дѣтямъ пришиваютъ ихъ иногда къ шапкамъ. Монеты, которыми обмѣниваются при обрученіи, должны быть различныя. Разрывъ обрученія и возвращеніе этихъ монетъ случается очень рѣдко. Послѣ обрученія, какъ женихъ, такъ и вся его родня, не только по обычаю не должны разговаривать съ невѣстою, но и не смѣютъ видѣть ее. Передъ бракомъ происходитъ другое, формальное обрученіе и тутъ уже вмѣсто монетъ обмѣниваютъ золотыя или серебрянныя кольца, но обыкновенно второе обрученіе совершается между тѣми же самыми людьми, которые обручились еще въ раннемъ дѣтствѣ. Второе обрученіе совершается такимъ образомъ: нѣсколько мужчинъ и женщинъ изъ родныхъ жениха отправляются въ домъ невѣсты и выполняютъ тамъ нѣкоторыя формальности: оба кольца кладутъ на кучу пшеничной муки съ словами: «ѣшьте сладкій хлѣбъ и будьте нераздѣльны». Поздравивши хозяевъ гости отправляются съ пѣснями въ домъ жениха.

Въ Албаніи невѣста не только не приноситъ никакого приданаго, но даже и своихъ платьевъ: женихъ покупаетъ ее. Наканунѣ свадьбы онъ посылаетъ ей полное убранство: и подвѣнечное платье, и фесъ, выложенный золотыми монетами, и опредѣленную мѣстнымъ обычаемъ сумму денегъ, которая не превышаетъ 10-ти рублей на наши деньги.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сватовство доведено до необыкновенной простоты: родителямъ жениха нравится та или другая семья, гдѣ есть дѣвушка. Женихъ пріѣзжаетъ со своимъ отцомъ и нѣсколькими родственниками къ дому невѣсты, но не входитъ къ ней, а вмѣсто него идутъ родители. Дѣвушка въ первый разъ видитъ жениха на дворѣ изъ щели своей избы. Но ей некогда смотрѣть: отецъ зоветъ ее въ хату, гдѣ сидятъ гости и, указывая на столъ, накоторомъ разложены монеты, говоритъ: «бери деньги». Если женихъ не понравился, дѣвушка начинаетъ плакать и отворачивается, тогда отецъ ей говоритъ: «иди вонъ». Черезъ нѣсколько минутъ отецъ опять зоветъ ее, и опять тоже приказаніе. Тутъ уже, глядя на золотыя монеты, глаза у дѣвушки разгораются и она обыкновенно, собирая ихъ со стола, уходитъ невѣстою. Да отцу рѣдко приходится повторять приказаніе, дѣвушка обыкновенно рада радехонька скорѣе получить желанныя монеты.

Свадебные обряды занимаютъ болѣе недѣли. Понедѣльникъ, за недѣлю до свадьбы, считается началомъ празднествъ и называется медовымъ днемъ: съ пѣснями и стрѣльбою отправляютъ на мельницу пшеницу для свадебнаго хлѣба. Затѣмъ на третій день приглашенныя женщины съ пѣснями идутъ въ лѣсъ, откуда онѣ возвращаются въ домъ жениха одна съ вязкою дровъ, другая съ шестомъ въ рукѣ, къ которому привязанъ красный платокъ. Шестъ ставятъ въ уголъ, дровами затапливаютъ печь и съ пѣснями подходятъ къ столу, на которомъ положено тѣсто. Та, которая первая приложитъ руки къ тѣсту, должна быть дѣвушкою, имѣть много братьевъ, такъ какъ такая считается счастливою. Помѣсивши тѣсто, дѣвушка кладетъ его въ чашку и вмѣстѣ съ ней обходитъ всѣхъ присутствующихъ, которые должны бросать ей деньги; когда она подходитъ къ жениху, то старается какъ можно больше вымазать его тѣстомъ; тотъ сначала сопротивляется, но ей все-таки удается его выпачкать и онъ бросаетъ ей деньги. Другая дѣвушка надѣваетъ праздничное платье и оружіе жениха и въ этомъ нарядѣ сидитъ во время всего этого обряда, который оканчивается танцами. Наканунѣ свадьбы съ утра къ жениху опять приходятъ всѣ приглашенные родственники и друзья и каждый, непремѣнно приноситъ что-ни-

будь въ подарокъ: ягненка, барана, хлѣбъ, фляжку вина. Каждаго вновь приходящаго встрѣчаютъ пѣснями и благодарятъ за подарокъ. Затѣмъ танцуютъ цѣлый день и почти цѣлую ночь, такъ что во время свадьбы гости имѣютъ необыкновенно утомленный видъ.

Въ то время, какъ въ домѣ жениха идутъ такія шумныя приготовленія, танцы и пирушки, въ домѣ невѣсты—все совершенно покойно. Въ воскресенье опять къ жениху собирается множество гостей, если деревня большая то не менѣе ста человѣкъ. Въ назначенный часъ поѣздъ отправляется изъ дома жениха за невѣстою. Во главѣ поѣзда—священникъ, посреди мужчинъ—женихъ, непремѣнно на лошади, какъ бы ни было мало разстояніе. Поѣздъ заключаютъ женщины, которыя ведутъ убранную лошадь, или мула для невѣсты. Поѣздъ двигается съ пѣснями, въ которыхъ увѣщѣваютъ невѣсту приготовиться къ выходу изъ родительскаго дома и не плакать. У дверей невѣстинаго дома жениха встрѣчаетъ будущая теща: она держитъ сосудъ съ водою и, обмакнувъ въ него пучекъ цвѣтовъ, крапитъ имъ жениха. Онъ бросаетъ въ воду монету, а теща даритъ ему платокъ, который и кладетъ ему на правое плечо. Всѣ входятъ въ хату, гдѣ на полу разосланъ длиннѣйшій кусокъ полотна, на которомъ разставлено кушанье, и все общество располагается вокругъ него поджавъ подъ себя ноги. Во время ѣды часто пьютъ за здоровье молодыхъ. Тостъ состоитъ изъ слѣдующихъ словъ: «пусть они живутъ и будутъ счастливы», или «сладкаго хлѣба и нераздѣльнаго житья». Такъ какъ по албанскому обычаю не только невѣста, но даже и женихъ, должны представлять въ день свадьбы образецъ скромности и боязливости, то во время всѣхъ этихъ тостовъ за нихъ благодаритъ дружка, или какъ они называютъ *влямъ*. Затѣмъ женщины идутъ въ комнату невѣсты и каждой вошедшей она должна поцѣловать руку. Когда собрались всѣ женщины, къ ней входитъ влямъ, который долженъ опоясать ее и обуть. Онъ цѣлуетъ ее въ губы, а она ему руку, затѣмъ одѣваетъ ей поясъ и башмаки, куда онъ предварительно насыпаетъ рису и денегъ въ знакъ благополучія и богатства. Послѣ этого влямъ возвращается къ мужчинамъ и расхваливаетъ невѣсту. Начинаютъ все приготовлять къ отъѣзду: при этомъ у албанцевъ существуетъ обычай, чтобы влямъ и нѣкоторые родственники жениха что нибудь украли въ домѣ невѣсты: это, вѣроятно, укоренилось вслѣдствіе обычая многихъ албанскихъ племенъ, который сохранился еще и теперь у нѣкоторыхъ изъ нихъ, красть себѣ невѣстъ. Невѣста цѣлуетъ руки у родителей и родственниковъ и идетъ къ выходу, но останавливается и хочетъ идти назадъ, тогда ее берутъ за руки, она опять нѣсколько сопротивляется и наконецъ выходитъ. Этотъ обычай невѣсты сопротивляться при выходѣ изъ родительскаго дома существуетъ не только у албанцевъ, но и во многихъ мѣстностяхъ Греціи и Румыніи.

Невѣста садится на лошадь и слѣдуетъ за поѣздомъ жениха. Тамъ, гдѣ невѣста идетъ пѣшкомъ, ее ведутъ за руки. Во время этого переѣзда невѣста подъ покрываломъ и безпрестанно кланяется въ разныя стороны. Ея родственники сопровождаютъ ее только половину дороги до дома жениха, затѣмъ они возвращаются домой; ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ идти далѣе. Теперь о невѣстѣ уже заботится влямъ и поддерживаетъ ее, чтобъ она не упала съ лошади. Всѣ хозяева домовъ, мимо которыхъ проходитъ поѣздъ, должны выносить вино и желать счастья молодымъ. Не поднести вина—значитъ выразить непріязнь и вражду жениху. Когда поѣздъ приближается къ дому жениха, его мать встрѣчаетъ молодыхъ и осыпаетъ ихъ рисомъ. Тутъ

происходитъ вѣнчаніе. По окончаніи обряда гости садятся за столъ, а невѣста съ скрещенными на груди руками и опущенною головой становится въ уголъ комнаты и такимъ образомъ стоитъ она во время всего пиршества, какъ мумія, не смѣя поднять глазъ, или произнести хотя одинъ звукъ. Женихъ тоже не смѣетъ много разговаривать ибольше долженъ держать глаза внизъ, но все-таки сидитъ вмѣстѣ съ гостями. Какъ и въ домѣ невѣсты, при тостахъ онъ и тутъ только чуть-чуть наклоняетъ голову, а главнымъ образомъ благодаритъ за него и раскланивается его влямъ. Послѣ обѣда начинаютъ пѣть и танцовать, и танцы открываетъ женихъ, во главѣ мужчинъ, которые взявшись за руки двигаются кругомъ. Затѣмъ женихъ внезапно бросается на невѣсту, танцующую среди женщинъ, хватаетъ ее за руку и выдѣлываетъ съ нею нѣсколько па. При этомъ гости поютъ: «Воронъ похитилъ куропатку. На что ему эта куропатка? Чтобы съ нею играть и шутить, чтобы съ нею всю жизнь проводить...»

Молодая женщина въ теченіи перваго года носитъ фесъ съ золотыми монетами, подаренными ей гостями на свадьбѣ и присланными женихомъ, затѣмъ она перемѣняетъ его на простой головной платокъ. Мы уже говорили, какое смиреніе, доведенное до рабскаго униженія, должна оказывать женщина по отношенію къ своему мужу. Онъ имѣетъ полное право бранить, бить жену, наказывать ее, когда и какъ это ему вздумается, и пользуется этимъ правомъ безъ особенной церемоніи. Албанка должна оказывать своему мужу всевозможное уваженіе, какъ повелителю, должна только и думать о томъ, какъ бы исполнить всѣ его капризы, такъ какъ иначе онъ не только можетъ побить ее, но и совсѣмъ прогнать и отослать назадъ къ родителямъ. При этомъ мужъ долженъ только дать ничтожную сумму женѣ. Выгонитъ такимъ образомъ мужъ жену и оба они, если на то у нихъ есть охота, скоро могутъ вступить опять во второй бракъ.

Въ первые годы замужества для молодой женщины считается крайне неприличнымъ разговаривать съ мужемъ при постороннихъ. Она никогда не называетъ его по имени, часто даже стыдится называть по имени тѣхъ, кого зовутъ такъ же какъ и ея мужа. Что касается мужчины, то онъ не только не разговариваетъ съ женой при постороннихъ, но иначе не относится къ ней, какъ повелительно, какъ къ существу совершенно подвластному. Впрочемъ албанскія женщины такъ привыкли къ этому, что всякое другое обращеніе съ ними сами нашли-бы неприличнымъ. Жена не только раба своего мужа, но и служанка его родителей. Она должна оказывать величайшее почтеніе тещѣ и тестю: должна знать всѣ ихъ привычки, угадывать всѣ ихъ желанія, а главное, какъ можно чаще выказывать глубочайшее почтеніе. Она соскакиваетъ съ своего мѣста и отворяетъ дверь, когда видитъ, что они идутъ въ избу, хватаетъ всякую тяжесть, которую они собираются поднять, проводитъ ихъ до кровати, когда идутъ спать, и стоитъ возлѣ, пока ей не скажутъ, чтобы она шла и ложилась. Родители мужа имѣютъ огромную власть надъ молодой женщиной: они безъ согласія сына могутъ отослать ее къ ея родителямъ и такимъ образомъ развести молодыхъ людей. Вотъ потому-то молодая такъ и старается угодить имъ. Впрочемъ кому не старается угодить, передъ кѣмъ не унижается албанская женщина? Старому, малому и молодому, каждому встрѣчному, знакомому и незнакомому, она должна цѣловать руку, всѣхъ женщинъ старше ея она должна называть—госпожами, даже маленькихъ мальчиковъ—господами, а подругъ своихъ и молодыхъ дѣвушекъ—сестрами.

Оригинально встрѣчаютъ албанцы смерть своихъ близкихъ. Когда въ домѣ покойникъ, къ нему приходятъ и окружаютъ его всѣ родственники. Женщины начинаютъ плакать и причитать, и черезъ минуту все сливается въ общій хоръ: рыданія, дикіе крики и отрывочныя фразы, въ которыхъ высказываются похвалы умершему и пересчитываются его добродѣтели. Многія женщины разрываютъ на себѣ одежду, рвутъ волосы, до крови царапаютъ лице, то подымаютъ съ отчаяніемъ руки, то ломаютъ ихъ такъ, что хрустятъ всѣ суставы. Это выраженіе отчаянія и крики въ домѣ, гдѣ есть покойникъ, начинаются съ зарею и кончаются поздно вечеромъ. Впродолженіе дня ихъ прерываютъ только разъ, много два раза въ сутки, чтобы подкрѣпить себя пищею. Этотъ плачъ продолжается первые три дня. Затѣмъ, когда покойникъ уже схороненъ, его родственницы цѣлый годъ, по два, по три раза въ недѣлю, собираются въ его избу плакать и причитать.

Почти всѣ суевѣрія албанцевъ и ихъ отношенія къ усопшимъ имѣютъ чрезвычайно много общаго съ обычаями и повѣрьями другихъ обитателей Балканскаго полуострова: особенно черногорцевъ, и сербовъ.

Жизнь албанскаго народа не замысловата. Отецъ и сыновья не имѣютъ отдѣльной собственности: всѣ члены семьи работаютъ для дома, хотя бы были въ различныхъ мѣстностяхъ, занимались различными ремеслами. Одинъ мало заработалъ, другой много, все равно, все это идетъ въ общее хозяйство. Братья часто живутъ вмѣстѣ и по смерти своихъ родителей, и только двоюродные братья дѣлятся. Этому совмѣстному сожительству много содѣйствуетъ то обстоятельство, что многіе мужчины уходятъ на заработки въ чужія страны и только по очереди возвращаются домой. Женщины заботятся о домѣ, обрабатываютъ поля и виноградники. Отношеніе между зятемъ и невѣстками весьма дружественное и теплое. Возвратившійся членъ семьи оказываетъ женѣ своего брата болѣе ласки и уваженія, чѣмъ собственной женѣ. Унизительное положеніе албанской женщины имѣетъ чрезвычайно много общаго съ положеніемъ женщины въ Черногоріи. Какъ тамъ при общемъ грубомъ и повелительномъ отношеніи мужчины къ женщинѣ бросаются въ глаза хорошія, сердечныя отношенія брата къ сестрѣ, такъ въ Албаніи, просидѣвъ съ полчаса среди семьи, вы сейчасъ отличите среди другихъ женщинъ невѣстку: братья ея мужа гораздо мягче и ласковѣе къ ней, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ своимъ родственницамъ.

Воспитаніе дѣтей носитъ спартанскій характеръ. Съ первыхъ дней появленія на свѣтъ божій ребенка, мать даетъ ему вина, чтобы онъ былъ крѣпче. До семи лѣтъ дѣтей держатъ чрезвычайно сурово: они всюду должны ходить, бѣгать, лазить по горамъ и пасти скотъ съ непокрытой головой, безъ штановъ и босикомъ. Только въ самое суровое время года, поверхъ единственной рубашки, имъ позволяютъ что нибудь накинуть. Албанцы народъ дѣйствительно чрезвычайно бѣдный, но дѣтей ведутъ такимъ образомъ вовсе не изъ бѣдности, а изъ желанія закалить ихъ. «Хилыхъ намъ совсѣмъ не надо», говоритъ албанецъ и не бережетъ слабаго ребенка. Когда мальчику исполнится 8, 9 лѣтъ, отецъ его отправляется на чужбину для заработка и беретъ съ собою сына, гдѣ онъ остается не менѣе 3-хъ, 4-хъ лѣтъ. Чтобы мальчикъ не женился на чужой сторонѣ, прежде чѣмъ оставить родину, его обручаютъ.

Почтеніе сыновей къ родителямъ такъ велико, что сынъ въ присутствіи чужихъ не смѣетъ ѣсть вмѣстѣ съ отцемъ, и говоритъ только тогда, когда его спросятъ. Непокорнаго сына отецъ можетъ прогнать и лишить наслѣдства.

Сколько бы лѣтъ ни провелъ албанскій юноша на чужбинѣ, это только усиливаетъ его любовь къ родинѣ. Тутъ никто не помнитъ случая, чтобы кто нибудь женился на чужой сторонѣ, или перевезъ туда свою семью. Такого бы всякій сталъ презирать.

Родовой союзъ въ Албаніи гораздо тѣснѣе, чѣмъ на западѣ. Къ одному роду принадлежатъ всѣ происшедшіе по мужскому колѣну отъ общаго предка. Женщина, вышедшая замужъ, переходитъ уже въ родъ мужа и родство по женской линіи здѣсь не имѣетъ значенія. Всѣ албанцы, какъ и древніе греки носятъ крестныя имена, потомъ прибавляютъ еще имя отца, или дѣда, а иногда и обоихъ въ родительномъ падежѣ, напр. Апостолисъ Ге-Панаіотидесъ, т. е. Апостолисъ сынъ Георга сына Панаіоти. Кромѣ того прибавляютъ еще родовое прозвище, напр. Додадъ, т. е. потомокъ Дода.

Любимымъ развлеченіемъ здѣшней молодежи, кромѣ пѣнія и танцевъ, которымъ албанцы страстно отдаются не только въ праздничные дни, но и въ послѣобѣденное время, всегда, когда у нихъ только есть свободная минута,—это бои пѣтуховъ. Бои эти столь любимые въ древней Греціи, особенно въ Афинахъ, весьма развиты и теперь еще въ средней Албаніи, особенно въ Елбассанѣ. Тамъ любители разводятъ особенный родъ пѣтуховъ съ длинными ногами и называютъ ихъ греческими.

Общій любимый герой Албаніи, въ память котораго сложилось много пѣсенъ, имя котораго умѣетъ произнести едва начавшій лепетать младенецъ—это Кастріото-Скандербекъ. Георгъ Кастріото родился въ XV ст. на сѣв. Албаніи. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, отецъ вынужденъ былъ сдѣлаться данникомъ турокъ. Въ залогъ того, что онъ будетъ выполнять заключенныя условія, онъ послалъ турецкому султану своихъ сыновей. Они были помѣщены во дворцѣ султана и воспитаны въ правилахъ магометанской религіи, вопреки желанію и условіямъ, заключеннымъ между ихъ отцемъ и султаномъ. Братья Георга рано умерли, а его самаго такъ полюбилъ султанъ, что далъ ему при себѣ важное и почетное мѣсто. Добившись полнѣйшаго довѣрія турецкаго правительства, Кастріотъ дѣлается предводителемъ войска, но въ самую критическую минуту входитъ въ тайное сношеніе съ врагомъ и содѣйствуетъ пораженію турецкой арміи. Въ то время пока еще никто не подозрѣвалъ его измѣны, онъ выхлопоталъ себѣ фирманъ, по которому албанскій губернаторъ долженъ былъ сдать ему Крою,—главный городъ этой страны, а также и начальство надъ сосѣднею областью. Возвратившись на родину, онъ сбросилъ маску, объявилъ себя врагомъ турецкаго правительства, и собравъ вокругъ себя храбрыхъ соотечественниковъ, вступилъ въ борьбу съ турками за независимость своей страны. До самой своей смерти, болѣе 20 лѣтъ, онъ велъ съ турками ожесточенную борьбу, много разъ выгонялъ изъ Крои ихъ войска и пріобрѣлъ своею необыкновенною храбростію страстную любовь соотечественниковъ и такую громкую славу, что онъ призванъ даже былъ въ Италію помочь Неаполитанскому королю противъ его соперника. За услуги, оказанныя при этомъ, онъ получилъ большія помѣстья въ Италіи, которыя были заняты переселенцами, первыми изъ многочисленныхъ колонистовъ, перешедшихъ изъ Албаніи въ Италію. Къ концу жизни Скандербекъ опять вступилъ въ борьбу съ своими прежними врагами и снова успѣшно. Наконецъ онъ умеръ въ Алессіо, на 63 году своей жизни, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли и надежды его соотечественниковъ. Они не могли даже сохранить его останки, такъ какъ послѣ его смерти турки вырыли его трупъ, разорвали его на части и надѣ-

лали изъ его костей амулеты, которые вѣшали себѣ на шею, когда отправлялись на войну. Они искренно вѣрили, что амулеты столь храбраго человѣка и имъ непремѣнно должны сообщить ту же отвагу и храбрость.

Отправляясь на битву, говорится въ одной албанской пѣснѣ, которая поется больше всѣхъ,—Скандербекъ, встрѣчаетъ смерть, которая уговариваетъ его вернуться домой, и предсказываетъ, что иначе онъ долженъ будетъ умереть. «Воздушный призракъ, котораго боятся только трусы», говоритъ Скандербекъ, «почемъ ты знаешь, что я долженъ умереть?» «Вчера на небѣ предо мною», отвѣчаетъ ему призракъ, «были открыты книги судебъ и мрачное покрывало пало на твою голову и на головы твоей дружины».

Тяжело Скандербеку оставить сиротами свою любимую родину и сына, онъ скорбитъ больше всего о томъ, что безъ него имъ угрожаетъ въ будущемъ позоръ и всякія оскорбленія отъ турокъ.

«Мой беззащитный цвѣтокъ, мой милый сынокъ», говоритъ онъ ему, «сойди къ берегу и привяжи мою лошадь къ мрачному и печальному кипарису, который тамъ растетъ; тутъ же разверни мое знамя, чтобы раздувалъ его морской вѣтеръ и повѣсь мой мечь, на краяхъ котораго турецкая кровь.... Оружіе страшнаго бойца, скажи, неужели и ты останешься нѣмымъ подъ мрачнымъ деревомъ?

«Нѣтъ! Когда подуетъ вѣтеръ, страшно заржетъ моя лошадь, знамя будетъ развиваться по вѣтру, мечь снова звенѣть...» Эта пѣсня оканчивается словами: «завидятъ турки знамя славнаго героя, заслышатъ шумъ и ржанье смѣлаго коня и, дрожа и блѣднѣя, пустятся домой».

МИРДИТА.

Природа страны.—Одежда жителей, ихъ характеръ, нравы и обычаи.—Похищеніе женщинъ.—Побратимство. — Нынѣшній князь Мирдитскій Бибъ-Дода: его характеръ, отношеніе къ подданнымъ и его Орошскій дворецъ. — Какъ управляется страна. — Правосудіе.

Когда оставляешь Скутари (или Скодру) и отправляешся нѣсколько южнѣе въ Орошъ главный городъ мирдитовъ и резиденцію ихъ князя,—природа страны замѣтно мѣняется. Поля этой разнообразной, волнистой мѣстности отлично обработаны, часто попадаются богатые виноградники и шелковичныя деревья, но еще чаще богатые дубовые лѣса. Мѣстами однако встрѣтишь и совершенныя пустыри, такъ что въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ ѣзды не увидишь иногда ни клочка поля: только горы, скалы да камни, и кой-гдѣ небольшія лужайки. Села обыкновенно состоятъ изъ разбросанныхъ тамъ и сямъ глиняныхъ мазанокъ, крытыхъ черепицею, либо плоскими кусками камня и въ рѣдкихъ мѣстахъ соломою. Большею частью избы обнесены высокимъ заборомъ изъ глины или камней, такъ что проѣзжающій видитъ только крышу дома, но никакъ не можетъ разглядѣть самой избы. Часто однако заборовъ не бываетъ, и тогда избы выходятъ на улицу своими узкими окошечками. Вода тутъ самый опасный врагъ всѣхъ этихъ глиняныхъ построекъ. Иногда довольно бываетъ одного дня съ сильнымъ дождемъ, чтобы горный ручей, выступивъ изъ береговъ, смылъ цѣлое селеніе. Изъ опасенія разливовъ, или по другимъ

причинамъ, села очень рѣдко строятся на берегу рѣки. Иногда ѣдешь нѣсколько часовъ сряду по долинѣ и не встрѣтишь ни одного села: онѣ лѣпятся у подножія горъ, или на нѣкоторой высотѣ.

Мирдиты, попадающіеся по дорогѣ, одѣты гораздо проще, чѣмъ другіе албанцы. Длинная, бѣлая, шерстяная куртка, замѣняющая имъ въ то же время и рубашку, опоясана широкимъ краснымъ поясомъ. Длинныя широкія шаровары подвязаны почти у самой ступни; ноги въ кожанныхъ башмакахъ; на головѣ — бѣлая, войлочная шапка. Одежда женщинъ нѣсколько живописнѣе. Кромѣ куртки такой же, какъ у мужчинъ, онѣ носятъ красныя шаровары, вышитый передникъ съ бахромою и голубой платокъ на головѣ; сверху иногда накинутъ малиновый плащъ.

Мирдиты самые свирѣпые и воинственные изъ албанцевъ. Они никогда не были покорены турками и совершенно независимо отъ нихъ управляются своимъ собственнымъ княземъ, котораго они считаютъ потомкомъ Скандербека. Всѣ мирдиты (а ихъ болѣе 20.000) христіанской вѣры, римско-католическаго исповѣданія, но въ своемъ богослуженіи они удержали многіе греческіе обряды; самое замѣчательное изъ нихъ причащеніе подъ обоими видами; а настоящіе католики причащаются только оплатками, т. е. отъ плоти І. Х. Мирдиты чрезвычайно смѣлый и необыкновенно фанатичный народъ; они ни зачто не позволятъ магометанину поселиться между ними и ни одно оскорбленіе ихъ религіи не пройдетъ у нихъ не отмщеннымъ. Однажды Сводрскій паша (губернаторъ) сталъ противиться построенію въ этомъ городѣ римско-католической семинаріи для ихъ священниковъ и приказалъ срыть стѣны, которыя уже отчасти были построены. Хотя это намѣреніе и не было приведено въ исполненіе и семинарія была построена, но лишь только мирдиты прослышали о желаніи паши, они тотчасъ всѣ собрались, чтобы спуститься въ равнину и разрушить магометанскую мечеть и тѣмъ отомстить за оскорбленіе своей религіи. Князь и священники едва могли отговорить ихъ отъ этого предпріятія, такъ какъ оно могло повредить и другимъ христіанамъ, которыхъ магометане въ свою очередь навѣрно стали бы за это преслѣдовать.

Самая характерная черта въ бытѣ этого народа, обычай жениться на женщинѣ другой религіи и не иначе, какъ непремѣнно похитивъ ее.

Женятся они на дѣвушкахъ другаго племени потому, что бракъ между членами своего племени считается кровосмѣшеніемъ. «Но почему», вѣроятно, спросятъ читатели, «они считаютъ необходимымъ похитить жену, взять ее силою, тогда какъ это можно было бы устроить мирнымъ путемъ, просто напросто пріѣхать въ домъ отца дѣвушки, которая понравилась мирдиту и посватать ее?» Это они и сами не объяснятъ вамъ... Обычай такой да и только, но укоренился-то этотъ обычай, вѣроятно, потому, что мирдиты народъ невѣжественный и неразвитый и смотрятъ на всякій захватъ, какъ на самый похвальный поступокъ, поэтому и въ бракѣ они считаютъ гораздо благороднѣе получить жену силою, чѣмъ съ ея согласія. Такъ женятся мирдиты высшаго и низшаго сословія. Такъ точно женился и ихъ нынѣшній князь Бибъ-Дода. Кто собирается жениться, похищаетъ магометанку какого нибудь сосѣдняго племени, затѣмъ крститъ ее по правиламъ своей религіи и тогда уже вступаетъ съ нею въ бракъ. Родители дѣвушки обыкновенно не особенно претендуютъ на это, такъ какъ женихъ тотчасъ посылаетъ имъ за дочь хорошее вознагражденіе. Своихъ же дѣвушекъ мирдиты выдаютъ въ замужество въ сосѣднія христіанскія племена. Что касается положенія женщины въ Мирдитѣ, то она

тутъ не играетъ никакой роли и живетъ въ большемъ уединеніи. Но все-таки у мирдитовъ женщина въ бо́льшемъ уваженіи, чѣмъ у турокъ. Тутъ по всей вѣроятности играетъ роль религія; мирдиты—христіане, а христіанская религія относится къ женщинѣ съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ магометанская. Наконецъ, главное отличіе здѣшней женщины отъ турецкихъ гаремныхъ затворницъ въ томъ, что она не сидитъ по цѣлымъ днямъ, сложа руки, а много работаетъ, выполняетъ даже нѣкоторыя тяжелыя мужскія работы.

Любопытенъ также здѣсь обычай побратимства. Нужно замѣтить, что обычай этотъ существуетъ не только между мирдитами, но и между многими другими албанскими племенами, а также и между всѣми почти славянами. Здѣсь обычай этотъ состоитъ въ томъ, что двое молодыхъ людей, которые наиболѣе дружны между собой, клянутся всю жизнь любить и помогать другъ другу во всѣхъ трудныхъ житейскихъ обстоятельствахъ. Такой обѣтъ дается очень торжественно и съ большими церемоніями. Прежде всего оба лица причащаются, затѣмъ, возвратившись домой, до принятія пищи, наполняютъ чашу виномъ и каждый изъ нихъ опускаетъ въ нее каплю своей крови. Когда кровь побратимовъ смѣшалась съ виномъ, они съ благоговѣніемъ встаютъ съ своихъ мѣстъ, одинъ за другимъ произносятъ клятву въ вѣрности и поровну выпиваютъ вино. Такой союзъ считается священнымъ и измѣна ему—величайшее преступленіе и святотатство. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ принятъ этотъ обычай, дѣти побратимовъ не вступаютъ даже въ бракъ. У нѣкоторыхъ славянъ побратимство иногда заключаютъ мужчина съ женщиной, но у мирдитовъ строго наблюдаютъ, чтобы этотъ обѣтъ давали люди одного пола.

Жизнь и нравы высшаго сословія мирдитовъ столько же напоминаютъ отдаленныя, грубыя времена среднихъ вѣковъ, сколько и жизнь низшихъ слоевъ общества, которую мы только что описали.

Дворецъ въ Орошѣ нисколько, разумѣется, не соотвѣтствуетъ понятію европейцевъ о дворцахъ, не смотря на то, что это все-таки самая лучшая постройка не только въ этомъ городѣ, но и во всей странѣ мирдитовъ. Стѣны орошскаго дворца грубо выложены изъ камня, съ бойницами для защиты, которыя представляютъ ничто иное, какъ узкіе окошки безъ стекла, такъ что изъ нихъ можно стрѣлять на случай непріятельскаго нашествія. Каменная лѣстница ведетъ въ обширную залу дворца, всю обвѣшанную длинными ружьями, богато украшенными серебромъ. За залою идетъ плохо меблированная комната для княжеской стражи, которая бросается въ глаза своими длинными локонами, ниспадающими съ затылка, и необыкновенно свирѣпымъ видомъ. По бокамъ двѣ красиво и оригинально убранныя комнаты, изъ которыхъ одна столовая, а другая служитъ спальнею для княжескихъ гостей. Обѣ комнаты вмѣсто обой выложены душистою горною елью и красивою рѣзьбою. Въ столовой — массивный буфетъ. Однимъ словомъ, этотъ дворецъ считался бы у насъ порядочною квартирою человѣка средней руки, если бы его не портили маленькія окна съ желѣзными рѣшетками и до того плохо устроенныя печки, что отъ нихъ даже дымитъ. Этимъ уже орошскій дворецъ напоминаетъ наши курныя избы, въ которыхъ, точно также какъ и здѣсь, потолокъ всегда закопченъ дымомъ. Нынѣшній князь мирдитовъ, Бибъ-Дода, человѣкъ совершенно не образованный: онъ не умѣетъ ни читать, ни писать; кромѣ албанскаго не знаетъ ни одного языка, — впрочемъ нѣсколько понимаетъ итальянскій. Не смотря на это, онъ имѣетъ хорошее вліяніе въ своей странѣ, такъ какъ при

всякомъ удобномъ случаѣ уговариваетъ своихъ соотечественниковъ отмѣнить тотъ или другой варварскій обычай. Каждый его подданный можетъ свободно войти къ нему во дворецъ и просить его совѣта въ томъ или другомъ дѣлѣ. Онъ съ большимъ вниманіемъ выслушиваетъ просьбу каждаго и всегда умѣетъ подать умный, добрый совѣтъ. Сильно старается онъ также уничтожать въ своей странѣ обычай кровомщенія. Часто, заслышавши о томъ, что потомокъ обиженнаго собирается отомстить потомку обидѣвшаго, онъ призываетъ его къ себѣ и всѣми силами старается убѣдить его не мстить, но это очень рѣдко удается: такъ укоренился этотъ варварекій обычай во всей Албаніи. Многое наконецъ и не отъ него зависитъ, такъ какъ власть князя въ Мирдитѣ, какъ мы увидимъ, хотя и монархическая, но ограниченная.

Бибъ-Дода — необыкновенно крѣпкаго сложенія, коренастый съ лицемъ оливковаго цвѣта, лѣтъ около 40 отъ роду. Человѣкъ онъ необыкновенно воинственный и храбрый и въ своей жизни много разъ отличался въ нѣсколькихъ кампаніяхъ. Если вы спросите у мирдита, какъ богатъ ихъ князь, онъ не скажетъ вамъ, что онъ имѣетъ столько-то тысячъ рублей, или такія-то помѣстья, а совершенно точно опредѣлитъ его имущество, сказавши: 800 быковъ и коровъ, 1.300 барановъ и кромѣ того множество лошадей и другаго скота. Здѣсь и жизнь, и понятія, какъ простыхъ людей, такъ и самаго князя, совершенно патріархальны.

Вотъ какъ разсказываетъ о мирдитскомъ князѣ Бибъ-Дода, извѣстный англійскій путешественникъ, которому удалось проникнуть въ орошскій дворецъ.

Въ 10-ть часовъ намъ подали завтракъ въ столовой: наше общество состояло изъ самаго князя, его адъютанта, который былъ родомъ венгерецъ, секретаря, урожденнаго итальянца, мирдитскаго священника и меня. Все люди различныхъ національностей. Обстановка имѣла чрезвычайно воинственный характеръ, такъ какъ за столомъ намъ прислуживали воины, чрезвычайно свирѣпые на видъ, со множествомъ пистолетовъ и кинжаловъ за поясомъ.

Въ половинѣ завтрака на блюдѣ внесли телячью голову и поставили передъ княземъ. Къ моему удивленію онъ взялъ эту голову и положилъ мнѣ на тарелку. Къ счастію мой сосѣдъ мнѣ тотчасъ объяснилъ потихоньку, что это самая высшая любезность въ Албаніи, и дѣлается только для человѣка, котораго князь захочетъ особенно почтить. Вслѣдствіе любезности князя и слуги безпрестанно подносили мнѣ кушанья и, послѣ всякаго глотка вина изъ серебрянаго кувшина съ крышкою, тотчасъ наполняли его вновь и ставили его передо мной. Однимъ изъ послѣднихъ блюдъ, были тутовыя ягоды, довольно рѣдкія въ этой странѣ, такъ какъ на высокихъ мѣстахъ онѣ не растутъ, а Орошъ возвышается надъ поверхностью моря на 2.360 ф., но чтобы князь могъ ихъ имѣть за своимъ столомъ, нѣсколько тутовыхъ деревьевъ посажены передъ дворцемъ. Безконечное число кушаньевъ, которыя все еще продолжали подносить одно за другимъ, такъ меня пресытили, что я хотѣлъ было на отрѣзъ отказаться отъ всего, что подадутъ, но услужливый сосѣдъ посовѣтовалъ мнѣ не дѣлать этого. Онъ объяснилъ, что множество блюдъ сегодня подается, чтобы выказать мнѣ любезность и гостепріимство, и мой отказъ князь счелъ бы для себя оскорбленіемъ. Волей неволей пришлось отвѣдывать каждаго кушанья. При этомъ князь безпрестанно ко мнѣ обращался и извинялся за грубость своего угощенія. Однако хотя кушанья были чрезвычайно однообразны и не отличались утонченными европейскими приправами, но говядина была превосходная и все было приготовлено правда очень просто, но вкусно.

Передъ концемъ завтрака ввели сына князя, полнаго и рослаго 6-ти-лѣтняго мальчика, одѣтаго въ богато вышитое платье. Мы поднялись, чтобы привѣтствовать его, но князь попросилъ насъ садиться и заставилъ его поцѣловать всѣмъ намъ руки.

Хотя въ Мирдитѣ, какъ мы уже говорили, и есть наслѣдственный глава (т. е. князь) и собраніе, въ которомъ являются представители всего народа, но на дѣлѣ все управленіе страною находится въ рукахъ знатнѣйшихъ фамилій.

Каждый округъ имѣетъ своего *байракдара*, или знаменоносца, и *сенаторовъ*—которыми бываютъ главы родовъ. Званіе это наслѣдственно, такъ что и ребенокъ можетъ быть сенаторомъ, только въ этомъ случаѣ всѣ обязанности до его совершеннолѣтія исполняетъ его опекунъ. Князь не можетъ принять никакихъ мѣръ безъ согласія сената, который состоитъ изъ всѣхъ *байракдаровъ* и *сенаторовъ*, а когда нужно обсудить предметы самой большой важности, то сзываютъ на совѣтъ и весь народъ, т. е. на народное собраніе, которое при этомъ назначается, являются представители отъ каждаго семейства. Однако на дѣлѣ народное собраніе не имѣетъ никакого вліянія и сзывается только для того, чтобы придать большій вѣсъ и значеніе рѣшенію, постановленному сенаторами, которые тоже непремѣнно должны присутствовать на этихъ собраніяхъ.

Когда сенатъ собирается по требованію князя, тогда онъ бываетъ во дворцѣ или около дворца, но онъ можетъ собраться и самъ, совершенно самостоятельно. Когда князь пригласилъ сенатъ собраться у него,—тогда въ его дворцѣ идутъ большія приготовленія: убиваютъ трехъ, четырехъ быковъ, нѣсколькихъ барановъ и козловъ, и Бибъ-Дода дѣлаетъ угощеніе сенаторамъ на свой счетъ.

За небольшіе проступки князь приказываетъ дать до сотни ударовъ по пяткамъ, но важныя тяжбы разбираютъ и судятъ сенаторы каждаго округа. Законы, по которымъ судятъ преступниковъ, самыя варварскія и допотопныя. Еще до сихъ поръ за тяжкія преступленія преступниковъ иногда сожигаютъ живыми. Сколько ни протестуетъ противу этого обычая нынѣшній князь Бибъ-Дода, но онъ не имѣлъ никакого успѣха. Да и можетъ ли одинъ человѣкъ, даже при самыхъ хорошихъ намѣреніяхъ, во многомъ измѣнить эту варварскую страну, въ которой еще только недавно уничтоженъ дикій обычай солить и сохранять головы убитыхъ въ сраженіи враговъ.

АФОНЪ.

Природа Афона и его растительность.—Киновіи и монахи этихъ монастырей: ихъ тяжелая жизнь, труды и удовольствія.—Келіоты пустынники.—Какимъ образомъ устраиваются эти монастыри и какъ въ нихъ живется.—Какъ монахи добываютъ «цвѣты Богородицы».—Гробничные старцы.—Штатные монастыри и ихъ привольное житье.—Правленіе Афона.

Въ Европейской Турціи есть необыкновенно красивый полуостровъ, на которомъ уже съ давнихъ поръ существуетъ совершенно оригинальное царство, съ своими особыми законами, промышленностью, съ своимъ флотомъ и судомъ и, наконецъ, съ своими совершенно особыми стремленіями и взглядами на людскія отношенія. Этотъ замѣчательный уголокъ земли называется Афономъ. Святой горой или Афономъ, (хотя Афонская гора находится собственно въ южной части этого полуострова) называютъ небольшой полуостровъ, около 150 верстъ въ окружности, верстъ 80 въ длину, верстъ 20, а можетъ гдѣ и болѣе въ поперечникѣ. Однако на этомъ небольшомъ полуостровѣ раскинуто больше 2,000 церквей, 20 монастырей и при нихъ до 8,000 отшельниковъ. По всему полуострову проходитъ горный хребетъ, который у южнаго конца достигаетъ высоты около 4,000 фут.; тутъ онъ нѣсколько понижается и за тѣмъ внезапно выростаетъ въ обширный коническій пикъ въ 6,400 фут. высоты, основаніе котораго съ трехъ сторонъ омывается голубыми волнами Эгейскаго моря. По обѣ стороны этого хребта идутъ боковыя равнины и глубокія ущелья, но природа восточной и западной стороны не совсѣмъ похожа другъ на друга. Восточная сторона гораздо болѣе ровная, чѣмъ западная и покрыта великолѣпными деревьями и болѣе роскошною растительностію. Самый хребетъ и его крутые склоны одѣты богатыми каштаповыми и буковыми лѣсами; но ниже виднѣются отдѣльно стоящіе дубы, чинары (платаны), кипарисы и оливковыя деревья. Пресмыкающіяся ползаютъ по деревьямъ и висятъ фестонами на ихъ вѣтвяхъ. Самый пикъ, который и есть собственно Афонъ, по своей высотѣ и уединенному мѣстоположенію, по своей конической формѣ и нѣжно сѣрому цвѣту — прежде всего необыкновенно поражаетъ туриста. Высоко поднимается эта гора крутою массою бѣлаго мрамора, который отъ дѣйствія атмосферы кажется нѣжно сѣрымъ.

Склоны Святой горы усѣяны монастырскими фермами, строеніями, а вокругъ нихъ лежатъ полосы земли, обработанныя руками монаховъ. Положеніе

монастырей необыкновенно живописно. Только немногіе изъ нихъ построены въ уединенныхъ мѣстахъ или на высотѣ хребта,—большая же часть расположены на берегу моря. Архитектура всѣхъ этихъ зданій самая старинная. Монастыри, которыя лежатъ на западныхъ стремнинахъ, очень подвержены лѣтней жарѣ, а тѣ, что расположены нѣсколько повыше, видятъ снѣгъ, хотя впрочемъ въ продолженіи только нѣсколькихъ дней. Вообще климатъ полуострова, за исключеніемъ нѣсколькихъ уголковъ, дѣйствительно вредныхъ для здоровья и, которые особенно тщательно выискиваются нѣкоторыми монахами, — вообще необыкновенно хорошій и здоровый, и эпидеміи здѣсь почти не извѣстны.

Каждый монахъ Афонской горы ведетъ жизнь сообразно съ уставомъ своего монастыря, но большинство изъ нихъ до такой степени убиваютъ свою плоть, что отъ истощенія умираютъ въ ранней юности, другіе же подчиняются менѣе строгимъ требованіямъ и тихо, мирно, не видя никого кромѣ своихъ собратій, не интересуясь ничѣмъ, кромѣ своего маленькаго мірка, не имѣя ни малѣйшаго понятія, о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, доживаютъ до глубокой старости.

Прежде всего поговоримъ о киновіяхъ, т. е. объ общежительныхъ монастыряхъ, такъ какъ такихъ монастырей больше всего на Афонѣ.

Монахи каждой киновіи представляютъ одну общину или семью, всѣ члены которой совершенно равны между собою: всѣ они ѣдятъ одинаковую пищу, носятъ одну и ту же одежду, ни одинъ изъ нихъ, наконецъ, не имѣетъ ни какой собственности. Чтобы кто нибудь не нарушилъ этого правила, кельи монаховъ никогда не запираются и каждый изъ собратій можетъ всегда войти къ другому и видѣть, что тутъ все то же, что и у него самого. Если кто утаилъ отъ братій хотя часть своего имущества, его проклинаютъ, выгоняютъ изъ общины и по смерти лишаютъ даже погребенія.

Всѣ работы по монастырю справляются общими силами его обитателей, такъ какъ между монахами есть и слесаря, и столяры, и каменьщики, и портные, и повара. Кромѣ того въ монастыряхъ множество и другихъ работъ, менѣе спеціальныхъ, которыя по очереди должны быть исполнены всѣми монахами. Изъ всей этой общины выдѣляется только нѣсколько личностей, составляющихъ монастырское начальство: это игуменъ и духовники, которыхъ сами монахи выбираютъ изъ своей среды. Игуменъ и духовники имѣютъ право назначать монахамъ всякія *послушанія* (такъ называются работы, назначаемыя монаху его духовникомъ или игуменомъ за грѣховный помыселъ или проступокъ) и управлять дѣлами своего монастыря и монахами, какъ имъ вздумается, безъ всякаго контроля. Къ своему начальству монахи относятся съ большимъ почетомъ: при встрѣчѣ съ іеромонахомъ, монахъ долженъ поклониться ему до земли, поцѣловать его руку и снова повторить поклонъ.

Главное стремленіе афонскаго отшельничества — это умерщвленіе плоти и всѣхъ страстей. Всякая мысль о веселомъ прошедшемъ, воспоминаніе о любимой матери, сестрѣ, братѣ, даже сновидѣніе изъ прежней тихой семейной жизни, дремота во время службы, безпокойное чувство голода, испытываемое каждымъ вновь вступившимъ монахомъ во время истощающихъ постовъ, сомнѣніе въ томъ, что можно спастись и иначе, не подвергая себя такимъ истязаніямъ,—все это считается здѣсь тяжкимъ грѣхомъ, искушеніемъ бѣсовскимъ. Разъ закралось въ душу монаха что нибудь подобное, онъ крестится, стараясь отогнать смущающаго его бѣса, и съ ужасомъ бѣжитъ

разсказать своему духовнику все, что закралось мірскаго въ его душу. За все это духовникъ назначаетъ покаявшемуся передъ нимъ монаху тяжкое наказаніе. Такимъ образомъ, въ борьбѣ съ самимъ собою, проходятъ всѣ годы отшельника, пока наконецъ онъ не дойдетъ до полнаго самоумерщвленія физическаго и нравственнаго. Когда монаха уже ничто не смущаетъ, когда предъ нимъ не рисуется ни единой картины, ни единаго любимаго образа изъ прошлаго, тогда ему остается только ждать смерти и надѣяться на награду въ будущей жизни. Для умертвленія плоти въ афонскихъ монастыряхъ существуетъ цѣлая система истощенія, за исполненіемъ которой строго присматриваютъ духовники и игуменъ.

Ежедневныя монастырскія службы такъ требовательны, длинны и утомительны, какъ нигдѣ на свѣтѣ. Каждому монаху ежедневно приходится провести въ церкви около 10 часовъ безвыходно. На спанье ему полагается 5 часовъ, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и 4, въ остальное время каждый изъ нихъ занятъ разными общественными работами. Молитва происходитъ и ночью. Лишь только наступаетъ полночь, какъ начинаетъ стучать *токъ*, *било*, а потомъ и звонятъ колокола (*). Всѣ монахи собираются въ церковь и должны простоять на ногахъ сряду нѣсколько службъ, которыя слѣдуютъ одна за другой и прерываются только чтеніемъ разныхъ поученій, во время которыхъ они могутъ или сидѣть въ своихъ формахъ (**), или только облокотиться на нихъ. Впрочемъ это дозволяется очень рѣдко и на очень непродолжительное время, поэтому большинство изъ нихъ отъ долгаго стоянія страдаютъ грыжами, опухолью ногъ и другими мучительными болѣзнями. Во время службы всѣ монахи стоятъ неподвижно, понуривъ головы, рѣдко даже кто изъ нихъ перекрестится. Въ большинствѣ случаевъ, если крестится одинъ, то это дѣлаютъ и всѣ остальные: это потому, что монахи за службой должны креститься только тогда, когда это имъ предписано. Въ кельяхъ они могутъ молиться и креститься сколько имъ захочется, въ церкви же, какъ они сами говорятъ, неприлично хвастать своимъ благочестіемъ.

Кромѣ этихъ общественныхъ службъ каждый монахъ имѣетъ свои келейныя правила, исполненіе которыхъ возлагается уже на совѣсть отшельника. Но совѣсть отшельника здѣсь такъ чутка, что монахъ всякую мысль о мірскомъ считаетъ величайшимъ преступленіемъ и за нея духовникъ назначаетъ провинившемуся тысячу поклоновъ поясныхъ и сотню-другую земныхъ.

Если же случится какое несчастіе въ монастырѣ: умеръ кто нибудь изъ братій, или тяжко заболѣлъ, духовникъ назначаетъ каждому монаху по 1000 и болѣе поклоновъ. Это называются также *четки тянуть*, потому что при каждомъ поклонѣ, чтобы не сбиться въ счетѣ, монахъ перетягиваетъ зерно четокъ и читаетъ коротенькую молитву. При этой изнурительной жизни и неимовѣрно тяжелыхъ трудахъ пища монаховъ совершенно не питательна. По понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ они ѣдятъ по одному разу въ день, безъ масла, рыбы и говядины: въ эти дни весь обѣдъ ихъ состоитъ изъ хлѣба и воды, да развѣ еще фасоль подадутъ. Въ остальное время бываетъ и ужинъ. Но тутъ полагается ѣсть въ половину меньше, чѣмъ за обѣдомъ. А если кто нечаянно въ чемъ нибудь провинился: что нибудь разбилъ, или ложку сломалъ,

---

(*) *Токъ* и *било* деревянныя доски, по которымъ колотятъ молотками.

(**) Формою называется мѣсто, къ которому на петляхъ придѣлана доска: ее можно опустить и поднять, смотря потому, сидѣть или стоять приходится.

ему совсѣмъ не даютъ обѣда или ужина, а заставляютъ во время стола четки тянуть.

Въ великомъ посту такъ и обѣдъ рѣдко бываетъ: даютъ по куску хлѣба да по кружкѣ воды, вотъ и вся пища въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ. Вино съ водой, которое имъ даютъ иногда въ скоромные дни для подкрѣпленія, — запрещается въ посту. Кромѣ поста въ году бываетъ нѣсколько дней, когда монахамъ совсѣмъ запрещается пища. Раза три въ году, во время большихъ праздниковъ, въ обѣдъ подаютъ рыбу, которая въ теченіи цѣлаго мѣсяца, ловится самими же монахами, и жарится за недѣлю, а иногда и раньше, чтобы не совсѣмъ сгнила. Въ остальные дни они употребляютъ такъ или иначе приправленную траву, которая производитъ въ желудкѣ мучительныя боли. Для духовниковъ и игуменовъ, какъ для людей наиболѣе почтенныхъ и слабыхъ, въ нѣкоторыхъ киновіяхъ готовятъ особый, болѣе питательный столъ, но въ большинствѣ афонскихъ монастырей всѣ ѣдятъ за общей трапезой. Во время трапезы, монахи молчатъ и внимательно вслушиваются въ назидательныя поученія, которыя они читаютъ вслухъ по очереди.

Но вотъ кончилась трапеза. Прежде чѣмъ выходитъ братіи изъ столовой, трапезарь, чтецъ и поваръ падаютъ у дверей ницъ на землю и просятъ прощенія у проходящихъ если они кому не угодили или въ несовершенствѣ выполнили свои обязанности. Подлѣ служителей трапезы ложатся у дверей и всѣ тѣ монахи, которые въ чемъ нибудь провинились, или чувствуютъ себя провинившимися. Падаетъ ницъ передъ братіею и проситъ прощенія тотъ, кто не поспѣлъ къ началу утрени или обѣдни, и тотъ, кто задремалъ въ церкви, и тотъ кто сломалъ деревянную ложку, разбилъ стаканъ и т. д.

Помѣщеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ пищѣ. Каждый монахъ имѣетъ свою особую келью, окно которой большею частію завѣшено зеленою сторою. Вся мебель такой комнаты состоитъ изъ небольшаго стола, деревянной койки, покрытой войлокомъ, безъ подушки и одѣяла и изъ нѣсколькихъ иконъ. Рѣдко у кого найдете даже молитвенникъ или ноты, а другихъ книгъ нѣтъ и подавно. Кельи эти содержатся необыкновенно грязно, полъ и остальная мебель вся покрыта густымъ слоемъ пыли. Окно никто никогда не открываетъ и потому воздухъ необыкновенно спертый, прокислый и удушливый. По стѣнамъ и по постели ползаютъ клопы, скачутъ блохи и другіи насѣкомыя. Также грязно держатъ монахи и свое тѣло: имъ не дозволяютъ часто мѣнять своей грязной, прокислой одежды, чтобы не видѣть своей наготы. Вотъ они и перемѣняютъ рубашку ночью, безъ огня, да и дѣлаютъ это два, много три раза въ годъ. Что же до насѣкомыхъ — ихъ не только пропасть въ грязныхъ монашескихъ кельяхъ, но также много и въ церквахъ: духовники находятъ, что они мѣшаютъ спать во время службы, и такимъ образомъ заставляютъ монаховъ болѣе предаваться молитвѣ. Поэтому-то насѣкомыя безпрепятственно разгуливаютъ въ кельяхъ и церквахъ, особенно набиваются въ формы, на которыя опираются монахи, чтобы нѣсколько минутъ отдохнуть во время продолжительной службы. Полнѣйшее послушаніе монастырскому начальству во всемъ, совершенное отреченіе отъ собственной воли, вѣчное сокрушеніе и плачь о прошлыхъ грѣхахъ, совершенное умерщвленіе своихъ страстей,—вотъ первѣйшія обязанности каждаго монаха. «Да чѣмъ же», говорятъ они, «мы можемъ здѣсь угодить Богу, какъ не этимъ? Подавать милостыню? Но ни одинъ изъ насъ, по своему обѣту, не только ничего не имѣетъ больше того, что и его собратъ, но даже и ни одной вещи не можетъ

назвать своей, а долженъ про все говорить: *наше*... Утѣшать и сочувствовать страждущимъ? Но онъ долженъ быть въ почтительномъ отдаленіи отъ людей, которыхъ онъ къ тому же очень рѣдко видитъ въ своемъ монастырѣ.

Отъ непомѣрныхъ трудовъ, лишеній, скудной пищи и затхлаго воздуха, вы никогда не встрѣтите въ киновіяхъ здороваго, свѣжаго лица... Придетъ новичекъ—кровь съ молокомъ, сильный, здоровый, румяный, плечистый, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, глядишь—его и узнать трудно: грудь впалая, глаза провалившіеся, ноги, что колоды распухли, кашель, а затѣмъ и кровь на губахъ. Бываютъ однако и такіе крѣпыши, которыхъ ничто не пройметъ: такіе переносятъ всѣ лишенія и доживаютъ глубокой старости, но ихъ гораздо меньше, чѣмъ первыхъ.

Ни одна женщина, даже королева, ни жены султана, не имѣютъ права проникнуть на Святую гору. Козы, коровы и другія животныя женскаго пола никогда не пасутся у монастыря, а молоко, шерсть и другія предметы пищи и одежды они добываютъ отъ животныхъ, которыя живутъ въ отдаленныхъ фермахъ, принадлежащихъ этимъ монастырямъ. Только птицы и насѣкомыя безъ различія пола и возраста могутъ гнѣздиться въ афонскихъ лѣсахъ.

Но кто же наполняетъ эти монастыри? Откуда всѣ эти монахи? Тутъ есть и греки, болгаре, сербы, молдоване, русскіе, грузины, даже выкресты изъ турокъ и евреевъ. Что заставило ихъ оставить міръ и жить здѣсь, подвергая себя этимъ страшнымъ лишеніямъ?

Иной идетъ сюда потому, что прошлое не давало ему никакого счастія: онъ такъ много перенесъ лишеній и неудачъ, что невольно хочетъ испытать другую жизнь. Другой съ малолѣтства много слышалъ о суетности и пошлости міра, о невозможности въ немъ спастись, объ ангельскомъ житьѣ афонской братіи, — и вотъ онъ бросилъ все и пришелъ сюда спасаться. А есть и такіе, что пришли сюда только потому, что надоѣло трудомъ добывать себѣ хлѣбъ.... Многіе приходятъ сюда по жребію: въ нѣкоторыхъ земляхъ существуетъ обычай посылать кого-нибудь изъ членовъ семьи отмаливать грѣхи за свое семейство. На кого падетъ жребій, того и посылаютъ на Афонъ. Что же до нашихъ земляковъ, то большинство изъ нихъ разные странники, которые заѣхали на Афонъ по пути изъ Іерусалима на родину; заѣзжаютъ они сюда очень часто безъ всякаго желанія остаться здѣсь, а между тѣмъ остаются. Въ большинствѣ случаевъ это мужички да солдатики, на которыхъ таинственная обстановка Афона производитъ страшное впечатлѣніе, а монастырское начальство всячески убѣждаютъ ихъ остаться, особенно если они могутъ быть чѣмъ нибудь полезны монастырю. Это чаще всего случается съ ремесленниками и столярами.

Легче и чаще всего убѣждаютъ остаться тѣхъ, кто случайно здѣсь захвораетъ. Но прежде, чѣмъ разсказывать, какъ это случается, посмотримъ какимъ образомъ лѣчатъ здѣсь монахи. Кто сильно здѣсь заболѣетъ, идетъ въ больницу, которыя обыкновенно бываютъ при каждомъ монастырѣ. Докторами при больницахъ являются тѣ же монахи, но по бо́льшой части тѣ изъ нихъ, которые были въ мірѣ цирюльниками, ветеринарами, фельдшерами, а то и просто монахи, которые имѣютъ къ этому склонность. Можно себѣ представить, какъ должно идти здѣсь лѣченіе, когда за него берутся люди не только безъ всякой подготовки къ этому дѣлу, но вообще безъ всякихъ здравыхъ, первѣйшихъ понятій о природѣ и человѣкѣ. При больницѣ есть и особая аптека съ медикаментами, купленными Богъ вѣсть кѣмъ

и когда, врачь монахъ въ этой аптекѣ—считается полнымъ хозяиномъ, и дѣлаетъ все, что ему придетъ въ голову. Если же врачъ въ отсутствіи, больному вручаютъ ключъ отъ аптеки, и онъ, помолившись Богу, самъ себѣ выбираетъ лѣкарство. Да, впрочемъ, это едва ли не лучше. Монастырскіе врачи распоряжаются своими паціентами безъ всякой жалости. При томъ каждый изъ нихъ выдумаетъ одно, два средства и лѣчитъ ими рѣшительно всѣ болѣзни. Одинъ такой докторъ все лѣчилъ шпанской мушкой и прикладывалъ ее безъ разбора ко всѣмъ больнымъ мѣстамъ паціента. «Развѣ можно такимъ образомъ лѣчить?» Спрашиваютъ однажды такого лѣкаря. «Отчего же нѣтъ», отвѣчаетъ онъ. «Если доктору слѣдуетъ вытянуть болѣзнь изъ тѣла больнаго, то чѣмъ же ее вытянешь, какъ не мушкой? Шпанская мушка вытягиваетъ изъ больнаго всякую дрянь, такъ она конечно и самую болѣзнь вытянетъ.» И лѣпитъ онъ такія мушки куда попало. Поставивши мушку больному, докторъ на другой день безъ церемоніи срываетъ пузыри и долго растираетъ раны суконкой или щеткой, а потомъ иногда даже посыпаетъ рану солью, чтобы лучше вытянуло. Больной кричитъ и мечется, а докторъ приказываетъ его покрѣпче держать и читаетъ ему наставленія о томъ, съ какимъ терпѣніемъ долженъ всякій христіанинъ переносить свои мученія. Другой докторъ вытираетъ больнаго регальнымъ масломъ (регаль—трава, изъ которой на Афонѣ добываютъ жгучее масло), такъ что раны откроются, а иногда и внутрь даетъ нѣсколько капель этого масла, чтобы поскорѣе выжечь болѣзнь. Но больше всего въ модѣ кровопусканія и очистительныя вскаго рода, которыя часто даются здѣсь въ такихъ порціяхъ, что уже потомъ ничѣмъ не остановишь дѣйствія лѣкарства. Оба средства или тотчасъ отправляютъ на тотъ свѣтъ, или медленно обезсиливаютъ монаховъ, и безъ того бѣдныхъ кровью отъ изнурительной жизни въ киновіяхъ.

Не мало тутъ также врачей, которые лѣчатъ нашептываніемъ, заговариваніемъ и ладонками. Когда врачъ убѣждается наконецъ, что его лѣченіе мало помогаетъ, онъ безъ всякихъ околичностей прямо говоритъ больному: «скоро помрешь, отче! готовься.... по глазамъ вижу, что непремѣнно помрешь»....» и даетъ знать начальству, которое тотчасъ соборуетъ больнаго и затѣмъ причащаетъ его каждый день до смерти. Когда такое несчастіе случается съ пришлымъ мірскимъ человѣкомъ, монахи въ самыхъ яркихъ краскахъ рисуютъ передъ нимъ его загробную жизнь, и часто преувеличиваютъ опасность его болѣзни. «Тебѣ умереть надо», говорятъ они, «такъ не лучше ли умирать въ чинѣ ангельскомъ,—тогда тебѣ Богъ все проститъ.» Это особенно дѣйствуетъ на больнаго и онъ соглашается идти въ монахи. Лишь только онъ далъ слово, его тотчасъ постригаютъ. Но вотъ онъ выздоровѣлъ, между тѣмъ обѣтъ произнесенъ, связь съ міромъ разорвана, и на человѣка, иногда избалованнаго жизнію, вдругъ всею тяжестію ложатся монастырскія правила. Многіе изъ нихъ по выздоровленіи и хотѣли бы отказаться отъ своего обѣта, думаютъ бѣжать, но это въ большинствѣ случаевъ совсѣмъ невозможно.... И вотъ начинается для такого человѣка жизнь преисполненная мучительной борьбы съ прежними привычками. Испытывая горе, тоску и трудности жизни, онъ выноситъ одну за другой цѣлый рядъ мучительныхъ болѣзней; затѣмъ онъ мало по малу теряетъ силы и чувствуетъ, что у него теперь не хватитъ рѣшимости бѣжать, боится, что ему голодному, безъ всякой помощи придется умереть гдѣ нибудь на дорогѣ. А еслибы и удалось бѣжать, какъ онъ теперь,

хилый и больной, пробьется на міру своимъ трудомъ? Это заставляетъ его окончательно бросить мысль о бѣгствѣ и онъ дѣлается монахомъ. Но какими кровавыми слезами приходится человѣку, поступившему въ монастырь противъ своего желанія,—оплакивать мірскія привязанности, такъ это и сказать трудно. Болѣе чѣмъ кого нибудь его обуреваютъ искушенія. Слышитъ ли онъ смѣхъ и говоръ путешественниковъ, видитъ ли онъ здоровое лицо новичка, въ немъ сразу пробуждаются воспоминанія о прошломъ. «Искушеніе, искушеніе....» говоритъ монахъ, начинаетъ торопливо тянуть четки, читать молитву и опрометью бѣжитъ къ духовнику исповѣдываться.

Многіе изъ постриженныхъ монаховъ, конечно, искренно проникаются мыслію во что бы то ни стало спасти свою душу на Афонѣ, но не могутъ свыкнуться съ строгими требованіями киновіи, и такіе иногда отправляются путешествовать по Святой горѣ, чтобы выискать себѣ мѣстечко, гдѣ можно было бы имъ спасаться съ меньшими лишеніями. Если такой монахъ имѣетъ деньги, онъ нанимаетъ клочекъ земли у какого нибудь монастыря и строитъ на немъ домъ въ нѣсколько келій съ отдѣльною церковію, обязываясь, кромѣ условной платы за келью, ежегодно вносить монастырю ту часть дани за себя и за своихъ келіотовъ, которую они обязаны выплачивать турецкому правительству. Величина помѣщенія и церковь, все, разумѣется, тутъ будетъ зависѣть отъ капитала нанимателя. Такой монахъ-собственникъ обыкновенно приглашаетъ къ себѣ еще нѣсколько другихъ бѣдняковъ монаховъ, — то же какъ и онъ недовольныхъ трудностью жизни въ киновіи. Такой хозяинъ-келіотъ, окруживъ себя нѣсколькими другими монахами, кормитъ и поитъ ихъ на свой счетъ, разводитъ съ ними огородъ и виноградники—однимъ словомъ дѣлитъ съ ними всѣ труды. Иной же заживетъ точь въ точь какъ наши помѣщики въ прежнее время, помыкаетъ бѣдняками монахами какъ своими крѣпостными, съ тою только разницею, что они всетаки не могутъ здѣсь пользоваться мірскими удовольствіями. Не смотря на это монахи бѣдняки обыкновенно бываютъ очень рады такому приглашенію и съ удовольствіемъ соглашаются на предложеніе. Они во всемъ подчиняются волѣ хозяина, называютъ его своимъ *старцемъ*, хотя бы тотъ по лѣтамъ былъ и гораздо моложе остальной братіи, а себя его учениками. Тутъ все зависитъ отъ хозяина: попадется добрый, веселый,—келіотамъ-пустынникамъ живется хорошо, мирно и семейно. Дурной, своенравный *старецъ* — и всѣ келіоты ходятъ понуря голову. Но во всякомъ случаѣ такимъ отдѣльнымъ семьямъ живется гораздо привольнѣе, чѣмъ въ общественныхъ монастыряхъ. Въ каждой кельѣ можно найти и винцо хорошее и закусочку, табакъ крѣпкій, можно услышать говоръ веселый, смѣхъ, иногда даже пѣсни. Мѣстность при кельяхъ большею частью роскошная, есть гдѣ погулять монахамъ. При такомъ правильномъ образѣ жизни, всегда работая на чистомъ, здоровомъ воздухѣ, рѣдкій келіотъ не доживетъ до глубокой старости. Но здѣсь уже во многомъ проглядываютъ мірскіе грѣхи: каждый келіотъ тутъ больше всего думаетъ, какъ бы чѣмъ нибудь сколотить себѣ копѣечку, а еще больше о томъ, какъ бы угодить и заслужить старцу, чтобы тотъ послѣ своей смерти не обидѣлъ его наслѣдствомъ.

Такихъ келій на Афонѣ болѣе 800. Каждый старецъ держитъ при себѣ отъ трехъ до пяти учениковъ, а въ нѣкоторыхъ кельяхъ число ихъ доходитъ до десяти, смотря по тому какова келья и каковъ хозяинъ. Хотя и здѣсь соблюдаются многія монастырскія правила, но на всемъ уже лежитъ болѣе семейный оттѣнокъ. Утромъ рано келіоты собираются въ свои домашніе

церкви, которыя обыкновенно бываютъ очень малы, такъ что въ нихъ можетъ помѣститься не болѣе 10 человѣкъ. Но есть и такія кельи, при которыхъ нѣтъ церквей, тогда онѣ называются *каливами*, а обитатели ихъ каливитами. Одинъ изъ братій на скорую руку читаетъ вслухъ свою службу, и за тѣмъ, съ восходомъ солнца, всѣ расходятся на работу въ свои огороды или въ виноградникъ. Потомъ обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, всласть или впроголодь, смотря по капиталу хозяина. Послѣ обѣда ложатся отдохнуть до вечерни, затѣмъ опять идутъ на работу и работаютъ до самаго ужина. По праздникамъ старецъ приглашаетъ какого нибудь іеромонаха и вмѣстѣ съ братіей слушаетъ обѣдню, а если церкви нѣтъ при кельи, то съ вечера всѣ пускаются въ ближайшій монастырь на всенощное бдѣніе и тамъ ночуютъ, на другой день пріобщаются и послѣ обѣдни возвращаются домой.

Но есть отшельники и совсѣмъ другаго сорта, которые только потому выходятъ изъ общежительнаго монастыря, что тамъ очень много живетъ народу, и они находятъ, что въ одиночествѣ можно скорѣе и лучше спастись. Трудно устроить себѣ пріютъ такому отшельнику: денегъ онъ по большей части не имѣетъ, а потому не можетъ нанять себѣ кельи. Исходитъ онъ Святую гору вдоль и поперегъ и наконецъ наталкивается или на старую заброшенную келью, или устраиваетъ себѣ жилище собственными руками. На Святой горѣ много такихъ пустынниковъ, и по большой части жилища ихъ до того малы, что въ нихъ обыкновенно и одному трудно повернуться, но пустынникъ не заботится о просторѣ: было бы только мѣсто, гдѣ укрыться отъ непогоды. Главною принадлежностію такихъ одиночныхъ келій бываетъ человѣческій черепъ, который они держатъ, чтобы никогда не разлучаться съ мыслію о смерти. У нѣкоторыхъ подлѣ такой кельи вырыта еще могила съ каменнымъ изголовьемъ и они вмѣсто постели спятъ въ ней, если только нѣтъ бури, или очень сильнаго проливня. Когда такой пустынникъ уходитъ куда нибудь изъ своего жилища, онъ никогда не запираетъ кельи: имущества у него нѣтъ никакого, а если онъ что и нажилъ своимъ тяжелымъ трудомъ, то кто же это осмѣлится у него отнять, тѣмъ болѣе, что онъ въ такихъ случаяхъ ставитъ у дверей большой деревянный крестъ. «Бѣсы,» говоритъ онъ, «боятся креста, а посторонній монахъ чтитъ святыню.»

Но чѣмъ же, спроситъ читатель, живетъ такой монахъ? Не можетъ же онъ поддерживать свою жизнь одними растеніями? Дѣйствительно, они довольствуются очень малымъ, но, чтобъ добыть кусокъ хлѣба, занимаются нѣкоторыми работами. Рѣжутъ изъ дерева, или изъ кости различные крестики, небольшія, выпуклыя иконы; дѣлаютъ деревянныя ложки съ благословляющей рукой; ходятъ по берегу моря и собираютъ выброшенныя водой морскія раковины. Эти раковины они потомъ нанизываютъ на проволоку и дѣлаютъ четки. Нѣкоторыя изъ этихъ работъ отличаются изумительною тонкостію.

Есть еще на Афонѣ особый промыселъ: на неприступныхъ высотахъ, изъ мелкихъ скважинъ мрамора, на крутыхъ обрывахъ, пробивается цвѣтокъ, похожій на маленькую розу и который называется «цвѣткомъ Богородицы». Вотъ монахи и собираютъ эти цвѣты. Для этого они обыкновенно отправляются партіями въ нѣсколько человѣкъ и вмѣстѣ вскарабкиваются по обрывамъ, помогая другъ другу спускаться и висѣть на веревкахъ надъ пропастью. Монахи такъ вѣрятъ, что безъ воли Божіей не будетъ и смерти, что при поискахъ отваживаются на страшные подвиги: спрыгиваютъ на камни, которые едва держатся надъ бездной, цѣпляются за сухіе коренья и т. п. Многое сходитъ

имъ съ рукъ, но очень часто отъ неосторожности и отъ излишней самонадѣянности, монахи обрываются и вмѣстѣ съ добычей исчезаютъ въ пропасти.

Не смотря однако на трудность добыванія этихъ цвѣтовъ, *монахи продаютъ* ихъ очень дешево: букетикъ изъ 10 такихъ цвѣтовъ не дороже 5, 6-ти коп. Всѣ свои рукодѣлія монахи отвозятъ на рынокъ въ Карею—*небольшой монастырскій* городокъ, на восточномъ склонѣ Афонскаго хребта. Тутъ *странники*, богомольцы и туристы покупаютъ ихъ работы за безцѣнокъ, но монахи всетаки пріобрѣтаютъ хотя скудное средство купить себѣ хлѣбъ соль.

Строгостью затворнической жизни на Святой горѣ, особенно отличаются *гробничные* старцы. Здѣсь, какъ и во многихъ мѣстахъ Греціи и кое гдѣ въ Италіи, покойниковъ закапываютъ въ землю только на три года. Въ тотъ день, когда оканчивается этотъ срокъ, при торжественномъ собраніи всѣхъ монаховъ, отрываютъ кости почившаго, омываютъ ихъ церковнымъ виномъ и складываютъ въ нарочно приготовленную для этого корзину. Каждый монахъ подходитъ и цѣлуетъ черепъ почившаго, между тѣмъ гробокопатель дѣлаетъ на немъ надпись, кому онъ принадлежитъ, и несетъ его вмѣстѣ съ другими костями въ усыпальницу, которая помѣщается гдѣ нибудь въ подвалахъ кладбищенской церкви. При каждой усыпальницѣ находится монахъ, который смотритъ за чистотою и порядкомъ въ склепахъ. Такой монахъ цѣлую свою жизнь проводитъ въ этихъ склепахъ и постоянно возится съ костями: то разложитъ онъ ихъ въ видѣ паленицы, то переложитъ на другой манеръ; надъ каждой косточкой онъ многое передумаетъ, каждый новый скелетъ встрѣчаетъ съ радостью, какъ новаго товарища. Гробничный старецъ и молится, и ѣстъ въ склепѣ, даже и спитъ на костяхъ и черепахъ человѣческихъ, и только изрѣдка выходитъ изъ склепа, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Такой старецъ насквозь пропитанъ мертвечиной и вѣчно сохраняетъ мрачное расположеніе духа.

Есть на Святой горѣ и такіе монастыри, въ которыхъ много шума, жизни и движенія, и которые носятъ совершенно мірской характеръ,—это такъ называемые, *штатные монастыри*. Роскошь и свобода жизни штатныхъ монастырей, рѣзко бросаются въ глаза, послѣ необыкновенно тяжелой жизни въ киновіяхъ. Широко раскидываются такіе монастыри на ровномъ морскомъ прибрежьѣ, со множествомъ разныхъ отдѣльныхъ пристроекъ, съ огородами, виноградниками, апельсинными и лимонными садами,—напоминая собой скорѣе маленькій и богатый городокъ, чѣмъ смиренный святогорскій монастырь. На площадкѣ передъ монастыремъ прогуливаются монахи: это уже не изсохшіе скелеты, какіе встрѣтишь въ киновіяхъ, а люди чрезвычайно здоровые, съ гордою, барскою поступью. Въ такомъ монастырѣ вы найдете много свѣтлыхъ, прекрасныхъ помѣщеній съ гравюрами въ дорогихъ рамкахъ на стѣнахъ, съ богатыми коврами на полахъ. Въ комнатахъ, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ старцы въ атласныхъ и бархатныхъ рясахъ, съ янтарными четками. За ихъ обѣдомъ, не рѣдко на серебрянныхъ блюдахъ, красуются фрукты и дорогія вина. Тутъ, какъ и въ мірѣ у богатыхъ людей, за обѣдомъ подаютъ питательные супы, жаркія и мяса съ всевозможными приправами и различными соусами. Дѣло спасенія предоставлено здѣсь на волю каждаго, и потому каждый живетъ, какъ ему хочется, а главное, какъ ему позволяютъ его средства. Такое измѣненіе устава сдѣлано по снисхожденію къ немощи человѣческой: не всякій монахъ выноситъ жизнь въ киновіяхъ или въ уединенной пустынѣ, а между тѣмъ всякому спастись хочется. Вотъ и спасаются въ штат-

ныхъ монастыряхъ, твердо вѣря, что Богъ ихъ спасетъ уже за то, что они живутъ на Афонѣ, а не въ мірѣ.

Игумена въ штатныхъ монастыряхъ не бываетъ, а власть монастырскую составляютъ, такъ называемые, *проэстосы*, т. е. зажиточные старцы, помогавшіе какимъ бы то ни было образомъ обогащенію монастыря (сборщики, вкладчики капитала и т. п.). Эти старцы образуютъ домашній синодъ и сообща разсуждаютъ о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ своего монастыря. Они ежегодно выбираютъ изъ среды своей *эпитропа* (т. е. повѣреннаго), которому поручаютъ наблюдать за порядкомъ въ церкви и трапезѣ. Проэстосъ и эпитропъ составляютъ свой особый замкнутый кружокъ, нѣчто въ родѣ монастырской аристократіи и на остальную братію смотрятъ съ высока. Проэстоса тотчасъ отличишь отъ остальныхъ монаховъ по богатству его одежды, по гордому взгляду и барской походкѣ: вся остальная братія раболѣпно кланяется ему и за честь считаетъ вступить съ нимъ въ разговоръ. Монахи заискиваютъ у проэстоса, чтобы пріобрѣсти себѣ въ немъ покровителя и скорѣе получить санъ іеромонаха. Каждый изъ братій, тѣми или другими услугами, или усердною работою, прежде всего старается скопить себѣ маленькій капиталецъ. Достигнувъ этой первой степени благополучія, да если въ то же время онъ уже снискалъ себѣ покровителя, онъ получаетъ санъ іеромонаха. Тогда уже онъ смотритъ на себя, какъ на нѣчто гораздо высшее, чѣмъ остальная братія, не этимъ еще не положенъ конецъ его честолюбивымъ и корыстолюбивымъ стремленіямъ. Первый удачный шагъ на этомъ поприщѣ даетъ ему возможность сблизиться съ проэстосами. Онъ угощаетъ каждаго изъ нихъ и вмѣстѣ, и порознь, сколько хватаетъ у него капиталовъ, льститъ и угождаетъ имъ сколько является у него изобрѣтательности и когда, наконецъ замѣтитъ, что заслужилъ ихъ благосклонность, жертвуетъ въ пользу монастыря отъ 10 до 20 т. піастровъ. Въ благодарность за такую жертву, проэстосы принимаютъ его въ свой кружокъ, и вновь избранный проэстосъ тотчасъ перемѣняетъ отношенія къ остальной братіи, смотритъ на нихъ уже какъ начальство. Итакъ сдѣлаться проэстосомъ можетъ только богатый или почему нибудь съ разу разбогатѣвшій монахъ; не смотря на это, рѣдкій бѣднякъ не мечтаетъ о власти. Надѣется онъ, конечно, на случай и на помощь божію. Званіе проэстоса заманчиво не только своимъ почетнымъ положеніемъ въ монастырѣ, но и тѣмъ особенно, что проэстосамъ предоставляется право ѣздить за сборомъ подаянія и управлять монастырскими землями внѣ Афона. Жизнь проэстоса самая привольная: денегъ у него обыкновенно много, столъ и обстановка хорошая, прислуги пропасть, стоитъ только хлопнуть въ ладоши и передъ нимъ тотчасъ явится толпа иноковъ съ заискивающими взглядами: монастырскія правила обязательны и для проэстоса, но онъ ходитъ въ церковь, когда ему придетъ охота и большею частію заставляетъ кого нибудь у себя на дому прочитать вслухъ церковныя службы, а самъ въ это время преудобно сидитъ на диванѣ.

Таковъ складъ и устройство штатныхъ монастырей на Афонѣ. Очевидно, что здѣсь главную роль играютъ деньги, господствуетъ деспотизмъ богатства надъ бѣдностью, и бѣдняку подъ часъ приходится очень плохо, особенно, если, по простотѣ душевной, онъ не умѣетъ хитрить и обзаводиться богатыми покровителями. На долю его выпадаетъ много искушеній, только эти искушенія опять-таки особаго рода. Житель штатнаго монастыря, пожалуй, не увидитъ никакихъ видѣній, не будетъ томиться *искушеніемъ чрева*, то есть голодомъ, но за то его зависть загрызетъ, измучатъ думы объ улучшеніи своего состоя-

нія. Въ киновіяхъ, при общемъ равенствѣ и неимѣніи собственности, подобныхъ искушеній быть не можетъ, но здѣсь бѣднякъ всегда видитъ передъ собой богатаго, можетъ сличить свой обѣдъ съ обѣдомъ сосѣда и позавидовать. При томъ бѣднякъ, если въ немъ еще не совсѣмъ угасло чувство самоуваженія, съ трудомъ можетъ выносить то обидное презрѣніе, съ какимъ смотритъ на него богатый. Пусть онъ будетъ самый способный человѣкъ, но, если онъ не имѣетъ капитала, ему ходу не дадутъ; его будутъ выгонять на разныя послушанія, придираться къ его поведенію, чтобы заставить протянуть четки во время трапезы и т. п. Бѣдному остается или вѣчными поклонами заискивать покровительства, или терпѣливо переносить всѣ придирки.

Мы уже говорили, что Афонъ представляетъ собою совершенно самостоятельно-организованное государство, съ своими особыми законами, съ своимъ оригинальнымъ образомъ правленія, съ особымъ флотомъ, казначействомъ, таможнею и наконецъ даже съ значительною самостоятельностію по отношенію къ турецкой власти.

Афонъ единственное мѣсто на всемъ подвластномъ Турціи востокѣ, гдѣ турецкое вліяніе почти не существуетъ. Здѣсь даже не услышишь ни одного турецкаго слова, такъ что совсѣмъ забываешь, что находишься въ Турціи. Одинъ только Афонъ, на всемъ несвободномъ востокѣ, имѣетъ великолѣпные храмы и свободный колокольный звонъ. Патріархъ не имѣетъ особеннаго значенія на Афонѣ: когда его желанія черезчуръ требовательны, то Афонскіе обитатели безъ церемоніи отказываютъ ему въ нихъ. Даже самъ султанъ пишетъ свои фирманы Афону не на турецкомъ языкѣ, какъ обыкновенно, а на греческомъ, слѣдовательно тоже признаетъ его силу.

Не смотря на разнообразіе монастырскихъ уставовъ и различіе національностей, всѣ монастыри съ своими скитами и кельями управляются одною властію, центръ которой находится въ столицѣ Афонскаго царства, Кареѣ, и называется *протатомъ*. Этотъ протатъ состоитъ изъ представителей всѣхъ монастырей Святогорскихъ, составляетъ верховное судилище Афона и кромѣ его, т. е. этого протата, монастыри не признаютъ надъ собою никакой власти. Протатъ не мѣшается въ частныя монастырскія дѣла, если только онѣ не затрогиваютъ интересовъ другихъ обителей. Начальство каждаго монастыря, независимо отъ протата, распоряжается капиталами своего монастыря, слѣдитъ за поступками братій, устраняетъ между ними разныя несогласія, судитъ виновныхъ. Скиты и кельи, обращаются съ своими жалобами и дѣлами къ монастырямъ, на землѣ которыхъ они построили свои обители; но если келіоты недовольны рѣшеніемъ мѣстнаго монастырскаго начальства, то могутъ обращаться и къ протату. Вообще каждый монастырь съ своими скитами и кельями представляетъ нѣчто въ родѣ маленькаго отдѣльнаго, самостоятельнаго княжества.

Если же выйдетъ какое дѣло слишкомъ запутанное и имѣющее вліяніе на всю гору, если является потребность измѣнить тотъ или другой монастырскій уставъ, завязывается тяжба между монастырями, или монахъ совершаетъ какое нибудь важное преступленіе, то такія дѣла поступаютъ уже на разсмотрѣніе протата. По настоящему, дѣла должны были бы рѣшаться большинствомъ голосовъ, но на Афонѣ это дѣлается иначе. Тутъ только сохранена одна форма депутатскаго совѣщанія, но равенства между депутатами нѣтъ. Изъ двадцати депутатовъ монастырскихъ, только четверо, имѣютъ право обсуживать и рѣшать дѣла, (а эти четыре голоса — представители четырехъ бо-

гатѣйшихъ монастырей на всемъ Афонѣ), остальные же только прислушиваются къ разсужденіямъ этихъ четырехъ избранныхъ, да сообщаютъ о нихъ своимъ монастырскимъ властямъ. У протата нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ, гражданскихъ законовъ, всѣ дѣла рѣшаются по Евангелію и законамъ совѣсти, а потому рѣшенія дѣлъ много зависитъ отъ того, какъ судьи смотрятъ на Евангеліе и на совѣсть. Дѣлопроизводство протатское и сущность разныхъ жалобъ и преступленій монашескихъ покрыты глубокою тайной. Въ засѣданія депутатовъ, подъ страхомъ наказанія, не пускаютъ ни одного посторонняго монаха, тѣмъ болѣе мірянина, а потому нѣтъ возможности совершенно отчетливо представить себѣ Афонское судопроизводство. Говорятъ только, что избранные представители протата обыкновенно бываютъ избалованы жизнію штатныхъ монастырей и поэтому стараются направить дѣла къ пользѣ своихъ монастырей.

Для наказанія преступниковъ подлѣ протата находится мрачная тюремная башня, куда сажаютъ провинившихся на хлѣбъ и на воду. Стараясь добиться отъ преступниковъ полнаго сознанія въ преступленіи, ихъ иногда опускаютъ на веревкѣ, въ особое подземное отдѣленіе башни и тамъ оставляютъ уже безъ всякой пищи до тѣхъ поръ, пока, измученные голодомъ, они не откроютъ правды....

При протатѣ есть особая касса для разныхъ расходовъ по дѣламъ, касающимся благоустройства и безопасности горы. Эта касса пополняется ежегоднымъ денежнымъ взносомъ всѣхъ монастырей, и сумма взноса опредѣлена протатомъ, смотря по богатству и количеству обитателей каждаго монастыря. Половина всѣхъ собранныхъ съ монастырей денегъ идетъ въ Константинополь для уплаты подати султану и разныхъ подарковъ константинапольской власти, затѣмъ значительная часть отсылается для подарковъ солунской администраціи, подъ вѣдѣніемъ которой состоитъ Афонъ; остальныя деньги тратятся на наемъ стражи, на жалованье карейскому агѣ и наконецъ остается еще сумма на разные непридвидѣнные случаи.

Труднѣе всего выплачивать эти сборы келіотамъ Афонскимъ. Каждый владѣлецъ отдѣльной кельи обязанъ ежегодно вносить подать въ 200 піастровъ (піастръ 5 коп. сер.), кромѣ той суммы, которую онъ платитъ монастырю за наемъ своей кельи. Но келіоту не только заработать эту сумму, но даже и добыть себѣ скудное пропитаніе, весьма тяжело. Весь его заработокъ, какъ мы видѣли, состоитъ въ выручкѣ за вырѣзанные крестики да за «цвѣты богородицы,» пучекъ которыхъ онъ можетъ набрать только за цѣлый день и продать за 5 за 6 коп.; за крестики же при большой затратѣ времени, онъ получитъ еще меньше.

МЕТЕОРСКІЕ МОНАСТЫРИ.

Олимпъ и Темпейская долина.—Общій видъ Метеорской мѣстности. — Монастырь Св. Стефана.— Троицкій монастырь.—Какимъ образомъ поднимаются въ эти монастыри.—Жизнь и нравы монаховъ этихъ монастырей.

Фессалія—страна, столь прославленная въ древности греческою мифологіею и поэзіею, и теперь еще можетъ дать много сюжетовъ поэту, художнику

и писателю. Когда вы ближе познакомитесь съ Олимпомъ и Темпейскою долиною, когда вамъ представятся всѣ ихъ дикіе, оригинальные и грандіозные виды, тогда вы поймете, почему именно эти мѣста воображеніе древнихъ больше всего населяло своими богами. Въ настоящее же время ущелья Олимпа и Темпейской долины, и уже не въ воображеніи, а въ дѣйствительности, населены разбойничьими шайками. Но тутъ есть также много мѣстностей совершенно болотистыхъ и пустынныхъ, гдѣ вы на огромномъ пространствѣ не встрѣтите ни одного дерева, ни одного человѣческаго жилья и только хребетъ Олимпійскій встаетъ передъ вами всюду, какъ громадный, искусственный валъ и придаетъ всему какое то суровое величіе.

При каждомъ поворотѣ Олимпъ, этотъ сороко-главый гигантъ, выдвигаетъ передъ вами всегда новую, необыкновенно величественную картину. Его вѣчныя снѣга въ хорошую погоду блестятъ на солнцѣ цѣльною массою неподдѣльныхъ брилліантовъ. Весною, когда таютъ горные снѣга, здѣсь необыкновенно быстро и почти ежедневно образуются величественныя грозы.

Что же до Темпейской долины, то на мѣстѣ древней Темпы, у самаго ея входа, стоитъ теперь турецкое селеніе Баба́. Это село и въ настоящее время имѣетъ превосходное мѣстоположеніе: оно все утонуло въ платанахъ и кипарисахъ, изъ за которыхъ виденъ только красивый куполъ и минаретъ мечети; внизу—рѣка. Огромныя чинары раскинули свои вѣтви надъ нею, и эта роскошь растительности кажется еще привлекательнѣе, когда посмотришь кругомъ на сосѣднія высоты, совершенно голыя и безжизненныя.

Но самое замѣчательное явленіе природы, не только въ Фессаліи, но и представляющее единственный примѣръ въ свѣтѣ,—это Метеорскіе утесы. Камбунскія горы и Пиндъ сходятся другъ съ другомъ подъ прямымъ угломъ и отдѣляются другъ отъ друга глубокою долиною, по которой внизъ съ горъ течетъ рѣка Пеней. Вотъ тутъ то изъ Камбунской цѣпи и выступаютъ впередъ, въ долину, двѣ большихъ массы скалъ съ совершенно отвѣсными боками, на которыхъ возвышается множество чрезвычайно высокихъ, отдѣльно стоящихъ колоннъ самой разнообразной величины и формы. На этихъ, стоящихъ на утесахъ, колоннахъ и воздвигнуты «воздушные монастыри».

Воздушными монастырями они называются потому, что издали они кажутся точно висящими въ воздухѣ. Такой видъ они имѣютъ особенно въ то время, когда туманъ завалакиваетъ собою колонны, на которыхъ воздвигнуты эти оригинальныя постройки. Отвѣсы этихъ колоннъ мѣстами точно кѣмъ-то отшлифованы, мѣстами же онѣ покрыты такими своеобразными барельефами, какихъ не выдумаетъ никакой скульпторъ. На нѣкоторыхъ скалахъ вмѣсто колоннъ образовались даже цѣлыя разнохарактерныя фигуры и статуи; то вдругъ будто торчитъ изъ земли огромная смѣющаяся голова съ длиннымъ носомъ, то будто сидитъ какой-то гигантъ въ плащѣ и съ поднятою къ верху рукою, то стоитъ женщина съ кувшиномъ на плечѣ, то высится громадныхъ размѣровъ винтъ съ высокимъ заостреннымъ шпилемъ на верху.

Причину этого оригинальнаго явленія природы нужно искать въ глубокой древности. Вѣроятно, еще въ тѣ отдаленныя отъ насъ времена, по скату высокой и отлогой горы бушевалъ волканъ. Лава выдвинула изъ земли исполинскія утесистыя столбы и глыбы пережженнаго камня самой причудливой формы; она громоздила ихъ другъ на друга, налѣпляла на нихъ дивные узоры, пѣнилась, пузырилась и потомъ вдругъ застыла, какъ будто въ самомъ разгарѣ своей адской работы. На этихъ то чудныхъ столбахъ и остаткахъ застывшей

лавы, на самыхъ верхушкахъ высоко отъ земли и разбросаны монастыри Метеорскіе, со всѣми своими постройками и угодьями.

При видѣ этихъ необыкновенно оригинальныхъ воздушныхъ построекъ прежде всего является вопросъ какимъ образомъ они были сооружены? Какъ рабочіе втаскивали на такую высоту эту массу тяжелаго строительнаго матеріала,—тѣмъ болѣе, что между этими монастырями есть огромныя постройки, въ кельяхъ которыхъ можетъ помѣститься до полутороста монаховъ. Кромѣ того при нѣкоторыхъ изъ нихъ есть и особое помѣщеніе для больницы, школы, и иногда даже небольшая лужайка, чтобы пасти монастырскій скотъ. Для такихъ огромныхъ построекъ рабочимъ, разумѣется, безпрестанно приходилось слѣзать внизъ и за тѣмъ съ громадными тяжестями взлѣзать на отвѣсныя скалы и послѣ этого еще взбираться на высокую колонну, иногда совершенно гладкую. Постройка этихъ монастырей принадлежитъ къ давно прошедшимъ временамъ и исторія, къ сожалѣнію, совершенно умалчиваетъ о трудностяхъ, перенесенныхъ ихъ строителями.

Чтобы приблизиться къ монастырю св. Стефана нужно подниматься по крутой, выбитой въ камнѣ тропинкѣ. Любопытно посмотрѣть на этотъ монастырь издали. Представьте себѣ громадный утесъ уродливой формы. На вершинѣ его природа соорудила необыкновенно странную, огромной величины руку съ протянутыми къ верху и сложенными вмѣстѣ пальцами, и на самыхъ конечностяхъ этихъ пальцевъ стоитъ монастырь св. Стефана. Его бѣлыя стѣны рѣзко отдѣляются на темно-сѣромъ фонѣ камня. Издали монастырь кажется маленькой картонной игрушкой, и чѣмъ ближе къ нему подходишь, тѣмъ болѣе изумляешься тому, что онъ пріютился на такой страшной высотѣ. Положеніе этого монастыря отлично отъ положенія другихъ: утесъ на которомъ онъ подымается не выше уровня почвы за нимъ, но онъ отдѣляется отъ нея глубокою трещиною, которая идетъ чуть не до самаго основанія камня. Сообщаются съ монастыремъ посредствомъ подъемнаго моста, который обыкновенно бываетъ крѣпко вдвинутъ въ стѣны и закрываетъ собою монастырскія ворота. Дойти до монастыря каждый можетъ, а попадетъ въ обитель только тотъ, кого захотятъ пустить монахи: перешагнуть глубокую трещину или, лучше сказать, эту пропасть, рѣшительно невозможно, а мостъ вдвинутъ въ стѣны съ монастырской стороны. Желающій попасть въ монастырь стучитъ въ деревянную доску, нарочно вывѣшенную для этой цѣли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пропасти. Черезъ нѣсколько минутъ обыкновенно раздается окликъ вышедшаго монаха, который спрашиваетъ: кто и зачѣмъ хочетъ войти въ монастырь. Когда отвѣтъ ему кажется удовлетворительнымъ, онъ перекидываетъ мостъ черезъ пропасть.

Монастырь св. Стефана занимаетъ почти всю ширину верхней площадки, такъ что за стѣнами его почти со всѣхъ сторонъ идутъ отвѣсные обрывы внизъ. Въ немъ двѣ церкви, а кругомъ ихъ просторныя кельи, въ которыхъ легко можетъ помѣститься до 30 человѣкъ. Теперь тутъ живутъ всего только пять-шесть монаховъ, да при нихъ нѣсколько, мальчиковъ-учениковъ занимающихся ежедневно въ монастырской школѣ. Тутъ съ обрыва открывается просторный видъ на равнину. Духъ замираетъ, когда смотришь отсюда внизъ: деревья кажутся черными точками, дороги, какъ нити, пересѣкаютъ во всѣхъ направленіяхъ и тутовыя рощи, и желтѣющія нивы съ хлѣбомъ. Съ западныхъ стѣнъ монастыря видъ совсѣмъ другой, болѣе дикій и оригинальный. Тамъ громоздятся другъ надъ другомъ темносѣрые, отвѣсные утесы и на нихъ раз-

бросаны монастыри и кельи, часто на такихъ высотахъ, гдѣ бы, кажется, въ пору жить только орлу. Они какъ будто хотятъ перещеголять другъ друга необычайностью своего положенія. Иной монастырь взгромоздился на самую верхушку отдѣльной колонны, при чемъ его стѣны со всѣхъ сторонъ составляютъ одну линію съ отвѣсомъ камня; другой прилѣпился гдѣ нибудь съ боку на отдѣльномъ выступѣ скалы, надъ пропастью; третій отыскалъ въ стѣнѣ утеса какую нибудь впадину и вдвинулся въ нее со всѣми своими церквами и кельями, такъ что его никогда ни солнце не печетъ, ни дождь не сѣчетъ.

Ближайшій къ св. Стефану монастырь—Троицкій. Въ скалу, на которой помѣстилась Троицкая обитель, вбиты одинъ надъ другимъ два желѣзные болта, и на нихъ висятъ деревянныя суставчатыя лѣстницы, по которымъ поднимаются на верхъ желающіе посѣтить эту обитель. Третья, верхняя лѣстница виситъ на цѣпи и ее поднимаютъ кверху всякій разъ, когда въ ней нѣтъ надобности, изъ опасенія, чтобы не взошелъ кто нибудь лишній.

Многіе, приготовляясь къ такому подъему, на всякій случай читаютъ себѣ отходную. Вотъ какъ описываетъ свой подъемъ одинъ извѣстный путешественникъ описавшій и серьезно изучившій всѣ эти монастыри. «Лишь только я успѣлъ поставить ногу на первую перекладину лѣстницы, какъ она всей массой медленно отшатнулась отъ скалы, и я повисъ надъ толпою зрителей. У меня помутилось въ глазахъ, руки и ноги дрожали, а въ низу подо мною раздавались оглушительные крики: «гайда, гайда, ми фовасе!» (не бойся). Непомню какъ я долѣзъ до верху; помню только, что самая страшная минута была та, когда на половинѣ пути мнѣ надо было переходить съ одной лѣстницы на другую, на высотѣ пятнадцати саженъ отъ земли».

На нѣкоторые изъ этихъ монастырей поднимаются на блокахъ въ простой рыболовной сѣти, такъ что въ нѣкоторомъ родѣ испытываютъ впечатлѣніе рыбы, которую тянутъ со дна морскаго.

Вотъ какъ описываетъ свое воздушное путешествіе тотъ же писатель. «Передо мною на камнѣ разложили круглую сѣть, положили на нее коверъ и усадили меня на этомъ коврѣ по турецки; потомъ провожавшіе насъ монахи изъ монастыря св. Стефана собрали надъ моей головой кольца сѣти, продѣли сквозь нихъ желѣзный крюкъ, привязанный къ канату, и крикнули на верхъ: «тащи, молъ, готово!» Натянулся канатъ; сѣть крѣпко стиснула мои члены, и тихо, незамѣтно отдѣлился я отъ грѣшной земли. У меня невольно замерло дыханіе и кругомъ пошла голова; канатъ трещалъ и вздрагивалъ; медленно уходили внизъ сосѣднія скалы; вѣтеръ раскачивалъ сѣтку, и сѣтка, качаясь, кружилась, и подо мною въ безднѣ какъ будто кружился весь міръ!... Я закрылъ глаза, и въ эту роковую минуту, какъ нарочно, ярко припомнились мнѣ всѣ разсказы о томъ, какъ обрывался канатъ, какъ ломался воротъ и какъ изъ-за этого люди разбивали о камни свои головы; явились, конечно, мучительныя сомнѣнія въ прочности сѣтки; внизъ взглянуть стало еще страшнѣе, а до верху еще далеко, еще высоко.... Около пяти минутъ пришлось мнѣ пробыть въ такомъ безвыходно-томительномъ положеніи, наконецъ я услышалъ надъ собою скрыпъ блока, визжаніе ворота, ближе, ближе, и вотъ мою сѣтку подцѣпили багромъ и дружно втащили подъ широкій навѣсъ.

Монахи этихъ монастырей проводятъ свое время почти въ совершенномъ бездѣйствіи и каждый изъ нихъ сидитъ особнякомъ въ своей кельи. Развѣ только вечеромъ, при закатѣ солнца, они собирутся вмѣстѣ посидѣть на скамеечкѣ у монастыря. Но разговоръ тутъ мало клеится: больше все потягиваются, до громко зѣваютъ

въ ожиданіи сна; а то какъ малые ребята подставляютъ другъ другу ногу, тотъ летитъ, а всѣ смѣются; загадываютъ и отгадываютъ на пальцахъ разные пустячки и т. п. Черныя работы выполняетъ обыкновенно дежурный, или тотъ, на кого уже разъ, съ самаго его поступленія была взвалена эта обязанность... Да и особенно работать то имъ не для чего, такъ какъ монастыри эти владѣютъ нѣсколькими фермами въ Валахіи и въ прилежащихъ мѣстностяхъ Фессаліи, и получаемыхъ ими оттуда хлѣба и денегъ, совершенно достаточно, чтобы прокормить не многочисленную братію этихъ монастырей. По этому ихъ занятія въ кельяхъ ни сколько не серьёзнѣе ихъ время препровожденія въ обществѣ. Одинъ монахъ выкормилъ и пріучилъ къ себѣ трехъ разнохарактерныхъ животныхъ. Кота, крысу и жаворонка, и каждый день собиралъ ихъ вмѣстѣ и кормилъ изъ собственныхъ рукъ... Да и что иначе дѣлать? куда дѣть множество свободнаго времени? Церковными службами здѣшній монахъ и на половину такъ не обремененъ, какъ на Афонѣ, черныя работы какъ мы видѣли, справляетъ одинъ изъ нихъ, интереса къ чтенію нѣтъ никакого, такъ какъ они по большой части люди совершенно необразованные. Прежде, лѣтъ тридцать тому назадъ, когда монастыри были наполнены народомъ, тутъ, говорятъ, и порядку было больше, и работа братская дружно кипѣла, слѣдовательно было больше и жизни. Теперь же въ каждомъ изъ этихъ манастырей живетъ не болѣе семи, восьми человѣкъ и еще нѣсколько мальчиковъ, набираемыхъ изъ круглыхъ сиротъ. Эти дѣти ростутъ въ монастырѣ, но мало привыкаютъ здѣсь къ практической работѣ и потому волей не волей дѣлаются монахами. Причинъ такого упадка метеорскихъ монастырей очень много: скука, однообразіе монастырской жизни, разъединенность съ обществомъ и со всѣмъ живымъ, кромѣ своихъ собратій, которые каждому изъ нихъ до смерти надоѣли, упадокъ аскетизма вообще, наконецъ холодъ, который принуждены выносить обитатели этихъ возвышенныхъ мѣстностей. Зимою здѣсь бываютъ сильные холода и многіе монастыри сплошь засыпаетъ снѣгомъ. Пустѣютъ однако не одни метеорскіе монастыри, а почти всѣ монастыри на востокѣ. Болѣе всего они опустѣли въ Фессаліи,—странѣ ближайшей къ Элладѣ, когда та сдѣлалась самостоятельною. Прежде здѣсь было безчисленное множество монастырей чрезвычайно многолюдныхъ и богатыхъ; теперь же обитаема только какая нибудь десятая часть изъ нихъ, — остальные превратились въ живописныя развалины. По этому, куда вы ни обернетесь всюду бѣлѣютъ ихъ покинутыя стѣны, дорога къ нимъ уже забыта, даже самыя названія ихъ часто неизвѣстны и только разбойники выбираютъ ихъ иногда для своего временнаго пристанища. Прежде въ монастыряхъ, какъ въ крѣпостяхъ, укрывались съ своими имуществами напуганные турками поселяне; сюда уходили всѣ недовольные, ограбленные, осиротѣлые — доживать остатокъ дней въ молитвѣ и покоѣ. Теперь эти недовольные и ограбленные, черезъ тѣже горы, перебѣгаютъ за границу Турціи и ищутъ жизни и безопастности въ свободныхъ земляхъ новой Греціи; туда же они спасаютъ и свои имущества. Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ, монастыри для грековъ потеряли свое прежнее значеніе — убѣжища отъ гнета и деспотизма, и теперь только одни славянскіе монастыри на востокѣ по прежнему переполнены народомъ, — у нихъ нѣтъ еще свободной земли.

БОЛГАРІЯ.

Прошлая судьба болгаръ. — Фанаріоты и ихъ вліяніе. — Ненависть всѣхъ славянъ къ фанаріотамъ. — Положеніе народа и его отношеніе къ туркамъ.

Болгары живутъ въ собственной Болгаріи между Дунаемъ и Балканами, кромѣ того во Фракіи, Македоніи, Фессаліи, до самаго прибрежья Средиземнаго моря. Они встрѣчаются также въ Эпирѣ, въ Малой Азіи, въ Придунайскихъ Княжествахъ и въ Ново-Россійскомъ краѣ (*).

Это славянское племя чрезвычайно смѣшано съ разными окружающими его сосѣдями. На югѣ болгары живутъ рядомъ съ греками, а также и съ влахами (они называются еще куцовлахами; влахи считаются ближайшими соплеменниками румынъ, но отличаются отъ нихъ своимъ нарѣчіемъ). На Юго-Западѣ болгары смѣшаны съ албанцами; на Западѣ—съ сербами; на Сѣверо-Востокѣ — съ татарами и съ русскими раскольниками — некрасовцами. Въ большихъ городахъ Болгаріи живетъ, наконецъ, множество турокъ. Большинство болгаръ — православные, но есть и католики (павликіане) и магометане (помаки).

Такое смѣшеніе съ разными народами сильно отразилось и на бытѣ болгаръ. Ихъ языкъ, понятія, одежда, обычаи—носятъ на себѣ много общаго съ ихъ смертельными врагами, турками и греками. Не смотря на это, они все-таки удержали много самыхъ древнихъ славянскихъ вѣрованій и обычаевъ. По причинѣ этого смѣшенія нравовъ, обычаевъ и языка, болгаръ совсѣмъ почти не знали до нашего времени. Многіе путешественники, странствовавшіе по Балканскому полуострову, не болѣе, какъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, встрѣчая болгаръ, считали ихъ за татарское племя, неизвѣстно почему говорящее какимъ-то испорченнымъ славянскимъ нарѣчіемъ. Даже и ихъ соплеменники — русскіе не имѣли о нихъ около этого времени никакого понятія и въ своихъ путевыхъ воспоминаніяхъ съ удивленіемъ говорятъ о томъ, что въ

(*) Главные города и центры болгарской земли: *Охрида*—въ Албаніи, *Водина* (древняя Эдесса) — одна изъ самыхъ великолѣпныхъ мѣстностей во всей южной Европѣ, находится въ Македоніи, *Филлипополь*, или Филибе, а по славянски Пловдивъ, *Софія*, *Средца* и, наконецъ въ собственной Болгаріи — крѣпости *Шумла* и *Тернова*.

европейской Турціи весьма во многихъ мѣстахъ встрѣчаются православные люди, говорящіе языкомъ весьма близкимъ къ церковно-славянскому. Между тѣмъ по новѣйшимъ извѣстіямъ число болгаръ простирается до 6 мил. Почему болгары такъ долго не были извѣстны? Какимъ образомъ они могли утратить свой первобытный характеръ? Неужели безъ злобы, сопротивленія и кровавыхъ жертвъ потеряли они свою національную независимость? Разумѣется нѣтъ, и прошлая судьба болгаръ оставила глубокій, неизгладимый слѣдъ въ характерѣ и правахъ народа. Вѣчная борьба за свою самостоятельность, смертельная ненависть къ поработителямъ, страстная, порывистая любовь къ родинѣ, теплое братское чувство къ своимъ соплеменникамъ, патріархальность нравовъ, — вотъ основныя черты характера этого подавленнаго, несчастнаго славянскаго племени.

Исторія Болгаріи не долга: она не изобилуетъ ни громкими событіями, ни разнообразными реформами, ни открытіями. Вся жизнь этого племени, если можно такъ выразиться, одна страница самыхъ возмутительныхъ страданій. Каждый народъ прежде чѣмъ зажить самостоятельною жизнію, перенесъ много бѣдствій на своихъ плечахъ, но навѣрно ни одинъ европейскій народъ не терпѣлъ такъ долго унизительнаго порабощенія, не выносилъ такихъ неслыханныхъ притѣсненій отъ своихъ поработителей, какъ болгары. Этихъ несчастныхъ терзаютъ и душатъ не только ихъ враги турки, но и ихъ братья по вѣрѣ—греки.

Судьба болгаръ уже съ IX вѣка была связана съ Византіею. Отъ нея болгары приняли христіанство и оно пустило сильные корни въ болгарскомъ народѣ. Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать самостоятельно, сообразуясь съ обычаями и правами своей страны, болгары стали перенимать у византійцевъ все безъ разбору, а это не могло не отозваться гибельно на народѣ, который только что начиналъ жить. Съ IX до XI вѣка Болгарія представляетъ довольно сильное государство съ своими собственными царями. Цари эти мало по малу стали вводить при своемъ дворѣ роскошь, блескъ, напыщенность и церемоніи, господствовавшія въ Византіи. Этому рабскому подраженію и можно приписать то, что болгарскій народъ не успѣлъ впослѣдствіи выработать себѣ прочныхъ основъ, которыя бы поддерживали его цѣльное, независимое существованіе. Такъ какъ болгары приняли христіанство отъ Византіи, то византійское духовенство и стало мало по малу вмѣшиваться въ ихъ дѣла; но, поддаваясь иноземному вліянію, болгары въ то же время обнаружили необыкновенно сильное стремленіе къ религіозной свободѣ и къ самобытности своей церкви, которое они всегда проявляли, когда имъ жилось хоть немного получше. Такъ и въ первой половинѣ X-го вѣка у болгаръ былъ собственный патріархъ. Однако въ XI-мъ столѣтіи болгарское царство пало, и сдѣлалось одною изъ провинцій византійской имперіи. Началось господство грековъ: они стали уничтожать послѣдніе слѣды самостоятельнаго болгарскаго правленія и подавлять національное развитіе. Впрочемъ, болгары тогда еще не совсѣмъ пали: у нихъ безпрестанно происходили возстанія противъ грековъ, и, наконецъ, чрезъ полтораста лѣтъ рабства имъ удалось снова возстановить болгарское царство, которое въ XIII-мъ столѣтіи возвысилось до небывалаго прежде могущества. Болгары стали страшны даже для грековъ. Императоръ Византійскій, который долженъ былъ перенести свою столицу въ Никею изъ Константинополя, въ то время занятаго крестоносцами, сталъ искать помощи у царя болгарскаго и вступилъ съ нимъ въ родственныя связи. Это

помогло болгарскому царю основать свое собственное, самостоятельное патріаршество въ новой столицѣ болгарскаго царства, въ Терновѣ. Но и въ этомъ новомъ царствѣ не было прочныхъ залоговъ національнаго развитія: оно скоро стало ослабѣвать, подпало вліянію сосѣдей, нѣсколько лѣтъ зависѣло даже отъ татаръ, потомъ подчинилось сильнымъ въ то время сербамъ и наконецъ въ 1392 году почти безъ всякаго сопротивленія было покорено турками.

Такимъ образомъ Болгарія потеряла свою политическую независимость, но пока удержала еще духовную въ лицѣ своего Терновскаго патріарха, къ которому народъ прибѣгалъ, какъ къ своему заступнику и утѣшителю въ постигшихъ его несчастіяхъ. И дѣйствительно, почти въ продолженіи столѣтія, пока болгары имѣли свое національное духовенство, они еще не совсѣмъ падали духомъ. Конечно, были этому и другія причины, но во всякомъ случаѣ, достовѣрно извѣстно, что болгарское духовенство было очень любимо народомъ и съ своей стороны дѣйствительно поддерживало въ немъ любовь къ своей несчастной родинѣ, стремленіе къ самостоятельности и даже воинственный духъ. Нѣкоторые болгарскіе города еще отъ времени до времени освобождались отъ турокъ, или платили имъ небольшую дань и управлялись своими законами. Кромѣ духовенства этому много способствовали гайдуки, или разбойники, въ которые пошелъ въ это время цвѣтъ болгарскаго юношества. Но объ нихъ мы поговоримъ ниже, а теперь прослѣдимъ за судьбою болгарскаго племени.

Завоеванія турокъ въ Европѣ росли постепенно, такъ что въ 1453 году они окончательно покорили Византійскую имперію. Константинополь по бо̀льшей части былъ разоренъ, и побѣжденнымъ грекамъ было отведено въ немъ особое мѣсто, куда прежде сваливали всякіе нечистоты — фанаръ, или фена-еѳъ (турецкое слово означающее нечистое мѣсто); съ тѣхъ поръ всѣ константинопольскіе греки и называются фанаріотами. Когда такимъ образомъ Константинополь былъ покоренъ турками, подъ властію турецкаго султана очутились три патріарха: греческій, болгарскій и сербскій. Казалось, что при общемъ несчастіи христіанъ прежнее соперничество между греками и болгарами прекратится и они пойдутъ рука объ руку противъ общаго врага. Вышло напротивъ: константинопольскіе патріархи, одинъ за другимъ все болѣе стали стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться единою духовною главою всѣхъ побѣжденныхъ турками славянъ. При этомъ ими руководило, разумѣется, не только желаніе первенствовать, но и денежный разсчетъ. Они стали мало по малу подслуживаться султану и за это пріобрѣтали отъ него разныя привилегіи. По примѣру патріарховъ и вся его паства, т. е. всѣ фанаріоты, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, все болѣе становились корыстолюбивыми. Они дружили съ турками и убѣждали ихъ, что они, т. е. константинопольскіе греки, издавна питаютъ ненависть къ безпокойнымъ, покореннымъ славянамъ и что слѣдовательно ихъ надежды и пожеланія относительно этихъ племенъ совпадаютъ со взглядами турокъ. Справедливость своихъ словъ они доказали тѣмъ, что сражались вмѣстѣ съ турками, подавляя возстаніе въ нѣкоторыхъ болгарскихъ городахъ. Заручившись довѣріемъ турокъ, фанаріоты стали внушать имъ мысль объ уничтоженіи самостоятельнаго болгарскаго духовенства. Они представляли это, какъ дѣло необходимое для спокойствія Турціи, указывая на болгарскихъ духовныхъ, какъ на главныхъ зачинщиковъ всѣхъ мятежей. Турки согласились и на это, и

тогда во всѣхъ концахъ Болгаріи кровь полилась ручьями. Дѣятельнѣйшими палачами болгаръ стали являться фанаріоты и такимъ образомъ для этой страны наступило двойное рабство. Трудно сказать, которое изъ нихъ было ужаснѣе для народа — турецкій произволъ или гнетъ константинопольскихъ фанаріотовъ, которые съумѣли взять въ свои руки болгарскую іерархію и отнимали у народа послѣднее достояніе. Вотъ какъ въ своей любимой пѣснѣ: «Стоенъ и Патрика», повторяемой всюду и въ наши дни, народъ разсказываетъ объ этомъ событіи. «Мать качаетъ своего сына Стоена въ золотой колыбели и, качая, приговариваетъ: спи, мое родное дитя, мой милый Стоенъ, спи и рости скорѣй; когда будешь большой, исторгни собственное царство изъ чуждыхъ поганыхъ рукъ, такъ какъ царство это — твоего отца и твоей матери. — Но гдѣ же у меня, спрашиваетъ сынъ, ружье, острая сабля, пистолеты, старинная, отцовская булава? Все это есть у тебя, мое родное дитя! Осѣдлай только коня, встань пораньше въ воскресенье, помолись усердно Богу, собери войско и не бойся никого; берегись только грековъ лукавыхъ, лукавыхъ да предателей, предавшихъ твоего отца въ великомъ градѣ Адріанополѣ, вмѣстѣ съ 72,000 воиновъ. Тамъ плѣнили его турки и потурчили его дружину. Поѣхалъ Стоенъ, разставилъ войско по холмамъ и горамъ, захватилъ ущелья, такъ что некуда и птичкѣ пролетѣть. Прослышалъ какъ-то объ этомъ Цареградскій патріархъ, пошелъ прямо къ царю и сталъ говорить ему: Великій царь-падишахъ, да долгоденствуетъ твое царство! Слышалъ ли ты, царь, узналъ ли ты о Стоенѣ, младомъ воеводѣ, изъ великаго града Тернова, который поднялъ мечь, чтобы исторгнуть свое царство, говоря, что это царство его отца, его матери? Если это такъ, отвѣчаетъ султанъ, я пошлю войско противъ Стоена воеводы, 75 ти тысячное войско! И поднялось войско чуть свѣтъ; его повелъ самъ патріархъ. Чуть завидѣлъ Стоенъ патріарха, грянулъ его голосъ сквозь мѣдный рогъ; онъ собралъ всѣхъ своихъ воеводъ и сталъ говорить имъ: Воеводы, младые богатыри! распустите кровавыя красныя, знамена. Всѣ воеводы заговорили: Мы пойдемъ съ радостію колоть турокъ и приведемъ къ тебѣ патріарха живымъ. Всѣхъ турокъ перекололи, но патріархъ оказался хитрѣе насъ (болгаръ): онъ потихоньку улизнулъ отъ войска, возвратился въ Царьградъ и сталъ говорить царю: О, царь, великій падишахъ! развѣ я не говаривалъ тебѣ, чтобы всю ихъ оставшуюся знать обратить въ исламъ, дѣтей ихъ поработить, священниковъ переколоть, архіереевъ перевѣшать, церкви ихъ разрушить, тогда только, царь, будешь ты покоенъ. Я пошлю къ нимъ (болгарамъ) своихъ фанаріотовъ, они будутъ тебѣ вѣрными слугами. Царь послушался патріарха, послалъ переколоть всѣхъ архіереевъ, повѣсить всѣхъ священниковъ, обратить въ исламъ младыхъ юношей, разрушить много церквей, а другія обратить въ мечети».

Около этого времени разбои еще болѣе усилились; множество болгаръ бѣжало въ горы, многіе изъ нихъ пристали къ грекамъ; нѣкоторые потурчились, другіе оволошились; знатныя фамиліи переселились въ Придунайскія княжества, и такъ годъ отъ году стали исчезать настоящіе болгары, да и тѣ, что остались, все болѣе забывали свой языкъ, все болѣе вносили въ свои нравы обычаи турокъ и грековъ. Ихъ духовные іерархи, которые все еще кое-какъ держались, хотя давно уже не имѣли никакого голоса въ столицѣ, теперь замѣнены были греками, и патріархія въ Терновѣ переименована въ экзархатъ всей Болгаріи. Теперь въ

Болгаріи не существовало высшаго сословія, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго, и греческое духовенство стало вводить въ болгарскихъ церквахъ и училищахъ греческій языкъ. Кромѣ того стали жестоко преслѣдовать всѣхъ болгаръ, говорящихъ на своемъ родномъ языкѣ. Чтобы успѣшнѣе грабить несчастныхъ, фанаріоты отъ времени до времени поддѣлывались къ нимъ, показывали даже видъ, что всякая вражда забыта. Въ ту минуту, когда убитые горемъ болгары начинали имъ вѣрить, они подъ величайшею тайною открывали имъ, что турки собираются ограбить ихъ церковныя сокровища. Кончалось тѣмъ, что фанаріоты брали къ себѣ на сохраненіе золотую и серебряную церковную утварь, затѣмъ продавали эти вещи банкирамъ и употребляли ихъ по своему усмотрѣнію. Оставшіеся болгарскіе монастыри платили тяжкія подати патріарху, да кромѣ того ихъ обирало и мѣстное греческое духовенство, заставляя платить себѣ огромныя суммы, за право служить въ своихъ церквахъ по-славянски. Греческіе іерархи служили шпіонами для турецкаго правительства и зорко слѣдили за каждымъ болгариномъ, который осмѣливался замолвить хоть одно слово въ пользу своихъ собратій; его оклеветывали предъ турками какъ злоумышленника, и дѣло обыкновенно кончалось тѣмъ, что его сажали на колъ.

Теперь отношенія болгаръ къ фанаріотамъ измѣнились: болгары имѣютъ уже своего духовнаго главу, начали заводить школы, изучать свой языкъ, но ненависть ихъ къ фанаріотамъ нисколько не уменьшилась. Да и вообще большинство славянъ питаетъ къ нимъ невыразимое отвращеніе и всего замѣчательнѣе то, что даже ихъ соплеменники сирійскіе греки и греки греческаго королевства смотрятъ съ совершеннымъ презрѣніемъ на фанаріота. Причина этому та, что фанаріоты предъ всѣмъ міромъ запятнали себя множествомъ гнусныхъ поступковъ. Что же до болгаръ, то ихъ прежняя ненависть къ грекамъ перешла теперь въ совершенное презрѣніе. «Ты грекъ?» спрашиваетъ обыкновенно болгаринъ своего трехъ, четырехъ лѣтняго сына, когда ему захочется немного его подразнить. «Несъмъ гъркъ», отвѣчаетъ мальчикъ: «съмъ честный болгаринъ, истій славянинъ!» Отецъ настаиваетъ, что мальчикъ грекъ, и тотъ злобно топая ногами кричитъ: «Несъмъ, несъмъ, гъркъ лукавый, съмъ болгаринъ!» «Это гърска работа» (т. е. это похоже на поступокъ грека) говоритъ болгаринъ, покачивая головой, когда сосѣдъ передаетъ ему о какомъ нибудь подломъ поступкѣ.

Если отъ фанаріотовъ болгары уже не терпятъ обидъ, за то иго турецкое тяготѣетъ надъ ними еще во всей силѣ. Равенство предъ законами всѣхъ подданныхъ султана, которое имъ было обѣщано въ 1856 году, осталось только прекрасной фразой и положеніе болгаръ въ сущности мало измѣнилось. Лучшіе участки болгарской земли принадлежатъ туркамъ или отданы имъ на аренду, и болгаринъ землепашецъ долженъ снимать ее у нихъ, или, какъ они говорятъ, покупать себѣ землю на годъ чтобы работать на ней. Турки отдаютъ въ наймы землю большою частію на годъ, за извѣстную плату, или же чаще за треть убраннаго съ поля хлѣба. Когда случается неурожай или кто нибудь воровски сниметъ хлѣбъ съ поля (это случается нерѣдко), какъ тутъ быть человѣку не имѣющему денегъ? Въ этомъ случаѣ, разумѣется, остается одно—отдать турку все, что ему можетъ понравиться. Правда, можно занять денегъ у другаго турка или жида, но первый же заемъ болгарина вѣрная его гибель. Болгаринъ можетъ добыть у турка деньги въ займы только за страшные проценты. Черезъ годъ, если

онъ не будетъ въ силахъ заплатить турку или жиду долга, выросшаго почти вдвое больше, тогда продаютъ все его имущество. Оно, разумѣется, никогда не покрываетъ той суммы, которую онъ долженъ выплатить своему должнику, но если бы этого и хватило, то болгаринъ все таки не можетъ продолжать вести свое маленькое хозяйство безъ домашней утвари и земледѣльческихъ орудій. Какъ ни обдумываетъ онъ свое положеніе, какъ ни силится дольше простоять на своихъ ногахъ, но кончается обыкновенно тѣмъ, что онъ, проклиная день, въ который родился, еще болѣе кляня врага, идетъ къ нему въ домъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ отслуживать свой долгъ. Служа у турка, онъ все же не избавляется отъ подати и другихъ повинностей и налоговъ; кромѣ того, онъ долженъ самъ одѣвать себя и свое семейство. Такимъ образомъ онъ должаетъ турку все болѣе и болѣе и никогда уже не освободится отъ него. Остается одно средство избавиться отъ долга: отдать турку свою жену, дочь и даже сына мальчика, если онъ хорошъ собой. Болгаринъ не соглашается на это. А долгъ все ростетъ болѣе и болѣе до неоплатной цифры, и самъ онъ дѣлается все хилѣе отъ чрезвычайно трудныхъ работъ. Когда турку понравились дѣти или жена этого несчастнаго работника, онъ показываетъ видъ, что ему надоѣло ждать, когда тотъ отработаетъ свой долгъ; а то просто къ чему нибудь придерется въ работѣ и прогоняетъ его отъ себя, оставляя въ залогъ жену и дѣтей, или только однихъ дѣтей, если жена его не годится для гарема. Выгнанный такимъ образомъ работникъ, рѣдко гдѣ послѣ этого найдетъ мѣсто; къ тому же горе и позоръ убили въ немъ послѣднюю энергію къ труду; у него теперь только одно на умѣ, какъ бы влѣпить въ лобъ пулю проклятому турку. При этомъ, чаще всего, человѣкъ и рѣшается быть гайдукомъ и отправляется въ горы. Ему остается теперь въ жизни одно—месть, и онъ отдается ей весь цѣликомъ. Немногимъ лучше исходъ и тогда, если урожай хорошъ; снявъ хлѣбъ, болгаринъ долженъ продать его на столько, чтобъ заплатить долгъ турку и продаетъ его по дешевой цѣнѣ, потому что уплата требуется послѣ жатвы, а въ это время цѣны стоятъ очень низкія. Такимъ образомъ на уплату долга у него выходитъ чуть не половина снятаго съ поля хлѣба. Прошла половина зимы — хлѣба у болгарина уже нѣтъ, и онъ вынужденъ занимать, чтобъ прожить какъ нибудь годъ; но у своего брата болгарина трудно позаимствоваться, потому что каждый изъ нихъ долженъ быть на готовѣ защищать себя хотя карманомъ отъ постоянныхъ придирокъ со стороны турокъ и припасать себѣ на черный день. Конечно, не всегда бываетъ такъ: иной болгаринъ обзаведется порядочнымъ домкомъ, разведетъ прекрасный садикъ и мирно поживаетъ со своею семьею, но довольство и богатство здѣсь гораздо рѣже можно встрѣтить, чѣмъ бѣдность и обиду турецкую.

Особенно отягощаютъ болгарскій народъ налоги: садоводство, огородничество, ремесло — однимъ словомъ все обложено особыми налогами. За каждую лошадь, корову, за каждую голову домашняго скота нужно платить подать.

«Почему же правительство не отдастъ землю въ аренду прямо болгарамъ?» говоритъ одинъ писатель. «Турки понимаютъ, что получивъ эти права, болгары заберутъ въ свои руки всю торговлю и промышленность, тогда трудно будетъ безнаказанно обижать ихъ; тогда они будутъ сильны, имѣя агентовъ и покровительство въ самомъ Константинополѣ. Тогда туркамъ, какъ меньшинству и народу вялому, изнѣженному, лѣнивому, пришлось бы жить своимъ трудомъ.

А теперь они, что хотятъ, то и дѣлаютъ—совершенно по своему произволу. Теперь и зажиточнымъ болгарамъ приходится часто, и очень часто, чрезвычайно трудно. Если болгаринъ богатъ (относительно), то онъ непремѣнно уже и чорбаджія, а чорбаджіямъ часто приходится платить недоимки за своихъ бѣдныхъ братій, чтобъ не пострадало цѣлое селеніе или даже цѣлый округъ—турки умѣютъ взыскивать недоимки!.. Къ тому же чуть не каждый годъ турки собираютъ двойную подать на султана, на устройство крѣпостей, на содержаніе арміи. Такъ въ мирное время. А что сказать о военномъ, или когда такъ себѣ, для удовольствія, туркамъ вздумается пограбить болгаровъ, выдумывая заговоръ, бунтъ?»

Такой ходъ дѣлъ въ продолженіи многихъ столѣтій привелъ болгаръ къ страшной бѣдности и ихъ села очень часто скорѣе походятъ на хижины дикихъ, чѣмъ на жилища европейцевъ. Между тѣмъ, не смотря на множество высокихъ горъ и снѣговъ, которыя лежатъ всю зиму по скатамъ вершинъ, большая часть Болгаріи еще до сихъ поръ одна изъ плодороднѣйшихъ странъ въ Европѣ. Всѣ продукты умѣреннаго климата произрастаютъ здѣсь въ изобиліи. Черноземъ вездѣ, его можно встрѣтить даже и на самыхъ вершинахъ. Иногда начинаешь подниматься по горѣ все выше и выше, пробираешься по огромнымъ лѣсамъ вишней, сливъ и орѣшниковъ, толстыхъ, какъ наши дубы, и вотъ на самой высотѣ замѣчаешь какой-то просвѣтъ... Миновавъ лѣсъ пробираешься къ нему, входишь на вершину хребта и вдругъ останавливаешься пораженный роскошнымъ нескончаемымъ лугомъ, который разстилается предъ вашими глазами на этой высотѣ. Рогатый скотъ и овцы всюду пасутся на тучныхъ пастбищахъ, виднѣющихся по отлогостямъ горъ; лошади перескакиваютъ холмики, орлы парятъ въ высотѣ и тамъ, и сямъ неподвижно останавливаются въ воздухѣ, зорко устремивъ свой взоръ на добычу. Въ здѣшнихъ горахъ находятъ золотой и серебрянный песокъ. Въ нихъ много теплыхъ и сѣрныхъ ключей. На границѣ Сербіи, при подошвѣ одной горы, есть теплый ключь, изъ котораго вода бьетъ струею, толщиною въ руку; въ 60 шагахъ отъ этого мѣста въ той же долинѣ бьетъ самый чистый, холодный источникъ; эти оба ключа имѣютъ минеральное свойство. Болгары неостаются глухи къ богатству своей страны. Всѣ европейскіе путешественники единогласно отзываются съ похвалами о трудолюбіи и искуствѣ болгарскихъ земледѣльцевъ, объ орошеніи полей, объ искусномъ садоводствѣ и разныхъ отрасляхъ промышленности. Нѣкоторые отрасли Болгарской промышленности извѣстны даже и за предѣлами ихъ родины. Такъ напримѣръ: во многихъ мѣстахъ Болгаріи ткутъ отличные ковры, прядутъ необыкновенно тонкія пряжи, а въ окрестностяхъ Филиппополя выдѣлываютъ извѣстное розовое масло, которое составляетъ довольно значительный предметъ торговли въ Турціи и внѣ ея.

Но, вслѣдствіе самаго безпорядочнаго и въ тоже время самаго грубаго и деспотическаго турецкаго правленія, народъ болгарскій большею частію чрезвычайно бѣденъ и необразованъ.

Только недавно, а именно съ 30—40 годовъ, когда собственно и начинается возрожденіе Болгаріи, страна эта получила возможность завести нѣсколько порядочныхъ школъ.

Въ Болгаріи не существуетъ дворянъ, но вмѣсто того есть классъ купцовъ, болѣе зажиточный чѣмъ остальные, и вотъ изъ этого-то класса стали теперь выходить люди съ образованіемъ.

Гайдуки. — Ненависть къ Туркамъ. — Сама природа способствуетъ распространенію разбойничества. — Видъ Балканскихъ горъ.—Пастухи и Болгарскія повѣрья.

Въ гайдуки или разбойники начала вступать болгарская молодежь съ тѣхъ поръ, какъ болгары подпали подъ турецкое иго и когда они не только страдали отъ своихъ поработителей, но и отъ корыстолюбія безнравственныхъ фанаріотовъ. Однако и теперь еще въ Балканскихъ горахъ очень часто шайки гайдуковъ нападаютъ на караванъ турокъ, отправляющихся въ Мекку, убиваютъ правовѣрныхъ, грабятъ ихъ имущества. Если теперь тамъ и сямъ попадаются шайки гайдуковъ, то четыре пять десятковъ лѣтъ тому назадъ гайдуками были наполнены всѣ мало мальски темные лѣса и менѣе проходимыя горы. Хотя мы уже сказали, что гайдуки грабятъ и убиваютъ, но цѣль и характеръ ихъ разбойничества со всѣмъ другіе, чѣмъ у обыкновенныхъ разбойниковъ. Въ болгарскомъ гайдукѣ выразился народный идеалъ; къ нему стремится въ тяжелую для родины годину каждый *юнакъ* (болгарскій юноша), въ которомъ еще не совсѣмъ остыла юношеская кровь, который не очерствѣлъ настолько, чтобы во время тяжкихъ народныхъ бѣдствій думать только о своемъ карманѣ. Поступая въ гайдуки, юнакъ бросаетъ свою семью, пристаетъ къ какой нибудь шайкѣ и вмѣстѣ съ нею ведетъ самую дикую, первобытную жизнь, прячась въ ущельяхъ и самыхъ непроходимыхъ мѣстахъ, безпощадно грабя и убивая турокъ, и такимъ образомъ мститъ, сколько хватаетъ силъ, за угнетеніе своей родины. Къ соотечественникамъ своимъ гайдуки питаютъ горячую, братскую привязанность и съ самоотверженіемъ оказываютъ имъ всякую помощь, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ нужно защитить отъ турка или отомстить за оскорбленіе, нанесенное болгарской семьѣ. Вотъ почему во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ больше всего скрывались гайдуки, болгары ни когда не были такъ подавлены, какъ въ другихъ мѣстахъ и во время самаго тяжкаго ига гораздо смѣлѣе другихъ собратій возвышали свой голосъ. Въ большинствѣ случаевъ въ гайдуки шли тѣ, у которыхъ турки похищали жену, дочь или сына, которыхъ тяжко и безъ вины оскорбили или дочиста ограбили; имъ слѣдовательно, нечего было больше терять, эти люди покончили всѣ счеты съ жизнію, жаждали только одного—отомстить врагу... Но были и такіе, которые бросали теплый родительскій кровъ и дѣлались гайдуками только потому, что съ молокомъ матери всосали ненависть къ притѣснителямъ; это чувство постоянно крѣпло въ молодой груди, поддерживаемое болгарскими пѣснями, дышащими тою же злобою и ненавистью къ врагу и разжигаемое разсказами близкихъ, которые указываютъ ребенку на каждое оскорбленіе. Такъ поступалъ молодой человѣкъ въ шайку гайдуковъ, которою командовалъ атаманъ, единогласно выбираемый своими товарищами за свою храбрость и твердость. Когда въ шайку вступалъ новичекъ, атаманъ, въ присутствіи всѣхъ собравшихся гайдуковъ, торжественно прочитывалъ уставъ, который состоялъ обыкновенно въ слѣдующихъ постановленіяхъ: «Если ты убьешь христіанина или ограбишь его, чтобы поживиться его достояніемъ; если обидишь дѣвушку, изъ ненависти убьешь старика, старуху, ребенка; если возмешь у турка деньги, а его за выкупъ или изъ страха и жалости выпустишь изъ рукъ живаго; если убѣжишь изъ шайки во время опаснаго боя, — ты долженъ будешь умереть! Изъ награбленнаго отъ турка имущества ты получишь такую же часть какъ и всѣ товарищи, но да бу-

дешь проклятъ небомъ, если ты изъ ея не удѣлишь угнетенному собрату, который встрѣтится тебѣ на дорогѣ. Да будешь проклятъ, если не защитишь собрата, не поможешь ему тотчасъ по первой его просьбѣ».

Защищать собратій, жертвуя для этого покоемъ и семейнымъ счастіемъ, конечно, подвигъ достойный всякаго уваженія, но средство, которымъ они достигали этой цѣли, вело ихъ ко множеству безнравственныхъ поступковъ. Скитальческая жизнь, всегда съ оружіемъ въ рукахъ, грабежъ, убійства, хотя и враговъ, разбой, какъ единственный заработокъ,—все это мало по малу заглушало въ юношѣ состраданіе къ ближнему, очерствляло его душу, безвозвратно губило его нравственныя понятія и мало по малу вело къ простому грабительству при дорогахъ—своихъ и чужихъ, кого попало, лишь бы зашибить деньгу и досыта потѣшиться съ товарищами. Теперь несравненно менѣе гайдуковъ, но еще недавно трудно было найти семью, въ которой хоть одинъ изъ ея членовъ не былъ бы гайдукомъ. «Меня до чиста ограбилъ нашъ паша», нисколько не краснѣя совершенно покойно говорилъ въ сороковыхъ годахъ одному путешественнику престарѣлый, почтенный отецъ семейства, «и я далъ сыну свое родительское благословеніе идти въ гайдуки».

Конечно, и самая природа Балканскихъ горъ не обыкновенно способствовала развитію этой разбойнической жизни болгарской молодежи. Представьте себѣ громадныя, необыкновенно живописныя и вмѣстѣ дикія горы, то нагроможденныя одна на другую, мрачныя и безплодныя, то одѣтыя роскошною растительностью и блестящія всевозможными цвѣтами. И куда ни обратите вы здѣсь взоры, всюду встрѣтите новую картину. Тамъ и сямъ на тучныхъ пастбищахъ играютъ молодые ягнята; козлята съ необыкновеннымъ проворствомъ лазяютъ по скаламъ, подталкивая другъ друга и бодаясь своими рожками. Обернитесь назадъ и вамъ представится другое. Тутъ разстилаются огромныя равнины, усѣянныя городами, деревнями, рощами. А что за прелестный видъ у подошвы горы, сплошь унизанной садами розъ! Молодыя дѣвушки, убравъ вѣнками изъ розъ свои головы, безпрестанно откидываютъ назадъ косы, которыя вмѣстѣ съ цвѣтами попадаютъ имъ въ руки. Одна изъ нихъ отдѣлилась отъ подругъ, съ заступомъ въ рукѣ идетъ въ виноградникъ перекапывать лозы, напѣвая родную пѣсню; юнакъ запрягъ своихъ сѣрыхъ воловъ и отправляется пахать на ниву... Обернитесь налѣво: предъ вами тянутся цѣпи горъ съ своими голыми, снѣжными вершинами, которыя теряются въ облакахъ. Ничего живаго тутъ не видно, только сѣрый орелъ высоко поднялся въ воздухѣ. Тутъ всюду обрывы, скалы, быстрые потоки и рѣки съ высокими и разноцвѣтными берегами изъ красной, бѣлой и синей глины. Дальше царство тьмы, высокій черный лѣсъ, съ страшными утесами и пропастями; чрезъ лѣсъ идетъ одна какая нибудь узкая дорожка и съ одного ея боку пропасть, а съ другаго высокая скала. Въ этихъ то непроходимыхъ горахъ, среди дикихъ ущелій и бурныхъ потоковъ и скрываются цѣлыя шайки разбойниковъ; сюда бѣжитъ все гонимое, все страждущее. Нѣсколько ниже уже замѣтна растительность: сначала идутъ мелкіе кустарники бука, потомъ дубовые лѣса, а тамъ виноградники. Тамъ и сямъ пасутся стада, побрякивая колокольчиками; на толстой вѣтви виситъ большой котелъ, а подъ нимъ трещитъ огонь, вокругъ котораго сидятъ пастухи. Одежда этихъ пастуховъ чрезвычайно оригинальна. Они въ узкихъ бѣлыхъ штанахъ, въ кожухѣ со складками назади, который разукрашенъ разноцвѣтными сафьянными лоскутками; обуты они въ кожанныя лапти и бѣлыя онучки, обвитыя черными ремнями вплоть до самыхъ колѣнъ. Каждый

опоясанъ краснымъ кушакомъ, у котораго на цѣпочкѣ виситъ ножикъ, кисетъ съ табакомъ и красиво сплетенный футляръ съ ложкою. За поясомъ непремѣнно торчитъ пистолетъ, а на головѣ черная баранья шапка. Пастухи эти сидятъ кругомъ огня и въ ожиданіи, когда сварится ихъ *тріеница* (т. е. похлебка изъ муки), они разсказываютъ другъ другу про своихъ богатырей и защитниковъ своей родины: про Стоена, Марка Кралевича и Дойчина. Надоѣло болтать, и одинъ изъ нихъ вынимаетъ свою свирѣль и жалобно затягиваетъ:

«Матушка, милая матушка?
Турки мое стадо плѣнили,
Черезъ Дунай его перегнали...
Дай ко мнѣ, мамо, свирѣль,
Пойду я на берегъ Дуная,
Заиграю я жалостно;
Жалостно, грустно, горестно»...

Но не все жалостно пѣть и сказывать о герояхъ. Чудная и дикая природа Балканскихъ горъ не только поддерживаетъ въ нихъ геройскій духъ, но и заставляетъ болгаръ облекать древнія языческія вѣрованія въ еще болѣе фантастическую форму. Не успѣлъ еще кончить пастухъ своей пѣсни, какъ двое его товарищей отошли отъ него и стали другъ другу передавать разные страсти. Одинъ разсказывалъ, какъ его дядя Петко, пася свои стада въ горахъ, собственными глазами видѣлъ, какъ каждый разъ, Богъ знаетъ откуда, вдругъ являлся цѣлый хороводъ такихъ красавицъ, которыхъ еще отродясь никто не видалъ на бѣломъ свѣтѣ. Онѣ кружились и пѣли, а потомъ вдругъ точно сквозь землю провалились, куда-то исчезли... А то также у фонтана сидѣлъ турокъ, курилъ трубку да и задремалъ. Что имъ дѣлать, какъ не дремать; если турокъ не ходитъ, такъ онъ, извѣстно, всегда дремлетъ, а то такъ даже и походя дремлетъ. Только онъ это по своему обычаю задремалъ, а *самодивы* тутъ-какъ тутъ: обступили спящаго, стали кругомъ его хороводомъ кружиться, плясать... Потомъ одна наклонилась надъ нимъ и всѣ вдругъ исчезли. Проснулся турокъ, хочетъ подняться, да какъ-бы не такъ — ничего не видитъ,—*самодивы* его ослѣпили.

«Это еще что! возражаетъ другой, самодивы рѣдко дѣлаютъ зло человѣку. А вотъ *юди* (ихъ также называютъ *стіи*; это въ родѣ нашихъ русалокъ) такъ отъ нихъ и не думай спастись, сейчасъ утащутъ въ воду...» и долго, долго разсказываетъ юнакъ товарищу, какъ эти женщины живутъ въ водѣ, какъ иногда онѣ выходятъ ночью на берегъ, расчесываютъ свои длинныя косы и увлекаютъ проходящихъ въ воду; при этомъ онъ, конечно, прибавляетъ, что больше всего достается отъ нихъ турецкому отродью.

Помаки: ихъ нравы и обычаи.—Павликіане.—Семейный бытъ болгаръ.—Болгарка: ея одежда и характеръ.—Занятія болгаръ и ихъ праздники.

Мы уже упоминали однажды о томъ, что не всѣ болгары исповѣдуютъ православную вѣру: нѣкоторые изъ нихъ перешли въ магометанство и потому называются въ народѣ помаки, т. е. пошатнувшіеся, есть и павликіане — католики.

Несмотря на свою магометанскую религію помаки сохранили чрезвычайно много христіанскихъ обрядовъ; по ихъ дѣятельному характеру, веселому нраву

и задушевнымъ пѣснямъ вы тотчасъ отличите помака отъ турка. Имена помаковъ тоже христіанскія — болгарскія, только съ прибавленіемъ оглу (сынъ) наприм. Панчо-оглу (Павловъ сынъ), Недѣлко-оглу (Недѣлковъ сынъ) и т. д. Когда они посѣщаютъ могилы своихъ родственниковъ, то такъ-же какъ и христіане зажигаютъ восковую свѣчу на могилѣ сына или дочери, а вдова на могилѣ мужа. Они также празднуютъ нѣкоторые христіанскіе праздники, св. Георгія, Николы, Дмитрія, соблюдаютъ многіе христіанскіе посты, но въ то же время справляютъ и турецкій Рамазанъ и Бейрамъ.

Не смотря однако на эту смѣсь понятій и вѣрованій, языкъ большей части помаковъ чистъ, безъ турецкихъ словъ и оборотовъ рѣчи, звученъ и сохранилъ больше древнеславянскихъ формъ, чѣмъ языкъ другихъ болгаръ. Въ своихъ пѣсняхъ, которыя они всегда распѣваютъ за работою, они прославляютъ красоту своихъ горъ, полей и также проклинаютъ турокъ.

«Не родился помакъ отъ нѣжной турчанки,
Не выросъ онъ въ шелку да въ бархатѣ,
Не кормился ни жирно, ни сладко,
Но родился отъ грубой болгарки,
А выросъ онъ подъ дубомъ высокимъ,
Кормился же хлѣбомъ кукурузнымъ,
Поднялъ саблю и зарѣзалъ Турка.»

Павликіане, были прежде не католиками, а одноюизъ христіанскихъ сектъ которая враждовала съ православными; православное духовенство съ разрѣшенія правительства захотѣло силою обратить ихъ въ свою вѣру, и тогда они бросились въ католичество. Не смотря однако на то, что павликіане исповѣдуютъ католическую религію, они не выполняютъ весьма многихъ ея обрядовъ, даже крестить по католически они стали со всѣмъ недавно и то не всѣ. Какъ и помаки, павликіане говорятъ чистымъ болгарскимъ языкомъ, носятъ болгарскую одежду, которую не покидаютъ и самые образованные изъ нихъ. Павликіанинъ и павликіанка не надѣнутъ ни фески, ни европейской одежды, даже подъ угрозою смерти. Имена ихъ почти всѣ болгарскіе: Денко, Челко, Миловидъ, Пена, Ружава и т. п.—Въ семейномъ быту павликіане ни на іоту не отличаются отъ другихъ болгаръ, кромѣ развѣ суевѣрія, которымъ они заражены не только больше остальныхъ болгаръ, но пожалуй даже больше, чѣмъ и сами турки. У нихъ множество разныхъ колдуновъ и ворожей, которые не только предсказываютъ будущее, но и лѣчатъ ихъ. Къ старухѣ ворожеѣ приходятъ молодыя дѣвушки, женщины и мужчины; она ихъ поучаетъ, даетъ имъ лѣкарства, талисманы, сверхъестественная сила которыхъ будто бы производитъ чудеса. Мы уже говорили, что нравы, обычаи, образъ жизни павликіанъ тѣ же, что и у прочихъ болгаръ, поэтому мы и разскажемъ теперь о жизни, привычкахъ и занятіяхъ болгаръ вообще.

Большинство болгаръ живутъ нѣсколькими семьями вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Сыновья, вступая въ бракъ, не оставляютъ дома родителей, также внуки и правнуки, такъ что въ одномъ семействѣ бываетъ иногда до пятидесяти, а иногда до шестидесяти человѣкъ. Такимъ образомъ они образуютъ одно хозяйство, одну общину. Когда члены семьи такъ расплодятся, что въ главной избѣ имъ уже не хватаетъ мѣста, то выстраиваютъ особыя жилища во дворѣ. Бываетъ, что и весь дворъ застроятъ, а мѣста все таки многимъ нѣтъ, тогда вблизи отъ роднаго села основываются выселки, или поселки, которые, точно

также, какъ и живущіе во дворѣ состоятъ подъ управленіемъ хозяина (*дядо, домачинъ*) главной избы, съ населеніемъ которой посельчане живутъ въ полномъ ладу и миру. Выселки эти носятъ прозваніе по имени того дяда, въ управленіе котораго они основались; напр. Влайковцы, Ганчевцы, Енковцы. Всѣ эти выселки получили свои названія отъ именъ дядовъ: Влайка, Ганчи и Енки.

Всѣ обязаны слушать дядо и свято исполнять его волю. Дядо долженъ смотрѣть за порядкомъ и за спокойствіемъ въ домѣ; онъ долженъ назначать каждому работу, платить подати, держать кассу и вообще заботиться о нуждахъ всей общины. При совѣщаніяхъ въ важныхъ семейныхъ дѣлахъ, или въ случаѣ ссоръ и несогласій между членами семьи, дядо собираетъ совѣтъ изъ старшихъ членовъ и рѣшаетъ дѣло по большинству голосовъ. Чтобы ни затѣвалъ дядо, онъ непремѣнно скажетъ объ этомъ всей общинѣ, и при этомъ каждый, кромѣ несовершеннолѣтнихъ, выражаетъ свое мнѣніе или неудовольствіе и голосъ каждаго имѣетъ значеніе. Поэтому глава семейства у болгаръ не можетъ дѣйствовать въ ущербъ семейнымъ интересамъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній, испоконъ вѣку установившихся въ народѣ болгарскомъ между хозяиномъ и домочадцами, дядо пользуется большимъ почетомъ въ семьѣ. Онъ всюду занимаетъ первое мѣсто. Во время обѣда по правую его руку сидятъ мужчины, по лѣвую женщины, всѣ рядомъ и всегда размѣщаются по возрасту, за этимъ строго слѣдятъ старшіе и самъ дядо. Въ праздничные дни молодежь не можетъ затѣять никакихъ игръ на лугу безъ дозволенія дядо; все дѣлается съ его разрѣшенія.

Всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ распоряжается *баба* (бабушка), у которой находятся ключи отъ всего хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ *баба* — жена дядо, т. е. хозяина. Когда *дядо* вмѣстѣ съ остальными членами семьи уходитъ изъ дому на нѣсколько мѣсяцевъ на *баштованье* (т. е. на заработки), хозяйка (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее также называютъ домовница) вполнѣ заступаетъ его мѣсто. При покупкѣ и продажѣ, при взятіи чего либо въ долгъ и при отдачѣ взятаго, она заключаетъ условія, и всѣ ея договоры остаются священными для семьи и по возвращеніи хозяина, какъ будто-бы распоряжалась не она, а онъ самъ.

Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, болгарскія женщины не играютъ роли рабынь, какъ въ другихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи, напр. въ селахъ близъ Тернова, женщины обыкновенно работаютъ больше мужчинъ и находятся у нихъ въ нѣкоторой зависимости, но большею частью здѣсь полная равноправность. И это естественно: въ болгарскомъ народѣ, какъ мужчины, такъ и женщины, всѣ необыкновенно дѣятельны и трудолюбивы и поэтому къ доброй, работящей женѣ не только крѣпко привязанъ ея мужъ, но она въ большомъ почетѣ у всѣхъ членовъ семьи.

Но если женщина здѣсь не въ такомъ униженіи, какъ въ Черногоріи и Сербіи (въ Черногоріи всѣ домашнія, полевыя и черныя работы исполняютъ женщины, а мужчина только сражается и стережетъ семью отъ вражескихъ нападеній; въ Сербіи хотя мужчины и работаютъ, тѣмъ не менѣе женщина тамъ раба въ полномъ смыслѣ этого слова), за то тутъ, т. е. въ Болгаріи, огромное вниманіе обращаютъ на возрастъ. По возрасту сидятъ за столомъ, по возрасту въ торжественныхъ случаяхъ подходятъ къ домачину, строго по возрасту назначаются работы, по возрасту даже женятся. Сначала женится обык

повенно старшій братъ, а послѣ него уже слѣдующій за нимъ; если старшій, по какой нибудь причинѣ, совершенно не можетъ вступить въ бракъ, то женится опять таки слѣдующій за нимъ по годамъ. При этомъ вступающій въ бракъ непремѣнно долженъ попросить на это позволенія у своего старшаго брата и безъ его согласія бракъ не можетъ быть совершенъ даже и тогда, когда этого хотятъ родители. Тоже и съ дѣвушками: сначала выходитъ старшая, потомъ младшая.

Вся недвижимость, т. е. земля и дворъ,—собственность всей общины. На нее имѣютъ право и будущіе члены общины; но всякій членъ, кромѣ того, можетъ имѣть и свою отдѣльную собственность. Когда всѣ дѣла улажены, тогда каждый можетъ располагать своимъ временемъ, идти на заработокъ, брать къ себѣ работу и всѣмъ, что онъ при этомъ получитъ, онъ можетъ распоряжаться безъ вѣдома дядо.

Точно также и женщины. Правда, онѣ не ходятъ на заработки, но за то каждая изъ нихъ имѣетъ въ общинѣ свой собственный садъ или огородъ: тутъ она сажаетъ цвѣты, фруктовыя деревья, зелень. Все, что она получаетъ изъ этого сада, она можетъ продавать въ свою пользу, а полученныя деньги прячетъ про черный день или нанизываетъ серебряныя и золотыя монеты на нитку; такимъ образомъ устроиваетъ себѣ ожерелье и очень любитъ носить на шеѣ это украшеніе.

Когда дядо или баба умерли, или такъ устарѣли, что не могутъ уже распоряжаться, тогда члены выбираютъ себѣ домачиномъ самаго способнаго и работящаго изъ его сыновей.

Въ городахъ, разумѣется, уже гораздо меньше патріархальности. Семьи бываютъ не такъ велики, такъ какъ по смерти отца братья обыкновенно выражаютъ желаніе раздѣлиться. Но гдѣ бы то ни было, въ городѣ или въ селѣ, главное богатство болгарскаго простолюдина въ мѣдной посудѣ, и въ каждомъ богатомъ домѣ вы найдете ея болѣе тридцати пудовъ. Какъ эта посуда, такъ и всѣ пашни, луга и скотъ дѣлятся между братьями. Меньшій изъ нихъ получаетъ обыкновенно домъ и всю посуду и за то обязанъ кормить мать, а незамужнихъ сестеръ выдать замужъ и дать имъ приданое. Такіе раздѣлы происходятъ мирно, спокойно, съ полною довѣренностію другъ къ другу, и судебныя власти почти никогда не вмѣшиваются въ это дѣло.

Внѣшняя обстановка болгаръ, въ большинствѣ случаевъ, чисто восточная, турецкая. Если болгаринъ немного посостоятельнѣе, его комната устлана тоже коврами, а вдоль стѣны идутъ диваны, а еще чаще — широкія лавки съ тюфяками, покрытыя цвѣтной матеріей. Но, бѣденъ или богатъ хозяинъ, вездѣ царствуетъ необыкновенная чистота. Въ кухнѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ кофейникъ, чашки, кострюли, а въ углу порожній *мангалъ* (*). Болгарина по одеждѣ не легко отличить отъ турка; платье его похоже на турецкое: такія же шаровары, куртка, чулки, башмаки, фесъ или чалма. Словомъ, что носятъ турки, то носятъ и болгары. Скорѣе болгарина отъ турка можно различить по лицу. Болгары всѣ брѣютъ бороду, оставляя усы; а у турокъ длинная борода. Болгаринъ скромный, но живой по виду, а турокъ тупой и чванный.

Впрочемъ, европейское вліяніе даетъ себя чувствовать и здѣсь: молодое поколѣніе уже начинаетъ мѣнять, конечно при средствахъ, турецкій костюмъ

(*) Мангалъ — это мѣдный, или желѣзный тазъ на трехъ ножкахъ, въ которомъ горятъ угли; вокругъ него обыкновенно собираются болгары въ холодные дни и грѣютъ ноги.

на европейскій и вообще принимать видъ европейцевъ, исключая фески, съ которою они разстаются съ большимъ трудомъ. Также какъ и наши предки славяне, они чрезвычайно гостепріимны. Кто бы ни вошелъ къ нимъ, если только это не турокъ или грекъ, ему тотчасъ подносятъ кофе и приглашаютъ къ мангалу. Затѣмъ подаютъ на подносѣ *глико*, т. е. варенье, орѣхи, пряники, и посреди этихъ лакомствъ непремѣнно стоитъ графинъ съ *ракіей* (водкой).

Этою мирною жизнію въ семьѣ болгаринъ больше всего обязанъ женѣ— необыкновенно кроткому, веселому и трудолюбивому созданью. А что за красавицы эти болгарки! Черныя, густыя брови дугой, смуглое лицо, легкій станъ, живость движенія, обычная у южной женщины, черная, или русая головка съ прядями необыкновенно длинныхъ и густыхъ волосъ — вотъ вамъ болгарская дѣвушка! Особенно замѣчательны ихъ длинные волосы, которые у большей части изъ нихъ буквально бываютъ до пятокъ, сплошь покрываютъ имъ спину и иногда даже волочатся по землѣ; волнистыя пряди ихъ, какъ змѣи, извиваются между зеленью и роскошными цвѣтами луговъ въ то время, когда онѣ, нагнувшись, работаютъ. Особенно одинъ болгарскій городокъ, Коприщица, славится своими красавицами, такъ что турки зовутъ его *авратъ-аллянъ*, т. е. женская красота. Когда вы познакомитесь съ болгаркой, ея нравственныя качества поразятъ васъ еще больше, чѣмъ ея красота. Вы не мало подивитесь, что неграмотная, необразованная женщина, какими вы найдете всѣхъ болгарокъ, съ такимъ живымъ, осмысленнымъ участіемъ относится ко всѣмъ своимъ соплеменникамъ, съ которыми она готова всегда подѣлиться послѣднимъ кускомъ хлѣба: такъ страстно любитъ она свою родину и столько у нея природнаго ума и соображенія! Она зачахнетъ съ тоски, когда паша, что случается здѣсь нерѣдко, уводитъ силою или похищаетъ ея дочку въ свой гаремъ. Болгарка знаетъ, что съ ней вмѣстѣ или въ замужествѣ за болгариномъ она должна была бы вѣчно работать, теперь же она будетъ въ холѣ и нѣгѣ. Что еще важнѣе для ея хозяйственныхъ соображеній, семейство будетъ теперь избавлено отъ обирательства и грабежа паши. Но ей ничего не нужно, она никогда не руководится въ этомъ случаѣ корыстолюбивыми разсчетами и была бы самая счастливая въ мірѣ, если бы теперь вернули ея милую дочку, пусть даже за это ненавистный турокъ еще злѣе оберетъ её. Она чахнетъ безъ дочки, но тутъ играетъ роль не одно материнское чувство.... Какъ? Жена врага, притѣснителя и угнетателя родины! Можетъ, соблюдаетъ и *поганые* обычаи?—Вотъ что возмущаетъ ея душу. Необыкновенно кроткая болгарка теперь кипитъ злобою и местію. Съ горячею мольбою на колѣняхъ, она въ такую минуту вдохновитъ всякаго къ мщенію, а сама отводитъ душу тѣмъ, что, схвативъ маленькаго сына на колѣни, звучнымъ, но порывистымъ отъ волненія голосомъ напѣваетъ: «Сынку! рости порости! Кату-си, сынку поростешъ, царство-то си да оторвешъ отъ чуждѣ руцѣ погански, что царство-то тіе баштино, баштино сіе те и майчино!»

Да, болгарка не только мать, но она и гражданка, насколько, разумѣется, она можетъ быть ею при ея положеніи! Какъ болгарка умѣетъ отдаваться ненависти и любви, точно такъ же вся отдается она своей работѣ, веселью и пѣснямъ въ своихъ хороводахъ и играхъ. Всякое свое дѣло она сопровождаетъ пѣснею, всѣ свои чувства выливаетъ она въ пѣсни, свою радость и веселье дѣлитъ непремѣнно съ подругами, которыя, собравшись вмѣстѣ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни. Самое любимое занятіе сельскихъ дѣвушекъ — сборъ винограда осенью. Для этого приходятъ дѣвушки изъ разныхъ сосѣднихъ селъ,

и тутъ ихъ костюмы бываютъ особенно разнообразны, но чаще всего онѣ одѣты въ бѣлоснѣжныя юбки, сверху которыхъ подвязано два передника: одинъ сборчатый сзади, другой гладкій спереди, и оба они разныхъ цвѣтовъ. Бѣлая, стянутая поясомъ, рубашка вся обшита красными и синими шнурками, очень напоминающими рубашки нашихъ малороссокъ; на шеѣ—красное коралловое ожерелье, или нанизанныя монетки и бусы; головы покрыты или бѣлымъ платкомъ, или убраны вѣнкомъ изъ виноградныхъ лозъ, а то длинныя распущенныя косы иногда сплошь унизаны разными раковинами, перевиты ленточками, бусами, старинными деньгами и т. п.; на нѣкоторыхъ сверхъ платья накинуто еще что то въ родѣ нашей длинной кофты, обшитой мѣхомъ. На рукахъ почти у всѣхъ тяжелые, мѣдные, блестящіе браслеты и огромныя серьги въ ушахъ.

Собирая виноградъ, дѣвушки поютъ разныя пѣсни; сначала поетъ одна деревня, потомъ другая и такимъ образомъ поютъ онѣ до тѣхъ поръ, пока выскажутъ все, что есть въ ихъ жизни веселаго или печальнаго. Въ заключеніе они обращаются съ пѣснею къ хозяину виноградника: если онъ холостъ, зачѣмъ не женится, если женатъ и у него дѣти, зачѣмъ ихъ не женитъ и т. п. Тутъ же телѣга виноградаря нагруженная полными бочками, спускается внизъ къ селу, а дѣти съ раскраснѣвшимися личиками бѣгутъ за нею и весело кричатъ. Тамъ другой перевозчикъ, облокотившись на ярмо вола, готовится послѣдовать за первою телѣгою.

Во многихъ мѣстахъ Турецкой имперіи, населенныхъ славянами, молодыя женщины и дѣвушки собираются всѣмъ міромъ, чтобы общими силами скорѣе покончить какое нибудь дѣло—это называется *помогало*. Тутъ женщины дружно работаютъ другъ передъ другомъ, выказывая свою ловкость и быстроту въ работѣ, и въ то же время поютъ, угощаются и пляшутъ.

Вообще болгарки хорошія работницы: онѣ прядутъ необыкновенно тонкія пряжи, работаютъ въ поляхъ и ведутъ довольно большое домашнее хозяйство.

Главное занятіе мужчинъ — земледѣліе. Тѣ что живутъ въ горныхъ мѣстахъ, больше всего занимаются овцеводствомъ, а въ Добруджѣ — коневодствомъ. Каждый селянинъ имѣетъ нѣсколько овецъ, коровъ, буйволовъ, козъ и лошадей. Скотъ пасетъ обыкновенно сельскій пастухъ или дѣти самого хозяина.

Въ праздничныхъ обрядахъ болгаръ какъ и другихъ славянъ, сохранилось много древнихъ, языческихъ обычаевъ. Вотъ какъ они празднуютъ святки. Только что наступитъ 20-е декабря, все поднимается на ноги, почти въ каждомъ домѣ бьютъ свиней, (когда бродитъ у двора нѣсколько свиней, то уже по одному этому можно навѣрно сказать, что тутъ живутъ не турки, а болгаре, — магометанскій законъ запрещаетъ ѣсть свинину), дѣлаютъ колбасы; бѣлятъ избы красной и бѣлой глиной, а кто позажиточнѣе, известью; моютъ полы, стираютъ, метутъ и проч. Такая работа продолжается до самаго сочельника, день, съ котораго у нихъ и начинаются святки и продолжаются до 8 января. Въ продолженіи этихъ четырнадцати дней веселыя пѣсни, хороводы, звуки скрипокъ, волынокъ, свирѣлей несутся отовсюду и не умолкаютъ съ утра до утра. Да и можетъ ли быть иначе? Болгарка, если только она здоровая дѣвушка, даже и въ будни не можетъ жить безъ пѣсенъ и плясокъ, а на то и праздники, чтобы больше веселиться, шумнѣе, рѣзвѣе проводить ихъ, чѣмъ обыденные дни.

Утромъ на канунѣ Рождества женщины еще до восхода солнца идутъ

на рѣку съ пѣснями, останавливаются у воды, пляшутъ и наконецъ наливаютъ воду въ котлы, бросая туда сухіе цвѣты, пшеницу и ячмень. Возвращаются онѣ домой и замѣшиваютъ на этой водѣ хлѣбъ, въ которомъ обыкновенно зепекаютъ золотую или серебряную монету. Отъ хлѣба этого вечеромъ каждый отломитъ себѣ кусочикъ, и, кому достанется монета, тотъ будетъ самымъ счастливымъ въ семействѣ.

Когда начинаютъ печь хлѣбъ и готовить кушанье для вечера, старшій въ домѣ выходитъ на дворъ съ зажженною лучиною въ рукахъ; за нимъ идетъ вся семья тоже съ зажженными лучинами. Тутъ они поднимаютъ дубовое полѣно, снимаютъ шапки и читаютъ молитву: «Христосъ рождается славите». Затѣмъ вносятъ это дерево въ домъ, кладутъ его на огонь и опять читаютъ молитву «Христосъ са роди»; «истинно са роди», отвѣчаютъ, и вся семья цѣлуется другъ съ другомъ. Тутъ же кто нибудь беретъ обгорѣлое полѣно и ударяетъ имъ о печь. Если посыпется послѣ перваго удара много искръ, они принимаютъ это за знакъ того, что этотъ годъ у нихъ родится много лошадей; искры отъ втораго удара—предсказываютъ плодовитость коровъ; третій ударъ обѣщаетъ много овецъ и т. д. Оставшійся кусокъ отъ дерева зарываютъ въ виноградникъ, чтобъ былъ урожай. Но вотъ и вечеръ: на чисто накрытомъ столѣ ставятъ множество кушаньевъ, посреди стола стоитъ *боговица* (прѣсный хлѣбъ) съ запеченой монетой. Вокругъ должны стоять девять кушаньевъ вареныхъ и множество овощей. И чего, чего тутъ нѣтъ: фасоли, бобы, виноградный медъ, яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, стручки, виноградъ, орѣхи, и непремѣнно графинъ съ виномъ и съ ракіей. Когда все стоитъ на столѣ, отецъ семейства беретъ кадильницу и кадитъ вокругъ стола, читая молитвы, потомъ онъ ломаетъ горячую боговицу на мелкіе куски, которые обмакиваетъ въ медъ и раздаетъ всѣмъ по старшинству, а оставшимся медомъ мажутъ ворота, конюшни, хлѣва, курятники и т. д. Лишь только отъужинаютъ, какъ въ комнату стучатъ палками и наконецъ входятъ старики и поютъ пѣснь, оканчивающуюся припѣвомъ: «Ой коледо, мой коледо». Стариковъ этихъ угощаютъ закуской и виномъ, а они между тѣмъ зорко посматриваютъ въ разныя стороны, чтобы какъ нибудь украсть одну изъ развѣшанныхъ для сушки колбасъ. Тотъ, кто украдетъ колбасу, такъ что его никто не замѣтитъ, будетъ весь годъ счастливымъ человѣкомъ. Кому удается это воровство, тотъ кричитъ: мяу, мяу, и съ хохотомъ бросается вонъ изъ комнаты; на него сыпятся шутки, остроты. Такъ продолжается до самой заутрени.

Въ первый день послѣ обѣдни—праздникъ дѣтей и священниковъ. Они тоже ходятъ, стучатся во всѣ двери, славятъ коледу и поютъ духовныя пѣсни. Въ каждомъ домѣ, гдѣ они пропоютъ, имъ даютъ фрукты и деньги. Отецъ семейства послѣ обѣдни беретъ мѣру пшеницы, ставитъ ее на столъ и втыкаетъ въ пшеницу столько зажженныхъ свѣчей, сколько членовъ въ домѣ; ходитъ съ кадильницею, кадитъ и поетъ молитвы. Первые три дня рождества болгарки ежеминутно выскакиваютъ за дверь, зазываютъ къ себѣ всѣхъ чужестранцевъ и бѣдныхъ и угощаютъ ихъ всѣмъ, что только есть у нихъ самихъ. Каждый вечеръ праздника принадлежитъ молодежи и его то они ждутъ не дождутся. Лишь только отужинаютъ, дѣвушки опрометью бѣгутъ на улицу, на какую нибудь площадку и съ криками созываютъ подругъ пѣть и плясать. Къ нимъ выносятъ котелъ съ водою, въ этотъ котелъ дѣвицы и парни съ пѣснями бросаютъ кто кольцо, кто браслетку, или другую какую нибудь вещь. Этотъ котелъ съ водой и вещами уноситъ къ себѣ на ночь

В Васнецов
М. Рашевский

одна изъ дѣвицъ, которую тутъ же выбираютъ подруги, называя ее *царицей солнца*; она должна быть съ русыми волосами, имѣть голубые глаза и быть не старше 16 лѣтъ.

Послѣ того, какъ унесутъ котелъ, начнутся хороводы, разныя игры, веселыя пѣсни, крики, смѣхъ—словомъ у каждаго раскроется сердце на распашку. Мужчины выходятъ со скрипками, балалайками и играютъ всѣ разомъ. За тѣмъ всей гурьбой отправляются по домамъ, напѣвая пѣсни хозяевамъ; если хозяинъ портной, восхваляютъ его ремесло, если онъ священникъ—его службу и санъ, если хозяинъ холостъ, то его спрашиваютъ за чѣмъ онъ не женится. Хозяева выходятъ къ молодежи и раздаютъ дѣвушкамъ короваи и фрукты, а парнямъ деньги. Ужъ далеко за полночь разойдутся дѣвушки по домамъ и тогда начинаютъ гадать между собою на всякіе лады. На другой день вечеромъ вносятъ къ веселящимся котелъ, опускаютъ туда отруби, чтобы вода помутилась и нельзя было бы различить вещей. Затѣмъ дѣвицы становятся въ кругъ и начинаютъ водить хороводъ; чья будетъ вещь, поютъ они, тотъ будетъ бояриномъ или та выйдетъ замужъ за боярина. «Царица солнца» вынимаетъ первую попавшуюся подъ руки вещь и вѣшаетъ ее на деревѣ. Такъ поютъ разныя куплеты, пока не вынутъ всѣ вещи, слѣдовательно, пока не кончатся всѣ гаданія.

Гадать болгарки любятъ такъ же, какъ и наши рускія дѣвушки и гадаютъ онѣ не только въ святки, но и въ цвѣтную или Лазареву недѣлю, такъ называется у нихъ шестая недѣля великаго поста. Эту недѣлю болгарки также встрѣчаютъ и провожаютъ пѣснями, припѣвками и гаданьями. Всю эту недѣлю днемъ болгарки собираются подъ тѣнью только что распустившагося грецкаго орѣшника или цвѣтущей бѣлыми цвѣтами груши; въ рукахъ у нихъ работа. Въ продолженіе ея всѣ женщины и дѣвушки сообща работаютъ приданое для обрученныхъ невѣстъ своей деревни, поютъ вмѣстѣ Лазаря и даютъ другъ другу клятву на топорѣ, хлѣбѣ, соли и углѣ, что онѣ на будущаго Лазаря соберутся дѣвушками, т. е. не выйдутъ замужъ и такъ же будутъ водить хороводы и пѣть пѣсни. При этомъ онѣ разводятъ огонь, перескакиваютъ черезъ него и произносятъ разныя заклинанія.

Свадебные обряды и пиршества.

Не даромъ говоритъ болгаринъ: «кой то ся жене за паря, той ся продава», то есть, кто беретъ себѣ жену изъ за денегъ, тотъ себя продаетъ. И дѣйствительно, въ брачныхъ дѣлахъ у болгаръ, деньги рѣже, чѣмъ у кого-то ни было, входятъ въ разсчетъ. Раньше, чѣмъ дѣвушка вступаетъ въ бракъ, она имѣла много случаевъ познакомиться съ юнакомъ (молодцомъ). Много вмѣстѣ они плясали, играли, видѣлись на посидѣлкахъ. Это много способствуетъ къ мирной, тихой, семейной жизни болгаръ.

Въ то время, когда у ихъ сосѣдей сербовъ мужъ относится къ женѣ, какъ строптивый господинъ къ презираемой рабѣ, болгаринъ не начнетъ никакого дѣла, не посовѣтовавшись съ своею женою, и въ большинствѣ случаевъ обходится съ ней, какъ равный съ равнымъ. Люди, вступающіе въ бракъ, обыкновенно бываютъ одного и того же возраста. Если юнаку уже двадцать пять лѣтъ и онъ еще не женатъ, ему просто проходу нѣтъ на селѣ: дѣвушки подсмѣиваются и вслѣдъ ему поютъ пѣсни, какъ плохо добру

молодцу безъ подруги жить, а старые подтрунивають, что онъ такъ долго не приглянулся красной дѣвицѣ. Поэтому и женятся очень рано. Очень часто невѣста бываетъ даже старше жениха, потому что родители и старые люди разсуждаютъ такъ, что въ молодость свою она должна поработать для дома, въ которомъ родилась и выросла. Если она выходитъ за мужъ слишкомъ молодою, женихъ платитъ за нее родителямъ, чтобы нѣсколько вознаградить ихъ за потерю работницы; впрочемъ это бываетъ не всегда.

Свадьба у болгаръ сопровождается всевозможными пиршествами еще за цѣлую недѣлю до брака и добрыхъ пять, шесть дней послѣ брака. И въ каждый день свои особыя церемоніи, торжества и обряды, въ каждой мѣстности свой норовъ, свой порядокъ церемоніямъ. Но вездѣ однако за нѣсколько дней до брака совершается обрядъ, называемый *заспѣкою*. Между всѣми славянами только у однихъ болгаръ существуетъ этотъ обрядъ.

Въ назначенный день собирается множество гостей и родственниковъ въ домѣ жениха. Это бываетъ утромъ. Посреди избы стоятъ три скамьи и на каждой изъ нихъ — по ситу и по корыту. Когда всѣ собрались, начинаютъ пѣть, но какъ то особенно торжественно и протяжно. Вскорѣ изъ толпы выдѣляются три дѣвушки съ мукою, каждая подходитъ къ одному изъ корытъ и начинаютъ просѣвать муку подъ звуки пѣсни. Къ нимъ подходитъ маленькій мальчикъ, одѣтый по праздничному, бросаетъ соль въ каждую кучу муки и наливаетъ воду. Дѣвушки мѣсятъ тѣсто и дѣлаютъ хлѣбъ и калачъ, сажаютъ въ печку и при этомъ все поютъ и поютъ. Когда хлѣбы готовы, женщины сажаютъ жениха на скамью, развязываютъ ему поясъ, одинъ конецъ набрасываютъ на глаза черезъ голову, младшая сноха разламываетъ надъ его головою *меденикъ* (калачъ обмазанный медомъ) и вымазанными медомъ руками мажетъ его по лицу, приговаривая: «Любите да жалуйте другъ друга, какъ пчела медъ». Затѣмъ она разламываетъ калачъ на мелкіе куски и разноситъ всѣмъ гостямъ, которые тотчасъ запиваютъ его виномъ изъ серебрянной чарки. Такія чарки можно найти у каждаго селянина въ Болгаріи; онѣ употребляются только въ торжественныхъ случаяхъ и передаются въ наслѣдство отъ отца дѣтямъ. Вечеромъ того же дня у жениха и у невѣсты, у каждаго изъ нихъ порознь справляется, вечеринка, которая, вѣроятно, по этому и называется *раздѣлна вечера*. На этой вечеринкѣ женихъ прощается съ своими друзьями: онъ уже теперь переходитъ въ разрядъ женатыхъ людей. Вечеринки эти особенно любимы молодежью. На нихъ исключительно собираются дѣвушки и юнаки, все народъ неженатый; старики и даже молодыя замужнія женщины сюда не допускаются. Смѣху, веселью да остротамъ и конца нѣтъ!

Пиръ этотъ особенно оживляется послѣ ужина. Дѣвушки прямо изъ за стола бросаются прятать ухваты и рожны, чтобы мужчинамъ нечѣмъ было мѣшать уголья; мужчины начинаютъ мѣсить хлѣбы. Но прежде, чѣмъ приняться за дѣло, долго розыскиваютъ кухонные снаряды. Кто ничего не нашелъ, обмазываетъ руки тѣстомъ, разрываетъ жаръ, разбиваетъ уголья какой нибудь палкой и бросаетъ въ печку калачъ. Испеклись калачи, всѣ сразу бросаются ихъ доставать, хватаютъ прямо руками, обжигаются, другъ надъ другомъ острятъ и грозятъ не подѣлиться калачемъ съ той дѣвушкой, которая лучше всѣхъ припрятала ухваты.

Въ то же время справляется вечеринка и у невѣсты. Сюда не допускаютъ ни мужчинъ, ни замужнихъ женщинъ, а присутствуютъ только подруги, которыя и поютъ ей все время разныя подходящія къ этому случаю пѣсни.

Наканунѣ свадьбы у жениха собирается вся родня и торжественно, при *всей честной компаніи, убиваютъ быка для свадебнаго пиршества*; при этомъ быку украшаютъ голову и рога цвѣтами и вѣнками и поютъ ему пѣсни.

Въ воскресенье справляется самая свадьба. Женихъ вмѣстѣ съ своими гостями отправляется къ невѣстѣ, чтобы вести ее подъ вѣнецъ. Пришли они въ невѣстинъ домъ, но невѣста окружена роднею и стоитъ посреди комнаты, держа въ рукахъ рѣшето съ сѣменами. Комната заперта, ее даже стерегутъ и, при приближенія жениха, оттуда раздается пѣсня: «Откупайте сноху девери, дорога сноха, цѣнна она»... Девери бросаютъ нѣсколько монетъ привратникамъ и двери отворяются. Въ эту минуту къ невѣстѣ подходитъ посаженая мать, надѣваетъ на голову вѣнокъ изъ вѣтвей, а свекровь серебрянное украшеніе и невѣсту подводятъ къ жениху. Затѣмъ имъ подаютъ поясъ, за который кромѣ жениха и невѣсты держится еще и деверь, а женщины при этомъ берутъ зажженныя свѣчи и поютъ пѣсни. Наконецъ всѣ отправляются въ церковь, гдѣ долженъ совершиться обрядъ вѣнчанія.

Когда невѣста выйдетъ изъ церкви, то золовки разсыпаютъ ей подъ ноги жито и мелкія деньги. Но вотъ свадебный поѣздъ возвратился изъ церкви и приблизился къ дому жениха. Его родители встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ солью и просятъ ихъ сойти съ телеги. Молодые не трогаются съ мѣста, а только кланяются. «Тогда отецъ обѣщаетъ подарить нѣсколько овецъ, коровъ, коней, виноградникъ и т. п.» Обѣщанія строго соблюдаются. Мать при этомъ даритъ какое нибудь украшеніе молодой невѣсткѣ. Когда молодая сошла съ телѣги и дошла уже по разостланному холсту до порога, то ей подаютъ сосудъ съ медомъ и вѣнокъ изъ цвѣтовъ; медомъ мажетъ она всѣ пороги, пока не дойдетъ до горницы. Старые люди говорятъ, что она должна это дѣлать для того, чтобы ее полюбили новые родные. При входѣ молодыхъ въ горницу, имъ подаютъ по ребенку: мужу мальчика, а женѣ дѣвочку. Молодые цѣлуютъ дѣтей, гладятъ ихъ по лицу и по головкѣ и дарятъ имъ плоды, которыя имъ тутъ же подносятъ.

Нѣсколько дней послѣ свадьбы по вечерамъ бываютъ пиры, а днемъ невѣста должна исполнять одинъ за однимъ какой нибудь предписанный ей обрядъ.

Одинъ день она должна передъ своими новыми родными вымести избу, мыть посуду и наконецъ замѣсить калачъ. Во все время ея работы, подсмѣиваются надъ ея неопытностью въ этихъ дѣлахъ. Въ другой разъ ее отправляютъ къ колодцу за водой. Всѣмъ, кого бы она ни встрѣтила на дорогѣ, она должна поцѣловать руку. Когда она приходитъ къ колодцу, то сперва обходитъ его кругомъ и при этомъ высыпаетъ по дорогѣ изъ рукавовъ просо, а въ самый колодезь бросаетъ монету, которую приноситъ изъ дому во рту.

ЧЕРНОГОРІЯ.

Природа страны.—Недостатокъ проточной воды.

Страна, называемая туземцами Црна-гора, иностранцами — Монте-негро и нами—Черногорія, занимаетъ около 100 квадр. географическихъ миль. Она дѣлится на собственную Черногорію и Бердь (Брдъ), впослѣдствіи къ ней присоединившуюся. Какъ собственная Черногорія, такъ и Бердь, каждая дѣлится на четыре нахіи, или округа. Большая часть собственной Черногоріи, а именно девять десятыхъ ея пространства, занимаютъ высокія горы, разбросанныя неправильными глыбами, горы совсѣмъ не производительныя и нагія, лишенныя не только всякой растительности, но даже и воды. Нѣкоторыя нахіи (округи), напримѣръ: Катунская, занимающая почти половину всей Черногоріи, совершенно лишена проточной воды. Трудно представить, какимъ страшнымъ бѣдствіямъ была бы подвержена страна отъ этого недостатка, если бы нѣсколько не выручали ее снѣгъ, который всегда бываетъ на нѣкоторыхъ вершинахъ, пади (бездны недосягаемой глубины) и множество пещеръ въ горахъ.

Дождю жители радуются здѣсь, какъ величайшему благодѣянію, и собираютъ дождевыя капли въ цистерны. Бѣда, когда лѣтомъ начинаются здѣсь жары: жители мечутся изъ стороны въ сторону, не знаютъ, какъ напоить домашній скотъ, который въ это время отъ недостатка питья и отъ зноя обнаруживаетъ страшное безпокойство. Тогда всѣ бросаются на возвышенныя мѣста, взлѣзаютъ на высокія горы, собираютъ тамъ снѣгъ въ углубленіяхъ, даютъ ему таять и поятъ стада. Недостатокъ воды—одна изъ главныхъ причинъ раздоровъ между жителями. Черногорцы раздѣляются на нѣсколько племенъ, которыя, какъ мы увидимъ ниже, почти всегда враждуютъ между собою. Во время этихъ жаровъ одно племя оспариваетъ обыкновенно у другаго свое право пользоваться тѣмъ или другимъ источникомъ. При этомъ каждое утверждаетъ, что источникъ открытъ впервые членомъ ихъ племени, и потому только ихъ племя можетъ имъ пользоваться: обмѣниваются бранью, остротами, которыя оканчиваются иногда поединками.

Въ эти жары воду также можно добывать изъ подземныхъ рѣкъ, прорѣзывающихъ Черногорію въ различныхъ направленіяхъ. Вообще подземная жизнь

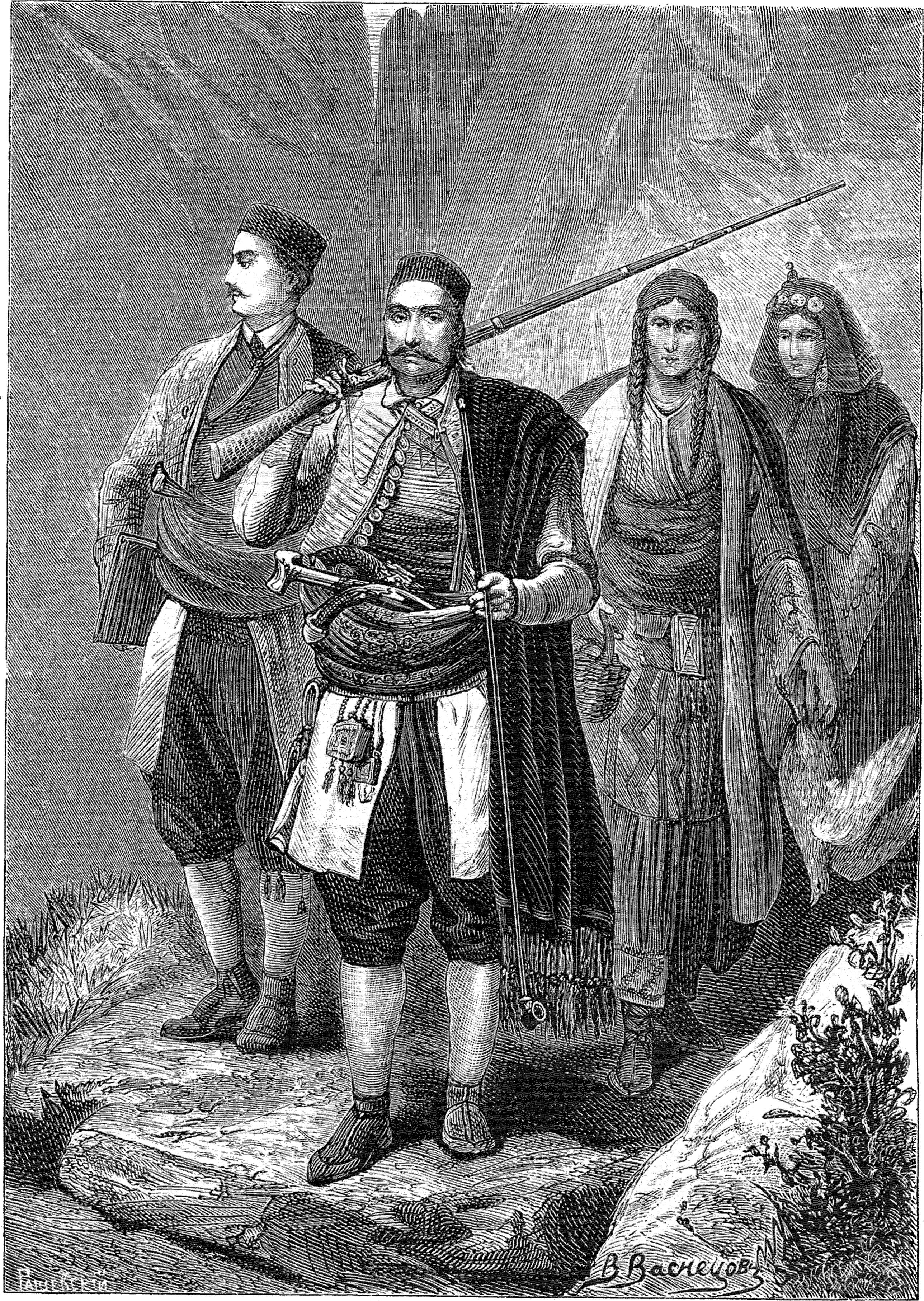
обнаруживается здѣсь съ большою силою и играетъ въ странѣ не малую роль. Здѣшнія горы испещрены пещерами и нѣкоторыя изъ нихъ до того обширны, что въ нихъ нерѣдко можно полюбоваться прелестными озерками и водопадами, по другимъ же протекаютъ рѣки, которыя очень часто имѣютъ сообщенія съ горными потоками и даже съ моремъ. Объ этихъ пещерахъ въ народѣ ходитъ много розсказней: одни утверждаютъ, что онѣ населены *вилами* (добрые духи), другіе стоятъ на томъ, что тутъ живетъ нечистая сила — *демоны*. Такое различное представленіе о пещерахъ понятно, такъ какъ онѣ и приносятъ пользу, и пугаютъ воображеніе. Во время войнъ пещеры эти представляютъ туземцамъ вѣрное убѣжище, въ которомъ ихъ низачто не отыщетъ непріятель; а случается также, что онѣ приводятъ жителей въ трепетъ своимъ подземнымъ гуломъ.

Во время грозы и бури, когда горные потоки водопадами ниспадаютъ въ пещеры и пропасти, когда провалы (попоры), которыхъ тутъ тоже очень много, переполняются водою и вскипаютъ, по всей Черногоріи слышится подземный гулъ, сливающійся съ отдаленнымъ горнымъ эхомъ. Бездны недосягаемой глубины, страшные провалы, громадныя пещеры, высокія голыя скалы, все это, разумѣется, мало можетъ способствовать къ обогащенію жителей. Не смотря на это, здѣсь попадаются прелестныя мѣстности. Почти вся Церничская нахія отличается плодоносными равнинами и роскошною растительностію. Бердь занимаетъ сѣверную, самую возвышенную, часть Черногоріи; горы Берди идутъ болѣе правильными грядами и въ этой части Черногоріи гораздо болѣе плодородныхъ, горныхъ равнинъ.

Каттарскій заливъ.—Промышленность, торговля и занятія народа. — Черногорка: ея наружность, одежда и положеніе въ семьѣ. — Черногорецъ: его образъ жизни, понятія и отношенія къ женщинѣ.

Нѣсколько выше 42 градусовъ сѣверной широты, въ восточный берегъ Адріатическаго моря врѣзывается заливъ Каттаро, при которомъ находится небольшой городокъ того же имени. Каттарскій заливъ скорѣе походитъ на одинъ изъ фіордовъ Норвегіи, чѣмъ на какую нибудь изъ гаваней южной Европы. Заливъ этотъ можно также назвать каналомъ, такъ какъ онъ нѣсколькими изгибами обходитъ вершины горъ и однимъ изъ своихъ пунктовъ касается небольшаго городка Каттаро, прилѣпленнаго къ голой скалѣ, точно гнѣздышко маленькой птички. Въ этомъ каналѣ насчитываютъ четыре большихъ и девять маленькихъ бухтъ, или, лучше сказать, весь каналъ составляетъ бухту, такъ превосходно укрытую, что морякамъ нечего опасаться здѣсь какого бы то ни было урагана; въ то же время вода здѣсь на столько глубока, что суда могутъ доходить до самаго берега. Все побережье каттарскаго залива находится въ рукахъ Австріи, за исключеніемъ узкой полосы на сѣверѣ, которая принадлежитъ Турціи. Видъ съ залива чрезвычайно дикій и живописный! Тутъ, куда вы ни обернетесь, всюду возвышаются высокія сѣроватыя горы, хотя впрочемъ между ними и мало острыхъ пиковъ. Большая часть этихъ горъ необыкновенно мрачны, пустынны и почти совсѣмъ обнажены, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ на высокихъ вершинахъ, на которыхъ видны полосы темнаго лѣса, кажущагося издали чернымъ, почему страна эта и получила названіе Черногоріи. Хотя вершины почти всегда обнажены, но по бокамъ

горъ очень часто видны поля маиса, который здѣсь часто достигаетъ необыкновенной высоты. Тамъ и сямъ зелѣнѣютъ лѣса оливковыхъ, фиговыхъ и миндальныхъ деревьевъ; ниже ихъ цвѣтутъ сады и по всей длинѣ канала на двухъ берегахъ его разстилается цѣлый рядъ красивыхъ деревень и веселенькихъ домиковъ. Выше всѣхъ своихъ сосѣдей поднимается Ловчинъ. Эта неприступная гряда горъ и скалъ отдѣляетъ Черногорію отъ всего остальнаго міра. Вверхъ по нимъ идутъ зигзагами уступы, которые и служатъ лѣстницами для подъема въ Черногорію. Достигнувъ подошвы горы, приходится подниматься по этимъ зигзагамъ. Хотя вначалѣ подъемъ очень крутъ, но тутъ дорогу устроило австрійское правительство, и проходить по ней довольно легко. Поднявшись тысячи на полторы футовъ, обернитесь назадъ, и взорамъ вашимъ представится прелестная картина. Вся живописная Каттарская бухта, съ ея берегами и селами, у васъ подъ ногами, а далѣе синева моря, усѣяннаго скалистыми островами, сливается съ лазурью почти всегда безоблачнаго неба. Вы обращаетесь опять къ дорогѣ и передъ вами синѣютъ воды Скутарскаго озера, а за ними торчатъ каменныя громады, вершины которыхъ тамъ и сямъ блестятъ снѣгомъ. Здѣсь кончается австрійская дорога и начинается черногорская. Отсюда вверхъ уже вьется тропинка по расчищеннымъ каменьямъ, иногда въ видѣ ступеней, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до того узкая, что по ней едва можетъ пробраться одна лошадь; иногда по той и другой сторонѣ дороги зіяетъ пропасть, отъ одного вида которой кружится голова. Мѣстами невозможно усидѣть и на привычной здѣшней лошади, и приходится взбираться по выдавшимся каменьямъ, нерѣдко цѣпляясь за колючій кустъ, безпрестанно скользя по осыпямъ. Только пробираясь по этимъ дорогамъ, да насмотрѣвшись, какъ здѣсь перелѣзаютъ съ одной отвѣсной скалы на другую, можно вполнѣ понять, почему европейскіе путешественники, объѣздившіе весь свѣтъ, отлично изучившіе нравы обитателей какихъ нибудь Сандвичевыхъ острововъ, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о черногорцахъ, рѣдко проникаютъ въ этотъ уголокъ, который находится такъ близко отъ нихъ. Между тѣмъ стоитъ только пробраться за нависшую надъ Каттаромъ стѣну Ловчина, и вы въ Черногоріи,—въ этой совершенно особой, самостоятельной странѣ, съ своимъ оригинальнымъ образомъ правленія, гдѣ, точно на подборъ, живутъ все богатыри, какіе водились въ Европѣ, развѣ только въ средніе вѣка. Причину этой самобытности нужно искать въ природѣ страны и въ ея положеніи между другими государствами. Черногорія съ трехъ сторонъ окружена турецкими владѣніями: Герцеговиной, частію Босніи и Албаніей, а съ четвертой — австрійскою провинціею Каттаро. Высокія черногорскія стѣны загородили жителей отъ турокъ, австрійцевъ, отъ всего, что такъ рано сгубило другихъ славянъ. Эти же самые неприступные стѣны горъ, которыя спасли ихъ отъ враговъ, въ то же время совсѣмъ отстранили ихъ отъ остальной Европы, отъ ея интересовъ, идей, открытій, и тѣхъ улучшеній, которыя внесли европейцы въ свою жизнь за послѣднее столѣтіе. Послѣдствіемъ такого отчужденія отъ западнаго образованія, искуствъ и реформъ было то, что черногорцы остановились въ своемъ развитіи на той ступени, на которой они были много столѣтій тому назадъ. Но это отчужденіе имѣло и свою хорошую сторону: оно заставило этотъ народъ сосредоточиться въ самомъ себѣ, жить одними интересами и желаніями. Послѣднее, вѣроятно, больше всего содѣйствовало тому, что черногорцы, иногда съ самыми незначительными силами и численностью въ десять разъ меньшею противъ своихъ враговъ, одерживали бли-


В Васнецов

стательныя побѣды и всегда дрались, какъ одинъ человѣкъ. Разобщенность съ остальнымъ міромъ больше всего принесла вреда ихъ матеріальному положенію. Имъ приходится существовать почти одними своими средствами, ограниченными произведеніями своей земли и самою незначительною торговлею.

Главнѣйшая отрасль промышленности черногорца—скотоводство. Это занятіе совершенно въ нравахъ народа: оно не вызываетъ его ни на какой утомительный черный трудъ, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относится черногорецъ, съ другой стороны оно соединено съ большими опасностями, а это ему больше всего по душѣ. И дѣйствительно, жизнь здѣшнихъ пастуховъ самая опасная: въ то время, когда они вмѣстѣ со скотомъ, иногда далеко отъ своихъ жилищъ бродятъ по горамъ, всего удобнѣе подстеречь ихъ такъ-какъ они удалены отъ своихъ храбрыхъ товарищей. За то и пастухи всегда на сторожѣ: это придаетъ имъ еще болѣе, чѣмъ остальнымъ собратьямъ, беззаботно-геройскій характеръ и презрѣніе къ опасности.

Своихъ воловъ, коровъ, овецъ, козъ и свиней черногорцы впродолженіе цѣлаго года гоняютъ то въ одинъ, то въ другой изъ прилежащихъ городковъ и продаютъ ихъ тамъ. Они получаютъ отъ своего скота и другую выгоду: продаютъ на рынкахъ сушеное мясо, шерсть, сало, сыръ, масло. Послѣ скотоводства, они больше всего промышляютъ разной рыбой, которой иногда налавливаютъ въ одинъ годъ на 20 т. рублей. Между рыбами здѣсь больше всего встрѣчается скоранца, немного по толще сардинки, которую вылавливаютъ въ Скутарскомъ озерѣ. Когда наступаютъ холода и приближается зима, рыба эта громадными массами переходитъ въ озеро изъ рѣки, которая въ него впадаетъ. Въ озерѣ есть мѣста, гдѣ изъ земли бьютъ ключи (эти мѣста называются *око*), и вотъ около нихъ-то и собирается скоранца, такъ какъ температура ключа во время холодовъ выше температуры остальной воды въ озерѣ. Во время холодовъ этой рыбы набирается здѣсь такое множество, что ее черпаютъ точно изъ чана, а иногда ея скопляется столько, что весла, воткнутыя въ воду, стоятъ неподвижно. Тогда стоитъ только закинуть сѣть и ее еле вытаскиваютъ, переполненную рыбою. Эту рыбу сушатъ, солятъ, много оставляютъ для себя, а еще больше отправляютъ въ Далмацію и Италію. Но далеко не всей пойманной рыбою могутъ пользоваться черногорцы: часть улова — собственность черногорскаго князя Николая, другая часть принадлежитъ туркамъ и только одна треть — черногорцамъ. Кромѣ скота и рыбы черногорцы продаютъ въ приморьѣ: медъ и воскъ, такъ-какъ многіе держатъ у себя пчелъ, нитки, куръ, дичь, корзинки, дрова и красильное дерево для окраски тканей. Почти на всѣ деньги, которыя черногорецъ получитъ отъ продажи своихъ сбереженій, онъ покупаетъ на своихъ базарахъ полотно, платки, пояса и всякую мелочь, но больше всего соль, ракію (водка), иногда сахаръ и кофе, а въ голодный годъ и кукурузу. Черногорки не ткутъ сами полотна, а покупаютъ готовое: у нихъ и для хлѣба земли мало, а ужъ подъ ленъ да коноплю и подавно. Сукно же ткутъ сами, но только для своей надобности, а не для продажи. У нихъ есть и свои базары, но вся торговля въ рукахъ жителей Далмаціи и турокъ. Вообще черногорцы народъ бѣдный, но отъ того-ли, что они горды, или потому, что потребности ихъ очень ограничены, вы никогда не услышите отъ нихъ жалобы на свою бѣдность, да въ сущности они ни въ чемъ и не чувствуютъ нужды, развѣ только иногда въ порохѣ. Гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили черногорца, все богатство его всегда при себѣ и на себѣ: въ груди

его бьется мужественное сердце героя, на немъ всегда одѣто самое цѣнное имущество — оружіе. Да какъ ему и не носить оружія, когда онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, когда ему всегда почти приходится съ кѣмъ нибудь драться, защищать свою семью и самостоятельность своей родины. Черногорцы борятся съ турками безъ устали уже четыре столѣтія и въ этой постоянной борьбѣ огрубѣлъ ихъ характеръ, закалилась ихъ природа; они стали необыкновенно воинственны, но въ то же время ихъ жизнь и ихъ умственное развитіе остановились неподвижно. Почти всюду въ Европѣ палъ родовой, патріархальный бытъ, про богатырей разсказываютъ только въ сказкахъ. Въ жизнь всѣхъ европейскихъ народовъ внесено множество усовершенствованій: вся Европа перерѣзана желѣзными дорогами, всюду свистятъ пароходы, проведены телеграфы. Только въ одномъ небольшомъ ея уголкѣ—Черногоріи, все идетъ по прежнему, и она съ ненавистью и презрѣніемъ отталкиваетъ всякое нововведеніе. Черногорецъ не понимаетъ, зачѣмъ ему локомотивы, когда человѣку даны ноги, которыя безъ всякаго труда могутъ подымать его на высочайшія горы, перескакивать пропасти; зачѣмъ телеграфы, когда быстроногія листоноши (листоноши, или книгоноши — это то же, что наши почталіоны) по нѣсколько разъ въ недѣлю доставляютъ письма изъ одного города въ другой. Вслѣдствіе постоянной ходьбы, они привыкаютъ ходить необыкновенно скоро, и могутъ быстро передавать всякія новости. Завернетъ сюда путешественникъ и встрѣтится здѣсь съ формами давно отжившаго въ Европѣ, патріархальнаго быта. Не мало будетъ онъ пораженъ также и поэзіей этого народа. Онъ не найдетъ здѣсь писателей, которые бы оставили по себѣ многотомныя сочиненія. Черногорская поэзія почти вся состоитъ изъ пѣсней, въ которыхъ воспѣваютъ смѣлость и отвагу ратныхъ борцовъ за свободу своей родины. Эта поэзія—созданіе всего народа. Этимъ пѣснямъ выучиваются дѣти еще въ раннемъ возрастѣ и не изъ книгъ, а изъ устъ своихъ вѣчно воюющихъ отцовъ. Такъ давно уже живутъ въ Черногоріи и такимъ образомъ, вѣроятно, долго еще будетъ течь жизнь этого народа, не измѣняясь ни въ чемъ существенномъ. Но о жизни черногорцевъ мы поговоримъ ниже, теперь же возвратимся къ нашему путешествію по черногорскимъ крутизнамъ.

Чѣмъ тяжелѣе непривычному путешественнику взбираться на страшныя крутизны Ловчина, тѣмъ болѣе поражаютъ его черногорцы и особенно черногорки, которыя тутъ попадаются на каждомъ шагу, такъ какъ онѣ изъ Цетиньи торопятся на рынокъ въ Каттаро. Черногорцы идутъ не по дорогѣ, а для сокращенія пути, какъ дикія козы перепрыгиваютъ съ одного остраго камня на другой; при этомъ еще каждая женщина навьючена какой нибудь тяжелою ношею. Согнувшись въ три погибели подъ тяжестью дровъ или сѣна, съ корзинками яицъ въ рукахъ и дичи, онѣ тоже должны перескакивать съ камня на камень. Всѣ эти хозяйственныя сбереженія черногоркѣ удалось сохранить послѣ огромныхъ лишеній, а на базарѣ она получитъ за всѣ свои припасы пятнадцать-двадцать quarantini, около двѣнадцати-четырнадцати копѣекъ; между тѣмъ, чтобы донести эти припасы изъ Цетиньи въ Каттаро, ей пришлось пройти болѣе восьми часовъ по острымъ камнямъ. Несчастная судьба черногорки бросается въ глаза съ перваго взгляда даже и тогда, когда она идетъ подлѣ своего мужа. Она гораздо хуже его одѣта, очень часто босая, а если и есть обувь, то она изъ какого-то грубаго шерстянаго вязанья и изъ длинной кожаной полосы, привязанной къ ногѣ ремнями,—нѣчто вродѣ сандалій. Молодыя дѣвушки носятъ на головѣ шапочки, очень похожія на мужскія, съ тою

только разницею, что онѣ бываютъ изукрашены серебряными монетами. У нѣкоторыхъ волосы заплетены въ двѣ косы, и косы эти висятъ по сторонамъ. Замужнія женщины покрываютъ голову платкомъ, ниспадающимъ на плечи. Если вы встрѣтите женщину въ черномъ платкѣ, она, значитъ, носитъ трауръ; въ противномъ случаѣ она всегда покрыта бѣлымъ. Поверхъ холстинной рубашки накинуто что то въ родѣ бѣлой суконной кофты. Эта кофта стягивается огромнымъ кожанымъ поясомъ, широкимъ, какъ лошадиный хомутъ, съ массивнымъ, мѣднымъ аграфомъ на спинѣ. Этотъ огромный и уже самъ по себѣ тяжелый кушакъ еще тяжелѣе отъ множества камней, которыми онъ выложенъ. Черногорки, какъ и всѣ почти южныя женщины, любятъ носить тяжелыя украшенія: серьги, браслеты, ожерелья, но самое любимое ея украшеніе — кушакъ. У тѣхъ, что побогаче, кушаки покрыты серебряными и вызолоченными бляхами, большая же часть ихъ отдѣланы латунью и украшены сердоликами, халцедонами, ониксами и другими украшеніями. За поясомъ у нихъ заткнутъ ножъ, который онѣ нерѣдко употребляютъ въ дѣло.

Черногорка небольшаго роста, сутуловата и на видъ всегда старѣе своихъ лѣтъ. И немудрено: еще у отца въ ранней молодости она трудилась съ утра до вечера, выполняла всѣ работы и въ полѣ, и дома. Вышла замужъ, и въ домѣ мужа, кромѣ тѣхъ обязанностей, которыя она несла въ родительскомъ домѣ, ей предстоятъ еще обязанности матери. Она не только стряпаетъ, чинитъ, шьетъ, хозяйничаетъ, но единственно на ея отвѣтственности лежитъ и прокормленіе всей семьи въ продолженіе всего года. Черногорецъ считаетъ позоромъ для себя заниматься полевыми или хозяйственными работами, или взяться за какое нибудь ремесло. По его мнѣнію, такая работа пригожа только цыгану, и чтобы нисколько не походить на него онъ все взваливаетъ на руки своей жены и дочери.

Женщина является здѣсь главною работницею и кормилицею семьи, мужчина же не помощникъ ей. Черногорецъ,—это славянскій спартанецъ и точно также, какъ и древній спартанецъ, онъ считаетъ для себя унизительнымъ заниматься какимъ нибудь другимъ дѣломъ, кромѣ военнаго. Въ большей части странъ женщина получаетъ отъ мужчины содержаніе, здѣсь же наоборотъ: мужа вполнѣ содержитъ его жена, а если у черногорца нѣтъ жены, его прокармливаетъ какая нибудь ближайшая родственница. Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить трудовую жизнь и тяжелое положеніе черногорки, слѣдуетъ вспомнить, что здѣшнія полевыя работы тяжелѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ эта страна представляетъ сплошную массу горъ и голыхъ скалъ. Хорошія поля здѣсь большая рѣдкость, но черногорки дорожатъ каждымъ клочкомъ земли и съ толкомъ умѣютъ имъ пользоваться. Это болѣе всего замѣтно, когда идешь изъ Каттаро въ Цетинью. Когда вы переступили Черногорскую границу, вамъ безпрестанно попадаются, посреди пустынныхъ горъ, каменистыя углубленія, которыя мѣстами очень хорошо обработаны, такъ что на нихъ отлично растетъ маисъ, овесъ и ячмень; также много и картофелю, который въ большомъ количествѣ разводится въ Черногоріи и очень мало извѣстенъ въ окружающихъ странахъ. Воздѣлывать и убирать такое поле чрезвычайно тяжело, а часто и не безопасно. Камни безпрестанно падаютъ съ нависшихъ горъ и скалъ и часто не только грозятъ убить жницу, но и уничтожить весь ея посѣвъ. Чтобы предупредить такое несчастіе, мѣстность окружаютъ валомъ. Эти валы удерживаютъ также влагу и капли дождя, которыя иначе непремѣнно должны были бы стекать съ пока-

тыхъ мѣстъ. Надъ всѣми этими полевыми работами трудятся только женщины. И подлѣ мужа по дорогѣ встрѣтите вы черногорку не иначе, какъ согнувшись подъ какой нибудь тяжестію. Между тѣмъ ея мужъ всегда на легкѣ: одною рукою онъ придерживаетъ свое ружье, другою свой длинный чубукъ, изъ котораго безпрестанно потягиваетъ съ видимымъ наслажденіемъ. Онъ сразу бросается въ глаза своею молодцоватостью и красивой легкой поступью. Мужественный и рослый черногорецъ передъ своею женою кажется великаномъ. Лице его дышетъ отвагой, самонадѣянностью и непобѣдимымъ мужествомъ. Формы тѣла развиты до совершенства; самый обыкновенный разговоръ онъ сопровождаетъ выразительными жестами и восклицаніями; все въ немъ дышетъ молодецкою удалью человѣка, закаленнаго въ битвахъ, сознаніемъ собственной силы. Въ его лице прежде всего поразитъ то, что онъ сбриваетъ волоса на головѣ отъ одного уха до другаго, такъ что лобъ и темя у него остаются всегда обнаженными. Нѣкоторые отращиваютъ бороды, но большинство совсѣмъ безъ бороды. Носить же усы каждый черногорецъ считаетъ своей священною обязанностію. Дотронуться до усовъ черногорца—величайшее для него оскорбленіе, за которое онъ считаетъ непремѣннымъ долгомъ отомстить.

Самый костюмъ его гораздо болѣе живописенъ, чѣмъ костюмъ его жены. На каждомъ изъ нихъ одѣта на распашку *гунина:* это родъ кафтана по колѣно и съ узкими рукавами. Платье это дѣлается изъ грубаго, бѣлаго сукна, съ красною каймою отъ ворота до ногъ, съ рядомъ пуговицъ и петель, которыя впрочемъ ни къ чему не служатъ. Изъ подъ гунины видны синія шаровары, которыя застегнуты немного по ниже колѣнъ. Обувь непремѣнно у каждаго и хотя его *опанки*, какъ и у женщинъ, сдѣланы изъ тонкой кожи и придерживаются у ногъ ремнями, однако они очень удобны для быстрой ходьбы по скаламъ и даютъ возможность черногорцу легко совершать самые большіе переходы. Иногда сверхъ гунины черногорецъ надѣваетъ камзолъ изъ краснаго сукна, украшенный снурками, а то и позументомъ; многіе подъ гунину надѣваютъ еще нѣчто въ родѣ жилета алаго сукна. На головѣ они носятъ шапки съ чернымъ околышемъ и съ краснымъ верхомъ, шитымъ золотомъ. Черезъ плечо какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, особенно если они въ дорогѣ, перекинута *струка* (родъ пледа), очень длинная и съ бахромою внизу. Струка необходимѣйшая принадлежность одежды черногорцевъ обоего пола. Она служитъ имъ защитой отъ дождя, постелью и покровомъ, когда приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ. Самое главное украшеніе черногорца,—это его оружіе; съ нимъ онъ никогда не разстается и начинаетъ носить его очень рано; оно состоитъ изъ длиннаго, такъ называемаго, арнаутскаго ружья, почти всегда изукрашеннаго мелкой, искусной насѣчкой изъ серебра и перламутра, двухъ пистолетовъ, нерѣдко чистаго булата, въ оправѣ цѣльнаго, литаго серебра, и, наконецъ, изъ ятагана, который вмѣстѣ съ пистолетами носится за поясомъ. Тутъ же у пояса виситъ огниво и все необходимое для смазки и чистки оружія.

И вотъ идетъ такой молодецъ по дорогѣ, одной рукой придерживаетъ ружье, другою — длинную трубку, которую онъ беззаботно покуриваетъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на жену, хотя бы она совсѣмъ изнемогала подъ тяжестью ноши. Между тѣмъ онъ ее искренно любитъ, да и быть иначе не можетъ. Онъ инстиктивно сознаетъ, что совсѣмъ не можетъ безъ нея существовать и сильно къ ней привязывается. Но показать ей свою

любовь, помочь ей нести тяжелую ношу, особенно на дорогѣ, гдѣ каждую минуту можетъ встрѣтиться товарищъ, который безпощадно станетъ подтрунивать надъ его нѣжностью, онъ ни за что не рѣшится — это величайшій стыдъ! Наконецъ, что ему помогать: работать и кряхтѣть подъ тяжестью — дѣло женское. У него свое дѣло, своя дума — нести оружіе, да зорко посматривать, не запрятался ли куда въ кусты, или въ оврагъ его недругъ. Не направлено ли на нихъ дуло вражьяго пистолета.

Получая все готовое отъ жены черногорецъ связанъ съ нею только однимъ обязательствомъ — защищать ея и свою честь, и въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно не жалѣетъ своей жизни. Ея трудовая жизнь въ семьѣ, ея, по понятію черногорца, слабая, несчастная природа, которая мѣшаетъ ей сдѣлаться богатыремъ, — все это даетъ ей особыя права и преимущества. Личность ея неприкосновенна и оскорбленіе женщины считается въ Черногоріи величайшимъ преступленіемъ, за которымъ неминуемо слѣдуетъ страшная месть. Черногорецъ скорѣе проститъ свою обиду, нежели обиду жены или дочери. На каждое дерзкое слово женщинѣ одинъ отвѣтъ: кинжаломъ или пистолетомъ. Чтобы ни сдѣлалъ мужъ, сколько бы онъ ни имѣлъ враговъ, ихъ месть никогда не падетъ на женщину. Во время самыхъ кровопролитныхъ битвъ и поединковъ двухъ враждебныхъ племенъ она совершенно безопасно можетъ взойти въ семью враждебнаго племени. «Отъ чего въ Черногоріи,» спросилъ одинъ путешественникъ, «нѣтъ никакого постановленія объ оскорбленіи женщинъ?» — «Потому», отвѣчали ему, «что это совсѣмъ не нужно.» — «Ну, а если бы всетаки кто нибудь оскорбилъ женщину?» — «Это также невозможно, какъ вспрыгнуть на луну». И дѣйствительно, эти постановленія уже потому совсѣмъ не нужны, что ни одинъ законъ не можетъ покарать болѣе, чѣмъ мужъ, братъ или отецъ оскорбленной. Ихъ нравы, дикіе для образованнаго человѣка, ихъ обычаи, освященные временемъ и вкоренившіеся съ давнихъ поръ, замѣняютъ имъ законы и сильнѣе для нихъ законовъ письменныхъ. Даже сосѣдніе турки соблюдаютъ этотъ обычай по отношенію къ черногоркамъ: во время войнъ турокъ съ черногорцами женщинѣ всегда свободный пропускъ. Она, во всякое время можетъ входить въ турецкія крѣпости на торги; можетъ совершенно свободно пройти мимо турокъ къ своимъ собратьямъ. Тамъ на полѣ сраженія она играетъ немаловажную роль: она перевязываетъ раны больнымъ и своимъ присутствіемъ въ критическую минуту много способствуетъ счастливому окончанію битвы. Она отлично знаетъ, когда и какъ лучше всего подстрекнуть изнемогающаго юношу, съ презрѣніемъ и проклятіемъ встрѣчаетъ она струсившаго брата и до того проникнута воинственными и гражданскими доблестями, что мало тужитъ о смерти павшаго сына, если только онъ храбро сражался.

Самыя счастливыя дни для черногорки наступаютъ тогда, когда ея мужъ или сынъ отличился на войнѣ и, прославляемый общимъ голосомъ товарищей, возвращается съ поля битвы.... Какъ бьется тогда ея сердце! Какимъ невыразимымъ счастіемъ и гордостью дышатъ тогда всѣ черты ея лица! Сколько ей тогда почета! А то вѣдь она всегда такъ унижена, передъ всѣми должна кланяться и даже, при встрѣчѣ съ каждымъ знакомымъ мужчиной, должна цѣловать край его одежды и его руку, между тѣмъ какъ онъ не только не отвѣчаетъ ей тѣмъ же, но едва замѣчаетъ ея униженные поцѣлуи! Совсѣмъ не то если мужъ ея или сынъ пріобрѣли почетное имя храбреца! Въ полѣ или вечеромъ на посидѣлкахъ всѣ женщины смотрятъ на нее съ завистью и по обычаю вездѣ уступаютъ ей первое мѣсто, даже мужчины даютъ

ей дорогу, первые кланяются ей съ глубочайшимъ уваженіемъ. Въ этомъ наивномъ выраженіи своего уваженія къ женѣ героя, черногорцы инстинктивно признаютъ громадное вліяніе женщины даже и въ дѣлѣ военной доблести.

За то какъ часто въ этой странѣ женщина дѣлается вдовой! Если вражья пуля пронзитъ сердце ея мужа, а у нея нѣтъ брата, который могъ бы за нее отомстить, дѣти же ея слишкомъ малы, тогда, чему много было примѣровъ, она сама хватаетъ саблю и ружье и бѣжитъ въ первые ряды своихъ. Тутъ она будетъ уже не только одобрять, но и дѣйствовать и не уйдетъ съ поля сраженія, если не положитъ хоть одного врага.

«О, горе мнѣ, Станица (*),» вопитъ съ поля битвы добрый молодецъ. «Некому будетъ отомстить за тебя на бѣломъ свѣтѣ», такъ говорится въ одной изъ самыхъ любимыхъ черногорскихъ пѣсенъ. «Далеко по полю пронеслись эти звуки, услышала ихъ Станица и поняла, что умираетъ ея мужъ. Она хватаетъ въ руки ружье и смѣло бѣжитъ къ тропинкѣ, по которой спускались въ это время турки, убійцы ея мужа: ихъ было пятнадцать и вмѣстѣ съ ними ихъ предводитель Ага. Она бросается къ нимъ и первымъ кладетъ наповалъ Агу. Остальные турки, испуганные смѣлостью этой женщины, убѣгаютъ, даютъ ей возможность отрѣзать голову ихъ начальника и она несетъ ее съ торжествомъ въ свою деревню».

«Христіанка!» пишетъ ей вдова Аги, «убивъ моего Агу, ты лишила меня зрѣнія; если ты настоящая черногорка, приходи завтра одна къ границѣ, я приду тоже одна, мы помѣримся съ тобой силой и увидимъ, кто изъ насъ двухъ болѣе преданъ своему супругу». Черногорка сбрасываетъ свое женское платье и въ костюмѣ убитаго ею Аги и въ его блестящемъ вооруженіи является къ назначенному мѣсту. Тутъ видитъ она вѣроломную турчанку съ сообщникомъ, который въ ту же минуту бросается на нее. Черногорка не испугалась и ея мѣткая пуля пронзила его сердце. Отрѣзавши голову врагу, она догоняетъ убѣгавшую турчанку и связанною привозитъ къ себѣ, держитъ ее 15 лѣтъ у себя въ услуженіи, заставляя ее убаюкивать пѣснями своихъ маленькихъ сиротъ.

Послѣ женщины самое священное существо для черногорца,—это путешественникъ, кто бы онъ ни былъ. Попроситъ ли онъ пить, проходя мимо какой нибудь хаты, и по первой его просьбѣ со всѣхъ сторонъ высыпаетъ множество народа, стараясь въ точности исполнить все, что онъ пожелаетъ. Хозяинъ выноситъ ему не только воду, но и вино, если только оно у него есть, при этомъ онъ какъ величайшей чести добивается того, чтобы путешественникъ взошелъ въ его хату; если тотъ на это соглашается, тогда радушію и гостепріимству нѣтъ конца. Многочисленные члены семьи всѣ бросаются по разнымъ угламъ, каждый стараясь чѣмъ нибудь прислужить. Въ одну минуту напесутъ цѣлый ворохъ подушекъ и обкладываютъ ими деревянныя скамейки, чтобы путешественнику не было жестко сидѣть. На низенькой скамейкѣ, которая обыкновенно замѣняетъ имъ столъ, появляется буквально все, что есть въ домѣ. Угощать путешественника считается великою честью и хозяинъ дома никому ее не уступитъ. Сидя на камнѣ передъ гостемъ, онъ безпрестанно подноситъ ему то кофе, то яйца, то кубокъ ракіи, или *кастрадину*, (копченое овечье или козье мясо,—самое любимое кушанье черногорцевъ). Но гораздо важнѣе

(*) Всѣ пѣсни мы сообщаемъ вкратцѣ, стараясь только передать ихъ содержаніе и смыслъ и то въ самыхъ существенныхъ чертахъ.

этого гостепріимства то, что каждый путешественникъ можетъ совершенно безопасно разъѣзжать по Черногоріи, входить въ каждую хату, располагаться, какъ у себя дома, ночевать, гдѣ ему угодно. Въ этой странѣ, гдѣ народъ привыкъ жить награбленнымъ добромъ, гдѣ убить не только врага, но даже и близкаго человѣка—нипочемъ, убить или обокрасть чужестранца, который довѣрчиво рѣшился проникнуть въ ихъ горы, считается величайшимъ преступленіемъ, страшнымъ клеймомъ и позоромъ, не только для того, кто отважился на такой проступокъ, но для всѣхъ черногорцевъ. Поэтому лишь, только путешественникъ вступаетъ на черногорскую землю, тысячи невидимыхъ глазъ считаютъ своею святѣйшею обязанностью наблюдать, чтобы ему не нанесли ни малѣйшаго вреда и оскорбленія.

Воспитаніе черногорца и его посвященіе въ юнаки.

Чтобы вполнѣ понять, какимъ образомъ жизнь создаетъ такихъ богатырей, какъ закаляютъ они себя въ житейскихъ напастяхъ, необходимо узнать, какъ растетъ и воспитывается черногорецъ.

Отецъ не радуется рожденію дочери, и такое событіе проходитъ въ семьѣ совсѣмъ незамѣченнымъ. Иначе бываетъ, когда на свѣтъ божій является мальчикъ. Рожденіе маленькаго черногорца, этого будущаго защитника родины и вѣры, большой праздникъ не только въ семьѣ, но даже въ цѣломъ племени. Окрестивши новорожденнаго съ необыкновеннымъ торжествомъ, при огромномъ стеченіи народа, отецъ цѣлуется со всѣми гостями и подноситъ имъ своего сына, чтобы они его поцѣловали. Затѣмъ новорожденнаго относятъ въ колыбель и торжественно кладутъ къ нему съ двухъ сторонъ оружіе: ружье и пистолетъ. При этомъ гости шумно и весело пьютъ вино и другъ за другомъ говорятъ разныя *здравицы* (въ родѣ нашихъ тостовъ), которыя въ ходу почти у всѣхъ славянъ и гдѣ каждый искренно высказываетъ свое душевное пожеланіе. «Пусть будущій воинъ поскорѣе обольетъ это оружіе турецкой кровью», произноситъ одинъ. «Пусть онъ остается всегда свободнымъ!» желаетъ другой. «Пусть будетъ непримиримымъ врагомъ турокъ и дерется, какъ отецъ!» «Избави Богъ его и всѣхъ его потомковъ умереть въ своей постелѣ!»

Мальчикъ начинаетъ ходить, крѣпнуть, всматривается въ жизнь и въ его душѣ прежде всего запечатлѣвается горячая любовь къ героямъ страны, жажда военныхъ подвиговъ и славы, ненависть къ врагамъ. Его съ пеленокъ окружаютъ богатыри, они съ такимъ презрѣніемъ говорятъ ему о трусахъ, подзодариваютъ его своимъ блестящимъ оружіемъ, глядя на которое и безъ того у каждаго ребенка разгараются глазки. Первый рѣзкій шумъ, который различитъ ребенокъ, — будутъ выстрѣлы, и мать ни зачто неупуститъ случая объяснить ему, что бьютъ враговъ. При этомъ она начинаетъ ему разсказывать, какъ онъ выростетъ большой, какъ будетъ онъ много-много приносить съ войны непріятельскихъ головъ.

Въ долгіе, зимніе вечера, у огня, притаивъ дыханіе, съ трепетнымъ вниманіемъ, слушаетъ онъ разсказы своего отца и старшихъ братьевъ о недавнихъ стычкахъ съ непріятелемъ. Иногда забредетъ гусляръ, и тогда польются пѣсни о славныхъ богатыряхъ добраго, стараго времени. Пойдетъ онъ играть съ товарищами и тутъ еще больше развиваются въ немъ тѣ же

стремленія; очень многіе отцы даютъ своимъ сыновьямъ играть черепами своихъ враговъ, которыхъ имъ удалось убить и съ которыхъ они всегда снимаютъ головы. Весело рѣзвясь, катаютъ дѣти съ горъ мусульманскіе головы и помираютъ со смѣху видя, какъ тѣ летятъ, перепрыгивая съ камня на камень.

Хотя воинственный пылъ черногорцевъ нынче уже значительно охладѣлъ, тѣмъ не менѣе здѣшній ребенокъ чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, видитъ кровь убитыхъ, и у него очень рано является убѣжденіе, что порядочный мужчина не имѣетъ права кончить свою жизнь въ постели, а долженъ положить ее на полѣ сраженія, защищая свою родину или семью. Для него уже въ ранней юности нѣтъ болѣе кровной обиды, какъ если кто нибудь изъ его сверстниковъ попрекнетъ его дѣдомъ или прадѣдомъ, покончившимъ жизнь на мягкихъ подушкахъ, въ объятіяхъ своей нѣжной супруги. Часто даже и теперь такая обида глубоко западаетъ въ душу юноши и послѣдствіемъ ея бываетъ кровавая месть, сходившая прежде съ рукъ безнаказанно и за которую теперь онъ обыкновенно платится своею жизнію.

Ребенокъ только начнетъ ходить, какъ пріучается уже лазить по высочайшимъ горамъ. Часто можно видѣть, какъ маленькіе пастухи, пася своихъ козъ и овецъ, вскарабкиваются на непреступныя скалы надъ зіяющими пропастями. Съ дѣтства привыкнувъ къ своимъ скаламъ, черногорецъ нечувствуетъ особенной нужды въ хорошихъ дорогахъ и возстаетъ противъ ихъ проведенія, утверждая, что онѣ только облегчаютъ врагу возможность вторгнуться въ ихъ до сихъ поръ неприступныя твердыни.

Все обученіе черногорца ограничивается тѣмъ, что ему показываютъ правила, какъ стрѣлять въ цѣль, метать камни, чистить оружіе. Къ 14-ти лѣтамъ его образованіе вполнѣ окончено. Онъ пляшетъ необыкновенно легко и граціозно; въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, въ метаніи камней—рукою и пращей, въ метаніи диска (*) — онъ напоминаетъ древняго грека. Онъ отлично владѣетъ кистенемъ и ятаганомъ и необыкновенно искусный стрѣлокъ. Далеко, далеко, когда человѣкъ намъ кажется еще только точкой, черногорецъ отлично различитъ, что это пастухъ и пастухъ турецкій, и въ ту же минуту раздается выстрѣлъ. Какъ бы ни было это далеко, рука черногорца никогда не промахнется и онъ съ увѣренностью и съ лихорадочною радостію опытнаго охотника, подстрѣлившаго дичь, бѣжитъ къ роковому мѣсту, снимаетъ голову турка, обираетъ у него все, что находитъ, и спѣшитъ съ головою и пожитками похвастать своею добычею, а еще больше подвигомъ, вслѣдствіе котораго однимъ поганымъ нехристемъ стало меньше на свѣтѣ.

Когда такимъ образомъ четырнадцатилѣтній юноша произошелъ всю эту науку, надъ нимъ совершается обрядъ посвященія въ юнаки (**). Обрядъ этотъ совершается чрезвычайно торжественно. Собираются всѣ родственники и друзья дома и юноша долженъ публично, передъ всѣми собравшимися, показать свое искуство. Это обыкновенно удается каждому и отецъ публично вручаетъ ему оружіе, внушительно произнося: «ты никогда не долженъ разставаться съ этимъ оружіемъ; если когда нибудь его бросишь, не показывайся мнѣ на глаза».... И оружіе это считается священнымъ: его нельзя ни продать, какъ бы ни была велика крайность, ни промѣнять на другое, ни тѣмъ болѣе

(*) Дискъ деревянный кругъ, который бросаютъ за тридцать шаговъ, стараясь попасть въ начертанную на землѣ цѣль.

(**) Юнакъ—юноша, молодецъ, человѣкъ способный носить оружіе, воинъ.

оставить на полѣ сраженія. И дѣйствительно ни одинъ черногорецъ не отдастъ живой своего оружія Это оружіе онъ только тогда мѣняетъ, когда онъ вступаетъ съ кѣмъ нибудь въ побратимство, или когда ему самому приходится передать его сыну при посвященіи его въ юнаки.

Послѣ обряда посвященія, на юношу уже смотрятъ, какъ на взрослаго человѣка, какъ на защитника своей родины и чести своего семейства. Съ этой поры для молодаго черногорца начинается точь въ точь такая же дѣятельность и жизнь, какую вели его отцы, дѣды и прадѣды, а жизнь эта преисполнена военныхъ тревогъ и связанныхъ съ нею лишеній, и въ тоже время привольная и разгульная Лѣтнее время проводитъ юнакъ въ постоянныхъ грабежахъ и стычкахъ съ врагомъ, а зимнее — дома, въ семействѣ, дѣлаетъ порохъ, патроны, льетъ пули, чиститъ оружіе, а то и просто лежитъ на боку и вспоминаетъ съ товарищами старые походы, непремѣнно покуривая при этомъ свою трубочку. Долговременное бездѣйствіе должно иногда сильно надоѣдать необыкновенно живому по природѣ черногорцу: въ немъ естественно разжигается желаніе опять начать какую нибудь новую войну, со всѣмъ пыломъ броситься на первую стычку. Постоянныя опасности, которымъ, какъ мы видѣли, онъ иногда и безъ нужды себя подвергаетъ, сдѣлали изъ него фаталиста, нисколько не уступающаго въ этомъ отношеніи самому турку. Черногорецъ твердо убѣжденъ, что если ему суждено умереть, всѣ предосторожности его будутъ напрасны, и потому онъ смѣло идетъ на встрѣчу смерти.

Всѣ дикіе, необузданные инстинкты необразованнаго и первобытнаго человѣка развиваются и поддерживаются въ немъ дикой, горной природой и его воинственною жизнію. Привыкнувъ къ безпощадной борьбѣ съ врагомъ, такимъ же дикимъ, онъ вноситъ въ эту борьбу необыкновенно грубые обычаи, отъ которыхъ невольно содрогнется всякій европеецъ.

Когда въ стычкѣ черногорецъ падаетъ мертвымъ, даже когда онъ еще живъ, къ нему въ ту же минуту подбѣгаетъ турокъ, съ которымъ онъ дрался, отрѣзаетъ ему голову и уноситъ ее домой, въ знакъ своего торжества надъ своимъ непобѣдимымъ, воинственнымъ соперникомъ. Въ свою очередь и черногорецъ, лишь только остается побѣдителемъ, съ звѣрскою радостію дѣлаетъ тоже самое. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ этими головами убитыхъ враговъ убирали зубцы башни въ Цетиньѣ, столицѣ Черногоріи. Въ ту пору изъ головъ убитыхъ турокъ дѣлали страшную, отвратительную выставку! Повсюду на границѣ и въ окрестностяхъ монастырей, гдѣ было только возвышенное мѣсто, стояли шесты съ посаженными на нихъ головами. Головы враговъ отрѣзаютъ и теперь точно также какъ и прежде, но воздвигать ихъ на шесты, унизывать ими башни, уже нельзя: это строго стало преслѣдовать нынѣшнее черногорское правительство.

Хотя образованному человѣку и кажется странными нравы и привычки первобытнаго черногорца, онъ въ то же время внушаетъ глубочайшее уваженіе къ себѣ свою пламенною любовью къ родинѣ. Когда непріятельская армія угрожаетъ опасностію странѣ, тогда всѣ не только воины, но старики, дѣти, женщины, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, бросаютъ свои жилища на произволъ судьбы и бѣгутъ защищать родную землю. Многія женщины одѣваютъ мужскую одежду и дерутся не хуже мужчинъ; старики и дѣти, которые совсѣмъ не могутъ стать въ ряды, прячутся за холмы, пригорки и кусты и оттуда направляютъ на врага свое оружіе, а то и просто камень.

Какъ живутъ черногорцы. — Ихъ жилища. — Семейная жизнь.—Почтеніе къ старшимъ. — Любовь сестры къ брату. — Пища. — Страсть черногорца къ трубкѣ. — Семейный очагъ. — Пѣсни. — Танцы. — Черты изъ прошлой жизни — Народныя суевѣрія.

Въ Черногоріи нѣтъ ни городовъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, ни красивыхъ и богатыхъ зданій: черногорцы живутъ большими семьями (семейный бытъ ихъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, — тотъ же, что и у сербовъ) въ селахъ, разсѣянныхъ гдѣ попало, и въ весьма бѣдныхъ лачужкахъ, которыя, также какъ у сербовъ, называются *кучами*.

Черногорскія кучи все каменныя, но камни этихъ жилищъ безъ всякаго цемента, кой-какъ набросаны другъ на друга. Жилища эти обыкновенно о трехъ стѣнахъ, четвертою же своею стороною онѣ прислонены къ какому нибудь утесу. Онѣ очень низки, съ наклонною крышею, покрытою соломою, безъ трубы и безъ печей. Когда въ избѣ что нибудь готовятъ, дымъ наполняетъ всю хату и мало по малу выходитъ изъ растворенной въ это время настежь двери.

Внутренность жилища вполнѣ гармонируетъ съ его внѣшнимъ видомъ: она состоитъ изъ одной, много изъ двухъ комнатъ; безъ пола, безъ оконныхъ рамъ, просто съ отверстіями вмѣсто оконъ. Посреди кучи (избы) *огнище* (очагъ), а надъ нимъ висятъ цѣпи съ привѣшеннымъ котломъ. На этомъ очагѣ приготовляютъ кушанье и тутъ же вечеркомъ вокругъ его собирается вся семья погрѣться, послушать разсказы дѣда или пѣсню гусляра. Въ переднемъ углу виситъ образъ, на стѣнахъ развѣшано оружіе. Тамъ и сямъ стоятъ низенькіе столики, на которыхъ обѣдаютъ, и кровати изъ буковаго дерева. Вмѣсто матрацевъ на нихъ лежитъ солома, покрытая не одѣяломъ, а струкою, а то и полинялымъ старенькимъ ковромъ. Въ углахъ стоятъ деревянныя сундуки, въ которыхъ хранится платье. Все домашнее хозяйство черногорца весьма бѣдно. Въ рѣдкомъ домѣ найдется достаточно посуды даже для домашняго обихода, и женщины безпрестанно занимаютъ ее другъ у друга. Только въ каждой кучѣ непремѣнно есть мѣдный котелъ, въ которомъ варятъ все и который обыкновенно виситъ надъ очагомъ. Все сваренное въ этомъ котлѣ выливаютъ огромными деревянными ложками на большое деревянное блюдо. Это блюдо ставятъ на низенькій столъ, вокругъ котораго садится семья на что попало: на скамейку, на обрубокъ, а то и просто на полъ. Вилокъ, салфетокъ и ножей и въ заводѣ нѣтъ, а если нужно разрѣзать мясо, черногорецъ вынимаетъ ножъ изъ-за пояса и разрѣзаетъ его на куски, ни мало не смущаясь тѣмъ, что этимъ же самымъ ножемъ онъ еще такъ недавно отрѣзалъ турецкую голову.

Взойдите въ черногорскую кучу днемъ въ мирное время и вы застанете въ ней только стариковъ, т. е. хозяина и хозяйку, малыхъ ребятъ, да развѣ такого юнака, которому бабка залѣчиваетъ раны, полученныя имъ въ недавнихъ походахъ. Кстати замѣтимъ, что въ Черногоріи чрезвычайно много цѣлебныхъ травъ, которыми здѣшнія женщины отлично залѣчиваютъ раны своихъ храбрыхъ воиновъ.

И такъ днемъ въ черногорской хатѣ, кромѣ малыхъ и старыхъ, нѣтъ никого, всѣ остальные члены семьи каждый за своимъ дѣломъ, внѣ дома. Но вотъ солнце, единственные черногорскіе часы, по которымъ они распредѣляютъ свою жизнь, спускается къ горизонту, слѣдовательно приближается время обѣда и вся семья одинъ за однимъ входятъ въ хату. Прежде всего,

каждый изъ нихъ съ глубочайшимъ уваженіемъ подходитъ къ дѣду и бабкѣ, цѣлуетъ имъ руки и затѣмъ всѣ они раскланиваются между собой.

Нравы здѣсь даже болѣе патріархальные, чѣмъ въ Сербіи, и совершенно напоминаютъ времена древнихъ героевъ Греціи, или первыхъ вѣковъ Рима. Родственныя, семейныя отношенія имѣютъ здѣсь громадное значеніе. Власть отца и матери здѣсь также велика, какъ и въ древности. Эти родственныя отношенія до того развиты у южныхъ славянъ, что даже въ ихъ языкѣ существуютъ слова для обозначенія самыхъ тончайшихъ оттѣнковъ самаго отдаленнаго родства. Дѣти одного отца — братья; дѣти двухъ братьевъ — братучеды; дѣти братучедовъ—братаничи; дѣти братаничей—братственницы и т. д. Черногорцы считаютъ родство до седьмаго колѣна, и всѣ эти родственники не могутъ между собою вступать въ бракъ и составляютъ братства; члены одного братства во всемъ за одно: и въ церкви, и въ судѣ, и при всякомъ собраніи и договорѣ. Каждое братство гордится если въ немъ болѣе мужчинъ, чѣмъ въ другомъ братствѣ. Если вы спросите черногорца, какъ его прозвище, то онъ этого не пойметъ, а если сказать, какого ты братства, то онъ вамъ на это отвѣтитъ. Каждый зовется по отчеству: Вуко Волубовъ, Мрджен Савичевъ; женщины—Станица Петрова, Божина Плина и т. д.

Изъ всѣхъ родственниковъ самыми тѣсными узами соединены между собою, какъ и въ Сербіи, братъ и сестра. «Тако ми брате!» клянется женщина и послѣ этого никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что она говоритъ правду.

Однако возвратимся къ семьѣ, только что собравшейся въ хатѣ послѣ работъ.

Обогрѣвшись у очага, всѣ садятся за обѣдъ, который состоитъ: изъ сыра, молока, картофеля, изрѣдка подаютъ *кастрадину* и всегда *сочиво* — родъ каши изъ чечевицы. Иногда каша эта бываетъ до того крута, что ее разрѣзываютъ ножемъ и ѣдятъ вмѣсто хлѣба. за столомъ черногорца бываетъ больше всего овощей, и особенно луку, такъ какъ онъ думаетъ вовсе не о томъ, какъ бы хорошо поѣсть, а только чтобы сытымъ быть. Хотя здѣсь много свиней, но черногорецъ рѣдко заколетъ для себя борова, а скорѣе продастъ его и купитъ себѣ хлѣба. У него замѣчательно здоровый желудокъ, который отлично перевариваетъ все; часто можно видѣть, какъ онъ, убивая борова, вынимаетъ сало и поѣдаетъ его тутъ же совершенно сырымъ.

Вечеромъ садится къ очагу вся семья: женщины съ своими прялками, мужчины съ неизбѣжными трубками. Вотъ тутъ-то и идутъ длинные разсказы о герояхъ добраго стараго времени; поются пѣсни. Женщины передаютъ новости, которыя онѣ узнали въ Каттаро, продавая свои овощи. Чтобы ни говорили черногорцы и сколько бы разъ они ни повторяли одинъ и тотъ же разсказъ, все у нихъ выходитъ очень занимательно и дѣльно: они отъ природы одарены свѣтлымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ. Отличительная черта всѣхъ его разсказовъ—это полное знаніе исторіи своей страны и даже вѣрное пониманіе ея политическаго значенія. Мало по малу семейный кругъ у очага увеличивается: если входитъ мужчина, къ нему спѣшатъ всѣ женщины поцѣловать его руку; если входятъ женщины, онѣ сами подходятъ ко всѣмъ мужчинамъ въ избѣ и цѣлуютъ у нихъ руки и край ихъ одежды. Если вошедшій гость старикъ, тогда всѣ встрѣчаютъ его съ необыкновеннымъ почтеніемъ: женщины и дѣти цѣлуютъ ему руки, а юноши въ грудь. Старикъ возлагаетъ на голову каждаго юноши свои руки и затѣмъ цѣлуетъ его въ лобъ. Когда гости усѣ-

лись, кубокъ, который побывалъ въ рукахъ нѣсколькихъ поколѣній, наполненный виномъ или ракіей, обходитъ теперь дружескую компанію. Нужно однако замѣтить, что сильной привязанности къ горячительнымъ напиткамъ нѣтъ у черногорца. Умѣренный вовсемъ, онъ и пьетъ умѣренно свою ракію и пьетъ не для того, чтобы отуманить свою голову, но чтобы немного подкрѣпить себя послѣ горячей стычки съ недругомъ, послѣ утомительныхъ переходовъ чрезъ свои горы, или наконецъ, чтобы немного поразвлечься въ веселой компаніи. Но за то у черногорца другая страсть, — страсть къ табаку. Безъ него онъ не можетъ обойтись и не выпускаетъ изъ рукъ своего чубука. Эта страсть доходитъ до того, что большинство изъ нихъ издерживаютъ на табакъ послѣднюю копѣйку. Много встрѣчается въ Черногоріи бѣдняковъ, но недостатокъ пищи и одежды никогда не заставитъ его просить милостыни; только когда ужъ со всѣмъ выйдетъ у него табакъ и нѣтъ ни копѣйки, чтобы его купить, онъ попроситъ денегъ, а еще чаще просто табаку на трубку.

Угостившись виномъ, кто нибудь изъ членовъ семьи снимаетъ со стѣны гусли, національный инструментъ славянъ, и затягиваетъ пѣсню подъ акомпаниментъ этого первобытнаго инструмента. По формѣ гусли похожи на продолговатую грушу, разрѣзанную по поламъ, и представляютъ нѣчто среднее между гитарою и скрипкою. И болгары употребляютъ гусли, но у нихъ онѣ поменьше. Хотя на этомъ инструментѣ натянута одна струна, но здѣсь на ней играютъ смычкомъ, а не очиненнымъ перышкомъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

Пѣсенъ въ Черногоріи много; кромѣ своихъ мѣстныхъ, тамъ ходитъ множество сербскихъ; да это и понятно, такъ какъ черногорцы тѣ же сербы.

Не задолго до вторженія турокъ въ Европу, въ XIV столѣтіи, когда процвѣтало еще обширное сербское царство, Черногорія, подъ именемъ Зеты, составляла не болѣе, какъ часть его. Вскорѣ однако Зета отложилась отъ Сербіи и зажила своею самостоятельною жизнію. Потомъ она присоединилась опять къ Сербіи, но уже не надолго, и то болѣе какъ союзное, самостоятельное государство, чѣмъ какъ подчиненная провинція. Въ 1389 году произошла знаменитая битва при Косовомъ полѣ. Всѣ силы Сербіи были направлены противъ мусульманъ, которые наводнили весь Балканскій полуостровъ и наводили въ это время смертельный ужасъ на всю Европу. Молодое славянское царство было въ это время очень разстроено разными междуусобицами и потому оно не могло устоять передъ воинственными и сильными тогда турками. Битва на Косовомъ полѣ была проиграна; въ ней палъ послѣдній царь Сербіи Лазарь. Всѣ области Сербскаго царства, исключая Зеты, подчинились Турціи. Зета продолжала управляться своими самостоятельными правителями. Во главѣ ея стоялъ въ то время Бальшъ, зять Лазаря; у него былъ сынъ Стефанъ, прозванный Чернымъ, и потому весь родъ его, правившій Зетой въ первую эпоху ея независимой жизни, прозвался Черноевичами.

Положеніе Зеты было чрезвычайно шатко и ненадежно. Она состояла изъ небольшой горсти сербовъ, и на эту горсть готовились нагрянуть несмѣтныя полчища турокъ. Помощи ожидать было не откуда, а самой защищаться было трудно. На глазахъ ея пало Сербское княжество, которое было вдесятеро сильнѣе и больше. Нужно замѣтить, что Зета состояла изъ двухъ частей: долины и горъ. Одинъ изъ ея правителей, Иванъ Черноевичъ, рѣшился наконецъ прибѣгнуть къ самому крайнему средству: онъ оставилъ долину, сжёгъ старинную столицу отцовъ и удалился съ храбрыми зетчанами въ

горы. Этотъ поступокъ рѣшилъ навсегда судьбу Черногоріи. Иванъ Черноевичъ понялъ очень хорошо, что въ долинахъ чрезвычайно трудно защищаться молодому народу, который не зналъ еще военнаго искуства, у котораго не сформировалось еще никакого регулярнаго войска. Да не только Черногоріи, но и всѣмъ придунайскимъ славянамъ чрезвычайно трудно было выдерживать битву при тѣхъ стремительныхъ натискахъ, которыми отличались всѣ восточныя орды. Оттого народы, жившіе въ долинахъ, принуждены были скоро сдаться; такъ пали: Сербія, Боснія, Герцеговина; оттого и черногорцы должны были запереться въ горахъ. Здѣсь имъ гораздо легче было защищаться: негдѣ было развернуть туркамъ свои несмѣтныя войска и ринуться съ гикомъ и остервененіемъ, размахивая саблями, на непріятеля. Для защищающихся въ горахъ каждое ущелье служитъ естественною крѣпостью; тамъ, устроивъ невидимую засаду изъ небольшаго отряда, мѣткими пулями можно истребить по одиночкѣ нѣсколько тысячъ непріятелей, а не то очень удобно опрокинуть въ пропасть турецкій отрядъ. Пули летаютъ со всѣхъ сторонъ, турки валятся тысячами, а черногорцы цѣлы и невредимы, подсмѣиваются изъ-за скалъ надъ ошеломленными врагами.

Заключившись въ горы, Иванъ Черноевичъ оставилъ намѣстникомъ сына своего, а самъ поѣхалъ въ западную Европу искать союзниковъ, но привезъ оттуда одно убѣжденіе, что у Черногоріи нѣтъ союзниковъ, что она сама должна оспаривать независимость своей родины у страшнаго врага, передъ которымъ все трепетало. Однако онъ не смутился, собралъ своихъ храбрыхъ сподвижниковъ и поклялся съ ними вѣчно воевать съ турками. Если какой нибудь черногорецъ убѣжитъ съ поля битвы, говорили они, то онъ потеряетъ доброе имя, честь и уваженіе. Его одѣнутъ въ женское платье, и женщины прялками будутъ гнать его изъ города въ городъ по всей Черногоріи. Эта клятва сдѣлалась залогомъ всей жизни зетчанъ. До сихъ поръ помнятъ они ее, помнятъ Косову битву, падшую родину и въ своихъ пѣсняхъ величаютъ себя сербами. Вся жизнь ихъ, вся исторія, движимая этими воспоминаніями, сдѣлались вѣчнымъ, непримиримымъ, кровавымъ мщеніемъ. Тяжело для турокъ это мщеніе. Много мусульманскихъ войскъ входило въ неприступныя горы Зеты за тѣмъ, чтобы болѣе не возвратиться оттуда. Много пришлось и черногорцамъ испытать послѣ клятвы Ивана Черноевича. Въ XVII столѣтіи они даже должны были въ продолженіи 80 лѣтъ платить дань туркамъ. Хотя времена эти давно прошли, но и до сихъ поръ ни одинъ черногорецъ не можетъ говорить объ этомъ позорѣ безъ злобы.

Какъ всѣ эти, такъ и послѣдующія событія, извѣстны черногорцамъ не только по устнымъ преданіямъ, но также и по пѣснямъ.

Теперь ясно будетъ читателямъ, почему черногорцы поютъ такъ много сербскихъ пѣсенъ, почему у нихъ много сербскихъ обычаевъ.

Хорошо обрисовывается также въ черногорскихъ пѣсняхъ ихъ семейная жизнь. И въ пѣсняхъ, какъ въ дѣйствительности, выступаетъ эта жизнь, гдѣ все твердитъ о вѣчной разлукѣ съ близкими, объ утратахъ и самыхъ тяжкихъ испытаніяхъ. Поэтому ихъ семейныя пѣсни проникнуты необыкновенною грустью. Въ одной изъ нихъ говорится о томъ, какъ умираетъ среди поля удалой молодецъ, получившій рану смертельную. Побратимъ замѣчаетъ его и приглашаетъ подъ свой кровъ. «Моя мать,» утѣшаетъ онъ его, «залѣчитъ твои раны, моя жена приготовитъ тебѣ постель, моя сестра подастъ тебѣ напиться.» — «Нѣтъ,» отвѣчаетъ молодецъ: «чужая мать не вылѣчитъ

ранъ, чужая жена не постелетъ мягкой постели, чужая сестра дастъ горькаго питья.»

Мать, разлучилась съ старшими сыновьями, разсказываетъ другая пѣсня, «съ нею остался одинъ младшій сынъ и она горько тоскуетъ. А сыновья пріѣхали и за младшимъ братомъ и увезли его съ собой. Долго не пускала она ихъ, не могла наглядѣться на нихъ, наконецъ дала каждому по коню да по соколу и пошла провожать ихъ въ темный лѣсъ. Она крѣпко съ ними обнимается, прощается. Уѣхали сыновья куда надобно, а мать не можетъ сдвинуться съ мѣста, такъ съ тоски и изныла.»

«Доля моя горькая, несчастная!» причитаетъ мать, которая много лѣтъ напрасно ждетъ возвращенія своего сына. «Никто теперь не ждетъ меня въ моей хатѣ! никто не выйдетъ мнѣ на встрѣчу, никто уже болѣе не спроситъ: милая матушка, не устала ли ты?»

Въ пѣсняхъ черногорскихъ, какъ и у другихъ народовъ, воспѣваютъ также женщину. Любопытенъ ихъ взглядъ на молодую дѣвушку, главной добродѣтелью которой, по ихъ понятіямъ, должна быть робость, застѣнчивость и скромность.

«Нельзя вдоволь налюбоваться прекрасными глазами Милицы, лицомъ ея бѣлымъ, ея розовыми щечками. Я сталъ съ ней плясать, думалъ разглядѣть глаза ея поближе, но вдругъ стемнѣло. Облака заволокли небо.» «Милица, милая подружка!» говорятъ ей дѣвушки, «спѣсива ты, или глупа, что не любуешься, какъ мы, молніей, прорѣзывающей облака?» — «Я не глупа и не спѣсива», говоритъ Милица. «Я молодая дѣвушка и потому мои взоры прикованы къ землѣ.»

Много у нихъ существуетъ пѣсенъ, въ которыхъ разсказываются стычки русскихъ съ турками. Русскіе всегда остаются побѣдителями. Предъ ихъ оружіемъ трепещетъ весь свѣтъ. Вообще къ русскимъ черногорцы питаютъ самое нѣжнѣйшее братское чувство. «Если бы Россіи не было, не было бы и трехъперстнаго креста,» говоритъ каждый изъ нихъ, и всѣ они совершенно искренно убѣждены, что безъ защиты русскаго царя, всѣ христіане востока давно бы потурчились.

Больше всего однако поется различныхъ сербскихъ пѣсней о Маркѣ Кралевичѣ.

Въ праздничные дни черногорки водятъ хороводы. Для этого всѣ выходятъ на улицу, становятся въ кругъ, а въ середину двѣ пары: мужчина съ мужчиной, а женщина съ женщиной.

Чрезвычайно оригинальны, дики и воинственны ихъ танцы: есть фигуры которыя исключительно состоятъ въ подпрыгиваніи и въ необыкновенно высокихъ скачкахъ. При этомъ они поднимаютъ руки выше головы, приходятъ все въ большій азартъ, вскрикиваютъ, подскакиваютъ на нѣсколько футовъ отъ земли, въ ту же минуту мужчины вытаскиваютъ пистолетъ изъ-запояса и стрѣляютъ.

Въ другой фигурѣ танцующіе вытягиваютъ одну руку впередъ, другую поднимаютъ сзади, сжимаютъ кулаки и наклоняютъ нѣсколько голову. Такъ бѣгутъ они одинъ за однимъ и кажется какъ будто угрожаютъ другъ другу. Пріятно смотрѣть на женщинъ, когда онѣ танцуютъ: онѣ отскакиваютъ отъ земли, ловко и граціозно, точно мячики, и при этомъ непремѣнно вскрикиваютъ. Когда прекращается танецъ, мужчина цѣлуется съ мужчиной, а женщина съ женщиной. Очень часто однако мужчины танцуютъ и съ женщинами;

тогда по окончаніи пляски, женщина цѣлуетъ у мужчины руку, а иногда и край его одежды,—тотъ въ отвѣтъ на это цѣлуетъ ее въ лобъ.

Послѣ пляски бываютъ игры, въ которыхъ играющія бѣгаютъ въ запуски, по двое схватываются руками, подскакиваютъ и при подскакиваніи въ тактъ поютъ и также вскрикиваютъ.

Но вотъ приближается ночь, которая воображенію необразованнаго человѣка рисуетъ всегда столько страшныхъ образовъ. Что же до черногорцевъ, то трудно даже себѣ представить, до чего суевѣренъ этотъ народъ. Эти герои, которые такъ смѣло смотрятъ въ глаза самой смерти, которыхъ весь свѣтъ считаетъ такими непобѣдимыми и неустрашимыми, дрожатъ, какъ дѣти, пробираясь ночью черезъ кладбище. Можно смѣло сказать, что нигдѣ между европейскими народами такъ не сильна вѣра въ привидѣнія, колдуновъ, колдуній и злыхъ духовъ, какъ между черногорцами. Больше всего они боятся *тенаца* у другихъ южныхъ славянъ), (вукодлаки который, по ихъ понятіямъ, встаетъ изъ могилы. Иногда, подозрѣвая покойника въ колдовствѣ, его вырываютъ изъ земли. Если трупъ еще не истлѣлъ, народъ окончательно убѣждается, что его подозрѣнія справедливы; тогда его поварачиваютъ навзничь, вбиваютъ ему терновый колъ между плечь и опять зарываютъ въ могилу. Тутъ они успакоиваются и искренно вѣрятъ, что послѣ этого уже не встанетъ ни одинъ покойникъ. Впрочемъ этотъ же самый обычай мы не рѣдко встрѣчаемъ и у насъ въ народѣ во многихъ захолустьяхъ.

Еще смертельно боятся черногорцы *вѣщицъ*, старыхъ женщинъ, одаренныхъ нечистою силою,—нѣчто въ родѣ нашихъ вѣдьмъ. Про нихъ въ народѣ идетъ молва, что, когда онѣ спятъ, духъ ихъ летаетъ по воздуху, иногда мерцаетъ какъ огонь, влетаетъ въ дома и своимъ жаломъ прокалываетъ спящимъ грудь или лѣвый бокъ, высасываетъ кровь, съѣдаетъ сердце и снова закрываетъ раны. Это больше всего разсказывается тогда, когда кто нибудь жалуется на боль въ боку, или груди, что весьма не рѣдко въ Черногоріи, гдѣ при неудобствѣ дорогъ, приходится перескакивать съ камня на камень, часто получать раны во время войны, спать въ сырости подъ открытымъ небомъ и терпѣть множество другихъ неудобствъ; но черногорецъ, какъ человѣкъ совсѣмъ необразованный, все приписываетъ нечистой силѣ и дѣлаетъ все, чтобы чѣмъ нибудь оградить себя отъ ненавистныхъ ему вѣщицъ. Вѣщицы, какъ сказываетъ народъ, не любятъ бѣлаго лука, и черногорецъ всюду носитъ его съ собою и намазываетъ имъ грудь. Часто, сидя у очага, разсказываютъ они другъ другу, какъ такая то старуха, завѣдомо вѣщица, сознавалась передъ всѣмъ народомъ въ своемъ грѣхѣ и послѣ этого не только уже больше не вредила людямъ, а напротивъ того приносила имъ много пользы: она отлично вылѣчивала людей отъ укушенія вѣщицъ, своихъ прежнихъ подругъ.

Если въ какой нибудь мѣстности народъ сталъ умирать, чаще обыкновеннаго, это тотчасъ приписываютъ колдовству вѣщицъ. Бѣда, если въ то время тутъ попадется какая нибудь старуха, на которую кто нибудь укажетъ, какъ на виновницу мора; тогда толпа тотчасъ накидывается на нее и, не смотря на всѣ ея оправданія, ее бросаютъ въ воду. Если старуха тонетъ, ее считаютъ невинною, если же она остается поверхъ воды, — значитъ, виновна: тогда ее топятъ или побиваютъ каменьями. Эти случаи однако теперь несравненно рѣже, такъ какъ нынѣшній князь строго преслѣдуетъ всякія самовольныя убійства и дикія необузданныя страсти своего еще первобытнаго народа.

Когда кровь останавливается во снѣ и человѣкъ не можетъ вздохнуть, черногорецъ говоритъ, что его давитъ *мора* (кикимора), а у насъ тоже самое явленіе народъ приписываетъ домовому. Больше всего здѣсь, какъ и въ Сербіи, распространено повѣрье о *вилахъ*, сохранившееся по всей вѣроятности еще отъ временъ языческихъ. Это тѣ же наши русалки, только здѣсь въ странѣ, изборожденной высокими горами, онѣ превратились въ жительницъ горъ. Эти граціозныя и въ то же время капризныя созданія иногда покровительствуютъ людямъ, спасаютъ воиновъ, даютъ имъ полезные совѣты, иногда же напротивъ губятъ ихъ. Народъ представляетъ себѣ вилъ прелестными, неземными красавицами. По этому, когда черногорецъ хочетъ похвалить красоту дѣвушки, онъ говоритъ: «Миловидна, что горная вила, а гибка-то, что ель молодая.»

Побратимство.—Четованіе.—Ускоки.—Поединки и кровомщеніе: строгое преслѣдованіе ихъ въ настоящее время.—Свадьба и похороны.—Религія, церковь и образованіе.

Кромѣ кровнаго, чрезвычайно многочисленнаго родства, есть въ Черногоріи другое родство, такъ называемое побратимство. Оно состоитъ въ томъ, что двое юнаковъ, которые любятъ другъ друга и дружатъ между собою, совершаютъ обрядъ, послѣ котораго считаютъ себя братьями. Связь эта считается болѣе тѣсною и священной, нежели даже связь крови. Побратимы не только обязаны всегда и во всемъ помогать другъ другу, но каждый изъ нихъ долженъ быть всегда готовъ положить жизнь за брата. Если въ стычкѣ одинъ изъ нихъ слегка раненъ, другой долженъ унести его съ поля сраженія; если же онъ убитъ на повалъ, или на столько тяжело раненъ, что нѣтъ никакой надежды на его выздоровленіе, то его побратимъ обязанъ собственными руками отрубить ему голову, чтобы она недосталась врагу. Такое побратимство въ Черногоріи бываетъ однако трехъ родовъ: малое побратимство, побратимство неволею и причастное. *Малое* побратимство заключается безъ всякой торжественности: двое юнаковъ, изъявившіе другъ другу желаніе вступить въ такое побратимство, только три раза цѣлуются между собой; затѣмъ тотъ, кто первый предложилъ побратимство, приглашаетъ къ себѣ своего побратима въ домъ, угощаетъ его и даритъ ему что нибудь изъ своихъ вещей. Побратимство *неволею* совершается тогда, когда черногорецъ находится въ какой нибудь нуждѣ, въ опасности, изъ которой не можетъ выпутаться своими собственными силами. Тогда къ первому проходящему или встрѣчному онъ обращается съ такими словами: «Помоги мнѣ ради Бога и Святаго Ивана, я передъ Богомъ беру тебя братомъ...» При этихъ словахъ, каждый непремѣнно останавливается, исполняетъ всякую просьбу, если только она для него по силамъ; затѣмъ они цѣлуются между собою три раза, и вотъ они побратимы. Но самое истинное и самое главное побратимство—*причастное*. Когда черногорецъ находитъ хорошаго человѣка, который ему нравится во всѣхъ отношеніяхъ и съ которымъ онъ дружитъ, онъ рѣшается заключить съ нимъ причастное побратимство. Сговорившись объ этомъ между собой, оба юнака зовутъ попа чтобы тотъ благословилъ ихъ союзъ и прочелъ имъ молитву. Въ назначенный день и часъ оба отправляются въ церковь и во время молитвы становятся къ священнику подъ эпитрахиль. Затѣмъ священникъ подноситъ имъ чашу съ Святыми дарами; они разомъ къ ней приникаютъ и три раза причащаются, вотъ поэтому такое побратимство и называется причастнымъ. Затѣмъ побратимы

цѣлуются другъ съ другомъ три раза и уходятъ. Тотъ, который первый позвалъ на побратимство, зоветъ побратима къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствуютъ всѣ его родственники, и даритъ ему при этомъ рубашку, ружье или ножъ.

Черногорцы вступаютъ иногда въ побратимство и съ турками, но между ними никогда не бываетъ причастнаго побратимства, а только малое, или неволею.

Нарушенія клятвы побратимства, если когда и случаются, то только тогда, когда оно заключено между черногорцемъ и туркомъ; между своими же у нихъ почти не бываетъ такихъ примѣровъ. Вотъ какъ однажды турокъ нарушилъ клятву побратимства. Черногорецъ побратался съ туркомъ и затѣмъ вступилъ въ чету, въ которой предводительствовалъ турокъ, его новый побратимъ. (Чета или дружина—собраніе смѣлыхъ юнаковъ, которые въ военное время, отдѣльными партіями отъ 20 до 500 человѣкъ, нападаютъ на непріятеля и отправляются въ турецкія земли грабить турокъ). Они четовали шесть дней, но ничего не добыли. На седьмой день утромъ черногорецъ увидѣлъ, что его побратимъ турокъ гонитъ цѣлое стадо овецъ. Онъ обрадовался и просилъ дать ему одного барана, чтобы накормить себя и дружину. «Побратимъ—дай одного барана.»—«Кого это ты называешь побратимомъ?» спросилъ турокъ. «Можетъ ты съ мертвой головой побратался?»—«Нѣтъ, я побратался съ тобой и тебя, побратимъ, прошу дать мнѣ одного барана, такъ какъ мы уже седьмой день въ этомъ оврагѣ и въ нашихъ торбахъ нѣтъ ни крошки.»—«Ничего я тебѣ не дамъ,» отвѣчалъ на это турокъ, и пока сабля моя при мнѣ, я и думать не хочу о побратимствѣ съ тобой...» Не смотря на эти слова, черногорецъ торжественно повторилъ ту же просьбу и въ третій разъ. Тогда турокъ сталъ въ него прицѣливаться. Замѣтивъ это, черногорецъ окликнулъ своихъ; они тотчасъ бросились на турка, убили его и взяли все его стадо.

Какъ между мужчинами бываетъ побратимство, такъ между женщинами *посестримство*. Обрядъ этотъ совершается, какъ и у мужчинъ. Часто бываетъ посестримство между мужчиною и женщиною и женщина иногда имѣетъ по нѣскольку побратимовъ. Всѣ они клянутся охранять свою посестриму отъ всякихъ обидъ и мстить за нее, если ей будетъ нанесено какое нибудь оскорбленіе. Ни одинъ юнакъ не можетъ жениться на своей посестримѣ. Того, кто дерзнетъ забыть свою клятву, говорится въ одной народной пѣснѣ, страшно покараетъ само небо. Одна дѣвушка отправилась въ путь съ своимъ побратимомъ, но тотъ на дорогѣ забылъ свою клятву и сталъ говорить ей о любви. Тогда небо, за минуту ясное, покрылось тучами, сверкнула страшная молнія и убила клятвопреступника, который мертвый, какъ снопъ, упалъ къ ногамъ своей посестримы.

Иногда изъ юнаковъ образуется цѣлая дружина, *чета*. Тутъ уже каждый юнакъ стоитъ не только за побратима, но и за каждаго члена своей дружины: одинъ другому помогаетъ, одинъ за другаго отомщаетъ, вмѣстѣ ходятъ на турокъ, вмѣстѣ сражаются, награбленную добычу дѣлятъ поровну. Разница между членами дружины и двумя побратимами та, что съ своимъ побратимомъ юнакъ связанъ на всю жизнь, а съ членами четы только на военное время. Прошла война, наступило мирное время и каждый юнакъ отправился къ своему очагу и простился навсегда съ товарищами. Опять наступила война, юнакъ опять вступаетъ въ чету, но при этомъ его товарищами часто бываютъ совсѣмъ не тѣ, съ которыми онъ въ первый разъ грабилъ непріятеля.

Черногорецъ идетъ въ чету не потому только, что онъ ничего не имѣетъ, но чтобы отличиться, показать свою удаль и молодечество. Такъ какъ четѣ приходится часто быть въ большой опасности, испытывать холодъ, жажду и множество другихъ лишеній, въ нее вступаютъ самые смѣлые, храбрые и отважные юнаки, пропитанные къ тому же страшною ненавистью къ туркамъ и жаждою отомстить за убитаго отца, брата или побратима. Черногорецъ, который смотритъ на кражу у своего брата, какъ на величайшій позоръ, въ то же время считаетъ героемъ того, кто добудетъ, хитростію или саблею собственность своего врага. Необходимо однако замѣтить, что черногорцы не смѣютъ четовать и такимъ образомъ отнимать добычу у турка во время мира, а могутъ дѣлать это лишь во время войны. Тогда этихъ четовниковъ можно сравнить съ партизанскими отрядами, которые всякимъ способомъ стараются нанести вредъ врагу.

Когда во время войны соберется такимъ образомъ чета, они выбираютъ изъ себя предводителя, который отлично знаетъ всѣ тропинки и ущелья, чтобы въ критическую минуту умѣть незамѣтно провести, а то и скрыть отъ врага свою дружину. Изъ четы отдѣляется отрядъ въ 10 — 20 человѣкъ, который осматриваетъ мѣстность, возвратившись сообщаетъ свои наблюденія остальной дружинѣ и только послѣ этого она двигается впередъ. Но переходить съ мѣста на мѣсто она рѣшается только ночью и то по лѣсистымъ тропинкамъ. Спитъ чета обыкновенно днемъ въ оврагѣ и при этомъ непремѣнно гдѣ нибудь въ засадѣ; чтобы турки не напали нечаянно, она выставляетъ стражу, которая смѣняется поочереди. Чаще всего приходится четовникамъ испытывать жажду; тогда они взлѣзаютъ на горы и ищутъ ямъ, въ которыхъ сохраняется снѣгъ, но если не находятъ его, то вынимаютъ изъ сумки патронъ и сосутъ порохъ, такъ какъ нужда научила ихъ, что въ порохѣ есть селитра, которая уменьшаетъ жажду. Когда чета подойдетъ къ турецкому плетню, они связываютъ пастуха и угоняютъ скотъ. Турецкими пастухами бываютъ обыкновенно христіане и потому черногорцы не убиваютъ ихъ; но если пастухъ турокъ, четовники убиваютъ его безъ всякаго состраданія.

Когда турки замѣтятъ четовниковъ, они скликаютъ всѣхъ своихъ собакъ и бросаются въ погоню. Замѣтивъ это, четовники тотчасъ раздѣляются на два отряда. Одинъ небольшой впереди продолжаетъ гнать стадо, а другой—встрѣчаетъ турецкую погоню ружейнымъ огнемъ, задерживаетъ ее на дорогѣ разными маневрами, пока передній отрядъ не угонитъ стадо до самой черногорской границы. Тутъ бой прекращается. Если кто изъ четовниковъ будетъ убитъ или раненъ, дружина ни за что не оставитъ его на дорогѣ, такъ какъ иначе турки непремѣнно отрубятъ ему голову. Вотъ почему каждаго убитаго уносятъ на рукахъ на родину и тамъ закапываютъ его тѣло. Такая чета заходитъ иногда грабить въ турецкія земли и остается тамъ по 5 — 6 недѣль.

Четы ходятъ по всѣмъ границамъ; но нигдѣ это такъ не развито, какъ на границѣ боснійской. Тамъ живутъ *ускоки*, которые всѣ образовались изъ подобныхъ четъ. Имя ихъ значитъ бѣглецы, или дезертиры. Прежде ихъ было очень много: ускоками дѣлались сербскіе юнаки изъ герцеговинцевъ и босняковъ, которые бѣжали съ родины, пропитанные до мозга костей ненавистью къ самоуправству и тираніи турокъ. Теперь ускоковъ немного и они не играютъ никакой роли. Ихъ отличіе отъ обыкновенныхъ четовниковъ въ томъ, что они не только во время войны, но постоянно, лишь было бы теплое время года, четуютъ въ турецкихъ земляхъ, нападаютъ на своихъ враговъ

и грабятъ ихъ. Теперь, хотя ихъ и мало, но турки ихъ сильно побаиваются. Черногорцы, какъ прежде такъ и теперь, всегда охотно принимаютъ у себя ускоковъ. Чаще всего они собираются у пограничныхъ черногорцевъ: лишь только начинается весна, они раздѣляются на небольшіе отряды и отправляются на грабежъ въ Боснію, Герцеговину и Албанію. Началомъ такихъ походовъ считается обыкновенно Юрьевъ день. Этотъ день воспѣвается и въ народныхъ пѣсняхъ: «Когда придетъ веселый Юрьевъ день, горы одѣнутся зеленью и цвѣтами, буковый лѣсъ покроется листьями и кукушка закукуетъ въ немъ, тогда для гайдука настанетъ время четованья».

Часто одна и та же чета ускоковъ дѣлаетъ по нѣсколько походовъ въ одно лѣто. Только развѣ изобиліе добычи заставитъ ихъ возвратиться домой раньше осени. Если же наберется добычи такъ много, что нѣтъ силъ снести ее домой, то четовники скорѣе сожгутъ или бросятъ ее въ воду, нежели оставятъ туркамъ. Если одна чета, богатая добычею, встрѣтитъ другую, бѣдную, которой нечего ѣсть, она должна дать послѣдней всѣ средства къ пропитанію.

Эти ускоки прежде были знаменитыми разбойниками Адріатическаго моря. Кстати замѣтимъ, что вообще своими первыми поселеніями Адріатика почти исключительно обязана бѣглецамъ. Бѣглецами населились лагуны и Венеція, стѣны Рагузы (Дубровника), города Зара и Спалато (всѣ три въ австрійской Далмаціи); среди множества различныхъ бѣглецовъ здѣсь являются также и ускоки. Въ XVII и XVIII столѣтіи небольшая горсть этихъ разбойниковъ тревожила могущественнѣйшія тогда державы. Они устрашали турокъ, оскорбляли венеціанъ, привлекали къ себѣ взоры австрійцевъ, папы и наконецъ французскаго короля. Больше всего ускоковъ поддерживало соперничество Австріи съ Венеціей. Хотя Австрію отъ времени до времени и безпокоили набѣги ускоковъ, но она не хотѣла совсѣмъ прекратить ихъ грабежи, такъ какъ они дѣлали постоянные набѣги на венеціанъ и наносили имъ огромный ущербъ. Съ своей стороны венеціанцы, отъ всей души ненавидя ускоковъ, не рѣшались окончательно ихъ уничтожить: они боялись такимъ путемъ открыть туркамъ входъ въ Италію. Съ той и съ другой стороны прибѣгали къ переговорамъ и, пока кабинеты писали свои ноты, размѣнивались предложеніями, ускоки продолжали свою жизнь смѣлыхъ и свирѣпыхъ пиратовъ, немилосердно грабя и часто даже пятная себя убійствами. Больше всего опять-таки доставалось отъ нихъ туркамъ. Впослѣдствіи грабежи ихъ наконецъ до того всѣхъ вывели изъ терпѣнія, что общими усиліями ихъ совсѣмъ разсѣяли. Теперь, какъ мы уже говорили, число ихъ значительно уменьшилось и они бродятъ на границѣ боснійской и черногорской.

Черная Гора дѣлится на семь племенъ (*). Каждое племя имѣетъ своего предка — *тукунджеда*, который въ старыя времена переселился въ Черную Гору: его потомство такъ съ тѣхъ поръ и прозывается по его имени. Всякое племя имѣетъ свое преданіе о поселеніи и прославляетъ своего шукунджеда, гордится имъ и хвастаетъ имъ другъ передъ другомъ. Племена дѣлятся на братства: въ каждомъ племени бываетъ по пяти, по шести и болѣе братствъ. Всякое племя имѣетъ своего *главаря*. Это дѣленіе на нѣсколько племенъ прежде всего служитъ доказательствомъ, что Черногорія находится въ мла-

(*) Эти племена слѣдующія: цѣтиняне, нѣгуши, джекличи, бѣлици, чевляне, куце и пешивци.

денческомъ состоянiи. Племена постоянно враждуютъ между собою, соперничаютъ, — отъ чего происходитъ много бѣдствiй для страны. Соперничество порождаетъ ссоры, а иногда даже кровопролитiе и кровомщенiе. Ссоры между племенами бываютъ изъ за женщинъ, за кражу коровы или козы, иногда изъ за мѣткой, но грубой остроты, на которую такъ способны всѣ славяне, а въ особенности черногорцы. Тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, кипятъ страсти и самая ничтожная причина можетъ вывести изъ себя черногорца И такъ какъ черногорецъ человѣкъ совсѣмъ необразованный и неразвитой, то онъ самымъ первобытнымъ способомъ и успокаиваетъ свои расходившiеся нервы. Иногда совершенно достаточно сказать ему, что всѣ его предки умерли въ постели, и ссора разгорѣлась, а отъ ссоры недалеко и до поединка.

Вотъ какъ описываетъ такой поединокъ одинъ писатель. Поводомъ къ поединку между юнаками Янко и Трипо было оскорбленное честолюбiе. Этотъ поединокъ не могъ остаться тайною, и толпа, всегда жадная до подобнаго рода зрѣлищъ, собралась близъ мѣста ратованiя и притаилась за взгорьемъ. Враги пришли, сошлись, кое о чемъ потолковали, пошутили, выпили ракiи, зарядили свои длинныя ружья и разошлись; ихъ хладнокровiе, слѣдствiе совершеннаго равнодушiя къ жизни и смерти, было слишкомъ натурально, — это отличительная черта черногорскихъ поединковъ. Поединщики стали на условленномъ разстоянiи; вслѣдъ затѣмъ раздался выстрѣлъ—и только одинъ, ружье Трипо дало осѣчку. Пуля расшибла ему локоть лѣвой руки, поддерживавшей ружье, и засѣла въ лѣвомъ боку: онъ упалъ безъ чувствъ, откинувъ далеко отъ себя ружье, но вскорѣ, усилiями товарища, былъ возвращенъ на мигъ къ жизни, и этимъ предсмертнымъ мигомъ поспѣшилъ воспользоваться Янко; не смотря на то, что по закону черногорскихъ поединковъ, осѣчка въ такомъ случаѣ почитается правымъ судомъ божiимъ, онъ велѣлъ Трипу стрѣлять въ себя. «Не могу придвинуть ружья, не могу удержать его», произнесъ тотъ умирающимъ голосомъ. Янко подалъ ему ружье, посадилъ на землю, но руки Трипо склонялись долу, тѣло валилось; Янко приподнялъ его правое колѣно, уперъ на него ружье и, склонивъ его колеблющуюся голову къ прикладу, сказалъ: «я не хочу, чтобъ такой юнакъ отошелъ на тотъ свѣтъ не отомщеннымъ, а кто за тебя здѣсь отомститъ: у тебя ни брата, ни друга, круглый сиротина», и сталъ въ двухъ шагахъ противъ ружейнаго дула. Раздался выстрѣлъ и благородный соперникъ зашатался. Стыдно падать юнаку: крѣпко упершись одною рукою о камень, другою о свое ружье, онъ удержался на ногахъ и въ этомъ положенiи, какъ наиболѣе приличномъ герою, казалось рѣшился ожидать смерти; ни одинъ стонъ, ни одно болѣзненное движенiе не обнаружили его мученiя. Пришедшая толпа нашла Трипо уже мертвымъ; Янко былъ безъ чувствъ, но искуство здѣшнихъ доморощенныхъ врачей исцѣлили его рану, не смотря на всю опасность ея; это была двадцать первая.

Кстати здѣсь я разскажу вамъ поединокъ одного племени съ другимъ. Одна женщина, отданная въ замужество въ другое племя, наскучивъ грубымъ обращенiемъ мужа, бросила его и убѣжала къ своимъ братьямъ; она разсказала имъ горькую жизнь свою и намѣренiе не возвращаться болѣе къ мужу, но вмѣстѣ съ тѣмъ заклинала не мстить ему; напрасно,—братья затруднялись только въ томъ, кому изъ нихъ объявить себя мстителемъ сестры: каждый добивался этой чести, и кончили тѣмъ, что отправились всѣ трое; ихъ родственники и друзья не хотѣли ихъ отпустить однихъ,

къ нимъ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ и вотъ цѣлое племя поднялось противъ другаго. О мирѣ съ черногорцемъ нечего и говорить, пока у него заряжены оба пистолета и ружье.... Раздались выстрѣлы, сначала рѣдко, потомъ чаще, то удаляясь, то приближаясь, смотря по движенію толпы. Крики заглушили выстрѣлы: «Эй! соколы, соколы! — Видо, Петро, юнакъ! направо, налѣво, впередъ!» раздавалось повсюду. Дрались большею частію въ разсыпную, то набѣгая, то убѣгая, заманивая въ средину удальцевъ и отрѣзывая ихъ отъ остальной толпы, то скрываясь за камнями, то показываясь нежданно на вершинѣ, словомъ употребляя всѣ хитрости, пока ожесточеніе не овладѣло ими, тогда они столпились; тутъ некогда уже было думать заряжать ружья или пистолеты, — схватились за ятаганы. Старѣйшины увидѣли, что слишкомъ уже много крови пролито для одной женщины, и съ обѣихъ сторонъ подняли шапки на своихъ длинныхъ ружьяхъ, знаменіе перемирія; буря стихла и враги разошлись на приличное разстояніе.

Но это было только начало. Слѣдовало изложеніе предмета, для котораго собрались спорящія стороны: надобно было рѣшить, кто правъ — мужъ, или жена? и въ первомъ случаѣ принудить мужа взять обратно жену и поступать съ нею, «какъ слѣдуетъ». Начались споры и доказательства, кричали пуще, чѣмъ при дракѣ, молодые горячились, главари выслушивали терпѣливо сужденія каждаго, иногда нѣсколькихъ вдругъ, и уже готовы были произнести приговоръ, какъ вдругъ двое повздорили и битва закипѣла сильнѣе прежняго.... Наконецъ, главари, улучивъ минуту, крикомъ и выставленными шапками успѣли остановить кровопролитіе. Сосчитали убитыхъ: со стороны супруга было десять, со стороны оскорбленной жены четыре. По черногорски та сторона, въ которой болѣе убитыхъ, считается виновною,—потому и тутъ защитники жены провозгласили побѣду; побѣжденный остался, какъ водится, виноватымъ; уцѣлѣвшій мужъ долженъ былъ взять обратно жену и обязаться клятвою жить съ нею въ мирѣ и согласіи. Враждующія стороны примирились и разошлись.

Убійства какъ на поединкѣ, такъ и въ другомъ мѣстѣ, вызываютъ кровавую месть. Каждый убитый имѣетъ кровныхъ родныхъ, друзей или побратимовъ. Въ такихъ случаяхъ на нихъ возлагается обязанность отомстить за кровь близкаго имъ человѣка и отплатить убійцѣ кровью же. Но поединки, кровомщенія все это безпрестранно случалось 30, 40 лѣтъ тому назадъ; теперь они происходятъ весьма рѣдко, такъ какъ нынѣшнее правительство караетъ убійцу на поединкѣ такъ же строго, какъ и простаго убійцу: его присуждаютъ обыкновенно къ смертной казни и часто послѣ смерти выставляютъ тѣло казненнаго на нѣсколько дней на томъ мѣстѣ, гдѣ было совершено убійство. Но и это иногда не удерживаетъ расходившіяся страсти черногорца. Во всякомъ случаѣ строгость законовъ имѣла свое дѣйствіе и поединки, точно также какъ и случаи кровавой мести, бываютъ нынче очень рѣдко, но сочувствіе черногорцевъ къ такого рода обычаямъ еще весьма сильно.

Многіе обряды черногорскіе носятъ на себѣ также слѣды родоваго патріархальнаго быта. Возьмемъ для примѣра бракъ. Мы видѣли уже, какое важное значеніе имѣетъ въ Черногоріи женщина. Воинственный, но лѣнивый и праздный черногорецъ умеръ бы съ голоду, еслибъ она не выручала его своимъ неутомимымъ трудомъ. Но женщина въ то же самое время—раба; она вполнѣ принадлежитъ своему роду. Будучи трудолюбивою, дѣятельною рабою, она дорого цѣнится родомъ. Выдавая замужъ дѣвушку, родъ теряетъ работницу.

Мало того: онъ теряетъ всѣ тѣ издержки, которыхъ стоила ему дѣвушка въ теченіи всей своей жизни до замужества. Напротивъ того, тому роду, въ который входитъ молодая женщина, весьма выгодно: онъ пріобрѣтаетъ новую работницу. Вслѣдствіе этого, въ Черногоріи существуетъ обычай, совершенно противуположной нашему—у насъ женщина приноситъ мужу приданое, въ Черногоріи наоборотъ: женщина покупается за деньги, которыя женихъ платитъ отцу невѣсты. Сама она не приноситъ своему мужу никакого приданаго. Женятся въ Черногоріи рано: мужчинѣ позволено вступать въ бракъ четырнадцати, а женщинѣ — пятнадцати лѣтъ. Впрочемъ, если дѣвушка имѣетъ и болѣе лѣтъ, но у нея есть старшая сестра, то она никогда не выйдетъ замужъ раньше старшей: это значило бы запятнать ее вѣчнымъ позоромъ. Очень часто родители прочатъ своихъ дѣтей другъ за друга, когда тѣ еще въ колыбели. И тогда данное слово держатъ честно, не смотря ни на какія препятствія. Въ Черногоріи вполнѣ сохранился обычай «сватовства». Ни одно важное торжественное дѣло между двумя родами, какъ между отдѣльными государствами, неможетъ обойтись безъ посольства. Такъ и свадебныя обряды начинаются съ того, что женихъ посылаетъ свата къ родителямъ невѣсты. Когда все дѣло улажено, бракъ оглашается въ церкви. Въ день свадьбы мать покрываетъ невѣсту бѣлымъ покрываломъ, которое не снимается во все время свадьбы; затѣмъ ее благословляютъ и всѣ отправляются въ церковь. Какъ въ домѣ богатаго черногорца, такъ и въ домѣ бѣдняка, первые три торжественныя дня послѣ брака знаменуются почти безпрерывной ружейной пальбой и всѣ три дня продолжается пиръ, музыка, не смолкаютъ свадебныя пѣсни. При этомъ какъ тутъ, такъ и при другихъ торжествахъ, непремѣнно присутствуетъ священникъ. Невѣста во время всѣхъ этихъ трехдневныхъ пировъ и веселья играетъ самую несчастную роль. Всѣ пируютъ, веселятся, кромѣ ея; она не смѣетъ даже сѣсть, а похаживаетъ гдѣ нибудь въ сторонкѣ или стоитъ въ уголку. Для нея будетъ величайшимъ безчестіемъ, если въ эти дни ее застанетъ кто нибудь за ѣдой: она можетъ дѣлать это только украдкой и то когда сжалятся надъ нею дружки, которые находятся при ней въ эти первые три дня безотлучно.

Послѣ брака, черногорскіе нравы заставляютъ мужа и жену относиться другъ къ другу въ продолженіи цѣлаго года самымъ страннымъ образомъ. Считается величайшею непристойностію, если кто нибудь увидитъ, что супруги разговариваютъ между собой, и поэтому они очень долго дичатся другъ друга. Показать какую нибудь нѣжность къ женѣ, заботу объ ней, — значило бы на вѣки запятнать себя позоромъ: это выражало бы любовь — чувство слабаго, свойственное женщинѣ.

Но еще болѣе оригинальны обычаи черногорцевъ при похоронахъ.

Судя по ихъ равнодушію къ жизни, по той смѣлости, съ которою они бросаются на вѣрную гибель, они, кажется, должны были бы равнодушно встрѣчать и смерть своихъ близкихъ. Выходитъ совсѣмъ напротивъ. Трудно себѣ представить, какіе страшные крики, вопли и причитанія раздаются въ хатѣ, гдѣ есть покойникъ. Особенно женщины при этомъ приходятъ совсѣмъ въ остервененіе. Онѣ бьютъ себя въ грудь, рвутъ на себѣ одежду, съ пронзительнымъ воплемъ, крикомъ и причитаніями бросаются на полъ, въ изступленіи рвутъ волосы, царапаютъ себѣ лице и грудь такъ, что буквально обливаются кровью. Родственники одинъ за другимъ безпрестанно входятъ въ домъ покойника и при видѣ умершаго отчаянно вскрикиваютъ и рыдаютъ. Какъ

однако ни велико горе всѣхъ родственниковъ, всетаки тутъ главную роль, вѣроятно, играетъ обычай страны, который предписываетъ близкимъ такія громкія изъявленія своего соболѣзнованія. Когда кто нибудь приближается къ хатѣ покойника, рыданія, вопли и изступленія еще больше усиливаются. Покойникъ находится въ домѣ только въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ и лежитъ въ это время съ открытымъ лицомъ, весь убраннымцвѣтами и листьями.

Когда входитъ священникъ, крики еще болѣе усиливаются. Покойника кладутъ на носилки, а родные и близкіе его каждый подходитъ къ нему и что то шепчетъ ему на ухо; это даютъ покойнику разныя порученія, которыя просятъ его выполнить на томъ свѣтѣ; одинъ поручаетъ ему поклониться своей покойной женѣ, другой сестрѣ, побратиму и такъ далѣе. Носилки покойнаго, къ его могилѣ обыкновенно сопровождаетъ огромный хоръ плакальщицъ: перемѣшивая свои слова рыданіями и жалобными причитаніями, онѣ пересчитываютъ всѣ подвиги покойника. Прежде чѣмъ опустить его въ могилу, самые близкіе родственники привязываютъ къ шеѣ его кусокъ пирога, а въ руки кладутъ монету,—этотъ обычай сохранился у нихъ отъ древнихъ грековъ. Наконецъ усопшаго опускаютъ въ землю. Послѣ этого среди рыданій и причитаній плакальщицъ, безпрестанно раздаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Ахъ, зачѣмъ ты насъ покинулъ! твоя жена такъ хорошо за тобою ухаживала! она такъ хорошо приготовляла тебѣ кушанье! Твои сыновья такъ слушались тебя, такъ были къ тебѣ почтительны! У тебя были такія прекрасныя стада! небо всегда благословляло всѣ твои предпріятія»! Послѣ погребенія священникъ и всѣ присутствующіе при этой церемоніи возвращаются въ домъ и садятся за трапезу. При этомъ двѣ женщины встаютъ и, расхаживая по комнатѣ, жалобно причитаютъ. Послѣ трапезы всѣ начинаютъ опять плакать. Близкіе покойнаго, какъ мужчины, такъ и женщины, надѣваютъ трауръ. Впродолженіе мѣсяца, куда бы ни вышли родственницы покойнаго: на колодезь или за дровами, онѣ всюду начинаютъ громко и жалобно причитать и пересчитывать добродѣтели и подвиги своего умершаго родственника. Во всемъ братствѣ, впродолженіе года нѣтъ никакихъ увеселеній: ни хороводовъ, ни пѣнія, ни пляски.

Теперь поговоримъ о религіи. Хотя черногорцы и принадлежатъ къ православному исповѣданію, но они совершенно независимы въ духовномъ отношеніи и не повинуется ни патріарху константинопольскому, ни русскому Синоду, даже съ сербскою церковью они связаны только чувствами симпатіи. Когда назначается новый епископъ, его посылаютъ для посвященія въ Россію, или въ Австрію, гдѣ много православныхъ христіанъ. Черногорцы очень набожны: часто ходятъ въ церковь, старательно наблюдаютъ воскресные дни и посты, но ихъ понятія о религіи крайне неопредѣленны. Хотя въ Черногоріи живутъ все почти православные, но можно смѣло сказать, что здѣсь господствуетъ полная вѣротерпимость. Нѣсколько магометанъ и католиковъ, которымъ по разнымъ обстоятельствамъ пришлось бы здѣсь жить, не возбуждаютъ противъ себя никакого гоненія и преслѣдованія за свою религію.

Вѣковая борьба, распри, междуусобицы и наконецъ весьма скудныя матеріальныя средства не давали возможности черногорцамъ думать о своемъ просвѣщеніи, устраивать у себя школы. Народное образованіе можетъ развиваться только въ той странѣ, гдѣ народъ пользуется хоть нѣкоторымъ благосостояніемъ. Наконецъ, для успѣшнаго распространенія образованія, страна

непремѣнно должна быть обезпечена отъ непріятельскихъ вторженій. Въ тѣхъ земляхъ, гдѣ народъ вынужденъ не выпускать оружія изъ своихъ рукъ, гдѣ долгое время онъ не былъ огражденъ отъ своихъ враговъ, какъ это мы видѣли въ Черногоріи, тамъ на первомъ планѣ стоятъ интересы военные, а не научные. Да и откуда у черногорцевъ могла бы явиться мысль о просвѣщеніи? Священники ихъ до сихъ поръ очень неразвиты и необразованы. Иностранцу трудно отличить священника отъ простолюдина, такъ какъ онъ мало отличается отъ него даже своимъ внѣшнимъ видомъ; они носятъ обыкновенную одежду, брѣютъ бороду и подбриваютъ голову, стрѣляютъ изъ оружія, съ которымъ не разстаются даже и тогда, когда идутъ служить. Только входя въ храмъ, онъ снимаетъ его, а, окончивши службу опять тотчасъ одѣваетъ. Еще недавно священники входили въ алтарь съ оружіемъ, чтобы и тутъ на случай мести они могли бы себя защитить. Такимъ образомъ священника только и можно отличить отъ остальнаго народа тогда, когда онъ служитъ; иначе, онъ, какъ и остальные, копаетъ, орётъ, торгуетъ, ходитъ на базаръ, участвуетъ въ бояхъ. Однако, черногорцы знаютъ, кто изъ нихъ священникъ, и называютъ его неиначе какъ *попе*. Духовенство отъ простонародья отличается только тѣмъ, что священники умѣютъ хоть сколько нибудь читать, а иногда и писать, — впрочемъ еще и теперь много такихъ, которые, какъ и простой народъ, вовсе безграмотны. Между тѣмъ до новѣйшихъ временъ, священство въ Черногоріи пользовалось большимъ почетомъ и занимало всѣ важнѣйшія должности въ государственной службѣ. Даже правителемъ государства въ прежнее время былъ владыка, который соединялъ въ своемъ лицѣ и свѣтскую, и духовную власть. Каждый черногорецъ охотно отдавалъ своего старшаго сына, или наиболѣе даровитаго въ духовное званіе. И теперь еще въ селахъ до того много священниковъ, что нѣкоторымъ изъ нихъ иногда и вовсе не приходится служить. Въ одномъ домѣ иногда три, четыре и болѣе священниковъ; число ихъ неопредѣлено и, какъ говоритъ черногорецъ, каждый можетъ *запопити* т. е. сдѣлаться попомъ (*).

Прошла уже цѣлая четверть XIX вѣка, а черногорцы все еще не занимались ничѣмъ другимъ, кромѣ войны. Лучшіе и умнѣйшіе ихъ управители больше всего заботились въ это время о смягченіи суровыхъ нравовъ жителей, объ истребленіи кровавой мести, сильно распространенной между народомъ и возмущавшей миръ и спокойствіе страны. Только въ XIX столѣтіи, во время управленія Черногоріею Петромъ I, былъ изданъ первый писанный законъ, которымъ воспрещались кровопролитныя ссоры и родовая месть; но изданіе законовъ, правила и распоряженія мало помогали, такъ какъ черногорцы были не только совершенно необразованны, но находились въ самомъ младенческомъ состояніи. По этому въ 1833 году была основана первая народная школа въ Цетиньѣ. Въ эту школу собралось до тридцати молодыхъ людей изъ разныхъ черногорскихъ племенъ. Кругъ преподаваемыхъ въ ней наукъ, разумѣется, не былъ обширенъ. Главною ея задачею было подготовить молодежь къ чтенію славянскихъ книгъ и выучить ихъ писать по славянски. Тотъ, кто одолѣвалъ половину служебника, считался совершенно подготовленнымъ даже къ священническому сану; тотъ же кто не думалъ впослѣдствіи стать священникомъ и все-

(*) Всѣ эти священники составляютъ бѣлое духовенство, въ отличіе отъ нихъ монахи носятъ длинную бороду и длинную косу; они ходятъ въ широкихъ мантіяхъ, нѣкоторые съ камилавками на головѣ, а другіе въ фесахъ. Впрочемъ и монахи идутъ въ бой, когда есть война.

таки научался читать съ грѣхомъ пополамъ, да зналъ не много часословъ, псалтырь и служебникъ, считался вполнѣ ученымъ; этимъ оба навсегда кончали свое образованіе. Но и эта единственная школа во всей Черногоріи черезъ нѣсколько лѣтъ совсѣмъ закрылась, такъ какъ всѣ ученики пошли на войну противъ турокъ.

При Даніилѣ, предшественникѣ нынѣшняго князя Николая, снова была открыта школа, и онъ обратилъ на нее уже болѣе серьезное вниманіе. Такъ какъ небогатымъ людямъ трудно было посылать туда своихъ дѣтей, то онъ устроилъ шестнадцать стипендій, и юноши, которые ихъ получали, имѣли даромъ квартиру въ монастырѣ, столъ и книги. Число всѣхъ дѣтей, обучавшихся въ это время въ Цетинской школѣ, доходило до сорока человѣкъ. Теперь школа уже раздѣлялась на четыре класса и кругъ образованія болѣе расширился; но методъ преподаванія состоялъ исключительно въ томъ, что дѣти зубрили всѣ свои уроки безъ всякихъ объясненій; за неудовлетворительный отвѣтъ ученика ждали розги и побои. Вообще дѣтей колотили безпощадно. Нѣкоторые изъ нихъ отъ побоевъ по ладонямъ не могли по двѣ и по три недѣли взяться за перо.

Такъ шло дѣло до нашего времени и только два-три года тому назадъ началось настоящее школьное движеніе. Нынѣшній Черногорскій правитель князь Николай въ самое короткое время открылъ до восьми школъ въ разныхъ мѣстахъ. Но самымъ главнымъ толчкомъ для образованія послужитъ, разумѣется, мужская семинарія, открытая 1869 или 70 г. для приготовленія къ священническому и учительскому званію, въ которой давно чувствовалась настоятельная потребность. Теперь уже не допускается тѣлесное наказаніе, а провинившихся въ большихъ проступкахъ увольняютъ навсегда изъ училища. Между разными предметами непослѣднее мѣсто занимаетъ изученіе русскаго языка и церковнославянскаго. Въ семинаріи существуетъ библіотека, но она далеко еще не соотвѣтствуетъ своему назначенію, вслѣдствіе крайняго недостатка въ книгахъ, и это очень жаль, такъ какъ студенты, какъ говорятъ, чувствуютъ сильную потребность въ хорошемъ чтеніи. Около этого времени, т. е. года три тому назадъ положили также основаніе первому женскому Черногорскому институту (*). Институтъ этотъ еще очень не великъ, онъ устроенъ на 24 пансіонерки. Программа преподаванія въ немъ самая элементарная. Методъ преподаванія еще мало выработанъ, но и то важно, что въ этой дикой первобытной странѣ уже положено основаніе женскому воспитанію. Что же до воспитанницъ и въ особенности до юношей, то рвеніе ихъ къ наукѣ по истинѣ изумительно; въ теченіи всѣхъ этихъ трехъ лѣтъ никто изъ студентовъ, за исключеніемъ больныхъ и по особенно важнымъ причинамъ, не пропустилъ ни одного урока. Держатъ себя молодые люди съ необыкновеннымъ достоинствомъ: отличительная черта ихъ характера,—большое самолюбіе, которое не позволяетъ имъ доводить себя до упрековъ.

Цетинье. — Княжескій дворецъ. — Нынѣшній князь. — Образъ правленія. — Сенатъ. — Тяжбы. — Жизнь цетинскихъ гражданъ. — Законы страны.

Столица Черногорская, Цетинье, расположена въ Цетинской долинѣ (**) у подножія высокихъ горъ. Цетинье не только не напоминаетъ ни одну въ

(*) Этотъ женскій институтъ въ Цетиньѣ: онъ находится подъ покровительствомъ нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны.

(**) Цетинская долина имѣетъ около 13 верстъ длины и около 6—7 ширины.

мірѣ столицу, но мало походитъ даже и на городъ. Это скорѣе довольно большое село въ 40 — 50 домовъ, построенныхъ впрочемъ поевропейски. Мѣстоположеніе Цетиньи въ углу долины очень невыгодно, такъ какъ оно мѣшаетъ стоку воды, которой много набирается во время таянія снѣга, лежащаго здѣсь впродолженіи трехъ зимнихъ мѣсяцевъ. Тогда жильцамъ нижнихъ этажей приходится очень плохо. Впрочемъ и въ зимнее время здѣшнимъ жителямъ бываетъ не лучше: жилища сплошь заваливаетъ снѣгомъ, а по дорогѣ всюду такіе сугробы, что къ сосѣду пробраться трудно, добывать же свѣжіе припасы въ Каттаро даже не совсѣмъ безопасно. Крыши домовъ проваливаются отъ снѣга, а то ихъ срываетъ буря, которая внезапно подымается въ это время.

Въ Цетиньѣ всего двѣ улицы и та, что пошире, ведетъ къ дворцу князя Николая, нынѣшняго Черногорскаго правителя. Княжескій дворецъ расположенъ недалеко отъ монастыря, на совершенно ровномъ мѣстѣ. Это чрезвычайно длинное, двухъэтажное зданіе со всѣхъ сторонъ обнесено каменною стѣною, съ круглыми башеньками по угламъ. Внутри дворецъ отдѣланъ не только хорошо, но даже съ европейскою роскошью; нѣкоторыя залы украшены картинами и меблированы съ большимъ вкусомъ. Во дворцѣ есть библіотека и бильярдная комната. Здѣсь же хранятся трофеи, въ разныя времена отбитые у турокъ. Этотъ княжескій дворецъ оконченъ только Даніиломъ (дядею и предшественникомъ нынѣшняго правителя), по совѣту и внушеніямъ его супруги Даринки, привыкшей къ европейскому комфорту, — такъ что нынѣшній дворецъ устроенъ совсѣмъ недавно, прежде же черногорскіе правители жили въ монастырѣ. Теперь совсѣмъ не то; нынѣшній правитель не только живетъ въ прекрасно устроенномъ дворцѣ, но и сталъ мало по малу вводить роскошь, которая, вѣроятно, очень скоро будетъ угрожать серьезною опасностью самобытности и оригинальному строю этого смѣлаго народа, или лучше сказать этому гнѣзду «сербскихъ соколовъ». Прежніе правители не только довольствовались скромнымъ помѣщеніемъ въ монастырѣ, но жили съ своимъ народомъ совершенно однѣми и тѣми же интересами, радостями и горемъ. Когда враги посягали на свободу страны, тогда народъ бросалъ свои жилища, а вмѣстѣ съ ними бросалъ свою резиденцію и ихъ правитель, который удалялся вмѣстѣ съ своимъ народомъ въ горы, стараясь прежде всего поддержать его собственнымъ примѣромъ. И такъ прежніе черногорскіе правители во всѣ тяжелыя минуты были всегда съ народомъ и во главѣ его боролись съ врагомъ до послѣдней крайности.

Нынѣшній князь Николай—природный черногорецъ. Въ дѣтствѣ онъ велъ жизнь, какъ всѣ черногорскіе дѣти: босой и въ одной рубахѣ онъ лазалъ по скаламъ и пасъ козъ, но когда онъ сталъ юношею, его жизнь совершенно измѣнилась. Его дядя Даніилъ, вступивъ въ управленіе Черногоріей, назначилъ брата своего Мирка Петровича великимъ воеводою, а его сына Николая, своего племянника, отослалъ воспитываться въ Парижъ. Тамъ Николай и изучилъ отлично французскій языкъ, который теперь постоянно слышится въ комнатахъ его дворца; познакомился съ европейскою образованностію вообще, но особенно съ парижскою жизнію, привыкъ къ этой жизни, и, сдѣлавшись послѣ дяди своего черногорскимъ правителемъ, продолжалъ, на сколько возможно, жить также и на своей родинѣ. Особенно вначалѣ это было удобно для князя Николая, такъ какъ страною онъ управлялъ больше

номинально, въ дѣйствительности же всѣмъ правилъ отецъ князя, Мирко Петровичъ, недавно умершій, и большая часть дѣлъ рѣшалась подъ вліяніемъ тетки князя, вдовствующей княгини Даринки. При дворѣ появилось много французовъ. Первое время князь больше всего занимался пусканіемъ фейерверковъ, упражненіемъ въ фотографическомъ искуствѣ и раздачею орденовъ. Еще князь Даніилъ учредилъ орденъ, «за независимость Черногоріи», но награждалъ имъ за важныя заслуги отечеству. Николай придумалъ три степени этого ордена и сталъ раздавать ихъ каждому встрѣчному иностранцу. Съ этихъ поръ при черногорскомъ дворѣ патріархальные обычаи перемѣшиваются съ обычаями французскими; вмѣсто простоты нравовъ и незатѣйливой жизни, къ которой склоненъ черногорецъ, теперь здѣсь введенъ французскій этикетъ; незатѣйливая черногорская кухня уступаетъ теперь мѣсто утонченной парижской кухнѣ. Въ отношеніяхъ между народомъ и правителемъ тоже стало меньше той непосредственной простоты, какая была прежде. Вмѣстѣ съ этимъ и военное счастіе черногорцевъ стало имъ измѣнять. Разумѣется послѣдняя неудача въ войнѣ произошла не только отъ того, что князь сталъ вводить при своемъ дворѣ роскошь, французскіе нравы, даже не оттого, что самое простое, отеческое отношеніе къ народу, онъ замѣнилъ нѣкоторымъ этикетомъ,—а къ этому присоединились и другія болѣе важныя причины. Какъ бы то ни было, только въ послѣднюю войну съ турками поле сраженія осталось за ними и князь Николай подписалъ условія, весьма непріятныя для гордыхъ черногорцевъ. По одному изъ нихъ, между прочимъ, туркамъ предоставлялось право провести черезъ всю Черногорію торговую дорогу для соединенія Албаніи съ Герцеговиной и защитить ее турецкими военными постами. Построеніе дорогъ вообще мало занимаетъ турокъ, даже въ собственныхъ ихъ владѣніяхъ, слѣдовательно это было придумано лишь какъ предлогъ, чтобы имѣть возможность помѣстить турецкихъ солдатъ въ самой Черногоріи. Противъ этого протестовали всѣ иностранныя державы, такъ что это условіе было мало по малу уничтожено.

Но, если вслѣдствіе своего воспитанія князь Николай и внесъ внѣшній лоскъ при своемъ дворѣ и по молодости мало занимался дѣлами, за то теперь, особенно со смертію своего отца, онъ гораздо серьезнѣе сталъ относиться къ своимъ обязанностямъ. Къ тому же его пониманіе европейскаго образованія принесло и много пользы его странѣ. Онъ, какъ мы уже видѣли, сталъ энергично распространять образованіе между своимъ народомъ и жестоко преслѣдовалъ стародавніе обычаи, приносившіе страшный вредъ: мы говоримъ о поединкахъ и кровомщеніи, которые при немъ совсѣмъ почти стали исчезать.

Черногорская конституція есть родъ ограниченной монархіи, но на дѣлѣ она и до сихъ поръ еще приближается къ патріархальному строю.

У черногорцевъ есть сенатъ изъ двѣнадцати членовъ. Этотъ сенатъ учрежденіе совѣщательное и вмѣстѣ съ тѣмъ судебное. Предсѣдатель его—самъ князь, но онъ можетъ передавать свое президентское достоинство одному изъ ближайшихъ родственниковъ. Сенаторы выбираются народомъ и утверждаются княземъ; когда нужно выбрать одного изъ двухъ кандидатовъ, князь дѣлаетъ предпочтеніе тому, кто болѣе отличился на войнѣ.

Возлѣ дворца стоитъ одинокая вѣтвистая липа, около которой, по стародавнему обычаю, производится судъ и расправа и рѣшаются общественныя дѣла.

Сенаторы, если только они не на засѣданіи, разгуливаютъ днемъ обыкновенно по Цетиньѣ съ трубкою въ рукахъ или сидятъ въ корчмахъ. Вечеръ же они проводятъ у князя, играютъ у него въ карты или на бильярдѣ. Слѣдовательно приготовительнаго труда къ своимъ обязанностямъ: отчетовъ, отношеній, писемъ и вообще писанія бумагъ, у нихъ совсѣмъ мало. Все дѣло ихъ, весь трудъ—въ часы самаго засѣданія. Когда случится какое нибудь дѣло, ихъ тотчасъ же зоветъ князь, они собираются и, если погода стоитъ хорошая, то поджавъ ноги потурецки, садятся на травѣ подъ старою липою; если же погода этого не позволяетъ, то собираются въ княжескомъ дворцѣ. Сидя такимъ образомъ подъ деревомъ, сенаторы слушаютъ дѣла и подаютъ свои голоса, не выпуская изо рта своей трубки. Когда присутствуетъ самъ князь, онъ сидитъ выше всѣхъ, подъ самой липой и одѣтъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ въ голубовато-сѣромъ плащѣ.

Судебныя дѣла ведутся устно и рѣшаются тутъ же на мѣстѣ: рѣдко какое нибудь дѣло откладываютъ до слѣдующаго собранія. Тяжущіеся или просящіе тоже тутъ на лицо. Они подходятъ къ сенаторамъ и излагаютъ свою просьбу или жалобу. Послѣ этого князь спрашиваетъ мнѣніе сенаторовъ и согласно съ этимъ постановляетъ свое рѣшеніе; но свое рѣшеніе онъ снова отдаетъ на утвержденіе собранія. Когда предстоитъ рѣшить вопросъ, касающійся общественнаго благосостоянія, напримѣръ о проведеніи дороги, объ устройствѣ колодцевъ и т. п., князь опять таки предлагаетъ такой вопросъ на общее обсужденіе. Когда вопросъ разсмотренъ обстоятельно со всѣхъ сторонъ, тогда дѣлается постановленіе. Послѣ этого князь три раза обращается къ собранію, спрашивая: всѣ ли согласны съ сдѣланнымъ постановленіемъ? По полученіи утвердительнаго отвѣта, дѣло объявляется рѣшеннымъ.

Сенаторы часто бываютъ у князя и отлично знаютъ его мнѣніе по поводу всѣхъ вопросовъ, подымаемыхъ на собраніи сената,—понятно, что они никогда не подадутъ мнѣнія, которое могло бы быть хоть сколько нибудь непріятно князю. За это они могутъ подвергнуться опалѣ и лишиться своего мѣста, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ста рублей въ годъ, которые оно имъ даетъ. Но, конечно, большинство дѣлъ, нисколько незатрогиваютъ интересовъ и убѣжденій князя и тогда онѣ рѣшаются вполнѣ безпристрастно. Дѣло не много болѣе сложное, которое требуетъ зрѣлаго, всесторонняго обсужденія, черногорскіе сенаторы большею частію рѣшаютъ, слѣдуя первобытному правилу: «око за око, зубъ за зубъ», но тутъ уже главную роль играетъ ихъ невѣжество, а не ихъ недобросовѣстность.

Наказаніе опредѣляютъ по «законнику», который весьма несложенъ и ясно излагаетъ, за какую вину какая кара, а потому судить по немъ очень легко. За проступки меньшей важности взимаютъ пеню, одна половина которой поступаетъ въ государственную казну, а другая въ пользу судей. Иногда вмѣсто денежныхъ штрафовъ заключаютъ въ цетинскую тюрьму. Но зданіе это по большей части остается пустымъ, а если и бываютъ арестанты, то рѣдко болѣе двухъ или трехъ. Въ теченіе 1859 года во всей Черногоріи было совершено не болѣе какъ 15 кражъ, а въ 1861 году случилось всего два воровства, изъ которыхъ одно на сумму, равнявшуюся нѣсколькимъ копѣйкамъ. За большіе проступки приговариваютъ къ смертной казни и разстрѣливаютъ. Юридически тѣлесныхъ наказаній въ Черногоріи не существуетъ, но на дѣлѣ покойный отецъ князя, Мирко Петровичъ, часто позволялъ себѣ наказывать черногорцевъ палками.

По «законнику» строго преслѣдуются кровопролитныя ссоры и родовая месть. «Во время мира или перемирія съ Турціею», говоритъ «законникъ», «разбой, воровство и всякое хищничество воспрещается, а если таковыя будутъ учинены, добыча должна быть возвращена тѣмъ, отъ которыхъ она взята и виновные подлежатъ такому же наказанію, какъ будто преступленіе совершено противъ своихъ же братьевъ черногорцевъ. Нѣкоторыя постановленія вызываютъ невольную улыбку: такъ, напримѣръ, уцѣлѣло въ неизмѣненномъ видѣ положеніе перваго черногорскаго князя, чтобъ человѣка, не взявшаго оружія для защиты родины при непріятельскомъ нападеніи, лишить права когда бы то ни было носить оружіе и даже владѣть имъ. Такой человѣкъ уже не можетъ занимать никакой почетной должности и приговаривается носить *женскій передникъ*, «дабы каждый, съ перваго взгляда на него, узналъ, что въ груди его бьется не мужское сердце». Есть нѣсколько статей объ оскорбленіи личности; такимъ оскорбленіемъ признаютъ не только дѣйствіе, какъ напримѣръ, ударъ чубукомъ или ногой, за что закономъ дозволяется убить оскорбителя на мѣстѣ, но и произнесеніе бранныхъ или обидныхъ словъ. Дѣйствительно, ругательные эпитеты, которыми обыкновенно такъ щедро угощаютъ другъ друга люди низшаго сословія въ прочихъ странахъ, считаются здѣсь оскорбленіемъ устъ и чести самаго бѣднаго изъ черногорцевъ. Поэтому постановлено, что «черногорецъ, оскорбившій судью, воеводу или старшину, долженъ заплатить штрафъ въ 20 рублей, но, съ другой стороны, точно такой же штрафъ платитъ судья, воевода или старшина, оскорбившій простаго черногорца».

Черногорскія женщины пользуются тѣми же правами передъ закономъ, какъ и мужчины. Женщина, умертвившая своего мужа, подлежитъ смертной казни, какъ и всякій убійца, но только при казни ея не дозволяется употреблять оружія, потому, что считается срамомъ для мужчинъ, обратить оружіе противъ существа, которое не умѣетъ тѣмъ же защитить себя. Женщину, виновную въ тяжкомъ преступленіи, побиваютъ камнями, при чемъ отецъ бросаетъ въ нее первый камень.

Но какъ же живется въ Цетиньѣ? Днемъ всѣ заняты работой: кто сидитъ за прялкой или за шитьемъ, кто приготовляетъ обѣдъ, другой чиститъ ружье, собираетъ ягоды, травы. По вечерамъ, если погода хороша, всѣ выходятъ на улицу и столица замѣтно оживляется. Кто постарше идетъ въ корчму выпить ракіи, вина, кофе, но больше всего чтобы потолковать. Кто помоложе за городъ — хороводы водить.

На одной площадкѣ пляшутъ, поютъ, а на другой мужчины бѣгаютъ въ перегонки, бросаютъ большіе камни, ѣздятъ верхомъ. Иногда при этомъ бываетъ и князь. Мимо веселящихся прошелъ юноша съ книжкою подъ мышкой и звучнымъ голосомъ затянулъ:

«Crna goro blago tebi,
Kod takovih tvojih lava!...
Ti si njima sladka majka,
Oni tebi čeda prava:
Ti ćeš svagda kod njih biti
Crna cvojim zlotvorima,

Ali svietla kao sunce
Svim u nakrst Slavjanima!» (*).

Т. е. «Счастлива ты, Черногорія, что имѣешь такихъ львовъ! Ты для нихъ родная мать, для тебя они вѣрные сыны; съ ними ты всегда будешь черною горой для твоихъ враговъ, но свѣтлою, какъ солнце, для всѣхъ славянъ!»

(*) Приведенное нами стихотвореніе написано латинскимъ алфавитомъ, но обыкновенно черногорцы пишутъ кириллицею (т. е. такимъ алфавитомъ, какимъ печатаются наши книги).— Авторъ этого стихотворенія Иванъ Сундечичъ, православный священникъ и извѣстный сербскій поэтъ; онъ родился въ 1825 г. въ Босніи, откуда выѣхалъ, еще будучи ребенкомъ, вмѣстѣ съ родителями въ Далмацію. Онъ былъ профессоромъ въ православной семинаріи въ г. Зарѣ и редакторомъ двухъ журналовъ, и издалъ два собранія своихъ стихотвореній. Въ 1864 г. онъ переселился въ Черногорію, гдѣ встрѣтилъ самый радушный пріемъ со стороны кн. Николая, предложившаго ему мѣсто своего секретаря. Сверхъ секретарскихъ обязанностей, Сундечичу было поручено завѣдываніе мѣстной типографіей и изданіе календаря и учебниковъ для черногорскихъ школъ.

СЕРБІЯ.

Когда и откуда пришли сербы и хорваты въ Задунайскія княжества. — Какъ и почему подпали они подъ чужое вліяніе. — Природа, климатъ и горы Сербіи. — Морава и ея значеніе для страны. — Шумадія.

Сербы и хорваты въ VII вѣкѣ по Р. Х. пришли съ Карпатскихъ горъ въ Задунайскія земли и заняли мѣстности, въ которыхъ они живутъ и до сихъ поръ, а именно: нынѣшнюю Славонію, Кроацію, Далмацію, Герцеговину, Боснію, Старую Сербію и Княжество Сербское. Однако оба эти родственныя племени скоро раздѣлились и подпали подъ разныя вліянія: хорваты поселились къ Сѣверу и Западу, сербы же расположились болѣе на югъ и на востокъ, ближе къ болгарамъ. Слѣдствіемъ этого случайнаго, повидимому незначительнаго обстоятельства было то, что, принявъ христіанство, сербы (по мѣстоположенію болѣе приближенные къ востоку) подчинились духовной власти Византіи, а хорваты признали главенство римскаго первосвященника: отсюда пошли вѣчные раздоры между этими двумя племенами. Жизнь и государственное устройство обѣихъ племенъ тоже сложились различно: хорваты, благодаря союзу съ могущественными сосѣдями, въ средніе вѣка спаслись отъ турецкаго рабства; сербы напротивъ подпали подъ иго турокъ. Но въ свою очередь, если они лишились свободы, то не утратили своей самобытности. Византійскіе императоры дозволяли имъ самимъ выбирать своихъ начальниковъ; а избавившись отъ своихъ поработителей, сербы окончательно возвратили себѣ вмѣстѣ съ свободою и государственную самостоятельность. Хорваты же испытали участь, которой подвергаются всѣ слабѣйшіе народы, если только они ищутъ защиты и помощи у болѣе сильныхъ сосѣдей, т. е. они совсѣмъ подчинились своей могущественной защитницѣ — Австріи. Правда, иногда безцеремонные поступки Австріи давали понять хорватамъ, что ихъ болѣе порабощаютъ, чѣмъ защищаютъ; это возмущало ихъ и они тотчасъ заявляли о своей самостоятельности. Тогда Австрія задабривала ихъ разными уступками и обѣщала ввести у нихъ полное самоуправленіе. Но лишь только волненіе и раздраженіе хорватовъ стихало, австрійское правительство не только не думало выполнять своихъ обѣщаній, но еще больше забирало несчастныхъ въ

свои руки и такимъ образомъ они все болѣе утрачивали свою національность. И въ настоящее время различіе между хорватами и сербами громадно. Нужно однако замѣтить, что вообще ни въ одномъ славянскомъ народѣ нѣтъ такихъ племенныхъ особенностей, такого своеобразія въ нравахъ, рѣзко отличающихъ одно племя отъ другаго, какъ у сербовъ и хорватовъ. Это нельзя приписать исключительно различію вѣры и даже политическихъ учрежденій: географическое положеніе занятыхъ странъ больше всего способствовало развитію особенностей въ этихъ родственныхъ племенахъ. Земли, на которыхъ они поселились чрезвычайно гористы, а гористое мѣстоположеніе всегда развиваетъ духъ мѣстныхъ особенностей, стремленіе къ мѣстной самостоятельности и отдѣльному политическому существованію. Лучшій примѣръ для этого представляютъ черногорцы.

Всѣхъ сербовъ около 6 мил. и они занимаютъ территорію въ 3,500 кв. миль. (Англія, занимая меньше пространства, заселена чуть не втрое болѣе). Изъ 6 мил. сербовъ гораздо болѣе половины православныхъ, а именно: 3.200,000; католиковъ до 2.200,000 и мусульманъ (преимущественно боснійское дворянство) до 400,000. Эти мусульмане ходятъ въ чалмахъ, держатся ислама, но не терпятъ многожества и говорятъ по-сербски.

Въ сербскомъ народномъ бытѣ мы находимъ чрезвычайное разнообразіе. Въ Черногоріи и Герцеговинѣ — сербы находятся еще въ патріархальномъ состояніи, а на островахъ Далмаціи и въ ея приморскихъ городахъ — весьма развиты и образованы. Да и въ занятіяхъ огромная разница. Сербъ Угріи (Венгріи) — земледѣлецъ, такъ какъ онъ живетъ на ровныхъ поляхъ, богатыхъ пшеницею; сербъ въ Далмаціи—отличный морякъ, такъ что австрійскій флотъ чисто славянскій, почти каждый сербъ въ Черногоріи въ юности пастухъ, а какъ только пришелъ въ возрастъ, непремѣнно воинъ; сербъ княжества — владѣлецъ множества свиней, прекрасныхъ виноградниковъ и сливъ. Какъ у сербовъ, такъ и у хорватовъ въ народномъ бытѣ много древняго патріархальнаго. Впрочемъ народная старина болѣе всего удержалась у православныхъ сербовъ.

Теперь перейдемъ исключительно къ княжеству Сербскому: оно занимаетъ пространство въ 1,000 слишкомъ кв. миль. На этомъ пространствѣ около 50 городовъ и болѣе 3000 селъ съ населеніемъ въ 1.200,000 слишкомъ. Болѣе $^3/_4$ всего этого населенія чистые сербы; остальную часть составляютъ валахи, болгары и, наконецъ, евреи и нѣмцы; представители двухъ послѣднихъ національностей почти исключительно живутъ въ столицѣ сербской — Бѣлградѣ. До 1862 года населеніе Бѣлграда состояло еще изъ одного элемента — турецкаго; но послѣ бомбардированія этого города турками въ этомъ году по договору между турецкимъ и сербскимъ правительствами турецкій элементъ исчезъ изъ Сербіи.

Природа княжества сербскаго нисколько не уступаетъ лучшимъ итальянскимъ мѣстностямъ. Растительность по большей части чрезвычайно роскошная, лѣса богатые, плодородная почва, умѣренный климатъ. Правда, лѣтомъ иногда бываютъ довольно сильные жары, но они рѣдко доходятъ до той степени, когда человѣкъ совсѣмъ изнемогаетъ, или долженъ дѣлать сверхестественныя усилія, чтобы работать. Къ тому же здѣшніе жары никогда не бываютъ продолжительны. Горы съ безчисленнымъ множествомъ ущелій и отдѣльныхъ вершинъ загромаждаютъ всю страну. По большой части все это длинные хребты или широкія планины (плато), изрѣзанныя многочисленными

ручьями и потоками. Скалистыхъ горъ однако почти нѣтъ: ихъ скаты обыкновенно покрыты чудными виноградниками или высокимъ буковымъ и хвойнымъ лѣсомъ; во многихъ горахъ находятъ богатыя мраморныя ломки, значительное число рудъ и залежи каменнаго угля.

Весна здѣсь бываетъ рано: уже въ началѣ апрѣля все расцвѣтаетъ и покрывается великолѣпною зеленью; свѣжесть лѣсовъ, вѣтры и дожди умѣряютъ жаръ лѣта. Самая большая рѣка Сербіи — Морава. Пробѣгая съ юга на сѣверъ чрезъ большую часть Сербіи, Морава, кажется, должна составлять ея главный водяной путь. Еще въ древности она играла важную роль, что до сихъ поръ видно изъ развалинъ многочисленныхъ римскихъ поселеній по ея берегамъ. Извѣстно, что страна по правому берегу Дуная, которую теперь занимаетъ Сербское княжество, нѣкогда принадлежала римлянамъ. Множество монументовъ, кладбищъ и разныхъ построекъ это ясно доказываютъ. Рядомъ съ этими остатками римскаго величія по всей Сербіи разбросано множество, какъ разрушенныхъ, такъ и нѣсколько сохранившихся памятниковъ собственно сербскаго могущества. Однако вернемся къ Моравѣ. Не смотря на свое значеніе въ древности, теперь Морава совсѣмъ не судоходна. И это легко себѣ объяснить тѣмъ, что въ странѣ долго господствовали турки, которые умѣютъ только пользоваться, но ужъ никакъ не устраивать что нибудь, даже и въ такомъ случаѣ, если то, на что они положили бы свой трудъ и капиталъ, могло бы имъ впослѣдствіи принести громадную пользу. Настоящее сербское правительство очень заботится о томъ, чтобы возвратить Моравѣ ея прежнее значеніе и устроить на ней пароходство, но это не легко. Морава очень сильно разливается, такъ что бываютъ иногда очень большія наводненія, а лѣтомъ во время засухъ на рѣкѣ появляется множество отмелей. Не мало вредятъ судоходству множество мельничныхъ и рыболовныхъ построекъ, которыми сплошь загромождена вся эта рѣка и наконецъ ея безчисленные изгибы часто требуютъ устройства обводнаго канала. На все это надо много времени и денегъ.

Долина Моравы одна изъ плодоноснѣйшихъ и красивыхъ мѣстностей Сербіи. Но еще величественнѣе и своеобразнѣе такъ называемая Шумадія (шума — лѣсъ), старая, центральная область Сербіи между Тимокомъ и Дриною. По вершинамъ и склонамъ здѣшнихъ горъ тянутся громадные лѣса, которые всегда были убѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ и гонимыхъ. Сюда массами *сбѣгались сербы, чтобы спасти себя, свои семейства и пожитки отъ алчности* турокъ. Здѣсь каждый шагъ напоминаетъ о времени великой борьбы не только за свободу, но и за самую жизнь. Трудно исчислить всѣ здѣшнія прелестныя долины и ручейки; едва ли гдѣ еще такъ живописно выглядываютъ изъ-за лѣсовъ и горъ цѣлыя панорамы часовень, монастырей, церквей, селеній, какъ въ Шумадіи. Все это особенно живописно рисуется съ разныхъ точекъ высокаго «Рудника» — цѣпи горъ, извѣстной уже римлянамъ по своему рудному богатству; множество самыхъ древнѣйшихъ развалинъ около заброшенныхъ шахтъ живо говорятъ, что первые поселенцы гораздо лучше умѣли пользоваться богатствами Рудника. Однако, вѣроятно, недалеко то время, когда и Сербія пойметъ, какія выгоды ей могутъ дать эти высоты, и, лишь только она избавится отъ всякихъ притязаній Порты, а можетъ быть и раньше, предпріимчивый, трудолюбивый сербскій работникъ проложитъ путь къ Руднику и путь этотъ будетъ шире, чѣмъ въ древнюю римскую эпоху. Въ предѣлахъ Шумадіи Крагуевацъ — первая столица свободной Сербіи. Не смотря на

то, что теперь онъ уже уступилъ первенство Бѣлграду, народъ чрезвычайно любитъ свою прежнюю столицу и вспоминаетъ о ней съ почтеніемъ, нѣсколько напоминающимъ отношеніе нашего народа къ Москвѣ.

Нѣсколько словъ о прошлой судьбѣ сербскаго народа. — Четырехъвѣковое рабство сербовъ. — Униженіе и несчастія, которыя они выносили отъ турокъ. — Ихъ освобожденіе отъ ига и права, которыя они пріобрѣли.

Мы уже упоминали выше, что сербы рано подпали вліянію Византіи. Это однако не мѣшало имъ сохранить свою независимость подъ властію своихъ правителей (жупановъ). До XII столѣтія народъ этотъ ведетъ то междуусобныя войны, то борется съ греками или болгарами. Верховные жупаны, или князья, часто присоединялись то къ восточной, то къ западной церкви; были войны также за религіозныя убѣжденія или за первенство власти. Одни искали опоры въ Константинополѣ, другіе въ Римѣ; иные принимали посвященіе и отъ папы, и отъ патріарха константинопольскаго. Весь этотъ періодъ жизни сербскаго народа — длинный рядъ вѣроломствъ, измѣнъ, убійствъ; сынъ свергаетъ съ престола отца, отецъ выкалываетъ глаза сыну, или заключаетъ его въ монастырь; братъ убиваетъ брата, дядя — племянниковъ. Наконецъ въ XIV вѣкѣ на престолѣ Сербіи является замѣчательный государь—Стефанъ Душанъ, прозванный *сильнымъ*; при немъ Сербія достигла вершины своего могущества. Онъ покорилъ Боснію, Македонію, Албанію. Царь болгарскій и Дубровникъ (Рагуза) находились подъ его вліяніемъ. Наконецъ онъ провозгласилъ себя царемъ. Душанъ замышлялъ завоевать самую Византію, предпринималъ всѣ средства, чтобы остановить приливъ турокъ, которыхъ призывали византійскіе императоры противъ своихъ враговъ. Душанъ уже тогда понялъ всю опасность отъ ихъ частыхъ переходовъ въ Европу. Но, воспитанный въ Константинополѣ, Душанъ пытался организовать имперію славянскую по образцу византійской, сталъ вводить при дворѣ своемъ строгій этикетъ и роскошь. Тѣмъ не менѣе проживи, онъ долѣе, сербы навѣрно стали бы въ ряду цивилизованныхъ народовъ. Въ сношеніяхъ съ папой Душанъ держался замѣчательной политики: онъ изъявлялъ покорность папскому престолу, такъ какъ надѣялся чрезъ это пріобрѣсти много политическихъ выгодъ для своего народа; но покорность папѣ не помѣшала ему быть ревностнымъ православнымъ, строить православныя церкви, помогать своимъ монастырямъ и даже посылать въ рудники тѣхъ, кто уклонялся въ «латинскую ересь». Наконецъ Душанъ знаменитъ въ сербской исторіи своимъ законодательствомъ и основаніемъ сербскаго патріаршества, которое ему нужно было для пріобрѣтенія полной самостоятельности. Такимъ образомъ, сербы зажили при немъ самостоятельною государственною и общественною жизнію, пріобрѣли церковную независимость, развили свои внутреннія силы, необыкновенно расширили свои границы. Смерть Душана не только помѣшала осуществленію его будущихъ плановъ, но и растроила почти все то, что онъ уже сдѣлалъ. При его преемникахъ опять стали происходить раздоры: боярство, униженное и лишенное своего сословнаго значенія при Душанѣ, стало искать при его преемникахъ удовлетворенія своему честолюбію; областные правители стали стремиться къ самостоятельности. Такой порядокъ вещей не могъ спасти сербовъ отъ турокъ. Вскорѣ султанъ Муратъ вторгнулся въ Сербію съ огромными войсками, произошла знаменитая Косовская битва (въ 1389 г.),

окончившая независимое существованіе сербовъ. Рабство сербовъ подъ тяжелымъ турецкимъ игомъ продолжалось 400 лѣт. и ознаменовано казнями, насиліемъ, совершеннымъ разореніемъ жителей и опустошеніемъ края.

Турецкое войско почти ежегодно ходило черезъ Сербію къ Венгерскимъ границамъ и въ конецъ обирало и безъ того обѣднѣвшихъ поселянъ. Крестьяне изъ окрестностей Бѣлграда отправлялись въ Константинополь косить сѣно на султанскихъ лугахъ. Понятно, что на одну дорогу отъ Бѣлграда въ Константинополь требовалось много времени, да еще тамъ нужно было долго оставаться работать и все это происходило въ самую горячую, рабочую пору, поэтому крестьянину и приходилось вовсе бросать свое собственное хозяйство. Послѣ тяжелаго труда и пути возвращался измученный рабочій въ пустой домъ, къ своему заброшенному хозяйству и кромѣ того возвращался совершеннымъ нищимъ. Онъ не только не принесъ никакого заработка, но еще продалъ на дорогѣ свое послѣднее платье, такъ какъ ему ни гроша не дали на дорогу. Можно себѣ представить, какой голодъ и нищету должна была испытывать его семья. Вся страна была подѣлена между спахіями (землевладѣльцами помѣщиками) и жители обязаны были отправлять имъ всякато рода службу. Каждые пять лѣтъ набирали изъ нихъ множество мальчиковъ, цвѣтъ и надежду народа, ихъ уводили въ Константинополь для службы султану, и изъ нихъ выростали ревностные губители христіанства. Вся страна находилась въ крайне бѣдственномъ положеніи, постоянно была ареной различныхъ войнъ и сербскія земли переходили изъ рукъ въ руки. Тѣснили даже сербскихъ патріарховъ; тогда одинъ изъ нихъ, Арсеній Черноевичъ, принужденъ былъ покинуть родину и переселился въ Австрію. Такой поступокъ главы народа не могъ остаться безъ подражанія и за нимъ выселились 37,000 семействъ. Турки пришли въ ярость отъ такого поступка и опасаясь, что Арсеній Черноевичъ будетъ и изъ Австріи вліять на свою паству въ Сербіи, строго стали преслѣдовать всякое съ нимъ сношеніе. Вскорѣ послѣ этого они окончательно отняли у сербовъ право выбирать собственнаго патріарха и подчинили ихъ патріаршеству Константинопольскому, въ вѣрности котораго они не сомнѣвались. Для народа это было великимъ несчастіемъ. Онъ лишился независимости своей церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ свое послѣднее значеніе въ общественной жизни и послѣднюю возможность образованія. Съ этой поры началась его полная зависимость отъ Константинополя. Тяжесть ига произвела то, что множество народа приняло исламъ. Однако и въ это время Сербы иногда пытались возвратить свою самостоятельность; но это оканчивалось обыкновенно еще большимъ ихъ угнетеніемъ. Турки приходили усмирять возстаніе, казнили, обирали всѣхъ, кто попадался подъ руку, жгли города, деревни, опустошали поля, уводили съ собою множество плѣнныхъ, которые такимъ образомъ сотнями гибли въ Турціи отъ голода и болѣзней. Многіе сербы бѣжали въ лѣса и становились разбойниками, гайдуками. Эти гайдуки однако отнюдь не считали себя преступниками; напротивъ свои, т. е. сербы скорѣе считали ихъ героями, такъ какъ цѣлью ихъ было враждовать съ невѣрными. Они подстерегали турокъ на дорогѣ, перехватывали денежныя суммы и безпощадно убивали враговъ, когда тѣ имъ сопротивлялись. Безъ всякаго сомнѣнія это гайдучество производило нѣкоторое движеніе въ народѣ: будило воспоминанія о утраченной свободѣ, поддерживало воинственныя наклонности. Существенной пользы оно однако мало приносило, такъ какъ съ одной стороны передъ турками это все таки была ничтожная горсть людей, съ другой стороны запа-

тія грабежемъ и разбоемъ не могли развивать нравственныхъ чувствъ. Да и всякое сильное нападеніе гайдуковъ тотчасъ отражалось на народѣ, который турки послѣ этого еще болѣе утѣсняли. Какъ въ началѣ рабства, такъ и въ концѣ второй половины XVIII вѣка положеніе сербовъ было одно и то же: это были раіи, т. е. беззащитное стадо, главная обязанность которыхъ—полная покорность и совершенное уничиженіе передъ своими побѣдителями турками. Побѣжденные сербы, должны были носить особое платье, не смѣли строить домовъ своихъ выше мусульманскихъ, не смѣли ѣздить верхомъ на лошадяхъ, а главное ни подъ какимъ видомъ не должны были носить при себѣ оружія. Всѣ турки знатные и незнатные считали себя господами раіевъ.

Хозяйственный избытокъ и комфортъ семейной жизни, красивое оружіе, богатыя одежды, большіе дома и проч. составляли исключительное достояніе турокъ. Все богатство сербовъ того времени состояло въ скотѣ и особенно въ свиньяхъ. Сербу нетолько было жить тяжело, но даже и встрѣтиться съ туркомъ гдѣ нибудь на дорогѣ было для него каждый разъ величайшимъ оскорбленіемъ. Онъ никогда не смѣлъ попасться на глаза турку иначе какъ пѣшій, при этомъ турокъ могъ подозвать его къ себѣ, послать его, куда ему вздумается, или приказать ему что нибудь сдѣлать себѣ, однимъ словомъ распорядиться съ нимъ, какъ съ своею собственностью, какъ съ своимъ рабомъ. Встрѣчаясь съ туркомъ за городомъ, каждый сербъ долженъ былъ уступать ему дорогу; если съ нимъ было оружіе для защиты отъ разбойниковъ, онъ долженъ былъ незамѣтно его спрятать, иначе каждый турокъ могъ отнять у него это оружіе. Не легче было положеніе ихъ женъ и дочерей. Каждый турокъ могъ оскорбить ихъ и взять насильно къ себѣ въ жены, въ свои гаремы. Начальникъ области часто наберетъ человѣкъ сто и болѣе охотниковъ до увеселеній и отправляется съ ними странствовать изъ села въ село. Гдѣ ему вздумается, онъ заставитъ явиться всѣхъ сербскихъ женщинъ и дѣвицъ, приказываетъ имъ устроить пляски, хоровыя пѣсни. При этомъ самъ съ пріятелями садится вокругъ, гдѣ происходятъ увеселенія. Послѣ этого онъ заставлялъ женщинъ садиться возлѣ своихъ друзей, а сербовъ прислуживать женщинамъ и себѣ, подавать угощенія. Сносить оскорбленія было для сербовъ обоего пола обязанностью, отвѣчать на нихъ—тяжкимъ преступленіемъ.

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія каждому путешественнику по Сербіи прежде всего бросалось въ глаза рѣзкая разница между городами и селами. Въ большихъ и малыхъ городахъ жили турки, сербскій же народъ—въ селахъ, разсыпанныхъ по лѣсамъ и небольшимъ долинамъ. Каждый сербъ старался какъ можно рѣже бывать въ городахъ и многіе изъ нихъ доживали до 60 лѣтъ, ни разу не видавъ ни одного города. Церквей у сербовъ почти не было; но за то въ горахъ уцѣлѣло множество монастырей, гораздо болѣе, чѣмъ ихъ было въ Старой Сербіи, Босніи, Черногоріи и Герцогевинѣ, даже взятыхъ вмѣстѣ. Многіе приходы, имѣвшіе своихъ священниковъ, не имѣли церквей и были приписаны къ монастырямъ, гдѣ приходскіе священники отправляли службу поочередно. Сербы постоянно совѣтовались съ монахами, которые имѣли на нихъ огромное вліяніе и старались вмѣстѣ съ религіею поддержать въ народѣ уваженіе къ старинѣ. Множество монастырей и жизнь въ уединенныхъ селахъ, гдѣ нибудь въ лѣсной глуши, гораздо болѣе поддерживали старинные дѣдовскіе обычаи и преданія, чѣмъ въ другихъ сербскихъ земляхъ. Этому еще помогало и то, что мѣстное, общинное и сельское управленіе находилось въ рукахъ людей избираемыхъ самимъ народомъ. Въ каждой общинѣ былъ *обер-*

кнезъ, въ каждомъ селеніи нѣсколько кметовъ и сельскій кнезъ; но эти обер-кнезы утверждались въ должности султанами. Черезъ обер-кнезовъ паша той или другой области передавалъ свои требованія народу, налагалъ подати на цѣлую область, а обер-кнезы дѣлили эти подати между собою по общинамъ, а потомъ каждый обер-кнезъ раскладывалъ ее съ кнезами по селамъ, а кметы съ сельчанами на отдѣльныя лица. Подати, собранныя съ народа оберъ-кнезами, передавались пашѣ. Кнезы и кметы разбирали всѣ распри между своими сельчанами. Эти народные правители нисколько не отличались своею одеждою отъ другихъ сельчанъ и точно также должны были унижаться передъ турками и выполнять всѣ ихъ унизительныя требованія, предписанныя народу. Къ тому же нужно замѣтить, что, несмотря на право общиннаго самоуправленія, народъ все-таки не имѣлъ никакихъ политическихъ правъ, какъ и вся рая въ остальныхъ турецкихъ провинціяхъ. Господствующимъ сословіемъ были только лица, исповѣдывавшія магометанство. Политическими правами пользовались только спахіи (землевладѣльцы, помѣщики), большая часть которыхъ происходила отъ старыхъ сербскихъ фамилій изъ Босніи и Герцогевины, перешедшихъ въ мусульманство ради сохраненія своихъ вотчинныхъ правъ, и только немногіе были чисто османскаго происхожденія.

Такъ жили Сербы до 1804 года, когда они всѣ поголовно возстали противъ турокъ. Во главѣ возстанія былъ Карагеоргій — человѣкъ необыкновенно энергичный. Для насъ этотъ Карагеоргій любопытенъ тѣмъ, что онъ представляетъ собою типъ истаго, умнаго, проницательнаго серба, горячо ненавидящаго своихъ притѣснителей. Когда Карагеоргій провозглашенъ былъ старѣйшиною собравшимися около него гайдуками, духовными лицами и тѣми, кто рѣшилъ вмѣстѣ съ нимъ начать возстаніе, онъ долго отказывался отъ этой чести, говоря: «Я человѣкъ лютый и злой и кто меня не послушаетъ, или кто уклонится въ сторону, я убью того, а вамъ то будетъ омерзительно и каждый станетъ осуждать и злобиться, а турки будутъ тому рады, и мы можемъ пропропасть». Однако его уломали, онъ сталъ старѣйшиной и началъ нападать на турокъ. Однажды его отрядъ напалъ на турецкую стражу, побѣда была на его сторонѣ, но Карагеоргій вдругъ видитъ между турками Ибраима, своего побратима, и потому только сжегъ сторожку, а всѣхъ турокъ выпустилъ невредимыми. Карагеоргій ходилъ съ своей дружиной по селамъ и всюду изгонялъ турецкую стражу; всюду народъ приставалъ къ нему и дружина его все росла, все болѣе значительныя побѣды одерживала надъ турками. Война продолжалась десять лѣтъ; у сербовъ почти не было оружія, они часто стрѣляли изъ деревянныхъ пушекъ, но дрались отчаянно и выгнали турокъ изъ Сербіи. Въ этомъ помогли имъ и русскіе; но въ 1812 году на Россію двинулось войско, какого еще не видала Европа; его велъ Наполеонъ, одинъ изъ величайшихъ геніевъ всѣхъ вѣковъ. Россіи приходилось теперь самой выдерживать борьбу не за потерю какихъ нибудь владѣній, но за политическое существованіе, за самую жизнь. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ русскимъ войскамъ пришлось выйдти изъ Сербіи, такъ какъ Россія должна была собирать всѣ свои силы для борьбы, которая должна была рѣшить ея собственную судьбу. Теперь туркамъ некого было бояться, тѣмъ болѣе, что десятилѣтняя война внесла много раздора между сербскими вождями и за послѣднее время весьма ослабила ихъ силы; поэтому турецкія войска скоро появились близъ границъ Сербіи. Началась война при самыхъ плачевныхъ обстоятельствамъ. Ужасъ и отчаяніе не только овладѣлъ сербскимъ народомъ, но и лучшими его представи-

телями, въ числѣ которыхъ былъ и Карагеоргій. И онъ въ самую критическую для родины минуту бѣжалъ за Дунай въ Австрію. Выходъ русскихъ войскъ, бѣгство Карагеоргія и смерть одного изъ самыхъ смѣлыхъ сербскихъ гайдуковъ, наводившихъ страхъ на турокъ, — было рѣшительныхъ ударомъ для Сербіи. Турки легко овладѣли Бѣлградомъ, куда въ общей сумятицѣ сербы позабыли послать съѣстныхъ припасовъ. И послѣ этого сопротивленія уже нигдѣ не было. Множество сербовъ скрывалось въ лѣсахъ, перебѣгали въ Австрію, Сербія вновь была совершенно опустошена. Удачнѣе Карагеоргія дѣйствовалъ Милошъ Обреновичъ, избранный главою народа. Онъ часто разбивалъ турокъ и всегда умѣлъ пользоваться своею побѣдою. При немъ сербы опять получили отъ турецкаго правительства болѣе самостоятельности, но отъ этого народу было не легче, такъ какъ внутри страны были постоянныя неурядицы, великія смуты и большіе поборы съ народа. Во время одного волненія (въ 1814 г.) турки обезглавили до полутораста человѣкъ, 36 человѣкъ посадили на колъ и все это были — цвѣтъ сербскаго юношества, храбрые и сильные. Однихъ изъ нихъ казнили, потому что подозрѣвали ихъ зачинщиками возстанія, другихъ потому, что они могли быть опасны послѣ. Чтобы обезопасить себя отъ волненій и въ будущемъ, турки опять стали отбирать послѣднее оружіе у сербовъ, и при этомъ не было конца всякаго рода насиліямъ. Въ домахъ отбирали у сербовъ все, что было получше, и въ особенности купленное платье, на томъ основаніи, что по закону, предписанному ими, сербы не должны были носить другой ткани, кромѣ сотканной ихъ женами. Даже жена Милоша Обреновича, который своей умной политикой пріобрѣлъ у турокъ большое значеніе, не смѣла явиться передъ турецкими чиновниками иначе, какъ въ самодѣльномъ платьѣ. При малѣйшемъ сопротивленіи женщинъ во время обысковъ, имъ привязывали къ подбородку мѣшки, изъ которыхъ кормятъ лошадей, клали туда золы и потомъ, поднявши мѣшокъ къ верху, засыпали ею носъ и ротъ. Иныхъ связывали по рукамъ и ногамъ, вѣшали на перекладину и клали на тѣло тяжелые камни; иныхъ засѣкали до смерти, сажали на колъ и даже живыхъ поджаривали. Цыгане изъ магометанъ—и тѣ могли каждаго встрѣчнаго на дорогѣ серба остановить, скинуть съ него всю одежду до послѣдней рубахи, бросить въ замѣнъ свои лохмотья, а вмѣсто ихъ одѣться въ хорошую сербскую одежду. Не были пощажены и главные представители сербскаго народа. Въ числѣ казненныхъ передъ бѣлградскими воротами были прежніе сенаторы, старые и знатные воеводы.

Вотъ какіе ужасы происходили на Балканскомъ полуостровѣ еще въ началѣ XIX ст., вотъ какъ долго страдали и сколько натерпѣлись отъ турокъ сербы! Впрочемъ, какъ мы уже упомянули, народъ этотъ терпѣлъ не только отъ турокъ, но и отъ своихъ правителей. Милошъ Обреновичъ взялъ у турецкаго правительства на откупъ сборъ государственныхъ налоговъ и при этомъ нажилъ и себѣ огромное состояніе. Тѣмъ не менѣе своимъ умѣньемъ нравиться туркамъ, Милошъ мало по малу получалъ возможность улучшать бытъ своего народа, все болѣе упрочивалъ его самостоятельность, пріобрѣталъ значеніе и вѣсъ. Постепенно, шагъ за шагомъ, входя въ силу, Милошъ съумѣлъ добиться того, что 1817 г. сербы признали его своимъ княземъ, а потомъ онъ добился того же и отъ турокъ и въ 1820 г. получилъ фирманъ султана, утверждавшій его достоинство. Сербы хотя и получали отъ времени до времени нѣкоторыя права отъ турецкаго правительства, но эти права не были ничѣмъ обезпечены и сами турки, давая ихъ, не думали

серьезно уважать ихъ. Рѣшительное вліяніе на положеніе Сербіи имѣла русско-турецкая война 1828 и 29 г. Война эта кончилась Адріанопольскимъ миромъ и внушила туркамъ страхъ къ русскому оружію, а потому и заставила иначе поступать съ сербами. На скупщинѣ (т. е. на собраніи народныхъ представителей) въ 1830 г. Милошъ объявилъ къ всеобщему свѣдѣнію всѣ дарованныя сербскому народу права, а именно: свобода богослуженія, право выбирать изъ своей среды начальниковъ, самостоятельное судопроизводство, опредѣленная дань Портѣ, которая уже не можетъ быть увеличена ни по чьему произволу.

«Теперь» сказалъ Милошъ, «нація и отечество свободны. До сихъ поръ, все бремя управленія, лежало на мнѣ одномъ. Теперь, я отказываюсь добровольно отъ званія, въ которое вы сами меня облекли, разрѣшая націю отъ данной ею мнѣ и неоднократно повторенной присяги въ неизмѣнной вѣрности, слагаю безъ принужденія и по собственной волѣ мою должность. Друзья! выберите отечеству другаго князя, выберите лучшаго и способнѣйшаго изъ всей націи и устройте сами свое правительство; потомъ сообщите о вашемъ рѣшеніи народной депутаціи въ Константинополѣ, чтобы она представила это рѣшеніе на одобреніе и утвержденіе высокой Портѣ. Я съ моей стороны всегда готовъ содѣйствовать вамъ моими совѣтами.»

Собраніе прервало послѣднія слова князя единогласнымъ восклицаніемъ. «Отецъ, спаситель отечества! Мы не хотимъ и не знаемъ другаго выбора! Самъ Богъ избралъ тебя! Народъ добровольно присягнулъ тебѣ и твоему потомству въ неизмѣнной вѣрности. Мы возобновляемъ эту присягу отъ нашего имени, отъ имени народа и нашего потомства. Доверши твое дѣло, самъ устрой для насъ правительство, какое найдешь наиболѣе пригоднымъ.» Такимъ образомъ установилось въ Сербіи правительство во главѣ котораго были уже теперь князья.

Какъ нынче живутъ сербскіе поселяне. — Жилище серба. — Его наружный видъ и внутреннее убранство. — Пища.—Задруга: ея характеръ и значеніе —Женщина и ея положеніе въ семейной общинѣ.—Старѣйшина: его обязанности и отношеніе къ остальнымъ членамъ. — Задругари.—Глубокая привязанность сербскихъ женщинъ къ своимъ братьямъ.—Моба.—Хорошія и дурныя стороны семейно-общинныхъ отношеній.—Раздѣлъ задруги и его послѣдствія.

Сербскіе поселяне въ большинствѣ случаевъ живутъ *задружно*, т. е. нѣсколько родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, дядьевъ и племянниковъ живутъ вмѣстѣ, даже тогда, когда они женаты и имѣютъ своихъ взрослыхъ дѣтей. Всѣ члены такой задруги, или семейной общины, пользуются одинаковыми правами: всѣ сообща работаютъ на однихъ пашняхъ, сѣнокосахъ, въ однихъ виноградникахъ, поровну расходуютъ общій приходъ и притомъ непремѣнно все дѣлаютъ по взаимному соглашенію. Все, что есть въ домѣ задруги,— все это общее: земля, луга, виноградникъ, садъ, полевыя орудія, хлѣва, конюшни, все это принадлежитъ всѣмъ вмѣстѣ и никому въ частности, и въ то же время, каждый членъ имѣетъ во всемъ свою непремѣнную часть. Только одежда, женскіе наряды и приданое остаются навсегда самостоятельною собственностію. Впрочемъ нѣкоторые иногда пріобрѣтаютъ нѣсколько деньжонокъ со стороны, работая къ часъ, назначенный для отдыха. Когда начинаютъ сильно ссориться, а чаще всего это бываетъ, когда задруга сильно размножилась и въ ней много женщинъ, тогда происходитъ раздѣлъ. По край-

ней мѣрѣ сами сербы убѣждены въ томъ, что причиною раздѣла — женщины. Если это и справедливо, тѣмъ не менѣе, прежде чѣмъ обвинять женщину и видѣть въ этомъ ея неуживчивый, вздорный характеръ, нужно имѣть хоть нѣкоторое понятіе о ея положеніи вообще и въ задругѣ въ особенности.

Женщина въ Сербіи полнѣйшая раба своего мужа, а тутъ еще къ стѣсненію отъ мужа прибавляются различныя стѣсненія отъ многочисленныхъ членовъ задруги. Кто своими глазами не видалъ быта сербскихъ поселянъ, тому и представить трудно, какая масса разнообразныхъ, тяжелыхъ обязанностей лежитъ здѣсь на женщинѣ. Она нянчитъ ребятъ, съ ногъ до головы сама одѣваетъ себя, мужа, всѣхъ дѣтей, а часто и другихъ сожителей задруги. Мы говоримъ — она одѣваетъ семью: это не значитъ, что она должна только сшить одежду и каждый разъ ее вымыть. Нѣтъ, все, что одѣто на ней и на ея семьѣ, — все это буквально приготовлено ея руками. Лёнъ, изъ котораго она выпряла нитки для холста, она сама сѣяла, трепала, чесала, пряла, ткала, бѣлила. Тоже дѣлала она и съ шерстяною одеждою, только мужчины при этомъ стригутъ съ овецъ волну и раздѣляютъ ее между женщинами, а все остальное дѣлаютъ онѣ сами. Женщины готовятъ кушанья и на своихъ плечахъ каждый разъ разносятъ его работающимъ въ поляхъ, хотя тѣ иногда находятся и на часъ разстоянія отъ дома. При этомъ идти имъ приходится по горамъ, въ самый жаръ и послѣ тяжелой работы. Затѣмъ онѣ возвращаются домой и начинаютъ таскать воду для той скотины и птицы, которая лѣтомъ пасется у нихъ въ безводныхъ мѣстахъ. Не въ счетъ дѣла и между дѣломъ, онѣ должны приготовлять сыры, доить коровъ, кормить своихъ многочисленныхъ свиней. Кромѣ того женщина обыкновенно служитъ свекру, старшему деверю, ухаживаетъ за ними и помогаетъ имъ почти во всякой полевой работѣ. Мало полевыхъ работъ, въ которыхъ женщины не помогали бы мужчинамъ, между тѣмъ рѣдкій мужчина рѣшится помочь женщинѣ и большую часть ея работъ считаетъ для себя унизительными.

Право, трудно сказать, когда здѣсь женщины спятъ: днемъ онѣ заняты задружными работами, ночью каждая изъ нихъ старается подѣлать что нибудь себѣ. Вотъ онѣ и ссорятся, лишь только одна замѣтитъ, что у другой болѣе времени чѣмъ у нея, завидуютъ другъ другу и затѣмъ начинаютъ мутить своихъ мужей... Происходитъ раздѣлъ и задруга распадается. Нужно замѣтить, что прежде, даже лѣтъ 40 тому назадъ, задруги были гораздо многочисленнѣе, теперь онѣ обыкновенно состоятъ изъ 14, 15 членовъ; чуть увеличилось ихъ число и сейчасъ раздѣлились. И это понятно: во время тяжелаго турецкаго гнета сербамъ по необходимости приходилось дружно держаться семейныхъ узъ. Семья, состоящая изъ многихъ членовъ, общими силами могла надежнѣе охранять свое общее достояніе, чѣмъ небольшая семья, гдѣ защитникомъ иногда является одинъ человѣкъ. Къ тому же доли имущества каждаго отдѣльнаго лица, соединенныя въ одно цѣлое, представляли болѣе силы и гарантіи для бѣдняка въ случаѣ голода и турецкаго грабежа.

Рабство сербовъ укрѣпляло ихъ семейныя узы еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Впродолженіе всѣхъ четырехсотъ лѣтъ турецкаго ига сербы нисколько не развивались умственно и стояли все на той же ступени первобытныхъ, патріархальныхъ отношеній, какъ это было до ихъ порабощенія. Поэтому, почти до нашихъ дней, жило въ народѣ глубочайшее уваженіе къ задругѣ и къ семейнымъ патріархальнымъ отношеніямъ. Теперь же, когда сербъ получилъ возможность жить свободною жизнію, родовыя за-

дружныя узы стали разрываться, раздѣлы происходятъ чаще, задруга дѣлается все малочисленнѣе. По офиціальнымъ отчетамъ, иной годъ до 1.700 семействъ, а то и болѣе, уничтожаютъ этотъ семейно-общинный союзъ.

Однако и теперь еще задруга самое характерное явленіе семейной жизни серба. Посмотримъ же поближе, какъ при этомъ живется сербскому народу.

Обыкновенно при небольшомъ фруктовомъ садѣ стоитъ грубо сколоченный домъ, покрытый черепицею. Прежде всего въ этомъ зданіи бросается въ глаза очень крутая и высокая крыша. Крыши сербскихъ домовъ иногда до того высоки, что почти вдвое выше всей избы. Внутри домъ раздѣленъ на двѣ, на три комнаты. Главная дверь ведетъ въ среднюю и самую большую комнату, которая служитъ кухнею. Изъ нея съ двухъ противуположныхъ сторонъ идутъ двери въ остальныя двѣ комнаты. Трубъ въ домахъ не бываетъ и вмѣсто ихъ въ крышѣ продѣлано отверстіе. Во время сырой погоды дымъ сразу не можетъ выйти черезъ это отверстіе и тогда онъ наполняетъ весь домъ; чтобы не задыхаясь оставаться въ немъ въ это время, нужно привыкнуть къ этому съ ранняго дѣтства. Комнаты подлѣ кухни въ богатыхъ мѣстностяхъ и въ большой задругѣ очень чисты и уютны. Въ нихъ помѣщаются домохозяинъ съ хозяйкою и сюда же собираются всѣ члены задруги для обѣда, общаго совѣта и дневныхъ занятій. Младшіе члены съ своими семьями имѣютъ свои особыя помѣщенія, большей частью даже въ особыхъ строеніяхъ, которыя группируются вокругъ главнаго дома. Но эти помѣщенія очень малы, обыкновенно съ одною только спальнею, такъ какъ для обѣда и работъ всѣ члены задруги собираются въ домѣ старѣйшины. Дворъ окруженъ частоколомъ и посреди стоитъ нѣсколько деревянныхъ построекъ на невысокихъ столбикахъ, или подпоркахъ. Это кладовыя, гдѣ хранятся запасы и полевыя орудія; такъ какъ онѣ на подпоркахъ, то домашнія животныя прячутся подъ ними въ дурную погоду. Эти постройки въ свою очередь тоже окружены ивовыми вѣтвями. Нужно замѣтить, что обычай все огораживать необыкновенно распространенъ въ сербскихъ селахъ. Сербы отгораживаютъ поземельную собственность одной общины отъ другой, одного землевладѣльца отъ другаго, даже и отдѣльныя части. Участокъ, на которомъ земледѣлецъ сѣетъ кукурузу, отдѣленъ отъ того участка, гдѣ онъ сѣетъ пшеницу, рожь и т. под. Эти границы часто устраиваютъ даже и въ такомъ случаѣ, если вся земля поселянина неразрывна и неразбросана между участками другихъ собственниковъ. Садъ и домъ со всѣми пристройками тоже по большей части огорожены. Слѣдствіемъ этого средневѣковаго обычая—все огораживать, укрывать отъ чужихъ глазъ—было сильнѣйшее истребленіе лѣсовъ. Лѣтъ 40 тому назадъ это обстоятельство обратило на себя серьезное вниманіе правительства, такъ что теперь одинъ поземельный участокъ отъ другаго стали огораживать уже рвомъ.

Сербъ всячески старается украсить свой домъ. Земляной полъ онъ устилаетъ цыновками, а богатые самотканными коврами. Эти цыновки съ нѣсколькими подушками служатъ также и для сна. Кровати и шкапы здѣсь большая рѣдкость. Лучшія платья хранятся въ пестро-раскрашенныхъ сундукахъ. Стулья почти неизвѣстны, ихъ замѣняютъ здѣсь скамейки на трехъ ножкахъ

Чѣмъ богаче сербъ, тѣмъ болѣе въ его домѣ раскрашеныхъ образовъ. Передъ ними виситъ оловянная лампада, а около — *гусли*, музыкальный инструментъ славянъ. Съ другой стороны образовъ виситъ оружіе хозяина. Ино-

гда по стѣнамъ развѣшаны литографіи сербскихъ героевъ и портретъ князя. Въ кухнѣ же вмѣсто картинокъ прибиты къ стѣнамъ полки и на нихъ разставлены оловянныя тарелки, стеклянные сосуды, глиняные подсвѣчники, деревянныя ложки икружки для воды, точь въ точь такія, какія употребляютъ еще иногда и теперь въ Римѣ. Ясно, что эта античная форма кружекъ наслѣдована сербами отъ римлянъ. Стеклянной посуды вообще мало, такъ какъ всѣ стеклянныя издѣлія въ Сербіи — привозныя; поэтому въ крестьянскихъ домахъ рѣдко бываютъ даже стекла въ окнахъ. Обыкновенно на деревянныя рамки наклеена толстая бумага, но и эти рамки навѣшиваютъ только зимою и на ночь, а въ остальное время вѣтеръ свободно разгуливаетъ по хатѣ. Лучшимъ украшеніемъ сербскихъ домовъ служатъ садики, которые бываютъ и при жилищѣ весьма небогатаго человѣка. Въ саду много прекрасныхъ яблонь, грушевыхъ и черешневыхъ деревьевъ, но больше всего сливъ. Вотъ почему здѣсь водка, которая исключительно добывается изъ сливъ, такъ дешева. На сливахъ, винограде, да на свиньяхъ, прокармливающихся желудями многочисленныхъ дубовыхъ лѣсовъ, главнымъ образомъ и держится все сельское хозяйство. Нужно однако замѣтить, что такихъ округовъ, въ которыхъ бы виноградъ родился въ изобиліи, вообще немного, сливы же напротивъ здѣсь вездѣ родятся.

Пища серба очень проста и питательна. Рыбный супъ съ кислымъ молокомъ, да кислая капуста съ саломъ — любимыя кушанья народа. Хлѣбъ пекутъ, какъ въ большей части странъ на Балканскомъ полуостровѣ, изъ маисовой муки. Сербы строго держатся постовъ и ѣдятъ въ это время сушеную рыбу, бобы, огурцы, молодой чеснокъ и много другихъ овощей. При этомъ нужно замѣтить, что чуть не во всѣ кушанья они кладутъ мѣстный перецъ—*паприка*. Зелени и овощей въ Сербіи очень много, на бѣлградскомъ рынкѣ привозятъ ихъ цѣлыя горы. Картофель однако распространенъ здѣсь очень мало и воздѣлывается почти исключительно болгарами, поселенными близь Бѣлграда.

Главное лицо задруги — *старѣйшина*. Старѣйшиною бываетъ обыкновенно тотъ, кто старше годами; но часто случается, что онъ самъ уступаетъ это достоинство младшему, если задруга его считаетъ самымъ способнымъ и радивымъ изъ всѣхъ членовъ. Старѣйшинство не всегда переходитъ по уговору и общему желанію: иной задругарь самъ присвоиваетъ себѣ эту должность, остальные члены сначала смотрятъ на это съ неудовольствіемъ, а потомъ привыкаютъ и со всѣмъ подчиняются его власти. Однако въ большинствѣ случаевъ, когда старѣйшина совсѣмъ одряхлѣетъ и начинаетъ тяготиться своею обязанностію, онъ передаетъ ее старшему сыну, но если онъ дурно заявилъ себя, то старѣйшинство переходитъ къ младшему сыну.

Старѣйшина управляетъ всѣмъ домомъ и имѣніемъ, но не самовластно, а соображаясь съ обычаемъ, писанымъ закономъ и всегда съ общаго согласія и уговора со всѣми взрослыми членами задруги. Сербскій народъ во всемъ любитъ держать совѣтъ и уговоръ и охотно все исполняетъ, если только ему при этомъ указываютъ разумныя причины. Это до такой степени отличительная черта серба, что даже въ болѣе зажиточныхъ и образованныхъ семействахъ, гдѣ есть слуги, господинъ никогда ничего не предприметъ въ хозяйствѣ, не посовѣтовавшись съ своимъ слугою. Вотъ почему задружное правило— во всемъ совѣтоваться и совѣщаться другъ съ другомъ—такъ пришлось по нраву сербскому народу.

Старѣйшинѣ прежде всего принадлежитъ власть распорядительная. Онъ

назначаетъ каждому, что и когда дѣлать: одного отряжаетъ на одну, другаго на другую работу; при этомъ онъ самъ всегда помогаетъ въ домашней работѣ, если только у него остается время и хватаетъ на это силъ. Онъ даетъ совѣты, бранитъ нерадивыхъ, судитъ и миритъ побранившихся. Младшаго онъ нерѣдко и ударитъ, но для взрослыхъ у него только совѣтъ да увѣщаніе, а чтобы слова его лучше подѣйствовали, онъ нерѣдко созываетъ и наиболѣе уважаемыхъ членовъ. Тѣ съ своей стороны стараются отклонить молодаго человѣка отъ дурнаго поступка, общими силами уговариваютъ его, усовѣщиваютъ.

Старѣйшина держитъ у себя деньги, и остальные члены семейной общины должны ихъ спрашивать у него на свои нужды и затѣмъ давать ему отчетъ, сколько и на что было потрачено.

Онъ же, т. е. старѣйшина, нанимаетъ работниковъ, если не хватаетъ домашнихъ силъ, чтобы справиться съ той или другой работою, продаетъ излишекъ домашнихъ сбереженій и покупаетъ все, что нужно для дома. Въ день, посвященный празднеству *крстно-име* (*), старѣйшина носитъ калачъ въ церковь и тамъ преломляетъ его со священникомъ.

Въ *задушницы* (тоже, что у насъ родительская суббота, когда поминаютъ усопшихъ) старѣйшина приноситъ въ церковь за упокой мертвыхъ свѣчи и просвиры. Эти просвиры и свѣчи обыкновенно дѣлаютъ дома сами поселяне. Утромъ въ субботу, наканунѣ заговѣнья передъ масляницей, также на заговѣнье передъ петровками, когда въ домѣ всѣ помолятся Богу, старѣйшина складываетъ каждую просвиру со свѣчей и при этомъ каждый разъ цѣлуетъ то и другое, приговаривая «за упокой души отцу моему», дѣлаетъ тоже самое съ другой «за упокой дяди» и такъ пока не помянетъ всѣхъ своихъ сродственниковъ. Затѣмъ все это относятъ въ церковь: свѣчи сожгутъ, а просвиры раздадутъ нищимъ.

Но старѣйшина не только выполняетъ важнѣйшіе обряды своей общины, на немъ лежатъ и болѣе важныя обязанности и тяжелая отвѣтственность. Какъ глава и представитель своего рода онъ ходитъ на сельскую сходку, принимаетъ здѣсь приказы отъ власти и передаетъ ихъ своимъ домашнимъ. Его зовутъ каждый разъ къ отвѣту, если кто изъ членовъ его общины причинилъ ущербъ чужому надѣлу или имѣнію. Однимъ словомъ онъ не только глава и полный хозяинъ въ задругѣ, но и посредникъ между ею и сельскою властью.

Каждый задругарь имѣетъ свое опредѣленное занятіе: взрослые работаютъ въ поле, подростки, если не ходятъ въ училище, пасутъ скотъ. Домохозяйка съ малыми ребятами остается дома и стряпаетъ на всѣхъ, и когда скотъ приходитъ въ полдень, пастухи не ложатся отдыхать, а берутъ готовый завтракъ и разносятъ его въ поле работающимъ; если пастухъ занятъ въ это время другимъ какимъ дѣломъ, то хозяйки дѣлаютъ это сами. Задружныя обязанности точно распредѣлены между женщинами, иначе задруга распадется, или, какъ говорятъ они, тамъ уже «два дома». Поэтому каждая изъ женщинъ по очереди варитъ сыръ, ходитъ за скотиной, собираетъ масло и сливки, мѣситъ хлѣбъ, варитъ кушанье и т. п. Если задруга велика, то иногда женщинамъ приходится работать черезъ недѣлю, т. е. одну недѣлю она работаетъ

(*) *Крстно-име* (крестное имя) или *слава*; но это однако со всѣмъ не то, что у насъ русскихъ имянины. Каждая задруга имѣетъ своего патрона, святаго, напр. Саву, Николу и одинъ разъ въ году, въ день этихъ святыхъ, она чествуетъ *Саву-крсно-име*. Ниже намъ придется еще разъ вернуться къ этому празднику, такъ какъ онъ имѣетъ важное значеніе въ сербской жизни.

исключительно на себя и свою семью, въ другую занята полевыми работами и другими занятіями для общины. Отъ очереди здѣсь освобождаются только *свекровь* и *молодица*, т. е. женщина только что успѣвшая вступить въ новую для нея семью, въ новую семейную общину. Свекровь освобождается отъ работы на задругу обыкновенно на всю свою жизнь, молодица на годъ со дня вступленія въ новую для нея семью. Впрочемъ такъ бываетъ только въ задругахъ, гдѣ между членами живетъ миръ и согласіе. Иначе и свекровь работаетъ на задругу, да и у молодицы, какъ онѣ сами выражаются «третій день руки въ тѣсто» (т. е. только что вышла за мужъ, а ступай уже и тѣсто мѣсить и работать), но на такія задруги указываютъ пальцами, осуждаютъ. Всякій задругарь, работая въ то время, когда его задруга праздничаетъ, во время отдыха остальныхъ членовъ можетъ добыть себѣ лишнюю *пару* (мелкая монета); починитъ въ гулевой день кому нибудь телѣгу, наобручитъ бочку и то, что онъ добудетъ за свою работу, уже будетъ его собственностью, въ которой онъ можетъ не отдавать никакого отчета старѣйшинѣ. Когда задругарь отправляется куда нибудь въ кумовья, на *«соборъ церковный»* (*), старѣйшина всегда дастъ ему немного деньжонокъ, чтобы онъ на всякомъ праздникѣ могъ вести себя прилично, чтобы онъ передъ другими не ударилъ въ грязь лицомъ. Другіе тамъ будутъ обновы покупать, а онъ на людей только глазами хлопать..., Еще, пожалуй, подумаютъ, что ихъ задруга не въ ладу живетъ, бѣдна.... Вотъ старѣйшина и даетъ на праздникъ каждому хоть нѣсколько мелкихъ монетъ. Но этого все-таки мало, у серба широкая славянская натура. Ужъ если на праздникъ идти, такъ ему нужно и себя показать; для этого онъ и ляжетъ попозже, и встанетъ пораньше, смотришь и къ празднику припасетъ, и ужъ тутъ-то знай нашихъ, онъ поставитъ ребромъ послѣднюю копѣйку.

Такъ живетъ задруга, рѣдко когда нуждаясь въ чужой помощи. Мужчины сами строятъ себѣ дворы, сколачиваютъ по заведенному изстари образцу плугъ и телѣгу, приготовляютъ упряжь для вьючнаго скота, набиваютъ обручи на кадки, шьютъ башмаки изъ сырой кожи. Вся остальная одежда на попеченіи женщинъ. Онѣ прядутъ волну и ленъ, ткутъ сукна и полотна и приготовляютъ крашенину.

Почва даетъ все нужное для пропитанія, такъ что покупать приходится развѣ только одну соль. Свои незатѣйливыя сельскія орудія, точь въ точь, какія они употребляли и въ старину, они приготовляютъ въ своихъ собственныхъ кузницахъ. Мельницы у нѣсколькихъ задругъ общія, и каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый день для помола.

Чтобы составить себѣ полную картину патріархальнаго задружнаго житья, войдемъ въ какой нибудь домъ, въ то время, когда всѣ члены задруги въ полномъ сборѣ. Самая удобная для этого минута — время послѣ солнечнаго заката, когда, въ особенности зимой, всѣ родичи сидятъ дома и грѣются у ярко пылающаго очага. По всей комнатѣ идетъ пріятный для серба запахъ кислой капусты съ мясомъ и саломъ, которая тутъ же варится въ горшкахъ.

Въ каждой хатѣ надъ огнемъ виситъ котелъ коровьяго молока, смѣшаннаго съ овечьимъ, а то и съ козьимъ. Немного поотогрѣвшись и поболтавъ между собою, вдругъ всѣ смолкаютъ на минуту. Тогда съ своего мѣста встаетъ

(*) *Соборъ церковный*—сборъ народа въ храмовой праздникъ, гдѣ нибудь при монастырѣ: въ такіе дни бываетъ иногда ярмарка.

старѣйшина, и этимъ даетъ знать, что пора молиться Богу. Ему тотчасъ подаютъ кадильницу съ огнемъ, въ которой горитъ ладанъ; старѣйшина окуриваетъ восточный уголъ дома, затѣмъ оборачивается къ задругарямъ и начинаетъ ихъ окуривать. Къ кому въ эту минуту приближается старѣйшина съ кадильницей, тотъ крестится и наклоняетъ голову; когда онъ всѣмъ такъ покадитъ, то опять обращается въ восточной уголъ, опять кадитъ, затѣмъ отдаетъ кадильницу назадъ и обращаясь въ уголъ, въ которомъ горитъ восковая свѣча, начинаетъ вмѣстѣ съ другими молиться и усердно креститься. «Господи помилуй», раздается въ эту минуту со всѣхъ концовъ. «Дайте, жено, вечеру»! (т. е. женщины, подайте ужинъ), говоритъ старѣйшина, окончивъ молитву. И молодыя женщины вносятъ два низенькихъ стола: одинъ для взрослыхъ, другой для ребятъ обоего пола. Женщины, что прислуживаютъ, ужинаютъ потомъ. «Обувь снимай», слышится послѣ ужина приказъ мужей женамъ, когда всѣ уже разошлись по своимъ комнатамъ. Также сурово и грубо отдаютъ мужья и другія приказанія своимъ женамъ, а тѣ безропотно, безпрекословно стараются выполнить данное имъ приказаніе

Мы уже говорили, какъ тяжела жизнь женщины въ задругѣ, какъ завалена она работой съ ранняго утра до поздней ночи, какъ мало знаетъ она отдыхъ,—съ нравственной стороны ея жизнь еще, пожалуй, тяжелѣй. Отъ мужа она никогда не услышитъ ласковаго слова, онъ не называетъ ее даже по имени, а употребляетъ вмѣсто имени «она»; когда сербъ при другихъ произноситъ это слово, каждый знаетъ, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ свою жену. Впрочемъ говорить другимъ о своей женѣ, даже въ третьемъ лицѣ, сербъ старается какъ можно рѣже, иначе кто нибудь еще заподозритъ его въ нѣжности... А это невыразимый стыдъ для серба! Да не только говорить съ кѣмъ-нибудь о своей женѣ, но съ ней самой разговаривать при комъ-нибудь, поспорить, пошутить-спросить совѣта, затянуть вмѣстѣ пѣсню, однимъ словомъ всякое человѣческое проявленіе чувствъ къ женѣ,—все это считается здѣсь позоромъ.. Можно смѣло сказать, что у сербовъ отношеніе мужа къ женѣ и положеніе женщины вообще,—болѣе унизительное, чѣмъ у всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ. Даже турокъ, религія котораго не признаетъ женщину за человѣка, обходится съ своею женою гораздо мягче. Всегда грубо, отрывочно, какъ послѣдней рабѣ отдаетъ сербъ своей женѣ разныя приказанія. По отношенію къ ней, у него никогда не бываютъ просьбы, а только приказанія. Но этого мало: мужья безпрестанно бьютъ своихъ женъ. Невкусное кушанье приготовила, неловко горшокъ пододвинула, однимъ словомъ изъ-за-всякихъ пустяковъ, въ нее летитъ табуретка, обрубокъ, — все что попало подъ руку... Въ лицѣ мужа, большею частію, вы видите обыкновенно свирѣпаго, какъ звѣрь, варвара, въ лицѣ жены — несчастное, подавленное человѣческое существо, безправное, незащищенное ни закономъ, ни обычаемъ, какъ вьючное животное, вѣчно гнущее свою спину надъ тяжелой работой.

Главная причина такого унизительнаго положенія женщины въ сербскихъ селахъ, разумѣется, кроется прежде всего въ невѣжествѣ сербскаго селянина, но много этому также способствуетъ, какъ мы увидимъ ниже, вступленіе въ бракъ между собою лицъ безъ всякой взаимной склонности, даже безъ всякаго предварительнаго знакомства. Поэтому во всемъ сербскомъ племени гораздо болѣе развилось чувство любви и привязанности между братомъ и сестрой, чѣмъ между мужемъ и женой; очень часто даже существуетъ болѣе

прочная привязанность сестры къ брату и брата къ сестрѣ, чѣмъ къ родному отцу и къ матери. По крайней мѣрѣ отношенія между братомъ и сестрой всегда бываютъ болѣе искренны и задушевны, чѣмъ отношенія дѣтей къ ихъ родителямъ. Братъ гордится тѣмъ, что у него есть сестра: только для нея у серба горячее слово, ласка, привѣтъ; изъ всѣхъ женщинъ, только ея совѣта онъ иногда послушается, только ей не стыдится иногда говорить о своемъ горѣ, подѣлиться съ ней своимъ счастьемъ. Сестру сербъ защищаетъ съ большимъ жаромъ, отвагой и опасностью для себя, за то и сестра отвѣчаетъ ему еще болѣе глубокою привязанностью и такимъ горячимъ чувствомъ, выше, дороже котораго у нея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Такая обоюдная привязанность между братомъ и сестрой здѣсь встрѣчается повсемѣстно и женщинѣ стоитъ только поклясться именемъ брата, ей всякій повѣритъ, такъ какъ всякій знаетъ, что такая клятва для нея священна.

Мы уже говорили, что въ задругѣ всякая работа дѣлается сообща, такъ что все идетъ скорѣе, а для полевой работы это просто благодать. Если три селянина работаютъ каждый порознь, они сработаютъ навѣрно гораздо меньше не только трехъ работающихъ вмѣстѣ, но даже и двухъ. Несмотря однако на то, что въ задругѣ всѣ работы справляются сообща, община не поспѣваетъ иногда съ полевыми работами. Тогда нѣсколько домовъ условливаются помогать другъ другу. Есть церковные праздники, въ которые запрещается работать на себя или за плату, но дозволяется работать даромъ на другого, «идти къ сосѣду на помочи». Такой способъ уборки хлѣба, называемый «моба», чрезвычайно любимъ поселянами. Моба устраивается такимъ образомъ: какой нибудь задругарь нѣсколько дней передъ іюньскими, іюльскими и августовскими праздниками, если только они не считаются особенно важными, ходитъ по селамъ и объявляетъ, что въ такой-то праздникъ у него моба и потому онъ усердно проситъ пожаловать всѣхъ, кто не прочь въ этотъ день пожать, добрымъ людямъ помочь и вечеромъ попировать. Отъ этого приглашенія никто не отказывается и въ назначенный праздникъ всѣ старые и молодые наряжаются въ лучшее праздничное платье и съ серпами, зацѣпленными за плечо, отправляются къ назначенному мѣсту. Дома остаются только совсѣмъ дряхлыя старухи, которыя уже едва могутъ ходить. Такимъ образомъ соберется въ полѣ до ста, а иногда и болѣе человѣкъ, и начинается веселая, разудалая работа. Это-то и есть *«моба»*. Вотъ какъ описываютъ работы и веселье этого праздника: «Одни жнутъ и кладутъ пучки позади, другіе подбираютъ эти пучки, третьи вяжутъ снопы, четвертые наконецъ плетутъ для сноповъ веревки. И всякій тутъ работаетъ, что ему подъ силу. Веревки плетутъ люди пожилые; снопы вяжутъ, у которыхъ мышцы поздоровѣе; подбираютъ пучки ребятишки, а жнетъ народъ сильный: мужчины и женщины. Вотъ гдѣ трудъ облекается въ чудную, поэтическую форму! Позади жнецовъ шагаетъ важнымъ шагомъ всевеселящій свирѣльщикъ съ далеко-слышною національною свирѣлью. Пѣсня слѣдуетъ за пѣсней, восклицанія за восклицаніями, остроты за остротами, пока, наконецъ, всеобщій хохотъ не поглотитъ разомъ и звука пѣсней, и звука свирѣли! Часовъ около двухъ свирѣль замолкаетъ, согнувшійся народъ выпрямляется, пѣсни усиливаются; теперь онѣ слышнѣе и отчетливѣе; весь народъ идетъ по одному направленію, къ одному пункту, къ широкому и къ густому дереву, это значитъ пора обѣдать. Такіе поздніе обѣды бываютъ въ селахъ сербскихъ только на мобахъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ обѣдъ бываетъ приблизительно около 10 или половины 10-го часа утра. Это потому, что мобная ра-

бота начинается никакъ не раньше 10 часовъ утра. Обѣдъ бываетъ весьма сытный и стоитъ часто не дешево. Вѣдь весь этотъ народъ нужно накормить хорошею, свѣжею пищею, въ которой самую главную роль играетъ вареное и выпеченое на рожнѣ мясо. Сыръ сербскій тоже играетъ въ этихъ случаяхъ немаловажную роль. А вино, а водка? Хотя и то и другое въ Сербіи очень дешево, но все же онѣ чего нибудь да стоятъ. Хорошо еще, что дѣвицамъ и парнямъ обычай не дозволяетъ пить водку, вина же хотя и позволяется пить, но очень немного... Отобѣдавъ и отдохнувъ немного, работники встаютъ и снова начинаются работы, хохотъ, пѣсни, игры и такъ вплоть до ужина, послѣ котораго опять танцы и пѣсни до полуночи, тутъ и конецъ мобы.»

Такое общинное устройство семейнаго быта существуетъ въ сельскомъ населеніи всѣхъ южныхъ славянъ: въ Кроаціи, Славоніи, въ княжествѣ Сербскомъ, въ Далмаціи, въ Босніи, Герцоговинѣ, на Черной Горѣ и въ Болгаріи, за исключеніемъ городовъ и узкой береговой полосы Далмаціи. Эти семейныя общины въ одной странѣ бываютъ больше, въ другой меньше, у нѣкоторыхъ славянъ эти семейныя отношенія поддерживаются правительствомъ, въ другихъ мѣстахъ онѣ предоставлены сами себѣ. Въ отношеніяхъ между членами семьи, разумѣется, много мѣстныхъ особенностей, но разница тутъ въ мелочахъ и во внѣшней формѣ, основаніе же вездѣ одно. Это устройство семейно-общиннаго быта — коренное славянское и существовало у южныхъ славянъ уже изстари, впродолженіе 1000 лѣтъ. Нужно удивляться, какъ вкоренился этотъ обычай въ нравахъ южныхъ славянскихъ племенъ; не смотря на всѣ политическія перемѣны, не смотря на вѣковыя невзгоды, которыя вездѣ и всюду такъ безпощадно ихъ преслѣдовали, семейно-общинный бытъ всегда являлся главною основою этой народности.

При этомъ вотъ что особенно замѣчательно у сербовъ: при всемъ преобладаніи чувствъ кровнаго родства, слѣдовательно при патріархальныхъ младенческихъ формахъ общежитія, они не знаютъ кровавой мести, которая обыкновенно существуетъ у народовъ, живущихъ въ подобномъ состояніи и которая еще недавно играла такую важную роль у ихъ соплеменниковъ—черногорцевъ. Турецкое иго, распространившее въ земляхъ ему подпавшихъ, нищету, невѣжество и притупленіе всѣхъ народныхъ способностей, въ одномъ этомъ отношеніи принесло нѣкоторую пользу сербамъ; конечно, турки содѣйствовали этому, сами того не подозрѣвая и заботясь исключительно о своихъ выгодахъ. Намъ кажется, что сербамъ посчастливилось избѣгнуть обычая кровавой мести, больше всего по слѣдующей причинѣ: турки, считавшіе смертоубійство не столько важнымъ преступленіемъ, сколько убыткомъ для себя, брали съ села, въ которомъ оно совершалось, плату за кровь, такъ называемую *крвнину*, въ 1000 піастровъ. Когда плата внесена, убійца могъ спокойно возвратится домой, и семейство какъ убитаго, такъ и убійцы старались какъ можно скорѣе съ нимъ примириться, чтобы изъ за какой-нибудь ссоры вторично не было совершено убійства. Естественно, что при этомъ и у народа сложился такой взглядъ на убійство, что это самое величайшее преступленіе, что человѣкъ не имѣетъ никакого права изъ за личной ссоры отнимать у другаго жизнь и новымъ поборомъ подвергать еще большей нищетѣ и безъ того обѣднѣвшій народъ.

Во время турецкаго ига, задруга, какъ мы видѣли, была единственнымъ спасеніемъ для сербовъ; теперь же, когда имъ живется несравненно лучше, когда стало появляться и нѣкоторое благосостояніе между поселянами, дур-

ныя и хорошія стороны задруги стали гораздо очевиднѣе. Мужчинамъ вообще задруга представляетъ болѣе льготъ, такъ какъ они здѣсь скорѣе исполняютъ всякое домашнее дѣло; обязанности же женщинъ въ задругѣ большей частью удвоиваются.

Задружный бытъ имѣетъ много хорошихъ сторонъ: онъ содѣйствуетъ развитію дѣльнаго и работящаго молодаго поколѣнія, такъ какъ дѣти съ первыхъ лѣтъ видятъ, какъ старѣйшина слѣдитъ за радивостью и усидчивостью каждаго, какъ строго взыскиваетъ за лѣнь и неисправность; онъ постоянно окруженъ занятыми людьми, полонъ кипучей дѣятельности, заботится о порядкѣ, о чистотѣ. Между тѣмъ, какъ въ отдѣльныхъ семействахъ у простолюдина не можетъ быть большаго присмотра за дѣтьми, такъ какъ родители цѣлый день на работѣ,—въ задругѣ за дѣтьми всегда присмотриваетъ бабка, или нарочно для этого назначаютъ ту или другую не молодую женщину. Но самая важная заслуга задруги въ томъ, что она спасаетъ своихъ членовъ отъ крайней бѣдности. Это ярче всего выступаетъ при раздѣлѣ. Вмѣсто прежнихъ зажиточныхъ семейныхъ общинъ, имѣвшихъ во владѣніи огромный участокъ земли, отъ 4 до 8 штукъ рабочаго скота, столько же коровъ, послѣ раздѣла являются маленькія отдѣльныя семьи, которыя въ слѣдъ за этимъ обыкновенно начинаютъ сильно бѣдствовать на своихъ мелкихъ участкахъ, съ одною лошадью, очень часто безъ упряжи и плуга, часто даже безъ коровы.

Дробленіе семьи ведетъ и къ сокращенію рабочихъ силъ. Тамъ, гдѣ прежде, общее управленіе домомъ лежало на одномъ лицѣ, а другіе члены общины работали въ полѣ, — теперь, если община, положимъ, раздѣлилась на три семьи, эта обязанность лежитъ на трехъ домохозяевахъ, и въ случаѣ какого нибудь правительственнаго требованія, уплаты податей, или чего другаго, всѣ трое должны являться въ назначенное мѣсто и такимъ образомъ прогуливать рабочіе дни; три хозяйки должны оставаться, чтобы стряпать для своего семейства; три пастуха пасти скотъ. Между тѣмъ въ задругѣ, каждую изъ этихъ обязанностей несъ на себѣ только одинъ человѣкъ, а остальные всѣ работали. Но если эти семейно-общинныя отношенія приносятъ большую выгоду для матеріальнаго быта народа, то гораздо больше вреда, чѣмъ пользы, причиняютъ они, по нашему мнѣнію, для его нравственнаго развитія. Безпрекословно подчиняясь иногда грубому старѣйшинѣ, члены семьи унижаютъ свое человѣческое достоинство и постепенно привыкаютъ сами поступать грубо съ подчиненными. Кромѣ того каждымъ членомъ задруги, всѣми его поступками, отъ ранней юности до самой его смерти, всегда руководитъ старѣйшина. Естественно, что человѣкъ, который вѣчно ходитъ на помочахъ, подъ конецъ вовсе утрачиваетъ всякую самостоятельность въ характерѣ, а это служитъ для него впослѣдствіи источникомъ величайшихъ несчастій. Представьте себѣ, что человѣкъ, которымъ вѣчно руководили, который никогда не зналъ, что онъ будетъ дѣлать черезъ два, три часа, такъ какъ старѣйшина могъ послать его то на одну, то на другую работу,—вдругъ сразу дѣлается хозяиномъ и руководителемъ. Такой человѣкъ не умѣетъ ни семью вести, ни рабочее время распредѣлить, нѣтъ у него въ хозяйствѣ никакой предпріимчивости, никакой сноровки, какъ, что, когда и сколько чего заготовить для семьи.

Къ тому же руководящимъ лицомъ въ задругѣ, т. е. старѣйшиною, обыкновенно бываютъ люди весьма пожилые, которые поддерживаютъ старыя традиціи, старые порядки, языческіе обряды, обычаи и суевѣрія, всегда приносящіе болѣе вреда, чѣмъ пользы. Между тѣмъ съ ранняго дѣтства каждый привыкаетъ

уважать старѣйшину, а слѣдовательно и усвоиваетъ его взгляды на вещи. Къ тому же ссоры, дрязги, и зависть, которыя бываютъ тѣмъ чаще, чѣмъ больше семья, тоже мало могутъ содѣйствовать нравственному развитію народа.

Характеръ, наружность и одежда мужчинъ и женщинъ. — Женскія притиранія и ихъ дурныя послѣдствія.—Религіозность серба.—Церкви и монастыри—мѣста молитвы и народныхъ увеселеній.— Суевѣріе народа и знахарки. — Народныя пѣсни. — Ихъ любимый богатырь Марко-Кралевичъ. — Отношенія другъ къ другу разныхъ сословій.

Сербъ отличается рѣзкими чертами лица, выдающимися скулами; онъ сильнаго сложенія, большаго роста, широкоплечъ. Его обыкновенно бѣлокурые, рѣдко черные волосы коротко обстрижены. Только духовенство носитъ длинные волосы и бороды, остальные стригутъ ихъ немного пониже уха; горожанинъ еще носитъ иногда бакенбарды, но деревенскій житель только усы.

Нарядъ сербскаго крестьянина очень простъ. На головѣ — низкая красная шапочка—фесъ, съ темною, свѣсившеюся кистью, а то такъ и совсѣмъ безъ кисти; панталоны полотняныя, длинныя, широкія, собраны немного пониже колѣнъ, а у большей части спускаются до самаго низу. Поверхъ *гаче*, или сербскихъ панталонъ, надѣта *кошуля*, льняная рубашка, разрѣзанная на груди и подвязанная краснымъ шерстянымъ поясомъ, на которомъ застегнутъ еще другой поясъ—кожанный; въ различныхъ отдѣленіяхъ этого пояса засунуты два пистолета и носовой платокъ, а сзади прикрѣпленъ къ нему вышитый или металлическій патронташъ. На правомъ боку, на шнуркахъ виситъ у этого пояса короткій ножъ въ кожаныхъ ножнахъ, огниво и коробка съ жиромъ для смазки оружія. Если крестьянинъ собирается въ дальній путь, то онъ одѣваетъ еще пестро вышитый жилетъ, сверху накидываетъ вышитую голубыми шнурками *гуню* (нѣчто въ родѣ кафтана) и надѣваетъ черезъ плечо албанское ружье, — это придаетъ ему воинственный видъ. Обувь его пестрые чулки и *опанки* (что-то среднее между древними сандаліями и нашими башмаками), изъ недубленой кожи. Въ одеждѣ сербскаго простолюдина много разнообразія. Въ западной Сербіи крестьянинъ обыкновенно носитъ темныя шаровары изъ коричневаго сукна, которыя собраны у колѣна и укрѣплены латунными застежками. На югѣ въ одеждѣ серба уже много албанскаго: бѣлый платокъ обернутъ вокругъ феса, короткая коричневая гуня, съ разрѣзными рукавами, а во время дождя — красный, широкій плащъ. На юго-востокѣ на головѣ носятъ болгарскую мѣховую шапку, а на востокѣ румынскую одежду.

Въ городахъ мужская одежда, (если только сербъ не чиновникъ и купецъ, такъ какъ тѣ и другіе стали теперь носить европейское платье)—весьма роскошна и вмѣстѣ съ тѣмъ удобна. Одежда горожанъ большей частью синяго цвѣта. Штаны изъ синяго сукна, скроены потурецки, богато вышиты черными шнурками, а зимою опушены мѣхомъ. Широкій, пестрый поясъ изъ дорогой шелковой матеріи или кашемира въ нѣсколько разъ обхватываетъ талію. Красная, вышитая золотыми снурками жилетка, плотно лежитъ на рубашкѣ, тоже расшитой необыкновенно затѣйливо. За поясомъ засунуты два пистолета, выложенные серебромъ, и богатый патронташъ. На головѣ фесъ съ длинною синею кистью. Обувь—пестрые или бѣлые чулки и темные, кожанные башмаки.

Женщины въ Сербіи красивѣе черногорокъ, но имъ не достаетъ легкости въ поступи и движеніи, которыми такъ отличаются женщины Черной горы.

Сербскій народъ считаетъ всякую женщину съ черными волосами, бѣлую и румяную—красавицею и потому здѣсь въ большомъ употребленіи крашеніе волосъ, бѣлила и румяна. Что же до женскаго туалета, то онъ здѣсь такъ разнообразенъ, какъ нигдѣ. Что ни округъ, то свой нарядъ. Больше всего разнообразится женскій нарядъ головными украшеніями. Въ Бѣлградѣ дѣвушки носятъ обыкновенно волосы, переплетенные въ косы съ цвѣтами и монетами. При этомъ надо лбомъ волосы подстригаются довольно коротко и ихъ располагаютъ спереди длиннымъ рядомъ маленькихъ завитушекъ. Во многихъ мѣстностяхъ дѣвушки носятъ маленькую, красную шапочку съ темною кистью и кругомъ эту шапочку обвиваютъ своей длинной косой. У кого не хватаетъ своей косы, привязываютъ фальшивую. Спереди въ косу прикалываютъ цвѣтокъ или всю ее сплошь унизываютъ золотыми монетами. Замужнія женщины вмѣсто феса, въ большинствѣ случаевъ, носятъ нѣчто въ родѣ кокошника, который подъ подбородкомъ подвязываютъ лентами, а сверху кокошника, позади, на плечи падаетъ бѣлый платокъ, напоминающій итальянскій уборъ. У богатыхъ завязки у подбородка сплошь унизаны серебряными монетами, такъ что лицо точно въ металлической рамкѣ. На западѣ Сербіи головное украшеніе женщины имѣетъ форму тарелки съ платкомъ, падающимъ назадъ складками. Очень оригиналенъ головной уборъ Крушевацкаго округа: волосы свѣшиваются по обѣимъ сторонамъ лица широкими косами и испещрены огромными монетами, но они висятъ не во всю длину, а загнуты кверху и болтаются въ видѣ какихъ-то безобразныхъ ушей. На головѣ укрѣплена стоячая, украшенная павлиновыми перьями діадема, съ которой ниспадаетъ на спину большой бѣлый платокъ, посреди усаженный монетами.

Костюмъ сербской крестьянки очень простъ: самая важная часть въ немъ—длинная рубашка отъ шеи до пятъ. Эта рубашка вышита разноцвѣтною шерстью на груди, плечахъ и рукавахъ.

Дома и въ полѣ женщина обыкновенно и сидитъ въ этой длинной рубашкѣ, или одѣваетъ еще два вышитыхъ передника: одинъ привязываетъ сзади, а другой спереди; по таліи подвязывается поясъ и иногда одѣвается коротенькая курточка, открытая спереди. Верхнее платье, употребляемое почти во всей Сербіи, которое женщины носятъ, когда идутъ со двора—камзолъ безъ рукавовъ, спереди открытый, пестро-расшитый огромными букетами и полосами съ прорѣзами на бокахъ.

Пестрые чулки и опанки составляютъ обувь, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. На шеѣ тоже носятъ какія нибудь украшенія: богатые ожерелья и жемчуга, побѣднѣе—изъ бусъ и монетъ; непремѣнно у каждой браслеты на рукахъ, множество колецъ на пальцахъ, огромныя серьги въ ушахъ. У каждой, разумѣется, эти предметы сдѣланы изъ металла, который ей по состоянію, но всѣ рѣшительно женщины, кромѣ старухъ, страшно любятъ носить эти украшенія, хоть у нѣкоторыхъ онѣ сдѣланы изъ самой дурной мѣди.

Хотя женщины высшаго круга и одѣваются очень богато, но ихъ костюмъ мало измѣняется вслѣдствіе моды. На головѣ — миловидный фесъ, который поддерживается спереди толстой косой, перевитый бархатомъ и украшенный распускающимися почками розы, а иногда и бриллiантами. Фесъ сдѣланъ изъ краснаго бархата, вышитъ серебромъ и плотно обложенъ нитками, на которыхъ нанизаны золотые кусочки или жемчугъ.

Какъ головныя украшенія, такъ и одежда у горожанокъ—совершенно восточныя. Бюстъ покрываетъ почти прозрачная рубашка, сверху которой на плечи накинутъ платокъ и тамъ, гдѣ онъ перекрещивается спереди, на груди у дѣвушекъ приколотъ букетъ, а у женщинъ — золотое украшеніе. На шеѣ сербскія дамы носятъ кораллы, жемчугъ, цехины и дукаты. Зимою онѣ одѣваютъ сверху суконное платье, обшитое мѣхомъ, и по краямъ часто вышитое золотыми и серебряными снурками. Пестрота — отличительная черта ихъ одежды.

Сербскія дамы, разумѣется, гораздо болѣе, чѣмъ крестьянки, употребляютъ румяна, притиранья и всевозможныя краски. Волосы свои онѣ выкрашиваютъ въ темную краску, брови чернятъ и искуственно удлиняютъ, щеки румянятъ, лицо бѣлятъ; даже губы особеннымъ образомъ выкрашиваютъ. Эти искуственныя притиранья ведутъ къ преждевременной порчѣ лица, зубовъ и другимъ болѣзнямъ, такъ какъ эти притиранья очень рѣдко бываютъ чисты, а содержатъ обыкновенно опасные яды и свинцовые препараты. Такъ что сербскія женщины, лишь только у нихъ прошла первая молодость, дѣлаются совершенными старухами, съ обвислой, а иногда и съ потрескавшейся кожей на лицѣ, и при этомъ очень часто, даже и у молодыхъ женщинъ, лица совсѣмъ дряблыя и часто съ глубокими морщинами.

Въ предыдущей главѣ мы говорили о деспотическомъ отношеніи серба къ его женѣ, но наши читатели составятъ о характерѣ этого народа совершенно ложное представленіе, если будутъ судить его только по его взгляду на женщину и по его отношенію къ ней. Тутъ сербъ представляется намъ дѣйствительно въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ. Нужно однако помнить, что гуманный взглядъ на женщину выработали себѣ только самыя цивилизованныя націи и то наиболѣе образованные классы общества. Сербы же, вслѣдствіе турецкаго ига, только двадцать, тридцать лѣтъ тому назадъ начали свое умственное развитіе и образованіе, потому естественно у нихъ во многомъ и теперь еще совершенно первобытныя понятія. Натура серба чисто славянская: онъ добръ до простодушія, впечатлителенъ, наблюдателенъ и уменъ, чрезвычайно гостепріименъ и необыкновенно терпѣливъ. Впрочемъ не только сербамъ, но и всему славянскому племени — не занимать стать терпѣнія. Исторія всѣхъ этихъ племенъ — длинная повѣсть о страданіяхъ народа, а страданія пріучаютъ къ терпѣнію и отчасти заставляютъ сживаться съ ними. Вотъ почему и теперь сербы такъ вяло и терпѣливо относятся ко многимъ дурнымъ сторонамъ своего правленія и быта, вотъ почему они такъ упорно держатся своихъ старыхъ нравовъ и обычаевъ, даже и теперь, когда духъ времени и ихъ измѣнившееся положеніе требуетъ уничтоженія многаго унаслѣдованнаго ими по преданію.

Исторія народа громко говоритъ о его братскомъ чувствѣ другъ къ другу, о его любви къ отечеству, о его личномъ мужествѣ, которые одушевляютъ не только простой народъ, но и высшіе классы. Впрочемъ его храбрость и военныя доблести давно извѣстны: онѣ были прославлены еще византійцами. Въ физіономіи серба выражается или полнѣйшее добродушіе и простота, или мужество и чувство собственнаго достоинства. Онъ не только уменъ, но и хитеръ; самъ не обманетъ, и другому трудно его провести. Натура у него широкая: онъ любитъ угостить гостя, товарища, иногда покутить вмѣстѣ съ нимъ; но по природѣ онъ не наклоненъ къ кутежу, разойдется же иногда съ товарищемъ, чтобы себя показать: дескать ѣшь, пей, веселись, ничего не жалѣю.

Хотя онъ и любитъ иногда погулять, расщедрится, но въ важныхъ дѣлахъ никогда не упуститъ своей выгоды.

Въ спорѣ онъ горячится и ругается на пропалую, но волю рукамъ даетъ только тогда, когда споръ идетъ съ женщиной. Женщина по его понятію отъ природы лишена всякаго пониманія, разсудительности, болѣе низшее существо, чѣмъ онъ, и потому должна быть во всемъ согласна съ нимъ; малѣйшее противорѣчіе съ ея стороны, и сербъ съ ней, какъ мы видѣли выше, уже совсѣмъ не церемонится. Другое дѣло, говоритъ онъ, мужчина: онъ можетъ разсудить, можетъ все понять, такъ почему же имъ другъ съ другомъ и не поспорить.

Сербы народъ глубоко и искренно религіозный. Въ его религіи нѣтъ и тѣни ханжества. Всякое свое дѣло онъ начинаетъ молитвою. Онъ даже считаетъ грѣхомъ что нибудь пообѣщать, не прибавивъ: «если Богу будетъ угодно.» Самый языкъ серба получилъ отъ этого особый оттѣнокъ и рѣчь его изобилуетъ самыми оригинальными сокращеніями. Вмѣсто того, чтобы сказать путешественнику: «Куда ты идешь, если Богу угодно?» онъ говоритъ: «Если Богу угодно»; самый же вопросъ опускается.

Сербы молятся, не менѣе трехъ разъ: утромъ, передъ ужиномъ и ложась спать. При этомъ они молятся не всегда передъ образами, а тамъ гдѣ найдется наиболѣе уединенное мѣсто: подъ дубомъ, на дорогѣ, въ избѣ, если только въ ней никого нѣтъ въ ту минуту. Передъ питьемъ вина, садясь за пирушку, онъ непремѣнно скажетъ: «во славу Божію!» Когда онъ идетъ приглашать къ себѣ на праздникъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, свое приглашеніе онъ всегда начинаетъ такъ: «Вашъ домъ также божій домъ, просимъ васъ придти на вечеръ, угостимъ, чѣмъ святой послалъ».

Церкви, мощи, кресты и иконы, глубоко почитаются въ сербскомъ народѣ. По природѣ необыкновенно разсудительный и умный, сербъ не увлекается внѣшностью, а старается проникнуть въ сущность религіи. Когда забредетъ въ Сербію монахъ изъ Афона съ мощами и остановится въ какомъ нибудь домѣ, домашніе немедленно прекращаютъ между собою всякія ссоры, дрязги и брань, которая такъ сильно развита у сербовъ; чистятъ весь домъ и стараются, во все время пребыванія мощей въ домѣ, наблюдать строжайшій порядокъ, миръ и чистоту.

Священниковъ въ Сербіи уважаютъ и совѣтуются съ ними во всѣхъ затруднительныхъ житейскихъ обстоятельствахъ, если только они пріобрѣли уваженіе въ народѣ своею честною жизнію. Къ плохому священнику не пойдутъ за совѣтомъ, но отдаютъ ему всевозможные знаки уваженія, какъ лицу носящему священный санъ. Разъ въ одной маленькой бѣлградской церкви была обѣдня, на которой присутствовалъ сербскій князь Милошъ. Это было въ 1859 году. Въ концѣ обѣдни священникъ подходитъ къ нему съ частицей просфоры, Милошъ беретъ эту частицу хлѣба и прикладывается къ рукѣ священника, чтобы поцѣловать ее. Священникъ конфузится и беретъ руку къ себѣ; Милошъ снова къ рукѣ, священникъ снова отодвигаетъ руку. Тогда раздосадованный Милошъ грозно произноситъ: «Руку давай сюда! ты думаешь, что я цѣлую твою руку, что ли? Божью руку я хочу поцѣловать, а не твою, понимаешь ли ты это..?» Это вполнѣ характеризуетъ отношенія сербскаго народа къ своимъ священникамъ. Войдя въ домъ неожиданно, вы часто можете застать серба колѣннопреклоненнымъ, съ горячею молитвою на устахъ; въ

церкви же напротивъ онъ стоитъ всегда чинно. Часто креститься и кланяться на виду у всѣхъ сербъ считаетъ ханжествомъ и отворачивается отъ такихъ людей. Вотъ почему, не смотря на свою религіозность, онъ очень рѣдко посѣщаетъ церковь и предпочитаетъ молиться наединѣ, у себя дома. Но попѣть, поплясать и повеселиться въ праздничные дни около своихъ монастырей — любимое удовольствіе народа. Сербскій народъ особенно привыкъ собираться у своихъ церквей и монастырей во время своего рабства. Монастыри и церкви были выстроены, да и теперь еще очень многіе стоятъ въ дремучихъ лѣсахъ. Тутъ народъ укрывался отъ своихъ поработителей, сюда стекались сербы за совѣтомъ къ своимъ священникамъ, уговаривались между собою. Стало полегче имъ жить и эти мѣста сдѣлались мѣстами веселья. Тѣмъ болѣе, что у серба необыкновенно веселый характеръ, а потому, гдѣ бы ни случилось народное собраніе, за исключеніемъ собраній по приказанію властей, народъ пользуется ими, чтобы поиграть и повеселиться въ большой компаніи.

Въ праздничный день, если только хорошая погода, народъ цѣлыми толпами направляется къ церквамъ и монастырямъ. Только небольшая часть отправляется въ церковь, а остальные прохаживаются и разговариваютъ. Кончилась служба и народъ идетъ подъ деревья обѣдать. Всѣ сидятъ по кучкамъ, въ одной больше народу, въ другой меньше, каждый съ своими родственниками. Но вотъ вдали раздалась свирѣль, молодежь вскакиваетъ и бѣжитъ туда, откуда послышались звуки. Завидѣли свирѣльщика и всѣ тотчасъ строятся въ большіе и малые круги, хватаются за руки или за пояса и начинаются танцы. Подлѣ пляшущихъ можно видѣть нѣсколько дѣвушекъ или парней, которые обыкновенно стоятъ попарно и поютъ; но всего оригинальнѣе то, что многіе изъ нихъ, раскрывая ротъ, чтобы издавать звуки, въ то же время прикрываютъ его платкомъ, вѣроятно, для того, чтобы не влетѣла нечистая сила. За то у этихъ пѣвцовъ не только устанетъ горло, но и руки, такъ какъ имъ безпрестанно приходится то закрыть ротъ платкомъ, то отнять его прочь.

Дѣвицы обыкновенно поютъ и танцуютъ съ дѣвицами, а парни съ парнями; если парень поетъ съ дѣвицей, то это означаетъ, что они ближайшіе родственники, обыкновенно братъ и сестра, родные, или двоюродные; пѣть или плясать постороннему парню съ дѣвицей считается здѣсь неприличнымъ. На одной площадкѣ пляшутъ, на другой раздаются монотонные звуки гусляра: онъ воспѣваетъ подвиги Марко-Кралевича и другихъ богатырей, и пѣвца окружаетъ огромная толпа, которая все ростетъ и ростетъ.

Чтобъ вполнѣ охарактеризовать сербовъ, необходимо поговорить о суевѣріи, сильно распространенномъ между ними. У каждаго серба множество примѣтъ хорошихъ и дурныхъ, множество благопріятныхъ и злыхъ предзнаменованій. Когда кто заболѣетъ, первое что имъ приходитъ въ голову — не отъ дурнаго ли глазу это случилось. Въ болѣзняхъ обращаются къ знахаркѣ, а не къ доктору. Впрочемъ вѣра въ знахарокъ — отличительная черта не однихъ сербовъ, а всѣхъ южныхъ славянъ. Славяне въ Далмаціи, гдѣ есть хорошіе доктора изъ итальянскихъ школъ, тоже скорѣе обратятся къ знахаркѣ, чѣмъ къ доктору. Сербскія знахарки лѣчатъ народъ травами. Пристрастіе народа къ травамъ выражается въ поговоркѣ: «свака болѣсть свое билье има», т. е. всякая болѣзнь имѣетъ свою траву. Но для народа болѣе важную роль играютъ таинственные обряды, которыми знахарки сопровождаютъ свое лѣченіе. Онѣ шепчутъ таинственныя слова, кладутъ больнаго спиною къ верху и сыплютъ

по бокамъ его соль; часто даже, положивъ его на полъ и бормоча заговоры, лѣкарка проходитъ по немъ, дѣлаетъ при этомъ знаменіе креста на его спинѣ. Тѣмъ не менѣе; эти знахарки весьма часто вылечиваютъ своихъ больныхъ; тутъ дѣйствуютъ, разумѣется, не ихъ заговоры, а тѣ травы которыя онѣ даютъ своимъ паціентамъ. Многіе опытные доктора, наблюдавшіе за лѣченіемъ этихъ сербскихъ старухъ, утверждаютъ, что онѣ дѣйствительно хорошо знаютъ дѣйствіе этихъ травъ и умѣютъ во время ихъ употреблять. Если знахарка не помогаетъ больному, его несутъ въ церковь, или въ монастырь къ чудотворной иконѣ. Если и послѣ этого нѣтъ легче, тогда народъ сказываетъ, что его *вѣщица* испортила.

Не даромъ, поговариваютъ старые и малые: на прошлой недѣлѣ, своякъ видѣлъ, какъ бабочка ночью летала надъ его домомъ. Вошелъ онъ въ домъ, опять вышелъ и тогда надъ домомъ ужъ не бабочка летала, а звѣздочка; она то мелькнетъ, то совсѣмъ пропадетъ. Такъ мерцала она долго, а какъ пропала и своякъ вошелъ къ себѣ, то увидалъ ту же самую звѣздочку надъ колыбелью своего сына. На другой день малютки не стало. Бабочкою и звѣздочкою была вѣщица. Разъ она уже повадилась въ деревню, погубила ребенка, теперь пришла и за большимъ. Ночью, когда всѣ спали, она явилась передъ больнымъ, дотронулась чудеснымъ жезломъ до чернаго пятнышка на его груди... грудь въ ту же минуту раскрылась: она вынула половину его сердца, съѣла его и прикосновеніемъ жезла закрыла отверстіе, не оставивъ никакого слѣда. Люди, до которыхъ дотронулась вѣщица, сказываетъ народъ, непремѣнно умрутъ, но могутъ прожить еще нѣсколько дней, смотря потому много или мало пострадало ихъ сердце отъ колдуньи.

Народъ утверждаетъ, что противъ колдуньи есть еще одно средство—это чеснокъ. Вѣщицы не терпятъ запаху чеснока и потому всѣ сербы, мужчины и женщины, зашиваютъ его въ тряпочки и носятъ на груди. Когда человѣкъ серьезно занемогъ, сербы думаютъ, что чеснокъ болѣе не дѣйствуетъ, такъ какъ онъ потерялъ свой запахъ и свою силу, и потому натираютъ больному грудь и обкладываютъ его всего чеснокомъ. Какъ бы ни былъ уменъ сербъ, каждый изъ нихъ вѣритъ и слѣдуетъ этому обычаю и чтобы ни говорили ему доктора, какія бы ни представляли доказательства его невѣжества и вредныхъ послѣдствій, которыя ему можетъ принести это суевѣріе, онъ ни на іоту не измѣнитъ своего убѣжденія, — такъ упорна въ немъ вѣра въ дѣдовскіе обычаи и преданія.

Сербы вѣрятъ въ *вилъ* (горныя нимфы), прекрасныхъ, живыхъ, воздушныхъ женскихъ существъ, которыя живутъ на высокихъ горахъ и въ каменныхъ пещерахъ у водъ. По понятіямъ нѣкоторыхъ вилы эти очень добрыя существа, по другимъ — злыя; но всѣ одинаково вѣрятъ, что вилы могущественнѣе людей и знаютъ будущее. (Какъ обрядъ побратимства, такъ и вѣра въ вилъ одинаково существуютъ у сербовъ и у черногорцевъ, поэтому мы и отсылаемъ нашихъ читателей прочесть о томъ и о другомъ выше, въ статьѣ: «Черногорія»).

Но гораздо болѣе глубокія чувства и болѣе богатая фантазія сербскаго народа выражается въ его пѣсняхъ. Никто не съумѣетъ вамъ назвать сочинителя этихъ пѣсней, никто не станетъ приписывать ихъ себѣ; да и кому до того дѣло, кто написалъ пѣсню, пришлась бы она по душѣ сербу и онъ ее всюду будетъ распѣвать, такъ что ее наконецъ переймутъ даже малые ребята. Не даромъ въ каждомъ домѣ висятъ на стѣнѣ гусли, подъ акомпаниментъ

которыхъ и поются эти пѣсни. Зимними вечерами, когда семья собирается вокругъ огня, и женщины прядутъ, тотъ, кто лучше поетъ, принимается за гусли. Даже настоятели монастырей не считаютъ для себя неприличнымъ играть на гусляхъ и пѣть. Сербская пѣсня скорѣе сказывается, чѣмъ поется: это нѣчто въ родѣ нашихъ речитативовъ, только напѣвъ ее очень грустный и монотонный, чему особенно способствуютъ гусли—инструментъ однострунный.

Въ горахъ, гдѣ характеръ природы болѣе величественный и дикій, поются юнацкія пѣсни, которыя воспѣваютъ разбойниковъ — гайдуковъ. Хотя гайдуковъ уже болѣе нѣтъ въ Сербіи, но народъ и до сихъ поръ любитъ вспоминать ихъ въ пѣсняхъ. Въ нихъ живо изображены всѣ опасности, которымъ подвергался гайдукъ; скалы, изъ-за которыхъ онъ сторожилъ турка, пещеры, въ которыя онъ прятался; его быстрое нападеніе на врага. Замѣчательно, что въ этихъ пѣсняхъ мелочи изображены иногда съ необыкновенными подробностями, замѣчательною отчетливостью и точностью. Въ одной пѣснѣ разсказывается о стрѣльбѣ юнака, при этомъ говорится, какъ онъ беретъ ружье по срединѣ, какъ припадаетъ на правое колѣно, кладетъ ружье на лѣвое, прицѣливается глазомъ. Раны, которыя юнакъ получаетъ въ бою, описаны здѣсь иногда съ анатомическими подробностями. Но прежде всего въ этихъ пѣсняхъ выступаетъ страшная ненависть къ невѣрному; въ нихъ очень часто юнаку приписываютъ и гуманные поступки. Онъ заботится о своемъ плѣнникѣ, выводитъ его грѣться на солнцѣ и т. п. Вѣчная борьба съ турками развила ненависть къ нимъ и воинственный духъ, — вотъ почему сербы и до сихъ поръ еще такъ любятъ юнацкія пѣсни. Впрочемъ они поютъ всякія пѣсни, — это народъ столько же пѣвучій, какъ и итальянцы. Даже и тѣ сербы, которые еще въ ранней юности, обратились въ исламъ, не утратили своей любви къ пѣснямъ. По этому признаку вы тотчасъ отличите серба-магометанина отъ турка-магометанина, который всегда молчитъ.

Куда вы ни пойдете, повсюду раздаются пѣсни. Горы, въ которыхъ маленькій пастухъ пасетъ свое стадо, поля, на которыхъ убираютъ хлѣбъ, лѣса — со всѣхъ сторонъ несется пѣсня, неразлучная спутница всѣхъ занятій этого народа. На праздникахъ, когда народъ толпами собирается у монастырей, являются слѣпые, которые поютъ здѣсь съ особеннымъ искусствомъ.

Сербскія пѣсни знакомятъ насъ и съ трудовою жизнію земледѣльца и съ его семейнымъ бытомъ. Одна пѣсня хвалитъ земледѣльца, у котораго «руки черны, за то хлѣбъ бѣлъ», другая — почтеннаго старца съ длинной бородою, третья — изображаетъ цвѣтущую дѣвушку, когда она повѣряетъ свою тайну цвѣтку. Ихъ пѣсни не скрываютъ и тяжести семейной жизни, въ нихъ часто разсказывается, какъ злы бываютъ мачихи, какъ безпрестанно ссорятся между собою невѣстки: ласточка завидуетъ кукушкѣ, такъ какъ она не слышитъ ихъ перебранокъ.

Самыя лучшія пѣсни сербовъ — тѣ, которыя воспѣваютъ разныя историческія событія ихъ прошлой жизни, хотя о многомъ разсказывается не такъ, какъ было на дѣлѣ, многія лица идеализированы.

На первомъ планѣ является Стефанъ Душанъ, этотъ главнѣйшій представитель кратковременнаго могущества и славы Сербіи. Впрочемъ, по большей части, онъ стоитъ въ сторонѣ отъ историческихъ событій, и въ пѣсняхъ больше говорится о его частной жизни. И это естественно: Душану хотѣлось пересоздать Сербію по образцу византійскаго государства, а это было противно

природнымъ условіямъ страны и духу народа, и потому народъ отнесся или совсѣмъ безучастно къ событіямъ, совершавшимся при немъ, или не сочувственно. Въ пѣснѣ «*Царь Стефанъ празднуетъ день своего святаго*» разсказывается, какъ, въ началѣ своего пира, царь, по народному, для всѣхъ равно обязательному закону гостепріимства, самъ прислуживаетъ своимъ гостямъ:

«Царь ты нашъ и солнце наше красно,
(Такъ говоритъ собравшееся духовенство),
Намъ глядѣть зазорно и обидно,
Что ты служишь и вино подносишь;
Сядь ты съ нами лучше за трапезу,
А вино пускай слуга подноситъ!»
Царь Стефанъ на рѣчь ихъ соблазнился,
Сѣлъ съ гостями рядомъ за трапезу,
Въ честь святаго не наполнивъ чаши,
И о Богѣ духомъ не смиряся;
Далъ слугамъ, чтобы съ виномъ ходили,
Чествуя угодника святаго,
Самого же себя не могъ принудить
Послужить слугою часъ единый.
Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,
За плечомъ его стоялъ Архангелъ,
Крыльями его пріосѣняя;
А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,
Прогнѣвился на него Архангелъ,
По лицу крыломъ его ударилъ
И съ трапезы царской удалился.

Ясно, что духовенство, которое совѣтуетъ царю пренебречь народнымъ обычаемъ, является представителемъ византійскаго взгляда.

Несчастная Косовская битва такъ поразила воображеніе народа, что о ней разсказывается въ большей части сербскихъ пѣсней. Эти пѣсни проникнуты мужественною грустію и какою-то покорностью неотразимому року. Герои сербскіе при этомъ необыкновенно воинственны, просты и набожны. Война для нихъ выше всего, мужество—первая добродѣтель, но вмѣстѣ съ тѣмъ они любятъ роскошь и блескъ, часто прибѣгаютъ къ насилію, но свято хранятъ клятву и честное слово, щадятъ плѣнныхъ и не ругаются надъ трупами враговъ. На сценѣ иногда появляется и молодая дѣвушка.

Встала дѣвица прежде краснаго солнышка, засучила рукава сорочки вплоть до бѣлыхъ локтей,

«Положила на плечи хлѣбъ бѣлый,
Взяла въ руки два златыхъ сосуда,
Налила въ одинъ воды студеной,
А другой виномъ налила краснымъ,
И пошла она Косовскимъ полемъ;
Посреди побоища проходитъ,
Славнаго побоища царёва,
Витязей оглядываетъ мертвыхъ,
А кого найдетъ еще живаго—
Чистою водой его умоетъ,
Причаститъ его виномъ червоннымъ
И потомъ накормитъ хлѣбомъ бѣлымъ.

Глядь: лежитъ въ крови удалый витязь,
Добрый витязь молодой Орловичъ,
Молодой царевъ знаменоносецъ.
Онъ въ живыхъ въ ту пору оставался,
Только былъ онъ безъ руки безъ правой,
Безъ ноги безъ лѣвой до колѣна;
Тонки ребра были перебиты
И виднѣлась бѣлая печенка.
Подняла его красна дѣвица,
Подняла она его изъ крови,
Чистою водой его умыла
И виномъ червоннымъ причастила.»

Но больше всего пѣсней сложилось у сербовъ про Марко-Кралевича, сына царя Вукашина. Марко преисполненъ необыкновенной силы и могущества, онъ самый любимый сербскій богатырь. Онъ мало походитъ на другихъ героевъ и по народному преданію въ его судьбѣ что-то сверхъестественное.

Цѣлыхъ 300 лѣтъ прожилъ Марко, совершая свои богатырскіе подвиги. Послѣ такой долгой жизни онъ умеръ отъ руки Божіей, а не отъ оружія вражьяго, потому что ему смерть на бою не была написана. Про его кончину разсказываютъ такъ: «Проѣзжая въ горахъ, Марко встрѣтилъ тамъ однажды вилу. Она стояла на вершинѣ горы и оттуда закричала, что настала пора разстаться ему съ конемъ своимъ. Марко не вѣритъ ей; нимфа приказываетъ ему поглядѣть въ рѣку; онъ смотритъ и видитъ въ водѣ всю свою будущность и между прочимъ близкую смерть. Тотчасъ же онъ убиваетъ коня своего, чтобы онъ недостался туркамъ, ломаетъ мечъ на мелкіе куски и пишетъ завѣщаніе. Все его имущество — три кошелька съ золотомъ; изъ нихъ одинъ онъ оставляетъ тому, кто его похоронитъ, другой церкви и духовенству, третій — слѣпымъ пѣвцамъ, которые обходя деревни, разсказываютъ о великихъ подвигахъ предковъ. Марко завѣщаетъ имъ никогда не забывать его.» Затѣмъ онъ удаляется въ пещеру и наконецъ умираетъ. По другимъ преданіямъ Марко опять выйдетъ на свѣтъ Божій и станетъ жить между народомъ.

Всѣ эти сказанія передаются безъ всякой послѣдовательности, въ отдѣльныхъ пѣсняхъ, изъ которыхъ каждая представляетъ особое цѣлое. Но во всѣхъ ихъ одинъ смыслъ, одинъ и тотъ же взглядъ на вещи, однѣ и тѣ же чувства. Марко-Кралевичъ, въ большинствѣ пѣсней—воплощенная исторія сербовъ.

Марко живетъ неразлучно съ своимъ конемъ, котораго онъ поитъ виномъ изъ одной съ собой чаши. Онъ сидитъ на немъ—драконъ на драконѣ. Его не беретъ ни сабля, ни булава. Сидя на конѣ, Марко пускаетъ въ воздухъ множество стрѣлъ, вслѣдъ за вилою, которая поранила до смерти его товарища. Его стрѣла попадаетъ въ нее: тогда вила смирилась передъ нимъ, упросила его быть ей побратимомъ, обѣщалась помогать ему въ нуждѣ и воскресила товарища.

Но что-же дѣлаетъ этотъ богатырь, одаренный такимъ чудеснымъ мужествомъ? Онъ служитъ туркамъ. Сосѣдніе короли приглашаютъ Марко на праздникъ, но въ это же самое время султанъ зоветъ его на войну, и онъ идетъ воевать за турокъ.

Слѣдовательно пѣсни, въ которыхъ Марко-Кралевичъ олицетворяетъ собою народъ, изображаютъ его согласно съ исторіей не врагомъ султана, а вѣрнымъ, хотя и не дающимъ себя въ обиду слугою его. Народъ

сербскій, зараженный восточнымъ фатализмомъ, старается объяснить службу своего любимаго богатыря — неотразимымъ предопредѣленіемъ. Въ пѣснѣ: «Судъ Марка Кралевича» Марко не допускаетъ отца своего Вукашина и дядей незаконно завладѣть царствомъ и отдаетъ его законному наслѣднику Урошу.

«Собралось четыре ратныхъ стана:
Первый станъ былъ Вукашина краля,
А другой — царевича Углѣши,
Третій станъ былъ воеводы Гойки
И четвертый—Уроша младаго.
Изъ за царства ссорятся родные,
Загубить другъ друга умышляютъ,
Извести ножами золотыми:
Не рѣшатъ, кому сидѣть на царствѣ.
«Я наслѣдникъ!» имъ Гойка возражаетъ.
Лишь одинъ царевичъ недоростокъ,
Бѣдный Урошъ, слова не промолвитъ:
Онъ троихъ своихъ боится братьевъ....

За разрѣшеніемъ спора они обращаются къ протопопу, старику Недѣлькѣ. Только дома старца не застали, и тогда они

«Прямо въ церковь въѣхали съ конями
И плетьми ременными нещадно
Стали бить Недѣльку протопопа.
«Гей, проворнѣй, протопопъ Недѣлька!
Гей, проворнѣй на Косово поле —
Тамъ рѣшишь, кому сидѣть на царствѣ...»

Но старецъ уклоняется дать на это рѣшеніе.

«Призовите Марка на Косово —
Онъ вамъ все по чистой правдѣ скажетъ,
Потому что Марко, кромѣ Бога,
Никого на свѣтѣ не боится.»

Вукашинъ надѣется, что Марко присудитъ ему престолъ, такъ какъ «сынъ отцу наслѣдуетъ на царствѣ». Дяди въ свою очередь надѣются, что имъ достанется царство. Но Марко смѣло присуждаетъ его Урошу. За это Вукашинъ начинаетъ нещадно проклинать сына: «Живи долго, говоритъ онъ, и всю свою жизнь служи султану».

Но если отецъ проклинаетъ Марка, то тутъ же его благословляетъ Урошъ.

«Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!
Чтобъ лицо твое сіяло въ думѣ,
А копье въ бою не уставало!
Чтобъ сильнѣе не было юнака,
И, пока луна и солнце свѣтятъ,
О тебѣ жива была бы память!»

Какъ проклятіе отца, такъ и благословеніе Уроша сбываются и идутъ рука объ руку въ продолженіи всей жизни Марко-Кралевича. Онъ вѣрно слу-

жить туркамъ, но держитъ себя совершенно самостоятельно. Визиря, который переломалъ крылья его соколу, онъ убиваетъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью его спутниками. Онъ гнѣвный входитъ въ шатеръ султана, и тотъ ласками и подарками старается его умилостивить. Марко очень часто даетъ почувствовать свою силу султану. Сюда относится пѣсня, въ которой онъ узнаетъ саблю своего отца и сноситъ голову турку — его убійцѣ, а также и та, гдѣ онъ пьетъ вино у турокъ въ рамазанъ и такимъ образомъ смѣло показываетъ султану, что турецкій законъ не для него писанъ. Кромѣ того Марко всюду является защитникомъ нищихъ, сирыхъ и убогихъ.

Пѣсни, танцы и хороводъ—самыя любимыя увеселенія сербовъ. Карточныя игры проникли сюда еще недавно и распространены весьма мало между народомъ. Лотереи и азартныя игры строго запрещены правительствомъ. Вмѣсто ихъ, мужчины развлекаютъ себя бѣгомъ въ запуски, бросаніемъ камней, стрѣльбою въ цѣль, а женщины и дѣвушки посидѣлками. Хотя сербъ по натурѣ и очень дѣятеленъ, но довольствуется малымъ: во время тяжелой работы онъ выпьетъ иногда вина, или ракіи, но всегда чрезвычайно умѣренно, никогда не напиваясь до пьяна.

Личныя отношенія высшихъ классовъ къ низшимъ и бѣдныхъ къ богатымъ совершенно простыя и непринужденныя. Тамъ нѣтъ никакихъ сословныхъ предразсудковъ, основанныхъ на титулѣ или богатствѣ. Во время турецкаго ига, какъ мы уже видѣли, множество унизительныхъ правилъ было предписано одинаково всѣмъ, какъ знатнымъ, такъ и простымъ сербамъ. Такимъ образомъ, унизивъ дворянство до раевъ, турки совершенно уничтожили пропасть, которая вездѣ существуетъ между этими двумя сословіями.

ЗАНЯТІЯ НАРОДА.

Ремесла и презрѣніе къ нимъ серба. — Земледѣліе. — Первобытный способъ обработки земли и плохія орудія. — Посѣвъ и молотьба.—Маисъ и зерновой хлѣбъ. — Фруктовыя деревья.—Виноградѣліе.—Уходъ за виноградниками.—Скотоводство.—Свиньи и роль, которую играютъ эти животныя въ сербскомъ хозяйствѣ. — Шелководство. — Пчеловодство. — Лѣсоводство.

Въ нѣкоторыхъ городахъ нижніе этажи домовъ представляютъ комнату со сводомъ, открытую на улицу. Такимъ образомъ путешественникъ легко можетъ видѣть занятія жильцовъ. Всѣ единогласно хвалятъ способности серба. Больше всего удивляетъ проворство, съ которымъ онъ исполняетъ всѣ свои работы. Какъ тонко и даже изящно выдѣлываетъ сербъ свое оружіе и свою простую незатѣйливую посуду! При этомъ изумительнѣе всего-то, что всѣ свои работы сербъ дѣлаетъ самыми первобытными орудіями. Болѣе всего его искуство, таланты и вкусъ видны въ рѣзьбѣ на деревѣ, которою онъ иногда украшаетъ свое жилище. Но изучать ремесла, узнать новые способы, при которыхъ каждая вещь выходитъ лучше и совершеннѣе,—сербъ не хочетъ, хотя къ этому его и сильно поощряетъ правительство.

Постепенно увеличивающееся вліяніе наукъ и искуствъ на развитіе промышленности не могло коснуться сербовъ, такъ какъ они были подавлены въ продолженіи 400 л. Не привыкнувъ къ ремеслу и не получивъ никакого раз-

витія, сербъ и до сихъ поръ смотритъ на это занятіе, какъ на что-то презрѣнное, недостойное мужчины. Теперь большинствомъ ремеслъ въ Сербіи занимаются иностранцы: венгры, нѣмцы и болгары, которые ежегодно уносятъ изъ страны огромныя деньги.

Земледѣліе и скотоводство съ давняго времени составляютъ главное занятіе сербскаго народа. Сама природа страны и роскошныя пастбища, какъ нельзя болѣе способствуютъ тому, чтобы вести это дѣло въ совершенствѣ. Въ Сербіи есть множество мѣстностей, гдѣ земля такъ жирна, что можетъ выносить многолѣтнюю и мѣстами непрерывную обработку даже безъ всякаго удобренія, дренажа (подземныя трубы для осушенія почвы) и искуственнаго орошенія. Въ большинствѣ случаевъ поле обработываютъ два и три года сряду и потомъ одинъ годъ его оставляютъ подъ паромъ. Не смотря на это земледѣліе въ Сербіи находится на самой низкой степени развитія. Всѣ старанія правительства пока еще не привели ни къ какимъ результатамъ, и до сихъ поръ въ странѣ обработана только $^1/_8$ часть земли. Проѣзжая по Сербіи, путешественнику невольно представляется, что онъ находится среди новыхъ американскихъ поселеній. Опустошенные лѣса, то и дѣло, чередуются съ плохо обработанными пашнями. Изъ пшеничныхъ и маисовыхъ полей поднимаются обугленные пни деревьевъ. На пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ миль очень часто не встрѣтишь ни одного хорошаго поля, а только *новины* (въ первый разъ воздѣланное поле), да пустыри. Причину этого можно видѣть и въ томъ, что сербъ—человѣкъ болѣе воинственный, чѣмъ промышленный, неусидчивый въ простомъ, сельскомъ трудѣ и наконецъ еще неразвитой. Какъ онъ не имѣетъ никакого желанія изучать искуства, хотя и обнаруживаетъ къ нимъ положительный талантъ, такъ же, онъ легкомысленно относится и къ своему хозяйству. Одна изъ важныхъ причинъ несовершенства земледѣлія та, что сербскій крестьянинъ употребляетъ самыя первобытныя орудія: его соха не выворачиваетъ землю, а только нѣсколько разрываетъ ее на поверхности, такъ какъ желѣзо этого орудія входитъ почти горизонтально въ землю. Зрѣлище, которое представится постороннему наблюдателю при здѣшней обработкѣ поля, переноситъ его далеко въ первобытныя времена. Четыре, шесть, а иногда даже и восемъ животныхъ и три, четыре, а то и болѣе человѣкъ съ большимъ шумомъ сдвигаютъ тяжелый сербскій плугъ. Но разъ, когда неуклюжее орудіе сдвинуто, за плугомъ идетъ одинъ крестьянинъ, который и наблюдаетъ за пашней. Сзади пашущаго непремѣнно идетъ его жена или дочь и въ проведенную борозду тотчасъ бросаетъ зерна; позади женщины прыгаетъ иногда полдюжины босыхъ ребятъ. Они сбрасываютъ ногами взрытую плугомъ землю и затаптываютъ зерна, брошенныя въ борозду. Когда земля запахана и засѣяна, плугъ отпрягаютъ и вмѣсто него впрягаютъ борону, наваливаютъ на нее камни и такимъ образомъ возятъ по полю.

Траву косятъ косою, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и серпомъ, но наши грабли имъ еще неизвѣстны; траву и сжатый хлѣбъ сбираютъ вилами: работа идетъ очень медленно и при этомъ теряется очень много хлѣба.

Въ западной Европѣ для молотьбы давно уже употребляютъ молотильныя машины, а въ Сербіи даже не вездѣ извѣстенъ и серпъ. Хлѣбъ здѣсь молотятъ на плотно утоптанномъ току быками или лошадьми. Это происходитъ такимъ образомъ: по срединѣ тока вбитъ столбъ; къ нему на веревкѣ привязываютъ лошадей и пускаютъ ихъ бѣгать вокругъ. Веревка все болѣе закручивается и лошадь бѣжитъ по спиральной линіи, потомъ ее заставляютъ бѣжать на-

задъ и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока хлѣбъ будетъ совершенно вымолоченъ. Амбары у нихъ неизвѣстны и всѣ свои запасы сербы хранятъ въ кладовыхъ квадратной или круглой формы, изъ ивоваго, или тростниковаго плетня; такая кладовая, подобно вигвамамъ индѣйцевъ, покоится на столбахъ. Впрочемъ это дѣлается по разумной причинѣ,—чтобы обезопасить свой запасъ отъ домашнихъ животныхъ.

Часть жатвы отдается въ большой общинный запасной магазинъ, какіе вездѣ устроены на случай голода. Въ Сербіи, какъ и во всей Турціи, больше всего разводятъ маисъ, или кукурузу. Ею заняты половина, а можетъ быть и двѣ трети всей обработанной земли. Хлѣбъ изъ маисовой муки составляетъ главную пищу народа. Маисовыми зернами откармливаютъ также свиней, а стеблями кормятъ зимою и прочій скотъ. Рожь и пшеницу сѣютъ преимущественно въ областяхъ Савы и Дуная; овесъ, ячмень, просо и полбу—почти вездѣ. Изъ стручковыхъ плодовъ разводятъ преимущественно бобы, какъ любимую пищу во время частыхъ сербскихъ постовъ. Дыни, паприку, тыквы, чеснокъ и лукъ разводятъ во всей странѣ. Перецъ или паприку вы найдете непремѣнно у каждаго крестьянина. Много разводятъ вишневыхъ деревьевъ и различныхъ фруктовыхъ: яблоки, груши, абрикосы, но больше всего сливъ. Вблизи Крушевца находятся цѣлые лѣса сливъ. Когда снимаютъ эти плоды, они иногда составляютъ исключительную пищу народа въ теченіе многихъ недѣль. Въ послѣдніе годы сербы стали сушить сливы и вывозить ихъ въ громадномъ количествѣ изъ своей страны. Лучшія сливы даетъ Шумадія. Изъ нихъ сербы приготовляютъ свой любимый напитокъ ракію, которая имѣетъ пріятный, ароматическій вкусъ и запахъ горькихъ миндалей. Ракію приготовляютъ въ огромномъ количествѣ, однако не смотря на сильное потребленіе въ странѣ, ее очень много вывозятъ. Однимъ словомъ сливы имѣютъ для серба такое же важное значеніе, какъ и маисъ. Къ сожалѣнію, въ странѣ въ послѣднее время стали сильно уничтожать птицъ, а это содѣйствовало размноженію насѣкомыхъ, вредныхъ для всякой растительности и особенно для плодовыхъ деревьевъ. Виноградныя лозы разводятся почти исключительно на холмистыхъ терассахъ, спускающихся къ Дунаю. Изъ бѣлыхъ винъ больше всего цѣнится нѣготинское. Его цвѣтъ и нѣжный блескъ напоминаютъ лучшія вина Испаніи. Уходъ за виноградниками поглощаетъ здѣсь не мало времени. Весною короткій стволъ виноградника освобождаютъ изъ земли. Когда лозы подросли, втыкаютъ палки, подвязываютъ на нихъ вѣтви, безпрестанно выпалываютъ сорную траву. Созрѣли грозды, и немедленно переходятъ къ сбору винограда. Виноградъ здѣсь цѣнится выше всего.

Скотоводство въ Сербіи, какъ и земледѣліе, стоитъ на низкой степени. Недостатокъ знанія и явное нежеланіе примѣнитъ какіе нибудь способы для усовершенствованія своего хозяйства, значительно ухудшили мѣстныя породы рогатаго скота. Скотъ чрезвычайно долго оставляютъ на пастбищѣ; зимою его держатъ вблизи жилья, подъ открытымъ небомъ, или въ совершенно неудобныхъ помѣщеніяхъ и кормятъ только сухими, маисовыми стволами, такъ какъ небольшое количество сѣна, которое заготовляютъ, отдаютъ лошадямъ и овцамъ. Поэтому весною на роскошныхъ лугахъ путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь необыкновенно тощихъ и плохихъ животныхъ.

Производство масла и сыра на европейскій манеръ вовсе неизвѣстно;

здѣсь приготовляютъ только кислое молоко и густые сливки, да кой-гдѣ самые простые сорты сыровъ.

Главный промыселъ въ Сербіи и самый главный предметъ дохода въ сельскомъ хозяйствѣ — свиньи. Сербская свинья играетъ важную роль не только въ здѣшнемъ хозяйствѣ, но и въ пропитаніи почти всей средней Европы. Разведеніе свиней особенно въ Шумадіи ведется въ весьма большомъ размѣрѣ. Для этого не нужно особенныхъ капиталовъ, и этому промыслу помогаетъ даже нераціональное сербское хозяйство, оставляющее необработанными большія пространства земли; а маисъ и жолуди съ громадныхъ дубовыхъ лѣсовъ ихъ главная пища. Средоточіе этой промышленности, какъ мы уже упомянули, въ Шумадіи, такъ какъ горы ея покрыты дубовыми лѣсами. Тутъ находится множество загороженныхъ мѣстъ для свиней. Безпрестанно встрѣчаешь покатыя мѣста съ большимъ углубленіемъ внизу, гдѣ въ холодной водѣ и тинѣ барахтаются свиньи. Тутъ же въ нѣсколькихъ шагахъ находится и кладовая, какъ и другія, покоющаяся на столбахъ. Во время дождя и холода свиньи залѣзаютъ подъ самую кладовую. Все пространство около нея вымощено кирпичами, чтобы свиньямъ легче было отыскивать маисовыя шишки, которыя имъ здѣсь бросаютъ.

Весною множество торговцевъ свиньями начинаютъ ходить изъ села въ село и скупаютъ у сельчанъ этихъ животныхъ. Такимъ образомъ собираются огромныя стада, и погонщики, по большей части на лошадяхъ, окружаютъ съ разныхъ сторонъ громадный табунъ свиней и гонятъ его къ гавани на Дунай. Ихъ перевозятъ на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, отправляютъ даже въ Англію, Гамбургъ и Вѣну. Множество объѣденныхъ маисовыхъ шишекъ у ручьевъ показываетъ путь, по которому проходили эти стада. Во многихъ округахъ Сербіи продажа свиней составляетъ единственный доходъ хозяина. Среднимъ числомъ въ годъ вывозятъ заграницу 160,000 свиней, на 28 милліоновъ піастровъ. Одно время, около 1865 года, когда въ Европѣ стали бояться заряженія трихинами, сразу значительно уменьшился вывозъ свиней и это серьезно угрожало Сербіи бѣдствіями, но, къ ея счастію, паника недолго продолжалась.

Удивительно, какая богатая природа въ этой странѣ, чего только она не родитъ! Шелковица ростетъ тутъ такъ хорошо, что достигаетъ величины липы, такъ что здѣсь легко можно было бы завести прекрасныя шелковыя фабрики. Богатая природа скоро бы возвратила сторицею затраченный капиталъ, а устройство шелковыхъ фабрикъ было бы какъ нельзя болѣе кстати сербскимъ женщинамъ. Онѣ обнаруживаютъ большую способность къ вышиванію шелками и къ тканью матерій. Но въ Сербіи не хватаетъ для этого ни капиталовъ, ни знанія, какъ взяться за дѣло.

Пчелы здѣсь также отлично водятся, и, нужно отдать справедливость сербамъ, они ими занимаются съ большою любовью. Причина этому та, что медъ принадлежитъ къ ихъ любимымъ кушаньямъ, особенно во время постовъ; воскъ вывозятъ въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ много его оставляютъ себѣ на свѣчи.

Лѣса Сербіи принадлежатъ къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Еще 100 лѣтъ тому назадъ вся страна представляла огромный, чуть не сплошной лѣсъ. Во время турецкаго ига лѣсъ былъ самымъ главнымъ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Но, послѣ освобожденія страны, народъ безжалостно напалъ на своего защитника и своего главнаго кормильца (безъ

лѣсу сербы не могли бы получать и такого дохода со своихъ свиней). Мы не говоримъ о тѣхъ частяхъ лѣса, которыя были превращены въ пашни: это было необходимо сдѣлать и такія мѣста ничтожны сравнительно съ другими, гдѣ лѣсъ истребленъ совершенно неразумно. При подобныхъ опустошеніяхъ, нечего удивляться, что въ лѣсистой Сербіи теперь ужъ есть мѣстности, гдѣ скоро окажется недостатокъ въ дровахъ. Опустошенія лѣсовъ вынудили правительство объявить ихъ государственною собственностію. Это сдѣлано относительно тѣхъ лѣсовъ, на которые общины, или частныя лица не могутъ точно доказать своихъ правъ. Впрочемъ общины лежащія около такихъ государственныхъ лѣсовъ, пользуются правомъ пастбища въ нихъ и могутъ рубить строевой или дровяной лѣсъ за незначительную плату, или за безвозмездное исполненіе тѣхъ работъ, которыя нужны для сохраненія лѣса.

Итакъ маисъ, сливы, виноградъ, но больше всего свиньи играютъ самую важную роль въ хозяйствѣ; всякая другая промышленность или вовсе не извѣстна, или плохо прививается къ этому еще только начавшему развиваться народу.

Изъ всего сказаннаго видно, что Сербія — принадлежитъ къ одной изъ самыхъ благословенныхъ странъ, такъ какъ ея земли въ изобиліи производятъ всевозможные сорта хлѣба, богатую растительность, самые нѣжные и дорогіе плоды. Тѣмъ не менѣе населена она весьма слабо и народомъ гораздо болѣе храбрымъ и воинственнымъ, нежели усидчивымъ, трудолюбивымъ и промышленнымъ. Къ тому же граничитъ она съ такими землями, какъ Банатъ, Срѣмъ, Славонія, Боснія и Болгарія, которыя многими изъ тѣхъ же естественныхъ произведеній даже богаче Сербіи, слѣдовательно сбывать въ эти страны свои хозяйственныя сбереженія—невозможно. Но не только въ сосѣднія страны, а даже и на свои рынки сельчанамъ трудно отправлять излишекъ отъ своего хозяйства, такъ какъ въ странѣ чрезвычайно плохія пути сообщенія: только въ весьма не многихъ мѣстахъ есть хорошія шосейныя дороги, но нѣтъ ни мостовъ порядочныхъ, ни каналовъ. Слѣдовательно въ экономическомъ отношеніи Сербія страна весьма не богатая.

СЕРБСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Свадьба. — Слава и здравицы.

Самый веселый и самый важный изъ всѣхъ домашнихъ праздниковъ — свадьба. Бракъ здѣсь очень рѣдко заключается по взаимной склонности. Югославянская задруга не позволяетъ молодымъ людямъ смотрѣть на вступленіе въ бракъ, какъ на дѣло, только ихъ касающееся. Тутъ все зависитъ не отъ жениха и невѣсты, не отъ ихъ взаимнаго желанія и привязанности, а исключительно отъ старѣйшины задруги и отъ отца жениха. При этомъ тотъ и другой принимаютъ прежде всего во вниманіе состояніе дѣвушки, ея поведеніе, трудолюбіе и репутацію семьи, къ которой принадлежитъ невѣста. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, молодаго человѣка женятъ въ такіе лѣта, когда онъ совсѣмъ не думаетъ о бракѣ.

Законъ дозволяетъ мужчинамъ вступать въ бракъ въ 18, а женщи-

намъ въ 15 лѣтъ. Случается обыкновенно вотъ какъ. Разговорился старѣйшина съ отцемъ какого-нибудь юноши, и вдругъ кому нибудь изъ нихъ приходитъ мысль, что пора женить такого-то молодца. «Пора», говоритъ одинъ.— «Да, время», отвѣчаетъ ему другой, и оба старца тутъ же рѣшаютъ наводить справки о такой-то и такой-то дѣвушкѣ, такъ какъ съ семьями этихъ невѣстъ ихъ задругѣ не дурно было бы породниться. Когда должные справки уже наведены, то начинаются переговоры между старѣйшинами и отцами двухъ задругъ или двухъ семействъ. Узнала сторона жениха, что семья невѣсты не прочь породниться съ нею, тогда старѣйшина или отецъ садится на верховую лошадь и отправляется въ домъ невѣсты. Пріѣхавшаго угощаютъ всѣмъ, что есть въ дому, и при этомъ прислуживаетъ непремѣнно дѣвушка, которую пріѣхали сватать. Между тѣмъ старѣйшина все исподоволь осматриваетъ: и хату, и родню дѣвушки, къ которой онъ забрелъ можетъ быть въ первый разъ, и красоту дѣвицы, и обстановку, среди которой она живетъ. Въ первое свое появленіе старѣйшина обыкновенно не говоритъ о цѣли своего посѣщенія, но, конечно, хозяева отлично знаютъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Послѣ этого посѣщенія и родственники невѣсты въ свою очередь начинаютъ наводить справки о женихѣ.

Когда по справкамъ дѣло можетъ устроиться, а это обыкновенно извѣстно обѣимъ сторонамъ отъ кумовьевъ, сватовъ и т. п., тогда старѣйшина или отецъ жениха беретъ съ собою двухъ, трехъ наиболѣе уважаемыхъ его родственниковъ, они садятся на лошадей, и отправляются въ домъ невѣсты. Тамъ имъ подаютъ хорошую закуску, во время которой происходитъ сватовство и затѣмъ торгъ. Хозяинъ требуетъ, чтобы гости внесли за дѣвицу, если они хотятъ ее взять къ себѣ, 20 червонныхъ, — гости упрямятся; сначала даютъ 4, потомъ 5 и такъ, торгуясь мало по малу, доходятъ до 10, много до 15 червонцевъ. Когда объ этомъ уговорились, хозяинъ требуетъ еще, чтобы гости купили одному родственнику невѣсты куртку, другому феску, иному сапоги и т. д. Тутъ опять начинается торгъ, но при взаимныхъ уступкахъ и это дѣло улаживается. Тогда старѣйшина или отецъ жениха вынимаетъ кошелекъ и раскладываетъ передъ хозяиномъ условленные червонцы. «А невѣстѣ на подарокъ?» спрашиваетъ хозяинъ. Старѣйшина вынимаетъ еще нѣсколько червонцевъ. Хозяинъ уложилъ въ свой кошелекъ плату за невѣсту, но червонцы, предназначенные ей самой, онъ не тронулъ и пошелъ объявить ей, чтобы она брала свое «*обилежье*», т. е. червонный подарокъ, который посылаетъ ей женихъ. При появленіи отца съ словами «обилежье», дѣвушку окружаютъ всѣ ея родственницы. Она выходитъ на средину, потупилась, заплакала и показываетъ видъ, что не хочетъ выходить замужъ. Такъ принимаетъ эту вѣсть каждая невѣста, такъ что трудно различить, у кого изъ нихъ отказъ и слезы искренны, а кто изъ нихъ выполняетъ только обычай.

Иногда невѣста говоритъ: «Не хочу, не пойду за него, у него носъ кривой!»—«Неправда», отвѣчаетъ ей на это очень ласково отецъ и при этомъ начинаетъ расписывать красоту жениха. Родственницы со своей стороны тоже не молчатъ: усовѣщиваютъ, уговариваютъ. Но если дѣвица по прежнему упорно повторяетъ свое, тогда хозяинъ строгимъ и твердымъ голосомъ говоритъ: «Сейчасъ придешь взять свое «обилежье» и уходитъ вонъ. И дѣвица, дѣйствительно, скоро является къ гостямъ. «Бери деньги», говоритъ хозяинъ. Дѣвушка опять начинаетъ мяться, отворачиваться, краснѣть, но наконецъ беретъ таки блестящіе червонцы. Затѣмъ она цѣлуетъ руку у старѣйшины и

у всѣхъ гостей и уходитъ вонъ. Вслѣдъ за этимъ на дворѣ раздаются выстрѣлы изъ пистолета; это означаетъ, что совершилась помолвка. Гости уговариваются, когда невѣсту будутъ перстеновать (обручать) и уѣзжаютъ, выстрѣливъ передъ отъѣздомъ нѣсколько разъ.

Въ день обрученія, отецъ жениха велитъ ему хорошенько принарядиться, обчистить сѣдло, получше перевязать хвостъ лошади, вычистить свои пистолеты, однимъ словомъ со всѣмъ приличіемъ и парадомъ ѣхать смотрѣть свою невѣсту. Всю дорогу жениху то одинъ, то другой даетъ совѣты, какъ ему держать себя въ домѣ невѣсты, какъ показать почтеніе ея матери и старѣйшинѣ, какъ быть съ невѣстой. Но вотъ и пріѣхали.

Если хорошая погода, гостей усаживаютъ въ саду, подъ какимъ нибудь развѣсистымъ деревомъ и начинаютъ угощать. Между тѣмъ, изъ всѣхъ угловъ и скважинъ дома, женщины разсматриваютъ жениха, дѣлаютъ различныя замѣчанія о его физіономіи, хохочутъ, другъ друга толкаютъ, а то и подерутся, если одна, не спросясь у другой, заняла болѣе удобное мѣсто для наблюденія. Когда гостей вдоволь угостили, старѣйшина беретъ *бисаги* (кожанные мѣшки), вынимаетъ оттуда огромный хлѣбъ и кладетъ его на столъ; на хлѣбъ онъ кладетъ вѣнокъ, а посреди перстень. Тогда хозяинъ зоветъ невѣсту съ матерью. Невѣста входитъ, обыкновенно опустивъ взоры, цѣлуетъ руку своего отца, отца жениха, всѣхъ гостей и свою мать, кромѣ жениха, и направляется къ двери; мать беретъ хлѣбъ, цвѣты и перстень и выходитъ за дочерью. При этомъ во многихъ мѣстахъ опять стрѣляютъ изъ пистолета. Гости уговариваются о днѣ свадьбы, пьютъ вино и уѣзжаютъ. Настаетъ день свадьбы; если семья жениха богата, то къ этому дню они пригласятъ до 50 сватовъ. Главный между ними, — крестный отецъ. Когда пришелъ свадебный день, то изъ сватовъ выбираютъ самого красиваго и молодцоватого въ знаменоносцы и вручаютъ ему знамя. Затѣмъ всѣ эти 40, 50 человѣкъ сватовъ садятся на лошадей и ѣдутъ къ дому невѣсты; шаферъ, который выбирается женихомъ, ведетъ подъ уздцы лошадь для невѣсты. Эту дорогу сваты совершаютъ самымъ торжественнымъ образомъ: они все время стрѣляютъ и поютъ пѣсни. Множество женщинъ собралось у дома невѣсты, и онѣ также поютъ, танцуютъ, угощаются. Вдругъ раздается выстрѣлъ—это означаетъ, что пріѣхали за невѣстою. Ее усаживаютъ въ большинствѣ случаевъ верхомъ на лошадь, на мужское сѣдло, иногда просто на телѣгу, въ которую впряжены волы. Но если невѣста ѣдетъ верхомъ на лошади, то шаферъ ведетъ эту лошадь подъ уздцы до самой церкви.

При этомъ не можемъ пройти молчаніемъ необыкновенный головной уборъ невѣсты. Копытообразной вѣнецъ изъ папки отвѣсно укрѣпленъ на головѣ и придерживается подвязками на подбородкѣ. Этотъ бумажный вѣнецъ сплошь убранъ искуственными или натуральными цвѣтами, павлиновыми перьями и множествомъ серебряныхъ монетъ. Это украшеніе, которое вѣситъ иногда нѣсколько фунтовъ, невѣста носитъ не только въ первый день своего замужества, но во всѣ праздничные и воскресные дни въ продолженіе цѣлаго года. При такомъ уборѣ женщинѣ приходится кланяться очень оригинально: когда она опускаетъ внизъ голову, ей непремѣнно нужно ухватиться рукою за платокъ, ниспадающій на спину съ головнаго убора, — иначе онъ полетитъ съ головы.

Когда кончено вѣнчаніе, изъ церкви выходитъ одинъ изъ сватовъ и чуть не съ самого порога начинаетъ стрѣлять изъ пистолета. Затѣмъ, всѣ снова

садятся на лошадей и ѣдутъ въ прежнемъ порядкѣ къ дому жениха. Тамъ ихъ ждетъ множество свадебныхъ гостей, поющихъ, играющихъ, танцующихъ. Пріѣхавши, сваты слѣзаютъ съ лошадей и отдаютъ ихъ прислужникамъ; только одна невѣста сидитъ еще на конѣ или въ телегѣ. Къ ней подносятъ самаго маленькаго ребенка въ семействѣ, она его цѣлуетъ и даритъ плоды или сласти. Затѣмъ ей подаютъ рѣшето съ пшеницею, которую она бросаетъ горстью на крышу дома и наконецъ туда же закидываетъ самое рѣшето.

У сербовъ есть въ высшей степени любопытный праздникъ, который ихъ отличаетъ отъ другихъ славянъ,—это *крстно-имя* (крестное имя), или слава.

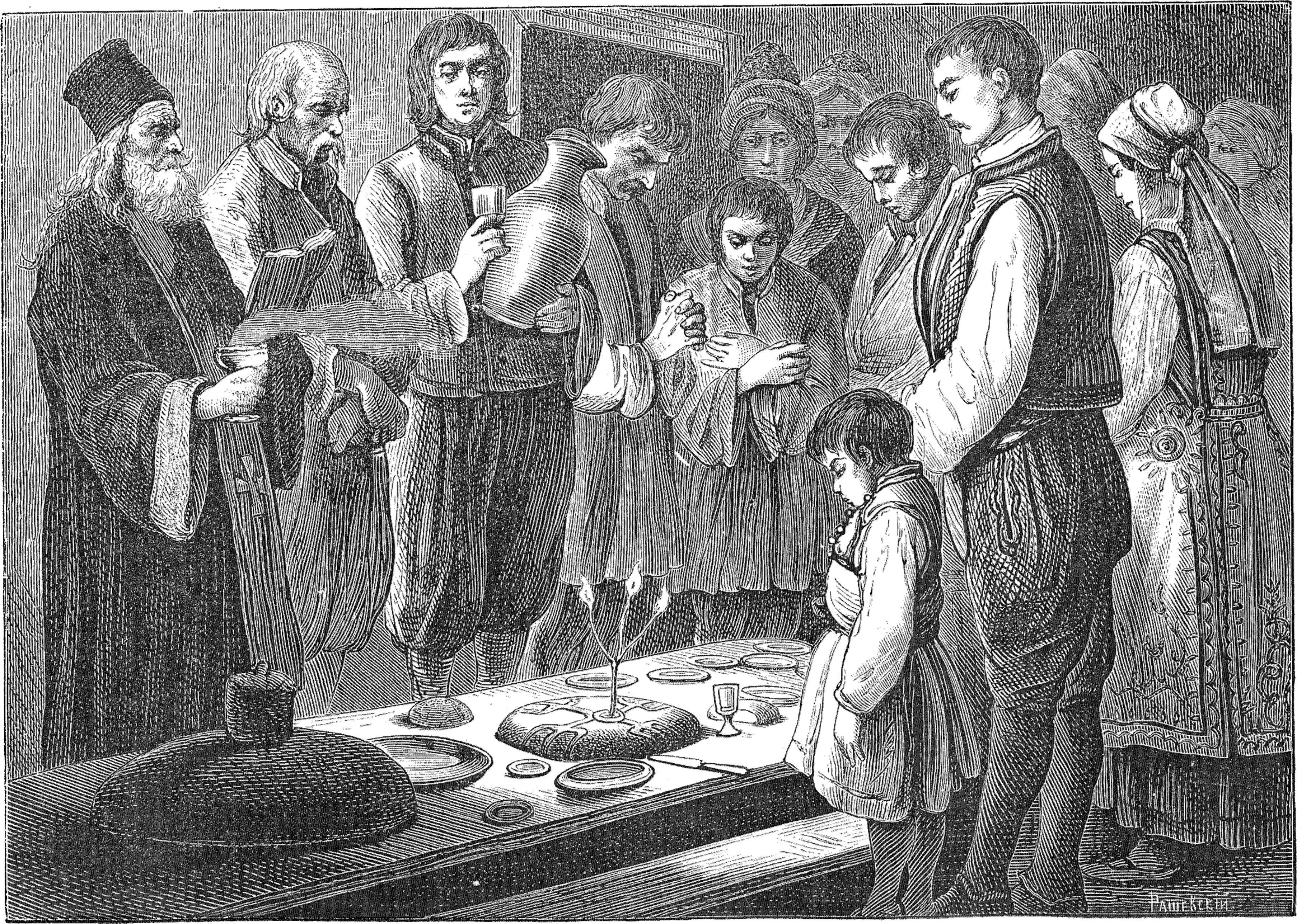
У сербовъ нѣтъ фамильныхъ именъ. Къ имени данному при крещеніи, Никола, Іованъ, Вукъ, присоединяютъ имя отца, съ окончаніемъ *ичъ, овичъ* и *евичъ*: Вукъ Стефановичъ и т. п. Нѣкоторые однако имѣютъ особенныя имена отъ названія мѣстностей, гдѣ родились, напр. Рѣсавацъ, отъ рѣчки Рѣсава, другіе получили прозвища отъ какого нибудь событія, въ которомъ они принимали участіе, или отъ занятія, иногда даже отъ тѣлесныхъ свойствъ, напр. Ковачевичъ (кузнецъ); Шлепшевичъ (отъ слова слѣпецъ).

Каждый сербъ состоитъ подъ покровительствомъ особаго патрона своего имени, однако онъ празднуетъ не день своего рожденія, не день своихъ имянинъ, а крстно-имя патрона своего рода: свой праздникъ тутъ ставится ни во что передъ праздникомъ покровителя семейной общины. Понятно, что такой обычай поддерживаетъ и укрѣпляетъ въ сербахъ ихъ семейныя чувства въ ущербъ чувствамъ индивидуальнымъ такъ сильно развитымъ у германскихъ и романскихъ народовъ.

Патронъ дома у сербовъ соотвѣтствуетъ римскимъ пенатамъ (домашніе боги римлянъ); какъ тѣ, такъ и патронъ сербовъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ домѣ и они вѣрятъ, что онъ приноситъ имъ всякое благополучіе. У него просятъ благословенія на всякую работу, на стада и поля. Для серба патронъ—главный защитникъ и послѣ Бога первѣйшій источникъ всѣхъ милостей и домашняго счастія. Никто не сомнѣвается въ его вліяніи у всемогущаго Бога; его посредничество можетъ быть благопріятно для исполненія всевозможныхъ желаній. При всѣхъ случаяхъ жизни, въ радости и горѣ, каждый отдѣльный членъ семьи, проситъ у него милости и заступничества передъ Богомъ для себя и для всего семейнаго очага, такъ какъ съ благополучіемъ этого очага тѣсно связано и благополучіе каждаго отдѣльнаго лица. Какъ римляне въ честь своихъ пенатовъ зажигали жертвенный огонь, такъ и сербъ передъ изображеніемъ своего патрона (это обыкновенно, ярко раскрашенная русская или вѣнская литографія) зажигаетъ лампадку по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Это дѣлаетъ каждый изъ нихъ, даже самый бѣдный человѣкъ.

Крстно имя называется также славою, потому что вся задруга въ этотъ день чевствуетъ, славитъ имя своего патрона.

Къ этому празднику зовутъ всѣхъ свойственниковъ, кумовьевъ, родственниковъ, друзей и пріятелей. Это приглашеніе всегда дѣлается въ такой формѣ: когда сербъ входитъ въ домъ къ людямъ, которыхъ онъ хочетъ пригласить къ себѣ на праздникъ, онъ говоритъ: «И вашъ домъ — домъ господенъ, мы просимъ васъ завтра осчастливить нашъ домъ своимъ посѣщеніемъ, мы не скроемъ того, чѣмъ надѣлилъ насъ Господь!..» И дѣйствительно въ день славы, все подается гостямъ, что только есть въ домѣ. Мало того, тотъ родъ, который будетъ праздновать свою «славу», за долго до этого начинаетъ прибергать и отказывать себѣ во всемъ, что есть у него лучшаго, чѣмъ только


Рашевский

можно угостить. Этотъ день чрезвычайно важенъ, какъ для каждаго серба отдѣльно, такъ и для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Тутъ задруга лучше, чѣмъ когда нибудь, можетъ показать себя передъ другими, какой у ней порядокъ, довольство. И ни одинъ изъ ея членовъ не захочетъ отстать отъ другаго: каждый старается перещеголять другъ друга своею любезностію въ пріемѣ гостей, гостепріимствомъ, радушіемъ. Поэтому еще задолго до праздника, семейная община начинаетъ во всемъ сокращать себя. Если у нея остается немного вина, и она видитъ, что продолжая расходовать такимъ образомъ, его не хватитъ для «славы», всѣ члены общины перестаютъ пить вино. Тоже самое они дѣлаютъ съ кофе, съ сахаромъ, который вообще употребляютъ очень мало, но въ день «славы» всего должно быть въ изобиліи. И это дѣйствительно необходимо, такъ какъ на «славу» можетъ придти всякій, даже безъ приглашенія. Свойственники, знакомые, пріятели и т. д. часто пріѣзжаютъ къ славящимъ еще наканунѣ. Передъ этимъ праздникомъ домъ вычищается, украшается зеленью и цвѣтами. Но вотъ наступилъ самый день «славы».

Посрединѣ большой комнаты старѣйшины, ставятъ большой длинный столъ изъ свѣженаколотыхъ досокъ на низенькихъ ножкахъ. Приборы на этомъ столѣ состоятъ изъ множества пестро-окрашенныхъ, глиняныхъ и деревянныхъ тарелокъ, деревянныхъ ложекъ, перечницы, солонки и нѣсколькихъ вилокъ. Ножика здѣсь не полагается, такъ какъ каждый сербъ носитъ его при себѣ. Средину стола занимаетъ большой хлѣбъ—*крстни—калач*, который играетъ главную роль въ религіозной части праздника и долженъ быть непремѣнно испеченъ изъ пшеничной муки. На верхней части этого хлѣба особую просфорную печатью оттиснутъ выдающійся крестъ и начальныя буквы словъ: Іисусъ Христосъ Ника, т. е. Іисусъ Христосъ побѣдитель.

Когда въ эту комнату входитъ священникъ, то собраніе бываетъ уже весьма многочисленно: всякаго вошедшаго громко привѣтствуютъ и онъ по сербскому обычаю со всѣми цѣлуется въ обѣ щеки.—Наконецъ всѣ собрались, тогда въ большой хлѣбъ, который лежитъ посреди стола, втыкаютъ тонкую, высокую, восковую свѣчку, а къ ней, на половинѣ высоты, приклеиваютъ съ каждой стороны по одной свѣчкѣ по меньше, такъ что когда эти свѣчи зажгутъ, они представляютъ трикирій—символъ Святой Троицы. Подлѣ хлѣба стоитъ полная чаша съ виномъ, которая, также какъ и хлѣбъ необходима для религіозной церемоніи. Надѣвъ эпитрахиль, священникъ становится по одну сторону стола: около него слѣва старѣйшина, за нимъ старшій его сынъ и мужскіе члены семьи. Справа отъ попа стоятъ кумовья, близкіе родственники и приглашенные гости. Женщины наполняютъ заднюю часть комнаты. Священникъ монотоннымъ, но торжественнымъ голосомъ, начинаетъ богослуженіе чтеніемъ длинныхъ молитвъ. Потомъ онъ освящаетъ хлѣбъ, продолжая молитвы съ кадильницею въ рукѣ. При этомъ онъ призываетъ благословеніе Бога и домашняго патрона на этотъ домъ. Облака благоухающаго дыма, блескъ горящихъ свѣчей, торжественный голосъ священника, горячія молитвы, которыми оживлены лица этихъ простыхъ людей,—все это настраиваетъ какъ-то торжественно даже посторонняго зрителя.

Наконецъ старѣйшина беретъ освященный хлѣбъ, снимаетъ съ него свѣчи и вмѣстѣ съ попомъ начинаетъ его вертѣть какъ бы около своей оси и послѣ троекратнаго кругообращенія, онъ съ тѣмъ же священникомъ ломаетъ этотъ хлѣбъ пополамъ. Затѣмъ во внутрь этого хлѣба льютъ вино и всѣ члены по старшенству начинаютъ подходить къ нему и высасывать это вино своими

губами. Потомъ обѣ половины разламываютъ еще разъ на куски, отдаютъ ихъ главнымъ членамъ семьи, которые въ свою очередь дѣлятъ ихъ между всѣми членами общины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи, въ одну часть хлѣба запекаютъ рыбу; хозяйка дома всячески старается, чтобъ нельзя было угадать снаружи въ какой части хлѣба находится рыба. Когда попу приходится выбирать изъ четырехъ кусковъ, ему стараются подсунуть тотъ, который съ рыбою,—это вызываетъ общее удовольствіе.

Когда служба окончена, священникъ снимаетъ эпитрахиль и занимаетъ почетное мѣсто за столомъ. Пиръ начинается ѣдою; прежде всего подаютъ теплый, кислый супъ, за нимъ слѣдуетъ рыба, жареный ягненокъ, или поросенокъ, бобы, сыръ, плоды и т. д. Пьютъ ракію и вино. Между тѣмъ попъ встаетъ и произноситъ нѣсколько словъ во славу Бога; послѣ этого начинаются тосты—сербскіе здравицы. Прежде всего хозяинъ обыкновенно провозглашаетъ тостъ въ честь гостей, которые осчастливили его своимъ посѣщеніемъ въ этотъ торжественный и дорогой для каждаго серба день. Раздается «многія лѣта,» опять тосты, опять «многія лѣта» и такъ до самого конца.

Всякій такой тостъ непремѣнно начинается пожеланіемъ: «Дай Богъ, чтобъ у тебя было то-то и то-то..»; очень часто эти пожеланія высказываются въ пышныхъ и длинныхъ рѣчахъ. «Три птички», говоритъ одинъ ораторъ, «перелетаютъ черезъ горы и каждая въ своемъ клювикѣ несетъ какую нибудь благодать: одна несетъ пшеничный колосъ, другая—виноградную лозу, третья—веселость и здоровье. Та, что несетъ полный пшеничный колосъ опускается на Бачскую равнину и Бачка приноситъ богатую пшеничную жатву; та, что несетъ тяжелую, виноградную лозу, опускается на Фрушка-гору и Фрушка даетъ богатый, виноградный сборъ; пусть та, что несетъ веселость и здоровье опустится на нашу трапезу, чтобы мы всѣ были веселы и здоровы....»

— «За твое здоровье братъ—хозяинъ!» говоритъ другой.

— «Съ помощью Божіею и во имя Божье собрались мы къ тебѣ, чтобы увеличить твою славу и уменьшить твое вино. Пусть за это Богъ дастъ тебѣ пшеницу на пшеницу, зерно на зерно... пусть ты мало сѣешь, а много пожинаешь и дай Богъ, чтобъ мы собрались также здѣсь и на будущій годъ отвѣдать плодовъ земныхъ съ твоихъ полей и садовъ.... Пошли тебѣ Богъ, никогда не забывать во славу Божію приглашать твоихъ друзей, чтобы они всегда украшали твой домъ....»—«Да благословитъ Богъ твою землю», говоритъ другой, «и да умножитъ твои стада: пусть они даютъ тебѣ столько сыровъ, сколько мельница намелетъ муки. А ты хвали Бога и всегда угощай своихъ гостей: пусть тебя любятъ твои братья и пусть друзья приходятъ къ тебѣ изо всѣхъ концевъ земли и приносятъ тебѣ любовь, хвалу и жизнь. Да будутъ всегда открыты двери, черезъ которыя приходятъ къ тебѣ друзья, и заростетъ репейникомъ ходъ для врага. Выходя изъ дому, да возвратишься ты въ него всегда съ честью, со счастьемъ и благополучіемъ.... Пусть Богъ держитъ подальше отъ тебя раскаленную золу, невѣрнаго друга, турецкаго судью и всякое несчастье, а теперь этотъ кубокъ мнѣ, а этотъ тебѣ».

Эти «здравицы» составляютъ главную приправу при застольныхъ разговорахъ во время всѣхъ сербскихъ торжествъ. Во время свадьбы, эти тосты произносятся сватами. Сербъ, какъ и всякій славянинъ, во время пира всегда веселъ, добродушенъ и остеръ, поэтому и большая часть его тостовъ

отличаются необыкновенною игривостію и остроуміемъ. Тосты эти обыкновенно говорятся въ честь хозяина дома, кумовей, сватовъ, друзей, только никогда не произносятся они въ честь женщинъ. Видно женщины здѣсь всегда и во всемъ играютъ весьма незавидную роль.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО.

Султанъ и его сюзеренныя права въ Сербіи.—Сербскій князь и его значеніе въ странѣ.—Скупштина.—Сенатъ.—Чиновничество.—Значеніе полицейской власти.—Образованіе и школы.

Верховный повелитель Сербіи — султанъ. Но по послѣднимъ трактатамъ съ Турціею, которые были заключены, какъ мы уже видѣли, подъ вліяніемъ Россіи, Сербія составляетъ теперь княжество совершенно самостоятельное и независимое по своему внутреннему управленію. Нація сама выбираетъ себѣ князя, пользуется самостоятельнымъ законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Она имѣетъ также право выставлять нѣкоторое оборонительное войско, право имѣть свои гарнизоны въ крѣпостяхъ, имѣть свой гербъ вмѣстѣ съ флагомъ. Вслѣдствіе большихъ уступокъ, которыя Порта сдѣлала Сербіи въ 1867 году, страна эта стала почти независимою. Кромѣ дани въ 2.300,000 турецкихъ грошей (нашихъ гривениковъ), которые Сербія ежегодно выплачиваетъ султану, его сюзеренныя права во всемъ остальномъ ограничиваются лишь внѣшностью. Избраннаго народомъ князя—султанъ утверждаетъ въ этомъ достоинствѣ; на стѣнахъ крѣпостныхъ подлѣ сербскаго флага красуется и флагъ турецкій и т. п. Только одна изъ сербскихъ крѣпостей до сихъ поръ занята турецкими войсками. Кромѣ опредѣленной, ежегодной подати, Турція не имѣетъ теперь права требовать никакой другой помощи отъ Сербіи: ни деньгами, ни войскомъ. Въ случаѣ войны, турецкія войска не могутъ проходить черезъ сербскія владѣнія, ни вступать на ея землю и въ мирное время.

По закону 1830 года княжеское достоинство наслѣдственно въ мужскомъ колѣнѣ владѣющаго княжескаго дома. Но на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе постоянныхъ волненій, порядокъ престолонаслѣдія до 1868 года не былъ установленъ и сербская корона переходила изъ рукъ въ руки потомковъ двухъ фамилій—Карагеоргіевичей и Обреновичей, при чемъ каждый разъ княжескій престолъ зависѣлъ отъ свободнаго выбора скупштины (собраніе народныхъ представителей). Убійство въ 1868 году послѣдняго сербскаго князя Михаила III Обреновича, въ которомъ были замѣшаны Карагеоргіевичи, заставила скупштину своимъ приговоромъ навсегда устранить отъ престола Карагеоргіевичей. Утвердится ли этотъ приговоръ на дѣлѣ — неизвѣстно. Теперь на сербскомъ престолѣ князь Миланъ Обреновичъ, который въ 1868 г. наслѣдовалъ своему убитому дядѣ Михаилу III. Что касается до выбора князя народомъ, т. е. скупштиною, то это бываетъ только тогда, когда князь умретъ бездѣтнымъ, не назначивъ себѣ преемника. Ясно, что здѣсь власть скупштины, какъ и въ другихъ случаяхъ, скорѣе только номинальная, такъ какъ князь весьма рѣдко можетъ умереть, не оставивъ по себѣ наслѣдника.... Да и тогда скупштина обыкновенно бываетъ такъ обставлена и стѣснена, что выборъ новаго князя не можетъ быть совершенно свободенъ.

Законодательную власть князь раздѣляетъ съ народными представителями, т. е. со скупштиною, но власть исполнительная, назначеніе министровъ и высшій надзоръ исключительно принадлежатъ князю.

Разсмотримъ устройство и права народной скупштины — важнѣйшаго изъ государственныхъ учрежденій Сербіи. Въ прежнее время скупштина имѣла видъ патріархальнаго собранія, куда собирались народные представители. Собранія эти бывали большею частію шумны и безтолковы. Во время войны за освобожденіе сюда часто являлись вооруженные сербскіе военоначальники и страхомъ и угрозами нерѣдко заставляли скупштину принимать то, или другое предлагаемое ими постановленіе. Съ тѣхъ поръ, конечно, прошло много времени, и порядокъ болѣе сроднился съ этимъ учрежденіемъ, но долго еще, намъ кажется, его значеніе будетъ болѣе призрачное, чѣмъ дѣйствительное.

Въ княженіе Александра Карагеоргіевича скупштина созывалась очень рѣдко, наконецъ она потребовала, чтобы ее созывали черезъ каждые три года. Князь Александръ обѣщалъ исполнить желаніе народа, но такой законъ долго не появлялся. Извѣстно, что народное собраніе, созванное черезъ 10 лѣтъ послѣ этого, низложило этого князя и призвало назадъ Обреновичей.

Теперь, по закону Михаила III, скупштина собирается каждые три года, а въ нѣкоторыхъ экстренныхъ случаяхъ и ранѣе срока. Каждый платящій подати пользуется избирательнымъ правомъ, т. е. можетъ изъ среды своей выбрать представителя въ члены народной скупштины. Но выбраннымъ можетъ быть только тотъ, кто уже достигъ 30 лѣтъ и находится на хорошемъ счету у поселянъ. На 10,000 человѣкъ полагается одинъ депутатъ. Чиновники и военнослужащіе не пользуются никакими избирательными правами.

Безъ согласія скупштины не могутъ быть измѣнены ни главныя учрежденія страны, ни законы о податяхъ. Нужно однако замѣтить, что съ одной стороны скупштина находится подъ сильнымъ вліяніемъ министерства, который въ свою очередь въ совершенной зависимости отъ князя, во-вторыхъ — одна треть членовъ скупштины прямо назначается правительствомъ, а президентъ выбирается княземъ изъ шести кандидатовъ, предложенныхъ собраніемъ скупштины. Ясно, что президентъ всегда имѣетъ большое значеніе въ собраніи и можетъ скорѣе дать право голоса тому, кто проводитъ мысли благопріятныя князю, чѣмъ тому, кто съ нимъ въ оппозиціи. Въ 1864 году министерство даже издало уставъ, по которому скупштина имѣетъ право обсуждать только то, что ей предложатъ министры. Въ этомъ же году было подтверждено правило, по которому скупштинарами (т. е. выбранными въ скупштину) не могутъ быть чиновники.

Мы уже говорили, что Сербія страна богатая своими естественными произведеніями, но такъ какъ жители не имѣютъ возможности сбывать эти произведенія, не въ состояніи улучшить свое хозяйство и усовершенствовать свою промышленность, въ странѣ этой чрезвычайно мало богатыхъ людей. Главные богачи и капиталисты Сербіи правда имѣютъ большія помѣстья, но не въ Сербіи, а въ Молдавіи. Между тѣмъ съ развитіемъ образованія люди пріобрѣтаютъ и потребность къ нѣкоторому комфорту, и необходимость въ деньгахъ для удовлетворенія своихъ духовныхъ и матеріальныхъ нуждъ. Въ Сербіи денегъ нѣтъ; простаго человѣка страна эта удовлетворяетъ своими естественными произведеніями, образованному же сербу хочется имѣть уже кое что другое, вотъ онъ и дѣлается чиновникомъ, чтобы пріобрѣсть нѣкоторыя средства.

Поэтому въ Сербіи всякій мало-мальски образованный человѣкъ непремѣнно чиновникъ. Правительство и старается, чтобы чиновники не были скупштинарами, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могли бы въ собраніяхъ скупштины обсуждать дѣйствія правительства, могли бы подъ блестящей формой и пышными фразами, которыми министерство такъ часто сопровождаетъ свои уставы проникнуть въ сущность дѣла. Теперь же большинство скупштинаровъ, люди вовсе необразованные, не только обыкновенно соглашаются со всѣмъ, что угодно правительству, но сами уничтожаютъ свои права, принимаютъ то, что идетъ имъ прямо во вредъ. Такіе порядки имѣютъ чрезвычайно дурное вліяніе на ходъ всѣхъ дѣлъ въ странѣ и къ тому же отсюда вытекаетъ и другое не менѣе печальное явленіе—вражда между классомъ чиновниковъ и народомъ. Непріязнь между двумя классами такъ велика, что между ними лежитъ просто цѣлая пропасть; этому разладу опять таки помогаетъ правительство: чиновникъ не только не можетъ быть выбранъ членомъ скупштины, но и ни одно народное собраніе; даже на бесѣду чиновника съ селяниномъ полиція смотритъ подозрительно. Съ другой стороны, какъ бы не оскорбилъ чиновникъ селянина, тотъ не можетъ на него жаловаться, не испросивши на то разрѣшенія ближайшаго начальства, а начальство никогда не дозволитъ своего чиновника отдать подъ судъ по частной жалобѣ и даже по жалобѣ цѣлаго общества. Поэтому чиновникъ смотритъ на народъ, какъ на нѣчто ему совершенно чуждое, которому онъ ничѣмъ не обязанъ, съ которымъ онъ не долженъ имѣть ничего общаго; народъ съ своей стороны смотритъ на него еще хуже: онъ видитъ въ немъ своего врага, ненавидитъ его и не допускаетъ въ свое общество.

Всѣ почти сербскія, государственныя учрежденія: законодательныя, судебныя, административныя и полицейскія сложились въ Сербіи не соотвѣтственно народному быту, а скорѣе навязаны ему извнѣ.

Народъ видѣлъ въ Милошѣ своего главнаго освободителя и спасителя и потому единодушно покорился и довѣрился ему. И князь этотъ своимъ замѣчательнымъ умомъ, дѣятельностію, умною политикою съ турками и глубокимъ знаніемъ нуждъ и характера своего народа — много сдѣлалъ добра для своей страны, но въ то же время былъ и виновникомъ множества безпорядковъ. Своимъ корыстолюбіемъ Милошъ часто подавалъ поводъ къ заговорамъ противъ себя, къ волненіямъ среди народа и къ постороннему вмѣшательству во внутреннія дѣла Сербіи, а вмѣстѣ съ этимъ вносились въ страну и чужестранныя учрежденія. Къ тому же большая часть государственныхъ людей въ Сербіи — питомцы и почитатели Австріи. И потому не только большая часть австрійскихъ учрежденій пересажены цѣликомъ на сербскую почву, но даже самыя чувства, политическія симпатіи и антипатіи сербовъ часто заимствованы отъ австрійцевъ.

Что касается грамотности въ Сербіи, то она здѣсь хорошо развивается. Въ ней и теперь уже между молодежью рѣдко найдется безграмотный. На 1,200,000 жителей, она имѣетъ 400 низшихъ школъ, въ которыхъ учатся около 20,000 т. дѣтей обоего пола; двѣ полныхъ классическихъ гимназіи и четыре прогимназіи, военную академію, семинарію и лицей. Лучшіе воспитанники лицея и военной школы для окончанія курса, для довершенія своего образованія отправляются на нѣсколько лѣтъ, на счетъ правительства, во Францію и Германію. Лучшіе изъ семинаристовъ ѣдутъ въ Россію, обыкновенно въ Кіевъ, въ тамошнюю духовную академію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ

даже составленъ проэктъ «объ основаніи университета въ Бѣлградѣ. Этотъ проэктъ пока такъ и остался на бумагѣ. Многіе изъ сербской молодежи отправляются за-границу для усовершенствованія въ разныхъ знаніяхъ и на свой счетъ, такъ что тутъ не диво встрѣтить въ какой нибудь канцеляріи, на самой низшей должности человѣка съ заграничнымъ образованіемъ. Но какъ это ни странно, однако нужно замѣтить, что эта обширная грамотность и распространеніе европейскаго образованія между молодежью не сказываются здѣсь пока ни въ наукѣ, ни въ литературѣ, ни даже въ общественной жизни.

Сербская литература развивается чрезвычайно медленно. Здѣсь вовсе даже нѣтъ класса ученаго или литературнаго и книгъ для чтенія издается очень мало, такъ какъ любовь къ чтенію развита въ Сербіи весьма слабо. Въ годъ выходитъ отъ 20 до 30 книгъ. Журналъ «Гласникъ», выходитъ въ годъ нѣсколькими книгами, печатается на счетъ правительства и, не смотря на крайне дешевую цѣну, раскупается очень и очень слабо. Три, четыре газеты (при этомъ большая часть изъ нихъ издаются на счетъ правительства) насчитываютъ не болѣе какъ по 600 подписчиковъ. Но что же за причина всему этому? Нужно помнить, что Сербія государство молодое, только начинающее слагаться; учрежденія ея мало примѣнимы къ народному быту; къ тому же всюду царитъ страшнѣйшій произволъ: печать, строго преслѣдуется и наконецъ не мало тормозитъ дѣло узкая практичность серба. Онъ ходитъ въ школу, изучаетъ какое нибудь знаніе чисто изъ практическихъ видовъ, чтобы получить чиновничье мѣсто и жалованье. Къ чтенію, къ пріобрѣтенію знаній которыя не могутъ немедленно принести ему матерьальной выгоды, онъ не чувствуетъ особеннаго стремленія. Кончивши курсъ въ своей школѣ, т. е. вызубривъ нѣсколько учебниковъ, онъ еще нисколько не развитъ и не подготовленъ къ слушанію лекцій въ европейскихъ университетахъ. Вотъ почему образованіе сербской молодежи и за-границей не приноситъ ей надлежащей пользы.

РУМЫНІЯ.

Прошлая судьба этого народа.—Значеніе боярства.—Признаніе покровительства Оттоманской имперіи обѣими княжествами. — Грабежи пашей. — Назначеніе Портою господарей изъ туземныхъ бояръ.—Замѣна ихъ фанаріотами. — Послѣдствія ихъ господства въ странѣ. — Освобожденіе.

На пространствѣ между теченіемъ Тиссы и Днѣстра, до Карпатскихъ горъ на сѣверѣ и Дуная на югѣ, живетъ совершенно особый народъ, который называютъ румынами,—но собственно Цара-Румынеска, т. е. землею румыновъ, можно считать только соединенныя княжества Молдавіи и Валахіи. Все пространство земли отъ Тиссы до Днѣстра, въ давно прошедшія времена, носило названіе Дакіи. Въ завоевательный римскій періодъ эта Дакія была одной изъ провинцій римской имперіи.

Впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ римская Дакія не знала покоя и постоянно подвергалась наплыву то азіатскихъ полчищъ, то различныхъ славянскихъ племенъ. Эти народы поперемѣнно изгоняли другъ друга, господствовали въ странѣ, страшно опустошали ее и послѣ себя оставляли слѣды не только въ языкѣ, но въ нравахъ, обычаяхъ, даже въ самомъ типѣ лица этого романизированнаго дакскаго населенія. Отъ постоянныхъ набѣговъ и жестокихъ преслѣдованій румыны бѣжали въ горы и оттуда сами въ свою очередь дѣлали набѣги на варваровъ. Все населеніе не могло однако удалиться въ горы и оставшіеся были покорены сначала готами, потомъ гуннами, затѣмъ славянами. Много нападали на страну также и венгры. Наконецъ въ XIII вѣкѣ румыны, отчасти перемѣшанные со славянами, своими братьями по религіи, бросили колоніи, основанныя ими въ горахъ, и подъ предводительствомъ двухъ своихъ военачальниковъ, возвратились въ страну. Одинъ изъ нихъ занялъ Валахію, другой — Молдавію. Съ этихъ поръ и начинается исторія этихъ княжествъ, родныхъ по языку, богослуженію и учрежденіямъ, и весьма сходныхъ между собою своею историческою судьбою.

Обѣ страны, вслѣдствіе постоянныхъ опустошеній, представляли громадныя пустыри и безплодныя равнины. Жители вели первобытную жизнь. При первой вѣсти о появленіи непріятеля, весь народъ стекался со всѣхъ сторонъ; посовѣтовавшись между собой, они выбирали изъ своей среды самаго храбраго и шли грудью отстаивать свою независимость. Всѣ были равны между со-

бою; высшихъ начальниковъ надъ страною выбирали безразлично изъ людей всѣхъ классовъ: изъ бояръ, духовенства и крестьянъ.

Бояриномъ назывался у нихъ тогда каждый ведущій войну, военный; позже титулъ этотъ означалъ чинъ, пріобрѣтенный на службѣ, и исключительно принадлежалъ военному, удостоевшемуся повышенія; сынъ же боярина, не выслужившій награды на войнѣ, не былъ бояриномъ. Отличіе было доступно всѣмъ, и каждый могъ донего дослужиться. Мужикъ доходилъ иногда до высшихъ степеней, а сыновья знаменитыхъ бояръ становились въ ряды простыхъ воиновъ — земледѣльцевъ. Вся занятая земля, общая всѣмъ, раздѣлена была между селеніями и каждый деревенскій житель получалъ свою часть общинной земли. Владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братскій раздѣлъ полей по числу работниковъ — вотъ какое было положеніе только-что начавшей жить Румыніи.

Только уже позже стали раздавать нѣкоторымъ лицамъ, въ видѣ награды за услуги, оказанныя отечеству, небольшія участки земли въ частную, неотъемлемую собственность.

Съ XIV вѣка начинается вторженіе турокъ; румыны не выдержали напора сильнаго врага и сначала Валахія въ 1392 году признала ихъ покровительство, а затѣмъ, нѣсколько позже, за нею послѣдовала и Молдавія. Но эти княжества, можетъ быть вслѣдствіе того, что онѣ сами признали покровительство турокъ, сохранили многія льготы. Султанъ обязался за себя и за своихъ преемниковъ, защищать ихъ противъ враговъ, но зато удерживалъ за собою верховное право надъ страною, воеводы которой обязались платить Портѣ ежегодную подать. Турки обѣщали не вмѣшиваться во внутреннее управленіе княжествъ, и ни одинъ турокъ не долженъ былъ безъ важныхъ причинъ проживать въ странѣ. Но это сносное положеніе и мирное отношеніе къ Турціи длились не долго. Постоянныя войны сосѣдей нарушали спокойствіе румынъ, и непріятельскія войска, передвигаясь чрезъ обширныя равнины ихъ страны, жестоко ее грабили. Турція получая аккуратно дань изъ княжествъ, совсѣмъ забыла о нихъ. Турецкіе паши, увѣренные въ безнаказанности, нападали на села, уводили скотъ и жителей и обращали ихъ въ рабство. Тяжкая година настала для бѣдныхъ жителей Молдавіи и Валахіи: большая часть населенія разорена и дошла до нищеты. Наконецъ сама Порта открыто нарушила свои условія. Вопреки статьѣ, запрещающей магометанину постоянное пребываніе въ княжествахъ, въ нихъ стали возводить турецкія крѣпости, что сильно облегчило войскамъ султана постоянно нападать на народъ и еще болѣе разорять страну. Къ довершенію этихъ несчастій въ ней разгорается и раздоръ религіозный: князья и бояре подвергаются вліянію іезуитовъ, народъ отстаиваетъ свое первоначальное богослуженіе и противится признать надъ греческою церковью власть папскую.

Сверхъ того Молдавія и Валахія становятся врагами между собою и обезсиливаютъ другъ друга въ междоусобной войнѣ. Порта пользуется этой неурядицей, увеличиваетъ платимую ей княжествами дань и по своему распоряжается ихъ судьбою. Ея самоуправство доходитъ до того, что она открыто уничтожаетъ право народа, обезпеченное договорами, на самостоятельное избраніе господарей, и назначаетъ ихъ сама, по своему произволу. Тогда въ странѣ появляется масса честолюбцевъ, которые, не разбирая средствъ, другъ передъ другомъ стараются сдѣлаться господарями. Самыми безчестными средствами они наживаютъ капиталъ, безпрестанно отсылаютъ цѣнные дары

въ Константинополь, другъ передъ другомъ задариваютъ султанскихъ чиновниковъ и всѣхъ, кто можетъ имѣть вліяніе на выборъ господаря. Ясно, что, достигнувъ желаемаго, такой господарь старался не только вернуть все, что онъ истратилъ на подарки, но обогатиться какъ можно скорѣе, тѣмъ болѣе, что тысячу глазъ уже смотрятъ на него съ завистью, мѣтятъ на его мѣсто, и въ свою очередь подарками, прислуживаньемъ и лестью могли несегодня завтра смѣнить его. Бѣдность народа въ это время возросла до ужасающихъ размѣровъ: крестьяне превратились въ совершенныхъ нищихъ; земли были окончательно разграблены и истощены. Между боярами является страшная деморализація, и въ народѣ уныніе скоро смѣняется полнѣйшимъ равнодушіемъ къ своей несчастной судьбѣ. Въ 1594 году былъ обнародованъ законъ, который закрѣпощалъ за боярами всѣхъ земледѣльцевъ, находящихся на ихъ земляхъ, и съ этихъ поръ имъ запрещено было переходить съ одной земли на другую. По этому закону утверждены были за боярами и тѣ земледѣльцы, которые въ тяжкую годину испытаній жили для своей безопасности на земляхъ, прилегающихъ къ владѣніямъ сильныхъ бояръ и отъ времени до времени прибѣгали къ ихъ покровительству, но отнюдь никогда не отдавали себя въ ихъ полную зависимость. За боярами закрѣпощены были и тѣ несчастные, которые ничего не могли добыть со своихъ опустошенныхъ полей, между тѣмъ должны были прокармливать свои семьи и уплачивать громадные налоги; поэтому они обработывали по найму земли бояръ, но все надѣялись когда нибудь возвратиться и къ своему заброшенному полю. Теперь и они были прикрѣплены къ тѣмъ землямъ, гдѣ застало ихъ законоположеніе. Такимъ образомъ у румынъ создается крѣпостное состояніе. Возстанія, смуты, междуусобная война со всѣми ея ужасами наполняютъ XVII столѣтіе, а Порта все болѣе пользуется внутренними раздорами, все болѣе увеличиваетъ свои притязанія.

Господари, недовольные непрочностью своего положенія, такъ сказать шаткостію своего величія, покупаемаго низкопоклонствомъ и дорогою цѣною въ Константинополѣ, рѣшились искать защиты у русскаго царя Петра Великаго, обѣщавшаго имъ признать независимость княжествъ, если они помогутъ ему въ войнѣ съ Турціею. Хотя Порта до сихъ поръ постоянно нарушала свои договоры съ княжествами, и уничтожила право избранія народомъ своихъ господарей, но, назначая господарей изъ туземныхъ бояръ, она все же хотя нѣсколько уважала древніе обычаи страны. Измѣна же послѣднихъ господарей и сношенія ихъ съ русскимъ царемъ возбудили въ Портѣ страшное негодованіе противъ княжествъ и въ отмщеніе за это она поразила несчастную, совсѣмъ истерзанную страну еще новымъ бѣдствіемъ: она стала назначать въ княжество господарей уже не изъ туземныхъ бояръ, а изъ грековъ-фанаріотовъ.

О фанаріотахъ, ихъ характерѣ, объ ихъ значеніи въ различныхъ земляхъ балканскаго полуострова, объ ихъ хитрости и корыстолюбіи мы достаточно сообщили нашимъ читателямъ въ статьѣ о болгарахъ. Какъ въ Болгаріи, такъ и здѣсь фанаріоты грабили послѣднее достояніе народа и развращали его.

Въ княжествахъ имъ особенно легко было безчинствовать и дозволять себѣ всякое самоуправство, такъ какъ они стояли во главѣ правленія. Лишь только дѣлались они господарями, какъ тотчасъ окружали себя свитою изъ всякаго сброда, раздавали ей высшія придворныя мѣста и правительственныя

должности и начинали жестоко преслѣдовать туземныхъ бояръ, обирать народъ. Тогда въ княжествахъ начинаютъ рѣдѣть ряды древнихъ потомственныхъ родовъ: одни бѣгутъ отъ угнетенія за границу, другіе уѣзжаютъ въ отдаленныя свои помѣстья; остаются только тѣ, которые легко могли превратиться въ льстецовъ новыхъ временщиковъ. Наступило время повсемѣстныхъ страшныхъ гоненій: съ цѣлью уничтожить всякіе проблески народной самобытности и развитія, при которомъ еще возможны возмущенія народа противъ своихъ притѣснителей, всюду закрываютъ школы, распускаютъ народныя ополченія и замѣняютъ ихъ наемниками изъ албанцевъ и турокъ. Румынскій языкъ выводятъ насильно изъ употребленія и скоро даже названіе румына становится презрительнымъ словомъ.

Отъ времени до времени, когда фанаріоты сами чувствуютъ, что ихъ беззаконія выходятъ изъ предѣловъ и могутъ угрожать имъ внезапнымъ взрывомъ народной мести, они принимаютъ на себя личину преобразователей и защитниковъ народныхъ правъ. Такъ одинъ изъ господарей-фанаріотовъ вдругъ объявляетъ крестьянамъ, что онъ освобождаетъ ихъ изъ подъ власти бояръ. Такое вниманіе заставило народъ нѣсколько примириться съ своимъ властителемъ, но это освобожденіе было чисто внѣшнее. За небольшой безплодный участокъ земли, который имъ оставляло теперь правительство, крестьяне должны были работать на помѣщичьемъ участкѣ нѣсколько дней въ году, отдавать помѣщику десятую часть посѣва, сѣна, плодовъ и меда, собираемыхъ на своихъ участкахъ. Къ тому же какъ ни была безплодна земля, крестьяне не смѣли покинуть ее безъ разрѣшенія правительства. Слѣдовательно, при изданіи этого новаго закона фанаріоты немного думали о крестьянинѣ, но за то они пріобрѣли право вмѣшиваться въ дѣла между помѣщиками и крестьянами, и такимъ образомъ создали для себя новый источникъ дохода. Чиновники фанаріоты сдѣлались судьями въ спорахъ, возникавшихъ теперь между земледѣльцами и землевладѣльцами, и одинаково усердно обирали тѣхъ и другихъ. Новыхъ мнимо-освобожденныхъ крестьянъ дѣлали также крестьянами государственными и называли ихъ *скутельниками*; земли же ихъ обращали въ государственное имущество, иначе сказать въ собственность господаря; потомъ начали раздавать этихъ свободныхъ крестьянъ новосозданнымъ фанаріотами боярамъ; каждый изъ нихъ получалъ извѣстное количество душъ, обязанныхъ служить ему и состоять при немъ въ видѣ лакеевъ, или вмѣсто этого платить оброкъ.

Каждый бояринъ, смотря по классу и чину, сверхъ жалованья получалъ въ свое полное владѣніе извѣстное число душъ: простой бояринъ получалъ ихъ до 10 человѣкъ, а знатный множество. Всякая общественная должность давала право на полученіе скутельниковъ: при умноженіи приверженцевъ фанаріотовъ, возрасло и число должностей, соразмѣрно съ этимъ должно было увеличиваться и число человѣческихъ рентъ. Всѣхъ должностей въ одной Валахіи было насчитано до 1.160. Полагая круглымъ числомъ по 50 скутельниковъ на должность,—это составитъ 58 тысячъ.

Такъ какъ трудъ скутельниковъ всецѣло принадлежалъ чиновникамъ, владѣвшимъ ими, то они и были изъяты отъ государственныхъ податей и налоговъ. Всѣ повинности обрушились на немногихъ уцѣлевшихъ мелкихъ собственниковъ, на жителей городовъ и крестьянъ — фермеровъ. Налоги же до того были увеличены, что большая часть жителей, не будучи въ состояніи ихъ уплачивать, бѣжала или предавалась разбою. Довольно сказать,

что число людей, способныхъ къ платежу податей, за нѣсколько лѣтъ уменьшилось болѣе чѣмъ на половину. Вотъ какая свобода была дарована народу *фанаріотами. Не одни господари съ приверженцами своими грабили несчастныя княжества.* Порта помогала имъ и наносила странѣ ударъ за ударомъ. Она заставила жителей продавать всѣ свои сельскія произведенія назначенному отъ турецкаго правительства обществу греческихъ купцовъ. Эти купцы скупали у жителей и у владѣльцевъ сельскія произведенія по таксѣ, присылаемой изъ Константинополя, и эти же самыя произведенія продавали румынамъ въ городахъ въ три дорога; надували на вѣсахъ, мѣрахъ, словомъ вездѣ царствовало самоуправство и полный произволъ.

Скоро однако нѣсколько улучшилась судьба несчастныхъ княжествъ. Императрица Екатерина объявляетъ войну Турціи. Румыны возстаютъ и ниспровергаютъ ненавистное иго фанаріотовъ и наконецъ трактатомъ въ Кайнарджи въ 1774 году возстановлены были нѣкоторыя, давно забытыя права несчастныхъ княжествъ. Однако порядокъ въ странѣ не могъ быть возстановленъ почти вплоть до 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда Молдавія и Валахія окончательно соединились въ одно государство подъ властью одного князя и стали называться Молдовлахіей, или Румыніей.

До этого же времени княжества то оживали, то опять подпадали подъ иго турокъ и фанаріотовъ, то были раздираемы внутренними раздорами и неурядицами. Даже послѣ 61-го года, т. е. послѣ соединенія Молдовлахіи подъ управленіемъ князя Кузы, и послѣ 66-го года, т. е. послѣ избранія нынѣшняго князя Карла I-го (изъ дома Гогенцолернъ, изъ Пруссіи) открыто въ странѣ во всѣхъ отрасляхъ правленія множество злоупотребленій. Но при новыхъ порядкахъ (*) въ самый короткій промежутокъ времени народнымъ собраніемъ сдѣлано много важныхъ перемѣнъ; напомнимъ хотя наиболѣе важныя изъ нихъ: освободили крѣпостныхъ цыганъ, надѣлили крестьянъ землею, уничтожили смертную казнь, отобрали земли у монастырей, учредили множество народныхъ школъ, объявили значительную свободу печати и дозволили частнымъ лицамъ безпрепятственно распространять просвѣщеніе. Теперь каждое лицо можетъ по своему усмотрѣнію заводить пансіоны и школы на какихъ угодно началахъ. Правительство вовсе не вмѣшивается въ школьное дѣло, ничего не запрещаетъ, ничѣмъ не руководитъ, ничто не поощряетъ. Школы теперь размножаются съ необыкновенною быстротою, учителя пользуются такими руководствами, какія считаютъ наиболѣе пригодными для этого дѣла,— да иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ Румыніи не существуетъ ни запрещенныхъ ни привилегированныхъ учебниковъ.

Разумѣется, въ странѣ, которая такъ недавно только успѣла избавиться отъ ненавистнаго ига и чужаго вмѣшательства, въ которой не болѣе какъ 10, 11 лѣтъ тому назадъ совершены благодѣтельныя преобразованія, еще не могутъ процвѣтать разныя отрасли промышленности и знанія. Прошло не болѣе 7-ми, 8-ми лѣтъ, какъ устранены вліятельныя лица, подвизавшіеся въ разныхъ отрасляхъ управленія при князѣ Кузѣ, а устраненіе ихъ само по себѣ заслуга не маловажная: эти правители при князѣ Кузѣ, предшествен-

---

(*) По конституціи 1866 года главное управленіе страною сосредоточено въ рукахъ сената и палаты депутатовъ. Члены въ палату депутатовъ выбираются всѣмъ народомъ, или лучше сказать всѣми грамотными изъ среды его. Румынія до сихъ поръ находится въ нѣсколько васальномъ отношеніи къ Турціи: она платитъ ей дань, хотя и весьма незначительную.

никѣ нынѣшняго князя Карла I-го, самовластно попирали всѣ конституціонныя вольности страны. Судьи рѣшали процессы въ пользу того, отъ кого получали взятки, начальникъ полиціи продавалъ безопасность жителей разбойникамъ и мошенникамъ, начальникъ арміи и военный министръ пріобрѣли славу громадными кражами государственной казны; деньги, ввѣренныя разнымъ чиновникамъ и назначенныя для нуждъ населенія, были растрачены на ихъ личныя прихоти. Когда послѣ отреченія князя Кузы открыли Бухарестскую тюрьму, тамъ нашли болѣе сотни лицъ, которыхъ никто никогда не судилъ, которыя произвольно были заключены властями и томились годы безъ всякой вины, часто по одному подозрѣнію, еще чаще потому, что они не нравились властямъ; между тѣмъ, какъ въ той же самой тюрьмѣ не было на лицо злѣйшихъ мошенниковъ и разбойниковъ, которые въ ней числились. Начальникъ полиціи часто выпускалъ изъ тюрьмы и самыхъ тяжкихъ преступниковъ, если получалъ за это хорошій выкупъ.

Но если въ этомъ новомъ, только начинающемъ слагаться государствѣ, еще такъ свѣжо его недавнее печальное прошлое, вслѣдствіе чего въ немъ еще не могли достаточно развиться ни науки, ни промышленность, то во всякомъ случаѣ можно смѣло сказать, что богатство природы этой страны и ея новыя учрежденія обѣщаютъ ей блестящую будущность на ряду съ другими цивилизованными странами Европы.

Богатая природа страны: животныя и растенія.—Тарантулъ и саранча: вредъ ими приносимый.—Золото.—Каменная соль.—Дома. — Бѣдность домашней обстановки простолюдина. — Его пища и одежда.—Черты лица румынъ.—Отсутствіе типа и его причины.—Происхожденіе румынской народности.—Языкъ.—Пѣсни.—Другія племена, населяющія Румынію: евреи и цыгане.—Религія румынъ и ихъ духовенство.—Браки между румынами.—Монастыри.

Когда вступаешь въ Валахію, прежде всего, что поражаетъ путешественника—громоздкіе возы, на которыхъ навалены виноградъ и громадныя бочки съ виномъ. Двѣнадцать и болѣе лошадей попарно впряжены въ узкую, длинную телѣжку съ колесами почти въ $2^1/_2$ аршина въ діаметрѣ. Самое оригинальное въ этомъ экипажѣ то, что въ немъ нѣтъ ни куска желѣза, ни одного гвоздя. Его никогда не смазываютъ дегтемъ и можете себѣ представить скрипучую музыку, которая раздается еще издали, когда онъ несется во весь опоръ.

Грунтъ земли здѣсь состоитъ изъ морскаго ила и глины и потому дороги очень пыльны въ сырую же погоду онѣ до того вязки, что очень часто, безъ помощи доброй дюжины лошадей, вы окончательно можете завязнуть. Сухая пыль, которая буквально захватываетъ вамъ дыханіе, а въ низкихъ мѣстахъ липкая грязь, обрызгивающая васъ съ ногъ до головы и залѣпляющая вамъ глаза, однообразный и въ то же время ужасный визгъ экипажа — все это страшно раздражаетъ нервы.... Но стоитъ только осмотрѣться кругомъ, и чудная роскошная природа вмигъ разгонитъ непріятное впечатлѣніе. По дорогѣ вы безпрестанно встрѣчаете крестьянъ въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, которые ведутъ громадныхъ воловъ; тамъ и сямъ буйволы лежатъ въ водѣ; овцы—не меньше нашихъ телятъ; огромныя черныя собаки всюду стерегутъ тучныя стада. Особенно часто и много вамъ попадается здѣсь собакъ и это понятно: встрѣтить волка или медвѣдя здѣсь вовсе не диво, и зимою эти животныя доходятъ до самыхъ жилищъ. Поэтому нѣсколько сильныхъ румынскихъ собакъ обыкновенно караулятъ стадо: гдѣ ихъ много, тамъ

маленькій пастухъ прилежно что нибудь работаетъ, или съ прутикомъ въ рукѣ, наклонившись надъ землею, внимательно всматривается въ маленькую дырочку: это онъ караулитъ Тарантула (изъ породы пауковъ) и едва онъ покажется изъ норки какъ погибаетъ подъ ударомъ ребенка. Такое преслѣдованіе здѣсь не жестокость, такъ какъ укушеніе этого огромнаго паука иногда бываетъ смертельно. Въ южной Молдавіи и домашній паукъ довольно ядовитъ и укушеніе его производитъ значительную опухоль. Попадаются и скорпіоны, но они не имѣютъ здѣсь тропическаго характера. Въ густой травѣ, въ тростникахъ и низменныхъ мѣстахъ—пропасть всякаго рода дичи: бекасы съ ворону величиной, а въ южной Молдавіи на озерахъ стадами расхаживаютъ цапли и пеликаны и онѣ такъ пугливы, что, увидя проѣзжаго, только съ любопытствомъ вытягиваютъ свои шеи.... О зайцахъ, о кабанахъ, даже о куропаткахъ, сернахъ, и говорить нечего, — все это здѣсь плодится и множится въ несмѣтномъ количествѣ: этому способствуетъ богатая растительность, а также и то, что румыны мало охотятся за дичью, предпочитая ей баранину. Очень часто въ голубомъ небѣ появляется черная точка: она опускается все ниже и ниже и затѣмъ вы видите, какъ орелъ, развернувъ свои могучія крылья, долго держится въ воздухѣ.

Конечно, и здѣсь попадаются мѣстности безлѣсныя, степныя и потому весьма печальныя. Особенно въ жаркое лѣто, когда ручейки скоро высыхаютъ отъ безлѣсья, въ поляхъ вмѣсто нихъ остаются небольшія лужицы. Кругомъ тишь и гладь, насколько можетъ видѣть глазъ, ни одного дерева на горизонтѣ, ни одного живаго существа.... Но такія мѣстности, хотя иногда весьма обширны, довольно рѣдки, и Румынія относительно плодородія и производительности земли одна изъ богатѣйшихъ странъ въ Европѣ. И дѣйствительно плодородіе здѣсь удивительное: здѣшняя земля не нуждается вовсе въ удобреніи, ни въ искусственномъ орошеніи, ни даже въ отдыхѣ. Одной борозды плуга достаточно для того, чтобы посѣянныя сѣмяна произвели стебли болѣе сажени вышиною. Румынія по плодородію почвы превосходитъ прекрасныя равнины Бельгіи, Пьемонта и Ломбардіи. Даже многія плодоноснѣйшія полосы Алжиріи не выдерживаютъ сравненія съ полями Дунайскихъ Княжествъ. Можно смѣло сказать, что эти поля равняются Нильской дельтѣ. Такое изумительное плодородіе въ пространныхъ долинахъ Румыніи объясняютъ тѣмъ, что отъ разливовъ Дуная вѣками здѣсь скоплялся илъ, отъ разложенія котораго образовался богатый черноземъ. Когда распахиваютъ эту почву въ первый разъ, ее по крайней мѣрѣ нужно три года сряду засѣвать маисомъ, чтобы этимъ хотя нѣсколько умѣрить ея производительную силу. Если же тотчасъ засѣять зерновымъ хлѣбомъ, то солома дѣлается такой рослой и тяжелой, что падаетъ на землю отъ собственной тяжести и гніетъ. Пшеница даетъ на одну мѣру болѣе 70-ти, что рѣдко даже и въ Америкѣ.

Только саранча часто губитъ здѣшнія поля. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно видѣть какъ множество людей, оцѣпивъ огромное пространство, сметаютъ саранчу въ середину, постепенно уменьшая кругъ. А въ самомъ центрѣ нѣсколько людей бичами заставляютъ лошадей скакать, топтать и мѣшать сметенныя кучи насѣкомыхъ.

А что за изумительная здѣсь растительность! Махровый макъ очень часто ростетъ кустами по окраинамъ дороги; повелика обвиваетъ камыши и украшаетъ каждый сгнивающій пень; луга застланы ползучими и цвѣтущими растеніями. Только здѣшняя сочная трава и можетъ кормить этихъ громадныхъ

буйволовъ и тонкорунныхъ овецъ; ихъ ростъ и сила по всей вѣроятности находятся въ прямой зависимости отъ силы и роста растительнаго царства. Если румынская грязь липка и глубока, а пыль легка и мелка, что причиняетъ много неудобствъ, за то этотъ грунтъ даетъ почти безъ большаго труда всякіе плоды. Спаржа, цвѣтная капуста, горохъ, салатъ самыхъ разнообразныхъ сортовъ ростутъ сами собою; дыни, арбузы, разъ они засѣяны, созрѣваютъ безъ всякаго ухода. Еловые и сосновые лѣса густо покрываютъ скалы и горныя верхушки фантастической формы; въ лѣсахъ множество грибовъ, трюфели, разныя ягоды, каштаны, яблоки, черешни, груши, грецкіе орѣхи. Въ весьма многихъ мѣстностяхъ отлично спѣетъ виноградъ. При домѣ даже самаго несчастнаго простолюдина вы найдете прекрасный садикъ, въ которомъ множество персиковъ, абрикосовъ, фиговыхъ деревьевъ, сливы всѣхъ сортовъ, вишни, яблоки.

Многія рѣки содержатъ золотоносный песокъ, но болѣе всего этотъ металлъ находится въ пескахъ рѣки Ольтецы, на протяженіи 5-ти миль. На этомъ пространствѣ находятся богатѣйшіе золотоносные пески Валахіи: они имѣютъ черновато-красный цвѣтъ и перемѣшаны съ глиною и кварцемъ. Послѣ убыли воды, среди самаго русла рѣки, не рѣдко находятъ довольно большіе самородки золота. Есть тутъ также и мѣдь; во многихъ мѣстахъ находятъ слои каменнаго угля; часто встрѣчается ртуть, нефть, самородная сѣра, янтарь, гранаты и кромѣ всего этого много минеральныхъ водъ. Но главное ископаемое богатство Румыніи—*каменная соль*. Изъ этихъ копей ежегодно добываютъ 38 милл. киллограмовъ соли (киллограмъ равняется почти $2^1/_2$ русскимъ фунтамъ). Но разработка этихъ богатствъ до послѣдняго времени была самая ничтожная. Едва треть черноземныхъ долинъ воздѣлана, разумныя правила сельскаго хозяйства почти неизвѣстны; еще недавно соль получалась здѣсь изъ Галиціи и Трансильваніи, тогда какъ собственныя богатыя копи были подъ рукою,—да и не могло быть иначе при чужеземномъ игѣ и внутреннихъ раздорахъ. По той же причинѣ въ Румыніи не существуетъ ни улучшенныхъ породъ скота, ни правильнаго огородничества и земледѣлія. Богатства природы не обогатили простолюдина; послѣ долгихъ грабежей, онъ только теперь встаетъ на ноги; кромѣ того при дурныхъ румынскихъ дорогахъ ему весьма затруднительно сбывать свои сельскія сбереженія. Да и забитый румынъ, имѣя вдоволь маису, баранины, молока, меду, сыру, вина и табаку, — не знаетъ, чего еще можно желать, не имѣетъ никакого понятія о европейскомъ комфортѣ и только тогда начинаетъ думать, какъ бы получше устроиться, когда саранча истребляетъ его тучныя поля. Это однако продолжается не долго, такъ какъ другія произведенія земли обыкновенно съ лихвою вознаградятъ его потерю. Но въ самомъ близкомъ будущемъ можно ждать въ странѣ большихъ перемѣнъ; уже желѣзныя дороги начинаютъ ее прорѣзывать, чтобы дать сбытъ мѣстнымъ произведеніямъ. Патріоты и образованная молодежь, проникнутая честными стремленіями и горячею любовью къ родинѣ, посвящаютъ свое время и деньги на просвѣщеніе народа и увеличеніе его благосостоянія. Законъ за закономъ проходятъ въ парламентѣ для улучшенія страны и въ тоже время частная дѣятельность, не стѣсняемая правительствомъ, служитъ той же цѣли.

Жилища румынъ низшаго класса еще до сихъ поръ чуть-ли не самыя жалкія въ Европѣ. Это ничто иное, какъ небольшія мазанки изъ ивовыхъ вѣтвей, плотно замазанныхъ въ промежуткахъ глиной, выдающаяся крыша которыхъ покрыта дранками и соломой; но всѣ онѣ выбѣлены меломъ и среди прекрасныхъ зеленыхъ и цвѣтущихъ луговъ и тучныхъ полей пред-

ставляютъ прекрасный ландшафтъ, тѣмъ болѣе оживленный, что ихъ обыкновенно окружаютъ хорошенькіе садики. Вся домашняя утварь простолюдина состоитъ изъ пары котловъ, нѣсколькихъ деревянныхъ столовъ и скамеекъ. Кровать здѣсь большая рѣдкость: румынъ спитъ обыкновенно на голомъ полу, зимою завернувшись въ свой тулупъ, а въ теплыя ночи въ верандѣ, которую образуетъ выдающаяся крыша, подпертая грубыми, по большей части совсѣмъ неотесанными столбами. Лишь въ очень немногихъ жилищахъ можно встрѣтить такую роскошь, какъ полъ; тѣмъ не менѣе народъ этотъ чрезвычайно опрятенъ, такъ что даже самые бѣдные содержатъ свои лачужки, первобытнымъ образомъ устроенныя изъ плетня и глины, въ необыкновенной чистотѣ. Одежда румынъ также проста и несложна, какъ ихъ домашняя обстановка: необыкновенно огромные *сапоги*, изъ которыхъ въ каждомъ можно помѣстить по крайней мѣрѣ двѣ ноги, при здѣшней вязкой и топкой почвѣ, составляютъ существенную принадлежность, какъ мужскаго, такъ и женскаго костюма. Однако множество народа ходитъ босикомъ, или носитъ нѣчто въ родѣ сандалій, привязанныхъ ремнями къ ногамъ, которыя кромѣ того еще обвиты грубою, яркихъ цвѣтовъ шерстяною матеріей. Но главная часть туалета обоего пола и притомъ во всѣ времена года — длинная, бѣлая рубашка, края которой какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, но у послѣднихъ затѣйливѣе, вышиты голубой или красной шерстью, или обшиты цвѣтной матеріей. Этими вышивками, а также и всякою другою работою занимается румынка. Съ ранней юности она уже начинаетъ помогать матери и очень рано также отъ нея научается прясть, ткать и красить. Все, что носитъ крестьянское семейство, кромѣ развѣ самыхъ ничтожныхъ украшеній, приготовлено ея руками. О румынскихъ рубахахъ нужно еще замѣтить, что у мужчинъ воротъ этихъ рубахъ всегда открытъ, такъ что грудь ихъ бываетъ обнажена не только лѣтомъ, но и въ зимніе холода.

Поверхъ рубахи — широкіе, полотняные шаровары; зимою ихъ носятъ иногда и женщины. Рубашка выпускается надъ шароварами и опоясывается кожаннымъ поясомъ, которымъ больше всего щеголяютъ здѣшніе молодцы.

Шаровары, рубаха, опоясанная поясомъ, да сапоги—вотъ и весь домашній нарядъ румына. Когда онъ собирается въ гости, то набрасываетъ камзолъ безъ рукавовъ, а въ дождь еще коричневый армякъ съ красными или голубыми нашивками. У нѣкоторыхъ сзади къ армяку, у самой шеи пришитъ четырехъугольный кусокъ такого же сукна и имъ обвязываютъ голову во время непогоды. Зимою вмѣсто армяка носятъ короткій до колѣнъ полушубокъ, который во время дождя одѣваютъ шерстью вверхъ такъ какъ съ наружной стороны этотъ полушубокъ расшитъ зелеными шелками.

Борода у румына выбрита, волосы — длинные до самыхъ плечь, всегда черные, и высокая, обыкновенно черная, а иногда и бѣлая конусообразная барашковая шапка довершаетъ весь его костюмъ. Впрочемъ тамъ очень часто можно встрѣтить мужчину совсѣмъ безъ шапки.

Женщина у себя дома ходитъ босою и въ одной длинной рубашкѣ. Когда вздумается ей пойти къ сосѣдкѣ, или въ поле на работу, она одѣваетъ такіе же огромные сапоги, какъ и мужчина, и сверху своей длинной рубашки, у самой таліи привязываютъ пестрый кусокъ матеріи съ бахромой внизу. Этотъ нарядъ замѣняетъ имъ юбку съ тою разницею, что съ одного бока всегда остается широкая прорѣха. Иногда вмѣсто этой матеріи румынки одѣваютъ два передника, одинъ спереди, а другой сзади, оба обшитые внизу бахра-

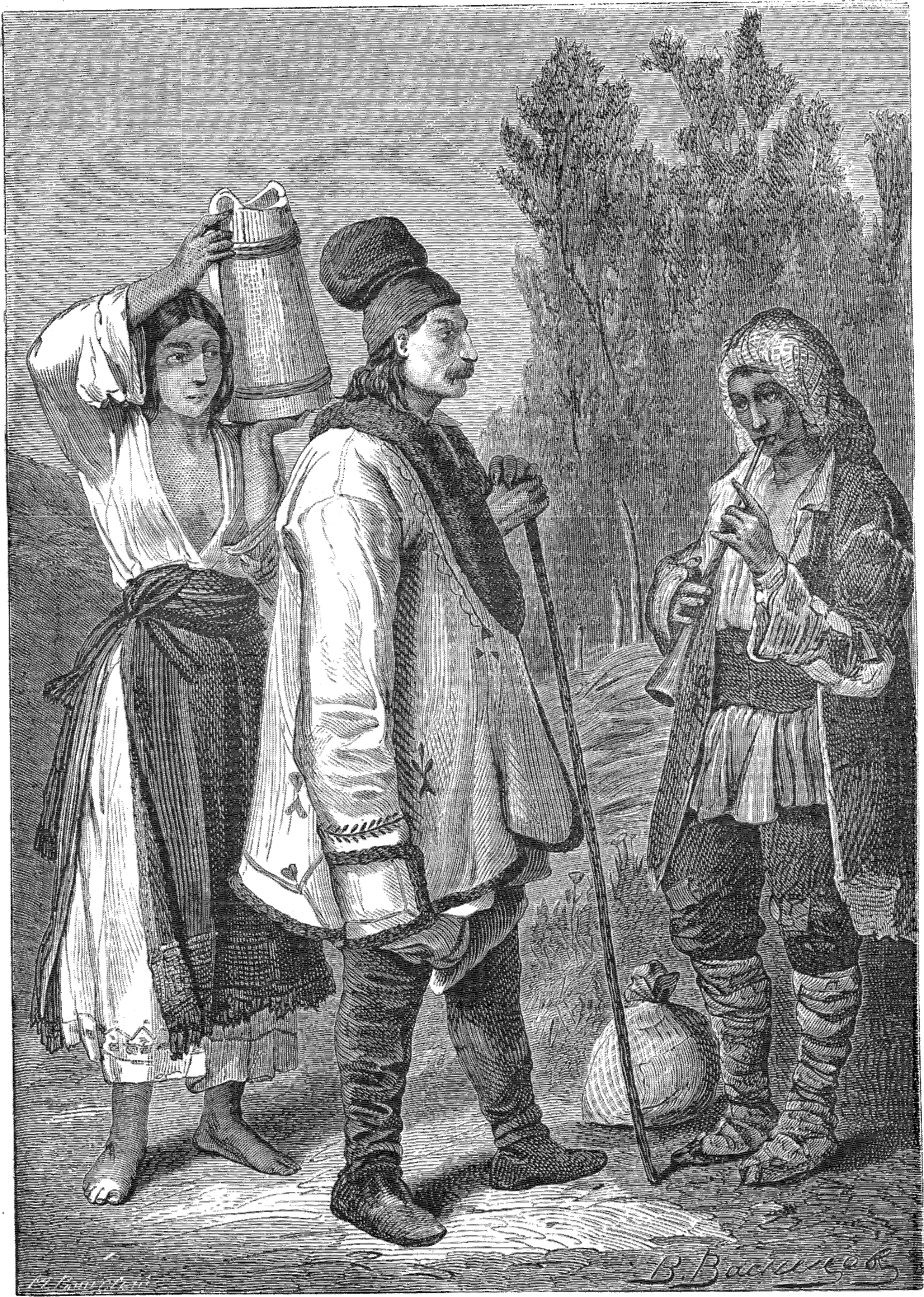
мой. Изъ подъ этихъ передниковъ видна вышивка рубашки. Что ни деревня то разный цвѣтъ передника. Какъ въ Шотландіи по цвѣту пледа, такъ здѣсь по цвѣту и качеству передника сейчасъ узнаютъ, изъ какой деревни и даже изъ какого семейства женщина. Зимою сверху одѣваютъ еще кафтанъ съ рукавами, опушенными мѣхомъ, а то и просто полушубокъ, весьма схожій съ мужскимъ. Голову онѣ украшаютъ цвѣтами, золотыми или серебряными монетами, бусами. Лѣсныя и горныя жительницы часто носятъ бѣлыя вуали изъ полотна или шерстяной матеріи, которыя прикрѣпляютъ гребенкой сзади. Большинство замужнихъ женщинъ повязываетъ голову платками, расшитыми съ необыкновеннымъ искуствомъ; дѣвушки ходятъ съ открытой головой, стараясь, какъ можно пестрѣе разукрасить свои волосы. На шеѣ у нихъ непремѣнно бусы или монета, у богатыхъ жемчугъ. Къ сожалѣнію румынки, не смотря на прекрасный цвѣтъ своего лица, — бѣлятся и румянятся: этотъ обычай онѣ заимствовали отъ славянокъ.

Главную пищу румынъ составляетъ *маисъ* (кукуруза), въ самыхъ различныхъ видахъ, всего чаще однако изъ нея дѣлаютъ густую кашу и тогда она называется *мамалыга*. Эту мамалыгу ѣдятъ съ саломъ или молокомъ, а когда она сварена ужъ черезъ чуръ густо, то ее разрѣзаютъ ножемъ и ломтики посыпаютъ *брынзой*,—родъ сыра, мелкими кусками, какъ творогъ. Онъ дѣлается изъ овечьяго и козьяго молока. Очень часто они обертываютъ кукурузныя зерна въ капустные или виноградные листья и такимъ образомъ жарятъ ихъ въ салѣ, или даже въ постномъ маслѣ. Румыны очень любятъ также дѣлать лепешки изъ маисовой муки, а бѣдняки, въ особенности румынскіе цыгане, недозрѣвшія маисовыя шишки просто жарятъ на угольяхъ и ѣдятъ. Кромѣ брынзы и кукурузы много употребляютъ и *баранины:* ее съ дѣтства привыкаютъ ѣсть, какъ хлѣбъ, и холодную, и вареную, и жареную, и печеную на вертелѣ, или просто на угольяхъ. Въ праздникъ у зажиточнаго крестьянина можно встрѣтить четыре и пять блюдъ, и всѣ изъ баранины: супъ изъ баранины, копченые бараньи языки, рубленная баранина, запеченная въ листахъ и т. д. до безконечности.

Пьютъ здѣсь, какъ и вездѣ на востокѣ, *шербетъ*. Виноградное вино очень дешево, такъ какъ виноградъ здѣсь ростетъ во многихъ мѣстахъ, а яблоки, груши, арбузы, дыни въ изобиліи у каждаго крестьянина. Вѣроятно, вслѣдствіе этой разнообразной пищи народъ здѣсь такой крѣпкій, здоровый и рослый.

При высокомъ ростѣ румынъ, короткое платье очень идетъ къ нимъ. Черты лица правильныя, нѣсколько крупныя; носъ большой; выраженіе лица задумчивое, доброе, умное и открытое; но собственно типа румынскаго не существуетъ. Когда вы въ первый разъ всматриваетесь въ румынина, васъ нисколько не поразитъ оригинальность, типичность его физіономіи; напротивъ она напомнитъ вамъ знакомыя черты славянина, турка, венгра, цыгана. Эту неопредѣленность типа легко объяснить себѣ историческимъ прошлымъ народа, въ судьбу котораго вмѣшивалось столько племенъ: онъ и сложился изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Но болѣе всего физіономія его напоминаетъ цыгана, такъ какъ множество цыганъ съ давнихъ поръ живетъ въ этой странѣ.

Румыны совершенно особая народность, съ своимъ особымъ языкомъ, чрезвычайно схожимъ съ латинскимъ. Что касается ихъ происхожденія, то одни утверждаютъ, что они происходятъ отъ даковъ, а другіе — отъ римлянъ. Какъ бы то ни было, но положительно извѣстно, что даки были истреблены римлянами, слѣды которыхъ въ свою очередь изгладили готы, гунны, авары,


B. Badurco

болгары. Войны въ древности были страшно опустошительны и каждый изъ народовъ, начиная господствовать въ странѣ, истреблялъ своихъ предшественниковъ; но никакое племя, какъ бы кровожадно и многочисленно оно ни было, не могло опустошить край до того, чтобы ни лѣсъ, ни горы, ни какія убѣжища не укрыли жителей отъ преслѣдованія. Непремѣнно должны были уцѣлѣть остатки каждаго племени, т. е. даковъ, римлянъ, готовъ, гунновъ и и др.; изъ нихъ мало по малу слагалась особая народность, разнохарактерность которой отразилась на народныхъ обычаяхъ, типахъ и языкѣ. Латинскій элементъ болѣе всего замѣтенъ въ языкѣ не потому, что латинское племя взяло перевѣсъ, а потому что латинскій языкъ былъ развитѣе, гибче другихъ языковъ. Впрочемъ и славянское вліяніе было не менѣе сильно, особенно въ началѣ, когда румыне даже писали кирилицею, къ которой они присоединяли нѣкоторыя новыя буквы. Только въ самыя позднѣйшія времена румыне сдѣлали попытку внести въ свой письменный языкъ латинскую азбуку и теперь пишутъ и печатаютъ латинскими буквами. Теперь этотъ языкъ сталъ развиваться и получилъ способность выражать самыя отвлеченныя идеи; онъ сдѣлался орудіемъ краснорѣчія въ палатахъ, въ церквахъ, и въ печати. Но еще 40 лѣтъ тому назадъ средства этого языка были такъ ограниченны, что онъ былъ пригоденъ лишь для выраженія обыденныхъ потребностей. И не мудрено: при константинопольскихъ фанаріотахъ, подъ тяжелымъ игомъ которыхъ народъ цѣпенѣлъ 150 лѣтъ, не только изъ румынскихъ школъ, но даже и изъ церквей былъ изгнанъ румынскій языкъ и замѣненъ греческимъ. Подъ конецъ управленія фанаріотовъ народъ дошелъ до того, что не только сталъ забывать свой языкъ, но даже и стыдился говорить на немъ. Народъ тогда говорилъ по-гречески, а высшіе слои общества—пофранцузски. Нынѣ отъ послѣдняго простолюдина до перваго боярина—все заговорило на своемъ родномъ языкѣ, всѣ принялись изучать его и обработывать. Вѣроятно вслѣдствіе того, что на образованіе румынской народности вліяло столько племенъ, и въ пѣсняхъ этого народа, какъ въ его характерѣ, мало оригинальныхъ чертъ: всѣ онѣ чрезвычайно бѣдны по содержанію, совершенно чужды воинственнаго духа и воспѣваютъ почти исключительно пастушескую любовь и разбойническіе подвиги. Много поютъ они также пѣсней болгарскихъ и сербскихъ. Но чѣмъ объяснить недостатокъ воинственнаго элемента въ ихъ пѣсняхъ? Конечно, у народовъ, которые вполнѣ сложились и получили серьезное развитіе, совершенно остываютъ воинственныя стремленія, но румыне еще народъ далеко не образованный, и воинственный элементъ въ пѣсняхъ былъ бы у него только признакомъ энергіи и любви къ роднѣ. Но румынамъ не откуда было заимствовать этого воинственнаго пыла. Хотя они и вели войны, но обыкновенно такія, которыя носили характеръ личной вражды господарей къ господарямъ, или къ сосѣднимъ владѣтельнымъ лицамъ. Народъ не былъ заинтересованъ въ этихъ войнахъ и народная фантазія не могла извлечь изъ нихъ ничего возвышеннаго.

Въ Румыніи живутъ самые разнообразные народы: нѣмцы, армяне, венгры, сербы, греки, итальянцы, турки, но больше всего цыганъ и евреевъ. Всѣхъ жителей въ Княжествахъ считаютъ 4 мил. Изъ нихъ 2.500,000 въ Валахіи, а 1.500,000 въ Молдавіи. Сюда входитъ: 300,000 цыганъ; 200,000 евреевъ и 100,000 иностранцевъ.

Евреи занимаются ремеслами и торговлею. Они здѣсь вовсе не отличаются такою грязью и нечистоплотностью, какъ у насъ: стѣны ихъ жилищъ, точно

также, какъ и у румынъ, выбѣлены, полы подмыты, посуда въ большой опрятности. Но какъ у насъ, такъ и тамъ характеръ этого народа одинъ и тотъ же: они содержатъ кабаки, даютъ деньги подъ большіе проценты и при этомъ, какъ бы каждый изъ нихъ ни былъ богатъ, за самое ничтожное вознагражденіе, всегда принять на готовъ себя всякую унизительную должность. Когда вы увидите черную шляпу съ полями и длиннополый сюртукъ еврея, вы можете разсчитывать на всякія услуги. За нѣсколько копѣекъ онъ предоставитъ въ ваше пользованіе всѣ свои знанія, умъ, соображеніе, всѣ свои добродѣтели и пороки, свое молчаніе и краснорѣчіе, однимъ словомъ всего себя. Но съ той минуты, когда онъ выполнилъ хоть самое ничтожное ваше порученіе, вы точно также всецѣло принадлежите ему: онъ уже больше не разстанется съ вами, идетъ всюду по вашимъ пятамъ, издали угадываетъ, что вамъ нужно, садится у дверей дома, въ который вы входите, заходитъ вмѣстѣ съ вами въ магазины, торгуется, выхватываетъ отъ васъ покупки и всюду таскаетъ ихъ за вами. Если куда нибудь ему нельзя проскользнуть вмѣстѣ съ вами, вы все-таки черезъ минуту встрѣтите его: онъ опять низко кланяется, неотвязчиво предлагаетъ свои услуги, во что бы то ни стало требуетъ вашихъ приказаній.

Цыгане въ княжествахъ были обращены въ крѣпостныхъ, но это не подавило ихъ любви къ кочевой жизни. Многіе изъ нихъ приняли наружно христіанскую вѣру, большая же часть — идолопоклонники, но больше всего между ними совершенно равнодушныхъ къ религіи, т. е. такихъ, которые ничему и ни во что не вѣрятъ, ничему не поклоняются. Крестятся они почти всѣ, но таинство крещенія считаютъ средствомъ получить подарокъ и поэтому часто даже крестятся по нѣскольку разъ, всегда выбирая крестныхъ родителей побогаче.

Мы уже говорили, что въ Княжествахъ считается цыганъ до 300,000, больше въ Молдавіи, нежели въ Валахіи. Въ странахъ, прилегающихъ къ Княжествамъ: въ Трансильваніи, Буковинѣ и Банатѣ ихъ насчитываютъ до 140,000.

До 1837 года цыгане въ Княжествахъ дѣлились на два класса одни были рабами частныхъ лицъ, другіе—рабами государственными. Большинство государственныхъ рабовъ изъ цыганъ—были рудокопами; другіе прогуливались съ ручными медвѣдями по дворамъ и питались подаяніями; нѣкоторые были кузнецами и музыкантами. Всѣ государственные рабы цыгане, чѣмъ бы они ни занимались, были обложены очень тяжелою податью.

Теперь рабство цыганъ уничтожено и они сравнены въ своихъ правахъ со всѣмъ румынскимъ народомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ тогда, такъ и теперь, ихъ занятія большею частію остались тѣ же. Они и теперь столярничаютъ, слесарничаютъ, но больше всего занимаются коновальствомъ, служатъ лакеями у бояръ, промышляютъ музыкою, ворожбою и пляскою. Громадное большинство ведетъ жизнь кочевую и бродитъ по полямъ, занимаясь воровствомъ и хищничествомъ. Едва прикрытые, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, подвергаясь холоду и зною, вѣтру и дождю, они живутъ подъ открытымъ небомъ, среди полей и луговъ въ легкихъ палаткахъ. Но какъ бы ни жилъ, чѣмъ бы ни занимался этотъ необыкновенно красивый народъ съ черными, будто пережженными кудрями, съ черными огненными глазами,—въ душѣ онъ всегда поэтъ, и артистъ.

Какъ людямъ неразвитымъ, или лучше сказать совсѣмъ первобытнымъ, имъ свойственны пороки совсѣмъ первобытные: украсть у своего, т. е. цы-

гану у цыгана — преступленіе; украсть не у цыгана — подвигъ. Но незабитые съ дѣтства, какъ евреи, изученіемъ талмуда, вѣчно въ общеніи съ природой, цыгане, если только имъ встрѣтится случай себя образовать, нерѣдко высказываютъ свѣтлый взглядъ въ сужденіяхъ. Румыны и прежде, и теперь, часто женятся на красавицахъ-цыганкахъ. Не смотря на свою привычку къ воровству, цыгане, которые нанимаются у бояръ и богатыхъ людей въ лакеи и управители, отличаются на этихъ мѣстахъ необыкновенною честностью и привязанностью къ добрымъ хозяевамъ. Цыганки берутъ мѣста нянекъ и гувернантокъ, и часто у дѣвушки цыганки здѣсь можно встрѣтить гораздо больше развитія, чѣмъ у самой важной куконы-хозяйки.

Цыгане, какъ мы уже сказали, отличаются необыкновенной музыкальностью, но въ Румыніи, кажется, живутъ самые даровитые. Музыка ихъ вполнѣ отражаетъ ихъ душевное настроеніе: живая, полная чувства, она служитъ отголоскомъ ихъ тяжелой, страннической жизни. Цыгане не знаютъ нотъ, но инстинктивно угадываютъ гармонію. Нигдѣ настоящій артистъ не будетъ такъ оцѣненъ, какъ у здѣшнихъ цыганъ: они считаютъ его за какое-то высшее существо; каждый изъ нихъ будетъ безпрестанно подходить къ нему и, низко кланяясь, цѣловать ему руку. Въ румынскихъ городахъ эти музыканты собираются цѣлыми обществами, играютъ въ публичныхъ садахъ и на балахъ и извѣстны подъ названіемъ *лаутари*. Мы объ нихъ будетъ говорить ниже, при описаніи Бухареста.

Въ Румыніи всегда была полнѣйшая религіозная терпимость, и хотя она признана парламентомъ только въ 1864 году, но въ сущности это было только подтвержденіемъ путемъ закона уже давно вкоренившагося народнаго обычая. Среди молдаванъ живетъ множество сектаторовъ; каждая секта совершенно свободно, по своимъ понятіямъ, исполняетъ свои обряды. Съ этой религіозной терпимостью развились въ румынахъ понятія, при которыхъ могли пройти въ парламентѣ различные законы; напримѣръ, единодушно принятъ законъ о гражданскомъ бракѣ. Теперь лица, вступающія между собою въ бракъ, могутъ совсѣмъ обойтись, если они того пожелаютъ, безъ благословенія церкви. Такой бракъ здѣсь состоитъ только въ томъ, что лица, желающія вступить въ него, пишутъ контрактъ—условіе, которое подписываетъ чиновникъ. Разводы между супругами совершаются безпрестанно и безъ всякихъ затрудненій. Въ этихъ случаяхъ каждая сторона только должна по условіямъ контракта выполнять извѣстныя, выговоренныя обязанности. Иногда по этому контракту жена въ случаѣ развода должна выдавать мужу деньги, въ другой разъ мужъ долженъ давать ей содержаніе. Здѣсь совсѣмъ не рѣдкость видѣть въ обществѣ, какъ вошедшая женщина очень дружелюбно направо и налѣво подаетъ руку своимъ бывшимъ мужьямъ.

Но, разумѣется, если бы такой законъ былъ не въ нравахъ народа, онъ не могъ бы пройти и въ парламентѣ, а еслибы и прошелъ, то не могъ бы такъ легко привиться къ дѣйствительной жизни. Въ сущности же этотъ законъ давно существовалъ: мужъ и жена безпрестанно хлопотали о разводѣ и въ случаяхъ малѣйшаго затрудненія безпрестанно расходились сами и общество не порицало, не клеймило этихъ людей, и даже не ставило имъ это въ вину, а напротивъ по прежнему принимало ихъ въ свою среду. Да и сами разведшіеся супруги обыкновенно расходились совершенно хладнокровно, безъ всякой ненависти и вражды, оставаясь часто въ пріязненныхъ отношеніяхъ.

Румыны исповѣдуютъ православную, греко-кафолическую религію. У нихъ есть свой митрополитъ и епископы. Ихъ духовенство носитъ длинные волосы, длинную бороду и черное длинное платье,—однимъ словомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, напоминаетъ наше духовенство. Прежде духовенство зависѣло отъ патріарха константинопольскаго, но правительство Кузы сдѣлало румынскую церковь самостоятельною. Обряды совершаются съ большой торжественностью, заимствованной у грековъ. Румынское духовенство находилось прежде въ большой зависимости: обработывало поля, уплачивало налоги, исполняло барщину за пользованіе земли и потому до сихъ поръ оно осталось совершенно невѣжественнымъ. Все его образованіе заключается въ знаніи грамоты, евангелія и службы.

Черное духовенство было еще менѣе образованно и развито, и приносило еще менѣе пользы своему народу, такъ какъ не жило его интересами, не знало страны, и только непроизводительно поглощало громадныя богатства, накопившіяся въ монастырскихъ стѣнахъ.

Множество монастырей существуютъ въ Румыніи еще издавна и принадлежатъ къ самымъ богатѣйшимъ въ Европѣ. Большинство изъ нихъ устроено на пожертвованія бояръ, которые, умирая, часто завѣщали свои имущества монастырямъ. Нѣкоторые оговаривали въ своихъ завѣщаніяхъ, чтобы монастыри, на которые они жертвовали, удовлетворивъ мѣстнымъ нуждамъ, ежегодно посылали подарки греческимъ монастырямъ на Афонѣ, въ Александріи, въ Іерусалимѣ и монахамъ константинопольскимъ. Постепенно однако греческіе монахи, вмѣсто того чтобы согласно завѣщанію получать опредѣленные подарки, овладѣли всѣми доходами этихъ манастырей при помощи фанаріотскихъ господарей. Такимъ образомъ здѣсь еще недавно существовали монастыри двухъ родовъ: 1) такъ называемые *національные*, доходы которыхъ употреблялись внутри страны: на пріемъ странниковъ, иногда и на школы, но, конечно, больше на удовлетвореніе нуждъ монастырскихъ; 2) такъ называемые *посвященные*—доходы которыхъ употреблялись уже исключительно внѣ страны, или греческимъ монахамъ разныхъ странъ, которые подъ конецъ даже держали въ нихъ своихъ игуменовъ. Считаютъ, что до 4 милл. рублей ежегодно уходило изъ княжествъ на греческихъ монаховъ и такимъ образомъ ежегодно истощались общественныя богатства.

Общественное мнѣніе громко возставало противъ подобныхъ растратъ, совершенно противныхъ волѣ завѣщателей и много разъ пытались ихъ уничтожить; но греческіе монахи ссылались на давность владѣнія и пользовались поддержкою въ Петербургѣ и въ Константинополѣ. Наконецъ уже въ 1863 году законодательное собраніе обратило эти посвященные монастыри въ собственность государства со всѣми ихъ громадными владѣніями и помѣстьями.

Національные монастыри продолжаютъ владѣть своими имуществами и занимаютъ огромное пространство. Монастырскія владѣнія занимаютъ $^3/_5$ части всей территоріи; изъ нихъ $^2/_5$ и теперь принадлежатъ національнымъ монастырямъ, а $^1/_5$ (посвященные монастыри) сдѣлались теперь государственною собственностью.

Желѣзныя ворота. — Изъ Журжи въ Бухарестъ. — Видъ этого города издали.—Климатъ страны.—Землетрясенія. — Котроценскій монастырь.—Внѣшній видъ улицъ.—Что представлялъ этотъ городъ 25 лѣтъ тому назадъ и чѣмъ онъ сталъ теперь.—Подемогошу—главная улица теперь и прежде.—Цисмеджу.—Лаутари.

Изъ Орсова на пароходѣ отправляются внизъ по Дунаю, чтобы проѣхать знаменитые «Желѣзныя Ворота». Римляне называли ихъ «*Porta ferrea*», валахи Porta di ferro, въ языкѣ, какъ видите, не много произошло перемѣны.

Дунай у Орсова очень широкъ и отсюда на разстояніи 2-хъ миль онъ течетъ совершенно прямо. По обѣимъ сторонамъ рѣки появляются горы, покрытыя лѣсомъ. Видъ величественный, хотя и нѣсколько однообразный. Вскорѣ однако посреди рѣки появляется плоскій, зеленый островокъ, окруженный стѣною, изъ-за которой мелькаютъ крыши домиковъ съ садиками, минаретами, кіосками и другими аттрибутами маленькихъ турецкихъ городковъ, — это *Новое Орсово*. Когда этотъ островокъ остается позади, вы уже можете отчетливо видѣть «Желѣзныя Ворота.» По обѣимъ сторонамъ могучей рѣки все болѣе круто начинаютъ подыматься прибрежныя горы и наконецъ сжимаютъ ее такъ, что образуютъ естественныя, поистинѣ гигантскія ворота.

Тамъ, гдѣ рѣка сдавлена, она течетъ необыкновенно бурно: вода подымается длинными рядами свирѣпыхъ волнъ, которые набѣгаютъ одна на другую, сталкиваются, бурля разсыпаются миріадами блестящихъ брызгъ, разливаются въ кипящую пѣну и опять поднимаются вверхъ, принимая фантастическія формы. Отъ прибоя волнъ идетъ постоянный шумъ и ревъ. Это явленіе объясняютъ тѣмъ, что ниже уровня воды находятся скалы и что горы сильно съуживаютъ ложе могучаго потока. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ «Желѣзнымъ Воротамъ,» тѣмъ явственнѣе различаешь дикую борьбу волнъ и ихъ страшный ревъ. Между тѣмъ до самаго этого мѣста рѣка течетъ совершенно спокойно.

Но вотъ вы уже въ самыхъ воротахъ: гулъ и ревъ совершенно заглушаютъ стукъ парохода, не даютъ вамъ различить ни одного звука въ природѣ. Самыя горы здѣсь имѣютъ чрезвычайно оригинальную форму: на валашскомъ берегу острая высокая гора подымается въ видѣ гигантскаго надгробнаго монумента и валахи называютъ ее «Гробомъ Петра»; а двѣ высокихъ стоящихъ возлѣ нея «Печальными Женщинами».

Пароходъ сразу начинаетъ идти половиннымъ ходомъ: онъ тихо скользитъ по рѣкѣ, ощупью, чтобъ не попасть на скалистые рифы. Да и пройдти здѣсь пароходъ можетъ только тогда, когда вода въ Дунаѣ очень велика и подводныхъ скалъ не видно. Тогда мѣста, гдѣ находятся рифы обозначаются бѣлою пѣною (прибой). Эти рифы носятъ различныя названія, однѣ изъ нихъ называются «старыя женщины,» другія «разбойникъ,» «голубиный камень,» и т. д. Лишь только вы проѣхали «Желѣзныя Ворота,» скалы по обѣимъ сторонамъ рѣки понижаются и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ.

На пароходѣ можно ѣхать только до Журжи. У пристани обыкновенно дожидается пріѣзжающихъ множество плетеныхъ повозокъ, почтовыхъ дилижансовъ и даже элегантныхъ экипажей. Изъ Журжи въ Бухарестъ ѣзды всего нѣсколько часовъ. Когда миловидный городокъ, впрочемъ съ очень дурною мостовою, какъ и всѣ румынскіе города, исчезъ изъ вашихъ глазъ, кучеръ начинаетъ гнать лошадей во весь опоръ черезъ поля, степи, косогоры, холмы. Только въ африканскихъ степяхъ ѣздятъ такъ скоро, какъ въ Румыніи.

Обширная равнина, простирающаяся между Журжею и Бухарестомъ, всюду перерѣзана глубокими рытвинами и оврагами, которые въ дождливое время обращаются въ быстрые потоки, весьма опасные для проѣзжающихъ. Когда доѣзжаютъ до Котроценскаго монастыря, лѣтняго мѣстопребыванія румынскаго князя, находящагося въ получасовомъ разстояніи отъ Бухареста, то съ высотъ, на которыхъ лежитъ этотъ монастырь обыкновенно любуются столицею.. Красные лучи солнца играютъ на металлическихъ куполахъ и крестахъ нѣсколькихъ сотенъ православныхъ церквей и превращаютъ ихъ въ золото и серебро. Подлѣ нихъ возвышаются развалины монастырей самыхъ причудливыхъ формъ. Всюду бѣлые, чистенькіе домики съ плоскими крышами и между ними роскошные дворцы въ чисто европейскомъ вкусѣ. Всѣ промежутки между блестящими церквами, дворцами, маленькими домиками и развалинами монастырей—покрыты зеленью, и городъ буквально утопаетъ въ садахъ и въ изящныхъ цвѣтникахъ. Дворцы бояръ и большая часть домовъ, византійско-турецкой архитектуры.

Однако видъ города съ террассы Котроценскаго монастыря обманчивъ, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени. Всѣ путешественники, которые посѣщали Бухарестъ, единогласно утверждаютъ, что онъ прежде всего поражаетъ своими контрастами. Великолѣпные дворцы тутъ всюду бокъ о бокъ съ жалкими первобытными плетнями, замѣняющими жилища; богатые, по послѣдней парижской модѣ одѣтые франты на каждомъ шагу встрѣчаются вамъ бокъ о бокъ съ людьми, прикрытыми рубищемъ. Противоположности и въ самой температурѣ: тутъ то африканскіе жары, то сибирскіе холода. Холодные, леденящіе сѣверо-восточные вѣтры проникаютъ въ страну безъ всякой помѣхи и приносятъ ей страшные холода, морозы и снѣгъ; но такъ какъ Бухарестъ лежитъ подъ тѣми же градусами широты, какъ Кавказъ, Крымъ, Равенна, Болонья, то лѣто здѣсь бываетъ такое же теплое и жаркое, какъ въ Италіи и другихъ южныхъ мѣстностяхъ. Здѣсь два совершенно противоположныхъ времени года; ни осени, ни весны жители не знаютъ, а только зиму и лѣто. Тѣже контрасты и въ ежедневныхъ атмосферическихъ явленіяхъ. За минуту небо чудной синевы и чистоты мгновенно покрывается темными облаками и обволакивается сѣрымъ покрываломъ. И всѣ эти перемѣны происходятъ съ необыкновенной быстротой: весна настаетъ скоро и часто совершенно неожиданно; весенній разливъ иногда сопровождается ужасными наводненіями. Если въ іюнѣ мѣсяцѣ постоянно дуетъ вѣтеръ съ Чернаго моря, то надо ожидать частыхъ и сильныхъ бурь. Въ это время по обширнымъ здѣшнимъ степямъ иногда нѣтъ никакой возможности ѣхать—до того почва можетъ размякнуть, если дождь будетъ хоть нѣсколько продожителенъ. Въ самомъ воздухѣ, не смотря на богатство растительности и роскошь цвѣтовъ, никогда не бываетъ той ароматной свѣжести, которою мы привыкли наслаждаться почти вездѣ на югѣ въ лѣтнія ночи и особенно въ то время, когда трава скошена и сохнетъ на лугу. Это происходитъ оттого, что самыя растенія не издаютъ такого бальзамическаго запаха, какъ у насъ. Тутъ всегда пыль; она носится въ воздухѣ, и ее невольно вдыхаютъ легкія, а когда жарко, то отъ этой пыли утромъ и вечеромъ—какъ-то тяжко, удушливо.

Иногда вдругъ, во время совершеннаго покоя и тихаго, прекраснаго лѣтняго дня, раздаются подземные удары, которые становятся все чаще и чаще и начинается землетрясеніе часто чрезвычайно опустошительное. Еще многіе помнятъ землетрясеніе 1838 года, угрожавшее совершеннымъ разрушеніемъ всему

Бухаресту. Оно происходило вечеромъ: весь городъ вдругъ поколебался; самыя прочныя зданія начали качаться изъ стороны въ сторону; многіе дома обрушились и не осталось ни одного неповрежденнаго. При этомъ погибло множество людей.

Теперь ознакомимся съ особенностями здѣшней жизни. Мы встрѣтимъ тѣ же противуположности и въ Котроценскомъ монастырѣ. Между старыми монастырскими зданіями раскинулся большой пустынный дворъ, который никто не потрудился даже уровнять. Посреди двора разложены костры, у которыхъ грѣются жалкія полунагія существа, едва прикрытыя рубищемъ. Цыганскій таборъ на дворѣ лѣтней резиденціи, какое смѣшеніе крайностей, непонятное для европейца! Тамъ и сямъ нѣсколько некрасивыхъ зданій и старыхъ церквей, въ одномъ углу острокопечная цыганская палатка, въ родѣ арабскихъ, какія бываютъ въ Африкѣ и громадная, высокая стѣна, окружающая весь дворъ.

За монастыремъ скоро начинается предмѣстье Бухареста, но какое предмѣстье! Ни проходу, ни проѣзду почти нѣтъ: только здѣшніе фіакры не ломаются по глубокимъ рытвинамъ такой дороги. Наконецъ въѣзжаешь въ какую то грязную улицу, по краямъ которой виднѣются убогія лачуги, бѣднѣйшія изъ всѣхъ европейскихъ жилищъ; такъ какъ жилища эти необыкновенно малы и невмѣстительны, то всѣ ихъ обитатели сидятъ каждый за своимъ ремесломъ у растворенной двери избы и на улицѣ идетъ ужасный шумъ отъ множества кузницъ, слесаренъ и иныхъ мастерскихъ. Нѣсколько шаговъ дальше, и предмѣстье обрывается у великолѣпнаго сада, въ которомъ гуляетъ до такой степени разряженная публика, что туристъ легко могъ бы вообразить себя въ какомъ нибудь модномъ парижскомъ скверѣ, еслибы восточныя одежды армянъ и турокъ и оригинальные звуки цыганскаго оркестра, играющаго въ саду, не напоминали бы ему о востокѣ. Впрочемъ иллюзія совершенно исчезаетъ, когда вы выходите на какую нибудь улицу. По всѣмъ площадямъ и почти по всѣмъ улицамъ Бухареста — вонючія, глубокія лужи и кучи грязи. Ихъ очищаютъ лишь отчасти и трудно себѣ представить, какое множество нечистотъ скопилось здѣсь съ незапамятныхъ временъ. Румыны обыкновенно хвалятъ нынѣшнее городское управленіе за то, что оно заботится о хорошихъ дорогахъ и улицахъ. Но европейскій путешественникъ всю заботу правительства объ этомъ видитъ только въ томъ, что каждый день несчастные извощики сбрасываютъ на жалкія телѣги жидкую грязь самой крошечной лопаточкой, которою у насъ развѣ играютъ дѣти. Эти бѣдняки добросовѣстно исполняютъ свою работу, но грязь со всѣхъ сторонъ вытекаетъ изъ щелей и дырьевъ коекъ, тутъ же на мѣстѣ или во время пути. Однимъ словомъ здѣсь какъ будто открыли способъ перемѣщать грязь, но отнюдь не вывозить ее. Понятно, что большую часть года по здѣшнимъ улицамъ невозможно ходить пѣшкомъ и каждому приходится имѣть карету. Лѣтомъ множество каретъ, а зимою сани обыкновенно загромождаютъ всѣ улицы и площади и каждый выходящій изъ дому тотчасъ бросается къ нимъ. Люди же небогатые, работники, слуги и вообще низшій классъ—принуждены ходить пѣшкомъ и потому, какъ женщины такъ и мужчины ходятъ здѣсь не иначе, какъ въ огромныхъ высокихъ сапогахъ. Къ непріятности для прохожаго мѣсить здѣшнюю грязь присоединяется еще ежеминутная опасность попасть подъ экипажъ и быть раздавленнымъ. И несчастія безпрестанно случаются, несмотря на замѣчательную ловкость здѣшнихъ кучеровъ. А уже о томъ, что каждаго прохожаго

здѣсь обрызгаютъ съ головы до ногъ грязью, и упоминать не стоитъ. На это, какъ на дѣло самое обыкновенное, здѣсь никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Городское управленіе до того мало заботится о дорогахъ, что это могло бы угрожать жителямъ страшными эпидеміями, еслибы объ нихъ не заботилось само провидѣніе. Всю ночь и утро цѣлыя стаи собакъ и легіоны вороновъ и воронъ разносятъ и поѣдаютъ органическіе остатки и тѣмъ очищаютъ воздухъ. Эта помощь тѣмъ драгоцѣннѣе, что бойни устроены на самыхъ людныхъ мѣстахъ. Впрочемъ очищенію здѣшняго заразительнаго воздуха нѣсколько помогаетъ множество садовъ.

Теперь главная улица Подемогошу хотя и плохо, но все-таки вымощена, а еще очень недавно, лѣтъ 25 тому назадъ, на ней стояло только нѣсколько грязныхъ сараевъ и посреди ихъ боярскіе дома, передъ которыми грязь лежала такъ высоко, что, подъѣзжая къ сосѣду, бояринъ приказывалъ своимъ слугамъ выносить себя изъ кареты, или подъѣзжалъ верхомъ, а о мостовой тогда здѣсь не могло быть и рѣчи. Для пѣшеходовъ были положены балки и настланы доски; подъ ними собиралась всякая нечистота и гнила палая скотина, такъ что воздухъ былъ постоянно зараженъ міазмами. Бояре не обращали на это вниманія, такъ какъ у нихъ были экипажи и лошади, а въ жаркое время года, когда распространялись заразительныя болѣзни, они переѣзжали съ семействами въ Седмиградію. Нынче улица Подемогошу, еслибы только не страшная грязь и мусоръ, еще и теперь лежащіе на ней грудами, имѣетъ европейскій характеръ: по сторонамъ ея вы видите многоэтажные дома, въ нижнихъ этажахъ которыхъ часто находятся блестящія лавки и магазины, но ихъ большею частію содержатъ нѣмцы. Вообще вы безпрестанно встрѣчаете здѣсь нѣмецкія вывѣски. И немудренно: вся торговля и важнѣйшія ремесла въ Бухарестѣ находятся въ рукахъ нѣмцевъ, которыхъ тутъ считаютъ до 40 тысячъ. Врачи, аптекаря, почти всѣ купцы, живущіе на Лейпцигской улицѣ, часовщики, портные, слесаря, шляпочники—все это нѣмцы.

Пространство, занимаемое Бухарестомъ, пожалуй будетъ вдвое болѣе Берлина и въ чертѣ его могли бы помѣститься болѣе милліона жителей, между тѣмъ ихъ тамъ считаютъ только до 160,000. Впрочемъ съ точностью опредѣлить число жителей въ Бухарестѣ весьма трудно, такъ какъ тамъ до сихъ поръ не было еще сдѣлано точныхъ, народныхъ переписей. Обыкновенно считаютъ только податныхъ лицъ, а изъ списка духовенства и бояръ берутъ лишь отцовъ семейства и на каждаго изъ нихъ еще прибавляютъ по 4 члена семьи. Да бояринъ едвали бы и позволилъ чиновнику сосчитать его семью, жителей его двора и его слугъ.

Исключая двухъ улицъ, гдѣ дома тѣсно стоятъ одинъ подлѣ другаго, жилища въ Бухарестѣ страшно разбросаны и въ одиночку стоятъ между дворами, сараями и боярскими палатами. Такимъ образомъ пропадаетъ до $^{9}/_{10}$ пространства, занимаемаго столицею. Здѣсь каждое семейство имѣетъ свой домъ, даже самые бѣдные люди не нанимаютъ квартиръ, а живутъ въ собственномъ домикѣ. Исключить слѣдуетъ только кучу нищихъ и праздныхъ цыганъ, которые тамъ и сямъ пріютились въ оставленныхъ погребахъ, грязныхъ чуланахъ и тому подобныхъ убѣжищахъ, куда проникаетъ только полиція, чтобы отыскивать преступниковъ. Прежде всѣ дома въ Бухарестѣ были одноэтажные; это происходило отъ страха передъ землетрясеніемъ, довольно частыми въ Придунайскихъ земляхъ. За послѣднее десятилѣтіе эти опасенія уменьшились и теперь въ центрѣ города можно видѣть множество многоэтажныхъ до-

мовъ, съ желѣзными балконами, съ зелеными оконными жалюзи, съ дверями, украшенными позолотой, съ прелестными палисадниками, — однимъ словомъ дома, какихъ много видишь въ Парижѣ и Лондонѣ. Но къ желѣзной прекрасной рѣшоткѣ цвѣтника примыкаетъ обыкновенно пустая площадь съ обломками и мусоромъ, — это остатки разрушенныхъ монастырей.

Лѣтомъ Бухарестъ является въ самомъ благопріятномъ видѣ. Множество деревьевъ вдругъ распускаются послѣ долгой спячки и прячутъ подъ зеленою листвою грязь, несчастныя жилища и старые уродливые палисадники. Тогда Бухарестъ дѣйствительно представляется чуднымъ, роскошнымъ оазисомъ среди безконечныхъ Валахскихъ пустынь и ровныхъ полей, совсѣмъ выжженыхъ солнцемъ.

Минутами даже, особенно когда вы обращаетесь къ сѣверу, вамъ кажется, что вы видите передъ собою миражъ, но это дѣйствительность, это садъ Цисмеджу. На мѣстѣ непроходимаго болота, кучъ мусора и помойныхъ ямъ, которыя были здѣсь еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, устроенъ прелестный садъ съ самою роскошною растительностью, съ самыми прихотливыми прудами. Болото уступило мѣсто зеленой муравѣ, красивымъ дорожкамъ и аллеямъ, обсаженнымъ рѣдкими деревьями; всюду множество куртинокъ съ роскошными цвѣтами, лабиринтовъ, гдѣ кустарники разсажены такимъ образомъ, что они образуютъ запутанные ходы, фантастическіе гроты изъ раковинъ, скамейки всевозможныхъ формъ, наконецъ кофейни и элегантные павильоны, гдѣ по вечерамъ раздаются звуки оркестра Лаутари,—вотъ какова обстановка Цисмеджу. Днемъ собирается сюда многочисленная публика, чтобы укрыться отъ палящихъ солнечныхъ лучей, а вечеромъ чтобы послушать музыку. Всѣ сословныя отличія здѣсь исчезаютъ. Бѣлая фустанелла грека видна на ряду съ тяжелымъ шелковымъ платьемъ богатой еврейки и красивымъ мундиромъ военнаго; черное платье священника—подлѣ пестрой одежды армянина и темнаго платья европейца. По всему саду раздается цыганская музыка Лаутари.

Лаутари, имя которыхъ происходитъ отъ «лаута» струннаго инструмента, похожаго на нашу гитару,—истинные представители румынской музыки. Нѣкоторые изъ ихъ напѣвовъ и сочиненій имѣютъ въ высшей степени странное выраженіе и напоминаютъ быть можетъ первыя пѣсни, раздававшіяся на берегахъ Ганга, откуда они происходятъ. Лаутари не знаютъ писанныхъ нотъ,—весь ихъ репертуаръ въ памяти. Пѣть и играть они начинаютъ съ самаго ранняго дѣтства. Въ 4 года цыганскій мальчикъ беретъ уже въ руки флейту, потомъ лауту и наконецъ скрипку. Отецъ не смотритъ на страсть сына къ инструменту, какъ на дѣтскую забаву,—напротивъ онъ серьезно руководитъ первыми упражненіями ребенка. Конечно, онъ учитъ по слуху, но съ необыкновеннымъ тактомъ умѣетъ заставить сына вслушаться въ только что сыгранный мотивъ; при природныхъ дарованіяхъ ребенка, это необыкновенно развиваетъ его музыкальную память, способность къ импровизаціи и умѣнье схватывать на лету все слышанное.

Общество иностранныхъ артистовъ, посѣтившее однажды Бухарестъ, пригласило къ себѣ одного лаутари, наиболѣе славившагося своимъ искусствомъ. Все, что при немъ играли на фортепіано, онъ съ совершенною точностію и быстротой тотчасъ повторялъ на своемъ инструментѣ, какъ будто онъ раньше разучивалъ пьесу тоже по нотамъ. Наконецъ артисты просили его аккомпанировать имъ на своемъ инструментѣ неизвѣстную ему увертюру, которую онъ

даже передъ этимъ ни разу не прослушалъ. И Лаутари такъ ловко аккомпанировалъ, что привелъ всѣхъ въ совершенное изумленіе.

Оркестръ Лаутари всегда состоитъ изъ маленькой флейты, двухъ скрипокъ и 4-хъ лаутъ. Во всѣхъ большихъ румынскихъ городахъ находится одно или нѣсколько семействъ Лаутари, которыя даютъ концерты въ кофейняхъ и играютъ на балахъ. Больше всего ихъ находится въ Бухарестѣ, гдѣ ихъ насчитываютъ до 500 человѣкъ. Они дѣлаютъ большія путешествія, переходятъ Дунай и Карпаты, но никогда не смѣшиваются ни съ румынами, ни съ какимъ другимъ племенемъ. Они никогда не унижаются такъ, какъ ихъ остальные собратья, развѣ только воздаютъ поклоненіе и особенное уваженіе лучшему артисту изъ своей среды, — передъ всѣми остальными они держатъ себя гордо и независимо. Ихъ прекрасныя и выразительныя лица бываютъ особенно хороши, когда они играютъ и глаза ихъ блестятъ вдохновеніемъ. Къ харастеристикѣ Бухареста необходимо прибавить, что этотъ огромный городъ выстроенъ чрезвычайно безпорядочно: въ немъ не проведена вода, нѣтъ даже иногда самыхъ простыхъ удобствъ, какія найдемъ въ небольшихъ европейскихъ городахъ. Но не будешь требовательнымъ, когда вспомнишь, что только 30 лѣтъ тому назадъ посреди румынской столицы было обширное болото, заросшее густымъ кустарникомъ, въ которомъ по ночамъ сходились стада волковъ. Неподалеку стояла бѣдная, одинокая хижина, хозяинъ которой занимался извозомъ. Въ одну ночь голодные волки напали на хижину и перерѣзали всѣхъ лошадей бѣдняка. Теперь на мѣстѣ болота роскошный садъ, на мѣстѣ же извощичьяго двора изящное зданіе театра, въ которомъ раздаются звуки итальянской музыки. Нужно замѣтить однако, что въ этомъ театрѣ превосходно выполняютъ французскія драмы и водевили, нѣмецкія и итальянскія оперы, а народная и національная драма и музыка совершенно заброшены.

На улицѣ, въ паркѣ, въ театрѣ всюду бросается въ глаза баснословная роскошь туалетовъ: какъ карточная игра у мужчинъ, такъ и любовь къ нарядамъ у женщинъ стали здѣсь неудержимою страстью. Вѣчное стремленіе къ эфекту, къ роскошной европейской обстановкѣ замѣтны въ домашней жизни всего зажиточнаго класса бухарестскаго населенія. Всевозможныя затѣи утонченной западной жизни скопированы здѣсь до мельчайшихъ подробностей. Но гдѣ бы вы ни были, куда бы ни шли, грязная обстановка и нищета безпрестанно напоминаютъ вамъ о востокѣ. Вы только что вышли изъ комфортабельнаго, уютнаго дома, какой только найдете у высокопоставленныхъ европейскихъ лицъ; нога ваша, подъ звуки военнаго оркестра, только что скользила по гладкому паркету, какъ вдругъ вы очутились въ узкой, грязной улицѣ, изрѣзанной глубокими колеями. Не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ вы натыкаетесь на уголъ обрушившейся и неразобранной стѣны, а тутъ сгнившія и обвалившіяся доски деревянныхъ мостковъ... Кругомъ темнота, лишь изрѣдка прерываемая слабымъ мерцаніемъ маслянныхъ фонарей. Но вотъ вы завернули за уголъ, и вамъ въ глаза сразу бросился свѣтъ блестящихъ огней. Тутъ же, на сырой землѣ, спятъ какіе-то нищіе, а рядомъ стоитъ великолѣпный палаццо, гдѣ рѣкой льется шампанское, гдѣ общество бѣшено вальсируетъ, шутитъ и смѣется, гдѣ ставятся на карту тысячи дукатовъ. «Я видѣлъ», говоритъ одинъ писатель, изучившій бухарестскую жизнь, «и Лондонъ, и Парижъ, и Неаполь, но нигдѣ не видалъ я такого контраста нищеты съ безумною роскошью, такъ тѣсно одна около другой, какъ въ Бухарестѣ».

Бояре: ихъ дворцы и жизнь. — Среднее сословіе. — Крестьяне и ихъ занятія: земледѣліе и скотоводство.—Характеръ народа.

Намъ уже много разъ пришлось упомянуть, что въ Бухарестѣ, посреди убогихъ жилищъ, сплошь и рядомъ стоятъ настоящіе дворцы. И это встрѣчается не только въ Бухарестѣ, но во всѣхъ румынскихъ городахъ. Что же это за дворцы, почему здѣсь ихъ такъ много? что дѣлаютъ ихъ обитатели? какое ихъ общественное значеніе въ прошломъ и въ настоящемъ? — Вотъ вопросы, на которые необходимо намъ теперь отвѣтить.

Въ Румыніи лишь недавно образовался средній классъ, въ которомъ соединились лучшія силы страны. До 1848 года въ ней собственно было только два сословія: бояръ и крестьянъ, или, точнѣе выражаясь, *господъ* и *рабовъ*.

Слово бояринъ означало прежде «человѣкъ войны». Этимъ титуломъ, пріобрѣтаемымъ на полѣ битвы, часто гордился и скромный земледѣлецъ, первый всегда подавая примѣръ къ самоотверженію. Теперь напротивъ бояре не несутъ воинской повинности и, владѣя самыми большими участками земли, и всѣми богатствами края, избавлены отъ всѣхъ податей и повинностей. Дворянство, или здѣшнее боярство, и теперь не наслѣдственно. Сынъ боярина еще считается бояриномъ, но и онъ обязанъ служить, внукъ же его, если не занимаетъ никакой общественной должности, не несетъ никакой гражданской службы, уже перестаетъ быть бояриномъ. Бояре поэтому изъ силъ выбиваются, чтобы опредѣлить дѣтей на службу, т. е. упрочить за ними боярство. Казалось бы боярства могъ достигнуть и земледѣлецъ, но на дѣлѣ этого не бываетъ, такъ какъ, чтобы получить какую нибудь должность, необходимо имѣть извѣстныя средства, и кто богаче, тому легче занять ее. Всѣ ступени общественной службы заняты въ Румыніи людьми болѣе или менѣе богатыми; градація въ богатствѣ съ величайшей точностью отражается на различной высотѣ этихъ ступеней: кто богаче, тотъ занимаетъ постъ повыше, кто бѣднѣе, садится ниже. Фамиліи, начинающія приходить въ бѣдность, постепенно нисходятъ въ низшіе кружки чиновничества и остаются въ нихъ до тѣхъ поръ, пока хватитъ средствъ остаться на службѣ, т. е. пока не обнищаютъ совершенно; тогда они переходятъ въ классъ мелкихъ собственниковъ. Здѣшніе бояре, даже и теперь далеко не всѣ румынскаго происхожденія. Многіе изъ нихъ греки; вотъ какъ и теперь еще нѣкоторые изъ нихъ получаютъ свое боярство: бѣдный, оборванный грекъ кое-какъ приплелся въ Румынію; онъ смотритъ на нее, какъ на золотое дно, какъ на мѣсто, гдѣ онъ можетъ пріобрѣсти почести и богатство, о которыхъ онъ не смѣлъ и мечтать на своей родинѣ. Ничего не имѣя въ данную минуту, не зная ни мѣстнаго языка, ни нравовъ и обычаевъ жителей, оборвышъ грекъ обыкновенно отыскиваетъ своихъ земляковъ и тѣ опредѣляютъ его дворникомъ, лакеемъ или разсыльнымъ къ своему же соотечественнику, боярину. У бояръ всегда цѣлая свора прислуги и бояринъ грекъ всегда отдаетъ предпочтеніе земляку: онъ дѣлаетъ пришельца надсмотрщикомъ надъ остальною прислугою. Грекъ-новичекъ старается всѣми силами: работаетъ, доноситъ на прислугу, сдираетъ съ нея взятки, пуще своего глаза бережетъ жалованье, которое получаетъ отъ своего хозяина. Глядишь, въ нѣсколько лѣтъ онъ скопилъ небольшой капиталецъ, отлично познакомился съ жителями, выучился языку и тогда раскланивается съ хозяиномъ и беретъ въ аренду кабакъ. Торговля служитъ основаніемъ его будущаго могущества:

къ этому занятію онъ необыкновенно способенъ. Онъ отлично умѣетъ пользоваться всякими обстоятельствами: неразвитостью народа, его простотой и добродушіемъ, и всѣми правдами и неправдами выжимаетъ изъ него сокъ, на сколько хватаетъ силы. Скоро онъ накопитъ столько, что беретъ въ аренду землю той деревни, въ которой онъ продавалъ водку и которую отлично изучилъ. Онъ еще раньше этого устроилъ дѣла такъ, что всѣ крестьяне его должники, и теперь онъ заставляетъ ихъ за кабачные долги обработывать землю. Крестьяне такимъ образомъ барщиной платятъ за эти долги, но грекъ такъ мало цѣнитъ ихъ трудъ, что имъ едва приходится отработать проценты, а капиталъ, т. е. долгъ, все останется непогашеннымъ, такъ что имъ иногда вѣчно приходится работать только за проценты. Нерѣдко эти долги доходятъ до того, что крестьянинъ наконецъ теряетъ возможность уплатить ихъ работой всей жизни. Между тѣмъ какъ простой народъ погрязаетъ въ долгахъ, имѣніе грека все растетъ и растетъ. Затѣмъ онъ покупаетъ помѣстье, пріобрѣтаетъ должность въ государствѣ и боярствуетъ. Достигнувши боярства, грекъ, разумѣется, преслѣдуетъ тѣ же цѣли, т. е. старается обогатиться во что бы то ни стало и для этого не брезгаетъ никакими средствами. Какъ видите, румынское боярство ни по своему рожденію, ни по своимъ нравственнымъ понятіямъ ничуть не напоминаетъ аристократію другихъ странъ; возьмемъ въ примѣръ хоть англійскихъ лордовъ. Если въ послѣднихъ и найдемъ пороки и недостатки ихъ званія, т. е. кичливость своимъ происхожденіемъ, недоступность, высокомѣріе съ низшими, за то они стараются обыкновенно превзойти другихъ своимъ образованіемъ, другъ передъ другомъ оказать родинѣ какую нибудь услугу, облегчить несчастіе своего народа. Нынѣшніе румынскіе бояре не только не могутъ опереться на древность своего рода, но и на отличія и заслуги своихъ предковъ. Потомки древнихъ родовъ румынскихъ одни въ изгнаніи, а нѣкоторые даже обратились въ земледѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе румынскіе бояре живутъ ничуть не хуже разныхъ европейскихъ князьковъ и знатныхъ аристократическихъ родовъ. Ихъ дома тѣ же дворцы съ роскошными садами, украшенные мраморными фонтанами. Громадныя залы этихъ дворцевъ отдѣланы еще съ большею роскошью. Всюду фарфоръ, этажерки съ драгоцѣнными бездѣлушками, груды серебра, золота, очень часто даже оранжереи и зимніе сады.

Жизнь бояръ самая пустая: единственная мечта—блеснуть хорошимъ туалетомъ, каретой, поѣхать покутить въ Парижъ, блеснуть чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ. Этому упадку не мало способствуютъ и женщины; до безумія преданныя самымъ пустымъ свѣтскимъ удовольствіямъ, онѣ только разворяютъ своихъ мужей на наряды и на балы и, при своей праздности то и дѣло разводятся съ однимъ мужемъ и выходятъ замужъ за другаго, за третьяго и т. д. Вслѣдствіе неразвитости женщинъ, между ними вѣчныя интриги и сплетни. Такая обстановка, разумѣется, не можетъ способствовать хорошему воспитанію дѣтей. Дѣти ростутъ на рукахъ няньки-француженки, или няньки-цыганки, а станутъ юношами — ихъ отправляютъ въ Парижъ. Не получивъ дома никакого развитія, не полюбивъ даже чтенія, они и въ Парижѣ живутъ пошлою уличною жизнью кофеенъ, къ которой получили склонность еще дома. Только въ самое послѣднее время явился небольшой кружокъ людей, которые серьезно принялись за свое образованіе: этому сильно помогло развитіе въ странѣ политической, конституціонной жизни. Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей ѣдутъ въ германскіе университеты и пріучаются къ серьезному труду. Но это пока еще весьма рѣдкія ис-

ключенія, встрѣчаемыя по большей части въ среднемъ классѣ, который слагается здѣсь изъ представителей періодической печати, судебнаго сословія, адвокатуры; но и этимъ людямъ еще не чужды пороки бояръ. Нравственнѣе другихъ классовъ — простой народъ. Къ несчастію онъ до сихъ поръ еще погруженъ во мракъ невѣжества и суевѣрія, и не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о правильномъ земледѣліи и хозяйствѣ. Какъ обработывали землю предки за 200 лѣтъ, такъ румыне обработываютъ ее и теперь. Еще и теперь ее прорѣзываетъ тяжелый, неуклюжій, кое-какъ сколоченный плугъ, который тащитъ 8, а иногда 12 воловъ. Несмотря на тяжесть плуга борозды совсѣмъ не глубоки, да и ихъ-то проводятъ на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Въ плохо обработанное поле бросаютъ сѣмяна, не очистивъ ихъ какъ слѣдуетъ. Борозда съ неразбитою землею только легкимъ слоемъ пыли покрываетъ засѣянное зерно. Малѣйшій вѣтеръ сдуваетъ пыль и обнажаетъ зародышъ и такимъ образомъ онъ растетъ, не защищенный ни отъ зимняго холода, ни отъ лѣтняго зноя. Несмотря на это, богатая почва, какъ мы видѣли, даетъ роскошную жатву. Вымолачиваніе хлѣба, какъ и во многихъ мѣстахъ Балканскаго полуострова, происходитъ посредствомъ лошадей (смотри статью о Сербіи). Вмѣсто амбаровъ и хорошо устроенныхъ кладовыхъ запасный хлѣбъ держатъ въ ямахъ.

Такъ же плохо ведутъ румыны и свое скотоводство. Часто можно видѣть тучныя стада, по брюхо въ сочной, высокой травѣ, гдѣ нибудь въ огромной степи. При видѣ чужаго человѣка они поднимаютъ свои головы съ громадными рогами и бросаются въ бѣгство, или нападаютъ на пришельца. Коровъ здѣсь мало доятъ, такъ какъ молочное хозяйство не развито, а для своего употребленія нужно немного. Впрочемъ при дурномъ хозяйствѣ румынъ имъ иначе и нельзя поступать. У нихъ не существуетъ даже для скота никакихъ хлѣвовъ, слѣдовательно въ морозные зимніе дни скотъ находится подъ открытымъ небомъ, только солому бросаютъ ему въ ноги. Много его падаетъ у нихъ зимой, но при такихъ условіяхъ въ другой странѣ скотъ и совсѣмъ бы не выдержалъ. Здѣшній рогатый скотъ отличается особенной крѣпостью и выносливостью, потому что телятъ не отнимаютъ отъ матери, и они по году и по два питаются ея молокомъ. Эту пищу они разнообразятъ густой, сочной травой, которой всюду вдоволь. Если здѣсь не распространено молочное хозяйство, за то продажа быковъ и вывозъ ихъ изъ княжества очень значительный.

Разведеніе и уходъ за лошадьми, какъ и другія отрасли скотоводства, не представляетъ для румына особенныхъ хлопотъ. И лѣтомъ, и зимою лошади гуляютъ здѣсь на свободѣ безъ всякаго присмотра. Даже отъ хищныхъ звѣрей онѣ сами защищаются. Когда къ нимъ приближается волкъ, онѣ тотчасъ становятся всѣ въ кругъ, головою внутрь; всѣ жеребята вбѣгаютъ въ этотъ кругъ и когда волкъ къ нимъ подходитъ, онѣ лягаютъ его задними ногами. Жеребятъ никогда не разлучаютъ съ матерью, такъ что лошадь можно иногда встрѣтить съ двумя, тремя дѣтьми и всѣ онѣ сосутъ матку, хотя старшій выглядитъ уже молоденькой лошадкой.

Овцеводство больше всего распространено, какъ въ Молдавіи, такъ и въ Валахіи. Овцы тоже проводятъ здѣсь зиму и лѣто на открытомъ воздухѣ, но ими всетаки болѣе занимаются, чѣмъ другими животными. Къ концу апрѣля ихъ гонятъ въ горы, а при большой жарѣ съ ними доходятъ до самыхъ высокихъ вершинъ. Изъ овечьяго молока здѣсь приготовляютъ сыръ, но онъ

идетъ на домашнее употребленіе; за то шерсть вывозятъ въ большомъ количествѣ за границу.

Лѣсовъ здѣсь пропасть, но ихъ совсѣмъ не берегутъ: скотъ часто бродитъ въ лѣсу, ломаетъ и портитъ деревья; часто, чтобы вырубить колъ для забора, срубаютъ превосходный дубъ, такъ что, не смотря на обиліе лѣсовъ, дрова здѣсь иногда бываютъ дороги.

Въ промышленномъ отношеніи Румынія тоже стоитъ на весьма низкой степени развитія. Своихъ фабрикъ совсѣмъ почти нѣтъ, торгуютъ все почти чужими товарами.

Не смотря однако на бѣдность народа, между ними чрезвычайно рѣдки преступленія. Нужно было бы ждать, что въ странѣ подъ одной широтой съ Равенной и Болоньей, должны господствовать сильныя страсти, между тѣмъ это совсѣмъ не такъ и румынскій народъ отличается необыкновеннымъ добродушіемъ, кротостью и терпѣніемъ. Въ спорѣ съ сосѣдомъ румынъ никогда не выйдетъ изъ терпѣнія до того, чтобы забыться, и о ножѣ, который такъ часто въ этихъ случаяхъ сверкаетъ въ рукѣ итальянца, здѣсь не можетъ быть и помину. Эту чрезмѣрную кротость и терпѣніе можно объяснить печальнымъ историческимъ прошлымъ, когда турки совершенно разоряли румынъ, а фанаріоты душили всякій проблескъ мысли. Къ тому же на образованіе характера вліяла, разумѣется, и природа страны. Замѣчено, что, не смотря на богатство растительное, румынскія растенія—безъ сока, роскошные цвѣты — безъ запаха, домашнія животныя — необыкновенно кротки, мясо птицъ и дичи безвкусно. Вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ же естественныхъ причинъ и въ характерѣ человѣка въ этой странѣ нѣтъ сильныхъ страстей и энергіи къ умственному къ физическому труду. Работаетъ и говоритъ румынъ вяло, медленно и нѣтъ дѣла, которому онъ отдавался бы съ увлеченіемъ. Случается съ нимъ какое несчастіе: пожаръ, или саранча истребила все его поле, онъ не предается отчаянію, а только скажетъ «воля божія». Отчасти такое равнодушіе къ лишенію и несчастію можно объяснить прекраснымъ обычаемъ въ ихъ странѣ: лишившійся имущества человѣкъ никогда не пойдетъ нищенствовать, его со всей семьей радушно и безплатно принимаютъ въ свою хату его сосѣди и поочереди прокармливаютъ его всю зиму, точно также какъ и его скотъ. Этотъ обычай, за рѣдкими исключеніями, существуетъ повсемѣстно. Женщина здѣсь — не раба и вовсе не въ униженіи, какъ въ другихъ мѣстахъ на востокѣ. Она хозяйничаетъ и работаетъ въ полѣ вмѣстѣ со своимъ мужемъ; тѣмъ не менѣе, въ домашней, семейной жизни румына, рѣдко бываетъ миръ и счастіе. Часто женятъ мальчиковъ 13, 14 лѣтъ на дѣвушкахъ отъ 20 до 24 лѣтъ и при этомъ родители — да и сама невѣста прежде всего ищутъ мужа побогаче. Все это разумѣется мало способствуетъ счастливой семейной жизни.

И въ другихъ отношеніяхъ нравственность среди румынскаго народа весьма сомнительна. Первою мечтою парня, когда онъ только что подросъ, добыть себѣ широкій кожаный поясъ съ большою мѣдною пряжкою. На парня, у котораго, нѣтъ хорошаго пояса, дѣвушка не обратитъ никакого вниманія: она не пойдетъ съ нимъ плясать, не будетъ много и разговаривать. Чтобы добыть себѣ этотъ поясъ, молодецъ не брезгаетъ никакими средствами. Когда ночью всѣ улягутся въ домѣ спать, онъ тихонько встаетъ, бѣжитъ въ поле и жнетъ хлѣбъ съ какой попало полосы. Много ему хлопотъ прятать этотъ хлѣбъ: то онъ его положитъ въ одну яму и прикроетъ хворостомъ, то въ

другую, пока наконецъ не является еврей избавитель, который и покупаетъ этотъ хлѣбъ за совершенный безцѣнокъ. Много, много ночей приходится юношѣ пробираться украдкой, много разъ воровать хлѣбъ съ чужихъ полей и съ полей своего отца, пока наконецъ онъ не накопитъ столько денегъ, что пріобрѣтаетъ себѣ желанный, модный поясъ. Это мелкое воровство, скорѣе шалость, какъ на нее смотрятъ ихъ отцы, ведетъ къ дурнымъ послѣдствіямъ: румынскій народъ не отличается строгою честностью, какую мы находимъ у шведовъ и у другихъ. Лучшею стороною его характера служитъ радушіе и гостепріимство съ гостемъ и съ бѣднымъ румынъ всегда готовъ подѣлить послѣдній кусокъ хлѣба. Онъ любитъ веселую открытую жизнь и двери его дома никогда не заперты. Самая выдающаяся сторона его характера—беззаботность: румыны живутъ только настоящимъ и скучное завтра для нихъ не существуетъ.

УВЕСЕЛЕНІЯ РУМЫНЪ.

Ярмарка и праздникъ Мозя. — Калюзари. — Народныя пляски. — Казино и его значеніе для румынъ.

Утверждаютъ, что слово Бухарестъ происходитъ отъ *букуръ*, что означаетъ радость, удовольствіе, и, если это вѣрно, то это названіе вполнѣ подходящее. Игра въ карты, выѣзды, балы, опера, обѣды, ужины, танцы — вотъ какъ проводятъ и будни, и праздники маломальски состоятельные люди. Простой народъ, разумѣется, не можетъ цѣлый день предаваться удовольствіямъ, тѣмъ не менѣе и онъ только и думаетъ о томъ, какъ бы поскорѣе сдать работу и отправиться днемъ въ корчму, выпить и поболтать съ товарищами, вечеромъ поплясать съ дѣвушками, а старики — посмотрѣть на пляску, послушать музыку, затянуть пѣсню.

Въ концѣ мая на одной изъ бухарестскихъ площадей, близь заставы, происходитъ большая ярмарка, продолжающаяся 8 дней, на которую съѣзжается множество народу и своихъ, и чужихъ. Болѣе всего торгуютъ на этой ярмаркѣ горцы изъ Карпатъ: они продаютъ горшки и другую глиняную посуду, корзины, бездѣлушки изъ окрашеннаго стекла и груды браслетъ, каждый дешевле гроша. Между грубыми произведеніями горцевъ-румынъ вы часто встрѣчаете сосуды и вазы, сходные съ этрусскими. Эти горцы продаютъ все по опредѣленной цѣнѣ и не уступятъ ни полушки: впрочемъ цѣны, назначаемыя ими, такъ малы, что было бы безбожно съ ними еще торговаться.

На этой ярмаркѣ жители запасаются необыкновенно дешево всѣмъ необходимымъ для хозяйства, а все остальное скупаютъ мелочные торговцы и потомъ въ продолженіи года продаютъ въ 10 разъ дороже. Въ послѣдніе дни на ярморочное движеніе собирается смотрѣть и высшее общество. Тогда трудно себѣ представить, какое смѣшеніе типовъ и костюмовъ представляетъ эта ярмарка. Въ одномъ мѣстѣ вокругъ волынки собрался кругъ слушателей: тутъ непремѣнно и болгаринъ, и турокъ, и грекъ, и армянинъ, и боснякъ, и румынъ. Тутъ же въ двухъ шагахъ женщины и мужчины блестятъ самыми изящными парижскими туалетами. Съ одного конца раздаются звуки оркестра Лаутари, съ другаго—вальсъ военной музыки.

Съ ярмаркою у румынъ совпадаетъ и праздникъ «Мози» (покойниковъ или предковъ); день этотъ у славянъ обыкновенно называется родительскою субботою. Въ день «Мози» въ домѣ каждой румынской семьи, какъ бѣдной, такъ и богатой, непремѣнно накрытъ столъ на всѣхъ живыхъ и умершихъ членовъ. Священникъ благословляетъ трапезу въ каждомъ домѣ. Когда онъ входитъ, всѣ становятся вокругъ стола въ благоговѣйномъ молчаніи, въ полномъ убѣжденіи, что посреди ихъ дѣйствительно присутствуютъ души покойниковъ. На столѣ непремѣнно стоитъ кутья, которую благословили еще утромъ въ церкви: она сдѣлана на подобіе торта и сверху облита сахаромъ. Когда всѣ усядутся за столъ, то на эти пустые приборы точно также накладываютъ кушанье, какъ и всѣмъ присутствующимъ. Когда встаютъ изъ за стола, кушанье съ пустыхъ приборовъ собираютъ и относятъ бѣднымъ.

Вечеръ этого дня празднуется на ярморочной площади съ особенной торжественностью. Князь непремѣнно лично долженъ открыть его; если онъ въ отсутствіи, то старается возвратиться къ этому дню; въ противномъ случаѣ его открываетъ первый сановникъ. Для этого на одномъ концѣ площади устроиваютъ бесѣдки изъ прутьевъ, цвѣтовъ и древесныхъ листьевъ. Тутъ вечеромъ сидитъ князь, чиновники и представители всѣхъ классовъ общества. Шампанское льется рѣкой, безпрестанно слышны французскіе утонченные разговоры, разносятъ дорогія угощенія. Въ нѣсколькихъ шагахъ, подъ звуки военнаго оркестра, молодежь высшаго общества танцуетъ кадрили и польки. Но самая громадная пестрая толпа народа на другомъ концѣ площади: всѣ съ необыкновеннымъ вниманіемъ слѣдятъ за пляскою чрезвычайно оригинальныхъ плясуновъ Калюзари. Ихъ 12 человѣкъ; они вооружены длинною палкою и деревяннымъ щитомъ, и кружатся, вертятся, подскакиваютъ, пляшутъ до совершеннаго бѣшенства и изнеможенія. Въ ту минуту, когда потъ катится съ нихъ градомъ и бѣшенство нѣсколько стихло, къ нимъ подходитъ человѣкъ въ маскѣ, вооруженный деревяннымъ мечемъ, и дѣлаетъ какой-то знакъ; тогда они въ ту же минуту бросаются на молодую дѣвушку, которая, заинтересованная танцами, болѣе всѣхъ выдвинулась изъ толпы. Калюзари ее насильно вводятъ въ кругъ. Эта, какъ бы похищенная дѣвушка, должна съ ними тотчасъ танцовать.

Калюзари со своимъ вождемъ, одѣтымъ въ маску, каждый годъ въ этотъ день спускаются съ Карпатъ и такимъ образомъ пляшутъ и похищаютъ для танца молодую особу. Обычай этотъ начался съ незапамятныхъ временъ.

Не всякій можетъ стать Калюзари: эти люди живутъ совершенно замкнутою жизнію, подчиняются извѣстнымъ правиламъ и принимаютъ въ свое общество только того, кто выдержитъ долгое, тяжелое испытаніе. Главнымъ ихъ правиломъ обыкновенно бываетъ обѣтъ молчанія, который иногда продолжается очень долго. Они искренно убѣждены, что того, кто нарушитъ этотъ священный обѣтъ, фея лѣсовъ накажетъ смертію.

Когда Калюзари покончили свои пляски, вся толпа разсыпается на множество группъ, въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, и каждая, подозвавъ къ себѣ музыку, которая обыкновенно состоитъ изъ волынки и скрипки, начинаетъ разныя пляски. Въ одномъ кружкѣ народъ пляшетъ свой любимый національный танецъ «жокъ». Для этого молодые парни и дѣвушки становятся въ кружокъ, взявши другъ друга за руки. Музыка начинаетъ играть и кружокъ двигается сначала въ одну сторону, потомъ въ другую, на подобіе нашихъ хороводовъ. При этомъ, во время движенія кружка, танцоры выки-

дываютъ различные па. Потомъ на средину круга выходитъ молодой, ловкій мальчуганъ, пляшетъ тамъ и затѣмъ выбираетъ дѣвушку. Тогда кружокъ раздѣляется на пары; въ первой парѣ идетъ бывшій въ серединѣ; пары скачутъ, кружатся, выдѣлываютъ различные па и убѣгаютъ въ разныя стороны. Вообще въ этомъ танцѣ каждый можетъ импровизировать на свой ладъ, исключая нѣкоторыхъ главныхъ правилъ, о которыхъ было сказано выше.

Въ другой кучкѣ пляшутъ «буфенакъ», названный по имени одного валахскаго героя, который неудачно сражался за народную свободу. Но шумнѣе всего тамъ, гдѣ пляшутъ «альнаентэ» (по-русски впередъ). Это до такой степени веселый и шумный танецъ, что при немъ обыкновенно участвуетъ даже мѣстная стража со своими палками. Начинаютъ съ того, что молодцы спорятъ изъ за чести танцовать первыми. И кто добьется этой чести, тотъ старается заплатить музыкѣ какъ можно щедрѣе. На юношу, который всѣхъ переспоритъ, пропляшетъ съ дѣвушкой первый, щедро заплатитъ музыкѣ, всѣ дѣвушки смотрятъ съ необыкновеннымъ восторгомъ и уваженіемъ. Вотъ почему и юноши такъ добиваются чести проплясать первому. Когда одинъ добился этого преимущества, то каждый танцоръ беретъ по одной дѣвушкѣ съ обѣихъ сторонъ и, уставившись такимъ образомъ, колонной другъ за другомъ, медленно подскакивая и постукивая тяжелыми сапогами, танцоры подвигаются впередъ. Но вотъ музыка заиграла живѣе и танецъ дѣлается оживленнѣе; молодецъ подымаетъ руку и заставляетъ дѣвушку подъ нею вертѣться. Когда кончается танецъ, дѣвушки стыдливо стараются скрыться въ толпу, но эта стыдливость одна форма, такъ какъ молоденькія румынки отличаются необыкновенной бойкостью и непринужденностью.

А тамъ, на другомъ концѣ площади, далеко въ сторонѣ отъ пляшущей молодежи, собрался небольшой кружокъ и, подъ акомпаниментъ флейты, ясно можно различить меланхолическія слова пѣсни: «Моя прекрасная, моя дорогая! Отвори двери, холодный вѣтеръ растравляетъ мои раны; сердце разрывается на части!»

Будни румыны проводятъ не менѣе разнообразно и весело. Едва настаетъ день, глава семейства, не сказавъ двухъ словъ съ женою, не взглянувши на дѣтей, отправляется въ казино, т. е. въ отель или гостинницу. Выпивъ чашку чернаго кофе, затянувшись трубкой изъ наргиле (кальянъ), румынъ начинаетъ съ сосѣдомъ играть въ бильярдъ, а еще чаще въ «табло». Табло—доска въ родѣ шахматной, только съ большимъ количествомъ клѣтокъ; на ней крутыя, костяныя шашечки съ точками; кости бросаютъ по доскѣ и игра совершенно зависитъ отъ счастія, какъ упадутъ костяные кружечки; у кого будетъ на нихъ большее количество точекъ,—тотъ выигрываетъ. Когда вы ни войдете въ казино, и утромъ, и вечеромъ, всегда пропасть народу всѣхъ сословій, исключая самаго низшаго и бѣднѣйшаго класса. Больше всего здѣсь играютъ въ карты за маленькими столиками, которые стоятъ передъ диванами, вокругъ всѣхъ стѣнъ большой залы; посрединѣ стоитъ билліардный столъ. Тотъ, кто не пришелъ сюда играть въ карты или на билліардѣ, непремѣнно является послушать городскія новости или потолковать о какой нибудь сплетнѣ; тутъ же читаютъ газеты и разныя объявленія, дѣлаемыя городской полиціей или высшимъ начальствомъ. Вся жизнь румынъ сосредоточивается въ этихъ ежедневныхъ занятіяхъ: тутъ торгующій классъ заключаетъ свои контракты, разсуждаетъ о возвышеніи и пониженіи цѣнъ на какіе либо предметы торговли; тутъ толкуютъ о распоряженіяхъ правительства, о выборахъ; однимъ словомъ ка-

зино — средоточіе всей политики, торговли и новостей. Женщины въ свою очередь ведутъ тоже пустую, разнообразно-веселую жизнь. Съ ранняго утра наряжаются, чтобъ ѣхать въ паркъ, оттуда возвращаются домой, чтобъ пообѣдать, переодѣться и отправиться на сандрафію, т. е. на какую нибудь вечеринку или балъ. На каждой сандрафіи непремѣнно музыка и танцы. На всѣхъ этихъ вечеринкахъ даже совершенно посторонній человѣкъ, который появляется въ первый разъ, будетъ чувствовать себя какъ дома, — такъ просто и на распашку идетъ здѣсь веселіе. Дамы всегда сами ищутъ себѣ кавалеровъ на танцы и нисколько не стѣсняясь ангажируютъ мужчинъ и составляютъ кадрили. Но все, что мы говорили, болѣе всего относится къ кругу людей средняго класса; простой народъ, хотя и не такъ затѣйливо, тоже любитъ повеселиться и погулять. Каждый праздникъ съ утра, а въ будни вечеромъ—они собираются въ корчмахъ пить, пѣть и плясать жокъ. И тутъ, какъ и во всемъ, виденъ безпечный характеръ народа: всюду веселыя лица, беззаботный видъ, и невольно подумаешь, что эти люди не имѣютъ никакого горя, никакихъ житейскихъ заботъ. Во всѣхъ классахъ общества жизни семейной не существуетъ; румыны пожалуй и сидятъ дома, но тогда, когда это почему нибудь особенно необходимо. Посидѣть же съ женой, съ дѣтьми, въ тѣсномъ кругу друзей и пріятелей—для нихъ смертельная скука. Каждому мужчинѣ необходимо казино, женщинѣ сандрафія, бѣшеный вальсъ, жокъ и для всѣхъ огромное сборище людей, музыка, шумъ, говоръ, пестрота.

ГРЕЦІЯ.

Географическое положеніе греческаго полуострова.—Общая характеристика страны и первое знакомство съ нею.

Греція занимаетъ южную часть Балканскаго полуострова. Греціею называли эту страну еще римляне, а сами греки называли ее Элладою. Греческое королевство, сдѣлавшееся самостоятельнымъ съ 1832 года, примыкаетъ своею сѣверною границею къ Турціи, а съ прочихъ сторонъ окружено водою. Эта страна очень гориста и наполнена высокими равнинами; сотни большихъ и малыхъ заливовъ и бухтъ врѣзываются въ материкъ, окруженный множествомъ прелестныхъ, плодородныхъ и обитаемыхъ острововъ. Замѣчательно, что эти острова большею частію ничто иное, какъ продолженіе мысовъ близь-лежащаго материка; поэтому многіе изъ нихъ и находятся отъ него на самомъ незначительномъ разстояніи. Нѣкоторые изъ нихъ весьма большіе, таковы: Эвбея, Кандія, Тазосъ, Цанте, Кефалонія, Корфу. Другіе, какъ напримѣръ Цикладскіе, Спорадскіе—меньше. Тѣ и другіе расположены по обѣ стороны полуострова. Греческій полуостровъ особенно отличается развитіемъ своей береговой линіи, длина которой = 560 м., между тѣмъ какъ длина береговой линіи сосѣдней Италіи только 350 м. Съ Греціей въ этомъ отношеніи можно сравнить только Великобританію, но она представляетъ берегъ острова, совершенно оторваннаго отъ материка. И такъ Греція самый расчлененный полуостровъ не только всей Европы, но и всего земнаго шара. Сама природа назначила грекамъ сдѣлаться морской націей, и если ихъ морской флотъ далеко не имѣетъ еще того значенія и силы, какъ флотъ англійскій, то причина этому — печальное прошлое страны; тѣмъ не менѣе Греція обязана своему флоту освобожденіемъ отъ турецкаго владычества, точно также какъ во времена Фемистокла флотъ избавилъ эту страну отъ владычества персовъ.

Природа Греціи, съ одной стороны, весьма напоминаетъ горную природу Швейцаріи, а съ другой—Скандинавію, изрѣзанную фіордами, съ тою только разницею, что Греція находится подъ яснымъ, южнымъ небомъ.

Развѣтвившіеся горные хребты образовали здѣсь цѣлый рядъ областей, изъ которыхъ каждая можетъ существовать совершенно отдѣльно. Житель рав-

нины, при нападеніи сильнаго врага, обыкновенно безропотно покоряется своей судьбѣ, такъ какъ у него нѣтъ никакой защиты. Совсѣмъ не то бываетъ тамъ, гдѣ поля окружены горами съ высокимъ гребнемъ и узкими проходами. Тамъ часто небольшое число жителей можетъ съ успѣхомъ защищаться противъ многочисленнаго и сильнаго непріятеля. Вотъ почему во всѣхъ странахъ, гдѣ сама природа такимъ образомъ позаботилась о защитѣ жителей, у нихъ развивается необыкновенная энергія, мужество, самостоятельность, умѣнье владѣть оружіемъ и, въ случаѣ нужды, во время за него взяться. При вражескомъ нашествіи множество народа всегда можетъ найти себѣ убѣжище на вершинахъ горъ или въ недоступныхъ ущельяхъ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Греція, замкнутая и удобная для самозащиты, несравненно болѣе открыта для сношеній, нежели всякая другая страна. Съ трехъ сторонъ во всѣ части ея проникаетъ море; восхищая взоръ, развивая чувство изящнаго и отвагу, оно постоянно возбуждаетъ фантазію. Море, всегда открытое для мореплаванія, прежде всего, разумѣется, даетъ возможность къ развитію торговли, сближаетъ земли и народы, способствуетъ обмѣну мыслей, помогаетъ знакомству съ нравами и обычаями различныхъ народовъ, слѣдовательно даетъ много способовъ къ образованію, развитію и улучшенію матеріальнаго быта. И въ древней Греціи самые могущественные, самые образованные изъ ея народовъ всѣ были моряками; іонійцы Малой Азіи, Коринфяне, Афиняне и другіе. Напротивъ аркадцы, замкнутые въ своихъ горахъ, оставались грубыми и дикими. Море, съ трехъ сторонъ окружающее Грецію, хотя и часто волнуется, но очень скоро и утихаетъ;—къ тому же оно не представляетъ большихъ опасностей, такъ какъ здѣсь множество якорныхъ стоянокъ, въ которыхъ мореплаватель легко можетъ укрыться въ случаѣ бури. Въ этомъ ему всегда помогаетъ прозрачность здѣшняго воздуха, при которой днемъ легко распознавать мѣстность, а ночью при безоблачномъ небѣ, при яркомъ блескѣ звѣздъ мореплаватель можетъ спокойно и увѣренно продолжать свой путь. Правда, здѣсь довольно часто бываютъ вѣтры, но они рѣдко переходятъ въ ураганъ, да и время появленія ихъ болѣе или менѣе извѣстно.

Зима, въ продолженіи которой часто измѣняется погода и появляется вѣтеръ, когда его менѣе всего ждали, —очень непродолжительна. Морскія теченія, идущія вдоль береговъ, облегчаютъ плаваніе по заливамъ и зундамъ. Стаи перелетныхъ птицъ, стада тунцовъ, переселяющихся въ опредѣленныя времена года, служатъ для мореплавателя прекрасными примѣтами. Правильность во всей жизни природы, въ движеніяхъ воздуха и воды, кроткій и гостепріимный характеръ Эгейскаго моря, какъ прежде благопріятствовали, такъ и впередъ много будутъ содѣйствовать развитію торговли грековъ и ихъ образованію.

Роскошная, разнообразная природа Греціи, разумѣется, много способствовала физическому и духовному развитію народа и его величію и первенству въ древности. Какъ историческія причины, такъ и природа имѣли огромное вліяніе на необыкновенное развитіе пластической способности грековъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе ихъ вкуса и способности къ архитектурѣ и ваянію. Вліяніе же природы на политическое развитіе греческихъ народовъ и государствъ было еще сильнѣе.

За исключеніемъ Египта, почти ни одна страна на земномъ шарѣ не имѣетъ такого богатства памятниковъ старины какъ Греція. Много пострадала она отъ опустошеній во время войнъ и отъ безпрестанно повторявшихся грабительствъ.

Вся Европа обогатилась ея художественными произведеніями и безчисленное множество греческихъ городовъ и древнихъ памятниковъ разрушены и разобраны были новѣйшими поколѣніями. Всѣ церкви византійской эпохи построены на развалинахъ языческихъ храмовъ. Константинополь, Антіохія, Венеція, Пиза, Генуа и многіе другіе города украсились произведеніями греческаго зодчества. Въ болѣе населенныхъ мѣстностяхъ развалины многихъ древнихъ городовъ употреблены были новѣйшими жителями для построекъ. Какъ развалины Вавилона служили для постройки Багдада, такъ и камни древней Спарты исчезали по мѣрѣ того, какъ вблизи ея строился новый городъ Мизитра. Вторженіе турокъ закончило это давно начатое разрушеніе. Не смотря на все это, многіе памятники искуства и до сихъ поръ уцѣлѣли и отъ разрушающихъ морскихъ волнъ, и отъ варварскихъ нашествій. Особенно богаты въ этомъ отношеніи Афины, которые своимъ Акрополемъ, Парфенономъ и храмомъ Тезея еще до сихъ поръ привлекаютъ множество путешественниковъ. Удивительно, какимъ образомъ эти памятники съ ихъ надписями прекрасно сохранились въ продолженіи тысячелѣтій! Они теперь живо повѣствуютъ потомству о давно исчезнувшемъ времени. Это сохраненіе было возможно, благодаря постоянной погодѣ и прекрасному греческому небу; только въ сѣверной Греціи, тамъ, гдѣ влажная почва и обиліе дождей способствуютъ растительности, кустарники и лѣса разрушили прекрасные храмы и городскія стѣны.

Для общей характеристики этой страны вспомнимъ стихи знаменитаго англійскаго поэта Байрона, который изъѣздилъ Грецію вдоль и поперегъ и даже умеръ въ этой странѣ, сражаясь за ея свободу:

Но все же ты еще прекрасна
Земля потерянныхъ боговъ;
Ты хороша, хоть и несчастна,
Вездѣ—средь пышныхъ береговъ,
Тамъ, гдѣ бѣгутъ, сверкая, воды,
Гдѣ ароматъ и тишина —
Видна вездѣ любовь природы
Къ тебѣ, печальная страна...
Твои классическія зданья
Среди классической земли
Лежатъ обломками въ пыли...

. . . . . .

Но это небо также сине,
Утесы дики, зеленъ лѣсъ —
Твои оливы зрѣютъ нынѣ,
Какъ при Минервѣ въ вѣкъ чудесъ.
Какъ прежде, медъ течетъ янтарный,
Трудится рѣзвая пчела,
И, трудъ свершая благодарный,
Какъ прежде, вьется у дупла.
А лѣто длинное Эллады
И рядъ распавшихся колоннъ
Все также грѣетъ Аполлонъ,
Но спятъ разбитыя громады
И слава спитъ въ оковахъ сна:
Природа царствуетъ одна.

. . . . . .

И чтожъ встрѣчаемъ въ эти годы
Въ странѣ, которая могла

Разъ испытать дары свободы
И карой Азіи была?
Что видимъ здѣсь?—земля изрыта,
Рядъ опрокинутыхъ гробницъ,
Урнъ обезчещенныхъ, божницъ,
Да пыль отъ конскаго копыта
Пріѣзжій странникъ заносилъ
Сюда, блуждая вкругъ могилъ.
Но между тѣмъ къ твоимъ руинамъ
Спѣшитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Порой къ аттическимъ равнинамъ
Капризнымъ вѣтромъ занесенъ.
Твои священныя повѣрья
И твой божественный языкъ
Повсюду чтить безъ лицемѣрья
На долго міръ земной привыкъ.
Ты—старцевъ, юношей отрада,
Тебя глубоко чтитъ мудрецъ
И вдохновленъ тобой пѣвецъ,
Когда и муза и Паллада
Ему дары свои сулятъ
И въ сердцѣ пѣсни шевелятъ».

Въ Архипелагѣ.—Пирей.—Солнечный закатъ.—Одежда грековъ и гречанокъ.—Дорога изъ Пирея въ Афины.

Въ Архипелагѣ море и небо блещутъ синевой, а вода такъ прозрачна, какъ будто она освѣщена снизу искуственнымъ свѣтомъ. Окружающая природа становится еще увлекательнѣе, когда вспоминаешь поэтическіе мифы, которыми такъ щедро надѣленъ здѣсь не только каждый островъ, но и каждая скала.

Изъ воды встаютъ скалы Эгины и Саламина, между ними надъ синей чертой горизонта свѣтлой полоской виднѣются домики Пирея, выше выступаетъ холмъ Акрополя съ чудными колоннами Парфенона, а вдали почти ускользаетъ изъ глазъ лазурная линія Гиметскихъ горъ.

Прежде чѣмъ вступить въ Афины, приходится высадиться въ морской гавани — Пиреѣ. Путешественники обыкновенно стараются пріѣхать сюда въ тотъ промежутокъ времени, когда солнце еще не опустилось за холмы Мореи. И дѣйствительно, здѣшній солнечный закатъ чрезвычайно оригинальное явленіе. Онъ чаще походитъ на пожаръ, чѣмъ на естественный свѣтъ, и его пылающее зарево, обволакивающее обширный рядъ холмовъ Аттики, представляетъ ихъ сплошною, огненною стѣною. Въ другой разъ при солнечномъ закатѣ можно отлично наблюдать чудные переходы отъ золотаго къ шафранному и отъ шафраннаго къ красному, а также и нѣжные оттѣнки отъ пріятнаго фіолетоваго до самаго густаго пурпурнаго.

Прежде всего вамъ попадаются въ Пиреѣ носильщики — сильно сложенные люди съ длинными веревками на плечахъ. Они очень внимательно слѣдятъ за пріѣзжими и ловко подхватываютъ ихъ тюки и чемоданы. Пока эти атлеты заняты переноскою вашихъ вещей, вы невольно залюбуетесь греками и гречанками, которые, живописно расположившись группами, сидятъ на небольшихъ лужайкахъ или расхаживаютъ по улицамъ. Удивительно, какъ красивы здѣсь мужчины. Черные локоны волосъ покрыты краснымъ фесомъ. Ве-

селые, чернокаріе глаза, носъ длинный, но слегка согнутый, подбородокъ острый, сильно выдающійся впередъ, шея открытая. Только узенькій, бѣлый воротничекъ ложится на красный или голубой, красиво расшитый камзолъ съ висячими разрѣзными рукавами. Изъ подъ наряднаго камзола видна бѣлая рубаха, стянутая у таліи цвѣтнымъ кушакомъ; отъ него до колѣнъ спускается бѣлая, широкая фустанелла (юбка). Ниже колѣнъ ноги затянуты въ узкія камаши (нѣчто въ родѣ штиблетъ), пурпурно красныя или голубыя, съ синими кистями и шитьемъ, а ноги обуты въ красные башмаки съ узкими концами или въ сандаліи. Плащъ изъ лохматой козлиной кожи съ висячими рукавами, а у богатыхъ голубое пальто съ краснымъ воротникомъ, служатъ имъ верхнимъ платьемъ въ суровое время года. Хотя въ жилахъ нынѣшнихъ грековъ течетъ много славянской и албанской крови, тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ они держатъ себя съ необыкновеннымъ благородствомъ и развязностью. Врожденное чувство изящнаго замѣчаешь рѣшительно во всемъ—въ манерахъ, въ походкѣ, въ костюмѣ. «Я часто встрѣчалъ на улицѣ», говоритъ одинъ путешественникъ, «одного греческаго атамана и одного богатаго человѣка изъ Спарты; рука объ руку гуляли они взадъ и впередъ по улицѣ, съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей красоты, что я никакъ не могъ вдоволь насмотрѣться на нихъ; они напоминали мнѣ исчезнувшихъ потомковъ царскаго рода, которые даже и подъ плащемъ нищаго умѣли сохранять свое древнее достоинство».

Иностранца болѣе всего поражаетъ обычай многихъ грековъ носить въ рукѣ снурокъ съ деревянными или стеклянными четками, которые онъ перебираетъ, ходя по улицамъ, или во время разговора. Этотъ обычай не имѣетъ никакого религіознаго значенія, это просто привычка къ извѣстному движенію, точно также какъ у насъ многія женщины не могутъ не вязать чулокъ, какъ испанки не могутъ не играть вѣеромъ, многіе мужчины ходить безъ палки. При встрѣчѣ молодые греки, какъ и вездѣ въ Европѣ, приподнимаютъ шляпы, но хорошіе знакомые при встрѣчѣ обнимаются и цѣлуются. Поцѣлуи замѣняютъ у нихъ поклоны и пожиманія руки. Можно видѣть иногда даже, какъ часовой на гауптвахтѣ цѣлуется съ солдатомъ, который приходитъ къ нему на смѣну.

Женщины и дѣвицы высшаго сословія одѣваются по европейски, только небольшая красная феска, вокругъ которой съ такою роскошью обвиваются толстыя косы, считается здѣсь признакомъ національности, и это головное убранство удержали даже и теперь многія здѣшнія свѣтскія женщины: простой же народъ и бѣдныя гречанки какъ здѣсь, такъ и во всей остальной Греціи, носятъ костюмъ албанскій, лишь съ незначительными измѣненіями. Длинное шерстяное платье, или балахонъ, свѣшивается отъ шеи до ногъ и туго стягивается въ таліи краснымъ кушакомъ; сверхъ этого балохона надѣваютъ раскрытую на груди шерстяную кофточку на бѣлой или цвѣтной подкладкѣ. Въ праздникъ гречанки одѣваютъ вышитое платье,дѣвушки съ краснымъ шитьемъ, женщины съ чернымъ. На головѣ обыкновенно одѣтъ бѣлый платокъ, но ими гречанки драпируются чрезвычайно эффектно.

Лица женщинъ весьма смуглы, иногда даже темно-бронзовыя; волосы у всѣхъ черные, роскошные; но собственно красивыхъ гречанокъ очень мало. Всѣ онѣ отцвѣтаютъ чрезвычайно скоро, и это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что онѣ большею частью, точно также какъ и сициліанки, кормятъ дѣтей своихъ грудью до 3-го, а иногда даже и до 4-го года. Не

мало портитъ также ихъ кожу и измѣняетъ ихъ цвѣтъ лица—необыкновенно обильное употребленіе порошка, которымъ онѣ, съ очень раннихъ лѣтъ, пудрятъ себѣ лице.

Небольшой городокъ Пирей, гдѣ считается немного болѣе 7 тысячъ жителей, главную часть которыхъ составляютъ торговцы и моряки, — кажется необыкновенно миловиднымъ и привѣтливымъ. Каменные дома и магазины, окаймляющіе синій заливъ, плотно тѣснятся другъ къ другу. Улицы вездѣ довольно чистыя, правильныя и широкія. Трактиры и кофейни съ греческими и французскими вывѣсками, ослы и мулы, навьюченные кипами товаровъ, ряды кораблей въ гавани и снующія между ними взадъ и впередъ лодки—сообщаютъ городу видъ европейской дѣятельности; а высокіе пирамидальные кипарисы между строеніями и толпы народа въ живописномъ костюмѣ на набережной — придаютъ ландшафту оригинальную прелесть. Трудно повѣрить, что этотъ городокъ началъ отстраиваться всего лѣтъ 27 тому назадъ, и что за 30 съ небольшимъ лѣтъ, т. е. въ то время, когда высадился здѣсь, пріѣхавшій по случаю перенесенія столицы изъ Навпліи въ Афины, король Оттонъ—предшественникъ нынѣшняго короля Георга I, — тутъ было всего на всего двѣ, три самыхъ жалкихъ хижины.

Отъ Пирея до Афинъ не болѣе 5-ти англійскихъ миль. По дорогѣ безпрестанно встрѣчаемъ или развалины, или остатки стѣны, которая въ древности была одною сплошною стѣною отъ Пирея до Афинъ. Дорога проложена такъ, что, подвигаясь впередъ, всегда видишь Акрополь. По дорогѣ, за исключеніемъ немногихъ тополей, образующихъ мѣстами небольшія группы, здѣсь весьма мало зелени. Поля не привлекаютъ роскошною растительностью; большая часть земли безплодна, и нельзя не удивляться, какъ тутъ находятъ себѣ пищу тысячи овецъ и козъ, пасущихся на печальныхъ равнинахъ и каменистыхъ холмахъ вокругъ Афинъ. Лишь нѣсколько виноградниковъ привлекаютъ вниманіе путешественника, но, изсушенные палящимъ греческимъ солнцемъ, они вызываютъ сожалѣніе, также какъ и бѣдные люди, въ нихъ работающіе. Густое, темное облако пыли является необходимымъ спутникомъ тѣхъ, кто путешествуетъ по этой странѣ въ теченіи времени отъ мая до октября, такъ какъ за это время не выпадаетъ ни одной капли дождя на изсушенную долину Аттики: бѣлая пыль густымъ слоемъ покрываетъ виноградники, деревья и зелень. Пыль эта нигдѣ не смывается искуственно и не сносится вѣяньемъ освѣжительнаго вѣтерка

Ѣзда обыкновенно продолжается меньше часа. Наконецъ вы близко отъ города. Тутъ дорога дѣлается несравненно живописнѣе. Вы въѣзжаете въ оливковую рощу, которая называется священною: преданіе гласитъ, что она насажена самою Минервою. Огромныя деревья, съ узловатыми стволами и блѣдной зеленью, пощажены не только временемъ, но и варварствомъ различныхъ народовъ, которымъ пришлось здѣсь проходить. Остатки стѣнъ, построенныхъ предъ Пелопонесскою войною, мелькаютъ кой-гдѣ между священными оливами, а густыя фиговыя деревья и множество виноградниковъ оживляютъ пейзажъ. Съ лѣвой стороны показались загородные дома въ зелени фруктовыхъ садовъ, а прямо противъ васъ поднимаются холмы Музея и Акрополя съ сверкающимъ Парфенономъ. Но вотъ дорога повернула немного въ сторону и поднялась ослѣпительно бѣлая колоннада Тезеева храма, отражая солнечные лучи отъ своихъ многочисленныхъ колоннъ и стѣнъ. Оставивъ назади храмъ Тезея, въѣзжаешь въ улицу Гермеса. Новый городъ не имѣетъ ни об-

водныхъ стѣнъ, ни воротъ и въѣздъ въ Афины по дорогѣ изъ Пирея не производитъ хорошаго впечатлѣнія: эта часть города грязна и неопрятна. Дома чрезвычайно узки и низки; почти всегда одноэтажные и по большой части безъ оконъ; на ночь и въ дурную погоду отверстія, служащія вмѣсто оконъ, закрываютъ деревянными ставнями. Во время сухаго вѣтра здѣсь бываетъ страшная пыль, такъ что трудно даже дышать, въ дождливое время — слякоть.

Если въ фантазіи юнаго туриста разыгрывалась картина блестящаго и быстраго процвѣтанія новой Греціи, то при первомъ вступленіи въ Афины эта иллюзія совершенно исчезнетъ. Да и не только здѣсь, а и въ очень многихъ мѣстностяхъ и городахъ Греціи — видны грязь, запустѣніе и вообще какое-то неустройство. Греція высоко поднялась во мнѣніи всѣхъ образованныхъ людей во время своей славной войны за свободу; но это была только одна вспышка. Вся страна слишкомъ бѣдна для того, чтобы процвѣтать. Грекъ трудолюбивъ, даже такъ трудолюбивъ, что подобнаго прилежанія рѣшительно нигдѣ не встрѣтишь на югѣ. Но всѣ его усилія будутъ напрасны до тѣхъ поръ, пока страна его не будетъ богаче населена и съ увеличившимся народонаселеніемъ не съумѣетъ лучше воспользоваться обильными сокровищами земли и прекрасными гаванями морскаго берега.

АФИНЫ.

Бѣдствія и превратности судьбы этого города. — Храмъ Тезея. — Холмъ Пниксъ. — Ареопагъ. — Акрополь. — Пропилеи. — Пинакотека. — Храмъ Безкрылой побѣды. — Парфенонъ. — Видъ этихъ памятниковъ въ настоящее время и ихъ значеніе въ прошломъ.

Афины — отечество искуства и краснорѣчія, пріютъ знаменитѣйшихъ философовъ, ораторовъ, поэтовъ, скульпторовъ, которымъ удивляются и подражаютъ еще и теперь. Планъ Афинъ очень простъ. Двѣ главныя улицы прорѣзываютъ весь городъ вдоль и поперегъ и подъ прямымъ угломъ пересѣкаютъ одна другую по серединѣ; одна улица, какъ мы уже упомянули выше—улица Гермеса, продоженіе дороги, ведущей изъ Пирея; она идетъ отъ востока къ западу и теряется въ прекрасныхъ садахъ, окружающихъ королевскую резиденцію. Эта улица была бы совершенно прямая, еслибы на одномъ мѣстѣ маленькая, живописная, древняя византійская церковь не выступала впередъ и такимъ образомъ не дѣлала бы легкаго выгиба. Другая улица — Эола, идетъ отъ юга къ сѣверу и начинается около Акрополя, у башни Вѣтровъ. Улица Гермеса раздѣляетъ городъ на двѣ половины, можно сказать на двѣ отдѣльныя эпохи. Направо лежитъ старый городъ. Тутъ вы видите Акрополь и храмъ Тезея, Пниксъ и Ареопагъ, древности и развалины, тѣсныя улицы на обломкахъ старины, гдѣ и самая почва поднялась такъ, что основанія нынѣшнихъ домовъ лежатъ выше кровель старинныхъ построекъ. Налѣво раскидывается новый городъ: тамъ университетъ, новый соборъ, дома французскаго и англійскаго посольствъ, прямыя улицы, европейскія зданія и магазины.

Великіе памятники старины здѣсь привлекаютъ путешественника гораздо болѣе, чѣмъ новый городъ и самая жизнь нынѣшнихъ афинянъ. Это про-

исходитъ можетъ быть потому, что жизнь нынѣшнихъ грековъ мало успѣла развиться, такъ какъ они еще недавно освободились изъ подъ тяжкаго чужеземнаго гнета, и въ 1871 году справляли только первый пятидесятилѣтній юбилей своей независимости. Нынѣшнее поколѣніе грековъ еще ничего не успѣло создать новаго и достойнаго удивленія, чтобы уподобиться своимъ предкамъ, которыхъ славное прошедшее своимъ блескомъ заслоняетъ настоящее. Поэтому и мы, по примѣру другихъ, обратимся сначала къ древностямъ; но чтобы лучше ихъ себѣ уяснить, вспомнимъ прошлое этого города... не то прошлое временъ Перикла, когда съ такимъ блескомъ процвѣтали — греческое образованіе, поэзія, живопись, скульптура, даже не время ихъ упадка... Все это, разумѣется, слишкомъ хорошо извѣстно нашимъ читателямъ и къ тому же мы кое-что припомнимъ изъ этого при обзорѣ памятниковъ. Теперь мы дадимъ бѣглый очеркъ тѣхъ перемѣнъ, которыя претерпѣли Афины въ болѣе близкое и вмѣстѣ съ тѣмъ наименѣе извѣстное намъ время.

Афины въ древнее время не отличались роскошными домами, но на всѣхъ улицахъ и площадяхъ стояли большіе храмы, портики, статуи и жертвенники. Вблизи города были тѣнистыя рощи и аллеи; но частныя жилища не славились особеннымъ богатствомъ. Гражданинъ принадлежалъ только государству и его частная жизнь совершенно исчезала въ государственной, поэтому древній обычай не допускалъ блеска и роскоши частныхъ жилищъ. Все великолѣпіе должно было сосредоточиться на общественныхъ зданіяхъ. Вотъ почему дома частныхъ лицъ были очень невелики и строились изъ кирпичей, высушенныхъ на воздухѣ, какъ дома въ Помпеѣ и Геркуланумѣ. Балконы верхняго этажа часто свѣшивались на улицу. Дома Фемистокла, Аристида, Мильтіада и др. были не лучше домовъ простыхъ людей; но государственныя постройки были такъ велики въ древней Греціи, что ихъ еще не превзошли въ этой странѣ современныя зданія. Однако, во времена Перикла уже начинаютъ строить болѣе роскошные частные дома и затѣмъ роскошь, комфортъ и блескъ все болѣе входятъ въ частную жизнь. Но, повторяемъ, это было уже въ болѣе поздній періодъ; прежде же улицы были такъ кривы и тѣсны, а дома такъ малы и неудобны, что чужестранецъ, попавшій въ этотъ городъ, могъ справедливо усомниться, это ли знаменитые Афины; но такое сомнѣніе исчезало, когда глазамъ его представлялся Одеонъ — великолѣпный, большой театръ и высоко подымающійся, достойный удивленія Парфенонъ, который возвышался прямо надъ театромъ и приводилъ каждаго зрителя въ неописанный восторгъ.

За 150 лѣтъ до Р. Х. Греція подпала подъ римское владычество, но и послѣ этого она еще долго пользовалась совершеннымъ покоемъ, такъ что еще во II-мъ вѣкѣ по Р. Х. въ ней процвѣтало искуство. Римскіе императоры относились съ большимъ вниманіемъ къ Афинамъ изъ уваженія къ ихъ великому прошлому. Афины пали, когда варвары, жертвою которыхъ сдѣлалось римское государство, неудержимо стали стремиться въ Грецію. Прежде всего пришли скифы въ половинѣ III-го столѣтія по Р. Х. Хотя они и были отражены, но деревья въ Аттикѣ были сожжены, храмы боговъ разрушены. Въ концѣ IV-го столѣтія по Р. Х. явился король Готовъ Аларикъ — великій разрушитель греческихъ древностей. Онъ опустошилъ страну до самой южной оконечности Пелопонеса. Однако и послѣ этого, въ V-мъ вѣкѣ, Афины опять поднялись и были еще въ это время центромъ тогдашней науки и образованности. Послѣдній часъ Афинъ пробилъ въ половинѣ VI-го столѣтія, въ

царствованіе Юстиніана 1-го. Это было время неудержимаго движенія славянскихъ народовъ на Византійскую имперію. Они подходили не только къ Константинополю, но проникали гораздо южнѣе: въ Фессалію, Ливадію и даже въ Пелопонесъ. Тогда ни одинъ клочекъ земли, ни одна гора не остались въ Аттикѣ не опустошенными. Афины были покинуты жителями и Аттика почти 4 столѣтія затѣмъ оставалась незаселенною пустынею. Афиняне бѣжали, какъ ихъ великіе предки во время персидской войны, на островъ Саламинъ, гдѣ они построили дома и церкви. Лишь немногіе остались въ Акрополѣ и городскихъ башняхъ. Вскорѣ однако на этихъ оставшихся напали разбойники изъ Пелопонеса, расхитили все, что они нашли, и удалились въ горы.

На опустѣвшихъ улицахъ выросли деревья, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и весь знаменитый городъ былъ покрытъ густымъ оливковымъ лѣсомъ. Около 746 года въ городѣ случился страшный пожаръ: онъ истребилъ деревья, дома и древности. Огонь уничтожилъ и виноградники Пирея, обработываемые афинянами изъ Саламина; къ этому бѣдствію присоединилось еще и землетрясеніе, которое помогло уничтожить послѣдніе остатки. Послѣ этого несчастія Афины представляли совершенно заброшенную пустыню и скоро сдѣлались византійскою Сибирью. Того, кто впадалъ въ немилость при константинопольскомъ дворѣ, отправляли въ изгнаніе на афинскій Акрополь. Только въ началѣ X-го столѣтія встрѣчаются опять извѣстія объ Афинахъ. Въ это время жители всей Аттики собрались сюда, но тѣмъ не менѣе населеніе города было совершенно незначительно. Таково было положеніе Афинъ, когда при раздробленіи византійскаго государства въ 1204 году Аттика и Беотія достались барону Бургундскому Отто-фонъ-Ларошу. Два съ половиною столѣтія оставались эти области подъ властію афинскихъ герцоговъ, которые происходили то изъ бургундскаго, то изъ испанскаго, то изъ флорентинскаго рода. При нихъ Афины быстро стали разцвѣтать. Какъ резиденція, они были украшены прекрасными зданіями и населились множествомъ знатныхъ французскихъ фамилій изъ Бургундіи, Шампани и Прованса, испанскими фамиліями изъ Каталоніи и Болеарскихъ острововъ и итальянскими изъ Генуи, Неаполя, Флоренціи и Сициліи. Вездѣ появились рыцарскіе замки и феодализмъ водворился въ Аттикѣ. Въ 1456 году Афинами овладѣли турки. Нѣсколько разъ венеціанцы тщетно пытались отнять этотъ городъ у турокъ. Во время одной осады венеціанская бомба разрушила Парфенонъ, и Афины снова были совершенно разорены. Три года они оставались пустыми; жители разсѣялись по Мореѣ и венеціанскимъ островамъ. Однако постепенно въ покинутый городъ стали возвращаться греческія семейства, а вмѣстѣ съ ними и множество турокъ. Съ этихъ поръ Афины, какъ и вся Греція, подпали подъ власть турокъ и находились у нихъ въ совершенномъ рабствѣ до 1821 года, когда вспыхнула греческая война за независимость.

Послѣ этого краткаго очерка ужасныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Афинъ, мы не будемъ болѣе удивляться, что до насъ дошли лишь скудные памятники древняго, афинскаго великолѣпія. Напротивъ того, намъ покажется непонятнымъ, что еще такъ много спаслось отъ всеобщей гибели.

На Акрополѣ, по развалинамъ построекъ Перикла, мы, какъ по палимпсесту (древняя возстановленная рукопись), можемъ, хотя и съ трудомъ, составить себѣ понятіе о потерянномъ величіи; но за то внизу, въ самомъ городѣ, о постройкахъ и памятникахъ котораго разсказываетъ столько удивительнаго

путешественникъ Павзаній (въ половинѣ II-го столѣтія по Р. Х.), почти все древнее великолѣпіе исчезло безъ слѣда. Только прекрасный храмъ Тезея и памятникъ Лизикрата (Лизикратъ былъ предводитель хора; хоры въ древности состязались въ пѣніи и побѣдившій получалъ въ награду треножникъ, который и выставлялся на особой подставкѣ на улицѣ, такъ что была даже особая улица треножниковъ) — вотъ все что осталось здѣсь отъ древняго времени.

Мы начнемъ осматривать памятники внизу съ храма Тезея, тѣмъ болѣе что ни одинъ изъ древнихъ афинскихъ памятниковъ не уцѣлѣлъ такъ хорошо, какъ этотъ храмъ. Сама судьба берегла этотъ памятникъ. Построенный въ сторонѣ отъ города, куда не долетали венеціанскія бомбы и турецкія ядра, онъ часто служилъ самымъ низкимъ цѣлямъ: былъ пороховымъ магазиномъ, казармой для солдатъ, конюшней для мулловъ, но уцѣлѣлъ лучше Парфенона, лучше всѣхъ другихъ остатковъ старины. Твердость постройки спасла его отъ землетрясеній, а простота отъ собирателей и похитителей древностей. Не имѣя изящныхъ украшеній Парфенона и другихъ памятниковъ, онъ спасся и отъ грабительства извѣстнаго англичанина, лорда Эльгина, который прославился, какъ мы увидимъ ниже, тѣмъ, что вывезъ изъ Афинъ множество великолѣпнѣйшихъ древностей, оборвалъ лучшія украшенія храмовъ и зданій этого города. Храмъ Тезея даетъ полное понятіе о необыкновенномъ искуствѣ древнихъ строителей: весь эфектъ этихъ зданій основанъ на правильномъ, гармоническомъ сочетаніи линій и на пропорціональномъ соотношеніи частей. Когда, при проѣздѣ изъ Пирея въ Афины, въ первый разъ мелькомъ видишь храмъ Тезея, то онъ кажется необыкновенно громаднымъ строеніемъ. На дѣлѣ же онъ вовсе не великъ: въ длину онъ имѣетъ около 33-хъ французскихъ метровъ, въ ширину около 14-ти, въ вышину слишкомъ 10. Такимъ образомъ онъ имѣетъ форму узко-продолговатую и украшенъ по фасадамъ шестью колоннами на каждомъ; по бокамъ 13 на каждомъ, всего 38 дорическихъ, вполнѣ до нынѣ сохранившихся колоннъ. Кровля пострадала болѣе другихъ частей зданія; но и теперь еще она можетъ служить единственнымъ образцомъ древняго способа крыть зданія такъ какъ крыша Парфенона уже давно не существуетъ. Внутренность храма, въ древности раздѣленнаго на отдѣленія, которыя соотвѣтствовали потребностямъ языческаго культа, была превращена впослѣдствіи въ храмъ христіанскій. Теперь здѣсь устроенъ музей, въ которомъ хранятся древнія вещи, особенно произведенія греческаго ваянія, и цѣльныя, и въ обломкахъ.

Храмъ этотъ былъ построенъ въ 465 году до Р. Х., т. е. за 30 лѣтъ до Парфенона. Первоначальное его назначеніе было служить надгробнымъ памятникомъ герою, въ честь котораго онъ построенъ. Тезей любимѣйшій афинскій герой. Преданіе говоритъ, что многіе греческіе воины видѣли тѣнь Тезея, носившуюся надъ ними въ облакахъ въ день Марафонской битвы. Барельефы, украшавшіе прежде этотъ храмъ, всѣ изображали подвиги Тезея.

Тезеевъ храмъ и теперь еще остается однимъ изъ украшеній Афинъ, а площадка передъ нимъ—любимымъ мѣстомъ, куда чаще всего приходятъ нынѣшніе афиняне погулять и повеселиться. Во вторникъ на Святой недѣлѣ тутъ бываетъ народное гулянье, гдѣ молодые греки пляшутъ танецъ, который, по народному преданію, исполнялъ самъ Тезей.

Первый холмъ ближайшій къ храму Тезея, знаменитый Пниксъ, на которомъ бывали въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ афинскія народныя собранія. Чтобы добраться до него нужно пройти пустынное поле, усѣян-

ное мелкими, острыми камнями. Если эти прогулки и осмотръ древностей вы предпринимаете днемъ и лѣтомъ,—то всюду на открытомъ мѣстѣ васъ будетъ немилосердно жечь горячее греческое солнце и при этомъ южный вѣтеръ дуетъ вамъ въ лице, точно изъ раскаленной печи. Но вотъ передъ вами открылась ровная полукруглая площадь, которая, приподымаясь въ одну сторону, оканчивается вертикальной гранитной скалой съ вырубленной на верху маленькой площадкой, служившей, по всей вѣроятности, трибуной ораторамъ. Отсюда раздавались голоса Эсхина, Демосфена, Перикла; здѣсь обсуждались и рѣшались важнѣйшія государственныя дѣла. И мѣсто для этого, говоритъ одинъ путешественникъ, выбрано необыкновенно удачно. «Съ одной стороны видѣнъ Парфенонъ, съ другой храмъ Тезея, посвященные — одинъ мудрости, другой силѣ, а позади Ареопагъ, какъ идея верховнаго правосудія. Что можно придумать лучше этой обстановки! Непонятно только, какъ афинскіе демагоги собирались подъ открытымъ небомъ, подъ этими палящими лучами солнца! Въ наше время самая любовь къ отечеству любитъ комфортъ...»

Отъ Пникса перейдемъ къ другому холму—Ареопагу, который находится отъ него очень недалеко. Ареопагъ — это названіе перваго, извѣстнѣйшаго греческаго судилища. Въ скалѣ сѣраго гранита высѣчены грубыя ступени. Когда поднимешься по этой лѣстницѣ, то взойдешь на площадку, вырубленную въ видѣ правильнаго полукружія въ каменномъ утесѣ. Вокругъ, какъ въ театрѣ, изгибаются высѣченныя въ скалѣ сидѣнья, похожія на выгнутый подковою рядъ грубыхъ, каменныхъ креселъ. Здѣсь передъ алтаремъ Эвменидъ (богини мщенія, фуріи), собирался Ареопагъ въ свои ночныя засѣданія. Сюда-то въ виду Акрополя и Пникса, къ этому страшному суду, приводили обвиняемыхъ и присуждали имъ наказанія.

Перейдемъ къ Акрополю, и теперь еще составляющему славу и гордость Афинъ. Какъ древніе называли Афины Элладою въ Элладѣ, такъ Акрополь—Афины въ Афинахъ. И дѣйствительно, Акрополь—собраніе всего высшаго, что сдѣлалъ человѣческій духъ въ скульптурѣ и ваяніи.

Акрополь—это отвѣсная скала (вышиною около 160 метровъ надъ уровнемъ моря); по крайней мѣрѣ съ своей сѣверной, южной и восточной стороны онъ возвышается почти отвѣсными стѣнами скалъ и только на западѣ лишенъ этой естественной защиты. Потому то западная сторона и служила всегда входомъ въ Акрополь. Географическое положеніе Акрополя много способствовало его историческому значенію въ древности. Высокая, неприступная съ трехъ сторонъ скала, такъ сказать природная твердыня, естественно, сама подала мысль о сооруженіи на ней искусственной крѣпости и о сохраненіи въ ней всего, что было дорого и священно для жителей страны. Думаютъ также, что самые жители, прежде чѣмъ разселиться въ долинѣ, поселились сначала на скалѣ.

Каждый кто взойдетъ въ ограду, образуемую этими стѣнами, непремѣнно въ изумленіи остановится передъ образцовымъ созданіемъ древняго искусства,—передъ Пропилеями, построенными греками временъ Перикла. Постройка этихъ Пропилей стоила 2012 талантовъ, т. е. болѣе 3 милліоновъ рублей на наши деньги. Пропилеи служили торжественными входными воротами въ Акрополь. Они состоятъ изъ главнаго фасада, т. е. стѣны, прорѣзанной пятью аркообразными отверстіями и изъ двухъ боковыхъ пристроекъ. Какъ главное строеніе, такъ и боковыя украшены великолѣпными мраморными колоннами. Къ лѣвой пристройкѣ прилегаетъ еще зала, извѣстная подъ именемъ Пинако-

теки, бывшая въ древности картинною галлереею. Теперь она обращена въ кладовую для храненія различныхъ древностей, но преимущественно для произведеній скульптуры, которыя почти ежедневно отрываютъ въ этихъ мѣстахъ. Вправо отъ Пропилей возвышается маленькій, но весьма изящный храмъ Безкрылой Побѣды. Почему въ этомъ храмѣ афиняне поставили статую Побѣды безъ крылъ, тогда какъ обыкновенно эта богиня изображалась съ крыльями, это объяснятъ вамъ различно; но самымъ основательнымъ кажется то толкованіе, что афиняне затѣмъ поставили у себя Побѣду безъ крылъ, чтобы она отъ нихъ никуда не улетѣла.

Храмъ Безкрылой Побѣды совершенно былъ разрушенъ при оборонѣ Акрополя турками противъ венеціанъ и изъ матерьяла его даже была сдѣлана батарея. Но въ 1835 году, очищая Пропилеи отъ турецкихъ построекъ, которыми они были загромождены, открыли не только основаніе, но и большую часть этого изящнаго мраморнаго храма и возсоздали его съ удивительнымъ терпѣніемъ и искуствомъ.

Черезъ Пропилеи, по неправильно нагроможденнымъ обломкамъ, подходишь къ Парфенону, прекраснѣйшему и величайшему храму древности. Двѣ пустынныя залы, стоящія на возвышенномъ основаніи и окруженныя перистилемъ дорическаго ордена (*) въ 46 колоннъ, безъ крыши, фронтоновъ и статуй, — вотъ все, что остается намъ отъ Парфенона въ настоящемъ. Конечно, эти стройно уходящія въ высь колонны и карнизы крыши и потолка возбуждаютъ удивленіе и восторгъ своей пропорціональностью и дивной красотой, но все-таки, при первомъ взглядѣ, фантазія не можетъ изъ этого ужаснаго разрушенія, въ которомъ лежитъ теперь Парфенонъ, живо возсоздать себѣ цѣлое во всемъ его стройномъ величіи. Колонны, которыя подпирали прежде крышу и теперь лишены ея, жалобно смотрятъ на чудное восточное синее небо, а кругомъ, внутри храма, валяются одинъ на другомъ прекрасные обломки зданія. Парфенонъ считается самымъ совершеннымъ памятникомъ греческаго зодчества. Это памятникъ великихъ дарованій, ума, находчивости и изящнаго вкуса древнихъ грековъ. Вмѣстѣ съ нимъ для каждаго грека связано много дорогихъ воспоминаній. Парфенонъ былъ посвященъ покровительницѣ города Афинѣ-Парфеносъ, что значитъ дѣвственница (по латынѣ Минервѣ). Надъ сооруженіемъ его трудились нѣсколько знаменитѣйшихъ художниковъ подъ главнымъ наблюденіемъ Фидія, который самъ изваялъ главную святыню и лучшее украшеніе храма статую богини Афины, всю изъ слоновой кости и золота, драгоцѣнную по качеству матеріаловъ и безцѣнную по красотѣ исполненія. Фронтонъ Парфенона былъ украшенъ скульптурными изображеніями; между прочимъ здѣсь представлена была процессія Великихъ Панафиней (афинскій праздники). Парфенонъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ Великими Панафанеями, которыя праздновались въ теченіи 6 дней, но только одинъ разъ въ 4 года. Но за то въ эти 6 дней можно было испытать всевозможныя удовольствія. Тутъ зрителямъ наглядно, во всемъ блескѣ представлялась полная картина

(*) Эти ордена болѣе всего различаются между собою по коллонамъ. Дорійская коллона довольно массивна, не имѣетъ базиса или основанія, кверху слегка съуживается и заканчивается самымъ простымъ капителемъ. Іонійская колонна выше и легче дорійской, стоитъ на базисѣ (представляющемъ подобіе обуви) и капитель ея украшена завиткомъ на подобіе женскаго локона; а коринфская колонна еще сложнѣе и капитель ея представляетъ корзину съ цвѣтами и листьями. Греческіе храмы вообще имѣли видъ продолговатыхъ четырехугольниковъ, снаружи украшенныхъ коллонадами.

жизни афинянъ съ ихъ вѣрованіями, понятіями, со всѣми ихъ талантами къ разнообразнымъ искусствамъ. Праздники эти обыкновенно начинались представленіями въ Одеонѣ (театрѣ), гдѣ слушали пѣніе, чтеніе, игру на кифарѣ и флейтѣ. Затѣмъ слѣдовали гимнастическія игры: тутъ кромѣ бѣганья, борьбы, былъ *бѣгъ съ факелами* въ безлунную ночь. Не далеко отъ Пирея былъ *гипподромъ* (конское ристалище), гдѣ состязались всадники и колесницы. Передъ гаванью шли другія увеселенія—состязанія *тріэръ*, т. е. весельныхъ судовъ въ три ряда веселъ. Тому кто побѣдилъ давали деньги на быковъ для благодарственной жертвы. Въ концѣ праздниковъ предпринималась процессія, собиравшаяся съ восходомъ солнца. При этомъ несли коверъ, на которомъ были вытканы подвиги богини Афины, событія изъ мѣстной исторіи и даже изображенія отличившихся гражданъ. Въ процессіи принимали участіе всѣ побѣдители предшествующихъ дней и Афиняне всѣхъ возрастовъ на колесницахъ, лошадяхъ и пѣшкомъ. Всѣ колоніи должны были къ этимъ праздникамъ прислать посольство и принести въ даръ богинѣ Афинѣ овецъ и быковъ; обыкновенно въ это же время присутствовали послы и другихъ городовъ. Въ преддверіи храма и въ самомъ храмѣ хранились разныя дорогія приношенія. Въ заднемъ отдѣленіи его была казна. Въ Великія Панафинеи на мраморной доскѣ выставлялся отчетъ всѣмъ ея расходамъ. Во время самаго празднества у ногъ статуи садились государственные чиновники и судьи на состязаніяхъ и они передъ лицемъ богини давали побѣдителямъ вѣнки и трофеи. Публика стояла внизу храма и въ галлереяхъ. По окончаніи празднествъ двери Парфенона запечатывались и храмъ дѣлался казнохранилищемъ. Слѣдовательно Парфенонъ открывался одинъ разъ въ 4 года, въ казну же входили съ другой стороны и открывали только ту часть, гдѣ она хранилась.

Знаменитая статуя богини Афины украшала собою Парфенонъ до VII-го вѣка, когда при Юстиніанѣ, она перенесена была вмѣстѣ съ другими афинскими памятниками въ Византію. Готы и другіе народы, грабившіе и разрушавшіе Афины, по какому-то особенному чуду пощадили Парфенонъ. Онъ только потерпѣлъ нѣкоторое измѣненіе при обращеніи его въ храмъ христіанскій, но первое страшное поврежденіе нанесено было этому дивному зданію въ 1687 г. Въ это время турки, осажденные венеціанами, устроили въ Парфенонѣ пороховой магазинъ. Осаждающіе пустили туда съ высоты Пникса бомбу, которая, упавъ въ самый складъ пороха, произвела страшный взрывъ и такое разрушеніе, что куски мрамора долетали до лагеря осаждающихъ. Турки, оставшіеся хозяевами Акрополя, устроили въ Парфенонѣ мечеть и какъ на ея постройку, такъ и на постройку своихъ жилищъ, не брали другихъ матеріаловъ, кромѣ тѣхъ великолѣпныхъ мраморовъ, которые находили тутъ же подъ рукой. Однако не они, а цивилизованные европейцы окончательно разорили Парфенонъ. Въ прошломъ столѣтіи французкій посолъ при Оттоманской портѣ, графъ Шуазель, увезъ во Францію, съ позволенія турокъ, нѣсколько обломковъ изъ Парфенона. По его примѣру въ 1801 году англійскій посолъ, лордъ Эльгинъ, сдѣлалъ настоящее нашествіе на Парфенонъ. Обломки колоннъ, статуи, фронтоны, карнизы, надписи и множество другихъ орнаментовъ, словомъ все, что можно было увезти, увезено было имъ въ Англію на нѣсколькихъ корабляхъ. Такимъ образомъ лордъ Эльгинъ лишилъ храмъ послѣднихъ остатковъ скульптуры и оставилъ одинъ остовъ великаго зданія. Байронъ нашелъ имя лорда Эльгина вырѣзаннымъ на одной изъ колоннъ Парфенона и справедливо приписалъ подъ нимъ, что его соотечественники докон-

чили то, чего не успѣли сдѣлать варвары. Художнику, желающему въ подробности изучить орнаменты этого чуднаго храма, надо теперь ѣхать не въ Афины, а въ Лондонъ, въ британскій музей, купившій греческіе мраморы Парфенона у лорда Эльгина за 20000 франковъ. Но, несмотря на это, еще и теперь опустошенный, ограбленный и полуразрушенный Парфенонъ прекрасенъ. Вблизи его точно также какъ и внутри стѣнъ, разбросано и свалено въ груды множество драгоцѣнныхъ обломковъ статуй и орнаментовъ, составлявшихъ прежде украшеніе этого зданія.

Греки жалуются, что важнѣйшіе остатки ихъ искуства разсѣяны по свѣту вдали отъ ихъ родины. Въ самомъ дѣлѣ греческіе памятники наводнили всѣ европейскіе музеи. «Но можетъ быть, говоритъ одинъ путешественникъ, эта мраморная эмиграція и принесла Греціи свою долю пользы, можетъ быть она не менѣе, чѣмъ храбрость современныхъ грековъ помогла ихъ освобожденію. Всѣ эти Шуазели, Эльгины и другіе грабители Акрополя, султаны и паши, раздававшіе европейцамъ греческія статуи, не воображали, что посылаютъ въ Европу ходатаевъ за освобожденіе Греціи.» Образованнѣйшіе люди Европы, познакомившись съ памятниками старины, съ необыкновеннымъ сочувствіемъ относились къ ней во время ея борьбы за независимость.

Новый городъ.—Неудачный выборъ мѣстности для греческой столицы.—Внѣшній видъ нынѣшнихъ Афинъ. — Садъ королевы Амаліи. — Улицы и постройки.—Внутреннее убранство домовъ.—Уличная жизнь. — Похоронныя процессіи. — Общественная жизнь столицы. — Знать и высшее общество. — Климатъ.—Афины зимою и лѣтомъ.

Довольно бѣглаго обзора нынѣшняго города, чтобы вполнѣ убѣдиться, какъ неудачно выбрано мѣсто для греческой столицы. Съ перваго взгляда понятно, что это памятникъ старины, великій музей античныхъ святынь, а не средоточіе дѣятельности націи, только начинающей пробуждаться. Новые Афины построены совершенно на фундаментѣ древнихъ. Древнія Афины строились здѣсь потому что древне-греческіе города, изъ страха нападенія морскихъ разбойниковъ, всегда отдалялись на нѣкоторыое пространство отъ берега и уединенно строились на скалистыхъ возвышенностяхъ. Теперь этой причины нѣтъ. Греціи предназначено быть по преимуществу державой морской. Самое выгодное мѣсто для новой столицы Греціи было бы въ Пиреѣ, на которую уже и Фемистоклъ обращалъ вниманіе своихъ согражданъ. Да и вообще вся Аттика, по своему положенію, какъ одинъ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ земли, была неудобна для основанія городовъ, которые должны были служить средоточіемъ и центромъ единаго королевства. Навплія, которая была столицей грековъ лѣтъ 40 тому назадъ, была гораздо пригоднѣе для этой цѣли.

Но какъ бы то ни было новые Афины расцвѣтаютъ быстро. Они имѣютъ до 25 тысячъ жителей и занимаютъ значительное пространство. Бо́льшая часть домовъ, построенныхъ на двухъ главныхъ улицахъ города — Гермеса и Эола, въ два этажа и иногда очень элегантны. Тутъ много кофеенъ и магазиновъ; на площадяхъ устроены и цирюльни, въ которыя и нынѣшніе греки, какъ и древніе, больше всего любятъ заходить, чтобъ поговорить и узнать о городскихъ новостяхъ. Сквозь открытыя окна и двери видны мастерскія шляпочниковъ, башмачниковъ и портныхъ, которые обыкновенно работаютъ

на чистомъ воздухѣ; со всѣхъ сторонъ видна веселая, дѣятельная уличная жизнь. Въ магазинахъ этихъ улицъ множество драгоцѣнныхъ камней, золота, кружевъ, но еще больше поддѣльныхъ драгоцѣнностей, которыми такъ любятъ украшать себя женщины средняго круга, любятъ, какъ и во всѣхъ европейскихъ столицахъ, подражать парижскимъ модамъ. Однако болѣе всего здѣсь табачныхъ лавокъ и магазиновъ, такъ какъ одна треть населенія куритъ сигареты. Греки обыкновенно говорятъ, что единственная хорошая вещь, которая приходитъ къ нимъ изъ Турціи, — это табакъ, и они уничтожаютъ его въ громадномъ количествѣ; но мѣстный табакъ еще болѣе употребляется въ странѣ. Однако вернемся къ постройкамъ и зданіямъ нынѣшняго города. Нынѣшніе дома построены довольно однообразно и каждый изъ нихъ предназначается обыкновенно для двухъ семействъ. Балконы выступаютъ почти изъ каждаго дома, такъ какъ женщины проводятъ на нихъ лѣтомъ почти всѣ вечера. Каждый такой домикъ имѣетъ обыкновенно два входа: одинъ входъ въ нижній этажъ—черезъ ворота и дворъ, а другой черезъ лѣстницу, которая видна снаружи и ведетъ въ верхнія комнаты.

Внутреннее убранство комнатъ очень просто. Даже въ самыхъ лучшихъ домахъ ковры считаются лишнею роскошью и ихъ очень рѣдко можно видѣть передъ софами. Вся роскошь и богатство сосредоточены здѣсь на потолкѣ. Начиная отъ столовой и кончая спальной всѣ потолки комнатъ украшены различными рисунками, а въ богатыхъ гостинныхъ потолокъ иногда такъ убранъ арабескими, что кажется, какъ будто коверъ посланъ не на полу, а прибитъ на потолкѣ.

Софа — почетное мѣсто, и на нее приглашаютъ садиться дорогаго гостя. Длинный рядъ креселъ тянется съ той и съ другой стороны софы, такъ что, когда онѣ всѣ заняты, то придаютъ самому дружескому обществу какой то торжественный, оффиціальный характеръ. Во многихъ греческихъ семействахъ подаютъ сласти или черный кофе—обычай, заимствованный отъ турокъ. Позади каждаго дома, въ лучшихъ частяхъ города, есть небольшой садикъ, хотя и весьма бѣдный зеленью. Толстая и высокая стѣна закрываетъ его отъ любопытныхъ взглядовъ прохожихъ. Во многихъ садахъ или дворахъ частныхъ жилищъ посѣтитель замѣчаетъ небольшіе обломки древнихъ скульптурныхъ произведеній, прикрѣпленные къ стѣнѣ, или вдѣланные въ нее. Части вазъ, барельефы, голова безъ туловища, или наоборотъ, надписи,—все это большею частію было открыто во время земляныхъ работъ при постройкѣ этого зданія и все это необыкновенно тщательно и на различныхъ подставкахъ сохраняется теперь владѣльцами. Увозить древности за границу страны теперь строго запрещено закономъ; но нашедшему ихъ позволено удерживать ихъ у себя и украшать ими свой домъ. Такъ какъ новый городъ стоитъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли и древніе Афины, то несомнѣнно, что подъ землею скрывается много археологическихъ остатковъ.

Хотя въ Афинахъ и нѣтъ особенно большихъ домовъ, тѣмъ не менѣе они могутъ похвалиться нѣкоторыми общественными зданіями, неуступающими многимъ постройкамъ въ самыхъ значительныхъ европейскихъ столицахъ. Послѣ дворца здѣсь обращаетъ на себя вниманіе своею величиною митрополичья церковь; ея полосатая окраска въ желтый и красный цвѣтъ придаетъ ей необыкновенно оригинальный и пестрый видъ. Университетъ привлекаетъ вниманіе своимъ строго классическимъ фасадомъ, который нѣсколько напоминаетъ постройки древнихъ. Женскій институтъ—видное зданіе съ мраморнымъ пор-

таломъ, отдѣленное отъ бульвара красивою желѣзною рѣшеткою. Пріютъ для сиротъ, глазная лечебница, политехническая школа, военный госпиталь — довольно значительныя зданія, которыми гордятся нынѣшніе греки и изъ которыхъ очень многія основаны и содержатся на частныя пожертвованія. Улучшеніе Афинъ идетъ чрезвычайно быстро и замѣтно. Нужно помнить, что еще 40 лѣтъ тому назадъ ни одно изъ зданій, составляющихъ нынѣшніе Афины, не существовало.

Тщеславіе и любовь къ древнимъ предкамъ — въ высшей степени выдающіяся черты характера грековъ, — играютъ большую роль въ ихъ жизни: они даютъ своимъ дѣтямъ при ихъ рожденіи классическія имена. Всѣ они Агамемноны, Алкивіады, Периклы и носятъ имена другихъ героевъ древности; точно также и всѣ городскія улицы покрыты безсмертными именами. Мы уже знаемъ, что главныя улицы называются улицами Гермеса и Эола; второстепенныя носятъ менѣе славныя названія: Праксителя, Эврипида, Фукидита, Фразибула, Солона и другихъ. Бульваръ Филеллиновъ (иначе сказать греко-филовъ, людей преданныхъ Греціи) — названъ въ честь друзей Греціи, а площадь Конституціи и площадь Согласія внезапно переносятъ изъ мифологическаго и древнеисторическаго періода къ самымъ новѣйшимъ фактамъ современной жизни. Дома иностранныхъ посольствъ, министерство, банкъ, университетъ — размѣстились вдали отъ центра города, на открытыхъ, большею частію еще не совсѣмъ обстроенныхъ мѣстахъ. Улицы, которыя прилегаютъ къ этой части города, имѣютъ видъ короткихъ, узкихъ и кривыхъ переулковъ, черезъ которые съ трудомъ можно пробраться, такая въ нихъ грязь и плохая мостовая. Тутъ почти вездѣ встрѣчаешь только хижины и сараи, плохо сплоченные изъ четырехъ выбѣленныхъ стѣнъ, кое-какъ прикрытыхъ легонькой черепичной кровлей; нѣсколько дыръ въ нихъ служатъ вмѣсто оконъ и трубъ. Всюду страшная бѣдность и запустѣніе. Въ одномъ только видишь здѣсь избытокъ: въ пыли во время сухаго вѣтра и въ грязи въ дождливую погоду.

Хотя около многихъ домовъ вы встрѣчаете садики, тѣмъ не мѣнѣе недостатокъ зелени весьма чувствителенъ. Во всемъ городѣ только одинъ большой садъ королевы даетъ жителямъ прохладу и свѣжесть. Деревьевъ въ окрестностяхъ тоже очень мало, такъ какъ крестьяне вырубаютъ всѣ деревья или для своего употребленія, или для продажи на рынкѣ.

Садъ королевы, названный по имени прежней королевы Амаліи, супруги Оттона, богатъ роскошною зеленью, цвѣтами, искуственными водоемами и извилистыми аллеями. Трудно вообразить себѣ что нибудь восхитительнѣе этого сада! Тутъ можно найти не только самыя роскошныя и разнообразныя растенія юга и востока, но и множество деревьевъ, принадлежащихъ къ умѣренной полосѣ Европы. Содержаніе сада чрезвычайно затруднительно въ жаркіе лѣтніе финскіе мѣсяцы и требуетъ самаго искуснаго и постояннаго, бдительнаго ухода. Говорятъ, издержки на содержаніе этого сада простираются до 50 тысячъ драхмъ, стало быть поглощаютъ 20-ю долю всей суммы, ассигнуемой на содержаніе двора. Причина такой дороговизны зависитъ прежде всего отъ того, что этотъ садъ занимаетъ огромное пространство въ нѣсколько десятинъ и по сухости климата растенія часто приходится поливать водою, которая лѣтомъ здѣсь стоитъ не дешево. Наконецъ не мало денегъ поглащаетъ наемъ садовниковъ и множества рабочихъ для чистки дорожекъ, павильоновъ и т. п. Впрочемъ ими этотъ садъ не особенно щеголяетъ, но за то въ немъ есть рѣдкости, которыхъ не найдешь въ другомъ мѣстѣ. Изъ нихъ можно указать

на римскую виллу,остатки которой отрыли, когда разводили садъ. Она уставлена по бокамъ найденными тутъ же статуями, частію цѣлыми, частію въ обломкахъ. Полъ виллы устланъ мозаикой, крышу ея составляетъ рѣшетка, увитая разными растеніями.

Хотя французскія моды и множество французскихъ вывѣсокъ придаютъ Афинамъ характеръ европейскій, но въ то же время этотъ городъ не совсѣмъ еще утратилъ свою самобытную физіономію. Афинская улица все еще довольно характерна. По ней двигаются *охимы*—очень напоминающія наши кареты, но кучера на нихъ въ бѣлой фустанеллѣ и аломъ фесѣ. У разряженной по послѣдней парижской картинкѣ дамы въ каретѣ часто видишь красный фесъ съ золотой кистью, который роскошно обвитъ ея чудными черными косами. По улицѣ бредутъ ослы, съ привѣшенными къ бокамъ корзинами зелени или огромными кувшинами съ молокомъ и свѣжей водой, а погонщикъ въ фустанеллѣ или черныхъ коленкоровыхъ шароварахъ бѣжитъ позади, часто погоняя скотину своими четками. На каждомъ шагу можно встрѣтить пастуха въ косматомъ овчинномъ тулупѣ, который гонитъ стадо козъ или индѣекъ. Въ извѣстные часы дня, длинными шеренгами, тянутся дѣти изъ общественныхъ школъ и сиротскихъ пріютовъ: мальчики въ сѣрой или голубой формѣ, а дѣвочки въ простыхъ платьяхъ домашней работы. Тамъ и сямъ подлѣ нихъ пробирается молодой грекъ, атлетическаго роста и стройный, какъ молодая женщина. Его бѣлая фустанелла въ мелкихъ складкахъ, синяя куртка, шитая чернымъ снуркомъ, подъ нею не сходящаяся спереди жилетка, тоже вышитая по краямъ, цвѣтной поясъ, за который заткнуты пара пистолетовъ — все это необыкновенно живописно и оригинально. Афины весьма покойный городъ, за исключеніемъ мѣстъ близкихъ къ рынку, гдѣ съ утра до поздней ночи идетъ живая дѣятельность и постоянно толпится народъ. Здѣсь на разосланныхъ по землѣ циновкахъ навалены груды арбузовъ, фигъ, гранатъ и больше всего свѣжей коринки. На большихъ прилавкахъ стоятъ кадки съ сливами, корзины со всякой зеленью, блюда съ жаренной рыбою. Мальчикъ, продающій газеты, безпрестанно пронзительно кричитъ «пентелепта» (пять лептъ).

Гуляя по Афинамъ, нерѣдко встрѣтишь погребальную процессію. Еще за долго, чѣмъ вы ее увидите, слышишь монотонное пѣніе духовенства, передъ которымъ идутъ мальчики въ бѣлыхъ платьяхъ, несутъ крестъ и другія церковныя принадлежности. Передъ этой процессіей всякій прохожій снимаетъ шляпу, останавливается и набожно крестится. Покойникъ лежитъ въ открытомъ гробу, покрытый бѣлымъ или чернымъ покрываломъ, съ золотыми или серебрянными украшеніями. Крышу гроба несутъ передъ процессіей. Положеніе тѣла покойника такое же, какъ и у насъ; онъ одѣтъ въ обыкновенной одеждѣ, голова приподнята, руки на груди. У женщинъ щеки и губы нарумянены: это придаетъ трупу отвратительный видъ. Даже на человѣка, привычнаго къ этому обычаю, онъ тѣмъ не менѣе всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе. Дроги рѣдко употребляются и гробъ обыкновенно несутъ близкіе друзья покойнаго. Когда умираетъ высокопоставленное лице, тогда гробъ сопровождаетъ епископъ и многочисленное духовенство, со множествомъ свѣчей и военною музыкою. Однажды я видѣлъ похороны, разсказываетъ одинъ англійскій туристъ, одного почтеннаго греческаго епископа. Покойникъ былъ посаженъ въ кресло, которое высоко несли надъ головами. Онъ былъ одѣтъ въ полномъ облаченіи, съ митрою на головѣ и съ по-

сохомъ въ рукѣ. Голова его была привязана къ креслу дорогимъ шарфомъ, но она не вполнѣ была притянута къ спинкѣ кресла, такъ что качалась туда и сюда, такимъ образомъ, какъ будто отдавала послѣдній поклонъ народу, среди котораго этотъ почтенный пастырь исполнялъ свои обязанности около 60-ти лѣтъ. Въ этомъ же сидячемъ положеніи онъ былъ поставленъ въ могилу. Эту особенную почесть воздаютъ только духовному сану.

По климатическимъ соображеніямъ покойниковъ здѣсь хоронятъ очень скоро—черезъ 24 часа послѣ смерти. Такимъ образомъ часто случается, что первое извѣстіе о смерти есть въ то же время и приглашеніе на похороны. Выносъ тѣла сопровождается самыми раздирательными сценами. Истерическіе крики и дикіе жесты часто сопровождаютъ движеніе похороннаго кортежа по всѣмъ улицамъ до самой могилы. Согласно обычаю, домъ, изъ котораго вынесли покойника, тотчасъ обиваютъ траурной матеріей. Вся мебель этого дома, начиная отъ фортепьянъ до скамейки подъ ноги—все непремѣнно въ глубокомъ траурѣ; часто даже у табачнаго ящика можно видѣть кусочекъ крепа. Но возвратимся къ уличной жизни.

Афинскія улицы всего привлекательнѣе послѣ полудня. Тогда онѣ обыкновенно бываютъ наполнены гуляющими и слушающими военный оркестръ. На главныхъ улицахъ много прекрасныхъ экипажей, въ которыхъ видна разряженная публика и между ними нерѣдко увидишь голубой, шитый серебромъ, мундиръ короля. Тутъ же увидите множество наѣздниковъ. Спокойная рысь, которою довольствуются англійскіе всадники совершенно невыносима для афинскаго офицера, катающагося въ публичномъ мѣстѣ. Онъ безпрестанно вонзаетъ шпоры въ бока своей лошади, безпрестанно подымаетъ ее на дыбы или пускаетъ въ галопъ стремглавъ и летитъ по главнымъ улицамъ съ такою быстротою, что за это удовольствіе онъ навѣрно поплатился бы передъ судомъ въ Англіи. Общественная жизнь въ Афинахъ очень скучна и однообразна. Только при дворѣ бываютъ балы, а то всюду царствуетъ полнѣйшее затишье. Зимою Афины еще нѣсколько оживляются во время карнавала; тогда улицы наполняются множествомъ масокъ; но такимъ образомъ веселится низшій классъ. Что же касается высшихъ классовъ, то они ограничиваются въ это время визитами къ своимъ друзьямъ въ совершенно закрытыхъ домино и непроницаемыхъ маскахъ, стараясь при этомъ строго сохранять инкогнито. Такимъ образомъ высшій классъ — сановники и государственные люди со своими женами живутъ тихо, просто, уединенно и напоминаютъ своимъ образомъ жизни скорѣе кружокъ людей ученыхъ, замкнутыхъ въ своемъ кабинетѣ и семьѣ, чѣмъ столичную знать. Это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостаточности средствъ. Жалованье министрамъ и другимъ высшимъ сановникамъ и служащимъ лицамъ такъ ничтожно, что прикащикъ въ коммерческомъ домѣ средней руки не принялъ бы его ни въ Америкѣ, ни въ Лондонѣ. Плата греческому министру около 3 тысячъ руб. на наши деньги, а плата члену парламента около 500 руб. за сессію. На такое жалованье семейному человѣку, даже при афинской дешевизнѣ, не приходится особенно роскошничать. Въ то же время это ничтожное жалованье не представляетъ большаго соблазна вступать на службу и если греки стремятся къ ней, то ясно, что это не изъ денежнаго разсчета. Служащіе люди оставляютъ здѣсь часто службу бѣднѣе, чѣмъ они были прежде. Бываютъ случаи, что люди, занимавшіе самые высшіе посты въ государствѣ, зависѣли отъ частной благотворительности. Честолюбіе и любовь къ власти—характерныя черты грека и онѣ то влекутъ его къ политикѣ, заставляютъ

стремиться къ высшимъ должностямъ, не смотря на сознаніе, что власть эта будетъ въ его рукахъ очень недолго, и не принесетъ матеріальныхъ выгодъ. По сравненію съ другими государствами, гдѣ европейская знать кромѣ громаднаго жалованья отъ своихъ должностей имѣетъ и громадныя помѣстья и многіе другіе источники дохода, читатели могутъ задать вопросъ: неужели греческіе сановныя лица живутъ только своимъ жалованьемъ? Мы отвѣтимъ на это утвердительно. Греческая знать — все большею частію люди бѣдные. Кто изъ нихъ имѣетъ поземельную собственность, у того она въ залогѣ и обременена большими долгами.

Зима въ Афинахъ прелестна. Въ теченіи всего зимняго времени афинское небо остается безоблачнымъ и, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, когда бываютъ пронзительные, сѣверные вѣтры, воздухъ здѣсь необыкновенно мягкій. Послѣ осеннихъ дождей солнце согрѣваетъ зимній воздухъ и ватное пальто и шали одѣваютъ скорѣе изъ предосторожности, чѣмъ изъ необходимости, да и то не болѣе какъ въ продолженіи двухъ, трехъ зимнихъ недѣль. Разумѣется, въ мѣховой одеждѣ тутъ нѣтъ никакой нужды. Морозы въ 15, 20 лѣтъ бываютъ два, три раза и народъ обыкновенно ночуетъ на улицахъ отъ половины мая до конца сентября. Снѣгъ падаетъ на горы, но рѣдко покрываетъ улицы Афинъ. Блестящіе, снѣжные вѣнцы на вершинахъ Гиметта и Парнаса представляютъ рѣзкій контрастъ съ ихъ вѣчно цвѣтущими склонами. Но такъ бываетъ только въ Афинахъ и въ окрестныхъ, сосѣднихъ мѣстностяхъ; другія же части Греціи не избавлены отъ тѣхъ метеорологическихъ перемѣнъ, которымъ подвержена большая часть Европы. На Іонійскихъ островахъ падаетъ много дождя и зимніе вѣтры въ Корфу необыкновенно суровы. Одна Аттика суха, что отчасти зависитъ отъ ея скудной растительности. Въ отсутствіи атмосферической влаги въ Афинахъ и можно видѣть главную причину того, что памятники древности въ ней такъ долго сохраняются.

Въ извѣстное время года почти во всѣхъ частяхъ Греціи господствуетъ извѣстная, такъ называемая, греческая лихорадка. Эта болѣзнь, хотя довольно легкая по формѣ и обыкновенно не имѣющая дурнаго исхода, тѣмъ не менѣе чрезвычайно упорна. Ея припадки весьма ослабляютъ организмъ и у разъ заболѣвшаго ею они повторяются потомъ многіе годы. Но народъ въ нынѣшней Греціи, какъ и въ древности, живетъ необыкновенно долго. Нерѣдко можно слышать о людяхъ, достигшихъ 90 лѣтъ и гораздо болѣе.

Какъ Афины прелестны зимою и особенно весною, т. е. въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, такъ они отвратительны лѣтомъ. Тогда солнце Греціи нестерпимо жжетъ глаза, знойные дни и знойныя ночи слѣдуютъ другъ за другомъ, не прерываемые ни дождемъ, ни освѣжильнымъ вѣтеркомъ. Если же и дуетъ вѣтеръ, то это знойный вѣтеръ, обдающій васъ не прохладою, а удушливымъ жаромъ, подымающій невообразимо густую пыль на улицахъ. Она летитъ то темными, то сѣрыми облаками, засыпаетъ несчастнаго прохожаго съ ногъ до головы и, какъ бы онъ ни укрывался, проникаетъ ему въ глаза, уши и ротъ. Тѣ, которые должны проводить лѣто въ Афинахъ, не знаютъ какъ быть въ это время, оставаться ли въ домахъ при закрытыхъ окнахъ и задыхаться отъ томительно-удушливаго жара, или выходить на балконы и дышать всюду проникающей пылью.

Но лѣтомъ въ Афинахъ страдаютъ не только отъ удушливой жары, страшной пыли и духоты, но кажется еще болѣе приходится выносить отъ москитовъ и комаровъ. Отъ москитовъ еще можно предохранить свой домъ рѣшет-

ками на окнахъ и занавѣсями на кроватяхъ, но комары (которые кусаютъ здѣсь гораздо больнѣе и мучительнѣе, чѣмъ у насъ) преодолѣваютъ всѣ ухищренія человѣка. Это маленькое насѣкомое не имѣетъ храбрости, подобно москиту, извѣщать о своемъ появленіи и нападаетъ на всякую обнаженную часть человѣческаго тѣла, особенно на руки, оставляя въ кожѣ раздраженіе на нѣсколько часовъ. Представьте мученія здѣшнихъ рабочихъ, въ особенности каменьщиковъ, которые цѣлыми днями должны оставаться на воздухѣ.

Кто можетъ, бѣжитъ отъ этихъ мученій въ свои деревенскія помѣстья, или на острова, а другіе ищутъ облегченія въ морскихъ купаньяхъ. Король съ семействомъ проводитъ лѣтніе мѣсяцы на прекрасномъ островѣ Корфу, гдѣ климатъ хотя и тепелъ, но какъ мы уже говорили, менѣе сухъ, чѣмъ въ Афинахъ.

ОКРЕСТНОСТИ АФИНЪ.

Колонъ.—Деревенскія жилища.—Народъ: его характеръ и пища.

Къ сѣверу отъ Афинъ, верстахъ въ 5-ти отъ этого города, лежитъ маленькая деревенька Колонъ. Округъ Колона, уже въ древности славившагося своимъ плодородіемъ и роскошною растительностію своихъ оливковыхъ и платановыхъ деревьевъ и теперь еще составляетъ плодороднѣйшую часть долины Аттики. Его сочная зелень представляетъ пріятный контрастъ, чудный оазисъ среди остальной обнаженной мѣстности. Пойдемъ и мы въ этотъ, какъ говоритъ греческій поэтъ:

„Бѣлый Колонъ, гдѣ больше всего
Сладкозвучный поетъ соловей
Въ глубинѣ цвѣтущихъ долинъ.
Любитъ онъ темную зелень плюща
И эту, лишь Богу доступную,
Плодами обильную чащу,
Чуждую солнцу и зимнимъ вѣтрамъ...

По всей дорогѣ отъ Афинъ до Колона попадаются постройки и хижины простаго люда. Жилища греческаго простолюдина, какъ здѣсь, такъ и во всей Греціи, построены самымъ первобытнымъ образомъ: четыре стѣны, изъ красныхъ камней, легкая черепичная крыша безъ потолка, совершенное отсутствіе трубъ, дверей и оконъ, вмѣсто которыхъ дыры въ стѣнахъ и потолкахъ, то больше, то меньше смотря по надобности, запираемыя на ночь досками—вотъ все, что требуетъ грекъ отъ своего жилища. Передъ домомъ небольшая загородка изъ кустарника, гдѣ складываютъ навозъ. Внутренность жилищъ также печальна, какъ и ихъ наружный видъ. Пола въ хатѣ тоже нѣтъ и вмѣсто него земля нѣсколько утоптанная и уровненная. Посреди, одинъ на другомъ сложено нѣсколько большихъ камней, на которыхъ разводятъ огонь: эта незатѣйливая печка, которую можетъ сложить и разобрать каждый ребенокъ, служитъ имъ очагомъ: на которомъ приготовляютъ кушанье и вокругъ него грѣется семья и въ зимніе дни. На стѣнахъ одна, много двѣ полки, на которыхъ нѣсколько ложекъ, тарелокъ, горшковъ, чашекъ и большой котелъ. Столъ

совершенно неизвѣстенъ, стульевъ и скамеекъ не употребляютъ; сидятъ обыкновенно на порогѣ, или по турецки, поджавъ подъ себя ноги, или лежатъ, а чаще всего сидятъ полулежа. Встрѣтить постель большая рѣдкость и женщины просто спятъ на голомъ полу, подославъ подъ себя циновки или одѣяла, а мужчины, закутавшись въ свои толстые плащи. Словомъ до сихъ поръ греческій народъ еще не сознаетъ никакой потребности въ мебели и въ томъ небольшомъ комфортѣ, къ которому уже давно привыкъ чернорабочій всѣхъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ.

По всей избѣ и по стѣнамъ здѣсь обыкновенно развѣшаны ткани, шкуры, пряжа, праздничная одежда, впрочемъ не только праздничная, но и весь ея запасъ вы увидите на стѣнахъ, — здѣсь все на виду...

Греческая хижина обыкновенно состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ живетъ народъ, въ другомъ—свалены земледѣльческія орудія, стоятъ бочки и кадки съ запасами провизіи и сюда же на ночь запираютъ домашнюю птицу.

Злая, сильная порода собакъ, какъ и вездѣ на востокѣ, бережетъ хозяйское добро и громко лаетъ на всякаго приближающагося къ дому. Но всего оригинальнѣе то, что по дорогѣ, возлѣ жилищъ, очень часто можно встрѣтить женщину, устроившую себѣ ткацкій станокъ между двумя деревьями: гречанка вся отдалась работѣ, а частыя вѣтви заботливо склоняются надъ нею и ихъ густая зелень защищаетъ ее отъ палящихъ лучей солнца. Но посмотримъ поближе на жизнь грековъ, войдемъ къ нимъ въ хату. Если вы взойдете вечеромъ, то непремѣнно застанете такую картину: женщины сидятъ за прялкой и прядутъ, а нѣсколько мужчинъ, полулежа и весело болтая, покуриваютъ сигареты или трубочки. Отличительными чертами этого народа, остались тѣ же качества и способности, какъ и у ихъ древнихъ предковъ: честолюбіе, тщеславіе, хитрость, любовь ко всему прекрасному и красивому, необыкновенная склонность къ торговлѣ и страстное стремленіе къ образованію. Каждый грекъ прежде всего добивается власти, часто жертвуя для этого всѣми своими средствами. Какъ изъ тщеславія, такъ и вслѣдствіе пламеннаго желанія ускорить распространеніе образованія въ своей странѣ, грекъ завѣщаетъ послѣ смерти все свое состояніе на школы и больницы. Тщеславіе простолюдина высказывается въ его страсти къ одеждѣ. Онъ часто на послѣднія деньги покупаетъ штиблеты съ кисточками, шитый золотомъ кафтанъ и бѣлую юбку. Такъ или иначе эта характерная черта греческаго народа проявляется во всѣхъ классахъ общества. Военный никогда не оставитъ своей шпаги и старается не разставаться съ нею и тамъ, гдѣ бы онъ могъ легко безъ нея обойтись и всюду непремѣнно будетъ ею побрякивать. Кто изъ нихъ имѣетъ крестикъ, а они раздаются въ Греціи весьма щедро, очень гордится имъ и всячески выставляетъ его на показъ. Трудно описать ихъ удивленіе, когда ихъ однажды посѣтилъ одинъ извѣстный американскій генералъ и, не смотря на множество одержанныхъ имъ побѣдъ, явился къ нимъ въ совершенно простомъ мундирѣ и безъ всякихъ орденовъ.

Грекъ отличается также необыкновеннымъ остроуміемъ и, какъ человѣкъ въ то же время тщеславный, онъ очень гордится своимъ остроуміемъ. Сидя у очага и весело болтая въ тѣсномъ кругу, вы тотчасъ замѣтите, что ничто не ускользнуло отъ наблюдательнаго грека, и мелкіе недостатки и промахи собрата онъ умѣетъ представить пріятелю остроумно и въ карикатурѣ. Если при этомъ товарищъ подмѣтитъ другія, болѣе тонкія черты и представитъ ихъ болѣе остроумно—глаза всѣхъ присутствующихъ обращаются къ нему съ

необыкновеннымъ благоволеніемъ и тотъ, кому острота менѣе удалась, серьезно огорчается и ходитъ какъ опущенный въ воду.

За обѣдомъ простолюдина непремѣнно увидите черныя оливы и яичницу, жаренную въ оливковомъ маслѣ, которую они запиваютъ виномъ, на вкусъ очень горькимъ и непріятнымъ для непривычнаго человѣка, такъ какъ оно смѣшано со смолою. У болѣе зажиточнаго человѣка найдешь и пилавъ съ бараниной. Но греки вообще замѣчательно умѣренный народъ: ѣдятъ они очень мало, вино обыкновенно пьютъ за обѣдомъ, но до того немного, что грека никогда не увидишь на улицѣ пьянаго и качающагося изъ стороны въ сторону.

Однако вернемся къ Колону, въ который можно пріѣхать изъ Афинъ въ полъ часа. Эта деревня особенно прославилась, какъ мѣсто дѣйствія въ одной изъ прекраснѣйшихъ трагедій знаменитаго Софокла: «Эдипъ въ Колонѣ». Вспомнимъ нѣсколько мѣстъ изъ нея, что намъ послужитъ наилучшею характеристикою этой благословенной мѣстности:

«Во всѣ дни на своемъ поднебесномъ стеблѣ
Расцвѣтаетъ прекрасно—кудрявый нарциссъ,
Украшенье когда-то великихъ богинь,
И блестящій, какъ злато, шафранъ.
И ручьи потоковъ Кефисса
Здѣсь не сякнутъ, безсонно кочуя;
Но мгновенно рождаясь, все вновь
На широкое лоно полей
Льются чистой, обильною влагой.
. . . . . .
Есть растенье, какого ни Азія,
Ни великій, Дорійскій островъ Пелопса,
Я не слыхалъ, чтобъ рождали.
Несажденное, самородное,
Грозное вражескимъ копьямъ!
Обильно цвѣтетъ оно въ нашей странѣ:
Плодотворный стебель блестящей оливы.
. . . . . .
И еще о другой, о первѣйшей красѣ
Нашей родины должно сказать:
То даръ великаго бога,
Высокая слава страны:
Кони лучшей породы и сила морская.»

Промыслы и занятія народа.—Мраморныя богатства грековъ.—Земледѣліе: его жалкое состояніе.—Что сдѣлала Греція для улучшенія своего быта за послѣднее 50-ти-лѣтіе. — Торговый и промышленный духъ народа.

На выставкѣ, которая была въ Греціи въ 71 году, во время 50-ти лѣтняго юбилея, годовщины освобожденія этой страны, можно было видѣть множество продуктовъ: мраморъ изъ Пентеликона и Пароса; кожу изъ Эвбеи; медъ изъ Гиметта и Чериго; коринку изъ Пелопоннеса; фиги изъ Сиры; шерсть и бумагу изъ сѣверныхъ провинцій; оливковое масло изъ Корфу и Занте;

вина изъ Санторино и другихъ острововъ архипелага; ковры роскошныхъ цвѣтовъ; тонкія кружева, шелковый газъ; множество образцовъ рѣзьбы изъ дерева; богато и искусно шитые золотомъ греческіе костюмы. Особый отдѣлъ былъ посвященъ всевозможнымъ родамъ зерноваго хлѣба; тутъ же была устроена особая пристройка для скота. Были на выставкѣ даже и образцы машинъ: пильная машина, паровозъ и нѣсколько винныхъ и маслянныхъ прессовъ. Конечно, на выставкахъ произведенія страны обыкновенно такъ сгруппированы, такъ красиво и симметрично разложены, что могутъ очень часто дать о ней совсѣмъ неправильное понятіе. Разумѣется, ни одна страна не выставитъ того, чего въ ней нѣтъ, но чтобы судить о томъ, какое значеніе имѣютъ эти произведенія, нужно знать ихъ количество и качество, какой видъ имѣютъ они, когда являются въ общемъ употребленіи. Нужно имѣть ясное понятіе о томъ, трудно или легко добывать простолюдину то, чѣмъ наградила его природа, что она скрыла въ нѣдрахъ его земли. Но этого мало: нужно еще знать, на сколько способенъ человѣкъ обработывать произведенія, которыя ему представляетъ его природа. Мы говоримъ это къ тому, что Греція на своей выставкѣ могла дать нѣсколько преувеличенное понятіе о богатствѣ своей страны. Но все-таки, по произведеніямъ, которыя она выставила, можно было узнать, что она можетъ дать въ близкомъ будущемъ. Въ данное время промышленность Греціи еще далеко не въ блестящемъ состояніи.

Хотя Греція и не бѣдна ископаемыми произведеніями и въ древности имѣла даже золотые и серебряные рудники, однако о правильномъ горномъ промыслѣ пока еще не можетъ быть и рѣчи.

Ея настоящее багатство—въ мраморѣ. Можно смѣло сказать, что ни одна европейская страна не имѣетъ такого мраморнаго богатства, какъ Греція. Одна Лаконія можетъ представить образцы всѣхъ его породъ; кромѣ бѣлаго архитектурнаго мрамора, здѣсь находится въ изобиліи сѣрый, голубой, бѣловатый. Въ другихъ мѣстностяхъ найдемъ черный мраморъ, который находится здѣсь въ большемъ количествѣ и, наконецъ, знаменитый въ древности, зеленый мраморъ. Какой богатый матерьялъ для великолѣпнѣйшихъ дворцовъ! Но къ сожалѣнію въ Греціи слишкомъ мало денегъ, чтобы ихъ созидать, еще слишкомъ мало архитекторовъ, которые бы могли строить зданіе съ тѣмъ искуствомъ и изяществомъ, которое имъ завѣщали ихъ предки.

Въ $1^1/_2$ миляхъ отъ Афинъ находится огромная гора, Пентеликонъ изъ прекраснаго мрамора которой были построены Парфенонъ, храмъ Олимпійскаго Зевса и другія безсмертныя, исполинскія зданія города Минервы. Богатыя Пентеликонскія ломки доставляли также драгоцѣнный матеріалъ для статуй Фидія и Праксителя; но мраморъ для статуй болѣе древнихъ выламывался на островѣ Паросѣ. Этотъ мраморъ ослѣпительной бѣлизны; но если произведенія искуства, сдѣланныя изъ него, восхищаютъ зрѣніе, то запахъ, издаваемый имъ при расколкѣ его, производитъ самое непріятное впечатлѣніе на обоняніе.

Паросскій мраморъ назывался также лихнитомъ, такъ какъ это былъ единственный мраморъ, который вырубали при свѣтѣ лампъ, и онъ добывался древними изъ двухъ мраморныхъ ломокъ. Одна изъ нихъ опускается на 60 сажень внутрь горы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дорога въ нее до такой степени узка, что по ней надо ползти на четвереньках. Теперь она загромождена обломками вырубленныхъ кусковъ и завалена наносною глинистою землею. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой ломки, или лучше сказать первобытной шахты, еще и теперь стоятъ мраморныя скамьи ослѣпительной бѣлизны и

видны тѣ мѣста, гдѣ древніе ставили свои лампы во время работы. Другая древняя мраморная ломка находится въ 10 минутахъ ходьбы отъ только-что нами описанной и устроена гораздо лучше первой. Она имѣетъ видъ пещеры, но очень длинна и просторна. Теперь пастухи загоняютъ въ нихъ свои стада во время сильнаго жара.

Уже двѣ тысячи лѣтъ паросскія мраморныя ломки находятся въ совершенномъ бездѣйствіи; вслѣдствіе совершеннаго упадка изящныхъ искусствъ въ Греціи и только теперь, въ самое послѣднее время, около нихъ снова закипѣла жизнь. Какъ пойдетъ дѣло еще неизвѣстно; во всякомъ случаѣ оно только началось, такъ какъ только въ 1857 году здѣсь образовалось общество для добыванія мрамора.

Земледѣліе здѣсь тоже не процвѣтаетъ и способы обработки земли еще самые первобытные: это зависитъ отъ самой почвы и оттого, что греки долго находились подъ турецкимъ игомъ. Греція никогда не была страною земледѣльческою и хлѣбородною. Земли, способныя быть воздѣланными въ плодоносные сады и поля, собственно составляютъ материкъ, широкимъ, цвѣтистымъ ковромъ разстилающійся по обѣ стороны горъ. Ѳессалія и Эпиръ— еще и теперь остаются подъ властію турокъ. Новая Греція состоитъ изъ тѣсной, большею частію каменистой и ужасами многолѣтней войны окончательно обращенной въ пустыню Мореи, небольшаго клочка земли называвшагося въ древности Элладою, а теперь Румеліею или Ливадіею, и нѣсколькихъ скалистыхъ острововъ Архипелага, по большей части голыхъ и лишенныхъ всякой растительности, да еще нѣсколькихъ Іоническихъ острововъ, земля которыхъ, впрочемъ, нѣсколько плодороднѣе. Каменистая почва греческаго королевства, только изрѣдка прорѣзанная кое-гдѣ полосами земли, годной для произростанія пшеницы и ячменя, производитъ въ изобиліи только *оливу*, *виноградъ* и *коринку*, которая собственно есть тотъ же виноградъ, только съ особенныхъ виноградныхъ лозъ, дающихъ необыкновенно мелкія ягоды. Всѣ три названныя произведенія, а коринка еще болѣе другихъ, по количеству не только внутренняго употребленія, но и заграничнаго сбыта, составляютъ важный источникъ народнаго богатства.

Каменистая почва не можетъ, разумѣется, уже сама по себѣ дать хорошаго урожая, а тутъ присоединилась еще и другая причина упадка земледѣлія въ Греціи,—несчастное положеніе страны подъ властью турокъ, которые поощряли всюду произволъ своихъ чиновниковъ и подавали примѣръ презрѣнія къ мирнымъ, осѣдлымъ занятіямъ и въ особенности къ полевымъ работамъ. Вслѣдствіе плохаго земледѣлія и тяжелыхъ, неправильно распредѣленныхъ налоговъ, греческій народъ очень бѣденъ. Какъ видите, политическую революцію легче произвести, чѣмъ пересоздать жизнь соціальную, т. е. измѣнить положеніе народа. Общими усиліями въ нѣсколько лѣтъ свергли иго турокъ, затѣмъ въ нѣсколько часовъ перемѣнили свое правительство, одно правительственное лицо смѣнили другимъ, но вотъ уже много десятковъ лѣтъ, несмотря на общее усиліе благомыслящихъ людей, не могутъ ввести хорошій плугъ въ сельское хозяйство, не могутъ уничтожить многихъ причинъ народной бѣдности. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы сельское хозяйство Греціи слишкомъ медленно возростало и улучшалось. Въ этомъ никогда не упрекнешь ее, особенно если познакомишься съ ея положеніемъ 50 лѣтъ тому назадъ.

Послѣ 7-ми лѣтней войны (съ 1821 до 1828) Греція до того была истощена, что народъ ея буквально нищенствовалъ и просилъ по дорогамъ мило-

стыню, или добывалъ ее силою, т. е. просто на просто разбойничалъ. Но въ это 50 лѣтъ самостоятельной жизни народонаселеніе Греціи удвоилось и доходы возрасли въ пять разъ. На пустынныхъ мѣстахъ основано 11 новыхъ городовъ; болѣе 40 городовъ, разрушенныхъ войною, были за это время возстановлены и увеличены. Нѣкоторыя дороги, по которымъ могли только ходить пѣшеходы или ѣздить всадники—единственныя пути сообщенія при турецкомъ господствѣ, замѣнены теперь проѣзжими дорогами и по королевству протянулись телеграфическія линіи. До 10 портовъ вычищены, углублены и открыты для сообщеній. Построены маяки и мосты. Торговый флотъ сильно увеличился и около 100 тысячъ судовъ ежегодно входятъ теперь въ греческіе порты. Производство коринки (мелкій сушеный виноградъ), который составляетъ главный предметъ вывоза, увеличилось въ 15 разъ, сравнительно съ тѣмъ, что было до революціи. Количество виноградниковъ отъ 25 тысячъ стрёмъ (мѣра, нѣсколько болѣе одной десятой русской десятины) дошло теперь до 700 тысячъ. Также болѣе чѣмъ втрое увеличилось количество фиговыхъ и оливковыхъ деревьевъ. Устроена школа сельскаго хозяйства и въ Афинахъ сталъ издаваться сельскій журналъ. Расчищены многіе подземные стоки, предохраняющіе глубокія котловины отъ ежегодныхъ наводненій. Этимъ способомъ уже пріобрѣтено нѣсколько тысячъ десятинъ отличной земли.

Однако, какъ ни трудолюбивъ греческій крестьянинъ, сколько ни сдѣлано для улучшенія земледѣлія, но душа грека болѣе всего лежитъ къ торговлѣ и промышленности. Развитію этихъ склонностей болѣе всего помогаетъ географическое положеніе страны. Ея горные лабиринты и множествомъ бухтъ, развили въ обитателяхъ самыя характерныя свойства горнаго и приморскаго народа. При первыхъ признакахъ возрожденія, греки показали такую великую способность къ пароходству и торговлѣ что наблюдательные англичане, удивляясь ихъ таланту, осмотрительности, опытности, старанію, бережливости и честности, самымъ положительнымъ образомъ предсказывали имъ великіе успѣхи. Образованіе, которое сильно и быстро распространяется между греками, весьма помогаетъ правильному развитію торговли, доказательствомъ чему служитъ постоянное увеличеніе за послѣднее время торговыхъ сношеній грековъ по всему свѣту. Теперь важнѣйшіе представители греческой торговли и по своему образованію, и по своему торговому такту и предпріимчивости — стоятъ наравнѣ съ представителями торговли изъ самыхъ образованныхъ и промышленныхъ европейскихъ націй. Благодаря лѣности и неспособности турокъ, греки уже до начала нынѣшняго вѣка держали, какъ держатъ и теперь, въ своихъ рукахъ торговлю всего востока; но теперь, кромѣ того, можно найти во всѣхъ первостепенныхъ городахъ не только Стараго, но и Новаго свѣта, богатѣйшіе торговые дома подъ греческими фирмами.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Первоначальное образованіе. — Университетъ. — Страсть греческаго народа къ наукѣ. — Лишенія университетской молодежи. — Какая карьера предстоитъ въ будущемъ образованному греку. — Женскій институтъ Арсакеонъ.

Не одинъ торговый, промышленный духъ представляетъ характерную черту этой націи: греки издавна выказали самое горячее стремленіе къ образова-

нію. Не смотря на то, что большая часть образованной Европы смотрѣла еще лѣтъ пятьдесятъ назадъ на женщину, какъ на существо болѣе низкое, чѣмъ мужчина, не смотря на дурной примѣръ турокъ въ этомъ отношеніи, въ семейной жизни грековъ, даже и въ тѣ времена, было гораздо болѣе согласія, искренности и чистоты, чѣмъ у многихъ болѣе образованныхъ народовъ юга; греки уже и тогда обращались къ женщинѣ съ уваженіемъ и любовью, какъ къ подругѣ и матери ихъ дѣтей. Уже по одному этому, они смѣло могутъ надѣяться на высшее нравственное образованіе въ будущемъ.

«О золотая луна, что свѣтитъ мнѣ на пути къ наукѣ, — самый драгоцѣнный даръ Бога», такой былъ припѣвъ пѣсни, которую распѣвали греческіе мальчики, отправляясь ночью въ школу, во время турецкаго господства. Каждый грекъ, какъ тогда, такъ и теперь, съ благоговѣніемъ указывая на луну, повторяетъ дѣтямъ тѣже стихи и разсказываетъ имъ, какъ она помогала ихъ отцамъ и дѣдамъ ходить въ школу въ мрачныя времена оттоманскаго господства. Чтобы избѣгнуть преслѣдованій турокъ, греческіе дѣти и ихъ родители ночью, тайкомъ подкрадывались къ дому учителя и тамъ продолжали, также тайно и тихо, свои занятія. Такимъ образомъ деревенская школа и дома многихъ учителей дѣлались мѣстомъ тайнаго собранія, хотя и не съ цѣлями революціонной пропаганды, а съ цѣлями взаимнаго просвѣщенія. Въ то время греческихъ школъ было очень мало, но, едва возможно было открыть школу, не смотря на всю нищету свою, греки тотчасъ собирали деньги. Конечно, обученіе того времени было весьма жалкое, но эти факты все-таки доказываютъ, какъ сильно было всегда въ грекахъ стремленіе къ образованію. Это стремленіе не ослабѣваетъ и потомъ. Послѣ 1828 года, т. е. тотчасъ послѣ окончанія борьбы за свободу, когда поля Греціи еще дымились кровью, а на мѣстѣ вырубленныхъ оливковыхъ рощъ виднѣлись палатки солдатъ, въ рядахъ грековъ не прекращались еще междоусобія, — греческое правительство издавало уже декреты объ открытіи школъ и народъ повсюду громко требовалъ основанія лицеевъ и академій. Но какъ открыть эти общественныя заведенія, когда государство, истощенное войною, не имѣло никакихъ средствъ и на насущныя потребности? Тогда болѣе зажиточные греки, со всѣхъ концовъ Греціи и со всѣхъ концовъ свѣта, гдѣ только они жили, присылаютъ громадныя пожертвованія на образованіе... Многіе тутъ выказали истинное самоотверженіе: было много примѣровъ того, что жертвовали всѣмъ состояніемъ; нѣкоторые греческіе богачи давали обѣщаніе не жениться, чтобы по смерти оставить все свое состояніе въ пользу учебныхъ заведеній. Этому помогли и многіе европейскіе мыслители и образованные люди, поклонники древне-греческаго образованія. Увѣренные, что новые греки воскресятъ духъ своихъ предковъ, они тоже жертвовали часто всѣмъ своимъ состояніемъ.

Въ 1830 году, т. е. 2 года спустя, по отчетамъ министерства народнаго просвѣщенія, въ Греціи уже считалось 12 тысячъ учащихся изъ 700 тысячъ народонаселенія. Народъ еще въ то время совсѣмъ не успѣлъ оправиться, но у него гораздо болѣе было заботы объ образованіи, чѣмъ о матеріальномъ улучшеніи своего положенія. Вотъ какъ описываетъ одинъ извѣстный путешественникъ положеніе народа и его стремленіе къ образованію въ это время: «Есть города и деревни, опустошенные войною; среди одичалости и развалинъ безмолствуетъ печальный остатокъ народонаселенія, а на церковномъ подворьѣ малолѣтнія дѣти тѣснятся кругомъ приходскаго свя-

щенника, который, укрываясь съ ними отъ солнца въ тѣни погорѣлаго зданія, учитъ ихъ по лоскуткамъ книгъ и заставляетъ чертить буквы на пескѣ».

Понятно, что при такой общей, страстной жаждѣ знанія, Греція, за эти 40 лѣтъ, ни въ чемъ не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ образованіи, и особенно въ образованіи народномъ. По офиціальнымъ отчетамъ, въ общественныхъ и частныхъ заведеніяхъ, теперь учатся 81,197 человѣкъ, при народонаселеніи въ 1.457.894 ч. это выходитъ одинъ ученикъ на 18 жителей, между тѣмъ, какъ у насъ еще и теперь, одинъ учащійся считается среднимъ числомъ на 77 человѣкъ. Общественныя школы содержатся частью общинами, частью государствомъ. Въ большей части изъ нихъ учатъ чтенію, письму, арифметикѣ, катехизису, первымъ началамъ грамматики, элементарнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи, естественной исторіи, земледѣлію и рисованію. Семинарія въ Афинахъ приготовляетъ народныхъ учителей. Въ гимназіяхъ изучаютъ: древне-греческій языкъ, латинскій и французскій, математику, исторію, географію, логику, анатомію, физику и естественную исторію. Кромѣ народныхъ школъ, гимназій и семинарій для учителей, тутъ есть военная и политехническая школа, высшее нормальное училище, земледѣльческая школа, женскій институтъ Арсакеонъ, институтъ королевы Амаліи, 7 лицеевъ и наконецъ университетъ.

Афинскій университетъ основанъ въ 1835 году и растетъ съ каждымъ годомъ: теперь онъ уже имѣетъ 50 профессоровъ и болѣе 1200 студентовъ: между ними чрезвычайно много грековъ изъ турецкихъ провинцій. Зданіе университета одно изъ лучшихъ въ Афинахъ. Оно построено изъ ослѣпительно бѣлаго мрамора и въ древне-греческомъ стилѣ. Къ переднему фасаду примыкаетъ прекрасная галлерея, съ бѣлыми мраморными колоннами. Афинскій университетъ открытъ для всѣхъ званій, безъ всякой платы, и любовь къ ученію молодежи, говорятъ, здѣсь замѣчательная. Тутъ, разумѣется, какъ и вездѣ, есть даровитые и бездарные юноши, но всѣ единогласно утверждаютъ, что чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить юношу, ничего не дѣлающаго, не занимающагося серьезно своимъ предметомъ. Результатъ этихъ занятій бываетъ различенъ, но нѣтъ ни одного, который вступилъ бы въ университетъ только для того, чтобъ называться студентомъ. Едва только открылся университетъ, толпы молодежи, со всѣхъ концовъ Греціи, стали въ него стекаться. Множество мальчиковъ приходили издалека въ Афины босикомъ, ѣли сухой хлѣбъ, приготовляли другъ друга къ гимназіямъ и къ университету, и такимъ образомъ весьма многіе сдавали вступительные экзамены въ эти заведенія. Тутъ бываютъ часто такіе случаи: приходятъ юноши въ Афины съ нѣсколькими драхмами въ карманѣ, опредѣляются слугою къ какому нибудь зажиточному человѣку, или въ какой нибудь магазинъ, выговариваютъ за всѣ свои услуги только пристанище и кусокъ хлѣба вмѣстѣ со слугами и право на 3 часа въ день ходить на лекціи. Ночью такой молодой человѣкъ обыкновенно занимается, а вечеромъ и днемъ набиваетъ трубки, бѣгаетъ по порученіямъ и служитъ. Студентовъ, живущихъ такимъ образомъ, не мало въ афинскомъ университетѣ. Одинъ путешественникъ разсказываетъ, какъ одинъ молодой человѣкъ нанялся такимъ образомъ въ кофейню, вставалъ съ зарей, мелъ комнаты, мылъ посуду, приготовлялъ кофе, подавалъ его посѣтителямъ; затѣмъ убѣгалъ на лекціи, вечеромъ выполнялъ тѣ же обязанности, а часть ночи занимался приготовленіемъ лекцій. И вотъ черезъ 3 года, въ одно прекрасное утро, уставляя чашки и вытирая чубуки онъ обращается къ

своему хозяину: «Довольны вы мною, хозяинъ?» — «Доволенъ, Петро». — «Такъ вы дозволите мнѣ служить вамъ и впередъ?» — «Конечно». — «Только ужъ не при кофейнѣ». — «А какъ же?» — «Докторомъ, я вчера кончилъ экзаменъ и на дняхъ получу дипломъ».

Если обратить вниманіе на то, что Греція затрачиваетъ на свое общественное образованіе и при этомъ принять въ разсчетъ ея средства вообще, время независимаго существованія и ея населенность, то она стоитъ въ этомъ отношеніи — первою въ ряду всѣхъ націй, не исключая и Соединенныхъ Штатовъ. Нужно притомъ помнить, что въ другихъ странахъ, тоже заботящихся о народномъ образованіи, какъ въ Пруссіи, Саксоніи, Швейцаріи и Даніи, — обученіе обязательное; въ Греціи оно совершенно свободно. Какъ самый бѣдный человѣкъ, такъ и самый богатый гордится здѣсь болѣе всего тѣмъ, когда сынъ его образованъ.

Тотъ же быстрый успѣхъ мы видимъ и въ печати, которая въ Греціи пользуется замѣчательной свободой. До 1821 года не было ни одной газеты, теперь ихъ считается въ королевствѣ 77, (изъ нихъ три издаются греками на французскомъ языкѣ) и 13 журналовъ. Въ Афинахъ 40 типографій и 6 словолитень постоянно заняты.

Молодой человѣкъ, окончившій здѣсь высшее образованіе, находитъ весьма мало путей для примѣненія своихъ знаній. Болѣе способные избираютъ научную карьеру, но этотъ трудъ здѣсь весьма дурно оплачивается; нѣкоторые становятся учителями въ школахъ королевства или греческихъ школахъ Турціи; но эта обязанность требуетъ большаго терпѣнія и полнаго отреченія отъ всякихъ надеждъ на славу и извѣстность, что совсѣмъ не въ характерѣ грека, начинающаго мечтать еще съ пеленокъ о славѣ и общественной дѣятельности. Весьма затруднительно найти мѣсто и такому молодому человѣку, который рѣшается заниматься не умственнымъ трудомъ, а просто хочетъ получить занятія въ конторѣ: при самомъ незначительномъ жалованьи, на эти мѣста всегда сотни претендентовъ. Молодому человѣку, сдѣлавшему цѣлый рядъ неудачныхъ попытокъ, остается только одно: поселившись въ Афинахъ, стать въ ряды поклонниковъ какого нибудь виднаго государственнаго дѣятеля, пописывать въ газетахъ, разбивать въ пухъ и прахъ одного министра, чтобы выдвинуть другаго, и за это ожидать себѣ какого нибудь мѣстечка. Затѣмъ вся образованная молодежь только и думаетъ о томъ, чтобы попасть въ депутаты, такъ какъ, не смотря на незначительное содержаніе, это мѣсто даетъ возможность греку мечтать о министерскомъ портфелѣ. Честолюбіе — одна изъ главныхъ чертъ греческаго характера. Понятно, что при такомъ большомъ количествѣ людей, мечтающихъ о званіи министра, парламентъ представляетъ всегда ожесточенную борьбу партій. Очень часто эти партіи не представляютъ существеннаго различія въ мнѣніяхъ по вопросамъ государственнаго управленія, разногласятъ въ мелочахъ и, руководствуясь эгоистическими соображеніями, стараются столкнуть существующее министерство, не всегда потому, чтобы оно было дурно, а чаще для того, чтобы посадить на его мѣсто нужныхъ имъ людей. Крайне непродолжительное существованіе каждаго министерства вредно отзывается на государственномъ управленіи, такъ какъ, за немногіе мѣсяцы своего существованія, министръ не успѣваетъ провести серьезныхъ и полезныхъ мѣръ. Такимъ образомъ, за неимѣніемъ другихъ путей для дѣятельности, множество образованныхъ молодыхъ людей, тратятъ свои силы на безплодную политическую борьбу.

Послѣ университета, самое замѣчательное учебное заведеніе въ Афинахъ — женскій институтъ Арсакеонъ, названный такъ по имени одного богатаго грека Арсаки, который пожертвовалъ огромный капиталъ на его открытіе. Арсакеонъ управляется совѣтомъ, который состоитъ изъ профессоровъ университета и почетныхъ городскихъ жителей. Въ институтѣ бываетъ ежегодно до 130 пансіонерокъ и болѣе 300 приходящихъ. Пансіонерки содержатся на постоянные фонды заведенія, или на вновь поступающія пожертвованія. Приходящія платятъ за ученіе по 8 драхмъ въ мѣсяцъ (на наши деньги это выходитъ 1 р. 80 к. с.), По окончаніи курса институтки отправляются въ провинціальныя школы учительницами, или поступаютъ гувернантками. Заведеніе это пользуется такою извѣстностью, что, за долго до выпуска воспитанницъ, получаются приглашенія, не только отъ грековъ, живущихъ въ греческомъ королевствѣ и на островахъ, но даже отъ грековъ изъ Смирны, Константинополя, часто даже греческія семейства, живущія въ Англіи, предпочитаютъ брать свою соотечественницу изъ Арсакеона, чѣмъ иностранку.

Свободный доступъ въ афинскій институтъ вызвалъ такое же горячее сочувствіе, какъ и университетъ. Большая часть приходящихъ воспитанницъ, принадлежитъ къ бѣднѣйшему классу городскихъ жителей. Рыбная торговка, молочница, прачка, — не допиваетъ и не доѣдаетъ, откладывая всѣ трудовыя деньги, чтобъ помѣстить дочку въ институтъ. Конечно, тутъ, кромѣ стремленія къ образованію, высказывается и желаніе сдѣлать для дочери болѣе счастливую карьеру, чѣмъ своя собственная, такъ какъ институтки этого заведенія, говорятъ, никогда не остаются безъ мѣстъ послѣ выпуска.

СУЕВѢРІЯ.

Повѣрья и примѣты простолюдина. — Вриколаки: страхъ и безпокойство, которое причиняетъ грекамъ это повѣрье. — Громадное сходство между суевѣріями древнихъ и новыхъ грековъ.

Греки народъ только начинающій жить и учиться и потому между ними во всей силѣ господствуютъ суевѣрія, сохраненныя простолюдинами отъ самой глубокой языческой древности. Идетъ ли онъ къ ручью, онъ непремѣнно увидитъ тамъ водянаго духа; ищетъ ли тѣни у дерева — за нимъ наблюдаетъ драконъ; у рѣки — опять свое... И онъ до такой степени искренно вѣритъ во всѣхъ этихъ духовъ, что, бродя по берегу рѣки, будетъ непремѣнно прислушиваться къ жалобному пѣнію рѣчной нимфы, которая, какъ сказывали ему, изъ дѣвушки превратилась въ птицу. И греки, и гречанки имѣютъ множество дурныхъ и хорошихъ примѣтъ. Если кто случайно остановится и посмотритъ въ лице ребенка, мать считаетъ своей обязанностію ему плюнуть прямо въ лице, въ полной увѣренности, что иначе ребенка ея сглазятъ. Она и сама себя не рѣдко заподозрѣваетъ въ томъ, что она сглазила свое дитя; тогда она бьетъ себя въ грудь, приговаривая при этомъ особыя слова. По ихъ понятіямъ можно сглазить лошадь, хлѣбъ, дерево, домашнюю птицу. Мать навѣшиваетъ съ ранняго возраста своему дитяти ладонку съ солью, углемъ и чесномъ, приговаривая при этомъ: «чеснокъ и соль — въ глаза врагу». Матери болѣе всего боятся носить дѣтей къ рѣкѣ или ручью, такъ какъ опасаются нереидъ, которыя только и ждутъ, чтобъ унести хорошенькихъ дѣтей въ ручей. Съ ужасомъ закричитъ вся семья на того, кто въ забывчивости вдругъ оста-

повится въ дверяхъ хаты: они вѣрятъ, что отъ этого человѣкъ лишится впослѣдствіи голоса. Когда у нихъ ходитъ оспа, или другая какая болѣзнь, они утверждаютъ, что это слѣпая женщина, ощупывая стѣны домовъ, обѣгаетъ такимъ образомъ города и деревни. Вмѣсто того, чтобы принять какія нибудь гигіеническія мѣры противъ повѣтрія, или позвать доктора, они стараются заговорить стѣны, или не подходить къ нимъ, а держаться въ серединѣ хаты. Иногда кто нибудь въ ужасѣ вбѣгаетъ ночью въ хату и разсказываетъ, что, проходя мимо кладбища, онъ увидалъ надъ нимъ какіе-то огни, и тогда все населеніе съ ужасомъ подымается на ноги, бѣгутъ другъ къ другу разсказывать о случившемся, нѣкоторые отправляются даже къ священнику, и тогда отъ всѣхъ, отъ мала до велика, только и слышишь одно слово: «вриколаки». Вриколаки, которыхъ такъ боятся и въ которыхъ такъ вѣрятъ греки—блуждающіе, нечестивые мертвецы. На Балканскомъ полуостровѣ въ нихъ вѣрятъ почти всѣ народы: и христіанскіе, и магометанскіе; только у разныхъ народовъ они носятъ различныя названія: у албанцевъ — *вурвулаки*, у сербовъ — *вукодлаки* и т. д. Турки особенно боятся вриколаковъ. На островѣ Самосѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, туркамъ долго мерещилось привидѣніе одного грека, который только что былъ похороненъ, такъ что они упросили своихъ властей выкопать его тѣло и сжечь. Тогда христіане жаловались, что ихъ преслѣдуютъ не только живыми, но и мертвыми.

Но больше всего на Балканскомъ полуостровѣ это вѣрованіе распространено между греками. По ихъ мнѣнію вриколаки бываютъ *менѣе вредные* и тогда они только пугаютъ людей, но не дѣлаютъ имъ особеннаго вреда, и вриколаки *особенно вредные*, которыхъ они называютъ также *вампирами*. Вампиры, по ихъ мнѣнію, сосутъ человѣческую кровь и питаются печенью, — ихъ-то больше всего и боятся греки. Байронъ разсказываетъ между прочимъ, что онъ видѣлъ, какъ однажды цѣлое семейство пришло въ ужасъ отъ крика маленькаго ребенка, который оно приписало вампиру. Тотъ, кто убитъ вампиромъ, по мнѣнію грековъ, и самъ дѣлается вампиромъ. Главными причинами, вслѣдствіе которыхъ люди превращаются въ вампировъ, служатъ отлученіе отъ церкви, особенно тяжкіе грѣхи, проклятіе родителей и занятіе колдовствомъ. Отлученіе отъ церкви существуетъ здѣсь уже издавна: необразованные и корыстолюбивые греческіе священники часто пользовались этимъ суевѣріемъ, чтобы запугать народъ. Въ своихъ бесѣдахъ съ народомъ они всегда старались внушить ему необыкновенный страхъ къ отлученію отъ церкви, убѣждая ихъ, что оно имѣетъ громадное вліяніе не только на ихъ загробную жизнь, но и на состояніе ихъ здоровья, такъ что во многихъ мѣстахъ головную боль, лихорадку, ревматизмъ и другія болѣзни приписывали отлученію отъ церкви. Натурально, что народъ отдавалъ свою послѣднюю рубашку духовенству, лишь бы оставаться съ нимъ въ мирѣ и не быть отлученнымъ отъ церкви. Этотъ страхъ, который поселило къ себѣ духовенство, прежде всего вредно отзывался и на нихъ самихъ. Однажды священникъ былъ убитъ въ отомщеніе за смерть одного человѣка, такъ какъ предполагали, что она произошла вслѣдствіе отлученія отъ церкви. Разбойники, которыми, какъ мы увидимъ ниже, всегда была переполнена эта земля, ограбивъ священника, всегда старались его убить, такъ какъ боялись, что онъ потомъ отлучитъ ихъ отъ церкви. Греки вѣрили, что у человѣка, умершаго отлученнымъ отъ церкви, тѣло не разлагается въ могилѣ, и это суевѣріе всегда поддерживали сами священники, такъ какъ они, отлучая отъ церкви, торжественно произносили:

«Послѣ смерти пусть твое тѣло не разлагается.» Вслѣдствіе этого суевѣрія, во многихъ мѣстахъ, гдѣ оно существуетъ, есть обычай выкапывать тѣло годъ спустя послѣ смерти и угадывать по немъ, на небѣ ли его душа, или въ аду. Такъ какъ духовенство можетъ наказывать этимъ отлученіемъ, то оно же само можетъ и отмѣнить его; священники также выгоняютъ злыхъ духовъ и останавливаютъ порчу людей вриколоками. Народъ острова Крита вѣритъ, что вредъ, который эти ночные странники причиняли прежде, былъ чаще и что теперь несчастныхъ случаевъ меньше вслѣдствіе усердія и искуства духовенства. На островѣ Мителенѣ, кости тѣхъ, которые не хотятъ покойно лежать въ могилѣ, переносятъ на другой маленькій островокъ и здѣсь вновь ихъ погребаютъ. Народъ вѣритъ, что послѣ этого вампиръ не станетъ уже никому мерещиться, такъ какъ онъ не можетъ переходить черезъ соленую воду. Говорятъ однако, что самое лучшее средство, если не для успокоенія населенія, то для успокоенія духовенства, которое, кромѣ своекорыстныхъ цѣлей, иногда по своему невѣжеству и дѣйствительно искренно вѣритъ во всѣ нелѣпыя суевѣрія, было употреблено фессалійскимъ митрополитомъ. Одинъ священникъ пришелъ совѣтывать ему вырыть два тѣла и бросить въ рѣку, такъ какъ они вриколаки. Онъ разсказывалъ, что изъ ихъ могилъ каждую ночь выходитъ большое животное и при этомъ появляется пламя. Тогда епископъ взялъ со священника 250 піастровъ, которые онъ потомъ роздалъ бѣднымъ и, кромѣ того, обстригъ ему бороду. За тѣмъ епископъ объявилъ по всей епархіи, что за всякое подобное извѣстіе онъ будетъ наказывать штрафомъ и лишать мѣста. Въ этой мѣстности вриколаки перестали появляться. Въ городѣ Прилепѣ есть нѣсколько семействъ, которыхъ считаютъ потомками вриколаковъ и думаютъ, что они въ состояніи успокоивать странствующихъ духовъ, съ которыми они связаны родствомъ. Они держатъ свое искуство въ большомъ секретѣ, тѣмъ не менѣе ихъ слава широко распространилась и за ними всегда посылаютъ изъ разныхъ городовъ и деревень, когда желаютъ отдѣлаться отъ вриколаковъ.

Вотъ какъ выгоняютъ вриколаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Греціи: священникъ кладетъ на землю рубашку покойника, котораго считали вриколакомъ, и начинаетъ ходить по ней, читая молитвы; при этомъ его поддерживаютъ съ двухъ сторонъ, чтобы вампиръ не схватилъ его самого. Когда священнику удалось въ какомъ нибудь мѣстѣ разорвать ногою рубашку, то злой духъ немедленно выходитъ изъ этой дырки. Считаютъ, что въ субботу лучше всего изгонять вриколаковъ, такъ какъ они въ этотъ день остаются въ могилѣ. Вриколаки очень боятся знака креста. Сказываютъ, что одинъ пастухъ, котораго однажды внезапно застигла буря, долженъ былъ ночевать въ склепѣ человѣка, превратившагося въ вриколака. Передъ сномъ онъ снялъ оружіе и положилъ его крестообразно на камень себѣ подъ голову. При всемъ желаніи выйти изъ могилы въ эту ночь, вампиръ никакъ не могъ этого сдѣлать и умолялъ пастуха снять крестъ. Пастухъ согласился это сдѣлать лишь тогда, когда духъ поклялся ему своимъ саваномъ (единственная клятва, которая ихъ связываетъ), что онъ не причинитъ ему никакого вреда. Если всѣ указанныя средства успокоить вампира не помогаютъ, тогда остается только сжечь тѣло. Однако къ этому греки прибѣгали и прежде очень рѣдко, а теперь и еще того рѣже, такъ какъ они имѣютъ отвращеніе къ сожженію труповъ.

У грековъ сохранилось еще много суевѣрныхъ представленій изъ древней греческой мифологіи. Новый грекъ, какъ и древній, олицетворяетъ всѣ обстоя-

тельства своей жизни въ видѣ какихъ нибудь существъ, оживляетъ всю свою природу: такъ нимфы, дріады, ореады, сатиры и т. д. древнихъ грековъ продолжаютъ въ томъ или другомъ видѣ существовать и въ представленіяхъ новаго грека. Олицетвореніе оспы въ видѣ слѣпой женщины, а еще болѣе олицетвореніе чумы, напоминаетъ древнихъ парокъ. Нынѣшніе греки представляютъ чуму въ образѣ трехъ женщинъ, изъ которыхъ одна всюду носитъ въ рукѣ свертокъ бумаги, другая—ножницы, а третья метлу. Онѣ всѣ вмѣстѣ ходятъ по домамъ и первая вноситъ въ свой списокъ имена жертвъ, вторая ранитъ ихъ ножницами, а третья выметаетъ послѣ нихъ всякій слѣдъ.

Греки обитающіе въ одной части Тайгетскихъ горъ, въ Лаконіи, вѣрятъ, что на одной горѣ постоянно танцуютъ три дѣвушки ослѣпительной красоты, съ козьими ногами. Всякій, приближающійся къ нимъ, непремѣнно будетъ пораженъ ихъ красотой и постарается обнять ихъ; за эту дерзость, дѣвушки сталкиваютъ въ пропасть съ высоты горы. Ясно, что это народное вѣрованіе коренится въ древнихъ греческихъ представленіяхъ объ ореадахъ, сиренахъ и сатирахъ.

ГРЕЧЕСКІЕ ОБРЯДЫ.

Знакомство молодежи между собою.—Предложеніе.—Обрученіе.—Обычай молчанія.—Бракъ и церемонія, какими онъ сопровождается.—Похороны.—Миріологи.—Посты и другіе религіозные обряды.—Пѣсни и ихъ значеніе для грековъ.—Слѣпые пѣвцы.

Грекъ всегда ищетъ себѣ въ жены равную и въ этихъ случаяхъ всего менѣе обращаетъ вниманія на богатство. Богатые греки не имѣютъ никакихъ предразсудковъ о томъ, за кого выдать дочь замужъ, и очень часто выдаютъ своихъ дочерей за своихъ слугъ, если только они порядочные люди и молодежь нравится другъ другу. Молодые люди больше всего знакомятся между собою во время праздничныхъ забавъ и танцевъ. Когда парню уже на столько понравилась дѣвушка, что онъ задумалъ на ней жениться, тогда онъ старается выбрать такое время, когда она одна. Гречанка тотчасъ пойметъ, что и молодецъ подходитъ къ ней съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ей предложеніе, такъ какъ прежде чѣмъ объ чемъ нибудь заговорить, онъ броситъ въ суженую цвѣтами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого онъ подаетъ ей яблоко. Получивъ согласіе дѣвушки, молодецъ долженъ тотчасъ сказать объ этомъ родителямъ. Но, прежде чѣмъ явиться къ нимъ, онъ долго и усердно молится Богу, горячо говоря: «Я посвящу тебѣ, святая Богородица, серебрянную лампаду, принесу много ладона, если ты одѣнешь намъ перстни на руки и вѣнцы на головы». Никакой страхъ, никакая опасность не заставятъ юношу перемѣнить намѣреніе, если онъ уже сдѣлалъ дѣвушкѣ предложеніе. «Если бы тысячи мечей и ножей были у меня подъ ногами», распѣваетъ онъ въ это время, «я раздавилъ бы ихъ всѣхъ и пришелъ къ тебѣ». Чтобы доказать своей возлюбленной, что онъ готовъ перенести для нея всякія испытанія, онъ иногда, стоя подъ ея окномъ, вонзаетъ себѣ кинжалъ въ руки и ноги. Но если, не смотря на всю взаимную привязанность молодыхъ людей, родители не соглашаются на ихъ бракъ, что случается здѣсь, впрочемъ, гораздо рѣже, чѣмъ у другихъ народовъ, тогда молодецъ старается ворваться въ домъ своей возлюбленной, когда тамъ священникъ, беретъ ее за руку и силою выводитъ изъ

дому въ сосѣднюю деревню, гдѣ ихъ тотчасъ и вѣнчаютъ. Родителямъ послѣ этого ничего не остается дѣлать, какъ только примириться съ новымъ зятемъ. Когда родители той и другой стороны соглашаются на бракъ своихъ дѣтей, то тотчасъ устраиваютъ обрученіе. Въ назначенный вечеръ, родители собираются вмѣстѣ, или къ отцу жениха, или въ невѣстинъ домъ; туда же входитъ и священникъ. Кладутъ на столъ контрактъ и двѣ молодыя дѣвушки вводятъ невѣсту, всю окутанную вуалью. Женихъ идетъ къ ней на встрѣчу, беретъ ее за руку и они подходятъ къ священнику, который ихъ благословляетъ и мѣняетъ ихъ кольца. За тѣмъ женихъ и невѣста выходятъ изъ комнаты, а родители остаются, пьютъ, поздравляютъ другъ друга и назначаютъ день свадьбы. Послѣ обрученія свадьбу иногда назначаютъ очень скоро, иногда же откладываютъ на нѣсколько мѣсяцевъ, или даже на цѣлый годъ. Но на сколько бы она ни была отсрочена, женихъ и невѣста отъ самаго дня обрученія до свадьбы не могутъ между собой разговаривать. Здѣсь считается величайшимъ позоромъ, если замѣтятъ, что женихъ подойдетъ къ невѣстѣ, или скажетъ съ ней хоть одно слово.

За 8 дней до свадьбы родители жениха и невѣсты посылаютъ съ юношею пригласительныя свадебныя письма по всѣмъ своимъ родственникамт, друзьямъ и знакомымъ. Каждый приглашенный, поблагодаривъ посланнаго, считаетъ долгомъ взвалить ему на плечи или ягненка, убраннаго цвѣтами и лентами, или часть коровы, нѣсколько хлѣбовъ: все это для свадебныхъ угощеній, а иногда и на прокормленіе гостей, которые часто, за нѣсколько дней до свадьбы, начинаютъ уже жить въ домѣ жениха или невѣсты. Въ день свадьбы всѣ собираются въ домѣ жениха, гдѣ гостей угощаютъ изюмомъ, печенымъ горохомъ и виномъ и за тѣмъ идутъ въ домъ невѣсты, откуда поѣздъ двигается въ церковь. Дружка несетъ съ собою факелы и вѣнцы, которые онъ долженъ приготовить на свой счетъ. Невѣста въ лучшей одеждѣ, съ лицемъ, покрытымъ бѣлою вуалью, входитъ въ церковъ въ сопровожденіи подругъ и родственницъ. Послѣ бракосочетанія идутъ въ домъ жениха и при этомъ изъ всѣхъ домовъ сбѣгается народъ и бросаетъ въ молодыхъ цвѣтами, плодами, виноградомъ. Жители деревни, изъ которой взята молодая, поютъ: «У насъ похитили прекрасную дѣвушку и мы теперь остались точно въ разоренномъ городѣ».

На порогѣ молодую встрѣчаютъ дѣвушки и подаютъ ей медъ и орѣхи, смѣшанные съ сесамомъ (сѣмя растенія), какъ символъ трудолюбія, плодородія и чистоты. Когда невѣста отвѣдала этого кушанья, его подносятъ всѣмъ свадебнымъ гостямъ. Когда молодая вошла въ комнату, она ступаетъ ногой на сошникъ (желѣзо въ плугѣ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто этого мужчины вытаскиваютъ изъ-за пояса кинжалы и чертятъ ими кресты и другіе знаки на дверяхъ, чтобы съ новобрачными не случилось ничего дурнаго. Эти знаки стараются сохранить даже и тогда, когда домъ отдѣлываютъ снаружи. Послѣ многихъ другихъ обрядовъ, наконецъ, садятся всѣ за столъ, кромѣ невѣсты, которая стоитъ все еще закрытая вуалью. Посреди пира къ ней подходитъ дружка и открываетъ лице. Нужно замѣтить, что всѣ эти обряды сопровождаются пѣснями и во время всѣхъ пиршествъ никогда не повторяется одна и та же пѣсня, такъ какъ на всякій свадебный обрядъ, на всякое время этого дня существуетъ и особая пѣсня. Эти свадебныя пѣсни поются по очереди, то мужчинами, то женщинами и этимъ напоминаютъ древне-греческія пѣсни Гименею; нѣкоторыя пѣсни поются всѣми вмѣстѣ. Послѣ обѣда начинаются танцы; если мо-

лодая не любитъ танцовать, то она можетъ отправиться къ себѣ, но непремѣнно должна начать танецъ.

Теперь перейдемъ къ печальнымъ обрядамъ похоронъ. Лишь только кто нибудь умеръ, всѣ его родственники въ ту же минуту оставляютъ его и переходятъ въ домъ сосѣдки переодѣться въ трауръ, распустить свои волосы и только въ такомъ видѣ они возвращаются къ покойнику. Между тѣмъ тѣло покойнаго успѣли уже вымыть виномъ, одѣть въ саванъ и положить. При этомъ всѣ двери, гдѣ лежитъ покойникъ, открываютъ, чтобы всѣ его друзья, знакомые и незнакомые, всѣ могли придти проститься съ нимъ. Всякаго покойника здѣсь обыкновенно окружаетъ множество плакальщицъ, которыя, въ слезахъ и рыданіяхъ, ломаютъ руки, причитаютъ или, какъ выражаются здѣсь, произносятъ миріологи. Этими плакальщицами бываютъ или родственники усопшаго, или наемныя женщины, если родственницы почему-нибудь отказываются взять на себя эту обязанность.

«Зачѣмъ ты меня покинулъ», причитаютъ плакальщицы. «Вѣдь у тебя есть все: кремень и огниво, много навозу; твоя коса изъ чистаго желѣза съ деревянной ручкой». Или: «Чего же ты идешь искать! Трава поросла по порогамъ твоей хаты; твой дворъ опустѣлъ; твои конюшни остались безъ лошадей... О приходи и оживи твое жилище». Вотъ еще образчикъ: «Наслаждайся свѣтомъ, ты его видишь послѣдній день, завтра ты будешь лежать въ сырой землѣ, о мой сынъ! сдѣлайся тучкой, облакомъ или птичкой, чтобъ еще наслаждаться свѣтомъ».

Однажды 25-ти-лѣтняя женщина, потерявъ своего мужа, подвела къ тѣлу покойнаго двухъ своихъ дѣтей и, рыдая и причитая, стала вслухъ говорить: «О какой я сонъ видѣла сегодня: молодой человѣкъ, высокаго роста, вооруженный съ головы до ногъ, показался на порогѣ твоего дома.—Женщина, спросилъ онъ, твой мужъ дома? Да, отвѣчала я ему,—вонъ онъ чешетъ маленькаго Николая и ласкаетъ его, чтобы не дать ему расплакаться. Не подходи, ужасный человѣкъ, не подходи, упрашивала я его, ты напугаешь мое милое дитя, и я хотѣла его толкнуть... Но онъ ворвался въ домъ, бросился на тебя, ударилъ тебя саблею и хотѣлъ убить Николая»... При этихъ словахъ несчастная женщина бросилась на трупъ мужа и ее на силу могли оттащить. Рыданія душили всѣхъ присутствующихъ.

Вообще миріологи эти, сказанные кстати и не наемными плакальщицами, а людьми, любившими усопшаго, вызываютъ много горячаго чувства у присутствующихъ. Но тутъ же происходитъ и много страннаго. Иногда, во время миріологовъ чихаетъ ребенокъ, тогда сосѣдки бросаются на него и рвутъ на немъ рубашку, полагая, что иначе онъ непремѣнно преждевременно умретъ. Когда опускаютъ покойника въ могилу, родственники рвутъ на себѣ волосы и бросаютъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ,—обычай, который былъ извѣстенъ еще въ древности. Послѣ похоронъ всѣмъ присутствующимъ раздаютъ теплый хлѣбъ, оливы, сыръ и вино, чтобы они помолились за душу умершаго. Затѣмъ всѣ возвращаются, но, прежде чѣмъ вступить въ домъ, гдѣ приготовленъ поминальный обѣдъ, всѣ должны вымыть себѣ руки.

Греки народъ чрезвычайно религіозный и, какъ у людей еще не вполнѣ образованныхъ, обрядъ въ ихъ религіи имѣетъ первостепенное значеніе. У нихъ двѣ трети года занято постами и они строго ихъ выполняютъ. Очень часто они ходятъ на богомолье. Если заболѣетъ ребенокъ, или кто нибудь изъ близкихъ, то въ молитвахъ просятъ у Бога исцѣленія, обѣщая при этомъ

той или другой чудотворной иконѣ какое нибудь цѣнное приношеніе. Эти обѣщанія строго выполняются и чудотворныя иконы бываютъ обыкновенно окружены и увѣшаны рядами глазъ, зубовъ, рукъ и другихъ частей человѣческаго тѣла, сдѣланныхъ изъ какого нибудь металла въ благодарность исцѣленія этихъ частей тѣла отъ той или другой болѣзни. Всѣ обряды и праздники только потому и оживляютъ ихъ жизнь, что они сопровождаются чудными, полными глубокаго чувства и поэзіи греческими пѣснями. На всякій праздникъ, на различные случаи изъ жизни, вы всегда найдете особую пѣсню и даже не одну, а обыкновенно цѣлый рядъ ихъ. Такъ какъ засуха — самое обыкновенное явленіе греческой природы, то мы и разскажемъ, какъ встрѣчаютъ здѣсь это бѣдствіе. Когда бездождье продолжается болѣе 15, 16 дней, тогда дѣти въ деревняхъ и маленькихъ городкахъ собираются вмѣстѣ, выбираютъ изъ среды своей одного ребенка, непремѣнно сироту, такъ какъ думаютъ, что Богъ скорѣе всего услышитъ просьбу несчастнаго. Этого ребенка раздѣваютъ и, буквально, съ головы до ногъ, обвиваютъ и украшаютъ полевыми цвѣтами и травами. Съ нимъ дѣти ходятъ огромною толпою по улицамъ, и каждая хозяйка дома считаетъ долгомъ вылить на него сосудъ воды въ той надеждѣ, что и Богъ такимъ образомъ прольетъ дождь на землю. При этомъ непремѣнно даютъ малюткѣ мелкую монету. Между тѣмъ дѣти продолжаютъ пѣть пѣсню за пѣсней и во всѣхъ ихъ онѣ умоляютъ Бога послать дождь, чтобы поля позеленѣли, чтобы расцвѣли душистыя зеленыя травы, чтобы виноградникъ далъ обильныя грозды.

Всѣ греческія пѣсни сложены и поются горными пастухами, другія — моряками, во время ихъ путешествія, нѣкоторыя клефтами (разбойниками) и, наконецъ, надгробныя причитанія, или миріологи, импровизируютъ женщины на гробѣ любимаго человѣка. Но наибольшее число народныхъ пѣсенъ обязано своимъ происхожденіемъ особому классу людей — слѣпымъ, странствующимъ пѣвцамъ.

Гордый грекъ никогда не нищенствуетъ: даже и тогда, когда онъ слѣпъ и не можетъ работать, онъ не рѣшится протянуть руки за милостыней, а добываетъ себѣ пропитаніе, расхаживая изъ деревни въ деревню и распѣвая пѣсни, изъ которыхъ многія сложены имъ самимъ. Чаще всего эти слѣпые пѣвцы появляются во время мѣстныхъ праздниковъ той или другой деревни; тогда всѣ собираются вокругъ нихъ и слушаютъ ихъ, притаивъ дыханіе. Эти пѣвцы — живые сборники пѣсенъ: такое невообразимо громадное количество ихъ знаютъ они на память. При пѣніи они аккомпанируютъ себѣ на инструментѣ, весьма напоминающемъ древнюю лиру. Они ходятъ обыкновенно по одиночкѣ, но во время большихъ празднествъ соединяются иногда большими группами.

Какъ веселятся и проводятъ праздники нынѣшніе греки. — Праздникъ Василія Великаго. — Какъ встрѣчаютъ въ деревняхъ 1-е Марта. — Страстная недѣля. — Первые дни Пасхи. — Праздникъ въ храмѣ Тезея. — Танцы. — Романка — любимый народный танецъ. — Попытка возстановить олимпійскія игры.

У грековъ три главныхъ праздника: св. Василія, 1-е марта и Пасха.

Греческая церковь чтитъ память Василія Великаго 1-го января. Это день, какъ и во всей остальной Европѣ,—визитовъ, поздравленій, подарковъ. Въ этотъ день въ греческихъ деревняхъ собираются вмѣстѣ молодые люди

и отправляются поздравлять своихъ знакомыхъ и родныхъ. Входя въ домъ, вся молодежь начинаетъ пѣть, прежде всего въ честь самаго Василія Великаго: «Василій Великій идетъ въ бронзовыхъ башмакахъ и желѣзной одеждѣ. Откуда ты, Василій Великій, и куда идешь? Я изъ школы и иду къ своей матери. Если ты изъ школы, скажи намъ азбуку. Василій оперся на палку, чтобы сказать А, В, Г и вдругъ его палка зазеленѣла и пустила вѣтку съ золотыми листьями, разукрашенными серебромъ». Затѣмъ вторую пѣснь поютъ хозяину: «О мой хозяинъ! тебя почтилъ не только Богъ и царь, но и весь міръ, и вся храбрая молодежь твоей страны... Хорошенько угости ихъ, добрый хозяинъ... Но мы довольно прославляли хозяина, пожелаемъ ему въ заключеніе еще тысячу разъ встрѣтить Пасху и Крещеніе, и дожить до такой сѣдины, какимъ бываетъ бѣлоснѣжный голубь, какъ Олимпъ, когда онъ покрытъ снѣгомъ».

Затѣмъ поютъ въ томъ же родѣ хозяйкѣ и всѣмъ членамъ семейства. Все это совершается съ необыкновеннымъ оживленіемъ, и тотъ, въ честь кого начинаютъ пѣть, старается вынести сколько можно больше разныхъ деревенскихъ угощеній, между которыми первое мѣсто занимаютъ хлѣбцы, орѣхи и виноградъ.

1-го января оживляются даже и мирные Афины. Лишь только смеркнется и зажгутъ газъ, афинскія улицы, въ особенности Эола и Гермеса, наполняются толпами гуляющихъ: всюду раздаются шумъ, крики и этотъ гулъ далеко разносится по всей столицѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ гуще толпа, тѣмъ болѣе усиливается шумъ. При этомъ не только дѣти, но даже и взрослые, всѣ вооружены множествомъ трещетокъ, свистковъ, дудокъ, колокольчиками и всѣ пищатъ, свистятъ, звонятъ, гремятъ... Иногда одинъ и тотъ же испускаетъ сразу множество дикихъ звуковъ и потому легко себѣ представить шумъ и гулъ, который идетъ по улицамъ. Не думайте, чтобы такъ забавлялись одни простолюдины: всѣ классы общества принимаютъ участіе въ общемъ веселіи. И это понятно, при скучной афинской жизни, всѣ до смерти рады, когда чѣмъ нибудь нарушается это однообразіе. Уличные мальчики со смѣхомъ и пронзительнымъ свистомъ и пискомъ подбѣгаютъ къ знатнымъ господамъ и тѣ отвѣчаютъ имъ тѣмъ же. Однако послѣ 11 часовъ вечера всѣ уже успѣютъ достаточно утомиться и расходятся по домамъ. Празднество это нѣсколько напоминаетъ римскій карнавалъ, только выдумки и народныя забавы здѣсь гораздо однообразнѣе.

Первое марта встрѣчаютъ здѣсь такъ, какъ во многихъ мѣстахъ 1-е мая. Собирается множество дѣтей и молодежи и, подходя то къ одному, то къ другому дому, они поютъ о возвращеніи весны. Самая главная пѣснь, которая при этомъ поется,—«Ласточка». Прежде чѣмъ затянуть эту пѣсню, дѣти вынимаютъ ласточку, сдѣланную изъ дерева и, дергая ее за веревочку, такъ что она при этомъ подымаетъ крылья, поютъ: «Ласточка прилетѣла изъ-за моря и поетъ: Мартъ мой любимый мѣсяцъ! и ты, скучный Февраль, со своими снѣгами и дождями, все-таки чувствуешь приближеніе этого добраго мѣсяца». При этомъ изъ каждаго дома выходитъ хозяйка и выноситъ дѣтямъ: хлѣбъ, яйца, сыръ.

Пѣснею начинается и кончается праздникъ; множество пѣсенъ существуетъ у грековъ и по поводу разныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Но больше всего ихъ здѣсь сложено, кажется, на отъѣздъ, т. е. на тѣ случаи, когда кто нибудь покидаетъ родную семью. Страстное стремленіе къ ученію, необ-

ходимость отправляться на заработки, все это заставляетъ грека часто уѣзжать изъ деревни, гдѣ онъ родился и провелъ первые годы дѣтства, и отправляться въ Афины, или даже за границу. Особенно тяжело бываетъ ему оставлять свою родину, которую онъ любитъ до самоотверженія, со всѣмъ пыломъ южной природы, гдѣ, какъ говорятъ ихъ пѣсни, солнце привѣтливѣе всего улыбается землѣ; страну, гдѣ мать, сестра и жена умѣютъ любить такъ горячо; страну прекрасныхъ долинъ и горъ, извѣстныхъ всему свѣту своими божествами и поэзіею. Всякаго уѣзжающаго куча знакомыхъ и родственниковъ провожаетъ съ пѣніемъ: поютъ пѣсни во время прощальнаго обѣда, поютъ и въ самую минуту прощанія.

Если греки, какъ мы уже говорили, строго соблюдаютъ посты, за то они вознаграждаютъ себя при розговѣньяхъ. При этомъ пасхальный агнецъ играетъ самую видную роль. Въ одну страстную недѣлю, говорятъ, въ Афинахъ убиваютъ отъ 12 до 15 тысячъ, а во всей Греціи болѣе 200 тысячъ ягнятъ и овецъ. Въ страстную недѣлю крестьяне изъ всѣхъ частей Аттики пригоняютъ свои стада въ Афины и тогда въ городѣ богини мудрости только и слышно, въ продолженіи нѣсколькихъ дней, одно овечье блеяніе. Въ эти дни то и дѣло встрѣчаешь грека, который несетъ на спинѣ ягненка. Послѣдніе дни здѣшніе купцы всячески убираютъ свои товары. Стѣны ихъ лавокъ украшены всевозможными картинками, какія только попадутся хозяину подъ руку: тутъ можно найти и изображенія святыхъ, и рисунки сраженія изъ войны за независимость, портретъ Наполеона, Фридриха Великаго... Лучше всѣхъ товаровъ разукрашены восковыя свѣчи; грудами лежатъ онѣ на полкахъ, окрашенныя въ яркія цвѣта, оклеенныя золотыми и серебрянными бумажками. На нихъ обращено особенное вниманіе, потому что свѣчи составляютъ въ эти дни одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли, такъ какъ каждый грекъ не пойдетъ иначе въ церковь, какъ со свѣчей въ рукѣ.

Воскресеніе Христово греки встрѣчаютъ съ необыкновеннымъ торжествомъ, съ неудержимой веселостью. Въ ту минуту, когда епископъ въ полночный часъ произноситъ: «Христосъ Воскресъ», начинается шумъ и веселіе во всѣхъ домахъ, крики и свистки, пальба и трескъ ракетъ, и пресыщеніе различными яствами и напитками, между которыми главную роль играютъ пасхальный агнецъ и вино. Но за то нужно отдать справедливость греку; онъ только въ дни Пасхи и бываетъ неумѣренъ въ пищѣ.

Третьимъ днемъ Пасхи заключается народное веселье. Въ этотъ день, народъ обыкновенно собирается на лугу подлѣ храма Тезея. Тогда сюда сходятся не только жители Афинъ, но и всѣхъ окрестностей. По крайней мѣрѣ 10 тысячъ человѣкъ, какъ волнующееся море двигаются тогда здѣсь взадъ и впередъ, или располагаются по холму Нимфъ живописными группами,—всѣ въ самыхъ лучшихъ нарядахъ... Какъ все тогда блеститъ и сверкаетъ! Эти красные фесы, съ длинными серебрянными кистями, красные, шитые золотомъ и серебромъ камзолы и штиблеты, великолѣпные шелковые шарфы, ослѣпительно бѣлыя фустанеллы и при этомъ тамъ и сямъ ярко сверкающіе огни, у которыхъ удобно расположились отдѣльныя семейства, чтобы жарить неизбѣжную на всякомъ народномъ праздникѣ баранину. А посреди этой суеты и пестроты спокойно и величественно стоитъ древній храмъ! Бѣдная сѣверная фантазія не можетъ составить себѣ и понятія о подобномъ великолѣпномъ сочетаніи цвѣтовъ и красокъ. Минутами даже вамъ кажется, будто вновь воскресло время минувшаго великолѣпія и радостный праздникъ богамъ торжественно празднуется

вокругъ покинутаго храма. И чѣмъ болѣе вы вглядываетесь въ этотъ народъ, который покрываетъ всю эту мѣстность, тѣмъ долѣе продолжается ваша иллюзія. Смѣлыя, рѣзко очерченныя лица, прекрасныя, пластическія фигуры и движенія, торжественная, полная достоинства походка,—все напоминаетъ вамъ древнихъ афинянъ. Только когда вы поближе вглядитесь въ праздникъ, вы замѣтите, что тутъ недостаетъ самаго важнаго, чѣмъ такъ оживлялись древнія праздники — искренняго веселья. Тутъ много крика, шума, безцѣльнаго шатанья изъ стороны въ сторону, но нѣтъ центра вокругъ котораго все бы группировалось, нѣтъ ничего такого, чтобы могло всѣхъ оживлять. Нѣкоторыя группы, гдѣ нибудь усѣвшись, ѣдятъ и пьютъ, другія болтаютъ между собой; вообще, какъ видно, большинство приходитъ сюда, чтобы куда нибудь уйти отъ томящаго однообразія афинской жизни. Только тамъ и сямъ отдѣльныя пары танцующихъ оживляютъ это несмѣтное собраніе народа. Греческій танецъ — необыкновенно странный. Танцуетъ обыкновенно каждый полъ отдѣльно. Дѣвушки даже и между собой не танцуютъ въ общественныхъ мѣстахъ. Только по вечерамъ, въ закрытыхъ дворахъ и на маленькихъ собраніяхъ, можно увидѣть танцующихъ гречанокъ. Танцующіе образуютъ обыкновенно кругъ, взявшись за руки, какъ и у насъ въ хороводахъ, только кругъ этотъ не бываетъ замкнутъ, чтобы оставить проходъ для танцора, который тутъ играетъ главную роль. Онъ входитъ въ кругъ и начинаетъ выдѣлывать разные прыжки и скачки, и при этомъ каждому его движенію тотчасъ подражаютъ всѣ танцующіе. Эти скачки и прыжки танцоры выдѣлываютъ подъ тактъ волынки или дудки съ барабаномъ, подъ звуки которыхъ присутствующіе подпѣваютъ плясовыя пѣсни. Постепенно музыка дѣлается оживленнѣе и движенія танцоровъ переходятъ въ смѣлые, искусные и быстрые прыжки. Но ни музыка, ни танцы не доходятъ здѣсь до того увлеченія, какое мы найдемъ въ Испаніи. Онѣ всегда остаются серьезными, однообразными и размѣренными. «Я видѣлъ однажды», говоритъ одинъ путешественникъ, «какъ танцовалъ пьяный грекъ; даже и онъ сохранялъ въ танцѣ всю серьезность и медленную сдержанность нынѣшнихъ афинскихъ танцоровъ». Самый любимый греческій танецъ *Ромаика.* Число танцоровъ бываетъ до 36-ти человѣкъ. Всѣ они берутся за руки и начинаютъ медленно ходить вокругъ музыканта, то наклоняя впередъ голову, то откидывая ее слегка назадъ. Но вотъ выбѣгаетъ одинъ танцоръ, прыгаетъ, перевертывается, вскидываетъ руки то вверхъ, то опускаетъ ихъ внизъ, бросаетъ кверху одною рукою свой фесъ, а другою выхватываетъ изъ за пояса свой пистолетъ, стрѣляетъ въ свою шапку, опять ловитъ ее на лету,—и его бѣлая фустанелла взвивается, какъ юбка у нашихъ балетныхъ танцовщицъ; за тѣмъ онъ опять выкидываетъ нѣсколько прыжковъ и исчезаетъ въ толпѣ. Хороводъ продолжаетъ двигаться съ тѣмъ же величавымъ спокойствіемъ, какъ и прежде, а на мѣстѣ его появляется другой танцоръ, который, нѣсколько разнообразя движенія перваго, выкидываетъ тѣ же штуки.

Вѣроятно, вслѣдствіе монотонности и однообразія своихъ празднествъ, а также и вслѣдствіе глубокаго уваженія нынѣшнихъ грековъ къ памяти своихъ предковъ, въ 1871 году была сдѣлана попытка возстановить олимпійскія игры. Но нынѣшнія игры происходили не на мѣстѣ древней Олимпіи, а въ Афинахъ, на мѣстѣ древняго стадіума—ристалища. Путемъ многихъ раскопокъ, открыли мѣсто, гдѣ былъ въ древности бѣгъ, убрали обломки и по возможности возстановили стадій въ его первоначальномъ видѣ. Въ одномъ концѣ былъ выстроенъ раскрашенный павильонъ съ колоннами, украшенными олив-

ковыми вѣтвями и флагами. Онъ назначался для короля, королевы и членовъ дипломатическаго корпуса. Посреди было мѣсто для бѣга, тутъ же поставили мачты и канаты для лазанія; такимъ образомъ панафинейскій стадій былъ по возможности возстановленъ и только мраморныя сидѣнья были замѣнены деревянными. Вѣроятно большаго сборища не собиралось и на мраморныхъ скамьяхъ древняго стадія. Въ назначенный день тутъ было около 20 тысячъ зрителей. Огромная толпа народа размѣстилась въ величайшемъ порядкѣ по скамьямъ, расположеннымъ амфитеатромъ, а на самомъ ристалищѣ живописно стояли 30 хорошо сложенныхъ атлетовъ, въ одеждѣ тѣлеснаго цвѣта, что представляло довольно близкое подражаніе нагимъ, умащеннымъ тѣламъ ихъ предковъ. Недалеко отъ нихъ размѣстилось съ полъ дюжины судей въ голубыхъ поясахъ. Бѣгуны, какъ и въ древности, выстроились въ линію, занявъ мѣста по жребію и поклявшись въ вѣрности правиламъ игры. Въ заключеніе каждаго представленія, судьи возвѣщали имя побѣдителя, его родителей и мѣсто его рожденія. Послѣ этого онъ всходилъ по лѣстницѣ къ королевскому сѣдалищу и получалъ отъ короля, какъ и на олимпійскихъ играхъ, вѣнокъ изъ дикой оливы. Увѣнчавъ имъ себя, побѣдитель сходилъ на арену посреди оглушительныхъ рукоплесканій. Второй побѣдитель получалъ изъ рукъ королевы оливковую, а третій лавровую вѣтвь. Все это продолжалось три часа; тутъ былъ бѣгъ вокругъ стадія и лазаніе по канату и мачтѣ,— послѣдняго уже совсѣмъ не было въ древней Греціи и скорѣе напоминало наши масляничныя балаганы. За успѣшное лазаніе по канату и мачтѣ и награждали уже болѣе на современный ладъ. Побѣдители получали, кромѣ вѣнка, 100 драхмъ, около 25 руб. на наши деньги. Затѣмъ перетягивали другъ друга на канатѣ, прыгали съ шестомъ, бросали дискъ и дротикъ, который часто пронзалъ мишень. Наконецъ, нѣсколькими состязаніями борцевъ, была окончена эта первая, слабая попытка возстановить древнегреческія игры.

РАЗБОЙНИЧЕСТВО.

Причина этого явленія во время господства турокъ. — Клефты. — Арматолы: ихъ положеніе и разрывъ съ турками. — Характеръ и образъ жизни клефтовъ. — Ихъ значеніе въ странѣ, ихъ пѣсни и борьба за независимость родины.—Нынѣшніе разбойники.—Ихъ отношеніе къ правительству и образъ жизни.—Тщетныя попытки правительства уничтожить разбойниковъ.—Убійство на Марафонѣ.

Разбойничество, которымъ такъ прославилась Греція, еще до сихъ поръ въ ней не уничтожено и безъ историческихъ объясненій было бы совершенно непонятно, почему могла пустить такіе глубокіе корни, эта страшная язва греческой государственной жизни.

Когда турки, послѣ упорнаго сопротивленія, покорили греческое государство, имъ все-таки не удалось, не смотря ни на какія усилія, подчинить своему игу горныхъ обитателей Олимпа, Пеліона, Пинда и Аграфа. Какъ всѣ горные жители, болѣе смѣлые и независимые, они удалились на недоступные горы и храбро отражали всѣ нападенія турокъ. Скоро однако они перестали довольствоваться обороною и начали большими толпами выходить изъ своихъ дикихъ ущелій, нападали на деревни и города, грабили и убивали турокъ. Число этихъ независимыхъ горцевъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Въ то же время ненависть ихъ къ туркамъ, безпощадность и злоба, съ какой они ихъ

преслѣдовали, росла не по днямъ, а по часамъ. Всякій грекъ, который ненавидѣлъ притѣсненія, который живо помнилъ и гордился славою своихъ предковъ и скорбѣлъ объ утраченной свободѣ древней Эллады, каждый кто былъ разоренъ или оскорбленъ поработителями,—однимъ словомъ весь угнетенный греческій людъ бѣжалъ къ горцамъ, чтобы мстить сообща врагу до послѣдняго вздоха. И, дѣйствительно, ихъ разбой скоро сдѣлался почти единственнымъ протестомъ противъ мусульманскихъ варваровъ. Тогда этихъ смѣлыхъ горцевъ стали называть *клефтами*, (клефтъ—греческое слово—воръ, разбойникъ). Не смотря на это прозвище имя клефта долго было въ Греціи однозначительно съ именемъ горячаго патріота, давало право на уваженіе, становилось почетнымъ титуломъ. Разумѣется, такимъ образомъ относились къ клефтамъ только греки, ненавидѣвшіе турокъ. Но дѣйствительно клефтовъ никакъ нельзя считать простыми разбойниками: они грабили и убивали только турокъ, а своимъ оказывали часто даже серьезную помощь.

Турки въ виду этихъ враговъ не были покойны ни днемъ, ни ночью; они скоро поняли, что имъ никогда не покорить клефтовъ, и потому рѣшились предложить имъ слѣдующее: они позволили клефтамъ жить въ совершенной независимости отъ турецкаго господства, носить оружіе для своей защиты, съ условіемъ, чтобы они платили Портѣ за эту милость небольшую дань. Не малая часть клефтовъ рѣшительно отказалась отъ мирныхъ предложеній турокъ и продолжала по прежнему жить въ горахъ, грабить и рѣзать ихъ. Однако многіе изъ нихъ пошли на эти условія и, для своей безопасности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы поддержать права, данныя турками, учредили родъ милиціи. Клефты, которые не приняли предложеній турокъ, стали называться *дикими клефтами*, вторые, принадлежавшіе къ этой милиціи,—*арматолами*; но всѣ клефты, какъ дикіе, такъ и арматолы носили еще названіе *паликаровъ*, что происходитъ отъ греческаго слова, означающаго—бравый, молодецъ, человѣкъ во цвѣтѣ силъ и лѣтъ.

Арматолы были раздѣлены на 17 капитанствъ, другъ отъ друга совершенно независимыхъ, и каждое изъ нихъ было управляемо своимъ *капитаномъ*. За капитаномъ слѣдовалъ *протопаликаръ* (первый паликаръ), который былъ выбираемъ самимъ капитаномъ и долженъ былъ исполнять при немъ обязанность секретаря, въ знакъ чего носилъ при своемъ поясѣ серебряную чернильницу. Въ отсутствіи капитана онъ заступалъ его мѣсто. Капитанъ жилъ въ главномъ мѣстечкѣ округа, часть паликаровъ съ нимъ, а остальные въ различныхъ деревняхъ округа. Одежда и вооруженіе арматоловъ были такія же, какъ и у албанскихъ солдатъ. Вооружены они были ружьемъ, саблею, кинжаломъ и парою пистолетовъ. Для украшенія и для защиты они носили надъ колѣнами пластинки изъ серебра, или изъ другаго какого металла. Одежда ихъ состояла изъ простаго краснаго феса съ голубою кисточкою и бѣлой фустанеллы съ серебрянными и золотыми украшеніями. Такъ одѣвались и клефты, и арматолы, только первые, для отличія отъ вторыхъ, носили при себѣ длинную обвитую вокругъ тѣла веревку, чтобы имѣть всегда возможность связать турка.

Благодаря арматоламъ, многія земли Греціи въ это время не были разорены и жители въ лицѣ ихъ пріобрѣли себѣ надежную защиту отъ турецкаго произвола. Но миръ, заключенный между арматолами и турками продолжался не долго. Насиліе пашей и вмѣшательство въ ихъ законы раздражило арматоловъ до того, что они возобновили открытую вражду съ тур-

ками и снова удалились въ горы. Они смѣшались съ клефтами и скоро названіе арматола со всѣмъ уничтожилось. Теперь всѣ клефты одинаково враждовали съ турками и сохранили свою независимость до совершеннаго освобожденія Греціи. Клефты раздѣлялись на множество шаекъ и каждая шайка бродила со своимъ капитаномъ въ горахъ, обыкновенно вблизи того округа, который они населяли, когда были арматолами, сдѣлавъ своимъ мѣстопребываніемъ какое нибудь отдѣльное ущелье, или недоступный горный хребетъ.

Ихъ образъ жизни представляетъ, разумѣется, много отвратительнаго, такъ какъ они поддерживали свое существованіе разбоемъ и грабежомъ, но было бы несправедливо считать ихъ простыми разбойниками. Нужно помнить, что весьма многіе изъ нихъ грабили и убивали исключительно только для того, чтобы отомстить за разоренную родину и за поруганныя семьи. Не имѣя возможности никогда положить своего оружія, какъ отъявленные враги турокъ, которые тотчасъ могли ихъ захватить, и скитаясь по неплодороднымъ ущельямъ и хребтамъ, они не могли заниматься ни земледѣліемъ, ни скотоводствомъ, и уже поэтому самому имъ приходилось жить на счетъ своихъ враговъ. Мы уже сказали выше, что они всегда щадили своего брата грека; этому правилу они измѣняли только тогда, когда заподозривали его въ измѣнѣ. Поэтому они часто нападали на монаховъ и священниковъ, грабили и убивали ихъ. Однако ненависть къ духовенству нисколько не мѣшала имъ оставаться очень религіозными и благоговѣйно отправлять богослуженіе въ своихъ маленькихъ часовняхъ. Главною своею покровительницею клефты считали Богородицу. Они никогда не грабили церквей и часовень и выгоняли изъ своей среды того, кто когда нибудь посягалъ на церковную святыню. Однажды они выдали Янинскому пашѣ своего капитана, ограбившаго часовню Богородицы, и тотъ немедленно его повѣсилъ. Очень многіе изъ этихъ суровыхъ, закаленныхъ въ бою и въ страшныхъ лишеніяхъ клефтовъ, съ ружьемъ на плечѣ, предпринимали путешествіе въ Іерусалимъ, или совершали громадные переходы, чтобы поклониться какой нибудь чтимой святынѣ.

Въ Греціи каждая деревня имѣетъ своего патрона или патронессу и ежегодно празднуетъ его память; такъ и клефты считаютъ своею покровительницею Богородицу и воздаютъ ей глубочайшее почтеніе. Религіозный характеръ клефтовъ отразился въ ихъ пѣсняхъ, изъ которыхъ еще очень многіе и теперь считаются любимыми пѣснями народа и всюду распѣваются.

«Садилось солнце и день уходилъ,
А Димъ палликарамъ своимъ говорилъ:
Не можется, дѣти, пора на покой!...
Сходите на ужинъ себѣ за водой,
А ты, мой Лабракисъ, одинъ мнѣ родня, —
Ты будь капитаномъ замѣсто меня;
Покуда-же, дѣти, вы саблей моей
Зеленыхъ въ лѣсу нарубите вѣтвей,
Я лягу на тѣхъ на зеленыхъ вѣтвяхъ
И каяться стану попу во грѣхахъ:
Арматоломъ долго въ горахъ я служилъ,
Албанцевъ и турокъ безъ счету побилъ,
Но видно чередъ наступаетъ и мой ..
Вы гробъ сколотите мнѣ, дѣти, большой,

Чтобъ былъ онъ просторенъ, широкъ и высокъ,
Чтобъ саблей въ гробу я размахивать могъ,
Чтобъ могъ и винтовку я тамъ заряжать,
И въ турокъ невѣрныхъ оттуда стрѣлять»... (*)

Трудно описать смѣлость и дерзость клефтовъ. Какъ ни велико было ихъ число, все-таки это была горсть передъ турецкими войсками; тѣмъ не менѣе они часто вступали съ ними въ открытый бой и одерживали блистательныя побѣды, до тла разоряли села, даже цѣлые города. Въ этихъ случаяхъ у нихъ былъ такой обычай: въ село, съ котораго клефты рѣшили сдѣлать поборъ, они посылали письменное заявленіе о томъ, что желаютъ получить такую-то сумму деньгами, то и другое натурой, и все это приказываютъ немедленно доставить въ назначенное мѣсто. Это посланіе обыкновенно кончалось угрозой сжечь все до тла, если требованіе будетъ не исполнено, или если даже будетъ выполнено неаккуратно. Обыкновенно за этими требованіями слѣдовали униженныя просьбы и мольбы жителей, изложенныя тоже на бумагѣ, пощадить ихъ и уменьшить требованія. Иногда клефты на это соглашались, иногда нѣтъ. И тогда для несчастныхъ жителей наступала въ высшей степени критическая минута: они боялись не исполнить требованія клефтовъ, такъ какъ грозное посланіе, написанное на листѣ бумаги, углы которой были сожжены, напоминало имъ каждую минуту, что ихъ ждетъ, въ случаѣ отказа. Съ другой стороны и выполнить требованіе клефтовъ было для жителей точно также опасно, такъ какъ они накликали на себя этимъ преслѣдованіе со стороны турокъ, которые въ такихъ случаяхъ не оставляли камня на камнѣ тамъ, гдѣ клефты могли что нибудь получить.

Съ одной стороны это даетъ ясное понятіе о томъ, какъ разоряли въ это время бѣдный народъ, съ другой, какъ смѣло и отважно держали себя клефты. Это уже не было внезапное нападеніе ночью, а открытое требованіе, повелительная грамота, какъ отъ людей власть имѣющихъ. Объ ихъ вымогательствѣ обыкновенно напередъ знали всѣ: и жители, и власти, и ни тѣ, ни другіе не могли предотвратить ихъ грабежа, или послѣдствій ихъ угрозы. Вотъ какою силою и значеніемъ пользовались они въ странѣ.

Однако суровые клефты во многихъ отношеніяхъ отличались рѣдкими добродѣтелями. Особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ отношеніе къ женщинамъ. На-

---

(*) Вотъ какъ тѣ же стихи передаетъ другой нашъ писатель:

«Умереть, друзья, не страшно,
Да могила мнѣ страшна...
Темно, тѣсно... Одинокій
Въ ней лежи и спи безъ сна!
Съѣстъ земля и фесъ, и долманъ,
Мечъ, не ржавѣвшій въ крови,
И усы мои, и брови,
Брови черныя мои...
Нѣтъ меня не зарывайте,
. . . . . .
Чтобъ изъ гроба я далеко
Могъ бы турокъ различать,
Чтобъ направо и налѣво
Могъ имъ пулю посылать».

падая врасплохъ на турокъ, а иногда и на своихъ собратій, имъ часто приходилось брать въ плѣнъ турецкихъ и греческихъ женъ и дочерей и держать ихъ, иногда по недѣлямъ, въ своемъ плѣну, среди непроходимыхъ горъ и дремучихъ лѣсовъ. Они обыкновенно держали женщинъ, пока не получали выкупа. Очень часто имъ попадались дочери и жены бѣдныхъ турокъ, и тогда они пускали ихъ на всѣ четыре стороны. Всѣ женщины, бывшія у нихъ въ плѣну, единогласно свидѣтельствовали, что ни разу ни капитанъ, ни его паликары, не позволили себѣ нанести имъ ни малѣйшаго оскорбленія. Капитана, который, хотя бы словомъ, оскорбилъ плѣнницу, паликары немедленно оставляли; разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ былъ за это даже умерщвленъ, какъ человѣкъ навсегда себя обезчестившій и недостойный повелѣвать храбрыми. Эта благородная черта характера клефтовъ, видна въ пѣснѣ «Скиллодимъ».

«Подъ зелеными елями ужинать сѣлъ Скиллодимъ,
И вино наливать при себѣ посадилъ онъ Ирену.
«Наливай мнѣ, красавица, пить, наливай до утра,
До восхода денницы, какъ ты, полонянка, румяной;
По утру я тебя отпущу съ паликарами въ домъ».
«Не рабыня я, Димъ, чтобъ вино для тебя наливать:
Я невѣстка Проеста, я дочь городскаго архонта!»

Гордость, съ какою въ этой пѣснѣ плѣнница отказываетъ въ легкой услугѣ начальнику дружины, будучи у него въ плѣну, среди лѣса и горъ, выражаетъ, кажется, очень краснорѣчиво, въ какой степени она была увѣрена въ уваженіи къ себѣ этого начальника и его подчиненныхъ.

Кромѣ уваженія къ женщинѣ, клефты считали позорнымъ и недостойнымъ славнаго воина слишкомъ предаваться удовольствію любви и большинство изъ нихъ оставалось всю жизнь холостыми. Этою чертою своего характера они напоминаютъ нѣсколько нашихъ запорожцевъ и въ то же время клефты болѣе, чѣмъ всѣ остальные греки напоминали спартанцевъ. Выдающіяся черты ихъ характера были тѣ же, что и у спартанцевъ: грубость, мужество, презрѣніе къ смерти, гордость, любовь къ свободѣ, хитрость, мстительность, нечувствительность къ боли и наконецъ выносливость. Свои свободные часы, клефты, какъ и спартанцы, посвящали различнымъ упражненіямъ, полезнымъ для военнаго человѣка. Самымъ любимымъ ихъ развлеченіемъ была стрѣльба въ цѣль. Имъ нипочемъ было попасть за 200 шаговъ пулею въ маленькое кольцо. Ихъ зрѣніе было такъ же остро, какъ ловки руки и они могли въ совершенной темнотѣ различить врага и попасть ему въ сердце. Ихъ игры въ дискъ показывали ту же мускульную силу, ту же ловкость, какъ и у спартанцевъ. При всемъ этомъ скорость ихъ въ ходьбѣ была замѣчательная. Изъ нихъ называли весьма многихъ, которые въ полномъ своемъ костюмѣ и вооруженіи, могли перегнать лошадь, скачущую въ галопъ. Удивительна та стойкость, съ которою они выносили боль и всевозможныя лишенія. Многіе изъ нихъ, взятые въ плѣнъ турками, переносили величайшія жестокости, не проливая ни единой слезы, не издавая ни единаго вздоха. Каждый плѣнный клефтъ скорѣе умиралъ голодною смертію, чѣмъ согласился бы попросить у турка кусокъ хлѣба. Сильно боялись клефты умереть естественною смертію и потому паликаръ обыкновенно привѣтствовалъ товарища словами: «Дай Богъ тебѣ мѣткую пулю въ лобъ.» И въ пѣсняхъ ихъ высказывается тоже са-

мое: «О, какъ сладка смерть приносимая пулею. Смерть въ битвѣ—это жизнь» Но еще болѣе страшился паликаръ живьемъ попасть въ плѣнъ къ турку, такъ какъ въ тѣ времена убитую голову врага выставляли на позоръ. Вотъ почему въ одной пѣснѣ клефтъ Гивтакъ, котораго особенно преслѣдовалъ, прославившійся своими возмутительными злодѣйствами, Янинскій паша Али въ отчаяніи говоритъ умирая:

«Гдѣ, милый ты братъ мой? любезнѣйшій другъ, воротися!
Умчи ты меня, иль умчи мою голову съ поля,
Чтобъ черный Юсуфъ, чтобъ албанцы ее не отсѣкли,
Отнесть въ Янину, Янинскому псу Тебелину».

Послѣ дневныхъ трудовъ и приключеній любили клефты сѣсть въ кружокъ, возлѣ пылающаго огня и пѣть, подливая себѣ вино. Одна изъ самыхъ любимыхъ ими пѣсней, и теперь распѣваемая греческимъ народомъ, «Олимпъ и Киссавъ.» (*)

«Сталъ Киссавъ съ Олимпомъ спорить:
«Ты угрюмъ стоишь пустынный;
Я жъ, смотри, цвѣтущь и веселъ!
Отвѣчалъ многовершинный,
Отвѣчалъ Олимпъ Киссаву:
«Не хвались Киссавъ надменный,
Я — старикъ Олимпъ, и знаютъ
Старика во всей вселенной!
У меня-ль, подъ синимъ небомъ,
Шестьдесятъ вершинъ сіяютъ,
У меня-ли съ лона шумно
Сто ключей живыхъ сбѣгаютъ.
Надо мной орлы кружатся (**),
Любитъ клефтъ меня воитель,
И боится храбрый турокъ —
Твой высокій повелитель».

Клефтамъ, или паликарамъ, Греція значительно обязана своею свободою и независимостію. Они оказали туркамъ главное сопротивленіе и нанесли имъ самое кровавое пораженіе. Во время борьбы за независимость клефты составляли, главное ядро храбрыхъ греческихъ войскъ, которыхъ геройство привело въ удивленіе всю Европу.

Послѣ освобожденія Греціи характеръ разбойничества совершенно измѣ-

---

(*) Киссавъ—нынѣшнее названіе горы Пеліона. Олимпъ турки никогда не могли покорить: это было единственное прибѣжище свободы грековъ; въ его ущельяхъ гнѣздились клефты и вели вѣчную войну съ турками.

(**) Эта пѣсня поется на различные лады и существуетъ множество ея варіантовъ. По одному изъ нихъ, вотъ что говоритъ паликаръ орлу, который держитъ его голову въ своихъ когтяхъ:

«Арматоломъ, клефтомъ я много служилъ,
Убилъ шестьдесятъ я могучихъ пашей,
Спалилъ я у нихъ шестьдесятъ деревень;
А сколько албанцевъ и турокъ побилъ, —
Ихъ много, орелъ мой, и счету имъ нѣтъ!
Но видно и мой ужъ чередъ подошелъ, —
И вражій подрѣзалъ меня ятаганъ.

пяется: всѣ тѣ разбойники, которые, не смотря на свою преступную жизнь, умѣли однако сохранить много благородства, грабежъ и разбой которыхъ главнымъ образомъ вытекали изъ желанія отомстить врагу за угнетеніе своей несчастной родины, вмѣстѣ съ ея освобожденіемъ обратились къ мирной жизни. Нынѣшніе разбойники тоже называютъ себя клефтами, и съ одушевленіемъ продолжаютъ пѣть ихъ пѣсни, но ихъ главная цѣль прямой разбой, на который они смотрятъ, какъ на средство пожить безъ труда и въ свое удовольствіе. Клефтовъ и теперь еще много, но уже тѣ, кто теперь присоединяется къ нимъ, бѣгутъ обыкновенно, чтобы спастись отъ суда. Семейная ссора, убійство, драка въ пьяномъ видѣ, бѣгство изъ подъ ареста за какой нибудь незначительный проступокъ, побѣгъ изъ арміи, искушеніе добыть себѣ маленькое состояніе безъ тяжелаго труда, наконецъ любовь къ приключеніямъ — побуждаютъ многихъ, пользовавшихся хорошей репутаціей въ своей деревнѣ, соединить свою судьбу съ какой нибудь странствующей шайкой разбойниковъ. Нынѣшніе разбойники и теперь бродятъ шайками и безпрестанно появляются то тамъ, то здѣсь: сегодня они на Тайгетѣ, завтра на Парнасѣ; теперь они приводятъ въ ужасъ мирныхъ фермеровъ въ Акарнаніи, потомъ угрожаютъ путешественнику, дѣлающему экскурсію по Аттикѣ. И такъ они двигаются съ мѣста на мѣсто съ необыкновенною скоростью. Всѣ эти разбойники извѣстны правительству, но оно ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Они даютъ деньги крестьянамъ, а тѣ въ свою очередь предостерегаютъ ихъ и даже оказываютъ имъ помощь въ случаѣ преслѣдованія. Крестьяне отдаленныхъ деревень или странствующіе валашскіе пастухи, которые пасутъ свои стада въ сѣверной Греціи и подвергаются нападеніямъ разбойниковъ—поневолѣ должны подчиниться ихъ власти. Пусть они попробуютъ донести правительству на разбойниковъ, укажутъ ихъ мѣстопребываніе въ данную минуту— они тотчасъ подвергнутся страшной мести. Поэтому крестьяне обращаются съ разбойниками, какъ съ друзьями, снабжаютъ ихъ пищею и, ради своей собственной безопасности, никогда не выдаютъ ихъ. Сила разбойниковъ такъ велика, что правительство даже не преслѣдуетъ тѣхъ крестьянъ, которые доставляютъ имъ пропитаніе и подвергаетъ ихъ наказанію только тогда, когда они не даютъ знать объ этомъ властямъ. Самая природа страны и близость турецкой границы представляютъ большія затрудненія для правительственныхъ войскъ. Очень часто солдаты проходятъ мимо скрытыхъ пещеръ и густыхъ кустарниковъ, покрывающихъ горы, вовсе не подозрѣвая, что здѣсь-то и скрывается шайка. Такимъ образомъ войско можетъ пройти по всему королевству, не поймавъ ни одного разбойника. А если когда солдаты и наткнутся на разбойническую шайку и произойдетъ между ними стычка, то обыкновенно падаетъ мертвыми гораздо больше солдатъ, чѣмъ разбойниковъ. Но такія стычки между войскомъ и разбойниками бываютъ очень рѣдко, такъ какъ пастухи и крестьяне, которые всегда знаютъ, гдѣ въ данную минуту находится шайка, тотчасъ извѣщаютъ ее о приближеніи войска. Для этого они кладутъ, въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ, камни съ іероглифическими знаками, или палки съ особенными нарѣзами. Тогда разбойники уже знаютъ, что они не должны подходить къ деревнѣ. Если военный отрядъ входитъ въ деревню, преслѣдуя ихъ, крестьяне подаютъ особые знаки тѣмъ изъ нихъ, которые, вооруженные подзорною трубою, сторожатъ на сосѣднихъ холмахъ. Иногда войско долго преслѣдуетъ разбойниковъ, долго имѣетъ ихъ въ виду, какъ вдругъ они, совсѣмъ передъ глазами, совершенно свободно переходятъ

турецкую границу и бродятъ тамъ безъ всякаго опасенія. Турція не преслѣдуетъ клефтовъ на своей границѣ: она рада, хоть съ этой стороны, нанести вредъ Греціи, а всякій знаетъ, что разбойничество болѣе всего ее ослабляетъ. Но самыя серьезныя затрудненія для уничтоженія разбойничества представляютъ политическіе дѣятели Греціи. Для своихъ честолюбивыхъ цѣлей они дружатъ съ разбойниками и заискиваютъ ихъ расположенія. Мы уже говорили, что клефты находятся въ близкихъ отношеніяхъ съ крестьянами, а иногда и связаны съ ними родственными узами, и потому всякій политическій дѣятель считаетъ для себя выгоднымъ дружить съ людьми, имѣющими вліяніе на крестьянъ; вотъ почему многіе изъ нихъ не только не выдадутъ ту или другую шайку правительству, но часто даютъ даже разбойникамъ деньги, лишь бы только они поусердствовали за нихъ при выборахъ.

Чтобы показать, какою силою и значеніемъ пользуются еще и теперь разбойники въ Греціи, мы находимъ необходимымъ познакомить читателей съ Марафонскимъ убійствомъ.

11-го апрѣля 1871 года, въ 6 часовъ утра, общество, состоящее изъ лорда и леди Мункастеръ, ихъ друга Вайнера — пріѣхавшихъ изъ Англіи, Герберта, секретаря британскаго посольства, Лойда, англійскаго адвоката съ женою и 5-ти лѣтнею дочерью, графа де-Бойль, секретаря итальянскаго посольства, съ слугою итальянцемъ и съ курьеромъ грекомъ — отправились осмотрѣть Марафонское поле. Многіе путешественники, совершая эту прогулку, берутъ военный конвой, — такъ поступили и они, отправившись въ двухъ каретахъ въ сопровожденіи 4-хъ конныхъ жандармовъ. Кромѣ того путешественники встрѣтили по дорогѣ отрядъ пѣхотинцевъ и патруль, которые также сопровождали ихъ. Такимъ образомъ они осмотрѣли Марафонское поле и рѣшились возвратиться домой. На возвратномъ пути пѣхотинцы нѣсколько отстали отъ нихъ и вдругъ, когда они приближались къ мосту Пикермесъ, за 12 миль отъ Афинъ, послышался внезапный выстрѣлъ изъ за кустовъ и два переднихъ жандарма тяжело раненные, упали съ лошадей. Кареты остановились и вмигъ были окружены 20 вооружеными разбойниками, людьми все очень молодыми и сильными, въ фустанеллахъ и фесахъ. Разбойники чрезвычайно вѣжливо просили путешественниковъ выйти изъ каретъ, но такъ какъ леди Мункастеръ не повиновалась, то съ ней обошлись нѣсколько грубо: сорвали съ нея мантилью и брошку, что впрочемъ ей было впослѣдствіи возвращено, и нужно замѣтить, что за исключеніемъ этого, съ путешественниками не было сдѣлано никакого насилія. Плѣнныхъ немедленно повели на гору Пентеликонъ: дамъ помѣстили на лошадяхъ раненныхъ жандармовъ, остальные пошли пѣшкомъ, окруженные разбойниками. Когда такимъ образомъ разбойники стали удаляться съ путешественниками въ горы — подошли пѣхотинцы и открыли огонь; но, опасаясь убить кого нибудь изъ иностранцевъ, они скоро должны были прекратить свои выстрѣлы.

Послѣ двухчасовой быстрой ходьбы, во время которой разбойники были необыкновенно веселы, приплясывали и смѣялись, вслѣдствіе неожиданной поимки богатыхъ людей, — они должны были сильно умѣрить свой шагъ. Женщины наотрѣзъ объявили имъ, что онѣ не могутъ продолжать путешествія. Переговоривъ между собою, разбойники рѣшили, что женщины съ ребенкомъ дѣйствительно могутъ только мѣшать имъ во время ихъ длинныхъ переходовъ, и потому заявили имъ, что онѣ могутъ возвратиться въ городъ съ кучеромъ, который то же былъ захваченъ вмѣстѣ съ ними. Прощаясь

съ дамами, атаманъ очень любезно просилъ ихъ прислать ему на память золотую цѣпочку. Не теряя присутствія духа, одна изъ нихъ просила его сдѣлать тоже въ свою очередь, и онъ тотчасъ поднесъ ей небольшое серебрянное украшеніе, на которомъ была изображена голова Богородицы. До половины дороги дамъ проводилъ одинъ изъ разбойниковъ и затѣмъ онѣ уже сами продолжали путь до того мѣста, гдѣ были оставлены ихъ кареты, и въ тотъ же вечеръ возвратились въ городъ. Обѣщанная дамами цѣпь была прислана разбойнику, но тотчасъ возвращена имъ съ посланнымъ, такъ какъ онъ нашелъ ее недостаточно тяжелою. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія разбойники отпустили также лорда Мункастера, взявъ съ него слово, что если ихъ требованія не будутъ приняты, то онъ возвратится назадъ; прощаясь съ нимъ, разбойникъ далъ ему свои золотые часы, просилъ поправить ихъ въ городѣ и затѣмъ прислать ему съ посланнымъ. Всѣ эти требованія, разумѣется, были съ точностію выполнены, чтобы отказомъ не ухудшить положенія плѣнниковъ.

Леди привезли извѣстіе, что мужчины будутъ выпущены не иначе, какъ за выкупъ въ 32 тысячи фунтовъ стерлинговъ, потомъ эта сумма была понижена до 25 тысячъ фунтовъ. Вслѣдъ за этимъ разбойники заявили афинскому правительству, что, если оно пришлетъ солдатъ для ихъ преслѣдованія, то жизнь иностранцевъ будетъ въ опасности. Во время плѣна иностранцевъ, король, королева, дворъ и первый министръ путешествовали по греческимъ островамъ. Когда король возвратился изъ своего путешествія, онъ принималъ рѣшительно всѣ мѣры, чтобы ускорить освобожденіе плѣнниковъ, такъ какъ происшествіе это надѣлало много шума во всей Европѣ. Вскорѣ 25 тысячъ фунтовъ стерлинговъ золотыми были готовы и ихъ хотѣли уже послать, когда дѣло вдругъ приняло совершенно неожиданный оборотъ. Разбойники прислали посланнаго съ требованіемъ не только 25 тысячъ фунт. стерлинговъ, но и обширной амнистіи, т. е. полнаго прощенія для нихъ самихъ и для нѣсколькихъ разбойниковъ изъ ихъ шайки, захваченныхъ правительствомъ съ мѣсяцъ тому назадъ. Тогда начинаются чрезвычайно любопытные переговоры между правительствомъ и разбойниками, которые показываютъ со стороны атамана гораздо болѣе смѣлости, чѣмъ со стороны перваго государственнаго министра.

«Джентельмены здоровы», извѣщаетъ атаманъ правительство, «но кромѣ выкупа въ 25 тысячъ фунт. стерлинговъ, мы требуемъ у эллинскаго правительства амнистіи и прекращенія всякаго преслѣдованія насъ, не только въ Аттикѣ, но и во всѣхъ провинціяхъ. Извѣщаемъ васъ, что лишь только мы замѣтимъ малѣйшее преслѣдованіе съ вашей стороны, джентельмены будутъ въ опасности. Мы непремѣнно желаемъ завтра получить вашъ отвѣтъ».

«Англійскій и итальянскій посланники», отвѣчаетъ атаману министръ, «получили ваше сообщеніе. Въ уплатѣ денегъ нѣтъ никакого затрудненія, но вы не должны настаивать на амнистіи, которую правительство не можетъ вамъ даровать. Къ вамъ будутъ посланы особыя лица для переговоровъ и за все это время король и президентъ совѣта поручились англійскому посланнику, что вы не будете потревожены».

Посланныя правительствомъ лица убѣждали разбойниковъ взять назначенный имъ выкупъ за плѣнниковъ и затѣмъ свободно удалиться за границу. Если они при этомъ боялись какого нибудь насилія со стороны греческаго правительства, то оно дозволяло разбойникамъ сѣсть безпрепятственно на военное англійское судно, которое перевезетъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ деньгами на островъ

Мальту, или на какой нибудь другой пунктъ англійскихъ владѣній. Такія условія, такія уступки, такое униженіе правительства передъ мошенниками совершенно не слыхано ни въ одной странѣ. Но разбойники и этимъ были недовольны и стояли на своемъ, т. е. требовали вмѣстѣ съ деньгами и амнистіи, или, правильнѣе сказать желали выговорить себѣ право съ этихъ поръ производить грабежи по всему королевству, съ разрѣшенія правительства. Такъ какъ правительство не хотѣло выполнить это послѣднее требованіе, столь унизительное для себя, то разбойники перемѣнилисвое мягкое обращеніе съ лордами на болѣе грубое.

Въ примѣръ того, какъ смѣло держали себя разбойники, можно привести слѣдующій случай: въ Вербное Воскресенье они вмѣстѣ съ своими плѣнниками пришли въ одну изъ деревенскихъ церквей, сложили съ себя оружіе и простояли тамъ до окончанія службы вмѣстѣ съ плѣнниками; послѣ службы, они также безпрепятственно вышли, какъ и вошли. Обѣ стороны долго стояли на своемъ и когда разбойники рѣшительно заявили, что они не уступятъ, тогда греческое правительство съ согласія англійскаго и итальянскаго посланниковъ рѣшилось на болѣе строгія мѣры. Для этого оно послало отрядъ солдатъ и велѣло оцѣпить ихъ, но не для того, чтобы ихъ атаковать, а чтобы предупредить ихъ удаленіе. Когда разбойники увидѣли, что войска окружаютъ ихъ, они посмотрѣли на это, какъ на нарушеніе даннаго имъ обѣщанія, спасаясь отъ погони, умертвили всѣхъ четырехъ плѣнниковъ. Когда солдаты увидѣли смерть первой жертвы, они не могли удержать своего негодованія, не ожидая приказанія, выстрѣлили въ разбойниковъ и бросились на нихъ. Результатъ столкновенія былъ тотъ, что 7 разбойниковъ и въ томъ числѣ братъ атамана—были убиты, а 4 были взяты въ плѣнъ. Остальные 10 человѣкъ съ атаманомъ Такосомъ бѣжали въ Фессалію. Взятые въ плѣнъ разбойники были казнены.

Положеніе народа и государства съ 1833 года до 1862.—Конституція страны.—Выборы.—Тайная подача голосовъ

Мы уже упоминали о томъ, что нынѣшнее положеніе Греціи далеко не удовлетворяетъ ея горячихъ поклонниковъ, изъ которыхъ многіе, для ея независимости, жертвовали и своею жизнію и состояніемъ. Они были убѣждены, что Греціи стоитъ только свергнуть гнетущее ее турецкое иго и она тотчасъ удивитъ весь свѣтъ своимъ могуществомъ, величіемъ, геніальными твореніями своихъ согражданъ по всѣмъ отраслямъ знанія и искуства, и умѣньемъ зажить здравою политическою жизнью. Если мечты этихъ идеалистовъ не осуществились, они могутъ утѣшиться тѣмъ, что Греція королевство совершенно молодое, что жить оно начало гораздо позже, чѣмъ добилось своей самостоятельности, и слѣдовательно всѣ ихъ надежды могутъ осуществиться еще въ будущемъ. Въ 1833 году было опредѣлено окончательно политическое устройство Греціи на будущее время. Принцъ Фридрихъ-Оттонъ Баварскій, сынъ короля Людвига, былъ избранъ наслѣдственнымъ королемъ этой страны. До его совершеннолѣтія, т. е. до 1835 года (ему минуло тогда только 17 лѣтъ), учреждено было регенство изъ 3-хъ лицъ, природныхъ баварцевъ. Греція въ это время была до такой степени истощена войною, что Россія, Англія и Франція обязались дать ей взаймы 60 милліоновъ франковъ съ тѣмъ усло-

ніемъ, чтобы государственные доходы употреблены были прежде всего на правильную уплату процентовъ и погашеніе этого долга. Граница новаго государства была проведена отъ залива Воло до Арты, т. е. независимая Греція имѣетъ теперь только Морею, Ливадію, часть Фессаліи, Эвбеи и Цикладовъ, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ лучшихъ ея областей, оставлены были попрежнему подъ турецкимъ владычествомъ. Это обстоятельство еще и теперь дурно отзывается на экономическомъ бытѣ народа.

Положеніе Греціи, когда молодой король впервые вступилъ на ея почву, не представляло ничего отраднаго. Въ рѣчи, которую сказалъ онъ, послѣ своего водворенія въ греческой столицѣ Навпліи, очень хорошо видно тогдашнее положеніе страны. «Эллины!» говорилъ онъ, «вы доказали, что мужествомъ и храбростью не уступаете своимъ предкамъ, но до сихъ поръ вы не были въ состояніи воспользоваться плодами своихъ славныхъ подвиговъ. Поля ваши остаются невоздѣланными, промышленность ваша въ младенческомъ состояніи, торговля прекратилась совершенно. Деспотизмъ уступилъ мѣсто анархіи, которая тяготѣетъ надъ вами страшнымъ игомъ. Все, что пріобрѣтено вами въ порывѣ страстной любви къ отечеству, исторгается теперь изъ вашихъ рукъ раздорами и самымъ постыднымъ эгоизмомъ». Но это еще не полная характеристика положенія государства того времени. Баварскіе регенты вели въ это время между собою постоянные раздоры; народъ страшно бѣдствовалъ. Не говоря уже о печальномъ прошломъ, которое, разумѣется, оставило слѣды и въ настоящемъ, дурное положеніе народа въ данную минуту много зависѣло отъ того, что въ казну собирали поземельную подать въ размѣрѣ $^1/_{10}$ части со всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ. Но еще болѣе терзали страну вѣчные грабежи и возстанія народа въ различныхъ частяхъ Греціи, отъ самаго вступленія на престолъ короля Оттона до 1843 года. Разбойники грабили казенные магазины, перехватывали на дорогѣ денежныя суммы, даже и тогда, когда ихъ посылали подъ прикрытіемъ военныхъ отрядовъ, разоряли села и небольшіе города. Вскорѣ разбои приняли такіе размѣры, что сосредоточили исключительно на себѣ вниманіе и заботы правительства: въ 1835 году было даже отправлено противъ нихъ большое войско, съ тѣмъ чтобы возстановить порядокъ въ предѣлахъ Ливадіи. Экспедиція эта продолжалась очень долго—доказательство той силы, какою пользовались разбойники, и если тутъ разбои на время прекратились, то, вслѣдъ за выступленіемъ войска, они тотчасъ вспыхнули въ другомъ мѣстѣ. Разбойники расположились укрѣпленнымъ лагеремъ около самыхъ стѣнъ города Мисолонги, грозили овладѣть имъ и въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль опустошали его и всю окрестную страну. Если такіе ужасы происходили безнаказанно въ сѣверной Греціи, то еще большіе размѣры разбои приняли въ Мореѣ, гдѣ самая мѣстность способствовала разбойничьимъ подвигамъ. Въ это время къ правительству безпрестанно являлись цѣлыя толпы жителей, страшно обезображенныхъ грабителями: у мужчинъ были отрѣзаны носы и уши; женщины носили на себѣ страшные слѣды пытокъ, которымъ подвергали ихъ разбойники, съ цѣлью выпудить отъ нихъ показаніе, гдѣ скрывались ихъ мужья и братья. Неудовольствіе всѣхъ классовъ общества на баварское регенство стало высказываться все громче и громче. Земледѣльческій классъ былъ недоволенъ тѣмъ, что онъ былъ теперь, какъ и во время турецкаго ига, обремененъ тяжкими и несправедливыми налогами, что не были улучшены пути сообщенія; другимъ не нравились распри, которыя постоянно происходили въ средѣ прави-

телей, не нравилось, что высшія должности занимали баварцы, а не греки. Такъ шли дѣла до 1843 года, когда войска окружили королевскій дворецъ съ криками: «да здравствуетъ конституція». При этомъ, толпа, поручила сказать королю, что она не сойдетъ съ мѣста, пока правительство не дастъ отвѣта на требованіе націи и ему ничего не оставалось сдѣлать, какъ уступить всѣмъ требованіямъ, и такъ въ сентябрѣ 1843 г. Греція сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ. Однако съ этого времени до 1862 года, когда король Оттонъ былъ свергнутъ съ престола, конституція страны не принесла ей особенной пользы. «Вся система короля Оттона», говоритъ одинъ писатель, «была направлена къ тому, чтобы породить нравственное растлѣніе въ средѣ его подданныхъ. Ему обязаны греки тѣмъ, что конституція сдѣлалась пустой формой, что права личности и собственности гражданъ оставались безъ всякаго обезпеченія, что народное образованіе находилось въ самомъ жалкомъ упадкѣ, что въ странѣ не было почти вовсе дорогъ, что всѣ источники народнаго богатства были расточаемы на удовлетвоніе мелочнаго тщеславія и страсти къ блеску».

Послѣ Оттона на греческій престолъ вступилъ нынѣ царствующій Георгъ I, сынъ короля датскаго и родной братъ русской государыни — наслѣдницы, Маріи Федоровны. Власть греческаго короля ограничена, или лучше сказать онъ раздѣляетъ законодательную власть съ двумя палатами: съ *Сенатомъ*, состоящимъ изъ 24 членовъ, назначаемыхъ пожизненно, и изъ палаты депутатовъ— *Буле*. Число депутатовъ каждаго округа назначаютъ сообразно съ числомъ его жителей, но общее количество ихъ никогда не менѣе 150 человѣкъ. Этихъ депутатовъ выбираетъ весь народъ общею подачею голосовъ. Въ Афинахъ, во время выборовъ, господствуетъ совершенное спокойствіе, но въ нѣкоторыхъ провинціяхъ войскамъ приходится поддерживать порядокъ, — тамъ нерѣдко случаются въ это время драки и даже убійства. Выборы въ депутаты происходятъ посредствомъ тайной подачи голосовъ. Каждый, желающій быть депутатомъ, т. е. каждый кандидатъ имѣетъ особый ящикъ, на которомъ написано его имя. Всѣ эти ящики выставляютъ въ одинъ рядъ въ общинной церкви, гдѣ происходятъ выборы. За каждымъ ящикомъ, на возвышенной скамейкѣ, сидитъ другъ кандидата, чтобъ отвергнуть, въ случаѣ надобности, право подающаго голосъ. Ящикъ для шаровъ четыреугольный, оловянный, съ возвышающейся крышкой и съ длинной трубой. Подающій голосъ, получивъ сначала свинцовый шарикъ, просовываетъ свою руку въ эту трубу. Внутри ящикъ раздѣленъ на двѣ перегородки и выкрашенъ тамъ бѣлою и черною краскою. Бѣлое отдѣленіе—для утвердительныхъ шаровъ, черное — для отрицательныхъ. При этомъ объявляется имя кандидата, написанное на ящикѣ. Подающій голосъ, рука котораго скрыта, простымъ движеніемъ кисти, бросаетъ шарикъ въ черное или бѣлое отдѣленіе. Шарикъ падаетъ безъ шума, голосующій вытягиваетъ свою руку и никто не знаетъ, какой голосъ онъ подалъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока весь народъ округа не подастъ голоса о каждемъ кандидатѣ.

Такого тайнаго голосованія нѣтъ еще и въ Англіи и потому тамъ рабочій часто долженъ подавать голосъ за того, кого ему прикажетъ выбрать фабрикантъ, отъ котораго онъ зависитъ. При тайномъ голосованіи невозможно никакое давленіе на избирателей и они подаютъ голоса по собственному желанію. Но въ Греціи, какъ мы видѣли, на народъ имѣютъ большое вліяніе

разбойники, и умѣютъ ихъ уговорить выбрать именно такого кандидата, съ которымъ они могутъ дружить.

Недавно парламентъ издалъ законъ, который вѣроятно улучшитъ въ скоромъ времени нынѣшнее положеніе земледѣлія. Онъ дозволяетъ арендаторамъ государственныхъ земель пріобрѣтать ихъ въ собственность и разсрочиваетъ уплату на 18 лѣтъ. Результатомъ этого будетъ то, что многія незанятыя земли будутъ теперь обработаны и что поземельная собственность распространится между низшимъ классомъ.

Исполнительная власть принадлежитъ совѣту министровъ. Всѣ дѣйствія министровъ обыкновенно строго обсуждаются печатью, которая здѣсь такъ же свободна, какъ и въ Америкѣ. Печать здѣсь нападаетъ не только на министровъ, но иногда даже и на самаго короля; его дѣйствія и распоряженія гласно обсуждаются въ печати.

Всѣ греки пользуются одинаковыми правами и обязанностями, всѣ равны передъ закономъ и у нихъ не существуетъ никакихъ дворянскихъ титуловъ. Не малую пользу странѣ оказалъ законъ, по которому только греческіе граждане могутъ занимать государственныя должности.

ИТАЛІЯ.

Характеръ итальянскаго побережья: восточный и западный берегъ.—Маремммы. — Несчастное положеніе рабочихъ въ этихъ мѣстностяхъ.—Богатая южно-итальянская растительность и ея значеніе для жителей.

Аппенинскія горы тянутся по всему полуострову и дѣлятъ его на двѣ, совсѣмъ непохожія другъ на друга, части: на *западную* и *восточную*. Западная сторона представляетъ гораздо болѣе роскошную растительность, чудные виды, болѣе обработана; тутъ наконецъ мы встрѣчаемъ самые замѣчательные города. Восточная сторона полуострова менѣе обработана: она испещрена множествомъ болотистыхъ мѣстностей и имѣетъ чрезвычайно узкую прибрежную полосу. Море особенно на сѣверо-восточномъ берегу, врывается въ эти болотистыя мѣстности, образуя между островами множество заливовъ и каналовъ называемыхъ лагунами. Всѣ эти лагуны подвержены дѣйствію приливовъ и отливовъ. Во время приливовъ вода быстро наполняетъ ихъ, а при отливѣ она до того спадаетъ, что ее иногда остается не больше фута и лагуны въ это время распространяютъ страшно вредныя испаренія. Лагуны, отмели, лужи, болота, непроходимыя тростниковыя чащи, запруженные луга, затопленныя поля риса перѣдко тянутсяздѣсь на протяженіи нѣсколькихъ миль. На восточномъ берегу климатъ гораздо суровѣе и здѣсь нѣтъ значительныхъ городовъ. Но съ этою стороною полуострова мы ближе познакомимся при описаніи Венеціи, теперь поговоримъ о западномъ берегѣ.

Когда путешественникъ отправляется на югъ, оставляя позади себя Альпы, онъ встрѣчаетъ совсѣмъ другую растительность, другихъ животныхъ,—однимъ словомъ вся картина природы мѣняется передъ нимъ такъ же быстро, какъ въ панорамѣ. Вмѣсто Альпійской зелени луговъ и лѣсовъ, вмѣсто тополя, вяза и дуба въ долинахъ, на западно-итальянскомъ берегу, вы прежде всего встрѣтите лавровыя и кипарисныя рощи, отдѣльно растущія, вѣчно зеленые пробковые дубы и густыя, старинныя рощи оливковыхъ деревьевъ. Группы сосенъ, тихо шелестя листьями, распространяютъ, какъ въ храмѣ, запахъ ладона. Мѣстами встрѣчаются и пальмы. Вмѣсто клеверныхъ полей, идутъ луга, усѣянные гіацинтами, нарциссами и другими душистыми цвѣтами. Гигантскія агавы сплошь и рядомъ украшаютъ бѣлое ослѣпительное шоссе, которое то подни-

мается вверхъ, то опускается, а тамъ далеко внизу, въ морѣ плаваютъ маленькіе, круглые острова, выдающіеся мысы. Но рѣзче всего бросается въ глаза то, что здѣсь чрезвычайно мало пашенъ, а роскошныхъ, зеленыхъ луговъ и густыхъ лѣсовъ и еще меньше. Здѣшнее населеніе ведетъ садовническую жизнь, сажаетъ, копаетъ, подрѣзаетъ деревья и строитъ террассы на склонахъ скалъ. Въ открытыхъ настежь домахъ, на улицахъ, въ садахъ — передъ вами вся жизнь итальянца на распашку. Смуглые мужчины въ живописныхъ плащахъ и въ остроконечной, соломенной шляпѣ; женщины съ черными, выразительными глазами. У многихъ изъ нихъ прикрѣпленъ на головѣ бѣлый платокъ со множествомъ складокъ, а мысикъ, который часто дѣлается изъ этого платка на лбу, придаетъ особенную оригинальность типичному, дышащему такою силою и страстью лицу итальянки. Женщины побогаче, вмѣсто платка, прикрѣпляютъ къ волосамъ вуаль. Въ ушахъ каждой изъ нихъ висятъ непремѣнно длинныя серьги. Но пріятнѣе всего поражаютъ васъ здѣсь прелестныя, необыкновенно веселыя, полунагія дѣти, съ смуглымъ, смѣлымъ лицемъ и съ совершенно спутанными волосами.

На морскомъ побережьѣ Тосканы у низовьевъ рѣкъ и въ особенности у прибрежья то и дѣло попадаются огромныя болотистыя мѣстности, которыя называются *маремма*ми. Но онѣ нисколько не портятъ хорошаго впечатлѣнія, производимаго здѣшнею природою. Въ сторонѣ отъ дороги эти лужи и болота сверкаютъ серебромъ между темною зеленью и на ихъ свѣтлой поверхности темными силуэтами обрисовываются фантастическіе стволы деревьевъ, необыкновенно граціозно обвитые плющемъ и виноградомъ. Многія изъ этихъ болотъ покрыты тростникомъ и зеленью, но это топкія, опасныя мѣста. Утромъ и вечеромъ надъ мареммами подымаются вредные туманы. Здѣсь и тамъ вѣчно носятся пары отъ горячихъ, сѣрныхъ источниковъ. Тутъ же, возлѣ этихъ болотъ, попадаются мѣстности чрезвычайно плодородныя и съ прекрасными пастбищами; но итальянцы всю страну, которая идетъ вдоль берега Средиземнаго моря отъ Ливорно до римской границы, — называютъ мареммой. Для Тосканы мареммы эти отчасти тоже, что для насъ Сибирь, — непочатая страна, въ высшей степени богатая, которая такъ и манитъ къ себѣ бѣдныхъ поселянъ, представляя имъ возможность скоро разжиться. Только немногія мѣстности могутъ сравниться съ мареммами по богатству металлами и нѣкоторыми минеральными веществами. Желѣзо, свинецъ, ртуть, сѣра, мраморъ находятся тутъ въ большомъ количествѣ и разработываются во многихъ мѣстностяхъ. Гораздо менѣе богата эта страна полезными произведеніями растительнаго царства; главная причина этого зловредный воздухъ мареммъ — малярія, что мѣшаетъ жителямъ усидчиво обработывать плодородныя мѣстности.

Каштановые лѣса здѣсь рѣдки, но вездѣ встрѣтишь отдѣльно стоящія деревья; кромѣ того дубы, мѣняющіе свою листву осенью, кленъ, вязы, лѣса каменныхъ дубовъ, которые придаютъ ландшафту особенно мрачный характеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около озеръ растетъ огромный тростникъ, изъ листьевъ котораго жители плетутъ веревки и сѣти, а изъ стволовъ дѣлаютъ щетки и циновки.

Рѣдко встрѣтишь въ мареммахъ поля, засѣянныя хлѣбомъ. Рожь совсѣмъ не обработывается здѣсь. Тамъ и сямъ однако можно видѣть поля маиса и изрѣдка пшеницы, овса и ячменя. На склонахъ холмовъ разведены оливковыя деревья и виноградная лоза, которая такъ граціозно обвиваетъ стволы деревьевъ.

Несмотря на то, что край этотъ представляетъ, какъ мы уже замѣтили, много разживы для бѣднаго люда, здѣсь только иногда встрѣтишь одинокія жилища спекуляторовъ, которые во что бы то ни стало рѣшились обогатиться, притоны разбойниковъ и временные наскоро сколоченные шалаши. Большая часть мареммъ, несмотря на всѣ свои приманки, остается до того не заселенною, что она имѣетъ видъ безлюдныхъ пустынь западной Америки; съ трудомъ вѣришь, что находишся среди населенной и богатой Тосканы. Отъ множества болотъ воздухъ здѣсь чрезвычайно вреденъ для здоровья и вотъ причина безлюдья этого края. Вѣроятно поэтому мареммы такъ богаты различною дичью. Несмотря на множество охотниковъ, усердно преслѣдующихъ звѣрей и птицъ, ихъ здѣсь все-таки такъ много, что они ежегодно причиняютъ громадные убытки крестьянамъ. Большія стада кабановъ въ одну ночь портятъ огромныя поля. Стаи волковъ, несмотря на бдительность собакъ, нерѣдко врываются въ многочисленныя овечьи стада и доходятъ до самыхъ жилищъ. Лисицы и барсуки гнѣздятся въ норахъ известковыхъ горъ. Много тутъ буйволовъ, которые уже издавна водворились на берегахъ Тиренскаго моря. Немногочисленное населеніе мареммъ поражаетъ своимъ болѣзненнымъ, изнуреннымъ видомъ. Каждый, мало-мальски поправивъ свои дѣла, старается совсѣмъ покинуть эти пагубныя мѣстности, если это не позволяютъ обстоятельства, то по крайней мѣрѣ удалиться отсюда на май и іюнь, когда здѣшній воздухъ бываетъ особенно вреденъ. Несмотря на малонаселенность, мѣстности эти бываютъ, кромѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, постоянно оживлены рабочими. Мѣстное населеніе не можетъ своими средствами обработывать почву и поэтому горцы толпами спускаются сюда. Не успѣютъ горцы убрать полей, какъ уже съ высотъ Аппенинъ приходятъ пастухи съ огромными стадами и дикими собаками, покормить свой скотъ на наемныхъ пастбищахъ. Затѣмъ идутъ дровосѣки и плотники, занятыя рубкою лѣса, наконецъ угольщики и поташники дополняютъ зимнее населеніе и придаютъ мареммамъ дѣятельный и промышленный видъ. Но чуть наступаетъ лѣто, какъ хижины, или лучше сказать шалаши, которые они населяли, остаются пустыми,—всѣ скорѣе стараются разойтись по домамъ: не слышно ни удара топора, ни визга пилы, ни громкихъ, ободряющихъ криковъ работниковъ, ни жалобной свирели пастуха... Однако и во время лѣтнихъ жаровъ – въ самое вредное здѣсь время года, мареммы не остаются совершенно пустынными. Двойная плата привлекаетъ сюда для жатвы многихъ бѣдняковъ. Жнецы приходятъ сюда съ своими женами и должны принести съ собой на все время работъ не только припасы для своего продовольствія, но и мѣшокъ съ соломой для отдыха ночью; въ это время года на цѣлыя мили вокругъ тутъ нѣтъ жилища, которое давало бы имъ убѣжище. И не легко же достается рабочимъ эта возвышенная плата. Они спятъ на открытомъ воздухѣ, въ шалашахъ изъ соломы и древесныхъ вѣтвей; другіе вмѣсто шалашей вѣшаютъ свою койку между столбовъ. Такъ какъ здѣсь нельзя достать свѣжей пищи, то они во все время питаются черствымъ хлѣбомъ, взятымъ изъ дому и овечьимъ сыромъ, приготовляемымъ въ горахъ въ невѣроятномъ количествѣ. Одинъ разъ въ день они варятъ теплую похлебку, которая состоитъ изъ воды, соли, масла, перца и корокъ хлѣба. Жаръ не рѣдко доходитъ до 40° по Реомюру, а ночью падаетъ роса и воздухъ сильно охлаждается. Тяжелая работа во время жаровъ возбуждаетъ страшную жажду, а утолять ее они могутъ только мутной, гнилой болотной водой, по большей части съ растительными и животными веществами. Когда долго стоятъ жары и стоячая вода испаряется

подъ жгучими лучами солнца, тогда распространяется въ воздухѣ тотъ тонкій, невидимый, но вездѣ чувствуемый ядъ, который извѣстенъ подъ именемъ малярiи. Малярія впрочемъ господствуетъ не только здѣсь: съ нѣкоторыми перерывами она посѣщаетъ побережья отъ устья Арно до границы Калабріи, но нигдѣ она не бываетъ такъ опасна, какъ въ Тосканскихъ маремма хъ и въ Понтійскихъ болотахъ. Съ ея появленіемъ распространяется множество болѣзней: въ іюнѣ и іюлѣ населеніе страдаетъ обыкновенно перемежающимися лихорадками, въ августѣ и сентябрѣ — нервными болѣзнями, въ октябрѣ желудочными катарами. Больныхъ обыкновенно бываетъ болѣе половины. Въ концѣ октября, когда начинаются сильные дожди, малярія исчезаетъ и число больныхъ уменьшается.

Несчастные рабочіе еще не кончатъ и половины работъ, какъ уже схватятъ такую жестокую лихорадку, что продолжаютъ жатву и другую работу дрожащими руками. Къ дню св. Лаврентія, т. е. 10-му августу, исхудалые, изнуренные, нерѣдко съ развившейся смертельной болѣзнію они возвращаются домой.

По единогласнымъ историческимъ извѣстіямъ, эти пустыни были въ древности мѣстомъ цвѣтущей культуры и дѣятельнаго, многочисленнаго населенія. На это указываютъ также разсѣянныя оливковыя деревья, слѣды прежде разработываемыхъ рудниковъ, остатки древнихъ дорогъ, этрусскихъ стѣнъ, башенъ, воротъ, амфитеатровъ и монетъ, сохранившіяся имена нѣкогда большихъ городовъ, вмѣсто которыхъ теперь стоитъ или жалкая деревенька, или ничтожный хуторъ. Но когда послѣ римскаго завоеванія пала этрусская цивилизація, когда междоусобныя войны истощили страну и лишили ее населенія, когда дикія орды варваровъ сожгли ея города, маремма постепенно стали превращаться въ безлюдную пустыню. Но какъ видно тогда еще тлетворное вѣяніе малярiи не было такъ сильно и такъ губительно, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ войска нерѣдко располагались лагеремъ. Опустошительныя болѣзни здѣсь начались собственно съ того времени, когда Арно и всѣ рѣки, которыя берутъ начало на западномъ склонѣ Аппенинъ, стали выходить изъ береговъ и оставлять массу ила. Главная причина малярiи — стоячія воды болотъ, гдѣ гніетъ огромное количество водорослей.

Обезлюденіе мареммъ и сильное распространеніе малярiи многіе ученые объясняютъ истребленіемъ лѣсовъ. Конечно наносъ ила былъ бы не такъ великъ, еслибы лѣса могли скрѣплять почву и такимъ образомъ охранять ее отъ наводненій; но нельзя приписать все исключательно человѣку. Почва этихъ мѣстностей имѣетъ такое свойство, что, увлажняясь, дѣлается почти жидкой. Лѣса не могли бы совершенно охранить отъ размыванія такую землю, да притомъ теперь трудно насадить ихъ. Но, конечно, они ослабили бы вредное дѣйствіе міазмовъ.

Однако оставимъ маремма и подвинемся къ югу. Съ каждымъ шагомъ впередъ путешественникъ оставляетъ позади себя болотистыя мѣстности со всѣми ихъ непривлекательными явленіями и передъ нимъ все роскошнѣе раскидывается вѣчно цвѣтущая итальянская природа.

Теперь уже на каждомъ шагу ему попадается пинія (южная сосна), которая своими верхушками, въ видѣ зонтичнаго шатра, виднѣется въ голубомъ небѣ, и стройный, темнозеленый кипарисъ: это два самые характерныя дерева юга. Далѣе идутъ финиковыя пальмы съ раскидистой верхушкою; зеленыя, мясистыя агавы; группы померанцевъ; тутъ стѣны лавровъ и кусты

миртъ, тамъ земляничное дерево съ темною листвою и красными плодами, далѣе прекрасно цвѣтущій олеандръ... Вся эта зелень зимою бываетъ еще зеленѣе и свѣжѣе, чѣмъ лѣтомъ. Скотъ прокармливается зимою роскошнымъ подножнымъ кормомъ; множество цвѣтовъ и овощей цвѣтутъ и поспѣваютъ круглый годъ. Здѣсь годъ не раздѣляется, какъ у насъ на оживленное и совершенно мертвое время года, а растительность блекнетъ скорѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою. Есть впрочемъ и въ южной Италіи деревья, которыя зимою теряютъ свою листву, но и тогда онѣ никогда не стоятъ обнаженными, какъ у насъ. Темно зеленый плющъ густо обвиваетъ своею зеленью безчисленные стволы ихъ, между которыми бродишь, какъ въ залѣ съ зелеными колоннами. Что же до цвѣтовъ, то они здѣсь въ высшей степени роскошны и разнообразны, и даже сухой антикварій (собиратель древностей), который обыкновенно такъ мало обращаетъ вниманія на природу, когда онъ лазаетъ по мѣстамъ древнихъ развалинъ и пробирается чрезъ одиноко стоящія плиты и остатки колоннъ, не можетъ устоять, чтобъ не обратить съ восторгомъ взоръ на выглядывающую всюду между камнями, спутанную чащу цвѣтущихъ кустарниковъ. Особенно весною, послѣ освѣжительнаго дождя, холмы и поля всюду покрываются пестрымъ ковромъ, надъ которымъ носятся, порхая, бабочки, гораздо болѣе блестящія, чѣмъ на сѣверѣ. Точно также и запахъ растѣній въ Италіи несравненно сильнѣе, чѣмъ въ средней и сѣверной Европѣ. Есть времена въ году и мѣстности въ Италіи, гдѣ все утопаетъ въ благоуханіи и каждое дуновеніе днемъ и ночью напоено бальзамическимъ ароматомъ. Почти каждое растеніе, къ которому прикасаешься, почти каждый растираемый листъ, оставляетъ въ рукѣ ароматическій, долго сохраняющійся запахъ. Безчисленное множество репейника, масличныя рощи, виноградники, нарциссы, желтофіоль, гвоздика, фіалки, роза, мята, апельсиновые цвѣты, все издаетъ свой особый ароматъ. И куда вы ни пойдете: въ горы, или на кладбище, на запустѣлый дворъ, или станете бродить между руинъ, васъ всюдуокружаетъ это нѣжное благоуханіе. Послѣ этого читателю будетъ понятно,если мы скажемъ, что здѣсь множество растеній, изъ которыхъ приготовляютъ благовонныя воды и эфирныя масла. Горящій кусокъ масличной смолы, зажженная мастиковая вѣтка наполняютъ и хижину бѣдняка пріятными ароматами. Тутъ также много лѣкарственныхъ растеній. Понятно, что при такомъ разнообразіи растительности, кромѣ цѣлебныхъ и ароматныхъ травъ, итальянская почва производитъ также и множество ядовитыхъ растеній, и ихъ ядъ болѣе одуряетъ и болѣе смертеленъ здѣсь, чѣмъ на сѣверѣ. Не даромъ же Италія давала міру еще въ древности искуснѣйшихъ составителей и составительницъ ядовъ.

Множество итальянскихъ растеній содержатъ въ себѣ также красильныя вещества: то въ корняхъ, то въ листьяхъ; ими-то неаполитанскія дѣвушки и женщины умѣютъ красить въ красное, желтое и голубое свои шерстяныя и полотняныя матеріи, коймы, кушаки, платки и передники. Здѣсь народъ необыкновенно любитъ пестрые и яркіе цвѣта въ своей одеждѣ; эту черту народнаго характера можно себѣ объяснить окружающею природою: небо такое ясное, всюду обиліе свѣта и красокъ, растенія такъ разнообразно пестры и и ярки и даютъ такъ много красильнаго матеріала; вотъ народъ, по примѣру природы, одѣвается въ яркіе, пестрые цвѣта.

Кромѣ красильныхъ соковъ итальянскія растенія содержатъ въ себѣ и много *питательныхъ* веществъ всякаго рода. Здѣсь чрезвычайно много фруктовыхъ деревьевъ, служащихъ большимъ подспорьемъ для народнаго про-

довольствія. Маслина, напримѣръ, въ южномъ хозяйствѣ играетъ даже бо́льшую роль, чѣмъ молочное масло въ Голштиніи, потому что растительное масло употребляется и для освѣщенія, и въ видѣ мыла, для мытья, и для приготовленія множества кушаньевъ. Неплодородный на маслины годъ здѣсь большое бѣдствіе. Другое дерево *смоковница* имѣетъ также огромное значеніе; плоды его содержатъ сахаръ, ихъ ѣдятъ здѣсь и свѣжими, и сушеными и такъ какъ они необыкновенно дешевы и здоровы, то бѣдняки прокармливаютъ ими иногда свои семейства. *Каштаны* во многихъ мѣстностяхъ главнѣйшая народная пища въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году.

Итальянскія растенія такъ питательны, что, можно сказать, онѣ по преимуществу поддерживаютъ жизнь народа. Ими приправляютъ всѣ супы, соусы; исключительно изъ нихъ приготовляютъ множество блюдъ, ихъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ; приправленные же солью, уксусомъ и масломъ эти холодные салаты — любимое кушанье итальянцевъ.

ВЕНЕЦІЯ.

Лагуны и водяныя улицы Венеціи.—Прошедшая и настоящая жизнь этого города.—Венеціанцы: нищіе и гондольеры.—Искуство гондольеровъ; ихъ чудныя пѣсни.—Приливъ и отливъ.—Ночныя серенады.—Дворецъ дожей.

Пароходъ входитъ въ зеленоватыя воды лагунъ Адріатическаго моря, на которыхъ расположена Венеція, и взору путешественника представляется совершенно особое зрѣлище, никогда имъ не виданное ни въ одномъ европейскомъ городѣ. Такъ далеко, какъ только можно окинуть взоромъ, — все кругомъ его море и песокъ: ни растеній, ни деревьевъ...

Сколько-бъ ни читалъ описаній, сколько-бъ ни слышалъ разсказовъ, но каждый, кто первый разъ видитъ этотъ городъ, необыкновенно пораженъ его оригинальностью. «Какъ, среди самаго моря», спроситъ непремѣнно каждый, «стоятъ эти колонны, храмы, дворцы? Какимъ волшебствомъ вызвали изъ голубыхъ, изумрудныхъ волнъ фантастическій городъ?» Всѣ эти зданія, всплывшія на водѣ, какъ огромныя водяныя растенія, уцѣпились за невидимые, плоскіе, песчаные островки, — вотъ почему и кажется, что всѣ эти постройки, какъ будто вышли прямо изъ моря. Часто около зданія нѣтъ даже самой узкой полосы земли и Венеціанецъ, выходя изъ дому, долженъ прямо сѣсть въ черную гондолу (лодку), которыхъ безчисленное множество скользитъ по водянымъ улицамъ города. Вмѣсто мощенныхъ, каменныхъ мостовыхъ, по которымъ съ такимъ грохотомъ и шумомъ катятъ экипажи, стучатъ колеса и каблуки пѣшеходовъ, — здѣсь тихо, безъ малѣйшаго шороха и шума переправляются въ баркахъ или гондолахъ. Все здѣсь въ высшей степени оригинально: и фантастическая архитектура зданій, омываемыхъ голубыми волнами, и поэтическое сиреневое венеціанское небо, и наконецъ эта необыкновенная тишина въ такомъ большомъ городѣ!

Извѣстно, что еще по распоряженію старой республики здѣсь запрещено было ѣздить на лошадяхъ; да признаться и негдѣ: вездѣ каналы по большей части безъ набережныхъ; весь городъ можно обойти и по улицамъ,

большей части безъ набережныхъ; весь городъ можно обойти и по улицамъ, но онѣ до того узки, что скорѣе походятъ на корридоры.

Венеція тѣсно связана съ своими историческими воспоминаціями; все ея теперешнее значеніе — въ ея памятникахъ, которые оставила ей прошедшая жизнь, такъ что говорить объ этомъ городѣ рѣшительно невозможно, не вспомнивъ ея исторію хоть въ самыхъ краткихъ чертахъ.

Венеція возникла въ то время, когда разные завоеватели нападали на Италію. Тогда ея жители, чтобы укрыться отъ непріятелей, бѣжали на песчаные острова лагунъ. Разумѣется, нужно было много денегъ, знаній и прежде всего труда и терпѣнія, чтобы посреди волнъ воздвигнуть этотъ мраморный городъ. Прежде всего приходилось бороться съ природою. Тростниковыя хижины, построенныя сперва по топкимъ, низменнымъ берегамъ протока Бренты, названнаго теперь Большимъ Каналомъ, были часто сносимы волнами прилива. Неимовѣрно страшные труды были употреблены на то, чтобы укрѣпить зыбкую, постоянно размываемую венеціанскую землю. Не разъ Адріатика поглощала уже застроенные и заселенные острова, такъ что у Венеціи свой Геркуланъ, своя Помпея, но залитые не лавой, а морскими волнами. Слѣды погибшихъ островов до сихъ поръ означены подводными развалинами. Не раньше какъ въ исходѣ XVI вѣка Венеція окончательно приняла ту своеобразно-великолѣпную физіономію, которая рѣзко отличаетъ ее отъ всѣхъ существующихъ городовъ. Съ тѣхъ поръ городъ быстро сталъ увеличиваться и богатѣть, такъ какъ жители дѣятельно принялись его обстраивать и украшать, да и положеніе его у моря было очень выгодно для промышленности. Разбросанные острова скоро соединились между собою красивыми мостами, изъ которыхъ самый лучшій сохранившійся до сихъ поръ — мостъ Ріальто, покрылись замѣчательно богатыми и красивыми мраморными дворцами и соборами. Изъ нихъ соборъ Св. Марка и дворецъ дожей показываютъ и до сихъ поръ какъ самыя первыя достопримѣтательности Венеціи. Скоро Венеціанцы стали такъ сильны, что захватили многіе острова греческаго архипелага и пріобрѣли часть восточнаго Адріатическаго прибрежья (Далмацію). Вотъ откуда появились здѣсь эти византійскіе куполы, которые красуются и до сихъ поръ. Славянская набережная со своими постройками представляетъ, напримѣръ, и восточную роскошь калифовъ, и нищету лаццарони (итальянскихъ бѣдняковъ).

Прежде въ Венеціи было республиканское устройство, но строго аристократическое: вся власть сосредоточивалась въ рукахъ самыхъ знатныхъ, богатыхъ фамилій. Изъ знатнѣйшихъ между ними избирался *Верховный Совѣтъ*, который пользовался неограниченною властью; изъ аристократіи также выбирался *Совѣтъ Десяти*, главною обязанностью котораго было развѣдывать, нѣтъ ли въ странѣ какихъ нибудь заговоровъ или замысловъ противъ господства аристократіи и предупреждать ихъ. Понятно, что для этого Совѣта пришлось держать при себѣ множество шпіоновъ. Эти люди, желая отличиться и побольше выслужить себѣ наградъ, постоянно соревновали другъ передъ другомъ, какъ бы искуснѣе проникнуть въ ту или другую семью. И дѣйствительно, очень часто переодѣтые или подъ всевозможными хитро придуманными предлогами являлись они и сводили знакомство въ томъ или другомъ домѣ. Вступая въ бесѣды съ хозяевами, они всегда старались свести разговоръ на правительство и указывали ту или другую дурную его сторону. Случалось, какой нибудь пылкій юноша приходилъ въ ужасъ отъ бѣдствій и деспотизма, испытываемыхъ народомъ, и которыя такъ ярко освѣтилъ передъ нимъ самъ же

шіонъ, начиналъ проклинать аристократію, и вотъ на такого довѣрчиваго бѣднягу тотчасъ доносили тремъ главнымъ инквизиторамъ. Этихъ инквизиторовъ Совѣтъ Десяти выбиралъ изъ своей среды и они составляли тайное судилище. Заподозрѣнный вдругъ исчезалъ неизвѣстно куда и никто не смѣлъ о немъ распрашивать; всѣ догадывались, что онъ отправленъ въ мрачныя тюрьмы инквизиціи, гдѣ его ожидали пытки и вѣчное заключеніе или тайная казнь.

Кромѣ Верховнаго Совѣта и Совѣта Десяти былъ еще сановникъ—дожъ (т. е. герцогъ), котораго избирали на всю жизнь. Прежде дожъ пользовался хотя и ограниченною, но довольно значительною властью; но впослѣдствіи ему оставили только внѣшніе знаки почета: великолѣпный дворецъ, стражу, корону. Между прочимъ дожъ ежегодно совершалъ торжественный обрядъ обрученія съ Адріатическимъ моремъ. Въ извѣстный день, при огромномъ стеченіи народа, дожъ отплывалъ изъ города въ сопровожденіи безчисленныхъ гондолъ, на богато убранномъ кораблѣ Буцентаврѣ, и съ разными церемоніями бросалъ въ море золотое кольцо.

Въ XIV вѣкѣ одинъ изъ венеціанскихъ дожей, по имени Марино Фальери, задумалъ свергнуть деспотическое правленіе аристократовъ, но его замыселъ былъ открытъ и онъ былъ казненъ въ собственномъ дворцѣ.

Вотъ эту то прошлую жизнь Венеціи наглядно пересказываетъ все, что попадается вамъ здѣсь на каждомъ шагу.

Пароходъ съ пассажирами останавливается у мраморныхъ ступеней пристани, гдѣ уже толпится множество черныхъ гондолъ, обитыхъ внутри коврами и обложенныхъ сафьянными подушками. При каждой гондолѣ стоитъ гондольеръ въ живописной одеждѣ. По большей части онъ въ бѣлой рубахѣ, которая вложена за голубые штаны и опоясанъ краснымъ кушакомъ; на головѣ шапка съ красной кисточкой.

«Синьоръ! мосьё! эччеленца! вотъ хорошая гондола!»—«Всѣ форестьеры (иностранцы) берутъ мою гондолу!»—«Его гондола течетъ»... и гондольеры другъ передъ другомъ стараются захватить чемоданы и самаго форестьера. Тотъ, кому удалось одержать верхъ, будетъ въ мигъ осыпанъ тысячами насмѣшекъ и остротъ отъ своихъ собратій.

Усѣвшись очень удобно въ гондолѣ, а то разлегшись на ея мягкихъ сафьянныхъ подушкахъ, вы ѣдете по зеленоватой водѣ канала. Сначала еще васъ нѣсколько разъ покачнуло, но черезъ мгновеніе гондола уже ровно скользитъ по водѣ. Вы осматриваетесь кругомъ и не можете вдоволь налюбоваться: такъ волшебны эти водяныя улицы, унизанныя мраморными дворцами, такъ простодушно наивны сцены, которыя вы встрѣчаете повсюду. Тамъ и сямъ люди совершенно приготовились купаться, показываются на порогахъ маленькихъ домиковъ, которые служатъ для раздѣванья, бросаются въ каналъ, ныряютъ и вдругъ выскакиваютъ у самой вашей гондолы. На узенькихъ полоскахъ набережной, вдоль воды, вы тотчасъ увидите всю жизнь домиковъ: тутъ рѣшительно все на распашку, все на виду... На припекѣ сидитъ цѣлая группа женщинъ: у нихъ на колѣняхъ ребята и они всѣ расчесываютъ другъ другу волосы, взбитые какъ войлокъ; нѣсколько поодаль старуха въ шлёпанцахъ (башмаки безъ задковъ) съ злобнымъ лицомъ бѣжитъ за ребенкомъ и бросаетъ въ него чѣмъ попало; тамъ общипываютъ куръ, потрошатъ гусей и барановъ, отовсюду несутся смертельно-ѣдкія испаренія... Миновали эти сцены, и передъ вами опять цѣлый рядъ дворцовъ... мрачны, печальны почернѣвшіе ихъ фасады, но въ высшей сте-

пени оригинальна архитектура этихъ зданій, выдвинутыхъ изъ воды, съ окнами, украшенными замѣчательно тонкими, искусными, мраморными кружевами, съ узорчатыми, часто обвитыми виноградной лозой, балконами, подъ которыми безъ шума плыветъ ваша гондола. Рѣдко однако на этихъ балконахъ появляется какое нибудь человѣческое существо; по большей части окна на глухо заколочены ветхими ставнями, такъ какъ владѣльцы этихъ палаццо давно покоятся въ могильныхъ склепахъ. На полуразвалившемся крыльцѣ ихъ приливъ нанесъ множество раковинъ и пучки разныхъ морскихъ растеній и въ такомъ видѣ все останется долго, пока новый владѣлецъ, купившій за безцѣнокъ этотъ величественный, но запущенный и заброшенный дворецъ, не возобновитъ его... Со многихъ стѣнъ оборваны даже ихъ мраморныя украшенія и только сострадательный плющъ прикрываетъ ихъ наготу... тамъ и сямъ изъ подъ легкихъ арокъ торчатъ жерди, на которыхъ просушивается бѣлье... Очень часто на мраморныхъ перилахъ изящныхъ балконовъ развѣшано тряпье и разная ветошь. «Какая нищета!» подумаетъ всякій путешественникъ. «Какой упадокъ могущественнаго, замѣчательно богатаго въ прежнее время города! Въ чемъ же теперь выражаются народный геній, изящество вкуса, это желѣзное терпѣніе Венеціанцевъ, которые даютъ себя чувствовать здѣсь на каждомъ шагу? Неужели ваши прежніе властители для своего великолѣпія и своихъ прихотей такъ долго порабощали вашу мысль и выжимали соки, что подъ конецъ сдѣлали васъ совсѣмъ негодными для самостоятельнаго труда?

Точно для подтвержденія вашей мысли къ вамъ подъѣзжаетъ оборванная гондола и вслѣдъ за этимъ къ вамъ сразу протягивается цѣлый десятокъ голыхъ дѣтскихъ рукъ. Когда вы попристальнѣе въ нихъ всмотритесь, васъ непремѣнно поразитъ увѣчье, изнуренный видъ и потухшіе глаза этихъ дѣтей. Этихъ несчастныхъ малютокъ нищіе набираютъ нарочно, иногда даже берутъ ихъ напрокатъ, чтобы ихъ жалкимъ видомъ скорѣе возбудить состраданіе.

«Бросьте имъ что нибудь», совѣтуетъ обыкновенно гондольеръ путешественнику, находя, что вообще просить милостыню вовсе не грѣхъ, выпрашивать же и вымогать у форестьера просто необходимо. Каждый путешественникъ непремѣнно броситъ что нибудь итальянскому нищему, потому что иначе онъ отъ него не отвяжется. Если какая нибудь монета падаетъ мимо, нѣсколько дѣтей-нищихъ тотчасъ бросаются въ воду, ныряютъ и всегда съ монетой въ зубахъ выплываютъ на поверхность. Вы подъѣзжаете къ берегу и тутъ васъ ждетъ опять нищій: онъ притягиваетъ багромъ каждую подъѣхавшую къ берегу гондолу, подаетъ путешественнику руку и требуетъ за это вознагражденія, хотя во всѣхъ этихъ услугахъ нѣтъ никакой надобности: гондольеръ все это могъ бы сдѣлать самъ безъ всякаго затрудненія.

Трудно описать, въ какихъ разнообразныхъ формахъ проявляется здѣсь нищенство; видно здѣшняя поэтическая природа во все вкладываетъ свою богатую южную фантазію. Если путешественнику придется ступить на твердую землю, его вниманіе нерѣдко привлечетъ цѣлая толпа мальчиковъ передъ тѣмъ или другимъ домомъ. Эти дѣти одинъ за однимъ произносятъ длиннѣйшія, напыщенныя рѣчи, въ которыхъ съ поддѣльнымъ восторгомъ превозносятъ таланты живущихъ въ домѣ, пророча матерямъ, что ихъ сыновья (они называютъ имена и фамиліи) будутъ не только гордостью и славой своей семьи, но и родины. Конецъ каждой рѣчи маленькаго оратора покрывается звуками барабана. Оказывается, что эти мальчики выпрашиваютъ въ школахъ списки дѣтей, получившихъ награду, узнаютъ потомъ гдѣ живутъ ихъ родители и

идутъ прославлять ихъ сыновей, увѣренные въ томъ, что растроганная мать или нѣжная сестра непремѣнно вынесутъ имъ подачку.

Такія сцены невольно отвлекутъ иногда путешественника отъ мѣста, куда онъ шелъ. «Куда пройти туда-то?» спрашиваетъ онъ первую кучку, попавшихся ему Венеціянцевъ. «Это зданіе подлѣ васъ!» говоритъ ему одинъ изъ нихъ. «Берите правѣй!» кричитъ ему вслѣдъ другой; но въ этомъ указаніи нѣтъ нужды, налѣво каналъ слѣдовательно и самъ никто туда не пойдетъ. «Вы уже пришли!» кричитъ ему третій, и путешественникъ не успѣлъ занести ногу на ступеньки крыльца, какъ три венеціянца, такъ подробно объяснявшіе ему мѣстоположеніе зданія, у котораго онъ стоялъ, обступили его кругомъ. «Заплатите же, эччеленца!» настойчиво говоритъ каждый изъ нихъ, точно требуя за трудъ. «Заплатить, за что?» спрашиваетъ путешественникъ. «Я сказалъ, идите правѣй...» — «А я сказалъ, вы у зданія...» — «А я...» Взбѣшенный этимъ попрошайничествомъ, путешественникъ бросаетъ байоки (мелкая монета, на наши деньги около копѣйки). «Какъ, только то?» говорятъ они уже угрожающимъ тономъ...

Вы одни въ этой странѣ, даже и людей то нѣтъ близко васъ; къ тому же эти сверкающіе черные глаза, этотъ угрожающій тонъ и жесты... вы бросаете сразу нѣсколько мелкихъ монетъ и стараетесь быстро проскользнуть въ гостинницу. Не успѣлъ путешественникъ осмотрѣть комнату, которая ему была предложена, какъ входитъ гондольеръ и требуетъ плату за гондолу и принесенныя вещи. «Я заплатилъ по таксѣ, съ прибавкою!» разсказываетъ объ этомъ одинъ путешественникъ. «Что это вы мнѣ даете?» спрашиваетъ гондольеръ, подкидывая на ладони деньги. «Я даю то, что слѣдуетъ за провозъ». «А развѣ мнѣ это слѣдуетъ за провозъ?» говоритъ онъ и обводитъ вопросительно глазами комнату. Я позвонилъ главнаго лакея, котораго здѣсь называютъ *директоромъ* (*). Объясните ему пожалуйста, сколько я долженъ заплатить! «Спросите синьора директора», говоритъ гондольеръ съ увѣренностью. «Онъ вамъ объяснитъ». «Ему слѣдуетъ (перѣшительно и глядя на коверъ, говоритъ директоръ, поставленный въ безвыходное положеніе: солгать и быть уличеннымъ форестьеромъ, который можетъ справиться, или, сказавъ правду, вызвать скандалъ со стороны лодочника, что еще хуже)... Ему слѣдуетъ... четыре цванцингера (цванцингеръ — двадцать коп.) «А я далъ пять». — «Вы дали... какъ слѣдуетъ»... почти шепчетъ дрожащій директоръ, такъ что слова его я едва разслышалъ. Но гондольеръ ихъ хорошо разслышалъ, «четыре цванцингера, заворчалъ онъ, наступая на директора. Форестьеръ спрашиваетъ: сколько? вы говорите четыре! форестьеръ далъ пять, а вы говорите: такъ слѣдуетъ! вамъ дороже форестьеръ? вы не можете сказать восемь? четыре! не хочу я четырехъ цванцингеровъ!» и деньги летятъ на полъ. Смущенный директоръ подбираетъ ихъ и кладетъ на стулъ. «Мнѣ ничего не надо, мнѣ не надо четырехъ цванцингеровъ,» съ ожесточеніемъ ворчитъ про себя гондольеръ, злобно толкаетъ вещи и зонтики, которые разставлены у дверей, преспокойно беретъ деньги, про которые онъ въ то же время твердитъ, что не возьметъ, и выходитъ изъ комнаты.»

Впрочемъ при нынѣшнемъ правительствѣ нищенство преслѣдуется и ни-

---

(*) Въ Италіи тотъ, кто распоряжается какимъ нибудь ремесломъ или дѣломъ называется—*министромъ*; старшій подмастерье—министръ; главный конторщикъ—министръ; сидѣлецъ въ лавкѣ—министръ; только старшій лакей—директоръ.

щихъ теперь съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. Кромѣ отвращенія къ труду и совершеннаго нравственнаго паденія, это попрошайничество можно объяснить себѣ также любовью къ деньгамъ. И дѣйствительно, венеціанцы любятъ деньги, золото же они просто боготворятъ. Больной бѣднякъ увѣренъ, что если только мадонна его перекрестка поможетъ ему добыть золотую монету,—онъ непремѣнно оправится. Послѣдняя работница въ проголодь будетъ питаться всю свою жизнь, но непремѣнно откладываетъ свои байоки, чтобъ только купить себѣ четверть аршина золотой цѣпочки. На рукѣ стараго, оборваннаго нищаго, который вамъ протянулъ ее, чтобъ выпросить ничтожную, мелкую монету, часто блеститъ золотое кольцо. Однако ради любви къ золоту и деньгамъ венеціанецъ не можетъ заставить себя усиленно поработать. Легко добытая копѣйка ему дороже трудоваго рубля. Но любовью копить деньгу,—чѣмъ такъ отличается наше русское купечество, вовсе не заражены итальянцы. Простолюдинъ копитъ, пока не добудетъ себѣ кольца или цѣпочку, не накупитъ персиковъ и другихъ лакомствъ. Раздобылъ онъ больше денегъ и обзавелся шикарной гондолой. На сѣверѣ бѣднякъ при этомъ поступаетъ иначе: онъ въ большинствѣ случаевъ старается улучшить свой столъ, итальянецъ же не обращаетъ никакого вниманія на пищу. Трудно повѣрить, какъ онъ мало ѣстъ и какою дрянью онъ можетъ довольствоваться. Хозяйка дома утромъ смѣшиваетъ маисовую муку съ водою и солью, варитъ эту смѣсь нѣсколько минутъ и вотъ готова *полента*; если еще при этомъ въ домѣ есть немного вина и сушеной рыбы, простолюдинъ считаетъ свой столъ уже прихотливымъ. Большинство же проглатываетъ отъ времени до времени нѣсколько сырыхъ морскихъ пауковъ, для разнообразія съѣстъ горсть вареныхъ и этотъ завтракъ закуситъ такимъ маленькимъ кусочкомъ хлѣба, который мы дали бы развѣ начинающему сидѣть грудному ребенку. Нѣтъ той дряни, которою онъ не набивалъ бы свой желудокъ. Онъ покупаетъ у разнощиковъ, что попадется: тѣсто, жареное въ оливковомъ маслѣ, чеснокъ, рѣпу, рѣдьку, каштаны и т. под. и нужно помнить, что все это чрезвычайно трудно перевариваетъ желудокъ. Мясо итальянецъ ѣстъ чрезвычайно рѣдко. Одинъ путешественникъ разсказываетъ такой случай: онъ нанялъ себѣ въ Венеціи на цѣлую недѣлю гондолу съ гондольеромъ, который долженъ былъ каждый день катать его въ гондолѣ, прислуживать ему и готовить кушанье. Поэтому гондольеру часто приходилось ходить на рынокъ за мясомъ. Однажды онъ вбѣгаетъ къ путешественнику съ сверкающими глазами, страшно разбѣшенный и умоляетъ его поменьше покупать мяса. «Въ рынкѣ уже всѣ знаютъ, что я прислуживаю одному форестьеру, между тѣмъ я беру такъ много мяса... такъ что теперь, какъ я только появляюсь на рынкѣ, меня тотчасъ всѣ окружаютъ, смѣются въ глаза, говоря, что я прислуживаю форестьеру, который поѣдаетъ мясо, какъ кровожадный звѣрь». Между тѣмъ путешественникъ бралъ мяса столько, сколько у насъ всегда беретъ одинъ человѣкъ.

Употребленіе неудобоваримой пищи или пустота желудка, такъ какъ итальянецъ никогда почти не ѣстъ досыта, располагаетъ его ко всевозможнымъ желудочнымъ болѣзнямъ, оттого такъ часто и по долгу свирѣпствуетъ въ Италіи холера.

Гостинницы Венеціи имѣютъ чрезвычайно величественный видъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ это дворцы разныхъ вельможъ, и хотя теперь въ одной залѣ венеціанскаго патриція надѣлано по два этажа комнатъ, путешественникъ все таки удивляется ихъ высотѣ.

Очень часто одна часть оконъ выхотитъ на каналъ, другая на набережную, на какой-нибудь островокъ и на безпредѣльное царство лагунъ, — такъ что сидя у себя въ комнатѣ вы преудобно можете наблюдать жизнь города. Вотъ огромная крытая барка съ чемоданами, сундуками и пассажирами проходитъ мимо, такъ что ея и не слышно,—это венеціанскій омнибусъ... Тишина совершенная, — только отдаленные голоса съ набережной напоминаютъ по временамъ, что и тутъ есть жизнь... — Чу! что это за монотонные звуки вдругъ пронеслись у самыхъ вашихъ оконъ? Длинная цѣпь гондолъ плыветъ по каналу, зажженныя свѣчи, унылое пѣніе, монахи и черный гробъ посреди барки объясняютъ вамъ тотчасъ эту сцену. Черезъ минуту раздаются совсѣмъ другіе, какіе то рѣзкіе звуки. Это мелкіе торговцы разъѣзжаютъ въ гондолахъ и пронзительно выкрикиваютъ о своемъ картофелѣ, апельсинахъ и т. п. При этихъ звукахъ то тамъ, то здѣсь отворяется въ домѣ окошко, показывается дѣвушка и вступаетъ въ продолжительный торгъ съ продавцомъ. Затѣмъ дѣвушка опускаетъ на веревкахъ корзинку съ деньгами, торговецъ взамѣнъ ихъ наполняетъ ее товаромъ, и ее подымаютъ вверхъ также, какъ опустили.

Опять все стихло. Вотъ съѣхались двѣ гондолы и вамъ кажется, что въ этихъ узкихъ, какъ корридоры, каналахъ, имъ ни за что не разъѣхаться. «У-у-у...» кричатъ гондольеры для предупрежденія и въ мигъ осаживаютъ гондолы. Управлять лодкой здѣсь пріучаются съ ранняго дѣтства; богатые иногда по долгу обучаются этому искуству, какъ у насъ наѣздничеству. Подъ веслами какого-нибудь знатнаго венеціанца лихо летитъ великолѣпная гондола изъ чернаго дерева съ зеркальными окнами, съ дорогими коврами. Очень часто весломъ правитъ изнѣженная синьорина. А вонъ у берега толпа четырехъ, пятилѣтнихъ ребятъ съ хохотомъ и крикомъ кувыркается и раскачиваетъ барку... но за нихъ никто не боится: развѣ можно утонуть? это все равно, еслибъ у насъ стали бояться, что дѣти, играя, провалятся сквозь землю.

Въ большіе праздники гондольеры показываютъ свою ловкость съ особенною торжественностью. «Большой каналъ тогда принаряженъ: изъ оконъ домовъ спущены ковры, красныя и всякія ткани, мѣстами стеганныя одѣяла и даже простыни; изъ палаццовъ бархатныя, шитыя золотомъ и гербами, покрывала. Поверхность воды усѣяна тысячами гондолъ, которыя группируются около большой барки съ музыкантами, разукрашенной цвѣтами и одѣтой въ розовую матерію съ бѣлыми драпировками. Мало по малу, при общемъ стремленіи пробиться ближе къ музыкѣ, каналъ превращается въ необъятный плотъ сцѣпившихся гондолъ. Подвинуться впередъ или отстать, повидимому, нѣтъ уже никакой возможности: не тутъ-то было! Откуда возьмется бойкая гондола, которая, какъ змѣя, извиваясь между другими и прорѣзывая себѣ путь блестящимъ гребешкомъ, летитъ еще впередъ! Только слышно: «gambi! gambi!» (*) гондольера, маневрирующаго не хуже наѣздника цирка на хвостѣ водянаго коня своего. Какая-нибудь лодченка рыбака приплелась туда же и вьюномъ бѣжитъ между гондолами, которыя только чокаются своими гребнями».

Если изъ окна вы услышите крикъ и шумъ, вы можете быть увѣрены, что это ссорятся между собой гондольеры... они не только бранятся, но и смертельно любятъ поострить другъ надъ другомъ. «Что везете?» насмѣшливо спрашиваетъ гондольеръ проѣзжающую мимо барку. — Вино. — «Такъ дайте

(*) Предостереженіе для гребцовъ.

отвѣдать!» —«Куда имъ!» подхватываютъ тотчасъ другіе, если барка, не обращая вниманія, продолжаетъ свой путь. «Они вина не видывали...» и всѣ звонко хохочутъ. Проплыветъ ли гондола съ пассажиромъ и его вещами, гондольеры осыпаютъ товарища насмѣшками, что онъ везетъ тяжелую поклажу; пустая гондола,—колкія насмѣшки, переходящія въ брань, что онъ безъ пассажира, что его всѣ бракуютъ...

При совершенной тишинѣ въ городѣ ихъ голоса далеко и отчетливо разносятся по водѣ. Разстояніе, на которомъ могутъ переговариваться венеціанцы, особенно поражаетъ путешественника. Уже съ дѣтства они перекликаются и переговариваются съ одного берега канала на другой и потому голоса ихъ въ высшей степени рѣзки и звучны.

Чу! гдѣ то вдали мальчикъ, вычищая пескомъ стальной гребень гондолы, вдругъ смѣло и звонко затянулъ какую-то пѣсню. Мало по малу гондольеры пристаютъ къ ребенку, сразу смолкаютъ ихъ брань и остроты; вонъ и женщины съ набережной тоже заслышали звуки, подхватываютъ, и черезъ мгновеніе отовсюду понеслась чудная, стройная пѣсня. Но это оживленное движеніе на каналахъ бываетъ только до вечера: къ вечеру же вода стремится къ морю,—начинается отливъ. «Когда вода убываетъ, стѣны домовъ обнажаютъ болѣе и болѣе свои мшистыя, позеленѣлыя, облѣпленныя раковинами основанія; крыльца всплываютъ и на скользкихъ ступеняхъ уже не можетъ держаться нога; сточныя трубы разѣваютъ свои страшныя пасти; безобразные морскіе пауки мечутся по обнаженнымъ откосамъ зданій; убывающая вода, мутная и густая, несетъ скорлупу арбуза, пухъ, листы капусты, обломки, щепки, черепки... плыветъ стоймя разбитый горшокъ, плыветъ старая подошва, дохлая крыса, соръ и жиръ... чего только не плыветъ въ отливъ по большому каналу! а загляните въ маленькіе: на обмелѣвшемъ днѣ липнутъ пустыя барки и гондолы; ребятишки бродятъ въ жидкой грязи, между острыми стеклами и черепками, собирая пауковъ и раковинъ, которыхъ тутъ же пожираютъ живьемъ рознявши скорлупку ногтемъ или гвоздемъ... Воздухъ дѣлается тяжелымъ и спертымъ, всюду распространяется запахъ гнили... Съ каждой минутой убыль воды смѣняется прибылью нечистотъ со всѣхъ сторонъ, и прекрасная Венеція дѣлается на время огромною помойною ямою. Но вотъ потянуло вѣтромъ съ моря, и голые лагуны начали опять пополняться водой. Дѣти спѣшатъ окончить на нихъ раковый ловъ и чистая волна все прибываетъ и прибываетъ. Черезъ часъ прежняя Венеція уже по колѣна въ водѣ, а черезъ нѣсколько минутъ вы опять можете скользить по ней въ гондолѣ».

Если въ Неаполѣ путешественникъ рвется прежде всего увидѣть Везувій, то здѣсь въ Венеціи ни одинъ не уѣдетъ, не полюбовавшись красотою этого города ночью, не послушавши ночныхъ венеціянскихъ серенадъ. И дѣйствительно, венеціянская ночь можетъ очаровать хоть кого. Небо серебрится и сверкаетъ, щедро усыпанное яркими звѣздами. Атмосфера здѣсь до того прозрачна, что ясно видишь всѣ предметы даже и на далекомъ разстояніи; ночью же на небѣ гораздо болѣе звѣздъ, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. На пустынной водяной улицѣ темно и тихо. Но вотъ отдѣлилась длинная тѣнь и красная точка побѣжала поперегъ канала,—это гондола съ фонаремъ...

Лучшія серенады обыкновенно бываютъ еще съ утра заказаны форестьерами. Для этого приглашаютъ человѣкъ пятнадцать рабочихъ, между которыми маляры считаются самыми лучшими пѣвцами. Какъ только наступаютъ сумерки, они сходятся всѣ вмѣстѣ, спѣваются съ полчаса, садятся въ нѣ-

сколько гондолъ и отправляются къ подъѣзду трактира или дома, гдѣ серенада заказана.

«Приходи», поютъ пѣвцы, «моя Нинетта, барка готова, приходи! Земля, море, небо, все ждетъ тебя, моя Нинетта, приходи!» И такъ въ тысячи варіантахъ раздаются эти пѣсни и далеко, далеко разносятся чудные мелодическіе звуки итальянскаго голоса.

Теперь поговоримъ о величественныхъ зданіяхъ, которыя пробуждаютъ столько историческихъ воспоминаній. Дворецъ дожей прежде всего обращаетъ вниманіе путешественниковъ. Представьте себѣ полосу ослѣпительно-бѣлаго и розоваго мрамора, стѣны, покрытыя сплошь барельефами, окна и балконы, разукрашенные гирляндами. Вся громада этихъ богатыхъ зданій украшена легкой, двухъярусной колоннадой съ изящными карнизами и мраморными кружевами стрѣльчатыхъ сводовъ. Такимъ представляется дворецъ дожей съ площади св. Марка и съ Славянской набережной. Два другіе фасада дворца, совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, обращены на внутренній дворъ собора св. Марка и къ темницамъ, которыя съ нимъ соединены знаменитымъ *Мостомъ Вздоховъ*, такъ что изъ оконъ многихъ комнатъ видна темница... Какое непріятное сосѣдство! какое мрачное расположеніе духа должны были производить эти тюрьмы на всѣхъ, живущихъ въ этихъ палатахъ. — «Что эта за группа у воротъ?» спрашиваетъ путешественникъ. «Онѣ сдѣланы въ память четырехъ братьевъ, осужденныхъ за мятежъ противъ республики». «А что это за бронзовая голова между соборомъ и дворцомъ?» — «Это слѣпокъ съ головы знаменитаго полководца республики Карманіолы, который впослѣдствіи казненъ по подозрѣнію въ измѣнѣ».—«А эти столбы, какъ они прекрасны! всегда ли какъ теперь они стояли здѣсь для украшенія?» — «Столбы эти были захвачены на востокѣ и надъ ихъ отдѣлкою трудились знаменитѣйшіе художники: во времена венеціянской республики между ними вѣшали трупы преступниковъ, по большей части изъ благородныхъ, которые прежде были умерщвлены въ темницѣ дворца».— «Отчего одинъ только столбъ изъ всѣхъ верхнихъ столбовъ дворцовой колоннады такого багрянаго цвѣта?» — «На немъ обыкновенно вывѣшивались объявленія смертныхъ приговоровъ». Вы вступаете наконецъ на бѣломраморныя ступени лѣстницы Гигантовъ, которая такъ названа отъ двухъ колоссальныхъ статуй Марса и Нептуна. Эти статуи служили символомъ власти венеціянъ на морѣ и сушѣ. Надъ мраморомъ этой лѣстницы трудились первѣйшіе художники и ея узорчатая отдѣлка дѣйствительно замѣчельно красива. Здѣсь, на этомъ крыльцѣ вѣнчали дожей, и новоизбранный получалъ отъ Сената золотую шапку, унизанную перлами и драгоцѣнными каменьями. «Наконецъ-то», говоритъ путешественникъ, «больше уже не увидишь памятниковъ варварства и только будешь удивляться прежнему величію и богатству Венеціи».— «А развѣ вы не замѣчаете», перебиваетъ васъ проводникъ, «этихъ дыръ въ стѣнѣ... прежде тутъ были вставлены мраморныя пасти львовъ и всѣ желающіе бросали въ нихъ свои доносы».

Но вотъ вы, наконецъ, въ парадныхъ залахъ стариннаго дворца, въ которыхъ обыкновенно ночью происходили самыя важныя совѣщанія. Теперь въ нихъ ужъ не найдете восточной роскоши: пурпура, золота и драгоцѣнныхъ камней; но за то до сихъ поръ сохранилось множество изящныхъ произведеній венеціянской живописи. Огромныя стѣны сплошь покрыты картинами и фресками Тиціана, Тинторетта и другихъ знаменитыхъ художниковъ. Всѣ эти картины оправлены въ роскошныя рамки. Но не однѣ онѣ останавли-

ваютъ вниманіе путешественника. Въ этихъ залахъ надъ каждою мелочью, надъ рѣзьбою дверей, надъ отдѣлкою каминовъ трудилась цѣлая фаланга даровитѣйшихъ скульпторовъ и художниковъ.

Въ залахъ Верховнаго Совѣта выставлены портреты всѣхъ дожей; но на мѣстѣ Марино Фальери находится только рамка, затянутая черной матеріей, и надпись, «здѣсь мѣсто Марино Фальери, обезглавленнаго за преступленіе». Эта надпись бросалась въ глаза всякому дожу, когда онъ со всѣмъ почетомъ, среди другихъ важныхъ сановниковъ возсѣдалъ въ этихъ залахъ.

Между всѣми залами особенно замѣчательна пріемная зала пословъ, которая до сихъ поръ еще сохранила свое первобытное убранство, вмѣстѣ съ амвономъ и каѳедрою дожей. Полъ ея устланъ мозаикою изъ драгоцѣнныхъ мраморовъ; нижняя часть стѣнъ обшита кипарисомъ, похищеннымъ изъ разоренной Византіи; стѣны и потолки расписаны кистью лучшихъ художниковъ. Драгоцѣнная ткань развѣшана по стѣнѣ, къ которой прислонены кресла дожа и его ближайшихъ совѣтниковъ. Все въ этой залѣ было разсчитано и устроено такъ, чтобы сразу поразить иноземныхъ пословъ богатствомъ, роскошью и величіемъ.

Теперь всѣ покои, гдѣ жили дожи, совершенно пусты и предназначены для общественнаго музея; кромѣ того множество самыхъ обширныхъ залъ дворца заняты библіотекою. Залу Десяти тоже уже успѣли обратить въ музей; но до сихъ поръ еще уцѣлѣли львиныя пасти, откуда вынимали доносы и на стѣнѣ картина съ фантастическими украшеніями всякаго рода казней. Подлѣ этой залы есть нѣсколько тѣсныхъ проходовъ и келій, гдѣ хранились архивы и совершались иногда пытки; тутъ же роковая дверь, которая выводитъ на крытую галлерею, висящую высоко надъ водой, называемую Мостомъ Вздоховъ. Инквизиторы изъ своей залы прямо посылали осужденныхъ по этому мосту въ темницы. Изъ той же двери, которая ведетъ на Мостъ Вздоховъ, можно попасть и въ глубокія подземелья дворца или колодези и въ пломбы, т. е. въ темницы подъ свинцовою крышею, гдѣ узниковъ томили жаромъ. Сидѣть въ пломбахъ въ томительно жаркіе дни, когда металлическая крыша палатъ страшно накалялась было, конечно, мучительно, но тутъ все еще можно было дышать свѣжимъ воздухомъ. Чтобъ вполнѣ понять весь ужасъ венеціанскихъ темницъ, нужно сойти на дно *колодцевъ*, гдѣ въ сырости и въ темнотѣ изнывали сотни жертвъ, навлекшихъ на себя только ничтожное подозрѣніе.

Большая часть венеціянскаго народа состоитъ изъ нищихъ и гондольеровъ. Его дѣятельность и трудъ весь въ выпрашиваніи у форестьера мелкой монеты, въ катаньѣ того же форестьера въ гондолѣ; даже въ своихъ пѣсняхъ онъ скорѣе тѣшитъ иностранца, чѣмъ наслаждается самъ. Въ промышленномъ отношеніи Венеція совсѣмъ пала. Вся промышленность ограничивается здѣсь ничтожнымъ стеклянным производствомъ и приготовленіемъ золотыхъ цѣпочекъ, которыя дѣлаются здѣсь руками. Тонкая золотая проволока рѣжется ножницами на коротенькіе кусочки и стальными щипцами загибается въ звенья. Загнутое звено спаивается съ другимъ на огнѣ маленькой лампы, и цѣпь выходитъ проворно изъ рукъ мастероваго.

РИМЪ.

Первое впечатлѣніе. — Храмъ св. Петра. — Ватиканъ. — Пантеонъ. — Капитолій. — Колизей и его прошлое значеніе для Рима. — Уличная жизнь. — Балъ натурщицъ. — Климатъ римскій.

Описать Римъ съ его замѣчательными, величественными памятниками, представить причудливую красоту, изобразить въ яркихъ чертахъ его своеобразную жизнь, — задача въ высшей степени трудная! Сюда, въ этотъ городъ, со всѣхъ концовъ міра стекаются художники, писатели, пѣвцы, музыканты, мыслители, ботаники, антикваріи, наконецъ даже благочестивые христіане-пилигримы, чтобъ поклониться мѣстамъ, гдѣ впервые пострадали христіане. И всѣ эти пришельцы разныхъ странъ находятъ въ Римѣ и возможность видѣть, что имъ такъ давно хотѣлось узнать, и богатый матеріалъ для своихъ работъ. Но еще важнѣе для путешественника то, что каждый изъ нихъ, на какой бы высокой степени развитія ни стоялъ его талантъ, все-таки найдетъ здѣсь, чему еще поучиться, чтобы еще болѣе развить свой вкусъ и свои дарованія!

Римъ расположенъ на берегу Тибра и окруженъ красноватыми стѣнами со множествомъ башенъ. Этотъ многохолмный городъ особенно живописенъ, когда его наблюдаешь съ одной изъ семи его высотъ, на которыхъ онъ расположенъ. Передъ зрителями раскидывается чудная панорама. Повсюду разбросаны церкви, громадные дворцы, обелиски, фонтаны, статуи, сады, виноградники и тутъ же совсѣмъ заброшенныя *огромныя пространства земли*, украшенныя множествомъ фантастическихъ *развалинъ отъ древнихъ временъ*, повсюду пестрѣютъ тысячи куполовъ, колоколенъ, но между всѣми постройками и деревьями много, много выше всего, точно высокая гора на горизонтѣ, поднимается куполъ величайшей въ мірѣ церкви св. Петра, который видѣнъ не только въ самомъ городѣ, но и тогда, когда находишься отъ него за цѣлые десятки верстъ. Такъ скажемъ же нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ храмѣ. Дорога къ храму идетъ черезъ Тибръ тѣсными и кривыми улицами. На вашемъ пути будетъ между прочимъ длинный мостъ св. Ангела, украшенный нѣсколькими арками и ангелами самой изящной работы. Съ этого мѣста куполъ храма св. Петра видѣнъ лучше, чѣмъ когда подойдешь къ нему ближе: тогда огромная масса фасада почти совершенно скрадываетъ верхнюю часть, которая вблизи кажется тяжелой, придавленной. Тутъ же онъ имѣетъ чрезвычайно величественный видъ, чему особенно помогаетъ Ватиканъ, который стоитъ подлѣ, съ его обширными террасами и этажами въ ужасающемъ числѣ. Пройдешь мостъ и опять узкая улица ведетъ васъ до самой площади Петра, которая является передъ вами среди окружающей грязи, точно для контраста, во всемъ блескѣ и величіи, оживленная шумомъ двухъ своихъ фонтановъ. Яркіе лучи солнца пронизываютъ ихъ воздушный, серебряный дождь, который играетъ и блеститъ миріадами огней на тысячѣ мраморныхъ колоннъ храма и на стройномъ египетскомъ обелискѣ, который стоитъ среди площади и на родинѣ самъ былъ нѣкогда символомъ солнечнаго луча.

Какимъ образомъ и изъ какихъ средствъ могла создаться эта громада, превышающая всякія ожиданія, эта роскошь и богатство внутри, превосходящія самую смѣлую фантазію, — вотъ какой вопросъ рождается у каждаго при первомъ взглядѣ на знаменитый храмъ. Болѣе трехъ столѣтій строили

его, такъ что геніи разныхъ временъ трудились надъ украшеніями этого храма; не мало и денегъ онъ стоилъ; по приблизительному счету только одно зданіе, безъ внутреннихъ украшеній, безъ геніальнѣйшихъ картинъ первыхъ мастеровъ, безъ драгоцѣнныхъ камней—стало болѣе чѣмъ въ 300 мил. руб.

Каменные уступы ведутъ къ притвору и тутъ только васъ поражаютъ исполинскіе размѣры храма, его разбѣгающаяся колоннада и всѣ его изящныя мраморныя изваянія. Этотъ притворъ такихъ размѣровъ, что многіе путешественники часто ошибаются и принимаютъ его за соборъ.

Когда входишь во внутренность храма, прежде всего бросается въ глаза множество статуй начальниковъ монашескихъ орденовъ, которыми такъ изобилуетъ римская церковь. Въ этомъ храмѣ до 30-ти алтарей, болѣе 80-ти огромныхъ мраморныхъ и бронзовыхъ статуй, до 50-ти надгробныхъ памятниковъ и цѣлыя сотни геніальнѣйшихъ произведеній первыхъ въ мірѣ художниковъ, каковы Рафаэль, Микель-Анджело, Канова и др. Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о роскоши украшеній храма, должно сказать, что только одна каѳедра Петра стоила болѣе полумилліона; каждая мозаическая картина (мозаическія картины висятъ во всѣхъ тридцати алтаряхъ) цѣнится не менѣе 150,000 руб.; наконецъ только одна позолота двухъ, трехъ колоннъ и нѣсколькихъ статуй стоили болѣе полумилліона; что же до драгоцѣннаго мрамора, который тамъ встрѣчается повсюду, золота и дорогихъ камней, такъ это и высчитать трудно. Чрезвычайно любопытно взглянуть на самую вершину исполинскаго зданія, которое сооружали не люди, но цѣлыя поколѣнія людей. Его необъятная крыша населена своими жителями, которые стерегутъ храмъ; на вершину можно даже взъѣхать до самаго верха на лошакѣ, по отлогой террасѣ. Отсюда отлично видѣнъ Римъ и его восхитительныя окрестности. Тамъ виднѣется прекрасно выстроенный монастырь съ разбросанными пальмами, померанцовыми деревьями и огромнымъ виноградникомъ; тутъ мутный Тибръ, нѣсколько далѣе Албанскія и Сабинскія горы, точно подернутыя лиловою дымкою, и все это окинуто громаднымъ синимъ куполомъ итальянскаго неба.

Храмъ св. Петра съ одной стороны примыкаетъ къ пышнымъ палатамъ Ватиканскаго дворца, который издали походитъ на цѣлый городъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о величинѣ Ватикана, упомянемъ хоть о томъ, что онъ имѣетъ до 20-ти дворовъ, болѣе 11-ти тысячъ комнатъ; при этомъ еще огромная библіотека, множество галлерей съ знаменитыми картинами и изваяніями языческихъ боговъ и мудрецовъ, царей, героевъ и дикихъ звѣрей... Тамъ, въ одной изъ залъ показываютъ множество разнаго оружія, которымъ терзали мучениковъ за христіанскую вѣру. Въ той же комнатѣ хранятся многіе старинные, весьма драгоцѣнные церковные сосуды, старинныя иконы, папирусы, монеты, остатки древней живописи... Однимъ словомъ невозможно перечесть всѣхъ сокровищъ Ватикана.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о древностяхъ Рима, о тѣхъ колоссальныхъ языческихъ памятникахъ, по которымъ такъ наглядно читаешь прошедшую исторію Римлянъ. Памятниковъ этихъ здѣсь чрезвычайно много, но мы назовемъ только самые важные изъ нихъ.

Въ серединѣ новаго Рима, окруженный со всѣхъ сторонъ неуклюжими постройками, стоитъ храмъ Пантеонъ. Онъ былъ построенъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и посвященъ всѣмъ богамъ языческаго міра. Разъяренный Тибръ много разъ нагонялъ на его твердыя стѣны свои разрушительныя волны; много разъ набѣгали на Римъ варвары, жгли и громили Пантеонъ; оборвали его

лучшія украшенія, ограбили его до чиста, но и до сихъ поръ, хотя и въ нищенскомъ рубищѣ, стоитъ онъ твердо и вполнѣ сохранилъ свою величавую осанку. Привольно душѣ, когда взглянешь подъ его огромный куполъ, для котораго точно будто и строено все зданіе. Чтобы изъ Пантеона попасть въ Капитолій, нужно пройти Корсо, повернуть направо отъ Венеціянской площади. Нѣсколько пройдя, взгляните налѣво, на возвышеніи бронзовый всадникъ: этотъ всадникъ — Маркъ Аврелій, добрый, любимый народомъ императоръ, а мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, — Капитолій! Взбираясь на его возвышенность, вы прежде всего у подножія террасъ встрѣчаете двухъ египетскихъ львовъ: изъ пасти обоихъ бьетъ широкая струя воды. Еще одна отлогая терраса извивается вправо и тутъ же крутое крыльцо ведетъ налѣво въ высокую церковь Ара-Чели, которая замѣнила собою прежній храмъ капитолійскаго Юпитера. На верху террасы стоятъ двѣ древнія колоссальныя статуи. Позади ихъ шумитъ еще фонтанъ, прислоненный къ стѣнѣ сенаторскаго дворца и тоже украшенный многими огромными статуями. Любопытно обогнуть площадку и сенаторскій дворецъ, чтобы взглянуть внизъ на остатки древняго храма: портики изъ бѣлаго мрамора, разбитыя колонны, куски порфира и разноцвѣтныхъ мраморовъ, все это разбросано въ самомъ очаровательномъ безпорядкѣ. На площадкѣ прежде всего обращаетъ вниманіе путешественниковъ капитолійскій музей. Среди тысячи своихъ рѣдкостей онъ особенно славится своими бронзами и бюстами героевъ, римскихъ императоровъ и боговъ, между которыми величественный бюстъ Юпитера господствуетъ надъ сонмомъ ему подвластныхъ боговъ. За площадкою взорамъ вашимъ представится Тарпейская скала, откуда сбрасывали преступниковъ.

Всѣ громадныя, величественныя развалины обвиты плющемъ и благоухающею растительностью, стоятъ въ вѣнкѣ кипарисовъ и утопаютъ въ лучахъ яркаго итальянскаго солнца. А вотъ наконецъ и Колизей — римскій циркъ, въ прежнія времена самое великолѣпное зданіе во всемъ Римѣ.

Вмѣстѣ съ могуществомъ и величіемъ римлянъ возростало и великолѣпіе этого зданія, которое каждый императоръ старался украсить, какъ можно роскошнѣе; въ немъ давали народу всевозможныя представленія съ безумною роскошью. Мѣста для сидѣнія расположены были внутри амфитеатромъ. Такъ какъ страсть къ зрѣлищамъ въ римлянахъ усиливалась съ каждымъ поколѣніемъ, то постоянно являлась потребность увеличить число мѣстъ въ циркѣ; такъ что это зданіе при каждомъ императорѣ все увеличивалось. Уже въ IV-мъ столѣтіи число мѣстъ доходило до 385 тысячъ, а вскорѣ потомъ до 700 тысячъ. Съ наружной стороны, кругомъ всего цирка, шла галлерея со множествомъ входовъ и лѣстницъ, чтобы тысячи народа могли сразу входить и выходить. Кромѣ того въ этихъ галлереяхъ были лавки продавцевъ и всякаго рода мѣста для сходокъ, а надъ ними находились жилые покои... Много тутъ было въ древности жизни и пестроты. Торгаши предлагали свои товары, дымились харчевни, паяцы отпускали свои шутки передъ людьми низшаго класса, астрологи и разные прорицатели, издавна находившіе себѣ здѣсь пристанище, давали свои совѣты простымъ людямъ и открывали имъ будущее посредствомъ бросанія камешковъ о доски; здѣсь также стояло множество женщинъ въ разныхъ нарядахъ, которыя при звукахъ бубенъ, цимбалъ и кастаньетъ выплясывали разные танцы.

Въ циркѣ давались разныя зрѣлища: кулачные бои, скачки верховыхъ, состязанія бѣгуновъ, также устраивались и звѣриныя травли, но самымъ лю-

бимымъ зрѣлищемъ римлянъ, во всѣ времена, было ристаніе (бѣгъ) колесницъ. Интересъ къ этому зрѣлищу поглотилъ впослѣдствіи всѣ страсти и склонности римскаго народа. Чѣмъ ближе былъ конецъ бѣга, тѣмъ сильнѣе выказывались: бѣшенство, досада, восторгъ, распущенность и извращенный вкусъ зрителей. Публика неотступно слѣдила глазами за колесницами, хлопала въ ладоши, кричала изо всѣхъ силъ, соскакивала съ мѣстъ, махала платками и одеждами, протягивала впередъ руки, какъ будто желая схватить все ристалище, скрежетала зубами, проклинала и страшно угрожала оплошавшимъ, кривлялась, бранилась между собой, издавала крики восторга и побѣды.

Чтожъ мы находимъ здѣсь теперь въ этомъ циркѣ? Эта нѣкогда великолѣпно украшенная долина между Авентиномъ и Палатиномъ, гдѣ стоитъ Колизей, — принадлежитъ теперь къ самымъ пустыннымъ и уединеннымъ частямъ города. Отъ построекъ Колизея впослѣдствіи оторвали небольшую часть и изъ нея построили въ новомъ Римѣ три огромные палаццо, хотѣли и весь его разобрать, да такую массу не скоро растащишь. Думали было сдѣлать изъ него суконную фабрику, да денегъ не хватило на ея устройство. Въ послѣднее же время его стали даже поддерживать, такъ какъ убѣдились, что Римъ своими развалинами привлекаетъ въ страну много иностраннаго золота.

Главная улица Рима — Корсо. Она вся застроена богатыми магазинами, кофейнями, которые занимаютъ нижніе этажи почти всѣхъ зданій. Кромѣ палаццо съ желѣзными рѣшетками, которые попадаются то тамъ, то здѣсь, вы не найдете на этой улицѣ ничего особенно типичнаго. Блескъ, богатство магазиновъ, эфектъ и изящество, съ которыми расположены въ нихъ товары—тоже, что и во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Прежде чѣмъ добраться до Корсо придется пройти много кривыхъ и узкихъ переулковъ, но не оставляйте ихъ безъ вниманія, тутъ сказывается гораздо болѣе оригинальность итальянской столицы. Несмотря на то, что вы идете по какому нибудь грязному закоулку, на встрѣчу вамъ летятъ брызги фонтана: то онъ падаетъ передъ вами чуднымъ каскадомъ, то бросаетъ свою хрустальную струйку на мшистый, мраморный бассейнъ... А вонъ группа натурщиковъ картинно валяется на ступенькахъ дворцовъ... Впрочемъ чаще всего вы встрѣчаете улицы, сплошь увѣшанныя просыхающимъ бѣльемъ. По всей вѣроятности это происходитъ оттого, что всѣ римскіе чердаки заняты художниками...

А вотъ и мрачная, совсѣмъ темная улица съ кучами сору, но и тутъ звонкій разговоръ сосѣдокъ изъ одного дома въ другой раздается на всю улицу. Старуха со скальдиной въ рукахъ предлагаетъ вамъ обогрѣться за одинъ байоки. Скальдина—это небольшой горшокъ наполненный угольями, съ дугообразной ручкой по срединѣ, на которую кладутъ ноги. Такъ какъ холодные зимніе дни здѣсь бываютъ очень не долго, то и дома здѣшніе совсѣмъ не приспособлены къ холодамъ. Въ болѣе богатыхъ домахъ есть еще кой-какіе камины (но не печи), всѣ же остальные согрѣваются только жаровнями и скальдинами. Въ холодные дни эти скальдины выносятъ и на улицу, предлагая проходящимъ согрѣться за мелкую монету.

Пестрота и разнообразіе уличныхъ сценъ, одеждъ и лицъ—невообразимая! Недалеко отъ княжескаго подъѣзда, гдѣ стоитъ швейцаръ съ булавой, часто сидитъ сапожникъ на прорванномъ стулѣ и наколачиваетъ подметки къ старому башмаку. Во многихъ мѣстахъ, въ разныхъ позахъ, сидятъ большіе и малые и играютъ въ орелъ и рѣшетку или въ карты. Въ одномъ углу стоятъ двое играющихъ, одинъ противъ другаго, безпрестанно вскрикивая: «дуэ,

М. РАШЕВСКІЙ
В. Ваньковъ

чинквэ, отто» и т. д. и при этомъ зорко смотрятъ другъ другу въ руки, такъ какъ, прижимая къ ладони одинъ палецъ за другимъ, они этимъ отмѣчаютъ свой выигрышъ, за недостаткомъ мѣла. Все это сопровождается огненными взглядами и выразительными жестами. Случается, что одинъ изъ игравшихъ замѣчаетъ, что противникъ его, у котораго загнуто было два пальца на рукѣ, т. е. двѣ отмѣтки выигрыша, потихоньку начинаетъ спускать третій, не имѣя на это права, тогда, не говоря дурнаго слова, онъ выхватываетъ изъ-за пазухи ножъ и вонзаетъ его въ противника.

Итальянецъ необыкновенно вспыльчивъ и, во время самой пустой ссоры, онъ вдругъ иногда скоро и часто заговоритъ; при этомъ у него забѣгаютъ и загорятся глаза зловѣщимъ огнемъ и въ то же время непремѣнно блеснетъ ножъ. Таскать за волосы, бить кулакомъ, палкой, кочергой, что такъ часто встрѣчается у насъ, ко всему этому итальянецъ имѣетъ естественное отвращеніе. За то, часто даже во время ничтожной ссоры, какъ мы уже сказали, онъ старается не прибить, а убить. «Кто это дерется?» спрашиваете вы у прохожаго. «Мужъ съ женой» отвѣчаютъ вамъ совершенно равнодушно... «Но чѣмъ это онъ ее хватилъ? — она упала!» — «Извѣстно чѣмъ, ножемъ...» — «Какъ? ножемъ?» — «Иначе чѣмъ же бить...» Коротенькій ножъ за корсажемъ нерѣдко составляетъ принадлежность туалета итальянки; кромѣ того нѣкоторыя женщины прикалываютъ свою могучую косу огромной булавкой, которую онѣ тоже пускаютъ въ ходъ въ случаѣ надобности, и *спадина* (такъ называется эта булавка) можетъ поранить очень серьезно.

А что это за толпа народа, изъ середины которой раздается декламирующій голосъ? На стѣнѣ, подлѣ которой стоитъ эта группа, большими буквами прибито совершенно свѣжее, яркокрасное объявленіе: «Grasso Lucido». Оказывается, что Грассо-Лючидо ничто иное, какъ блестящая вакса. Тутъ у столика стоитъ ораторъ, окруженный толпою людей, и въ нескончаемыхъ рѣчахъ превозноситъ всѣ достоинства и превосходства этого Грассо-Лючидо. Любопытно послушать, какъ этотъ ораторъ, въ грязномъ сюртукѣ и длинномъ бархатномъ жилетѣ, по нѣсколько часовъ сряду, не останавливаясь, излагаетъ все новыя воззрѣнія на вещество Грассо-Лючидо. Тутъ вы узнаете не только, какое значеніе имѣетъ эта вакса для разныхъ сортовъ кожи, но и какъ она необходима для человѣческаго общества вообще и для его образованія и развитія въ особенности. «Грассо-Лючидо», гремитъ онъ, «настоящая, единственная, лучшая и извѣстнѣйшая во всей Европѣ вакса, которая обладаетъ дивной силой проникать въ самую жесткую бычачью кожу и дѣлать ее мягкою, какъ бархатъ. Утверждаютъ, что Грассо-Лючидо содержитъ разъѣдающія кислоты и гибельныя вещества... Но я васъ спрашиваю: можетъ ли живой человѣкъ глотать купоросъ? думаете ли вы, что есть въ самомъ дѣлѣ желудокъ, способный переварить сѣрную кислоту? смотрите же, я представлю вамъ доказательство: я съѣмъ при васъ этотъ Грассо-Лючидо, и онъ не причинитъ мнѣ ни смерти, ни тошноты, а, напротивъ, оставитъ такое же пріятное впечатлѣніе, какъ сладчайшая полента». И ораторъ быстро глотаетъ довольно значительное количество ваксы. «Такъ покупайте же!» восклицаетъ онъ, когда послѣ своей длинной рѣчи онъ еще не видитъ особенной готовности запастись этой прославленной драгоцѣнностью. «Пользуйтесь, говорю вамъ, этимъ въ высшей степени экономнымъ, безвреднымъ, невиннымъ и извѣстнымъ всему міру Грассо-Лючидо. Берите же, баночка тринадцать байоки». Но если при этомъ изъ толпы слушателей еще не выступаютъ охотники купить ваксу, ораторъ обводитъ ее взглядомъ пре-

зрѣнія и сожалѣнія и безъ всякой паузы продолжаетъ. «Вамъ, можетъ быть, нужно доказать, какой блескъ придаетъ Грассо-Лючидо кожаннымъ вещамъ?» и онъ беретъ клочекъ бумаги, натираетъ его ваксой, потомъ съ остервененіемъ схватываетъ ногу одного изъ ребятъ, которые здѣсь трутся, и начинаетъ ваксить его обувь, все продолжая на ту же тему свои разглагольствованія. Лице ребенка блеститъ удовольствіемъ: ему никто еще въ жизни не чистилъ сапогъ. «Смотрите», говоритъ ораторъ, «сію минуту этотъ сапогъ былъ похожъ на свиное копыто, а теперь онъ блеститъ, какъ чистѣйшее серебро. Новорожденный ребенокъ могъ бы безъ труда чистить сапоги этой ваксой». Мальчикъ уходитъ въ одномъ вычищенномъ и въ одномъ грязномъ сапогѣ, тѣмъ не менѣе совершенно счастливый и довольный.

Наскучила уличная пестрота, и путешественникъ заходитъ въ первую попавшуюся лавку. Чаще другихъ попадаются лавки пицикароли. Пицикароли—продавцы сыра, колбасъ, ветчины и другихъ жирныхъ товаровъ. И что же? И тутъ тоже вы не можете отвести глазъ отъ удивленія! Представьте себѣ всѣ жирные товары пицикароли убраны такъ, что его лавка представляетъ нѣчто въ родѣ колбасной капеллы. Симметрически расположенные сыры составляютъ одну стѣну; другая состоитъ изъ огромныхъ кусковъ жиру, края которыхъ обклеены золотыми полосками бумаги; на потолкѣ висятъ безчисленныя мозаики изъ колбасъ, а нѣкоторыя изъ нихъ оригинально покачиваются посреди цвѣтовъ, лавровыхъ и миртовыхъ вѣтвей. Сегодня колбасная убрана въ честь патрона этой самой колбасной, поэтому въ лавкѣ всюду горятъ лампы и свѣчи и искусный колбасникъ, сіяя гордостью и жиромъ, стоитъ за своимъ столомъ и съ любезными привѣтствіями встрѣчаетъ своихъ покупателей.

Но вотъ уже поздно, сразу наступили сумерки; только въ одной темной улицѣ, куда вы забрели, вы замѣчаете блестящее освѣщеніе въ окнахъ. По справкамъ, которыя вы наводите, оказывается, что это балъ натурщицъ. Вы хлопочете нѣсколько минутъ, добываете одно изъ своихъ рекомендательныхъ писемъ и отправляетесь на балъ...

Люди, которые сходятся здѣсь на балу, — натурщики, мужчины и дѣвушки, которые по нѣсколько часовъ сряду сидятъ, какъ безжизненныя статуи, передъ художниками, чтобы служить имъ моделями. Эти натурщики и натурщицы только и живутъ тѣмъ, что получаютъ отъ художниковъ, но за то они обязаны являться передъ ними въ разныхъ видахъ и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Сегодня натурщица является голою, завтра—въ драгоцѣнныхъ одеждахъ, то турчанкой, то гречанкой, то римлянкой. Теперь она кающаяся грѣшница, потомъ будетъ неприступной богиней, невольницей. Странное зрѣлище представляетъ такая модельная зала. Въ большой неубранной комнатѣ сидитъ на довольно высокомъ пьедесталѣ живая модель, мужчина или женщина, неподвижно, какъ статуя. Вокругъ нея амфитеатромъ человѣкъ сто, со всѣхъ концовъ земли. Передъ каждымъ столикъ и маленькая лампа, каждый рисуетъ модель съ своей точки зрѣнія: спереди, съ боку, сзади; одинъ карандашемъ, другой мѣломъ, третій акварелью, одинъ безобразно, другой превосходно. Уже два часа сидитъ жертва въ одномъ положеніи. Лице покраснѣло отъ напряженія, черты ослабли, глаза мутны и только ихъ миганье показываетъ еще неугасшую жизнь.

Въ честь такихъ-то людей и дается этотъ балъ. Зала убрана съ большимъ вкусомъ, хотя полъ ея и черенъ, какъ земля, и очень неровенъ. Гирлянды

цвѣтовъ вьются по стѣнамъ и точно поддерживаютъ люстру; всюду встрѣчаешь чрезвычайно эффектныя украшенія изъ золотой и серебрянной бумаги.

Музыканты уже настраиваютъ мандолину и тамбуринъ; вдоль стѣнъ сидятъ натурщики и натурщицы, на этотъ разъ очень веселые и въ національныхъ костюмахъ... Начинаются оживленные и подъ конецъ даже страстные танцы, между которыми первое мѣсто занимаетъ сальтарелло, въ которой женщины такъ граціозно двигаютъ плечами.

Какъ разнообразна, пестра, оригинальна римская жизнь, такъ мила и прелестна окружающая природа. Тутъ всегда тепло и только нѣкоторыя деревья въ зимніе мѣсяцы стоятъ безъ листьевъ, виноградныя лозы тоже до половины февраля лежатъ на землѣ; съ половины же февраля луга и деревья начинаютъ покрываться зеленью и цвѣтами, виноградъ привязываютъ на камышевыя палочки. Деревья, за исключеніемъ кипарисовъ, пихтъ, пиній, почти всѣ фруктовыя: померанцы, лимоны, вишни, миндаль и многія изъ нихъ начинаютъ въ это время цвѣсти. И въ воздухѣ съ каждымъ днемъ все болѣе носится благоуханіе.

Страсть итальянца къ церемоніямъ и къ различнымъ зрѣлищамъ. — Карнавалъ.—Конфектный и цвѣточный ливень.

Если не описать страсть итальянца къ театру, различнымъ представленіямъ и процессіямъ, къ церковнымъ церемоніямъ и празднествамъ, однимъ словомъ къ зрѣлищамъ всякаго рода,—нельзя составить себѣ никакого понятія объ этомъ народѣ. Въ увеселеніяхъ различными зрѣлищами проходитъ три четверти времени итальянца; въ нихъ выражается вся его огненная натура, всѣ его нравственныя понятія и его образованіе.

Между свѣтскими праздниками самый веселый, самый любимый итальянцами,—карнавалъ, или масляница, которая начинается за восемь дней до великаго поста. Еще за мѣсяцъ до карнавала уже дѣлаютъ множество приготовленій къ этому празднику. Одинъ фабрикуетъ себѣ ужасныхъ размѣровъ бороду, другой нашиваетъ разноцвѣтные куски на кафтанъ, тамъ въ сотый разъ перенизываютъ на нитку бубеньчики, шьютъ шутовскіе наряды, колпаки, дѣлаютъ изъ цвѣтной бумаги букеты и цвѣты. По всему этому вы легко угадываете, что тутъ готовится всенародный маскарадъ, въ которомъ каждый явится нѣсколько разъ переряженнымъ. И съ каждымъ днемъ усиливается какая-то лихорадочная дѣятельность, отовсюду только и слышны толки о предстоящемъ празднествѣ. Между тѣмъ и власти не дремлютъ: онѣ торопятся исполнить всѣ приговоры надъ преступниками до карнавала. Это дѣлается потому, что во время праздниковъ будетъ страшная суматоха, которая всегда облегчаетъ промыселъ мошенникамъ. Вотъ имъ и напоминаютъ во время наибольшаго для нихъ соблазна, что ихъ ожидаетъ, если они преступятъ законы. Наконецъ наступаетъ суббота,—день такъ трепетно ожидаемый. Уже съ ранняго утра вы поражены страшною толкотнею на улицахъ. Изъ всѣхъ оконъ выставлены стеклянныя рамы и теперь изъ нихъ висятъ пестрые и красные ковры. Особенно балконы изящно украшаютъ цвѣтной матеріей и коврами. Извощики натягиваютъ бѣлые чехлы на коляски; въ каждомъ углу на улицахъ, въ огромныхъ корзинахъ, продаютъ букеты цвѣтовъ, всевозможныя сласти и въ разныхъ свертках бѣлую чечевицу въ мукѣ. Разодѣтыя женщины показались у оконъ и балконовъ, кото-

рые въ эти дни отдаются форестьерамъ за баснословно дорогую цѣну. Но вотъ ударилъ большой колоколъ Капитолія, — это знакъ, что можно начать карнавальныя увеселенія. Въ ту же минуту грянули пушки, заигралъ огромный оркестръ полковой музыки и потянулся по Корсо поѣздъ знатнѣйшихъ лицъ въ каретахъ, сіяющихъ золотомъ. Вслѣдъ за тѣмъ эту улицу покрываетъ такая масса экипажей и такая огромная толпа толкающагося люда, что рѣшительно некуда упасть яблоку. Самое любопытное здѣсь посмотрѣть толпу. Множество мужчинъ одѣты въ маски, тѣ же, что безъ масокъ, такъ переряжены, что ихъ не узнаетъ даже самый близкій пріятель, а этого только и добиваются. Вы увидите здѣсь людей въ костюмахъ всевозможныхъ племенъ и сословій: греки и турки, мавры и персіяне, полишинели обоего пола, красные, рогатые чортики, доктора въ старомодныхъ костюмахъ, выложенныхъ галуномъ, съ напудренной косичкой и огромнымъ кошелькомъ, съ огромной клистирной трубкой въ рукахъ и ключикомъ на часовой цѣпочкѣ, въ футъ длины и толщиною въ дюймъ. А вонъ и родные итальянскіе костюмы: одинъ переряженъ погонщикомъ муловъ изъ горъ, другой пастухомъ изъ Кампаньи. Тамъ и сямъ мелькаютъ бандиты и атаманы разбойничьихъ шаекъ въ ихъ живописномъ костюмѣ. Нѣтъ недостатка ни въ каррикатурахъ, ни въ сценахъ! Здѣсь идетъ высокая сухая фигура въ длинной женской рубашкѣ, съ чепцомъ на головѣ и съ помеломъ въ рукахъ. Тамъ толпа переряженныхъ, въ кафтанахъ и побрякушкахъ, стоя, сидя, громоздясь на кузовы колясокъ, промчится и утонетъ въ общемъ водоворотѣ. Тутъ изъ стороны въ сторону мечется полишинель: онъ ловко наставилъ дудку на сосѣда, свиснулъ ему со всей силы прямо въ ухо, такъ что тотъ отскочилъ!.. Огромный мужчина на высокихъ ходуляхъ и въ невообразимо огромномъ парикѣ подымаетъ пузырь съ горохомъ и барабанитъ имъ по головамъ всѣхъ, кто ему попадется подъ руку... А вонъ маленькая дѣвочка сбиваетъ съ ногъ форестьера, хватаетъ выпавшій у него букетъ, забѣгаетъ къ нему съ другой стороны и продаетъ ему снова во второй, а иногда и въ третій разъ. Всюду дребезжаніе телѣгъ, грохотъ лошадей, разукрашенныхъ бубенчиками и разноцвѣтными лентами... На каждомъ шагу встрѣчаешь женщинъ въ сверкающихъ головныхъ уборахъ. И вся эта невообразимо-пестрая, живописная, громадная толпа, бѣгаетъ, хихикаетъ, привязывается другъ къ другу, но ихъ тотчасъ увлекаетъ общій потокъ и каждый изъ нихъ летитъ впередъ, не докончивъ начатой фразы... При этомъ каждый бросаетъ другъ въ друга цвѣтами и чѣмъ-то большимъ, что вмигъ разлетается, засыпавъ лице, глаза и платье тому, въ кого было брошено. Этотъ бѣлый порошокъ и есть чечевица въ мукѣ, которую нарочно приготовляютъ для этого случая; но для большей выгоды торговцы очень часто продаютъ въ мукѣ не чечевицу, а известь, хотя это и запрещено, такъ какъ известковая пыль разъѣдаетъ глаза. И вся улица, какъ снѣгомъ, покрывается этою присыпкою. Иногда изъ экипажа привстаетъ юноша, размахивается чуднымъ букетомъ цвѣтовъ, разсчитывая попасть имъ въ женщину, которая показалась въ окно, но въ эту минуту вдругъ летитъ на мостовую... мука покрывается алою кровью, но только на одну секунду... Юноша исчезаетъ, а печальное мѣсто уже засыпано послѣ того сотню разъ разсыпавшейся здѣсь мукою...

Чѣмъ ближе время клонится къ вечеру, тѣмъ скорѣе устаютъ женщины бродить въ толпѣ, тѣмъ плотнѣе пополняются ими балконы. Вотъ тутъ-то наступаетъ настоящій ливень цвѣтовъ и конфектъ. Иногда гордая красавица дѣлаетъ видъ, что она не обращаетъ никакого вниманія на такія пустяки.

Тогда ее буквально всю забрасываютъ букетами. Мирты, фіалки, камеліи, маргаритки, анемоны, цвѣтущій лавръ, въ красивыхъ, дорогихъ букетахъ, коробочки съ засахареннымъ поджареннымъ миндалемъ, конфекты, листки красивой почтовой бумаги, исписанные стихами,—сыплются на женщинъ градомъ... «Grazia Signor! Mille grazia!» (благодарю, синьоръ, тысячу разъ благодарю) кричатъ римлянки, граціозно наклоняя голову и сами бросаютъ внизъ искуственные цвѣты своей работы и другія рукодѣлья изъ шелку и атласу.

Каждый годъ стараются придать этому празднику больше разнообразія. Вотъ какъ описываютъ карнавалъ прошлаго года: «Празднество было задумано въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: программа обѣщала нѣсколько конскихъ скачекъ съ призами, богатые костюмы, процессіи на колесницахъ, и т. п. Предполагалось, что въ первый день масляницы, въ два часа пополудни, его величество карнавалъ прибудетъ въ Римъ; особая назначенная для того свита торжественно выйдетъ ему на встрѣчу, послѣ чего они медленно проѣдутся по Корсо. Процессія вышла очень эффектная: много бархата, шелка и мишуры вокругъ колесницъ, группы всадниковъ, въ одеждахъ всѣхъ вѣковъ, начиная отъ рыцаря въ латахъ до изящныхъ придворныхъ. Такъ какъ первый въѣздъ карнавала означаетъ, что онъ только что народился и не успѣлъ еще вылупиться изъ яйца, поэтому наверху одной колесницы, украшенной группами ряженыхъ, помѣщено громадное яйцо. Къ концу процессіи яйцо это раскрывается и оттуда показывается небольшая фигура: она покачивается и переваливается, какъ ребенокъ, еще не пріучившійся ходить, и кусаетъ костяное кольцо, — этимъ хотятъ показать, что у ребенка не прорѣзались еще зубы. Къ концу масляницы онъ успѣетъ вырости и возмужать, обростетъ черной бородой и будетъ лорнировать дамъ, подъ конецъ онъ состарѣется и посѣдѣетъ, и наканунѣ поста скончается, вмѣстѣ съ послѣдней ракетой фейерверка. Здѣшнее общество художниковъ также показалось на карнавалѣ. Оно устроило очень эффектную процессію, изображавшую средневѣковую охоту, съ герцогомъ на конѣ, пажами и собаками и настоящей дикой козой; ему же принадлежали колесница, убранная зеленью, на которой красовалась бочка и нарисована бутылка — гербъ художническаго общества».

Въ слѣдующіе дни очень часто бываютъ скачки. За часъ передъ этимъ по данному сигналу всѣ экипажи оставляютъ Корсо. Затѣмъ появляется отрядъ кавалеріи: сдержаннымъ галопомъ онъ проскакалъ по всей улицѣ, чтобы очистить мѣсто для бѣга... Грянули пушки и со всѣхъ сторонъ раздался крикъ: «barberi, barberi!» (barberi — бѣговыя лошади). Въ ту же минуту, точно по мановенію волшебнаго жезла, въ приготовленный кругъ влетаютъ легкія, быстроногія животныя, пестро изукрашенныя блестками и мишурой; по бокамъ ихъ привязываютъ маленькія блестящія крылышки изъ жести Шумъ этихъ вертящихся крылышекъ подстрекаетъ лошадей, и онѣ, при восторженныхъ кликахъ разступившагося на двѣ стороны народа, несутся, какъ молнія. Топотъ коней по каменной мостовой, хлопанье въ ладоши, крикъ тысячи голосовъ — все это напоминаетъ ристалище древнихъ римлянъ. Опоздавшихъ лошадей встрѣчаютъ насмѣшками, криками и даже ударами... Очень часто собака, которыми особенно богатъ Римъ, вдругъ попадаетъ на мѣсто предназначенное для боя. Всѣ рады случаю позабавиться, толпа окружаетъ въ плотную бѣдное животное. Помучивши такъ нѣсколько минутъ, ей открываютъ гдѣ нибудь выходъ и она, какъ угорѣлая, мчится вонъ отъ крика и смѣха, которые посылаютъ ей въ слѣдъ. Тутъ тоже, хоть и не въ такой степени, какъ у ис-

панцевъ, все-таки проглядываетъ дикая южная натура, не вполнѣ еще смягченная образованіемъ. По вечерамъ очень часто площадь Навона служитъ огромной бальной залой; ее ярко освѣщаютъ разноцвѣтными фонарями и здѣсь весело раздаются звуки музыки... Народъ въ маскахъ веселится въ томъ же родѣ, какъ и днемъ, только теперь къ вечеру всѣ страшно устали и удовольствія принимаютъ болѣе тихій характеръ. Въ одномъ мѣстѣ кучка молодежи прислушивается къ стихамъ, которые кто-то декламируетъ громко и на распѣвъ. Но вотъ раздались звуки польки и вальса и всѣ пустились въ танцы. Когда танцующими овладѣваетъ одушевленіе, появляются музыканты съ тамбуриномъ и мандалиной и начинаютъ *сальтареллу*.

Прощальный вечеръ—послѣдній передъ постомъ, празднуется совершенно особымъ образомъ. Лишь только начинаетъ темнѣть, вездѣ въ окнахъ, на балконахъ и изъ толпы снующаго по улицамъ народа замелькали огоньки... И огоньки эти каждую минуту умножаются не сотнями, а тысячами. Это праздникъ *моколи* или свѣчекъ и въ это время каждый непремѣнно идетъ съ зажженной тонкой восковой свѣчкой и самымъ фантастическимъ образомъ освѣщаетъ свои экипажи и жилища. Когда совсѣмъ стемнѣло (а на югѣ полная темнота наступаетъ необыкновенно быстро, почти внезапно), тысячи огней засверкали рѣшительно изъ всѣхъ оконъ, балконовъ и съ крышъ. Всѣ кареты на Корсо унизаны свѣчками и факелами и каждый сидящій въ нихъ непремѣнно держитъ зажженную восковую свѣчку, которую онъ защищаетъ проволочной сѣткой или бумажнымъ фонарикомъ. Самая главная задача этого вечера потушить у другаго свѣчку. Тотъ и молодецъ, кто не смотря на зорко охраняемую свѣчку, хитростью и ловкостью все-таки погаситъ ее; еще больше хвастаетъ потомъ тотъ, у кого долго не потушили свѣчку.

Разнообразныя маски, блестящіе наряды и экипажи, въ которыхъ сидятъ веселыя и разодѣтыя, красивыя римлянки, цѣлое море сверкающихъ огней, смѣхъ, шутки, остроты, маленькія хитрости, чтобы надуть сосѣда и потушить его свѣчку, — все это выходитъ какъ-то еще забавнѣе и даже фантастичнѣе, такъ какъ происходитъ ночью, среди развалинъ и колоннъ, уходящихъ въ небо... Трудно вообразить себѣ что нибудь болѣе эффектное! Въ эту ночь все римское населеніе превращается въ дѣтей! И, дѣйствительно, нельзя не заразиться этой общей, дѣтско-шаловливой веселостью, которая обуяла всѣхъ, и стараго и малаго! Вы видите, какъ на васъ машутъ носовыми платками и шляпами, чтобы потушить вашъ огонь, и вы невольно защищаете себя... У васъ потушили свѣчку и кругомъ взрывъ хохота и остротъ. Повсюду слышутся жалобные возгласы: «Ахъ! какой стыдъ, безъ свѣчки!..» Этими словами вамъ точно говорятъ: «бѣдный простачекъ, какъ тебя легко провести!» Васъ подзадорили этимъ, и вы невольно бросаетесь съ жаромъ тушить у сосѣда его свѣчку. — Балконы тоже въ осадномъ положеніи: собравшіяся внизу около нихъ кучки народа вступаютъ съ ними въ борьбу. Они снизу бросаютъ чѣмъ попало, или навязываютъ на длинные шесты носовые платки и размахиваютъ ими во всѣ стороны, чтобы потушить свѣчки. Съ балкона ихъ отражаютъ тростями... Но вотъ молодая дѣвушка, увлекшись этимъ занятіемъ, свѣшивается по поясъ черезъ перила, и не смотря на жаръ тысячи огней, которые бросаютъ ей свѣтъ прямо въ глаза, жгутъ ея щеки, не смотря на опасность сжечь свои черныя косы, ловитъ палку, которая столь многимъ уже погасила огни. Нѣсколько минутъ длится борьба, во время которой огонь нѣсколько разъ сильно опалилъ руки дѣвушки, но вдругъ она вырвала палку,

сорвала съ нее платокъ и все это бросила внизъ... Кругомъ ея раздается оглушительный взрывъ аплодисментовъ и восторженныхъ похвалъ.

Наконецъ съ безчисленныхъ колоколенъ раздается звонъ Аве-Маріи; въ туже минуту несутъ хоронить веселаго героя карнавала, окруженнаго зажженными факелами; тотчасъ всѣ тушатъ свѣчи и празднество окончено.

Вербное Воскресенье и приготовленія къ этому празднику.

Между церковными празднествами особенно любопытны празднества страстной недѣли и вербное воскресенье — первая важная церемонія во всѣ эти дни. Къ этимъ праздникамъ въ Римъ съѣзжается множество иностранцевъ и чуть ли не совсѣхъ концевъ Италіи сходятся нищіе. Они пріѣзжаютъ сюда обыкновенно вмѣстѣ съ путешественниками и съ ними же вмѣстѣ оставляютъ городъ, кромѣ, конечно, нищихъ—мѣстныхъ жителей Рима.

Еще за цѣлую недѣлю до вербнаго воскресенья идутъ приготовленія: изъ храма св. Петра раздаются стуки молотковъ и топоровъ рабочихъ, которые строятъ тамъ изъ досокъ подмостки; по улицамъ снуетъ безчисленное множество каретъ. Празднество вербнаго воскресенья совершается въ базиликѣ собора св. Петра.

Вотъ какимъ образомъ, при всѣхъ подобныхъ церемоніяхъ, убирается храмъ. Въ глубинѣ—папскій тронъ; на право и на лѣво скамьи кардиналовъ; сзади скамьи для знатныхъ особъ. По обѣимъ сторонамъ и кругомъ главнаго алтаря, устроено сидѣнье для дамъ, получившихъ билеты. Все изящно обтянуто краснымъ бархатомъ и сукномъ, полъ устланъ дорогими коврами. Роскошное убранство кругомъ, великолѣпно разодѣтыя дамы, которыя входятъ сюда, предъявляя билетъ, — все тутъ гораздо болѣе напоминаетъ театръ, когда въ немъ идетъ какая-нибудь извѣстная пьеса, исполняемая любимыми публикою актерами, чѣмъ храмъ, въ которой пришли помолиться. А загляните за драгоцѣнный занавѣсъ, усѣянный звѣздами, у одного конца котораго стоитъ алтарь, и это сравненіе вамъ покажется вполнѣ справедливымъ. Тамъ, подъ этою занавѣсью, внутри самаго храма, даже, такъ сказать, въ самой священной его части, устроенъ буфетъ и мѣсто отдохновенія для папы и его кардиналовъ, со всѣми домашними удобствами.

Около десяти часовъ возвѣщаютъ прибытіе папы; большія двери отворились и начался торжественный входъ. Впереди, попарно, торжественнымъ шагомъ выступаетъ высшее духовенство; за ними двѣнадцать человѣкъ несутъ на своихъ плечахъ папу, который сидитъ на тронѣ подъ балдахиномъ, прикрытымъ съ двухъ сторонъ широкими вѣерами изъ павлиньихъ перьевъ. Папа сидитъ неподвижно въ серебряной шапкѣ и въ бѣломъ стихарѣ и въ эту минуту скорѣе похожъ на статую, на египетскаго божка, передъ которымъ все преклоняется и куритъ фиміамъ, чѣмъ на духовнаго пастыря, готоваго душу свою положить за овцы. Папу ссадили противъ главнаго алтаря, гдѣ онъ произнесъ молитву, потомъ онъ входитъ на тронъ, чтобы благословить народъ и раздавать пальмы. Но прежде чѣмъ описывать церемонію раздачи пальмъ, бросимъ бѣглый взглядъ на присутствующихъ. Папскій престолъ окруженъ разными духовными лицами и домашнею прислугою папы: они стоятъ живописною группою, на его широкихъ ступеняхъ, въ багряныхъ и лиловыхъ рясахъ, съ горностаевыми воротниками. Кардиналъ,

который въ этотъ день долженъ служить литургію, сидитъ у самаго престола, въ золотомъ облаченіи. Напротивъ алтаря, на пурпурномъ тронѣ о семи ступеняхъ, подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, который поддерживаютъ два парящихъ ангела, сидитъ, въ бѣлой, широкой одеждѣ самъ папа. На всемъ духовенствѣ, но особенно у папскаго трона и его окружающихъ, такъ и блеститъ золото, драгоцѣнная парча, чудно отливаетъ бархатъ... Глядя на это, невольно подумаешь, что напрасно папа величаетъ себя намѣстникомъ Спасителя, царство котораго не отъ міра сего. Но подобныя процессіи совершенно въ характерѣ итальянцевъ, которые такою несмѣтною толпою собрались сюда, вовсе не изъ религіознаго чувства, а чтобы насытить страсть свою къ зрѣлищамъ. Посмотрите на собравшихся: они разсматриваютъ одежды духовенства и вельможъ, приходятъ въ восторгъ отъ той или другой живописной группы, отъ того или другаго женскаго красиваго лица и пышныхъ нарядовъ. Съ блестящими глазами и съ чувствомъ знатока, дѣлаютъ они другъ другу замѣчанія, разсматривая картины, которыхъ такое безчисленное множество въ храмѣ св. Петра.

Но вотъ началась и раздача пальмъ. Папа, сидя, кладетъ на колѣни что-то въ родѣ бѣлаго шелковаго передника; на него кладутъ ему красиво сплетенныя пальмы и онъ беретъ ихъ въ правую руку, на которой блеститъ первосвященническій перстень. Раздается торжественное пѣніе и тутъ начинаютъ подходить къ папѣ, чтобъ получить пальму изъ его рукъ. Приблизившись къ трону, каждый преклоняетъ передъ нимъ колѣно и цѣлуетъ крестъ на его туфлѣ. При этомъ нога его лежитъ на особой богато убранной скамеечкѣ и каждый разъ, когда къ ней кто нибудь приложится, два кардинала, стоящіе по обѣ стороны этой скамеечки, тотчасъ прикрываютъ ногу папы и его колѣно широкими полами ризы. Кардиналы же кромѣ того цѣлуютъ еще и полученныя ими пальмы, руку и правое колѣно св. отца и когда они возвращаются на свои мѣста, то пускаютъ длинный хвостъ своей пурпурной мантіи волочиться по ступенямъ высокаго папскаго трона.

Когда пальмы розданы, нѣсколько высшихъ сановниковъ въ сопровожденіи церемоніймейстеровъ съ булавами, подносятъ папѣ для омовенія рукъ умывальницу; послѣ этого, поддерживаемый двумя кардиналами, онъ сходитъ съ своего трона къ алтарю, передъ которымъ для него уже изготовлено пурпурное кресло на носилкахъ. Кардиналы окутываютъ ноги его длинною мантіею, подаютъ ему въ руки пальму и несутъ его изъ церкви опять съ тою же торжественностью какъ внесли въ храмъ.

Вслѣдъ за папскою процессіею выходятъ изъ церкви и большая половина присутствующихъ. Между тѣмъ только послѣ раздачи вербъ и должна начаться месса. Но, когда папа не присутствуетъ, церковныя церемоніи уже далеко не имѣютъ того блеска, какъ это бываетъ при немъ, и храмы римскіе совсѣмъ пустѣютъ.

Послѣдніе два, три года совсѣмъ нельзя было видѣть ни выноса папы, ни различныхъ торжественныхъ церемоній, которыя совершались въ его присутствіи. Папа сказывается больнымъ и никуда не выходитъ.

М. Рашевскій
В. Васнецовъ

Представленія восковыми фигурами страданій различныхъ мучениковъ. — Капелла мертвыхъ, убранная человѣческими костями. — Катакомбы.

Во время страстной недѣли въ часовняхъ и близъ кладбищъ даютъ часто представленія изъ жизни и страданій мучениковъ, которыхъ изображаютъ восковыми фигурами. Эти восковыя фигуры сдѣланы съ большимъ искуствомъ и ихъ живописныя одежды и прекрасное освѣщеніе показываютъ какъ, заботятся о привлекательности этихъ представленій. И дѣйствительно, множество народу толпится у входа и баіокки одинъ за однимъ падаютъ въ мѣдную вазу, которая стоитъ возлѣ привратника. Эти восковыя куклы то изображаютъ мученицу Агнесу, которая въ воздушныхъ одеждахъ спускается съ прозрачныхъ облаковъ, то Моисея въ пустынѣ: при этомъ обыкновенно зрителямъ представляется прекрасный пейзажъ: тамъ и сямъ нависшія скалы и горы, по которымъ легко пробираются овцы; всюду мелькаетъ чудная зелень пальмъ. Но самое любимое представленіе народа — мученичество св. Эразма. Святой лежитъ навзничь на доскѣ; животъ у него разрѣзанъ и двое палачей наматываютъ кишки на дощечку. У умирающаго Эразма уже свѣшивается голова. Возлѣ него стоитъ жрецъ Зевса (языческій священникъ) съ вѣнкомъ на головѣ, въ пышной одеждѣ, и указываетъ Эразму на Зевса, изображеніе котораго стоитъ тутъ же въ углу. Фигура этого жреца скорѣе добродушная, чѣмъ суровая, и онъ ясно говоритъ своимъ кроткимъ лицомъ: «Принеси, другъ мой Эразмъ, поскорѣе жертву Зевсу, и все будетъ забыто.» Все это мученіе совершается передъ престоломъ императора Адріана. Онъ глядитъ на пытку совершенно спокойно; возлѣ него два воина съ копьями въ рукахъ. У него черная, какъ смоль борода и на головѣ лавровый вѣнокъ. Въ этихъ представленіяхъ, конечно, нечего искать исторической правды.

Въ страстную недѣлю тоже нужно пользоваться случаемъ, чтобы посѣтить тѣ замѣчательныя церкви и часовни кладбищъ, которыя бываютъ мало доступны публикѣ въ обыкновенные дни. Часовни кладбищъ состоятъ обыкновенно изъ верхней и нижней церкви. Въ верхней церкви стоитъ въ страстную недѣлю гробъ, покрытый чернымъ покровомъ, окруженный кипарисами и канделябрами; на гробѣ лежитъ распятіе и черепъ. Но если вы спуститесь въ подземную церковь часовни Систо, вы увидите тамъ такія вещи, которыя вамъ разумѣется не приходилось и не придется нигдѣ встрѣтить. Стѣны и потолокъ этой маленькой церкви сплошь покрыты фантастическими арабесками и мозаиками. Въ одномъ мѣстѣ вы замѣчаете тщательно и изящно сдѣланные цвѣты, въ другомъ розетки, въ третьемъ звѣзды, квадраты, кресты и самыя разнообразныя украшенія, какія только можетъ изобрѣсти богатая восточная фантазія. И, представьте, все это сдѣлано, все до послѣдней вещи составлено изъ человѣческихъ костей. Цѣлые скелеты стоятъ въ нишахъ часовни, каждый изъ нихъ держитъ въ костяныхъ пальцахъ какую нибудь надпись: изреченіе о суетѣ жизни, или просьбу къ живымъ не забывать объ умершихъ. Въ одномъ мѣстѣ часть стѣны покрыта маленькими дѣтскими черепами, въ другомъ черепами большихъ; тутъ собраны однѣ плечечевыя кости, тамъ составлены арабески изъ грудныхъ костей, ключицъ, реберъ, пальцевъ. Все подобрано, размѣщено съ большимъ вкусомъ и обращено въ красивую мозаику. Самыя люстры фантастически составлены изъ человѣческихъ костей.

Вдоль стѣнъ, сплошь покрытыхъ этими украшеніями изъ костей, чере-

повъ и скелетовъ, сидятъ рядами въ шелковыхъ платьяхъ женщины и дѣвушки. Онѣ такъ освоились съ этой обстановкой, что многія изъ нихъ сидятъ подъ осклабившимся скелетомъ и весело болтаютъ съ подругой о житейскихъ дѣлахъ.

Такъ какъ мы уже разъ забрались въ подземелья, то поговоримъ о римскихъ катакомбахъ. Думаютъ, что катакомбы эти образовались тогда, когда въ цвѣтущій періодъ этого города созидали громадныя постройки; полагаютъ, что матеріалъ для нихъ брали не съ поверхности, а больше изъ земной глубины. Для этого продѣлали множество ходовъ и чтобы производить дальнѣйшія работы, ставили столбы. Такимъ образомъ, подъ бо̀льшею частью Рима были проведены подкопы. Когда христіанство стало сильно распространяться въ этой столицѣ, а императоры римскіе начали преслѣдовать христіанъ, то подкопы эти послужили убѣжищемъ, гдѣ преслѣдуемые собирались и совершали богослуженіе, — убѣжищемъ, тѣмъ болѣе удобнымъ, что многія изъ подземелій представляли лабиринтъ, гдѣ трудно было бы отыскать людей, въ нихъ скрывавшихся. Христіане и стали правильно устроивать и расширять уже готовыя пещеры, особенно для погребенія своихъ собратій.

Эти катакомбы были совершенно забыты въ средніе вѣка и за это время стали совсѣмъ разрушаться и дѣлаться недоступными, только въ XVII-мъ столѣтіи ихъ снова открыли.

Почти всѣ они расположены чрезвычайно неправильно и состоятъ изъ пересѣкающихся, большею частью узкихъ ходовъ. По обѣимъ сторонамъ этихъ ходовъ находятся гробницы, вырубленныя въ туфѣ и закрытыя мраморными плитами или кирпичемъ. Часто отъ осьми до десяти подобныхъ гробницъ лежатъ одна надъ другою; но нерѣдко встрѣчаются и болѣе красивыя кладбища, въ которыхъ надъ могилою въ туфѣ вырублена ниша. Побродивши по узкимъ корридорамъ, часто входишь въ довольно просторную четырехугольную комнату съ круглымъ потолкомъ, украшенную живописью, и въ которой со многихъ сторонъ расположены подъ арками богатыя мѣста для погребенія. Должно быть, это были или семейные склепы достаточныхъ христіанъ, или могилы мучениковъ; думаютъ, что въ этихъ самыхъ комнатахъ и происходили собранія христіанской общины.

СТРАСТНАЯ НЕДѢЛЯ.

Страстная среда. — Сикстинская капелла. — Miserere. — Страсть итальянцевъ къ музыкѣ. — Чистый четвергъ. — Страстная пятница.

Къ Сикстинской капеллѣ, въ среду на Страстной недѣлѣ, стекаются такія же толпы народа, какъ и въ Вербное воскресенье къ храму св. Петра. Но храмъ св. Петра вмѣщаетъ въ себѣ до 54,000 человѣкъ; Сикстинская же капелла можетъ дать мѣсто едва тремъ стамъ... Понятно, сколькимъ приходится отказывать, какая бываетъ толкотня у входа, какая духота во время службы, — такъ какъ впускаютъ все-таки больше, чѣмъ позволяетъ помѣщеніе. Но что за причина такого стеченія народа. Папу ли ждутъ, или какого-нибудь высокоторжественнаго церемоніала. Можетъ быть, это усердіе внушаетъ народу страстная недѣля, которую такъ чтутъ всѣ христіане? Ничуть не бы-

вало.... Служба сегодня самая простая: безъ папы, безъ всякихъ торжественныхъ церемоніаловъ, и римляне слушаютъ ее необыкновенно разсѣянно, громко жалуясь другъ другу на смертельную духоту и разговаривая совсѣмъ о постороннихъ предметахъ. Да это и естественно: вся католическая служба идетъ на латинскомъ языкѣ, мало понятномъ для итальянскаго простонародія. Но вотъ, когда, уже въ самомъ концѣ всенощной, начинаютъ тушить свѣчи, — капелла погружается въ таинственный полумракъ, все совершенно стихаетъ на нѣсколько минутъ и въ это время вдругъ раздается замѣчательно прекрасное пѣніе *Miserere* (псалма «Помилуй мя Боже.»). Съ дѣтства окруженному поэтическою природою, чудными произведеніями всевозможныхъ искуствъ, итальянцу, болѣе чѣмъ кому нибудь врождено чувство прекраснаго. Такъ и сегодня: онъ былъ равнодушенъ ко всей службѣ, пока не раздались чудные звуки мелодіи. Но, заслышавъ ихъ, онъ приходитъ въ восторгъ и вполнѣ наслаждается... Итальянецъ вездѣ вѣренъ себѣ: ему все равно, въ концертѣ, или въ церкви, въ театрѣ, или наконецъ въ дѣйствительной жизни, вездѣ онъ обращаетъ вниманіе только на то, бываетъ потрясенъ до глубины души только тѣмъ, что прямо дѣйствуетъ на его чувство прекраснаго и на его зрѣніе...

Послѣ пѣнія трогательнаго псалма всѣ присутствующіе вдругъ начинаютъ стучать ногами и скамьями, — стукъ раздается и у самаго алтаря. Этимъ шумомъ и стукомъ они выражаютъ, какъ сами это объясняютъ, свое отчаяніе и скорбь по поводу страданій Спасителя. Какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, къ своимъ духовнымъ обрядамъ итальянцы примѣшиваютъ много театральнаго и свѣтскаго.

Въ чистый четвергъ больше всего народа стекается въ храмъ св. Петра, чтобы посмотрѣть церемонію омовенія ногъ. Для этого среди храма приготовляютъ роскошный тронъ для папы, для апостоловъ же, которымъ папа будетъ умывать ноги, устроены подмостки, обтянутыя матеріей. Этими апостолами обыкновенно являются здѣсь священники различныхъ націй, но ихъ не двѣнадцать, какъ это слѣдовало ожидать по числу христовыхъ апостоловъ, а тринадцать. Это сдѣлано въ память папы Григорія Великаго, который каждый день кормилъ за своимъ столомъ двѣнадцать убогихъ нищихъ. Однажды явился и сѣлъ между ними тринадцатый гость, — то былъ Ангелъ. Въ память этого событія и въ церкви передъ папою является теперь тринадцать апостоловъ. Въ ожиданіи церемоніи апостолы въ бѣлыхъ шерстяныхъ одеждахъ и въ бѣлыхъ четырехъ-угольныхъ шапочкахъ садятся на приготовленныя для нихъ мѣста. Правая нога ихъ разута, потому что папа будетъ омывать ее. Начинаютъ читать Евангеліе, папа снимаетъ съ себя мантію, опоясывается, и сопровождаемый двумя церемоніймейстерами и кардиналами подходитъ къ священникамъ. Онъ ставитъ обнаженную ногу каждаго изъ нихъ въ серебрянное блюдо, преклоняетъ колѣна, омываетъ, отираетъ и потомъ цѣлуетъ ногу. Послѣ того каждый изъ священниковъ получаетъ букетъ цвѣтовъ и двѣ медали: золотую и серебрянную. Возвратившись на свой тронъ, папа умываетъ руки, читаетъ окончательную молитву и всѣ расходятся.

За омовеніемъ ногъ слѣдуетъ торжество тайной вечери, въ воспоминаніе той послѣдней вечери, которую Господь провелъ со своими учениками.

Для этого въ одной изъ залъ Ватикана 13-ти апостоламъ приготовленъ длинный столъ, уставленный дорогою посудою и при каждомъ кувертѣ положенъ чудный букетъ цвѣтовъ. Когда усядутся апостолы, приходитъ папа и

становится впереди стола. Служителя, преклоняя передъ нимъ колѣна, подаютъ ему кушанье, которыя онъ въ свою очередь передаетъ черезъ столъ апостоламъ.

Церемонія поклоненія Кресту происходитъ въ пятницу въ 10-ть часовъ утра въ сикстинской капеллѣ. Вся церковь и духовенство въ глубокомъ траурѣ: ни золота, ни шитья. Со скамей кардиналовъ сняты ковры, тронъ папскій обнаженъ и совершенно безъ балдахина, даже намѣстнику I. X. (такъ называютъ папу) прислуживаетъ сегодня не цѣлая свита, а одно только лицо; всѣ свѣчи погашены. Высшее духовенство снимаетъ свои перстни и складываетъ скиптры; самъ папа не раздаетъ сегодня благословеній и тоже снялъ свой перстень въ знакъ того, что со смертію I. X. отняты всѣ милости, всѣ небесныя сокровища и только смерть, печаль и страданіе царятъ надъ міромъ.

Самое замѣчательное въ этой службѣ необыкновенно драматическое пѣніе. Хоръ точно въ лицахъ представляетъ собою то іудеевъ-распинателей, то Пилата, то самаго Іисуса. «Кого ищете?» поётъ одна часть хора слова Спасителя. «Іисуса Назарея» отвѣчаютъ другіе пѣвцы. «Азъ есмь» раздается тихій, скорбный, но твердый голосъ хора. Сильными, потрясающими аккордами выраженъ также крикъ іудеевъ: «Распни, распни Его.» Послѣ того какъ положатъ крестъ на бархатную подушку, посреди церкви, два служителя подходятъ къ трону папы, чтобы снять съ него мантію и туфли; и такъ онъ босыми ногами и съ обнаженной головой идетъ къ алтарю. При этомъ онъ три раза останавливается, каждый разъ кладетъ земной поклонъ и понемногу снимаетъ съ себя всѣ знаки первосвященническаго сана. Когда онъ подходитъ къ кресту, онъ падаетъ ницъ, затѣмъ встаетъ и прикладывается. Передъ тѣмъ, какъ отходить, папа кладетъ на блюдо фіолетовый кошелекъ съ 100 золотыми римскими скуди (около 133 руб. на наши деньги). Вслѣдъ за папою, кардиналы по два въ рядъ, а за ними и все духовенство, также босыми ногами и распустивъ свои мантіи, идутъ поклониться кресту и кладутъ на блюдо деньги. Въ это время хоръ укорительнымъ тономъ поетъ слова, выражающія такую мысль: «Люди мои, что я вамъ сдѣлалъ, или чѣмъ оскорбилъ, что вы приготовили крестъ своему Спасителю.» Наконецъ мало по малу начинаютъ зажигать и свѣчи.

Театръ маріонетокъ на Монтанарѣ и театръ Св. Аполлинарія.

Театровъ чрезвычайно много въ Италіи: городъ позначительнѣе и въ немъ два, три театра. Входъ въ нихъ чрезвычайно дешевъ, отъ 1-го до 7, 8 байоки, слѣдовательно театры въ Италіи доступны бѣднѣйшимъ классамъ. И, дѣйствительно, самое любимое развлеченіе итальянца въ праздничные и будніе дни послѣ работы—это театръ.

Здѣсь сильно распространены театры маріонетокъ. Въ Римѣ ихъ два: одинъ на площади Монтанара, другой на площади Св. Аполлинарія. Монтанарскій кукольный театръ предназначается для самыхъ низшихъ слоевъ народонаселенія; во второмъ куклы уже болѣе изящныя, во фракахъ и перчаткахъ, и всѣ представленія заканчиваютъ великолѣпнымъ балетомъ. Куклы на Монтанарѣ, напротивъ, совсѣмъ еще нетронуты образованіемъ, одѣты обыкновенно очень странно, въ средневѣковыхъ костюмахъ и ведутъ себя со-

всѣмъ дико. Даютъ на этомъ театрѣ обыкновенно старыя рыцарскія трагедіи или совсѣмъ устарѣвшія вещи, которыя наполнены ужасомъ и дракою. Если дается какая-нибудь историческая пьеска, то исторической правды въ ней тоже нечего искать, такъ какъ имена и событія перепутаны. Все-таки этого рода удовольствія приносятъ гораздо большую пользу народу, чѣмъ испанскія травли или посѣщеніе кабака. На площади Монтанарѣ въ полномъ смыслѣ слова кипитъ римская народная жизнь, но только самыхъ низшихъ, бѣднѣйшихъ слоевъ общества. Все здѣсь имѣетъ бѣдный, неопрятный видъ: самые товары прежде всего говорятъ, что здѣсь торгуютъ только на копѣйки. Больше всего и въ ящикахъ, и въ кучахъ навалены груды окурковъ сигаръ, которые подобраны на улицѣ маленькими мальчиками и теперь ими продаются. Бѣдный людъ и работники изъ Кампаньи скупаютъ ихъ для трубки или для жеванья. На углу улицы сидитъ за своимъ столомъ писецъ съ бумагой, перомъ и огромной чернильницей: онъ за байоки одному пишетъ письмо къ роднымъ, другому просьбу, третьему контрактъ. И такъ, для кукольнаго театра выбрано здѣсь хорошее мѣсто: онъ найдетъ свою публику въ мальчикахъ, нищихъ, работникахъ и поденьщикахъ, которые вечеромъ идутъ отдохнуть и развлечь себя зрѣлищемъ.

Передъ лавкой, гдѣ продаются билеты, огромная толпа людей и раздаются пронзительные голоса. Во время карнавала публика въ Монтанарскомъ театрѣ бываетъ особенно многочисленна. Грязный, старый домъ театра стоитъ въ мрачномъ углу и освѣщенъ далеко не блистательно. Въ театрѣ три разряда мѣстъ: въ райкѣ и пальхетонѣ по два байока, а въ партерѣ по одному байоки. Взявши билетъ, не легко протолкаться въ театръ: узкая лѣстница биткомъ набита народомъ, особенно мальчишками, и со всѣхъ сторонъ раздается оглушительный шумъ. Наконецъ, послѣ громадныхъ усилій, вы вталкиваетесь съ огромною толпой, садитесь въ пальхетонъ, который точь-въ-точь громадный, плохой, узкій деревянный ящикъ съ шатающимися скамейками. Занавѣсъ, который закрываетъ кулисы, аляповато разрисованъ мифологическими фигурами. Подъ пальхетономъ внизу помѣщается партеръ. Трудно себѣ представить, какая грязь и безпорядокъ на полу партера: остатки тыквъ, объѣдки фруктъ и клочки бумаги такъ плотно покрываютъ полъ, что въ первую минуту этотъ мусоръ можно принять за пестрый пушистый коверъ. Если представленіе идетъ во время карнавала, то публика носитъ какой-то театральный характеръ: вотъ входятъ въ партеръ маски съ карнавала: полишинели съ кнутами, съ надутыми пузырями, доктора-чудодѣи съ трубками и всевозможные уроды и чортики. Поднимается общій хохотъ и маски занимаютъ мѣста, поворачиваясь безпрестанно взадъ и впередъ, хихикая и подмигивая.

Задолго еще до начала представленія въ театрѣ отъ духоты уже совсѣмъ нельзя дышать, въ это время разносчики ловко пробираются среди скамеекъ съ замороженной водой, съ пряниками, пирогами и тыквенными зернами въ сахарѣ. Скоро весь театръ начинаетъ грызть зерна и бросать остатки и скорлупу на полъ; а мальчики, чтобы продлить наслажденіе, суютъ пироги и гостинцы въ мѣшочкахъ въ трещины пальхетона, и такъ висятъ эти сласти, точно сталактиты въ пещерахъ.

Публика начинаетъ кричать: «Начинайте! начинайте!» Раздаются со всѣхъ сторонъ крикъ, свистъ и пронзительный шумъ, въ минуту все сливается въ какой-то оглушительный ревъ, который наконецъ покрываетъ музыка. Непривычному слушателю кажется, что потрясающіе звуки оркестра сейчасъ

разорвутъ ему барабанную перепонку, но, черезъ нѣсколько минутъ, онъ привыкаетъ и къ страшному гулу, и къ мѣднымъ трубамъ музыкантовъ. Вотъ поднимается занавѣсъ и являются куклы: росту онѣ не болѣе двухъ футовъ, но члены ихъ очень искусно прилажены и дѣлаютъ всевозможныя движенія съ необыкновеннымъ комизмомъ. Стукъ ихъ деревянныхъ ногъ, постоянное припрыгиванье и странные жесты, вмѣстѣ съ декламаціей, невидимыхъ голосовъ, которые раздаются сверху производятъ презабавное дѣйствіе. Если какая-нибудь кукла начинаетъ вдругъ плохо дѣйствовать, тогда сверху къ ней на помощь появляется человѣческая рука, и эта рука кажется громадною рукою великана,—такъ скоро глазъ привыкаетъ къ маленькому размѣру этихъ фигуръ.

Куклы въ напыщенныхъ рѣчахъ вызываютъ другъ друга на бой, проклинаютъ, убиваютъ, измѣняютъ родинѣ и своимъ благодѣтелямъ. Публика такъ одушевляется, такъ сочувствуетъ героямъ, что нѣтъ-нѣтъ да и полетитъ деревяшка въ голову измѣнника. Величайшій восторгъ возбуждаютъ сцены бѣснованія, сраженій, убійствъ и злодѣйствъ. При представленіи битвъ, за сценой постоянно раздаются звуки барабана. Сражающіяся куклы, которыя по большей части изображаютъ рыцарей и мавровъ, иногда рубятся между собою впродолженіи нѣсколькихъ минутъ съ невыразимою храбростью. При этомъ куколъ очень ловко приподнимаютъ на воздухъ, наклоняютъ другъ къ другу, а руки ихъ двигаютъ ниточками такъ, что шпаги постоянно производятъ страшный звонъ. Побѣжденная сторона гибнетъ всегда попарно: сначала падаютъ двѣ куклы за разъ, за ними еще двѣ и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока всѣ воины свалятся въ огромную кучу, на которую становится полишинель и сиплымъ голосомъ, обращаясь къ публикѣ, отпускаетъ разныя остроты. Затѣмъ слѣдуетъ антрактъ. Какой тутъ происходитъ шумъ, трудно и вообразить себѣ: публика больше всего напоминаетъ въ эту минуту дикихъ звѣрей, которыхъ стащили со всѣхъ концовъ міра и заперли въ большую желѣзную клѣтку. Изъ партера постоянно переползаютъ мальчишки въ пальхетонъ, чтобъ тайкомъ помѣститься въ болѣе дорогомъ мѣстѣ. Они лазаютъ, какъ кошки, но если замѣтитъ ихъ блюститель порядка, то безцеремонно хватаетъ ихъ за лохмотья одежды, и они, какъ снопы, падаютъ внизъ. Отвернулся на минутку стражъ и мальчики опять лѣзутъ на пальхетонъ, или подползаютъ къ сценѣ, поднимаютъ занавѣсъ и съ любопытствомъ посматриваютъ на приготовленія.

Но мы заглянемъ теперь въ театръ св. Аполлинарія. Куклы здѣсь въ ростъ человѣка и играютъ передъ весьма порядочной публикой, на маленькой очень изящно убранной сценѣ, съ прекрасно разрисованными кулисами, съ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, усовершенствованной сценической механикой.

Здѣсь за мѣсто въ партерѣ платятъ уже три байоки, а за пальхетонъ пять. Тутъ уже встрѣтишь публику почище, большею частью средній классъ, который, какъ и простой народъ, очень любитъ кукольную комедію.

На этомъ театрѣ даютъ тоже рыцарскія драмы, только актеры являются въ изысканныхъ костюмахъ: на рыцаряхъ дорогія брони, а на дамахъ бархатныя платья со шлейфами. Каждая пьеса оканчивается прекраснымъ балетомъ: то куклы носятся какъ бабочки, вертятся на цыпочкахъ, то становятся на колѣни, и по большей части оканчиваютъ эти танцы живописною группой при освѣщеніи бенгальскимъ огнемъ. При этомъ, во время танцевъ, онѣ съ самою непринужденною граціею протягиваютъ другъ другу руки, кланяются.... Публика въ восторгѣ имъ апплодируетъ; онѣ легко подбѣгаютъ къ краю сцены,

дѣлаютъ глубокій и граціозный реверансъ.... апплодисменты усиливаются: онѣ дѣлаютъ еще и еще реверансъ, прижимаютъ даже руку къ сердцу, точь въ точь, какъ самыя лучшія балетчицы.

Площадь Навона и ея Dottori promoti.

Въ одной изъ самыхъ населенныхъ частей Рима лежитъ большая площадь Навона. На ней можно видѣть три большихъ фонтана, но они въ Римѣ не рѣдкость и мы заговорили объ этой площади только потому, что на ней бываютъ нѣкоторыя оригинальныя народныя празднества.

Уже съ давнихъ поръ на площади Навона — овощный рынокъ; продажа происходитъ по средамъ и субботамъ. Въ эти дни тутъ разставлены всевозможные лари; въ корзинахъ, на столахъ и въ палаткахъ всѣ сокровища римскихъ огородовъ: картофель, тыква, цвѣтная капуста, артишоки, горохъ и бобы, лукъ и чеснокъ, свекла, морковь и огромное количество грибовъ. Не меньше найдете вы здѣсь и плодовъ: яблоки, груши, сливы всевозможной величины и цвѣта, абрикосы, арбузы, персики, лимоны, апельсины и много чего другаго. Впрочемъ здѣшніе плоды не такъ вкусны, какъ въ болѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ Европы: итальянцы слишкомъ много полагаются на естественную производительность почвы и пренебрегаютъ культурою деревьевъ. Къ тому же ихъ снимаютъ здѣсь ранѣе, чѣмъ они созрѣютъ, потому что въ началѣ они стоятъ дороже и могутъ долѣе сохраняться. Первые плоды, какіе можно здѣсь найти — зеленые миндали, которые ѣдятъ вмѣстѣ съ ихъ тонкою ароматическою скорлупою и огромное количество пахучей земляники. Виноградъ появляется въ концѣ лѣта, но продается въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ; его сохраняютъ, вѣшая пучками въ сухихъ, прохладныхъ мѣстахъ. Но самый любимый римлянами плодъ — арбузы. Когда они созрѣютъ, ихъ продаютъ и цѣлые и нарѣзанные ломтями на всѣхъ городскихъ площадяхъ, но всего болѣе на площади Навона. Послѣ арбузовъ любимое лакомство — фиги. Ихъ можно встрѣтить здѣсь самой разнообразной величины и цвѣта: темно и свѣтло зеленыя, красноватыя и желтыя, фіолетовыя и совсѣмъ черныя.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, закрываютъ шлюзы большаго канала, по которому стекаетъ вода трехъ фонтановъ. Вслѣдствіе этого бассейны скоро переполняются, черезъ часа два, три вода покрываетъ всю площадь, нѣсколько вогнутую въ серединѣ и превращаетъ ее въ озеро, изъ котораго, какъ маленькія скалы, возвышаются три великолѣпные фонтана. Окружающія зданія отражаются какъ въ зеркалѣ на гладкой поверхности воды. Тогда сюда спѣшатъ конюхи, кучера и извощики верхомъ на лошадяхъ, мулахъ и ослахъ. Иногда на одной и той же лошади сидятъ по два и по три человѣка и всѣ начинаютъ разъѣзжать по водѣ. Ржаніе и крики всадниковъ скоро привлекаютъ огромную толпу народа. Множество мальчиковъ не отстаютъ отъ лошадей и, засучивъ свои штанишки, весело прыгаютъ по водяной площади. Ихъ веселье дѣлается все необузданнѣе. Перемочившись съ головы до ногъ, они начинаютъ обрызгивать всѣхъ, кто стоитъ на узкой полосѣ, еще оставшейся сухою по краямъ площади. При этомъ самое лучшее не обращать на нихъ никакого вниманія; если же кто разсердится, шалуны подымутъ его на смѣхъ и, передразнивая на разные лады, осмѣютъ чрезвычайно колко и остро. Они тѣмъ менѣе стѣсняются, что ихъ не такъ-то легко

преслѣдовать. Но вотъ кто-то не выдержалъ и бросился за ними въ воду... Въ ту же минуту онъ былъ осыпанъ апельсинными и арбузными корками и счелъ за лучшее такъ же быстро броситься назадъ.

Впрочемъ все это только вступленіе къ самому празднику, который бываетъ вечеромъ на слѣдующій день. Въ назначенное время вся площадь окружена зрителями. Окна и балконы сосѣднихъ домовъ убраны коврами, переполнены мужчинами и дамами, которые махаютъ платками своимъ друзьямъ и родственникамъ, сидящимъ въ экипажахъ. Тогда не только публика на извощичьихъ лошадяхъ, мулахъ и ослахъ, но и въ элегантныхъ каретахъ, запряженныхъ статными лошадьми, въѣзжаетъ на водяную площадь. Всюду слышится щелканье бичей; вода подъ ногами лошадей и колесами экипажей приходитъ въ такое страшное волненіе, что пѣнится, какъ настоящій водопадъ. Съ заходомъ солнца бѣснованіе не окончивается. Кругомъ площади и на окнахъ зажигаютъ огни. Являются весьма странно убранные экипажи, гдѣ сидятъ пестрыя группы наядъ, тритоновъ и другихъ водяныхъ существъ, которыя отпускаютъ разныя шутки, какъ на карнавалѣ и рѣзко свистятъ въ большія раковины.

На одномъ, болѣе возвышенномъ концѣ площади стоятъ подставки, гдѣ среди множества огней навалены груды арбузовъ. Разставленные столы и скамьи уже ждутъ посѣтителей и торговцы то и дѣло перекрикиваютъ другъ друга: «здѣсь можно поѣсть и попить... Сюда господа, сюда! Прекрасные арбузы! Здѣсь настоящая утѣха!» Чѣмъ ближе къ ночи, тѣмъ иллюминація въ верхнихъ этажахъ дѣлается блистательнѣе и красноватый цвѣтъ горящихъ факеловъ необыкновенно эффектно отражается въ водѣ, которая теперь сдѣлалась спокойною. Торжество оканчивается танцами и пѣснями.

Но еще оригинальнѣе народное торжество, во время котораго торговцы на площади Навона принимаютъ новаго члена въ свою среду и даютъ ему степень доктора.

Навонскіе торговцы отличаются особенною хитростью и изворотливостью. Они составляютъ между собою тѣсно сплоченный кружокъ, и человѣкъ, не вступившій въ него формально, не будетъ имѣть никакого успѣха въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ. Чтобы сдѣлаться достойнымъ членомъ такого кружка, будь то мужчина или женщина, нужно доказать, что онъ умѣетъ ловко обработать и покупателя и продавца-крестьянина, который привозитъ сюда овощи и плоды изъ окрестностей Рима. Кто не успѣетъ достаточно выказать своихъ способностей, тотъ не получитъ права гражданства на площади. Достойному же разрѣшеніе дается съ большою торжественностью и онъ становится при многочисленномъ стеченіи народа полноправнымъ «докторомъ Навонской площади» подъ совершенно другимъ именемъ.

Любовь къ прозвищамъ, нерѣдко съ весьма саркастическимъ оттѣнкомъ— особенность не только римлянъ, но и вообще всѣхъ итальянцевъ. Она такъ вкоренилась въ Римѣ, что нерѣдко даже близкіе знакомые знаютъ только одно прозвище и, получившій напр. съ юности имя Pipetto, т. е. маленькій курильщикъ, самъ будетъ протестовать, когда его назовутъ настоящимъ именемъ Лоренцо. Чужестранецъ также не избавляется отъ такихъ прозвищъ, особенно если его настоящее имя трудно выговорить или запомнить. Одного называютъ «Il Malinconico» — печальный, другаго La Barbarossa — рыжебородый, близорукаго — Quel Cieco, т. е. этотъ слѣпой. Многихъ назы-

ваютъ также по ихъ жилищамъ: «La signorina bella bionda del Palazzo Galitzin» т. е. прекрасная блондинка изъ дворца Голицына.

Не только навонскіе продавцы измѣняютъ свои имена, но и торговки; только перекрещиваніе послѣднихъ не сопровождается публичнымъ торжествомъ, а происходитъ домашнимъ образомъ. Торговка Доротея называется «рыжая» по волосамъ; Юдита — по цвѣту лица «смуглая», другая — «бѣлая», по той же причинѣ; «вишня», по румянымъ щекамъ—«болтливый карманъ» и т. п. Каждая кухарка знаетъ торговку «болтливый карманъ», продающую лимоны, «вишню», торгующую бобами, горохомъ и артишоками, «тутовую ягоду» которая продаетъ каштаны. Тотъ, кто придетъ на эту площадь, чтобы переговорить съ Доротеею или Лоренцомъ и станетъ отыскивать ихъ подъ настоящими именами, не добьется здѣсь никакого толку. Мужчинамъ здѣсь также даютъ прозвища по ихъ духовнымъ или физическимъ особенностямъ. Сухопараго, неповоротливаго парня называютъ «трескою», другаго — «медвѣдемъ», круглоголоваго «арбузъ», съ выдающимися зубами—«кабанъ».

Возведеніе въ званіе «доктора Навонской площади» совершается въ праздничный день съ различными церемоніями и формальностями. Объ этомъ торговцы заранѣе оповѣщаютъ своихъ знакомыхъ и покупателей и въ назначенное время народъ толпами стремится на площадь. Всѣ стоятъ группами, болтая и смѣясь, всего же болѣе тѣснятся на срединѣ площади около лѣстницы Санъ-Джіакомо. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ начала церемоніи. Вдругъ неожиданно, надъ головами зрителей появляется тощій человѣкъ, съ морщинистымъ лицемъ и головой, сильно напоминающей тыкву. Онъ одѣтъ въ черную плисовую куртку и полосатые штаны,—это и есть докторантъ. Два высокорослыхъ и сильныхъ носильщика подымаютъ его на стулѣ и такимъ образомъ стараются поддерживать его какъ можно выше надъ головами зрителей. Народъ, завидя докторанта, начинаетъ громко апплодировать и кричать «да здравствуетъ новый докторъ!» Публика высыпаетъ на балконы, открываетъ окна въ окрестныхъ домахъ и оттуда тоже слышатся одобренія и махаютъ платками. Между тѣмъ носильщики торжественно обходятъ съ будущимъ докторомъ кругомъ площади и опускаютъ свою ношу у бассейна. При этомъ одинъ изъ нихъ хватаетъ его за плечи, другой за ноги и въ горизонтальномъ положеніи, точно корзину съ овощами, окунаютъ его въ бассейнъ. Это первая ступень къ званію доктора. При этомъ подымается страшный шумъ: одинъ бьетъ въ чашки вѣсовъ, другой въ желѣзную сковороду, третій стучитъ ножемъ по какой нибудь металлической пластинкѣ, — каждый изъ торговцевъ старается нашумѣть какъ можно больше. Вслѣдъ за тѣмъ носильщики подбрасываютъ въ верхъ новаго доктора и одинъ изъ нихъ садитъ его къ себѣ верхомъ на шею. Прежде чѣмъ въ этомъ положеніи начать съ нимъ торжественный обходъ, другой носильщикъ даетъ ему пару подшлепниковъ. При страшномъ крикѣ, шумѣ и апплодисментахъ его несутъ къ лѣстницѣ Санъ-Джіакомо и опять ссаживаютъ. Здѣсь на террасѣ лѣстницы его ожидаютъ «сенаторы Навонской площади» и привѣтствуютъ слѣдующею рѣчью: «Высокое, благородное сословіе маклеровъ, скупщиковъ, овощныхъ и мучныхъ торговцевъ, горшечниковъ и вѣтошниковъ, со свойственнымъ ему великодушіемъ и милостью постановило принять тебя сегодня въ свою среду. Мы надѣемся, что ты оправдаешь сдѣланную тебѣ честь и потому объявляю тебя отъ своего имени и по порученію другихъ докторомъ Навонской площади и даю тебѣ благородное имя «тыквы». Всѣ вы, собравшіеся здѣсь, товарищи и подруги, будете

называть означеннаго Бартоломея Галло не иначе, какъ «тыква». «Да здравствуетъ тыква», кричитъ толпа изъ всѣхъ силъ. Ораторъ, снова обращается къ «тыквѣ:» «Если ты отнынѣ будешь заключать какую нибудь сдѣлку, устно или письменно, то ты заключишь ее какъ «тыква», а не какъ Бартоломей Галло. Продавая, ты будешь «тыквой», занимая деньги «тыквой», однимъ словомъ ты будешь «тыквой» во всѣхъ своихъ операціяхъ.» — «Да здравствуетъ «тыква!» снова кричитъ толпа и неистово повторяетъ тоже самое много разъ.

Затѣмъ слѣдуетъ формальное признаніе его полноправнымъ докторомъ. Представители торговцевъ одинъ за другимъ подносятъ ему различные дары: одинъ пучекъ свеклы, или прекрасный кочанъ цвѣтной капусты, другой — корзину цикорін, третій—мѣру орѣховъ или каштановъ, четвертый — груши, яблоки и апельсины, пятый—чечевицу, горохъ и бобы, и такъ каждый то, что онъ продаетъ на рынкѣ. Даже продающіе муку, просо и песокъ буквально осыпаютъ его своими дарами, которые липнутъ къ его мокрому платью, засыпаются за рубашку на грудь и въ оттопырившіеся карманы его сюртука.

Когда все это окончилось, двое распорядителей громко кричатъ: «прочь съ дороги! Тыква вступаетъ во владѣніе Навонской площадью». За тѣмъ они хватаютъ «тыкву», садятъ его на верхнюю ступеньку лѣстницы, хватаютъ за ноги и въ мгновеніе ока стаскиваютъ его до послѣдней ступеньки, такъ что онъ хлопаетъ по всѣмъ ступенямъ своими сѣдалищными мускулами. При видѣ этого вся площадь разражается такимъ гомерическимъ смѣхомъ, что онъ могъ бы заглушить даже громъ. «Тыква» встаетъ и, почесывая одною рукою пострадавшія части тѣла, протягиваетъ другую площаднымъ сановникамъ, благодаря ихъ за милость и снисхожденіе и приглашая ихъ вечеркомъ на пирушку.

Такова была жизнь на площади Навона до 1869 года. По просьбѣ живущей вокругъ знати въ этомъ году рынокъ былъ перенесенъ на лежащую нѣсколько южнѣе Campo di fiori; къ сожалѣнію она менѣе половины Навонской площади и не представляетъ такого простора для праздничнаго церемоніала.

Проповѣдь дѣтей.—Мадонна въ церкви Св. Августина.—Бамбино. — Пилигримы.

Въ высшей степени любопытно во время праздниковъ Рождества зайти въ красивую и древнюю церковь Ара-Чели на Капитоліи. Тамъ маленькіе мальчики и дѣвочки, утромъ и вечеромъ, впродолженіи цѣлой недѣли говорятъ проповѣди передъ огромною толпою. Въ этой церкви устроена кафедра, на которую одинъ за другимъ входятъ дѣти отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ. Вотъ взошелъ на кафедру маленькій хорошенькій мальчикъ и громко, ясно, сильно жестикулируя руками, началъ говорить проповѣдь о пришедшемъ въ міръ Спасителѣ. Слѣдующій за нимъ мальчикъ, въ духовной одеждѣ, говорилъ еще искуснѣе. Когда ему приходилось сказать: голова, онъ выразительно указывалъ на свою голову; когда упоминалъ о глазѣ,—на глазъ, объ ухѣ,—на ухо. Говоря объ игрѣ на арфѣ, онъ началъ дѣлать такія движенія руками, какъ будто играетъ на этомъ инструментѣ. Послѣ мальчиковъ выступили дѣвочки, маленькія и хорошенькія, въ шляпкахъ съ перьями и въ атласныхъ платьицахъ. Дѣвочекъ-проповѣдницъ больше, чѣмъ маленькихъ проповѣдниковъ.

Прежде чѣмъ начать свою проповѣдь, онѣ крестятся и потомъ уже начинаютъ говорить. Точно также, какъ и мальчики, онѣ говорятъ о грѣхѣ Адамовомъ, о Іисусѣ, о Его крестной смерти, исцѣлившей человѣчество. Читатели, вѣроятно, представляютъ себѣ, что эти маленькіе проповѣдники и проповѣдницы напоминаютъ на кафедрѣ маленькихъ школьниковъ на экзаменѣ. Говорилъ, говорилъ ребенокъ, вдругъ замолчалъ, сконфузился, переминается съ ноги на ногу, но вотъ припомнилъ слово и понесся, точно съ горы. Но тутъ совсѣмъ не то: дѣти говорятъ свои проповѣди совершенно развязно, безъ всякаго смущенія; многія, кажется, гордятся тѣмъ, что проповѣдуютъ передъ такой многочисленной публикой, и голосъ ихъ съ каждой фразой все усиливается, жесты становятся все увѣреннѣе и театральнѣе. Проповѣди большинства дѣтей чрезвычайно высокопарны, со множествомъ ученыхъ цитатъ; въ подтвержденіе нѣкоторыхъ догматовъ они безпрестанно ссылаются на отцевъ церкви: «такъ говоритъ Св. Павелъ», «а вотъ что по этому поводу сказалъ св. Тертуліанъ». Когда Римъ находился подъ властію папы, то въ уста дѣтей не рѣдко влагали политическія тенденціи. Проповѣдница то говорила «о грѣховности міра, въ которомъ поднимаютъ оружіе даже противъ троновъ», то заявляла, что тотъ, кто сочувствуетъ піемонтцамъ не можетъ уже считаться католикомъ. Бываютъ однако случаи, что въ ту самую минуту, когда нужно входить на кафедру, маленькая проповѣдница вдругъ объявляетъ родителямъ, среди которыхъ она стоитъ въ церкви, что она не хочетъ сегодня проповѣдывать. Ее начинаютъ уговаривать, даже угрожаютъ, но иногда ничто не помогаетъ и ее приходится увезти домой. Капризы эти обыкновенно случаются не изъ робости, а просто изъ упрямства. Родители дѣтей, которымъ предстоитъ сказать проповѣдь, много заботятся о томъ, чтобы она была отлично выучена и непремѣнно приглашаютъ къ себѣ священника предварительно выслушать заученную рѣчь ребенка. При концѣ проповѣди каждый ораторъ соскакиваетъ съ кафедры и со словами: «придите всѣ, всѣ поклониться Sacro Bambino» и, при громкихъ апплодисментахъ публики, становится на колѣни передъ яслями, въ которыхъ лежитъ Бамбино, изображающій младенца Іисуса. Одна дѣвочка, послѣ своей проповѣди, упавъ передъ нимъ на колѣна, молилась такъ: «миленькій Bambinello, открой же свои хорошенькіе глазки, брось взглядъ на насъ грѣшныхъ и пошли намъ свое милосердіе». Какъ видите, даже и проповѣдь итальянецъ умѣлъ обставить такъ, что она удовлетворяетъ его страсти къ зрѣлищамъ и къ театральнымъ представленіямъ. Но что же это за Бамбино, или, какъ его также называютъ Бамбинелло, къ которому съ такою любовью обращаются маленькіе дѣти?

У итальянцевъ много святыхъ, патроновъ и патронессъ: каждый отстаиваетъ своего святаго и искренно вѣритъ, что онъ скорѣе другихъ исполняетъ просьбы и исцѣляетъ болѣзни. Нѣкоторые святые пользуются большею извѣстностью и большимъ почетомъ передъ другими. Наиболѣе любимые народомъ святые въ то же время и наиболѣе богатые, такъ какъ каждый богомолецъ приноситъ имъ въ даръ деньги или дорогія вещи. Мадонна (Богородица) въ церкви св. Августина обвѣшана бриллiантами, жемчугами, драгоцѣнными каменьями; ожерелья опускаются въ двадцать и тридцать рядовъ, браслеты закрываютъ руки; голова исчезаетъ подъ золотыми гребнями и бриллiантовыми діадемами. Мадонну св. Августина итальянцы считаютъ заступницею всѣхъ матерей, поэтому у ней чрезвычайно много поклонницъ, которыя при выздоровленіи ребенка или во время его болѣзни, несутъ послѣднее, умоляя ее ис-

цѣлить. Вотъ такъ и скопляются у того или другого святаго громадныя богатства, которыя, очень часто, не смотря на всѣ предосторожности, порядкомъ обкрадываютъ мошенники.

Любопытно наблюдать толпу пилигримовъ, когда она издалека, иногда партіей въ сто и болѣе человѣкъ, идетъ поклониться уважаемому святому. Тутъ вы найдете людей всякаго возраста. Вотъ идетъ цвѣтущая дѣвушка, сильный юноша, мальчикъ, женщина съ груднымъ ребенкомъ въ корзинѣ на головѣ. Если женщина не несетъ на головѣ корзинки съ ребенкомъ, то у нея узелъ съ съѣстными припасами, или связка платья... А что за чудные, разнообразные типы, какая тутъ пестрота костюмовъ! Оливково-темныя овальныя лица женщинъ рѣзко выдаются изъ подъ бѣлаго платка, который покрываетъ ихъ голову и въ видѣ вуаля спускается на шею; толстыя нити коралловъ, или позолоченныя цѣпи по нѣсколько разъ обвиваютъ шею; тяжелыя золотыя серьги непремѣнно найдете въ ушахъ каждой итальянки. Бѣлая, съ безчисленнымъ множествомъ складокъ рубашка граціозно обтянута разноцвѣтнымъ корсажемъ; ноги обуты въ сандаліи. У многихъ въ высшей степени первобытная обувь: четырехъ-угольный кусокъ кожи просто на просто зашнурованъ спереди бичевкой; затѣмъ нога до колѣнъ обвита грубымъ сѣрымъ полотномъ и обмотана бичевками. Мужчины въ остроконечныхъ шляпахъ и курткахъ. Когда эта толпа пилигримовъ подходитъ къ храму, гдѣ стоитъ ихъ святыня, они падаютъ на колѣна и съ дикими воплями и даже съ остервененіемъ кричатъ «grazia Maria», потомъ на колѣнахъ же вползаютъ по ступенькамъ храма, лобзаютъ ихъ, а многія женщины даже и облизываютъ эти ступеньки своимъ языкомъ.

Точно такъ и Бамбино пользуется въ Римѣ большою извѣстностью. Онъ вырѣзанъ изъ дерева и представляетъ груднаго младенца; рукъ его не видно, такъ какъ онѣ покрыты пеленками изъ дорогой матеріи; лицо веселое, улыбающееся, румяное, какъ яблочко. Бамбино обвѣшанъ и обставленъ бриллiантами и драгоцѣнностями и имѣетъ весьма порядочный годовой доходъ. Прежде впрочемъ, до революціи 1849 года, доходъ этотъ былъ гораздо больше: у него были собственныя конюшни и кареты. Поуменьшился блескъ, окружавшій Бамбино, уменьшилось и число его поклонниковъ. Итальянца надобно ослѣплять внѣшнимъ блескомъ, чтобъ заслужить его полное уваженіе. Вотъ почему Бамбино за послѣдніе года потерялъ нѣсколько сотенъ своихъ поклонниковъ. Впрочемъ онъ и теперь еще имѣетъ большое значеніе: его возятъ къ больнымъ, къ умирающимъ, и легенда, которая такъ возвысила его передъ другими, до сихъ поръ еще въ ходу. Вотъ эта легенда: одна англичанка каждый день посѣщала церковь Ара-Чели и съ каждымъ днемъ все болѣе привязывалась къ хорошенькому Бамбино. Наконецъ она такъ его полюбила, что рѣшилась его похитить. Для этого она заказала себѣ точь въ точь такую же красивую куклу, отнесла ее въ церковь и обмѣняла на настоящаго Бамбино, котораго и унесла съ собой домой. Но въ ту же ночь всѣ колокола въ городѣ начали звонить сами собой. Монахи сбѣжались и нашли у двери похищеннаго младенца, который уже собирался растворить ее своимъ колѣномъ.

И во время римской революціи 1848 г. Бамбино игралъ немаловажную роль. Когда папа бѣжалъ въ Гаету, Гарибальди захватилъ его парадную, позолоченую карету и, изъ уваженія къ народнымъ вѣрованіямъ, подарилъ ее Sacro Bambino для его выѣздовъ къ больнымъ. Когда въ 1850 г. карета была возвращена ея прежнему владѣльцу, Бамбино стали по прежнему вывозить въ большой, закрытой, коричневой каретѣ, которую знаетъ въ Римѣ каждый ребенокъ.

Бамбино открываютъ для публики только одинъ разъ въ году, впродолженіи 14-ти дней отъ Рождества до Богоявленія. Въ этотъ день, послѣ вечерни, его торжественно закрываютъ и въ другое время его показываютъ только развѣ знатнымъ посѣтителямъ имѣющимъ вліятельныхъ знакомыхъ и рекомендательныя письма.

РИМСКАЯ КАМПАНЬЯ.

Работы въ Кампаньѣ.—Выходъ на жатву. — Сельское хозяйство Кампаньи. — Сборъ винограда и выдѣлываніе вина.—Шествіе Бахуса.—Свадьбы.

Бо́льшая часть работъ въ Кампаньѣ исполняется горцами. Вся жизнь этихъ людей проходитъ въ странствованіяхъ на работу и въ возвращеніи на родину. Съ приближеніемъ жатвы на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Риму, можно видѣть огромныя толпы горцевъ, напоминающихъ въ это время пилигримовъ: всѣ они съ мѣшками и узлами, а матери съ плетеными корзинками на головахъ, въ которыхъ спокойно спятъ или играютъ съ цвѣтами ихъ дѣти. Толпы рабочихъ останавливаются въ Римѣ на площади, которая отъ горцевъ получила свое названіе—Монтанара. Сюда въ извѣстный день пріѣзжаютъ факторы или землевладѣльцы, поземельные участки которыхъ находятся въ Кампаньи: здѣсь они заключаютъ условія съ горцами, когда и за какую плату начать работы въ ихъ помѣстьяхъ.

Наканунѣ жатвы, рано утромъ, горцы опять собираются на Монтанарѣ, и отсюда толпами разходятся въ разныя стороны. Всѣ являются сюда веселые и бодрые. Подлѣ каждой группы стоитъ повозка съ жатвенными орудіями и кухонными принадлежностями, въ которой по дорогѣ отдыхаютъ уставшія женщины. Всѣ повозки разукрашены въ это время пестро и эффектно: обвѣшаны цвѣтными платками, убраны цвѣтами, гирляндами, вѣнками и лавровыми вѣтвями. Громадные рога воловъ убраны яркими лентами; ярмо украшено цвѣтами, а на лбу животнаго прикрѣпленъ бантъ. При звукахъ волынки, тамбурина и флейты, съ танцами, пѣніемъ, шутками, остротами и смѣхомъ, идутъ рабочіе по городу къ воротамъ. Тутъ рѣзко бросается въ глаза пестрота и разнообразіе одеждъ: однѣ женщины въ сандаліяхъ, другія босыя, въ бѣлыхъ вуаляхъ, въ платкахъ, въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими, ниспадающими лентами.

Дневная работа горцевъ начинается очень рано: въ три часа утра уже всѣ въ полѣ; черезъ часа 4 они завтракаютъ; около 10-ти часовъ—обѣдъ; затѣмъ сіэста—два часа отдыха или сна подъ деревомъ, или въ другомъ тѣнистомъ мѣстѣ. Въ 7 часовъ вечера работы оканчиваются. Не смотря на тяжелый трудъ подъ палящими лучами солнца, народъ любитъ жатву болѣе другой работы. Во время всѣхъ здѣшнихъ работъ горцы получаютъ пищу отъ землевладѣльца или отъ арендатора, который ихъ нанялъ, и тутъ они гораздо лучше ѣдятъ, чѣмъ дома. Говядину они считаютъ роскошью и ѣдятъ ее не болѣе разу въ недѣлю, а то и въ двѣ, здѣсьже они до сыта могутъ наѣдаться мясомъ по два раза въ день. Обѣдаютъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ и приготовляютъ имъ пищу. Вечеромъ послѣ окончанія работъ, рабочіе очень оживляются. Въ одной группѣ молодежь танцуетъ подъ звуки музыки тарантелло или салтарелло, въ другой — поютъ народныя пѣсни, а нѣсколько подальше

кучка людей внимательно слушаетъ балладу, которую поетъ ей неаполитанецъ подъ аккомпаниментъ гитары. Сзади этихъ живописныхъ группъ, между нагроможденными снопами и сложенными въ кучи жатвенными орудіями, стоятъ пустыя телѣги съ огромными колесами. Сѣро-пепельнаго цвѣта волы лежатъ подлѣ, пережевывая жвачку. Горизонтъ замыкается вдали горами, которыя блестятъ золотыми переливами вечерней зари. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ построены большія житницы, въ которыхъ рабочіе могутъ ночевать; но очень часто ихъ нѣтъ и приходится устроивать соломенные шалаши. Если земля влажна и испаряетъ міазмы, тогда устраиваютъ воздушную постель между столбами. Рабочій, который не приметъ этой предосторожности и растянется ночью на влажной землѣ, непремѣнно возвратится на родину съ страшною лихорадкою, съ поблекшимъ лицомъ и часто съ вздутымъ, распухшимъ тѣломъ и трясущимися колѣнами. Но рабочимъ въ Кампаньѣ, лежащей недалеко отъ Рима, еще несравненно лучше, чѣмъ въ Понтійскихъ болотахъ.

Во время жатвы работаютъ въ праздничные и въ воскресные дни. Поутру совершается богослуженіе на открытомъ воздухѣ. Для этого въ главныхъ мѣстностяхъ Кампаньи сооружаютъ простые алтари, украшенные цвѣтами и зеленью. Здѣсь подъ небеснымъ сводомъ священникъ совершаетъ мессу.

Часто такая артель жнецовъ, окончивъ работу въ одномъ мѣстѣ, нанимается на другое, лежащее въ противоположной сторонѣ. Въ такихъ случаяхъ она совершаетъ свой переходъ въ городъ непремѣнно ночью и точно также съ нѣкоторою торжественностью. Ворота Рима отворяются для такихъ поѣздовъ во всякое время. Когда рабочіе входятъ въ городъ, тамъ царствуетъ совершенная тишина. Но вотъ начинаютъ открываться окна и показываться бѣлые колпаки, такъ какъ по улицѣ громко раздается стукъ отъ повозокъ, а жнецы, при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, потрясаютъ бубнами и во все горло поютъ пѣсни.

Около Рима вездѣ есть обыкновеніе не очень старательно подбирать колосья, чтобы бѣдняки могли ими воспользоваться послѣ жатвы. Когда жнецы покидаютъ какую-нибудь мѣстность, то арендаторы приходятъ въ близъ-лежащую деревню и ударивъ раза два въ барабанъ, извѣщаютъ, что тотъ, кто заплатитъ нѣсколько байоки, можетъ въ такіе-то дни и на такихъ-то поляхъ собирать оставшіеся колосья. Хлѣбъ здѣсь вымолачиваютъ, какъ и въ ветхозавѣтныя времена, подъ открытымъ небомъ, на мѣстахъ нарочно для этого вымощенныхъ. Нѣсколько быковъ или лошадей связываютъ другъ съ другомъ и ихъ гоняютъ кругомъ по снопамъ. Погонщики стоятъ посреди и криками и кнутомъ подгоняютъ животныхъ. Крики этихъ людей, хлопанье бича, мычаніе или ржаніе животныхъ, шорохъ соломы слышатся съ утра до поздняго вечера впродолженіи всего іюля мѣсяца. Далеко за полночь вся мѣстность оглашается громкими пѣснями рабочихъ. Нужно однако замѣтить, что въ настоящее время и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ вымолачиваютъ цѣпами, кое-гдѣ заводятъ даже и молотильныя машины. Когда работы на току совершенно окончены, устраиваютъ деревенскій балъ, на который сходятся жители всѣхъ окрестныхъ деревень и музыка, пѣсни и танцы раздаются всю ночь.

Виноградъ собираютъ въ римской области къ концу сентября. Виноградники въ Кампаньѣ, какъ и вообще въ Италіи, мало походятъ на Рейнскіе, Мозельскіе и Аарскіе. Длинные ряды виноградныхъ лозъ спускаются съ холмовъ въ долину и опираются на тростниковыя подпорки, или навѣшаны на палки, положенныя на вѣтви деревьевъ. Между рядами виноградныхъ лозъ

сѣютъ пшеницу и маисъ. Тутъ же стройно и граціозно возвышается миндальное дерево, которое начинаетъ цвѣсти самою раннею весною. Не менѣе живописно тутъ же стоящее оливковое дерево, съ своимъ растрескавшимся стволомъ, сѣрою корою и тонкими листьями, которые при перемѣнѣ свѣта, или при легкомъ дуновеніи вѣтерка, отливаютъ то серебромъ, то темною бронзою. Между рядами виноградныхъ лозъ насажены многія плодовыя деревья. Виноградная лоза въ южной Италіи часто вьется очень высоко на верху по деревьямъ, поэтому при сборѣ гроздъ приходится приносить лѣстницы. Работу эту очень любитъ народъ и она идетъ живо и весело. Собранныя грозды безъ разбора прямо бросаютъ въ чаны. За тѣмъ одинъ или два крестьянина снимаютъ съ ногъ свою обувь, засучиваютъ штаны до колѣнъ, вскакиваютъ въ чаны и, упирая руки въ боки, начинаютъ топтать виноградъ. Сокъ течетъ ручьями по желобу, сдѣланному въ днѣ чана, и стекаетъ въ большую кадку. Когда одна пара работниковъ устала, ее замѣняетъ другая. Изъ сока, выдавленнаго такимъ образомъ, получается вино перваго сорта; выжимки никогда не выбрасываютъ: на нихъ снова наливаютъ воду и выдавливаютъ ихъ деревяннымъ прессомъ. Вода, перебродившая на виноградныхъ выжимкахъ, называется здѣсь виномъ втораго сорта и крестьяне пьютъ его за своимъ столомъ. Сокъ, выдавленный изъ винограда, бродитъ нѣсколько недѣль въ закрытыхъ чанахъ. Черезъ мѣсяца два его уже можно пить, но это вино еще молодо; только къ новому году оно настолько выбродитъ, что можетъ считаться уже готовымъ.

Когда сборъ винограда и выдавливаніе его окончены, совершается шествіе Бахуса,—церемонія, въ которой современные обычаи смѣшиваются съ древне-римскими. Но, чтобы получить настоящее понятіе объ этой процессіи, нужно отправиться въ какой нибудь менѣе извѣстный городокъ. Въ мѣстахъ наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами, за послѣдніе 50 лѣтъ, больше исчезло народныхъ обычаевъ, чѣмъ прежде за нѣсколько столѣтій. Шествіе открывается его сіятельствомъ господиномъ Бахусомъ. Для этой роли крестьяне выбираютъ изъ своей среды самаго красиваго парня. Его убираютъ, какъ и въ древности, плющемъ и виноградною лозою. Въ рукахъ у него палка обвитая цвѣтами, съ еловой шишкой на верху, вмѣсто набалдашника. Вмѣсто пантеровой шкуры, которая прежде свѣшивалась съ плечь бога вина, на нынѣшнемъ Бахусѣ накинута бѣлая овчина: на ней сдѣланы пятна краснымъ виномъ. За Бахусомъ идетъ множество парней и дѣвушекъ въ праздничныхъ нарядахъ. Первые несутъ въ рукахъ пучки виноградныхъ гроздъ, а вторыя — корзины на головахъ, наполненныя виноградомъ; тутъ же многіе подплясываютъ, потрясаютъ бубнами, брянчатъ на гитарѣ или мандолинѣ, наигрываютъ на гармоникѣ. За огромной толпой народа слѣдуетъ повозка, убранная зеленью, платками, лентами, цвѣтами и запряженная быками, кожа которыхъ въ пятнахъ, сдѣланныхъ виноградным сокомъ. Поѣздъ заключается парнемъ, ѣдущимъ на ослѣ. Онъ представляетъ Силена — шута Бахуса. Фигура его необыкновенно смѣшна и каррикатурна: лицо вымазано винною гущею, у него привязано огромное, толстое брюхо, самъ онъ дѣлаетъ страшныя гримасы и ужимки, поглядываетъ во всѣ стороны и нещадно отпускаетъ надъ всѣми остроты. Съ каждымъ шагомъ его обступаетъ все большая толпа, нисколько не обижаясь его рѣзкими шутками. Напротивъ, при каждомъ его словѣ, раздаются крикъ, смѣхъ, аплодисменты. Эта ликующая толпа обходитъ торжественнымъ маршемъ весь городокъ, безпрестанно

потрясая воздухъ криками „Viva Bacco, viva la Vendemia“! Да здравствуетъ Бахусъ, да здравствуетъ сборъ винограда!

Всѣ плоды, которые произрастаютъ въ этой мѣстности въ такомъ изобиліи, продаются здѣсь за безцѣнокъ, но они одни не могутъ пропитать земледѣльца. Конечно, у него есть вино, но оно только возбуждаетъ нервы, а не питаетъ, и крестьянинъ сильно голодалъ бы, еслибъ у него не было маиса. Пшеница здѣсь очень дорога, поэтому народъ и покупаетъ маисовую муку. Какъ Ломбардія, такъ и римская Кампанья покрыты маисомъ и у народа онъ идетъ въ пищу въ разныхъ видахъ: то приготовляютъ изъ него что-то въ родѣ размазни, то пекутъ лепешки и проглатываютъ ихъ совершенно горячими; впрочемъ въ римской Кампаньѣ народъ любитъ также салатъ съ масломъ и супъ изъ цикоріи и другихъ травъ, но всѣ эти салаты, лепешки, травяныя и маисовыя похлебки онъ ѣстъ совершенно безъ мяса, которое онъ употребляетъ лишь въ праздничные дни.

Обычаи въ Кампаньѣ очень оригинальны. Тутъ замѣтно какое-то восточное удаленіе половъ другъ отъ друга; мужчины сами по себѣ, женщины тоже: женщины ходятъ въ гости къ женщинамъ, мужчины къ мужчинамъ. Тутъ не только считается преступленіемъ идти дѣвушкѣ рука объ руку съ мужчиной, но даже мужъ никогда не поведетъ жену подъ руку на прогулку, а всегда болѣе держится мужскаго общества. Между мужчиной и посторонней ему женщиной допускается разговоръ только у открытаго окна или домашней двери. По вечерамъ слышны также подъ окнами жалобные звуки волынки и прелестныя пѣсни, въ которыхъ юноши воспѣваютъ дѣвушекъ, не имѣя возможности запросто побесѣдовать съ ними.

Женятся здѣсь очень рано: молодой парень 21 года беретъ обыкновенно дѣвушку 15 лѣтъ, а то и моложе. Лишь только юноша задумалъ жениться и сказалъ объ этомъ двумъ, тремъ пріятелямъ, на другой, на третій день къ нему обыкновенно является сватъ и говоритъ: въ такомъ-то мѣстечкѣ есть дѣвушка, которая тоже ищетъ мужа, за ней даютъ тысячу скуди приданаго: юноша говоритъ матери, ѣдетъ тотчасъ въ домъ къ названной дѣвушкѣ, сватается при первомъ же свиданіи и свадьбу назначаютъ черезъ двѣ, три недѣли.

Необыкновенно странно народъ встрѣчаетъ новобрачныхъ, если кто нибудь изъ нихъ, мужъ или жена были прежде вдовы. Въ день свадьбы вся площадь передъ домомъ новобрачныхъ наполнена народомъ. У каждаго изъ нихъ, какъ у взрослаго, такъ и у малаго, въ рукахъ какой нибудь странный инструментъ и всѣ они, кто во что гораздъ, начинаютъ раздирательную, оглушительную музыку. Трудно себѣ представить большую дисгармонію: одни издаютъ ужасные звуки изъ скорлупы раковины, другіе изъ коровьяго рога, тутъ гремятъ ножемъ о ножъ, тамъ царапаютъ ими, здѣсь бьютъ въ желѣзныя сковороды пучками проволокъ; многіе катаютъ по мостовой старыя кострюли, а толпа дѣтей съ необыкновеннымъ наслажденіемъ звонитъ въ это время коровьими колокольчиками. И такую музыку, которая можетъ скорѣе остервенить новобрачныхъ, чѣмъ усладить ихъ слухъ, должны они выносить впродолженіи трехъ первыхъ вечеровъ. Мало этого, чтобъ оповѣстить всѣхъ, что въ томъ или другомъ домѣ есть поженившіеся вдовцы, эта огромная толпа, вооруженная своими инструментами, ходитъ по всему городу: одинъ несетъ фонарь на палкѣ, остальные потрясаютъ воздухъ демоническими звуками.

Въ Понтійскихъ болотахъ и на берегу.

Кто при имени Понтійскихъ болотъ представляетъ себѣ мѣстность, покрытую отвратительными вонючими топями, тотъ сильно заблуждается; но не менѣе ошибается и тотъ, кто по виду издали считаетъ эту страну земнымъ раемъ. Дѣйствительно, когда смотришь на понтійскую равнину (она занимаетъ до 30 квадратныхъ миль) съ высотъ Вольскихъ горъ, она кажется богатымъ ковромъ, сотканнымъ изъ нѣжныхъ цвѣтовъ. Море какъ бы составляетъ его серебряную рамку. Правда, тамъ и сямъ выглядываютъ стоячая вода и лужи, но онѣ вездѣ окружены превосходною растительностью. Однако цвѣтное покрывало, которымъ такъ роскошно убраны понтійскія болота, не мѣшаетъ лихорадкѣ жестоко свирѣпствовать въ этихъ мѣстностяхъ и сотнями сводить въ могилу пастуховъ и землепашцевъ. Понтійскія болота идутъ собственно отъ Велетри до Террачины. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ болѣе лѣса. Посреди лѣсовъ, или на ихъ опушкахъ, можно видѣть отдѣльные хутора. Тамъ, гдѣ лѣсъ прекращается, начинаются безконечные луга. Тамъ и сямъ, между густымъ, высокимъ тростникомъ, проходятъ длинные каналы. Но напрасны были всѣ усилія осушить Понтійскія болота. Отчасти это можно объяснить мѣстными особенностями. Эта мѣстность представляетъ углубленную долину между высокими Вольскими горами и морскими дюнами. Эта долина замѣтно поднимается къ берегу, а у подошвы названныхъ горъ она всего ниже. Поэтому низвергающіеся здѣсь горные потоки не находятъ для себя достаточно стока и образуютъ болота. Въ этихъ болотахъ тамъ и сямъ торчатъ головы буйволовъ, съ загнутыми назадъ короткими рогами, со слезой на косыхъ, налитыхъ кровью глазахъ. Буйволы въ Кампаньѣ бродятъ стадами, которыми управляетъ пастухъ съ длинной острой палкой, или по горло лежатъ, въ лѣтнее время, въ прохладной, болотной водѣ, а то медленно тащатъ нагруженную снопами и людьми повозку. Нерѣдко можно видѣть также, какъ пастухъ гонитъ цѣлое стадо буйволовъ вплавь по каналу, слѣдуя за ними въ лодкѣ, напоминающей корыто. Это дѣлается для того, чтобы очистить каналъ отъ травъ и сорныхъ растеній, которыя мѣшаютъ теченію воды. Отъ времени до времени животныхъ выгоняютъ на берегъ, чтобы они могли стряхнуть облѣпившія ихъ растенія.

Въ Понтійскихъ болотахъ изрѣдко встрѣчаются сторожки, изъ которыхъ карабинеры совершаютъ свои обходы для уничтоженія разбойниковъ или жалкія хижины. Люди, которые живутъ въ этихъ хижинахъ безъ трубъ и оконъ, имѣютъ чрезвычайно болѣзненный видъ. Лишь только завидятъ они путешественника, какъ все семейство, при звукахъ волынки и съ танцами, выбѣгаетъ на дворъ просить милостыню. Эти несчастные люди обыкновенно съ головы до ногъ покрыты овчиной, мѣхомъ наружу. Какая противоположность съ здоровыми, широкоплечими и темнолицыми погоньщиками муловъ, которые по дорогѣ останавливаются иногда у несчастныхъ хижинъ, чтобы отдохнуть или выпить стаканъ вина въ таверне. Всѣ они въ остроконечной шляпѣ съ лентой, въ коричневыхъ штиблетахъ и подпоясаны широкимъ пестрымъ шарфомъ.

По этой странѣ можно иногда идти цѣлый день и не встрѣтить ни одного живаго существа, а если и встрѣтишь кого, то это свинопасъ, который пасетъ свои стада по болотамъ, или охотникъ, — такъ какъ въ тростникахъ чрезвы-

чайно много дичи. Внѣшній видъ такого охотника чрезвычайно оригиналенъ. Смуглое лицо, черные, блестящіе, длинные, курчавые волосы, густая борода; на ногахъ сандаліи. Его куртка, открытая спереди, съ серебрянными пуговицами, синіе штаны, остроконечная шляпа, обвитая поблекшими цвѣтами, иногда накинутый коричневый плащь,—совсѣмъ костюмъ разбойника, какъ ихъ рисуютъ на картинкахъ.

НЕАПОЛЬ.

Чудный видъ неаполитанскаго залива.—Уличная жизнь и движеніе.—Удовольствія средняго класса.—Развлеченія народа.—Чудо кипѣнія крови.

«Видѣть Неаполь и умереть» говорятъ путешественники, и съ этой поговоркой вполнѣ согласится всякій, кто увидитъ этотъ городъ весною, въ мартѣ, или апрѣлѣ, когда лимонныя и померанцовыя рощи цвѣтутъ и благоухаютъ, въ то время, когда по всѣмъ заборамъ свѣшиваются гирлянды розъ, жасминовъ и тысячу другихъ душистыхъ, распустившихся цвѣтовъ, а воздухъ еще не томитъ палящимъ жаромъ. Посмотрите на городъ съ одного изъ тысячи здѣшнихъ балконовъ и передъ вами во всемъ величіи предстанетъ первый по красотѣ вовсемъ мірѣ Неаполитанскій заливъ. Везувій съ двумя верхушками, широкая кайма бѣлыхъ виллъ и селеній у его подошвы, живописные берега Сорренто и Кастелламаре и наконецъ очаровательный скалистый островъ Капри. Еще болѣе чудная картина представляется на разсвѣтѣ, когда сквозь утренній туманъ покажется розовое Тирренское море, съ окраиною голубыхъ горъ, которыя загораются одна за другою, вдоль поморья, при легкомъ сіяніи зари. Мало по малу сбѣгаетъ утренній туманъ съ роскошнаго залива и на немъ закипаетъ жизнь. Рѣзвыя лодки рыбаковъ несутся, одна за другою, въ открытое море, искать себѣ дневнаго промысла и мало по малу разоблачается Везувій. Вотъ спадаетъ легкое покрывало съ двуглавой его верхушки и онъ поднимается бѣлымъ дымнымъ столбомъ въ ясную лазурь неба. Вотъ и другая полоса горъ, подернутая дымкою тумана, потянулась изъ за мыса до самаго края залива. Но еще болѣе волшебное зрѣлище представляетъ набережная Санта-Лучіа ночью, когда луна стоитъ надъ Везувіемъ и ея магическій свѣтъ изливается на горы, море и весь городъ. Темный лѣсъ мачтъ въ гавани утопаетъ въ серебрянныхъ парахъ. Тысячи барокъ скользятъ, какъ черныя тѣни, черезъ освѣщенную полосу, появляются и исчезаютъ... Изъ мрака ночи на горизонтѣ поднимается двухъярусная скала Капри, чистымъ серебромъ свѣтятся горы Кастелламаре и Сорренто, тихо блеститъ Везувій; но вотъ онъ вдругъ выбросилъ изъ своего жерла огненную звѣзду: она сверкнула на минуту, освѣтила огненнымъ пламенемъ мрачное покрывало исполина и быстро потухла. Здѣсь, куда бы вы ни пошли, Везувій будетъ васъ вездѣ преслѣдовать, хоть онъ и находится въ двухъ часовомъ разстояніи отъ города. Многія улицы города замыкаются этимъ вѣчно дымящимся вулканомъ: плывете ли вы въ алой баркѣ по заливу, бродите ли по мертвымъ улицамъ Помпеи, слушаете ли подъ пальмой чудную пѣснь неаполитанскихъ рыбаковъ, передъ вами всегда Везувій. Всюду и между лѣсомъ колоннъ, и въ глубинѣ аллей,

обвитыхъ виноградными гирляндами, на голубомъ фонѣ неба, всегда рисуется онъ, съ своимъ дымомъ, какъ духъ тьмы, какъ мрачное видѣніе среди благоухающаго, свѣтлаго, улыбающагося земнаго рая. Вмѣстѣ съ Везувіемъ повсюду васъ здѣсь преслѣдуютъ и чудныя картины природы: куда вы ни обернетесь, всюду благоуханіе померанцевъ, роскошная растительность, вездѣ жизнь бьетъ горячимъ ключемъ.

Вмѣстѣ съ волшебными островами, могучимъ Везувіемъ, чудными картинами природы, Неаполь представляетъ еще одно характерное свойство — это его замѣчательный городской шумъ. Тутъ даже и ночью слухъ вашъ не отдыхаетъ отъ грохота экипажей, говора и криковъ. Чуть занимается заря и вы не успѣли еще проснуться, какъ цѣлая ватага ребятъ уже толпится у вашихъ оконъ: на видъ имъ по пяти, шести лѣтъ, одѣты они въ бѣлыя, до нельзя рваныя рубахи, чернаго отъ грязи цвѣта, сами совсѣмъ чумазые, грязные и на головѣ, вмѣсто шапки, цѣлый войлокъ изъ собственныхъ нечесаныхъ волосъ. Они визжатъ, пищатъ у вашихъ оконъ на разные голоса, что нибудь декламируютъ съ комическими театральными жестами, или, защемивъ пальцами носъ, распѣваютъ новыя аріи, жестоко взвизгивая при каждомъ куплетѣ: «тики такъ. . тики такъ... чи... чи... эчеленца дай на макарони! всѣ ѣдятъ макарони!.. Чи... чи... эчеленца» и т. д.

Окрестности Неаполя такъ великолѣпны, что самый городъ съ бѣлыми домами и плоскими крышами не производитъ особенно пріятнаго впечатлѣнія. Мостовая сдѣлана изъ большихъ плитъ лавы, но улицы, за исключеніемъ одной, двухъ, очень узкія и рѣдко метутся или чистятся. На нихъ, какъ и въ другихъ городахъ, кофейни, лавки, магазины, а посрединѣ непрерывнымъ рядомъ ѣдутъ экипажи въ два ряда; ремесленники, которые работаютъ подъ открытымъ небомъ, сидя вдоль тротуаровъ, замѣчательная пестрота лицъ, одеждъ и разнообразіе житейскихъ сценъ, представляютъ для европейскаго путешественника совершенно незнакомыя ему явленія. Свои издѣлія ремесленники продаютъ тутъ же въ балаганахъ, которые у нѣкоторыхъ такъ велики, что доходятъ до средины улицы. Въ углахъ болѣе свободныхъ стоятъ продавцы съ макаронами, самымъ любимымъ кушаньемъ неаполитанцевъ, устрицами; тутъ жарятъ и продаютъ каштаны, кукурузныя шишки; въ высокихъ и чистыхъ палаткахъ торгуютъ зомороженной водой, арбузами и всѣми южными фруктами; затѣмъ улицу загромождаютъ столики мѣнялъ и писцовъ, передъ которыми стоятъ женщины и диктуютъ письма и просьбы... А вонъ тамъ собралась кучка людей, посреди которыхъ стоитъ мужчина въ изорванной одеждѣ, держитъ передъ собою старую потертую книгу и съ необыкновеннымъ жаромъ, сопровождая декламацію театральными жестами читаетъ какую-то устарѣвшую пьеску, гдѣ главнымъ героемъ является непремѣнно разбойникъ. Слушатели не только внимательны, но даже увлекаются такъ, что отъ времени до времени дѣлаютъ выразительные жесты... Тамъ и сямъ спятъ ладзарони, эти дѣти Неаполя, которыя никогда не имѣютъ никакого опредѣленнаго занятія, не занимаются никакими ремеслами, между тѣмъ и не нищенствуютъ, т. е. не нищенствуютъ такъ, какъ у насъ на московскихъ церковныхъ папертяхъ. Ихъ главное занятіе повсюду сопровождать форестьера, даже и тогда, когда около него уже есть проводникъ, когда самъ иностранецъ проситъ оставить его одного, или по крайней мѣрѣ, не увеличивать его свиту. Ладзарони спитъ десять мѣсяцевъ въ году подъ открытымъ небомъ, на мостовой или на ступенькахъ крыльца, словомъ гдѣ придется, всегда босой, въ какихъ-то

рваныхъ лохмотьяхъ, которые совершенно открываютъ его руки и мохнатую грудь. Но если вы хоть минуту засмотритесь на него, когда онъ валяется, или потягивается на солнцѣ, онъ непремѣнно вскочитъ и съ твердымъ сознаніемъ своего права потребуетъ съ васъ плату за это удовольствіе. Чтобы пополнить картину уличной неаполитанской жизни, можно еще прибавить, что на набережной Санта-Лючія бьетъ сѣрный ключъ; женщины съ утра до поздней ночи черпаютъ эту цѣлебную воду и предлагаютъ ее тутъ же сидящимъ дамамъ и мужчинамъ, которые, выпивъ стаканъ такой воды, закусываютъ маленькимъ кренделемъ. Кромѣ пустой житейской болтовни на Санта-Лючіи и питья цѣлебной воды, среднее сословіе развлекается здѣсь еще тѣмъ, что ходитъ смотрѣть на купающихся, которые бросаются передъ всей публикой въ воду. И дѣйствительно, любопытно смотрѣть на ребятишекъ, которые плаваютъ здѣсь, какъ дельфины: при этомъ обыкновенно они прыгаютъ въ воду откуда нибудь съ высокаго мѣста, мастерски ныряютъ и выдѣлываютъ всевозможныя штуки.

Любимымъ развлеченіемъ здѣшняго населенія служатъ праздники Януарія, главнаго патрона неаполитанцевъ; праздники этого святаго бываютъ обыкновенно весною и осенью, продолжаются по цѣлой недѣлѣ, во время которой каждый день, въ соборномъ храмѣ этого святаго совершается передъ народомъ чудо кипѣнія его запекшейся крови. Въ такіе дни устраиваютъ, разумѣется, всевозможныя процессіи. Главную роль при этомъ играютъ хотя серебрянныя, но довольно грубыя изваянія святаго Януарія, которыя чрезвычайно напоминаютъ собою древнихъ языческихъ кумировъ. Люди въ странной одеждѣ ставятъ эти грубыя изваянія на доски, поверхъ головы, какъ у насъ статуетчики, торгующіе въ рынкѣ статуями, и, сопровождаемые духовенствомъ, торжественно носятъ ихъ по улицамъ.

Служба, въ которой совершается чудо кипѣнія запекшейся крови св. Януарія, чрезвычайно странна. При входѣ въ церковь прежде всего бросаются въ глаза десять старыхъ женщинъ, которыя стоятъ у рѣшетки: онѣ носятъ фамилію Януарія и, какъ избранницы слѣпаго случая, удостоившіяся носить это святое имя, стоятъ впереди всѣхъ. Священники въ парадныхъ облаченіихъ выносятъ серебрянное изваяніе Януарія, ставятъ его на престолъ, и одѣваютъ его въ драгоцѣнныя ризы. Потомъ старшій изъ священниковъ подходитъ къ алтарю съ кристальнымъ сосудомъ въ рукахъ, внутри котораго видна запекшаяся кровь. Священникъ вертитъ въ своихъ рукахъ этотъ сосудъ, какъ бы показывая его народу. Тутъ начинается чтеніе и пѣніе молитвъ, колѣнопреклоненіе, громкія рыданія и вопли. Присутствующіе усердно упрашиваютъ Януарія послать имъ поскорѣе чудо кипѣнія его крови; они такъ страстно, такъ горячо его объ этомъ просятъ, что по всей церкви раздается ихъ шепотъ, а иногда и цѣлыя фразы молитвъ, которыя они тутъ же изобрѣтаютъ, какъ имъ это подсказываетъ ихъ минутное настроеніе. Одни настойчиво требуютъ у Януарія, чтобы онъ скорѣе посылалъ чудо, другіе даже съ гнѣвомъ укоряютъ его, что онъ такъ долго заставляетъ ихъ ждать. Между тѣмъ священнодѣйствующій, держа свѣчку въ одной рукѣ, другою все это время вертитъ святой сосудъ. Иногда чудо очень долго не совершается, выраженія гнѣва слышатся со всѣхъ сторонъ все громче и громче; многіе обращаются назадъ и осматриваютъ другъ друга, нѣтъ ли между ними форестьера. «Видно между нами есть иновѣрецъ и св. Януарій не хочетъ его удостоить видѣть чудо», — и форестьеръ тогда долженъ поскорѣе отретироваться самъ, пока ему не показали дверь. Послѣ долгихъ молитвъ

В. Васнецов

кровь дѣйствительно закипаетъ и священникъ показываетъ желанное чудо народу, высоко поднимая чашу... Тогда раздаются уже радостные крики, слова горячей благодарности и всѣ начинаютъ тѣсниться къ священнику, чтобы поцѣловать сосудъ. Тѣмъ и кончается церемонія.

Какимъ образомъ совершается чудо? Быть можетъ этому помогла близость зажженой свѣчи, которую все время держалъ священникъ, а можетъ быть и что нибудь другое,—только кровь дѣйствительно закипѣла.

Геркуланъ. — Изверженіе Везувія.—Помпея.—Видъ Везувія.

Трудно описать, какою чудною, волшебно-очаровательною дорогою приходится путешественнику ѣхать изъ Неаполя въ небольшой городъ Резину, который построенъ надъ Геркуланомъ, погребеннымъ въ 79 году по Р. Х., подъ иломъ и пепломъ Везувія. Кажется болѣе живописныхъ предмѣстій, какъ это, не существуетъ и на свѣтѣ! Тысячами брилліантовъ блеститъ справа Неаполитанскій заливъ, омывая дома Неаполя, расположенные амфитеатромъ; слѣва холмы, покрытые гранатовыми, апельсиновыми и персиковыми деревьями, и виллы, утопающія въ огромномъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ. Наконецъ вы вступаете въ Резину, маленькій городъ, все значеніе котораго въ томъ, что подъ нимъ погребенъ извѣстный въ древности Геркуланумъ. Впрочемъ, ни погребенный подъ нимъ городъ, ни вѣчно дымящійся сосѣдъ, который бѣлыми струйками своего дыма, кажется, всегда долженъ напоминать о несчастіи, которое тутъ можетъ угрожать каждому жителю, ничто не помрачаетъ веселыхъ лицъ горожанъ. Въ своихъ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, они весело распѣваютъ чудныя пѣсни, подвязывая на палки виноградныя лозы; женщины сидятъ у дверей и прядутъ, а около нихъ копошатся черноглазые ребятишки. О несчастіи здѣсь больше вспоминаютъ съ удовольствіемъ, такъ какъ погребенный городъ много приманиваетъ форестьеровъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ Резины стоитъ небольшой домикъ, черезъ который и входятъ въ Геркуланумъ, освѣщая свой путь зажженнымъ факеломъ. Нужно замѣтить, что городъ этотъ открытъ не въ развалинахъ, а совершенно въ томъ видѣ, какимъ былъ до послѣдней минуты катастрофы. На стѣнахъ уцѣлѣли яркія краски арабесковъ; сохранились свитки папирусовъ, которые можно было читать; на стѣнахъ висѣли совсѣмъ неиспортившіяся картины, только бронзовыя статуи были покрыты металлическою окисью.

Теперь постоянно дымящійся, Везувій до 63 года по Р. Х. не показывалъ ни малѣйшихъ признаковъ вулканической жизни: ни дыма, ни пепла не извергалось изъ его вершины и подземный громъ не сотрясалъ могучей горы. Только естествоиспытатель, сравнивая строеніе этого вулкана съ другими, зналъ, что кратеръ Везувія, хотя и въ давно забытыя всѣми времена, выбрасывалъ потоки лавы, шлаки и пепелъ. Видъ Везувія былъ прежде совсѣмъ другой: онъ не оканчивался двумя вершинами, какъ теперь, а представлялъ правильный конусъ, рѣзко усѣченный въ концѣ. На вершинѣ громоздились суровыя стѣны скалъ, но даже и пустынная поверхность кратера была вся окружена дикимъ виноградомъ. Склоны же этой горы были одѣты роскошными полями, и у подошвы ея, возлѣ великолѣпнаго неаполитанскаго залива, лежали богатые, цвѣтущіе города Геркуланумъ и Помпея. Въ 63 году, совершенно неожиданно для жителей, произошло страшное землетрясеніе, которое произ-

вело ужасное опустошеніе въ Кампаніи. Съ приближеніемъ роковаго 79 года эти землетрясенія становились все чаще. Наконецъ 23 августа, ночью, вдругъ затряслась земля, раздались подъ землею громовые раскаты и страшный гулъ и трескъ. До самаго основанія поколебался могучій Везувій и изъ своего кратера съ ужасною силою и быстротою сталъ выбрасывать камни, золу и выпустилъ густой столпъ водянаго пара. Тутъ загремѣлъ громъ и въ облакѣ, которое стояло надъ Везувіемъ, безпрестанно сверкала молнія, лился проливной дождь, какъ въ самую сильную грозу. Картина безпрестанно мѣнялась. Раскаленныя камни вырывались иногда съ большою силою; надъ горою подымался цѣлый потокъ свѣтящихся тѣлъ, виднѣлись великолѣпнѣйшіе огненные снопы, волшебныя фигуры и цѣлые фонтаны. Скалистые обломки высоко взлетали на воздухъ и падали внизъ въ разныя стороны; между тѣмъ облака пепла и дыма разносились вѣтромъ далеко, далеко. Наконецъ громадное облако надъ Везувіемъ приняло чрезвычайно живописную форму гордаго итальянскаго дерева—пиніи. Казалось, оно подымалось въ видѣ очень длиннаго ствола съ нѣсколькими вѣтвями. Затѣмъ стволъ становился все шире и шире, потомъ не стало видно и его вѣтвей и наконецъ все превратилось въ гигантскій столбъ... Въ то же время во многихъ мѣстахъ могучей горы показалось широкое пламя и высокіе огненные столбы, которые въ темнотѣ ночи блестѣли и сіяли тысячью зловѣщихъ огней. Въ другихъ мѣстахъ уже начинался день, но здѣсь все была ночь, чернѣе и мрачнѣе всѣхъ ночей въ мірѣ. Впрочемъ всюду свѣтились и мелькали огненныя точки отъ зажженныхъ факеловъ: испуганные жители бросились бѣжать во всѣ стороны, а пепелъ, осыпая ихъ съ ногъ до головы, засорялъ имъ глаза.

Отовсюду неслись отчаянные вопли женщинъ, раздирающій душу плачъ испуганныхъ дѣтей. Всѣ разбрелись въ разныя стороны, потеряли кого-нибудь изъ близкихъ и, въ давкѣ, суматохѣ и полнѣйшей темнотѣ, никто никого не видѣлъ, никто не могъ найти того, кого ему больше всего было нужно. Одинъ, въ ужасѣ и рыдая, звалъ свое маленькое дитя, старуху мать, жену, брата. Нѣкоторые молили боговъ поскорѣе покончить съ этимъ мученіемъ и послать имъ смерть, другіе проклинали, повторяя безпрестанно, что боговъ больше нѣтъ и что эта ночь послѣдняя и вѣчная ночь. Многіе бросились къ морю, но имъ угрожала буря и на корабли валился горячій пепелъ, пемза и черные, выжженные и растрескавшіеся отъ огня камни. Скоро однако и море поставило людямъ преграду. Сначала оно какъ будто стало отступать отъ своихъ береговъ, сильно волнуясь, и вдругъ громадное черное облако, которое насквозь было пронизано цѣлыми миріадами молній, спустилось къ морю и въ одно мгновеніе покрыло его сплошь своимъ мрачнымъ саваномъ. Тогда берегъ вовсе уже скрылся отъ глазъ, точно также, какъ и островъ Капри, который весь былъ затянутъ такимъ же облакомъ. Несчастные, прибѣжавшіе къ морю, съ ужасомъ бросились въ сторону, но ихъ и тамъ скоро стала преслѣдовать, какъ страшный, разъярившійся потокъ, густая темно-огненная туча дыма, которая все гуще разстилалась по землѣ. Наступила еще бо́льшая темнота, гуще и сильнѣе возобновился пепельный дождь. Наконецъ темнота и пепелъ разсѣялись и показалось желтоватое, неблестящее солнце. Природа цѣлыхъ восемь сутокъ не могла совершенно успокоиться. Вотъ какъ описываютъ эти ужасные дни вслѣдъ за первымъ взрывомъ. «Когда, черезъ нѣсколько дней, успокоилась ярость подземныхъ огненныхъ силъ и пересталъ свирѣпствовать потрясенный до основанія Везувій, то тамъ, гдѣ еще недавно бли-

стала во всемъ великолѣпіи природа съ ея очаровательными ландшафтами и человѣческимъ искуствомъ, солнце, не затмѣваемое болѣе мрачными тучами пепла, освѣтило однѣ развалины и опустошеніе. Самая гора измѣнила свою форму и подымала къ небу новыя вершины; густой слой камней и пыли покрывалъ еще недавно цвѣтущія поля; кругомъ, съ стѣнаніями и безъ крова, бродили тысячи несчастныхъ, и три города — Стабіи, Геркуланъ и Помпеи — исчезли, чтобы воспрянуть черезъ многія столѣтія въ видѣ могилъ прошедшаго....

«Но возвратимся къ подошвѣ Везувія, гдѣ намъ представляется интереснѣйшій вопросъ, какъ могли такъ хорошо сохраниться засыпанные города?

«Потокъ лавы, безъ сомнѣнія, сжегъ бы все, чего бы онъ ни коснулся, но надъ обреченными на гибель городами излились не потоки жидкихъ каменистыхъ породъ, а волны ила, которыя похоронили ихъ подобно муміямъ, на поученіе и удивленіе нынѣшнему міру.

«Восемь дней и восемь ночей продолжался песчаный и пепельный дождь; къ нему присоединились илистые проливни изъ тучъ, образовавшихся во время изверженія, и вмѣстѣ съ громаднымъ количествомъ пемзоваго туфа низвергались на оба города. Лишь этимъ можно объяснить, какъ могли наполниться самыя внутреннія части зданій и даже погреба, и какъ могли такъ хорошо покрыться всѣ предметы веществомъ, которое и теперь оказывается пемзовымъ туфомъ, и на которомъ образовались отпечатки, подобные окаменѣлостямъ первобытнаго міра. Послѣ этого перваго раза, надъ Помпеями никогда не изливался потокъ лавы, но иначе было съ развалинами Геркулана. Хотя масса, наполнившая внутренность домовъ и сводовъ, была и здѣсь и тамъ въ густомъ, текучемъ состояніи, но Геркуланъ, лежавшій гораздо ближе къ вулкану, постоянно подвергался гораздо большей опасности быть залитымъ потоками ила, шлаковъ, пемзы и лавы. По этой причинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда солнце освѣщало Геркуланъ, накоплялись значительныя массы изверженій, которыя теперь покрываютъ его своими перемежающимися слоями на 70, а въ иныхъ мѣстахъ даже на 112 футовъ, между тѣмъ какъ покровъ пепла, подъ которымъ лежатъ Помпеи, лишь въ немногихъ мѣстахъ глубже 12 или 14 футовъ, а верхняя часть амфитеатра даже всегда выдавалась на поверхность».

Разумѣется теперешній Геркуланъ совсѣмъ не имѣетъ того вида, который онъ имѣлъ при первыхъ его раскопкахъ: картины, статуи, всевозможныя украшенія, — все это хранится теперь въ томъ или другомъ музеѣ.

На разстояніи двухъ часовъ отъ Геркуланума лежитъ другая жертва Везувія, Помпея. Хотя слой покрывшій Помпею довольно легкій, но ея нашли и стали раскапывать только въ половинѣ минувшаго вѣка. Черезъ XVII вѣковъ опять явилась на свѣтъ Помпея, со всею свѣжестью своей стѣнной живописи, съ яркою мозаикою своихъ помостовъ, съ недоконченными колоннами своего форума, такъ какъ ихъ оставили руки каменьщиковъ. Еще стояли жертвенные треножники, ящики, гдѣ хранилась казна во внутреннихъ покояхъ, скамьи и лампы въ залахъ, и бани со всѣми необходимыми сосудами: кое-гдѣ уцѣлѣли даже остатки послѣдняго пиршества, а въ театрахъ — входные билеты, такъ какъ страшное изверженіе началось во время представленія. Въ подземныхъ погребахъ такъ называемаго дома Діомедова нашли 20 скелетовъ: они покрыты были тонкою пылью пепла, который, вѣроятно, проникъ мало по малу сквозь отверзтія и наполнилъ все подземелье. Тамъ нашли много разныхъ драгоцѣнностей и денегъ, — все это было снесено сюда,

вѣроятно, въ видахъ предосторожности. Въ саду этого дома былъ найденъ и самъ его хозяинъ, съ ключемъ въ окостенѣвшей рукѣ и съ мѣшкомъ серебра, подлѣ него лежали нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и остовъ другаго человѣка. Отрыты многіе частные дома, названія которыхъ можно было прочесть по надписямъ. Многіе дома и комнаты также велики какъ и у насъ.

Въ Помпеяхъ были не только улицы, но и площади, не только частные дома, но и множество общественныхъ зданій. Въ небольшой части, теперь открытой, найдено уже три форума: величайшій изъ нихъ—forum Civile,—великолѣпная продолговатая площадь съ арками, пьедесталами многочисленныхъ и большихъ статуй, фундаментами и остатками колоннъ курій, судилищъ и храмовъ. Къ этимъ форумамъ примыкаютъ два театра, многія принадлежности которыхъ великолѣпно сохранились до сихъ поръ. По многимъ догадкамъ открыта уже четверть этого города, но въ этихъ зданіяхъ и улицахъ, изъ которыхъ многія великолѣпно сохранились и такъ наглядно говорятъ о прошедшемъ образѣ жизни древнихъ римлянъ, теперь страшная пустота, такъ какъ множество статуй, картинъ и утвари, для лучшаго сохраненія, перевезены въ Неаполь. И такъ Везувій не только многое погубилъ, но и сохранилъ въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ.

Пойдемъ же къ Везувію поближе, посмотримъ, каковъ онъ теперь.

Чтобы взобраться на Везувій, нужно прежде нанять коня и взять проводника. Сначала приходится ѣхать между виноградниковъ, которыми покрыта подошва Везувія; но по мѣрѣ того, какъ подымаешься на первыя, отлогія высоты вулкана, виноградники встрѣчаются рѣже и попадаются цѣлыми полосами выгорѣвшія поля, нѣкоторыя изъ нихъ завалены пепломъ. Тамъ и сямъ каменныя волны, показываютъ остановившееся теченіе остывшей лавы. Наконецъ разстилается сѣрая, угрюмая пустыня. Все это море лавы, которое страшно бушевало во время того или другаго изверженія. Черезъ часа полтора уже взбираешься на платформу, которая представляется маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной пустыни; нѣсколько деревьевъ ростутъ у домика, который здѣсь стоитъ и куда заходятъ обыкновенно путешественники отдохнуть, выпить стаканъ прекраснаго вина и съ этой высоты полюбоваться чудными окрестностями.

Отправляетесь выше, и дорога скоро становится очень крута, кромѣ того груды треснувшей лавы окончательно непозволяютъ вамъ болѣе продолжать путь на лошади. Тутъ уже путешествіе представляетъ много трудностей: ноги все глубже утопаютъ въ сугробахъ золы, пепла и шлаковъ. Такъ какъ Везувій стараются обыкновенно видѣть ночью, то на описанной нами высотѣ путь безпрестанно освѣщается какимъ-то страннымъ свѣтомъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ путешественникъ свои ощущенія и зрѣлище, которое ему представилось съ этой высоты. «Вѣтеръ потушилъ мой факелъ. Я продолжалъ подыматься посреди мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ, но ни кратера, ни пламени не видно до той минуты, покуда не ступишь на вершину, или точнѣе, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами вулкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова вулкана съ вѣчно открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что

вершина вулкана—самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ, на ребрахъ конуса, блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

«Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора вулкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины сіяли кровавымъ огнемъ, и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой, желтый дымъ, почва раскалялась до-бѣла, и, расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы,—вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледенялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ, какъ жаръ, пышащій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались.... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленнаго желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвесть глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища, вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла.... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненнаго дождя пепла: это раскаленные камни, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенныя вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на закраины его. Нѣсколько секундъ вулканъ дрожалъ подъ моими ногами, и снова все погрузилось въ мракъ; но глухое клокотаніе въ жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

«Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко.... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны,—но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера, и новые взрывы волкана остановили меня на полу-пути.

«По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, опеломленный, черный, опаленный.... Я видѣлъ прославленный римскій фейерверкъ la girandola. Никакой фейерверкъ не можетъ быть эффектнѣе жирандолы; все цвѣтные букеты крутящихся огней, густые снопы ракетъ, при громѣ пушекъ, поднимаются съ громады Адріанова мавзолея и отраженіемъ своимъ льются въ темныя волны Тибра. Но колоссальный фейерверкъ Везувія, эти вихри подземныхъ огней, вырывающіеся изъ пропасти съ громомъ и землетрясеніемъ, поражаютъ своимъ страшнымъ величіемъ не одни глаза; нѣтъ, эта картина потрясаетъ восторгомъ и ужасомъ самую твердую душу.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый разнѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ, какъ убитый.... Везувій укрощался не на-долго; при каждомъ новомъ взрывѣ, яркимъ заревомъ обливались горы Сомма и Отаяно, которыя въ своихъ основаніяхъ соединены съ волканомъ, хотя вершины ихъ отдѣлены одна отъ другой глубокими долинами.»

КАПРИ.

Природа этого острова.—Виноградари.—Рыбаки.—Дѣти и женщины.—Лазурный гротъ.

Когда плывешь по чудному Тирренскому морю къ Капри, этотъ островъ является въ какомъ-то грозномъ величіи, точно закованный въ свои скалы, которыя встаютъ изъ водъ отвѣсными стѣнами. Окруженный горами и крутыми обрывами известковыхъ стѣнъ краснаго цвѣта, Капри утопаетъ въ роскошной зелени виноградниковъ, гранатовыхъ и померанцевыхъ деревьевъ. На его высотахъ стоятъ коричневые развалившіеся дворцы, а дикій виноградъ и густой зеленый плющъ свѣшиваются фестонами съ этихъ развалинъ. Дикія, пустынныя, зазубренныя скалы мелькаютъ высоко подъ облаками и надъ ними летаютъ соколы. По берегамъ множество темныхъ глубокихъ пещеръ, а на верху, на горѣ раскинутъ веселый городокъ съ бѣлыми домами, высокими стѣнами и съ церковнымъ куполомъ. Внизу, на бѣломъ песчаномъ прибрежьѣ—гавань рыбаковъ и много барокъ.

Дома здѣсь бѣлые, маленькіе, и каждая плоская крыша такого домика представляетъ террасу, посреди съ куполомъ, обвитымъ виноградной лозой. Террасы эти у нѣкоторыхъ прекрасно разукрашены цвѣтами. Тутъ очень часто подъ вечеръ, при звукахъ тамбурина, пляшутъ молодыя дѣвушки. Вотъ и пожилые люди вышли отдохнуть подъ вечерокъ, когда послѣ томительнаго дневнаго жара наступаетъ отрадная прохлада, когда отовсюду несется благоуханіе померанцевыхъ садовъ. А тамъ на одной изъ террасъ одиноко стоитъ колѣнопреклоненная прелестная смуглянка: она перебираетъ четки и съ увлеченіемъ шепчетъ свою вечернюю молитву Ave Maria. Въ большинствѣ случаевъ домъ еще окруженъ верандою (*), которая вся обвита виноградными лозами, прекрасно украшена голубыми гортензіями, пурпурно-красными гвоздиками и розовыми олеандрами.

По здѣшнимъ улицамъ никогда не ѣздятъ экипажи, такъ какъ онѣ такъ узки, что два человѣка едва могутъ пройти въ рядъ. Представьте же себѣ, какая должна быть здѣсь толкотня и давка во время процессій, которыя здѣсь, какъ и вездѣ въ Италіи, безпрестанно устраиваются. Растительность здѣсь совершенно южная: каперсовый кустарникъ (изъ котораго получаются каперцы, они идутъ у насъ, какъ приправа въ кушанье) свѣшивается здѣсь на всѣхъ стѣнахъ и скалахъ и украшаетъ ихъ своими бѣлыми цвѣтами.

На Капри вы встрѣтите разныя деревья и сочные плоды. Много растетъ здѣсь дубовъ, тутовыхъ и оливковыхъ деревьевъ, еще болѣе смоквъ, миндальныхъ и деревьевъ сладкихъ стручковъ; лимоны и апельсины бываютъ здѣсь большей части не менѣе дѣтской головки. Но за то здѣсь уже гораздо менѣе кипарисовъ, пиній и каштановыхъ деревьевъ. На виноградныхъ лозахъ хоть и виднѣются тяжелыя гроздья сочнаго винограда, но онъ все таки растетъ здѣсь далеко не въ томъ изобиліи, какъ въ Кампаньѣ.

Капрейцы (ихъ всего немного болѣе 2000) самый мирный народъ въ свѣтѣ: въ нихъ, какъ и во всѣхъ итальянцахъ, необыкновенная жи-

---

(*) Веранды очень распространены на югѣ. Это ничто иное, какъ галлереи по бокамъ зданія: ихъ устраиваютъ обыкновенно на столбахъ и всевозможныя вьющіяся растенія сплошь покрываютъ такую галлерею. Веранда представляетъ прохладное мѣсто въ жаркіе лѣтніе дни.

вость ума, веселый, симпатичный характеръ, но они совсѣмъ не похожи на своихъ сосѣдей неаполитанцевъ тѣмъ, что необыкновенно дѣятельны. Каждый изъ нихъ имѣетъ непремѣнно какое нибудь опредѣленное занятіе: они или земледѣльцы, виноградари или рыбаки. Тутъ уже не встрѣтишь ладзарони, которые потягиваются на солнцѣ и ждутъ только форестьера, чтобы сорвать съ него нѣсколько байоки даже за то, что онъ на него засмотрѣлся. Не смотря однако на дѣятельность населенія, народъ здѣсь очень бѣденъ и потому нищенство и здѣсь встрѣчается очень часто. Впрочемъ разница между нищими — неаполитанцами и нищими-капрейцами та, что здѣсь милостыню просятъ только бѣдные, или вслѣдствіе какого-нибудь несчастія сразу обѣднѣвшая семья, и притомъ они никогда не доходятъ до нахальства и назойливости. Бѣденъ же здѣсь народъ потому, что онъ не имѣетъ почти никакой собственности. Большая часть виноградниковъ принадлежитъ неаполитанцамъ и капрейскіе виноградари арендуютъ у нихъ эти виноградники за очень высокую арендную плату. Виноградарь, продавая ягоды или приготовляя вино, долженъ добыть столько, чтобы прокормить свою семью и уплатить высокую аренду. Великое несчастіе для него, когда случится болѣзнь на виноградъ: въ такой годъ эти люди такъ бѣднѣютъ, что потомъ имъ уже трудно поправиться. Въ эти тяжелые годы ихъ жены и дочери распродаютъ свои украшенія: серьги, кольца, цѣпочки, и это заставляетъ ихъ страдать болѣе, чѣмъ самая нужда. Скотоводство здѣсь тоже незначительно, но дѣятельныя женщины умѣютъ такъ хорошо вести свое молочное хозяйство, что мѣстный сыръ пользуется большою извѣстностью на родинѣ. Осенью и весною островитяне питаются охотою, такъ какъ въ это время прилетаютъ стаи перелетныхъ птицъ.

Другой охоты у нихъ нѣтъ, такъ какъ на островѣ совсѣмъ не водятся большія животныя; только кролики выпрыгиваютъ ночью изъ трещинъ скалъ и бѣгутъ полакомиться на поля. Самый главный промыселъ доставляетъ здѣсь море: тутъ и тунцы, и мурена, мясо которой славится необыкновеннымъ вкусомъ и ослѣпительной бѣлизной, чрезвычайно много сардинокъ и безобразныхъ каракатицъ или сепій. Каракатицы это довольно большое животное (приблизительно $3^3/_4$ арш.) съ большими подвижными глазами, съ десятью ногами на головѣ. На животѣ этого животнаго находится мѣшокъ съ жидкостью, изъ которой и добываютъ коричневую краску сепію. Каракатицъ этихъ рыбаки ловятъ ночью, привлекая ихъ свѣтомъ факела.

Тяжелую жизнь ведутъ эти рыбаки: всю ночь проводятъ они на морѣ и возвращаются съ восходомъ солнца. Пусть они устали и изнемогли до послѣдней степени, они все таки не могутъ тотчасъ ложиться спать: долго еще возятся они, развѣшивая и починяя сѣти. Заснулъ часъ, два, и опять на ловлю. Но море не всегда достаточно вознаграждаетъ дѣятельность и трудовую жизнь рыбаковъ; иногда въ два, три улова кряду они добываютъ рыбы только на нѣсколько мелкихъ монетъ. Очень часто море прибиваетъ къ берегу куски коралла, ихъ вылавливаетъ куча ребятъ, которые при этомъ всегда толпятся, затѣмъ они разбѣгаются по домамъ и премило украшаютъ ими коробочки, которыя они сбываютъ форестьеру.

Дѣвушки съ ранняго утра до поздней ночи прядутъ желтовато-золотистый шелкъ, или сидятъ за ткацкими станками и ткутъ шелковыя ленты. Этотъ шелкъ доставляютъ имъ купцы изъ Неаполя, только они весьма мало платятъ бѣднымъ дѣвушкамъ за ихъ труды. Вообще капрейскія дѣвушки, за недостат-

комъ на островѣ вьючныхъ животныхъ исполняютъ всѣ работы. Вы видите, какъ онѣ всходятъ на гору то съ кружками воды на головѣ, то съ корзинками земли и корней. Приходитъ барка съ туфомъ для поправки какого-нибудь стараго зданія и нѣсколько десятковъ Габріэле, Констанціэле, Кончета, Мари-Антоніа, красотою которыхъ необыкновенно поражены бываютъ всѣ художники, прибѣгаютъ къ берегу, чтобы таскать на себѣ эти камни. Нагруженныя ими, при страшномъ томительномъ жарѣ, онѣ должны разъ шестнадцать взобраться на гору и за это получаютъ только до двадцати копѣекъ на наши деньги. При разсчетѣ дѣвушки никогда не повѣряютъ своего нанимателя, который вписываетъ въ книгу каждую изъ нихъ, когда онѣ приходятъ къ баркѣ за туфомъ. Такъ таскаютъ онѣ эти тяжести цѣлыми днями. Онѣ отдыхаютъ только во время обѣда, за которымъ у нихъ, кромѣ недозрѣлыхъ сливъ и и сухаго хлѣба, ничего не увидишь. Не смотря на тяжелую, трудовую жизнь, здѣшнее населеніе смотритъ на свѣтъ Божій и людей необыкновенно простодушно, съ какою-то дѣтскою довѣрчивостью и незлобіемъ: между собою они живутъ чрезвычайно мирно, патріархально-дружелюбно. Съ чужестранцемъ они знакомятся очень скоро и черезъ нѣсколько дней каждый принимаетъ его, какъ стараго пріятеля, во что бы то ни стало желая угостить его всѣмъ, что только найдется у него въ домѣ.

Какъ ни любопытны нравы капрейцевъ, какъ ни заманчива природа и дикія, зубчатыя вершины острова, которыя такъ фантастично рисуются на неаполитанскомъ горизонтѣ, но не этимъ приманиваетъ Капри путешественниковъ. Лазурный гротъ (пещера) Капри — вотъ чудо, на которое ѣдетъ подивиться весь міръ. Только своенравное, капризное море не всегда дозволяетъ воспользоваться этимъ удовольствіемъ. Желая предпринять путешествіе къ лазурной пещерѣ, приходится идти къ пристани, къ жилищамъ капрейскихъ моряковъ. Если море волнуется, вы непремѣнно засмотритесь, какъ эти мускулистые, огромнаго роста люди съ темными лицами вытягиваютъ барки, если же оно покойно, то моряки спятъ въ покатку на пескѣ и такъ близко къ морю, что набѣгающія волны безпрестанно окачиваютъ пѣной ихъ крѣпкія, бронзовыя ноги. Впрочемъ вамъ не дадутъ долго любоваться этою картиною, такъ какъ цѣлый десятокъ проводниковъ къ лазурному гроту тотчасъ окружаетъ васъ и каждый предлагаетъ свои услуги. Такъ какъ входъ въ пещеру чрезвычайно низокъ, то для этого и употребляютъ особыя маленькія лодочки. Чтобъ отправиться въ путь, необходимо выждать совершеннаго безвѣтрія, да и то еще нельзя навѣрное расчитывать увидѣть лазурное диво. Но вотъ вы отчалили, лодка начала скользить по водѣ, и вы осматриваетесь кругомъ: волны съ страшною силою ударяются о скалы и безпрестанно мѣняютъ свой цвѣтъ: то заблещутъ зеленью, то лазурью, и тогда песокъ на днѣ кажется голубымъ; то вдругъ солнечные лучи скользнутъ по поверхности водъ и всюду разсыпятся ослѣпительныя, прыгающія искры. Наконецъ, на отвѣсной стѣнѣ утесовъ замѣчаешь черноватую лазейку, полузатопленную моремъ, — это входъ въ лазурную пещеру. Входъ этотъ такой маленькій и узкій, что, кажется, черезъ него только и могутъ плавать рыбы. Вы съ удивленіемъ подумываете, какъ-то вамъ удастся проѣхать черезъ такую щель. Очень часто волны съ дикою яростью набѣгаютъ на стѣну и закрываютъ и то маленькое отверстіе, которое вы въ ней замѣтили. Тогда приходится выжидать. Когда же наступаетъ благопріятная минута, путешественникъ ложится на дно лодки, такъ какъ иначе можно сильно расшибиться о стѣны узкаго отверстія, —

и вотъ вы въ волшебной пещерѣ. Тутъ взору представляется довольно обширное пространство, гдѣ всюду господствуетъ какой-то неземной, чудно-голубой цвѣтъ. Даже бѣлыя весла гребцовъ, лишь только ихъ погружаютъ здѣсь въ воду, принимаютъ великолѣпный лазоревый цвѣтъ. Опустите въ воду руку, и она въ водѣ кажется прозрачною, ярко-голубаго цвѣта.

Высокія стѣны пещеры завершаются прелестнымъ куполомъ, будто нарочно высѣченнымъ въ скалѣ геніальными мастерами. Не хочется вѣрить, что сама природа такъ симметрично, такъ граціозно-художественно расположила по стѣнамъ и куполу всѣ эти причудливыя арабески сталактитовъ (*).

«Скалистыя стѣны», такъ описываетъ одинъ путешественникъ эту пещеру: «прозрачная вода, песокъ на днѣ и сталактиты на сводахъ — все здѣсь небесно-голубаго цвѣта. Эта синева такъ нѣжна, что, кажется, какъ будто на все наброшена дымка серебристаго газа. Я молчалъ, какъ околдованный. Гребецъ поднялъ весла, и барка чуть скользила по бирюзовой влагѣ. На водѣ ни малѣйшей зыби, въ воздухѣ ни малѣйшаго дыханія, кругомъ тишина глубокая, торжественная, какъ въ безднахъ неба.

«Вода такъ прозрачна, что видны на блѣдно-золотистомъ днѣ всѣ раковины, всѣ подводныя растенія и кораллы. Я было нагнулся, чтобы выловить одинъ изъ этихъ коралловъ; но для такой операціи понадобилась рука по крайней мѣрѣ двухсаженная. При каждомъ ударѣ весла, на поверхность воды выбѣгали миріады серебристыхъ пузырьковъ; каждая капля, упадавшая въ глубь, казалась жемчужнымъ зерномъ. Въ этомъ волшебномъ теремѣ ни лодка, ни человѣческія фигуры не отбрасываютъ отъ себя тѣни. Бѣлый дневной лучъ, заглядывающій въ треугольное отверстіе, остается трепетной звѣздой у входа, не вступая въ борьбу съ царствующимъ здѣсь лазурнымъ полусвѣтомъ... Лазурный гротъ не исключительно лазуренъ. Своды являются зеленоватыми, какъ будто на нихъ падаетъ свѣтъ лампы, проникающій сквозь сосудъ съ жидкостью купороса. Если долго и внимательно всматриваться, опрокинутыя пирамиды сталактитовъ кажутся почти красноватыми, а задняя часть грота принимаетъ блѣдный, мутно-розовый оттѣнокъ».

Но откуда же въ пещерѣ этотъ чудный голубой свѣтъ, такое магическое очарованіе? Такъ какъ въ ней небольшое отверстіе, то солнце не можетъ непосредственно освѣщать воду въ пещерѣ, — въ нее и проникаетъ свѣтъ извнѣ, черезъ значительный слой воды, а такъ какъ вода въ глубинѣ имѣетъ синеватый отливъ, то и всѣмъ предметамъ въ пещерѣ сообщается чудный голубой цвѣтъ. Необыкновенное расположеніе сталактитовъ и оригинальность самой пещеры увеличиваютъ очарованіе и вмѣстѣ съ синевой, которая тутъ царствуетъ, придаютъ гроту какой-то волшебный видъ.

Однако невозможно долго любоваться лазурнымъ чудомъ: очень часто море, за минуту покойное вдругъ дѣлается необыкновенно бурнымъ, закрываетъ выходъ, такъ что путешественникамъ, пожалуй, придется провести и всю ночь въ гротѣ. Если съ кѣмъ приключится такая непріятность, зажигаютъ факелы и отыскиваютъ скалистый выступъ, который выдается террасой прямо противъ

(*) Вода, насыщенная известью, просачивается черезъ землю въ пещеру, испаряется и оставляетъ на потолкѣ и стѣнахъ осадки въ различныхъ формахъ, иногда чрезвычайно замысловатые, эффектные и симметричные. Они бываютъ то въ видѣ конусовъ, кристалловъ, а то просто разсыпаны самыми разнообразными волшебными фигурами.

входа и на которомъ могутъ помѣститься нѣсколько человѣкъ. Но оставаться тутъ среди бури, совершенно оторваннымъ отъ всего міра, и выжидать въ неловкомъ, напряженномъ положеніи—чрезвычайно непріятно... Впрочемъ, провести всю ночь въ морѣ въ этомъ гротѣ едва ли когда придется, такъ какъ моряки острова Капри слѣдятъ за отправившимися въ гротъ и, лишь только они замѣтятъ ихъ долгое отсутствіе, сейчасъ спѣшатъ къ нимъ на выручку.

Танцующія башни Нолы.

26-го Іюня всѣ спѣшатъ въ Нолу, куда изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ можно доѣхать съ небольшимъ въ одинъ часъ. Лишь только успѣешь вступить въ шумный городъ, какъ васъ поразитъ въ этотъ день необыкновенно странное зрѣлище, которое заставитъ думать, что вы пріѣхали въ Индію или въ Японію, но никакъ не въ европейскій городъ.

На встрѣчу вамъ идетъ высокая, выше всѣхъ построекъ въ этомъ городкѣ, башня наполненная народомъ, украшенная всевозможными изваяніми и фигурами въ странныхъ одеждахъ, блещущая на солнцѣ золотомъ, серебромъ и яркокрасными тканями.... Какъ? башня съ людьми такъ таки и идетъ? Да башня дѣйствительно идетъ и не только съ людьми, но и съ цѣлымъ оркестромъ музыки.... Дѣло въ томъ, что она построена очень легко и нѣсколько десятковъ людей несутъ ее на своихъ плечахъ. Вы не успѣли еще опомниться и разглядѣть это чудо, какъ слышите громкую, рѣзкую музыку и обарачиваетесь.... Представьте, сзади васъ идетъ такая же огромная пятиэтажная башня, только нѣсколько иначе разукрашенная.... Изъ боковой улицы опять музыка и опять появляется такая же странствующая башня и такимъ образомъ этихъ башенъ набирается около десятка. Всѣ онѣ построены изъ столбиковъ въ пять этажей, съ нишами, арками и безчисленными фигурами. Столбы обклеены золотой и серебряной бумагой, но такъ искусно, что блестятъ на солнцѣ точно вылитые изъ чистаго серебра и золота. Золотистый куполъ покрываетъ каждую изъ нихъ. Въ нижнемъ этажѣ сидятъ дѣвушки, съ ногъ до головы прелестно украшенныя цвѣтами; сзади въ различныхъ позахъ стоятъ мальчики въ шлемахъ изъ золотой бумаги, въ нишахъ и по бокамъ каждаго этажа ставятъ фигуры съ разными эмблемами: то стоитъ ангелъ съ знаменами или арфою, то прелестный юноша съ рогомъ изобилія, изъ котораго онъ сыплетъ дорогіе цвѣты. Въ слѣдующемъ этажѣ, между фигурами патроновъ, стоитъ ангелъ и качаетъ кадильницу. Въ среднемъ этажѣ сидитъ оркестръ изъ нѣсколькихъ музыкантовъ, оглушительно играютъ на барабанахъ, литаврахъ, треугольникахъ и рожкахъ. Съ самымъ большимъ искуствомъ обыкновенно украшена передняя сторона башни, задняя же покрыта миртовыми вѣтвями съ воткнутыми подлѣ знаменами. Въ изумленіи вы умоляете перваго попавшагося мѣстнаго жителя объяснить вамъ причину этого страннаго явленія. «Сегодня праздникъ св. Паулина», отвѣтятъ вамъ, «и башни дѣлаютъ въ память этого святаго: когда онъ возвратился въ Нолу изъ варварской страны, то былъ встрѣченъ нашими гражданами, которые въ это время танцовали и несли передъ собою обелискъ.... Вотъ почему и всѣ эти обелиски идутъ къ каѳедральному собору, чтобы танцовать передъ нимъ, когда начнется служба». Вы идете на площадь передъ соборомъ, чтобы во очію видѣть это странное зрѣлище. Но прежде,

чѣмъ разсказывать о пляскахъ башенъ, мы дадимъ понятіе о томъ, какъ ихъ строятъ и кто этимъ занимается. Каждое значительное ремесло поставляетъ по такой башнѣ на праздникъ св. Паулина. Не одинъ работникъ работаетъ эти башни и иногда работаются они въ продолженіе цѣлаго полугода, не мало и денегъ затрачивается на это удовольствіе, каждая башня стоитъ не менѣе 300 руб. на наши деньги. Во время ихъ сооруженія, чтобъ защитить ихъ и работниковъ отъ непогоды и солнца, устраиваютъ палатки, обтянутыя полотномъ. Посмотрѣвъ на эти башни, когда всѣ онѣ стоятъ на площади передъ соборомъ, вы сейчасъ узнаете; какому ремеслу каждая изъ нихъ принадлежитъ. Съ башни жнецовъ, или земледѣльцевъ свѣшивается серпъ; у пекарей — два большіе кренделя; у мясниковъ виситъ кусокъ говядины; у портнаго бѣлая жилетка; у сапожника башмакъ; у пицикароли (торговца жирными товарами)— сыръ; у садовниковъ тыква; у виноторговцевъ—бутылка; кромѣ того въ каждой башнѣ, въ одномъ изъ верхнихъ ея этажей, стоитъ человѣкъ, который держитъ эмблему того или другаго ремесла: такъ въ башнѣ садовника стоитъ юноша съ рогомъ изобилія, изъ котораго онъ щедро сыплетъ цвѣты; въ башнѣ кабатчиковъ два человѣка держатъ бочепокъ.... И такъ, всѣ эти башни съ музыкой потянулись къ собору, за ними бѣжитъ громадная, шумная толпа въ пестрахъ костюмахъ, съ знаменами въ рукахъ изъ золотой и серебряной бумаги. Эта дикая музыка, балконы, ярко разукрашенные цвѣтами, разодѣтыя веселыя дѣвушки, странныя ярко блестящія башни, палящій жаръ неаполитанскаго неба, дикій шумъ веселой, буйной и ликующей толпы, все это страшно ошеломляетъ свѣжаго человѣка и переноситъ его во времена язычества.

Шествіе открываетъ маленькая башня, въ нижнихъ этажахъ которой сидятъ увѣнчанныя цвѣтами дѣти, за башней несутъ корабль, на которомъ сидитъ мальчикъ, одѣтый туркомъ съ алымъ цвѣткомъ въ рукѣ. За этимъ кораблемъ несутъ другой, совершенно вооруженный военный корабль. Въ этомъ кораблѣ стоитъ молодой человѣкъ въ мавританской одеждѣ и съ наслажденіемъ куритъ сигару, а у руля на колѣняхъ стоитъ фигура самаго св. Паулина. Странное зрѣлище представляется путешественнику, когда такая башня достигаетъ собора; она останавливается, и къ ней подходитъ человѣкъ, который начинаетъ бить тактъ палкою; музыка издаетъ звуки и носильщики начинаютъ дѣлать танцовальныя движенія.... При этомъ башня такъ качается, что кажется она готова упасть; фигуры движутся, знамена шумятъ.... Потанцовавши такимъ образомъ минутъ пять, башня становится въ сторонѣ и на ея мѣсто приходитъ другая, которая танцуетъ точно также, а къ первой, уже оттанцовавшей башнѣ, подходитъ кружокъ юношей и начинаетъ выдѣлывать разные па. Когда перестаетъ танцовать кружокъ этихъ молодыхъ людей, танцуютъ солисты въ серединѣ круга. Иногда во время танцевъ они схватываютъ человѣка, который выдѣлываетъ у нихъ на рукахъ разныя движенія, наконецъ растягивается у нихъ на рукахъ и свѣшиваетъ голову, точно мертвый. Кругомъ его начинается опять живая пляска. Скоро онъ снова поднимается, тряхнулъ кудрями, улыбаясь, щелкнулъ въ кастаньеты и опять пустился въ плясъ. Эти танцы въ кругахъ происходятъ съ разными варіаціями: иногда они напоминаютъ даже нашихъ паяцовъ, дѣлающихъ разныя штуки передъ окнами... Все это проходитъ снаружи передъ соборомъ, въ которомъ идетъ служба и никто изъ присутствующихъ не объяснитъ вамъ смыслъ и значеніе этихъ танцевъ. Кончились танцы, кончилась и служба и изъ церкви повалило духовенство въ торжественной

церемоніи, сзади ихъ пошли и эти башни, окруженные большою, шумною, веселою толпою. Началась пальба и эта длинная процессія прошла по всему городу. Вечеромъ бываетъ бѣгъ лошадей, а ночью праздникъ заканчивается великолѣпной иллюминаціей.

СИЦИЛІЯ.

Мессина.—Природа острова по берегамъ и внутри страны.—Сирокко.—Пѣвцы и состязаніе поэтовъ.—Жатва.—Ловля тунцовъ.—Джирджентн и сицилійскія сѣрныя копи.—Рабочіе.—Значеніе сѣры въ странѣ и вывозъ ея за границу.

Мессина, одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Сициліи, раскинутъ на берегу рѣки и весь унизанъ монастырями и зданіями, которыя какъ въ зеркалѣ отражаются въ водѣ. Городъ этотъ имѣетъ самое невыгодное мѣстоположеніе: онъ расположенъ на волканической почвѣ Сициліи, по сосѣдству съ волканами южной Италіи и потому здѣсь очень часто бываютъ землятресенія и подземные удары. Лѣтъ 90 тому назадъ подземные удары опрокинули здѣсь множество домовъ, разрушили колокольни, часовни, церкви. Отъ низменнаго положенія города еще увеличивается несчастіе жителей. Когда, во время землетрясеній, дома падали какъ карточные домики, приливъ съ моря потопилъ всѣхъ собравшихся на берегу и затѣмъ волны бросились на великолѣпные дворцы и зданія здѣсь, построенныя, и разрушили многія изъ нихъ до основанія. Между тѣмъ для всемірной торговли Мессина необыкновенно удобно расположена, но вслѣдствіе этихъ землятресеній и множества войнъ, которыя ей пришлось вынести,—этотъ городъ не имѣетъ теперь важнаго значенія.

Природа Сициліи по берегамъ и внутри страны не имѣетъ между собой ничего общаго. Береговыя мѣстности кишатъ дѣятельною жизнію и блестятъ роскошною растительностію. Золотистые плоды и бѣлые цвѣты огромныхъ апельсинныхъ плантацій далеко распространяютъ благоуханіе. Тамъ, гдѣ полузасохшее ложе горнаго ручья впадаетъ въ долину, розовые цвѣты олеандра и гибкихъ мимозъ граціозно выглядываютъ среди густой зелени. Огромные кактусы, перепутываясь съ агавами, образуютъ высокіе плетни. Кустарники клещевины (изъ которой приготовляютъ касторовое масло), съ прекрасною голубою листвою, покрываютъ склоны многихъ горъ. Тамъ и сямъ выглядываютъ большіе бѣлые цвѣты капорцевъ. Нерѣдко встрѣчаете вы здѣсь и смоковницу. Какъ громадный смарагдъ, блестящій на солнцѣ, безпрестанно пробѣгаетъ ящерица среди цвѣтовъ и зелени.

Чѣмъ дальше внутрь, тѣмъ пустыннѣе становится страна, растительность съ каждымъ шагомъ бѣднѣе и наконецъ вы встрѣчаете огромныя, пустыя, безплодныя пространства. Скалистые овраги съ высохшими руслами горныхъ потоковъ, обнаженныя горы желтовато-сѣраго цвѣта и весьма рѣдко жалкая, грязная, полуразвалившаяся деревня,—вотъ все, что вы здѣсь встрѣтите. Но очень часто на цѣлыя мили нѣтъ ни единой хижины, ни полей, ни изгородей, совсѣмъ исчезаютъ даже деревья и только низкіе кустарники да чертополохъ покрываютъ землю. Но вотъ вы приближаетесь къ восточному побережью и появ-

лаются поля, виноградники, кактусовыя изгороди, оливковыя деревья. Нѣкоторая влажность въ воздухѣ говоритъ о близости моря; вдали возвышается Этна, вершина которой на половину покрыта снѣгомъ, на половину, какъ легкою дымкою, подернута сѣроватымъ дымомъ. Земля смѣшана съ пепломъ и лавою и потому тутъ начинается роскошная растительность. Подлѣ раскинутыхъ домиковъ—превосходныя апельсинныя и лимонныя рощи. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ уже встрѣчаются дачи съ каменными балконами и съ плоскими крышами, которыя убраны вазами.

Самое характерное явленіе въ Сициліи—сирокко. Иногда среди прекраснаго дня небо вдругъ дѣлается свинцовымъ, море волнуется, воздухъ становится необыкновенно спертымъ, тяжелымъ и удушливымъ. На человѣка это явленіе имѣетъ подавляющее дѣйствіе: голова тяжелѣетъ и имъ овладѣваетъ мрачное расположеніе духа. Сирокко появляется періодически и продолжается около двухъ, двухъ съ половиною сутокъ, а то и меньше. Африканскій Самумъ, перейдя черезъ Средиземное море и нѣсколько ослабивъ свою ядовитую силу, дуетъ въ Сициліи и называется уже здѣсь Сирокко. Какъ арабъ въ своей пустынѣ, при приближеніи этого врага, бросается на землю, такъ и сициліанецъ, чувствуя приближеніе сирокко, ложится въ кровать, торопится покончить всѣ свои дѣла, торговля и всякое движеніе на улицѣ мгновенно прекращаются. Не говоря о застоѣ въ дѣлахъ и въ образованіи, частое появленіе этаго опаснаго гостя вредно и усыпительно дѣйствуетъ на характеръ народа и безъ того склоннаго къ лѣни.

Сициліанецъ одаренъ тѣми же качествами ума и сердца, какъ и другіе итальянцы: живостью и подвижностью, способностью быстро схватывать, необыкновенною учтивостью и услужливостью, самымъ хорошимъ и веселымъ расположеніемъ духа. Но подъ африканскимъ климатомъ всѣ страсти итальянца Сициліи сильнѣе. Любовь, ненависть, мстительность, нетерпѣливость,—все это у сициліанца выражается еще съ большею страстью. Сициліанцы неистощимы въ остротахъ и поговоркахъ. Дѣвочка 12-ти, 13-ти лѣтъ выглядитъ здѣсь совершеннолѣтней женщиной, но въ 20 лѣтъ она уже отцвѣтаетъ и вы всегда дадите ей болѣе чѣмъ вдвое.

Тутъ еще сильнѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, любовь къ церемоніямъ, къ народнымъ торжествамъ и праздникамъ; трудъ, какъ и тамъ, облекается въ поэтическую форму. Когда вы ни выйдите ночью на улицу, вы всегда услышите звуки гитары и мужской голосъ, напѣвающій одну изъ народныхъ пѣсенъ. Вы безпрестанно встрѣчаете здѣсь слѣпца, окруженнаго толпою, который поетъ, или рапсода, который разсказываетъ сказки или рыцарскія приключенія. По большей части эти люди слѣпы или горбаты и, наблюдая ихъ, вы непремѣнно замѣтите, какъ они сильно жестикулируютъ, а дойдетъ разсказъ до какой нибудь схватки и разскащикъ, съ непобѣдимою отвагой, какъ передъ врагомъ, потрясаетъ своимъ посохомъ, который онъ всегда держитъ въ рукѣ. Сициліанцы не только любятъ этихъ людей и слушаютъ ихъ съ живымъ вниманіемъ, но и относятся къ нимъ съ глубочайшимъ уваженіемъ. Часто эти пѣсни и разсказы сочиняются тутъ же на мѣстѣ, но въ Сициліи есть множество поэтовъ импровизаторовъ, которые только сочиняютъ стихи, но не распѣваютъ ихъ. Страсть къ сочинительству, въ особенности стиховъ, сильно развита въ народѣ. Во всей Сициліи славится камень поэзіи, находящійся въ Минео. Кто хочетъ быть поэтомъ, говоритъ народъ, тотъ долженъ напередъ поцѣловать этотъ камень. Ни одинъ народъ, даже родственный съ ними Неа-

политанскій, не владѣетъ такимъ талантомъ къ импровизаціи, какъ сициліанцы. Сидя за стаканомъ вина они такъ и сыпятъ рифмами.

Болѣе всего этихъ разсказщиковъ, пѣвцовъ и поэтовъ-импровизаторовъ появляется на праздникахъ и тутъ они устраиваютъ между собой состязаніе въ присутствіи огромной толпы. Прежде чѣмъ начнется такое состязаніе, распорядитель праздника тщательно осматриваетъ ихъ и отнимаетъ у нихъ оружіе, если только оно у кого нибудь найдется. Проза здѣсь не допускается. Начинается состязаніе обыкновенно тѣмъ, что поэты привѣтствуютъ другъ друга стихами. Потомъ предлагаютъ темы для импровизаціи и черезъ нѣсколько минутъ одинъ за другимъ выходятъ и декламируютъ свои произведенія. На побѣдителя побѣжденный бросается иногда съ такою яростью, что присутствующіе едва успѣваютъ ихъ рознять. Однако Виго (авторъ сочиненія о Сицилійскихъ народныхъ пѣсняхъ), какъ очевидецъ разсказываетъ о мирной тенцонѣ, т. е. о мирномъ состязаніи. Въ Ивановъ день въ Палермо собралась толпа до 6 тысячъ слушателей. Около полудня вынесли изображеніе святаго и поставили его на возвышеніи на площади. За тѣмъ сюда одинъ за другимъ вошли пять поэтовъ: еще совсѣмъ юный сынъ кузнеца, два крестьянина, сапожникъ и еще одинъ ремесленникъ. Одинъ за другимъ воспѣвали они чудеса св. Іоанна и затѣмъ началось состязаніе. Всѣ они были необыкновенно искусны, особенно сынъ кузнеца; по окончаніи они были награждены и увѣнчаны.

Никто не знаетъ, когда начались эти тенцоны, извѣстно однако, что они очень древни. Въ Палермо существуетъ академія слѣпыхъ нищихъ. Во всей Сициліи, особенно слѣпцы занимаются музыкой и пѣніемъ. За каждымъ слѣпцомъ идетъ обыкновенно мальчикъ, воторый служитъ ему провожатымъ. Когда они занимаются въ академіи, дѣти-проводники играютъ между собою въ различныя игры.

Сицилійскій крестьянинъ буквально ѣстъ свой хлѣбъ въ потѣ лица, такъ какъ страна эта имѣетъ африканскій климатъ. Въ іюнѣ, когда происходитъ жатва, солнечный жаръ почти невыносимъ. При этомъ почти нигдѣ нѣтъ тѣни и только по берегамъ, отъ полудня до вечера, дуетъ иногда прохладный вѣтерокъ. Внутри же страны въ это время часто появляется Сирокко, который самыхъ крѣпкихъ и трудолюбивыхъ людей дѣлаетъ неспособными къ работѣ. Такъ какъ поля часто отстоятъ очень далеко отъ жилищъ, то подлѣ жатвы обыкновенно устраиваютъ временый лагерь. Тутъ въ шалашѣ изъ собственныхъ платковъ отдыхаютъ во время сіэсты и ставятъ корзины съ хлѣбомъ, вино и сосуды съ водой изъ пористой глины. Во время жатвы сициліанцы стараются одѣваться какъ можно легче: широкіе бѣлые штаны, такая-же рубаха и штиблеты чаще всего встрѣчаются у рабочихъ. Солнце однако не даетъ возможности носить на головѣ одну шляпу и поэтому каждый непремѣнно обвязываетъ еще голову какимъ нибудь платкомъ.

Обработка земли здѣсь очень проста и первобытна. Борона еще неизвѣстна; землю пашутъ сохой, которая погружается въ нее только на нѣсколько вершковъ. Затѣмъ бросаютъ туда зерна и заравниваютъ борозды кустарникомъ. Несмотря на это урожаи здѣсь бываютъ превосходные, нерѣдко даже самъ 100.

Тонара или ловля тунцовъ въ Сициліи имѣетъ большое значеніе для многихъ береговыхъ мѣстностей этаго острова. Тунцы хищная, большая, рыба, величиною нерѣдко въ сажень, въ апрѣлѣ странствуетъ въ Средиземномъ морѣ цѣлыми стаями и заходитъ сюда изъ Атлантическаго океана.

Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до ловли сотня людей заняты приготовле-

ніемъ огромныхъ сѣтей. Отъ марта до іюля, по берегамъ Сициліи, необыкновенное движеніе. Въ началѣ апрѣля сѣти готовы и тогда съ одной стороны къ нимъ привязываютъ камни, а съ другой поплавки; затѣмъ ихъ складываютъ въ лодки, сторожа растягиваются на нихъ и лежа на животѣ наблюдаютъ движеніе моря и ждутъ, пока оно совершенно успокоится. Тогда подаютъ знакъ, и всѣ лодки на $^1/_4$ мили въ окружности опускаютъ въ воду свои сѣти такимъ образомъ, что онѣ представляютъ съ боковъ стѣны, внизу полъ и множество отдѣленій. Опустили сѣти и рыбаки, опять лежа въ своихъ лодкахъ, наблюдаютъ за тунцами. Имъ иногда приходится ждать нѣсколько дней, пока сѣти наполнятся рыбою. Часто, не дождавшись, чтобъ море успокоилось само-собой, они поливаютъ на поверхность его масло и тогда въ этомъ мѣстѣ волненіе быстро стихаетъ. Тогда подаютъ сигналъ и рыбаки съ страшными криками, блестя на солнцѣ гарпунами и пиками, собираются къ тому мѣсту, гдѣ предполагается битва. Эту минуту рыбаки любятъ также, какъ испанцы бой быковъ. Полъ крайняго отдѣленія сѣтей, куда зашла рыба, подымаютъ все выше и выше. Потолка нѣтъ и рыба могла-бы выпрыгнуть, но рыбаки бросаются на нее съ своими гарпунами и вскорѣ прозрачное голубое море превращается въ море крови.

Трудно описать, какой подымается въ это время шумъ, крикъ, гиканье. Тунцы чрезвычайно сильны въ водѣ, и въ предсмертной агоніи они такъ окачиваютъ рыбаковъ съ головы до ногъ своей кровью, что она течетъ у нихъ ручьями съ лица и волосъ.

Ловлю тунцовъ производятъ въ весьма многихъ мѣстахъ Сицилійскаго побережья и это даетъ возможность бѣднякамъ покупать фунтъ этой рыбы, которую они очень любятъ, за двѣ, за 3 коп.

Если вы изъ Мессины будете пробираться въ Катану, (которая лежитъ недалеко отъ Этны), вдоль подошвы береговыхъ горъ, или съ юга Сицилійскаго острова по западному берегу, чаще всего вамъ попадаются мулы, нагруженные красивыми плитами сѣры. По дорогѣ также вездѣ разсыпаны и валяются разные куски сѣры.... Всюду множество сѣрныхъ рудниковъ.... Съ горъ то и дѣло подымаются густые столбы дыма изъ дымящихся сѣрныхъ минъ. Самый воздухъ пропитанъ запахомъ сѣры и столбами невыразимо удушливой пыли, такъ что путешественнику приходится дышать неиначе, какъ чрезъ носовой платокъ. Сѣра составляетъ здѣсь главный источникъ пропитанія и самый важный предметъ промышленности. Конечно, вулканы дѣйствовали и въ другихъ странахъ и изъ безчисленныхъ своихъ пропастей подымали къ небесамъ сѣрные пары; но нигдѣ они не отложили столько этого вещества, какъ здѣсь, такъ какъ нигдѣ не обнаруживали такой дѣятельности. Многочисленныя сѣрныя сицилійскія копи хорошо разработываются вездѣ, гдѣ онѣ лежатъ недалеко отъ моря. Въ центрѣ же острова сѣрныя копи не приносятъ жителямъ большихъ выгодъ, такъ какъ провозъ сѣры по дурнымъ сицилійскимъ дорогамъ иногда обходится очень дорого. Сѣра имѣетъ громадное значеніе: прежде её употребляли только въ медицинѣ и для приготовленія пороха, но теперь она служитъ и для добыванія сѣрной кислоты, которая употребляется почти на всѣхъ фабрикахъ. Съ помощью сѣрной кислоты добываютъ много другихъ кислотъ, приготовляютъ стеариновыя свѣчи, соду, квасцы, желѣзный и мѣдный купоросъ, мыло, спиртъ, очищаютъ разныя масла, отдѣляютъ золото отъ серебра; крѣпкая сѣрная кислота сильно притягиваетъ водяные пары изъ воздуха и потому ее употребляютъ тамъ, гдѣ нужно осушить воздухъ....

Всѣ сѣрныя мины на юго-западѣ острова везутъ свои произведенія къ гавани Джирдженти. Это грязный, плохо обстроенный и вымощенный городъ. Только по одной его улицѣ можно ѣздить въ экипажѣ, остальныя же всѣ для этого очень узки и перерѣзаны рытвинами. Однимъ словомъ Джирдженти представляетъ совершенную противуположность съ Агригентомъ, который когда-то былъ на его мѣстѣ и славился своею обширною торговлею и блестящей роскошью. Остатки древностей видны еще и теперь, только они внѣ города. Впрочемъ, благодаря торговлѣ сѣрою, нынѣшній городъ Джирдженти тоже начинаетъ нѣсколько подниматься. Ближайшія сѣрныя мины лежатъ недалеко отъ города и находятся въ самомъ первобытномъ состояніи. Тутъ еще до сихъ поръ неизвѣстны орудія и приборы, которые въ горнозаводскомъ дѣлѣ вошли въ общее употребленіе, кирка и лопата, вотъ и всѣ орудія, которыя здѣсь употребляются; работа тоже производится на удачу, безъ всякаго опредѣленнаго плана: истощилась случайно одна жила, по сосѣдству роютъ новыя отверстія и въ произвольномъ направленіи проводятъ въ горѣ новыя штольни и шахты. Ни одна изъ нихъ не выкладывается камнемъ, своды чрезвычайно низки, неровны и только мѣстами, чтобъ поддерживать потолокъ, ставятъ столбы. Мерцающая лампа только чуть вспыхиваетъ, освѣщая небольшое пространство мрачнаго подземелья, послѣ чего опять наступаетъ совершенный мракъ. Со всѣхъ сторонъ тутъ слышатся странные звуки, стукъ, вздохи, которые происходятъ отъ далекихъ перекатовъ эха. Сырость покрываетъ стѣны, капли падающія со сводовъ, соединяются въ цѣлые потоки липкой грязи и текутъ по землѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуются цѣлые ручьи, пропитанные сѣрой. Воздухъ здѣсь чрезвычайно удушливый, съ запахомъ сѣрнисто-водороднаго газа. Кромѣ того въ этихъ штольняхъ бываетъ обыкновенно страшнѣйшій жаръ. Очень небольшая часть жителей Джирдженти обработываетъ поля и сады, которые лежатъ у подошвы города до самаго моря; большая же часть населенія работаетъ теперь въ сѣрныхъ копяхъ. По причинѣ упомянутой жары въ штольняхъ работники работаютъ здѣсь совершенно безъ всякой одежды и поэтому все ихъ тѣло принимаетъ чрезвычайно странный видъ: кожа дѣлается темно-коричневой и покрыта свѣтложелтыми крапинками отъ тонкой сѣрной пыли.

Рабочіе очень добрый простой народъ; они всегда чрезвычайно рады, когда кто-нибудь зайдетъ къ нимъ въ штольню, хоть на пять минутъ разсѣетъ однообразіе ихъ тяжелой жизни.... Даже и при своемъ жалкомъ положеніи они вполнѣ сохраняютъ грацію и изящную любезность своихъ собратій. При прощаньи они граціозно раскланиваются съ туристами, при этомъ каждый спѣшитъ подарить ему на память какую нибудь бездѣлушку.

Прежде въ Италіи сѣры употребляли очень мало и только пять, шесть лѣтъ, тому назадъ она вошла въ большое употребленіе, какъ средство противъ болѣзни винограда. Съ тѣхъ поръ цѣны на нее, даже на мѣстѣ производства, поднялись втрое, но это нисколько не обогатило народа. Какъ только возвысились цѣны на сѣру, сейчасъ же съѣхались разные купцы и эксплуататоры, скупили большія участки земли и въ нѣсколько лѣтъ страшно разбогатѣли. Кромѣ мѣстнаго употребленія, бо́льшую часть сѣры вывозятъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ такъ развита фабричная и промышленная жизнь.

Земледѣліе и крестьяне.—Положеніе крестьянъ арендаторовъ и условія, которыя они заключаютъ съ землевладѣльцами. — Ихъ семейная жизнь и домашняя обстановка. — Итальянскій народъ, его дурныя и хорошія стороны.—Страсть итальянца къ зрѣлищамъ и причина этого явленія. — Разбойничество. — Образованіе.

Опустошительная, продолжающаяся цѣлыя столѣтія борьба городовъ и партій, съ XII до XIV столѣтія невѣроятно уменьшила сельское населеніе и выгнала остатки его въ города. Народъ сильно тянула въ городъ надежда на промышленныя и торговыя выгоды, а также и защита, которую они могли тамъ найти противъ феодальныхъ бароновъ. Когда въ теченіи XIV и XV стол. нѣкоторые города возвысились надъ сосѣдними маленькими городами и стали посылать туда своихъ чиновниковъ и правителей, тогда богатые люди стали селиться въ большихъ городахъ. Поземельная собственность тоже постепенно сосредоточилась въ рукахъ богатыхъ жителей, церквей и общинъ большихъ городовъ. И въ настоящее время большая часть здѣшнихъ земель представляютъ обширныя помѣстья, которыя принадлежатъ немногимъ богатымъ, знатнымъ и княжескимъ фамиліямъ. Рѣдкій итальянскій крестьянинъ имѣетъ собственный клочекъ земли. Большая часть огромныхъ владѣній раздѣлена на небольшіе участки. Землевладѣльцы раздаютъ эти участки крестьянамъ въ аренду за плату деньгами, или продуктами. И если въ горныхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, въ Пьемонтѣ, въ Генуѣ и въ другихъ встрѣчаются еще не раздѣленныя большія поземельныя владѣнія, то это только исключенія. Земля, подѣленная такимъ образомъ на мелкія участки, представляетъ длинные четыреугольники. Каждый такой участокъ осѣненъ по краямъ тутовыми деревьями, виноградной лозой и оливками; обыкновенно онъ обработанъ подъ хлѣбныя растенія и овощи. Слѣдовательно одинъ и тотъ же участокъ даетъ пшеницу, масло, вино, а иногда и рисъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти участки обсажены тополями. Тополь замѣнилъ теперь классическій вязъ, и, когда виноградъ поспѣетъ, крестьяне обвѣшиваютъ имъ его вѣтви, чтобы просушить эти ягоды.

Крестьянинъ арендаторъ отдаетъ обыкновенно за свой участокъ половину всѣхъ продуктовъ земли. Когда онъ соберетъ свой посѣвъ, то дѣлитъ все на двѣ равныя части: одна идетъ землевладѣльцу, другая остается ему. Землевладѣлецъ обыкновенно уже изъ своей половины выплачиваетъ подати и поддерживаетъ постройки. Въ тѣхъ немногихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянинъ платитъ только одну треть, тамъ онъ уже самъ выплачиваетъ часть податей. Когда крестьянинъ беретъ въ аренду скотъ, онъ обыкновенно выплачиваетъ деньгами, а не продуктами. Для шелка опять особыя условія. Господинъ даетъ крестьянину извѣстное количество яицъ и шелковичнаго червя. Когда изъ нихъ выйдутъ личинки, крестьянинъ долженъ покупать у владѣльца тутовыя листья для ихъ прокормленія, за условленную въ контрактѣ плату; когда у него будутъ коконы, онъ долженъ будетъ ихъ продать по условленной цѣнѣ владѣльцу. На это дѣло здѣшніе землевладѣльцы болѣе обращаютъ вниманія и заботятся о разведеніи шелковицы. Напротивъ въ земледѣліи они ничего не смыслятъ и думаютъ только о томъ, чтобы ничего не измѣнить въ условіяхъ и вести хозяйство по старому. Часто это бываетъ невыгодно для обѣихъ сторонъ; но крестьянинъ боится, что иначе онъ потеряетъ свой трудъ и капиталъ, а землевладѣлецъ опасается обмана со стороны арендатора. Взаимное недовѣріе, а еще больше боязнь къ нововведеніямъ иногда сильно вре-

дитъ улучшенію сельскаго хозяйства. Приведемъ примѣръ. Въ винодѣліи крестьянину выгодно при наименьшей затратѣ получать какъ можно больше съ своего виноградника, чтобы имѣть возможность не только продавать вино, но и оставлять кое-что для домашняго употребленія. Для этого онъ разводитъ черный, сочный, высокоподнимающійся на деревья виноградъ, для котораго онъ не долженъ покупать никакихъ подпорокъ и который даетъ ему много вина, хотя и плохого качества. Землевладѣлецъ не измѣняетъ этого: онъ боится что при новыхъ порядкахъ, его какъ нибудь обманетъ крестьянинъ, жалѣетъ денегъ на подпорки, къ тому же тогда ему нужно было бы дать особый участокъ земли для винограда, тогда какъ теперь онъ вьется по деревьямъ, окружающимъ поле.

Арендаторъ старается не только всю свою жизнь оставить за собой одинъ и тотъ же участокъ, но чтобъ онъ могъ перейти и къ его дѣтямъ; землевладѣлецъ также не прогонитъ арендатора, если онъ имъ доволенъ. Тѣмъ не менѣе тутъ все зависитъ отъ произвола и каприза владѣльца. Хотя весьма многіе арендаторы въ теченіи всей своей жизни живутъ на одномъ и томъ же участкѣ, тѣмъ не менѣе по своему юридическому положенію, а не рѣдко и по своему образу жизни, крестьянское сословіе въ Италіи состоитъ изъ бродячихъ, годовыхъ арендаторовъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ крестьянинъ не можетъ привязаться къ землѣ, какъ это бываетъ во Франціи и во многихъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ земля его собственность. Если онъ увѣренъ въ своемъ настоящемъ хозяинѣ, то совсѣмъ не знаетъ его будущаго наслѣдника и потому боится затрачивать на землю деньги, такъ какъ никто не поручится ему, что новый землевладѣлецъ не прогонитъ его черезъ нѣсколько лѣтъ, когда улучшеніе и затраты только начнутъ приносить ему плоды. Землевладѣлецъ также мало заботится объ улучшеніи: онъ выросъ въ городѣ, не имѣетъ любви къ хозяйству и получилъ землю въ наслѣдство или купилъ ее, какъ акцію въ вѣрномъ предпріятіи, которая приноситъ ему опредѣленную ренту.

Вслѣдствіе всего сказаннаго положеніе крестьянина арендатора весьма стѣснительно. Въ болѣе счастливомъ положеніи находятся тѣ обладатели маленькихъ участковъ, которые не совершенно отдаютъ свой трудъ землѣ, а когда они въ то же время и какіе нибудь мастера: кузнецы, портные, столяры, плотники. Въ тяжелыя годины, когда случится болѣзнь оливковъ или винограда, что здѣсь бываетъ не рѣдко, этихъ людей прокармливаетъ ихъ ремесло. Нѣсколько лучше положеніе тамъ, гдѣ жирныя пастбища даютъ возможность выдѣлывать сыръ и гдѣ для этого соединяются нѣсколько крестьянскихъ семействъ. Часто выручаетъ также шелковое производство, такъ какъ во многихъ работахъ при этомъ могутъ помогать женщины и дѣти, но вообще итальянскіе крестьяне чрезвычайно бѣдны и живутъ изъ году въ годъ, пропитываясь маисовою полентою и дурнымъ виномъ. Впрочемъ, при своей необыкновенной умѣренности, итальянецъ довольно легко переноситъ многія лишенія.

Не смотря однако на множество неблагопріятныхъ условій, земледѣліе тамъ, гдѣ это позволяютъ обстоятельства, на весьма высокой ступени. Въ долинахъ Ломбардіи разводятъ множество винограда, шелковицы, маиса; тутъ превосходные луга, улучшенные орошеніемъ, удобреніемъ и разумнымъ выборомъ скота. Огородничество въ Тосканѣ и около Лукки, и, наконецъ, садоводство около Неаполя — часто доведены до совершенства. Когда подумаешь о

тяжести податей, о недостаточномъ школьномъ образованіи, а нерѣдко и о совершенномъ его отсутствіи, объ истощающей жарѣ, о вліяніи дурнаго воздуха, о множествѣ праздниковъ, о плохихъ путяхъ сообщенія, наконецъ о томъ, что участокъ, который обработываетъ крестьянинъ не его собственность,— не мало подивишься прилежанію итальянскаго народа. Домики крестьянъ арендаторовъ обыкновенно построены въ два, а иногда и въ три этажа. Въ нижнемъ этажѣ кухня и тутъ же устроенъ хлѣвъ для коровъ и кладовая, въ которой бродитъ вино. Кромѣ того почти у каждаго крестьянина есть еще сарай, пристроенный къ дому,— тутъ онъ чинитъ свои орудія и рубитъ кормъ для скота. Во второмъ и третьемъ этажѣ по двѣ, а иногда и по три комнаты. Въ лучшихъ комнатахъ крестьянинъ воспитываетъ шелковичныхъ червей. У стѣнъ жилыхъ комнатъ — нѣсколько сундуковъ съ имуществомъ, которые въ тоже время служатъ и для сидѣнья; у болѣе зажиточныхъ можно встрѣтить иногда и нѣсколько простыхъ стульевъ и орѣховый комодъ. Кровати безъ занавѣсей, но съ матрацами изъ льняной кудели, покрытыми стеганнымъ одѣяломъ собственной работы. Домикъ крестьянина построенъ въ нѣсколько комнатъ, потому что семейство его обыкновенно чрезвычайно многочисленно. Когда умираетъ глава семейства, то дѣти въ большинствѣ случаевъ остаются жить вмѣстѣ. Одинъ изъ сыновей заступаетъ мѣсто отца и ведетъ хозяйство; если дочери выходятъ замужъ, то молодой мужъ не рѣдко переходитъ изъ своей семьи въ семью жены. Одна изъ женщинъ, и не всегда жена старшаго въ семьѣ, а наиболѣе ловкая, дѣлается хозяйкою дома и такая семейная община беретъ въ аренду много поземельныхъ участковъ. Впрочемъ раздѣлы теперь совершаются все чаще и чаще.

Самая непривлекательная сторона, какъ крестьянина, такъ и всего итальянскаго народа, — его страшная неряшливость. Не говоря уже о его вѣчно засаленной одеждѣ и то что отъ него издали несетъ лукомъ, его голова, костюмъ и тѣло покрыты миріадами вшей. У растворенной двери жилища вы постоянно видите итальянокъ, ищущихъ другъ у друга насѣкомыхъ. Рабочіе и гондольеры бросаются на песокъ набережной и такъ катаются нѣсколько минутъ, чтобы насѣкомыя изъ грязной рваной рубашки перешли въ песокъ. И не дай Богъ путешественнику, не зная этого обстоятельства и подражая итальянцу, растянуться гдѣ нибудь на пескѣ: множество насѣкомыхъ заберется къ нему и послѣ этого ихъ уже очень трудно будетъ изгнать. Но у итальянца гораздо болѣе привлекательныхъ, чѣмъ антипатическихъ чертъ характера. Своимъ умомъ, находчивостью, живостью, своимъ тонкимъ чувствомъ всего прекраснаго,—онъ имѣетъ полное право на уваженіе. И это понятно. Здѣсь человѣкъ чувствуетъ себя болѣе свободнымъ отъ необходимыхъ потребностей, о которыхъ неутомимо долженъ заботиться житель сѣверныхъ странъ. Почти вездѣ земля даетъ въ изобиліи все, что необходимо. Земля южной Италіи одна изъ самыхъ плодородныхъ земель въ мірѣ, гдѣ и самый трудъ далеко не такъ тяжелъ, какъ у насъ на Руси, потому что здѣсь хорошее, теплое время года тянется почти весь годъ. Здѣсь очень часто даже въ декабрѣ и въ январѣ,—мѣсяцы, которые считаются самыми холодными, работаютъ и подрѣзаютъ овощи въ огородахъ, какъ у насъ лѣтомъ. Большій досугъ даетъ возможность болѣе думать и предаваться наслажденіямъ. Итальянецъ очень часто посѣщаетъ театръ, устроиваетъ торжественныя процессіи, забавы. Правда, съ одной стороны это даетъ поводъ къ праздности, къ азартнымъ играмъ, но за то не доводитъ человѣка до тупости многихъ сѣверныхъ

жителей, которая бываетъ слѣдствіемъ подавляющей механической работы. При этомъ языкъ оказываетъ удивительныя услуги: онъ такъ легокъ, удобопонятенъ, что уже ребенокъ очень рано вполнѣ овладѣваетъ имъ. Такъ какъ всѣ потребности удовлетворяются легче, то и отношенія между людьми свободнѣе, связи слабѣе. Родители и дѣти здѣсь легче разлучаются другъ съ другомъ. Съ чувствомъ собственнаго достоинства и безъ всякаго униженія относится простой человѣкъ къ людямъ высшаго сословія. Входя въ кафе, онъ безъ всякаго подобострастія и въ то же время безъ всякой фамильярности садится около лицъ другихъ сословій и совершенно просто разговариваетъ и остритъ съ сосѣдомъ, кто бы онъ ни былъ. Не мало отличаетъ итальянца отъ другихъ народовъ — его умѣренность. По воскреснымъ днямъ вы не найдете здѣсь пьяныхъ, а если такой и встрѣтится въ остеріи, что бываетъ чрезвычайно рѣдко, то сосѣди съ презрѣніемъ отворачиваются отъ него. Та же умѣренность и въ пищѣ: какъ въ будни, такъ и въ воскресные дни и въ то время, когда онъ раздобудетъ нѣсколько лишнихъ байоки, онъ никогда не предается обжорству. Феттучини, т. е. длинныя полосы изъ тѣста, облитыя масломъ, или макарони съ сыромъ, которыя онъ закусываетъ апельсинами, или сырымъ укропомъ и запиваетъ маленькой чашечкой кофе, или стаканомъ вина, разбавленнаго водой, — вотъ все, что онъ позволяетъ себѣ въ болѣе счастливые дни. Его удовольствія также скромны. По воскреснымъ днямъ онъ любитъ играть въ мячь въ тѣнистомъ мѣстѣ, или посмотрѣть на играющихъ, одобрить ловкаго въ игрѣ, поострить надъ неумѣлымъ. Любитъ попѣть въ компаніи, расхаживая по улицамъ, потанцовать съ молодыми дѣвушками, но еще съ большею любовью отдается игрѣ на какомъ нибудь инструментѣ. Эта любовь такъ сильна въ итальянскомъ народѣ, что тѣ, которые не выучились играть, часто берутъ въ руки палку и, подражая игрѣ, до того увлекаются, что лицо ихъ безпрестанно мѣняется, дѣлается то грустнымъ, то необыкновенно веселымъ.

Если есть нѣсколько лишнихъ копѣекъ въ карманѣ, итальянецъ любитъ въ праздничный день проѣхаться два, три раза въ дрянной коляскѣ.

Знатные люди тоже умѣренны въ своихъ наслажденіяхъ. Нѣтъ ничего проще итальянской вечеринки въ знатномъ домѣ: смѣшанное вино, простыя сласти, чашка кофе, мороженное, вотъ все что подается въ теченіе цѣлаго вечера. Самая характерная черта итальянца—это его страсть къ зрѣлищамъ. Всю свою жизнь, какъ мы видѣли, онъ устроиваетъ такъ, чтобы по возможности удовлетворить этому чувству. Страсть къ зрѣлищамъ въ народѣ была сильно развита еще во времена римскихъ императоровъ и эту склонность въ немъ постоянно старались поддерживать его правители. Хотя нѣкоторые изъ императоровъ и увлекались сами зрѣлищами, но на первомъ планѣ у каждаго изъ нихъ были своекорыстныя цѣли, которыхъ они старались достигнуть, заставляя народъ все болѣе и болѣе привязываться къ представленіямъ. Для этого самыя зрѣлища устраивали такъ, чтобы съ каждымъ часомъ все болѣе приковывать вниманіе народа и разжигать его воображеніе и страсти. Въ описаніяхъ этихъ зрѣлищъ просто не знаешь чему болѣе удивляться: баснословной ли роскоши, съ которою ихъ устраивали, или грубой испорченности нравовъ, какая тутъ выказывалась на каждомъ шагу.

Зрѣлища обыкновенно начинались съ разсвѣтомъ и оканчивались съ солнечнымъ закатомъ, и такъ народъ съ утра до .вечера, цѣлыми днями, былъ занятъ ими. До полудня его обыкновенно занимали ристаніемъ колесницъ, звѣриною охотою; но совсѣмъ другой характеръ принимали удовольствія по-

слѣобѣденныя: по большей части онѣ начинались боемъ звѣрей и съ каждою минутою становились все болѣе кровавыми. Вотъ открываютъ двѣ клѣтки: изъ одной выбѣгаетъ на арену бѣшеный слонъ, возбужденный спиртными напитками, изъ другой вырывается носорогъ, раздраженный горячимъ желѣзомъ и грохотомъ трубъ. Начинается бой и носорогъ остается побѣдителемъ. Служители цирка тащатъ съ арены слона съ распоротымъ животомъ, еще трепещущаго и стонущаго. Къ носорогу впускаютъ медвѣдя, и онъ при радостныхъ крикахъ народа опять остается побѣдителемъ. Въ заключеніе этого боя, отворяются всѣ остальныя звѣриныя клѣтки и на арену выпрыгиваютъ множество медвѣдей, львовъ, тигровъ, гіенъ и леопардовъ, происходитъ страшный невыразимый ревъ, который потрясаетъ все зданіе, начинается бой необыкновенно кровожадный и страшный: звѣри, испуская послѣднее дыханіе, дико стонутъ и мечутся; вездѣ кровь течетъ ручьями, всюду валяются откушенныя уши, оторванные куски мяса, вывалившіяся кишки... И эта отвратительная картина все болѣе увлекаетъ римлянъ; у всѣхъ горятъ глаза, всѣ готовы вскочить на арену и сами вступить въ бой съ животными. Въ одно представленіе иногда погибало такимъ оразомъ болѣе восьми сотъ различныхъ животныхъ. Павшихъ животныхъ выбрасывали на улицу и бѣдный народъ съ жадностью бросался на мертвыхъ звѣрей и растаскивалъ всѣхъ безъ разбора себѣ на обѣдъ.

Начинается второй актъ кровавой охоты. Въ одну минуту на арену выпускаютъ сразу множество страусовъ, жирафовъ, зебровъ, оленей, лосей, слоновъ, буйволовъ и крокодиловъ. Къ нимъ выходятъ охотники, обитатели всѣхъ странъ древняго міра, всякій со своимъ оружіемъ, какъ требуетъ обычай его страны и родъ охоты, которою онъ занимается. Черезъ нѣсколько минутъ вся арена покрыта трупами рѣдкихъ звѣрей; ожидающая передъ циркомъ толпа съ дикою радостью и ревомъ бросается на рѣдкую добычу и съ торжествомъ разноситъ ее по домамъ, возбуждая зависть въ тѣхъ, которымъ не посчастливилось въ суматохѣ добыть себѣ лакомый кусокъ. Потоки крови посыпаютъ дорогимъ малахитомъ и начинается новое представленіе. Зрители до сихъ поръ только видѣли бой звѣрей, теперь они устали и имъ нужно еще сильнѣйшее раздраженіе. Вотъ для этого и приготовляли зрѣлища, гдѣ публика могла любоваться боемъ людей съ кровожадными звѣрями; теперь передъ людьми уже потоками потечетъ кровь ихъ собратій.

Бойцами были обыкновенно или преступники, или чѣмъ-нибудь провинившіеся и нарочно присужденные къ такой казни, или наконецъ отчаянные смѣльчаки, которые нанимались за деньги. Но всѣ они непремѣнно задолго передъ тѣмъ, какъ выступить на арену, обучались различнымъ родамъ боя въ особыхъ, устроенныхъ для этой цѣли школахъ. Преступникъ, приговоренный къ битвѣ съ звѣрями, долженъ былъ сражаться, пока погибалъ. Каждый боецъ выбиралъ себѣ буйвола, на котораго онъ нападалъ и потомъ бѣжалъ отъ него. Послѣ этого выступаютъ бойцы противъ львовъ и медвѣдей; тутъ они должны стараться ловко набросить на звѣря полотно и всунуть его въ клѣтку; при этомъ обыкновенно половина бойцовъ валяется на аренѣ, разтерзанная звѣрями. Въ народѣ пробуждается сильнѣйшая жажда крови и распорядители даютъ знакъ открыть послѣдній актъ самой отвратительной, кровавой драмы. Къ этому страшному бою приводятъ сотни плѣнныхъ изъ всѣхъ частей государства; вооруженные ножами и мечами, выходятъ они на арену. Отворяются клѣтки и до двухъ сотъ голодныхъ медвѣдей, болѣе четырехъ сотъ

другихъ звѣрей изъ Африки, львы, тигры и гіенны съ страшнымъ ревомъ и воемъ бросаются на свои жертвы. Въ одну минуту противники встрѣтились и вступили въ бой. Крикъ и ревъ сражающихся, страшные вопли людей, разрываемыхъ звѣрями и стонъ раненныхъ звѣрей заглушаются неистовыми криками народа. Представленія оканчиваются подарками народу. Посреди арены, усыпанной свѣжимъ пескомъ, устраиваютъ небольшой лѣсъ изъ зеленыхъ деревьевъ и привязываютъ къ нимъ множество рѣдкихъ птицъ; кромѣ того изъ всѣхъ дверей цирка выгоняютъ множество свиней, оленей, дикихъ овецъ и много домашней птицы. Затѣмъ на арену пускаютъ народъ: всякій можетъ брать, что ему удастся схватить. Огромное поле арены, недавно еще покрытое трупами и ручьями крови, представляетъ теперь безумную драку людей, которые въ эти минуты совсѣмъ теряютъ человѣческій образъ.

«Хлѣба и зрѣлищъ», кричалъ народъ, и имъ бросали, какъ собакамъ, разныя подачки, а для ихъ потѣхи проливали ручьи крови. Того изъ императоровъ, кто усерднѣе старался удовлетворить этой страсти къ зрѣлищамъ и устроивалъ ихъ съ большею щедростью, народъ обожалъ и прощалъ ему весь его деспотизмъ, всѣ пороки и безумства. И не смотря на совершенный упадокъ нравственности въ народѣ, не смотря на то, что такія зрѣлища страшно обременяли государственную казну, которая на нихъ отпускала баснословно громадныя суммы, императоры всѣми средствами поддерживали эту страсть. Они очень хорошо понимали, что только опьяняющія зрѣлища, могли отвлечь мысль народа отъ его бѣдственнаго, унизительнаго положенія.

Такъ жила итальянская нація въ первыя столѣтія по Р. Х. и очень многое передала въ наслѣдіе своимъ потомкамъ. Страсть къ процессіямъ и всевозможнымъ зрѣлищамъ, къ праздности, къ азартнымъ играмъ, лотореямъ, всѣмъ этимъ, его по всей вѣроятности, надѣлили его предки. Склонность къ праздности повела къ тому, что въ Италіи уже испоконъ вѣка распространились воровство и разбои, противъ которыхъ боролись всѣ правительства, но искоренить ихъ не могутъ еще и до сихъ поръ. Послѣ сумерекъ гулять въ какомъ нибудь глухомъ мѣстѣ и даже въ отдаленныхъ улицахъ Рима далеко не безопасно. Убійства вслѣдствіе вспышки, ссоры, оскорбленнаго самолюбія — бываютъ довольно часто. Но убійства съ корыстною цѣлью чрезвычайно рѣдки. За то далеко не рѣдко обираютъ карманы опоздавшихъ, останавливаютъ на большихъ дорогахъ экипажи и ограбивъ ихъ до-чиста, до смерти пугаютъ при этомъ несчастныхъ ножемъ. Конечно въ самыхъ бѣдныхъ провинціяхъ болѣе всего и распространено разбойничество, но не одна лѣнь и бѣдность дѣлаютъ итальянца разбойникомъ; причины этаго зла чрезвычайно сложны. Итальянскому разбойничеству до послѣдняго времени покровительствовали разные честолюбцы, которые пользовались разбойничьими шайками, чтобы бороться съ своими врагами и вѣрнѣе достигнуть своихъ замысловъ. Его поддерживали кромѣ разныхъ партій и бѣдности, отвращеніе къ земледѣлію, суевѣріе, распространяемое католическимъ духовенствомъ подъ видомъ религіи, романтическій, рыцарскій духъ народа, донынѣ питаемый театральными представленіями и наконецъ недостатокъ образованія. Еще и теперь въ большей части народа разбойничество не считается постыднымъ ремесломъ и очень часто служитъ средствомъ понравиться молодой дѣвушкѣ. Многія невѣсты съ гордостью разсказываютъ своимъ подругамъ, что ихъ будущіе мужья провели нѣсколько ночей съ разбойниками въ горахъ, что они были въ такихъ-то и другихъ передѣлкахъ и обо всемъ этомъ сообщаютъ, какъ о чемъ-то заслуживающемъ ве-

личайшей похвалы. И нынѣшнее правительство тратитъ много средствъ для уничтоженія разбойничества. Но можно смѣло сказать, что все будетъ безуспѣшно, пока народъ останется въ невѣжествѣ и пока не улучшатъ его матеріальнаго положенія.

Положеніе народа до самаго послѣдняго времени было весьма печально: духовенство, которое имѣло отромное вліяніе на управленіе страной, захватило въ свои руки громадныя земли и другіе источники богатства, которые по праву принадлежали народу и взамѣнъ этого оно бросало ему подачки въ видѣ даровыхъ обѣдовъ при церквахъ и монастыряхъ. Наконецъ вспомнимъ, сколько пострадала эта страна отъ раздробленности государства, (въ единое итальянское королевство ея части соединились только въ послѣднее время), отъ грубости и насилія иностранныхъ солдатъ, которые одни за другими ее занимали.

Точно также и народное образованіе было въ рукахъ духовенства. Въ неаполитанскомъ королевствѣ главными распорядителями народнаго обученія и наставниками были почти исключительно духовные сановники, или лица, принадлежавшія какой нибудь религіозной конгрегаціи. Университетскій совѣтъ состоялъ изъ монаховъ и монашескіе ордена доставляли почти всѣхъ учителей въ элементарныя школы. Среднія учебныя заведенія были въ рукахъ іезуитовъ. Въ Пармѣ владѣтельная герцогиня предоставила все начальное обученіе монахамъ, а среднее и высшее – іезуитамъ. Въ Моденѣ всѣмъ народнымъ образованіемъ заправляла одна духовная конгрегація. Такимъ образомъ во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, присоединенныхъ къ Пьемонту, правительство страны застало народное образованіе въ полномъ завѣдываніи духовенства. Вмѣсто развитія католическое духовенство заставляло въ школахъ зубрить одинъ катехизисъ и догматы вѣры, больше всего обращая вниманія на исполненіе обрядовъ и одной сценической стороны религіи, повсюду распространяя суевѣріе и шпіонство. Замѣчательно, что тѣ школы, которыя дольше другихъ оставались подъ вліяніемъ духовенства, были въ то же время и наиболѣе неразвитыми и невѣжественными. По отчету за 1865 годъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, гдѣ духовенство было полнымъ хозяиномъ народнаго образованія болѣе 50-ти лѣтъ, не нашлось и одного грамотнаго на 10 человѣкъ. Въ прочихъ провинціяхъ: въ Калабріи, въ Сициліи число неграмотныхъ было 900 на 1000.

Послѣ освобожденія Италіи и даже въ настоящее время идетъ страшнѣйшая борьба между клерикальною партіею и приверженцами новаго порядка, которые стоятъ за то, чтобы воспитаніе юношества вырвать изъ ея рукъ. Борьба эта далеко не легка. Обѣщаніями наградъ и выгодныхъ мѣстъ, угрозами ада, низкимъ обманомъ и іезуитскимъ вліяніемъ на молодежь католическое духовенство, во время своего долгаго господства въ странѣ, создало себѣ огромную партію приверженцевъ. Особенно энергическія мѣры употребляло итальянское правительство для того, чтобы изъять изъ завѣдыванія духовенства женскія учебныя заведенія. Здѣсь, какъ и вездѣ, мать первая руководительница дѣтей, и женщины находились всегда болѣе мужчинъ подъ исключительнымъ вліяніемъ безнравственнаго духовенства. Теперь, когда духовенство въ странѣ стало терять свое значеніе, и участіе его въ дѣлѣ первоначальнаго обученія постоянно уменьшается, число школъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число грамотныхъ, сильно увеличилось за послѣднія шесть, семь лѣтъ.

ИСПАНІЯ.

Черезъ Баскскія провинціи, по старой Кастиліи въ Мадридъ. — Баски и ихъ отношеніе къ Испаніи.—Природа Баскскихъ провинцій.—Басконка.—Басконецъ.— Ихъ понятія и горячая любовь къ родинѣ. — Старая Кастилія и тяжелое впечатлѣніе, какое она производитъ. — Почему испанцы плохіе земледѣльцы.

Проѣзжая по Баскскимъ провинціямъ, путешественникъ почти вездѣ наслаждается восхитительнымъ пейзажемъ: онъ могъ бы иной разъ подумать, что находится въ Швейцаріи, если бы вмѣсто шале ему не попадались маленькіе, низенькіе домики, чисто выбѣленные известкою, съ кровлею изъ красной черепицы.

Видъ горъ чрезвычайно разнообразенъ: одна цѣпь поднимается за другою и самыя отдаленныя теряются вдали, подернутыя туманомъ. За исключеніемъ скалистыхъ мѣстностей, растительность чрезвычайно богатая. Большая часть горъ покрыта густыми лѣсами, между которыми чаще всего встрѣчаются могучіе дубы двухъ видовъ: такъ называемый каменный дубъ и пробковый съ громадными стволами. Въ менѣе возвышенныхъ мѣстахъ склоны горъ покрыты плодовыми деревьями, особенно орѣшникомъ, каштановыми и яблочными деревьями, безпрестанно мелькаютъ альпійскія розы; даже крутые хребты увѣнчаны рощами. Тамъ и сямъ, совсѣмъ на верху, мелькаютъ хижины пастуховъ и разстилаются плодородныя поля маиса. Всюду превосходныя пастбища. Эту богатую растительность еще болѣе оживляютъ огромныя стада барановъ и козъ. Чу! Что это? Какой странный звукъ! не то это плачь дѣтей; не то кошачій концертъ, или рѣзкій скрипъ зубцовъ пилы о твердый камень... Но вотъ показывается самаго первобытнаго вида телѣга и все тотчасъ объясняется. Она запряжена быками и сплошныя колеса безъ спицъ совсѣмъ не смазаны. Баскскимъ крестьянамъ очень нравится скрипъ ихъ телѣгъ, а въ торжественныхъ случаяхъ онъ считается даже необходимымъ. Любовь жителей къ этой оригинальной музыкѣ такъ сильна, что вы ее часто услышите даже и въ тѣхъ мѣстечкахъ баскскихъ провинцій, гдѣ алькады (мѣстныя власти) грозятъ штрафами любителямъ этихъ дикихъ звуковъ. По дорогѣ безпрестанно встрѣчаешь кого нибудь: то съ горы спускается старуха, нагрузивъ себѣ на плечи огромную связку дровъ, что не мѣшаетъ ей идти весьма проворно; то

молодую дѣвушку съ стройнымъ станомъ и черными глазами. Она несетъ на головѣ сосудъ съ молокомъ, не придерживая его руками. Если она несетъ не молоко, то какую нибудь другую тяжелую ношу, какую у насъ рѣшится тащить развѣ здоровый парень, а она, точно не чувствуя никакой тяжести, бѣжитъ какъ лань по самой крутой тропинкѣ. Если она идетъ потише, то непремѣнно напѣваетъ пѣсенку и въ то же время вяжетъ десятицвѣтный нагрудникъ, которымъ она украситъ грудь брата, или старика отца. Мужчины перевозятъ разные припасы въ двойныхъ корзинахъ, изъ которыхъ одна расположена по одну, другая по другую сторону мула и въ которыхъ, въ случаѣ нужды, могутъ помѣститься два человѣка.

Страна очень населена и чрезвычайно плодородна, хотя и требуетъ удобренія: она обработана превосходно и съ большимъ трудолюбіемъ. Сѣютъ много ячменя, маиса, овса, всевозможныхъ овощей, пеньки и льну; разводятъ и картофель. Пшеничный хлѣбъ крестьянинъ ѣстъ только по праздникамъ и воскресеньямъ. Изъ маиса и ячменя, или одного маиса дѣлаютъ очень питательный хлѣбъ. Главную пищу составляютъ: молоко, сыръ, бобы и горохъ. Обычный напитокъ ихъ *сидръ* (приготовляемый изъ яблочнаго сока) и только въ одной изъ трехъ баскскихъ провинцій можно найти довольно пріятное вино.

Женщины, не менѣе мужчинъ сильныя и дѣятельныя, занимаются тѣми же работами. Здѣшняя 14-ти лѣтняя дѣвочка выглядываетъ совершенно взрослой дѣвицей; однако замужъ онѣ выходятъ не раньше какъ въ 20 и 22 года и между ними рѣдко увидишь болѣзненную и хилую женщину. Обыкновенно крестьянки и служанки ходятъ босикомъ, исключая воскресенья, но мало мальски зажиточная женщина носитъ башмаки всю недѣлю. Волосы старательно расчесаны, заплетены въ двѣ косы и падаютъ на плечи. Голова обыкновенно повязана бѣлымъ платкомъ, концы котораго падаютъ назадъ. Гибкую, стройную талію дѣвушки ловко обхватываетъ корсажъ (шерстяной или шелковый, смотря по времени года), одѣтый поверхъ широкой, но короткой юбочки. По воскресеньямъ эта юбка, какъ и рубашка, бѣлая, выложенная розовой или голубой тесемкой. Костюмъ мужчинъ такъ же не затѣйливъ: они носятъ плоскія шапки, нагрудникъ алаго, или какого нибудь другого яркаго цвѣта, поверхъ иногда набрасываютъ широкую и короткую накидку, и всегда непремѣнно въ длинныхъ панталонахъ, — вотъ и весь костюмъ басконца. Волосы его обрѣзаны довольно коротко, тогда какъ прежде басконцы носили длинные волосы, считая это признакомъ свободнаго человѣка. Басконецъ ведетъ жизнь чрезвычайно дѣятельную; но въ часы отдыха онъ умѣетъ повеселиться и Кантабрскія горы часто оглашаются звуками его мелодическихъ пѣсенъ, нерѣдко тутъ же имъ импровизированныхъ. Народныя увеселенія составляютъ бои молодыхъ быковъ, игра въ мячъ и кегли, танцы. Танцуютъ то подъ звуки флейты съ акомпаниментомъ бубенъ, то подъ гитару и кастаньеты, или просто подъ пѣніе зрителей, при чемъ танцоры выбиваютъ тактъ ногами и прищелкиваютъ пальцами.

Въ жителяхъ этихъ маленькихъ провинцій много особеннаго. У рѣдкаго домика вы не найдете у нихъ огромнаго герба при входной двери; они очень тщеславятся своимъ происхожденіемъ и мало кто изъ нихъ не считаетъ себя дворяниномъ самой чистой крови. Говорятъ они на особомъ языкѣ, который совсѣмъ не похожъ на испанскій. Баски отличаются храбростью, веселымъ нравомъ и страстною, горячею любовью къ родинѣ. Родиной же своей они считаютъ не всю Испанію, а только свои провинціи. Хотя Баски и под-

данные испанскаго правительства, но съ давнихъ временъ они привыкли жить совершенно самостоятельно. Когда вся Испанія признавала Карла V своимъ королемъ, они одни только сохранили своею прежнюю независимость. Они сами выбирали изъ своей среды начальниковъ для управленія своими провинціями, назначали налоги, распредѣляли общественные расходы, содержали войска. Испанскій король не вмѣшивался въ ихъ дѣла. Правда, онъ посылалъ туда своихъ губернаторовъ, но вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, что они присутствовали на народныхъ собраніяхъ басковъ и наблюдали, чтобы во время ихъ не было сказано или сдѣлано чего нибудь несогласнаго съ достоинствомъ Испанской королевской власти. Во время войны всѣ баски, способные носить оружіе, вступали въ войска Испанскаго короля, но и тутъ изъ нихъ обыкновенно составлялся отдѣльный вспомогательный отрядъ. Однако Испанія нѣсколько разъ дѣлала попытки лишить эти сѣверныя провинціи ихъ самостоятельности и въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣйствительно отняла у нихъ многія права и преимущества (фуэросы, какъ они ихъ называютъ). Однако баски и до сихъ поръ сохранили нѣкоторые изъ своихъ фуэросовъ; они еще и теперь имѣютъ свое собственное судопроизводство, сами выбираютъ своихъ чиновниковъ и т. п.

Своею горячею любовью къ родинѣ, къ своимъ фуэросамъ и своею первобытною наивностью, баски скорѣе напоминаютъ уже вымершія національности, чѣмъ европейцевъ. Они дичатся, когда завидятъ въ своей странѣ иностранца, а если онъ съумѣетъ заставить ихъ разговориться, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, баски необыкновенно наивно высказываютъ свое удивленіе, что онъ пришелъ къ нимъ, въ ихъ горы, которыя самою природою такъ созданы, что чужіе люди не могутъ проникать къ нимъ. Напомните ему объ Испанскомъ правительствѣ, онъ посмотритъ на васъ съ сожалѣніемъ, какъ на человѣка, который не понимаетъ какъ слѣдуетъ, даже и этого вопроса, столь важнаго, по его мнѣнію, для каждаго смертнаго. «Что же намъ испанскій король? синьоръ—и больше ничего... Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ наша страна» — горячится онъ все болѣе и болѣе, — «ко всѣмъ королямъ въ мірѣ мы относились какъ равный къ равному и ни одна страна на землѣ не пользовалась такими фуэросами, какъ наша родина... Мы отъ вѣка никому не давали заложниковъ; не платили даней и податей. Вы люди не свободные, вы не понимаете какая наша страна! Наша страна самая лучшая, самая свободная и мы любимые и старшіе дѣти міра!» Баски, не смотря на свои первобытныя понятія, все-таки помнятъ, что они пользовались прежде бо́льшими правами, но они любятъ хвастнуть передъ иностранцемъ, не разумѣя въ своемъ невѣденіи, что каждому образованному человѣку извѣстна и ихъ прошлая исторія и ихъ теперешнія отношенія къ Испаніи.

Какъ трудно, говоря о баскахъ, не упомянуть о ихъ фуэросахъ, для защиты которыхъ каждый изъ нихъ всегда готовъ на самый опасный подвигъ, такъ не возможно умолчать о ихъ дубѣ *Гернике*, который обыкновенно называютъ зеленѣющимъ капитоліемъ басковъ. Въ уединенной долинѣ, близь деревенской церкви, на берегу ручья, бѣгущаго въ Баскскій заливъ, стоитъ старый дубъ *Гернике*, — въ высшей степени древнее дерево. Что бы ни сталъ разсказывать баскенецъ своимъ дѣтямъ о подвигахъ предковъ, о прошедшихъ временахъ, онъ непремѣнно прибавитъ, что все это происходило близь дуба *Гернике*. Всѣ баски съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ подходятъ къ этому дубу, учатъ тому же дѣтей и вѣтви его непремѣнно украшаютъ лучшій уголъ

комнаты каждаго изъ нихъ. Вотъ съ какимъ благоговѣніемъ говорилъ баскъ одному путешественнику о своемъ дубѣ.

«Наши гербы не моложе королевскихъ, но у насъ еще не было гербовъ, а старые люди уже совѣщались подъ дубомъ *Гернике* о народныхъ дѣлахъ. Короли сперва Леонскіе, Аррагонскіе, потомъ короли всей Испаніи, приходили подъ его вѣтви, поднимали къ небу руки и клялись сохранить фуэросы Басковъ. Отъ вѣка Баски не были въ зависимости и не нуждались въ чужомъ хлѣбѣ, потому что о независимости и о хлѣбѣ молятся подъ дубомъ *Гернике*. Нечистая сила бѣжитъ отъ шума его листьевъ, и *ничего рабскаго* не снится уснувшему подъ нимъ, потому что это дерево нашихъ фуэросовъ, нашей чести и нашей молитвы».

Въ странѣ Басковъ вы постоянно слышите страшный шумъ водопадовъ, крики орловъ, а въ горахъ мѣрный стукъ молотовъ, поднимаемыхъ водою и бьющихъ о наковальни. И такъ повсюду. Это показываетъ, что Баски отличные кузнецы, въ высшей степени дѣятельный народъ. Ихъ суевѣрія и пылкость тоже будутъ вамъ понятны, когда вы проведете нѣсколько времени въ этой прелестной, но отчасти дикой странѣ. При необыкновенной дѣятельности народа, при достаточно самостоятельномъ правленіи, торговля и промышленность процвѣтаютъ, — почти вся страна превосходно обработана. Хотя провинціи эти и плотно населены, но вы очень рѣдко встрѣтите здѣсь нищаго: превосходные желѣзные рудники и множество плавильныхъ заводовъ доставляютъ работу большому числу жителей, а хорошія гавани даютъ возможность дѣятельно вести торговлю.

Картины природы и мѣстные нравы совсѣмъ мѣняются, какъ только вы вступаете въ Старую Кастилію. Трудно себѣ представить мѣстность болѣе унылую! Передъ вашими глазами постоянно разстилается однообразная пустыня, и ни одного дерева по всѣмъ этимъ бѣднымъ полямъ! Причина такой пустынности и бѣдности — неумѣнье хорошо обработывать землю и масса предразсудковъ. Между прочимъ Кастильцы вѣрятъ въ то, что деревья привлекаютъ птицъ, которыя клюютъ рожь, слѣдовательно деревья губятъ поля.

Предразсудки и суевѣрія характерная не только черта Кастильцевъ, но и всего Испанскаго народа. Бытъ народа, его понятія и вѣрованія всегда находятся въ тѣсной связи какъ съ прошлою его жизнію, такъ и съ окружающей его природой.

Ужасный голодъ, страшныя эпидеміи, которыя такъ часто свирѣпствовали въ Испаніи во время цѣлаго ряда деспотическаго и дурнаго управленія страной, наконецъ, землетрясенія и множество вредныхъ климатическихъ условій, — все это мало по малу развивало ложныя понятія о явленіяхъ природы, наводило безотчетный страхъ на невѣжественнаго испанца, объ образованіи котораго стали заботиться только теперь.

Повсемѣстная жара и засуха, рѣдкіе дожди и при этомъ необыкновенно плохое орошеніе страны мѣшаютъ плодородію. Въ большей части Испаніи дни бываютъ до того томительно жаркіе, что ни одинъ земледѣлецъ не можетъ долго работать и въ продолженіи дня долженъ нѣсколько разъ прерывать свои занятія; а такіе частые перерывы пріучаютъ народъ къ непостоянству въ трудѣ. Испанцы плохіе земледѣльцы также и потому, что въ нихъ съ давно прошедшаго времени укоренилась страсть къ бродячей жизни пастуха. Еще въ то время, когда испанцы вели ожесточенныя войны съ своими мусульманскими завоевателями, имъ казалось гораздо удобнѣе на случай войны или не-

жданнаго нападенія враговъ имѣть подвижную собственность, которую бы они могли скрывать, гдѣ случится.

Вотъ почему еще изстари они предпочитали свои стада произведеніямъ земли, и дѣлались охотнѣе пастухами, нежели земледѣльцами. Все это, разумѣется, увеличивало опасности жизни, развило суевѣріе и усиливало любовь къ приключеніямъ. Такъ испанецъ и не могъ сдѣлаться хорошимъ земледѣльцемъ.

По Старо-Кастильской дорогѣ и деревни встрѣчаются какъ рѣдкіе оазисы. Вдали по горизонту тянутся скалистыя горы. Среди этой-то унылой природы, обожженой яркими горячими лучами солнца, и выработался испанскій характеръ, медленный и спокойный по наружности, но въ сущности пылкій, горячій и страстный.

Путешествіе на мулахъ.

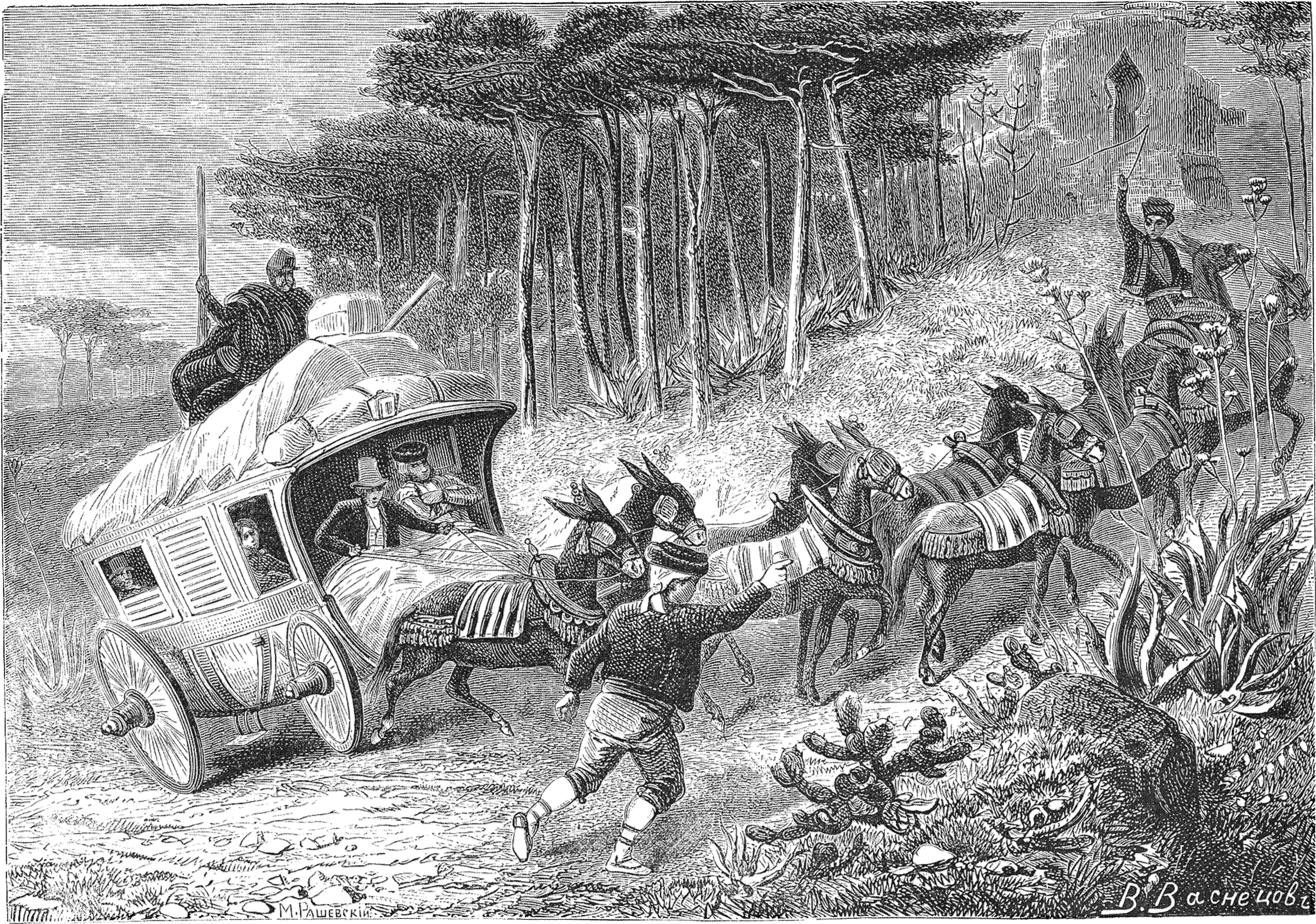
Если путешественнику нѣтъ надобности отправиться въ мѣстность, по которой идетъ желѣзная дорога, первое, что васъ поразитъ, въѣзжая въ Испанію, — это добрый десятокъ, а то и цѣлая дюжина красивыхъ, сильныхъ муловъ, которыхъ впрягутъ вамъ въ дилижансъ; большею частію по Испаніи приходится путешествовать на мулахъ или лошадяхъ въ самыхъ разнообразныхъ экипажахъ, такъ какъ желѣзныхъ дорогъ здѣсь еще мало. Муловъ своихъ испанцы холятъ и любятъ отъ всей души. Вся задняя половина животнаго выбрита, грива въ лентахъ, на головѣ торчитъ большой и высокій букетъ изъ разноцвѣтной шерсти. Испанскій дилижансъ очень оригиналенъ: это что-то въ родѣ тяжелой колымаги; внутри для пассажировъ купе, освѣщенное маленькимъ оконцемъ, которое отъ сильныхъ здѣшнихъ жаровъ завѣшиваютъ шторкой изъ тонкихъ деревянныхъ планочекъ. Муловъ, а иногда и лошадей въ такой дилижансъ впрягаютъ попарно, оставляя между парами порядочное разстояніе. Если смотрѣть на такой поѣздъ сверху, особенно когда онъ огибаетъ гору, кажется, точно извивается огромная змѣя.

И у насъ въ Россіи, зимою, особенно прежде, ѣзжали цугомъ, только съ тою разницею, что у насъ впрягали одну лошадь за другой, а не парами, какъ это дѣлается въ Испаніи.

При дилижансѣ четверо сужащихъ, *майоралъ*, — тоже что нашъ кондукторъ. Его одежда необыкновенно оригинальна: голова повязана цвѣтнымъ фуляровымъ платкомъ, прикрыта сверху андалузскою шляпою съ приподнятыми краями; широкая куртка вся разшита разноцвѣтнымъ снуркомъ. Сзади даже вышитъ огромный горшокъ съ цвѣтами, раскидывающими свои вѣтви по всей спинѣ. Панталоны майораля спущены немного ниже колѣнъ и сдѣланы изъ сукна съ бархатными обшивками, а иногда изъ бараньей кожи; обувь неизбѣжно состоитъ изъ бѣлыхъ башмаковъ.

Майораль сидитъ на козлахъ, а подлѣ него кучеръ: кромѣ ихъ есть еще паренекъ, который чуть не всю дорогу бѣжитъ, то по одну сторону муловъ, то по другую и понукаетъ лошадей. Его называютъ *загаломъ*. И наконецъ четвертый ѣдетъ верхомъ, впереди.

Верхъ дилижанса нагружаютъ багажемъ и нѣсколькими ружьями и тутъ же садятся двое солдатъ, чтобы отстрѣливаться отъ разбойниковъ, которые по большимъ дорогамъ очень часто нападаютъ на проѣзжающихъ. Когда пасса-


М. Рашевскій
В. Васнецовъ

жиры усѣлись и все уже готово, чтобы тронуться въ путь, одинъ изъ служащихъ, обыкновенно юноша лѣтъ 17-ти, надѣваетъ свою шапку изъ мерлушки, что придаетъ его загорѣлому отъ солнца лицу видъ самый дикій, и садится верхомъ на одного изъ муловъ, который идетъ впереди всѣхъ, въ первой парѣ. «А вотъ и осужденный на смерть», говорятъ обыкновенно пассажиры, завидѣвши юношу, и дѣйствительно обязанности этихъ верховыхъ необыкновенно тяжелы. Подъ прямыми лучами палящаго солнца ему приходится иногда сидѣть такимъ образомъ 30 и болѣе часовъ кряду. «А отчего бы имъ не смѣнять другъ друга?» спросите вы у испанца. «Вѣдь отъ этого нисколько не пострадало бы самое дѣло?» Вмѣсто прямаго отвѣта на вашъ вопросъ испанецъ съ жаромъ заговоритъ о томъ, что ни одна нація въ мірѣ не отличается такою физическою силою и ловкостью... «Вы это замѣтите всюду и въ нашихъ торрерахъ (бойцы съ быками) и въ лицѣ этого всадника!..»

Но вотъ майораль даетъ знакъ тронуться съ мѣста, тогда *загалъ* начинаетъ суетиться около муловъ и осыпаетъ ихъ градомъ ударовъ кнутомъ и палкою. Съ минуту мулы кидаются то вправо, то влѣво, лягаютъ, тяжелый дилижансъ колеблется, но наконецъ тронулся и покатилъ. Мулы развѣ только на крутую гору идутъ шагомъ, а то все больше рысью, или вскачь. Но вотъ они пошли нѣсколько медленнѣе, загалъ бросается къ нимъ, погоняетъ ихъ, бранитъ, зоветъ по кличкамъ и каждый мулъ отзывается на свою кличку движеніемъ ушей. Но если и это не дѣйствуетъ, загалъ выходитъ изъ себя и безпощадно надѣляетъ то одного, то другаго палочными ударами; когда и это не придаетъ имъ надолго бодрости, онъ забѣгаетъ впередъ экипажа, набираетъ по дорогѣ камушки и ловко бросаетъ ихъ одинъ за однимъ въ уши лѣнивыхъ животныхъ. Эта мѣра оказывается самою дѣйствительною, такъ какъ мулы начинаютъ тотчасъ бѣжать гораздо живѣе прежняго.

МАДРИТЪ.

Окрестности испанской столицы. — Ея убійственный климатъ. — Какую важную роль въ жизни испанца играетъ Пуэрта-дель-Соль. — Одежда. — Эскуріалъ. — Прадо. — Мадриліанки.

Подъѣзжать къ Мадриту приходится по пустыннымъ равнинамъ, обожженнымъ солнцемъ. Едва насчитаешь нѣсколько деревьевъ, одиноко стоящихъ среди виноградниковъ и хлѣбныхъ полей... Кругомъ пусто и бѣдно, и только синяя полоса подоблачныхъ горъ на минуту нѣсколько разгоняетъ тоску, которую наводитъ на васъ эта жалкая однообразная природа. Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Мадриту, тѣмъ чаще тамъ и сямъ показываются деревушки, раскрашенныя самыми фантастическими цвѣтами: свѣтло-зеленымъ, розовымъ, голубымъ. Впрочемъ дома эти не всегда выстроены изъ брусьевъ, но очень часто и изъ кирпича. Неизбѣжная принадлежность каждаго дома — балконы и всевозможныя украшенія надъ окнами. Когда встрѣчаешь пять шесть домиковъ кряду, между ними тотчасъ замѣтишь острый шпицъ невысокой четырехъ-угольной колокольни. Лѣтомъ окрестности Мадрита еще печальнѣе. Рѣка Мансанаресъ, которая тутъ протекаетъ, высыхаетъ еще весною, и лѣтомъ отъ нея остается одинъ только ручей; палящее солнце и сухая песчаная почва истре-

бляютъ всякую растительность. Трудно сказать, недостатокъ ли растительности дѣлаетъ климатъ Испанской столицы убійственнымъ, или ея возвышенное положеніе (Мадритъ возвышается приблизительно на 600 метровъ (*) надъ уровнемъ моря), можетъ быть пронзительные вѣтры Гвадаррамы (горы, отдѣляющіе Новую Кастилію отъ Старой) тому причиной, — а можетъ быть всѣ эти причины вмѣстѣ дѣлаютъ воздухъ Мадрита необыкновенно вреднымъ даже для самаго здороваго человѣка. Отъ ледянаго вѣтра, о которомъ мы только что упомянули, или какъ его называютъ *дуновенія* Гвадаррамы, воздухъ во всей Новой Кастиліи до самыхъ Толедскихъ горъ, а мѣстами даже и до Сіерры-Морены, часто становится чрезвычайно рѣзкимъ. Это особенно чувствительно и гибельно, когда въ ясный день васъ печетъ до изнеможенія раскаленное испанское солнце, —тогда эта струя ледянаго воздуха, точно тысячью вонзающихся острыхъ иголокъ, колетъ грудь и ваше пересохшее горло. Чтобы защитить себя отъ этого, жители Мадрита иначе не выходятъ изъ дому, какъ закутавъ свое лице до самыхъ глазъ какимъ нибудь широкимъ шарфомъ. Самая убійственная изъ болѣзней, господствующихъ здѣсь эпидемически,—пораженіе легкихъ. Когда кто-нибудь схватываетъ здѣсь эту болѣзнь, она развивается такъ быстро, что иногда часовъ въ шесть, семь губитъ человѣка. Съ наступленіемъ зимы, какъ мѣстные жители, такъ и иностранцы мрутъ здѣсь, какъ мухи. Этому помогаетъ еще сухая атмосфера и бездождіе. Сырость, дождь или выпадающій снѣгъ встрѣчаютъ здѣсь съ необыкновенною радостью, — но къ сожалѣнію такіе дни бываютъ очень рѣдки.

Съ чего начать, описывая Мадритъ, какъ не съ *Пуэрта-дель-Соль*—центра города, этого самаго лушаго и всѣмъ извѣстнаго мѣста; бѣднякъ испанецъ, если и не видѣлъ его, то ужъ, конечно, отлично знаетъ по слухамъ и всѣмъ сердцемъ стремится побывать тутъ. Пуэрта-дель-Соль не очень большая и не со всѣмъ правильной формы площадь, обстроенная самыми обыкновенными городскими домами. На этой площади сходятся всѣ главныя улицы Мадрита. Тутъ вы увидите лучшіе магазины, цирюльни, лучшія гостинницы и кофейни. Жаркій, удушливый зной заставляетъ испанца безпрестанно искать на улицѣ или въ кофейнѣ чѣмъ бы прохладиться. Поэтому кофеень здѣсь множество и онѣ славятся своими замороженными питьями изъ лимона, апельсина, земляники и сладкаго миндаля. Но самое любимое питье испанца это agraz—изъ неспѣлаго винограда. Всѣ эти прохладительные напитки приготовлены чрезвычайно вкусно и удивительно ароматичны. Среди площади, украшенной статуею Венеры, находится просторный бассейнъ: изъ него бьетъ высокая струя воды, а подлѣ стоитъ огромный канделябръ съ многочисленными огнями, фантастически освѣщающій всю площадь.

Тутъ съ утра до поздняго вечера толпится масса всякаго народа, потому что каждый испанецъ, вышедшій изъ дому погулять, или за какимъ-нибудь дѣломъ, непремѣнно зайдетъ сюда поболтать или послушать споры, толки и новости. Если въ обществѣ подготовляется какое-нибудь волненіе, начинаются раздоры различныхъ партій столь обыкновенныя въ Испаніи, что безъ нихъ совсѣмъ невозможно представить эту страну,—все это начинается съ Пуэрта-дель-Соль, и всѣ послѣднія новости о политическихъ движеніяхъ испанецъ непремѣнно узнаетъ здѣсь, на этой площади.

Политика здѣсь постоянное занятіе: въ обществѣ вѣчная тревога, смуты,

---

(*) Метръ $1^1/_2$ аршина.

раздоры партій, изъ которыхъ однѣ желаютъ учредить республику, другія монархію.... И вотъ всѣ эти партіи сходятся сюда, волнуются, ссорятся, враждуютъ между собою не на жизнь, а на смерть. Всѣ они, и знатные, и бѣдняки здѣсь, какъ и вездѣ, стоятъ съ серьезнымъ чувствомъ собственнаго достоинства, съ необыкновеннымъ изяществомъ въ манерахъ, чѣмъ они прежде всего отличаются отъ всѣхъ остальныхъ народовъ Европы. Если вы встрѣтите Испанца на улицѣ, вы непремѣнно увидите его въ плащѣ. Широкій плащъ и зиму, и лѣто составляетъ здѣсь необходимую принадлежность одежды; только самые высшіе сановники и чиновники носятъ европейскій костюмъ. «la capa» (такъ называютъ испанцы свой плащъ), говоритъ Испанецъ, «предохраняетъ меня зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ жара и солнца», и вслѣдствіе этого испанецъ никогда съ нимъ не разстается. Безъ плаща испанецъ считаетъ неприличнымъ войти въ какое-нибудь собраніе, идти въ процессіи, присутствовать на свадьбѣ, однимъ словомъ, капа въ полномъ смыслѣ національный мундиръ Испанца. Такъ какъ этотъ плащъ закрываетъ всю остальную одежду, то испанецъ и не особенно заботится о томъ, что у него одѣто подъ нимъ.

Испанцы то и дѣло выставляютъ свои руки изъ плаща, вертятъ маленькую папироску и за тѣмъ съ утонченною вѣжливостью обращаются обыкновенно къ сосѣду, кто бы онъ ни былъ, просятъ у него огня и закуриваютъ свою папиросу. Эта простота отношеній, скажу больше, тонкое чувство приличія и изящная вѣжливость, чуждая всякой приторности, царствуетъ безъ исключенія между всѣми классами народа. Испанская аристократія не считаетъ для себя унизительнымъ мѣшаться съ толпою. Туриста прежде всего поражаетъ въ нравахъ испанцевъ то, что они на собраніяхъ и на улицѣ, не обращая вниманія на костюмъ и на общественное положеніе своего сосѣда, совершенно свободно заговариваютъ съ нимъ, а иногда и очень горячо спорятъ по поводу того или другого политическаго движенія.

Пуэрта-дель-Соль соединяется съ дворцовою частью города довольно широкою улицею; на ней, противъ зданія Итальянской оперы, примыкая къ огромной кирпичной казармѣ, стоитъ невзрачный дворецъ. За нимъ тотчасъ же течетъ Мансанаресъ, который такъ часто имѣетъ видъ самаго ничтожнаго ручейка. Къ нему спускаются прачки со связкою бѣлья на головѣ; онѣ вырываютъ ямы въ песчаномъ руслѣ Мансанареса и тутъ полощутъ свое бѣлье. А дальше небольшое поле, закрытое отъ дворца рядомъ плохо разросшихся тополей, огороженное высокою, примыкающей въ казармѣ стѣною, которая испещрена пулями: здѣсь послѣ каждаго подавленнаго возстанія разстрѣливали жертвъ. Дальше пустыри Новой Кастиліи, сплошь до Эскуріала, который лежитъ на два часа ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Мадрита. Мѣстность, которую при этомъ приходится проѣзжать, необыкновенно однообразна и пустынна: ни одного дерева, ни одного дома. Одна скала поднимается изъ за другой и между ними перекинуто множество мостиковъ. Здѣсь и тамъ высокія горы, покрытыя снѣгомъ, теряющіяся въ облакахъ, придаютъ странѣ суровый, величественный характеръ. Подъѣзжать къ Эскуріалу нужно черезъ масличную рощу. Въ то время, когда онъ освѣщенъ солнечными лучами, видъ его великолѣпенъ: Эскуріалъ — громадный дворецъ, выложенный кругомъ гранитными плитами. Соборъ, колокольня и четыре угловыхъ башни господствуютъ надъ этимъ громаднымъ гранитнымъ четыреугольникомъ съ массою узкихъ оконъ. Тутъ все напоминаетъ творца Эскуріала, Филиппа II. Но что обозрѣвать это огромное зданіе? оно такъ мрачно и скучно, что вы не встрѣтите въ немъ

ни одной живой души. Гробницы королей наведутъ на васъ еще болѣе грустныя мысли; въ вашемъ воспоминаніи промелькнетъ цѣлый рядъ ничтожныхъ Испанскихъ правителей, или жестокихъ тирановъ, которые столько столѣтій тысячами душили народъ, принимая всякій проблескъ мысли за еретичество, за богохульство, за преступленіе противъ католической вѣры... Нѣтъ, прочь отсюда, въ столицу, и, чтобы разсѣять мрачныя думы, пойдемъ на веселое и оживленное загородное гулянье. *Прадо*—широкое шоссе, по обѣимъ сторонамъ котораго идутъ аллеи каштановъ; но деревья такъ бѣдны, что подъ ними невозможно укрыться отъ солнечнаго жара. Прадо—мѣсто свиданія всего лучшаго общества Мадрита. Тутъ прогуливаются, раскланиваются, представляютъ своихъ друзей, говорятъ, курятъ. Кто желаетъ ограничиться ролью зрителя, тотъ садится на одинъ изъ стульевъ, разставленныхъ вдоль-деревьевъ. Хотя Парижскія моды проникли и къ испанкамъ, но все-таки онѣ до сихъ поръ удержали въ своемъ костюмѣ болѣе національнаго, чѣмъ другія европейскія женщины. Испанки—весьма небольшаго роста, живыя, съ крошечными руками и ногами, съ нѣжными чертами лица, съ густой темно каштановой косою. Одѣваются онѣ обыкновенно въ черное платье; длинная кружевная мантилья накинута на голову и черезъ нея просвѣчиваютъ живыя цвѣты въ волосахъ, которые онѣ такъ любятъ носить. Покрытыя такимъ образомъ своими воздушными мантильями, испанскія женщины при свѣтѣ огней кажутся какими-то фантастическими существами. Какъ у самой бѣдной крестьянки, такъ у дочери и жены гранда вѣеръ рѣшительно никогда не выходитъ изъ рукъ и искуство владѣть имъ дано только испанкамъ. Богатыя женщины имѣютъ иногда до сотни самыхъ разнообразныхъ вѣеровъ и нѣкоторыя изъ нихъ усыпаны даже драгоцѣнными каменьями. На улицѣ, въ театрѣ, въ церкви постоянно слышится шумъ и щелканье отъ складыванія и распусканія вѣеровъ. Ими испанки даже кланяются, посылаютъ другъ другу привѣтствія, дѣлаютъ знаки. Это пристрастіе къ вѣерамъ будетъ понятно, если мы вспомнимъ, что имъ можно освѣжить лицо во время зноя и жара испанскаго лѣта. Прадо представляетъ необыкновенное разнообразіе, повсюду снуетъ множество продавцевъ и продавщицъ, какъ въ самыхъ характерныхъ костюмахъ, свойственныхъ только Испаніи, такъ и въ лохмотьяхъ, которыя встрѣчаются повсюду въ Европѣ. Дѣти и женщины, до хрипоты выкрикивая о каждомъ вышедшемъ нумерѣ, навязчиво суютъ газеты. «Огонь! огонь!» кричатъ продавцы маленькихъ восковыхъ спичекъ, единственныхъ, употребляющихся въ Испаніи. «Редисъ!»—«Орѣхи свѣжіе, какъ молоко!»—«Индѣйка, откормленная самымъ лучшимъ ячменемъ!»—«Чудная, прелестная гвоздика!»

Такъ искушаютъ васъ попеременно то букетчица, то продавецъ живности, то зеленьщикъ. «Самые горячіе каштаны!» стараются перекричать своихъ собратій продавщицы каштановъ. Но разнощики воды, аквадоры, какъ ихъ тамъ называютъ, своими пронзительными, ежеминутно повторяющимися возгласами покрываютъ всѣ остальные крики. Аквадоры носятъ воду на спинѣ въ небольшой бочкѣ, украшенной листьями, другіе предпочитаютъ держать ее въ длинныхъ кувшинахъ и въ такихъ случаяхъ въ другой рукѣ они несутъ низенькій жестяной столикъ, на который ставятъ стаканы для питья. «Вода!» кричатъ они, «свѣжая, какъ снѣгъ, чистая какъ хрусталь, здоровая вода!» «Моя вода только что изъ фонтана!» перебиваетъ его другой аквадоръ, въ полной увѣренности, что отдадутъ предпочтеніе его холодной свѣжей водѣ. Фонтановъ въ Мадридѣ хотя много, но всѣ они очень бѣдны водою. Множе-

ство водоносовъ сидятъ обыкновенно вокругъ этихъ фонтановъ съ своими бочонками и жестяными трубами, которыми проводятъ въ нихъ бѣдныя водяныя струи. Хотя всѣ эти мраморные дельфины фонтановъ какъ будто говорятъ, что они выбросятъ воду широкими струями, но вода въ нихъ сочится очень медленно; несмотря на это, очередь между собою аквароды наблюдаютъ свято и у фонтановъ никогда не бываетъ никакихъ ссоръ. При постоянныхъ девятимѣсячныхъ жарахъ Мадрита, при жгучихъ лучахъ солнца, расходъ на воду долженъ быть огромный; а при недостаткѣ ея — она дорога, небольшой кувшинъ воды стоитъ 10 к.

Тутъ же, во время гулянья, вы встрѣтите и продавцевъ веревокъ изъ *бобровника* (водяное растеніе) для увязыванія тяжестей. Здѣсь же на Прадо вамъ безпрестанно предлагаютъ услуги выводчики пятенъ, мѣдники и т. под.

Жизнь въ Мадритѣ начинается только вечеромъ, потому что днемъ всѣ сидятъ дома отъ жары и только къ вечеру все населеніе высыпаетъ на улицу. Во всемъ остальномъ Мадритъ не имѣетъ ничего характернаго ни въ нравахъ, ни въ обычаяхъ. Это городъ населенія наѣзжаго. Каждая испанская провинція приноситъ сюда свой костюмъ, свой характеръ, свои обычаи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только пройти вечеромъ по тремъ, четыремъ улицамъ и вы непремѣнно увидите всѣ особенности въ костюмѣ и въ чертахъ лица жителей разныхъ испанскихъ провинцій. Вотъ идетъ валенціянецъ, одѣтый въ голубую бархатную куртку, широкіе, бѣлые до колѣна шаровары; на ногахъ сандаліи, плащомъ ему служитъ кусокъ пестро-полосатой шерстяной ткани. Но валенціянца вы отличите въ толпѣ не только по его одеждѣ, но и его бронзовое лицо и какой-то дикій огонь въ глазахъ непремѣнно поразятъ васъ. Подлѣ него дочка, которая представляетъ собою типъ, общій всѣмъ валенціянкамъ: высокая дѣвушка съ голыми руками и тонкою таліею. Вокругъ ея бѣлоснѣжной шеи въ четыре ряда обвилось ожерелье изъ цвѣтныхъ бусъ; черныя густыя косы заколоты сзади вызолоченною гребенкою. Она одѣта въ коротенькую юбку, голубой шелковый передникъ и бархатный корсажъ; сверху, какъ и у всѣхъ испанокъ, у нея наброшена легкая шаль. А тамъ какъ то особенно весело и оживленно болтаютъ какихъ-то двое мужчинъ; они необыкновенно щегольски и молодцовато одѣты... О! это навѣрно андалузцы— удальство, щегольство, веселье — главное свойство ихъ натуры... А вонъ, и рыжеватый галиціецъ... Но тутъ такая пестрая, разнообразная толпа, что о всѣхъ и не перескажешь.

Въ улицахъ Мадрита живописнымъ сценамъ нѣтъ конца. Цирюльники у дверей своихъ цирюленъ на открытомъ воздухѣ брѣютъ мужчинъ; кузнецъ, сидя у входа кузницы, напѣваетъ Манолу—народную пѣсню, въ которой онъ съ увлеченіемъ прославляетъ ловкость и красоту веселой испанской дѣвушки; толпа полуодѣтыхъ, съ лицомъ бронзовато цвѣта мальчиковъ играютъ на улицѣ, непремѣнно представляя въ игрѣ бой быковъ; ватага удалыхъ, необыкновенно оживленныхъ и бойкихъ cigarreras (т. е. женщинъ, работающихъ на сигарной фабрикѣ) шумно расходится по домамъ. Толпы народа у входа въ харчевни закусываютъ сардинами и салатомъ. Нищій, распѣвая подъ акомпанементъ своей гитары, проситъ милостыню. Въ народныхъ кварталахъ эти уличныя сцены имѣютъ нѣсколько другой характеръ; цирюльникъ брѣетъ на открытомъ воздухѣ; угольщикъ перевѣшиваетъ безмѣномъ, лежащимъ на трехножной подставкѣ, набросанные передъ нимъ огромные мѣшки съ углемъ, и надавливаетъ своимъ тѣломъ на жердь, которая служитъ рычагомъ. Вотъ идетъ

небольшой мальчикъ, нагрузившійся до того глиняными кружками, что подъ ними его голова представляется чѣмъ-то въ родѣ громадной кисти, подъ которой не видать ни его лица, ни глазъ. Сюда же перевощики товаровъ гонятъ передъ собою цѣлую цѣпь муловъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными шерстяными цвѣтами. Тутъ цѣлое стадо ословъ чего-то испугалось и понеслось, или закусила удила лошадь, и мчится, опрокидывая все на пути. У грязнаго стараго трактира наливаютъ изъ мѣховъ вино... его покупаютъ плохо одѣтые люди, большею частію ловкіе воры и мошенники. Этого сорта людьми Мадритъ можетъ поспорить развѣ только съ бѣдными кварталами Лондона, гдѣ ловкость мошенниковъ доведена до замѣчательнаго искуства.

По воскресеньямъ же, за королевскимъ дворцомъ, внизу, подъ тѣнью каштановъ, подъ звуки гитаръ и бубенъ, дѣвушки живо пляшутъ *фанданго* или аррагонскую—народные танцы испанцевъ. Но Кастилія изъ всей Испаніи самая непѣвучая и неспособная къ танцамъ провинція, поэтому, кто хочетъ видѣть настоящіе народные танцы испанцевъ, пусть ѣдетъ въ Андалузію и именно въ Севилью.

Путешествіе изъ Мадрита черезъ Кордову въ Севилью. — Аранхуэсъ. — Плодородіе его почвы.— Причина такого богатства.—Провинція Ла-Манчъ.—Ея жители и ихъ дурная слава. — Альмаденъ и его ртутныя копи. — Рабочіе. — Сьерра-Морена. — Жители и природа этой мѣстности. — Слѣды Мавританскаго владычества.—Испанскій народъ, его прошедшее и настоящее.— Кордова.—Характеръ построекъ этого города и жизнь въ немъ.

Дорога отъ Мадрита до Кордовы идетъ прежними пустыми полями; по дальнимъ окраинамъ ихъ синѣютъ горы; по полямъ, какъ и прежде, ни одного дерева.... Только Аранхуэсъ (лѣтняя королевская резиденція) представляется роскошнѣйшимъ оазисомъ среди безлюдья и унынія. Въ пустынѣ, гдѣ, кромѣ покрытыхъ пылью кустовъ розмарина, не видать никакой зелени, вдругъ встаютъ гигантскіе платаны, тополи, роскошные дубы. При дворцѣ, который здѣсь стоитъ, разбитъ великолѣпнѣйшій паркъ. По немъ протекаетъ рѣка Таго и освѣжаетъ своими благотворными водами эту изсушенную солнцемъ испанскую землю. Земля, за нѣсколько шаговъ совершенно безплодная, отъ живительной влажности рѣки одѣвается чудной, невиданной растительностью. Въ паркѣ находится множество дачъ, гдѣ живутъ придворные. За Аранхуэсомъ тотчасъ же начинается опять прежняя пустыня. Эту унылую мѣстность разнообразятъ только стада быковъ: ихъ готовятъ къ знаменитымъ испанскимъ боямъ. Но когда въѣзжаешь въ провинцію Ла-Манчъ, характеръ природы нѣсколько измѣняется. Земля представляетъ уже сплошь одну равнину, на которой нигдѣ нѣтъ воды, ни одного холма, ни одного дерева. Передъ вами тянутся необозримыя, растрескавшіяся, каменистыя пространства, часто прикрытыя низкими травами. Мѣстами цѣлыя поля сплошь одѣты однимъ репейникомъ. Причудливо выглядятъ при лунномъ свѣтѣ эти высокія, прямыя, колючія растенія, похожія на канделябры.... Вы не услышите здѣсь пѣнія птицъ, развѣ орелъ или коршунъ мелькнутъ подъ облаками и на минуту точно замрутъ въ воздухѣ, зорко устремивъ свои взоры на землю. Эту-то томительную тишину и однообразіе только изрѣдка смѣняютъ развалившіяся башни да бѣдныя деревни съ небольшими рощами оливъ и виноградниками, за которыми опять идутъ пустыни и безплодныя поля. Иногда встрѣтишь пастуха со стадомъ; онъ неподвижно стоитъ, опершись на палку

или ружье, лѣниво и равнодушно оглядитъ онъ проѣзжаго и долго останется на томъ же самомъ мѣстѣ все въ прежней позѣ; иногда тянутся мулы, навьюченные товаромъ.... Кромѣ этихъ рѣдкихъ встрѣчъ,— яркое, знойное, голубое небо, жалкое поле, пустая дорога.... Теперь, при этомъ мертвомъ молчаніи, однообразіи и бѣдности, представьте себѣ ослѣпительную яркость жгучаго солнца, отъ котораго трескается обнаженная земля, — и вы составите себѣ вѣрное и точное представленіе о Ла-Манчѣ. Суровость и бѣдность природы отразилась здѣсь и на людяхъ: жителю Ла-Манча нечего ждать отъ своего труда и вслѣдствіе этого онъ бѣденъ, грязенъ и большею частью бездомный бродяга. Это происходитъ не отъ лѣности, а потому, что большинство земли здѣсь принадлежитъ крупнымъ собственникамъ; при хорошемъ урожаѣ народъ можетъ найти у нихъ работу, а въ голодные годы онъ принужденъ просить милостыню. Лишь только въѣзжаетъ сюда путешественникъ, какъ его тотчасъ окружаютъ толпы нищихъ, дѣти въ такихъ ужасныхъ лохмотьяхъ, которые едва защищаютъ тѣло. Этою бѣдностью объясняется и то, что жители Ла-Манча имѣютъ самую скверную репутацію: карманные воры въ городахъ и разныя мелкія шайки мошенниковъ, какъ говорятъ, большею частію изъ Ла-Манча.

Чѣмъ болѣе приближаешься къ Сіеррѣ-Морэнѣ, тѣмъ ровная почва Ла-Манча становится волнистѣе. За массою лиловыхъ горъ, которыя показываются то уступами, покрытыми зеленью, то дикими безжизненными утесами, лежитъ Андалузія—самая любимая испанцами мѣстность, дѣйствительно одаренная счастливою, роскошною природою.

Но, прежде чѣмъ говорить объ этой странѣ, прежде чѣмъ описывать природу Сіерры Морэны, мы скажемъ нѣсколько словъ о небольшомъ городкѣ, который имѣетъ такое огромное значеніе для страны,—объ Альмаденѣ. *Альмаденъ-дель-Ацогуэ*, необыкновенно оживленный городокъ, лежитъ у сѣверной окраины Сіерры-Морэны, на юго-западномъ концѣ Новой Кастиліи. Послѣ бѣдныхъ строеній Ла-Манча, онъ отличается веселыми, хорошо выстроенными домами. Окрестности Альмадена, какъ всѣхъ вообще рудоносныхъ странъ,— безплодны, но веселы и пріятны, благодаря открывающимся со всѣхъ сторонъ прекраснымъ горнымъ видамъ.

Альмаденскія ртутныя копи уже извѣстны съ самыхъ древнихъ временъ, а въ настоящее время онѣ составляютъ главный источникъ дохода испанскаго правительства. Въ Испаніи до того много всякаго рода рудниковъ, что они могли бы обогатить какую угодно страну, но здѣсь это дѣло идетъ плохо; зависитъ это опять-таки отъ недостатка образованія: нѣтъ хорошихъ техниковъ, да и множество правительственныхъ стѣсненій мѣшаетъ этому дѣлу. Только ртутныя копи въ этомъ отношеніи составляютъ единственное исключеніе. Ихъ шахты — просторны, ступеньки коротки и удобны; штольни на столько высоки, что можно въ нихъ ходить, не сгибаясь.

Только немногія штольни укрѣплены бревнами, большею частію онѣ выложены камнемъ, или просто вырублены въ горѣ. Любопытно видѣть разработку этой колоссальной жилы: рабочіе безпрестанно выбрасываютъ заступами темно-красную киноварь. (Киноварь, красная краска, соединеніе ртути съ сѣрою; чтобы получить ртуть, ее пережигаютъ въ печахъ: сѣра сгараетъ, а ртуть перегоняютъ въ какой нибудь сосудъ). Иногда киноварь попадается кристаллическими массами, иногда и въ видѣ отдѣльныхъ прекрасныхъ кристалловъ. Очень часто находятъ и красивые кристаллы вывѣтрившагося извест-

коваго шпата и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшія пещеры и трещины, наполненныя самородною ртутью. Часто случается, что когда рудокопъ отколетъ ломомъ кусокъ руды, изъ трещины выкатывается ртутный шарикъ, и, прыгая по землѣ, разсыпается на тысячу другихъ маленькихъ шариковъ. Остановить его невозможно, да и не нужно, такъ какъ ртуть отъ этого не треяется. Рабочіе обыкновенно тщательно собираютъ не только самую ртуть, но и весь соръ, на которомъ бѣжалъ и прыгалъ шарикъ, дѣлаютъ изъ него куски въ родѣ кирпичей и потомъ подвергаютъ перегонкѣ, какъ и самую руду; даже и этотъ соръ даетъ еще восемь процентовъ ртути. Ртуть необыкновенно полезный металлъ. Онъ употребляется въ барометрахъ и термометрахъ для опредѣленія тепла и холода; онъ служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ лѣкарствъ въ медицинѣ, наконецъ, въ практической жизни онъ имѣетъ большое значеніе: его употребляютъ на зеркала и т. п. Доходъ Испаніи съ этихъ рудниковъ громаденъ, онъ простирается на наши деньги до 8,000,000 руб. сер.

Въ прежнее время на работы въ этихъ копяхъ употребляли преступниковъ, осужденныхъ на тяжкую пожизненную каторгу. Едва начинало свѣтать, каторжниковъ изъ ихъ тюремъ выводили подземнымъ ходомъ въ рудникъ. Здѣсь они должны были работать цѣлый день, а съ наступленіемъ ночи, опять тѣмъ же подземнымъ ходомъ возвращались въ свои тюрьмы. И такъ жили эти несчастные, никогда не видя дневнаго свѣта. Это довело ихъ до такого отчаянія, что въ началѣ прошлаго столѣтія они подожгли рудники, которые въ то время укрѣплены были бревнами, такъ что, въ продолженіи многихъ лѣтъ, совсѣмъ нельзя было въ нихъ работать. Послѣ такого урока, теперь обыкновенно употребляютъ вольнонаемныхъ рудокоповъ, которые работаютъ не болѣе 6-ти часовъ въ сутки. Однако и при такой работѣ, рабочій можетъ выдержать не болѣе 6—7 лѣтъ къ ряду; послѣ этого большинство изъ нихъ умираетъ, тѣ же, кто переживаетъ товарищей на нѣсколько лѣтъ, отъ вдыхаемыхъ ртутныхъ испареній подвержены страшной, мучительной болѣзни: у нихъ до конца жизни постоянно судорожно дрожатъ руки, ноги, лице искажено ужасными передергиваніями, глаза вѣчно мигаютъ. Но возвратимся къ оставленнымъ нами горамъ.

Сіерра-Морэна, безплодная и обрывистая съ сѣверной своей стороны, къ югу спускается рядами холмовъ, которые тѣмъ прихотливѣе покрываются роскошною растительностью, чѣмъ ближе къ долинѣ Гвадалквивира. Эта нижняя, холмистая полоса самое блаженное мѣсто во всей Андалузіи. Тутъ земледѣлецъ безъ всякаго почти удобренія, при самомъ легкомъ трудѣ—получаетъ богатую жатву. Климатъ здѣсь умѣренный и необыкновенно здоровый, чему помогаютъ снѣга, никогда не тающіе на главномъ кряжѣ Сіерры-Морэны. Хлѣба, зелень, травы, разнообразные плоды, всевозможные земные продукты тутъ всѣ почти необыкновенно сочны, вкусны, однимъ словомъ превосходнаго качества и крайне разнообразны.

Въ нѣдрахъ земли здѣсь скрывается не меньше богатствъ.... Однако, Сіерра-Морэна, съ ея минеральными богатствами, плодородною почвою и даже хорошимъ орошеніемъ, что составляетъ такую рѣдкость въ Испаніи,—до сихъ поръ населена очень мало и для проѣзда не совсѣмъ безопасна: шайки разбойниковъ обыкновенно выбираютъ эту мѣстность своимъ пристанищемъ.

Когда совсѣмъ исчезаютъ изъ глазъ величественныя горы Сіерры-Морэны, богатая Андалузская природа является во всей своей роскоши: рощи оливъ и виноградники встрѣчаются чаще и чаще, растительность сильнѣе, богаче и

разнообразнѣе. Тутъ вы чувствуете, что находитесь точно подъ другимъ небомъ: климатъ, архитектура строеній, одежда, обычаи,—все заставляетъ васъ думать, что вы переселились въ другую страну. Существуетъ преданіе, что когда французскія войска, при Наполеонѣ, вступили въ эту страну и когда съ вершинъ Сіерры-Морэны они увидали Андалузію, то до такой степени были поражены ея красотою, что, какъ по мановенію, отдали ей честь оружіемъ. По словамъ Мавровъ, «равнины Андалузіи богаче цвѣтами и пестрѣе самаго лучшаго ковра, разосланнаго въ любимѣйшей свѣтлицѣ богатѣйшаго изъ ихъ калифовъ (повелителей магометанскихъ); океанъ любитъ ласкаться къ гіацинтамъ и нарцисамъ ея береговъ; пальмы, радуясь теплому солнцу, тѣснятся у ея потоковъ, или зеленѣющими башнями возносятся надъ лимонными рощами. Сіерры обдаютъ Андалузію благоухающимъ запахомъ своихъ розъ и миртъ; даже козьи стада, вышедшія изъ Сіерръ въ долины, долго сохраняютъ этотъ запахъ». Такое богатство природы, разумѣется, кладетъ свою печать на народъ, на его характеръ и обычаи. Послѣ забитаго жителя Ла-Манча, послѣ совсѣмъ почти голыхъ дѣтей, которыхъ вы встрѣчали повсюду, передъ вами являются бойкіе, веселые, разудалые андалузцы, первые между испанцами красавцы и щеголи. Одежда андалузца, даже простолюдина, чрезвычайно живописна и богата. Онъ обыкновенно одѣтъ въ куртку, шитую арабесками, съ шелковымъ цвѣтнымъ платкомъ на шеѣ, концы котораго продѣты въ золотое или серебряное кольцо; шляпа его обыкновенно низенькая, съ загнутыми полями, и надѣта непремѣнно на бекрень, что придаетъ веселому и оживленному лицу андалузца какую-то молодцоватость и удальство. У простолюдина подъ шляпою обыкновенно еще шелковый пестрый платокъ, которымъ онъ обвязываетъ голову. Андалузки слывутъ своею замѣчательною красотою. Не смотря на это, онѣ не любятъ особенно разнообразить и пестрить своего наряда и предпочитаютъ національный костюмъ парижскимъ модамъ. Черная, кружевная мантилья обыкновенно покрываетъ женщину съ головы до ногъ и черезъ нея просвѣчиваютъ черное шелковое платье, чудные черные волосы, черные глаза, гибкій станъ, бѣлыя руки и шея, которыя остаются у андалузокъ всегда открытыми. У испанокъ вообще, но особенно у андалузокъ, румянца на щекахъ вы не встрѣтите: матовая, прозрачная блѣдность — вотъ обыкновенный цвѣтъ ихъ лица; у нѣкоторыхъ женщинъ цвѣтъ кожи почти бронзовый. Въ глазахъ андалузки вы не найдете выраженія кротости, какъ въ глазахъ сѣверной женщины: въ нихъ блеститъ смѣлость, мужская отвага, рѣшительность и желѣзная сила характера. Но, по недостатку образованія, андалузки тратятъ на пустяки эти прекрасныя качества.

Чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Кордовѣ, тѣмъ болѣе васъ поражаетъ мавританскій колоритъ, который лежитъ здѣсь на всемъ: въ характерѣ различныхъ построекъ и въ самыхъ лицахъ. Но, не вспомнивъ, хотя въ самыхъ краткихъ чертахъ исторію этого народа, не выяснивъ, хотя нѣсколько, ту роль, которую онъ игралъ въ судьбѣ Испаніи, нельзя совсѣмъ говорить объ Андалузіи, скажу болѣе, невозможно понять и уяснить себѣ характера испанцевъ.

Пиринейскій полуостровъ въ VIII столѣтіи былъ покоренъ замѣчательно воинственнымъ тогда народомъ маврами. При этомъ только на сѣверѣ его жители могли удержать свою независимость и то благодаря суровой своей странѣ и Астурійскимъ горамъ, въ которыхъ они могли скрываться отъ мавровъ. У мавровъ однако мало по малу совсѣмъ остылъ воинственный жаръ и они обратились къ мирнымъ занятіямъ торговлею и промышленностью; не-

смотря на это, жители полуострова никогда не могли считать ихъ своими братьями: различіе религіи (туземцы уже тогда были христіанами, а мавры исповѣдывали магометанскую религію), понятій, и наконецъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, естественная ненависть побѣжденныхъ къ побѣдителямъ,—все это усиливало въ испанцахъ мужество, страшное желаніе избавиться отъ пришельцевъ, горячую любовь къ своей родинѣ и, самое главное, чрезвычайную преданность своей католической религіи. Мавры однако не дремали въ покоренной странѣ и все улучшали свой бытъ и свое образованіе. Черезъ нѣсколько столѣтій мы видимъ уже, что они съ большимъ знаніемъ дѣла обработываютъ свои земли, занимаются ремеслами, торговлею, строятъ для себя училища, украшаютъ города мечетями дворцами, садами, башнями, фонтанами, проводятъ дороги, каналы, строятъ мосты. Испанцы мало заботились о томъ, чтобы перенять эти улучшенія у своихъ побѣдителей и примѣнить ихъ къ своему быту; они больше думали о томъ, какъ бы отнять у нихъ захваченныя ими владѣнія. Къ этому наконецъ представился случай. У мавровъ пресѣклась одна династія, которая управляла всѣми испанскими владѣніями, и между ними произошли смуты. Христіане воспользовались этимъ и стали одно за другимъ отнимать владѣнія у мавровъ. Наконецъ, въ XIII столѣтіи, всѣ христіанскіе короли Испаніи соединились между собою противъ общаго врага и дали рѣшительную битву, которая нанесла владычеству мусульманъ въ Испаніи сильный ударъ. Послѣ XV ст. мавры живутъ въ Испаніи уже какъ побѣжденные. Христіане стали страшно преслѣдовать ихъ и гнать за вѣру, такъ что многіе изъ мавровъ уже тогда пытались бѣжать изъ Испаніи. Но нужно имѣть много средствъ, чтобы съ семействомъ тотчасъ удалиться въ чужую землю; мавры прожили на полуостровѣ уже много столѣтій, хорошо обстроились и обзавелись хозяйствомъ и даже ихъ прапрадѣды привыкли смотрѣть на эту страну, какъ на свою родину; теперь же ихъ гонятъ изъ роднаго гнѣзда, Богъ знаетъ куда, принуждая бросать все, что они нажили тяжелымъ трудомъ. Чтобъ остаться на мѣстѣ, съ которымъ у нихъ связаны всѣ ихъ воспоминанія, гдѣ протекла вся ихъ жизнь, мавры принимаютъ христіанство и продолжаютъ втайнѣ исповѣдывать прежнюю религію. Когда узналъ объ этомъ папа—глава католической религіи, то, согласно съ желаніемъ тогдашняго испанскаго короля Фердинанда, учредилъ въ Испаніи инквизицію, или высшее духовное судилище, которое должно было жестоко карать всѣхъ отступниковъ и еретиковъ. Съ этихъ поръ короли испанскіе и духовенство стали пользоваться этимъ судилищемъ и, подъ предлогомъ ереси, очень часто губили всѣхъ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые имъ не нравились и почему нибудь казались опасными. Суду инквизиціи подвергались столько же мавры, сколько и испанскіе подданные. Инквизиція поступала съ своими жертвами съ неслыханнымъ до тѣхъ поръ варварствомъ, жестоко и безчестно. Каждый членъ этого судилища обязанъ былъ, не смотря на самое близкое родство и подъ опасеніемъ самому быть признаннымъ еретикомъ, доносить на всякаго, кого только онъ подозрѣваетъ въ еретичествѣ. Кромѣ того судилище повсюду имѣло множество шпіоновъ, которые очень часто изъ своихъ личныхъ чувствъ, изъ зависти и изъ разсчета, обвиняли ненавистныхъ имъ людей. Когда шпіоны схватывали человѣка, котораго они рѣшились предать въ руки судилища, его немедленно везли и садили въ тѣсную, мрачную темницу: съ этой минуты онъ не могъ видѣться ни съ кѣмъ изъ своихъ родныхъ и друзей и объ немъ никто

ничего не слышалъ. Обвиняемый, по большей части, не только не зналъ имени своихъ доносчиковъ, но даже и преступленія, за которое его взяли. Его начинаютъ допрашивать, но что сказать, когда не знаешь, за что тебя обвиняютъ... Если обвиненный не тотчасъ отвѣчаетъ на вопросы, или не сознается во взводимомъ на него преступленіи, его пытаютъ самымъ возмутительнымъ образомъ: страшными орудіями вытягиваютъ члены, держатъ ноги на раскаленныхъ угляхъ, черезъ тонкій платокъ льютъ въ ротъ воду, по каплямъ, чтобы заставить его выстрадать всѣ муки медленнаго задушенія... Мученія пытокъ, уединеніе отъ всего живаго, страшное отчаяніе обыкновенно заставляли несчастнаго сознаться во всемъ, въ чемъ только его обвиняли; къ тому же онъ видѣлъ, что это сознаніе давало ему возможность поскорѣе покончить съ ненавистною жизнію. И дѣйствительно, какъ только вырывали у него какое бы то ни было признаніе, его присуждали къ сожженію на кострѣ (что называлось *ауто-да-фе*—дѣло вѣры), а все имущество отбирали въ казну. На осужденнаго одѣвали позорную одежду, на которой яркими цвѣтами были намалеваны адское пламя и черти; на голову—размалеванный бумажный колпакъ, везли на площадь и еще живаго сжигали на кострѣ, очень часто даже медленнымъ огнемъ. Если осужденный умиралъ подъ пытками, все-таки сжигали на кострѣ его смертные останки. Эти *ауто-да фе* совершались торжественно: король со всею свитою въ праздничныхъ нарядахъ, вельможи и народъ собирались смотрѣть на нихъ, какъ на веселый пиръ. Вѣроятно вслѣдствіе этой давней привычки испанскаго народа смотрѣть на жестокія пытки, которыми терзали ихъ собратій, на эти разведенные костры, ежедневно сожигавшіе десятки жертвъ, привилась къ испанцамъ любовь къ различнымъ постыднымъ зрѣлищамъ. Недаромъ же они и до сихъ поръ такъ страстно любятъ цирки, гдѣ происходятъ различные бои быковъ, пѣтуховъ, лошадей, во время которыхъ всегда умираетъ много животныхъ, столько калѣчится и умираетъ людей.

Но о разныхъ бояхъ мы поговоримъ ниже, теперь мы упомянули объ этомъ только для того, чтобы показать, что и мелкія черты характера въ народѣ тѣсно связаны съ исторіею его страны. Уже въ XVI столѣтіи былъ изданъ приказъ, которымъ предписывалось маврамъ оставить все, что хоть сколько нибудь могло имъ напоминать прежнюю ихъ религію. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній приказано имъ изучать испанскій языкъ и оставить всѣ свои книги. Имъ запрещалось не только читать и писать на родномъ языкѣ, но даже и говорить въ собственныхъ домахъ. Ихъ церемоніи и игры были строго запрещены, даже и одежду, съ которою они свыклись, они не смѣли болѣе носить. Такъ какъ баня была языческимъ обычаемъ, то всѣ зданія, гдѣ только были ихъ бани, приказано разрушить; не уцѣлѣли даже бани въ частныхъ домахъ.

Верховное судилище карало, мучило и убивало людей за то, что они не вѣрили или плохо исповѣдывали католическую религію; естественно, что духовенство стало пріобрѣтать все большую силу и значеніе. Въ XVII столѣтіи оно до того усилилось, что задумало изгнать Мавровъ со всего полуострова. Это изгнаніе было выполнено съ страшнѣйшимъ варварствомъ. Около милліона самаго трудолюбиваго населенія Испаніи погнали, какъ дикихъ звѣрей, изъ за того только, что была заподозрѣна искренность ихъ религіознаго вѣрованія. Множество людей было перебито; другіе подверглись истязаніямъ и грабежу, а большинство отправлено въ самомъ невыносимомъ положеніи въ Африку.

Во время переѣзда команда, которая ихъ сопровождала, нападала на несчастныхъ, избивала мужчинъ, бросала въ море дѣтей. Теперь впервые отъ Пиринеевъ до Гибралтарскаго пролива не было ни одного еретика. Все было правовѣрно и вѣрно королю: каждый житель громадной страны повиновался церкви и трепеталъ передъ королемъ. Не смотря на это, послѣдствія такого изгнанія для Испаніи были ужасны. Почти изъ каждой мѣстности въ странѣ внезапно были изгнаны массы трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и опытныхъ ремесленниковъ. Мавры приняли лучшія системы обработки земли, какія были только тогда извѣстны. Сухая Испанская земля отлично орошалась. Почти исключительно среди мавровъ сосредоточилось все разведеніе риса, хлопка и сахарнаго тростника, также какъ и фабрикація шелка и бумаги. Съ изгнаніемъ ихъ все это рушилось и многое рушилось навсегда, потому что испанцы считали въ то время подобныя занятія унизительными. Воевать за короля или вступать въ духовное званіе только и считалось дѣломъ почтеннымъ, все остальное было низко и гнусно. Поэтому, когда мавры были окончательно изгнаны, не оказалось никого, кто могъ бы занять ихъ мѣсто; многія искуства и ремесла навсегда исчезли, огромныя полосы удобной земли оставались необработанными. Нѣкоторыя богатѣйшія части Валенсіи и Гранады находились въ такомъ пренебреженіи, что не хватало средствъ для прокормленія даже и того скуднаго населенія, которое тамъ оставалось. Цѣлые округа почти мгновенно пустѣли, покидаемые жителями, и до нашихъ дней никогда снова не заселялись. Эти пустыни стали служить убѣжищемъ воровъ и разбойниковъ, поселившихся на мѣстахъ, занятыхъ прежде трудолюбивыми людьми; извѣстно, что со времени изгнанія мавровъ, появились и тѣ организованныя разбойничьи шайки, которыя сдѣлались впослѣдствіи напастью для Испаніи и которыхъ ни одно изъ испанскихъ правительствъ не въ силахъ было совершенно уничтожить. И теперь еще путешественники очень часто описываютъ, какъ въ той или другой мѣстности на нихъ нападаютъ мошенники. Вотъ что случилось еще года два тому назадъ съ однимъ путешественникомъ. Онъ ѣхалъ въ почтовой каретѣ недалеко отъ Мадрита. На карету напали разбойники: они связали кучера и даже лицо, служащее при каретѣ. Когда они покончили съ служащими, начальникъ шайки, разсыпаясь въ извиненіяхъ, самымъ изящнымъ образомъ подлетѣлъ къ сидящимъ въ каретѣ полуживымъ отъ страха пассажирамъ. «Тысячу извиненій», говорилъ онъ ловко раскланиваясь, «прелестная синьора и вы любезные синьоры.... Вы совершенно безопасны.... Видите ли, нынѣшнее правительство наше совсѣмъ неблагодарно... Оно очень дурно выплачивало мнѣ мое жалованье... Поэтому я считаю себя вправѣ взять казенныя деньги, которыя находятся здѣсь...» И мошенники въ одну минуту обобрали деньги, выпрягли лошадей и затѣмъ, не причинивъ никому ни малѣйшаго вреда, ускакали прочь.

Послѣ изгнанія мавровъ торжество вѣры до того ослѣпило испанцевъ, что они совершенно позабыли мірскія дѣла. Въ это время всѣ другія страны увеличивали запасъ знаній, создавали искуства, развивали науки, только одна Испанія все шла назадъ, все падала ниже и ниже; бѣдствія народныя, нищета и голодъ превзошли всякое вѣроятіе. Среди этихъ бѣдствій угасалъ духъ и энергія испанской націи... Такъ было до самаго конца XVIII столѣтія и только въ началѣ XIX совершенно исчезли ау-то-да-фе.

Но каковъ же теперь испанецъ, какъ ему живется? Каково его образованіе? Безъ сомнѣнія его прошлая исторія оставила глубочайшій слѣдъ на всемъ складѣ его характера... Его жалкая жизнь въ прошедшемъ, деспотиче-

скій. варварскій гнетъ на мысль и вѣчное преслѣдованіе его религіозныхъ убѣжденій,—все это, разумѣется, оставило страшные слѣды и въ настоящемъ.

Еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, да еще и теперь въ большинствѣ случаевъ, испанецъ доводитъ свою религію до идолопоклонства. Большинство изъ нихъ свято вѣритъ въ своего патрона на небесахъ, который во всякую минуту можетъ защитить его отъ всякихъ невзгодъ... Каждая деревня, каждый корабль, даже каждая улица въ городѣ имѣютъ своего особаго патрона или патронессу; кромѣ того нація имѣетъ двухъ отдѣльныхъ патроновъ. Семейства, жители одной улицы, ремесленныя общества празднуютъ дни своихъ патроновъ, такъ что на одни празднества у нихъ уходитъ очень много времени. Безпрестанно заявляя о своей глубочайшей преданности къ католической религіи, они тутъ же у входовъ въ церкви и монастыри открыто продавали чудотворные амулеты, изъ которыхъ одни могли истребить заразительныя болѣзни, другіе спасали скотъ отъ той или другой напасти и т. п. Эта путаница понятій царствовала во всемъ. Образованіе было даровое: ничего не стоило поступить въ университетъ, въ первоначальную школу, въ семинарію, но не было никакого стремленія учиться, да и бѣдность сильно тяготѣла надъ всѣми классами. Учить женщинъ грамотѣ считали почти преступленіемъ; студенты университета цѣлыми толпами ходили по городамъ съ гитарами въ рукахъ, выпрашивая милостыню за серенады и пѣсни, сочиняемыя ими по поводу всего, что бросалось имъ въ глаза.

Лучшіе испанскіе умы, разумѣется, чувствовали страшное паденіе своей родины и старались измѣнить порядокъ вещей, или возбуждая народъ къ возстанію противъ того или другаго правительства, или вводя разныя улучшенія, но ничто не помогало и до сихъ поръ многое хорошее въ Испаніи остается пустымъ звукомъ, многія нововведенія вовсе не приносятъ той пользы, какой можно было бы ожидать. Почему же это? А потому, что ни одно нововведеніе, ни одно усовершенствованіе не можетъ дать прочнаго счастія народу, пока нѣтъ въ немъ основательныхъ знаній. Эта истина, приложимая ко всѣмъ народамъ въ мірѣ, особенно подтверждается въ Испаніи. Страна эта владѣетъ громадными богатствами: омываемая Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, она имѣетъ чрезвычайно выгодное положеніе для торговыхъ сношеній съ Америкой, такъ что сама природа предназначила ее держать въ своихъ рукахъ торговлю обѣихъ полушарій. Испанцы, какъ прежде, такъ и теперь имѣютъ богатые, цвѣтущіе города, большія фабрики, искусныхъ рабочихъ, извѣстныхъ художниковъ: даровитыя произведенія ихъ живописи и величественные храмы справедливо ставятся на ряду съ чудеснѣйшими дѣлами рукъ человѣческихъ. Они говорятъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ языкомъ, и литература ихъ стоитъ не ниже ихъ языка. Ихъ земля даетъ имъ всевозможныя богатства. Она изобилуетъ виномъ и масломъ и съ тропическою щедростью даритъ народъ самыми чудными плодами. Сладкіе апельсины, лимоны, померанцы, гранаты, оливки, миндаль, фиги, виноградъ,—все это славится въ Европѣ. Въ нѣдрахъ земли находятъ въ такомъ богатствѣ и разнообразіи самые цѣнные минералы, какъ нигдѣ въ остальной Европѣ. Серебряные и ртутные рудники испанскіе хорошо извѣстны всему свѣту. Эта благословенная страна столько же изобилуетъ благородными металлами, сколько и металлами необходимыми для практической жизни: въ ней множество свинца и мѣдныхъ рудъ, которыя еще никогда не были тронуты. Желѣзо лучшихъ сортовъ можно найти почти повсюду въ Испаніи, а астурійскія угольныя копи

просто неистощимы. Но всѣ испанскія богатства не обогащаютъ страну; ея промышленность въ самомъ жалкомъ состояніи и небреженіи..., Все это происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: прежде всего отъ различныхъ политическихъ партій, которыя никогда не переводятся въ Испаніи. Эти партіи всегда враждуютъ между собой, проливаютъ кровь другъ друга, опустошаютъ поля и деревни, по которымъ проходятъ, и такимъ образомъ не даютъ совсѣмъ поправиться и подняться несчастному, вѣчно разоряемому вслѣдствіе междуусобій селянину. Другая причина упадка промышленности — недостатокъ образованія и развитія. Еще до сихъ поръ большинство испанцевъ считаютъ для себя унизительнымъ заниматься какимъ нибудь ремесломъ. Имъ еще памятно то время, когда въ ихъ отечествѣ ремесломъ занимались только мавры—люди побѣжденные ими, гораздо ниже ихъ поставленные и которыхъ они могли всячески истязать. И до сихъ поръ въ Испаніи праздность не считается порокомъ: испанецъ работаетъ только для того, чтобы имѣть самое необходимое, чтобъ не умереть съ голода, а все остальное время онъ предпочитаетъ по цѣлымъ днямъ стоять, завернувшись въ плащѣ, на городской площади, спорить о послѣднемъ политическомъ событіи, сообщать новости или молча вертѣть и курить папироски. Прежде они думали, что самое благородное занятіе для испанца — война, и самый послѣдній простолюдинъ только и мечталъ, только и стремился какъ бы ему попасть въ войско и облагородить свое положеніе званіемъ гидальго (благородный). Духъ рыцарства хотя и значительно уже выдохся, но и теперь еще живетъ въ испанскомъ народѣ. Богатство природы безъ особеннаго труда даетъ возможность имѣть самое необходимое, а это, въ свою очередь, тоже сильно облѣнило и избаловало испанца. Не только испанская природа щедро надѣлена всевозможными богатствами, но и самая испанская нація обладаетъ рѣдкими качествами. Всѣ путешественники, которые имѣли дѣло съ людьми изъ простаго народа, чрезвычайно изумляются, какъ этотъ народъ, такъ мало образованный, имѣетъ столько здраваго смысла, столько наблюдательности и остроумія, и что, удивительнѣе всего, онъ отлично умѣетъ выражаться и говорить. Утонченная вѣжливость испанцевъ, крайняя воздержанность и умѣренность какъ въ ѣдѣ, такъ и въ рѣчахъ,—извѣстны каждому. Высшія классы испанскаго общества можно поставить въ примѣръ аристократіи всѣхъ государствъ въ Европѣ: ихъ деликатность и вѣжливость въ обращеніи съ низшими, щепетильная честность высшаго испанскаго дворянства обратилась въ поговорку и стала извѣстна всему свѣту.... Но ни великія качества испанскаго народа, ни самыя лучшія нововведенія правительства, ни щедрость и богатство природы ничто не принесло и не принесетъ никакой пользы, пока испанцы останутся невѣждами. Ослабить суевѣрія въ народѣ можетъ только распространеніе естественныхъ наукъ, которыя даютъ правильное понятіе о явленіяхъ природы; послѣднее особенно важно для испанца, такъ какъ его суевѣрію, кромѣ невѣжества, помогаетъ и самая природа: унылая, суровая, опаленная горячими лучами солнца, она сдѣлала и самый народъ пламеннымъ, страстнымъ, поддерживаетъ въ немъ еще болѣе духъ рыцарства, удальства и героизма всякаго рода.... Только распространеніе знаній можетъ заставить ихъ привязаться къ осѣдлой, тихо-трудолюбивой жизни, только развитіе дасть имъ понять, что не въ одной силѣ и ловкости достоинство человѣка, только оно одно заставитъ ихъ съ отвращеніемъ взглянуть на ихъ бои быковъ и другія варварскія наслажденія.

Во многихъ мѣстахъ Испаніи, особенно въ Андалузіи, видны слѣды преж-

няго владычества мавровъ: ихъ духъ сроднился здѣсь со всѣмъ, его чувствуешь и въ народныхъ напѣвахъ фандангo, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ, и въ привычкахъ, безпрестанно встрѣчаешь ихъ арабскіе профили и широкія одежды, — но больше всего отразилось вліяніе мавровъ въ различныхъ постройкахъ. Вотъ и полумѣсяцы на башняхъ, ихъ колеса для поднятія воды! Вотъ сады ихъ, въ которыхъ гораздо больше цвѣтовъ нежели деревьевъ! Но больше всего этотъ мавританскій характеръ носитъ на себѣ *Кордова*; она стоитъ въ полѣ, окруженная зубчатыми мавританскими стѣнами; далеко извиваясь по полю, течетъ Гвадалквивиръ между густыми кустами олеандровъ. Изъ-за стѣнъ виднѣются высокія пальмы. Съ одной стороны — Сьерра-Морэна; ея отлогіе холмы, покрытые густою зеленью, съ другой — тянутся рощи оливъ и виноградники. Одежда, дома, улицы, носятъ мавританскій характеръ. Невысокіе бѣлые дома безъ балконовъ и оконъ, улицы до того узкія, что три человѣка не вездѣ могутъ пройти въ рядъ, низкія, длинныя стѣны, ярко сверкающія своею известковою бѣлизною, темно-синія облака, въ которыхъ точно тонутъ силуэты какихъ-то совсѣмъ не европейскихъ башень, и вдругъ, среди этой арабской деревни, зданія, очень похожія, на наши присутственныя мѣста въ губернскихъ городахъ средней руки, — вотъ какой видъ имѣетъ теперь Кордова. Самое блестящее время для Кордовы было—X столѣтіе: тогда считалось здѣсь до одного милліона жителей, девятьсотъ бань, многое множество дворцовъ и роскошныхъ построекъ, но это было самое счастливое время для Кордовы... Теперь же, вмѣсто мраморныхъ дворцовъ и фонтановъ, вы встрѣтите скверные домишки безъ оконъ и дверей на улицу съ весьма небольшимъ народонаселеніемъ (тамъ считаютъ до тридцати шести тысячь жителей). Кордова славится своими заводами Андалузскихъ лошадей. И дѣйствительно, Андалузскіе кони необыкновенно красивы: густая волнистая грива, хвостъ касается земли, галопъ могучъ и порывистъ; только голова (общее свойство лошадей Андалузской породы) нѣсколько велика; голову и гриву лошади убираютъ обыкновенно лентами того же цвѣта, какъ и куртка сѣдока.

Изъ достопримѣчательностей Кордовы прежде всего останавливаетъ вниманіе туриста мечеть, построенная маврами. Снаружи мечеть эта не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ мавры въ своихъ постройкахъ пренебрегали внѣшностью и всю роскошь сосредоточивали на внутренности зданія.

Въ эту мечеть входятъ черезъ огромный дворъ, окруженный колоннами и занятый померанцовыми деревьями. Какъ бы вы ни были подготовлены всевозможными описаніями увидѣть роскошь и замѣчательное искуство въ постройкѣ, все таки, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, вы остолбенѣете отъ удивленія при видѣ этого оригинальнаго великолѣпія. Восемьсотъ шестьдесятъ колоннъ, (прежде ихъ было говорятъ 1,200) изъ драгоцѣннаго мрамора, яшмы, порфира съ капителями, соединенныя легкими и граціозными арками, представляются, густымъ лѣсомъ, въ которомъ теряется взоръ; рѣдкія, маленькія окна едва пропускаютъ свѣтъ, такъ что полусумракъ, царствующій здѣсь, еще усиливаетъ впечатлѣніе. При маврахъ днемъ и ночью храмъ этотъ освѣщался нѣсколькими тысячами серебрянныхъ лампъ, теперь мечеть эта сильно искажена испанцами. Не говоря уже о мелочахъ, (они напр. замазывали надписи изъ Корана, дѣланныя маврами, передѣлывали полы); главное искаженіе состоитъ въ томъ, что посреди мечети они построили огромный католическій соборъ.

СЕВИЛЬЯ.

Севильскіе дома и ихъ внутренніе дворики. — Вечеръ. — Ночныя сцены. — Соборъ. — Живопись и скульптурныя произведенія церкви de la Caridad.—Альказаръ.—Севильскіе цирюльники. — Предмѣстье Тріаны и ея жители.

На всемъ протяженіи между Кордовою и Севильею путешественникъ почти не разстается съ цвѣтущими берегами Гвадалквивира. Мѣстность очень разнообразна и безпрестанно даритъ величественными ландшафтами: то дикая скала съ развалинами арабскаго замка, съ высоты котораго видна вся мѣстность отъ Сьерры-Морэны до Кадикса, то прелестный, миловидный городокъ, утопающій въ садахъ, окруженный виноградниками и апельсинными деревьями, золотистые плоды которыхъ такъ ярко блестятъ на солнцѣ. Севилья, при первомъ знакомствѣ съ нею, производитъ чрезвычайно пріятное впечатлѣніе, но скорѣе своею миловидностью, чѣмъ роскошью и великолѣпіемъ. Дома здѣсь почти всѣ въ два этажа и каждый изъ нихъ непремѣнно съ нѣсколькими балконами: двери домовъ желѣзныя, рѣшетчатыя и сквозь нихъ видны внутренніе дворы „patio" съ тонкими, граціозными колоннами, фонтанами и цвѣтами.— Такіе дома съ двориками устроивали прежде мавры и теперь дворы эти составляютъ щегольство жителей Севильи. Дверь нарочно дѣлается большая, чтобы сквозь рѣшетку ея весь дворъ былъ видѣнъ съ улицы. Богатые украшаютъ такіе дворики, какъ только возможно; тутъ фонтаны, зеркала, цвѣты, деревья и даже картины. Такъ украшаютъ севильянцы эти дворики потому что они служатъ имъ и кабинетомъ, и столовой, и гостинной, а иногда даже и спальней. Крышею такимъ дворикамъ служитъ виноградъ, лоза котораго граціозно обвиваетъ положенные сверху колья; если же нѣтъ виноградной крыши, то дворъ на день задергиваютъ сверху полотномъ. Улицы Севильи не блистаютъ щеголеватыми магазинами, но многія изъ нихъ широки и чисты; всего пріятнѣе здѣсь то, что самые узкіе и темные закоулки не пропитаны насквозь грязью, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ закоулками всѣхъ безъ исключенія южныхъ городовъ. Молодцоватое народонаселеніе оживленно толпится на площадяхъ и улицахъ; мѣстныя красавицы, которыхъ здѣсь такъ много, въ черныхъ мантильяхъ, въ платьяхъ съ открытымъ лифомъ и руками, съ своими вѣчными вѣерами, оживленно, выходятъ со дворовъ «брать прохладу» — такъ называютъ здѣсь обычай, возникшій вслѣдствіе необходимости, которую чувствуютъ испанцы, подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Днемъ здѣсь такая жара, что вы рѣдко встрѣтите на улицѣ человѣка: въ домахъ окна и балконы закрыты ставнями. Городъ оживляется только тогда, когда становится темно. Здѣсь не бываетъ нашихъ долгихъ сумерекъ и темнѣетъ тотчасъ послѣ солнечнаго заката. Тогда занавѣси дверей отдергиваются, каждый дворъ освѣщенъ лампами, на любимыхъ мѣстахъ гулянья огромные фонтаны широкимъ разсыпающимся букетомъ бросаютъ воду и постоянно освѣжаютъ удушливо-теплый воздухъ. На вечернихъ прогулкахъ вы рѣдко услышите: синьоръ или синьора; знакомые называютъ другъ друга по именамъ: донъ-Луи, донна-Долоресъ и т. п. Тотъ, кто устанетъ ходить, отправляется къ себѣ домой, садится на балконъ и такимъ образомъ очень долго разговариваетъ съ своими знакомыми. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе оживлены улицы Севильи и тогда все, что вы увидите на нихъ, представляется вамъ необыкновенно своеобразнымъ. Тамъ въ переулкѣ, гдѣ черная тѣнь домовъ обрисовы-

вается на синемъ небѣ, вы непремѣнно различите мужскую фигуру, завернутую въ плащь; его широкая шляпа низко надвинута на глаза, правую ногу онъ упираетъ о камень, пальцами же легко и граціозно перебираетъ струны своей гитары. Идите дальше: подъ тѣнью душистыхъ лимонныхъ деревьевъ или акацій, окружающихъ площадь, на мраморной скамейкѣ непремѣнно сидитъ мужчина съ женщиной. Красавица то играетъ вѣеромъ, на которомъ изображенъ бой быковъ, то отмахивается имъ... Но вотъ она залилась звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, собесѣдникъ вторитъ ей, остритъ и всюду этотъ веселый смѣхъ и говоръ гармонично сливаются съ журчаніемъ фонтана. Иногда совсѣмъ въ темномъ переулкѣ вдругъ выступаетъ *patio*, фантастически освѣщенный бумажными фонарями и алебастровыми лампами. И при этомъ со всѣхъ сторонъ бряцаніе гитаръ, шумъ вѣеровъ и щелканіе кастаньетъ!... И такъ до самой зари!.. Изъ замѣчательныхъ построекъ въ Севильѣ можно указать на соборъ, по огромности своей уступающій развѣ только храму св. Петра въ Римѣ. «Соборъ этотъ такъ великъ», замѣтилъ одинъ писатель, «что огромная парижская церковь «Notre Dame» могла бы въ немъ свободно разгуливать, даже не нагибаясь». Внутренность храма еще болѣе поразительна по замѣчательному богатству и изяществу, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ храмѣ. Тутъ множество самыхъ лучшихъ картинъ Мурильо и другихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ. Глаза повсюду ослѣпляются звѣздами изъ драгоцѣнныхъ камней, мерцаніемъ огней отъ сотенъ паникадилъ, блескомъ налоевъ, шитыхъ жемчугомъ и золотомъ, богатствомъ утвари, столько же драгоцѣнной по работѣ, сколько и по матеріалу. Престолъ замыкается иконостасомъ, который въ вышину равняется высотѣ свода. Онъ весь изъ дерева; ряды барельефовъ идутъ одинъ за другимъ и изображаютъ весь ветхій и новый завѣтъ; каждый барельефъ обрамленъ широкою деревянною рѣзною каймою, покрытой херувимчиками, ангелами, святыми. Выполненіе вездѣ показываетъ сильнаго мастера и талантливаго художника!.. Не менѣе замѣчателенъ тутъ и хоръ,—мѣсто, гдѣ стоитъ органъ и куда во время службы собирается причетъ для пѣнія псалмовъ и молитвъ. Въ хорѣ участвуетъ болѣе 150 человѣкъ, не считая сотни дѣтей, которыя своими тоненькими голосками подтягиваютъ за большими и перелистываютъ для нихъ громадныя нотныя книги, лежащія на вертящихся налояхъ. Тутъ же, подлѣ хора, обращаетъ ваше вниманіе огромный бронзовый подсвѣчникъ: онъ такъ великъ, что его примешь сначала за памятникъ, поставленный надъ могилой важнаго лица. Въ подсвѣчникѣ горитъ восковая свѣча въ двѣ тысячи пятьдесятъ фунтовъ вѣсу.

Нельзя не упомянуть также о церкви *de la Caridad*. Тутъ особенно замѣчательна деревянная статуя Спасителя, изображенная въ ту минуту, какъ Онъ привязанъ къ позорному столбу: въ ней все изображено такъ живо и натурально, что невольно замираетъ сердце. Кожа виситъ клочьями, обнажая мѣстами кости колѣнъ и ребра; кровь льется ручьями по лицу и одеждѣ; стекла рубиноваго цвѣта вставлены тамъ, гдѣ кровь запеклась или остановилась въ видѣ капли; помутившіеся глаза, которымъ художникъ придалъ выраженіе необыкновеннаго страданія, — сдѣланы для большей вѣрности изъ цвѣтной эмали; они смотрятъ изъ подъ глубокихъ темныхъ впадинъ... Изъ подъ настоящаго терноваго вѣнца прядями падаютъ натуральные волосы.

Въ Севильѣ уцѣлѣлъ еще Альказаръ, который игралъ въ исторіи этого города довольно важную и разнообразную роль; онъ былъ то мавританскою цитаделью, то дворцомъ ихъ калифовъ, то дворцомъ испанскихъ королей.

Снаружи дворецъ этотъ представляетъ высокую стѣну съ узкими воротами внутри необыкновенно изящныя залы... Но лучше всего въ этомъ замѣчательномъ дворцѣ—его сады: тамъ и банановыя деревья, плоды которыхъ прежде могла ѣсть только одна королева; стѣны сада плотно и густо, точно шпалерами, обсажены громадными померанцовыми и гранатовыми деревьями. Тамъ и сямъ раскинуты чудныя лимонныя бесѣдки и между вѣтвями этихъ деревьевъ выглядываетъ множество самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Въ роскошныхъ аллеяхъ садовъ Альказара васъ всюду пріятно поражаетъ обиліе воды. Не говоря уже о безчисленныхъ бассейнахъ и фонтанахъ, тутъ еще устроены для этого другія затѣи. Всѣ дорожки сада выложены разноцвѣтными камешками и кирпичами. Тамъ и сямъ въ этихъ кирпичахъ и камешкахъ сдѣлано множество микроскопическихъ дырочекъ, которые соединяются съ безчисленнымъ множествомъ мѣдныхъ трубъ, проводящихъ воду. Стоитъ повернуть кранъ, и эти тысячи микроскопическихъ дырочекъ открываются и тонкими, мелкими брызгами и струйками воды, точно пылью, обдаютъ гуляющихъ. Однако достопримѣчательностей въ Севильѣ не особенно много, мы назвали уже все то, чѣмъ она стяжала себѣ такую громкую славу,—во всѣхъ же остальныхъ постройкахъ нѣтъ ничего характеристичнаго и мы вернемся лучше къ людямъ.

Говоря объ Испаніи и въ особенности о Севильѣ нельзя не упомянуть объ одномъ классѣ людей необыкновенно живомъ и остроумномъ,—мы говоримъ о цирюльникахъ. Севильскіе цирюльники пріобрѣли себѣ громкую извѣстность и описаны были многими писателями. Цирюльню тотчасъ отличишь отъ всякаго другаго дома, она оригинально выкрашена зеленою или голубою краскою съ желтыми полосами. За окнами цирюльни выставлена голова въ парикѣ, нѣсколько банокъ съ піявками и много инструментовъ для разныхъ операцій. Цирюльникъ не только брѣетъ и обрѣзаетъ волосы, но лѣчитъ простой народъ, дергаетъ зубы, пускаетъ кровь, ставитъ піявки, — однимъ словомъ всѣ его занятія даже трудно пересчитать. Въ домѣ его самая бѣдная обстановка, но онъ не тоскуетъ. У него есть спутница, безъ которой не можетъ жить ни одинъ севильскій цирюльникъ—это его гитара. Если нѣтъ посѣтителей, онъ непремѣнно играетъ на гитарѣ и весело напѣваетъ какую нибудь плясовую; стукнулъ кто въ дверь —онъ быстро вѣситъ гитару на стѣну, хватаетъ стулъ, принадлежности для бритья, между которыми вы непремѣнно найдете большой орѣхъ. Его паціентъ обыкновенно садится на открытомъ воздухѣ, и онъ впихиваетъ ему за щеку орѣхъ и потомъ ловкою рукою намыливаетъ выдавшуюся часть и начинаетъ быстро брить. Во все время этой операціи цирюльникъ не умолкаетъ: онъ съ необыкновеннымъ юморомъ и остротами разсказываетъ о приключеніяхъ дня, о всевозможныхъ сплетняхъ, обо всемъ, что дѣлается въ городѣ и преимущественно на его улицѣ... Вотъ почему цирюльники рѣдко сидятъ безъ посѣтителей. Если не всегда находятся желающіе бриться и стричься, то навѣрно всегда найдутся желающіе съ ними поболтать. По другую сторону Гвадалквивира лежитъ предмѣстье *Тріаны*, въ которомъ живутъ ремесленники и цыгане. Смуглые цыгане, несмотря на свои несовсѣмъ чистыя платья, необыкновенно красивы съ своими рѣзко очерченными правильными лицами, со сверкающими глазами въ глубокихъ орбитахъ; ихъ черныя, волнистыя, словно пережженныя кудри красиво выбиваются изъ подъ круглыхъ шляпъ. Многіе изъ нихъ вмѣсто шляпы покрываютъ голову, на восточный ладъ, лоскуткомъ грубой ткани. У здѣшнихъ цыганокъ, какъ и у испанокъ,

необыкновенно желтый цвѣтъ лица; только цыганки отличаются отъ нихъ курчавыми волосами и своею страстью наряжаться въ яркіе цвѣта.

Темные, узкіе и грязноватые закоулки Тріаны вѣчно кишатъ шумнымъ и дѣятельнымъ народомъ и представляютъ множество живописныхъ сценъ. Вотъ почему каждый путешественникъ, особенно если онъ художникъ, часто приходитъ въ Тріану и наблюдаетъ ея мѣстные нравы. Съ пѣвучими криками снуютъ разнощики среди оживленной, пестрой толпы, раздаются гортанныя восклицанія погонщиковъ, стучатъ молотки въ мастерскихъ, устроенныхъ тутъ же на улицѣ подъ бѣлымъ холщевымъ навѣсомъ; жужжитъ гитара и тутъ же гдѣ-нибудь въ сыромъ темномъ уголкѣ журчитъ фонтанъ, вокругъ котораго толпятся женщины съ своими длинными кувшинами. Не успѣешь отвести отъ нихъ глазъ, какъ вдругъ наталкиваешься на ужасное зрѣлище: мимо васъ проносятъ окровавленнаго человѣка: сейчасъ въ пылу ссоры товарищъ хватилъ его ножемъ. Крикъ, шумъ, смятенье мгновенно наполняютъ улицу.

Объ испанской набожности слишкомъ много говорятъ и страшно ее преувеличили,—по крайней мѣрѣ, во время службы, церкви совсѣмъ почти пусты. Вотъ до церковныхъ церемоній такъ испанцы дѣйствительно большіе охотники. Очень часто, когда разгуливаешь по улицамъ, среди мертвой тишины, васъ вдругъ изъ за угла оглушаютъ веселые звуки военной музыки. «Что это такое?» спрашиваете вы.—Церковная процессія! Музыканты обыкновенно идутъ спереди и наигрываютъ что то въ родѣ веселаго вальса; за ними несутъ балдахинъ изъ фіолетоваго бархата, украшенный кистями, золотымъ, шитьемъ и страусовыми перьями; подъ этимъ нарядным балдахиномъ, въ полномъ облаченіи выступаетъ духовенство. Вокругъ нихъ идетъ множество мальчиковъ въ бѣлой одеждѣ: они держатъ зажженыя свѣчи и во всѣ стороны размахиваютъ курящимися кадилами. Далѣе ярко пестрѣютъ и сверкаютъ на солнцѣ хоругви, на цвѣтныхъ шестахъ, серебряные рѣзные фонари, изображенія церквей и башенъ, а посреди всего этого на богатыхъ носилкахъ—деревянная крашеная мадонна съ вѣнкомъ розъ на головѣ: она одѣта въ пышное бальное платье съ безчисленнымъ множествомъ кружевныхъ волановъ. За хоругвями и мадонной идутъ пѣвчіе, которые поютъ во все горло и чрезвычайно гнусливо, совсѣмъ въ носъ. Замыкаютъ это шествіе опять таки нескончаемые ряды духовныхъ лицъ въ парадной одеждѣ. По бокамъ и сзади обыкновенно идетъ множество народа. Вотъ эта-то любовь къ процессіямъ и заставляетъ многихъ думать, что испанцы набожны, между тѣмъ какъ это только страсть ко всевозможнымъ зрѣлищамъ.

По оживленному шуму и говору на улицахъ Севильи можно подумать, что жители ея необыкновенно дѣятельный народъ. Въ сущности же это происходитъ отъ ихъ веселаго характера; что же касается до усидчивости въ какомъ нибудь дѣлѣ, то они этимъ вовсе не отличаются. Изнемогая днемъ отъ томительной жары, лежатъ они въ своихъ патіо (внутреннихъ дворикахъ) въ самыхъ разнообразныхъ позахъ. Лишь только смеркается, каждый, кому только завтра есть чѣмъ перекусить, торопится на улицу поболтать, а главное потанцовать или хоть посмотрѣть на танцы, до которыхъ испанецъ страстный охотникъ

ЗАНЯТІЯ ЖИТЕЛЕЙ И ИХЪ ПРОМЫСЛЫ.

Земледѣліе.—Машина для орошенія полей.—Водяной судъ. — Алоэ. — Его значеніе для мѣстныхъ жителей.—Виноградники Хереса и виноделіе.—Оливы и оливковое масло.—Апельсинныя рощи.—Фиговыя пальмы.—Овцы: ихъ громадное значеніе для страны.—Жизнь испанскихъ фабричныхъ рабочихъ: ихъ жилища и заработокъ.

Земледѣліе—главное средство пропитанія испанца, хотя тутъ онъ долженъ много бороться съ природою. Громадныя, безплодныя пространства представляютъ такія затрудненія, что и при большемъ умѣньи и дѣятельности земледѣльца, страна эта, по всей вѣроятности, еще долго не могла бы сдѣлаться такою обработанною, какъ Англія, Германія, Франція и Бельгія. Тѣмъ не менѣе она производитъ не только достаточное количество хлѣба длл пропитанія жителей, но и даетъ излишекъ пшеницы, ячменя, маиса и риса; болѣе половины всѣхъ вывозимыхъ изъ Испаніи товаровъ составляютъ продукты земледѣлія. Въ Валенсіи, Каталоніи, Бискаіи, Астуріи и Галиціи землю обработываютъ весьма прилежно; въ обширной долинѣ Гвадалквивира много пшеничныхъ полей. Собственно обработанныхъ земель въ Испаніи—третья часть всего ея пространства и одна часть этой земли орошается естественнымъ образомъ, другая искуственно. Для искуственнаго орошенія во многихъ мѣстностяхъ Испаніи употребляется машина, называемая *норіею*; она устроена такъ, что изъ очень широкаго и глубокаго колодца поднимаютъ воду для орошенія. Для этого въ колодезь опускается веревка съ бадьями. Большое деревянное колесо, устроенное у колодца, вращается горизонтально на своей оси и сообщаетъ движеніе вертикальному колесу, поддерживающему ведра; онѣ наполняются водою въ колодцѣ и выливаются въ резервуаръ, откуда вода бѣжитъ во множество маленькихъ канавъ, проведенныхъ по полямъ. Весь этотъ механизмъ приводятъ въ движеніе лошадью или муломъ. При этомъ обыкновенно можно видѣть мальчика въ лохмотьяхъ, а по большей части и совершенно голого, который погоняетъ лошадь. Но въ весьма многихъ мѣстностяхъ и совсѣмъ обходятся безъ человѣка: тогда его замѣняетъ шестъ, такъ ловко и искусно устроенный, что онъ сообщаетъ животному сильный толчекъ всякій разъ, какъ оно начинаетъ останавливаться и такимъ образомъ заставляетъ его снова двигаться. Говорятъ, что одна такая норія можетъ оросить количество земли, достаточное для прокормленія цѣлаго семейства.

На югѣ искуственное орошеніе, уже съ давнихъ временъ, составляетъ главную причину богатства страны. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ маврамъ и имъ они выполнили самую тяжелую и существенную часть труда: посредствомъ 8 главныхъ каналовъ они отвели на поля воду Гвадалквивира, терявшуюся въ морѣ. Эти каналы существуютъ еще и до настоящаго времени; главнѣйшій изъ нихъ Моннадскій представляетъ какъ бы большую артерію, подраздѣляющуюся на безконечное количество болѣе мелкихъ вѣтвей. Благодаря искусному устройству плотинъ, позволяющихъ по произволу поднимать и опускать уровень воды, мавры съумѣли избѣгнуть двухъ противоположныхъ неудобствъ: недостатка воды и чрезмѣрнаго наводненія. Вода орошаетъ все поле, стекая по наклонной плоскости. Земляной валъ, окружающій поле, сдерживаетъ воду, которая стекаетъ на сосѣднее поле, когда первое достаточно орошено. Благодаря искуственному орошенію, плодородіе нѣкоторыхъ мѣстностей въ Испаніи, напр. окрестностей Валенсіи, вошло въ пословицу:

земля тамъ никогда не отдыхаетъ и одна жатва смѣняетъ другую. Стебель маиса (кукурузы) достигаетъ $2^1/_2$ сажень высоты. Тутъ также разводятъ рисъ; но къ сожалѣнію это чрезвычайно вредно для здоровья жителей, такъ какъ подъ рисъ нужна болотистая почва, испаренія которой причиняютъ жесточайшую лихорадку. Не менѣе тяжелы при этомъ и работы: съ утра до вечера видите вы множество рабочихъ на поляхъ, засѣянныхъ рисомъ, ноги ихъ цѣлый день въ водѣ, голову печетъ жгучее испанское солнце и во все это время они вдыхаютъ въ себя вредныя испаренія.

Народъ очень цѣнитъ искуственное орошеніе и вода вездѣ въ Испаніи стоитъ такъ дорого, что тутъ существуетъ даже особый разрядъ людей, которыхъ называютъ *водяными ворами*. Такъ называютъ тѣхъ, кто отводитъ воду на свои поля и удерживаетъ ее долѣе, чѣмъ имѣетъ на это право. Чтобы разбирать спорныя дѣла по орошенію, уже 9 столѣтій существуетъ здѣсь *водяное судилище*. Оно было, говорятъ, учреждено однимъ арабскимъ калифомъ въ 920 году и сохранилось до настоящаго времени въ своемъ первобытномъ видѣ. Это правосудіе самое патріархальное: тутъ нѣтъ ни солдатъ, ни жандармовъ, ни адвокатовъ и прокуроровъ; судьи, или *синдики*,—простые рабочіе, выбранные самими же рабочими.

Каждый четвергъ въ полдень, въ Валенсіи, собирается на открытомъ воздухѣ близь собора *водяной трибуналъ*... Изъ всей мебели на этомъ судилищѣ можно замѣтить одну софу, на которой располагаются судьи. Столъ былъ бы тутъ совершенно безполезенъ, такъ какъ употребленіе перьевъ, бумаги и чернилъ совершенно неизвѣстно этимъ судьямъ. Когда соборные часы ударятъ 12, судъ открываетъ свое засѣданіе. Выходятъ два сильныхъ крестьянина, одѣтыхъ въ національный костюмъ. Истецъ излагаетъ свою жалобу, сопровождая ее самыми энергическими жестами, отвѣтчикъ возражаетъ съ неменьшею энергіею. Синдикъ выслушиваетъ стороны, спокойно сидя на софѣ; потомъ онъ встаетъ и дѣлаетъ вопросы. Судъ, члены котораго носятъ такую же одежду, какъ и тяжущіеся, совѣщается и немедленно постановляетъ рѣшеніе. Виновнаго приговариваютъ къ денежному штрафу. Вслѣдъ затѣмъ разбираютъ другія дѣла и въ какихъ нибудь часа два все оканчивается. Несмотря на простоту формъ водянаго трибунала, его постановленія имѣютъ такую же силу, какъ и рѣшенія обыкновенныхъ судовъ.

Однако вернемся къ испанской почвѣ и посмотримъ что даетъ она кромѣ зерновыхъ хлѣбовъ. Гдѣ бы вы ни путешествовали на югѣ этой страны, вы всюду неизбѣжно встрѣтите *алоэ*, которое достигаетъ здѣсь иногда огромнаго роста. Тамъ и сямъ видны желтые цвѣты этого растенія. Его мясистыя листья вы видите на каждомъ шагу на полянахъ, у небольшаго кустарника, и во всѣхъ полевыхъ изгородяхъ. Это растеніе здѣсь также идетъ въ дѣло. Но чтобы изъ него ни дѣлали, листья его прежде всего раздавливаютъ камнемъ; потомъ ихъ связываютъ пучками, раскладываютъ на доски и сильно надавливаютъ на нихъ желѣзною полосою. Такимъ образомъ отдѣляютъ волокнистую часть отъ мясистой; затѣмъ растеніе моютъ въ нѣсколькихъ водахъ и сушатъ на солнцѣ. Изъ волоконъ алоэ чаще всего плетутъ веревки для конской упряжи; во многихъ мѣстностяхъ крестьяне плетутъ себѣ изъ нихъ лапти.

Листья алоэ, разрѣзанные на маленькіе кусочки, служатъ также пищею для быковъ.

На югѣ и юго-востокѣ Испаніи разводятъ оливковыя и шелковичныя деревья, а также и виноградники. Самые лучшіе виноградники близь города Хе-

реса; большая часть ихъ принадлежитъ виннымъ торговцамъ. Около виноградниковъ огромныя зданія, въ которыхъ живутъ иногда до тысячи рабочихъ. Тутъ же стоятъ огромные чаны и обширные погреба для винъ. Когда виноградъ начнетъ созрѣвать, работники раздѣляются на партіи по 12 человѣкъ; каждая такая партія, съ надсмотрщикомъ во главѣ, отправляется въ виноградники и сборъ начинается. Собранныя гроздья раскладываютъ на большихъ тростниковыхъ плетенкахъ и выставляютъ на солнце на нѣсколько дней. Днемъ ихъ много разъ переворачиваютъ, а ночью, чтобы защитить отъ росы, непремѣнно чѣмъ-нибудь покрываютъ. Когда водянистыя части нѣсколько испарились, виноградъ несутъ въ давильные чаны. Сокъ, который при этомъ получается, разливаютъ въ бочки и оставляютъ перебродить на извѣстное время. Это броженіе обыкновенно оканчивается въ январѣ мѣсяцѣ, и тогда этотъ сокъ уже превращается въ настоящее вино. Но въ такомъ видѣ его еще не отправятъ за-границу, — передъ этимъ его очищаютъ посредствомъ яичнаго бѣлка, смѣшаннаго съ мѣломъ. Послѣ этой операціи, въ новое вино прибавляютъ еще немного Vino Madre (вина-матери); такъ называютъ очень старое вино, употребляемое для улучшенія другихъ винъ. Кромѣ того ко всѣмъ винамъ, вывозимымъ изъ Хереса, прибавляютъ водки, чтобы онѣ лучше перенесли путешествіе и были больше по вкусу иностранцамъ. Вина Хереса давно пріобрѣли всесвѣтную извѣстность. Владѣльцы здѣшнихъ виноградниковъ любезно принимаютъ иностранцевъ и охотно показываютъ имъ давильные чаны и огромные погреба, гдѣ они сохраняютъ свои вина. Внѣшній видъ этихъ погребовъ, съ огромными, правильными и симметрическими фасадами безъ оконъ, не представляетъ ничего живописнаго; но за то такъ пріятно обдаетъ васъ благоуханіе, лишь только открываютъ дверь погреба. Внутри вы видите безчисленное количество бочекъ всевозможныхъ размѣровъ, нагроможденныхъ въ большомъ порядкѣ въ пять и шесть рядовъ въ вышину. Прекрасно устроенная вентиляція даетъ возможность поддерживать опредѣленную температуру и уменьшать постоянно накопляющіяся испаренія.

Въ этихъ погребахъ обыкновенно находятся вина отъ пяти и шести-лѣтняго сбора, такъ какъ это вино продается не ранѣе пяти лѣтъ. Другой центръ виннаго производства въ Испаніи — Малага.

Около Севильи находятся обширныя зданія, гдѣ приготовляютъ оливковое масло. Оливковое дерево, которое такъ часто попадается въ Испаніи, вовсе не красиво: оно имѣетъ печальный видъ, сѣро и не краситъ пейзажа. Деревья эти кажутся еще монотоннѣе потому, что оливковыя плантаціи расположены совершенно симметрично. Одни деревья даютъ плоды съ голубиное яйцо, другія же породы—не болѣе вишни. Собираютъ оливы осенью; когда онѣ созрѣютъ, крестьяне съ своими семействами приходятъ на плантаціи, бросаютъ плоды въ тростниковыя корзины и нагружаютъ ими сильныхъ андалузскихъ ословъ, которые легко могутъ переносить большія тяжести. Выжавъ оливы, масло наливаютъ въ продолговатые сосуды. Иностранцы не любятъ оливковаго масла; испанцы, напротивъ, предпочитаютъ его французскому и итальянскому и на немъ поджариваютъ и приготовляютъ всѣ свои кушанья.

Много также въ Испаніи и апельсинныхъ деревьевъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ можно видѣть даже цѣлыя рощи. Многіе думаютъ, что разведеніе апельсинныхъ деревьевъ въ прекрасномъ климатѣ не требуетъ никакого ухода, но такое мнѣніе совершенно ошибочно. И при отличномъ климатѣ деревья эти растутъ не на всякой землѣ; всего пригоднѣе для нихъ песчаная

почва, но и при этомъ онѣ требуютъ самыхъ внимательныхъ заботъ. Ихъ необходимо поливать, нужно удобрять землю не менѣе трехъ разъ въ году, но болѣе всего необходимо оберегать ихъ отъ сильныхъ вѣтровъ. Для этого владѣлецъ апельсинныхъ рощъ густо обсаживаетъ ихъ кипарисами. Чѣмъ больше ухаживаютъ за апельсинными деревьями, тѣмъ больше даютъ онѣ плодовъ. Ихъ здѣсь разводятъ двумя различными способами: посредствомъ сѣянія зернышекъ и прививкою. Послѣднія даютъ болѣе сочные плоды, но эти деревья не живутъ такъ долго, какъ первыя и бываютъ меньше ростомъ. Тѣ, что выросли изъ сѣмянъ, достигаютъ до 25 футовъ вышины и живутъ до ста лѣтъ. Апельсинныя деревья рѣдко даютъ плоды ранѣе пятилѣтняго возраста; но когда они достигли періода полнаго своего развитія, то могутъ давать каждый годъ до 2-хъ тысячъ апельсиновъ, а въ исключительныхъ случаяхъ и до 5 ти тысячъ. Апельсины начинаютъ принимать свой красивый желтый цвѣтъ не ранѣе ноября. Когда ихъ нужно отправлять въ чужіе края, ихъ собираютъ не много недозрѣвшими, чтобы они лучше перенесли перевозку. Кто хочетъ полакомиться дѣйствительно хорошими апельсинами, вполнѣ сочными и созрѣвшими, долженъ снять ихъ прямо съ дерева весною, въ маѣ мѣсяцѣ. Любопытно, что свиньи, если ихъ впустятъ въ апельсинную рощу, не ѣдятъ плодовъ, которыхъ обыкновенно много валяется подъ деревьями, такъ что наша поговорка «понимаетъ толкъ, какъ свинья въ апельсинахъ» оказывается совершенно справедливою. Всего интереснѣе посѣтить апельсинныя рощи въ апрѣлѣ или маѣ. Тогда одни деревья сверху до низу унизаны золотистыми плодами, а другія покрыты чудными цвѣтами. Необыкновенно пріятный, сильный запахъ, распространяемый апельсинными рощами, даетъ себя чувствовать на огромное разстояніе, особенно въ теплые вечера. Цвѣтовъ бываетъ такое изобиліе, что при небольшомъ вѣтрѣ, они, какъ снѣгъ, покрываютъ землю густымъ, бѣлымъ слоемъ. Но обыкновенно стараются не допустить эти цвѣты упасть на землю, а разстилаютъ подъ деревья полотно и собираютъ ихъ и продаютъ въ аптеки и въ косметическія лавки для духовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ихъ такъ много (въ двухъ городахъ провинціи Валенсіи апельсинныхъ рощъ насчитываютъ болѣе 600), что вы безпрестанно встрѣчаете здѣсь дѣтей, которые катаютъ апельсины, играютъ ими и перебрасываются, какъ въ Нормандіи дикими яблоками. Когда апельсины собраны, ихъ сортируютъ по величинѣ; для этого ихъ мѣряютъ кольцами различнаго калибра и затѣмъ раскладываютъ по сортамъ въ продолговатые ящики.

На югѣ Испаніи растетъ сахарный тростникъ, который, во время арабовъ, разводился здѣсь въ обширныхъ размѣрахъ, фиговыя, миндальныя, гранатовыя и рожковыя деревья

Прежде чѣмъ покончить съ испанскою растительностію, мы скажемъ нѣсколько словъ о рощахъ финиковыхъ пальмъ. Прогуливаясь въ нихъ, можно наблюдать пальмы всѣхъ возрастовъ, отъ столѣтнихъ, до-только что посаженныхъ. Есть два рода пальмовыхъ деревьевъ: съ мужскими и женскими цвѣтами. Бѣлые цвѣты перваго рода распускаются въ маѣ мѣсяцѣ и даютъ желтоватую пыль, оплодотворяющую женскіе цвѣты, которые послѣ этого превращаются въ плоды, граціозно свѣшивающіеся кистями съ дерева и принимающіе съ іюня мѣсяца золотисто-желтый цвѣтъ. Каждое такое дерево даетъ плодовъ въ годъ, среднимъ числомъ, на 11 франковъ. Женскія деревья, не дающія плодовъ, тоже идутъ здѣсь въ дѣло: вѣтви ихъ употребляютъ во время различныхъ процессій и ими украшаютъ балконы домовъ. По народному

повѣрью, пальмы предохраняютъ отъ молніи, и потому большинство домовъ имѣютъ свою пальму-предохранительницу. Эти вѣтви срѣзаютъ обыкновенно въ опредѣленное время. Любопытно смотрѣть на эту операцію. Крестьяне съ удивительной ловкостью взбираются на дерево и, чтобы не упасть, обвязываютъ веревку вокругъ своего тѣла и дерева, такимъ образомъ веревка эта составляетъ родъ подвижнаго кольца. Затѣмъ они быстро поднимаются, опираясь голыми ногами на неровности ствола и поднимая по мѣрѣ восхожденія кольцо, служащее имъ опорою. Добравшись до вершины, они начинаютъ собирать вѣтви и связывать ихъ вмѣстѣ и при этомъ все болѣе стягиваютъ веревочное кольцо. Страшно смотрѣть на нихъ въ это время, но они держатся съ удивительною ловкостью, не смотря на то, что пальма подъ ними такъ и раскачивается.

Главную отрасль скотоводства составляетъ разведеніе овецъ и между прочимъ извѣстной испанской мериносовой породы. Превосходные луга заняты громадными стадами странствующихъ барановъ: это мериносы *месты*, столь извѣстные своими странствованіями и превосходнымъ руномъ. *Местою* называютъ союзъ, очень давно установившійся въ Испаніи и членами котораго были владѣльцы стадъ, посылаемыхъ каждую зиму въ тѣ провинціи, гдѣ климатъ умѣреннѣе и пастбища обильнѣе. Послѣ изгнанія арабовъ изъ Эстремадуры, эта провинція оставалась по большей части ненаселенною и обширныя обработанныя поля скоро обратились въ луга; такимъ образомъ постепенно установился обычай посылать туда стада изъ болѣе сѣверныхъ провинцій. Съ 1501 года былъ установленъ *совѣтъ месты*, по которому жители четырехъ провинцій: Куэнсы, Соріи, Сеговіи и Леона, получили привилегію пасти свои стада на лугахъ Эстремадуры. Благодаря этому обычаю Эстремадура и осталась наименѣе населенною испанскою провинціею. Уничтожить это старое обыкновеніе было весьма трудно, тѣмъ болѣе, что бо́льшая часть стадъ принадлежала монастырямъ, богатымъ землевладѣльцамъ, испанскимъ грандамъ и другимъ могущественнымъ лицамъ. Наконецъ въ 1831 г. привилегіи Месты были уничтожены и пастбищами Эстремадуры можно пользоваться теперь лишь на обыкновенныхъ условіяхъ.

Въ Испаніи два сорта овецъ: 1) осѣдлыя, съ обыкновеннымъ руномъ, остающіяся на томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ родились и только на день выгоняемыя на паству, 2) овцы, которыя проводятъ лѣто въ сѣверныхъ горахъ и которыхъ, съ приближеніемъ зимы, отправляютъ въ южныя страны. Послѣднихъ называютъ *мериносами* и ихъ руно гораздо болѣе цѣнится. Лучшія овцы водятся въ одномъ горномъ округѣ Леона. Тамъ находятся прекрасныя пастбища и большая часть жителей—пастухи. Стадами распоряжается *майораль*, который платитъ деньги за наемъ пастбища, жалованье низшимъ пастухамъ и назначаетъ время, когда стадо должно двинуться въ походъ. У майораля есть помощникъ и подъ его начальствомъ всѣ пастухи, которые получаютъ небольшое жалованье, но за то имѣютъ право вести на пастбище нѣсколько своихъ собственныхъ овецъ, ничего не платя за это. Обыкновенно къ концу сентября странствующія стада отправляются въ Эстремадуру. Рѣдко можно видѣть болѣе любопытное зрѣлище. Приближеніе стадъ узнаешь по отдаленному побрякиванію тысячи колокольчиковъ; затѣмъ поднимается громадное облако бѣлой пыли и появляется предводитель одного изъ этихъ стадъ со своими любимыми баранами, вѣрно слѣдующими за нимъ; затѣмъ показывается остальное стадо съ пастухами и собаками. Арріергардъ составляетъ вьюч-

ный скотъ. Какъ только придутъ на пастбище, пастухи строятъ хижину на зимнее время; ее устраиваютъ самымъ первобытнымъ образомъ изъ земли и вѣтвей; все убранство состоитъ изъ нѣсколькихъ овчинъ, которыми они укрываются и на которыхъ спятъ ночью. Здѣсь пастухи по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются наединѣ со своими стадами Ихъ сопровождаютъ собаки съ длинною, грубою шерстью, весьма суровыя на видъ. Пастухи одѣты въ кафтаны изъ овчинъ, безъ рукавовъ; войлочная шляпа съ широкими полями, сандаліи и панталоны изъ грубаго сукна,—вотъ и весь ихъ костюмъ.

Испанская промышленность мало развита; она сосредоточивается въ приморскихъ провинціяхъ: Валенсіи, Мурсіи, Галиціи, Астуріи и Баскскихъ провинціяхъ, но всего болѣе въ Каталоніи. До сихъ поръ Испанія въ промышленномъ отношеніи находится въ сильной зависимости отъ Англіи. Торговля и судоходство значительно упали послѣ потери большихъ колоній въ Америкѣ. При маломъ развитіи промышленности весьма небольшая часть народа находитъ себѣ заработокъ на фабрикахъ. Положеніе этихъ фабричныхъ рабочихъ весьма незавидное. Такъ, напримѣръ, средній заработокъ хорошаго рабочаго и его семьи въ Валенсіи не болѣе 215 рублей въ годъ; изъ этихъ денегъ онъ издерживаетъ на квартиру отъ 25 до 30 р. въ годъ, на прокормленіе себя и своей семьи не менѣе 130 р., на платье и обувь около 30 р., на лѣченіе больныхъ членовъ семьи около 3 р. Нѣсколько остающихся рублей идутъ у него на подати и на непредвидѣнныя расходы, слѣдовательно изъ такого заработка онъ не можетъ сдѣлать никакихъ сбереженій. Въ Андалузіи заработная плата ремесленника отъ 75 к. до 1 р. 20 к. въ день. Жилища рабочихъ представляютъ обыкновенно только четыре стѣны безъ оконъ.

О канавахъ, дренажѣ и о сушкѣ земель здѣсь не имѣютъ никакого понятія и потому почти всѣ мѣстности, лежащія около рѣкъ, представляютъ лѣтомъ и осенью убѣжище для всякаго рода лихорадокъ. Въ Валенсіи жилища фабричныхъ рабочихъ нѣсколько лучше. Они живутъ тамъ обыкновенно въ большихъ кирпичныхъ домахъ, построенныхъ также какъ и во многихъ другихъ частяхъ Испаніи спекуляторами, отдающими ихъ въ наемъ. Дома эти имѣютъ подвальный этажъ, а надъ нимъ два другихъ. Лѣстница, расположенная въ срединѣ дома, раздѣляетъ каждый этажъ на двѣ квартиры, имѣетъ отдѣльный входъ, сѣни, двѣ спальни и кухню; въ стѣнѣ кухни есть отверстіе, чрезъ которое, при помощи веревки съ привязаннымъ къ ней ведромъ, хозяйка можетъ доставать воду изъ выкопаннаго при домѣ колодца. Воздухъ въ этихъ жилищахъ весьма тяжелый, не смотря на то, что окна и двери ихъ бываютъ открыты почти круглый годъ, такъ какъ дома эти расположены въ очень узкихъ, обстроенныхъ высокими домами улицахъ.

Типы испанскихъ пролетаріевъ.—Нищіе.—Разбойники.—Контрабандисты.—Шарраны.—Бреттёры.—Цыгане.—Ихъ нравы, характеръ и образъ жизни.

При низкой заработной платѣ сельскихъ и фабричныхъ рабочихъ, при развитіи крупной поземельной собственности на югѣ Испаніи, при постоянныхъ политическихъ треволненіяхъ и междуусобныхъ войнахъ, останавливающихъ естественный ходъ земледѣлія и промышленности, въ Испаніи множество нищихъ. Нѣтъ страны, гдѣ нищенство являлось бы съ большею безце-

ремонностію. Полный достоинства, можно даже сказать гордости, испанскій нищій живописно драпируется въ свои лохмотья; въ рукахъ у него обыкновенно палка, чтобы отгонять собакъ, какъ-то особенно ихъ преслѣдующихъ. Завернувшись въ свое рубище, нищій, какъ философъ, исполняетъ свою профессію, или, если хотите, свое искуство. Во многихъ семействахъ ремесло нищаго переходитъ по наслѣдству: юноши строго соблюдаютъ наставленія людей, искусившихся въ этомъ дѣлѣ, и пользуются ихъ опытомъ. Все ихъ время строго разсчитано и они твердо знаютъ, въ какомъ мѣстѣ имъ выгодно находиться, какой день, какой часъ самый благопріятный; съ какой фразой нужно обратиться къ проходящему, смотря по его состоянію, полу и возрасту. Нищіе очень искусно даютъ тотъ или другой оттѣнокъ своей просьбѣ; иногда они хранятъ краснорѣчивое молчаніе, а чрезъ нѣсколько минутъ кричатъ во все горло, если того требуютъ обстоятельства. Очень многіе изъ нихъ слѣпые, это объясняютъ жгучими лучами испанскаго солнца и страшно мелкою пылью испанскихъ равнинъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ нищіе имѣютъ на своей шапкѣ значекъ, показывающій, что имъ разрѣшено просить милостыню. Они обыкновенно поютъ духовные стихи въ честь святыхъ подъ акомпаниментъ мандолина или гитары, прерывая пѣніе просьбами о милостынѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дилижансъ, останавливающійся для перемѣны лошадей, осаждаютъ цѣлыя толпы нищихъ, иной разъ сразу до 25-ти человѣкъ. Тогда глазамъ туриста представляется картина всевозможныхъ человѣческихъ страданій: тутъ женщина, совершенно истощенная нуждою, кормитъ своею тощею грудью чуть живаго младенца; другія женщины, едва одѣтыя, бѣгутъ босикомъ по острымъ кремнямъ дороги, и тащутъ за собою дѣтей, часто голыхъ, или еле прикрытыхъ лохмотьями, изъ подъ которыхъ видно совсѣмъ бронзовое тѣло несчастныхъ малютокъ; слѣпые идутъ рядомъ съ хромыми, едва ковыляющими на своихъ костыляхъ, а тамъ везутъ маленькаго уродца, покрытаго язвами. Въ былое время средствомъ пропитанія для народа служило также разбойничество. Каждая дорога находилась во владѣніи извѣстной шайки, которая смотрѣла на нее, какъ на свою собственность. Содержатели дилижансовъ входили въ сношенія съ бандитами и поэтому они совершенно свободно нападали на проѣзжающихъ. При этомъ служащіе при дилижансѣ очень искусно разыгрывали роль перетрусившихъ, а разбойники совершенно покойно подходили къ экипажу и требовали у сидящихъ денегъ. Когда начальникъ шайки оставлялъ свое ремесло, онъ обыкновенно передавалъ другому предпринимателю свою дорогу и свою шайку. Разбойничество далеко не совсѣмъ исчезло въ Испаніи, но всетаки оно теперь значительно уменьшилось, за то другой незаконный промыселъ—контрабанда продолжаетъ существовать въ ней и до настоящало времени. Ее особенно успѣшно ведутъ жители горъ на югъ отъ Гвадалквивира. По этимъ крутымъ горамъ, изборожденнымъ почти непроходимыми тропинками, пробираются необыкновенно дѣятельные и смѣлые горцы съ товарами, обложенными высокою пошлиною. Евреи въ Гибралтарѣ снабжаютъ контрабандистовъ товарами: муслинами, шелковыми платками, сигарами, табакомъ и проч. Но какъ провести эти товары на испанскую почву? Это уже дѣло особаго маклера, которымъ обыкновенно бываетъ человѣкъ, бѣжавшій съ мѣста родины и ловко ускользнувшій изъ рукъ правосудія. Его занятія состоятъ въ томъ, что онъ подкупаетъ таможенныхъ надсмотрщиковъ и тѣ сквозь пальцы смотрятъ на тайный провозъ. Иной разъ эти маклера ведутъ большія дѣла и такимъ образомъ выгружаютъ при посредствѣ контрабандистовъ цѣлые

корабли. Контрабандисты обыкновенно путешествуютъ не по одиночкѣ, а по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и при этомъ ночью, останавливаясь въ уединенныхъ фермахъ, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ у нихъ много пріятелей. Эти смѣлые люди знаютъ самые трудные и узкіе проходы въ Сьеррѣ и съ необыкновенною ловкостью карабкаются по горамъ съ мѣшкомъ на спинѣ и съ карабиномъ черезъ плечо, хватаясь руками за выступы скалъ. Они часто въ наилучшихъ отношеніяхъ съ властями въ тѣхъ городахъ, по которымъ проходятъ: въ такомъ случаѣ они никогда не забудутъ подарить ящикъ сигаръ алькаду, табаку его секретарю и фуляру на платье женѣ мера—синьорѣ алькадесѣ. Въ большинствѣ случаевъ они безъ всякихъ приключеній приходятъ къ цѣли своего путешествія; но иной разъ наткнутся на карабинеровъ (правительственныя войска) и тогда завязывается сраженіе. Впрочемъ это бываетъ рѣдко, такъ какъ съ таможенною стражею очень легко войти въ соглашеніе и нѣсколько дуросовъ улаживаютъ дѣло къ удовольствію обоихъ лагерей. Прибывъ къ цѣли путешествія, контрабандистъ сдаетъ товары своимъ агентамъ, которые дѣлятъ съ нимъ выгоду. Когда онъ не въ дорогѣ, онъ расточительно тратитъ деньги, пріобрѣтенныя съ опасностью жизни; проводитъ время въ таверне (кабачекъ), играетъ тамъ въ карты, разсказываетъ о своихъ подвигахъ и пьетъ хересъ. Этого рода люди рѣдко пріобрѣтаютъ состояніе и обыкновенно кончаютъ свои подвиги тюрьмою. Говорятъ, что въ случаѣ застоя въ своихъ торговыхъ дѣлахъ, контрабандисты съ величайшею вѣжливостью облегчаютъ кошельки путешественниковъ.

Остановимся еще на двухъ испанскихъ народныхъ типахъ. Скажемъ нѣсколько словъ о *шарранѣ*, — типѣ болѣе всего свойственномъ Малагѣ. Что такое *шарранъ*? Это не парижскій гаменъ и не неаполитанскій лаццарони и между тѣмъ онъ имѣетъ и съ тѣмъ и другимъ много общаго. Прогуливаясь по набережной въ Малагѣ, часто можно видѣть кучку людей, сидящихъ въ тѣни барки, вытащенной на берегъ, и играющихъ въ карты. Это шарраны; они родились на Малагѣ и умрутъ въ ней, если не окончатъ жизни въ тюрьмѣ. Люди эти имѣютъ повидимому опредѣленное ремесло — продаютъ по улицамъ мѣстные сардинки, или предлагаютъ свои услуги хозяйкамъ отнести ихъ покупки въ домъ; но на самомъ дѣлѣ они ничего не дѣлаютъ, какъ у насъ говорится, живутъ *художествомъ* и грѣются на солнцѣ, лежа на берегу. Шарранъ — это юноша отъ 14 до 20 лѣтъ; ему нечего учиться ловкости и находчивости у самыхъ искусныхъ мошенниковъ Неаполя или Лондона. Разскажемъ одинъ изъ тысячи случаевъ, который ихъ обрисуетъ лучше всего. Однажды компанія шаррановъ провѣдала, что у погонщика муловъ, пришедшаго изъ горъ, были кое-какія деньги. Они узнали это слѣдующихъ образомъ: Погонщикъ муловъ встрѣтилъ знакомаго крестьянина, который убѣждалъ его пойти съ нимъ въ церковь; недовѣрчивый горецъ отвѣчалъ, что у него есть съ собою золото и что онъ боится мошенниковъ; «такъ положи его въ ротъ и тогда ты будешь совершенно безопасенъ», сказалъ ему пріятель. При этомъ разговорѣ шарраны сидѣли не подалеку и все слышали. Погонщикъ послушался пріятеля и отправился съ нимъ въ церковь. Шарраны, какъ ни въ чемъ не бывало, послѣдовали за ними. Двое изъ нихъ положили въ свои платки по нѣсколько мелкихъ монетъ и стали собирать подаяніе на молебенъ въ честь пресвятой Богородицы. Они подошли и къ погонщику, стали около него на колѣни и забормотали молитвы, не выпуская его изъ виду. По окончаніи обѣдни одинъ изъ нихъ нарочно уронилъ изъ платка монеты и онѣ

покатились по полу.—«Caballeros», закричалъ тогда одинъ изъ нихъ, не трогайтесь съ мѣста, эти деньги принадлежатъ пресвятой Богородицѣ.—«Но гдѣ же золото?» вдругъ, какъ бы въ ужасѣ, вскричалъ одинъ изъ нихъ. Всѣ наклонились его искать. Вдругъ одинъ изъ толпы (это былъ ихъ третій товарищъ) закричалъ, показывая пальцемъ на бѣднаго погоньщика: «Смотрите-ка, вотъ этотъ плутъ поднялъ золотую монету и спряталъ ее въ ротъ.» Тотъ смущенный вынулъ монету изорта, а мошенники, съ искусно разыграннымъ негодованіемъ, вырвали ее у него и бросили въ платокъ своего товарища. Раздраженная толпа осыпала бранью мнимаго вора и когда наконецъ несчастный могъ открыть ротъ, чтобы оправдаться, шарраны уже исчезли. Набережная и нѣкоторыя площади въ Малагѣ мѣста ихъ подвиговъ; тамъ они берутъ свою дань со всѣхъ выгружаемыхъ товаровъ; то треска ловко исчезла подъ ихъ рубашкой, то огромная луковица, дыня; они также очень ловко вонзаютъ свою наваху (ножъ) въ тюкъ и незамѣтно умѣютъ подбирать высыпающійся оттуда рисъ. Они очень любятъ играть въ карты, какъ почти всѣ андалузцы низшаго класса; грязный пледъ, сложенный въ четверо и брошенный на землю, служитъ имъ «зеленымъ полемъ»; карты ихъ обыкновенно такъ засалены, что едва можно различать очки. Но это ихъ нисколько не смущаетъ и они такъ же страстно предаются азартной игрѣ въ орлянку, какъ записные игроки въ стуколку. Эти игры шаррановъ непремѣнно оканчиваются общей свалкою, въ которой они такъ и подчуютъ другъ друга ударами кулаковъ, палкою, камнями, а нерѣдко и навахою. Шарранъ большой любитель курить и мастеръ собирать окурки, которые онъ тотчасъ превращаетъ въ сигары. Любопытно смотрѣть на шаррана, когда ему удалось добыть сигару. Какъ какой нибудь принцъ-крови, онъ важно сидитъ въ кругу своихъ пріятелей: сначала онъ самъ закуриваетъ, затягивается одинъ разъ изо всей силы и передаетъ сосѣду, который повторяетъ тоже самое и сигара переходитъ изъ рукъ въ руки, пока ее не выкурятъ.

Лѣтомъ шарранъ спитъ на открытомъ воздухѣ, около домовъ, не заботясь о москитахъ, укола которыхъ не боится его бронзовая кожа. Зимою онъ всегда найдетъ какой нибудь портикъ, гдѣ можно преклонить голову и найти защиту отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Къ политическимъ партіямъ онъ совершенно равнодушенъ и всегда пристанетъ къ той, которая одержала верхъ.

Другой, еще болѣе любопытный типъ, встрѣчающійся во всей Андалузіи—*барратеро*, или бреттёръ, забіяка. Это человѣкъ изъ самыхъ низшихъ классовъ общества, необыкновенно ловко владѣющій навахою, смѣльчакъ и первѣйшій нахалъ. Мы уже сказали, что андалузцы низшихъ классовъ необыкновенные картежники; въ каждомъ городѣ есть люди, исключительный промыселъ которыхъ состоитъ въ игрѣ; спеціально для этой цѣли тутъ существуетъ и множество кабачковъ, въ которыхъ они собираются играть въ карты. Но испанскіе пролетаріи играютъ не только въ кабачкахъ: на морскомъ берегу, въ тѣни барки; подъ деревьями аллеи, у старой стѣны въ какомъ нибудь уединенномъ мѣстѣ. Однимъ словомъ они собираются всюду, гдѣ только можно усѣсться нѣсколькимъ человѣкамъ. При этомъ во время игры они представляютъ живописную группу: одни изъ нихъ сидятъ, другіе лежатъ на животѣ передъ колодою грязныхъ картъ. Ихъ обыкновенно подвижныя физіономіи теперь оживлены болѣе, чѣмъ когда нибудь, такъ какъ ихъ волнуютъ самыя противоположныя чувства. Радость, надежда, отчаяніе, мгновенная вспышка злобы на товарища, наконецъ страхъ алгвазила (полицейскаго), все это по-

перемѣнно появляется и исчезаетъ въ выраженіи ихъ лицъ. Вдругъ неизвѣстно откуда выростаетъ передъ ними человѣкъ, съ дерзкимъ, вызывающимъ видомъ. Онъ плотно сложенъ, его камзолъ небрежно накинутъ на плечи, а короткіе панталоны поддерживаются поясомъ; это — баратеро. Онъ безцеремонно бросаетъ среди играющихъ колоду картъ со словами: «Здѣсь играютъ только моими картами!» Ясно, что игроки должны ему платить за каждую ставку. Если никто ему не противорѣчитъ и начинаютъ играть его картами, онъ спокойно садится тутъ же и ждетъ окончанія игры, чтобъ получить назначенную имъ мелкую монету. Но далеко не всегда такъ мирно кончается дѣло. Иногда находится храбрецъ, который смѣло говоритъ ему: «Товарищъ, намъ этого не нужно,—видишь своя колода» и спокойно подаетъ назадъ брошенныя карты. Такого смѣльчака баратеро хватаетъ за воротъ и отводитъ въ сторону; оба хватаются за навахи и черезъ мгновеніе вы видите и блескъ сверкающей стали, и блескъ сверкающихъ глазъ... не проходитъ и двухъ минутъ, какъ одинъ изъ нихъ падаетъ окровавленный.

Такіе баратеро встрѣчаются во всѣхъ слояхъ низшаго общества. Баратеро является и на фабрикѣ, и въ войскѣ, и въ тюрьмѣ. Войсковой баратеро — тиранъ своей роты, каждый солдатъ боится его и старается все для него сдѣлать, лишь бы избавиться отъ ссоры, которую онъ заводитъ со всякимъ, кто ему не уступаетъ. Поэтому каждый, хотя и съ проклятіями отдаетъ бараттеру все, на что у того разгораются глаза, всѣ, куда онъ затешется, дѣлаютъ ему всевозможныя уступки. Его часто избавляютъ отъ работъ, дарятъ ему сигареты, деньги. И баратеро вездѣ чувствуетъ себя господиномъ: онъ пьетъ вино, не выпускаетъ изо-рта сигары и все это онъ добываетъ не трудомъ своимъ, а умѣньемъ наводить на другихъ страхъ и своимъ непоколебимымъ нахальствомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ бреттёровъ безпрестанно попадаютъ въ тюрьму и тогда они дѣлаются въ полномъ смыслѣ ужасными для окружающихъ. Какъ только вновь осужденный переступаетъ порогъ тюрьмы, баратеро требуетъ съ него вступныхъ денегъ и если тотъ отказывается дать, то немедленно получаетъ отъ баратеро ударъ навахой. Понятно, какъ можетъ кончать жизнь баратеро. Разъ онъ попался въ руки правосудія за какое нибудь убійство, черезъ мѣсяца два послѣ этого по улицамъ слышится звукъ колокольчика и вы видите человѣка, просящаго на заупокойную обѣдню несчастнаго, котораго будутъ казнить. И дѣйствительно, среди площади воздвигнутъ эшафотъ, гдѣ будутъ казнить преступника удушеніемъ (garrote); палачъ надѣваетъ ему на шею роковой желѣзный ошейникъ и при этомъ по обыкновенію спрашиваетъ его: «Прощаешь ли ты меня?»

Цыгане, которыхъ такъ много въ Испаніи, считаются здѣсь народомъ презрѣннымъ и живутъ особнякомъ среди остальнаго населенія. Они составляютъ какъ бы особую касту, вступаютъ въ бракъ только другъ съ другомъ и говорятъ особымъ языкомъ. Они стройны, гибки и нѣкоторые изъ нихъ отличаются замѣчательною красотою: у всѣхъ у нихъ огромные, черные, живые глаза, черные, какъ смоль, волосы и зубы бѣлые, какъ слоновая кость. О религіи цыгане, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, хитаны — имѣютъ самое смутное понятіе; они на половину язычники. Они вѣрятъ въ добрую и злую силу, имѣютъ множество таинственныхъ обычаевъ и обрядовъ, къ которымъ обращаются въ несчастіи и при всякихъ житейскихъ случайностяхъ. Говорятъ даже, что многіе изъ нихъ вѣрятъ въ переселеніе душъ. Обокрасть христіанина хитанъ считаетъ за величайшую заслугу, воровство у своего брата—

преступленіе. Удивительно, какъ цыгане повсюду вѣрны своей природѣ, и какъ могучъ этотъ типъ, если онъ на такихъ противуположныхъ концахъ Европы, какъ Россія и Испанія, сохранилъ свою оригинальность, сходство въ характерѣ, даже одинаковую склонность къ извѣстнаго рода занятіямъ. Хитане въ Испаніи, какъ и во всемъ мірѣ, барышничаютъ лошадьми, лѣчатъ ихъ, для чего они часто напередъ потихоньку опаиваютъ ихъ, занимаются кузнечнымъ ремесломъ, поютъ, гадаютъ, пляшутъ и стригутъ животныхъ. Каждая лошадь, мулъ, оселъ во всей Испаніи ежегодно стригутся цыганами. Этотъ промыселъ, кажется, уже издавна составляетъ ихъ исключительную привиллегію. Какъ ни отличаются они между испанцами своими особыми нравами и обычаями, тѣмъ не менѣе они многое переняли отъ народа, среди котораго живутъ. Также, какъ и испанцы, они дерутся навахами, а часто и огромными ножницами, которыми стригутъ животныхъ.

Не смотря на дикіе обычаи и горячую южную кровь, хитаны отличаются безупречными нравами и цѣломудріемъ. Они вступаютъ въ бракъ весьма не скоро послѣ обрученія; обыкновенно молодые люди бываютъ женихомъ и невѣстою въ продолженіи двухъ лѣтъ; свадьбу празднуютъ очень шумно и въ продолженіи нѣсколькихъ дней поютъ, танцуютъ и истрачиваютъ въ это время почти все, что имѣютъ. Когда кто нибудь изъ нихъ умретъ, то тѣло покойника кладутъ на землю на соломенномъ тюфякѣ; при этомъ женщины бросаются ницъ и рвутъ руками свои густые волосы. Мужчины же топятъ печаль въ винѣ и тутъ же выпиваютъ по нѣсколько стакановъ въ память покойника. Мы уже знаемъ, что въ Севильѣ хитаны живутъ въ особомъ предмѣстьѣ Тріана, расположенномъ на правомъ берегу Гвадалквивира и сообщающемся съ городомъ желѣзнымъ мостомъ.

Въ Гренадѣ тоже имъ не дозволяютъ жить въ самомъ городѣ и они занимаютъ особый кварталъ Sacro Monte. Хотя Sacro Monte очень населено, но домовъ тамъ очень мало; за то въ склонахъ холмовъ продѣлано множество норъ и пещеръ, гдѣ живутъ хитаны. Иногда передъ этими логовищами находится маленькій дворикъ, дурно запертый или совсѣмъ не запертый, такъ какъ въ этихъ жалкихъ жилищахъ нечего красть. Внутренность этихъ ямъ ужасна. Цѣлое семейство, человѣкъ въ восемь а часто и болѣе, живетъ всю жизнь въ темномъ подземельѣ, шириною шаговъ въ десять, вышиной въ сажень; черезъ дыру, сдѣланную въ сводѣ, проходитъ дымъ, когда готовятъ кушанье; одно и то же отверстіе служитъ и дверью, и окномъ. Какая нибудь скамья въ одномъ углу и простой столъ — вотъ и все убранство жилища; иногда есть нары, но это уже роскошь, такъ какъ по большей части все семейство спитъ въ повалку на всякомъ отрепьѣ и сорѣ, сбираемомъ въ городѣ. Одежды на стѣнахъ обыкновенно не видно никакой, потому что они носятъ одну и ту же одежду, не перемѣняя ее, пока она совсѣмъ не свалится съ плечъ. Дѣти совершенно голые, черные, какъ африканцы, валяются тамъ и сямъ посреди тощихъ домашнихъ птицъ и самыхъ грязныхъ животныхъ. У дверей этихъ подземныхъ жилищъ вы видите обыкновенно слѣдующія сцены: молодая красавица-цыганка, съ длинными рѣсницами и черными вьющимися волосами, съ тяжелыми серьгами въ ушахъ, стоитъ позади старухи, настоящей колдуньи, и ищетъ у нея въ головѣ животныхъ; на рукахъ у старухи спитъ ребенокъ, а другой, почти голый, валяется около большихъ бубенъ у ногъ своей бабушки и дико озирается, подперши рукою голову. Тутъ же его отецъ, съ суровымъ, бронзовымъ лицемъ, съ платкомъ,

повязанным на головѣ и падающимъ на затылокъ, посматриваетъ безучастно на эту привычную для него сцену. У другой такой норы сидитъ молодая цыганка, а ея мать расчесываетъ ей длинные волосы, черные, съ синимъ отливомъ, цвѣта вороньяго крыла; кошка и сорока дружелюбно сидятъ на подоконникѣ, а большая собака, съ поднятыми ушами, посматриваетъ на нихъ.

Въ Гренадѣ съ нѣкотораго времени существуетъ обычай, дающій доходъ хитанамъ. Едва иностранецъ пріѣзжаетъ въ гостинницу, его спрашиваютъ, когда ему будетъ угодно посмотрѣть пляску хитанъ. Затѣмъ появляется смуглый малый, котораго почему-то называютъ капитаномъ; онъ предлагаетъ показать пляску и заламываетъ обыкновенно страшную цѣну. Онъ нанимаетъ на вечеръ помѣщеніе и проситъ дозволеніе полиціи привести нѣсколько дѣвушекъ въ городъ изъ загородныхъ пещеръ. Вечеромъ проводникъ ведетъ иностранца въ маленькій домикъ въ какомъ нибудь захолустьѣ и тамъ, въ небольшой комнаткѣ, онъ находитъ цѣлое общество: пять, шесть молодыхъ цыганокъ отъ 14 до 17 лѣтъ, нѣсколько юношей и самъ капитанъ, распоряжающійся всѣмъ. Дѣвушки поочередно пляшутъ *фанданго* или *малагенью*, т. е. ловко скачутъ и граціозно прыгаютъ, юноши приплясываютъ, ударяя въ бубны, капитанъ, сидя, брянчитъ на гитарѣ. Послѣ танца каждая дѣвушка поочередно подходитъ къ иностранцу, кладетъ правую руку ему на плечо и слегка киваетъ головой. Этимъ жестомъ замѣняется прежній поцѣлуй, дававшійся испанкой послѣ пляски своему кавалеру. Впрочемъ и теперь, если иностранецъ нравится хитанѣ, то она спокойно, просто и ни чуть не стѣсняясь подойдетъ послѣ пляски и, положивъ руку на его плечо, поцѣлуетъ разъ, два, усмѣхнется и отойдетъ на мѣсто. Разумѣется, на этихъ вечеринкахъ всѣ деньги идутъ въ руки капитана, устроившаго пляску, небольшая часть роднымъ дѣвушки, ей же самой врядъ ли достанется нѣсколько грошей. Но танцы, устраиваемые для иностранцевъ, не вполнѣ отличаются тою оригинальной дикостью, которая характеризуетъ цыганскіе танцы. Поэтому лучше просто идти самому на Сакро-Монте и набрать тамъ танцовщицъ и оркестръ. Музыканты начинаютъ играть и въ то же время растягиваютъ гнусливымъ фальцетомъ самыя странныя мелодіи. Старуха вооружается большими бубнами и они начинаютъ звенѣть подъ ея пальцами. Молодая дѣвушка, прекрасно сложенная, танцуетъ *зоронго* съ прелестною гибкостью и граціею. Ея босые ноги легко касаются земли, усыпанной кремнями, какъ будто бы она танцовала по ковру. Публика приходитъ въ восторгъ, танцовщица двигается еще быстрѣе и вотъ ея длинные черные волосы расплетаются и падаютъ на плечи. Молодой хитанъ подбѣгаетъ къ ней, двѣ другія пары дѣлаютъ тоже и начинаютъ танцовать всѣ вмѣстѣ, сходясь и расходясь. Они танцуютъ неутомимо и останавливаются только тогда, когда утомленные музыканты перестаютъ играть и пѣть. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ присутствующіе, цыгане они, или испанцы, старые или молодые, однимъ словомъ всѣ, кто только видитъ танцы или даже слышитъ отдаленные звуки музыки — пускаются въ плясъ. Тутъ можно видѣть преоригинальныя сцены: старуха подметала садъ и съ метлою пускается въ плясъ; дѣти, кто съ чѣмъ попало, какъ и кто чѣмъ игралъ, приподнимая рученки, поддерживая свои оборванныя юбочки, или граціозно подбоченясь, съ жаромъ отхватываютъ тотъ или другой танецъ.

Времяпрепровожденіе испанца.—Сіэста. — Тертулія. — Бесѣды у балкона въ лунную ночь и пристрастіе къ нимъ молодыхъ людей.—Пища.

Сильная, томительная жара заставляетъ испанца иногда большую часть дня рѣшительно ничего не дѣлать, такъ что въ Испаніи повсемѣстно уже вошло въ обычай отдыхать каждый день съ часу до трехъ. И куда бы вы ни пришли въ это время, вы никого не найдете на дворѣ. Въ городахъ въ это время пустѣютъ всѣ улицы; ремесленники оставляютъ свою работу, купцы закрываютъ лавки и идутъ спать. Если нужда заставитъ кого выйти въ эти часы на улицу, то стараются пробираться вблизи домовъ, по узкой полосѣ тѣни, которую они отбрасываютъ; при томъ каждый, кто выходитъ, покрываетъ лицо газомъ, или тюлемъ, чтобы предохранить себя отъ укола москитовъ, которые тогда появляются въ страшномъ количествѣ. Это время называется *сіэста.* Впрочемъ зажиточные испанцы и во все время дня старательно завѣшиваютъ окна и избѣгаютъ солнца. Но когда день склоняется къ вечеру и подуетъ свѣжій вѣтерокъ, всѣ дома сразу пустѣютъ и всѣ мѣста для гуляній переполняются народомъ. Немного прогулявшись всѣ возвращаются домой и принимаютъ гостей, или сами идутъ въ гости, на *тертулью,* домашнюю вечеринку; на такія вечеринки сходится иногда довольно много народу. Хозяева угощаютъ гостей холоднымъ оршадомъ, мороженымъ. При этомъ, всѣ чрезвычайно просто, дружно между собою болтаютъ, а иногда и поютъ. Тѣмъ не менѣе и тутъ высказывается типичный испанскій характеръ и тутъ существуетъ свой кодексъ приличій. Юноша никогда не начнетъ высказывать свои мечты и предположенія, какъ онъ думаетъ устроиться въ будущемъ, не предпославъ этому фразы: «хотя я и доволенъ настоящимъ.» Можетъ быть въ сущности и нѣтъ этого довольства настоящимъ, но такъ уже принято и всякій порядочный человѣкъ долженъ такъ говорить.

Впрочемъ не одну эту фразу нужно знать испанцу, чтобы считаться учтивымъ и благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ ничего не долженъ съѣсть ни обратившись къ сосѣду со словами: «usted gusta?», т. е. «Ваша милость желаетъ?» И при этомъ, Боже васъ сохрани, пожелать, т. е. попросить задавшаго вамъ этотъ вопросъ подѣлиться. Этого нельзя дѣлать и тогда, когда кусокъ сосѣда вамъ дѣйствительно нравится. На такой вопросъ вы всегда должны отвѣтить: «Gracias! Que apro veche!», что буквально означаетъ: «Спасибо! Пусть пользуется онъ...» т. е. предлагающій. Прощаясь, всегда говорятъ: «Да идетъ ваша милость съ Богомъ.» Если же разстаются на долго: «Хорошій путь вашей милости.» Если кто, говоря про какую нибудь вещь, спрашиваетъ: «Это принадлежитъ вашей милости?», то владѣлецъ, вещи, если только онъ чуть-чуть порядочный человѣкъ, непремѣнно прибавитъ: «И вашей милости также.» Вообще всегда надо предлагать все свое въ распоряженіе другаго: кусокъ, который самъ начинаешь ѣсть, свой экипажъ, домъ, людей. Но если тотъ, кому предлагаютъ, рѣшится чѣмъ нибудь воспользоваться, — онъ прослыветъ всюду неучемъ и глупцомъ и въ другой разъ, уже, разумѣется, ему ничего не предложатъ. Такихъ фразъ, которыя нужно знать и всегда мило и во время вставить, очень много и не думайте, что онѣ обязательны только для высшаго общества, напротивъ, онѣ должны быть одинаково хорошо извѣстны, какъ испанскому гранду, такъ и послѣдней торговкѣ каштанами. Но вотъ кончилась тертулія, всѣ разбрелись по домамъ и скоро все заснуло мертвымъ сномъ, только влюбленные, *новій* и *новія*

(какъ ихъ здѣсь называютъ), разговариваютъ у рѣшетки окна, или новій стоитъ подъ балкономъ, гдѣ живетъ его новія. Дѣвушкѣ нравится молодой человѣкъ и она приглашаетъ его ходить разговаривать съ ней къ балкону; затѣмъ она встрѣчаетъ другаго, который еще больше понравился, она лишаетъ перваго права болтать съ ней при свѣтѣ луны и къ ней начинаетъ ходить уже второй. Двухъ новій сразу дѣвушка не должна имѣть и тѣмъ болѣе двое вмѣстѣ уже никогда не явятся къ ея рѣшеткѣ, а если это когда и случится, то кончается очень трагически, обыкновенно дуэлью между новіями. Но что всего любопытнѣе въ этомъ обычаѣ, что новій впродолженіе всего свиданія со своей новіей, не можетъ съ нею иначе разговаривать, какъ поднявши голову вверхъ и откинувши ее на спину, такъ какъ дѣвушка стоитъ на балконѣ, а онъ внизу. Такимъ образомъ въ лунную ночь на всякомъ балконѣ стоитъ дѣвушка и внизу молодой человѣкъ, съ которымъ она болтаетъ по нѣскольку часовъ сряду; тѣмъ не менѣе ни одна изъ нихъ не только не пойдетъ ночью гулять съ молодымъ человѣкомъ, съ которымъ она болтаетъ, но даже и не спустится къ рѣшеткѣ, у которой онъ стоитъ, — это здѣсь строго осуждаютъ. Иногда дѣвушка перемѣняетъ очень много новіевъ, одного за другимъ. Родители, конечно, знаютъ объ этихъ свиданіяхъ своихъ дочерей, но смотрятъ сквозь пальцы: сами они дѣлали тоже, когда были молоды, и обычай этотъ сильно укоренился. Новій обыкновенно знакомится съ семействомъ своей новіи, сопровождаетъ ее на гулянье, въ церковь и т. п. Въ большинствѣ случаевъ это кончается свадьбою. Если новій имѣетъ въ числѣ своихъ знакомыхъ музыкантовъ, то онъ даетъ серенаду своей новіи; при этомъ импровизированный оркестръ обыкновенно состоитъ изъ гитары, мандолинъ и флейты.

Въ пищѣ испанецъ очень умѣренъ, что опять таки объясняется климатическими условіями. Самое любимое національное кушанье *puchero* (или olla podrida), представляющее смѣсь всевозможныхъ припасовъ: тутъ есть баранина, говядина, цыплята, колбаса, свиное сало, свиныя ножки, лукъ, чеснокъ и всевозможныя овощи. Гастрономы прибавляютъ сюда шафрану и другихъ пряностей и много кладутъ разныхъ овощей, горохъ, бобы, капусту, pomme d'amour и непремѣнно garbanzos. Это родъ гороха съ очень твердой кожицею. Все это запекается въ печкѣ и служитъ любимѣйшею пищею испанца, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ. Свинина играетъ большую роль въ испанской кухнѣ. Народъ очень любитъ также *gaspacho*, супъ изъ чесноку, мелко искрошеннаго луку, пластинокъ огурцовъ, перцу, соли, уксусу, нѣсколькихъ ложекъ масла, хлѣба и воды.

Религіозные праздники и процессіи.—Страстная недѣля. — Пазо и ихъ значеніе во всѣхъ испанскихъ празднествахъ. — Праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря въ Альмеріи. — «Танецъ шести» въ Севильскомъ соборѣ.—Костюмъ «шести.» — Испанское богомолье.

Церковные праздники и дни различныхъ святыхъ празднуются въ Испаніи съ чрезвычайнымъ торжествомъ и тутъ всего лучше можно познакомиться съ испанскими религіозными процессіями. Для примѣра мы опишемъ страстную недѣлю въ Севильѣ. Но прежде, чѣмъ описывать здѣшнія церемоніи, необходимо сказать нѣсколько словъ о *пазо* (Pasos), который всегда играетъ въ нихъ главную роль. «Pasos» собственно значитъ изображеніе страданій Іисуса Христа, но обыкновенно имъ обозначаютъ скульптурныя деревянныя

изображенія въ натуральную величину, которыя хранятъ въ церквахъ и во время процессій носятъ по улицамъ. Прежде самые знаменитые испанскіе скульпторы дѣлали и разрисовывали эти *пазо*, такъ что еще и до сихъ поръ во многихъ церквахъ сохраняются эти старинныя изображенія. И въ настоящее время дѣлаются эти деревянныя изваянія и хотя теперь надъ ними уже не трудятся лучшіе скульпторы страны, тѣмъ не менѣе ихъ дѣлаютъ и разрисовываютъ по образцу тѣхъ, какіе были въ средніе вѣка.

Во всѣхъ Севильскихъ церквахъ есть свои *пазо*. Одно изъ самыхъ любопытныхъ изваяній извѣстно подъ именемъ «Iesus Nazareno», т. е. Іисусъ Назарянинъ; оно принадлежитъ церви Санъ-Лоренцо. Это огромное скульптурное изображеніе Христа одѣто въ длинное платье изъ чернаго бархата, шитое золотомъ и серебромъ; Іисусъ представленъ несущимъ крестъ огромныхъ размѣровъ и драгоцѣнной работы съ инкрустаціями изъ слоновой кости, черепаховыхъ пластинокъ и перламутра. Съ каждой стороны Христа стоятъ два ангела, съ распущенными крыльями и несутъ въ рукахъ фонари, четыре фонаря побольше помѣщены по угламъ площадки, сдѣланной тоже изъ дерева и на которой стоитъ *pasos* и всѣ эти ангелы. Понятно, что такое изображеніе и очень велико и очень тяжело и его обыкновенно носятъ по улицамъ нѣсколько человѣкъ. Но не всякій, кто хочетъ, можетъ взять и понести пазо; это дозволяется только членамъ религіозныхъ братствъ, которыхъ такъ много въ Севильѣ. Носильщики носятъ обыкновенно на головахъ такое изображеніе; отъ краевъ его площадки спускается до земли длинная драпировка, совершенно скрывающая людей; такъ что когда во время процессій носятъ пазо, кажется, будто эта тяжелая масса движется сама собою.

Чествованіе Страстной Недѣли начинается съ вербнаго воскресенья. Утромъ подъ величественными сводами Севильскаго собора совершается церемонія благословенія пальмъ. Послѣ полудня начинаются процессіи. Впереди многочисленной толпы торжественно двигается *pasos*. При этомъ изображено событіе, подходящее къ этому дню: вербный пазо изображаетъ Христа на крестѣ между двумя разбойниками; тутъ же въ сторонѣ несутъ орудія пытки и наконецъ по угламъ стоятъ большіе фонари, которые фигурируютъ во всѣхъ процессіяхъ.

Во главѣ кортежа идетъ нѣсколько солдатъ и кавалерійскій офицеръ въ парадной формѣ со шпагою на голо, сзади несутъ знамя братства, а затѣмъ въ два ряда члены братства, играющія весьма важную роль въ религіозныхъ процессіяхъ и которыхъ называютъ «los Nazarenos»—назареянами. Костюмъ назареянъ состоитъ изъ большаго заостреннаго капюшона на головѣ, который не только покрываетъ голову, но все лицо и даже шею, такъ что для глазъ сдѣлано отверстіе; туника, перевязанная у таліи широкимъ поясомъ, падаетъ до ногъ и оканчивается длиннымъ шлейфомъ. Въ соборѣ назареяне отпускаютъ свой шлейфъ и онъ далеко волочится по землѣ, но на улицѣ они придерживаютъ его рукою, стараясь такъ приподнять одежду, что видны бѣлые, прекрасные чулки, старательно натянутые, и ноги, обутыя въ башмачки съ серебряными пряжками. Посреди кортежа нѣсколько человѣкъ несутъ большіе серебряные гербы, украшенные эмблемами братства, другіе держатъ въ рукахъ, какъ древніе герольды, большіе серебряные барабаны, убранные богатою шелковою матеріею, съ роскошнымъ шитьемъ и бахрамою. За ними идутъ попарно нѣсколько человѣкъ и несутъ, повѣсивъ на шею, большія корзины съ

восковыми свѣчами (тоже самое бываетъ и въ религіозныхъ процессіяхъ на югѣ Франціи). За ними несутъ и другой *пазо*, и этотъ даже больше перваго. Онъ изображаетъ входъ Іисуса въ Іерусалимъ. Посреди стѣнъ Іерусалимскихъ зубчатыя ворота, въ которыя Христосъ въѣзжаетъ на ослѣ, сопровождаемый апостолами съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. Этотъ пазо весьма искусной работы. Тутъ вы видите очень много фигуръ и всѣ онѣ сдѣланы въ естественную величину, одѣты въ шелковыя, суконныя и бархатныя одежды. Такъ какъ драпировка скрываетъ людей, несущихъ *пазо*, и они оттуда ничего не могутъ видѣть, то одинъ изъ членовъ братства даетъ имъ знакъ особеннымъ стукомъ, когда они должны остановиться. За такою процессіею ходитъ гормадная толпа народа, и такимъ образомъ расхаживаютъ они по всѣмъ улицамъ города. Въ страстную среду, въ соборѣ, во время богослуженія, когда произносятся слова *et velum templi scissum est* (и завѣса храма разодралась), слышится шумъ отъ дѣйствительно раздираемой завѣсы; потомъ, тѣми же средствами, какъ на театрахъ, производятъ громъ и молнію, бывшія въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ испускаетъ духъ. Въ этотъ день тоже носятъ по городу pasos. На одномъ изъ нихъ изображена «Молитва въ саду Гефсиманскомъ», на другомъ — толпа евреевъ со всевозможнымъ страннымъ оружіемъ тащитъ Христа, сзади ихъ несутъ въ рукахъ фонари съ зажженными свѣчами. Въ этотъ день носятъ нѣсколькихъ пазо и точно также всѣ они напоминаютъ событія, подходящія къ этому дню. Одно изъ нихъ изображаетъ бичеваніе, другое вѣнчаніе Іисуса Христа терновымъ вѣнкомъ, наконецъ одно изъ нихъ даже изображаетъ Понтія Пилата, умывающаго руки предъ народомъ и т. п. Вечеромъ въ тотъ же день въ соборѣ совершается вечерня, привлекающая огромную толпу народа, такъ какъ тутъ поютъ превосходные пѣвчіе. Церемоніи въ четвергъ сопровождаются еще большею пышностію, чѣмъ въ предъидущіе дни; утромъ кардиналъ-архіепископъ Севильи освящаетъ миро. При этомъ бросается въ глаза богатство священныхъ одеждъ весьма многочисленнаго духовенства. Въ процессіи этого дня носятъ знаменитый «*monumento*». Онъ сдѣланъ еще въ XVI столѣтіи и представляетъ родъ храма колоссальныхъ размѣровъ, весь изъ дерева, разбирающійся по кускамъ; говорятъ, что одна эта операція требуетъ много рукъ и до трехъ недѣль времени.

Въ Страстную пятницу «*пазо*» еще болѣе многочисленны; всего любопытнѣе называющіеся «*Santo Entierro*»: тутъ уже вы видите не деревянныя изображенія, а живыхъ людей. Вотъ личность съ косою въ рукѣ, изображающая смерть; она сидитъ на земномъ шарѣ; потомъ нѣсколько дѣтей, одѣтыхъ ангелами: одинъ изъ нихъ представляетъ архангела Михаила, онъ въ одеждѣ воина, со шпагою въ рукѣ; другой—ангела-хранителя, ведущаго *человѣка* за руку и *человѣкъ*, котораго ведутъ, тоже ребенокъ трехъ, или четырехъ лѣтъ, который посреди этихъ аллегорическихъ личностей дрожитъ отъ смущенія и боязливо поглядываетъ вокругъ. Два другихъ ребенка представляютъ святаго Гавріила, съ лиліею въ рукѣ, и святаго Рафаила, въ костюмѣ странника, съ посохомъ въ одной рукѣ и рыбою въ другой. За Христомъ въ стеклянномъ гробу, окруженномъ солдатами въ римской одеждѣ, слѣдуютъ Богородица, св. Іоаннъ, Іосифъ Аримафейскій, Никодимъ и нѣкоторые другіе. Повторяемъ: все это изображаютъ люди, и такимъ образомъ это напоминаетъ въ одно и то же время и живыя картины, и наивныя средневѣковыя мистеріи. Въ Страстную Субботу вы можете видѣть аллегорическую процессію: на тронѣ, надъ облаками, сидитъ Богъ-Отецъ, съ Богомъ-Сыномъ и Духомъ Святымъ по бо-

камъ; изъ пяти ранъ Сына течетъ струями кровь, которая падаетъ на церковь и оживляетъ ее; церковь изображаетъ молодая дѣвушка, одѣтая священникомъ, что производитъ особенный эффектъ. Другая молодая дѣвушка, съ завязанными глазами, колѣнопреклоненная у ногъ Бога Отца изображаетъ Вѣру. Въ Свѣтлое Воскресенье происходятъ всевозможныя увеселенія, въ томъ числѣ, конечно, на первомъ планѣ бои быковъ. Въ этомъ же родѣ празднуются различные церковные праздники и въ другихъ городахъ.

Вотъ какъ описываютъ праздникъ Пресвятой Дѣвы Моря — патронессы (покровительницы) города Альмеріи. «Въ этотъ праздникъ трудно пробираться по улицамъ съ самаго ранняго утра, такъ какъ на него наѣзжаетъ страшно много народа. Не говоря уже о любви испанца къ празднествамъ и къ процессіямъ, толпу народа привлекаютъ сюда и бои быковъ, которыми иногда заканчивается этотъ праздникъ. Послѣ обѣдни изъ всѣхъ четырехъ церквей собора вышло духовенство съ причетниками и съ своими изображеніями, т. е. со статуями изъ воска, или изъ дерева. Всѣ собрались около маленькой церкви *Maria del Mar* и отсюда направились по улицамъ на набережную *Malecon*. Во всѣхъ окнахъ и на всѣхъ балконахъ висѣли ковры или бѣлыя простыни, обшитыя красными каймами. Надъ улицами на протянутыхъ веревкахъ развѣвались знамена и флаги всѣхъ консульствъ. На самомъ Малеконѣ самый большой флагъ былъ папскій съ его гербомъ: тіара и два ключа. Процессія была оригинальная и видъ съ Малекона, куда я пробрался, былъ великолѣпный. Съ одной стороны спокойное голубое море и въ заливѣ нѣсколько кораблей увѣшанныхъ знаменами и флагами; а съ другой тоже знамена и ковры развѣвающіеся со всѣхъ домиковъ. Окна, балконы, полны разряженныхъ красавицъ, плоскія крыши или террасы тоже биткомъ набиты народомъ; внизу, на землѣ, тоже густыя пестрыя толпы. Изъ крѣпости слышится канонада, а по всему городу трескотня и шипѣнье ракетъ, и неба не видно за маленькими дымками. Первый разъ видѣлъ я здѣсь фейерверкъ днемъ. Въ Андалузіи и особенно въ этой мѣстности существуетъ обычай *обѣщать* патронессѣ Маріи Моря ракеты къ празднику. Какъ русскій народъ ставитъ по обѣщанію свѣчи къ образамъ, такъ андалузцы по обѣщанію заготовляютъ къ празднику ракеты, кто дюжину, кто двѣ, три... И въ праздникъ идетъ страшнѣйшая пальба, потому что каждый дѣлаетъ и пускаетъ свои ракеты самъ, или съ крыши дома, или слѣдуя за процессіей. Будучи заранѣе на Малеконѣ, я могъ видѣть какъ приближалась сюда по улицамъ процессія, ибо надъ городомъ стоялъ не прерывающійся столбъ отдѣльныхъ дымковъ и тихо двигался къ намъ. Конечно до десяти тысячъ ракетъ было пущено въ это утро, да столько же вечеромъ. Обожженныя палочки и пробки какъ градъ сыпались съ неба на головы.

«Процессія вышла на Малеконъ изъ главной улицы и повернула вдоль набережной. Впереди шла полковая музыка. Затѣмъ отрядъ верховыхъ жандармовъ или guardia civil (очень уважаемая въ Испаніи). За ними двигалась, попарно, длинная вереница мужчинъ и женщинъ съ огромными свѣчами въ рукахъ. Нѣкоторые, изысканно и франтовски одѣтые, шли босикомъ и, прибавлю, что между мужчинами я замѣтилъ болѣе босоногихъ нежели между женщинами. За вереницей этихъ кающихся несли большое изображеніе, въ человѣческій ростъ, святаго Доминга (*). Это отдѣленіе процессіи было самое

(*) *Доминго* значитъ по испански: Воскресенье.

оригинальное. Святой этотъ считается покровителемъ земледѣльцевъ и поэтому всѣ поселяне окрестности несли и окружали его, въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ, т. е. круглая и низкая шляпа изъ чернаго бархата, бѣлая рубашка и на ней цвѣтной хорошенькій жилетъ, красный витой кушакъ, а за тѣмъ, вмѣсто панталонъ, бѣлая юбка до колѣнъ, бѣлые чулки и башмаки, а въ рукахъ неизмѣнная длинная палка. Костюмъ этотъ въ родѣ греческаго. Юбка разрѣзана пополамъ сзади и спереди и распахивается какъ фалды сюртука, но складки такъ густо собраны подъ поясомъ, что одна половинка всегда находитъ на другую и вмѣсто бѣлыхъ полотняныхъ — назовемъ набедренниковъ—кажетъ настоящею, самою простою, но короткою женской юбкой. Трудно передать до какой степени оригиналенъ этотъ костюмъ, особенно на сѣдомъ старикѣ, со смуглымъ, загорѣлымъ лицомъ, съ угрюмою и энергическою физіономіей. Прибавьте еще къ этому полу-женскому платью особенную мѣстную моду: завитые жидовскіе пейсики на вискахъ, т. е. длинныя букли, а затылокъ гладко выстриженный подъ гребенку... Юбка и букли при смугломъ лицѣ и богатырскихъ плечахъ!...

«За поселянами съ св. Домингомъ шли лодочники, барочники, рыболовы и матросы и несли огромную восковую статую святаго эльма, патрона и покровителя моряковъ и всего морскаго. Святой былъ одѣтъ въ длинную ризу и держалъ въ рукахъ маленькій корабль, которому ужасно позавидовали два мальчика, стоявшіе около меня. Вслѣдъ за морскимъ отдѣленіемъ шло военное отдѣленіе и несло изображеніе Михаила Архангела, тоже въ человѣческій ростъ, въ золотыхъ латахъ и съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ. Онъ патронъ военныхъ, поэтому всѣ, сколько было солдатъ и офицеровъ въ Альмеріи, сгруппировались вокругъ него вмѣстѣ съ комендантомъ. За этимъ пестрымъ отдѣленіемъ разныхъ мундировъ, подвигалось большимъ чернымъ пятномъ, среди разряженной толпы, отдѣленіе поповъ или патеровъ, въ громадныхъ черныхъ шляпахъ и въ длиннополыхъ черныхъ кафтанахъ. Среди ихъ несли святаго Индалесіо (san Indalecio), покровителя и патрона духовенства. Статуя была одѣта также, какъ и живые, окружавшіе ее спутники. За ними и епископомъ появились мѣстныя власти, адъютанты коменданта крѣпости, алькады и члены аристократіи... Наконецъ вслѣдъ за ними самая виновница торжества, Maria santisima del Mar—святая Марія Моря—мѣстная Мадонна. Маленькое изображеніе изъ дерева, лицо совершенно черное и дурно сдѣланное (работа XIV вѣка), на головѣ большая изящная корона изъ листоваго серебра съ алмазами, а на плечахъ длинная риза изъ зеленаго бархата, вышитая золотомъ и драгоцѣнными каменьями. На рукахъ ея куколка младенецъ Іисусъ, тоже старинной и плохой работы, въ серебряномъ же вѣнцѣ и тоже въ маленькой зеленой мантіи. Эту статую не несли на рукахъ, а она стояла на высокомъ катафалкѣ, который катился на колесахъ невидимою силою, т. е. подъ парчей, висящею на катафалкѣ, были укрыты человѣкъ пять, шесть, которые катили предъ собой или надъ собою эту махину. Эта должность особенно почетна, и чтобы быть *катальщикомъ* надо, говорятъ, дать не малую сумму въ церковь патронессы. Мантія Маріи Моря—приношеніе королевы Изабеллы II и донъ-Франциска де-Асизъ, супруга ея, какъ гласитъ надпись. Впрочемъ нѣтъ ни одной Мадонны во всей Испаніи у которой бы не было мантіи отъ королевы и отъ Франциска ея супруга. За santa Maria del Mar тѣснилась кучка, пускавшая ракеты, и за ними снова верховой отрядъ гвардіи. Процессія сдѣлала

кругъ по Малекону, съ частыми и длинными отдыхами, и чрезъ часъ ворочалась уже назадъ въ церковь при усилившійся пальбѣ пушекъ и ракетъ».

Въ Севильскомъ соборѣ совершаются еще болѣе любопытныя религіозныя церемоніи, какъ напр. *танецъ шести*. Въ праздникъ «Тѣла Господня», изъ дѣтей, которыя служатъ въ хорѣ пѣвчихъ въ нѣкоторыхъ кафедральныхъ соборахъ, выбираютъ нѣсколько человѣкъ, чтобы участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ этого дня. Прежде для этого обыкновенно выбирали *шестерыхъ* дѣтей; хотя теперь ихъ больше, но старое названіе сохранилось.

«Танецъ шести» остатокъ старинныхъ представленій и танцевъ, сопровождавшихъ въ средніе вѣка въ главныхъ городахъ Испаніи праздники Тѣла Господня. Булла папы Евгенія IV утвердила «танецъ шести». Архіепископъ Севильскій старался уничтожить его, находя несовмѣстнымъ съ благоговѣніемъ, внушаемымъ христіанину св. причастіемъ. Капитулъ, бывшій другаго мнѣнія, нанялъ корабль, и шесть дѣтей, сопровождаемыхъ маэстромъ капеллы, отправились въ Римъ, чтобы показать святому отцу, что ихъ костюмы и танцы только увеличиваютъ блескъ религіозныхъ торжествъ. Вѣроятно папа убѣдился въ этомъ, такъ какъ эти танцы и пѣніе предъ причастіемъ происходятъ и въ настоящее время. Дѣти, которые въ нихъ учавствуютъ принадлежатъ обыкновенно къ семействамъ рабочихъ, или ремесленниковъ; чтобы быть принятыми, они должны имѣть менѣе десяти лѣтъ и обладать хоть небольшимъ голосомъ. Каноники капитула, выслушавъ пѣніе желающихъ вступить въ это званіе, избираютъ тѣхъ, кто имѣетъ голосъ лучше другихъ. Имъ даютъ тогда обыкновенный костюмъ, очень простой, и другой, болѣе богатый, для празднествъ, въ которыхъ они должны учавствовать. На улицахъ Севильи ихъ легко узнать по красной шапкѣ и по плащу того же цвѣта; голубыя брыжжи окружаютъ шею, остальной ихъ костюмъ состоитъ изъ черныхъ чулокъ и башмаковъ съ кисточками, въ то же время украшенныхъ металлическими пуговицами. Ихъ парадный костюмъ напоминаетъ тотъ, который они носили и въ XVI столѣтіи. Шляпа нѣсколько коническая, съ полями, приподнятыми кверху; съ одного края она придерживается бантомъ изъ бѣлаго бархата, къ которому въ то же время прикрѣпленъ пучекъ голубыхъ и бѣлыхъ перьевъ. Шелковый кафтанъ опоясанъ шарфомъ, завязаннымъ съ боку; небольшой плащъ, накинутый на плечи, граціозно падаетъ до колѣнъ. Но особенно характерная часть костюма—это накрахмаленныя кружевныя брыжжи, окружающія шею такъ, что нѣсколько напоминаютъ голову Іоанна Крестителя на блюдѣ. Кружевныя манжеты, штаны съ прорѣзами, шелковые голубые чулки и бѣлые башмаки съ кисточками дополняютъ ихъ оригинальный костюмъ.

Танецъ шести привлекаетъ въ Севилью не менѣе любопытныхъ, чѣмъ церемоніи Страстной недѣли, и громадный соборъ не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ видѣть представленіе. Дѣти, которыя будутъ участвовать въ представленіи, стоятъ въ два ряда предъ главнымъ алтаремъ; въ извѣстное время, поклонившись до земли, они начинаютъ медленно танцовать, побрякивая своими кастаньетами изъ слоновой кости; потомъ останавливаются и поютъ въ честь «Богородицы, дѣвы, матери и супруги, болѣе чистой и прекрасной, чѣмъ заря и утренняя звѣзда». При этомъ они повторяютъ послѣ каждаго отдѣленія такой припѣвъ: «Пойте, во славу Богоматери, во славу царственной—покровительницы Испаніи, зачавшей безъ первороднаго грѣха». Это пѣніе, исполненное прекрасными, чистыми, нѣжными дѣтскими голосами, производитъ глубокое впечатлѣніе. Когда они затянутъ припѣвъ во славу Богородицы, раз-

даются звуки канстаньетовъ и подъ ихъ акомпаниментъ онѣ начинаютъ свои па. Однако нужно замѣтить, что эти па, которыя онѣ выдѣлываютъ въ храмѣ, вовсе не похожи на свѣтскіе танцы испанцевъ. Это необыкновенно медленныя, плавныя движенія, имѣющія нѣкоторое сходство съ менуэтомъ. Дѣти исполняютъ свои обязанности лишь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; когда ихъ голосъ начнетъ терять дѣтскую интонацію, они замѣняются болѣе маленькими дѣтьми; при этомъ они оставляютъ свои блестящіе костюмы въ ризницѣ собора.

Въ нѣкоторые праздничные дни, жители Севильи совершаютъ путешествія въ ея окрестности, чтобы поклониться какой нибудь почитаемой иконѣ; но въ этихъ богомольяхъ мало религіознаго. Танцы, вино и всевозможныя удовольствія, которыми развлекаютъ себя въ это время испанцы, вѣроятно, не дозволяютъ имъ много думать о святыхъ. Даже внѣшній видъ этого путешествія скорѣе заставитъ думать посторонняго человѣка, что народъ отправляется на веселый пиръ, а не на богомолье. Нѣсколько мужчинъ, верхами на прекрасныхъ андалузскихъ лошадяхъ, открываютъ шествіе; позади многихъ изъ нихъ на той же лошади сидитъ женщина, обхвативъ своего кавалера рукою. Мужчины одѣты въ андалузскій костюмъ; шляпа съ полями, молодецки надѣтая на бекрень, камзолъ со множествомъ пуговицъ, съ рукавами, обшитыми бархатомъ, и горшкомъ цвѣтовъ, вышитымъ на спинѣ; при этомъ у мужчины еще непремѣнно торчатъ изъ двухъ его кармановъ два вышитыхъ платка. Шелковый поясъ, короткіе панталоны и штиблеты, шитые шелкомъ яркихъ цвѣтовъ, дополняютъ его оригинальный и богатый костюмъ. Что же до туалета сидящихъ возлѣ нихъ подругъ, то, красивый и даже изящный въ обыкновенные дни, онъ въ это время просто комиченъ. Вѣдь теперь богомолье, слѣдовательно самый веселый день для испанки, вотъ она и старается нарядиться, какъ можно лучше; поэтому она сбрасываетъ на эти дни свой національный костюмъ и наряжается по парижской модѣ. Это ей между прочимъ очень нравится уже потому, что она воображаетъ себя важной синьорой. Для этого здѣшнія женщины берутъ на эти дни на прокатъ у севильскихъ ветошниковъ всевозможные костюмы: шелковыя, полинялыя платья, помятыя шляпы всевозможныхъ фасоновъ, все давно вышедшее изъ моды; тѣмъ не менѣе онѣ чрезвычайно гордятся этимъ нарядомъ. Однако вернемся къ толпѣ, которая идетъ на богомолье. За наѣздниками и наѣздницами, подъ которыми горячатся прыткіе кони, тянется длинный рядъ повозокъ, запряженныхъ быками съ огромными рогами, голова которыхъ совершенно исчезаетъ подъ различными украшеніями—кистями и бахрамою. Повозки переполнены молодыми дѣвушками, которыя поютъ національныя пѣсни. Нѣкоторымъ изъ нихъ акомпанируютъ на гитарѣ. Другіе щелкаютъ кастаньетами, потрясаютъ бубнами, украшенными лентами... А тамъ звонкій смѣхъ, шутки, остроты съ публикою, которая высыпаетъ со всѣхъ балконовъ посмотрѣть выѣздъ на богомолье. Нѣкоторые мужчины-богомольцы идутъ пѣшкомъ, перебирая струны своей гитары, повѣшенной на шею, и потягивая черное вино изъ большаго кожаннаго мѣха. Однако пьяныхъ совсѣмъ не видно.

Одно изъ такихъ странствованій совершается въ деревню, находящуюся на разстояніи 12-ти льё отъ Севильи, въ праздникъ Мадонны «Росы», патронессы деревни, носящей это названіе. Въ этотъ праздникъ народъ собирается сюда не только изъ столицы Андалузіи, но также изъ Кадикса, Хе-

реса и даже изъ пограничныхъ португальскихъ округовъ. Въ этотъ день окрестности деревни *«Росы»* покрываются толпами богомольцевъ; сюда же являются и продавцы лошадей и скота, надѣясь легче сбыть свой товаръ при такомъ многолюдномъ собраніи. Всѣ расположились на открытомъ воздухѣ; повозки уставлены въ кругъ и составляютъ какъ бы ограду. Въ центрѣ круга устраивается кухня, весьма впрочемъ не сложная, такъ какъ пища варится подъ открытымъ небомъ, въ желѣзныхъ котлахъ, изъ которыхъ поятъ по дорогѣ лошадей и быковъ. На ночь располагаются также безъ особенныхъ хлопотъ; постель носятъ съ собою: каждый завертывается въ плащь и засыпаетъ, земля служитъ матрасомъ, а локоть изголовьемъ. На другой день утромъ въ процессіи торжественно несутъ изображеніе Дѣвы Росы. Эта старинная, почернѣвшая икона виднѣется въ глубинѣ маленькой часовни, поставленной на повозку съ огромными колесами; ее влекутъ два быка, рога которыхъ убраны цвѣтными гирляндами и бахрамою. Часовенка украшена занавѣсами изъ бѣлаго муслина и кружевъ, бантиками и букетами цвѣтовъ; шелковыя ленты, идущія отъ угловъ часовенки, привязаны къ головѣ быковъ. За колесницею Мадонны длинный рядъ повозокъ съ молодыми дѣвушками, а за ними всадники со своими разряженными подругами; затѣмъ огромная толпа народа, во главѣ которой гордо выступаетъ андалузецъ въ національномъ костюмѣ; въ правой рукѣ онъ держитъ флейту и извлекаетъ изъ нея разные звуки, а лѣвою ударяетъ въ барабанъ, висящій у него на шеѣ. За нимъ идутъ мужчины въ праздничномъ нарядѣ, почти каждый съ длинною палкою въ рукѣ; возлѣ нихъ женщины съ цвѣтами въ волосахъ... Тутъ играютъ на бубнахъ, тамъ бренчатъ кастаньетами; дѣти подпрыгиваютъ и отъ радости хлопаютъ въ ладоши, остальные весело болтаютъ, шутятъ. У торговцевъ въ этотъ день бойко идетъ продажа; народъ мастится вокругъ цыганъ, жарящихъ лепешки на прогоркломъ оливковомъ маслѣ, или раскупаютъ орѣхи, возвышающіеся горами на столахъ; тутъ же хорошенькія жительницы горъ продаютъ сладкіе пироги съ сахаромъ и различные пряники. Вотъ какъ эта шумная, необыкновенно пестрая толпа, съ пѣснями и музыкою, настроенная на самый веселый ладъ провожаетъ почитаемую ими Мадонну, и испанскій народъ чествуетъ ее въ день, посвященный ея памяти.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Ивановъ день и праздникъ св. Георгія въ Алкоѣ.

Въ предъидущей главѣ мы говорили о религіозныхъ празднествахъ, теперь перейдемъ къ народнымъ, безъ всякой примѣси религіознаго элемента.

Ночь на Ивановъ день празднуется во всей Испаніи, а особенно въ Андалузіи, также какъ и въ Россіи: зажигаютъ костры и народъ веселится около нихъ. Только въ одной Гранадѣ основаніемъ праздника служитъ противоположный элементъ, т. е. вода.

Въ Гранадѣ и ея окрестностяхъ существуетъ такое повѣрье: если кто въ полночь наканунѣ Иванова дня умоется водой фонтана de la Romba, который въ концѣ гулянья, называемаго *Салонъ*, то весь слѣдующій годъ онъ будетъ

удивительно бѣлъ и красивъ. Поэтому толпы народа съ восьми часовъ наполняютъ всѣ бульвары и самый *Салонъ*. Всѣ аллеи обвѣшаны сверху до низу разноцвѣтными фонарями, а въ срединѣ подъ сводами, образуемыми густолиственными вѣтвями, висятъ огромныя люстры. Въ разныхъ палаткахъ продаютъ фрукты, пряники, конфекты. Вдругъ все смолкло, всѣ остановились. Съ башни несутся мѣрные удары; бьетъ 12 часовъ. Съ послѣднимъ ударомъ все ожило и повсюду раздался оглушительный крикъ: «двѣнадцать»! Въ ту же минуту поднимается страшная суматоха. Всѣ бѣгутъ къ фонтану, съ хохотомъ и криками обливаютъ другъ друга... Тутъ борятся двое парней, здѣсь кричитъ мальчишка, котораго поймали и купаютъ; тамъ какая нибудь красавица догоняетъ двухъ мужчинъ со стаканомъ воды и старается ихъ облить. Такая возня продолжается около часу. Праздникъ кончается иной разъ и драмой; какая нибудь молоденькая дѣвушка обидится, что ее облили черезчуръ сильно и расплачется; тогда ея новіо съ быстротою молніи налетаетъ на виновнаго и дѣло нерѣдко кончается опасными ранами. Не даромъ говорятъ въ Гренадѣ, что въ Ивановъ день собираются къ фонтану мыть себѣ лицо и угощаться навахами.

Весьма интересенъ также праздникъ св. Георгія въ Алкоѣ (въ провинціи Валенсіи); кромѣ обыкновенныхъ удовольствій — боя быковъ и фейерверковъ, тутъ самымъ оригинальнымъ образомъ даютъ представленіе, изображающее бой между христіанами и маврами. Это представленіе даютъ въ воспоминаніе слѣдующаго событія. Въ 1257 году на городъ напали невѣрные и онъ былъ бы взятъ, еслибы не чудесное появленіе св. Георгія, говоритъ преданіе, который самъ сражался въ рядахъ христіанъ. Наканунѣ дня, установленнаго въ память этого святаго, всѣ деревни Алкойскаго округа посылаютъ въ городъ депутацію музыкантовъ, которые, собравшись, проходятъ по всѣмъ улицамъ, чтобы объявить о завтрашней церемоніи. Музыканты съ барабанами, гобоями, трубами, мандолинами и гитарами появляются на другой день и за ними ѣдутъ христіане и мавры. Праздникъ начинается шествіемъ духовенства; оно отправляется на большую площадь, гдѣ устроена для нихъ палатка, обтянутая ситцемъ. Духовенство входитъ въ нее и предъ нимъ начинаютъ проходить христіане и мавры: одни пѣшкомъ, а другіе на лошадяхъ, въ полномъ военномъ убранствѣ. Пройдя городъ, оба войска раздѣляются на различныя группы и исполняютъ національные танцы предъ жилищемъ алькада и другихъ почетныхъ лицъ. На третій день праздника происходитъ представленіе боя между христіанами и невѣрными. Съ утра оба войска собираются на большой площади, христіане съ одной стороны, мавры съ другой; послѣдніе скоро удаляются и направляются къ однимъ изъ городскихъ воротъ, которыя они предполагаютъ осаждать: но напередъ они посылаютъ къ начальнику христіанскихъ войскъ парламентера на великолѣпно убранной лошади, который идетъ къ палаткѣ и, привѣтствуя по восточному непріятельскаго начальника, отдаетъ ему письмо. Тотъ разрываетъ письмо въ куски и объявляетъ, что онъ никогда не согласится сдаться врагамъ христіанъ. Посланный удаляется и извѣщаетъ своихъ объ этомъ отказѣ; за этимъ слѣдуетъ большое, торжественное посольство, въ которомъ принимаютъ участіе тѣ, которые всего богаче наряжены. Начальника вводятъ съ завязанными глазами къ христіанскому предводителю и онъ убѣждаетъ его сдаться; но тотъ отказывается съ негодованіемъ и посланникъ удаляется въ сопровожденіи своихъ. Каждая сторона приготовляется къ сраженію. Лишь только мавры выступаютъ, ихъ принимаютъ

ружейнымъ залпомъ, несмотря на то, что дѣйствіе происходитъ въ 1257 году, когда еще не было изобрѣтено огнестрѣльнаго оружія. Огонь не пугаетъ невѣрныхъ и въ началѣ они имѣютъ нѣкоторый успѣхъ. Предводитель христіанъ ободряетъ свои войска словами и жестами и они начинаютъ аттаку съ воинскими криками. Однако невѣрные держатся хорошо; испанскій начальникъ дѣлаетъ новое воззваніе къ своимъ храбрецамъ, которые собираются вокругъ него, гарцуя на своихъ горячихъ коняхъ. Паладины одѣты въ старинный испанскій костюмъ, который заставляетъ, разумѣется, многаго желать относительно археологической точности. Костюмъ мавровъ не болѣе удаченъ: такъ одѣваются во время масляницы, когда хотятъ вырядиться туркомъ, но на самомъ дѣлѣ такой нарядъ скорѣе пародія на турецкій костюмъ: у нихъ громадный тюрбанъ, короткій камзолъ съ выемкою, широкіе шаровары, завязанные на лодыжкѣ. Но я еще болѣе удивлю моихъ читателей, когда скажу, что лошади, на которыхъ сидятъ воины, не натуральныя, а сдѣланы изъ картона въ родѣ тѣхъ, что мы видимъ въ игрушечныхъ лавкахъ... Какъ же онѣ двигаются и тѣмъ болѣе, какъ же это онѣ горячатся подъ своими сѣдоками, какъ было сказано выше? А вотъ какъ: лошадь устроена такъ, что воины опускаютъ въ нее свои ноги и такимъ образомъ они стоятъ въ лошади по поясъ и двигаютъ ею, какъ угодно. А чтобы этого не было замѣтно — по бокамъ лошади изъ бумаги сдѣланы человѣческія ноги и ихъ искусно прикрываютъ одеждою сражающихся. Страшная кавалерія наконецъ тронулась и тотчасъ нанесла большой уронъ невѣрнымъ. Въ концѣ концовъ побѣда рѣшительно осталась за испанцами; начались радостныя пѣсни; плѣнники были проведены по городскимъ улицамъ при звукахъ гитары и затѣмъ начались танцы, продолжавшіеся далеко за полночь. Но праздники еще этимъ не кончились: на другой день происходитъ большая процессія, гдѣ умирающіе и раненные просятъ присутствующихъ о вспомоществованіи. Имъ подаютъ кто сколько можетъ и деньги эти, говорятъ, идутъ потомъ въ госпитальную кассу.

Страсть испанца къ танцамъ. — Фандангo. — Ола. — Танецъ среди разставленныхъ стакановъ. — Ламповые балы. — Танцы съ кувшинами на головахъ. — Танцы у смертнаго одра покойника.

Танцы играютъ въ жизни испанца огромную роль. Онъ предается имъ чуть не каждый вечеръ, послѣ труда и бездѣлья, въ праздничный и въ будній день; ими кончается и начинается всякое веселіе. Испанецъ весь отдается танцу, увлекается имъ со всѣмъ пыломъ южной страсти. Тутъ выражается вся живость его темперамента, вся страстность его натуры. Не даромъ танцы происходятъ въ соборѣ, во время религіозныхъ обрядовъ; танцуютъ, какъ увидимъ ниже, даже тогда, когда человѣка душитъ тоска и когда отъ горя и отчаянія у него разрывается сердце.

Испанцы сопровождаютъ свои танцы звуками кастаньетъ, которыя сдѣланы изъ слоновой кости или изъ дерева. Не менѣе важную роль тутъ играютъ также бубны; они обыкновенно украшены цвѣтными бантиками и на нихъ нарисована пара, танцующая какой нибудь народный танецъ. Самый извѣстный испанскій танецъ — *фандангo*. Звуки его, какъ электрическая искра, одушевляютъ сердце всякаго испанца: женщины, дѣвушки, молодые люди, старики — всѣ какъ будто оживаютъ, всѣ повторяютъ его напѣвъ, одни побрякиваютъ кастаньетами, другіе щелкаютъ пальцами, подражая ихъ звуку. Женщины от-

личаются въ танцахъ особенной легкостью и гибкостію движеній. Танцующая пара убѣгаетъ, манитъ, преслѣдуетъ другъ друга; но вдругъ музыка прекращается и искуство танцора состоитъ въ томъ, чтобы въ то же мгновеніе остаться неподвижнымъ; когда оркестръ вновь начинаетъ, танецъ продолжается. Наконецъ гитары, скрипки, пристукиванія ногами, прищелкиванія кастаньетами и пальцами, гибкія движенія доводятъ и самихъ танцующихъ, и зрителей до высочайшаго восторга. Нѣтъ въ Испаніи провинціи, гдѣ бы не танцовали *фандано*, но всего больше въ ходу этотъ танецъ въ Ла-Манчѣ и Андалузіи. Не менѣе любимъ андалузцами танецъ *ола*; онъ обыкновенно исполняется одною танцовщицею. Ола требуетъ болѣе, чѣмъ всякій другой танецъ, гибкости тѣла и особенной граціи движеній. Танцовщица склоняется назадъ; ея талія, гибкая какъ тростникъ, сгибается, плечи и руки опускаются въ какомъ-то изнеможеніи и она остается въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній; потомъ сразу, какъ бы пораженная электрическимъ ударомъ, она гордо выпрямляется, ударяетъ кастаньетами и пускается въ плясъ. Всего болѣе славится искусными танцорками — Севилья. Любопытенъ севильскій танецъ *vito sevillano*; его музыка въ высшей степени увлекательна. Вотъ необыкновенно весело и живо зазвенѣли гитары, кастаньеты и бубны. Посреди стоитъ столъ, на которомъ наставлены стаканы, наполненные виномъ. Танцовщица легко и граціозно вскакиваетъ на столъ и выдѣлываетъ па, быстро скользя между стаканами и не только не проливая налитаго въ нихъ вина, но даже и не задѣвая ихъ. Сидящая вокругъ небольшая публика все болѣе приходитъ въ экстазъ и въ тактъ музыки напѣваетъ различные куплеты, чаще всего тотъ, въ которомъ припѣвъ: «молодыя дѣвушки изъ золота, замужнія женщины изъ серебра, а старушки изъ жести.» Танцовщица продолжаетъ выдѣлывать па своими маленькими ножками, наконецъ соскакиваетъ со стола и исчезаетъ въ толпѣ.

Всего лучше можно наблюдать народные танцы въ городахъ на югѣ Испаніи, на народныхъ балахъ, называемыхъ въ Севильѣ, *ламповыми балами*, по имени мѣдной или желѣзной лампы съ масломъ, которая при этомъ непремѣнно освѣщаетъ помѣщеніе. Такіе балы происходятъ обыкновенно въ таверпахъ или въ какомъ нибудь скромномъ домикѣ. Пройдя чрезъ залу, гдѣ мирно попиваютъ любители вина, посѣтители проникаютъ въ *patio*, окруженный бѣлыми мраморными колоннами, оставшимися еще отъ времени арабовъ; лимонныя деревья украшаютъ потрескавшіяся стѣны и ползучія растенія обвиваются вокругъ колоннъ, пожелтѣвшихъ отъ времени; по угламъ двора растутъ бананы съ своими разрѣзными листьями. Четыре лампы странно освѣщаютъ эту роскошную растительность; нѣсколько соломенныхъ стульевъ и деревянныхъ скамеекъ ожидаютъ зрителей. Въ урочный часъ дворикъ быстро наполняется посѣтителями. Въ промежуткахъ между танцами публика подкрѣпляетъ свои силы маленькими сардинками съ бѣлымъ хлѣбомъ. Но въ большинствѣ случаевъ танцы устраиваются совершенно экспромтомъ, на улицѣ: соберутся нѣсколько мужчинъ и дѣвушекъ, странствующій гитаристъ замѣняетъ оркестръ и начинается танецъ при аплодисментахъ всѣхъ присутствующихъ и радостныхъ кувырканіяхъ дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ танцуютъ иногда очень рано утромъ. Пришли дѣвушки къ фонтану за водой и въ это время къ нимъ подошли вдругъ нѣсколько молодыхъ парней. Дѣвушки, поставивъ кувшины съ водою на головы, подаютъ руку кавалеру и начинаютъ танецъ, не проливая ни одной капли воды. Но кто бы ни устраивалъ эти танцы,

гдѣ бы они ни происходили, во время ихъ испанцы сильно размахиваютъ руками и всегда танцуютъ со страстью до опьяненія. Когда мужчина хочетъ танцовать съ какою нибудь дѣвушкою, то бросаетъ у ногъ ея свою шляпу; послѣ танца дѣвушка обнимаетъ и цѣлуетъ своего кавалера, музыканта и пѣвца. Всѣ испанскіе танцы непремѣнно сопровождаются пѣніемъ. Пѣвецъ начинаетъ обыкновенно куплетъ своей пѣсни глубокимъ вздохомъ, затѣмъ гитара бренчитъ нѣсколько тихихъ аккордовъ, которые дѣлаются все громче и скорѣе: послѣ этого обыкновенно музыканты начинаютъ пѣть пѣсню, слова которой они большею частію сочиняютъ тутъ же. Куплеты нѣкоторыхъ танцевъ начинаются и кончаются какими-то глубокими вздохами пѣвцовъ и необыкновенно живой танецъ идетъ часто подъ тоскливую, меланхолическую музыку... Въ куплетахъ этихъ испанцы обыкновенно воспѣваютъ красоту дѣвушки, которая танцуетъ, иногда же въ ироническомъ тонѣ старается подмѣтить ея недастатки.

«Не важничай, синьора,» поютъ они иногда, «что ты высокаго роста, лѣстницы бываютъ и повыше...» Куплеты и пѣсни сочиняютъ однако не только во время танцевъ. Страсть къ сочинительству въ Испаніи до того развита, что въ провинціи Валенсіи и Каталоніи существуетъ даже слѣдующій любопытный обычай: въ маѣ каждаго года происходятъ большія народныя собранія, гдѣ желающіе состязаются въ поэзіи и изъ рукъ «царицы праздника», всякій разъ нарочно для того избираемой, получаютъ различныя награды. Въ теченіи послѣднихъ 15-ти лѣтъ страсть къ этимъ забавамъ, говорятъ, постоянно усиливалась и въ настоящемъ году болѣе 250 сочиненій въ прозѣ и въ стихахъ, на мѣстномъ нарѣчіи, представлены на майское собраніе.

Пѣніе однако не развито въ Испаніи, испанцы совсѣмъ плохіе пѣвцы и вовсе не отличаются голосами. По улицамъ большею частью слышишь только однообразный напѣвъ фанданго, который при дурномъ пѣніи въ носъ, свойственномъ андалузцамъ, не особенно пріятенъ для слуха.

Но возможно ли намъ покончить съ испанскими танцами, не разсказавъ нашимъ читателямъ о томъ, какъ эти танцы устраиваются у смертнаго одра только что умершаго ребенка. Однако они происходятъ только тогда, когда покойнику не болѣе 5-ти лѣтъ. Этотъ обычай укоренился вслѣдствіе такого повѣрья: испанскій народъ твердо вѣритъ, что душа ребенка идетъ прямо въ рай и, превращаясь у престола Всевышняго въ херувима, она уже съ тѣхъ поръ начинаетъ покровительствовать своимъ роднымъ впродолженіи всей ихъ жизни: она постоянно молится за нихъ, охраняетъ ихъ отъ всякой бѣды и несчастія. Поэтому смерть ребенка считается для семьи величайшимъ счастіемъ и ее встрѣчаютъ веселіемъ, музыкою и пляскою.

Вотъ среди комнаты на столѣ лежитъ тѣло дѣвочки лѣтъ 4-хъ, прикрытое ковромъ и одѣтое по праздничному; головка ея въ вѣнкѣ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ; съ боку стоитъ чаша со святою водою, а по четыремъ угламъ стола горятъ свѣчи. Въ углу сидитъ женщина, растрепанная, опустивъ голову на руки и закрывъ лицо... Грудь и станъ ея вздрагиваютъ отъ рыданій, которыя она старается подавить всѣми силами. Но это ей не удается и глухіе, тяжелые стоны и отчаянные вопли безпрестанно вырываются изъ ея груди... Между тѣмъ въ другомъ углу комнаты кучкой сидятъ зрители и музыканты, которые наигрываютъ *хоту*. Подъ звуки музыки, кастаньетъ и хлопанья присутствующихъ въ ладоши молодежь обоего пола выдѣлываетъ па и различныя

PAUL REVERE

тѣлодвиженія передъ покойникомъ. Иногда подъ эти звуки напѣваютъ различныя пѣсенки, въ родѣ слѣдующихъ:

«У воротъ рая
Продаютъ башмачки
Для ангельчиковъ,
Что здѣсь были босоноги!»

Лѣтъ 20 тому назадъ такіе похороны отличались еще болѣе дикимъ характеромъ. Въ этотъ день устраивали настоящій пиръ, созывали много гостей и отецъ, или кто нибудь изъ самыхъ близкихъ родственниковъ, послѣ вина, угощеній и пляски молодежи вокругъ покойника, самъ бралъ его на руки и начиналъ танцовать съ нимъ *качучу*, или *малагенью*.

Бычачьи травли.—Страсть испанца къ разнымъ боямъ.—Разница между бычачьими травлями и боемъ.—Какъ ведутъ себя испанцы во время боя.

Ничто не можетъ дать такого полнаго понятія о наслажденіяхъ, страстяхъ, характерѣ и физіономіи испанскаго народа, какъ бои быковъ, самое высшее и любимое изъ всѣхъ удовольствій испанца. Какую бы новую пьесу ни провозгласила заманчиво-составленная афиша, ничто не возбудитъ такого живаго любопытства, какъ объявленіе о бычачьихъ травляхъ. Водоносы, погонщики муловъ, женщины, работающія на фабрикахъ, скорѣе откажутся отъ своего обѣда, большею частью состоящаго изъ куска хлѣба съ чеснокомъ, а ужъ ни за что не пропустятъ этого представленія. Столько же любопытства возбуждаютъ эти бои быковъ и въ болѣе богатыхъ классахъ общества. За нѣсколько дней красныя афиши извѣщаютъ о бои быковъ, при этомъ подробно объявляютъ сколько быковъ будутъ по одиночкѣ выпущены въ циркъ, съ какого они пастбища и кому принадлежитъ каждый изъ нихъ; за тѣмъ слѣдуютъ имена *пикадоровъ* (всадниковъ вооруженныхъ копьями), *матадоровъ* (убивающихъ быка шпагами) и всѣхъ участвующихъ въ бою.

Бычачьи травли служатъ воскреснымъ развлеченіемъ испанцевъ; *бои же быковъ* составляютъ чрезвычайныя празднества, можно даже сказать самыя большія въ году. Въ Мадридѣ и Севильѣ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы, при хорошей погодѣ бои быковъ бываютъ каждое воскресенье; въ другихъ же городахъ только разъ въ годъ, но за то обыкновенно цѣлыхъ три дня къ ряду. Разница между бычачьею травлею и боемъ заключается въ томъ, что въ травляхъ можетъ принимать участіе всякій желающій и разумѣется такихъ находится несчетное число. Въ бояхъ же наоборотъ, сражаются только опытные бойцы, которые носятъ общее названіе *торрероссовъ*. Бычачьи травли происходятъ на рыночныхъ площадяхъ города. Площадь, въ такомъ случаѣ, загораживается крѣпкими досками; одна изъ досокъ поднимается для пропуска зрителей, обязанныхъ платить за входъ извѣстную сумму. Вся площадь и балконы кишатъ народомъ. Посреди возвышаются подмостки для музыки, которая играетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неистовѣе дѣлается шумъ толпы. Внизу на землѣ у самыхъ подмостокъ лежатъ на животахъ множество ребятишекъ. Но вотъ растворяются ворота и быкъ быстро вбѣгаетъ на площадь. Публика

привѣтствуетъ вошедшаго любимца продолжительнымъ шумомъ, свистомъ, который въ нѣсколько минутъ превращается въ оглушительный ревъ. Животное не трогается съ мѣста, только роетъ ногами землю, трясетъ головою и дико озирается кругомъ. И это естественно: его ошеломилъ этотъ гамъ и эта пестрая толпа... Испанецъ однако не можетъ выносить, когда животное хотя минуту остается въ покоѣ и вотъ зрители начинаютъ свистать на тысячу ладовъ, стучать по землѣ палками; дамы машутъ вѣерами, другіе кричатъ на разные голоса, шипятъ, подражая зажженымъ ракетамъ,—но быкъ еще болѣе удивленъ и въ первую минуту обыкновенно не трогается съ мѣста. Понятливость быка конечно не велика, но какое бы животное ни очутилось среди этихъ бѣснующихся людей, да если еще оно будетъ сознавать, что невозможно убѣжать отъ нихъ, то навѣрно потеряетъ и послѣдній остатокъ смысла. Когда быкъ все еще не трогается съ мѣста, изъ дверей высовываютъ длинный прутъ, который оканчивается острыми иглами и колятъ имъ животное. Но быка это обыкновенно не особенно раздражаетъ и онъ по прежнему, не трогаясь съ мѣста, только лягаетъ да отмахивается хвостомъ, точно отъ докучливыхъ мухъ. Тогда публика издаетъ еще болѣе оглушительный ревъ, свистъ; передъ самыми глазами быка машутъ платками и палками. Животное начинаетъ дрожать отъ злости, озирается съ какою-то отчаянною смертельною рѣшимостію стереть все съ лица земли и наконецъ пускается бѣжать по площади. Смѣльчаки бѣжатъ за нимъ, дразнятъ его на разные лады, свистятъ ему прямо въ уши, колятъ прутомъ, но когда быкъ опускаетъ голову, чтобы болѣе ненавистнаго ему поднять на рога, они умѣютъ ловко увернуться, хотя очень часто при этомъ нѣсколько человѣкъ падаетъ замертво.

Когда такимъ образомъ публика вволю натѣшится, впускаютъ собакъ и тогда вмѣстѣ съ ними опять травятъ быка до тѣхъ поръ, пока тотъ совсѣмъ не выбьется изъ силъ.

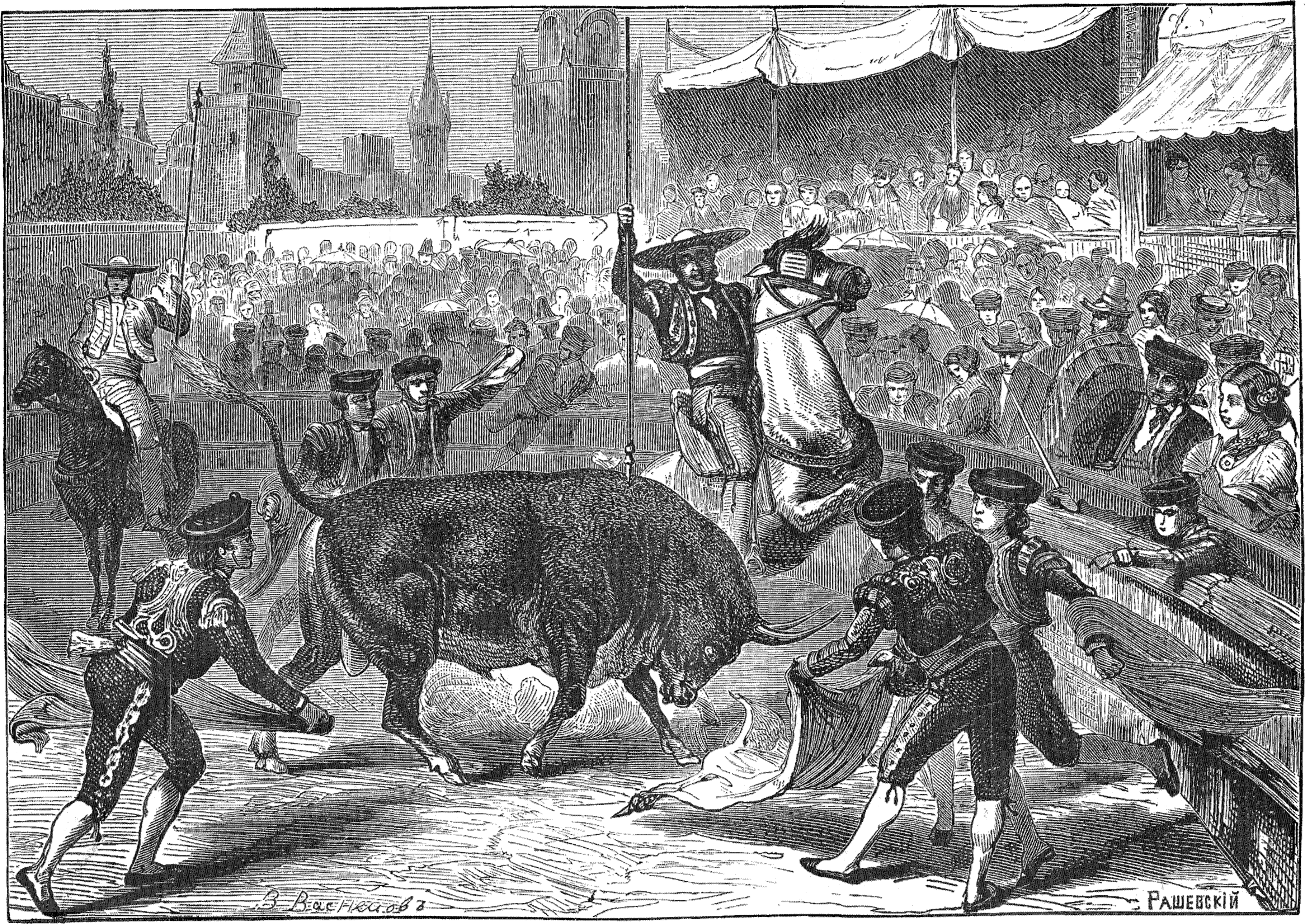
Еще болѣе кровожадное зрѣлище представляютъ бои быковъ. Они происходятъ въ циркѣ, который выстроенъ амфитеатромъ, но безъ крыши; поэтому мѣста въ тѣни всегда бываютъ гораздо дороже, чѣмъ мѣста на солнцѣ. Для высшаго общества назначена верхняя галлерея—это самыя дорогія мѣста. Тутъ публика ведетъ себя еще безпокойнѣе, чѣмъ на бычачьихъ травляхъ. Мужчины и женщины, богатые и бѣдные, знатные и простые всѣ разодѣты въ самый лучшій національный костюмъ; дамскіе вѣера сверкаютъ дорогими каменьями, ихъ черныя мантильи какъ-то особенно элегантны. Держитъ же себя эта публика ужь совсѣмъ не чинно: всѣ безъ исключенія кричатъ во все горло, бросаютъ куда ни попало косточки и объѣдки фруктовъ, словомъ стараются изъ всѣхъ силъ походить болѣе на животныхъ, чѣмъ на людей... Но вотъ распорядитель празднества подаетъ знакъ изъ своей ложи, —труба заиграла, ворота отворились и выѣхали богато одѣтые бойцы. Ихъ узкое платье все вышито золотомъ и серебромъ, сверху наброшены красные бархатные плащи, тоже увѣшанные золотыми украшеніями; бархатные панталоны съ боковъ вышиты золотою гирляндою; коротенькія курточки увѣшаны бляхами, которыя усыпаны драгоцѣнными камнями. На головахъ черныя шапочки; на ногахъ легкіе башмаки съ серебряными пряжками. У всѣхъ бойцовъ на головѣ тонкія, длинныя косы. Изъ бойцовъ не всѣ играютъ одинаково важную роль, поэтому и въ одеждѣ ихъ есть нѣкоторое различіе.

Пикадоръ сидитъ на скверной лошади, у которой завязаны глаза. У пикадора только куртка также богато вышита, какъ и у другихъ бойцовъ; панта-

лоны же его сдѣланы изъ толстой кожи и надѣваются на тяжелые желѣзные обручи, которые защищаютъ его ноги отъ ударовъ; отъ этой тяжести пикадоръ совсѣмъ не можетъ передвигать ноги и когда во время боя его опрокинутъ вмѣстѣ съ его лошадью, онъ не можетъ даже подняться безъ чужой помощи. Пикадоръ непремѣнно вооруженъ копьемъ, остріе котораго, длиною съ булавку, можетъ только уколоть, но не ранить быка. Бойцы въ строгомъ порядкѣ направляются къ мѣсту, гдѣ сидитъ распорядитель, сначала кланяются ему, а потомъ публикѣ. Распорядитель привстаетъ съ своего мѣста и бросаетъ на арену ключь отъ помѣщенія быковъ. Тогда бойцы снимаютъ свои плащи, между тѣмъ, строго соблюдая порядокъ и послѣдовательность празднества, выносятъ орудія пытки и боя—шесты съ остріями различной формы. Быка, предназначеннаго для боя, за нѣсколько часовъ передъ этимъ ставятъ въ крошечный узкій сарай, гдѣ ему даже трудно повернуться и все время колятъ его острою палкою, которая впрочемъ устроена такъ, чтобы причинять сильную боль, но не вызывать кровотеченія. Понятно, когда, послѣ такой пытки, несчастному животному открываютъ дверь, онъ съ бѣшеною радостью бросается въ нее, чтобы избавиться отъ своихъ мучителей. Вотъ какъ описываютъ очевидцы самый бой: «Послѣ всѣхъ мученій, которыя быкъ перенесъ въ сараѣ и за минуту передъ тѣмъ, какъ выпустить его на арену, ему воткнули въ кожу розетку на желѣзной иголкѣ съ крючкомъ на концѣ и такимъ образомъ достойно закончили прежнія истязанія. Выбѣжавъ, быкъ остановился только на одно мгновеніе, потомъ сейчасъ же нагнулъ голову къ землѣ и бросился къ одному изъ торреросовъ. Тотъ встрѣтилъ его съ величайшимъ хладнокровіемъ и, держа ему передъ глазами пестрый платокъ, ловко увернулся, направляя быка къ одному изъ пикадоровъ. Тѣ сидѣли неподвижно на коняхъ, съ вытянутыми впередъ пиками, или дѣлали лишь пару шаговъ на встрѣчу быку, чтобы вызвать его на бой. Такъ какъ они постоянно давали нападать на себя справа, то закрывали лошадямъ правый глазъ. Задачей ихъ было не давать быку подойти къ лошади; однако бѣдныя, изнеможенныя и приговоренныя къ смерти клячи рѣдко имѣли достаточно силы, чтобы помогать удару пикадора и потому всегда дѣлались жертвой непріятеля. Быкъ, подбѣжавъ къ всаднику, остановился на нѣсколько секундъ, рылъ землю ногами, отбрасывая песокъ далеко назадъ, билъ хвостомъ по воздуху, дико вертѣлъ глазами, потомъ вдругъ, опустивъ голову, стремительно бросился на лошадь, но при этомъ наткнулся со всего размаха на пику, направленную пикадоромъ въ его затылокъ. Однако лошадь съ сѣдокомъ были далеко отброшены этимъ толчкомъ, но остались на этотъ разъ цѣлы и невредимы. Быкъ съ яростнымъ ревомъ отбѣжалъ прочь и затрясъ окровавленной и разорванной пикою шеей. Потомъ онъ снова бросился на дразнившихъ его пѣшихъ бойцовъ, плащи которыхъ выводили его изъ себя, и на другаго пикадора. При второмъ нападеніи ему удалось добраться до лошади и онъ въ ту-же минуту воткнулъ ей глубоко въ животъ свои острые рога. Счастье для бѣднаго животнаго, если первый ударъ попадетъ въ грудь и будетъ смертеленъ! Бѣда, если рога только разорвутъ животъ... Если у бѣдной лошади распоротъ животъ и выпавшія кишки волочатся по землѣ, всадникъ и при этомъ заставляетъ ее идти противъ быка. Эта минута — особенное наслажденіе для испанца. Идетъ такая несчастная лошадь на новую муку и сама, собственными копытами путается въ своихъ внутренностяхъ и топчетъ ихъ. При этомъ пикадоры колятъ еще пиками выпавшія внутренности. Дрожа всѣмъ тѣломъ, судорожно двигая губами,

стояли лошади и ждали втораго, третьяго удара разъяреннаго животнаго, пока смерть не приходила наконецъ прекратить ихъ пытку; онѣ падали, буквально замученныя до смерти. Пикадоры отправлялись за арену и снова являлись на сцену на свѣжей лошади. Если въ павшихъ животныхъ оставалась еще искра жизни, ихъ били и мучили на всевозможные лады, чтобы заставить кое-какъ дотащиться собственными силами до общаго смертнаго одра, предназначеннаго для жертвъ боя; тутъ съ нихъ наскоро срывали сѣдла и не медля ни минуты опять бросались въ бой. Только убитую на повалъ и болѣе чѣмъ полумертвую лошадь оставляютъ покойно на мѣстѣ.

При каждомъ удачномъ отпорѣ нападенію быка зрители апплодировали пикадору, при каждомъ ударѣ, полученномъ лошадью — быку. Раздавались со всѣхъ сторонъ голоса самой возмутительной безчувственности:—«А! попалась лошадка, ступай ка теперь въ больницу, да полѣчись! видишь, съ какимъ молодцомъ тебѣ пришлось имѣть дѣло!»—и тому подобныя изрѣченія, сопровождавшіяся грубымъ смѣхомъ. Чѣмъ ужаснѣе была изранена лошадь, тѣмъ сильнѣй становился восторгъ зрителей; но если падалъ пикадоръ—одушевленіе не знало уже никакихъ предѣловъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ, ударился затылкомъ о деревянный барьеръ, такъ что былъ вынесенъ за-мертво; къ счастію это оказался только обморокъ и онъ отдѣлался шрамомъ надъ глазомъ. Другой пикадоръ вывихнулъ себѣ руку и сдѣлался на всю жизнь неспособнымъ къ бою. Перваго быкъ убилъ бы непремѣнно вмѣстѣ съ лошадью, еслибъ подоспѣвшіе пѣшіе бойцы не отвлекли его вниманія маханіями своихъ платковъ». Но не умеръ-ли пикадоръ? не ушибся-ли, не раненъ-ли онъ? О! объ этомъ никто не безпокоится.... Правда, что это не часто случается, да главное въ томъ, что объ этомъ никто и не думаетъ. Опрокинувъ трехъ, четырехъ пикадоровъ, быкъ свирѣпо бѣгаетъ по аренѣ; въ эту минуту его никто не смѣетъ болѣе раздражать, его бѣшеные, налившіеся кровью глаза исполнены дикаго торжества; арена пуста, на ней лежатъ только трупы убитыхъ имъ лошадей; въ ярости быкъ снова поднимаетъ ихъ на окровавленные свои рога, подбрасываетъ ихъ вверхъ, топчетъ, раздираетъ.... Вотъ въ этомъ и заключается первое дѣйствіе боя; оно продолжается обыкновенно минутъ около двадцати, а иногда и болѣе, смотря по ярости быка. Чѣмъ больше онъ убиваетъ лошадей, чѣмъ скорѣе увѣчитъ торреросовъ, тѣмъ больше имъ восхищается публика.... Но вотъ начинается второе дѣйствіе.... Подаютъ знакъ бандерильерамъ.... На арену выбѣгаютъ ловкіе, быстрые, увертливые, великолѣпно одѣтые въ шелковые чулки, башмаки и шитую атласную куртку и штаны—бандерильеры, которые такъ называются потому, что держатъ въ рукахъ двѣ бандерильи, т. е. двѣ коротенькія палочки, обернутыя цвѣтной бумагой и съ крючкомъ на концѣ. Бандерильеръ прямо бѣжитъ къ быку, который, удивленный такой дерзостью, вскачь бросается на него. Уже быкъ держитъ его почти между рогами, но въ ту самую минуту, когда онъ наклоняетъ голову, чтобъ поднять его на рога, бандерильеръ втыкаетъ ему двѣ свои стрѣлки, по обѣимъ сторонамъ шеи и необыкновенно ловкимъ движеніемъ уклоняется отъ удара и убѣгаетъ. Замѣтьте, что бандерильеръ не можетъ вотвнуть своей стрѣлки иначе, какъ ставши совершенно близко и прямо передъ быкомъ, почти между его рогами. Тутъ малѣйшая нерѣшительность, даже дрожь въ рукахъ могутъ тотчасъ его погубить. Если бандерильеръ, втыкая стрѣлки, по несчастію упалъ, то долженъ лежать безъ движенія. Быкъ рѣдко бьетъ лежачаго, не изъ великодушія, а потому, что нанося ударъ, онъ боль-


В. Васнецовъ
Рашевскій

шею частію закрываетъ глаза и такимъ образомъ можетъ пройти или перескочить черезъ человѣка не замѣчая его.

Надобно видѣть быка, который, чувствуя въ шеѣ боль отъ воткнутыхъ крючковъ, носится съ ними по аренѣ, трясетъ ихъ, прыгаетъ, яростно мычитъ; тутъ прибѣгаетъ другой бандерильеръ и втыкаетъ ему двѣ другія бандерильи и потомъ третій, четвертый. Если же быкъ не изъ храбрыхъ, если онъ не тотчасъ нападаетъ на своихъ враговъ, въ публикѣ яростно раздается: «fuego, fuego!» (огня, огня!). Это означаетъ, что публика требуетъ раздражать быка огнемъ. Тогда бандерильеры втыкаютъ быку стрѣлки, обвитыя фитилемъ изъ тлѣющаго трута съ фейерверкомъ, который загорается, трещитъ, хлопаетъ, жжетъ шею быка,—и что за прыжки, что за удивительные скачки выдѣлываетъ онъ, что за безумный хохотъ овладѣваетъ тогда зрителями!—Иногда при этомъ бандерильеры выполняютъ особенно трудныя штуки, такъ напримѣръ втыкаютъ бандерильи, сидя на стулѣ. Мальчикъ приноситъ соломенный стулъ и ставитъ его посрединѣ арены. Бандерильеръ садится и протягиваетъ руки со стрѣлами; быкъ бросается на него и, когда онъ находится всего въ двухъ шагахъ отъ стула, бандерильеръ встаетъ, въ одно мгновеніе втыкаетъ стрѣлки и ловко увертывается въ сторону; животное, вдвойнѣ разъяренное и уколомъ, и исчезновеніемъ врага, подбрасываетъ стулъ вверхъ. Когда ярость животнаго достигаетъ высшей степени, начинается битва одинъ на одинъ. Звукъ трубы вызываетъ матадора — такъ зовутся тѣ изъ бойцовъ, которые сражаются съ быкомъ одинъ на одинъ; этимъ и начинается третье дѣйствіе.

Арена пуста, только бѣшеный быкъ мечется по ней въ послѣдней степени изступленія. Тогда медленно и важно подходитъ къ нему матадоръ, въ самомъ великолѣпномъ андалузскомъ костюмѣ: красный бархатный плащь небрежно накинутъ на лѣвомъ плечѣ, въ правой рукѣ онъ держитъ короткую шпагу, въ лѣвой красное покрывало. Онъ прежде всего оборачивается къ распорядителямъ и начальству, потомъ къ публикѣ; затѣмъ обращается къ быку и на минуту пріостанавливается.... Это самая торжественная минута и для публики и для бойца. Быкъ, задыхаясь отъ бѣшенства, завидя матадора, бѣжитъ на него и, словно почуя страшнаго врага, вдругъ останавливается, наблюдаетъ его, разсчитываетъ свой ударъ. Матадоръ обыкновенно молодъ, красивъ, одѣтъ въ атласъ, бархатъ и золото, гибокъ, удивительно сложенъ. Онъ сбрасываетъ съ плеча красный плащъ; каждое движеніе его исполнено рѣшительности и хладнокровія.

Замѣтьте, что въ этихъ бояхъ есть множество своихъ законовъ и матадоръ не можетъ направить своего удара или зарѣзать быка, какъ это было бы ему удобнѣе. Онъ долженъ направить свой ударъ не иначе, какъ въ то мѣсто, гдѣ оканчивается шея и начинается спинной хребетъ. Ударъ долженъ быть сверху внизъ. Въ тысячу разъ почетнѣе для матадора умереть, нежели нанести ударъ снизу, съ боку или сзади. Подумайте объ игрѣ, которою играетъ этотъ человѣкъ, подумайте, что рѣдкій матадоръ умираетъ въ постели и вы согласитесь съ тѣмъ, что, если кому здѣсь дается слава, то дается весьма не легко. У посторонняго зрителя замираетъ духъ, когда онъ смотритъ на арену въ то время, какъ матадоръ и быкъ приближаются другъ къ другу. Каждый наблюдаетъ за своимъ противникомъ. Безпрестанно мѣняютъ они свои маневры, словно отгадывая взаимныя намѣренія. «Почти всегда быкъ останавливается передъ матадоромъ и всматривается въ него; потомъ съ видомъ угрозы

трясетъ головою, скребетъ копытомъ землю и не хочетъ двинуться впередъ. Матадоръ взмахиваетъ передъ его глазами краснымъ покрываломъ, это такъ раздражаетъ быка, что онъ бросается на него; но тотъ ловко увернулся отъ удара и снова уже дразнитъ быка своимъ покрываломъ. Быкъ опять дѣлаетъ шагъ впередъ и снова останавливается; они такъ близко другъ къ другу, что матадоръ уже прицѣливается шпагою.... еще секунда и быкъ бросается.... но въ то самое мгновеніе, какъ быкъ дѣлаетъ головой размахъ, чтобы поднять матадора на рога, онъ, черезъ его наклоненную голову, вонзаетъ ему всю шпагу. Быкъ вдругъ прерываетъ свой взмахъ, нѣсколько капель крови брызнули ему на шею, ноги его дрожатъ, подгибаются онъ падаетъ безъ движенія. Надобно видѣть, какой бѣшенный восторгъ овладѣваетъ публикою! словно каждый празднуетъ свое избавленіе отъ смертной опасности! Отвсюду летятъ самыя громкія, неистовыя рукоплесканія, самыя шумныя, восторженныя поздравленія матадору. Навѣрно ни одинъ актеръ въ мірѣ не получалъ такой награды. Онъ торжественно обходитъ циркъ и благодаритъ публику.»

Такія публичныя истязанія животныхъ должны, разумѣется, разжигать всевозможныя дурныя страсти въ народѣ. Пока испанцы не станутъ въ уровень съ другими цивилизованными націями Европы, у нихъ не исчезнутъ эти арены отвратительнѣйшаго варварства и самаго безстыднаго посрамленія всякаго человѣческаго достоинства.

ПОРТУГАЛІЯ.

Историческій очеркъ.—Характеръ народа.—Языкъ.—Народное образованіе.—Климатъ.—Земледѣліе, разведеніе плодовыхъ деревьевъ и виноделѣліе.—Промышленность и торговля.—Положеніе сельскаго населенія.

Испанскимъ королямъ въ ихъ борьбѣ съ маврами много разъ помогали французскіе рыцари, обыкновенно младшіе члены семьи, стремившіеся во что бы то ни стало добиться виднаго положенія, въ которомъ имъ отказывала родина. Однимъ изъ такихъ искателей приключеній, въ концѣ XI вѣка, былъ Генрихъ, графъ Византійскій, изъ Бургундскаго дома. Онъ сражался за Альфонса VI, короля Кастильскаго, въ его борьбѣ съ невѣрными; благодарный король въ 1094 году выдалъ за него свою дочь и далъ въ приданое за нею страну между Миньо и Дуэро, графство Португальское. Одинъ изъ его преемниковъ, Генрихъ «Завоеватель», расширилъ свои владѣнія къ югу и съ 10,000 войскомъ побѣдилъ 200,000 сарацинъ. Тогда войско провозгласило его Португальскимъ королемъ, папа за извѣстную ленную дань призналъ новую корону, а собранные кортесы установили главнѣйшіе учрежденія и законы. Въ половинѣ XIII столѣтія вся нынѣшняя Португалія принадлежала уже преемникамъ Генриха-Завоевателя. При Діонисіѣ, прозванномъ «Отцомъ отечества» или «Работникомъ» (lavrador) страна получила всемірно-историческое значеніе; онъ направилъ дѣятельность народа на мореплаваніе и торговлю и заключилъ первый торговый договоръ съ Англіею. Раздѣленіе Пиринейскаго полуострова на два государства было полезно въ томъ отношеніи, что Португалія и Испанія, благодаря своему соперничеству, дѣлали болѣе усилій для достиженія великихъ открытій въ области мореплаванія. Португальскіе короли покровительствовали мореплаванію и изъ политическаго разсчета: въ борьбѣ съ могущественною аристократіею они искали себѣ опоры въ третьемъ сословіи, благосостояніе котораго сильно возвысилось при заморскихъ владѣніяхъ и блестящей торговлѣ. Всѣмъ извѣстно значеніе Португаліи при переходѣ средневѣковаго общества въ новую фазу развитія: ея мореплаватели предпринимали далекія путешествія, дѣлали завоеванія и основывали колоніи. Со времени Эмануила Великаго (1495—1521) Португалія была великою державою и Лиссабонъ сдѣлался богатымъ центромъ всемірной торговли, куда стекались громадныя богатства,

гдѣ чеканились золотыя монеты. Это время блеска вызвало развитіе литературы и Камоэнсъ, (родился въ 1517 году) въ своей Лузіадѣ, воспѣлъ путешествіе Васко-де-Гамо въ Индію. Но за этой блестящеи внѣшностію скрывалось и много неутѣшительнаго. Вслѣдствіе открытія новыхъ странъ, португальцы одинъ за другимъ стали покидать родину и такимъ образомъ въ самой Португаліи съ уменьшеніемъ народонаселенія земледѣліе приходило въ совершенный упадокъ. Сюда проникли тѣ же вредныя идеи, что господствовали въ Испаніи: подъ вліяніемъ ихъ произошло изгнаніе мавровъ и евреевъ въ 1499 году, учрежденіе инквизиціи въ 1536 году. Положеніе народа стало ужасно: почти всѣ земли принадлежали коронѣ, дворянству или духовенству. Земледѣльцы покидали поля и ихъ тщетно пытались замѣнить рабами, привезенными изъ Африки. Цѣны на хлѣбъ чрезмѣрно возросли и пришлось прибѣгать къ громадному ввозу, чтобъ пропитать народонаселеніе. Наконецъ новое страшное несчастіе, политическое рабство, окончательно добило благосостояніе страны.

Въ 1579 году умеръ португальскій король, не оставивъ наслѣдника; тогда ближайшій родственникъ его, испанскій король Филиппъ II, присоединилъ Португалію къ своимъ владѣніямъ и еще столь недавно всемірная держава—Португалія, во время испанскаго господства, потеряла всякое значеніе. Однако въ XVII столѣтіи Португалія свергла наконецъ испанское иго. Основателемъ новой династіи, царствующей еще и въ настоящее время, былъ Іоаннъ Браганцскій, владѣвшій громадными поземельными владѣніями въ этой странѣ. Португалія, уже второстепенная держава, съ начала XVIII столѣтія вступила въ тѣсный союзъ съ Англіею, которая при этомъ съумѣла доставить такія выгоды своей торговлѣ, что португальскіе виноградники служили только ей одной въ пользу. Въ концѣ XVIII вѣка свѣтлыя идеи того времени коснулись и Португаліи и министръ Іосифа I (1750—1777) знаменитый Помбаль изгналъ изъ этой страны іезуитовъ. Онъ также упорно боролся противъ эксплоатаціи его родины англичанами. Наконецъ въ 1838 году Португалія сдѣлалась конституціоннымъ государствомъ.

Португальскій народъ представляетъ смѣшеніе римскаго, испанскаго и французскаго элементовъ (*), а въ провинціяхъ Алентеіо и Алгарвіи есть еще и значительная мавританская примѣсь. Португальцы—маленькаго роста, смуглаго, почти оливко-желтаго цвѣта лица, ихъ волосы и глаза темные и вообще вся наружность носитъ характерные признаки жителей европейскаго юга. Времена ихъ величія показали, что въ характерѣ португальцевъ есть много серьезныхъ задатковъ. Одинъ путешественникъ, долго жившій въ странѣ, хвалитъ португальцевъ за честность и добродушіе, вѣрность и благородство, горячую любовь къ родинѣ, храбрость, гостепріимство и умѣренность. Рѣзко выдающуюся черту ихъ характера составляетъ горячая ненависть къ испанцамъ, за которую тѣ отплачиваютъ имъ тою же монетою. Впрочемъ испанцы скорѣе съ презрѣніемъ, чѣмъ съ ненавистью относятся къ португальцамъ. Гордый житель Кастиліи обвиняетъ ихъ не только въ болтливости, но и въ лживости, коварствѣ и угодливости. Вслѣдствіе этой ненависти двухъ народовъ, которыхъ судьба заставила жить на одномъ полуостровѣ, нечего и думать о ихъ соединеніи въ одно государство.

Португальскій языкъ отличается отъ близкаго ему испанскаго (кастиль-

(*) За графомъ Генрихомъ византійскимъ послѣдовало въ Португалію много французскихъ рыцарей.

скаго) почти однимъ выговорамъ: вмѣсто свойственныхъ испанскому гортанныхъ звуковъ, онъ имѣетъ шипящіе. Напротивъ того относительно грамматическаго строя и лексическаго богатства оба языка почти совершенно сходны. Разговорный португальскій языкъ, какъ и французскій, необыкновенно легокъ и изященъ, что въ то же время и согласно съ общительнымъ характеромъ португальцевъ. И въ этомъ отношеніи португалецъ сильно отличается отъ испанца, который гораздо болѣе его сдержанъ.

Относительно народнаго образованія Португалія отстала отъ другихъ странъ, вслѣдствіе долгаго испанскаго господства и сильнаго вліянія фанатическаго духовенства, но въ послѣднее время она сдѣлала значительные успѣхи въ этомъ отношеніи. При народонаселеніи въ 4.188,400 человѣкъ въ странѣ этой устроено до 2770 школъ, гдѣ обучается 76,710 мальчиковъ и 25,546 дѣвочекъ. Однако въ нѣкоторыхъ округахъ дѣвочки почти совершенно не посѣщаютъ школы. Одна школа приходится на 1,511 жителей, 1 ученикъ на 40 жителей. Первоначальное образованіе въ Португаліи безплатно и обязательно, чего мы не находимъ еще во многихъ болѣе образованныхъ странахъ, какъ напр. въ Англіи. Родители обязаны посылать въ школу своихъ дѣтей отъ 7 до 15 лѣтъ. Не исполняющіе этой обязанности получаютъ сначала выговоръ отъ главы общины, и затѣмъ присуждаются къ штрафу отъ 75 к. до 1 р. 50 к., если не докажутъ, что обучаютъ дѣтей своихъ дома или что не могутъ посылать ихъ въ школу вслѣдствіе крайней бѣдности. Родители дѣтей, не умѣющихъ по достиженіи 15 лѣтъ ни читать, ни писать, лишаются политическихъ правъ, и такіе безграмотные юноши прежде всѣхъ берутся въ рекруты. На обученіе португальскаго юношества духовенство не имѣетъ никакого вліянія; въ здѣшнихъ школахъ священники даже не учатъ религіи, а обученіе этого предмета лежитъ на обязанности школьныхъ наставниковъ. Наставники начальныхъ школъ получаютъ отъ 90,000 до 150,000 рейсовъ жалованья; незнающему португальской монеты можетъ показаться, что это жалованье должно быть очень велико, но если принять въ соображеніе, что рейсъ только $^{3}/_{20}$ копѣйки, то выйдетъ, что на наши деньги народный учитель получаетъ отъ 135 до 225 рублей въ годъ, т. е. весьма жалкое вознагражденіе.

Природа Португаліи представляетъ сильныя противоположности. То мы находимъ въ ней долины, удивительно плодородныя, до такой степени прекрасно обработанныя земли, что напоминаютъ даже роскошный садъ, то встрѣчаемъ громадныя, безплодныя нагорныя равнины, да голыя скалы. Третья часть территоріи совершенно необработана и безплодна. Приморскія области пользуются самымъ счастливымъ климатомъ: близость океана смягчаетъ лѣтній жаръ; но часто и посреди самыхъ благословенныхъ областей находятся болота, вредныя для здоровья. Здѣшнюю зиму можно назвать скорѣе дождливымъ временемъ года, потому что только на самыхъ высокихъ горахъ, именно на Сіеррѣ Эстрельѣ, снѣгъ лежитъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, на равнинахъ же и въ особенности въ южной части королевства снѣгъ составляетъ почти неслыханное явленіе. Потому въ Португаліи въ очень немногихъ домахъ можно найти печь или каминъ. Вообще во всѣ времена года страна эта представляетъ самыя рѣзкіе контрасты: тутъ вы всегда можете найти и снѣгъ на вершинахъ Сіерры Эстрельи, и тропическую растительность на южныхъ берегахъ.

Изъ хлѣбовъ всего болѣе сѣютъ маисъ въ приморской полосѣ и рожь въ горныхъ странахъ. Пробовали разводить рисъ, но опытъ показалъ, что разведеніе его производитъ вредное вліяніе на климатъ и причиняетъ многія бо-

лѣзни жителямъ. Всего болѣе рисовыхъ плантацій находится въ окрестностяхъ Лиссабона. Овощи поспѣваютъ прекрасно и играютъ большую роль въ народномъ продовольствіи. Много разводятъ оливковыхъ деревьевъ (изъ которыхъ въ Эстремадурѣ дѣлаютъ значительное количество оливковаго масла), шелковицы и плодовыхъ деревьевъ; апельсинныя, лимонныя, фиговыя, миндальныя, рожковыя, персиковыя и абрикосовыя деревья даютъ огромное количество плодовъ и, кромѣ громаднаго потребленія внутри страны, ихъ вывозятъ свѣжими и сушеными на $1^1/_2$ милліона рублей. Самое большое земледѣльческое богатство страны представляютъ виноградники. Извѣстное вино — портвейнъ приготовляется изъ винограда, собираемаго на берегахъ рѣки Дуэро. Тутъ виноградники занимаютъ до 30,000 десятинъ; уходъ за ними весьма старательный и требуетъ много рукъ. Виноградъ расположенъ по террасамъ, искуственно построеннымъ. Когда грозды начнутъ вянуть, ихъ собираютъ, бросаютъ въ широкіе, плоскіе чаны и вытаптываютъ сокъ. Когда вино готово, его продаютъ виноторговцамъ города Опорто. Однако нужно замѣтить, что къ винамъ, назначеннымъ для вывоза за границу, обыкновенно прибавляютъ нѣсколько водки, когда онѣ еще лежатъ въ магазинахъ и то же самое дѣлаютъ передъ отправленіемъ за границу. Въ провинціи Миньо виноградныя лозы разводятъ обыкновенно такъ, *какъ и въ Италіи, т. е. онѣ обвиваются* вокругъ большихъ деревьевъ и ниспадаютъ съ нихъ фестонами. *Это повсюду* украшаетъ пейзажъ, но виноградъ, растущій на этихъ лозахъ, трудно созрѣваетъ и даетъ кислое вино.

Самое большое несчастіе Португаліи—недостатокъ лѣсовъ, вслѣдствіе чего часто происходятъ наводненія, причиняющія жителямъ много несчастій и которыя въ то же время дѣлаютъ многія мѣстности нездоровыми для жизни. Чтобы помочь этому горю необходимо искуственное разведеніе лѣсовъ въ обширныхъ размѣрахъ. Донъ Фердинандъ, отецъ нынѣшняго короля, разбилъ при своемъ замкѣ въ Цинтрѣ громадный и прекрасный паркъ съ самыми разнообразными деревьями. Мало по малу чудныя деревья и роскошная зелень всюду разрослись какъ въ самой Цинтрѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Теперь здѣсь вездѣ можно встрѣтить бананы рядомъ съ пихтами, пальмы подлѣ дубовъ; шишконосныя деревья быстро принимаютъ тутъ гигантскіе размѣры. Цинтра лежитъ въ 15 миляхъ отъ столицы и представляетъ одно изъ прелестнѣйшихъ и поэтическихъ мѣстностей. Мѣстность эта очаровываетъ болѣе чѣмъ другія уже потому, что обворожительная природа соединяется здѣсь съ геніемъ и искуствомъ человѣка: дворцы и сады возвышаются среди скалъ, водопадовъ и пропастей; монастыри построены на страшныхъ высотахъ, откуда вы можете наслаждаться прекраснымъ видомъ на море и на Таго. Это мѣсто соединяетъ въ себѣ всю дикость западной Шотландіи и всю свѣжесть растительности южной Франціи. Вотъ какъ воспѣваетъ ее великій поэтъ:

„Здѣсь Цинтра смотритъ новымъ раемъ,
Въ вершинахъ горъ, въ цвѣтахъ долинъ.
. . . . . .
Цѣпь голыхъ скалъ идетъ рядами;
Тамъ монастырь, склонившись внизъ,
Своими бѣлыми стѣнами
Надъ самой бездною повисъ;
Деревьевъ тѣнь по горнымъ скаламъ,
Сожженный мохъ на крутизнѣ

И съ вѣчнымъ мракомъ, съ ароматомъ
Долины въ мертвой тишинѣ:
Сверканье моря голубаго
И апельсинныхъ рощъ нарядъ,
И изумрудный виноградъ,
И ревъ потоковъ—здѣсь все ново!
Здѣсь предъ глазами вставшій видъ
И восхищаетъ и дивитъ".

Португальская промышленность весьма мало развита и большинство фабричныхъ издѣлій привозится изъ за границы. Единственный промышленный городъ—Опорто. Тамъ есть шелковыя и ткацкія фабрики. Горное дѣло въ Португаліи мало развито, только одну соль добываютъ въ довольно большомъ количествѣ. Ввозная торговля находится почти исключительно въ рукахъ англичанъ и ввозъ значительно превосходитъ вывозъ. Окончательное отдѣленіе Бразиліи въ 1823 году нанесло сильный ударъ португальской торговлѣ.

Португалія болѣе населена, чѣмъ Испанія, Корсика, Сардинія и Греція, но менѣе чѣмъ Италія. Сельское населеніе составляетъ $^3/_4$ всего числа жителей Португаліи. Крестьяне вообще малосильны и апатичны. Недостаточное питаніе и болотные міазмы вредно дѣйствуютъ на ихъ здоровье; ихъ пища и питье исключительно растительныя. Португалецъ употребляетъ въ четыре раза менѣе говядины и сыра, чѣмъ французъ, и замѣняетъ недостающее количество маисомъ, рожью, овощами и плодами. Въ винѣ нѣтъ недостатка, но молоко очень мало употребляется въ пищу. Не смотря на умѣренность южныхъ народовъ въ пищѣ, она была бы недостаточна для португальца, еслибы у нихъ не было рыбы. Народонаселеніе возрастаетъ очень медленно. Половина сельскихъ жителей обработываетъ собственную землю, такъ какъ она раздѣлена на очень мелкіе участки, поэтому крестьянъ-землевладѣльцевъ много, особенно въ провинціи Миньо. Однако въ другихъ провинціяхъ, какъ напр. въ большей части Бейры и Алентеіо, земля принадлежатъ крупнымъ землевладѣльцамъ, у которыхъ крестьяне и арендуютъ ее. Понятно, что въ этихъ мѣстахъ народъ не можетъ благоденствовать, такъ какъ большая часть крестьянскаго заработка идетъ обыкновенно на уплату аренды. Къ счастію еще подать и налоги, которые обязаны выплачивать португальцы, — не велики: на каждаго изъ нихъ приходится среднимъ числомъ 6 р. 50 к. всевозможныхъ налоговъ, тогда какъ французъ платитъ вдвое болѣе.

Путешествіе по провинціи Миньо. — Природа этой мѣстности. — Португалецъ. — Гостинницы.— Пища. — Обиліе плодовъ. — Опорто и его постройки. — Гондолы. — Женщины. — Служители.— Экипажи. — Страсть къ процессіямъ.

Провинція Миньо считается самою прекрасною мѣстностью во всей Португаліи. Холмистые луга покрыты роскошною зеленью, тамъ и сямъ тянутся богатѣйшія поля риса, маиса, пшеницы, кукурузы, тыквы. Вы видите толстоствольные каштаны, апельсинныя и финиковыя деревья, виноградныя лозы... однимъ словомъ, тутъ повсюду встрѣчаешь и чудную растительность альпъ и свѣжую зелень самыхъ богатыхъ южныхъ долинъ. Лѣса небольшіе и потому здѣсь не водится особенно много животныхъ. Чаще другихъ попадаются волки и по дорогѣ безпрестанно встрѣчаешь ватагу португальцевъ,

которые веселою и шумною толпою выходятъ на охоту за этими животными. Это небольшаго роста, плотные, коренастные люди, нѣсколько курносые, съ небольшими, огненными глазами, каштановыми или свѣтлыми волосами съ большой бородой. Изъ всѣхъ жителей Европы португальцы имѣютъ самый темный цвѣтъ лица. Они одѣты въ жилеты и куртки, въ короткихъ штанахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. У нѣкоторыхъ еще на плечахъ накинута коричневая мантія съ капюшономъ. На охоту они вооружаются ружьями и винтовками, и всѣ, кто только можетъ, принимаетъ самое живое участіе въ охотѣ на волковъ, такъ какъ эти животныя сильно тревожатъ ихъ стада. Къ этому ихъ возбуждаетъ также награда: за шкуру убитаго волка правительство выдаетъ 4,800 рейсовъ, около семи рублей на наши деньги.

Проѣзжая, часто приходится спугнуть дикую козу: вотъ она заслышала шумъ, соскочила съ холмика и въ одну минуту скрылась въ кустарникѣ. Но чаще всего встрѣчаются, какъ здѣсь на сѣверѣ, такъ и почти по всей Португаліи ящерицы, которыхъ вы найдете и на горахъ, и въ поляхъ, очень часто даже и въ самыхъ домахъ. Португальцы съ безконечнымъ ужасомъ и отвращеніемъ смотрятъ на нихъ, такъ какъ по своему суевѣрію они приписываютъ этимъ пресмыкающимся всевозможныя дурныя свойства: они не могутъ понять и оцѣнить ту пользу, которую приносятъ ящерицы, истребляя во множествѣ вредныхъ насѣкомыхъ.

Веселые домики, что попадаются вамъ на пути, искусно выложены снаружи узорчатыми фаянсовыми пластинками, къ тому же по стѣнамъ очень многихъ изъ нихъ граціозно вьется разная зелень: геліотропъ и множество роскошныхъ розовыхъ цвѣтовъ... Цвѣты свѣшиваются также съ балконовъ, которыхъ впрочемъ въ Португаліи гораздо меньше, чѣмъ въ Испаніи.

Путешествовать во многихъ мѣстахъ сѣверной Португаліи не безопасно и еще совсѣмъ недалеко то время, когда тутъ составлялись цѣлыя общества для защиты путешественниковъ.

Мало-мальски порядочныя гостиницы путешественникъ найдетъ только въ самыхъ большихъ городахъ; въ большинствѣ же случаевъ ему придется останавливаться и ночевать въ первобытныхъ помѣщеніяхъ, полныхъ неслыханной грязи. Гостинницы эти обыкновенно въ два этажа и нижній изъ нихъ весь занятъ мулами и заваленъ винными бочками. По скверной, узкой и ветхой лѣстницѣ вы подымаетесь въ бель-этажъ, который вовсе не заслуживаетъ этого названія. Весь онъ состоитъ обыкновенно изъ одной большой комнаты, спальни и кухни. Путешественникъ, переступая порогъ этого жилья, тотчасъ производитъ страшный переполохъ въ патріархальномъ португальскомъ хозяйствѣ. Изъ комнаты, которую собираются отвести ему, начинаютъ выгонять ватагу кричащихъ дѣтей, куръ, свиней. Путешественника наконецъ приглашаютъ войти: онъ осматривается — и черезъ огромныя щели пола видитъ мула, а, поднявъ глаза кверху, можетъ, черезъ дыры въ крышѣ, отлично любоваться прекраснымъ голубымъ небомъ. Трудно спать здѣсь тому, кто избалованъ роскошью парижскихъ и лондонскихъ отелей, и привыкъ къ чистотѣ, опрятности и уютности швейцарскихъ и нѣмецкихъ гостинницъ. Запахъ мула тотчасъ даетъ себя чувствовать. Изъ дырокъ пола и стѣнъ то и дѣло съ визгомъ и пискомъ выбѣгаютъ мыши и крысы. Вмѣсто изящныхъ обоевъ стѣны испещрены пятнами отъ разныхъ комнатныхъ насѣкомыхъ, которыя цѣлыми полчищами разгуливаютъ взадъ и впередъ. Понятно, что тѣми же миріадами насѣкомыхъ усыпана и кровать. Если же, изнемогая отъ усталости, вы нѣсколько за-

дремлете, васъ непремѣнно тотчасъ разбудитъ звонъ колокольчика. Португальцы не отвязываютъ своимъ муламъ колокольчика даже и на ночь, такъ какъ убѣждены, что ихъ звонъ отгоняетъ отъ дома нечистаго духа.

Путешественнику въ Португаліи приходится не только совсѣмъ забыть о всякомъ комфортѣ, но и имѣть весьма выносливый желудокъ, такъ какъ ему предлагаютъ пищу, непривычную для европейца: жареные каштаны, кукурузу, маслины, особенно кушанья изъ бобовъ и рису, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ изъ говядины, да и то непремѣнно сильно приправленной чеснокомъ и перцомъ. Кромѣ того онъ со смертельнымъ отвращеніемъ долженъ ѣсть «broa» — родъ маисоваго хлѣба, который здѣсь вездѣ употребляютъ. За то за скверный обѣдъ и помѣщеніе вы съ избыткомъ можете вознаградить себя необыкновенно вкусными и сочными плодами. Финики, апельсины, фиги, каштаны, арбузы, дыни — все это вы можете здѣсь получить въ огромномъ количествѣ и за совершенный безцѣнокъ.

Чище, красивѣе и населеннѣе другихъ городовъ въ провинціи Миньо — городъ Порто или Опорто. Мѣстность кругомъ города дикая и гористая, окружена высокими утесами. Городъ лежитъ въ семи верстахъ отъ моря и величественно расположенъ на двухъ холмахъ, спускающихся крутыми скалами къ правому берегу рѣки Дуро; бѣлые, желтые и красные домики живописно расположены посреди деревьевъ; вдоль этой рѣки тянется множество виноградниковъ, изъ которыхъ и приготовляется извѣстнѣйшій во всей Европѣ бѣлый и красный портвейнъ. По рѣкѣ Дуро жители Опорто катаются въ гондолахъ. Это длинныя, зеленые крытыя лодки съ занавѣсками по бокамъ. Въ нихъ сидятъ обыкновенно около десяти или двѣнадцати человѣкъ.

Португальскія женщины высшаго класса, одѣваются здѣсь, какъ и вездѣ въ Европѣ, по парижской модѣ. Женщины же изъ простаго народа, какъ здѣсь, такъ и во всей Португаліи, носятъ обыкновенно даже лѣтомъ теплую, тяжелую голубую мантилію съ воротникомъ и повязываютъ голову бѣлой косыночкой. Онѣ, какъ и испанки, небольшаго роста, но еще гораздо желтѣе ихъ; подъ старость онѣ бываютъ даже оливковожелтаго цвѣта, и въ молодости далеко уступаютъ своимъ сосѣдкамъ въ красотѣ и граціи.

Опорто чрезвычайно красивый городъ со множествомъ богатыхъ зданій. Тутъ есть и роскошно выстроенныя церкви, и чрезвычайно большія общественныя заведенія, многоэтажные отели и особенно обширные магазины винъ. Красота построекъ, чистота, комфортъ, встрѣчаемый въ отеляхъ, — все это зависитъ отъ иностранцевъ, особенно англичанъ, которыхъ здѣсь такъ много и которые, привыкнувъ на родинѣ къ комфортабельной жизни, требуютъ того же и отъ португальцевъ.

Галлегосы (испанцы изъ Галиціи, которая лежитъ на сѣверъ отъ Португаліи) безпрестанно проносятъ воду въ кувшинахъ и бочкахъ, чемоданы и всевозможныя тяжести. Эти галлегосы не только здѣсь въ Опорто, но и во всей Португаліи, служатъ лакеями въ домахъ, водоносами, носильщиками; во всей Португаліи ихъ до 20,000 чел., Живутъ они здѣсь очень бѣдно, но это необыкновенно честный народъ, и на чужбинѣ никогда не за бывающій своей родины. Множество галлегосовъ живутъ обыкновенно въ одной хижинѣ, отказывая себѣ во всемъ. Когда имъ удастся тяжелымъ трудомъ сколотить небольшую сумму, они тотчасъ уѣзжаютъ народину.

Между блестящими европейскими экипажами, запряженными маленькими, кругленькими португальскими лошадьми, которыя быстро несутся по улицамъ,

вы нерѣдко встрѣчаете и мѣстный, очень оригинальный экипажъ. Въ немъ большею частію ѣздятъ женщины: это ничто иное, какъ пестро покрашенныя, съ занавѣсями, носилки, длинныя палки которыхъ кладутъ на плечи двухъ муловъ и привязываютъ ихъ ремнями. Но такой экипажъ очень опасенъ: упадетъ или оступится одно изъ животныхъ и сидящая въ немъ дама должна вылетѣть. По вечерамъ богатыя здѣшнія дамы прогуливаются еще оригинальнѣе. Четыре галлегоса въ богатыхъ ливреяхъ и въ шляпахъ, разукрашенныхъ перьями, несутъ роскошно отдѣланное кресло, въ которомъ сидитъ дама. Впереди идетъ еще слуга и освѣщаетъ дорогу съ факеломъ въ рукахъ.

Португальцы, какъ и испанцы, страстные охотники до разныхъ процессій. Таково, напримѣръ, шествіе священника къ постели умирающаго. Когда больной ожидаетъ смерти, онъ посылаетъ за священникомъ. Тотъ отправляется къ умирающему съ необыкновенною торжественностью. Четыре человѣка несутъ надъ нимъ балдахинъ, множество другихъ служителей идутъ по бокамъ съ зажженными восковыми свѣчами въ рукахъ; впереди идетъ мальчикъ, который звонитъ въ колокольчикъ, чтобы возвѣстить всѣхъ о приближеніи этой процессіи. Кто проходитъ мимо или даже сидитъ дома, долженъ выказать при этомъ глубочайшее почтеніе: всѣ тотчасъ бросаютъ всякую работу и торопятся выйти, если не совсѣмъ изъ дома, то хоть на балконъ, и преклоняютъ колѣна. Всадники слѣзаютъ съ лошадей и съ обнаженной головой тоже преклоняютъ колѣна и падаютъ ницъ, и такъ остаются въ глубокомъ молчаніи, пока слышенъ звонъ колокольчика или видны свѣчи. Передъ домомъ умирающаго шествіе это раздѣляется. Священникъ съ нѣкоторыми служителями, сопровождаемый пѣніемъ, вступаетъ въ домъ, остальные остаются у двери и тоже громко поютъ, пока священникъ, покончивъ свое дѣло, не возвратится къ нимъ и опять всѣ вмѣстѣ съ такою же торжественностью отправятся въ путь.

Бѣда, если иностранецъ-новичекъ, незнакомый съ португальскими нравами, встрѣтившись съ какою нибудь процессіею, равнодушно пройдетъ мимо. Португальцы съ сжатыми кулаками бросаются къ нему, срываютъ шапку, одежду, а въ дурную минуту такъ и исколотятъ до полусмерти. Португальцы невѣжественны и суевѣрны; у каждаго изъ нихъ непремѣнно виситъ на шеѣ какая нибудь ладонка и онъ крѣпко вѣритъ, что она спасетъ его отъ всякой напасти. Всякое явленіе природы внушаетъ имъ страхъ, ведущій къ раболѣпному обожанію всего, что выше ихъ пониманія. Любимою забавой народа здѣсь, какъ въ Испаніи, служатъ бои быковъ. Но въ Португаліи эти бои всегда устраиваются съ благотворительною цѣлью и въ настоящее время не имѣютъ въ себѣ ничего кровожаднаго. Тутъ быковъ не убиваютъ и на ихъ рога во время боя надѣваютъ пробковые шарики, — поэтому ихъ удары лошадямъ и людямъ совершенно безвредны. Пикадоры выѣзжаютъ не на клячахъ, какъ въ Испаніи, а на хорошихъ лошадяхъ и происходитъ не бой, а скорѣе родъ турнира. Въ этихъ бояхъ, здѣсь, какъ видите, не происходитъ никакихъ несчастій, но все же португальцы любятъ потѣшить себя зрѣлищемъ, гдѣ они мучатъ, дразнятъ быка и тѣмъ приводятъ его въ бѣшенство.

B. Barcz ob

Путешествіе изъ Опорто въ Коимбр. — Выѣздъ изъ Опорто. — Разнообразіе видовъ и богатство природы.—Пастухъ.—Провинція Бейра. —Нищіе.—Нравы бѣднаго португальскаго люда.—Коимбра и ея университетъ.

Дорога изъ Опорто въ провинцію Бейра чрезвычайно разнообразна. По одну сторону тянется сосновый лѣсъ, по другую виднѣются огромные дубы, лавровыя и оливковыя деревья, цвѣтущія яблони и наконецъ самое лучшее украшеніе всѣхъ этихъ лѣсовъ — громадные, старинные, португальскіе кедры, богато одѣтые густою темною листвою: точно великаны гордо стоятъ они между другими деревьями. Тамъ и сямъ тянутся безконечные виноградники... вся дорога усажена тополями, которые обыкновенно подстригаются для корма скота. Подлѣ каждаго тополя посаженъ гладкій ивовый стволикъ. Черезъ нѣсколько времени между двумя деревьями начинается ожесточенная борьба за существованіе. Оба деревца пускаютъ вѣтви и каждое изъ нихъ старается занять мѣсто своего сосѣда: то одно, то другое беретъ верхъ и то тамъ, то здѣсь оба они перемѣшиваютъ свою листву. Такою живою изгородью португальцы очень часто окружаютъ свои сады и огороды.

Здѣсь однако не одна природа привлекаетъ вашъ взоръ. На той или другой скалѣ вы замѣчаете пастуха. Онъ молодцевато стоитъ, подперѣвъ бокъ лѣвою рукою, правою же держитъ у рта раковину, которая замѣняетъ ему нашу свирель, и наигрываетъ разныя мелодіи. Одѣтъ онъ, какъ и всѣ португальцы, въ куртку, только ноги его обтянуты въ козью шкуру. Подлѣ него неизбѣжная овчарка.... Вотъ она вскочила, навострила уши и завыла — видно чуетъ приближеніе волка. Часто по дорогѣ мимо васъ проѣзжаютъ двуколесныя телѣги: онѣ запряжены прекрасными, здоровыми, большими быками, рога которыхъ прежде всего обращаютъ ваше вниманіе своею величиною. Впереди обыкновенно идетъ маленькая, кругленькая дѣвочка въ поярковой шляпѣ, изъ подъ которой выглядываютъ бойкіе глазки и свѣженькое личико. Она погоняетъ животныхъ длинною палкою и сама слѣдомъ идетъ за ними. Когда приходится ѣхать во время дождя, мимо васъ то и дѣло пробѣгаютъ люди въ одеждѣ чрезвычайно оригинальной. На нихъ обыкновенно накинуты дождевые плащи изъ соломы, или изъ ситника, сдѣланные, какъ и крыши на домахъ, уступами, что помогаетъ водѣ скорѣе скатываться внизъ. Въ такой одеждѣ португалецъ скорѣе напоминаетъ индѣйца, чѣмъ европейца.

Португалія, какъ извѣстно, представляетъ возвышенную равнину, но ея горныя массы лишь изрѣдка приближаются къ морю, такъ что почти по всему прибрежью тянутся плоскія береговыя страны. Чѣмъ дальше подвигаешься по этой дорогѣ къ серединѣ страны, тѣмъ болѣе подымается эта высокая плоская возвышенность, и наконецъ въ мѣстахъ, сосѣднихъ съ Кастильскими высотами, горы Сіерра-Эстрелья достигаютъ 8,000 ф. надъ уровнемъ моря. Къ югу отъ рѣки Дуэро до самыхъ предѣловъ Испаніи расположена провинція *Бейра*. Природа этой мѣстности далеко не представляетъ такого разнообразія видовъ и богатства растительности, какъ въ только что описанной провинціи. Вмѣсто большихъ лѣсовъ и роскошныхъ кедровыхъ и лавровыхъ деревьевъ чаще всего попадаются кустарники. Особенно безплодны прибрежныя полосы этой провинціи. Только въ долинахъ двухъ, трехъ большихъ здѣшнихъ рѣкъ встрѣтишь каштаны, апельсинныя и масличныя деревья, которыя нѣсколько примиряютъ васъ съ однообразными видами и напоминаютъ вамъ, что вы находитесь все въ той же богатой странѣ. Горы по большей

части обнажены, но за то въ нѣдрахъ ихъ скрыты большія сокровища: громадныя желѣзныя руды, а въ Сіерра-Эстрельѣ и драгоцѣнные камни: гіацинтъ, бирюза, горный хрусталь, дымчатый топазъ. Гдѣ только на горахъ блеститъ зеленая травка, тамъ непремѣнно бродятъ красивыя стада овецъ, которыя считаются здѣсь лучшими во всей Португаліи.

Чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, попадаются большими партіями нищіе, калѣки, слѣпые: они жалобно распѣваютъ баллады, стараясь тѣмъ возбудить къ себѣ состраданіе. Вмѣсто того, чтобы давать этимъ несчастнымъ пріютъ въ особо устроенныхъ заведеніяхъ, какъ тутъ, такъ и вездѣ въ Португаліи нищимъ предоставляютъ свободно разгуливать и въ городахъ, и на большихъ дорогахъ. Любопытно наблюдать ихъ, когда они закусываютъ, расположившись подъ вѣтвями какого нибудь густаго дерева. Вотъ они важно раскладываютъ на землю свой сухой *броа*, *сардинки* и ставятъ глиняную чашечку съ *устрицами*—все это главная пища здѣшнихъ бѣдняковъ. Португальцы отличаются самой утонченной, изысканной вѣжливостью и даже эти несчастные, оборванные нищіе обращаются другъ съ другомъ, какъ принцы крови. «Синьора донна-Анна, сдѣлайте одолженіе, садитесь на мое мѣсто, — оно будетъ вамъ удобнѣе», говоритъ нищій, пересаживаясь для подслѣповатой желтой старухи на менѣе удобный клочекъ земли. «Тысячу разъ благодарю за ваше вниманіе, донъ Жеронимо...» отвѣчаютъ ему съ тою же утонченною вѣжливостью. По имени, съ прибавленіемъ синьоръ или синьора, называютъ другъ друга только хорошіе знакомые. Обыкновенно же они зовутъ другъ друга очень сложными именами: по имени жены, по своему собственному и по фамиліи, напримѣръ: Донъ-Жеронимо-Жозе-д'Азвето. Когда между простымъ людомъ выходитъ какая нибудь ссора, вы узнаете это только по страстному выраженію лица, по нервнымъ, частымъ жестамъ, но никогда не услышите ни одного браннаго слова, никогда не увидите драки. Если ссора окончательно раздражила португальца, онъ съ блестящими огненными глазами вскакиваетъ съ своего мѣста и хватается за ножъ.— Хотя въ Португаліи много растетъ винограда и много выдѣлываютъ вина, однако вы никогда не встрѣтите пьяныхъ на улицѣ. Даже нищіе, послѣ закуски, потягиваютъ изъ глиняныхъ кувшиновъ замороженную воду, а не вино.

На берегу Мондего стоитъ Коимбра, лучшій городъ этой провинціи, долгое время бывшій королевскою резиденціею. Постройкою домовъ и своимъ расположеніемъ онъ напоминаетъ мавританскіе города. Городъ этотъ разбросанъ на нѣсколькихъ крутыхъ холмахъ и черезъ рѣку перекинутъ длинный, каменный мостъ. Тутъ нѣтъ ни красивыхъ мѣстъ для гулянья, ни площадей; улицы чрезвычайно узки и кривы; за то тутъ множество красивыхъ монастырей и богатыхъ церквей. Городъ этотъ, славится университетомъ переведеннымъ сюда изъ Лиссабона въ 1307 году, обсерваторіей, библіотекой и батаническимъ садомъ. По улицамъ вы часто встрѣчаете молодыхъ людей въ длинныхъ, черныхъ сюртукахъ на-глухо застегнутыхъ; сверху накинутъ такой же черный, широкій плащь, — это студентъ (ихъ въ университетѣ до 1,200 человѣкъ). Костюмъ ихъ необыкновенно тяжелъ для вѣчно жаркой, удушливой погоды Коимбры. Ихъ сейчасъ отличишь отъ профессоровъ и учителей, у которыхъ на головѣ одѣта черная шапочка. Все преподаваніе идетъ на португальскомъ языкѣ и испанскіе юноши, которыхъ привлекаютъ хорошіе здѣшніе профессора, легко выучиваются этому языку, такъ какъ онъ очень похожъ на испанскій.

Лиссабонъ и его окрестности.—Видъ города и его восхитительное мѣстоположеніе.—Землетрясенія и ихъ причины.—Землетрясеніе 1755 года.—Ужасъ, внушенный этою катастрофою всей Европѣ

Окрестности Лиссабона, какъ и вся страна, холмисты, живописны и необыкновенно привлекательны. Повсюду виднѣются пробковыя рощи, величественные дубы, финиковыя пальмы, каштаны, миндальныя деревья, виноградники. Поля риса чаще всего привлекаютъ взоръ путешественника. И бѣдный, и богатый португалецъ каждый день, чуть не съ каждымъ кушаньемъ, употребляетъ рисъ. Дома, что попадаются по дорогѣ, чрезвычайно живописны, хотя здѣсь, какъ и вездѣ въ Португаліи, нѣтъ андалузскихъ *patio* (внутреннихъ дворниковъ), но почти всѣ дома непремѣнно обнесены высокой стѣной, изъ за которой виднѣется жилой домъ, обсаженный апельсинными, масличными деревьями и виноградниками. Тутъ же по близости обыкновенно находится и огородъ, окруженный живою изгородью. Но очень часто тамъ и сямъ встрѣчаются сухія холмистыя пустыни. На нихъ уже нѣтъ жилищъ, но и онѣ не лишены своей оригинальной прелести: почти круглый годъ, исключая двухъ, трехъ мѣсяцевъ, пустыни эти покрыты верескомъ, миртами и множествомъ другихъ цвѣтущихъ растеній и кустарниковъ.

Деревень въ Португаліи совсѣмъ мало и мѣстности, отдаленныя отъ городовъ, вообще мало населены, такъ какъ португальцы больше любятъ жить въ городахъ. Тамъ и сямъ, на пустынныхъ дикихъ склонахъ горъ, лежащихъ недалеко отъ Лиссабона, множество покинутыхъ монастырей и остатки мавританскихъ городовъ иногда очень живописно украшаютъ дикіе утесы. Еще недавно Португалія была покрыта сотнями монастырей, но вотъ уже лѣтъ 40, какъ многіе изъ нихъ уничтожены; новыхъ не строятъ, а старые стоятъ пустыми и разрушаются. При видѣ нѣкоторыхъ келій, вы не можете понять, какъ могли въ нихъ жить люди: это ничто иное какъ ямы, высѣченныя въ скалѣ, стѣны которыхъ, въ защиту отъ страшной сырости, выложены пробкою.

У Сальватерры рѣка Таго начинаетъ расширяться и превращается потомъ въ широкій бассейнъ, похожій на озеро, въ $2^1/_2$ мили длины и до $1^1/_2$ миль ширины, куда уже проникаетъ морская соленая вода. Потомъ рѣка опять съуживается до $^3/_4$ мили ширины. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается широкій бассейнъ, подобно тому, какъ Константинополь лежитъ при Мраморномъ морѣ и Босфорѣ, расположенъ на правомъ берегу рѣки Лиссабонъ. Очень немного городовъ на свѣтѣ имѣютъ такое восхитительное мѣстоположеніе: на берегу величественной рѣки, онъ возвышается амфитеатромъ на нѣсколькихъ холмахъ. За городомъ виднѣются дикія, зубчатыя горы Синтра, а напротивъ города красуется лѣвый берегъ Таго, у котораго стоятъ большія суда, а за ними виднѣются дома и сады. Необыкновенно прелестный видъ города больше всего зависитъ отъ холмистой почвы. Португалецъ съ гордостью говоритъ о своей столицѣ: «Кто не видалъ Лиссабона, тотъ не видалъ ничего хорошаго».—Въ восточной сторонѣ города лежитъ старый Лиссабонъ, мало пострадавшій отъ землетрясенія на юго-восточномъ склонѣ Монте-Капелло, самой высокой горы въ городѣ, на которой стоитъ замокъ Кастелло-даль-Мадросъ. Въ этомъ старомъ городѣ улицы неправильны, узки и кривы, дома старомодные, съ готическими украшеніями. Самая лучшая часть города въ 1755 году наиболѣе пострадала отъ землетрясенія: теперь она застроена

домами самыми красивыми и совершенно въ европейскомъ вкусѣ. Тутъ же находится и прекрасная площадь, называемая Торговою. Недалеко отъ нея возвышается большой дворецъ бывшей инквизиціи, но не очень давно онъ почти совсѣмъ выгорѣлъ внутри. Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда—мѣсто для публичнаго гулянья, обсаженное густыми рядами тѣнистыхъ деревьевъ; тутъ же подлѣ и мѣсто для торговли волами.

Лиссабонскій климатъ превосходенъ, даже въ январѣ очень тепло; только лѣтомъ слишкомъ жарко; жаръ въ 30 градусовъ здѣсь считается очень обыкновеннымъ. Здѣсь очень вкусная вода для питья и ее берутъ изъ замѣчательнаго каменнаго *Алькантарскаго водопровода.* Этотъ водопроводъ имѣетъ четыре мили длины и 30 сажень высоты. Вода въ немъ собирается изъ нѣсколькихъ источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ находятся на разстояніи 4-хъ часовой ѣзды отъ Лиссабона. Надъ водопроводомъ устроено до 127 арокъ изъ тесаннаго мрамора. По своему искусному устройству онъ представляетъ одну изъ достопримѣчательностей не только Лиссабона, но и всей Европы; онъ такъ прочно устроенъ, что выдержалъ даже землетрясеніе 1755 года. Галлегосы собираются сюда съ своими глиняными кувшинами, наполняютъ ихъ водою, кладутъ снѣгъ и расходятся торговать имъ по городу.

Еще 40 лѣтъ тому назадъ Лиссабонъ представлялъ совсѣмъ другое зрѣлище; на улицу выбрасывали и выливали рѣшительно всякую нечистоту, бросали даже издохшихъ собакъ, кошекъ, мышей; очень часто съ ногъ до головы окачивали всякою нечистотою. Кромѣ того здѣсь безпрестанно бывали грабежи и разбои. Грабежи теперь случаются рѣдко и, за исключеніемъ трехъ, четырехъ дѣйствительно очень грязныхъ улицъ, всѣ остальныя довольно чисты и обстраиваются на европейскій ладъ.

Самая характерная особенность южной Португаліи та, что она подвержена частымъ землетрясеніямъ. Землетрясеніе сопровождается обыкновенно подземнымъ гуломъ, который слышится или передъ самымъ его началомъ, или одновременно съ нимъ, или тотчасъ послѣ него и бываетъ весьма разнообразенъ. Иногда онъ гудитъ, какъ бурный вѣтеръ, иногда походитъ на звукъ брошенныхъ другъ на друга желѣзныхъ цѣпей, или напоминаетъ грохотъ множества тяжело нагруженныхъ экипажей, быстро ѣдущихъ по мостовой, иногда переливается, какъ громъ безчисленныхъ барабановъ, иногда раздается страшный трескъ.

Страшное Лиссабонское землетрясеніе 1755 года, которое разрушило весь Лиссабонъ, было въ то же время чувствительно въ Африкѣ, въ Ирландіи и въ Америкѣ. Ужасное впечатлѣніе производитъ это явленіе не только на людей, но и на животныхъ. Крысы, мыши, кроты, змѣи,—однимъ словомъ все, что живетъ и копошится на землѣ и подъ землею, въ ту же минуту выползаетъ изъ своихъ норъ. Лошади трясутся, стада рогатаго скота толпятся въ кучу, птицы мечутся, кричатъ на разные голоса, крутятся въ воздухѣ, падаютъ. Лиссабонское землетрясеніе 1755 года случилось утромъ въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Солнце во всемъ блескѣ поднялось на безоблачномъ небѣ и, казалось, обѣщало чудный день. Все народонаселеніе, въ праздничныхъ нарядахъ, спѣшило въ разныя церкви; вдругъ содрогнулась земля и дрожала не болѣе шести, семи минутъ. Затѣмъ все смолкло, но черезъ пять минутъ повторился еще болѣе сильный ударъ, который длился еще меньше.... Черезъ четверть часа этотъ огромный городъ лежалъ весь въ развалинахъ. Уже съ первымъ ударомъ народъ въ какомъ-то ужасѣ и отчаяніи пустился бѣжать, но на дорогѣ онъ былъ раздавленъ или падающими зданіями, или поглощенъ вновь

раскрывшимися трещинами и зіяющими пропастями.... Оставшіеся въ живыхъ бѣгутъ къ водѣ, надѣясь спастись, переплывъ на другую сторону. Но вотъ рѣка выступаетъ изъ береговъ и поглощаетъ тѣхъ, кто за минуту вступилъ на ея сухой берегъ. Не лучше и тѣмъ, кто бросился въ корабли: ихъ, какъ щепки, разбиваетъ въ дребезги страшная буря, и они въ ту же минуту исчезаютъ въ водоворотѣ.

Къ довершенію этого ужаса, въ то время, когда рушились храмы и дворцы, жилища и фабрики, въ разныхъ мѣстахъ вспыхнулъ пожаръ, который свирѣпствовалъ до шести дней. Что спаслось отъ землетрясенія, то погибло отъ необузданной ярости огня. Число людей, погибшихъ во время этой катастрофы въ одномъ только Лиссабонѣ, частью подъ развалинами, частію въ огнѣ и водѣ, полагаютъ до 40,000. Убытки оцѣнены въ 50 милліоновъ талеровъ (талеръ на наши деньги рубль), — громадная сумма, если взять во вниманіе, что это случилось только въ одномъ городѣ и въ такой небольшой странѣ, какъ Португалія.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. — Всесвѣтное стремленіе въ Парижъ и причины этого явленія. — Значеніе Парижа для Франціи.—Прошлое столицы.—Французскій языкъ и его значеніе.

«Парижъ — это вся Франція, нѣтъ, больше — это весь свѣтъ!», — говоритъ не только всякій французъ, но и иностранецъ, начиная описывать эту столицу. И это совершенно справедливо. Парижъ имѣетъ всесвѣтное значеніе и вліяніе его также какъ и всей Франціи началось уже очень давно. Еще въ XI, XII и XIII вѣкѣ Франція получаетъ большую историческую извѣстность. Французскій языкъ въ это время уже былъ очень распространенъ, французскіе романы вездѣ читались, рыцари стекались во Францію на турниры. Готическое искуство тоже очень рано въ ней появилось. Парижъ не только въ средніе вѣка былъ средоточіемъ наукъ и искусствъ, но съ теченіемъ времени его значеніе все увеличивалось. Въ прошломъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго всѣ, искавшіе образованія, утонченнаго вкуса, изящныхъ манеръ и наконецъ развлеченія, — стремились въ Парижъ. Что же до насъ русскихъ, то у насъ, какъ въ среднемъ классѣ общества, такъ и въ высшемъ кругу было распространено мнѣніе, что для порядочнаго человѣка внѣ Парижа нѣтъ спасенія. Купчиха, лишь только получала возможность распорядиться своимъ состояніемъ послѣ смерти самодура и деспота мужа, тотчасъ снаряжала любимаго сынка въ Парижъ, хотя часто и не знала, гдѣ находится этотъ городъ. Бѣдная чиновница отказываетъ себѣ во всемъ, чтобы скопить нѣсколько сотенъ и свезти дочку въ Парижъ; тамъ, мечтаетъ она, исчезнетъ угловатость ея манеръ, тамъ изучитъ она чистѣйшій французскій выговоръ и если тотчасъ послѣ этого не выйдетъ замужъ, то однимъ знаніемъ французскаго языка себя прокормитъ. Богатаго и знатнаго манитъ къ себѣ Парижъ своими маскарадами, балами, которые устроиваютъ тамъ съ такимъ разнообразіемъ и неслыханнымъ блескомъ, миловидныя парижанки, всегда умѣющія сдѣлать свое общество обворожительнымъ. Знатную барыню прежде всего влекло сюда тоже, что и мужчинъ: роскошь, развлеченія и къ тому же блестящіе парижскіе магазины. Въ нихъ уже давно было сгруппировано все, что могло вскружить голову женщины, всѣ мысли которой были исключительно направлены только къ тому, чтобы *казаться* красивѣе, моложе, эффектнѣе, наряднѣе другихъ. А въ

Парижѣ и была устроена вся жизнь именно такъ, чтобы исправлять и полировать человѣка прежде всего съ его внѣшней строны. Вотъ здѣсь M-eur Paul Julie-Antoine дѣлаетъ такую классическую прическу и при этомъ такъ мило, такъ любезно говоритъ прелестныя вещи; тамъ M-me Жанета дѣлаетъ... о Боже, какія шляпы! Ленты, цвѣты, перья, тюль... все это какъ бы въ хаотическомъ безпорядкѣ размѣщено на нихъ съ такимъ вкусомъ и изяществомъ, что сразу придаютъ нашей нѣсколько тяжеловѣсной и отъѣвшейся соотечественницѣ — королевскій видъ. Башмакъ, этотъ замѣчательный парижскій башмачекъ, получившій просто историческую извѣстность, такъ ловко обхватываетъ ея ногу, что всѣ ея движенія сразу получаютъ болѣе легкости и непринужденности. А тонкая эластическая перчатка, до сихъ поръ распространенная по всему свѣту,—она еще болѣе способна скрыть недостатки рукъ и придать имъ привлекательный видъ... А эти bijouteries (драгоцѣнныя вещи), выставленныя въ окнахъ ювелировъ! Ихъ волшебный блескъ и игра цвѣтовъ такъ приковываютъ глаза и сердце прекраснаго пола, что на покупку ихъ часто раззорялись здѣсь въ пухъ и прахъ. Люди, обиженные природою, или утратившіе первую свѣжесть молодости, стремились сюда исправить свои недостатки. Здѣсь съ такимъ искуствомъ вставляютъ зубы, потерявшимъ волосы — дѣлаютъ накладки и парики; мѣняютъ рыжій цвѣтъ волосъ въ прекрасный пепельный, каштановый или черный; здѣсь такія прекрасныя бѣлила и румяна и такъ основательно учатъ ихъ употреблять; мази, которыя разглаживаютъ морщины; вода, придающая такую свѣжесть лицу. Материнское сердце тоже найдетъ здѣсь себѣ пищу... Что за игрушки! канарейки, на незамѣтныхъ для глаза пружинкахъ, свободно, какъ натуральныя, перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, распѣваютъ голосистыя пѣсни, заливаются, и послѣ этого такъ натурально расправляютъ свои крылышки и носикомъ перебираютъ перышки, что легко обманутъ самаго зоркаго наблюдателя. Спеленатыя куклы, въ натуральный ростъ новорожденнаго ребенка, такъ жалобно плачутъ. Другія вскакиваютъ, протягиваютъ ручки, зовутъ маму и папу, говорятъ цѣлыя фразы... А вотъ и огромнаго роста кукла — щеголиха: на ней все по послѣдней картинкѣ журнала... Бархатъ, шелкъ, кружева, бриллiанты, жемчугъ, — все это, хотя и поддѣльно, но тѣмъ не менѣе сдѣлано съ большимъ вкусомъ. До послѣдняго времени Парижъ не мало привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто во чтобы то ни стало стремился безъ труда и скоро разжиться. Такіе люди садились за рулетку и въ нѣсколько часовъ выходили изъ комнаты или совершенными нищими, или богачами. (Рулетка запрещена только въ самое послѣднее время). Гастрономы во всякое время года могли удовлетворить самымъ избалованнымъ, прихотливымъ и непостояннымъ вкусамъ. Тутъ зимою и лѣтомъ, осенью и весною всегда можно найти нѣжные южные плоды, свѣжую зелень, омары, дичь, рыбу.. Все это съ необыкновеннымъ изяществомъ убрано и выставлено за окнами блестящихъ магазиновъ и подается вамъ прекрасно сервированное на фаянсѣ и серебрѣ. При этомъ служителя съ вами такъ предупредительны и внимательны, такъ почтительны, какъ съ принцемъ крови.

До сихъ поръ однако мы все говорили о людяхъ, которыхъ Парижъ очаровывалъ своимъ мишурнымъ блескомъ и которые пріѣзжали сюда съ пустыми, эгоистическими и мелкими цѣлями,—но далеко не однихъ этихъ людей манила французская столица. Огромныя библіотеки съ сотнями тысячъ книгъ и съ множествомъ цѣнныхъ, рѣдкихъ рукописей, батаническій садъ, уже давно пользующійся заслуженной извѣстностью, болѣе нежели въ другихъ странахъ

развитая политическая жизнь, борьба партій, живой, мыслящій французскій рабочій, умно и смѣло ставящій разные современные вопросы для улучшенія жизни своихъ собратій и рѣшающій ихъ въ своей средѣ, — все это привлекало въ Парижъ ученыхъ, литераторовъ, поэтовъ, художниковъ всѣхъ странъ... Политическіе перевороты, при которыхъ старались добиться свободы, заставляли энтузіастовъ бросать все и ѣхать сюда въ эту бурную столицу, пожить общею жизнію, а если нужно, — драться на баррикадахъ въ томъ убѣжденіи, что они дерутся не за свободу одной Франціи, а за освобожденіе всѣхъ угнетенныхъ. Вотъ что сказалъ о призваніи Парижа Викторъ Гюго, этотъ великій современный французскій писатель: «Распространять идеи», говоритъ онъ, «неутомимо разсѣвать истины по свѣту — призваніе Парижа, его обязанность. и онъ свято выполняетъ свое назначеніе... Парижъ — это сѣятель! Гдѣ онъ сѣетъ? Во мракѣ. Что онъ разсыпаетъ? Искры свѣта... Все что вспыхиваетъ въ умахъ людей тамъ и сямъ — все это дѣло Парижа. Горячее пламя прогресса зажжено имъ и онъ безостановочно его поддерживаетъ. Какъ горючій матеріалъ, онъ бросаетъ туда суевѣріе, фанатизмъ, ненависть, глупость, предразсудки. Парижъ — это центръ человѣческой жизни и въ немъ сосредоточивается нервная жизнь всей земли. Если онъ вздрагиваетъ — вздрагиваетъ весь міръ»... Въ этихъ словахъ много правды. Было бы слишкомъ односторонне думать, что Парижъ даетъ міру только прелестныя французскіе цвѣты, миніатюрный башмачекъ, чародѣйски мѣняетъ цвѣтъ волосъ и даже самую физіономію щеголихи... Нѣтъ, онъ дѣйствительно въ значительной степени направляетъ настроеніе умовъ, распространяетъ знаніе, идеи. Каждая перемѣна въ его жизни волновала и теперь еще сильно волнуетъ умы всей Европы, тогда какъ настроеніе Лиссабона, Мадрита, даже Рима, Берлина и Вѣны болѣе касаются только жителей этихъ городовъ. Вотъ почему мысль бомбардировать Парижъ казалась такою чудовищною, вотъ почему во время осады этой столицы такъ дрожали сердца всѣхъ, съ такими нетерпѣніемъ ждали объ ней новостей.

Но еще большее значеніе французская столица имѣетъ для своихъ согражданъ. Это намъ будетъ совершенно понятно, когда мы вспомнимъ, что Парижъ совершенно въ иномъ смыслѣ столица Франціи, чѣмъ другія столицы. Парижъ — вся Франція! Со времени революціи 1789 года Парижъ имѣлъ рѣшающій голосъ во всѣхъ политическихъ перемѣнахъ, которыя предпринимала Франція. Произвести перемѣну существующаго правительства возможно только въ Парижѣ; Парижъ захочетъ — и Франція завтра же будетъ имѣть новое правительство. Тоже самое относительно науки, искуства, промышленности. Ни одинъ научный талантъ не можетъ развиться или получить значеніе внѣ Парижа. Только въ одномъ Парижѣ можетъ усовершенствоваться и вполнѣ изучить свое искуство французскій художникъ, только въ столицѣ ремесленникъ можетъ основательно ознакомиться со своимъ ремесломъ. Только здѣсь французъ и можетъ добиться почестей, славы, богатства... Столица влечетъ къ себѣ не только геніальнаго французскаго мыслителя, но и геніальнаго мошенника и преступника, бѣжавшаго съ галеръ, — и для нихъ она открываетъ огромное поле дѣятельности... Французскіе города въ 100 и 200 тысячъ жителей не имѣютъ никакого значенія передъ Парижемъ. Въ нихъ имѣетъ вѣсъ только то, что получило парижскій штемпель. Причина этого — централизація, сильно развитая во Франціи; это означаетъ, что въ странѣ весьма мало развито мѣстное самоуправленіе и большая часть дѣлъ, касающихся самыхъ отдаленныхъ мѣстностей

Франціи, рѣшаются въ Парижѣ. Однимъ словомъ французы, еще болѣе чѣмъ иностранцы, стремятся въ Парижъ учиться, богатѣть, жить въ водоворотѣ кипучей, политической жизни, кутить, развлекаться, запасаться новыми изящными костюмами, испытывать всякія удовольствія, всякія ощущенія, видѣть блескъ, учиться обворожительнымъ манерамъ парижанъ, ихъ умѣнью жить и устраивать всевозможныя житейскія мелочи съ необыкновеннымъ вкусомъ и изяществомъ.

Не безъ борьбы, не безъ труда, какъ и вся остальная Европа, дошелъ Парижъ до своего настоящаго положенія: тѣ-же войны, тѣ-же повальныя болѣзни, тѣ-же годы голода и общественной неурядицы, которые переживала во время своего роста Европа, переживалъ и Парижъ. За 50 лѣтъ до Р. Х. вмѣсто Парижа было небольшое укрѣпленіе, которое носило названіе Лютеціи, т. е. жилища среди водъ; оно было соединено съ двумя берегами посредствомъ мостовъ. Однако въ VI вѣкѣ послѣ Р. Х. это небольшое укрѣпленіе становится уже на столько большимъ городомъ, что четыре сына Клотаря I-го мирно дѣлятъ между собою всю принадлежащую ихъ отцу страну, только Парижъ не могутъ уступить одинъ другому и оставляютъ его въ общемъ пользованіи. Въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣковъ Парижъ уже славится своими школами, а при наступленіи XIII вѣка въ немъ возникаетъ первый европейскій университетъ, привлекающій громадныя массы учениковъ; ихъ число доходило до 20 тысячъ. Парижъ съ каждымъ вѣкомъ все растетъ и украшается новыми зданіями, новыми удобствами. Людовикъ VII начинаетъ церковь Парижской Богоматери (Notre Dame); Филиппъ-Августъ возводитъ зданіе рынка, строитъ старый Лувръ, мостить улицы Парижа и окружаетъ городъ укрѣпленіями. Увеличеніе города и украшеніе его стоятъ большихъ денегъ и ихъ добываютъ, облагая народъ тяжелою податью, не смотря на то, что онъ страдалъ уже отъ пошлинъ, которыя платилъ съ жизненныхъ припасовъ у различныхъ заставъ. Каждая провинція имѣла свои пограничныя таможни и въ каждой таможнѣ приходилось платить пошлины. Такимъ образомъ, когда въ Парижъ хлѣбъ шелъ изъ Марселя, то платили пошлину въ Дофине, въ Бургони, въ Ниверне, въ Орлеанѣ, въ Иль-де-Франсъ, не считая налоговъ за право провоза и частныхъ сборовъ. Такая система причиняла нищету и народныя бѣдствія. Поэтому уже съ XIV вѣка Парижъ становится центромъ постоянныхъ волненій. Безчисленное множество разъ онъ дѣлался добычею враговъ, или выносилъ осадное положеніе. Рука объ руку съ этими событіями идутъ страшные періоды голода: иногда въ одномъ столѣтіи голодъ бывалъ около 15-ти разъ. Трудно даже себѣ и представить, какія бѣдствія переносилъ народъ въ эти тяжелыя для него годины. Такъ напр., извѣстно, что въ 1437 году въ Парижѣ умерло отъ голода и нищеты болѣе 20 тысячъ человѣкъ. Въ 1590 году непріятели отрѣзали отъ Парижа всякое сообщеніе по Сенѣ, по которой доставлялись сюда жизненные припасы; въ городѣ начался голодъ, такъ что одна женщина, имѣвшая болѣе 30 тысячъ экю, не могла найти хлѣба даже за деньги; у нея умерло двое дѣтей отъ голода и она спрятала ихъ трупы, посолила ихъ и стала питаться со своею служанкою этимъ мясомъ. Но Парижъ все вынесъ, пріобрѣлъ громадное значеніе и сдѣлался центромъ цивилизованной Европы. Нынче много толкуютъ о необходимости избрать новую столицу и развѣнчать Парижъ, — но это сдѣлать не такъ-то легко.

Вслѣдствіе всесвѣтнаго стремленія въ Парижъ, вслѣдствіе богатой фран-

цузской литературы и ея громаднаго вліянія на умы, вслѣдствіе великихъ изслѣдованій по различнымъ отраслямъ наукъ, — языкъ французскій, особенно съ половины XVIII столѣтія, дѣлается общеупотребительнымъ въ Европѣ. Наше дворянство вплоть до 60 годовъ нынѣшняго столѣтія тратило на изученіе французскаго языка гораздо больше денегъ и времени, чѣмъ на свой родной. Хотя Парижъ для Европы и утратилъ за послѣднее 30-ти лѣтіе свою обаятельную силу и она уже перестала вѣрить въ то, что внѣ Парижа нѣтъ спасенія, тѣмъ не менѣе это единственный европейскій языкъ, зная который можно объѣхать весь свѣтъ. Не только для каждаго образованнаго человѣка, но и для всѣхъ служащихъ при хорошихъ гостинницахъ большихъ городовъ знаніе французскаго языка обязательно.

Чтобы понять образованіе французскаго языка, нужно знать, какія племена вошли въ составъ народа, который на немъ говоритъ. Первоначальными жителями той мѣстности, которую занимаетъ нынѣшняя Франція, были кельты. Страна эта называлась Галлія. Римляне покорили Галлію, расположили тутъ свои войска и вслѣдъ затѣмъ здѣсь начали селиться жители другихъ частей римской имперіи. Эти переселенцы внесли съ собою народный латинскій языкъ, значительно отличающійся отъ латинскаго литературнаго языка. По мѣрѣ того, какъ число римскихъ переселенцевъ увеличивалось, мѣстное кельтское населеніе романизовалось и наконецъ вполнѣ усвоило народный латинскій языкъ, совершенно забывъ свой родной. Вотъ этотъ-то народный латинскій языкъ и составляетъ главную основу нынѣшняго французскаго языка; кельтскій же языкъ оставилъ въ немъ лишь ничтожные слѣды. Въ V столѣтіи къ этому основному элементу присоединился еще нѣмецкій. Галлію покорили франки, бургунды и вестъ-готы — все племена германскія. Нѣмецкій языкъ оказываетъ, сравнительно съ кельтскимъ, большее вліяніе, однако и онъ не могъ получить преобладающаго значенія, такъ какъ германцевъ было гораздо меньше, чѣмъ галло-римлянъ. Предполагаютъ, что франковъ было до 12 тысячъ, а мѣстное населеніе простиралось до 6 милліоновъ. Понятно, что при такой численной несоразмѣрности побѣдители должны были принять языкъ побѣжденныхъ. Нѣмецкій языкъ не могъ восторжествовать также и потому, что нѣмцы говорили на разныхъ нарѣчіяхъ: франки на одномъ, вестъ-готы — на другомъ и т. д. Тѣмъ не менѣе нѣмцы все-таки внесли во французскій языкъ до пяти сотъ словъ.

Въ IX вѣкѣ на французскомъ языкѣ уже появились первыя стихотворныя произведенія. Но съ тѣхъ поръ языкъ этотъ много выработался и усовершенствовался. Легкость, живость и остроуміе народа, его грація и утонченность, его разумъ, быстро схватывающій все внѣшнее, отражается и на его языкѣ. Въ самыхъ разнообразныхъ, ясныхъ, полныхъ, округленныхъ и эффектныхъ выраженіяхъ легко и даже красиво можно выразить на этомъ языкѣ рѣшительно все видѣнное, прочувствованное и продуманное. Кромѣ того построеніе языка строго — правильно, а звуки гармоничны и мягки. Къ тому же языкъ этотъ отъ постояннаго употребленія все болѣе шлифуется. Однако, не смотря на всю легкость и благозвучность французскаго языка, не трудно замѣтить каждому, основательно его изучившему, и его главный недостатокъ, который состоитъ въ томъ, что на немъ лишь съ трудомъ можно выразить глубокую мысль. Но этотъ недостатокъ прямо вытекаетъ изъ натуры живаго, увлекающагося, чрезвычайно талантливаго, но нѣсколько поверхностнаго французскаго народа. Кромѣ романскихъ нарѣчій, между которыми въ

нѣкоторыхъ округахъ слышится итальянскій и испанскій, во Франціи говорятъ еще на языкахъ баскскомъ, бретонскомъ, нѣмецкомъ и фламандскомъ (близкая съ голландскимъ вѣтвь нѣмецкаго языка).

Внѣшній видъ Парижа.—Его аллеи и бульвары.—Ихъ блескъ и оживленіе.—Балы и веселость парижанъ—Уличная жизнь—Ораторство уличныхъ торговцевъ—Парижское благерство.

Самое замѣчательное и оригинальное въ Парижѣ — его улицы съ ихъ жизнью и движеніемъ. «Это огромная всемірная выставка», сказалъ одинъ писатель, «театръ и салонъ въ одно и то же время, блестящій и пестрый до того, что каждый Rez de-Chaussée представляетъ декорацію». Роскошь и сказочное великолѣпіе болѣе всего бросаются въ глаза вечеромъ, когда зажигаютъ тысячи огней, какъ заревомъ освѣщающихъ здѣшніе магазины. Тогда еще болѣе поражаютъ дѣятельная жизнь, шумъ, пестрота и неутомимое движеніе безчисленныхъ фіакровъ и омнибусовъ. Не даромъ французы называютъ ихъ «vers rongeurs»—грызущіе черви. Не смотря на то, что за проѣздъ берется недорого, эти фіакры поглощаютъ громадныя суммы. При блескѣ огней еще чаще попадаются изнуренныя, блѣдныя лица женщинъ, разодѣтыхъ иногда съ замѣчательною роскошью и изяществомъ. Совершенную противуположность съ ними представляютъ уличные мальчики (gamins) всегда бодрые, живые: они постоянно острятъ и обыкновенно мѣтко и колко задѣваютъ прохожихъ.

Не смотря на громадное пространство, которое занимаетъ Пирижъ, онъ съ каждымъ годомъ увеличивается. Особенно расширилась французская столица въ царствованіе Наполеона III. Въ 60-мъ году старая кирпичная стѣна была разрушена, городъ увеличился болѣе чѣмъ вдвое и былъ отстроенъ совершенно за-ново. Чтобы составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе о постоянныхъ перестройкахъ Парижа и о числѣ возрастающихъ съ каждымъ годомъ зданій, приведемъ нѣсколько цифръ: съ 1852-го до 61-го года было разрушено 11,192 дома и построено 55,864, а съ 64-го до 65-го года разрушено 1,942 дома и вновь построено 3,351. Если бы поставить эти новыя постройки въ одну линію, то онѣ заняли бы въ длину 15 нѣмецкихъ миль (105 нашихъ верстъ). Эта громадная линія составилась бы изъ 200 новыхъ бульваровъ и улицъ, изъ 8-ми новыхъ церквей, 80-ти новыхъ школъ, 12-ти мостовъ, пассажей, 3-хъ боенъ, 22-хъ скверовъ и 3-хъ парковъ съ 50 тысячами новыхъ деревьевъ. Сколько сломано было улицъ въ Парижѣ единственно съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать ихъ прямѣе и шире! Лѣтъ десять тому назадъ сломали и выстроили вновь черезъ Сену два огромныхъ каменныхъ моста, что стоило ужасныхъ затратъ, только потому, что они не довольно прямо приходились въ линію двумъ вновь открытымъ улицамъ. Эта страсть французовъ къ перестройкамъ и къ украшенію своей столицы много поглотила матеріальныхъ и жизненныхъ силъ народа. Для примѣра возьмемъ расходы хотя за одинъ какой нибудь годъ, напримѣръ 1857. По офиціальнымъ отчетамъ за этотъ годъ на одинъ булонскій лѣсъ было употреблено болѣе 4 милліоновъ франковъ, сверхъ израсходованныхъ на него же въ предъидущемъ году громадныхъ суммъ. Изъ того же отчета видно, что на школы назначено 300 тысячъ франковъ, а на украшеніе церквей болѣе милліона и почти столько же на постройку казармъ; при этомъ 10 милліоновъ на различныя перестройки

и украшеніе улицъ, площадей и проч. Тѣмъ не менѣе эти перестройки въ правленіе Наполеона шли каждый годъ crescendo и служатъ отчасти нагляднымъ доказательствомъ того, что наполеоновское правительство для мишурнаго блеска своей столицы и усиленія милитаризма всегда отодвигало дѣйствительную пользу народа на второй планъ. Впрочемъ, говорятъ, эти вѣчныя перестройки имѣли и другую цѣль, чисто политическую: Наполеонъ предпринималъ ихъ, чтобъ занять мысли и руки рабочаго люда и такимъ образомъ заставить его какъ можно меньше думать о повсемѣстной бѣдности и страданіи своихъ собратій, о повсемѣстномъ недовольствѣ существующимъ порядкомъ.

Но возвратимся опять къ описанію внѣшняго вида французской столицы: самое характерное ея явленіе—широкіе, блестящіе бульвары и аллеи, которыя прорѣзываютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ. Путешественникъ непремѣнно долженъ прогуляться по нимъ, чтобъ познакомиться съ уличною парижскою жизнію. При этомъ вамъ нечего бояться устать: на каждомъ шагу можно отдохнуть или въ кофейной, или въ кондитерской и заплатить за отдыхъ не болѣе 10 су. Впрочемъ отдыхъ можетъ стоить и еще дешевле, если сѣсть на улицѣ на желѣзномъ стулѣ, которыми промышляютъ старушки съ кожанною сумкою черезъ плечо. Очень часто около этихъ стульевъ не видишь никого; но не успѣешь сѣсть, какъ передъ вами, точно изъ земли, выростаетъ старушка со словами: «два су, сударь!»

Парижскіе бульвары представляютъ по истинѣ величественный видъ. Непрестанно волнующаяся толпа, великолѣпіе блестящихъ магазиновъ съ зеркальными стеклами, постоянное движеніе невоообразимой массы блестящихъ экипажей, зданія, похожія на дворцы — все это поражаетъ своимъ блескомъ и роскошью и очаровываетъ всякаго, въ первый разъ сюда попавшаго. Особенно вечеромъ, когда все блеститъ въ ослѣпительномъ свѣтѣ тысячи газовыхъ огней и прогуливается пестрая оживленная толпа, — эти бульвары производятъ поразительное впечатлѣніе... Тогда они болѣе всего походятъ на роскошныя, богато освѣщенныя, безконечной величины гостинныя на воздухѣ. Самый блестящій изъ нихъ — итальянскій бульваръ. Это rendez vous парижскаго «beau monde»: здѣсь прогуливаются до полуночи, или сидятъ на стульяхъ, наблюдая живыя и интересныя сцены. Прежде всего бросается въ глаза иностранцу — масса объявленій, которыми обклеены всѣ свободныя стѣны. Все расхвалено въ нихъ самымъ сказочнымъ образомъ и самые ничтожные предметы представлены необходимѣйшими для жизни. Между всѣми этими объявленіями, разрисованными необыкновенно пластично различными цвѣтами, болѣе всего афишъ, которыя возвѣщаютъ о балахъ и маскарадахъ, ежедневно происходящихъ не только въ садахъ и обширныхъ зданіяхъ на главныхъ улицахъ, но рѣшительно вездѣ, даже въ самыхъ темныхъ переулкахъ Парижа. Такихъ баловъ каждый день бываетъ болѣе ста, такъ что каждый классъ общества можетъ найти подходящую для себя публику, однимъ словомъ балы для всѣхъ: для студентовъ, для офицеровъ, для работниковъ, для солдатъ; плата за входъ чрезвычайно ничтожная: отъ пяти франковъ до десяти су. И всѣ они каждый вечеръ биткомъ набиты народомъ. Для женщинъ почти вездѣ входъ безплатный. Однако мало можно сказать хорошаго о французскихъ увеселеніяхъ этого рода. Въ нихъ живой французскій народъ доходитъ до излишества, но это излишество обнаруживается не въ увлеченіи танцами, какъ это мы видимъ у испанцевъ, а въ буйныхъ, непристойныхъ, даже грязныхъ порывахъ, выход-

вахъ и тѣлодвиженіяхъ. Рядомъ съ набѣленной, нарумяненной женщиной, давно потерявшей стыдъ и совѣсть, робко, боязливо входитъ сюда въ первый разъ молодая дѣвушка, едва вышедшая изъ дѣтскихъ лѣтъ. Ее заманило сюда естественное желаніе повеселиться; но здѣсь веселье пьяное и безстыдное, и участвовать въ немъ нельзя, не утративъ сердечной чистоты.

На этихъ балахъ обыкновенно присутствуютъ полицейскіе сержанты и главная ихъ обязанность въ это время состоитъ въ томъ, чтобы останавливать безстыдныя движенія танцующихъ. «Безъ этихъ предосторожностей,» говоритъ одинъ писатель, «безъ этой полицейской грозы — всѣ смѣшались бы въ такой грязной и возмутительной оргіи, что при ней краска стыда бросилась бы въ лице самому развратному римлянину временъ имперіи.» Всѣ классы парижскаго общества охвачены страстью къ этимъ шумнымъ, бѣшеннымъ вечернимъ развлеченіямъ, къ этой неистовой, дикой пляскѣ. Чѣмъ позднѣе, тѣмъ бѣшенѣе дѣлаются неистовства и наконецъ это заканчивается обыкновенно оргіею, которую не могутъ уже остановить сержанты.

Въ уличной парижской жизни болѣе всего поражаетъ иностранца въ первые дни невообразимо-страшный шумъ и движеніе, которые начинаются отъ дневнаго разсвѣта и кончаются далеко за полночь. Каждый торговецъ старается возможно виднѣе выставить произведенія своей промышленности. Многіе изъ нихъ надсаживаютъ себѣ грудь и горло до хрипоты.

Какое краснорѣчіе употребляетъ каждый изъ нихъ, чтобы восхвалить ту вещь, которую онъ продаетъ! Онъ разсказываетъ прошлую и настоящую исторію этой вещи, объясняетъ ея устройство и примѣненіе, показываетъ ее со всѣхъ сторонъ, язвительно надсмѣхается при этомъ надъ большими магазинами, которые продаютъ всякую вещь въ три дорога, тогда какъ онъ отдаетъ ее даромъ. «Даромъ!» кричитъ онъ съ такимъ ожесточеніемъ, что къ толпѣ слушателей, обступающей его, присоединяется все больше и больше народу. «Даромъ!» продолжаетъ онъ: «двадцать сантимовъ — развѣ это не даромъ? пять су — развѣ это не даромъ? Наконецъ, я не беру за вещь даже и пяти су, и отдаю ее безъ денегъ, — только докажите мнѣ, что гдѣ нибудь въ магазинѣ можно имѣть такую вещь за двадцать сантимовъ!»

Дальше, съ такимъ же пафосомъ, уличный художникъ предлагаетъ прохожимъ снять въ пять минутъ за три су сходный, какъ двѣ капли воды, портретъ. Вокругъ него еще гуще толпа. Изъ нея выдвигается рабочій въ синей блузѣ и художникъ ставитъ его въ должную позу, вооружается маленькими ножницами и клочкомъ черной бумаги, и въ пять минутъ готовъ портретъ, столько же похожій на оригиналъ, сколько и на всякаго другаго рабочаго въ блузѣ. Художникъ накладываетъ снимокъ на листокъ бѣлой бумаги, начинаетъ размахивать имъ передъ толпой, и парень, положившій уже деньги на столъ, ждетъ не дождется, когда кончитъ художникъ свою рѣчь. «Взгляните, господа и госпожи!» ораторствуетъ онъ. — «Взгляните на поразительное сходство! Вотъ подлинникъ, вотъ портретъ! Призываю всѣхъ въ свидѣтели невѣроятнаго сходства, быстроты работы и неслыханной дешевой цѣны. Три су черный портретъ, шесть бѣлый. Достаточно сравнить, чтобы убѣдиться...» и т. д. и т. д. И черезъ каждые пять словъ: «Три су портретъ поразительнаго сходства!» Въ другомъ мѣстѣ такая же толпа около человѣка, склеивающаго битую посуду и читающаго одушевленную лекцію объ этомъ предметѣ.

Эта болтовня, которую такъ мѣтко охарактеризовали французы словомъ blague, порой изящная, остроумная и всегда игривая, въ характерѣ этого на-

рода, и вы ее встрѣтите здѣсь всюду: въ печати, на кафедрѣ, въ модныхъ магазинахъ, въ мастерскихъ художника. Никто кромѣ французовъ не имѣетъ такихъ громкихъ и пышныхъ названій для предметовъ самыхъ обыкновенныхъ. Каждая карта парижскаго ресторана, каждое объявленіе, даже уличный разговоръ, все это не болѣе какъ blague (благёрство).

Сена и ея значеніе для жителей. — Спасеніе утопленниковъ. — Моргъ. — Общество спасителей.

Сена поражаетъ и убранствомъ своихъ береговъ, и кипучею жизнію народа, который толпится и работаетъ по всему ея теченію. Парижъ дѣйствительно имѣетъ право гордиться Сеною. Обрамленная великолѣпными набережными, пересѣченная величественными мостами, снабженная удобными пристанями, пестрѣющая множествомъ судовъ, она тѣсно связана съ жизнію народа и ежедневно оказываетъ ему неоцѣненныя услуги; за то и онъ въ свою очередь не оказался неблагодарнымъ и украсилъ ее самымъ блестящимъ образомъ. Всѣ почти главные памятники Парижа сгруппированы около Сены. Стоки нечистотъ, которые прежде заваливали ее грязью, теперь отведены далеко; ложе ея настолько углублено, что всякое наводненіе сдѣлалось невозможнымъ; лошади, еще недавно тянувшія суда бичевою, замѣнены теперь силою пара.

Сена для Парижа имѣетъ громадное значеніе и ея волны уже издавна приносили жителямъ то счастье, то величайшее горе и даже смерть. Теперь, какъ мы уже сказали, дно Сены на столько углублено, что всякое наводненіе сдѣлалось невозможнымъ, но еще въ прошломъ столѣтіи наводненія повторялись довольно часто. Въ 1740-мъ году Парижъ былъ буквально весь затопленъ. Площадь Пале-Роаяля, Вандомская, Елисейскія поля, — все было подъ водою. По всѣмъ улицамъ разъѣзжали въ лодкахъ...

Но, рядомъ со вредомъ, отъ Сены было еще больше пользы. Вспомнимъ хоть то, что Парижъ въ теченіи многихъ столѣтій исключительно получалъ продовольствіе при помощи этой рѣки. При безпрестанно повторяющихся годахъ ужаснаго голода, при неумѣньи устроить другіе пути сообщенія — Сена была родной матерью, кормилицею парижанъ. Возможно была навигація по Сенѣ — и народъ ликовалъ, всѣ жизненные припасы являлись въ достаточномъ количествѣ, цѣны на предметы первой необходимости понижались; прекращалась навигація и парижане приходили въ уныніе, терпѣли голодъ. Врагамъ стоило только остановить суда на рѣкѣ — и для города наставало время бѣдствій. Въ такія времена парижане понимали все значеніе родной рѣки: они взбирались на колокольни, смотрѣли, не отошелъ ли непріятель, не пробирается ли къ городу какое нибудь судно.

Только въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда торговля хлѣбомъ съ заграничными рынками сдѣлалась свободною, когда были улучшены способы обработки земли, дающей возможность разсчитывать на лучшій урожай и когда наконецъ проведены были желѣзныя дороги, Сена уже перестала въ такомъ количествѣ поставлять въ Парижъ хлѣбъ и провизію. Тѣмъ не менѣе и теперь значеніе ея велико. Она даетъ заработокъ огромному классу людей, по ней ходятъ барки и перевозныя суда. Изъ рабочаго парижскаго населенія одни, защитивъ голову веревочной плетенкой, переносятъ съ судовъ различныя тяжести, другіе носятъ ихъ на спинахъ, нѣкоторые перекатываютъ бочки. Тутъ много и такихъ рабочихъ, которые всю жизнь проводятъ около этой рѣки. Не мало

народа снуетъ у береговъ съ рѣшетиною въ рукѣ: они раскапываютъ стоки, тщательно отыскиваютъ всякую грязь, въ которой больше всего попадается гвоздей отъ лошадиныхъ копытъ. Другіе усердно всматриваются въ воду, съ жадностью хватаютъ чурбанъ, или полѣно, которое плыветъ по теченію, яблоко, упавшее съ судна, салфетку или чулки, которые унесъ отъ прачки вѣтеръ, — всему рады эти люди, все хватаютъ и прячутъ подъ свои рваныя блузы... А вонъ и *карапаты* (отъ слова Cara-noire — черный; batte-canard — утка). Это названіе, какъ нельзя лучше подходитъ къ людямъ, которые цѣлыми днями роются и копаются въ грязи. Они подтаскиваютъ къ берегу лодки, помогаютъ разрубать ненужныя суда, вытягиваютъ затопленные дрова, однимъ словомъ берутся за всякое дѣло, не зная ни одного, и всю свою жизнь живутъ исключительно подачкою. Карапаты всегда пьяны, спятъ подъ открытымъ небомъ въ оставленныхъ судахъ, еле прикрытые лохмотьями... Но на Сенѣ мы встрѣтимъ и рабочій людъ женскаго пола, — прачекъ: онѣ цѣлыми днями полощутъ бѣлье на плотахъ, которыми унизаны берега. Еще болѣе жизни придаетъ этой рѣкѣ веселый смѣхъ, говоръ купающихся въ ваннахъ, которыхъ здѣсь настроено немалое количество.

Нельзя пройти молчаніемъ и слѣдующее прекрасное учрежденіе парижанъ: во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ рѣки поставлены спасительные ящики, снабженные инструментами и брошюрками, въ которыхъ въ самой популярной формѣ объяснено, какъ пользоваться этими инструментами и какъ подать первую помощь утопленнику. Если помощь не подоспѣла и утопленникъ найденъ, его несутъ въ Моргъ (La maurgue) зданіе, спеціально назначенное для этихъ случаевъ. Тутъ прежде всего вы находите большую, свѣтлую комнату, которая даетъ возможность дѣлать самое тщательное изслѣдованіе надъ утопленникомъ. Тутъ же на нѣкоторомъ возвышеніи лежатъ тѣла утопленниковъ подъ краномъ холодной воды, которая постоянно обливаетъ ихъ и такимъ образомъ замедляетъ разложеніе. Въ Моргѣ есть и еще нѣсколько комнатъ: въ одной чиновникъ записываетъ число и время, когда принесенъ утопленникъ, чрезвычайно подробно вписываетъ въ книгу всѣ внѣшнія его признаки, его платье, обувь. Въ другой комнатѣ лежатъ утопленники, которыхъ уже будутъ хоронить; наконецъ есть особая комната, гдѣ хранится одежда тѣхъ, о которыхъ ничего не могли разузнать. Когда кто-нибудь долго не возвращается домой, родители и знакомые обыкновенно бросаются въ Моргъ наводить справки.

Иногда они дѣлаютъ это по прошествіи довольно долгаго времени и нерѣдко узнаютъ, что отыскиваемое ими лице дѣйствительно было здѣсь. Убѣждаются они въ этомъ вслѣдствіе самыхъ точныхъ и подробныхъ примѣтъ наружности и одежды, которыя имъ прочитываетъ чиновникъ. «Какой образъ жизни велъ вашъ родственникъ?» слышится тогда. «Какой формы его носъ, руки?» И обыкновенно одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Какъ у всѣхъ», или: «а кто его знаетъ? вѣроятно, сударь, такіе же, какъ и у насъ съ вами». Но служащіе въ Моргѣ обладаютъ необыкновеннымъ терпѣніемъ, вырабатываютъ себѣ замѣчательный тактъ и мало по малу они узнаютъ все, что имъ надо. Свою опытность въ этомъ дѣлѣ они въ особенности показываютъ тогда, когда тѣло доставлено въ Моргъ и его начинаютъ разсматривать. Въ ихъ краткихъ, сжатыхъ опредѣленіяхъ вы иногда можете прочесть всю исторію бѣдняка, сюда попавшаго: «Рваная синяя блуза..,» диктуетъ одинъ, разсматривая утопленника, въ то время когда другой тутъ-же записываетъ. «Подъ мышками

полотняная заплата другаго цвѣта, зашитая бѣлыми нитками; порѣзъ въ два милиметра на лѣвомъ колѣнѣ; большой шрамъ на локтѣ отъ только что зажившей раны; грубыя, шершавыя, мозолистыя руки, какія бываютъ у земледѣльцевъ; плечи широкія, но корпусъ сутуловатый, и проч. и проч»...

Такое учрежденіе, какъ Моргъ особенно необходимо теперь, такъ какъ число утопленниковъ въ Парижѣ съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1846 году было разыскано 302 трупа (изъ нихъ 257 мужчинъ и 45 женщинъ), кромѣ того 78 новорожденныхъ; въ 1856 году уже однихъ мужчинъ 312, женщинъ 50, новорожденныхъ 113. Эта цифра утопленниковъ въ 1867 году уже возростаетъ до 744. Несмотря на такую огромную цифру утопленниковъ, ихъ было бы гораздо больше и Моргъ скоро долженъ былъ бы отказаться ихъ всѣхъ вмѣстить, если бы въ Парижѣ не существовало совершенно особаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ «спасителей Сены». Въ члены этого общества обыкновенно вступаютъ люди всѣхъ сословій, которые въ то же время умѣютъ хорошо плавать и имѣютъ на берегу свои ванны, суда, плоты, а также и служащіе при нихъ. Эти люди съ очень многихъ пунктовъ Сены сторожатъ и днемъ и ночью, назначая между собою очередь, и не только при первомъ воплѣ или крикѣ, но даже при плескѣ воды многіе изъ нихъ бросаются въ рѣку. Общество избавителей имѣетъ свои торжественныя собранія въ залѣ св. Жана и считаетъ болѣе 360 человѣкъ своими почетными членами, уже награжденными медалями отъ правительства за различные случаи спасенія, и не менѣе 600 членовъ, которые за спасеніе погибающихъ или за вытаскиваніе трупа получаютъ опредѣленную плату.

Парижскій центральный рынокъ.—Пуассардки.—Воришки.—Продажа объѣдковъ.

Размѣститься, прокормить, удовлетворить разнообразнымъ потребностямъ жителей въ такой громадной столицѣ, какъ Парижъ, съ населеніемъ въ 1.825,274 человѣка — задача въ высшей степени сложная и трудная. Нужно много умѣнья, много заботъ со стороны городской администраціи, чтобы удовлетворить потребностямъ такого громаднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ все увеличивающагося городскаго населенія, —а эти качества пріобрѣтаются вѣками. Дурныя парижскія квартиры, слишкомъ высокія произвольныя цѣны и придирчивыя требованія домохозяевъ черезъ чуръ стѣсняютъ жителей и въ этомъ отношеніи для нихъ мало сдѣлала администрація. Что касается продовольствія столицы, то всѣ ея рынки вообще и между ними центральный парижскій рынокъ въ особенности, по своему правильному устройству, замѣчательной распорядительности и дѣятельности администраціи,—заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Этотъ парижскій центральный рынокъ не имѣетъ ничего общаго съ нашими, совершенно первобытнымъ образомъ устроенными базарными площадями. Онъ былъ основанъ въ XVI стол.: тогда вокругъ него были проложены дороги, такъ что онъ походилъ на отдѣльный городокъ. Около этого времени былъ изданъ указъ, по которому запрещалось покупать и выгружать съѣстные припасы гдѣ-бы то ни было, кромѣ рынка. Онъ сталъ называться «Halles», или «Alles», отъ глагола «aller» идти, потому что каждый шелъ туда. Уже съ XVI столѣтія, въ этомъ рынкѣ преимущественно торгуютъ женщины, и мало по малу характеръ этихъ Пуассардокъ (Les dames de la Halles или les Poissardes, какъ ихъ называютъ) пріобрѣтаетъ необыкновенно типичныя черты. Широкая

глотка. тяжелая рука, сварливый характеръ, грубыя остроты, мѣткая брань, умѣнье отстоять свои интересы, необыкновенная энергія и самостоятельность характера,—вотъ самыя главныя качества этихъ рыночныхъ торговокъ. Ихъ остроты и насмѣшки никогда не дозволяли никому появиться въ рынкѣ, покопаться въ товарѣ и затѣмъ уйти, ничего не купивъ; не дозволяли онѣ также много съ ними и торговаться,—на всякаго такого человѣка сыпался со всѣхъ сторонъ градъ насмѣшекъ и онѣ умѣли ими пронять самаго равнодушнаго человѣка. Уже въ началѣ XVIII столѣтія брали большой штрафъ съ тѣхъ изъ нихъ, которыя оскорбляли прохожихъ; но запугать пуассардокъ, какими бы то ни было мѣрами, весьма трудно. Въ волненіяхъ и переворотахъ столицы онѣ обыкновенно играютъ весьма видную роль. Центральный рынокъ устроенъ нѣсколько по образцу хрустальнаго дворца въ Лондонѣ. Онъ состоитъ изъ 14-ти огромныхъ павильоновъ, которые ничто иное какъ громадныя зданія, крытыя стекломъ, съ стеклянными боками и чугунными колоннами, опирающимися на каменные фундаменты; внизу этихъ построекъ устроены кладовыя и погреба. Въ этихъ кладовыхъ хранятся непроданные за день припасы и многіе изъ нихъ такъ хорошо устроены, что въ нихъ вы найдете бассейны съ проточной водой, гдѣ плаваетъ рыба; въ другихъ кладовыхъ живутъ въ клѣткахъ кролики, утки. Между этими кладовыми проходитъ дорога съ рельсами, по которой можно везти товары до самаго вокзала желѣзной дороги. Со всѣхъ четырехъ сторонъ къ рынку ведутъ широкія улицы, большею частію непосредственно примыкающія къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ. Шесть тысячъ повозокъ, 800 вьючныхъ животныхъ, множество тачекъ и носильщиковъ доставляютъ сюда каждую ночь массу провизіи. Но всѣ эти повозки, тачки, люди не могли бы свободно двигаться, еслибы не было запрещено другимъ экипажамъ проѣзжать отъ 3-хъ часовъ ночи до 10-ти часовъ утра по улицамъ, ведущимъ къ рынку. Смотрѣть за порядкомъ во время перевозки товаровъ поручено бригадѣ изъ 40 городскихъ сержантовъ. Вообще здѣсь существуетъ большой порядокъ, такъ какъ надзоръ за всѣмъ чрезвычайно бдительный. Въ этомъ рынкѣ существуетъ совершенно особая постройка, въ которой постоянно находится инспекторъ рынка и его помощники. Они наблюдаютъ за свѣжестью провизіи, за порядкомъ рынка и за правильностію вѣса, — вслѣдствіе этого тутъ постоянно происходитъ провѣрка вѣсовъ, употребляемыхъ торговцами. Не легка обязанность этихъ людей. Имъ не только необходимо честно и аккуратно выполнять ее, но и умѣть ужиться съ пуассардками, которыя своими насмѣшками и остротами нерѣдко заставляютъ того или другаго изъ нихъ бросить мѣсто.

Чистота помѣщенія и посуда, въ которыхъ держатъ провизію, и замѣчательный порядокъ во всемъ доведены здѣсь до возможнаго совершенства. Здѣсь торговецъ не можетъ безнаказанно обмануть покупателя; онъ не можетъ подсунуть ему вредную для здоровья, плохую провизію, такъ какъ это ни подъ какимъ видомъ не ускользнетъ отъ зоркаго глаза рыночной администраціи.

Когда кончаются представленія въ театрахъ, закрываютъ кофейни, гасятъ огни въ домахъ, однимъ словомъ когда засыпаетъ весь Парижъ, — просыпается рынокъ, хотя не весь сразу: сначала оживляются люди въ одномъ павильонѣ, потомъ въ другомъ и наконецъ съ первыми лучами солнца подымаются на ноги всѣ обитатели этого особаго мірка. Первыми являются къ рынку огородники. Идетъ ли дождь, воетъ ли осенній вѣтеръ, стоитъ ли сильный морозъ они въ извѣстный часъ непремѣнно плетутся сюда въ

своихъ телѣженкахъ. Затѣмъ на телѣгахъ, по рельсамъ, везутъ къ рынку говядину. Бьетъ три часа и движеніе усиливается, главная продольная галлерея, раздѣляющая рынокъ на равныя группы павильоновъ, начинаетъ наполняться плодами, цвѣтами, мхомъ, цвѣтущими или распускающимися вѣтками деревьевъ... и уже въ эту ночную пору вокругъ рынка расхаживаютъ старшины носильщиковъ и дѣлаютъ имъ перекличку, чтобъ узнать, каждый ли изъ нихъ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Воришки, бродяги и нищіе ползаютъ между грудами цикоріи, моркови, петрушки, стараются спрятаться за нихъ и какъ нибудь уснуть... Но это имъ не удается, такъ какъ къ нимъ тотчасъ подходитъ полицейскій, расталкиваетъ ихъ, будитъ, поднимаетъ на ноги, гонитъ прочь. Они вскочили, какъ встрепанные, но, отбѣжавъ на 15 — 20 шаговъ, снова прижимаются къ кучамъ различной зелени, часто проползая при этомъ на животѣ огромныя пространства; затѣмъ они стараются и тутъ опять гдѣ нибудь прикурнуть и заснуть хоть на нѣсколько минутъ. Но къ нимъ съ другой стороны подходитъ полицейскій. Тотъ же маневръ повторяется нѣсколько разъ. Когда полицейскій замѣтилъ, что онъ разбудилъ одного и того же бродягу въ третій или четвертый разъ въ ночь, тогда уже онъ отводитъ его въ полицейскій домъ, гдѣ тотъ и досыпаетъ остатокъ ночи.

Хотя этотъ рынокъ и очень великъ, тѣмъ не менѣе недостаетъ мѣста всѣмъ желающимъ торговать въ немъ. Поэтому множество торговцевъ занимаютъ сосѣднія улицы. Въ теплое время года и они точно также завалены грудами всевозможной зелени: бобами, горохомъ, фасолью, морковью и т. п.; и за ними, какъ и въ рынкѣ, установленъ точно такой же правильный и бдительный надзоръ.

За нѣсколько минутъ до 5-ти часовъ утра начинаютъ собираться женщины съ зажженными фонарями и тогда все подымается на ноги. Только тотъ, кто бывалъ въ центральномъ рынкѣ Парижа, кто видѣлъ эти груды мяса, это безконечное множество живой рыбы, груды кресса, картофеля, моркови, только тотъ сразу пойметъ, какъ великъ этотъ городъ, какія массы людей копошатся въ этихъ шестиэтажныхъ домахъ, необъятныхъ гостинницахъ, въ нищенскихъ мансардахъ, въ отеляхъ, напоминающихъ дворцы.

Когда расхаживаешь по павильонамъ, сейчасъ бросаются въ глаза разнообразныя потребности этого города и онѣ отчасти даютъ понятіе о нравахъ жителей. Въ одномъ павильонѣ есть особый родъ торговцевъ, которые занимаются продажею остатковъ съѣстныхъ припасовъ: предметъ ихъ торговли довольно мѣтко называется арлекинами. Какъ платье арлекина сшито изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ, такъ продукты этихъ торговцевъ состоятъ изъ самыхъ разнообразныхъ припасовъ. Каждое утро они посылаютъ своихъ агентовъ съ небольшими ручными, на-глухо запирающимися телѣжками, въ кухни богатыхъ домовъ, посольствъ, дворцовъ, гостинницъ, отелей. Повара, лакеи, горничныя и служащіе при этихъ домахъ обыкновенно входятъ въ сношенія съ торгующими арлекинами и за извѣстное, обыкновенно ежемѣсячное, вознагражденіе обязываются отдавать имъ каждое утро остатки всѣхъ кушаньевъ отъ обѣдовъ, завтраковъ, ужиновъ и закусокъ. Всѣ эти объѣдки сбрасываютъ въ стоящую у задняго входа телѣжку и отвозятъ въ центральный рынокъ. Здѣсь ихъ тщательно разбираютъ и очищаютъ. То, что еще можно отдѣлить, кладется на тарелку и убирается смѣсью и другими остатками иногда такъ же красиво, какъ и въ большихъ отеляхъ. Когда очистка кончается, торговцы стараются по возможности изящно разставить ихъ, выставляя на видъ самыя

лакомыя блюда. Все, что нельзя было отдѣлить, навалено грудами на большихъ блюдахъ, стоитъ сзади и ждетъ голодныхъ и несчастныхъ бѣдняковъ, которые пріобрѣтаютъ здѣсь эту провизію за самую дешевую цѣну. Все, что уже совсѣмъ негодно для употребленія изъ этой смѣси, оставляется для продажи на прокормленіе собакъ и кошекъ. Кости отдѣляютъ совершенно особо и изъ нихъ приготовляютъ плитки бульона. Къ торговцамъ арлекинами идутъ не только бѣдняки, но и любители животныхъ. Рано утромъ тутъ не рѣдко можно видѣть, какъ какой нибудь господинъ, приподнимая воротникъ пальто, чтобы не быть узнаннымъ, точно воръ бросая тревожные взгляды, пробирается къ этому павильону. Это богатый скряга, иногда милліонеръ, и въ то же время человѣкъ, занимающій важный постъ. Его богатство, положеніе въ обществѣ и обычаи столицы заставляютъ его давать пиры. Но чаще всего это промотавшійся кутила, который какъ можно дольше старается слыть блестящимъ человѣкомъ съ вѣсомъ и положеніемъ. Иногда изъ остатковъ съ различныхъ столовъ торговцы арлекинами приготовляютъ ему съ виду эффектное блюдо, оригинальностью котораго онъ нерѣдко хвастаетъ въ кругу пріятелей, тонко намекая, что онъ бросилъ на него бѣшеныя деньги и что оно было приготовлено знаменитѣйшими поварами. Торговцы отлично знаютъ этихъ богатыхъ скрягъ и бѣдныхъ фатовъ: они служатъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ павильона; но они лучшіе покупатели и, когда появляются въ рынкѣ, продавцы арлекинами торопятся къ ихъ услугамъ и смѣются только за ихъ спинами. Трудно вообразить, какъ прибыльна эта торговля. Торгующіе арлекинами обыкновенно наживаютъ дома и десятки тысячъ франковъ годоваго дохода.

Тутъ также можно найти и торговцевъ кусками хлѣба. Корки и хлѣбные объѣдки продаютъ сюда точно также отъ стола, но главное основаніе этой торговли кладутъ школьники, пансіонеры и различные ученики, которые, завтракая во дворѣ во время рекреаціи, роняютъ корки и остатки, или, наѣвшись, швыряютъ ихъ куда попало. Всѣ эти куски хлѣба, покрытые пылью, выпачканные въ грязи, черствые и заплесневѣлые, тщательно подбираются агентами этихъ торговцевъ и точно также отвозятся въ рынокъ. Тутъ ихъ раздѣляютъ на категоріи: получше, похуже и совсѣмъ негодные. Одни изъ этихъ кусковъ сушатъ въ печкахъ, толкутъ и этотъ хлѣбный порошокъ продаютъ въ рестораны, гдѣ повара обсыпаютъ ими котлеты, употребляютъ и при многихъ другихъ кушаньяхъ. Другіе куски поджигаютъ на огнѣ до тѣхъ поръ, пока они сразу почернѣютъ какъ уголь, и когда столкутъ, то продаютъ для чистки зубовъ; хлѣбный порошокъ, менѣе подожженный и отъ лучшихъ кусковъ, смѣшиваютъ съ медомъ, съ миндалемъ и дѣлаютъ изъ него пряники. Изъ множества кусковъ и ничего не дѣлаютъ, а такъ продаютъ ихъ цѣлыми грудами нищимъ и бродягамъ.

Парижская почта.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія и парижская почта. Почтовое управленіе устроилось только въ 1630 году,—до тѣхъ поръ письма посылали черезъ курьеровъ; но еще и въ прошломъ столѣтіи изъ Парижа въ Руанъ письмо шло трое сутокъ; въ настоящее время оно идетъ менѣе 3 часовъ. Настоящій видъ почта приняла только въ 1830 году. Вся корреспонденція собирается въ

центральномъ почтовомъ управленіи и уже оттуда разсылается въ разныя стороны. На сколько хорошо устроено теперь это управленіе, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, который сообщаетъ одинъ французскій писатель: чтобы испытать парижское почтовое управленіе, онъ надписывалъ адресы на письмахъ къ самому себѣ на арабскомъ, русскомъ, греческомъ языкахъ и изъ разныхъ пунктовъ онъ опускалъ эти письма въ ящикъ самъ, чтобы быть увѣреннымъ, что онѣ не затерялись; онъ нарочно франкировалъ ихъ, чтобы ихъ потеря или доставка не была связана съ выгодами почтамта,—и письма аккуратно получались, запаздывая только на 6, на 8 часовъ. Почтамтъ, не имѣя возможности разобрать адресы этихъ писемъ, посылалъ ихъ въ турецкое, въ русское, въ греческое посольства для перевода и такимъ образомъ наконецъ пересылали ихъ по принадлежности.

Письма, на которыхъ написанъ невѣрный, неразборчивый или неполный адресъ, отдаютъ двумъ чиновникамъ, которые сидятъ за большимъ столомъ, въ свѣтлой, большой комнатѣ. На ихъ столахъ вы найдете множество лексиконовъ и лупъ различныхъ размѣровъ, къ которымъ приходится прибѣгать очень часто и смотрѣть черезъ нихъ долго и внимательно, — такъ мелко и неразборчиво написаны нѣкоторые адресы. Почтовые лексиконы представляютъ подробные каталоги всѣхъ фабрикъ, имена всѣхъ крупныхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Впрочемъ многимъ изъ этихъ чиновниковъ совсѣмъ и не нужны эти лексиконы, они ихъ знаютъ на память. Иногда адресъ написанъ неполно и мѣсто жительства обозначено только однимъ словомъ «Ферте». Между тѣмъ это названіе носятъ въ Франціи 29 городовъ и селъ; если на письмѣ не обозначено, въ которое именно изъ этихъ мѣстечекъ или городовъ должно отправить письмо, то его посылаютъ изъ одного Ферте въ другое, покуда не добьются того, что письмо попадетъ въ надлежащія руки; при этомъ тотъ, кто получитъ его, не заплатитъ ни одного лишняго сантима. Но еще больше нужно терпѣнья, умѣнья и опытности, чтобы разобрать каракули неумѣлой руки, или сплошную массу орфографическихъ ошибокъ безграмотнаго человѣка. Такъ какъ большая часть недоразумѣній, возникающихъ при отправкѣ писемъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ неумѣнья надписывать адресы, то администрація почтъ сочла нужнымъ хотя отчасти пособить горю: она вошла въ соглашеніе съ министерствомъ народнаго просвѣщенія и поручаетъ ему раздавать въ народныхъ школахъ по нѣсколько тысячъ тетрадей съ прописями, заключающими въ себѣ примѣры правильныхъ адресовъ.

Другое бюро, такъ называемое «бюро писемъ, остающихся до востребованія», не менѣе любопытно. Всякій, кто хочетъ жить въ Парижѣ такъ, чтобы не знали ни его имени, ни мѣста жительства, или пріѣзжіе, которые остаются въ немъ не долго, приходятъ въ бюро Poste-restante, чтобы записать свое имя. Иногда вмѣсто своего имени они даютъ вымышленное, или обозначаютъ первоначальныя буквы имени и фамиліи, дѣйствительныхъ или вымышленныхъ. Это бюро отдѣляется отъ публики рѣшеткою съ тремя форточками и около каждой изъ нихъ всегда стоитъ огромная толпа народа, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидающая своей очереди, что представляетъ большой контрастъ съ необыкновеннымъ спокойствіемъ чиновниковъ почтамта, ежедневно видящихъ эти сцены.... Вотъ подходитъ господинъ, который по газетамъ отыскалъ себѣ богатую невѣсту, написалъ ей письмо и теперь ждетъ себѣ отвѣта. Онъ просилъ ее написать письмо постъ-рестантъ, далъ заглавныя буквы только своего имени, чтобы такимъ образомъ избѣгнуть язвитель-

нихъ насмѣшекъ. Но чаще всего это бюро посѣщается молодыми женщинами и дѣвушками, прикрытыми густыми вуалями и говорящими дрожащимъ голосомъ. Чиновники строго соблюдаютъ правило отдавать письма въ руки только тѣмъ лицамъ, на имя которыхъ онѣ адресованы. Иногда родители, подозрѣвающіе свою дочь въ перепискѣ съ лицомъ, съ которымъ для нихъ это не желательно, или какой нибудь супругъ—приходятъ справиться, не получено ли письмо на имя такой-то дамы: «Мы не можемъ вамъ этого сказать!» получаютъ они всегда одинъ и тотъ же сухой отвѣтъ. Однажды чиновникъ бюро увидалъ, что въ залъ вошелъ взволнованный мужчина, который тащилъ за собою еще болѣе взволнованную женщину, блѣдную, совершенно разстроенную и едва передвигавшую ноги. «Нѣтъ ли у васъ писемъ на имя госпожи Л?» грубымъ голосомъ спросилъ господинъ. Чиновникъ взялъ связку писемъ на букву Л., долго пересматривалъ ее и наконецъ отвѣтилъ: «Нѣтъ». Мужчина и дама вышли. Черезъ нѣсколько времени въ бюро снова является та-же женщина, но теперь уже одна, безъ своего кавалера. Чиновникъ узналъ ее сразу, снова взялъ связку писемъ на букву Л, тотчасъ нашелъ въ ней письмо и вручая его женщинѣ, разсыпавшейся предъ нимъ въ благодарности, сказалъ: «Письмо было адресовано на ваше имя и я не могъ отдать его никому, кромѣ васъ». Въ тысячи подобныхъ фактахъ ясно видно, что тутъ уже не механическое отношеніе къ своимъ обязанностямъ, но вполнѣ разумное и сознательное пониманіе ихъ.

Нищіе, бродяги и мошенники.

Нищенство и мошенничество—самыя страшныя язвы парижской жизни и въ большинствѣ случаевъ онѣ идутъ рука объ руку. Особенно печально въ этомъ явленіи то, что никакія мѣры администраціи, законодательства и благотворительныхъ комитетовъ, которыхъ здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было,—не могутъ уничтожить это зло, пустившее здѣсь очень глубокіе корни. Оно существуетъ въ Парижѣ уже весьма давно.

Въ началѣ мѣры, которыя предпринимала администрація противъ нищихъ, были очень жестоки. Ихъ высылали изъ столицы скованныхъ попарно, приговаривали къ тѣлеснымъ наказаніямъ, ссылали въ каторжныя работы на галеры. Въ XVII столѣтіи нищихъ даже публично на площадяхъ стегали кнутомъ и затѣмъ налагали на нихъ особыя клейма. Но правительство скоро само замѣтило, что эти жестокія мѣры ни къ чему не ведутъ и что число нищихъ все увеличивается; тогда оно перемѣнило свой образъ дѣйствій. Оно начало строить огромныя богадѣльни и собирать въ нихъ нищихъ. Сначала дѣло пошло довольно сносно, но затѣмъ ихъ стало приходить туда такое количество, что въ непродолжительное время набралось до 40 тысячъ; не только существовавшія богадѣльни не могли вмѣстить эту орду, но еслибы даже ихъ было построено въ 4 раза больше, то и того было бы недостаточно, тѣмъ болѣе, что приливъ нищихъ все увеличивался. Многіе, которые даже не помышляли о нищенствѣ, теперь бросали свои послѣдніе заработки и приходили въ богадѣльни.

Правительство не знало, что дѣлать, и опять прибѣгло къ строгимъ мѣрамъ: приказано было кормить нищихъ очень рѣдко и при томъ весьма скудною пищею; ихъ заставляли спать на одной соломѣ. Нищенство не уменьшалось.

Тогда, въ 1750 году министръ д'Аржансонъ выказалъ особенное рвеніе въ дѣлѣ очищенія Парижа отъ нищихъ и рѣшился всѣхъ ихъ отправить въ Америку. Онъ велѣлъ хватать ихъ на улицѣ и прямо отсылать туда, но эта мѣра вызвала страшное неудовольствіе и волненіе тѣмъ болѣе, что люди, которымъ было поручено это дѣлать, хватали всякаго бѣдно одѣтаго человѣка. Тогда стали ходить самые нелѣпые слухи, которымъ однако вполнѣ вѣрилъ простой народъ: толковали, что Людовикъ XV, страдая проказой, принимаетъ для исцѣленія ежедневно утромъ ванны изъ человѣческой крови и что для этого и хватаютъ людей. Дѣло дошло до возстанія и проектъ д'Аржансона былъ оставленъ. Опять принялись клеймить нищихъ, посылать на каторжныя работы... Только во время Людовика XVI былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы доставлять здоровымъ нищимъ работу, а больныхъ помѣщать въ богадѣльняхъ и госпиталяхъ. Но неумѣнье взяться за дѣло, недостатокъ денегъ, а главное частыя волненія не дали возможности осуществить мысль. Но и теперь, когда отчасти осуществлена она, когда доставляется работа здоровымъ, присылаютъ въ госпитали больныхъ, подаютъ пособіе раззорившимся,—нищенство нисколько не уменьшилось и принимаетъ все болѣе разнообразныя формы. Вы останавливаетесь въ каретѣ у подъѣзда, къ вамъ подбѣгаетъ человѣкъ, отворяетъ дверцы—это нищій, такъ какъ онъ тотчасъ послѣ этой услуги протягиваетъ къ вамъ руку за подачкой. Вы гуляете по улицѣ и къ вамъ на каждомъ шагу пристаетъ или дѣвочка съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ, или мальчикъ съ пачкою конвертовъ и бумаги, или со спичками,—все это нищіе. Толпа маленькихъ оборвышей собираетъ на улицѣ окурки сигаръ и папиросъ и затѣмъ продаетъ такимъ же бѣднякамъ, какъ и они,—тѣ и другіе нищіе. Подлѣ церкви стоитъ человѣкъ и продаетъ четки, святую воду, бальзамъ противъ зубной боли; нѣсколько поодаль слѣпой старикъ вертитъ шарманку, маленькій ребенокъ показываетъ кролика, дѣти поютъ и пляшутъ во дворѣ, — все это нищіе. Но гораздо хуже тѣ изъ нихъ, которые приходятъ на домъ, подаютъ бумагу, въ которой изложено несчастіе, ихъ постигшее, прописаны имена жертвователей и приглашеніе присоединиться къ нимъ. Безпрестанно встрѣчаются слѣпые и ихъ слѣпота по большей части искуственная. Во французскомъ народѣ распространено мнѣніе, что всѣ нищіе слѣпцы—богачи. Хотя и бывали примѣры того, что послѣ смерти слѣпца нищаго у него находили нѣсколько тысячъ франковъ, но это конечно исключеніе. Сложилась же эта молва вслѣдствіе того, что слѣпымъ нищимъ болѣе подаютъ и они умѣютъ трогать проходящихъ не только своимъ несчастіемъ, но и остроумною находчивостью, съ которою они умѣютъ выказать это несчастіе. На груди эти люди обыкновенно носятъ изображеніе событія, лишившаго ихъ зрѣнія, или просто привѣшиваютъ доску съ надписью: «я васъ не вижу, но Богъ васъ видитъ», или «я безъ средствъ и доведенъ—до страшной нищеты; сжальтесь надъ бѣднымъ слѣпымъ» и т. д. Самые счастливые изъ нихъ тѣ, которые завладѣли постояннымъ мѣстомъ гдѣ-нибудь на мосту и запаслись шарманкой.

Въ Парижѣ есть цѣлый классъ людей, у которыхъ нищенство стало страстью, второю натурою. Одна женщина, хорошаго происхожденія, жалкая уличная пѣвица: она бродитъ по дворамъ и по кабакамъ и распѣваетъ сентиментальные романсы. Ее упрашиваютъ бросить это занятіе, ей даютъ средства жить иначе; она дѣлаетъ усиліе надъ собой, возвращается къ порядочной жизни, но не надолго, ее снова манитъ къ себѣ эта кочевая, цыганская жизнь, эти грязные кабаки и скверные пирушки. Одинъ жонглёръ отдавалъ половину

своихъ доходовъ на церковь, многое—во вспомогательную кассу рабочихъ и оставлялъ себѣ именно столько, что едва могъ прикрываться лохмотьями и даже не имѣлъ постояннаго угла.

Нынче французское правительство не допускаетъ нищенства публичнаго, уличнаго; каждый, уличенный въ прошеніи милостыни на улицѣ, подвергается аресту въ тюрьмѣ. Тѣмъ не менѣе есть нищіе, которымъ дозволено это ремесло: это паяцы, шарманщики, пѣвцы и музыканты; на каждый разрядъ этихъ нищихъ дается правительствомъ до 150 разрѣшеній; слѣдовательно число этихъ привилегированныхъ нищихъ доходитъ до 600 человѣкъ на весь Парижъ. Однако на дѣлѣ это выходитъ совсѣмъ не такъ, и само правительство подало помощь въ 1868 году 130 тысячамъ людей.

Къ нищимъ-пѣвцамъ и музыкантамъ принадлежатъ между прочимъ дѣти итальянцы. Эксплоататоры посылаютъ этихъ дѣтей или просто христорадничать, или играть на скрипкахъ, или показывать обезьянъ и морскихъ свинокъ; прежде почти всѣ эти дѣти являлись въ Парижъ изъ Савойи или изъ Пармы; теперь большинство ихъ является съ юга Италіи. Эти несчастные дѣти сдѣлались въ своемъ отечествѣ настоящимъ предметомъ торговли и такъ какъ она довольно выгодна, то въ ней часто принимаютъ участіе даже оффиціальныя лица. Является эксплоататоръ въ деревню и забираетъ дѣтей въ аренду на три года. Все, что подаютъ этимъ дѣтямъ, собственность эксплоататора, который выплачиваетъ родителямъ или сразу всю сумму, или каждый годъ въ извѣстный срокъ, но, разумѣется, плата эта самая ничтожная. Такой спекуляторъ выговариваетъ обыкновенно неустойку, противъ тѣхъ родителей, которые бы пожелали взять отъ нихъ дѣтей раньше срока. Эти арендаторы дѣтской жизни отличались страшной дерзостью даже въ самомъ Парижѣ; когда родители требовали отъ нихъ возвратить имъ дѣтей, они безъ всякаго стѣсненія обращались къ итальянскому консулу, съ просьбою принудить родителей соблюдать контракты, и тѣ нерѣдко выполняли эти ужасныя просьбы. До какой степени выгоденъ этотъ промыселъ можно видѣть изъ того, что нѣкто Чіеко, перебравшійся теперь въ Лондонъ, нажилъ въ Парижѣ на этомъ дѣлѣ слишкомъ 200 тысячь франковъ. Положеніе этихъ дѣтей самое печальное. Одежда ихъ состоитъ изъ лохмотьевъ, старыхъ мундировъ или изъ платья, которое на нихъ на силу влѣзло. Что касается пищи, то содержатель даетъ имъ только одинъ разъ въ день тарелку супу, все остальное, даже хлѣбъ, они получаютъ только тогда, когда выманятъ на улицѣ.

Квартиры ихъ не менѣе ужасны: въ одной конурѣ бываетъ по семи человѣкъ и всѣ они валяются въ одномъ углу, иногда даже безъ соломы и безъ всякаго постельнаго бѣлья. Если ребенокъ не принесетъ денегъ, или принесетъ ихъ мало,—его бьютъ и совершенно лишаютъ пищи по цѣлымъ суткамъ. Естественно, что такой ребенокъ, бродя по улицамъ, бросается на прохожихъ и докучаетъ имъ своими мольбами, или стаскиваетъ, что попадетъ подъ руки.

Нищіе, попавшіе въ руки полиціи, сперва отсылаются въ тюрьмы высидѣть срокъ судебной кары, а потомъ опять черезъ руки полиціи — въ такъ называемые «нищенскіе депо,» т. е. въ такое заведеніе, гдѣ ихъ заставляютъ работать. При этомъ руководятся обыкновенно такою мыслію, чтобы нищій, однажды попавшій въ руки властей, выходилъ не нищимъ, а человѣкомъ способнымъ къ труду. Для этого въ депо ему даютъ пищу, содержаніе и въ тоже время обязательную работу; за эту работу ему платятъ деньги, и когда онъ

соберетъ такую сумму, которою онъ можетъ просуществовать нѣкоторое время, его выпускаютъ на свободу. Мысль разумѣется прекрасная, но выполненіе ея въ Парижѣ крайне неудовлетворительно. Это депо нищихъ находится въ Сенъ-Дени, — огромное старое, ветхое и грязное зданіе, которое не поправляютъ и не измѣняютъ по нѣсколько лѣтъ. Тутъ грязь, сырость, нечистота, запахъ и смрадъ такіе, что это заведеніе заслуживаетъ скорѣе названіе грязной клоаки, чѣмъ помѣщенія, въ которомъ живутъ люди. Эти несчастные спятъ по 100, а иногда и по 120 человѣкъ въ одной комнатѣ, по два и по три человѣка на одной кровати; обращеніе съ ними крайне пренебрежительное, пища малопитательная. Благодаря всѣмъ неудобствамъ этого рода, лазаретъ депо почти всегда полонъ и смертность въ немъ весьма высока.

Образованіе тоже не процвѣтаетъ среди обитателей Сенъ-Дени, такъ какъ школа, устроенная въ этомъ заведеніи, самая несчастная и заброшенная, и изъ 1025 мужчинъ (въ 1869 году) 470 человѣкъ не знали ни читать, ни писать, а изъ 388 женщинъ, только 105 были грамотныя.

Преступленія идутъ рука объ руку съ нищенствомъ, такъ что даже трудно сказать, гдѣ кончается нищій и начинается преступникъ. Даже и тѣ нищіе, которые не прибѣгаютъ ни къ какимъ ужаснымъ средствамъ для возбужденія состраданія, очень часто мѣняются ролью съмошенниками, или еще чаще становятся то тѣми, то другими, смотря по обстоятельствамъ. Нищій, просящій милостыню въ темномъ и глухомъ переулкѣ, часто не задумываясь отрѣзываетъ часы, залѣзаетъ въ карманы. Здѣшніе мошенники и воры необыкновенно расточительны, не даромъ сложилась французская поговорка: «щедръ, какъ воръ.» Совершивъ удачную кражу, воръ бросаетъ деньги направо и налѣво: онъ пьетъ, кутитъ, не умѣетъ ни въ чемъ отказать не только себѣ, но даже и товарищу, который къ нему обратится въ это время. Ему никогда не приходитъ въ голову даже и то, что завтра можетъ быть не удастся обдѣлать такое дѣло и придется голодать... Большею частію воры и попадаются въ руки полиціи вслѣдствіе своей расточительности. Кромѣ того у здѣшнихъ мошенниковъ сильно развито тщеславіе и они всѣми силами стараются показать своимъ товарищамъ, какое крупное дѣльце удалось имъ сдѣлать. Страсть къ перемѣнѣ платья, кольцамъ, цѣпочкамъ, къ яркимъ цвѣтамъ въ сильной степени развита почти въ каждомъ изъ нихъ; въ этомъ отношеніи они совершенно похожи на первобытныхъ дикарей. Но многое множество парижскихъ мошенниковъ составило себѣ огромный капиталъ мелкимъ воровствомъ. Есть очень много и такихъ, которые окружаютъ себя такимъ блескомъ и роскошью, что никому и въ голову не приходитъ предполагать въ нихъ мелкихъ ночныхъ воришекъ,—между тѣмъ это бываетъ здѣсь сплошь и рядомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь Парижъ былъ изумленъ арестомъ нѣкоего Турпіана, жившаго открыто: онъ посѣщалъ морскія купанья, одѣвался съ большимъ шикомъ, постоянно являлся на скачкахъ, имѣлъ 8 лошадей въ конюшнѣ и блестящіе экипажи: оказалось, что онъ былъ руководителемъ и наставникомъ карманныхъ воришекъ.

Для разныхъ предпріятій мошенники часто сходятся между собою, группируются, вслѣдствіе этого у нихъ существуетъ и свой особенный языкъ заимствованный ими изъ разныхъ діалектовъ. Иногда этотъ языкъ очень выразителенъ. Поджигатели называются у нихъ suageur, т. е. людьми, заставляющими потѣть. Іудствовать значитъ предавать человѣка; махать красной тряпкой — говорить; рѣшетка тюрьмы — арфа; играть на арфѣ значитъ распилить рѣшетку и т. п.

Правительство долго боролось какъ съ нищими, такъ и съ мошенниками и скоро убѣдилось въ томъ, что самыя строгія мѣры не могутъ ихъ уничтожить. Тогда организовали общество ловкихъ сыщиковъ; это дало возможность чаще ловить мошенниковъ, но ничуть не уменьшило ихъ числа. Въ этомъ случаѣ здѣсь, какъ и вездѣ, никакія правительственныя мѣры не только не искореняютъ зло, но даже и не уменьшаютъ его, такъ какъ причины подобныхъ явленій очень сложны, коренятся очень глубоко, отчасти кроются въ государственномъ строѣ, въ прошлой судьбѣ народа и во внезапныхъ бѣдствіяхъ. Доказательствомъ этого служитъ то, что число нищихъ и мошенниковъ всегда увеличивается съ повышеніемъ цѣнъ на главныя жизненныя потребности: на мясо, пшеницу, соль и на квартиру. Отчасти увеличивается число ихъ и вслѣдствіе все большаго и большаго развитія человѣческихъ потребностей среди роскоши и блеска французской столицы. Кромѣ того вы увидите, что большая часть мошенниковъ составляется обыкновенно не только изъ менѣе образованнаго класса общества, но изъ людей не знающихъ даже грамотѣ, или получившихъ крайне ничтожное образованіе и еще меньше развитія: изъ 4607 человѣкъ, явившихся на судъ присяжныхъ въ въ 1867 году, 1681 (т. е. 36 процентовъ) были совершенно безграмотны; 2068 (т. е. 45%), читали и писали крайне плохо; 638 человѣкъ (т. е. 14%) читали и писали порядочно; и только 200 человѣкъ (т. е. менѣе 5%) получили высшее образованіе.

Подземный Парижъ и его клоаки.

Сена даетъ огромное количество воды: сослуживъ большую службу и удовлетворивъ различнымъ потребностямъ жителей, эта вода дѣлается опаснымъ элементомъ, полнымъ вредныхъ веществъ, которыя нужно удалить какъ можно скорѣе и какъ можно дальше отъ города, чтобы не вызвать эпидемій. Вся грязная вода выливается въ множество различныхъ отверстій, а оттуда падаетъ въ громадную, удивительную сѣть подземныхъ каналовъ. Эти каналы уносятъ ее и далеко за городомъ выливаютъ въ Сену.

Эти сточныя трубы, или парижскіе клоаки, самые обширные и лучшіе на свѣтѣ. Клоаки древняго міра не могутъ выдержать съ ними никакого сравненія. Это самый громадный изъ всѣхъ существующихъ дренажей (система искуственнаго осушенія почвы). Парижане показываютъ ихъ съ гордостью иностранцамъ и посѣтители могутъ проѣхаться по нимъ не только въ лодкѣ, но даже и въ вагонѣ.

Парижскіе подземные каналы раздѣляются на два совершенно различныхъ отдѣла: *трубы для стока нечистотъ* (les égouts) и *собиратели* (les collecteurs). Первые проходятъ подъ улицами, собираютъ грязную воду и проводятъ ихъ во второй родъ клоакъ, т. е. въ собиратели, а тѣ далеко относятъ эту грязную воду. Трубы для стока нечистотъ — это маленькіе ручейки, составляющіе, если можно такъ выразиться, какъ бы притоки собирателей, которые можно сравнить уже съ рѣками. Собиратели проведены въ болѣе низменныхъ частяхъ Парижа для того, чтобы туда, по естественному склону, могла стекать вода изъ болѣе возвышенныхъ частей. Въ Парижѣ три главныхъ собирателя: два на правомъ берегу Сены и одинъ на лѣвомъ. Одинъ изъ собирателей праваго берега принимаетъ воды особенно зараженныя, такъ какъ онѣ стекаютъ изъ мясныхъ рынковъ, изъ боень, газовыхъ заводовъ, изъ всѣхъ про-

мышленныхъ учрежденій Лавилета, Монъ-Мартра, Сенъ-Дени. Эта безконечная сѣть, развѣтвленія которой простираются подъ самыми ничтожными переулками, приходитъ въ соприкосновеніе съ самыми таинственными частями парижскихъ домовъ.

Клоаки эти строились много лѣтъ и способъ ихъ постройки теперь значительно улучшился; прежде ихъ строили изъ простаго песчанника—камня очень мягкаго и легко проницаемаго влажностью, такъ что постоянно требовались поправки; потомъ его замѣнили жерновымъ камнемъ, весьма изобильнымъ въ окрестностяхъ Парижа, который можетъ сильно противостоять влагѣ. Лѣтъ 20-ть тому назадъ вся галлерея клоакъ была покрыта гидравлическимъ цементомъ, доставившимъ имъ прочность и чистоту, до тѣхъ поръ неизвѣстную. Рѣшетки, которыя прежде закрывали отверстія посреди улицъ, выброшены вмѣстѣ съ другимъ хламомъ и замѣнены отверстіями клоаки, скрытыми подъ краями тротуара. Отверстій этихъ насчитываютъ до 6-ти тысячъ, такъ что даже въ самыя сильныя бури ихъ довольно, чтобы поглотить воду съ 2000 улицъ, со 138 площадей, съ 55 набережныхъ и 167 парижскихъ бульваровъ.

Посѣщать и осматривать клоаки стало теперь большимъ удовольствіемъ для публики. Каждый мѣсяцъ дозволяютъ предпринимать по нимъ прогулки и билеты берутся на расхватъ. Это путешествіе по клоакамъ непродолжительно: сначала везутъ въ вагонѣ, а потомъ въ лодкѣ. Путешествіе начинается отъ площади Шателе и кончается на площади Маделенъ. Спустившись по витой чугунной лѣстницѣ внизъ, входятъ въ обширную комнату и тутъ передъ вами открывается подземный Парижъ, такъ что вы сразу проникаете во всѣ его секреты. Прежде всего васъ поражаетъ здѣсь огромное количество трубъ всевозможной величины, толщины и цвѣта: онѣ проходятъ въ разныхъ направленіяхъ и служатъ для различныхъ цѣлей. Раньше другихъ бросаются въ глаза огромныя, металлическія, водопроводныя трубы, блестящія и полированныя, какъ черный мраморъ; онѣ подперты крѣпкими желѣзными опорами. Отъ нихъ идутъ двѣ трубы, которыя походятъ на ноги громаднаго чернаго гиганта, лежащаго на спинѣ. Далѣе трубы менѣе широки и прикрѣплены къ бокамъ стѣнъ: отъ нихъ тамъ и сямъ идутъ болѣе мелкія развѣтвленія. На высотѣ свода виднѣются сѣроватые пучки, которые похожи на связку прутьевъ,— это нити электрическаго телеграфа. А что это за длинная трубка, которая такъ и скользитъ по стѣнѣ? Она слишкомъ узка, для того чтобы проводить воду и слишкомъ широка для телеграфной проволоки... Прислушайтесь... Чу! Быстрый и рѣзкій шумъ, похожій на свистъ дротика, — это мѣдная повозка, нагруженная депешами, которая пробѣгаетъ по трубѣ пневматическаго (воздушнаго) телеграфа. Подземный Парижъ это цѣлый живой организмъ: его скрытые органы никогда не прекращаютъ своихъ отправленій.

Стѣны такъ толсты, что въ нихъ устроены цѣлыя комнаты; тутъ вы найдете и бюро для служащихъ, и помѣщенія для ламповщиковъ, и кладовыя для лопатъ, метелъ и для особенныхъ сапоговъ, которые служатъ для здѣшнихъ рабочихъ.

Выше русла клоаки идутъ тротуары, конечно, не такіе широкіе, какъ въ надземномъ Парижѣ. Въ нихъ вколочены желѣзные столбы, на которыхъ прикрѣплены лампы съ фарфоровыми шарами. Посѣтители приходятъ сюда обыкновенно въ калошахъ и въ тепломъ пальто, чтобы оградить себя отъ суровой температуры, которая однако вовсе не страшна здѣсь, такъ какъ она почти неизмѣнно колеблется между 11° и 13°.

Когда публика вся собралась, чтобы осматривать клоаки, тогда привозятъ вагоны и ставятъ вдоль клоаки улицы Риволи, на двухъ тротуарахъ которой находятся металлическія полосы, замѣняющія рельсы. Во всѣхъ четырехъ углахъ вагоновъ горятъ лампы; вагоны крытые и въ нихъ, для сидѣнья, наставлены скамейки изъ плетенаго тростника. Публика усаживается; женщины немного трусятъ; въ прогулкѣ иной разъ принимаютъ участіе и карманные воры, но они рискуютъ попасться, такъ какъ тутъ же обыкновенно помѣщается агентъ сыскной полиціи, наблюдающій не столько за тѣмъ, что встрѣчается во время прогулки, сколько за прогуливающимися. Свистокъ даетъ сигналъ и поѣздъ трогается. Но этотъ вагонъ движется не силою пара, а людьми. Два человѣка впереди и два назади, держась за полосы, прикрѣпленныя къ вагону, катятъ его впередъ. Вслѣдствіе быстраго движенія встрѣчная струя свѣжаго воздуха ударяетъ въ лицо. Быстро движется вагонъ подъ темнымъ сводомъ, — вотъ едвали не все, что можно замѣтить во время этой прогулки; замѣчательно, что не чувствуешь никакого дурнаго запаха... Но вотъ ходъ вагона дѣлается медленнѣе, вы подъ площадью Бастиліи, гдѣ стокъ Риволи впадаетъ въ большой собиратель. Тутъ выходишь изъ вагона и замѣчаешь нѣсколько лодокъ, освѣщенныхъ лампою. Тотчасъ садятся въ эти лодки, двигаются съ помощію лодочниковъ, одѣтыхъ въ голубыя блузы, и достигаютъ по теченію воды комнаты подъ площадью Маделенъ. Всходятъ вверхъ по лѣстницѣ и выходятъ посреди зѣвакъ, крайне удивленныхъ.

Однако ошибочно было бы думать, что всѣ парижскіе стоки устроены точно также, какъ тѣ, которыя видятъ парижане и иностранцы: имъ показываютъ товаръ лицемъ; однако другіе, хотя и не имѣютъ такого величественнаго вида, все-таки построены не менѣе превосходно и цѣлесообразно. Есть 12 различныхъ родовъ стоковъ, начиная отъ большаго собирателя праваго берега, которому широкіе тротуары, высокій сводъ и глубокое русло совершенно придаютъ видъ канала подъ тунелемъ, до маленькихъ стоковъ, проникающихъ въ частные дома. Какъ ни обширны размѣры галлереи стоковъ, жизнь рабочихъ все-таки была бы подвержена опасности, еслибъ не было принято различныхъ предосторожностей. Нельзя и представить себѣ, съ какою поразительною быстротою стокъ наполняется водою во время бури. 27-го іюля 1872 года водяной смерчь разразился надъ Парижемъ; менѣе чѣмъ въ пять минутъ вода дошла до самаго свода въ стокѣ Риволи и точно также поднялась она въ собирателя праваго берега. Понятно, что рабочіе, находящіеся въ это время въ стокѣ, должны были бы погибнуть; какіе бы усилія они не дѣлали, потокъ все-таки унесетъ ихъ. Чтобы этого избѣгнуть, устроили окна или колодцы; во время опасности рабочіе тотчасъ бросаются въ эти колодцы, поднимаются по желѣзнымъ ступенькамъ, вдѣланнымъ въ стѣнѣ, достигаютъ верхняго отверстія колодца и черезъ него выходятъ на улицу. Такихъ колодцевъ устроено въ Парижѣ болѣе $6^1/_2$ тысячъ и такимъ образомъ всякая опасность для жизни рабочихъ устранена. Въ случаѣ опасности тотчасъ подаютъ сигналъ и всѣ рабочіе, находящіеся въ стокахъ, бросаются тотчасъ къ колодцамъ и выходятъ.

Опишемъ нѣсколько подробнѣе большой собиратель. Сводъ его огромной галлереи покрытъ полированнымъ цементомъ, такъ что онъ кажется выштукатуреннымъ. Сводъ этотъ отличается необыкновеннымъ резонансомъ, такъ что звукъ рожка здѣсь отлично слышенъ въ концѣ стока. Это даетъ возможность сообщаться на весьма большихъ разстояніяхъ, что имѣетъ здѣсь большое

значеніе. Совсѣмъ другое дѣло въ сводахъ изъ песчанника: звукъ задерживается каждою шероховатостью стѣны, ослабѣваетъ по мѣрѣ движенія впередъ и совсѣмъ замираетъ, пройдя самое небольшое разстояніе. Всѣ надсмотрщики надъ работами въ стокахъ снабжены ружьями и могутъ такимъ образомъ командовать работами во многихъ мѣстахъ заразъ и на очень отдаленномъ разстояніи.

Но будемъ продолжать этотъ путь, слѣдуя по берегамъ потока, весьма непріятнаго цвѣта; мы замѣтимъ, что потокъ такъ быстръ, что всѣ легкія вещества въ немъ совершенно невидимы. Чтобы заставить ихъ показаться, закрываютъ одинъ шлюзъ; это производитъ впереди шумный и клокочущій водоворотъ, а назади вода дѣлается спокойною и покрывается соломою, раздувшимися кошками, потопленными собаками, птичьими перьями и такимъ количествомъ пробокъ, что зрители поражены, какъ они не замѣтили этого прежде. Много разнообразитъ путь по этимъ стокамъ шумъ отъ каретъ, проѣзжающихъ надъ вашими головами, который впрочемъ здѣсь бываетъ слышенъ только тогда, когда карета задѣнетъ одну изъ чугунныхъ пластинокъ, закрывающихъ выходъ изъ колодцевъ. Или вдругъ вы слышите шумъ каскадовъ, вызывающій въ васъ воспоминаніе о путешествіи по Швейцаріи; вы приближаетесь и видите стокъ, падающій съ высоты каменной лѣстницы и низвергающійся въ собиратель. Взойдя по ступенямъ, вы очутитесь въ галлереѣ 10-го или 12-го разряда, т. е. увидите передъ собою простой каналъ безъ тротуара, гдѣ вода прямо омываетъ стѣны стока; вотъ, чтобы прогуливаться тутъ, и нужны крѣпкіе сапоги, о которыхъ мы поговоримъ ниже. Въ этомъ обширномъ собирателѣ сдѣлали много колодцевъ, и кромѣ того еще въ немъ есть вспомогательные мосты для тѣхъ частей его, которыя вырыты на большой глубинѣ По двумъ лѣстницамъ, сдѣланнымъ въ самой стѣнѣ собирателя, можно легко войти въ комнату, которая напоминаетъ антресоли, такъ какъ она помѣщается надъ самымъ сводомъ собирателя. Въ случаѣ бури, или наводненія, люди находятъ въ ней вѣрное убѣжище. Стоитъ только поднять глаза къ своду стока и вы узнаете, въ хорошемъ ли состояніи находится шоссе на улицѣ, плотно ли уложены камни, не слишкомъ ли они разъѣхались, не потрескался ли асфальтъ. Вездѣ, гдѣ улица хорошо содержится, сводъ стока чистъ, блестящъ, плотенъ какъ мраморъ; напротивъ тамъ, гдѣ дорога испортилась, онъ пропускаетъ влагу, вслѣдствіе чего на штукатуркѣ появляется черноватая и мшистая плѣсень. Когда уже замѣчаемъ въ концѣ галлереи зеленоватый свѣтъ, возвѣщающій конецъ путешествія, слышенъ глухой, продолжительный шумъ, точно ревъ быка: это шумитъ собиратель лѣваго берега. Два большихъ собирателя соединяются и вмѣстѣ катятъ свои желтоватыя воды до Сены; рѣшетка удерживаетъ при проходѣ самыя крупныя нечистоты; онѣ не пропадаютъ, такъ какъ промышленность всѣмъ пользуется. Пробки, которыхъ больше всего между ними, вынимаютъ, обрѣзаютъ и они снова идутъ на закупорку флакончиковъ съ духами. Но у этой рѣшеткѣ находятъ не только пробки. Тутъ всегда можно увидѣть множество мертвыхъ животныхъ; все это вмѣстѣ съ грязью и помоями было выкинуто въ помойныя ямы и черезъ отверстія, иногда послѣ долгаго путешествія по различнымъ стокамъ попало наконецъ сюда въ собиратель. Въ началѣ войны 1870 года народъ вспомнилъ о стокахъ и забилъ тревогу, воображая, что нѣмецкія арміи въ одинъ прекрасный день неожиданно появятся изъ клоакъ черезъ колодцы посреди Парижа, съ оружіемъ въ рукахъ. Это, конечно, совершенный вздоръ,

который въ другое время заставилъ бы только разсмѣяться.... Нѣмецкіе солдаты уже потому не могли проходить черезъ окна колодцевъ, что изъ нихъ можно выходить только по одиночкѣ, слѣдовательно, пока лѣзетъ второй, первый былъ бы убитъ.

Тѣмъ не менѣе нужно было уступить давленію общественнаго мнѣнія; чтобы удовлетворить повидимому его требованіямъ, галлерею перегородили стѣною въ двухъ или трехъ мѣстахъ, оставивъ только узкіе проходы, по которымъ, въ случаѣ нужды, рабочіе могли пробраться по одиночкѣ. Эта безполезная работа была тотчасъ уничтожена послѣ заключенія перемирія; стокъ былъ свободенъ и во время коммуны; правительственныя войска, имѣвшія въ своей власти Аньеръ, не подумали однако воспользоваться этою подземною дорогою, чтобы проникнуть въ центръ столицы. Когда коммуна была уничтожена, сдѣланъ былъ внимательный осмотръ стоковъ, и тамъ открыли цѣлый арсеналъ. Въ отверстія стоковъ бѣглецы бросали оружіе. Кромѣ того, во время господства коммуны, многіе, имѣвшіе оружіе, боялись быть арестованными и бросали его въ стоки. Во время сраженія съ войсками версальскаго правительства большая часть тѣхъ, кто оставлялъ баррикаду, бросали ружья и аммуницію въ колодцы, поднявъ закрывающую ихъ пластинку. Очистили русло стока и въ грязи нашли громадное количество оружія, патроновъ, кепи, красныхъ поясовъ. Все это было сложено въ одну изъ подземныхъ комнатъ и этими вещами нагрузили 6 огромныхъ тѣлегъ, запряженныхъ каждая 6-ю лошадьми, и все это отвезли въ артиллерійскій музей.

Рабочихъ, служащихъ при стокахъ, болѣе 600 человѣкъ. Работать въ стокахъ очень тяжело и рѣдко кто можетъ вынести службу здѣсь болѣе 15 лѣтъ. Обыкновенно здѣшніе работники получаютъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы—изнурительную болѣзнь: страданіе въ суставахъ и анемію въ членахъ, что происходитъ отъ влажности и темноты, въ которыхъ имъ постоянно приходится работать. Въ народѣ этихъ рабочихъ называютъ подземными крысами. Каждое утро они идутъ въ стоки въ огромныхъ сапогахъ и съ метлами на плечахъ. Главная забота по отношенію къ нимъ — снабдить ихъ хорошею обувью, чтобы они могли съ сухими ногами бродить по самымъ засореннымъ стокамъ; для этого имъ даютъ на шесть мѣсяцевъ одну пару высокихъ и прочныхъ сапогъ, подбитыхъ гвоздями; къ концу этого времени сапоги портятся, грязь совершенно разъѣдаетъ ихъ и они уже плохо служатъ рабочимъ послѣдній мѣсяцъ. Но и тутъ, когда сапоги совершенно изношены изъ нихъ стараются извлечь какую нибудь пользу. Когда ихъ наберется нѣсколько сотенъ, ихъ раздѣляютъ на кучки и продаютъ съ аукціона, обыкновенно 100 франковъ и болѣе за кучу. Люди, купившіе эти сапоги, отрѣзаютъ нижнюю часть и отправляютъ въ департаментъ Уазы, гдѣ дѣлаютъ изъ нихъ калоши для рабочихъ на торфяникахъ этого департамента; что же касается голенищъ, то они подвергаются особой обработкѣ и превращаются въ самую тонкую, гибкую, превосходную кожу, и богатыя дамы, сами того не зная, покупаютъ изящные полусапожки изъ этого матеріала.

Нельзя покончить съ этими стоками, не сказавъ нѣсколько словъ о знаменитыхъ крысахъ, которыхъ случай, разсказанный ученымъ Мажанди, сдѣлалъ популярными. Ему нужны были крысы для занятій; онъ взялъ ихъ изъ стока 12 штукъ и заперъ въ ящикъ; когда онъ открылъ ихъ черезъ нѣсколько времени, то нашелъ только трехъ крысъ, которыя пожрались и потому ихъ сильно раздуло, такъ какъ эти три крысы съѣли своихъ остальныхъ 9 товарищей. Это свирѣпое

животное въ полномъ смыслѣ слова. Онѣ легко борятся съ кошкою и даже убиваютъ ее; но теперь онѣ мало-по-малу исчезаютъ изъ парижскихъ стоковъ; ихъ встрѣчаютъ развѣ въ старыхъ галлереяхъ изъ песчаника и жерноваго камня, гдѣ онѣ выдолбили себѣ логовища. Непроницаемый цементъ, покрывающій новые стоки, изгналъ ихъ, такъ какъ имъ тутъ негдѣ пріютиться и онѣ всѣ разбѣжались на улицы, на рынки, на бойни.

Теперь Сена въ Парижѣ совсѣмъ почти избавлена отъ нечистотъ, собиратели впадаютъ въ нее ниже и она получаетъ только небольшіе стоки Ситэ и острова Сенъ-Луи. Только во время сильной бури въ нее выпускаютъ нечистоты, чтобы поскорѣе очистить улицы, которыя иначе могутъ подвергнуться наводненію. Но если Сена въ Парижѣ теперь и очищена, за то ниже она загромождена огромною кучею нечистотъ, отъ которыхъ еще недавно до такой степени засорялся водяной путь, что судамъ было трудно ходить. Поэтому приходилось безпрестанно очищать русло Сены, а это стоило большихъ денегъ. Кромѣ того всѣ вещества, драгоцѣнныя для удобренія и которыя можно было бы употребить съ пользою для окрестностей Парижа, уносились Сеною въ море. Теперь эти неудобства почти совершенно устранены и трудно повѣрить, какую громадную пользу принесли нечистоты, сколько выиграло отъ нихъ земледѣліе въ окрестностяхъ Парижа.

Огромное пространство земли у Сены отъ Нельи до Шату называется долиною Жанневилье. Еще лѣтъ шесть тому назадъ трудно было встрѣтить мѣстность болѣе безплодную. Единственною растительностью тутъ была крапива, чертополохъ и молочай.... Да и не мудрено: почва здѣсь была песчаная и кремнистая, едва прикрытая тоненькимъ слоемъ чернозема. Съ большими усиліями тутъ кое-какъ разводили свекловицу, да и она здѣсь росла очень тихо.... Это была совершенная пустыня, какъ будто тутъ дулъ Самумъ. Только изрѣдка появлялись здѣсь охотники за жаворонками, которые одни любили эту мѣстность. Гектаръ этой земли ($^9/_{10}$ десятины), у самыхъ воротъ Парижа отдавался въ наемъ за ничтожную арендную плату отъ 78 до 86 франковъ въ годъ. На этой безплодной долинѣ устраиваютъ теперь огромные сады и огороды. Земли вокругъ нея, которыя были прежде пустынными песками, изрытыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ каменноломнями, теперь стали плодоносными. Тутъ точно выросъ новый городъ: настроено множество домовъ, всюду зелень, благоуханіе, всюду застаешь жизнь, такъ сказать, въ полномъ разгарѣ творчества. Все это промышленное богатство произошло отъ нечистотъ изъ стоковъ, распредѣленныхъ по долинѣ. Теперь земли этой долины уже отдаются въ наемъ за арендную плату въ 8 разъ большую, чѣмъ онѣ отдавались прежде, а именно гектаръ земли отдается теперь за 600 франковъ въ годъ. Можно было бы ожидать, что, проходя по этимъ зеленѣющимъ огородамъ, услышишь зловоніе; между тѣмъ вы чувствуете только запахъ полыни, ромашки и шалфея. Извѣстный парижскій продавецъ духовъ устроилъ здѣсь большое заведеніе: онъ взялъ на аренду большой кусокъ земли и разводитъ на немъ, въ числѣ другихъ благовонныхъ растеній, лечебную мяту, которую французы должны были прежде выписывать изъ Англіи. Земли здѣсь сдѣлались теперь уже до такой степени плодородны, что спаржа, этотъ особенно лѣнивый овощь, требующій трехъ, а иногда и пяти лѣтъ ухода, достигаетъ на нихъ въ два года полной зрѣлости. Свекловица приняла огромные размѣры: она иногда вѣситъ 8 киллограмовъ ($19^1/_2$ фунтовъ). Артишоки, капуста, ревень—быстро принимаютъ колоссальные размѣры. Весною 1872 года нѣкоторые садовники развели здѣсь салатъ и каждый день

около 3 тысячъ фунтовъ отправляли на парижскіе рынки. Плодовыя деревья, въ первые дни весны, буквально сгибаются подъ тяжестью цвѣточныхъ кистей. Тамъ и сямъ посѣяли зерновой хлѣбъ и на кремнистой почвѣ, гдѣ прежде жалкая крапива погибала отъ недостатка влаги, теперь получаютъ богатый урожай. Гдѣ кончается орошеніе, тамъ начинается безплодіе. Невольно вспоминаешь Египетъ и Нубію, которыхъ всюду преслѣдуетъ смерть, гдѣ только Нилъ не разливаетъ свою плодотворную тину.

Мало развитые французскіе крестьяне долго не понимали всей пользы этого изобрѣтенія въ настоящемъ, а тѣмъ болѣе въ будущемъ. Они долго не хотѣли воспользоваться удобреніемъ, проведеннымъ на ихъ земли и которое имъ раздавали безплатно. Они долго и серьезно волновались, опасаясь зараженія. Но когда самую худую часть земли подвергли орошенію и развели на ней овощи, которыя никогда не могли рости въ долинѣ Жанневилье, тогда крестьяне сами захотѣли испытать новый способъ. Они попросили водъ изъ стоковъ; имъ дали ихъ, сколько они хотѣли, и изобиліе быстро замѣнило безплодіе. Орошеніе безплодныхъ земель, хотя уже и сдѣлано въ огромномъ размѣрѣ, тѣмъ не менѣе это еще все опыты и скоро это дѣло значительно расширятъ. До сихъ поръ только десятая часть всѣхъ нечистотъ выливается на поля, — все остальное еще и теперь идетъ въ Сену. Теперь много думаютъ о томъ, чтобы не терять и эту часть, и такимъ образомъ все употребить производительно. Чтобы воспользоваться этою массою удобренія, нужны громадныя машины. Удобреніе проведутъ черезъ Сену въ широкихъ трубахъ, которыя уже готовы. Кромѣ того будутъ устроены два резервуара и два канала, которые будутъ распредѣлять плодородіе: густое удобреніе останется на поляхъ, а отдѣлившаяся отъ него вода убѣжитъ въ Сену. Тогда вся долина, которая содержитъ не менѣе 2-хъ тысячъ гектаровъ (болѣе 1,800 десятинъ) песчаной почвы, — въ два, три года превратится въ превосходный, сплошной огородъ у самыхъ воротъ Парижа. Результатъ отъ этого будетъ весьма значительный: оживятъ и обновятъ безплодныя земли, получатъ отъ нихъ большія выгоды; зелень и деревья будутъ очищать воздухъ столицы, и наконецъ Сена при этомъ будетъ освобождена отъ загромождающихъ ее нечистотъ; это облегчитъ судоходство, сбережетъ много средствъ, которыя тратятъ теперь на чистку. Но при этомъ можно сдѣлать только одно возраженіе: пожалуй, эта масса грязной воды станетъ притекать къ резервуарамъ въ такомъ количествѣ, что не будетъ никакой возможности ею воспользоваться, тогда все-равно придется выбрасывать избытокъ въ Сену. Дѣйствительно, почти всегда будетъ этотъ избытокъ и онъ будетъ стекать въ Сену, но безъ всякой опасности, такъ какъ эта лишняя вода совершенно очистится. Теперь найденъ способъ выдѣлять твердыя вещества изъ грязной воды и стокъ можно очистить такъ же легко и даже скорѣе, чѣмъ бочку вина. Для этого употребляютъ растворъ сѣрно-кислаго аллюминія. Въ бассейнъ съ нечистотами выливаютъ не болѣе литра (менѣе русскаго четверика) этого раствора, и всѣ твердыя части опускаются на дно. Вода становится совершенно чистою и безъ всякаго вкуса и дурнаго запаха; это тѣмъ болѣе удивительно, что въ ней находились зловонныя вещества, выбрасываемыя изъ фабрикъ, съ газовыхъ заводовъ, красиленъ, мыльныхъ заводовъ, клейныхъ и бѣлильныхъ фабрикъ и кожевень. Если воду эту выпустить изъ бассейна, то на днѣ окажется необыкновенно густой и сѣроватый илъ. Его выгребаютъ оттуда лопатами, складываютъ въ кучи и получаютъ такимъ образомъ пре-

восходное удобреніе. Теперь его отдаютъ даромъ крестьянамъ, которые, воспользовавшись имъ, излишекъ продаютъ на-сторону и выручаютъ за это хорошія деньги. Но вѣроятно въ близкомъ будущемъ около Сены устроятъ огромную фабрику для приготовленія сухаго удобренія, которое будутъ разсылать по всей Франціи. Такимъ образомъ Парижъ возвратитъ провинціи часть веществъ, извлекаемыхъ изъ ея земель, и покажетъ всему міру примѣръ, достойный подражанія. Сама же долина Жанневилье черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ совершенно неузнаваема. Доказательствомъ этого можетъ служить то, что одинъ садовникъ поселился недалеко отъ одного изъ этихъ бассейновъ, развелъ тамъ персиковыя деревья, и благодаря богатому удобренію, они разрослись удивительно быстро и легко.

Характеръ французскаго народа.—Его хорошія и дурныя стороны.—Француженки.—Парижанка ея характеръ и времяпрепровожденіе.

Въ складѣ характера и даже въ физическихъ свойствахъ французскаго народа много особенностей, смотря по мѣстности, гдѣ онъ живетъ. Въ сѣверной половинѣ Франціи много германской примѣси и потому сѣверные жители серьезнѣе, большаго роста, бѣлокуры, съ голубыми глазами, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, съ тяжелой походкой. Въ южныхъ французахъ преобладаетъ галло-римскій элементъ: они маленькаго роста, смуглы, живы и граціозны. Тѣмъ не менѣе въ характерѣ какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ французовъ много общаго. Всѣ они съ чувствомъ собственнаго достоинства называютъ себя «великой націей» (la Grande nation). И дѣйствительно, въ очень многихъ отношеніяхъ это совершенно справедливо: націи этой доступны великія и гуманныя идеи. Отечество, честь, слава имѣютъ огромное значеніе для француза. Правда, слава для нихъ болѣе всего въ военной доблести, тѣмъ не менѣе въ послѣдней войнѣ они много разъ доказали, что у нихъ нѣтъ не только недостатка въ воинственномъ жарѣ, но и въ выдержкѣ и въ упорствѣ; нигдѣ слово трусъ не считается такою позорною бранью, какъ между ними. Но французы велики не только воинскою доблестью: они сдѣлали громадные успѣхи во всѣхъ областяхъ знанія и при этомъ ихъ главная, характерная черта умѣнье проводить всѣ знанія въ популярной и необыкновенно привлекательной формѣ. Французъ общительнѣйшій человѣкъ въ мірѣ: онъ отличается замѣчательною обходительностью въ обращеніи, ловкостью, любезностью, граціею и вниманіемъ. Французское «savoire faire» и «savoir vivre» — чужды другимъ націямъ: свою услужливость, добрый поступокъ онъ умѣетъ облечь въ деликатную форму; самой скромной обстановкѣ придаетъ привлекательный видъ. Онъ всегда въ попадъ скажетъ остроту и умное слово и вы никогда не соскучитесь въ его обществѣ. Въ своей компаніи французы всегда веселы и просидятъ въ оживленныхъ спорахъ всю ночь до утра, даже и тогда, когда передъ ними всего одна только бутылка вина.

Нѣмецъ и съ самыми пріятными для себя собесѣдниками никогда не увлечется на столько, чтобы забыть о своемъ пивѣ, котораго онъ каждый часъ выпиваетъ по нѣсколько кружекъ. Французъ какъ въ питьѣ, такъ и въ ѣдѣ любитъ чистоту и умѣренность и обращаетъ вниманіе не столько на количество, сколько на качество. Какъ нѣмецъ любитъ свою колбасу и пиво, такъ онъ любитъ супы, соусы изъ зелени и разбавленное водою вино. Нѣмецкій

народный праздникъ обыкновенно кончается дракою, между тѣмъ какъ у француза при всемъ шумѣ и крикѣ дѣло обходится безъ потасовки. Указавъ на достоинства этого народа, должно упомянуть и о его недостаткахъ, между которыми болѣе всего бросается въ глаза его тщеславіе и самолюбіе. Французъ придаетъ огромное значеніе отличіямъ, изяществу одежды, прекраснымъ манерамъ, блеску, роскоши, однимъ словомъ всему внѣшнему. Даже умный и образованный изъ нихъ не прочь помечтать о медали, крестикѣ, лентѣ. Французъ любитъ вездѣ выказать себя и говорить и дѣйствуетъ точно на театральныхъ подмосткахъ. Чтобы онъ ни сказалъ, чтобы ни сдѣлалъ, онъ прежде всего думаетъ, какое это произвело впечатлѣніе на другихъ, на сколько это дастъ ему возможность выдвинуться изъ толпы. Онъ не можетъ быть покойнымъ слушателемъ и собесѣдникомъ, вся его фигура, жесты, движенія даже и тогда, когда онъ молчитъ, ясно говорятъ: «me voilà». При этомъ онъ самый непослѣдовательный въ мірѣ человѣкъ. Онъ много и хорошо говоритъ о великихъ преобразованіяхъ въ своемъ отечествѣ, но дѣло у него всегда расходится съ словомъ. Народъ французскій столько же робокъ и труслив на почвѣ великихъ экономическихъ преобразованій, сколько неустрашимъ и отваженъ на полѣ битвы. Можетъ быть вслѣдствіе того, что онъ истрачивалъ здѣсь всегда много мужества, его не хватаетъ для гражданской жизни. Безстрашный въ виду смерти, онъ съ ужасомъ узнаетъ, что его фразы и горячая защита какой нибудь реформы привели къ ея осуществленію. Страстный къ перемѣнамъ въ теоріи, на практикѣ онъ сильно придерживается старины. Этой непослѣдовательности, этому разногласію теоріи съ практикой, слова съ дѣломъ и можно приписать большею частію неровный, порывистый ходъ французской общественной жизни, въ которой гибнутъ лучшія силы, пропадаютъ даромъ, или разлетаются мыльнымъ пузыремъ всѣ прекрасныя идеи, планы, полезныя начинанія. Французы держатся стараго порядка, мирятся съ какимъ нибудь страшнымъ злоупотребленіемъ до тѣхъ поръ, пока это не станетъ бросаться въ глаза каждому, пока объ этомъ не заговоритъ вся Европа. Тогда французъ вспыхиваетъ отъ стыда и негодованія... Какъ, онъ, этотъ лучшій изъ сыновъ «великой націи», подъ ярмомъ обветшалаго учрежденія? и въ неистовомъ гнѣвѣ онъ ломаетъ и опрокидываетъ все безъ разбора. Но вотъ фактъ совершился, онъ съ ужасомъ оглядывается и поворачиваетъ оглобли назадъ. Такой онъ и въ частной жизни: передъ чѣмъ сегодня преклоняется—завтра осмѣиваетъ и топчетъ въ грязь. Его тщеславіе переходитъ въ кичливость и мелкое хвастовство. Французскій народъ въ высшей степени талантливый и умный, но излишнее пристрастіе къ внѣшности не даетъ ему возможности углубиться и всесторонне, серьезно обсуждать свои слова и поступки. Въ его глазахъ огромное значеніе имѣетъ все то, что красиво, блестяще и любопытно и онъ считаетъ высшею похвалою сказать: joli, brillant, curieux. Вслѣдствіе такихъ природныхъ качествъ его литература, чаще, чѣмъ у кого бы то ни было, переходитъ во фразы. И французское благерство мы встрѣчаемъ не только на улицахъ, но и на каѳедрѣ и еще чаще въ литературѣ.

Тщеславіемъ, страстью къ роскоши и стремленіемъ заставить весь міръ удивляться себѣ еще болѣе заражены женщины. При этомъ, конечно, мы подразумѣваемъ женщинъ средняго и высшаго круга. Простонародіе женскаго пола по большей части находится въ угнетеніи. Правда, у нихъ много характера, энергіи и ума, и онѣ часто только по виду подчиняются мужу. Тѣмъ не менѣе онѣ ничего не сдѣлаютъ безъ его согласія, садятся около него только въ торже-

ственныхъ случаяхъ и считаются болѣе низшимъ существомъ. При рожденіи дочки крестьянинъ обыкновенно говоритъ: «очень нужна эта тварь (cette créature!)» при появленіи на свѣтъ сына, онъ одобрительно лобзаетъ супругу и справляетъ крестины на послѣднія средства. Но и въ этихъ слояхъ общества у женщины пробивается природное стремленіе къ изящному: на ней такъ мило сидитъ ея корсажъ, она такъ ловко умѣетъ обуть свои маленькіе ножки, она вкусно умѣетъ сварить похлебку изъ самой невообразимой дряни. Мы въ отдѣльныхъ очеркахъ даемъ характеристику швеи, фабричной работницы, крестьянки, поэтому не будемъ теперь останавливаться на этомъ предметѣ и поговоримъ о парижанкѣ высшаго полета. Парижскія женщины этого сорта — яркое олицетвореніе всей утонченной испорченности современнаго поколѣнія, легкомыслія и совершенной пустоты. Страсть къ роскоши, желаніе выказать себя красивѣе, эффектнѣе, лучше одѣтою, стремленіе заставить о себѣ говорить—доводитъ ихъ до невѣроятныхъ вещей. Чтобы достигнуть сказаннаго— всѣ средства хороши, и она никогда не задумается надъ ними, какъ бы грязенъ не былъ ихъ источникъ. Ея жизнь, или лучше сказать ея пробужденіе, начинается съ полудня, съ 2-хъ, 3-хъ часовъ. Каждую ночь она проводитъ въ маскарадѣ, на балу, или на какомъ нибудь пикникѣ, уѣзжаетъ за городъ съ огромной компаніей веселиться до утра; естественно, что она ложится спать, когда другіе встаютъ работать. Лишь только она успѣла проснуться и позвонить, къ ней является горничная съ драгоцѣнной фарфоровой, чашкой шеколада на серебрянномъ подносѣ. Послѣ этого легкій отдыхъ въ постелѣ. Затѣмъ она протягиваетъ ножки прямо въ туфли, стоющія нѣсколько сотъ франковъ и отправляется въ другую комнату въ душистую, ароматическую ванну. Послѣ этого опять отдыхъ на роскошной кушеткѣ, гдѣ для всякой позы особое приспособленіе: вальки, мягкія, жесткія и упругія подушки самой разнообразной формы, все сдѣлано изъ дорогой матеріи. Во время этого отдыха, нисколько не безпокоя себя и положивъ подъ локти упругіе вальки, она держитъ въ рукахъ зеркальце и тщательно осматриваетъ свою физіономію, не появилась ли морщинка, сѣдой волосъ и т. п. Во время этихъ занятій опять входитъ горничная и объявляетъ, что пришла *массёза* (masseuse отъ глагола masser— расправлять треніемъ члены) и въ ту-же минуту въ комнату появляются три женщины, съ ящиками въ рукахъ, изъ которыхъ онѣ вынимаютъ бутылочки, флакончики, куски замши, губку, спиртовую лампу и какой то аппаратъ съ гутаперчевой трубкой. Главная *массеза* наливаетъ въ аппаратъ душистаго масла и ставитъ его на зажженную спиртовую лампочку. Въ это время дама перелегла на кровать, приготовленную особеннымъ образомъ для этой операціи и покрытую тончайшею и нѣжнѣйшею клеенкою. Одна изъ массезъ направляетъ на обнаженное тѣло дамы трубку, изъ которой бьетъ теплая струя душистаго масла, другая нагрѣваетъ замшу, третья вытираетъ ею до суха тѣло своей паціентки. Такимъ образомъ массируютъ тѣло, чтобы придать ему нѣжность и упругость мускуламъ. Эта операція сильно утомляетъ благородную даму и послѣ нея она опять отдыхаетъ нѣкоторое время. Но массированіе тѣла не каждый день и завтра въ эти часы къ изящной дамѣ приходитъ другой субъектъ женскаго пола; она точно также съ ногъ до головы осматриваетъ ее и, если найдетъ на тѣлѣ пухъ или волосокъ, уничтожаетъ ихъ посредствомъ особаго тѣста. Въ тотъ день, когда не умащаютъ тѣла, и не уничтожаютъ волосъ идутъ безконечные разговоры съ портнихою и примѣриваніе обновъ. Въ другой разъ дама назначаетъ смотръ собаченкамъ и къ ней опять является не менѣе

любопытная личность. Нужно помнить, что чистая парижанка никогда не пойдетъ на прогулку безъ собаченки, которая у нея всегда на цѣпочкѣ. Такихъ собаченокъ у нея обыкновенно нѣсколько: не каждая подходитъ ко всякому туалету. При элегантномъ короткомъ костюмѣ нужна и собака гладкая, тоненькая, на высокихъ ножкахъ. Къ тяжелому бархатному длинному платью и при небольшомъ ростѣ дамы нужна и, собачка невысокая, съ густой, курчавой шерстью. Вотъ раза два въ недѣлю къ ней и входитъ женщина, которую она нанимаетъ помѣсячно, исключительно для того, чтобы нѣсколько разъ въ недѣлю мыть и убирать ея собаченокъ. Вымывъ ихъ, она расчесываетъ имъ шерсть, чиститъ когти, иногда завиваетъ колечки и даже подкрашиваетъ. На ея обязанности также лежитъ перемыть и перегладить собачьи простыни и одѣяльца.

Послѣ пріема массёзы, портнихи, или собачей надзирательницы, парижанка приступаетъ къ важнѣйшимъ и священнѣйшимъ, по ея понятіямъ, обязанностямъ, — къ своему туалету. Большая часть времени, занятаго туалетомъ, посвящена притираніямъ. Для этого парижанка садится къ туалету, и какихъ только баночекъ, скляночекъ, кисточекъ, щеточекъ, губочекъ, зеркалецъ не стоитъ на немъ! Прежде всего она натираетъ тончайшую кисточку лазурью и осторожно дѣлаетъ ею на вискахъ голубыя жилки. Пока онѣ обсохнутъ, она внимательно наблюдаетъ ихъ полулёжа и держа въ одной рукѣ изящное, круглое зеркальце въ серебряной оправѣ. Одна жилка ей показалась слишкомъ слабою, она въ ту же минуту выпрямляетъ свой станъ, опускаетъ ноги на пушистый коврикъ и проводитъ жилку болѣе отчетливо. Когда она найдетъ, что все обстоитъ благополучно, она приступаетъ къ бѣлиламъ. За лотъ настоящихъ сухихъ бѣлилъ платятъ въ три раза дороже, чѣмъ за тотъ же вѣсъ золота и крошечная баночка ихъ, въ наперстокъ величиною, стоитъ болѣе ста франковъ. Вытерѣвъ бѣлилами все лице, дама беретъ мягкую лебяжью щеточку и дотрогивается ею до тѣхъ мѣстъ, гдѣ не должны лежать бѣлила: до бровей, губъ, рѣсницъ. За тѣмъ на щеки наводитъ румяна, то усиливая слой ихъ, то уменьшая, смотря потому освѣщенію, при которомъ ей придется показывать свои щечки. Если ей желательно произвести эффектъ на гуляньѣ, она раскрашиваетъ щеки больше, для вечерняго освѣщенія положитъ слой болѣе тонкій, на балъ еще нѣжнѣе и такимъ образомъ до безконечности.

Настоящая парижанка знаетъ эту науку во всей подробности и до совершенства. Особой краски и самаго большаго искуства требуютъ брови и рѣсницы. Ихъ окрашиваютъ необыкновенно осторожно, искусно отдѣляя одинъ волосокъ отъ другаго. Многія, чтобы удлинить глазъ, проводятъ небольшой штрихъ въ складкѣ глаза. Точно также измѣняютъ, смотря по желанію, и выгибъ бровей: все это подкрашивается, подчищается, притирается сотни разъ изъ разныхъ баночекъ и скляночекъ и при этомъ въ дѣйствіе пускаютъ до дюжины щеточекъ самой разнообразной формы. Та же процедура и съ ногтями: ихъ подкрашиваютъ, подчищаютъ, удлиняютъ. Затѣмъ является куафёръ со множествомъ кардонокъ. Въ одной изъ нихъ у него букли, въ другой шиньонъ, въ третьей скляночки и баночки съ различной жидкостью для измѣненія цвѣта волосъ, который тоже перемѣняютъ, смотря по освѣщенію и по предстоящему удовольствію. Парижанки обыкновенно оказываются золотистыми блондинками. Также искуственъ и ея нарядъ. Все и вездѣ тутъ устроено такъ, чтобы скрыть какой нибудь физическій недостатокъ и выказать то, чего нѣтъ. Разряженная, набѣленная и нарумяненная дама за часъ

до обѣда выѣзжаетъ въ коляскѣ на рысакахъ, или отправляется на гулянье въ булонскій лѣсъ, а еще чаще на велосипедѣ. Разумѣется для всего этого у нея особый костюмъ. На гуляньѣ она встрѣчаетъ множество знакомыхъ и съ огромной компаніей отправляется обѣдать въ ресторанъ. Возвращается она домой часа на полтора, перемѣнить туалетъ, прическу, цвѣтъ щекъ, и затѣмъ летитъ на балъ или въ маскарадъ. Просидѣть цѣлый день дома безъ гостей за какой нибудь работой, ей не только не нравится но и кажется смѣшнымъ и страннымъ: это дѣлаютъ по ея понятіямъ педанты и уроды, желающіе прослыть добродѣтельными или оригиналами. «Будуаръ, салонъ и ароматическая ванна», говоритъ одинъ писатель, «вотъ все, что знаетъ парижанка въ своемъ семейномъ быту». Такая жизнь, разумѣется, невозможна для матери и потому парижанка никогда не бываетъ ею.

Если у нея, паче чаянія, родится ребенокъ, что для нея всегда величайшее несчастіе, она посылаетъ его къ кормилицѣ на 2, на 3 года, затѣмъ къ особымъ воспитателямъ куда нибудь въ провинцію, пока нельзя отдать мальчика въ collège, а дѣвочку въ монастырь. Этими нравами такъ прониклось общество, что здѣсь существуетъ даже множество квартиръ, владѣльцы которыхъ не принимаютъ къ себѣ жильцовъ съ дѣтьми. Дворникъ, показывая квартиру, обыкновенно прибавляетъ: «плата за полъ года впередъ и хозяинъ не принимаетъ жильцовъ съ собаками, съ дѣтьми и птицами». Такимъ образомъ изъ опасенія за цѣлость обой и паркета наносится страшный ударъ нравственности и семейному началу. Понятно, если бы эти семейныя начала были сильнѣе у парижанъ, они не позволили бы налагать на себя такія постыдныя условія. Есть однако парижанки, которыя оставляютъ дѣтей при себѣ, но дѣтямъ отъ этого не лучше, такъ какъ матери видятъ ихъ рѣдко, воспитываются они на рукахъ у няни, въ заднихъ комнатахъ квартиры. Мать видитъ своего ребенка только тогда, когда разодѣтаго и распомаженнаго приведутъ его къ ней, чтобы ѣхать съ ней кататься. Сдѣлавъ ему генеральный осмотръ и указавъ всѣ недостатки его туалета, она садится рядомъ съ нимъ въ коляску и уже затѣмъ обращаетъ на него очень мало вниманія: ей безпрестанно попадаются знакомые, каждую минуту приходится раскланиваться въ ту и другую сторону, перекинуться прелестными пустячками, которые однако необходимо обдумать, чтобъ не ударить лицемъ въ грязь.

Проводя жизнь въ постоянныхъ развлеченіяхъ, она со страстью кидается на маскарадныя и романическія приключенія, ея нервы притупляются отъ времени до времени и требуютъ уже большихъ наслажденій, — между тѣмъ жизнь не даетъ ничего болѣе. Минутами ей все надоѣдаетъ, все дѣлается постылымъ: является сознаніе пустоты и пошлости окружающихъ людей. Живая, дѣятельная и богато одаренная отъ природы, она ищетъ другой пищи для ума и сердца. Она запирается въ своемъ будуарѣ, никого не принимаетъ и бросается на книги. Но, не получивъ никакого образованія и развитія, она не знаетъ на чемъ остановиться и перечитываетъ тысячу французскихъ авторовъ, которые въ блестящемъ, заманчивомъ свѣтѣ выставляютъ порокъ. Искра раскаянія, закравшаяся въ душу, угасаетъ; она со смѣхомъ разсказываетъ знакомымъ о своей хандрѣ и пуще прежняго предается удовольствіямъ. Она торопится наслаждаться жизнію, тѣмъ болѣе что года ея бѣгутъ такъ скоро и морщины все болѣе глубокія того и смотри выдадутъ ее, не смотря на бѣлила и румяна. Какъ ужасна для нея мысль остановиться, услышать намекъ на приближающуюся старость, на безобразіе. Теперь, когда она въ апогеѣ своей

славы, всѣ объ ней говорятъ, всѣ стараются замѣтить ея нарядъ. Съ каждымъ годомъ она тратитъ все больше и больше, все менѣе обращаетъ вниманія на источникъ доходовъ и подъ конецъ выпиваетъ до дна всю чашу позора: все имущество продано съ молотка, всѣ друзья отвернулись и смѣются. Одни и тѣ же примѣры повторяются каждый день на глазахъ у всѣхъ и не служатъ нисколько предостереженіемъ для пускающихся въ свѣтъ женщинъ. Ни одна француженка, пока она молода, хороша, окружена поклонниками и богата, не можетъ взвѣсить своего положенія и подумать о будущемъ. Да и то сказать, откуда ей почерпнуть силы и нравственной стойкости? Кто могъ пріохотить ее къ здоровому и полезному занятію? Дѣтство свое она провела среди чужихъ людей, которые всегда смотрѣли на нее, какъ на извѣстный бюджетъ своего дохода. Молодость ея протекла въ монастырѣ, среди четырехъ стѣнъ и исключительно состояла въ заучиваніи наизустъ басень, сентиментальныхъ и напыщенныхъ стиховъ, правилъ приличія и наконецъ катехизиса и жидкихъ нравственныхъ сентенцій которыя она выслушивала отъ монаха-наставника. Часто еще въ монастырѣ, во время часовъ, назначенныхъ для свиданія съ родственниками и знакомыми, къ молодой дѣвушкѣ начинаетъ похаживать господинъ, которому она понравилась, когда онъ посѣщалъ свою сестру или кузину. Познакомившись чисто внѣшнимъ образомъ, т. е. поболтавъ пять, шесть разъ о какихъ нибудь пустякахъ, дѣвушка прямо со школьной скамьи выходитъ замужъ за этого человѣка.

Въ юридическомъ отношеніи положеніе французской женщины весьма плачевно. Богатая невѣста на другой день свадьбы, не можетъ распорядиться ни однимъ франкомъ. По французскому законодательству мужу предоставлено безконтрольное право распоряжаться всѣмъ состояніемъ своей жены. Только совершенное безпутство мужа даетъ право женѣ прибѣгнуть къ помощи закона. Въ такихъ случаяхъ начинается тяжебное дѣло, которое часто длится по нѣсколько лѣтъ и сопряжено для обѣихъ сторонъ съ страшнѣйшими скандалами и огласкою самыхъ закулисныхъ сторонъ семейной жизни. Чтобъ получить отъ мужа свое состояніе, жена должна представить противъ него множество уликъ. Тотъ съ своей стороны, не желая выпустить изъ рукъ средствъ жены, начинаетъ взводить на нее страшныя преступленія. Часто послѣ процесса и скандальной огласки женщина находитъ, что ей уже нечего болѣе терять и бросается во всѣ тяжкія. Изъ этого ясно также, какъ трудно во Франціи получить разводъ: очень часто сколько ни взводятъ супруги другъ на друга обвиненій, если только нѣтъ обоюднаго желанія разойтись, судъ не находитъ достаточно уликъ для развода. Такимъ образомъ люди, ненавидящіе другъ друга, которые сошлись чисто случайно, связаны на всю жизнь, а это разумѣется содѣйствуетъ еще болѣе растлѣнію нравовъ.

РАБОЧІЕ (OUVRIERS).

Положеніе рабочихъ. — Ихъ жилища, пища, трудъ и вознагражденіе.

Вслѣдствіе быстраго развитія промышленности во Франціи классъ рабочихъ (ouvriers) чрезвычайно многочисленъ. Положеніе рабочаго во Франціи — весьма незавидное; вознагражденіе за цѣлый день труда онъ получаетъ такое

что, будучи холостякомъ, еще можетъ жить порядочно, но когда обзаведется семействомъ, то имѣетъ возможность доставлять своей семьѣ только очень скудное содержаніе и помѣщеніе. Правда, съ числомъ фабрикъ, все увеличивается и спросъ на рабочія руки, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается и вознагражденіе за трудъ. Но въ эти послѣдніе 30-ть лѣтъ, когда возвысилась рабочая плата, жизнь рабочаго весьма мало улучшилась, потому что страшно поднялись цѣны на жизненныя потребности. Съ конца 20-хъ годовъ до настоящаго времени цѣна на главнѣйшія жизненныя потребности возросла во Франціи на 45%, а цѣна на трудъ всего на 17, на 18%, — по крайней мѣрѣ такъ было во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя подвергались наименьшимъ измѣненіямъ, напр. строительное мастерство. Когда это сдѣлалось извѣстно обществу, Наполеоновское правительство, чтобы успокоить общественное мнѣніе, стало распространять мысль, что хотя цѣны на жизненные припасы и возрастаютъ несоразмѣрно съ цѣнами на трудъ, за то нѣкоторые предметы потребленія, какъ напр. одежда и домашняя утварь, благодаря быстрому развитію фабрикъ и заводовъ, значительно подешевѣли: что слѣдовательно нынѣшній рабочій можетъ одѣваться гораздо лучше и теплѣе и пользоваться несравненно бо́льшимъ домашнимъ комфортомъ, чѣмъ рабочій 20-хъ, 30-хъ годовъ. Но такое мнѣніе совершенно ложно. Главная и наибольшая затрата заработка рабочаго выходитъ на пищу и наименьшая на одежду, слѣдовательно удешевленіе одежды и домашней утвари мало уменьшаетъ расходъ рабочаго, напротивъ при страшномъ возвышеніи цѣны на пищу и на квартиры, заработка рабочаго не хватаетъ, чтобы удовлетворить главнымъ жизненнымъ нуждамъ. Посмотримъ же поближе на его настоящее положеніе и прежде всего поговоримъ о его жилищѣ и пищѣ. Еще въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія жилища французскаго рабочаго были до невѣроятности скверны: ихъ скорѣе можно было назвать подземельями, чѣмъ квартирами. Въ большинствѣ фабричныхъ мѣстностей квартиры рабочихъ можно было узнать по отверстіямъ въ землѣ, которыя закрывались подземными дверцами. Въ эти жилища, или, точнѣе сказать, погреба, превращенные рабочими въ жилища, можно было войти не иначе, какъ опускаясь внизъ по дурнымъ, каменнымъ ступенькамъ. Такое жилище тѣмъ болѣе походило на погребъ, что въ немъ вмѣсто потолка былъ земляной сводъ, вмѣсто пола—земля и вся эта конурка освѣщалась только черезъ входъ. Въ ней было совершенно темно, и женщины, работая дома, рисковали совершенно испортить или даже вовсе потерять зрѣніе. Полъ неровный и сырой; стѣны грязныя и также сырыя, воздухъ спертый и влажный. Рядомъ очень часто находилась сточная труба и въ такомъ случаѣ въ жилищѣ рабочаго уже совершенно невозможно было дышать, особенно лѣтомъ. Въ каждомъ такомъ подземельѣ обыкновенно жила цѣлая семья: отецъ, мать, дѣти, и всѣ они помѣщались вмѣстѣ, часто спали даже на одной кровати, или просто на землѣ, бросивъ подъ себя пукъ соломы. Въ тѣхъ фабричныхъ городахъ Франціи, гдѣ не было такихъ подземелій, было не лучше. Рабочіе помѣщались на чердакахъ (мансардахъ), до того низкихъ, что нельзя было стоя сдѣлать трехъ шаговъ. Обстановка мансардъ, разумѣется, была такая же, какъ и въ подземельяхъ, т. е. пукъ соломы на полу, два, три разбитыхъ горшка въ углу и больше ничего. Обувь, верхнее платье и часто даже бѣлье—все на себѣ.

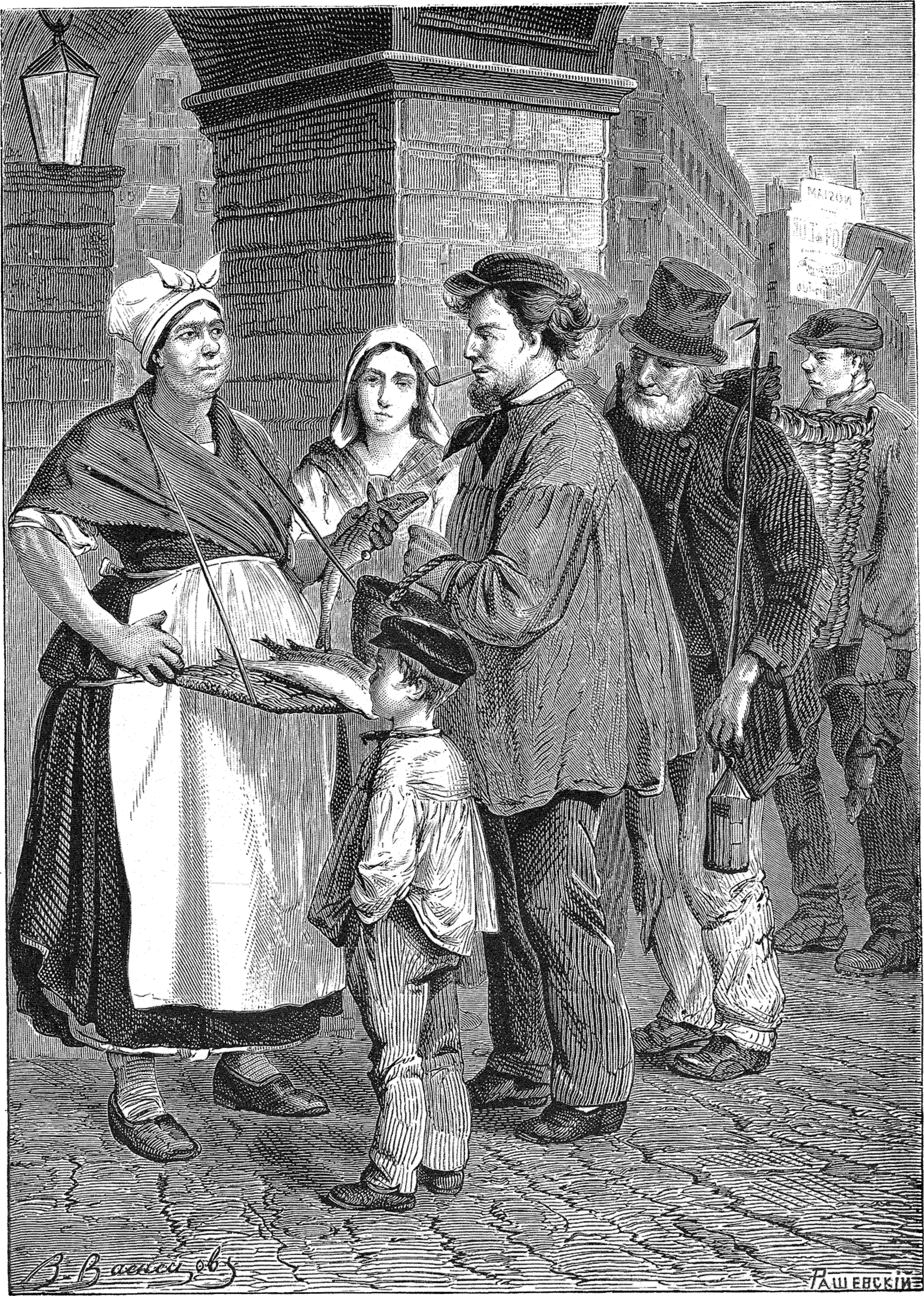
Въ настоящее время жилища французскихъ рабочихъ измѣнились къ лучшему; но еще и теперь въ деревняхъ и небольшихъ городахъ Франціи дома,

занимаемые ими, имѣютъ видъ мазанокъ, сколоченныхъ на скорую руку, еще и теперь большая часть этихъ жилищъ плохо защищаетъ зимою отъ стужи, а лѣтомъ отъ зноя. При этомъ нынѣ они стоятъ очень дорого. Въ Шербургѣ, напримѣръ, за право провести ночь въ скверномъ углу, рабочій платитъ почти ¼ франка, а за комнату и кухню, весьма не привлекательную, безъ всякой мебели и утвари, приходится платить до 26 и 30 рублей въ годъ на наши деньги. Въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-западныхъ провинцій цѣны за подобныя помѣщенія достигаютъ баснословной цѣны въ 60, въ 65 рублей въ годъ. Не смотря однако на это, общій характеръ рабочихъ жилищъ во Франціи значительно улучшился за послѣднее тридцатилѣтіе. Въ 1850 году была учреждена особая .коммиссія, которая должна была заботиться о жилищахъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ и пріискивать средства для ихъ улучшенія. Полиція стала требовать, чтобы рабочіе выносили изъ своихъ домовъ помои и нечистоты, которыя прежде по долгу въ нихъ оставались, и мусорщики къ утру убирали все это съ дворовъ и улицъ. Къ этому времени какъ частныя лица, такъ и фабриканты, первые иногда изъ благотворительныхъ цѣлей, а вторые изъ коммерческихъ разсчетовъ, стали устраивать дома и цѣлыя колоніи для рабочихъ. Въ Ліонѣ построены для нихъ обширныя зданіи въ 5—6 этажей, при этомъ высота каждаго изъ нихъ разсчитана такъ, чтобы въ комнатахъ могли быть свободно помѣщены ткацкіе станки. Всѣ комнаты, корридоры и лѣстницы въ этихъ домахъ свѣтлы, просторны и въ нихъ хорошая вентиляція.

Обратимся теперь къ Парижу. До перестройки его Наполеономъ III, рабочіе жили всюду: правда, они жили тогда на чердакахъ, квартира была очень низка и черезъ-чуръ мала, но за то ее всегда можно было найти по близости мѣста работы. При Наполеонѣ это измѣнилось: онъ устроилъ для рабочихъ въ окраинахъ города до 15 тысячъ новыхъ отдѣльныхъ квартиръ. Если рабочій и пользовался здѣсь лучшимъ помѣщеніемъ, то ходьба отъ квартиры на работу стала отнимать у него нѣсколько лишнихъ часовъ, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ его заработокъ уменьшился. Сильный и здоровый человѣкъ легко совершаетъ такое путешествіе, и послѣ него тотчасъ можетъ приняться за работу; но люди послабѣе и старѣе приходятъ обыкновенно совершенно истомленные и должны еще отдохнуть нѣкоторое время. Правда, существуетъ желѣзная дорога, по которой отъ окраинъ до центра города можно доѣхать за нѣсколько су, но ежедневный расходъ на эти переѣзды черезъ-чуръ обременителенъ для рабочаго. Чтобъ успокоить нѣсколько рабочихъ, раздраженныхъ такими распоряженіями, во время царствованія послѣдняго императора и даже отчасти на его собственныя средства, были устроены въ Парижѣ дома съ дешевыми квартирами и даже цѣлыя, такъ называемыя, рабочія колоніи. Всѣ эти помѣщенія представляли гораздо болѣе удобствъ и были построены болѣе цѣлесообразно. Почти во всѣхъ ихъ были устроены залы, гдѣ матери могли оставлять на время работъ своихъ маленькихъ дѣтей,—но эти квартиры не полюбились рабочимъ, и они скоро поняли заднюю мысль императора. Участіе, которое оказывалъ Наполеонъ народу, обыкновенно вытекало не изъ гуманныхъ побужденій, а изъ политическаго разсчета. Такъ было и теперь. Устраивая для рабочихъ жилища, онъ больше всего думалъ, какъ бы поболѣе затруднить сходки рабочихъ по вечерамъ, чтобы такимъ образомъ лишить ихъ участія въ уличныхъ революціонныхъ движеніяхъ. Поэтому всѣ жильцы такихъ зданій были подвергнуты са-

мому строгому надзору и самымъ стѣснительнымъ правиламъ, такъ что жизнь въ такихъ домахъ имѣли скорѣе казарменный, чѣмъ семейный характеръ. Въ 10 часовъ вечера ворота казармъ, какъ ихъ тотчасъ назвали сами рабочіе, запирались на замокъ и никто не смѣлъ изъ своей квартиры выходить на улицу позже этого часа. Рабочіе бросали эти удобныя квартиры и мѣняли ихъ на скверныя помѣщенія въ Сите. «Мы, говорятъ они,—цѣлый день проводимъ въ мастерской или на фабрикѣ, подъ надзоромъ смотрителей и прикащиковъ, цѣлый день на работѣ подчиняемся разнаго рода стѣснительнымъ правиламъ, за малѣйшее нарушеніе которыхъ насъ штрафуютъ; усталые приходимъ вечеромъ домой, хотѣли бы отдохнуть въ семьѣ или въ кругу пріятелей, на свободѣ, но опять видимъ прибитыя къ дверямъ правила, положительно стѣсняющія нашу жизнь; въ управляющихъ домами мы встрѣчаемъ тѣхъ же фабричныхъ надсмотрщиковъ которые надоѣли намъ днемъ. И дома то у себя мы не хозяева....» Многія частныя лица стали также устраивать помѣщенія для рабочихъ, и они имѣли тѣмъ болѣе успѣха, чѣмъ менѣе здѣсь имѣлась въ виду благотворительная цѣль, чѣмъ менѣе правительство вмѣшивалось въ эти дѣла. Изъ частныхъ заведеній этого рода лучше другихъ колонія, устроенная г-жею Жоффруа-Рено, которая впрочемъ находится довольно далеко отъ центра города, и колонія графа де-Мадре, находящаяся въ весьма населенномъ мѣстѣ. Дома въ этихъ колоніяхъ имѣютъ по нѣсколько комнатъ, кухню, погребъ и непремѣнно окружены садомъ. За квартиру, необходимую для семейнаго рабочаго, платится среднимъ числомъ до 264 франковъ. Необыкновенно благодѣтельно вліяетъ на рабочаго правило установленное въ одной изъ этихъ колоній; оно даетъ возможность рабочимъ пріобрѣтать въ собственность свои помѣщенія, въ теченіи 15 лѣтъ, если они къ условленной платѣ прибавятъ еще 117 франковъ въ годъ; послѣ этого жилище рабочаго, вмѣстѣ съ садомъ, поступаетъ въ полное его владѣніе. Нечего и говорить, что рабочему платить 381 франкъ въ годъ чрезвычайно тяжело, а слѣдовательно и сдѣлаться собственникомъ могутъ только счастливѣйшіе изъ нихъ, но и то хорошо, что положено основаніе такому дѣлу. Сознаніе бѣдняка, что онъ вслѣдствіе своего, хотя и тяжелаго и усидчиваго труда, можетъ сдѣлаться владѣльцемъ дома, въ которомъ теперь живетъ, садика, въ которомъ рѣзвятся его дѣти, что, умирая, онъ можетъ обезпечить свою семью, — необыкновенно плодотворно дѣйствуетъ на рабочаго.

Почти тоже можно сказать и о пищѣ рабочихъ. Большинство рабочихъ употребляетъ крайне плохую, непитательную и почти исключительно мучную пищу, приправленную зеленью. Правда, за послѣднее 50-лѣтіе стали больше употреблять мяса, но и теперь еще пища рабочихъ весьма незавидна. Рабочій не можетъ употреблять каждый день мяса, такъ какъ оно для него очень дорого. Въ особенности мало мяса ѣдятъ рабочіе на югѣ Франціи. Въ Бретани городскіе рабочіе не ѣдятъ болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю говядину, или рыбу, а сельскіе только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ готовятъ себѣ похлебку изъ свинаго сала, мясо же употребляютъ лишь нѣсколько разъ въ годъ. Утренній завтракъ фабричнаго рабочаго, какъ и чернорабочаго, обыкновенно состоитъ изъ куска хлѣба съ лукомъ; тѣже изъ нихъ, которые получаютъ побольше, прибавляютъ къ этому еще чашку кофе, который входитъ все въ большее употребленіе во Франціи. Обѣдъ рабочаго сосостоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ мучной холодной похлебки, въ которой иногда варятся кости, покрытыя жиромъ, картофель, а иногда вмѣсто


В. Васнецов
РАШЕВСКИЙ

костей въ похлебку кладутъ кусокъ свинины и приправляютъ ее какой нибудь зеленью. За ужиномъ рабочій ѣстъ опять хлѣбъ и лукъ, а то и остатки обѣда. Не смотря однако на недостатокъ матеріала, изъ котораго сдѣланы эти блюда, онѣ приготовлены обыкновенно вкуснѣе, чѣмъ у простолюдиновъ другихъ націй даже и при хорошей провизіи. Французскія женщины отличаются необыкновенною способностью къ кулинарному искуству и даже изъ самыхъ ужасныхъ матеріаловъ умѣютъ приготовить что то съѣдобное Вѣроятно вслѣдствіе этого искуства французскихъ женщинъ хорошо приготовлять кушанье, рабочіе рѣдко жалуются на свою пищу, хотя чрезвычайно мало на нее расходуютъ. Для того чтобы помочь рабочимъ въ этомъ отношеніи образовалось нѣсколько обществъ, цѣль которыхъ доставлять пищу рабочимъ по болѣе удешевленной цѣнѣ, или даже даромъ. Но гораздо лучше тѣ общества, которыя сразу закупаютъ огромными массами продовольствіе для рабочихъ, вслѣдствіе чего имъ дѣлаютъ большую уступку, и затѣмъ они по тѣмъ же цѣнамъ, какъ сами купили, все продаютъ рабочимъ за наличныя деньги. Это пріучаетъ рабочаго не дѣлать долговъ и къ тому же даетъ возможность ему пріобрѣсти хорошую, свѣжую провизію по самой дешевой цѣнѣ. Принявъ во вниманіе, что множество семействъ рабочихъ не имѣютъ времени готовить кушанье, нѣкоторыя общества приняли на себя эту обязанность и стали продавать приготовленные обѣды и отдѣльныя порціи. Какое однако количество часовъ въ день занятъ рабочій, при этомъ помѣщеніи и при той пищѣ, какія мы только что описали, и сколько онъ можетъ получать за свой рабочій день?

Постоянное возвышеніе цѣнъ на жизненные потребности вынуждаетъ его къ различнымъ мѣрамъ, чтобы только при меньшемъ количествѣ рабочихъ часовъ получить отъ фабриканта наибольшую плату за трудъ. Для этого рабочій прибѣгаетъ къ такъ называемымъ забастовкамъ или стачкамъ. Эти стачки состоятъ въ томъ, что всѣ рабочіе той или другой фабрики, а иногда даже и многихъ фабрикъ въ окружности, устроиваютъ сходку, на которой уговариваются забастовать, т. е. прекратить работу на фабрикѣ, пока хозяева этихъ фабрикъ не согласятся уменьшить количество рабочихъ часовъ, или прибавить плату за тоже количество труда. Иногда обстоятельства заставляютъ просить того и другаго вмѣстѣ, т. е. и уменьшить количество часовъ, и увеличить плату. Еще года два тому назадъ рабочіе были обязаны среднимъ числомъ работать по 14-ти часовъ въ день, при этомъ имъ удѣляли на отдыхъ и ѣду $1^1/_2$, много 2 часа въ день; теперь рабочіе добились того, что остаются на фабрикѣ 12 часовъ; въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ 11 часовъ, и на очень немногихъ фабрикахъ въ Парижѣ 10 часовъ.

Теперь парижскіе рабочіе хотятъ добиться отъ своихъ хозяевъ, чтобы и 10 часовая работа была понижена до 8 часовъ; но объ этомъ могутъ мечтать только парижскіе рабочіе, въ провинціи же мало фабрикъ, на которыхъ распространенъ даже 11-ти часовой трудъ. Нужно однако замѣтить, что рабочіе добиваются 8-ми часовой дневной работы не изъ лѣни. Хотя цѣна на трудъ рабочаго возвысилась, но онъ все-таки, какъ мы уже видѣли, и теперь еще не можетъ своимъ заработкомъ порядочно содержать себя и свою семью и потому ему необходимо, кромѣ опредѣленной платы отъ фабриканта, заработать еще что нибудь. Не отдыхать собирается онъ въ эти свободные часы, онъ готовъ работать въ это время еще болѣе, но съ тѣмъ, чтобы его хозяинъ платилъ ему за каждый лишній часъ, сверхъ установленнаго 8-ми часоваго

срока, по разсчету одной восьмой доли дневнаго жалованья. Но едва ли папарижане скоро добьются этого.

Теперь посмотримъ, сколько въ такое количество рабочихъ часовъ можетъ заработать рабочій. Прежде всего обратимся опять къ Парижу — этому центру не только модъ, блеска, роскоши, образованія, но и фабрикъ и заводовъ, бездѣлья и самыхъ пустыхъ разнообразныхъ удовольствій и во то же время тяжелаго труда. Мы видѣли уже какъ увеличивается и украшается Парижъ съ каждымъ годомъ и потому самое большое число рукъ въ этомъ городѣ, болѣе 100 тысячъ человѣкъ, занято строительными работами (каменьщики, штукатуры, плотники, маляры и проч.). Самые лучшіе рабочіе этого рода получаютъ въ день 1 р. 25 к. на наши деньги, наименѣе искусные отъ 60 к. до 70 к. Среднюю цифру можно принять отъ 80 до 90 к. Женщины, большинство которыхъ занимается прачешнымъ ремесломъ, швейнымъ, дѣланіемъ цвѣтовъ и другими, могутъ выработать среднимъ числомъ не болѣе 56 к. въ день, такъ какъ женскій трудъ здѣсь вездѣ цѣнится въ половину противъ мужскаго. Нужно помнить, что ни одинъ рабочій, при самомъ счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, на можетъ работать всѣ 365 дней въ году. Онъ часто сидитъ безъ работы, случаются праздники, болѣзни, слѣдовательно въ эти дни онъ уже ничего не заработываетъ, а только проживаетъ и при такихъ обстоятельствахъ его заработокъ уменьшается на половину. Холостому человѣку еще жить можно, но когда есть семья и нѣсколько маленькихъ дѣтей, то содержать ихъ на эти деньги невозможно даже и въ томъ случаѣ, когда жена будетъ заработывать половину того, что заработываетъ мужъ. Такое жалкое положеніе рабочаго класса ведетъ къ недовольству, которое чаще всего проявляется у парижскихъ рабочихъ. Это легко себѣ объяснить тѣмъ, что, испытывая страшную нужду и недовольство своей житейской обстановкой, рабочій постоянно видитъ передъ глазами блескъ, роскошь, соблазны. Но хотя въ немъ постоянно живетъ недовольство, онъ однако всегда ждетъ чего-то, надѣется, что не сегодня-завтра его дѣла измѣнятся къ лучшему. Можетъ быть вслѣдствіе этой надежды, французскій рабочій всегда очень оживленъ, веселъ и порою безпеченъ. Замѣчательною чертою его характера является добродушіе и необыкновенное сочувствіе къ своему товарищу. Въ горѣ онъ сниметъ для него послѣднюю рубашку съ тѣла, будетъ для него работать сколько хватитъ силъ и въ то же время ему никогда не придетъ въ голову придать этому какое нибудь значеніе. Онъ думаетъ, что поступить иначе — величайшая подлость, и вовсе не предполагаетъ, что поступать такъ въ его положеніи — высочайшій подвигъ.

Онъ подчиняется распоряженіямъ хозяина во время работы, но знать его не хочетъ, не оказываетъ ему ни малѣйшаго уваженія послѣ этой работы, внѣ его фабрики. Рабочій смотритъ на хозяина, какъ на вампира, сосущаго его кровь, и потому ненавидитъ его изо всѣхъ силъ.

Большинство фабрикантовъ, разумѣется, стараются нажиться на счетъ рабочихъ, но если даже между ними встрѣчается чловѣкъ гуманный, французскій рабочій и къ нему относится одинаково недовѣрчиво. Поэтому, чтобы ни сдѣлалъ хорошаго порядочный хозяинъ, какія бы улучшенія онъ ни предпринялъ для рабочихъ, они всегда стараются отыскать въ этомъ заднюю мысль.

Одинъ изъ эльбёфскихъ суконныхъ фабрикантовъ въ неурожайный годъ, когда хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, закупилъ въ Гаврѣ большое его коли-

чество съ тѣмъ, чтобы распродать его по покупной цѣнѣ своимъ рабочимъ и тѣмъ избавить ихъ отъ необходимости платить въ три дорога, покупая у другихъ торговцевъ. Но ни одинъ изъ его рабочихъ не покупалъ хлѣба у него, подозрѣвая, что онъ этимъ путемъ желаетъ ихъ эксплуатировать.

Семейная жизнь французскихъ рабочихъ. — Работница и ея трудовой день. — Дѣти. — Склонность французскихъ рабочихъ къ пьянству. — Фабричная дѣвушка и швея. — Ассоціаціи.

Мы уже говорили, что женатый рабочій, имѣющій трехъ, четырехъ дѣтей, не можетъ прокормить своей семьи безъ помощи жены.

Такимъ образомъ жена рабочаго, точно такъ же какъ и ея мужъ, съ утра до поздняго вечера проводитъ время на фабрикѣ, съ тою разницею, что за тѣ же 11, 12 часовъ дневной работы она обыкновенно получаетъ вдвое менѣе. Вообще ея положеніе гораздо тяжелѣе. Бѣдная женщина, вставая до свѣта, гораздо раньше, чѣмъ она должна идти на фабрику, вынуждена ложиться послѣднею въ семьѣ. Она должна всюду поспѣть, присмотрѣть въ домѣ, позаботиться о дѣтяхъ, приготовить для нихъ и для мужа пищу и одежду. Ложась спать, она никогда не знаетъ, удастся ли спокойно проспать хотя нѣсколько часовъ къ ряду. Грудной ребенокъ безпрестанно будитъ ее, остальные дѣти, не пользуясь ни хорошей пищей, ни помѣщеніемъ, часто хворають и безпрестанно заставляютъ мать вставать къ себѣ. Съ ранняго утра мужъ и жена отправляются каждый на свою работу. Такимъ образомъ они видятся только поздно вечеромъ, когда, утомленные, они возвращаются послѣ работы домой и только думаютъ, какъ бы скорѣе поѣсть и лечь спать. Дѣти не видятъ родителей въ продолженіи цѣлаго дня. Но неужели онѣ остаются дома однѣ? Во многихъ мѣстахъ жены рабочихъ, отправляясь на фабрику, оставляютъ грудныхъ дѣтей на какого нибудь старика-дѣда, а если никого нѣтъ въ домѣ ихъ отдаютъ сосѣдкамъ, которыя за деньги берутъ нѣсколькихъ дѣтей, смотрятъ за ними и кормятъ ихъ. Чтобы не слишкомъ утруждать себя ихъ плачемъ и крикомъ, эти воспитательницы даютъ имъ опіумъ. Опіумъ дѣйствительно усыпляетъ дѣтей, но въ то же время постепенно отравляетъ ихъ и развиваетъ множество болѣзней. Мать знаетъ это, но продолжаетъ поступать такимъ образомъ; ей необходимо идти на фабрику, такъ какъ иначе дѣти умрутъ съ голоду. Чтобы уменьшить зло, въ очень многихъ улицахъ Парижа и въ другихъ фабричныхъ мѣстностяхъ устроили «ясли» (les crèches). Ясли— заведеніе, куда матери приносятъ самыхъ маленькихъ дѣтей и оставляютъ ихъ тамъ въ продолженіи цѣлаго дня, пока онѣ работаютъ на фабрикѣ. Въ ясли дѣтей принимаютъ за небольшую плату; здѣсь не поятъ ихъ опіумомъ и уходъ за ними гораздо болѣе разумный. Всѣ дѣти тутъ раздѣлены по возрасту на различныя группы и каждая изъ нихъ, подъ надзоромъ особой воспитательницы, проводитъ день въ играхъ и въ занятіяхъ, свойственныхъ ихъ возрасту. Такъ какъ за помѣщеніе дѣтей въ эти ясли хотя и немного, но все-таки нужно платить, то большинство матерей предпочитаютъ оставлять ихъ дома, на рукахъ старухи или дѣда-калѣки. Наконецъ такое учрежденіе бываетъ одно на весь городъ (въ Парижѣ, конечно, больше, но все-таки ихъ очень недостаточно и рабочимъ слишкомъ далеко водить туда своихъ дѣтей), слѣдовательно бѣдная женщина, отправляясь на работу или возвращаясь съ нея, большею частію должна сдѣлать длинный крюкъ, чтобы отдать или взять

своего ребенка. Обязанная сдѣлать очень многое въ домѣ, прежде чѣмъ идти на работу, она очень часто не имѣетъ ни минуты лишней, чтобы отвести ребенка въ ясли. Вѣдь за каждый просроченный ею часъ она платитъ штрафъ, который и вычитается въ концѣ недѣли изъ ея заработка. Но самая главная причина того, что большинство ребятъ въ отсутствіи родителей бродитъ по улицамъ и не идутъ въ ясли и пріюты, заключается въ томъ, что фабрики и мастерскія открываются въ 6 часовъ утра, а ясли и большинство пріютовъ только въ 8. Понятно, что мать не можетъ для этого каждый день являться на фабрику позже, такъ какъ ей за это тотчасъ откажутъ отъ работы. Большая часть матерей, уходя на фабрику, твердятъ своимъ дѣтямъ, чтобы онѣ черезъ два часа отправились въ пріютъ или въ ясли, но ребенокъ обыкновенно заиграется и совсѣмъ забудетъ о приказаніи матери, или умышленно не послушается ее, потому что уже успѣлъ совсѣмъ испортиться.

Да и можетъ ли женщина, работающая цѣлый день на фабрикѣ, которая видитъ свое дитя только нѣсколько минутъ передъ его сномъ и послѣ пробужденія, имѣть какое нибудь на него вліяніе? И вотъ ребенокъ остается дома одинъ, или подъ присмотромъ калѣки мужскаго или женскаго пола. Оставшись одни, дѣти бѣгутъ куда попало, и, побуждаемые голодомъ, рано привыкаютъ таскать, что плохо лежитъ. Вѣчно грязныя, голодныя, избитыя, не видя никогда матери, не получивъ никакого понятія о томъ, что дурно и что хорошо, многіе изъ этихъ бѣдняжекъ и физически и нравственно гибнутъ на всегда еще въ самомъ нѣжномъ возрастѣ... А если и выростетъ, какое счастіе? Хилый и болѣзненный отъ дурнаго физическаго развитія, непріученный къ труду, къ порядку въ семьѣ, получивъ самыя скверныя уличныя привычки, онъ уже съ самаго ранняго дѣтства не только имѣетъ понятіе о страшныхъ порокахъ, но часто и самъ зараженъ ими. Положеніе ребенка отданнаго въ ясли, разумѣется, нѣсколько лучше. Тутъ ребенокъ не знаетъ ни холода, ни голода, ни нечистоты, ни бродяжничества. Однимъ словомъ физическое развитіе его идетъ гораздо нормальнѣе, но нравственное почти также печально. Ребенку, воспитанному въ ясляхъ, перешедшему изъ нихъ въ пріютъ и затѣмъ поступившему на фабрику, совершенно чужда будетъ семейная жизнь. Онъ по вечерамъ, конечно, видитъ родителей, но они, всегда совершенно усталые, торопятся поскорѣе уложить его спать... Въ чемъ же и какъ видѣлъ онъ ихъ попеченіе и любовь къ себѣ? Какія добрыя привычки и наклонности перейметъ онъ отъ нихъ? Какія воспоминанія вынесетъ онъ изъ своего казарменнаго воспитанія въ крепахъ? Никогда не знавъ тихихъ семейныхъ радостей, ни горячихъ поцѣлуевъ матери, не привыкнувъ въ домѣ къ порядку и чистотѣ и ни къ какой домашней работѣ, кромѣ той, на которую совершенно случайно броситъ его впослѣдствіи судьба, такой человѣкъ, самъ сдѣлавшись семьяниномъ, не съумѣетъ, разумѣется, установить порядокъ въ домѣ и руководить семьею. Дѣвочка, родители которой съ утра до вечера были на фабрикѣ, не могла пріучиться отъ матери ни шить, ни стряпать, ни порядочно вести свое хозяйство. И такія женщины все чаще и чаще встрѣчаются въ семьѣ рабочихъ. Часто ею очень довольны въ мастерской, она тамъ оказывается и необыкновенно трудолюбива, и очень понятлива, и та же самая женщина совсѣмъ теряется въ семейной жизни и при домашнихъ занятіяхъ. Она едва умѣетъ развести огонь, не умѣетъ держать въ рукахъ иголки, не знаетъ приготовить ни одного кушанья, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, что дѣлать съ ребенкомъ, который у нея родился. Да и откуда ей было этому

научиться? Она провела свое дѣтство или въ грязи на улицѣ, или въ ясляхъ, а какъ только она была въ состояніи держать въ рукахъ клубокъ, сейчасъ же поступила на фабрику, стала мотать, а затѣмъ наблюдать за чесальной машиной; кромѣ этого она ничего не знаетъ,—вотъ она и предоставляетъ своимъ дѣтямъ шататься по грязнымъ закоулкамъ, пускаетъ ихъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ подростающее поколѣніе французскихъ рабочихъ все менѣе дѣлается способнымъ къ семейной жизни. Вслѣдствіе постояннаго отсутствія женщины въ домѣ, женатый человѣкъ только и видитъ у себя грязь, нечистоту, оборванныхъ и голодныхъ дѣтей, онъ и бѣжитъ въ кабакъ забыться, поглотить свое горе въ винѣ. Пьяный, избитый, онъ возвращается къ ночи домой и еще болѣе вноситъ въ семью горе и лишенія. Жена, страдая отъ семейной неурядицы, часто сама на все махнетъ рукой и пойдетъ по слѣдамъ мужа. Въ Руанѣ и Лилѣ пьянство сильно развито между женщинами. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть даже кабаки, принадлежащіе женщинамъ: онѣ засѣдаютъ въ нихъ всегда огромными толпами, много пьютъ кофе, но еще больше можжевельной водки. Но, разумѣется, гораздо больше преданы пьянству мужчины. Склонность къ этому пороку сильно развита между французскими фабричными рабочими. Получивъ разсчетъ за недѣлю, рабочій обыкновенно отправляется въ кабакъ. Тутъ онъ играетъ въ карты, кегли, пропиваетъ франкъ за франкомъ и при этомъ все болѣе одушевляется, распѣваетъ веселыя пѣсни. Въ тотъ день, когда фабричные получаютъ разсчетъ, во всѣхъ окрестныхъ кабакахъ раздается визгъ кларнетовъ и скрипокъ, чоканье стакановъ, шумъ, пѣсни, пляски, площадная брань и даже драки. Самое тяжелое зрѣлище при этомъ представляютъ толпы женщинъ. Это тѣ изъ нихъ, которыхъ фабричная жизнь еще не совсѣмъ загубила, которыхъ она еще не успѣла сдѣлать равнодушными къ несчастному положенію своего семейства. Онѣ собрались сюда не пить, а, если возможно, мольбой, слезами, силой увести мужей изъ этихъ мѣстъ, остановить ихъ, напомнить о дѣтяхъ, выманить, пока еще не все пропито, хоть нѣсколько су на ужинъ голоднымъ малюткамъ. Въ Сенъ-Кентенѣ виноторговцы даже построили передъ кабаками родъ сараевъ и для этихъ женщинъ поставили скамейки. Пьянство это не только совершенно разоряетъ и доводитъ до нищеты самихъ пьяницъ и ихъ семьи, но оно много вредитъ и непьющимъ фабричнымъ рабочимъ: если двое изъ нихъ работаютъ на одномъ станкѣ, или при одной машинѣ, или въ тѣхъ случаяхъ, когда работа одного слѣдуетъ непосредственно за работою другаго, — тогда, если одинъ изъ нихъ кутитъ, другой остается безъ дѣла и обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что тоже начинаетъ кутить. Дѣти рабочихъ, встрѣчая вѣчно пьяныхъ взрослыхъ, подстрекаемыя любопытствомъ взглянуть на разгулъ и веселье, какое идетъ въ кабакахъ, нерѣдко заглядываютъ туда. Разъ переступивъ порогъ кабака, мальчикъ всегда найдетъ въ немъ гуляку, который любитъ подпоить новичка и потѣшиться надъ нимъ. Черезъ три, четыре раза ребенокъ отправляется въ кабакъ уже по своей охотѣ. Не рѣдко можно видѣть цѣлыя толпы дѣтей, 10-ти, 11 и 12-ти лѣтъ, съ трубками во рту, передъ кабачнымъ прилавкомъ. Крайне плохой присмотръ за дѣтьми, бѣдность, преждевременныя трудныя и вредныя для здоровья работы, пьянство и разгулъ— обнаружили во Франціи огромное вліяніе на смертность, особенно между дѣтьми рабочихъ. Тутъ вы безпрестанно слышите отъ матерей: «изъ 12-ти дѣтей у меня выжило только четверо», или «изъ 18-ти только одинъ живъ, да и тотъ плохаго здоровья...» Замѣчено, что чѣмъ болѣе фабричная жен-

щина имѣетъ дѣтей, тѣмъ болѣе ихъ у нея умираетъ, такъ какъ послѣ каждаго ребенка женщина становится слабѣе, менѣе обращаетъ вниманія на дѣтей, и главное, ея матеріальная обстановка становится хуже. Заработокъ не увеличивается, напротивъ при частыхъ ея болѣзняхъ еще уменьшается, а число ѣдоковъ въ семьѣ все прибываетъ, увеличивается и расходъ на ихъ одежду. Среднимъ числомъ умираетъ болѣе половины, не доживши до 2-хъ лѣтняго возраста. Тѣ, что выживаютъ, или страшно болѣзненны, съ явными признаками и предрасположеніемъ къ какой нибудь хронической болѣзни, или къ какимъ нибудь физическимъ недостаткамъ, пріобрѣтеннымъ въ дѣтствѣ отъ недосмотра. «Вырожденіе фабричныхъ», говоритъ одинъ французскій писатель, серьезно изучившій жизнь фабричныхъ рабочихъ, «и страшная смертность между дѣтьми составляютъ фактъ, замѣченный во всѣхъ фабричныхъ мѣстностяхъ Франціи. Навѣрно всякій, кто видѣлъ рабочихъ при выходѣ съ фабрикъ, былъ пораженъ огромнымъ числомъ искалѣченныхъ и обезображенныхъ дѣтей. Фабричные округа даютъ наименьшее число людей, годныхъ для военной службы, несмотря на то, что теперешнія требованія уже не такъ строги. Голодъ въ первой молодости, а затѣмъ слишкомъ ранняя чрезмѣрная работа сдерживаютъ ихъ ростъ и дѣлаютъ ихъ слабыми и болѣзненными.»

Много говорятъ о дурной нравственности французскихъ фабричныхъ дѣвушекъ, и это совершенно справедливо. Но откуда же имъ было научиться нравственности? Мы знаемъ годы ихъ дѣтства, посмотримъ же какъ онѣ проводятъ свою молодость. Молодую дѣвушку или помѣщаютъ въ мастерскую вмѣстѣ съ пожилой женщиной, которая вполнѣ выработала себѣ самыя дурныя правила, или вслѣдствіе семейныхъ дрязгъ сдѣлалась желчной и придирчивой. Онѣ заводятъ со вновь вступившими брань изъ за всякихъ пустяковъ, даютъ разныя смѣшныя прозвища и клички молчаливой, кроткой и нравственной. Возвратившись домой, дѣвушка видитъ пьянаго отца и часто такую же мать, которые встрѣчаютъ ее бранью и упреками за то, что она до сихъ поръ ничего не приноситъ въ домъ, кромѣ скуднаго фабричнаго заработка. Эти упреки, подстреканія, брань, насмѣшки, скоро заставляютъ дѣвушку пуститься во всѣ тяжкія и добывать деньги, не разбирая средствъ. Тѣмъ не менѣе положеніе фабричной дѣвушки, у которой есть семья, гораздо лучше положенія рабочей дѣвушки - одиночки. Хотя нравственность ея одинаково страдаетъ, какъ на фабрикѣ, такъ и дома, но по крайней мѣрѣ существованіе ея въ семьѣ все таки нѣсколько болѣе обезпечено. Напротивъ тѣ работницы, которыя не имѣютъ никакихъ родныхъ, живутъ отдѣльно и исключительно своимъ трудомъ, находятся едва-ли не въ самомъ жалкомъ положеніи, сравнительно со всѣми другими классами рабочаго населенія, а число ихъ очень велико. Сюда относятся прежде всего швеи, которыя составляютъ половину всѣхъ работницъ, занимающихся у себя дома; потомъ слѣдуютъ кружевницы, прачки, ручныя прядильщицы, ткачихи и т. п. Посмотримъ на приходъ и расходъ такихъ работницъ. Самая искусная парижская швея, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, выработаетъ 500 франковъ въ годъ; но эту сумму она получитъ только тогда, когда получаетъ за свою работу по 2 франка въ день, за исключеніемъ праздниковъ. Изъ этихъ 500 франковъ она должна заплатить 100 франковъ въ годъ за самую жалкую квартиру; 115 франк. стоитъ ея туалетъ: платье, бѣлье, обувь, постель, — она должна быть всегда хорошо одѣта, такъ какъ иначе она не получитъ работы; 36 франковъ стоитъ стирка бѣлья; столько же отопленіе и освѣщеніе; всего 287

франковъ. Ей остается 213 франковъ въ годъ на пищу, или около 59 сантимовъ въ день,—на наши деньги почти 15 коп. серебромъ. Эти 15 коп. ей должны хватить на цѣлый день: на завтракъ, на обѣдъ и на ужинъ. Въ Парижѣ, гдѣ все очень дорого, этого достаточно развѣ чтобы не умереть съ голоду. Но при малѣйшемъ несчастіи: если, кончая одну работу, она въ тотъ же день не получаетъ другой (мы знаемъ, что въ швейной работѣ, да и почти во всякой другой такія несчастія очень обыкновенны), или заболѣваетъ, она впадаетъ въ нищету. Во время болѣзни швея, работающая на дому, сразу теряетъ многихъ заказщиковъ... Однимъ словомъ болѣзнь всегда вынуждаетъ ее дѣлать долги. Но какъ она заплатитъ ихъ? На чемъ сдѣлаетъ экономію? Все это мы говорили о работницѣ, которая каждый день можетъ заработать 2 франка; а многія ли изъ нихъ дѣйствительно получаютъ столько? Огромное большинство зарабатываетъ 50-ю, или даже 70-ю сантимами меньше. Чѣмъ же онѣ живутъ? Комиссары правительства, которые должны были дать отчетъ о положеніи этихъ женщинъ въ 1851 году, нашли, что многія изъ нихъ живутъ въ комнатахъ, имѣющихъ 5 шаговъ въ длину и 3 въ ширину. Въ другихъ квартирахъ нѣтъ стеколъ; въ иныхъ многія половицы провалились, а по оставшимся нужно весьма осторожно ходить, чтобъ не провалиться... Да, мало привлекательнаго въ жизни французской работницы одиночки. Но представьте себѣ ее молодою, когда жизнь предъявляетъ свои права; сидѣть вѣчно за работой невозможно,— человѣку необходимъ отдыхъ, какое нибудь развлеченіе; но гдѣ же средства для этого, когда ей недостаетъ ихъ для того, чтобъ имѣть всегда довольно хлѣба. Вечеромъ она отправляется въ домъ, или въ магазинъ, чтобы отнести свою работу. Съ перваго шага, который она дѣлаетъ по улицѣ, вся роскошь столицы ослѣпляетъ ей глаза. Изъ оконъ магазиновъ блестятъ бриллiанты, самыя изящныя туалеты приковываютъ къ себѣ ея взоры, а она вѣдь парижанка, она знаетъ въ этомъ толкъ... Изъ театровъ, концертовъ, публичныхъ баловъ до нея доносятся звуки музыки... Когда она встрѣчаетъ своихъ подругъ, нѣкогда такихъ же бѣдныхъ, какъ она, а теперь роскошно одѣтыхъ и утопающихъ во всѣхъ удовольствіяхъ Парижа... Кто ее удержитъ не пойти по ихъ слѣдамъ? Чувство нравственности? Да что такое для нея нравственность? Кто во всю ея жизнь сказалъ ей объ этомъ хотя одно слово? Чувствуя свое одиночество, горе, вѣчныя лишенія, часто имѣя въ перспективѣ голодъ, — ей трудно удержаться, трудно не желать выйти изъ своего положенія какой бы то ни было цѣной.

Много поддерживаютъ добрую нравственность между рабочими и часто оказываютъ имъ существенную помощь во время несчастія—ассоціаціи, теперь все болѣе и болѣе распространяющіяся во Франціи. Жизнь рабочаго и его семейства зависитъ исключительно отъ его поденной платы и всякая случайность — внезапная болѣзнь, прекращеніе работы — все это можетъ ввергнуть его семейство въ совершенную нищету. Чтобы избѣжать этого, рабочіе и стали устраивать между собою общества взаимнаго вспоможенія съ цѣлью сберечь копѣйку на черный день и подать помощь собрату по ремеслу во время внезапнаго несчастія. Всѣ эти общества и ассоціаціи требуютъ отъ своихъ членовъ денежныхъ взносовъ и множество французскихъ рабочихъ, не смотря на свой скудный заработокъ и плачевную матеріальную обстановку, умудряются дѣлать нѣкоторая сбереженія. Много устроивается также ассоціацій съ цѣлью закупать оптомъ предметы первой необходимости и продавать ихъ своимъ членамъ гораздо дешевле, чѣмъ они могутъ пріобрѣсти ихъ

въ лавкахъ. Но гораздо важнѣе этихъ сберегательныхъ и потребительныхъ обществъ *производительныя* ассоціаціи, т. е. такія, когда рабочіе устроиваютъ въ складчину какую нибудь фабрику или мастерскую и сами получаютъ весь тотъ барышъ, которымъ прежде пользовался ихъ хозяинъ. Дѣло обыкновенно начинается такъ: нѣсколько товарищей по ремеслу сговариваются сберегать, во чтобы то ни стало, такую то часть своего заработка. Затѣмъ на собранныя деньги они закупаютъ матеріалъ, инструменты, необходимыя для своего ремесла, дѣлаютъ и другія затраты, нужныя для этого. Получивъ заказъ, начинаютъ работу. Все, что выручается отъ общей работы, дѣлится по ровну между всѣми членами; случится убытокъ, его несутъ одинаково всѣ члены ассоціаціи. Всѣ эти ассоціаціи даютъ возможность рабочимъ увеличить свой заработокъ, сдѣлать въ своей жизни нѣкоторыя улучшенія. Результатъ обыкновенно бываетъ тотъ, что рабочіе бросаютъ пьянство и пріобрѣтаютъ въ собственность небольшой домикъ, огородъ или садикъ, а это необыкновенно благодѣтельно отражается на ихъ нравственности. Должно впрочемъ замѣтить, что такимъ образомъ увеличилось благосостояніе незначительной части рабочихъ, и измѣненія положенія всего рабочаго класса можно ожидать лишь въ томъ случаѣ, если правительство обратитъ на это вниманіе и дастъ рабочимъ ассоціаціямъ денежныя средства, необходимыя для того, чтобы устроить дѣло въ большихъ размѣрахъ и имѣть возможность конкурировать съ фабрикантами-капиталистами.

Французскіе крестьяне.— Крестьянская изба и ея обстановка. — Воспитаніе дѣтей и годы юности.—Посидѣлки. — Суевѣрія крестьянъ.

Во Франціи съ 1848 года распространено на всѣхъ гражданъ безъ исключенія право подавать голосъ; эта всеобщая подача голосовъ называется suffrage universel. Большинство гражданъ подало голосъ за республику—и въ странѣ будетъ республика, за монархію – монархія. Такимъ образомъ воля большинства становится источникомъ и опорою всякой государственной власти, а большинство это состоитъ изъ крестьянъ. Тогда какъ въ Англіи $^3/_4$ населенія сосредоточивается въ городахъ, во Франціи около $^2/_3$ принадлежитъ къ жителямъ селъ. Такимъ образомъ въ рукахъ французскихъ крестьянъ находится рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество на западѣ. И дѣйствительно, французскіе крестьяне играли чуть ли не важнѣйшую роль почти во всѣхъ послѣднихъ политическихъ переворотахъ страны; ихъ голосъ содѣйствовалъ преимущественно къ поддержанію власти послѣдняго императора. Любопытно познакомиться съ характеромъ крестьянина, который имѣетъ такое громадное значеніе въ странѣ; любопытно узнать степень его развитія и образованія. И только тогда мы можемъ судить, на сколько его роль въ государственной жизни дѣйствительная, а не призрачная.

Однако общаго очень мало можно сказать о французскихъ крестьянахъ. Что ни департаментъ, то другая жизнь: не тѣ избы, другая обстановка, не тотъ заработокъ, иныя понятія и въ большинствѣ случаевъ совершенно различная степень развитія. Особенно рѣзкое различіе въ жизни этого народа встрѣчаете вы на сѣверѣ и югѣ, на востокѣ и западѣ. Это различіе главнымъ образомъ зависитъ отъ природы страны. Франція во всѣхъ отношеніяхъ заключаетъ въ себѣ, при кажущемся однообразіи, самыя рѣзкія противополож-

ности. Начнемъ съ ея климата. Сравните климатъ въ сѣверномъ департаментѣ, включающемъ прежнія провинціи: Фландрію, Артуа и Пикардію, который составляетъ одну изъ оконечностей этой страны, и въ департаментѣ Варскомъ, образующемъ противоположную оконечность; сравните суровую Бретань, о которую разбиваются бурныя волны Атлантическаго океана, и жаркій Руссильонъ, омываемый теплою волною Средиземнаго моря,—вы вездѣ найдете рѣзкое различіе. Будемъ ли разсматривать геологическое строеніе, мы встрѣтимся съ тѣми же контрастами. Горы восточной, центральной и южной части Франціи очень различны между собою: однѣ изъ нихъ известковыя, другія гранитныя, третьи вулканическія. Какія различныя условія для жизни представляютъ онѣ сравнительно съ долинами, простирающимися у ихъ подножій. Да и самыя долины, какъ мы увидимъ ниже, сильно различаются другъ отъ друга, какъ по своему положенію, такъ и по своей природѣ. Станемъ ли изучать экономическую и историческую жизнь народа и узнаемъ, что каждая французская провинція имѣетъ свою исторію, отъ которой зависѣло ея развитіе. Наконецъ, начнемъ ли мы говорить о земледѣліи крестьянина, и тутъ мы находимъ одновременно всѣ системы хозяйства, всѣ способы обработки почвы, различную степень земледѣльческаго достатка, начиная отъ крайней бѣдности до значительнаго благосостоянія.

Потому-то необходимо познакомиться, если не со всякимъ департаментомъ отдѣльно, то по крайней мѣрѣ разомъ съ нѣсколькими изъ нихъ, если они только подвержены болѣе или менѣе однѣмъ и тѣмъ же вліяніямъ природы и имѣли одно прошлое. Но прежде поговоримъ о тѣхъ немногихъ явленіяхъ крестьянской жизни, которыя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелочей, общи всѣмъ крестьянамъ. Еще очень недавно, а во многихъ мѣстностяхъ еще и теперь, крестьянскія избы поражали и поражаютъ своею бѣдностью: онѣ были безъ пола, окна безъ стеколъ, запирались только ставнями, двери стояли открытыми вслѣдствіе духоты и дыма. Однако теперь все чаще появляются порядочно устроенные крестьянскіе домики. Они обыкновенно въ двѣ комнаты, съ окнами, съ кирпичнымъ поломъ и непремѣнно съ маленькимъ чердачкомъ на верху. Точно также мало по малу начинаетъ къ лучшему измѣняться и обстановка крестьянской избы. Прежде вы всюду бывало найдете огромную кровать съ занавѣсомъ изъ грязной, рваной тряпки; чтобы избѣжать сырости земляного пола, на этой кровати лежалъ необыкновенно высокій, почти до потолка тюфякъ, набитый куделью или сухими виноградными лозами; хотя еще и теперь вы найдете эти кровати у многихъ крестьянъ, но въ маленькихъ новенькихъ домикахъ обыкновенно встрѣтите кровать изъ орѣховаго дерева, просто и опрятно убранную. На брусьяхъ потолка въ каждомъ домикѣ непремѣнно виситъ ружье хозяина; кромѣ стола и 2, 3 стульевъ самой незатѣйливой работы, у стѣны стоитъ шкапъ; въ немъ главное мѣсто занимаетъ высокій, женскій головной уборъ, который здѣсь обыкновенно торчитъ на бутылкѣ. Хотя матеріальный достатокъ крестьянина очень различенъ, но воспитаніе дѣтей совершается почти вездѣ одинаково. Какое бы ни было положеніе крестьянина, поденщикъ онъ, земледѣлецъ или фермеръ — его удѣлъ трудовая жизнь и ребенокъ въ каждой семьѣ—помѣха для работы. Поэтому, едва онъ только начинаетъ держаться на ногахъ, его привязываютъ тесемкой къ какой нибудь тяжелой мебели, чтобы онъ далеко не уползъ и въ то же время могъ хвататься рученками за эту мебель и вставать безъ помощи матери. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дитя ставятъ въ качалку: на ней найдете скамейку съ такимъ устройствомъ, что ребенокъ можетъ совершать здѣсь различныя отправленія.

Кругомъ она обнесена перилами и устроена такимъ образомъ, что, если ребенокъ сдѣлаетъ движеніе, она покачивается вверхъ и внизъ и такимъ образомъ нѣсколько передвигаетъ ребенка,—эта качалка двигается такъ же, какъ игрушечная лошадка. Вотъ въ этой-то качалкѣ дитя оставляютъ иногда очень на долго; она дѣйствительно устроена такъ, что ребенокъ не можетъ изъ нея выпасть, но разумѣется и не можетъ удовлетворить различнымъ своимъ потребностямъ, хотя ему оставляютъ здѣсь пищу. Не умѣя самъ ѣсть, онъ часто забросить эту пищу, Богъ знаетъ куда, и потомъ все время сидитъ голодный. Но въ большинствѣ случаевъ мать беретъ съ собою на работу и ребенка. Идетъ ли она въ поле на посѣвъ, или разбиваетъ тяжелыя глыбы,—она кладетъ младенца гдѣ нибудь на окраинѣ борозды и онъ лежитъ тамъ безъ всякаго надзора до окончанія работы, когда мать подойдетъ къ нему, чтобы его накормить. Въ деревняхъ дѣти, какъ мальчики, такъ и дѣвочки ростутъ совершенно одинаково. Тѣ же игры, то же обученіе, та же школа, только на разныхъ скамьяхъ; однѣ и тѣ же занятія: вмѣстѣ пасутъ они скотъ, собираютъ плоды, щепки. Но когда эти самыя дѣти подростутъ, ихъ жизнь и отношенія уже нѣсколько мѣняются. Дѣвушка сидитъ за прялкой или помогаетъ матери въ хозяйствѣ, мальчикъ больше при отцѣ, раньше пріучается къ полевымъ работамъ. Теперь они уже не бѣгаютъ вмѣстѣ, не пасутъ скотъ, не лазаютъ по деревьямъ, а только видятся на посидѣлкахъ. Эти вечеринки или посидѣлки самое любимое времяпрепровожденіе молодежи. Онѣ обыкновенно начинаются съ осени и продолжаются во всю зиму; собираются въ домѣ, гдѣ есть взрослыя дѣвушки. Еще въ сумерки соберутся двѣ, три дѣвушки къ своей подругѣ и начинаютъ болтать. Но вотъ онѣ перестали щебетать, къ чему-то прислушиваются,—на улицѣ темно, хоть глазъ выколи. Вдругъ всюду послышались голоса, крики. Звуки волынки раздаются уже подъ окнами, дѣвушки бросаютъ свои прялки, вскакиваютъ и отворяютъ двери. Къ нимъ ввалила цѣлая толпа молодыхъ парней. Безъ всякихъ церемоній молодые люди побратски перецѣловались между собой. Затѣмъ дѣвушки опять усѣлись за свои прялки, молодцы размѣстились какъ попало и пошли между ними длинные разсказы о волшебникахъ, о мертвецахъ.... Между тѣмъ хозяйка-дѣвушка обноситъ всѣхъ пряниками, виноградомъ. Кто-то въ углу запѣлъ пѣсню и всѣ въ минуту подтянули. Тутъ всегда найдется парень, который знаетъ множество куплетовъ. Иногда въ нихъ много юмора, но, какія бы они ни были, молодежь рада всему, безпрестанно заставляетъ пѣвца повторять, остритъ, хохочетъ.... На посидѣлкахъ дѣвушки мало наработаютъ, и, можно сказать, работа скорѣе служитъ предлогомъ. Послѣ пѣсенъ обыкновенно начинаются танцы. Французскіе танцы извѣстны всѣмъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ ихъ танцуютъ съ различными варіяціями; но обыкновенно каждый танецъ сопровождаютъ пощелкиваніемъ пальцевъ и рѣзкими вскрикиваніями. Такъ проходитъ большая часть ночи и всѣ расходятся, точно такъ же, какъ и пришли: парни толпами возвращаются домой, оглашая окрестности однообразнымъ уканьемъ. На этихъ посидѣлкахъ улаживается много свадебъ между молодыми людьми.

Многіе говорятъ, что французскій крестьянинъ необыкновенно религіозенъ, такъ какъ деревенскія церкви всегда биткомъ набиты народомъ; что онъ съ большимъ благоговѣніемъ празднуетъ множество праздниковъ. Но во всемъ этомъ главную роль играетъ не религіозность крестьянина, а его суевѣріе. Церковь для него—собраніе, и онъ, отправляясь туда, обыкновенно напередъ говоритъ домашнимъ, что сегодня ему необходимо быть въ церкви, такъ какъ

онъ встрѣтитъ тамъ Жана или Жюля, съ которымъ ему нужно переговорить о такомъ-то дѣлѣ. Да наконецъ достаточно послушать, какъ онъ искажаетъ слова молитвъ латинскихъ и французскихъ, чтобы убѣдиться, что онъ ничего въ нихъ не понимаетъ. Святые у него въ большомъ уваженіи: онъ вѣритъ, что каждый изъ нихъ исцѣляетъ какую-нибудь болѣзнь: одинъ можетъ избавить отъ лихорадки, другой отъ ревматизма; Святая Троица, думаютъ они, святая, что такое имя носитъ какая нибудь святая, помогаетъ въ падучей болѣзни; къ святой Аннѣ они прибѣгаютъ, когда коровы мало даютъ молока, или когда мать не можетъ напитать своею грудью дитя. Когда въ домѣ кто-нибудь заболѣлъ и еще не извѣстно какою болѣзнію, слѣдовательно и незнаютъ какому святому молиться, тогда женщина рѣжетъ лоскутки матеріи и, бросая ихъ одинъ за другимъ въ чашу съ водою, приговариваетъ при каждомъ названіе святаго; лоскутикъ, который прежде другихъ опустился на дно, указываетъ имя святаго покровителя, а такъ какъ каждый изъ нихъ лѣчитъ одну какую нибудь болѣзнь, то въ то же время узнаютъ, чѣмъ страдаетъ больной. Очень часто послѣ этого начинаютъ лѣчить больнаго отъ болѣзни, на которую имъ показалъ опустившійся на дно лоскутокъ. Понятно, какъ должно отзываться такое лѣченіе на больномъ....

Кто 1-го мая на разсвѣтѣ вымочитъ росою тряпицу на лугу своего сосѣда, у того сѣно уродится вдвое, а у сосѣда не останется ни клока. У кого украли горсть навоза между Ивановымъ и Петровымъ днемъ, у того не уродится хлѣбъ, а укравшій, напротивъ, сниметъ обильную жатву. Эти повѣрья до такой степени укоренились въ народѣ, что цѣлыми ночами караулятъ, чтобы предохранить себя отъ ущерба, и если бы кто, даже для шутки, позволилъ себѣ такую продѣлку, то не рѣдко поплатился бы за это своею жизнію. Еще во многихъ мѣстностяхъ крестьяне убѣждены, что за такое убійство ихъ никогда не будетъ преслѣдовать законъ.

Наканунѣ Иванова дня, до восхожденія солнца, встаетъ хозяинъ дома, рѣжетъ зеленыя вѣтви и украшаетъ ими двери своего дома и конюшни, чтобы отвратить болѣзни и всякія чары. Женщины страшно боятся стирать на страстной недѣлѣ: онѣ увѣрены, что такимъ образомъ онѣ приготовятъ себѣ саванъ. Всѣ онѣ вѣрятъ въ волшебницъ. То тотъ, то другой сообщаютъ на посидѣлкахъ, какъ его пріятель, или онъ самъ, видѣлъ въ прошлую свѣтлую ночь старухъ, по три вмѣстѣ, бродившихъ по полю, — волшебницы по ихъ понятіямъ всегда должны являться въ образѣ старухъ. Они убѣждены что каждый человѣкъ, если только не боится продать свою душу дьяволу, можетъ имѣть сношенія съ нечистой силой: для этого нужно выйти изъ дому въ полночь, взять курицу подъ мышки и, не оглядываясь назадъ, идти одному на перекрестокъ, гдѣ сходятся четыре или пять дорогъ, и три раза прокричать: «Дружище, продаю черную курицу!» Дьяволъ явится въ ту же минуту, заключитъ съ человѣкомъ договоръ, послѣ котораго къ нему посыпятся несмѣтныя богатства, всѣ блага жизни, однимъ словомъ все, чего онъ только пожелаетъ.

«Вслѣдствіе этого грубаго суевѣрія», говоритъ одинъ писатель, «отъ мысли о безпрерывномъ вмѣшательствѣ сверхъестественныхъ силъ въ самыя обыкновенныя дѣла, происходитъ необычайная довѣрчивость и легкомысліе крестьянина. Однажды случилось крестьянину наткнуться нечаянно на огромнаго зайца и застрѣлить его. Бережно уложилъ онъ добычу свою въ мѣшокъ, съ намѣреніемъ поднести ее своему господину, и поспѣшилъ тотчасъ въ городъ,

чтобы застать его за обѣдомъ. По дорогѣ побрился онъ въ цирюльнѣ; разумѣется, не замедлилъ расказать при этомъ о своей добычѣ. Цирюльникъ выходитъ на минуту, развязываетъ мѣшокъ, вынимаетъ зайца и на мѣсто его кладетъ только что околѣвшую утромъ собаку. Все случилось, какъ желалъ крестьянинъ; онъ застаетъ все семейство своего господина за столомъ, и торжественно подаетъ свой подарокъ. Мѣшокъ переходитъ изъ рукъ въ руки, всѣ дивятся вѣсу зайца и хвалятъ охотника за ловкость. Наконецъ онъ открываетъ мѣшокъ, вытаскиваетъ за шею убитое животное и величественно показываетъ собранію — мертвую собаку. Раздается громкій хохотъ, который однако нисколько не смущаетъ мужика. «Нѣтъ ужъ, говоритъ онъ, обращаясь къ животному, какъ ты ни прикидывайся собакой, а все-таки останешься зайцемъ!»

Французская администрація. — Общинное управленіе. — Гибельное вліяніе централизаціи.

Въ административномъ отношеніи вся Франція раздѣляется на восемдесятъ три *департамента*, которые подраздѣляются на многіе *округи*; округи— на *кантоны*, а каждый кантонъ состоитъ еще изъ нѣсколькихъ *общинъ*. Въ общинѣ мы не только находимъ нѣсколько отдѣльныхъ сельскихъ жилищъ, но часто цѣлыя деревни, поселки и посады.

Во главѣ каждаго департамента стоитъ *префектъ*. Сфера его дѣятельности очень обширна: полиція исполнительная, администрація, собираніе податей, надзоръ за тюрьмами и богоугодными заведеніями и проч. и проч. Во главѣ округа стоитъ *подпрефектъ*, который находится въ полномъ подчиненіи у префекта: безъ его разрѣшенія и вѣдома подпрефектъ ничего не можетъ рѣшить, ничего не можетъ предпринять въ своемъ округѣ. Общиною управляетъ *мэръ*; у него одинъ или нѣсколько помощниковъ и кромѣ того ему помогаетъ *муниципальный совѣтъ*, выбираемый гражданами общины.

Мэра и его помощниковъ назначаетъ префектъ. Такимъ образомъ мэръ и его помощники, которые ближе всего стоятъ къ интересамъ народа, назначаются безъ участія мѣстныхъ жителей, не изъ ихъ среды, часто даже вопреки ихъ желаніямъ и сочувствіямъ. На практикѣ точно также имѣетъ мало значенія и то, что члены муниципальнаго совѣта выбираются общею подачею голосовъ, такъ какъ префектъ обыкновенно предписываетъ ему, чѣмъ онъ долженъ заниматься, да притомъ еще объясняетъ, на сколько онъ можетъ касаться того или другаго вопроса, чтобы не идти въ разрѣзъ со взглядами правительства. Въ противномъ случаѣ префектъ имѣетъ право распустить совѣтъ и вмѣсто него назначить коммиссію, которая займется этимъ вопросомъ именно такъ, какъ того желаетъ префектъ.

Посмотримъ же, какую роль играетъ въ общинѣ мэръ. Въ теоріи мэръ долженъ завѣдывать всѣмъ, что касается устройства и поддержки общественныхъ зданій, кладбищъ, гуляній, площадей, улицъ, дорогъ; на немъ лежитъ обязанность устроивать и поправлять фонтаны, водопроводы, насосы, сточныя ямы. Онъ долженъ принимать мѣры для предупрежденія или прекращенія общественныхъ бѣдствій: пожаровъ, моровыхъ повѣтрій, наводненій, скотскаго падежа. Онъ долженъ наблюдать за правильностію мѣръ и вѣсовъ у купцовъ, за свѣжестью съѣстныхъ припасовъ. Что касается муниципальнаго совѣта, то онъ контролируетъ дѣйствія мэра, надзираетъ за управленіемъ общинными

имуществами, обсуждаетъ употребленіе суммъ, провѣряетъ счеты, ежегодно подаваемые мэромъ, однимъ словомъ совѣтъ завѣдуетъ подъ руководствомъ мэра всѣмъ хозяйствомъ общины.

Мэръ, какъ мы уже знаемъ, назначенъ префектомъ, слѣдовательно онъ и дѣйствуетъ сообразно съ его взглядами и вообще онъ не имѣетъ никакой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ. Нужно починить мостъ, исправить дорогу, поправить общественное зданіе, назначить сумму на школу, построить мельницу на своей землѣ, — ничего этого не можетъ предпринять сельскій житель, испросивъ только дозволеніе у мэра; по поводу всѣхъ нуждъ и потребностей мѣстнаго жителя затягивается огромная переписка съ префектурой. Замѣтимъ кстати, что префекту помогаетъ въ управленіи департаментомъ два совѣта: совѣтъ префектуры и совѣтъ генеральный. Совѣтъ префектуры есть мѣсто совѣщательное и кромѣ того судебно-административное. Префектъ даетъ совѣту на разсмотрѣніе дѣла по своему усмотрѣнію, однако мнѣнія этого совѣта для него вовсе не обязательны. Совѣтъ префектуры, какъ судебное мѣсто, разбираетъ споры по раскладкѣ налоговъ, ведетъ дѣла о нарушеніи правилъ водяныхъ сообщеній и т. п. Сельскій житель, будучи принужденъ за всякою своею потребностью обращаться къ префектурѣ, выхлопотать нѣсколько оффиціальныхъ разрѣшеній, тратитъ очень много времени и денегъ. Такое положеніе дѣлъ убиваетъ въ народѣ всякую предпріимчивость. Приведемъ на это нѣсколько примѣровъ. «Въ одномъ селеніи, близь Парижа, требовалось что-то исправить. По весьма правильно сдѣланной смѣтѣ починка оцѣнена была въ 60 франковъ; но представленіе объ этомъ заваляось между бумагами въ префектурѣ, и, когда, по прошествіи двухъ лѣтъ, бумага вышла наконецъ на свѣтъ, поврежденіе значительно увеличилось и уже потребовалось 400 франковъ. Снова началась переписка. На этотъ разъ, къ счастію, префектурѣ не было угодно затерять бумагу и допустить зданіе до окончательнаго разрушенія. Въ этомъ же самомъ округѣ, въ одной общинѣ, понадобилось перекинуть мостикъ черезъ ручей; подрядчикъ брался устроить его за 15 франковъ, префектурѣ показалась ничтожность этой суммы что-то подозрительною; былъ отправленъ, на счетъ обывателей общины, экспертъ для обстоятельнаго изслѣдованія дѣла. Экспертъ нашелъ мостъ уже готовымъ, ибо нельзя было отложить постройку. Хотя подрядчикъ не издержалъ ничего лишняго противъ условленной цѣны, но расходы для обывателей значительно увеличились, потому что къ нимъ прибавились путевыя издержки эксперта и все, чего стоило мѣстное дознаніе». Такимъ образомъ центральная власть вмѣшивается рѣшительно во все.

Раздобылъ крестьянинъ денегъ, нашлось у него свободное время и онъ вздумалъ построить домъ, мельницу на своемъ небольшомъ участкѣ земли, но онъ не можетъ сдѣлать это въ то время, когда у него явились свободное время и деньги. Передъ нимъ лежитъ длинный рядъ формальностей, который онъ долженъ пройти самымъ пунктуальнымъ образомъ. Допустимъ, что онъ вздумалъ построить мельницу. Вотъ какія его ожидаютъ формальности: прежде всего онъ долженъ подать прошеніе министру публичныхъ работъ, при этомъ владѣлецъ долженъ написать свою просьбу въ двухъ экземплярахъ и одинъ изъ нихъ на гербовой бумагѣ. Затѣмъ еще необходимо получить свидѣтельство отъ мэра въ томъ, что онъ законный владѣлецъ участка, на которомъ хочетъ строиться. Всѣ эти бумаги представляютъ министру. Когда до нихъ дойдетъ очередь, а иногда это бываетъ очень не скоро, — министръ

разсматриваетъ ихъ и отсылаетъ къ мэру. Тутъ снимаютъ копію съ просьбы и со всѣхъ этихъ дѣлъ и прибиваютъ на цѣлый мѣсяцъ къ стѣнѣ, во избѣжаніе какого нибудь спора. По истеченіи этого времени, назначаются особыя лица освидѣтельствовать этотъ участокъ и снять планъ съ мѣстности, — все это посылаютъ къ префекту на разсмотрѣніе. Тутъ опять это дѣло долго ждетъ своей очереди, но наконецъ префекту удалось его разсмотрѣть и послѣ этого все увеличивающаяся въ объемѣ переписка отсылается къ подпрефекту, затѣмъ она опять возвращается въ мэрію къ мэру, опять къ префекту для окончательнаго рѣшенія, опять въ мэрію и тутъ уже мэръ посылаетъ дать знать просителю, какимъ образомъ рѣшено его дѣло.

Французская администрація убила всякую жизнь и умственное движеніе во всѣхъ частяхъ государства, сосредоточивъ все въ своемъ центрѣ, т. е. въ Парижѣ. Эта невозможность ничего предпринять самостоятельно, это давленіе на личную и мѣстную предпріимчивость, это вмѣшательство центральной власти въ управленіе дѣлами каждой общины, — настоящій бичь французскаго народа. Дѣятельному, предпріимчивому сельскому жителю нечего дѣлать въ деревнѣ и онъ отправляется въ городъ искать дѣятельности. Поэтому не только высшій кругъ французскаго общества, но даже и небогатый сельскій житель съ презрѣніемъ смотритъ на деревню и, обративъ все, что только можно, въ деньги, отправляется въ Парижъ, не смотря на то, что онъ могъ бы быть очень полезенъ для деревни. Другой страшный вредъ, причиняемый административной централизаціей, — развитіе чиновничества. Всѣ эти формальности, записки, просьбы, сношенія съ различными властями, рапорты и отношенія, которые долженъ пройти каждый, предпринимающій какое нибудь дѣло, все это развиваетъ огромный классъ чиновничества. Ихъ жалованье въ сложности составляетъ весьма большую сумму, которую каждый годъ должно имъ выплачивать государство. Однако не съ одной экономической стороны огромный классъ чиновниковъ приноситъ вредъ: онъ вноситъ порчу въ нравы общества. Тутъ всегда множество людей, ищущихъ чиновничьихъ мѣстъ, слѣдовательно всегда разыгрываются сцены непомѣрнаго честолюбія и ненасытной жадности. Многіе прислужничествомъ, низкопоклонствомъ и фискальничествомъ стараются подставить другому ногу, чтобы самимъ занять его мѣсто. Тѣ въ свою очередь не отстаютъ отъ нихъ и часто весь свой умъ направляютъ на интриги противъ своихъ противниковъ. Эти возмутительныя сцены особенно часто разыгрывались въ царствованіе послѣдняго французскаго императора, Наполеона III, ослабляли народъ и развивали въ молодомъ поколѣніи самыя безнравственныя наклонности и стремленія.

Землевладѣніе. — Арендаторъ и землевладѣлецъ. — Хозяева и батраки; ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу.—Мелкое фермерство.

Земля во Франціи раздроблена на чрезвычайно маленькіе участки и почти каждый крестьянинъ имѣетъ хотя небольшой, но собственный клочекъ земли. Здѣсь чрезвычайно сильно распространено между крестьянами стремленіе пріобрѣтать себѣ землю. Онъ отказываетъ себѣ во всемъ и откладываетъ франкъ за франкомъ, чтобы купить себѣ новую полосу; если разъ ему это удастся, онъ выбивается изъ силъ, чтобы сдѣлать тоже самое во второй и въ третій разъ. Это мелкое дробленіе земли, вездѣ, гдѣ оно существовало во

Франціи, имѣло въ высшей степени благодѣтельное послѣдствіе. При этомъ крестьянинъ имѣетъ возможность постоянно увеличивать свою собственность и, разъ онъ пріобрѣлъ хотя небольшой клочекъ земли своимъ трудомъ, онъ начинаетъ обработывать и воздѣлывать его съ большимъ стараніемъ. Такимъ образомъ мелкое дробленіе поземельной собственности во Франціи много содѣйствуетъ тщательной обработкѣ земли и удерживаетъ крестьянина въ деревнѣ. Возможность постоянно пріобрѣтать себѣ новый участокъ развила во французскомъ крестьянинѣ необыкновенную страсть къ увеличенію своихъ владѣній. Это обстоятельство страшно возвысило цѣну на землю, такъ что иной участокъ земли цѣнится гораздо выше того, что можно получить отъ его произведеній, разсчитывая даже всегда на хорошій урожай. Кромѣ того эта страсть заставляетъ французскаго крестьянина часто прибѣгать къ разорительнымъ займамъ. Кромѣ крестьянъ — мелкихъ собственниковъ, которые весь свой участокъ обработываютъ сами, и болѣе богатыхъ изъ нихъ, которые не поспѣваютъ сами управиться съ своимъ участкомъ и нанимаютъ себѣ работниковъ, во многихъ мѣстахъ Франціи сильно распространено фермерство.

Богатые землевладѣльцы часто отдаютъ свои большіе виноградники, которые они не могутъ обработывать своими средствами, въ аренду; точно также отдаютъ здѣсь въ аренду и землю мелкими участками. Условія, которыя при этомъ заключаютъ между собою арендаторъ, или, какъ его здѣсь называютъ, фермеръ, и землевладѣлецъ, хозяинъ фермы, весьма различны, но обыкновенно они соглашаются на *половничество* (métayage). Этимъ фермерамъ-половникамъ даютъ жилище, гдѣ они могутъ пристроиться съ своимъ семействомъ, отводятъ кустарникъ для топлива и хозяйственныя постройки. Во время жатвы и молотьбы землевладѣлецъ даетъ своему арендатору помощника, который назначается не столько для помощи, сколько для того, чтобы наблюдать за интересами землевладѣльца. Фермеръ самъ воздѣлываетъ все поле, собираетъ посѣвъ и за свои труды получаетъ половину всѣхъ произведеній, а другую получаетъ землевладѣлецъ. Нѣкоторые владѣльцы отдаютъ землю изъ *четвертой* доли, т. е. сборы дѣлятся на 4 части, и 3 изъ нихъ поступаютъ владѣльцу. Хозяинъ фермы, желающій совсѣмъ избавиться отъ своихъ помѣстій, чтобы на полной свободѣ жить въ столицѣ и не утруждать себя присмотромъ за арендаторомъ, сдаетъ всю свою ферму за извѣстную плату. Уплативши опредѣленную ежегодную сумму за ферму, фермеръ уже одинъ пользуется всѣмъ излишкомъ, одинъ пріобрѣтаетъ выгоды отъ всѣхъ сдѣланныхъ имъ затратъ и улучшеній. Такой фермеръ, платящій аренду деньгами, чувствуетъ себя гораздо свободнѣе во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ половникъ, за которымъ наблюдаютъ. Онъ никогда не обработываетъ ферму одинъ, а нанимаетъ всегда нѣсколько работниковъ и слугъ, которые величаютъ его «notre maître» (нашъ господинъ). Если такому фермеру попалась земля плодородная, онъ всегда улучшитъ ее и скопитъ себѣ деньжонокъ, чтобы купить небольшую полоску земли, а современемъ и землю, которую онъ арендуетъ. Земля, которая такъ скудно вознаграждала затраты и хлопоты помѣщика, въ рукахъ крестьянина приноситъ большія выгоды. И не мудрено, онъ самъ работаетъ больше всѣхъ и зорко умѣетъ присмотрѣть за своими рабочими, чтобы они не лѣнились; жена его въ то же время откармливаетъ быковъ, разводитъ коровъ, сберегаетъ молочные скопы; дочери собираютъ ягоды

и цвѣты, и все это отсылаютъ на рынки. Если удастся крестьянину, трудами всей семьи, купить землю, которую онъ обработываетъ, онъ страстно привязывается къ ней: ухаживаетъ за нею, холитъ, любитъ ее всѣмъ сердцемъ, какъ предметъ одушевленный. Тогда онъ еще удвоиваетъ свой трудъ, не допиваетъ и не доѣдаетъ, рвется на работу и всѣхъ заставляетъ работать вокругъ себя. Землевладѣлецъ не рѣдко самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатируетъ своего арендатора. Это происходитъ оттого, что число фермъ, которыя желаютъ сдать за извѣстную арендную плату, гораздо меньше числа желающихъ сдѣлаться фермерами на такихъ условіяхъ. Поэтоту землевладѣлецъ никогда не боится, что его ферма останется незанятою, и обращается съ арендаторомъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Несчастный крестьянинъ принимается часто за арендуемую имъ ферму самымъ основательнымъ образомъ: онъ тщательно обработываетъ землю, для улучшенія ея затрачиваетъ свой капиталъ, разводитъ деревья, разбиваетъ садъ, увеличиваетъ число виноградниковъ, садитъ маслины и въ такихъ случаяхъ онъ едва едва можетъ просуществовать самъ и уплатить въ срокъ арендную плату. Всю свою надежду онъ возлагаетъ на землевладѣльца, который, увидѣвъ затраты арендатора, улучшенія и заботы о землѣ, пойметъ свою выгоду и отдастъ ферму на тѣхъ же условіяхъ тому же самому арендатору. Но очень часто мечты фермера не сбываются, и, когда кончается срокъ аренды, то землевладѣлецъ объявляетъ ему, что если онъ снова хочетъ взять его ферму, то долженъ теперь платить ему вдвое болѣе. Въ такихъ случаяхъ, разумѣется, арендатору не скоро придется купить себѣ страстно желаемый, небольшой участокъ земли. Крестьяне побѣднѣе, обработавъ свой участокъ, успѣваютъ наняться на поденную работу у болѣе зажиточныхъ землевладѣльцевъ. Взрослые сыновья небогатаго крестьянина идутъ въ батраки. Они собираются обыкновенно въ Ивановъ день въ сосѣднее село, на приходскій праздникъ. Въ огромной, пестрой толпѣ собравшагося на праздникъ люда тотчасъ отличишь женщину или мужчину, желающихъ наняться на работу: у каждаго изъ нихъ въ рукахъ или на шляпѣ огромная зеленая вѣтка. Между народомъ расхаживаютъ и землевладѣльцы, рѣшившіе взять къ себѣ въ домъ работника. Они зорко наблюдаютъ здѣсь за будущими работниками и не тотчасъ остановятъ того, кто первый подвернется съ зеленою вѣткою: они высматриваютъ себѣ рослаго, здороваго парня, боязливо поглядывающаго въ сторону. «Такой, думаетъ зажиточный крестьянинъ, во всемъ уважитъ хозяина. А вонъ отъ того Боже избави, больно смѣло расхаживаетъ, спуску не дастъ».

Если нанимаютъ батрака на годъ, ему даютъ 200, много 250 франковъ въ годъ; батрачкѣ поменьше — отъ 100 до 150 франковъ. Нанятый батракъ бросаетъ на землю вѣтку и слѣдуетъ за своимъ новымъ хозяиномъ. Въ его домѣ для пришельца сразу начинается очень тяжелая жизнь. Французскій крестьянинъ землевладѣлецъ, если только его участокъ больше участка его сосѣда, добылъ лишній клочекъ земли необыкновенно усидчивымъ трудомъ и потому онъ страшно требователенъ къ своему батраку. Всякій сантимъ онъ долженъ будетъ выплачивать хозяину кровью и потомъ. Тѣмъ не менѣе обращеніе съ нимъ хозяина, хотя и очень суровое, но одинаково ровное, какъ съ остальными членами своей семьи. Работникъ обѣдаетъ вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ за однимъ столомъ, но это дѣлается, какъ кажется, не изъ простоты и равенства, а изъ разсчета. Хозяинъ самъ первый встаетъ изъ за

стола и въ ту же минуту батракъ долженъ слѣдовать за нимъ и такимъ образомъ онъ не потеряетъ ни минуты на болтовню. Хозяинъ готовъ умереть на работѣ, а по принятому обычаю великій стыдъ батраку отставать отъ хозяина.

БРЕТАНЬ

Природа страны. — Характеристика сѣвера и юга Бретани. — Берега и ихъ отличительные признаки. — Ланды. — Дюны. — Топливо и какъ его добываютъ. — Сборъ водорослей и опасности, съ нимъ сопряженныя. — Финистерскій департаментъ. — Береговое право и его безчеловѣчныя послѣдствія. — Департаментъ низовьевъ Луары. — Занятія жителей этой мѣстности. — Департаментъ Илли и Вилены. — Причины бѣдности бретонца. — Его обстановка и пища. — Характеръ народа. — Семейство и отношенія между членами семьи. — Праздникъ «отпущенія». — Продажа женскихъ волосъ. — Женихъ и невѣста. — Свадьба. — Погребеніе и обряды, которыми оно здѣсь сопровождается.

Въ составъ древней Бретани входятъ пять департаментовъ: Нижней Луары, Илли и Вилены, Морбигана, Финистерра и Сѣверныхъ береговъ.

Бретань, сѣверо-западный полуостровъ Франціи, называлась въ древности Арморикой. Берега этого полуострова сильно изрѣзаны глубоковдающимися бухтами. Въ нихъ всюду видны суровыя, дикія скалы, съ глубокими ущеліями, рѣдкою растительностью, съ тощими пастбищами, на которыхъ мѣстами растетъ ивнякъ; долины въ зимнее время нерѣдко завалены снѣгомъ на полъ аршина. Населена Бретань народомъ такимъ же бѣднымъ и суровымъ, какъ и природа. его окружающая. Названіе страны и народа, а также его многіе патріархальные нравы, показываютъ, что онъ одного происхожденія съ древними обитателями Англіи — Бриттами. Еще недавно Бретань, во многихъ отношеніяхъ отличающаяся отъ остальной Франціи, мало была извѣстна даже самимъ французамъ. Въ этой странѣ кварца, шифера и гранита друиды изсѣкали нѣкогда свои памятники; и въ настоящее время, слѣдовательно по прошествіи 3-хъ тысячъ лѣтъ, ихъ можно видѣть. Мрачный и суровый видъ болѣе всего придаютъ странѣ ланды — огромныя, безплодныя, песчаныя пространства, которыя занимаютъ около $^1/_3$ Бретани. На сѣверѣ пыльныя и пустынныя дороги, бурыя стада, разсѣянныя по ландамъ, цѣпи черныхъ, безлѣсныхъ холмовъ, съ волнующимся на нихъ верескомъ; небо сѣрое, то холодная сырость, то удушливый зной; пустыни, покрытыя терномъ и дрокомъ, и посреди всего этого мрачное и суровое населеніе. Напротивъ того на югѣ (по направленію къ городкамъ Кимперу и Кимперлэ), вы вступаете въ лабиринтъ огородовъ и зеленѣющихъ полей, весело журчащихъ ручейковъ, красивыхъ долинъ и холмовъ, жилищъ, утонувшихъ въ зелени густой листвы, веселыхъ городковъ, построенныхъ на берегу рѣкъ, однимъ словомъ предъ вашими глазами разстилаются прелестные ландшафты, нисколько не уступающіе швейцарскимъ. Но дѣло въ томъ, что эти картины не часто останавливаютъ здѣсь вашъ взоръ. Послѣ чуднаго ландшафта вы тотчасъ увидите печальную пустыню.

Всѣ обработанныя поля окружены земляными валами. Это дѣлается для того, чтобы предохранить хлѣба отъ порывовъ вѣтра. Тамъ, гдѣ можно сѣять хлѣбъ, онъ растетъ не дурно, но часто рядомъ съ колосистымъ хлѣбнымъ

полемъ вы встрѣтите обширныя ланды, которымъ и конца не видно. Изъ страны самой плодоносной вы почти немедленно вступаете на обнаженную почву, гдѣ на каждомъ шагу выглядываютъ гранитные утесы. Другой характерной чертой Бретани являются *дюны*, которыя вы встрѣчаете въ очень многихъ прибрежныхъ мѣстнояхъ. Эти береговыя дюны образовались изъ песку, который волны выбросили со дна моря, а вѣтры потомъ скопляли въ груды и холмы. Сильный вѣтеръ часто подымаетъ накопившійся на дюнахъ песокъ и относитъ его далеко во внутрь страны. Эти пески, уносимые вѣтромъ съ береговъ, часто причиняютъ страшный вредъ. Недалеко отъ устья Луары находилась на берегу моря деревня, которая въ половинѣ прошедшаго столѣтія погребена была подъ песками океана. Гонимый вѣтромъ, песокъ достигалъ обработанныхъ полей и густо покрывалъ сплошною массою все посѣянное на нихъ. Тутъ есть не мало жилищъ, которыя покоятся подъ горами песку, какъ Геркуланумъ и Помпея подъ слоемъ лавы. Деревьевъ нѣтъ на этихъ дюнахъ, и на поверхности ихъ вѣтеръ часто поднимаетъ песчаныя волны. Недостатокъ деревьевъ заставляетъ бретонца отапливать свои жилища кизякомъ (навозомъ), который, прежде чѣмъ употреблять въ дѣло, втыкаютъ для просушки въ изгороди и жилища съ наружной стороны. Однако земля бретонцевъ непремѣнно требуетъ удобренія, но гдѣ же его взять, когда оно у нихъ идетъ на топливо! Вотъ они и удобряютъ свои поля известковымъ пескомъ, водорослями и морскими травами. Сборъ водорослей составляетъ одно изъ главныхъ занятій жителей. Водоросли бываютъ здѣсь двухъ родовъ: одни изъ нихъ буря и приливъ вырываютъ со дна и выбрасываютъ на берегъ,—тогда они принадлежатъ всякому, кто успѣетъ ихъ подобрать; другія собираются весною на прибрежныхъ скалахъ, которыя обнажаются во время отливовъ. Сборомъ этихъ водорослей могутъ пользоваться только тѣ общины, земли которыхъ примыкаютъ къ этимъ скаламъ. Мэры такихъ общинъ назначаютъ время, когда начинать и оканчивать срѣзку водорослей, происходящую обыкновенно между большими приливами въ февралѣ и въ маѣ или іюнѣ. Тогда утесы строго раздѣляются между общинниками и каждый имѣетъ право срѣзать водоросли только съ своего утеса. Тамъ же, гдѣ нѣтъ этого порядка, водорослями могутъ пользоваться всѣ, кто хочетъ; это приноситъ страшный вредъ растенію. Тогда всѣ съ жадностію бросаются къ этимъ утесамъ и какъ попало вырываютъ растеніе съ корнемъ, вмѣсто того, чтобы его срѣзать, а слѣдовательно пользоваться имъ и въ будущій годъ. Вотъ какъ описываютъ срѣзку этихъ водорослей: «Въ день, назначенный для срѣзки, прежде еще, чѣмъ море отойдетъ совершенно, и когда еще берегъ покрытъ водою на нѣсколько футовъ, толпа, горящая нетерпѣніемъ воспользоваться краткимъ отливомъ, пускается съ телѣгами въ путь къ мрачнымъ утесамъ, покрытымъ длинными, висячими водорослями, съ которыхъ течетъ морская вода, какъ съ распущенныхъ волосъ утопленника. Шумное шествіе, предводимое тѣми, которые долгимъ опытомъ пріобрѣли почетное право кормчихъ, уже рисуется черной массою на свѣтлой влагѣ. Вскорѣ каждый принимается со всѣмъ жаромъ собирать драгоцѣнныя морскія растенія, назначенныя для оплодотворенія его полей. Ихъ тотчасъ же нагружаютъ на телѣги и отвозятъ на берегъ повыше того мѣста, котораго достигаетъ приливъ, поспѣшно сваливаютъ грузъ и скачутъ за новою добычею до тѣхъ поръ, пока первая волна не ударитъ на ребро рифа и не подастъ сигнала работниковъ къ отступленію. Тогда люди и животныя поспѣшно бѣгутъ, не оборачиваясь назадъ.

«Если скала съ водорослями доступна только для лодокъ, или если даже она слишкомъ удалена отъ берега и невозможно извлекать морскія травы съ помощію телѣгъ, то изъ водорослей устраиваютъ родъ плота, чтобы пригнать ихъ къ берегу тѣмъ же способомъ, какимъ сгоняютъ по теченію рѣкъ плоты съ лѣсомъ. Водоросли собираются въ большія, крѣпко связанныя кипы, и когда приближается море, то простые работники возвращаются прежнимъ порядкомъ, оставляя на волю Божію смѣлаго пловца, принимающаго на себя обязанность препроводить къ берегу пловучую массу,—честь, которой нерѣдко домогается влюбленный, въ надеждѣ подобнымъ подвигомъ тронуть сердце своей возлюбленной. Надобно видѣть, какъ эта странная флотилія подъѣзжаетъ къ берегу, несомая волнами прилива. Такъ какъ водоросли плывутъ, едва показываясь на поверхности моря, то вы видите только смѣлаго пловца, который то исчезаетъ, то появляется, какъ бы стоя на волнахъ и опираясь на длинный шестъ, въ позѣ римскаго тріумфатора. Грозная опасность придаетъ еще болѣе торжественности такому зрѣлищу и нерѣдко случается, что бурная волна уноситъ кормчаго вмѣстѣ съ грузомъ въ самую глубь моря».

Любопытнѣе другихъ западный берегъ Бретани, занимаемый Финистерр-скимъ департаментомъ (*). Нужно замѣтить, что Финистеррскій департаментъ представляетъ собою въ миніатюрѣ полную картину Бретани. Съ чудныхъ, плодородныхъ равнинъ вы можете наблюдать дикіе обнаженные утесы; чаще, чѣмъ гдѣ либо въ Бретани, вы встрѣчаете здѣсь огромные, каменные памятники древнихъ друидовъ: они стоятъ или отдѣльно, или группами изъ нѣсколькихъ камней, или просто лежатъ на землѣ; всѣ они поросли чертополохомъ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь и древнія кельтскія постройки, изъ большихъ, неровныхъ, необтесанныхъ камней, покрытыхъ, вмѣсто крыши, большими каменными плитами. При этомъ разнообразіи природы и древнихъ памятниковъ, вы найдете здѣсь такое же разнообразіе народныхъ типовъ, обычаевъ и одеждъ. Мужчины въ синихъ блузахъ или въ синей матросской курткѣ; нѣкоторые носятъ широкіе панталоны, застегнутые у колѣнъ, и кожанныя штиблеты. Одежда бретонскихъ поселянокъ довольно схожа съ одеждою женщинъ-ремесленницъ въ городахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бретонки одѣваются въ юбку изъ полосатаго ситца, въ другихъ она коричневаго цвѣта съ золотою или серебрянною каймою; на груди бѣлая рубашка, платочекъ, на крестъ завязанный назади, и передникъ съ небольшимъ передкомъ или лификомъ, приколотымъ на груди; многія изъ нихъ носятъ на головѣ чепчикъ, обшитый кружевами.

На изрѣзанныхъ вдавшимися въ землю бухтами и заливами берегахъ этого департамента находится множество мысовъ. Во многихъ мѣстахъ выдаются изъ воды гранитныя скалы, окруженныя еще подводными скалами, объ которыя такъ часто разбиваются и еще чаще разбивались прежде корабли. Эти ужасныя мѣста нерѣдко оглашались въ мрачныя ночи криками отчаянія и раздирающими душу воплями погибающихъ. Долгое время все населеніе этой прибрежной полосы существовало исключительно только тѣмъ, что выкидывало ему море послѣ кораблекрушенія. Какъ дикіе, хищные звѣри прибѣгали сюда жители и бросались хватать и вылавливать товары и разбитые остатки имущества несчастныхъ. Эти расхищенія производили жители нисколько не таясь, такъ какъ здѣсь долгое время существовало береговое право, по которому они могли совершенно свободно пользоваться всѣми выкинутыми моремъ обломками су-

(*) Его округи слѣдующіе: Морлэ, Брестъ, Шатолинъ, Кемперъ и Кемперле.

довъ и товаровъ. Это ужасное право скоро повело къ страшнѣйшимъ злодѣяніямъ и грабительствамъ, которымъ занимались не только простолюдины, но и самые знатные люди, даже духовенство. Они гасили маяки, построенные на опасныхъ мѣстахъ, и зажигали огни тамъ, гдѣ не было опасности. Корабли, не видя огня у опасной скалы, шли увѣренно ей на встрѣчу, а тутъ уже множество народа съ топорами, молотками и ножами съ нетерпѣніемъ ожидало ихъ. Какъ хищные животные бросались они на корабль, не успѣвшій еще совсѣмъ погибнуть, прорубали его со всѣхъ сторонъ и расхищали все, что могли. Одинъ землевладѣлецъ на сѣверо-западѣ этого департамента говорилъ, показывая на утесъ, на которомъ по его приказанію зажигался фальшивый маякъ: «у меня здѣсь такой драгоцѣнный камень, какого даже нѣтъ и въ королевской коронѣ». А въ XV-мъ столѣтіи одинъ герцогъ бретанскій подавалъ папѣ оффиціальную жалобу, что епископъ Сенъ-Мало присвоилъ себѣ это право въ его городѣ. Но эти страшныя преступленія, смѣло совершаемыя передъ всѣмъ свѣтомъ, существовали и гораздо позже. Еще Людовикъ XIV грозилъ смертною казнію владѣтелямъ прибрежныхъ помѣстій, если они будутъ подкупать и принуждать лоцмановъ наводить на мели и утесы суда, а также и тѣмъ, которые будутъ зажигать фальшивые маяки на прибрежныхъ скалахъ для привлеченія и гибели судовъ. Теперь разумѣется уже не существуетъ *береговое право*, но и въ настоящее время, на нѣкоторыхъ берегахъ Бретани, встрѣчается дикое населеніе морскихъ грабителей. Они не смѣютъ болѣе прорубать судно, но, при наступленіи бури, бросаютъ ястребиные взгляды на океанъ, такъ какъ въ случаѣ несчастія имъ предстоитъ пожива.

Департаментъ низовьевъ Луары (*) не отличается особеннымъ плодородіемъ: обширныя болота, безчисленные пруды, безплодныя ланды занимаютъ значительную часть пространства. За то въ остальной части вы найдете превосходныя пастбища, расположенныя по живописнымъ островамъ Луары и по берегамъ потоковъ, которыхъ тутъ такъ много.

Жители здѣсь занимаются уходомъ за виноградниками, хотя иногда они даютъ мало дохода вслѣдствіе болѣзней на виноградъ. Очень многіе заняты также на фабрикахъ въ Нантѣ, гдѣ болѣе 100 тысячъ жителей и который служитъ центромъ мануфактурной промышленности. Кромѣ того рыбная ловля въ Океанѣ, въ Луарѣ и ея притокахъ и наконецъ въ прудахъ, которыхъ здѣсь насчитываютъ около 800, — много поддерживаетъ жителей. Въ очень многихъ мѣстностяхъ этого департамента крестьяне занимаются въ свободное время горшечнымъ ремесломъ и, добывая себѣ этимъ небольшой заработокъ, въ то же время извлекаютъ пользу изъ земли, неудобной для земледѣлія. Мужчина добываетъ глину, дѣлаетъ горшки, женщина обжигаетъ ихъ и, когда они готовы, относитъ на рынокъ. Но эти горшки и глиняная посуда совершенно просты и не представляютъ ничего изящнаго. Дѣти начинаютъ помогать родителямъ въ этомъ дѣлѣ уже съ 12-ти лѣтъ и выдѣлываютъ небольшія чашечки и грубые кофейники. Имущество и обстановка семейства горшечника весьма незавидное: вся семья живетъ въ хижинѣ безъ окна, въ которую свѣтъ и воздухъ проходятъ только черезъ узкую дверь. Въ хижинѣ найдете кровать у печки, покрытую лохмотьями, худой ларь, столъ, испачканный глиной, и полъ, уставленный глиняной посудой. Все имущество состоитъ изъ тощей коровы и маленькой лошади для перевозки посуды.

(*) Онъ заключаетъ въ себѣ: Нантъ, Ансени, Пенбэфъ, Шатобріанъ, Савенэ.

Но еще болѣе нищеты въ департаментѣ Илли и Вилены (*). Крайняя бѣдность жителей происходитъ отъ постоянныхъ неурожаевъ,—да и какъ этой землѣ давать богатую жатву, приносить хорошіе плоды, когда она представляетъ ничто иное, какъ гранитную плоскость, покрытую только легкимъ слоемъ земли. Большая часть земли этого департамента покрыта лѣсами и ландами, а эти послѣднія производятъ только верескъ и плохой терновникъ, едва годные для топлива.

Нужно замѣтить, что не только въ этомъ департаментѣ, но и во всей Бретани чрезвычайно много ландовъ, а тамъ, гдѣ онѣ есть, вы всегда встрѣтите апатію и нищенскую обстановку между жителями. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти ланды воздѣлываются и, когда затратишь много труда, даютъ впослѣдствіи изрядный урожай; но, по мѣрѣ удаленія отъ верхней Бретани, онѣ увеличиваются и остаются безъ обработки, особенно тѣ изъ нихъ, которыя составляютъ собственность общинъ. Не смотря однако на бѣдность жителей департамента Илли и Вилены, въ окрестностяхъ Ренна выдѣлывается прекрасное сливочное масло, лучшее во всей Франціи.

Тутъ прежде процвѣтала льняная и пеньковая промышленность, и въ старые годы бретонскія пряхи могли прокормить всю свою семью; но эта промышленность пала со времени введенія хлопчато-бумажнаго производства и никто не подумалъ, чѣмъ бы замѣнить этотъ источникъ мѣстнаго богатства, который кормилъ населеніе въ 2 милліона. Другая причина бѣдности бретонца— его крайняя неразвитость, необразованность, суевѣріе и ненависть къ какимъ бы то ни было измѣненіямъ въ его жизни: онъ ни за что не тронетъ иногда даже очень порядочнаго участка земли, ни за что не станетъ его обработывать даже и тогда, когда на будущій годъ можетъ ожидать отъ него очень хорошей жатвы, только потому, что отцы лучше знали, почему они не трогали эту землю. Даже на одной и той же нивѣ они часто не касаются какого нибудь угла, который такимъ образомъ вѣчно остается въ залежи. Такой участокъ, по ихъ понятіямъ, собственность дьявола, и много горя надѣлаетъ онъ тому, кто лишитъ его своей доли. Не мало нищетѣ и бѣдности бретонцевъ содѣйствуютъ ихъ раздѣлы. «По смерти отца,» говоритъ одинъ французскій писатель, «всѣ поля, и безъ того раздробленныя, дѣлятся у насъ на участки, и если остается пять наслѣдниковъ, то всякій изъ нихъ потребуетъ своей части въ каждой вещи, своей пятой доли въ каждой крохѣ наслѣдства. Но не всѣ участки имѣютъ одинаковое качество, не всѣ одинаково воздѣланы: одинъ засѣянъ, другой подъ паромъ, — что же дѣлать въ такомъ случаѣ? Остается раздробить каждое поле на пять частичекъ, произвести, что называется у насъ, крестьянскій раздѣлъ, изуродовать землю, обратить ее въ пыль, сдѣлать невозможною всякую обработку. Иногда они и на этомъ не останавливаются: случится имъ дѣлить лугъ, не вездѣ одинаковаго качества и цѣнности, — они дѣлятъ его на участки, по числу сонаслѣдниковъ, и каждый изъ нихъ по очереди собираетъ сѣно съ каждаго участка, такъ что если ихъ пятеро, то на шестой годъ та же очередь повторяется снова и тѣмъ же порядкомъ. Страсть къ дѣлежу простирается до такой степени, что даже изба подвергается раздѣлу (я нисколько не преувеличиваю); такой-то получаетъ въ

(*) Этотъ департаментъ заключаетъ въ себѣ: Реннъ, Сенъ-Мало, Монфоръ, Редонъ, Витре, Фужеръ.

собственность часть избы до такого то бруска или перекладины и такъ далѣе: печь и дверь остаются общею собственностью.

«Раздѣлъ между сонаслѣдниками — дѣло затруднительное до крайности. Когда наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, согласятся на размежеваніе участковъ, то на рубежѣ вырываютъ глубокую яму, потомъ берутъ камень самый твердый, какой только можно отыскать подъ рукою, погружаютъ его въ яму такимъ образомъ, чтобъ онъ приходился въ уровень съ почвою, и съ нимъ вмѣстѣ зарываютъ два или три кремня, предварительно расколовъ ихъ, для того чтобъ осколки, въ случаѣ необходимости, могли засвидѣтельствовать своею формою, что они положены были туда рукою человѣка и съ особенною цѣлію».

Но самая главная причина бѣдности, какъ мы уже говорили, безплодная почва. Послѣ бѣдности, другая отличительная черта бретонца — его неряшливость, которая впрочемъ всегда бываетъ вѣрнымъ спутникомъ нищеты. Все семейство обыкновенно помѣщается въ одной комнатѣ. Прежде всего бросается въ глаза въ такой комнатѣ нѣсколько кроватей, поставленныхъ другъ около друга, но отдѣленныхъ одна отъ другой узкимъ проходомъ. Каждая кровать подъ пологомъ. Мужчины и женщины, ложась спать, каждый садится на свою кровать, сейчасъ же задергиваетъ свой пологъ и такимъ образомъ раздѣвается и спитъ точно въ отдѣльной комнатѣ. Кромѣ нѣсколькихъ кроватей, можно еще замѣтить по угламъ одинъ, два сундука, двѣ, три скамьи, шкафъ, тамъ и сямъ деревянныя ложки, чугунный котелъ, нѣсколько глиняныхъ чашекъ, — вотъ вся мебель и хозяйственная утварь бретонца. Впрочемъ мы забыли сказать объ одномъ предметѣ, составляющемъ необходимую принадлежность въ каждомъ бретонскомъ семействѣ; мы говоримъ о *пише*. Это обыкновенно фаянсовая или жестяная кружка, которая въ каждомъ семействѣ стоитъ въ шкафу, всегда наполненная виномъ или сидромъ. Когда на порогѣ хижины появляется гость, хозяинъ встаетъ и, прежде чѣмъ ему поклониться и заговорить съ нимъ, подходитъ къ шкафу, беретъ пише, подноситъ къ губамъ и, не произнося ни одного слова, съ глубокимъ поклономъ, подаетъ кружку гостю. Только послѣ этого онъ можетъ заговорить съ нимъ. Отказъ послѣдняго выпить хотя нѣсколько глотковъ считается величайшимъ оскорбленіемъ и стыдомъ для всего семейства.

Всѣ предметы въ жилищѣ бретонца разставлены въ крайнемъ безпорядкѣ, и все тутъ нечисто и неряшливо: на полу и на стѣнахъ грязь, печь дымитъ; ребенокъ, гдѣ нибудь въ углу, ѣстъ свою кашку руками и при этомъ вашимъ глазамъ представляется всегда такая картина: кошка, запустивъ свою морду въ кострюльку, локаетъ кашку, куда ребенокъ безпрестанно опускаетъ свои пальчики; между ними боровъ просовываетъ свою голову, поталкиваетъ то ребенка, то кошку, стараясь поближе пролѣзть къ кострюлѣ. Мать иногда и пуститъ въ животное камнемъ или полѣномъ; если это не дѣйствуетъ, бретонка продолжаетъ дѣлать свое дѣло, а если подчасъ крикъ ребенка и ссора трехъ существъ, дѣлящихъ между собою пищу, выведутъ ее изъ терпѣнія, она выгонитъ свинью, но ни въ какомъ случаѣ не вымоетъ дѣтской кострюльки. Да и посуда, въ которой ѣдятъ старшіе члены семьи, не отличается чистотой. Хозяйка очень рѣдко моетъ котелъ и будетъ удивлена, если вы ей скажете, что котелъ слѣдуетъ мыть послѣ каждаго кушанья. Замѣсивъ въ немъ тѣсто, она приготовляетъ похлебку, никогда даже не сполоснувши посуды. Также мало думаютъ онѣ и о чистотѣ, какъ своей такъ и дѣтской одежды. Вслѣдствіе

этой грязи, недостатка присмотра за дѣтьми и грубой пищи множество изъ нихъ умираетъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. А пища ихъ дѣйствительно очень груба. Похлебка приправлена свинымъ саломъ и овощами, ржаной хлѣбъ, кислое молоко, каштаны, или, вмѣсто ихъ, просяная каша, и наконецъ черныя ржаныя лепешки — самое любимое кушанье бретонца, которымъ лакомятся даже и зажиточные люди, — вотъ и все, что вы увидите у нихъ на столѣ. Всякое кушанье бретонецъ ѣстъ необыкновенно горячимъ. Вслѣдствіе ли грубой пищи, или крайней неразвитости, а можетъ быть вслѣдствіе того и другаго вмѣстѣ, бретонецъ страшный пьяница и въ то же время сильно куритъ табакъ, такъ что никогда не выпускаетъ изо рта своей трубочки. Не смотря однако на пьянство и грубость, бретонцы отличаются замѣчательною честностью, которая вошла даже въ пословицу. Случаи воровства между ними крайне рѣдки, и человѣкъ, покусившійся на это, не только опозоренъ на всю жизнь, но даже его поколѣніе долго будетъ нести кару за его грѣхъ: «рабочій-то онъ хорошій,» говоритъ зажиточный бретонецъ семьѣ, когда желаетъ нанять батрака, «да дѣдъ-то его обокралъ сосѣда...» И какъ бы ни былъ хорошъ внукъ вора, но на него всегда будутъ смотрѣть съ презрѣніемъ.

Нужно замѣтить, что вообще всѣ французскіе крестьяне неразвиты и необыкновенно недовѣрчивы. Это можно объяснить ихъ историческимъ прошлымъ: французскіе сеньоры были и властолюбивы, и корыстолюбивы уже никакъ не менѣе русскихъ помѣщиковъ. Они выжимали изъ крестьянъ всѣ соки, чтобы имѣть возможность жить на болѣе широкую ногу.

Но самыми неразвитыми, грубыми, дикими и недовѣрчивыми изъ французскихъ крестьянъ могутъ по истинѣ считаться бретонцы. Нравы и обычаи этого народа носятъ на себѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, печать патріархальности. Жена, слуги, служанки, дѣти — все безпрекословно повинуется главѣ семейства. Но, отдавъ разныя приказанія, хозяинъ самъ идетъ на работу и работаетъ не только наравнѣ съ своими домочадцами, но еще и больше ихъ. Между членами семьи существуетъ полнѣйшее равенство. Родители, дѣти, служителя — всѣ одинаково работаютъ и всѣ вмѣстѣ садятся за одинъ и тотъ же столъ. Но въ отношеніяхъ между полами совсѣмъ другое. Мужчина грубо обращается къ своей женѣ и съ презрѣніемъ ко всякой женщинѣ. Это неравенство и презрѣніе къ женщинѣ доходятъ до того, что въ церквахъ только одни мужчины приближаются къ алтарю, женщины же стоятъ всегда позади. Однако мужчина не наваливаетъ на женщину тяжелаго труда, а исполняетъ его самъ. Женщины здѣсь не работаютъ ни заступомъ, ни плугомъ: онѣ полютъ, сѣютъ, жнутъ, все трудное дѣлаютъ мужчины. До чего суровы нравы и въ особенности отношенія къ женщинамъ можно судить изъ того, что здѣсь вы зачастую услышите: «когда-бъ эта дѣвушка да жена сыну: и работница, и умница — всѣмъ взяла... А нельзя, за бабкой-то, сказываютъ, грѣхи водились...» И дѣйствительно, какъ бы ни была старательна и честна дѣвушка, ее всегда будутъ корить и оскорблять за дурное поведеніе не только матери, но и бабки. Иногда дурную молву о бабкѣ распускаетъ кто нибудь изъ сосѣдей изъ зависти къ дѣвушкѣ или изъ злости, — тѣмъ не менѣе всѣ начинаютъ говорить объ этомъ и мало по малу сторонятся отъ несчастной.

Священники, во многихъ мѣстахъ Франціи, имѣютъ огромное вліяніе на народъ; здѣсь это вліяніе сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Здѣшній священникъ нерѣдко одинъ понимаетъ мѣстное нарѣчіе и къ нему весь народъ идетъ за со-

вѣтами, обращается въ случаѣ ссоры. Большинство бретонскихъ дѣтей не получаютъ никакого образованія, да и тѣ, которыя учатся въ школахъ, если и выучиваются читать по французски и первымъ правиламъ арифметики, все же отличаются крайнею неразвитостью. Это не мудрено, такъ какъ дѣти посѣщаютъ школу не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ, что для нихъ очень мало, такъ какъ они понимаютъ только одно нижнебретонское нарѣчіе. Къ тому же всѣмъ ученьемъ почти исключительно завѣдуютъ религіозныя братства, а католическое духовенство никогда не отличалось рвеніемъ къ распространенію истиннаго просвѣщенія.

Угрюмый, сумрачный видъ бретонца даетъ себя чувствовать съ перваго взгляда: его шляпа съ огромными полями бросаетъ мрачную тѣнь на его лицо, наполовину закрытое длинными, плохо расчесанными волосами. На ваше привѣтствіе, на ваши теплыя слова онъ отвѣтитъ вамъ односложными звуками. Онъ не пустится въ разговоръ съ незнакомымъ, никогда не будетъ съ вами откровененъ. Тѣмъ не менѣе гостепріимство—характерная черта бретонца и, если онъ уже васъ пригласитъ къ обѣду и вы откажетесь отъ этого, онъ считаетъ себя оскорбленнымъ. Каждому нищему онъ радушно отворяетъ двери своей хаты и разставляетъ передъ нимъ все, что у него есть, такъ какъ считаетъ его посланникомъ божіимъ. Вслѣдствіе такого взгляда нищихъ въ странѣ очень много. Они отличаются здѣсь необыкновенною словоохотливостью, разсказываютъ дѣйствительныя и выдуманныя происшествія, которыя такъ любятъ слушать угрюмые бретонцы. Здѣсь сильно развита взаимная помощь: во время молотьбы, сѣнокоса и другихъ большихъ работъ, каждый, исправивъ свое дѣло, старается помочь сосѣду. За такую помощь, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, онъ ни за что не возьметъ денегъ; но за то каждый, къ кому пришли на помощь, считаетъ своей обязанностью угостить обѣдомъ и поставить какъ можно больше сидра. До чего взаимная помощь въ нравахъ народа, можно видѣть изъ того, что въ какой бы ссорѣ, въ какой бы враждѣ ни были сосѣди, но разъ, когда случается какая нибудь бѣда, или нужно большое число рукъ: убрать сѣно, когда начинается гроза, тушить пожаръ и т. п. — всякій бѣжитъ на помощь даже къ своему злѣйшему врагу.

Бретонцы самый невѣжественный и суевѣрный народъ: въ ихъ нравахъ и обычаяхъ замѣтны яркіе слѣды языческихъ вѣрованій. Какъ древніе обитатели Бретани зажигали огни въ честь солнца, такъ нынѣшніе бретонцы зажигаютъ множество огней въ Ивановъ день, и вокругъ нихъ собираются плясать хороводы. Они особенно почитаютъ нѣкоторые источники и къ нимъ массами стекаются больные, обливаютъ себѣ шею и руки для возстановленія здоровья. Въ нихъ погружаютъ рубашки больныхъ дѣтей и невысохшими одѣваютъ ихъ на малютокъ. Они съ необыкновеннымъ почтеніемъ относятся и къ камнямъ друидовъ; они вѣрятъ, что ихъ принесла къ нимъ въ своемъ передникѣ пресвятая Дѣва Марія; другіе же сказываютъ, что они поставлены святыми угодниками въ воспоминаніе ихъ странствованій.

Нечего и говорить, что лѣса, вода, дома—все это наполнено различными духами, лѣшими, домовыми. Домовые вмѣшиваются во всѣ ихъ дѣла: пропали сливки, спутана у лошади грива, — все это надѣлалъ домовой. Когда лошадь зѣваетъ, то, чтобы не случилось съ ней чего недобраго, ей необходимо сказать: да поможетъ тебѣ святой Илья.

Самый любимый бретонскій праздникъ—«Отпущенія» (Pardon). Этихъ праздниковъ отпущенія чрезвычайно много въ Бретани, такъ какъ они праздну-

ются въ честь всякаго патрона церкви, колодезя, часовни. Патроновъ этихъ у нихъ множество, но праздники совершаются въ честь тѣхъ изъ нихъ, которые наиболѣе прославились чудесами. На эти праздники народъ толпами собирается изъ окрестныхъ мѣстностей. Около того мѣста, гдѣ будетъ празднество, точно изъ земли выростаетъ цѣлый городъ: тутъ балаганы канатныхъ плясуновъ, тамъ выставка четокъ, лавки съ товарами, на веревкахъ развѣшаны пѣсни на туземномъ нарѣчіи, раскрашенныя литографіи святыхъ, наиболѣе уважаемыхъ въ Бретани и т. п. Народъ на этотъ праздникъ собирается наканунѣ и еще наканунѣ все приходитъ въ движеніе. Продавцы, стоя у своихъ подвижныхъ лавочекъ, распѣваютъ пѣсни, скрипачи наигрываютъ самые любимые бретонскіе танцы, нѣсколько дальше слышны пискливые звуки биньу (bignou) — національнаго бретонскаго инструмента, напоминающаго шотландскую волынку,—все это смѣшивается съ гуломъ колоколовъ, съ веселыми криками толпы, съ жалобными пѣснями нищихъ, просящихъ о подаяніи, однимъ словомъ шумъ, говоръ, движеніе необыкновенные. Вотъ какъ это описываютъ: «Моряки, избѣжавшіе кораблекрушенія, матери, дѣти которыхъ исцѣлились чудесами, молодыя женщины, нетерпѣливо желающія сдѣлаться матерями, стекаются со всѣхъ сторонъ для развѣшиванія вокругъ часовни своихъ приношеній по обѣту, или для совершенія обрядовъ, которые должны принудить святаго къ исполненію всѣхъ желаній молящагося. Часто приходится для этого взбираться на колѣняхъ на высокую гору, гдѣ водруженъ крестъ, по гранитнымъ ступенямъ, обдирающимъ ноги, или обходить нѣсколько разъ вокругъ церкви босыми ногами, дѣлая три шага впередъ и два назадъ. При часовнѣ Notre Dame de Bon Secours можно пріобрѣсти индульгенцію на 50 дней; стоитъ только провести ночь на голой землѣ. Бѣдняки нанимаются для исполненія этихъ обрядовъ: они расхаживаютъ въ толпѣ съ криками: «Кому нужно провести ночь около Notre Dame de bon Secours? Кому нужно обойти десять разъ кладбище босыми ногами?» Богачи здѣшніе вступаютъ съ ними въ переговоры, долго торгуются, потомъ, условившись въ цѣнѣ, наблюдаютъ за исполненіемъ найма, и удаляются съ спокойной совѣстью, въ блаженной увѣренности, что сдѣлали угодное Богу. Есть святые, которые исцѣляютъ одну какую-нибудь болѣзнь, другіе, болѣе могущественные, исцѣляютъ всевозможныя страданія и обогащаютъ приходы, состоящіе подъ ихъ покровительствомъ. Есть также и такіе, которые занимаютъ не столь высокую степень въ небесной іерархіи и излѣчиваютъ только лошадей и коровъ; этихъ животныхъ пригоняютъ большими стадами и вводятъ въ церковь, гдѣ они присутствуютъ при богослуженіи и присоединяютъ свое мычаніе къ голосамъ пѣвчихъ.

«Колокольный звонъ оглашаетъ воздухъ, пѣніе церковнослужителей раздается подъ сводами святаго храма и со всѣхъ сторонъ несутъ драгоцѣнныя приношенія на ступени алтаря: мѣшки съ каштанами и рожью, кувшины съ медомъ и пивомъ, новорожденные ягнята, куски холста и проч. Каждый приноситъ, что хочетъ и что можетъ, все принимается; по окончаніи божественной службы церковный староста выноситъ всѣ эти дары на продажу съ аукціона у подножія креста, водруженнаго среди площади передъ церковью. Пріобрѣтеніе этихъ священныхъ вещей тоже составляетъ предметъ соревнованія; богомольцы оспариваютъ ихъ другъ у друга, не слишкомъ однако набивая на нихъ цѣну. Деньги, вырученныя отъ продажи ихъ, назначаются на содержаніе церкви и передаются въ руки приходскаго священника, который расходуетъ ихъ по своему усмотрѣнію.

«По окончаніи религіозныхъ церемоній наступаетъ очередь забавъ, раздаются звуки *bignou*, и молодежь пускается въ пляску. Такъ проходитъ ночь, и многочисленныя толпы съ громкими пѣснями расходятся по своимъ деревнямъ. Одни только нищіе, увѣчные и больные располагаются вокругъ огромной пылающей груды дрока, которая не потухаетъ до утра».

Въ праздникъ отпущенія купцы покупаютъ волосы у молодыхъ дѣвушекъ; но они никогда не уплачиваютъ имъ здѣсь за это деньгами, а даютъ, смотря по величинѣ косы, побольше или поменьше, поплотнѣй или полегче, цвѣтной платокъ. Этотъ обычай установился здѣсь вслѣдствіе того, что бретонка не только не смотритъ на свои волосы какъ на украшеніе, но считаетъ стыдомъ, если мужчина увидитъ, что ея косы падаютъ до земли.

Замѣтимъ кстати, что эти купцы, появляющіеся на праздникъ отпущенія за покупкою волосъ, не удовлетворяются бретонскими и объѣзжаютъ для этого промысла по крайней мѣрѣ четвертую часть французскихъ департаментовъ. Изъ нихъ во Франціи не только приготовляютъ шиньоны, косы, локоны, накладки, парики, но и превосходно дѣлаютъ различныя украшенія для туалета: цѣпочки, медальоны, кольцы, ожерелья, браслеты.

Бретонка, наиболѣе разодѣтая въ праздникъ отпущенія, которая весело посматриваетъ на выставленный товаръ и держитъ въ рукахъ палочку орѣховаго дерева, съ разными вырѣзанными на ней фигурами—невѣста, и эту палочку подарилъ ей и вырѣзалъ для нея ея женихъ. Она рѣдко прохаживается здѣсь со своимъ женихомъ, который угощаетъ ее ягодами, орѣхами и плодами.

Но какъ стали они женихомъ и невѣстой? Когда молодой бретонецъ вздумалъ жениться на той или другой дѣвушкѣ, онъ, какъ и большинство французскихъ крестьянъ, прежде всего обращается къ портному, съ просьбою помочь ему въ сватовствѣ. Портной одѣваетъ на одну ногу синій, на другую красный чулокъ и вмѣстѣ съ женихомъ и его ближайшими родственниками отправляется къ дому означенной дѣвушки. Ея родители прежде всего подаютъ имъ пише, затѣмъ всѣ садятся за общій столъ и угощаютъ гостей всѣмъ, что есть лучшаго въ домѣ. Хозяева знаютъ, зачѣмъ пришли эти люди: и нарядъ портнаго, и приходъ цѣлаго семейства съ молодымъ человѣкомъ не въ урочный часъ,—все даетъ имъ знать о сватовствѣ ихъ дочери и потому они, прежде чѣмъ разговаривать объ этомъ дѣлѣ, показываютъ гостямъ все свое домашнее богатство: открываютъ шкафы, набитые новыми одѣялами, показываютъ домашній скотъ, высыпаютъ монеты, нерѣдко занятыя у сосѣдей для торжественнаго случая, и тогда уже обѣ стороны бьютъ по рукамъ и назначаютъ день свадьбы.

Когда новобрачная выходитъ изъ церкви, ей подносятъ огромную лавровую вѣтку, украшенную плодами и лентами; къ этой вѣткѣ шнуркомъ привязана птичка; молодая обрѣзаетъ шнурокъ и возвращаетъ свободу плѣнницѣ. Возвращать на свадьбѣ свободу птичкѣ съ тѣми или другими обрядами—обыкновеніе, существующее почти во всѣхъ французскихъ деревняхъ.

Послѣ торжественнаго обѣда, остатки котораго, какъ почти и вездѣ, отдаются нищимъ, послѣ пѣсенъ, танцевъ и разныхъ небольшихъ обрядовъ, которые разнятся, смотря по мѣстности, молодые отправляются къ себѣ. На другой день мужъ становится повелителемъ и для жены наступаетъ тяжелая пора труда и семейныхъ заботъ.

Когда у нея родится ребенокъ, всѣ матери въ околодкѣ приходятъ кормить его грудью, такъ какъ по ихъ понятіямъ это принесетъ имъ величайшее

Рашевский

счастіе. Да и вообще здѣсь относятся къ женщинѣ, кормящей грудью своего ребенка, съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ. Каждый, кто встрѣтитъ ее на дорогѣ, съ ребенкомъ на рукахъ, непремѣнно долженъ сказать ей: «Да будетъ надъ тобою благословеніе Божіе!» Иначе, по ихъ понятіямъ, съ ней случится какое-нибудь несчастіе и тогда такого человѣка всѣ станутъ обвинять въ томъ, что онъ ее сглазилъ.

Смерть бретонецъ встрѣчаетъ необыкновенно хладнокровно и это, по всей вѣроятности, происходитъ оттого, что жизнь его была лишь рядомъ лишеній. Вся семья окружаетъ постель больнаго, разговариваетъ громко при немъ о его близкой кончинѣ и безпрестанно подноситъ къ его губамъ пише съ подогрѣтымъ виномъ. «Молись, говоритъ ему то одна, то другая родственница, и поручай Богу душу свою, — ты не долго протянешь....» Вскорѣ приходитъ и священникъ съ надлежащими принадлежностями и безъ всякой осторожности говоритъ больному о близкой кончинѣ, о мукахъ ада, которыя ожидаютъ его, если онъ не раскаялся въ своихъ грѣхахъ и не исповѣдаетъ ихъ.... Трагическій голосъ католическаго священника и страхъ, который онъ внушаетъ бѣдному, неразвитому, больному бретонцу, все это сразу измѣняетъ его равнодушное отношеніе къ смерти и онъ начинаетъ горько плакать, а вмѣстѣ съ нимъ плачутъ и всѣ его домочадцы. Если предсмертные муки продолжительны, посылаютъ въ церковь зажечь предъ алтаремъ свѣчку.... Но вотъ вылетѣлъ послѣдній вздохъ, всѣ присутствующіе разомъ поклонились до земли и затѣмъ начинаютъ убирать покойнаго. Надъ тѣломъ сидятъ день и ночь и плачутъ, но если покойный былъ богатъ, то въ это время болѣе всего ѣдятъ. Домашніе больше всего наблюдаютъ теперь за тѣмъ, чтобы всѣ сосуды, какіе есть въ домѣ, были наполнены водою. Это дѣлается для того, чтобы душа покойнаго, желая омыться, не вздумала, за неимѣніемъ воды, погрузиться въ кринки съ молокомъ; тогда, по здѣшнему повѣрью свернутся тотчасъ сливки, а бережливый до скупости бретонецъ боится всякого ущерба.

По окончаніи погребенія, родственники, друзья покойнаго садятся за похоронный обѣдъ, который, какъ и всѣ многолюдныя бретонскія, собранія оканчивается общею оргіею и пьянствомъ.

ВАНДЕЯ.

Природа. — Вандейскія дороги. — Бокажъ. — Марэ. — Равнина.—Жители этихъ мѣстностей; ихъ жилища и занятія: охота за ехидпами, ловля піявокъ и мануфактурная промышленность. — Пляска нищихъ.—Священники и ихъ отношенія къ народу.

Вы не встрѣтите въ Вандеѣ ни большихъ рѣкъ, ни горъ, тѣмъ не менѣе мѣстность вездѣ волнообразная, изрѣзанная оврагами. Самое характерное растеніе, встрѣчаемое здѣсь всюду, — дрокъ, который растетъ здѣсь самъ собою и достигаетъ необыкновенной вышины. Вандея страна совсѣмъ первобытная. Она мало обработана и небольшіе участки воздѣланной земли чаще всего засѣяны здѣсь гречихой и рожью. Хотя жители нѣкоторыхъ мѣстностей очень бѣдны, но мѣстнаго хлѣба хватаетъ для ихъ продовольствія, за то его уже нисколько не остается для продажи. Да еслибы здѣсь и былъ

излишекъ хлѣба, то мѣстные жители не знали бы, что съ нимъ дѣлать, такъ какъ вывозить его отсюда чрезвычайно трудно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и совсѣмъ невозможно по недостатку путей сообщенія. Большинство проселочныхъ дорогъ представляютъ ничто иное, какъ глубокія ложбины, которыя служатъ естественными канавами для стока воды, а многія даже руслами для источниковъ. По краямъ этихъ ложбинъ растетъ дикій терновникъ, а по его гибкимъ вѣтвямъ до самой верхушки вьется хмѣль и переплетается тамъ съ душистыми цвѣтками каприфолія. Съ обѣихъ сторонъ этихъ канавъ идетъ сплошная масса могучихъ дубовъ и огромныхъ каштановыхъ деревьевъ, стволы которыхъ впрочемъ источены разными насѣкомыми. Но это незамѣтно для поверхностнаго наблюдателя, такъ какъ они густо обвиты зеленымъ плющемъ. По здѣшнимъ дорогамъ едва ли можно увидѣть экипажъ, запряженный хорошими лошадьми; чаще всего вы встрѣтите здѣсь вола, впряженнаго въ телѣгу, который медленно пробирается по колеямъ глинистой почвы. Дорога вѣчно покрыта водою и отъ времени до времени попадаются трущобы, или такая вязкая почва, что легко могла бы втянуть въ себя человѣка или животное, еслибы тамъ и сямъ не набрасывали на нее массу древесныхъ сучьевъ. Въ странѣ этой нѣтъ большихъ городовъ, только изрѣдка попадаются мѣстечки, селенія, да разсѣяны небольшія мызы. Жилища стоятъ совершенно отдѣльно другъ отъ друга, безъ пристроекъ для скота, безъ дворовъ; даже сторожевая собака не оберегаетъ ихъ. Скотъ пасется безъ всякаго надзора въ поляхъ, обнесенныхъ изгородью.

Болѣе чѣмъ половина Вандейскаго департамента занята лѣсами и сплошной массою зелени: такая мѣстность слыветъ здѣсь подъ названіемъ *бокажъ* (лѣса). И дѣйствительно, когда путешественникъ въѣзжаетъ въ эту страну, передъ глазами его разстилается океанъ зелени, за которой онъ не видитъ ни полей, ни человѣческихъ жилищъ. Да и какъ замѣтить маленькія, невзрачныя жилища вандейскихъ крестьянъ среди безбрежнаго океана густой, высокой зелени! Полей ихъ не видать: всѣ онѣ непремѣнно окружены дубами и каштановыми деревьями, обвитыми плющемъ.

За бокажемъ слѣдуютъ марэ (болота). Влажная и низменная почва этой мѣстности состоитъ изъ луговъ, пересѣченныхъ множествомъ небольшихъ рѣчекъ, ручейковъ и соединительныхъ каналовъ, прорытыхъ водою. Тутъ вода занимаетъ столько же мѣста, сколько и суша, и потому здѣсь чаще всего встрѣчается тростникъ, камышъ и грибы. Прежде земля эта была совершенно безплодная, такъ какъ тутъ не было склоновъ для стока воды, а плотная почва мѣшала ей просачиваться въ землю. Но теперь придумали средство помочь этому горю: провели рвы, а земля, которую выбрасывали направо и налѣво, дала возможность устроить насыпные участки такой величины, что ихъ можно обработать заступомъ. Эти участки почти вездѣ одинаковыхъ размѣровъ, съ четырьмя рвами по сторонамъ, а за ними идутъ насыпи. Чтобы земля не осыпалась, насадили различныхъ деревьевъ, корни которыхъ скрѣпили ее. Между лабиринтомъ этихъ насыпей и рвовъ, въ различныхъ направленіяхъ, провели каналы, и тогда земля эта стала кое-что производить.

Марэ самая нездоровая и бѣдная мѣстность въ Вандеѣ. Жители живутъ посреди заразительной и сырой атмосферы и питаются рыбой и дикими водяными птицами: гусями и утками, которыхъ они безъ промаха убиваютъ изъ своихъ длинныхъ карабиновъ. Несмотря однако на окружающую бѣдность и нездоровый воздухъ, внѣшній видъ несчастныхъ хижинъ весьма живописенъ.

Онѣ построены изъ плотно убитой глины и покрыты камышемъ, между которымъ пробивается макъ и дикій чеснокъ. Хижины эти расположены обыкновенно на самой высокой части насыпи и закрыты густою листвою окружающихъ деревьевъ. Такимъ образомъ маленькія жилища, съ зелеными веселыми крышами, на берегу воды, тонутъ въ зелени деревьевъ, листва которыхъ дрожитъ и отражается въ зеркалѣ воды. Но прелестью ландшафта можно обмануться только на одну минуту; когда вамъ удастся разглядѣть поближе эти жилища и внутреннее ихъ убранство, васъ поражаетъ бѣдность и непривлекательность хижинъ. Посреди единственной комнаты воткнуты въ землю два огромныхъ высокихъ бруска, сверху положена толстая перекладина, въ которой вбитъ крючекъ, куда вѣшаютъ котелъ. Подъ нимъ на камняхъ разведенъ огонь и такимъ образомъ грѣются и варятъ кушанье. Дымъ валитъ столбомъ въ единственное отверстіе этого жилища, т. е въ дверь. При этомъ мужчины грѣются у огня, а женщины чистятъ на обѣдъ рыбу или угрей, которыхъ водится очень много въ болотахъ. Нѣсколько брусьевъ служатъ столами вандейцамъ, связки камышей по угламъ замѣняютъ имъ постель, другой мебели здѣсь не увидите. У каждаго семейства есть свой легкій узенькій челнокъ, который можетъ вмѣстить пять, шесть человѣкъ и необходимъ для переѣзда въ этой водяной странѣ. Кормчій, вмѣсто веселъ, управляетъ длиннымъ шестомъ. Когда воды высоко подымаются и грозятъ затопить хижину съ ея обитателями, семья общими усиліями втаскиваетъ челнокъ въ свое жилище, оборачиваетъ его, сидитъ и обѣдаетъ на немъ. Но вотъ вода проникла въ хижину, обитатели переворачиваютъ челнокъ, сбрасываютъ въ него всѣ свои пожитки и запасы и сидятъ въ немъ, пока не убавится воды, а если это продолжается долго, то отправляются въ немъ искать себѣ другаго убѣжища.

За бокажемъ и марэ слѣдуетъ равнина. Посредствомъ многочисленныхъ каналовъ, осушившихъ почву, пространства это обращено въ земли, удобныя для обработыванія; оно защищено отъ напора волнъ плотинами, дамбами и другими искуственными сооруженіями. Въ этой части Вандеи путешественникъ не встрѣтитъ не только ни одного дерева, но даже маленькаго кустарника: передъ нимъ до самаго небосклона стелятся зеленѣющія пастбища, перерѣзанныя широкими и глубокими рвами. Впрочемъ путешественникъ не съумѣетъ осмотрѣть этой мѣстности, такъ какъ ходить здѣсь, какъ ходятъ всѣ люди, рѣшительно невозможно. Мѣстные жители съ ранняго дѣтства пріучаются ходить по своей землѣ на особаго рода ходуляхъ и безъ нихъ не пустятся ни въ одну дорогу. Ходули эти здѣсь называются *пигуль* (pigoulle): они состоятъ изъ длиннаго толстаго шеста съ деревяннымъ кружкомъ на нижней оконечности. Добравшись до ската насыпи, жители погружаютъ этотъ шестъ въ середину рва, гдѣ онъ твердо устанавливается съ помощью кружка, потомъ, опираясь на него, они однимъ прыжкомъ перескакиваютъ на другой берегъ; безъ всякаго страха и съ необыкновенною ловкостью перебираются они такимъ образомъ черезъ каналы, отъ 20 до 24 футовъ шириною.

Свои жилища, которыя они называютъ *cabane* (хижина), они устроиваютъ изъ грязи и прутьевъ. Жилища здѣсь уже плотнѣе стоятъ другъ подлѣ друга и если не окружены деревьями, за то чудная зелень разстилается передъ ними разноцвѣтнымъ ковромъ. Но зелень эта не долговѣчна: палящіе лучи солнца и знойные вѣтры скоро изсушаютъ ее, и тогда эти мѣста представляютъ только безплодную и дикую пустыню. Зимою всѣ низменныя части равнины превращаются въ обширное озеро, усѣянное островками. Въ такое время жители

равнинъ, точно также какъ и жители марэ, проводятъ свою жизнь въ челнокахъ, которые здѣсь очень не велики и обыкновенно могутъ вмѣстить только одного человѣка. И вотъ вы видите вандейца, который плыветъ въ этой утлой ладьѣ, стоя въ ней и стараясь сохранить равновѣсіе, чтобы не полетѣть на дно. Другой лежитъ въ ней какъ въ гробу, а лодка безпрестанно то однимъ, то другимъ краемъ зачерпываетъ воду и окачиваетъ своего хозяина. И такъ несутся эти странные люди по вѣтру, между стаями дикихъ утокъ, посылая имъ выстрѣлы изъ своихъ длинныхъ карабиновъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ занятій жителей бокажа и равнинъ—охота за ехиднами и ловля піявокъ. Нигдѣ нѣтъ такого множества ехиднъ, какъ въ Вандеѣ, и вы тотчасъ отличите охотника за этими ядовитыми пресмыкающимися. Чтобы избѣжать ихъ укушенія, онъ покрывается кожею съ головы до ногъ, оставляя только два отверстія для глазъ. На охоту за ехиднами обыкновенно собирается нѣсколько человѣкъ. Они выбираютъ мѣсто, зажигаютъ на немъ сучья и ставятъ на нихъ мѣдный котелъ съ молокомъ. Запахъ кипящаго молока принимаваетъ ехиднъ. Когда онѣ появляются, охотники хватаютъ ихъ и бросаютъ въ заранѣе приготовленную посудину. Когда молоко вышло, охотникъ кладетъ въ котелъ одну изъ пойманныхъ ехиднъ, и она, страдая отъ жара, испускаетъ пронзительный свистъ. Вотъ тутъ то и начинается настоящая охота: множество ехиднъ со всѣхъ сторонъ бросаются къ этому мѣсту на ея призывъ, а охотники быстро хватаютъ ихъ.

Ловля піявокъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ охота за ехиднами, и производится самымъ первобытнымъ способомъ. Ловцы расхаживаютъ по болоту, съ совершенно обнаженными ногами, къ которымъ присасываются піявки; они отрываютъ ихъ одну за другой и бросаютъ въ сосудъ.

Кромѣ этихъ занятій, доставляемыхъ жителямъ самою природою, въ Вандеѣ существуетъ и мануфактурная промышленность, состоящая въ тканьѣ платковъ и салфетокъ. Но такъ какъ въ этой части Франціи очень мало городовъ, то ткачи разсѣяны по мѣстечкамъ (bourgs). Ткачествомъ занимается здѣсь до 80 тысячъ человѣкъ. Положеніе семействъ ткачей весьма плачевное, особенно съ тѣхъ поръ, какъ съ ними стали конкурировать ткацкія машины. Плата за ихъ работу самая ничтожная, и жена ткача, работая цѣлый день за прялкою, все-таки часто не можетъ вмѣстѣ съ мужемъ прокормить свою семью и, чтобы чѣмъ нибудь ее поддержать, нерѣдко одѣваетъ нищенскую суму. Бѣдность вандейскаго ткача и его семейства, его несчастная семейная обстановка,—все это вызвало къ нему презрѣніе неразвитаго вандейскаго крестьянина. Дочь крестьянина ни за что не выйдетъ замужъ за жителя бурга; ея родители часто съ удовольствіемъ помогаютъ семейству ткача, но войти съ нимъ въ дружбу, относиться къ нему какъ къ брату,—это для нихъ унизительно, такъ какъ они давно привыкли считать ткача существомъ гораздо болѣе низкимъ, чѣмъ они сами. Эти два класса—крестьяне и ткачи—рѣзко отличаются другъ отъ друга не только своимъ образомъ жизни, но и своею наружностью. Крестьяне—широкоплечіе, смуглые, здоровые люди; жители бурга съ желтымъ морщинистымъ лицемъ и непремѣнно со впалою грудью.

Вѣроятно, вслѣдствіе постоянной бѣдности жителей бурга и презрѣнія къ нимъ крестьянъ и явился въ Вандеѣ странный обычай. Когда кто нибудь справляетъ свадьбу, то въ послѣдній день торжества большинство развеселившихся гостей надѣваетъ шутовскіе костюмы, парики изъ нитокъ, маски, но больше всего распространено обыкновеніе одѣваться въ рубище. Переодѣтые

такимъ образомъ, они начинаютъ плясать, выдѣлывая па и жесты, которые болѣе всего напоминаютъ нищихъ, и потому пляску эту и называютъ пляскою нищихъ. Но всего отвратительнѣе при этомъ, что на пляшущихъ обыкновенно смотритъ огромная толпа настоящихъ нищихъ изъ бурга. Передъ глазами этихъ людей, которые готовы работать съ утра до поздней ночи, которые бѣдствуютъ вслѣдствіе низкаго заработка, — передъ ихъ глазами нагло осмѣиваютъ ихъ нищету! Послѣ бѣшеной пляски нищихъ гости усаживаются за сытный обѣдъ, а бѣдные нищіе ткачи цѣлою толпою стоятъ у дверей. Когда гости встаютъ изъ за стола, то бросаютъ въ ихъ сумы объѣдки обѣда.

Женщины и дѣти въ этой странѣ меньше заняты. Большинствомъ промысловъ, охотою за ехиднами и за птицами, ловлею піявокъ и рыбы,—занимаются мужчины; женщины и дѣти имѣютъ болѣе свободнаго времени и потому усерднѣе, чѣмъ во многихъ другихъ департаментахъ, посѣщаютъ мѣстныя школы. Но здѣсь образованіе находится въ рукахъ религіознымъ братствъ, и хотя тутъ и болѣе грамотныхъ, чѣмъ въ Бретани, но народъ крайне неразвитъ.

Священники взяли народъ въ руки, самовластно распоряжаются имъ и помыкаютъ иной разъ, какъ своими подданными. Народъ на столько неразвитъ, что не умѣетъ дать имъ никакаго отпора и подчиняется имъ совершенно добровольно. У священника есть реестръ, гдѣ у него переписана его паства, прежде всего для того, чтобы каждаго члена облагать извѣстнаго рода барщиною. Одинъ день онъ зоветъ къ себѣ на работу одного, другой день другаго, и приказываетъ поправить крышу, перевезти дрова, поѣхать за съѣстными припасами. Многіе священники здѣсь дошли до такой безцеремонности, что послѣ службы громогласно объявляютъ въ церкви, что такой то крестьянинъ долженъ завтра явиться къ нему на работу съ быкомъ и телѣгою... Всѣ эти приказанія выполняются крестьянами безпрекословно. Эти злоупотребленія, которыя мы встрѣчаемъ и во многихъ другихъ мѣсностяхъ Франціи, всѣмъ извѣстны и мэры должны были бы объяснять крестьянамъ, что они нисколько не обязаны выполнять для священника какія либо работы, такъ какъ онъ получаетъ отъ правительства особое жалованье. Но власти никогда не рѣшатся сдѣлать какую нибудь непріятность священникамъ. Священникъ имѣетъ огромное вліяніе на народъ, а слѣдовательно и на выборы, поэтому какъ мэръ, такъ и высшія власти боятся раздражить духовенство и угождаютъ ему.

ДЕПАРТАМЕНТЪ МЭНЫ И ЛУАРЫ (*).

Роскошная природа этой мѣстности. — Жадность здѣшнихъ крестьянъ къ пріобрѣтенію земли.— Луара: польза и вредъ, которые она приноситъ жителямъ.

Департаментъ Мэны и Луары совершенно не похожъ на Вандею: общій видъ страны, люди, ихъ нравы и обычаи, производительность земли, — все тутъ совсѣмъ другое. Лѣса, кустарники, нѣжныя плодовыя деревья зеленѣютъ и здѣсь, но они не лишаютъ земли, какъ въ бокажѣ, солнечныхъ лучей, и вы

(*) Онъ заключаетъ въ себѣ: Анжеръ, Боже, Вопрео, Сомюръ, Сегре.

опять встрѣчаетесь здѣсь съ виноградниками, изъ которыхъ выдѣлываютъ прекрасныя вина. Почва здѣсь до такой степени богата и разнообразна, что департаментъ Мэны и Луары, за исключеніемъ небольшихъ мѣстностей, и земледѣльческій, и промышленный, и мануфактурный въ одно и то же время, составляетъ одну изъ богатыхъ областей Франціи. Благодаря этому, здѣшній житель можетъ продавать предметы самые разнообразные; у него всегда есть излишекъ отъ хозяйства, который онъ и сбываетъ: вино, водку, уксусъ, зерновой хлѣбъ всѣхъ родовъ, клеверъ, ленъ, откормленный скотъ. Страна эта славится и минеральными богатствами, которыя вывозятъ въ другія мѣстности: желѣзо, каменный уголь, мраморъ, цементъ, известь, кирпичъ, черепицу, горшечную глину и проч. Шиферныя ломки Анжера славятся не только во Франціи, но и за границей. Лѣсъ и всевозможныя плодовыя деревья растутъ превосходно: вы можете пользоваться здѣсь прекрасными плодами и встрѣтите даже тутовое дерево, которое даетъ возможность разводить шелковичныхъ червей. Къ тому же здѣшнее садоводство доведено до совершенства: камеліи, магноліи, даже чайное дерево цвѣтутъ роскошно. Огородничество даетъ возможность мѣстнымъ жителямъ не только пользоваться прекрасными овощами, но и сбывать ихъ на рынкѣ. Тутъ очень мало большихъ фермъ, такъ какъ помѣстья дробятся все болѣе и болѣе. Мы уже говорили, что, вслѣдствіе мелкаго дробленія земли, французскій крестьянинъ одержимъ страстью къ пріобрѣтенію все новыхъ участковъ. Здѣсь эта страсть доведена до высшей степени, такъ какъ земли Луары необыкновенно плодородны. И вотъ крестьяне и крестьянки, оставивъ своихъ малютокъ въ продолженіи цѣлаго дня на попеченіе ребенка нѣсколько постарше, отправляются на работу, буквально съ пѣніемъ пѣтуховъ. Одежда здѣшнихъ крестьянъ, ихъ пища, – все отличается необыкновенной простотой и умѣренностью: деньги берегутъ, чтобы прикупить новый клочекъ земли и такимъ образомъ расширить свое владѣніе. Блузы и камзолъ составляютъ единственную одежду мужчинъ. Въ нихъ они сидятъ въ кругу своего семейства, въ нихъ вы встрѣтите ихъ на рынкѣ, когда они сбываютъ остатки домашняго сбереженія.

«Ничто не можетъ сравниться съ плодородіемъ земель въ долинѣ Луары, онѣ никогда не отдыхаютъ и ежегодно даютъ троекратную жатву. Воздѣлываютъ ихъ слѣдующимъ образомъ. Сажаютъ аллеями сливы и между ними разводятъ виноградныя лозы, которыя воздымаютъ свои могучіе побѣги до вершины деревьевъ, служащихъ имъ опорою. Свободное пространство между этими рядами сливъ и виноградныхъ лозъ занято хлѣбными растеніями и бобами, которыя сѣются попеременно, такъ что земля никогда не остается въ покоѣ. Когда путешественникъ проѣзжаетъ здѣсь въ апрѣлѣ, то видитъ передъ собою почти сплошную массу деревьевъ, покрытыхъ цвѣтами, а землю усыпанную лепестками ихъ, какъ благоухающимъ снѣгомъ. Осенью, когда съ деревьевъ уже сняты плоды и на вѣтвяхъ ихъ зрѣютъ виноградныя кисти, всѣ жители, мужчины и женщины, карабкаются на деревья для сбора винограда и съ вершины своихъ длинныхъ лѣстницъ перебрасываются пѣснями и шутками, приправленными крупной солью. Въ этихъ-то роскошныхъ долинахъ Луары созрѣваютъ сливы, главное складочное мѣсто которыхъ составляетъ Туръ и которыя извѣстны далеко за предѣлами своей родины подъ названіемъ французскаго чернослива.»

Какъ неизмѣримы блага, которыми осыпаетъ Луара жителей своихъ береговъ, такъ часты и велики бѣдствія, которыя причиняетъ имъ эта причудливая

рѣка. Часто видишь, какъ тамъ и сямъ Луара струится тонкою полосою воды, почти теряясь среди обширныхъ песковъ, а иногда неожиданно поражаетъ она селенія, пріютившіяся на ея берегахъ, страшными разливами своихъ водъ. «Въ 1843 году», говоритъ одинъ писатель, «въ Сомюрѣ (одинъ изъ округовъ этого департамента), гдѣ мнѣ случилось быть въ это время, я легъ спать, какъ мнѣ казалось, въ городѣ, построенномъ на твердой землѣ; на другой день утромъ я проснулся на островѣ и въ нижнемъ этажѣ каждаго дома было на два метра воды». Въ 1856 году наводненіе было гораздо ужаснѣе. Въ маѣ этого года вдругъ сталъ идти сильный и почти непрерывный дождь, вслѣдствіе этого уровень воды поднялся до необыкновенной высоты, и большая часть рѣчныхъ бассейновъ Франціи подверглись затопленію. Плотину Луары прорвало во многихъ мѣстахъ и всѣ ея долины лежали подъ водою впродолженіи двухъ недѣль. Этимъ наводненіемъ было затоплено до милліона акровъ земли и въ томъ числѣ многія селенія и города; ущербъ, причиненный имъ, почти неисчислимъ.

ДЕПАРТАМЕНТЫ МАЙЕННЫ (*) И САРТЫ (**).

Нравы жителей и ихъ занятія. Праздникъ снопа.

Крестьяне этихъ мѣстностей живутъ въ домахъ, окруженныхъ высокою изгородью, и дома эти никогда не группируются вмѣстѣ, а стоятъ совершенно отдѣльно. Каждое семейство со своими стадами живетъ уединенно. Да зачѣмъ имъ и уходить далеко? Ихъ поля даютъ имъ хлѣбъ, огороды — овощи, яблони — сидръ (яблочный квасъ); жена выкармливаетъ коровъ, свиней, куръ, такъ что въ домѣ полное хозяйство. Дочери прядутъ шерсть, ленъ и пеньку и приготовляютъ всю одежду.

Эта уединенная жизнь заставляетъ крестьянина съ пренебреженіемъ относиться ко всѣмъ нововведеніямъ. Онъ грубо обращается со своей женой и даетъ ей, при всякомъ случаѣ, чувствовать свое первенство. Въ его присутствіи она никогда не позволитъ себѣ приказать что нибудь работникамъ, даже собственнымъ сыновьямъ; всѣ женщины въ семействѣ никогда не сидятъ за однимъ столомъ съ мужчинами; онѣ всегда поодаль, въ углу, и безпрестанно встаютъ съ своихъ мѣстъ, чтобы услужить своимъ повелителямъ.

Не смотря однако на суровые нравы и дикость, земледѣліе въ этой мѣстности гораздо болѣе развито, чѣмъ въ Вандеѣ; дороги порядочныя; это облегчаетъ сбытъ продуктовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшаетъ и положеніе народа. Песчаныя ланды тутъ болѣе обработаны: на нихъ разведены сосновыя плантаціи, съ которыхъ добываютъ много смолы; озера осушены; хлѣбныя растенія и виноградники даютъ весьма порядочный урожай. Жители приготовляютъ здѣсь много сидру и грушевки, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти напитки совершенно замѣняютъ вино. Много изъ этихъ департаментовъ вывозятъ въ Парижъ орѣховъ, каштановъ, сушеныхъ плодовъ, дичи и болѣе всего домаш-

(*) Департаментъ Майенны заключаетъ въ себѣ: Лаваль, Майеннъ, Шато-Гонтьѣ.
(**) Департаментъ Сарты: Лемансъ, Ла-Флешъ, Сенъ-Кале

ней птицы. Главное занятіе здѣшнихъ женщинъ состоитъ въ уходѣ за домашними птицами, которыми такъ славятся эти мѣстности. Пухъ здѣшнихъ гусей не уступаетъ драгоцѣнному пуху сѣверныхъ гагъ, каплуны и пулярки извѣстны всякому гастроному. Когда цыплята подростаютъ, то ихъ обыкновенно заставляютъ биться другъ съ другомъ, чтобы рѣшить кого изъ нихъ откармливать на убой, кого оставить на свободѣ. Побѣжденные обращаются въ каплуновъ и ихъ начинаютъ особенно откармливать. Чтобы не истощать куръ уходомъ за цыплятами, обыкновенно заставляютъ каплуновъ ихъ воспитывать. Для этого хозяйка выщипываетъ каплуну брюхо, натираетъ ощипанное мѣсто крапивою, обкармливаетъ птицу до пьяна хлѣбомъ, обмоченнымъ въ винѣ, и сажаетъ её въ клѣтку вмѣстѣ съ цыплятами. Цыплята подползаютъ къ каплуну подъ брюхо, треніе ихъ облегчаетъ ему боль отъ ранъ, причиненныхъ крапивою, и эта невинная услуга цыплятъ во время страданія заставляетъ его полюбить ихъ. Послѣ этого онъ уже начинаетъ всюду ходить съ ними и обнаруживать къ нимъ нѣжнѣйшую привязанность.

Любопытенъ праздникъ «снопа», который, кстати замѣтимъ, празднуется не только здѣсь, но сильно распространенъ и во многихъ другихъ департаментахъ Франціи.

Когда молотьба приближается къ концу, «малотильщики ставятъ въ одномъ изъ угловъ риги снопъ, украшенный лентами и цвѣтами, и привязываютъ его накрѣпко, но такъ, чтобъ это было незамѣтно, къ столбику,' вбитому въ землю. Остальные снопы уже настланы на току. Тогда всѣ жнецы и молотильщики собираются вмѣстѣ и въ торжественной процессіи идутъ къ владѣльцамъ фермы или, за отсутствіемъ ихъ, къ фермеру и женѣ его, и просятъ, чтобы они пособили имъ настилать послѣдній снопъ, который сами молотильщики не въ силахъ поднять съ земли безъ ихъ помощи. Отдавъ приказаніе сходить въ погребъ за виномъ, для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ, владѣльцы отправляются въ ригу, и, послѣ многихъ усилій и обильнаго возліянія, веревки разрываютъ, снопъ поднимаютъ съ земли и веселая толпа, выстроившись рядами, начинаетъ тріумфальное шествіе на токъ, распѣвая пѣсни...

«Шествіе открываютъ два человѣка, вооруженные метлами, которыми, подъ предлогомъ метенія дороги, поднимаютъ тучи пыли, затѣмъ слѣдуетъ снопъ, который несутъ владѣльцы, и за ними идутъ дѣти ихъ съ пучками колосьевъ въ рукахъ. Если на праздникѣ случится присутствовать посторонним, то молодыя дѣвушки сначала подносятъ имъ на оловянномъ блюдѣ, наполненномъ пшеницей, букетъ полевыхъ цвѣтовъ, потомъ сажаютъ ихъ на носилки, обвитыя гирляндами, и волею-неволею несутъ ихъ въ тріумфѣ. Самый искусный вѣяльщикъ идетъ за ними съ своимъ вѣяломъ, наполненнымъ зернами, которыя онъ взбрасываетъ на воздухъ, выказывая всю свою ловкость, а толпа молотильщиковъ, вооруженная цѣпами, бьетъ тактъ по землѣ и замыкаетъ шествіе.

«По приближеніи къ току, процессія обходитъ его съ тою же торжественностью, снопъ развязываютъ, распускаютъ и при этомъ стрѣляютъ изъ ружей, что дѣлается непремѣнно на всѣхъ деревенскихъ праздникахъ. Тогда приносятъ на столѣ, покрытомъ чистою скатертью, хлѣбъ изъ лучшей пшеничной муки, комокъ масла и бутылки съ виномъ, чтобы каждый ѣлъ и пилъ, сколько кому угодно. Послѣ этого молотьба оканчивается посреди пѣсенъ и радостныхъ восклицаній. Вечеромъ, за ужиномъ, непремѣнно подается творогъ. Наканунѣ еще молодые молотильщики ходили въ сосѣднюю ферму, чтобы привязать бу-

В. Васнецовъ
Пантелеевъ

кетъ къ скамейкѣ, на которую садится молодая дѣвушка доить корову: это означаетъ, что дѣвушку приглашаютъ принести творогу на праздникъ. Когда начинаютъ подавать молочное кушанье, пятеро юношей и столько же молоденькихъ дѣвушекъ встаютъ съ мѣста и, вычистивши сначала щеткою каждаго изъ гостей, подаютъ ему букетъ; потомъ молодицы заставляютъ каждаго мужчину проглотить по ложкѣ простокваши; счастливъ тотъ, кому дѣвушка, какъ будто по неловкости, перемараетъ носъ и лицо: эта неловкость означаетъ любезность и дружбу. Хохотъ и шутки сопровождаютъ церемонію

«Ужинъ оканчивается пѣсней жнецовъ:

«Никогда не забываю
О подругѣ я моей,
Посреди трудовъ, заботы
Все я думаю о ней.
Дружно, братцы, ну-ка, ну!
Обмолачивай копну!
Днемъ ждетъ моихъ подруга
Съ вольнымъ вѣтромъ-вѣтеркомъ,
А ко мнѣ пересылаетъ
Съ голосистымъ соловьемъ.
Дружно, братцы, ну-ка, ну!
Обмолачивай копну!
Несчася, мы читаемъ
Въ этой грамотѣ листы.
Въ нихъ написано немного:
«Я люблю, люби-жъ и ты!»
Дружно, братцы, ну-ка, ну!
Обмолачивай копну!
Скоро свадьбы день веселый,
Полно, милая, тужить!
Надо въ будни поработать,
Чтобъ все нужное нажить!
Дружно, братцы, ну-ка, ну!
Обмолачивай копну!»

НОРМАНДІЯ.

Природа страны.— Обиліе плодовыхъ деревьевъ.—Прекрасное состояніе фермъ и ихъ чудный наружный видъ.—Обстановка жилища. — Яблони и сидръ. — Богатыя пастбища и разнообразное сельское хозяйство.—Откармливаніе тощихъ быковъ.—Перемежающіеся источники.—Земледѣліе.— Торговля и промышленность.—Кормилицы.—Нормандскій крестьянинъ: его характеръ, понятія и вѣрованія.—Одежда.

Нормандія самый счастливый и богатый уголокъ Франціи. Вся страна покрыта такимъ множествомъ разнообразныхъ деревьевъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она представляется сплошнымъ лѣсомъ. Между фермами тянутся поля, которыя окружены рвомъ съ отлогою насыпью, всегда густо обсаженною лѣсными и плодовыми деревьями. Но жители стараются столько разводить плодовыхъ деревьевъ, что они все болѣе и болѣе вытѣсняютъ лѣсныя. Каждое селеніе скорѣе походитъ на рощу, чѣмъ на собраніе жилищъ, — такими вы-

сокими и густыми деревьями окружены онѣ. Еслибъ не колокольни, которыя возвышаются надъ деревьями, то путешественникъ и не подумалъ бы, что тутъ скрывается цѣлая деревня.

Посреди зелени и цвѣтовъ, васъ болѣе всего поражаютъ въ Нормандіи необыкновенное множество замѣчательно красивыхъ церквей, аббатствъ, замковъ, которые уцѣлѣли отъ среднихъ вѣковъ. Но откуда здѣсь такое множество средневѣковыхъ памятниковъ? Когда дворянство стало стремиться на востокъ, увлекаемое крестовыми походами, оставшіеся дома не хотѣли уступать въ религіозномъ рвеніи тѣмъ, которые отправились на завоеваніе гроба Господня. Вотъ и начали возводить гигантскіе памятники и церкви, которыя остались до нашего времени. Самые знатные по своему рожденію, по богатству и по положенію въ обществѣ, принимали на себя самыя тяжкія работы при постройкахъ: многіе изъ нихъ сами перевозили громадные камни, бревна, известь и даже съѣстные припасы для рабочихъ. Ни тяжелая работа, ни зимняя стужа, ни затрудненія, сопряженныя съ доставкою матеріаловъ, въ то время, когда во Франціи дорогъ нигдѣ не было, ничто не могло ослабить ревность строителей, до экстаза одушевленныхъ религіозною идеею.

Не смотря на то, что Нормандія въ близкомъ сосѣдствѣ съ Парижемъ, вы найдете здѣсь во всемъ много оригинальнаго: въ лицахъ, въ костюмахъ, въ жизни поселянъ, фермеровъ, даже помѣщиковъ. Внѣшній видъ Нормандіи напоминаетъ изящную и привлекательную сельскую жизнь въ Англіи. Прекрасныя усадьбы помѣщиковъ, разсѣянныя между фермами и сельскими домами, показываютъ съ перваго взгляда, что владѣльцы дорожатъ ими и не покидаютъ ихъ для суетной жизни столицы. Живыя изгороди, густыя и хорошо обстриженныя, тщательно содержимыя сточныя канавы, прочныя ворота, древесныя плантаціи въ видѣ аллей или рощей, выровненные луга, рѣдко встрѣчающіяся пустоши, здоровыя домашнія животныя, — все говоритъ здѣсь о благосостояніи. Правда тутъ нѣтъ особенно восхитительныхъ мѣстностей и необыкновенныхъ ландшафтовъ; тѣмъ не менѣе множество долинъ, склоняющихся къ морю, довольно живописны.

Здѣшнія фермы тоже имѣютъ гораздо лучшій видъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Рѣдко случается, чтобы домъ фермера примыкалъ къ деревнѣ; по обыкновенію, онъ стоитъ совершенно отдѣльно, посреди широкаго двора, обсаженнаго дубами, ясенями, кленами, вязами, буками. Эти деревья нѣсколько защищаютъ отъ осеннихъ вѣтровъ плантаціи яблоней, которыя нормандецъ охраняетъ не только съ любовью, но даже съ какимъ-то почтеніемъ, напоминающимъ поклоненіе священнымъ дубамъ у друидовъ. Внутреннее устройство жилища мало соотвѣтствуетъ его живописной наружности. Дворъ нерѣдко бываетъ выше уровня самаго дома; двери завалены кучами навоза, съ котораго стекаютъ во всѣ стороны грязныя лужи. Комнаты освѣщаются плохимъ маленькимъ окномъ, полъ обыкновенно совершенно сырой.

Такъ же плохо устроены и помѣщенія для скота. Однако, благодаря роскошной природѣ и богатой почвѣ, край этотъ положительно процвѣтаетъ. Нигдѣ нѣтъ во Франціи такихъ большихъ селеній, какъ здѣсь, нигдѣ не встрѣтите вы такого зажиточнаго населенія. Во многихъ нормандскихъ обитаніяхъ вы не найдете ни одного нищаго, чѣмъ страна эта рѣзко отличается отъ другихъ областей Франціи. Не даромъ нормандскій крестьянинъ съ гордостью говоритъ рабочему, пришедшему сюда на заработки изъ другой провинціи.

«Вы будете ѣсть такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ ѣдятъ сеньоры: у насъ народъ никогда не голодаетъ.»

Богатство Нормандіи зависитъ и отъ ея счастливаго мѣстоположенія, и отъ благопріятнаго климата, и отъ возможности всегда легко и скоро сбыть произведенія своей страны и своего труда. Вдоль Атлантическаго океана, отъ Діеппа до Авранша, на цѣлой сотнѣ льё, тянется морской берегъ, на которомъ находятся нѣсколько торговыхъ портовъ. Сена протекаетъ по странѣ; кромѣ того ее орошаютъ и другія, большею частію судоходныя рѣки. Почва здѣсь чрезвычайно плодородная: океанъ выбрасываетъ на берега множество водорослей, которые употребляютъ на удобреніе. Только въ департаментахъ Эры и Орны проходятъ небольшія гряды горъ съ безплодными вершинами. Климатъ влажный и теплый, что особенно хорошо вліяетъ на луговую растительность. Много содѣйствуетъ благосостоянію страны и рыбная ловля, которая даетъ здѣсь вездѣ огромный уловъ. Но, уже съ незапамятныхъ временъ, сосѣдство со столицею составляетъ здѣсь главныя источникъ богатства. Парижъ потребляетъ произведенія нормандскихъ мануфактуръ, рыбу, откормленныхъ быковъ, масло, домашнихъ птицъ.

Самая важная отрасль здѣшняго сельскаго хозяйства — приготовленіе сидра; его выдѣлываютъ ежегодно не менѣе какъ на 50 милліоновъ франковъ. Вмѣсто искривленныхъ и подпертыхъ тычинками виноградниковъ, требующихъ тяжкой и продолжительной работы и самаго тщательнаго ухода за ними, вы всюду встрѣчаете здѣсь яблоню; она гордо подымаетъ свою изящную, округленную вершину и за самый ничтожный уходъ со стороны селянина щедро награждаетъ его во всѣ времена года; весной она даетъ чудные цвѣты, которые не только украшаютъ собою окрестную мѣстность, но идутъ и въ продажу; лѣтомъ и осенью она даетъ прекрасные плоды; зимою самый небогатый здѣшній житель пользуется сидромъ, сколько можетъ принять его душа.

Отличительный характеръ Нормандіи — ея тучныя пастбища, сочныя травы, которыя даютъ возможность разводить множество лошадей, откармливать великолѣпныхъ быковъ и, что всего важнѣе, содержать множество коровъ, которыя доставляютъ Франціи самое лучшее масло и самый вкусный сыръ. Народъ никогда не коситъ густой травы пастбищъ, предоставляя ихъ въ полное распоряженіе коровъ и быковъ. Вслѣдствіе этого тутъ происходитъ оригинальное явленіе въ хозяйствѣ. Въ самое суровое время зимою, когда во всѣхъ странахъ добываютъ такъ мало масла и оно становится хуже качествомъ, въ Нормандіи его получаютъ лучшаго качества и въ громадномъ количествѣ.

Все хозяйство ведется здѣсь совершенно особымъ образомъ: дойныя коровы никогда не загоняются въ хлѣвъ, какъ бы ни была сильна стужа, такъ какъ въ стойлѣ, говорятъ нормандцы, онѣ не могутъ дать такого вкуснаго молока, какъ на свободѣ. Поэтому женщины, по нѣсколько разъ въ день, относятъ на пастбище сухой кормъ, замѣняющій имъ траву, покрытую снѣгомъ. Эти пастбища иногда находятся очень далеко отъ дому, но женщины чрезвычайно аккуратно являются къ коровамъ, не давая имъ ни минуты ждать пойла и пищи. Точно также въ извѣстные часы доятъ онѣ коровъ и содержатъ ихъ въ необыкновенной чистотѣ. Въ здѣшнихъ молочняхъ вы встрѣтите замѣчательную опрятность: полъ моется часто; чашки, съ широкими отверстіями, куда слито молоко, разставлены по полкамъ въ необыкновенномъ порядкѣ и блещутъ чистотой. По нормандскимъ деревнямъ постоянно разъѣз-

жаютъ торговцы и закупаютъ въ огромномъ количествѣ масло, которое они отправляютъ въ Парижъ.

Говоря о сельскомъ богатствѣ Нормандіи, нельзя не упомянуть о ея отличныхъ овцахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ овецъ «соленаго луга», которыя пасутся на пастбищахъ, смежныхъ съ морскимъ берегомъ. Громадныя стада свиней свободно разгуливаютъ подъ яблонями и много помогаютъ имъ своимъ удобреніемъ, а также и истребленіемъ множества насѣкомыхъ и вредныхъ животныхъ.

Нормандцы занимаются также откармливаніемъ коровъ и быковъ. Они скупаютъ въ Бретани и въ другихъ несчастныхъ мѣстностяхъ, за безцѣнокъ, тощій рогатый скотъ, и въ полгода откармливаютъ его на своихъ пастбищахъ такъ, что продаютъ его въ четыре раза дороже. Кромѣ 500 тысячъ коровъ и до милліона овецъ, которые бродятъ по богатымъ нормандскимъ лугамъ, покрывающимъ не менѣе шестой части этой благословенной страны, — тутъ процвѣтаютъ и другія отрасли сельскаго хозяйства.

Промыслы и занятія жителей, дающіе въ другихъ странахъ лишь незначительную поддержку, тутъ являются настоящими золотыми рудниками: одно разведеніе домашней птицы доставляетъ громадныя выгоды. Сѣверо-западные берега Нормандіи отправляютъ въ Англію однѣхъ яицъ на сумму отъ 7 до 8 милліоновъ, да еще на такую же сумму въ Парижъ; домашней птицы на сумму отъ 10 до 12 милліоновъ, не смотря на то, что мѣстные жители сами употребляютъ все это въ пищу безъ всякаго стѣсненія.

Вслѣдствіе такого богатства страны, множество мужчинъ и женщинъ изъ Бретани, съ косами и серпами, являются въ Нормандію искать себѣ работы. Эти кочующіе работники нанимаются здѣсь или помѣсячно, или поденно и тогда уже имъ приходится проводить ночь подъ открытымъ небомъ; тѣмъ не менѣе они возвращаются домой всегда поздоровѣвшими и въ одно такое путешествіе успѣваютъ болѣе наполнить карманы, чѣмъ дома во всю свою жизнь.

Въ Нормандіи, особенно въ департаментѣ Кальвадоса, существуетъ оригинальное явленіе природы, — перемѣжающіеся источники. Иногда вдругъ появляется источникъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Вода начинаетъ просачиваться въ домахъ, является въ овинахъ, течетъ по дорогамъ, земля, слегка поднятая, брыжжетъ влагою, которая, вытекая на поверхность, наполняетъ рвы, каналы и резервуары, недостаточные, не смотря на свои высокіе края, для вмѣщенія всей ея массы. Когда источникъ начинаетъ пробиваться, жители схватываютъ свои пожитки и домашній скотъ, который могъ бы утонуть отъ слишкомъ быстраго наводненія, и убѣгаютъ изъ этой мѣстности, оставляя свои жилища. Источникъ струится въ продолженіи пяти, шести мѣсяцевъ и затѣмъ вдругъ останавливается, пропадаетъ и въ теченіи шести, семи лѣтъ не показываетъ и признака жизни. Иногда онъ существуетъ дольше и пропадаетъ на менѣе короткій срокъ. Эти источники, появляющіеся и исчезающіе такъ внезапно, поддерживаютъ постоянную влажность земли и вслѣдствіе этого имѣютъ огромное вліяніе на быстрый ростъ хлѣбовъ; но хлѣбныя растенія, поднимаясь изъ земли въ это время съ необыкновенною силою, истощаются отъ излишней сырости; зерно, вслѣдствіе быстраго роста ствола, лишается своихъ питательныхъ соковъ. Годы появленія перемежающихся источниковъ считаются нормандцами самыми бѣдственными,

тѣмъ болѣе, что противъ этого неслыханнаго бича полей до сихъ поръ безсильны были всѣ средства.

Земледѣліе съ нѣкотораго времени тоже дѣлаетъ огромные успѣхи въ нижней Нормандіи, смежной съ Бретанью и департаментомъ Майенны. Прежде на этой землѣ только сѣяли рожь, ячмень, овесъ и гречу; послѣ трехъ жатвъ землю оставляли на 5 лѣтъ безъ обработки подъ паромъ. Но такой продолжительный отдыхъ вредилъ землѣ; дурныя травы всякаго рода истощали поле гораздо больше, чѣмъ хлѣбныя растенія. Крестьяне это поняли и теперь паровыя поля совсѣмъ почти исчезли. Теперь тутъ много сѣютъ пшеницы и полевой рѣпы. Крестьяне долго не хотѣли сѣять у себя рѣпы, полагая, что она портитъ землю, и починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ богатымъ землевладѣльцамъ. Однако народъ скоро замѣтилъ, что посѣвъ рѣпы нисколько не уменьшаетъ силу растительности. Напротивъ того, послѣ рѣпы и родится именно самая лучшая пшеница, лучше даже, чѣмъ на унавоженной землѣ. Поэтому теперь и стали много сѣять рѣпы.

Нормандія считается также одною изъ самыхъ торговыхъ и промышленныхъ областей Франціи. Половина населенія занята здѣсь мануфактурной промышленностью, что представляетъ новый источникъ благосостоянія для сельскаго населенія. Тутъ вы найдете и кружевное производство, которое, впрочемъ, теперь сильно уменьшилось, а прежде, особенно въ XVII-мъ вѣкѣ, когда кружевами украшались не только женщины, но и мужчины, эта промышленность была въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Но еще и въ 1812 году фабрикаціею алансонскихъ кружевъ было занято множество рукъ и производство это было въ такомъ ходу, что во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили кружевницы, устроивали разъ въ годъ большое торжество, которое продолжалось цѣлую недѣлю и гдѣ эти работницы играли главную роль. Въ этихъ празднествахъ принималъ участіе весь народъ и смотрѣть на нихъ съѣзжалась вся знать. Украшенныя вѣнками изъ розъ, между которыми были привѣшаны коклюшки— знакъ ихъ ремесла, кружевницы расхаживали толпами по улицамъ, составляли группы, пѣли, плясали и веселились. Хотя эта промышленность теперь уже не такъ процвѣтаетъ, но и до сихъ поръ не совсѣмъ утратила свое значеніе.

Руанъ, древняя столица верхней Нормандіи, и многіе другіе города служатъ центрами прядильнаго и красильнаго производства, фабрикаціи бумаги и шерсти, изъ которыхъ здѣсь выдѣлываютъ разныя ткани.

У жительницъ Нормандіи еще и теперь есть совершенно особаго рода занятіе, которымъ онѣ отличаются между всѣми француженками,—множество изъ нихъ принимаютъ на себя обязанность кормилицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ берутъ къ себѣ дѣтей изъ воспитательнаго дома, другія отъ частныхъ лицъ, нѣкоторыя же сами поступаютъ въ дома для кормленія дѣтей грудью. Мы уже говорили, что французскій ребенокъ мало пользуется семейнымъ вліяніемъ въ первые годы своего воспитанія. Не только французскія служанки, но даже и довольно зажиточныя женщины средняго круга не держатъ дѣтей при себѣ и послѣ первыхъ дней рожденія, за извѣстную плату, отправляютъ ихъ въ провинцію и чаще всего въ Нормандію, какъ ближайшую къ Парижу мѣстность. Ясно, что это дѣлается болѣе всего парижскими жительницами, такъ какъ жена землевладѣльца, даже средней руки, беретъ къ себѣ на домъ кормилицу, а не удаляетъ ребенка изъ родительскаго дома. Трудно представить себѣ, сколькимъ опасностямъ подвержены малютки, порученныя кормилицамъ. Эти женщины смотрятъ на ребенка, какъ на прибыльную статью до-

хода, и потому очень многое дѣлается ими только для вида, только на случай посѣщенія родителей или ихъ родственниковъ. Часто теплое одѣяло и хорошая одежда переходитъ къ собственнымъ дѣтямъ, даже грудь дается чаще своему, чѣмъ молочному сыну, который валяется въ лохмотьяхъ и голодный. Кормилицы, являясь къ родителямъ за ребенкомъ, обыкновенно увѣряютъ ихъ, что онѣ отняли отъ груди своего ребенка, или поручили его своей родственницѣ, но большею частью это бываетъ чистѣйшая ложь, и кормилица кормитъ двоихъ. Конечно, не рѣдко эти женщины привязываются къ молочнымъ дѣтямъ, какъ къ роднымъ, но это только исключеніе и говорятъ, что въ случаѣ смерти пріемнаго дитяти, чтобы не лишиться подарковъ и наградъ, которыя онѣ обыкновенно получаютъ отъ родителей, когда срокъ кормленія ребенка кончился, онѣ не задумаются подмѣнить умершаго своимъ собственнымъ. Разумѣется это возможно только тогда, когда ребенокъ отданъ въ первые дни жизни и когда мать не посѣщаетъ его.

Всѣ кормилицы имѣютъ постоянное сношеніе съ «бюро кормилицъ», которое обязывается снабжать ими всѣхъ жителей столицы, въ нихъ нуждающихся. Въ Нормандіи есть кантоны, въ которыхъ число кормилицъ такъ велико, что онѣ еженедѣльно отправляются въ нѣсколькихъ повозкахъ, для того чтобы брать или возвращать грудныхъ дѣтей. Повозки, служащія для переѣзда кормилицъ, имѣютъ совершенно особую форму, приспособленную къ ихъ назначенію. Это длинныя кареты съ лавками: свѣтъ и воздухъ проходятъ въ нихъ черезъ отверстіе, сдѣланное въ верхней части. Кормилицы садятся на длинныя лавки, по стѣнамъ кареты, а къ потолку, надъ проходомъ, оставленнымъ въ серединѣ, ремнями привѣшены дощечки, куда онѣ и кладутъ дѣтей. Эти колыбели, или проще сказать дощечки, необходимы, такъ какъ женщина, выѣхавшая изъ своей страны въ Парижъ нарочно для того, чтобы добыть ребенка, обыкновенно добываетъ ихъ нѣсколько и для своихъ родственницъ. Понятно, что кормилица не можетъ ихъ всѣхъ помѣстить на своихъ колѣнахъ и должна ихъ класть на дощечки. Иногда эти путешествія совершаются во время зимней стужи, и женщина, не имѣющая никакого понятія объ уходѣ за дѣтьми, распеленываетъ теплаго, согрѣвшагося въ колыбели малютку, до нага раздѣваетъ его, чтобы перемѣнить бѣлье. Повозка останавливается, кормилицы выходятъ одна за другой что нибудь перекусить, начинается страшный сквознякъ и раздѣтаго малютку охватываетъ и пронизываетъ до костей струя холоднаго воздуха.

Воспитательный домъ, принимающій брошенныхъ дѣтей, одѣваетъ ихъ и отправляетъ въ деревни, поручая ихъ тѣмъ же кормилицамъ съ платою по 9 франковъ за первые мѣсяцы; послѣ этого плата начинаетъ постепенно уменьшаться до 7-ми-лѣтняго возраста; съ 7 до 12 лѣтъ на малютку выдаютъ въ годъ по 48 франковъ. Въ 12 лѣтъ дѣтей отдаютъ куда нибудь въ ученье. Дѣти воспитательнаго дома пользуются отъ кормилицъ еще гораздо худшимъ уходомъ: доходъ съ нихъ гораздо менѣе прибыленъ, чѣмъ съ частныхъ лицъ, гдѣ существуетъ обычай безпрестанно дѣлать кормилицамъ подарки и платить имъ гораздо болѣе высокую цѣну за дѣтей, чѣмъ это можетъ сдѣлать воспитательный домъ.

По своему характеру нормандецъ— холодный, разсчетливый и самый положительный изъ всѣхъ французовъ. На сколько почва и климатъ Нормандіи представляютъ сходство съ почвой и климатомъ Англіи, на столько и жители ея похожи на англичанъ. Нормандецъ пріобрѣлъ репутацію ябедника

своею страстію къ процессамъ. У него происходятъ постоянныя столкновенія съ торговцами скотомъ, у которыхъ онъ перекупаетъ тощихъ быковъ и которымъ перепродаетъ откормленныхъ; съ купцомъ, покупающимъ у него хлѣбъ, сидръ, масло, овецъ и шерсть; съ покупщикомъ лошадей; съ фабрикантомъ, для котораго его жена и дочери плетутъ кружева, а онъ самъ тчетъ матеріи; при такомъ множествѣ разнообразныхъ интересовъ, онъ сталъ жаденъ къ прибыли, недовѣрчивъ, упрямъ, всегда готовъ изъ за самаго ничтожнаго интереса начать дѣло и подать жалобу въ судъ, чтобы только отстоять свою собственность. Женщины отличаются здѣсь необыкновенною дѣятельностью, живостью и гордымъ, независимымъ характеромъ. Мужъ мало входитъ въ семейные интересы и домашніе порядки, но не прочь показать, что онъ всему дѣлу голова, что все дѣло держится только имъ однимъ. Нормандка терпѣть не можетъ дрязгъ и мелочей; она не требуетъ отъ мужа признанія ея правъ на словахъ, оказываетъ даже всѣ знаки наружнаго къ нему уваженія, восклицая при его появленіи: «et voilà notre maître» (а вотъ и хозяинъ), но всѣми дѣлами ворочаетъ сама и, дѣлая мужу уступки въ мелочахъ, въ важныхъ дѣлахъ всегда поставитъ на своемъ. Самый колкій упрекъ, который дѣлаютъ здѣсь одна сосѣдка другой, выражается въ словахъ: «Вами, кажется, моя милая, совсѣмъ помыкаетъ вашъ мужъ», или: «Я никогда не позволю командовать надъ собою мужчинѣ, какъ это можетъ случиться съ другими». Женщина здѣсь занимается дѣтьми, смотритъ за хозяйствомъ, раздаетъ дѣло батракамъ, хотя при этомъ хозяйка, чтобы не уронить авторитетъ мужа, и показываетъ видъ, что все это исходитъ отъ него.

Не смотря на то, что нормандецъ гораздо образованнѣе бретонца и не обладаетъ его простодушіемъ и легковѣріемъ, онъ не уступаетъ ему въ суевѣріи. Пропала у него какая нибудь вещь и онъ идетъ къ ворожеямъ, убѣжденный въ томъ, что онѣ повелѣваютъ даже дьяволомъ. Вслѣдствіе суевѣрнаго настроенія жителей, въ Нормандіи есть цѣлый классъ людей, которые занимаются указываніемъ источниковъ, скрытыхъ подъ землею. Для этого они берутъ въ руки гибкій орѣховый прутъ, который называютъ жезломъ Аарона. Народъ утверждаетъ, что, когда эти люди проходятъ надъ подземною водою, прутъ начинаетъ у нихъ сильно вертѣться въ рукахъ. По движенію своего жезла они и говорятъ о глубинѣ воды, о направленіи подземныхъ потоковъ и т. п. Но болѣе всего народъ вѣритъ въ клады. Прибѣгаетъ ребенокъ вечеромъ домой и начинаетъ разсказывать цѣлыя исторіи о томъ, какъ, проходя мимо такого-то мѣста, онъ увидѣлъ пламя: въ немъ мелькали черные бараны, прыгали страшныя черныя кошки съ сверкающими глазами, бѣлые, какъ снѣгъ, голуби, красные быки.... Жадные до прибыли нормандцы вѣрятъ лепету дитяти и рѣшаются идти отрывать кладъ. Но какъ рѣшиться на это? По понятіямъ нормандца, чтобы овладѣть кладомъ, необходимо къ этому приготовляться нѣсколько дней, въ совершенномъ уединеніи и постѣ, потомъ окопать рвомъ то мѣсто, гдѣ хранится сокровище, чтобы захватить его въ цѣлости, со всею окружающею его землею. Помимо жадности нормандца и стремленія его все къ большему благосостоянію, вѣра въ клады поддерживается и тѣмъ, что тутъ множество развалинъ и самыхъ оригинальныхъ построекъ прошедшихъ временъ.

Маленькая птичка королекъ пользуется у нормандца особеннымъ почетомъ, вслѣдствіе слѣдующаго поэтическаго преданія: «Давно уже, очень давно, въ первые дни по сотвореніи міра, огонь еще не былъ извѣстенъ на землѣ.

Королекъ полетѣлъ на небо и попросилъ огня у Господа Бога, и Господь Богъ далъ ему огня, чтобъ онъ снесъ его на землю. Но бѣдная птичка сдѣлалась жертвой своего самоотверженія; по неосторожности она опалила себя дорогой и упала обнаженной, безъ перьевъ, посреди живыхъ тварей. Всѣ прочія птицы сложились и дали ей по перышку на одежду. Одна сова отказалась отъ участія въ добромъ дѣлѣ и навлекла на себя общую ненависть; оттого она и не смѣетъ показываться при дневномъ свѣтѣ».

Замѣчательное различіе типовъ, которое вы встрѣтите въ Нормандіи, можно объяснить себѣ развѣ только множествомъ народовъ: Кельтовъ, Римлянъ, Саксовъ, Скандинавовъ, Англичанъ, Французовъ, которые попеременно занимали нормандскую территорію. Вѣроятно каждый изъ этихъ народовъ оставлялъ въ физіономіи нормандца свои типичныя черты. Не смотря на близость къ Парижу, нормандскія женщины еще далеко не утратили своего національнаго костюма. Трудно описать нормандскій костюмъ: такъ замѣчательно разнообразенъ онъ, смотря не только по департаменту, но даже и по деревнѣ. Но изъ какой бы мѣстности ни была нормандка, ея нарядъ бросается въ глаза своей оригинальностью и странностью. Прежде всего въ ихъ костюмѣ замѣчательны головные уборы, въ различныхъ мѣстностяхъ самой разнообразной формы, всегда огромные, часто напоминающіе гигантскую бабочку съ распростертыми крыльями, или какую-то странную птицу, махающую не только крыльями, но и ногами. Большею частію нормандскій головной уборъ состоитъ изъ трехъ частей: основанія, поля и громадныхъ лопастей. Онъ прикрѣпляется къ волосамъ или завязывается лентами у подбородка; во многихъ мѣстахъ онъ убранъ цвѣтами, лентами и кружевами. Въ большинствѣ случаевъ онъ состоитъ изъ кисеи, нансука или другой въ этомъ родѣ матеріи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ основаніе часто вышиваютъ золотыми или серебрянными шелками и оно оканчивается къ верху выгнутымъ рогомъ; къ нему пристегнуты лопасти въ мелкихъ складочкахъ, которыя падаютъ до таліи. Другая характерная часть костюма — корсажъ какого нибудь яркаго цвѣта, передникъ, смотря по состоянію, шелковая или шерстяная мантилья, представляющая ничто иное, какъ длинный кусокъ матеріи, обшитый оборками. Часто на груди виситъ цѣпочка и крестъ на ленточкѣ; на рукахъ надѣты длинныя перчатки и съ собой носятъ непремѣнно большой цвѣтной зонтикъ. Какого бы покроя ни было платье, юбка обыкновенно бываетъ на столько короткая, что видны башмаки и разноцвѣтные, или со стрѣлками чулки. Нормандки, если и не отличаются особенной граціей въ своихъ движеніяхъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайно красивы, имѣютъ свѣжій, здоровый видъ, прекрасный цвѣтъ лица. Интереснѣе всѣхъ другихъ костюмовъ женскій нарядъ въ области Ко, въ департаментѣ нижней Сены. Волосы подняты на маковку, покрыты маленькимъ токомъ изъ золотой или серебряной парчи, съ длиннымъ, кисейнымъ покрываломъ, съ лопастями, спускающимися немного ниже плечъ и обшитыми алансонскимъ кружевомъ. Золотая цѣпь, въ нѣсколько рядовъ, обвиваетъ шею богатой поселянки изъ Ко; кромѣ этого, на шеѣ надѣтъ еще иногда крестикъ. Красивый корсажъ, суконный или шерстяной, сжимаетъ ея полную талію. Корсажъ этотъ надѣваютъ иногда на бѣлую рубашку, бѣлые, пышные рукава которой застегиваются у кисти руки; иногда же напротивъ эти рукава очень коротки и оканчиваются выше локтя густыми оборочками. Очень часто на рукахъ, до самаго локтя, надѣты длинныя, глянцовитыя перчатки. Коротенькая юбка, ярко-краснаго цвѣта, кисейный передникъ, вышитый или

полосатый, чулки со стрѣлками, красные башмачки дополняютъ этотъ кокетливый нарядъ деревенскихъ женщинъ.

Мужской нормандскій костюмъ необыкновенно простъ; чаще всего вы встрѣчаете людей, одѣтыхъ въ блузу изъ синяго полотна, ничѣмъ не подвязанную у таліи, вышитую у нѣкоторыхъ на плечахъ бѣлыми нитками. Эта блуза одѣта прямо на рубашку; изъ подъ нея видны широкіе штаны; другіе ходятъ въ штанахъ и жилетѣ, накидывая сверху сюртукъ изъ синяго же полотна съ пуговицами и карманами. На головѣ колпакъ, съуживающійся къ верху и конецъ котораго обыкновенно свѣшивается на одну сторону. Нерѣдко этотъ колпакъ замѣняется фуражкой.

Департаменты: Сѣверный, Соммы, Па-де-Кале, Эны. (Прежнія провинціи: Фландрія, Пикардія, Артуа).— Мѣстная природа.—Блестящее состояніе земледѣлія.—Занятія жителей.—Воздѣлываніе свекловицы.— Характеръ народа и его привычки.—Игры и удовольствія.

Земли, занимаемыя этими департаментами, въ особенности земли Сѣвернаго департамента (прежняя Фландрія),—считаются лучшею земледѣльческою полосою не только во Франціи, но и въ цѣломъ мірѣ. Съ ними можно только сравнить нѣкоторыя, очень немногія земли въ Англіи и въ Бельгіи, впрочемъ многіе считаютъ ихъ даже выше по плодородію. Тутъ французское земледѣліе является во всемъ блескѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, не только земледѣльческое, но и фабричное населеніе здѣсь чрезвычайно велико. Сѣверный департаментъ или Фландрію можно въ полномъ смыслѣ слова назвать благословеннымъ уголкомъ Франціи: вся земля состоитъ изъ равнинъ съ небольшими холмами, которые чрезвычайно удобны для обработки и для посѣва всевозможныхъ родовъ хлѣба. Кромѣ масличнаго дерева и виноградниковъ, которые плохо родятся на этой землѣ, на ней вообще можно заниматься всѣми отраслями земледѣлія. Вы найдете здѣсь всѣ роды хлѣба, всѣ овощи, всѣ растенія, прядильныя, маслянистыя, красильныя, всѣ роды кормовыхъ травъ, всевозможныя мучнистыя растенія; нигдѣ во Франціи не добываютъ такого отличнаго табаку, такого превосходнаго льна. Тамъ и сямъ бродятъ тучныя, красивыя, сильныя домашнія животныя и мѣстные жители ухаживаютъ за ними съ большою заботливостью и съ любовью. Богатая производительность страны развила здѣсь необыкновенную любовь къ труду и неутомимую дѣятельность. Жители не удовлетворяются земледѣліемъ и сельскимъ хозяйствомъ, а устроили у себя множество фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ. На каждомъ шагу попадаются вамъ кузницы и мраморныя пильни, фарфоровыя, стеклянныя, зеркальныя фабрики, горшечные и канатные заводы; заводы для раффинированія сахара, для приготовленія угля, соды, сѣрной кислоты, извести, бѣлилъ, кирпичей; фабрики кружевъ, батиста, тюля; бумажныя, льняныя и шерстяныя прядильни; красильни, мануфактуры простыхъ полотенъ, столоваго бѣлья, писчей бумаги; кожевенные заводы, маслобойни, мыловарни, заведенія для выдѣлки цикорнаго кофе и проч. и проч. Жители также занимаются ловлею трески, сельдей, китовъ. Одною изъ причинъ необыкновеннаго плодородія, кромѣ прекраснаго климата, служитъ и умѣнье жителей удобрять землю, состоящую обыкновенно изъ смѣси глины съ пескомъ. Для этого они держатъ множество скота, ухитрились также употребить на улучшеніе своей земли городскую грязь, различныя выжимки съ заводовъ, кости, морской песокъ и преимущественно

человѣческое удобреніе, котораго, при огромномъ скопленіи промышленнаго народа въ странѣ, чрезвычайно много. Это удобреніе, съ отвращеніемъ отвергаемое многими народами, необыкновенно увеличиваетъ здѣсь производительность земли. Главнымъ занятіемъ жителей служитъ воздѣлываніе свекловицы. Эта промышленность достигла здѣсь цвѣтущаго состоянія и даетъ огромныя богатства. Свеклосахарное производство и выгодно, и удобно тѣмъ, что, требуя фабричнаго труда, въ то же время не отрываетъ жителей отъ земледѣльческихъ занятій. Работы на свеклосахарныхъ заводахъ начинаются послѣ окончанія осенней жатвы и уборки хлѣба. Къ тому же выжимки свекловицы доставляютъ лакомый кормъ для скота; а остающеюся зеленью, выварками и другими остатками удобряютъ землю. Притомъ надо замѣтить, что свекловица, хотя и любитъ хорошо удобренную землю, но не поглощаетъ всего положеннаго удобренія и послѣ нея получаются еще отличные урожаи другихъ хозяйственныхъ растеній.

Кромѣ свекловицы, кользы, мака и другихъ растеній, составляющихъ богатство страны, жители занимаются здѣсь также разведеніемъ ивы, изъ которой они дѣлаютъ красивыя корзинки; вывозъ ихъ здѣсь достигаетъ ежегодно цифры въ нѣсколько милліоновъ. Вслѣдствіе этого вы здѣсь встрѣчаете огромныя плантаціи ивовыхъ деревьевъ.

Фламандскій земледѣлецъ необыкновенно набоженъ, трудолюбивъ, разсчетливъ, трезвъ и строго придерживается своихъ обычаевъ. По своему флегматическому характеру онъ любитъ спокойствіе и свою семью. Онъ не вмѣшивается ни въ какія политическія партіи, его не интересуютъ политическіе разговоры; но онъ совершенно измѣняется, когда услышитъ военный призывъ. Привыкнувъ къ звуку военныхъ трубъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ, онъ въ короткое время становится отличнымъ солдатомъ. Пѣсни, которыя онъ поетъ въ минуту веселья, воспѣваютъ подвиги героевъ Франціи. Благосостояніе здѣшняго края нельзя не замѣтить. Народъ имѣетъ здоровый, цвѣтущій видъ, дѣти бойки и веселы, въ домахъ вездѣ опрятность. У каждаго домика небольшой садикъ съ песчанными дорожками и непремѣнно, хотя маленькій, но прелестный цвѣтникъ. Фламандцы отличаются страстью къ цвѣтамъ. Они разводятъ ихъ, и особенно гвоздику, гдѣ только найдется мѣсто, и представляютъ ихъ на конкурсъ. Общины выбираютъ изъ своей среды толковыхъ, опытныхъ и извѣстныхъ своими садами людей, которые сравниваютъ представленные цвѣты и выдаютъ премію тѣмъ, кто представилъ лучшіе. Другою страстью фламандца должно назвать его любовь къ птицамъ; здѣсь разводятъ не только домашнихъ, но и пѣвчихъ птицъ въ огромномъ количествѣ. При наступленіи мая, въ то время, когда у каждаго дома цвѣтникъ сверкаетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и все кругомъ благоухаетъ, у каждаго окна распѣваютъ зяблики. Тогда является тоже множество любителей, изъ которыхъ каждый выставляетъ своего зяблика, выбирая, разумѣется, такого, какого онъ считаетъ лучшимъ пѣвцомъ. Какъ будто понимая намѣреніе своихъ хозяевъ, зяблики поютъ наперерывъ другъ передъ другомъ, отвѣчаютъ одинъ другому безостановочно, и побѣдителемъ остается тотъ, чей зябликъ можетъ пѣть дольше. Иногда два зяблика, выбранные для состязанія, падаютъ и умираютъ тутъ же или очень скоро отъ усталости и совершеннаго истощенія.

Сильно также развита у фламандцевъ страсть къ пѣтушинымъ боямъ, — рѣдко у кого нѣтъ боеваго пѣтуха; борьба ихъ еще серьезнѣе состязанія

ляблиновъ; побѣжденный уступаетъ побѣдителю, только падая подъ его ударами.

Несмотря на свою флегматическую натуру, фламандецъ страстно любитъ всѣ игры, сопряженныя съ движеніями. На полянахъ каждый вечеръ вы встрѣтите группы молодежи, которыя играютъ въ мячъ или стрѣляютъ въ цѣль изъ лука и ружья.

Кстати надо замѣтить, что на эти игры здѣсь смотрятъ не какъ на обыкновенное времяпровожденіе послѣ труда, а какъ на что-то очень важное и торжественное. То въ одной общинѣ, то въ другой открываются конкурсы или состязанія для болѣе ловкихъ игроковъ. Они даже получаютъ здѣсь преміи, которыя состоятъ изъ различныхъ серебряныхъ вещицъ, изъ платковъ яркихъ цвѣтовъ и т. п. Того, кто на конкурсѣ попадаетъ въ цѣль, громогласно и торжественно называютъ «королемъ птицы», и его соперникъ, медленно выступая, подноситъ ему серебряную птицу, повѣшенную на лентѣ; къ шляпѣ побѣдителя прикалываютъ султанъ и народъ, при одобрительныхъ крикахъ, торжественно ведетъ его въ шинокъ, нерѣдко при звукахъ флейты и барабана. Семейство побѣдителя вечеромъ приглашаетъ къ себѣ на пиръ знакомыхъ и родныхъ, гдѣ много поютъ и еще болѣе танцуютъ и пьютъ вина. Но большею частію эти пиршества устраиваются обществомъ, къ которому принадлежитъ побѣдитель и тогда его родителей приглашаютъ на пиръ особою депутаціей. Каждый ловкій стрѣлокъ изъ лука и ружья принадлежитъ здѣсь какому нибудь обществу и носитъ красивое знамя, сдѣланное изъ шелковой матеріи, на которой вышитъ или нарисованъ гербъ общества и большими буквами написано названіе деревни, къ которой оно принадлежитъ. Эти общества безпрестанно устраиваютъ различныя торжества и даже просто по вечерамъ приступаютъ къ играмъ съ необыкновенною важностію и съ соблюденіемъ множества формальностей. Они выступаютъ обыкновенно въ большомъ порядкѣ. Прежде всего идетъ барабанщикъ и бьетъ въ барабанъ, за нимъ знаменоносецъ и высоко держитъ знамя общества; за ними идетъ *императоръ* съ серебряною птицею на шеѣ, привѣшанною къ цѣпи изъ того же металла. Чтобы сдѣлаться императоромъ, необходимо отличиться ловкостью по крайней мѣрѣ три раза, а слѣдовательно по крайней мѣрѣ три раза быть избраннымъ въ короли. Императоръ идетъ, опираясь на руки маршала и сенатора, или королей (всѣ эти высшія должности—знакъ отличія за ту или другую степень ловкости въ стрѣльбѣ); за этими великими сановниками идутъ низшіе — менѣе ихъ отличившіеся и, наконецъ, простые стрѣлки, которые весело болтаютъ между собой; каждый изъ нихъ страстно стремится стать императоромъ. Страсть француза къ отличіямъ не покидаетъ его и въ игрѣ.

Стрѣлки, игроки въ мячъ, садоводы, птицеловы, всѣ составляютъ здѣсь различныя общества и корпораціи и каждая изъ нихъ имѣетъ свои особенные праздники, которые, по обыкновенію начинаются религіозною церемоніей, торжественною обѣднею или процессіей и оканчиваются обѣдомъ и веселымъ пиромъ.

ОСТРОВА И БЕРЕГА ОКЕАНА.

Характеръ, нравы и занятія жителей.—Тяжелый женскій трудъ; независимость женщинъ.—Ловля сардинокъ, устрицъ и добываніе соли.—Бѣдняки и отношеніе къ нимъ мѣстныхъ жителей.

Нравы и занятія жителей побережій океана и нѣкоторыхъ острововъ Франціи имѣютъ чрезвычайно много общаго между собой и въ то же время они до того оригинальны, что, опустивъ ихъ, мы не познакомимся даже съ главными промыслами французскаго народа.

Почти всюду на островахъ почва состоитъ изъ безплоднаго песку, неудобнаго для обработки, или изъ ряда обнаженныхъ утесовъ, на которыхъ едва пробиваются лишаи. Тоже и на приморскомъ берегу: куда бы вы ни обратили взоръ, вы съ одной стороны всюду встрѣтите море, съ другой дюны—настоящее песчаное море, которое гораздо пустыннѣе океана, такъ какъ оно безъ жизни, безъ движенія, безъ звуковъ. Только красивый тамарискъ, съ тонкою и изящною листвой, колеблется во время ураганов милліонами цвѣтовъ на своихъ гибкихъ стебляхъ... На этихъ сыпучихъ пескахъ, съ которыми ничего нельзя подѣлать ни удобреніемъ, ни влагой, жители умерли бы съ голоду, еслибы море не давало имъ нѣсколькихъ промысловъ. Жители острововъ, точно также какъ береговъ океана,—рыбаки. Нравы ихъ необыкновенно оргинальны. Главныя черты ихъ характера и жизни: беззаботность, неустрашимость, чрезмѣрныя работы женщинъ, при совершенной праздности мужчинъ, совершенное отсутствіе комфорта въ домашней жизни, доведенной до такой простоты, что граничитъ съ нищетой, независимый характеръ какъ женщинъ, такъ и мужчинъ, непреодолимое отвращеніе отъ всякой подчиненности, и у мужчинъ отъ всякаго занятія, кромѣ рыболовства. При всемъ этомъ они необыкновенно усердны въ общемъ дѣлѣ, рады помогать ближнимъ; съ состраданіемъ и уваженіемъ смотрятъ на всякаго бѣднаго человѣка.

Мужчины занимаются только рыболовствомъ, все остальное дѣлаютъ женщины. Съ перваго часа пополуночи онѣ уже на ногахъ и должны бѣжать за 6, за 7 верстъ собирать папоротникъ, который онѣ приносятъ на плечахъ къ огромныхъ вязанкахъ. Онѣ продаютъ его рыбнымъ торговцамъ, а часть оставляютъ у себя на укладку рыбъ. Послѣ этого, нисколько не отдохнувши, женщина тотчасъ отправляется будить не только своего мужа, но и всѣхъ матросовъ, которые должны отправится вмѣстѣ съ нимъ на рыбный промыселъ. Затѣмъ она начинаетъ одѣвать и кормить дѣтей, которыхъ у ней бываетъ обыкновенно чрезвычайно много. Для огромной семьи нужно много что починить, помыть, приготовить хотя скудный обѣдъ. Воду она не можетъ брать изъ моря и должна идти за прѣсной водой къ источнику, который находится обыкновенно очень далеко, и путешествовать къ нему приходится по сыпучимъ пескамъ, не рѣдко углубляясь въ нихъ по поясъ. Свои домашнія работы она должна справить къ 9-ти, 10-ти часамъ утра, такъ какъ лодки въ это время уже возвращаются съ ловли и она непремѣнно должна присутствовать при этомъ. По прибытіи лодки, её разгружаютъ и начинается дѣлежъ рыбы. Въ ловлѣ обыкновенно участвуютъ четыре человѣка: одному изъ нихъ принадлежитъ лодка, другому сѣти, остальные помощники. Въ большинствѣ случаевъ половина улова идетъ хозяевамъ лодки, снастей и сѣтей, такъ какъ эти рыбачьи принадлежности здѣсь стоятъ очень дорого; одинъ неводъ стоитъ болѣе 150

В. Васнецов

франковъ и нѣтъ дня, когда бы онъ не требовалъ починки, иногда очень большой, особенно если вмѣсто сардинки въ него сразу попадетъ большая рыба.

Послѣ того, какъ надѣлены владѣльцы невода и лодки, остальное поровну дѣлится между рыбаками и женщиной, которая каждый день вымываетъ лодку внутри и снаружи. По окончаніи дѣлежа жены подходятъ къ мужьямъ и принимаютъ отъ нихъ рыбу, чтобы нести её на рынокъ или домой. Остальныя женщины полощатъ неводъ, бережно отчищаютъ отъ него всѣ приставшія травы и разстилаютъ его на берегу для просушки. Затѣмъ онѣ внимательно осматриваютъ всѣ его поврежденія и садятся чинить, что отнимаетъ у нихъ очень много времени. Часть сардинокъ онѣ продаютъ не на своихъ рынкахъ и потому укладываютъ ихъ очень тщательно,—работа эта въ высшей степени медленная и утомительная. Женщины, стоя на колѣнахъ по нѣсколько часовъ сряду, укладываютъ и солятъ рыбу съ большимъ умѣньемъ и затѣмъ отправляютъ её въ таможню.

Кромѣ того онѣ занимаются ловлею омаровъ, краббовъ, морскихъ пауковъ, отыскиваютъ съѣдобныхъ улитокъ, раковины и т. п., и все это продаютъ на различныхъ рынкахъ. При отливѣ вы всегда можете увидѣть женщинъ, стоящихъ въ водѣ по самыя плечи и собирающихъ устрицъ.

Всѣ эти работы оканчиваются очень поздно, а мы уже знаемъ, что онѣ встаютъ до зари. Когда же отдыхаетъ здѣшняя женщина? Какъ можетъ выполнить она въ продолженіи дня такое множество самыхъ разнообразныхъ работъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть небольшія полосы земли, особенно на островахъ, женщины сами обработываютъ, засѣваютъ и собираютъ посѣвъ своего поля. Моряки считаютъ безчестіемъ заниматься какимъ бы-то ни было дѣломъ, кромѣ рыболовства. Послѣ ловли, которая, какъ мы знаемъ, оканчивается къ 10-ти часамъ, мужчины ровно ничего не дѣлаютъ и отправляются въ трактиры, или валяются дома на боку. Но какъ бы въ награду за тяжкій, утомительный трудъ, здѣшняя женщина пользуется большимъ почетомъ. Не только всѣ окружающіе, но и самъ мужъ смотритъ на нее, какъ на главу семейства и обращается съ нею необыкновенно ласково. Она управляетъ и распоряжается въ домѣ рѣшительно всѣмъ: заключаетъ договоръ съ купцами, держитъ у себя деньги, заботится пристроить мужа къ тому или другому хозяину лодки, если онъ бѣденъ, и наоборотъ, найти ему сотрудниковъ, если она скопила столько денегъ, чтобы обзавестись лодкой или неводомъ. Здѣсь вы не только никогда не увидите потасовки между супругами, но даже сказать женѣ грубое слово считаютъ преступленіемъ. Не смотря на это, помочь женщинѣ въ тяжеломъ трудѣ, облегчить ее въ то время, когда мужчина, ничего не дѣлая, лежитъ на боку,—никогда никому не приходитъ въ голову, и сами женщины объ этомъ не думаютъ.—Послѣ сардинокъ главное занятіе жителей ловля устрицъ. Почти во всѣхъ моряхъ, омывающихъ берега Франціи, и особенно въ заливахъ, водится чрезвычайно много устрицъ, но нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ изобиліи, какъ около Канкаля, между этимъ маленькимъ портомъ и портами Монъ-Сенъ-Мишелемъ и Гранвиллемъ. Въ продолженіи мѣсяцевъ мая, іюня, іюля и августа, когда устрицы мечутъ икру, ловля ихъ запрещена. Ловля устрицъ не требуетъ, подобно ловлѣ сардинокъ, большихъ затратъ: «для нея достаточно *чертака*—большое желѣзное орудіе, въ 6 футовъ длины и въ 2 вышины, похожее на загнутый заступъ, къ которому прицѣпляется родъ сѣти, сдѣланной изъ кожанныхъ ремешковъ или тоненькихъ веревокъ. Лодка,

гонимая вѣтромъ, тащитъ черпакъ, который отрываетъ устрицъ съ морскаго дна и собираетъ въ сѣти. Устрицъ такъ много, что онѣ составляютъ здѣсь родъ длинныхъ грядъ, идущихъ иногда на нѣсколько миль, и кажется, чѣмъ болѣе ихъ ловятъ, тѣмъ болѣе онѣ размножаются».

Прежде, когда такимъ образомъ вылавливались маленькія устрицы, ихъ выбрасывали назадъ въ море, теперь наоборотъ ихъ собираютъ и онѣ, черезъ нѣсколько времени, достигаютъ одинаковой величины съ прочими, послѣ чего ихъ и продаютъ. Устрицы Канкаля пользуются огромною извѣстностью, и эта заслуженная слава всецѣло принадлежитъ жителямъ, которые умѣли ихъ усовершенствовать. Устрица Канкальскаго залива, доставаемая со дна, обыкновенно покрыта тиной и не отличается пріятнымъ вкусомъ. Чтобы измѣнить ихъ вкусъ, устричники кладутъ ихъ въ садки, послѣ чего Канкальскія устрицы теряютъ свою остроту и дѣлаются вкусными. Такимъ садкомъ называютъ резервуаръ соленой воды, до 5-ти футовъ въ глубину, который находится въ постоянномъ сообщеніи съ моремъ. Дно его выкладываютъ мягкимъ камнемъ. Устрицы помѣщены въ глубинѣ его, что защищаетъ ихъ отъ вліянія воздуха, и въ то же время даетъ возможность не лежатъ имъ въ тинѣ, отъ которой портится ихъ вкусъ. Въ то время, когда устрицъ не ловятъ и слѣдовательно когда ихъ нѣтъ въ садкахъ, эти садки чистятъ и выкладываютъ новыми камешками. Много хлопотъ требуютъ устрицы, если захотятъ измѣнить ихъ вкусъ. Требуется не только большой уходъ за садкомъ, но и тщательный выборъ мѣстности для него, а еще болѣе внимательный уходъ за самыми устрицами. Въ первое время послѣ помѣщенія устрицъ въ садки, ихъ надо каждые три, четыре дня вынимать изъ воды желѣзными граблями, отбрасывать уснувшихъ и снова бережно опускать въ садокъ. Устрицы остаются въ садкѣ только мѣсяцъ или два, пока не достигнутъ той величины и вкуса, которыми онѣ такъ привлекаютъ гастрономовъ.

Многіе жители побережій занимаются также добываніемъ соли; въ однѣхъ окрестностяхъ Сабль д' Оллона насчитываютъ до 211 соляныхъ озеръ, которыя даютъ около 650 тысячъ пудовъ соли. Промыселъ состоитъ не въ вывариваніи соли, а только въ собираніи ея, потому что она кристаллизуется сама собою, подъ двойнымъ вліяніемъ сѣверныхъ вѣтровъ и солнечныхъ лучей. Впрочемъ для этого переворачиваютъ уже собранную соль каждое утро. Тутъ добываютъ 2-хъ родовъ соль: болѣе высокаго достоинства и обыкновенную. «Первую получаютъ такимъ образомъ: за нѣсколько времени до образованія соли вода принимаетъ красноватый оттѣнокъ; не много соли, въ видѣ легкой пѣны, кристаллизуется на поверхности. Эта соль, отличающаяся бѣлизной, собирается особо, издаетъ довольно пріятный, фіялковый запахъ и стоитъ вдвое дороже обыкновенной. Женщины, одѣтыя въ самыя короткія платья и съ обнаженными ногами, собираютъ по ночамъ всплывшую соль въ деревянныя чашки и на головахъ относятъ ее на болѣе широкія возвышенныя насыпи въ пустопорожныхъ мѣстахъ, предоставленныхъ солонщикамъ. Тамъ собираютъ ее большими кучами, которымъ придаютъ коническую форму. Плотно убитая и прикрытая слоемъ жирной глины, добываемой въ томъ же озерѣ, соль предохраняется отъ дождевой воды и можетъ ожидать времени уборки нѣсколько мѣсяцевъ и даже нѣсколько лѣтъ; чтобъ она не растаяла, нужно часто уравнивать, особенно зимою, слой глины, прикрывающій её».

Характеръ народа, какъ мужчинъ такъ и женщинъ, здѣсь независимый и гордый. Не смотря на всѣ лишенія и тяжелую трудовую жизнь, мало кто

изъ нихъ уйдетъ съ мѣста родины и наймется въ работники или въ служители. На это рѣшаются только очень слабые здоровьемъ люди. Точно также и нищенствуютъ изъ нихъ только тѣ, которые дѣйствительно больны. Вѣроятно вслѣдствіе этого народъ относится къ нимъ съ необыкновеннымъ уваженіемъ и любовью. Послѣ всякаго дѣла: печетъ-ли хозяйка хлѣбъ, или пріѣхалъ хозяинъ съ рыбной ловли, имъ раздаютъ куски хлѣба, рыбы. Нищіе стоятъ у берега, выстроившись въ рядъ, съ корзинами въ рукахъ. Всѣ рыбаки считаютъ своей обязанностью одѣлить ихъ всѣхъ по горсти рыбы или раковинъ, и эта милостыня подается, не какъ у насъ, чтобы отвязаться отъ бѣдняка, а съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Если корзина бѣдняка сильно нагружена, а онъ слабый и больной, къ нему непремѣнно подбѣгаютъ нѣсколько человѣкъ, съ предложеніемъ отнести къ нему его сборъ.

ШАМПАНЬ.

Несчастная природа Шампани прежде и ея производительность теперь. — Приготовленіе шампанскаго. — Погреба для винъ и опасности, которымъ подвергаются въ нихъ рабочіе. — Виноделы и ихъ положеніе.

«Природа очень мало сдѣлала для Шампани и, несмотря на всѣ разумныя и дѣятельныя усилія туземныхъ агрономовъ, Шампань осталась бы въ нищетѣ, если бы виноградники не обратили самыя дурныя ея земли, самые обнаженные холмы въ золотые рудники, которые гораздо вѣрнѣе и неистощимѣе рудниковъ Калифорніи. Страна эта служитъ превосходнымъ примѣромъ того, что въ состояніи совершить геній человѣка для возбужденія плодородія въ почвѣ. Не такъ далеко еще время, когда равнины Шампани, по справедливости, славились своей скудостію и представляли печальное зрѣлище безотрадной пустыни. Путешественникъ, проѣзжавшій по нимъ, встрѣчалъ только однѣ мѣловыя вершины, усѣянныя рѣдкими пучками тощей травы или низкорослаго можжевельника. Почва, разстилаясь длинными, волнистыми полосами, повсюду представлялась бѣдною и безплодною. На вершинахъ холмовъ и по склонамъ ихъ она исключительно состоитъ изъ мѣла; въ долинахъ мѣлъ перемѣшанъ съ известковымъ хрящомъ, который часто покрываетъ его совершенно. Земля повсюду легкая, вбирающая въ себя много воды, которой всегда недостаточно, чтобы напитать ее. Мѣстами тамъ встрѣчались бѣдныя деревушки, влачившія бѣдственное существованіе. Небольшое количество хлѣбныхъ растеній, составлявшихъ обычную пищу жителей, родилось на этой сухой и тощей почвѣ, да и то послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отдыха. Случалось, что грозовыя тучи извергали цѣлый потопъ, но воды неслись громадными массами, нисколько не оживляя обнаженной почвы, а только смывая жатву и обработанныя поля; злополучный земледѣлецъ никогда не былъ увѣренъ, что соберетъ хлѣбъ, выроставшій у него на глазахъ.

«Въ другой годъ лишенныя растительности равнины выгорали отъ солнечныхъ лучей и хлѣбныя колосья высыхали на корню, не достигая своего полнаго роста. Въ это-то время, еще не очень отдаленное отъ насъ, поселянинъ топилъ печь соломой своей жатвы; однимъ словомъ все соединялось, чтобъ

обратить эту провинцію въ пустыню. Она и была почти необитаема, а жители сосѣднихъ областей дали ей совершенно заслуженное прозвище: Champagne pouilleuse (вшивая Шампань). Старинная поговорка гласитъ, что десятина земли, когда на ней встрѣчался заяцъ, стоила тамъ два франка, т. е. ровно столько, сколько стоитъ заяцъ. Но даже зайцы попадались тамъ рѣдко: имъ негдѣ было пріютить свою семью, нечѣмъ прокормить ее.»

Производительность страны совершенно измѣнилась въ какіе нибудь 30-ть лѣтъ. Тамъ, гдѣ едва пробивалась тощая трава, теперь вездѣ виднѣются чудные ковры разнообразной зелени и хлѣбныхъ растеній. Такая быстрая и благопріятная перемѣна случилась вслѣдствіе того, что были вездѣ разведены сосновыя плантаціи, даже на самыхъ скудныхъ земляхъ и обрывистыхъ склонахъ. Разведеніе этихъ лѣсовъ измѣнило не только климатъ страны, но даже многія условія въ жизни народа. Сосны дали жителямъ дрова, корни ихъ, связавъ землю, оградили поля отъ наводненій, предохранили поднявшійся колосъ отъ вѣтра, который прежде свободно разгуливалъ по полямъ, качалъ колосья, высыпалъ изъ нихъ зерна или обсѣкалъ ихъ.

Хвои сосны, падая на землю, служили ей удобреніемъ, въ которомъ она такъ нуждалась и лѣса стали давать прохладу и пріютъ въ знойное лѣтнее время. Прежде жители топили соломою, теперь она исключительно служитъ подстилкою скоту, а слѣдовательно возвращается въ землю удобреніемъ.

Больше всего народъ занимается въ этой странѣ разведеніемъ виноградниковъ, которыми такъ славится Шампань. Тутъ приготовляется шампанское, которое расходится по всему свѣту и доставило Шампани громкую извѣстность. Эти виноградники и возвысили цѣну на землю до громадной цифры 20 тысячъ франковъ за гектаръ, т. е. 5,500 руб. за десятину. Шипучесть шампанскаго происходитъ отъ того, что выдавленный виноградный сокъ не допускаютъ до броженія въ одномъ сосудѣ; его сначала держатъ въ засмоленныхъ бочкахъ, гдѣ онъ начинаетъ свое броженіе, но не оканчиваетъ его, и потому сохраняетъ въ себѣ значительную часть угольной кислоты. Очистивъ вино отъ гущи и придавъ ему прозрачность посредствомъ рыбьяго клея, разливаютъ его по бутылкамъ. Эти бутылки закупориваютъ крѣпко накрѣпко и ставятъ горлышкомъ внизъ, чтобы такимъ образомъ опустились слизи и всѣ осадки. Черезъ нѣсколько недѣль, каждую бутылку бережно откупориваютъ, снимаютъ осадокъ и подбавляютъ въ вино ликера, который составленъ изъ леденцовъ, распущенныхъ въ коньякѣ. Потомъ бутылки уже окончательно закупориваютъ, пробки и горлышко окружаютъ желѣзною проволокою и обертываютъ листовою жестью. Затѣмъ бутылки раскладываютъ горизонтально на деревянные подмостки, подъ которыми разставлены желоба, для того, чтобы въ нихъ стекало вино, когда лопнетъ какая нибудь изъ бутылокъ. Такимъ образомъ пѣнятся только тѣ вина, которыя оканчиваютъ свое броженіе въ бутылкахъ. Въ ту минуту, когда бутылку откупориваютъ, внѣшній воздухъ врывается въ нее, и скопившійся отъ броженія углекислый газъ со свойственной ему силой и быстротой вырывается наружу и выталкиваетъ вмѣстѣ съ собою жидкость. Шампанскаго изъ Франціи разсылаютъ очень много по всему свѣту; не смотря на то, что его производство съ каждымъ годомъ увеличивается, его все-таки не хватаетъ на всѣхъ желающихъ и потому не только въ другихъ странахъ, но и въ самой Франціи чрезвычайно много продаютъ, подъ видомъ шампанскаго, различныхъ винъ, иногда очень искусно поддѣланныхъ. Искуственное шампанское приготовляютъ здѣсь изъ сахара, грушевки, смородин-

наго соку, подливаютъ къ этому различныя легкія вина, вводятъ углекислый газъ, который придаетъ имъ шипучесть и игру шампанскаго; въ такое искусственное шампанское входитъ чрезвычайно много веществъ, но обыкновенно нѣтъ ни одной капли виноградпаго сока изъ шампанскихъ лозъ.

Въ окрестностяхъ Реймса и Эперне устроены огромные погреба для сохраненія винъ, такъ какъ эти города расположены въ центрѣ лучшихъ виноградниковъ и на землѣ, благопріятной для устройства хорошихъ погребовъ. Они устроены въ туфовыхъ утесахъ, очень обширны и такъ прочны, какъ будто ихъ поддерживаютъ каменные своды. Трудно составить себѣ понятіе, какъ громадны и обширны эти погреба: они обыкновенно образуютъ родъ лабиринтовъ, въ которыхъ трудно найти дорогу безъ помощи проводника. Бутылки расположены необыкновенно изящно и разсортированы по временамъ сбора. Въ извѣстное время года очень опасно ходить по этимъ погребамъ вслѣдствіе частыхъ разрывовъ бутылокъ. Путешественники, которые желаютъ осмотрѣть ихъ, одѣваютъ проволочную маску, а рабочіе, которые торопятся явиться сюда для раскладки бутылокъ и забываютъ одѣть маску, часто получаютъ тяжелыя раны отъ осколковъ стекла.

Тяжела работа винодѣловъ. Они около своихъ виноградниковъ почти цѣлый день проводятъ согнувшись надъ землею: окапываютъ лозу, разсаживаютъ ее, подвязываютъ, собираютъ виноградъ, Всѣ винодѣлы какъ-то необыкновенно малорослы, дурно сложены, имѣютъ очень истомленный и старческій видъ. Несмотря на ихъ тяжкіе труды и возможность пользоваться хорошимъ виномъ, они ѣдятъ хуже другихъ работниковъ и вслѣдствіе этого выглядятъ чрезвычайно заморенными. Къ тяжелому труду присоединяется также и неувѣренность въ успѣхѣ. До сихъ поръ не придумано средствъ избавить виноградную лозу отъ болѣзни, а это угрожаетъ народу цѣлыми годами бѣдности и страданій. Такое положеніе дѣлъ принуждаетъ шампанцевъ рано посылать своихъ дѣтей на тяжкія работы, которые лишаютъ ихъ образованія и уже въ первомъ дѣтствѣ губятъ ихъ силы.

Прошлое и настоящее французскихъ народныхъ школъ. — Парижскія школы. — Воспитаніе въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. — Конкурсы и ихъ значеніе для воспитанниковъ и для начальства.— Высшія учебныя заведенія.

Народное образованіе во Франціи всегда было однимъ изъ ея самыхъ больныхъ мѣстъ. Продолжительное царствованіе Наполеона III, поддерживаемое общею подачею голосовъ, страшныя бѣдствія, которыя принесла съ собою франко-прусская война,—всему виною невѣжество французскаго народа. Трудно представить себѣ, что въ этомъ первостепенномъ государствѣ, давшемъ міру столько блестящихъ именъ по всѣмъ отраслямъ знанія и литературы, съ либеральными формами правленія, въ государствѣ, сдѣлавшемъ столько революцій, изъ которыхъ каждая выдвигала впередъ и ставила міру столько жгучихъ вопросовъ, — такая плохая организація школьнаго дѣла, такое страшное невѣжество народа, и жалкое, унизительное положеніе учителя. «Вы имѣете suffrage universel, а ваши избиратели не умѣютъ читать», сказалъ одинъ прусскій полковникъ въ послѣднюю войну французу и имѣлъ на это полное основаніе.

До 1815 года ни одно французское правительство не заботилось о на-

родномъ образованіи. Во время Наполеона I-го число школъ было увеличено, но это было сдѣлано не изъ искренняго желанія помочь народу, а изъ политическихъ видовъ.

Во время реставраціи не болѣе заботились о судьбѣ школъ, но за то въ это время сдѣлано было множество распоряженій о еще большемъ ихъ подчиненіи. Къ прежнему подчиненію преподавателя префектамъ, подпрефектамъ и мэрамъ присоединилась еще зависимость ихъ отъ священника и многихъ другихъ личностей. Къ тому же желающій получить должность учителя долженъ былъ представить цѣлый рядъ оффиціальныхъ бумагъ, которыя бы свидѣтельствовали, что онъ имѣетъ право искать учительскаго мѣста. Мало того, ему офиціально предписывалось очень многое искажать въ своемъ преподаваніи. Учителя должны были говорить ученикамъ, что Людовикъ XVI умеръ мирно въ своемъ дворцѣ, что Наполеонъ былъ только «повѣренный Бурбоновъ», и всю исторію въ этомъ родѣ. Всѣ эти обстоятельства, наконецъ совершенный недостатокъ средствъ для школы и жалкое вознагражденіе, получаемое учителями, заставляли искать учительскихъ мѣстъ только тѣхъ людей, которые никуда больше не могли себя пристроить. Такое положеніе дѣлъ не безпокоило правительства, напротивъ оно само старалось уменьшать число свѣтскихъ учителей. Всѣ его симпатіи лежали къ учителямъ изъ духовнаго званія и оно употребляло всѣ мѣры, чтобы мало по малу все образованіе перешло въ руки духовныхъ братствъ. Къ этому побуждали его и экономическіе разсчеты. Подъ вліяніемъ іезуитовъ множество лицъ распространяло мысль, что духовенство будетъ обучать юношество не изъ корыстолюбія, а станетъ смотрѣть на это, какъ на богоугодное дѣло. Но народъ ненавидѣлъ іезуитовъ и недовѣрчиво относился къ ихъ обученію. Вотъ что писалъ въ 1830 году Герноиъ-Ранвиль, послѣдній изъ министровъ народнаго просвѣщенія временъ Реставраціи: «школъ почти нѣтъ, существующія разваливаются; бѣдные родители тщетно просятъ о выдачѣ книгъ; учителя прозябаютъ въ нищетѣ, среди самыхъ тяжкихъ лишеній, такова печальная картина народнаго образованія, картина слишкомъ долго существующая». Около этого времени назначено было до 500 инспекторовъ для осмотра школъ. Ихъ отчеты дополняютъ яркую картину бѣдственнаго положенія народнаго образованія. Въ одномъ округѣ одна школа на 20 или 25 общинъ. Въ зданіяхъ, гдѣ помѣщаются школы, безпорядокъ, дурной воздухъ, отвратительное неряшество. Часто школа не имѣетъ особаго зданія и помѣщается въ кабакѣ, въ танцовальной залѣ, въ трактирѣ, въ конюшнѣ, въ погребѣ. Иногда ее переводятъ туда, куда можно пробраться лишь ползкомъ, въ комнату, гдѣ можно задохнуться, въ овинъ, гдѣ дѣти мерзнутъ. Если отъ плохаго школьнаго помѣщенія происходилъ страшнѣйшій вредъ для физическаго развитія дитяти, то преподаваніе невѣжественныхъ, безнравственныхъ учителей еще больше вредило его умственному и нравственному развитію. Большею частію учителями были горбатые, кривые, косые — несчастные люди, которые вслѣдствіе физическихъ недостатковъ не могли добывать себѣ пропитаніе; отчасти это были спившіеся сапожники, портные, мастеровые. Обыкновенно они не только не знали больше своихъ учениковъ, но очень часто не умѣли даже ни читать, ни писать. Нерѣдко они внушали своимъ воспитанникамъ то, за что сажаютъ въ тюрьмы и отсылаютъ на галеры. Любопытно, что этотъ сбродъ, не смотря на трудность добыть множество офиціальныхъ рекомендацій и документовъ, умѣлъ запастись всѣмъ нужнымъ для учительскихъ должностей у мѣстнаго духовен-

ства и у властей. Такъ, развѣ съ небольшими улучшеніями, дѣло шло до царствованія Наполеона III. Въ 40-хъ годахъ, правда, началось замѣтное движеніе въ обществѣ въ пользу народнаго образованія. Множество людей открывали воскресныя школы и вечерніе классы, но такъ какъ зло уже пустило глубокіе корни и эти ревнители просвѣщенія нерѣдко усердствовали изъ моды, то школьное дѣло очень мало подвинулось впередъ. Тѣмъ не менѣе матеріальное состояніе учителя было улучшено: послѣ пятилѣтней службы онъ получалъ отъ 600 до 800 франковъ, учительницы отъ 400 до 500 франковъ. Средній окладъ содержанія 1863 года равнялся 798-ми франкамъ и учителя по большей части пользовались при этомъ квартирой; но и такое жалованье, конечно, крайне недостаточно. При этомъ положеніе ихъ совершенно зависимое и шаткое: они подчинены инспекторамъ, надзирающимъ за элементарнымъ образованіемъ, префекту, подпрефекту, мэру, должны быть всегда въ ладу со священникомъ. Во время второй имперіи до франко-прусской войны, учителя, какъ и во время Наполеона I, служили политическимъ цѣлямъ. Не усердіе къ преподаванію требовалось отъ нихъ, а усердная помощь правительству въ выборахъ. Ихъ десятками выгоняли съ должностей и высылали даже на житье въ другія мѣстности, когда не былъ выбранъ правительственный кандидатъ. «Одному изъ учителей былъ отданъ приказъ поддерживать правительственнаго кандидата и не входить ни въ какія сношенія съ кандидатомъ оппозиціи; учитель такъ испугался, что нѣсколько дней не выходилъ изъ своего дома. Въ день выбора онъ подалъ голосъ за правительственнаго кандидата, но его все-таки выслали изъ общины за недостатокъ рвенія».

Не смотря на жалкое положеніе народнаго учителя, у него являются конкурентами учителя изъ членовъ конгрегацій, «увеличивающіе свои бюджеты при помощи разныхъ хитростей на счетъ сельскихъ жителей.»

Большая часть расходовъ по элементарному образованію уплачивается общинами, затѣмъ гораздо меньшая — департаментами, школьными взносами и наконецъ правительствомъ. Помощь правительства въ этомъ дѣлѣ въ 1868 году простиралась до 4 милліоновъ 200 тысячъ франковъ, а въ 1869 году она возвысилась почти до $9^1/_2$ милліоновъ. Если сложить все, что расходуется во Франціи на народное образованіе и затѣмъ разложить эту сумму по числу жителей, то выйдетъ, что каждый человѣкъ получаетъ не болѣе одного франка въ годъ на свое образованіе. На эти деньги разумѣется нельзя не только дать образованіе, но и чему нибудь обучить. Нѣкоторые штаты Сѣверной Америки издерживаютъ на образованіе каждаго человѣка по 15 франковъ. Въ Даніи и въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ на каждаго жителя приходится по 5-ти франковъ. «Даже въ Канадѣ расходъ этотъ достигаетъ 4-хъ франковъ 50 сантимовъ, несмотря на рѣдкость капитала и неблагопріятныя климатическія условія. А Франція, съ богатой почвой, съ прекраснымъ климатомъ, съ громадными капиталами, съ бюджетомъ въ два милліарда, не въ состояніи платить того, что платитъ ея бывшая колонія.»

Теперь, послѣ опустошительной войны съ нѣмцами, послѣ уплаты имъ разорительной контрибуціи, Франція по всей вѣроятности и не можетъ затрачивать много на народное образованіе; но и прежде войны, въ то время, когда правительство страны бросало милліарды на новые бульвары, улицы, зданія, когда оно сразу отпускало по нѣсколько милліоновъ для того только, чтобы сломать новый мостъ, прекрасно и изящно выстроенный и ввести его въ линію улицы, когда оно ежегодно затрачивало болѣе $1^1/_2$ милліона франковъ

на парижскіе театры, въ то же время это самое правительство на элементарное образованіе отпускало не болѣе $9^1/_2$ милліоновъ.

Такая незначительная затрата и вышеуказанное жалкое положеніе учителя даютъ слѣдущіе печальные результаты: въ 1862 году одна треть всѣхъ рекрутовъ была совершенно безграмотна На 100 мужчинъ, сочетавшихся бракомъ, 28 не умѣли подписать своего имени, на 100 женщинъ — 43 не умѣли ни читать, ни писать. Если прибавить къ этому, что въ рабочихъ классахъ весьма многіе затрудняются подписать свое имя, можно заключить, что почти половина населенія безграмотна или столь плохо обучена, что грамотность не имѣетъ для нея никакого значенія. Въ нѣкоторыхъ департаментахъ невѣжество женщинъ почти такое же поголовное, какъ въ Испаніи и въ южной Италіи. Такъ въ Арріежу только 14 на 100 могли подписать брачный договоръ; въ Верхнихъ Пиринеяхъ—17; въ Верхней Віеннѣ—19.

Первоначальныя школы въ Парижѣ составляютъ въ этомъ отношеніи счастливое исключеніе. Онѣ содержатся на городской счетъ; отъ казны городъ не беретъ никакого пособія, а самъ тратитъ на этотъ предметъ до 30 милліоновъ франковъ. Обученіе вездѣ безплатное, кромѣ того ученикамъ даются даромъ всѣ пособія. Учителями въ этихъ школахъ являются личности, уже болѣе знающіе. И это понятно: здѣсь талантливые люди могутъ найти хорошія книги, составить кружокъ пріятелей изъ людей занимающихся и серьезныхъ. Къ тому же здѣсь они получаютъ и больше жалованья. Преподаваніе въ парижскихъ школахъ не останавливается на одной грамотности. Кромѣ чтенія и письма въ кругъ преподаванія входятъ главныя понятія о природѣ, исторія, географія, арифметика. Благодаря всему этому педагогическое дѣло здѣсь идетъ гораздо лучше, чѣмъ въ провинціяхъ, и на послѣдней всемірной выставкѣ въ Вѣнѣ Парижъ получилъ почетный дипломъ за первоначальное обученіе. Въ 1871 году Парижъ имѣлъ 341 учебное заведеніе (établissements scolaires élémentaires), въ томъ числѣ: 94 пріюта (salles d'asile, изъ нихъ 65 свѣтскихъ и 29 духовныхъ, congréganistes); 123 школы для мальчиковъ (изъ нихъ 69 свѣтскихъ и 54 духовныхъ) и 124 женскихъ (65 свѣтскихъ и 59 духовныхъ).

Тоже самое приходится сказать о средне-учебныхъ заведеніяхъ (enseignement secondaire): обученіе и воспитаніе въ нихъ также печально, какъ и въ народныхъ школахъ. Среднее образованіе дается, какъ и начальное, въ публичныхъ и вольныхъ или частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Публичныя учебныя заведенія: лицеи (Lycées) и общинные коллежи (colléges communaux). Во Франціи до 80 лицеевъ. Воспитаніе въ нихъ продолжается 10-ть лѣтъ: годъ въ начальномъ классѣ (élémentaire), два въ приготовительномъ (classe prèparatoire élémentaire или cours d'enseignement primaire), три въ грамматическомъ и четыре въ высшемъ, гдѣ изучаютъ словесность (les lettres) и науки физико-математическія (sciences). Собственно обязательный лицейскій курсъ обнимаетъ два послѣдніе разряда: грамматическій и высшій, слѣдовательно длится 7 лѣтъ. Лицеи—заведенія закрытыя, и внутренняя дисциплина ихъ съ одной стороны напоминаетъ монастырь, съ другой казарму. Все преподаваніе основано здѣсь на чисто механическомъ зазубриваньи и молодые люди выходятъ изъ этихъ заведеній крайне невѣжественными. Этому не мало способствуетъ казарменная жизнь въ этихъ закрытыхъ заведеніяхъ. Воспитаннику совсѣмъ не даютъ работать самостоятельно. Въ классѣ преподаватель диктуетъ урокъ и правила и заставляетъ ихъ учить при себѣ, внѣ

класса онъ тоже самое учитъ подъ руководствомъ репетитора и такимъ образомъ никогда не работаетъ одинъ. Въ 9 часовъ вечера двери и ворота лицея запираются на замокъ и никто не можетъ выйти, ни войти туда, безъ разрѣшенія начальства. Отправляясь въ отпускъ и то только къ роднымъ, учащіеся должны имѣть провожатаго. Письма родителей къ сыновьямъ и обратно идутъ черезъ руки начальства. День распредѣленъ по часамъ и получасамъ съ математическою точностью.

Весьма пагубное вліяніе имѣютъ также «общіе конкурсы» (concours général). Каждый годъ различные парижскіе лицеи и частные пансіоны посылаютъ лучшихъ учениковъ въ Сорбонну. Тамъ они пишутъ сочиненія и за лучшія изъ нихъ раздаютъ награды на торжественномъ актѣ, который обыкновенно начинается латинской рѣчью, сочиненною профессоромъ реторики. То учебное заведеніе, на долю котораго выпало больше наградъ на конкурсѣ, съ слѣдующаго же года пріобрѣтаетъ больше воспитанниковъ. Поэтому конкурсы развиваютъ духъ соревнованія и честолюбія въ ученикахъ и еще гораздо больше въ начальникахъ заведеній: для однихъ изъ нихъ конкурсъ — надежда на славу, для другихъ — денежный вопросъ. Это не было бы еще особенно дурно, если бы для достиженія этихъ наградъ не пренебрегали всею массою учениковъ, занимаясь исключительно тѣми, которые подаютъ надежду быть увѣнчанными рукою самаго министра, при звукахъ музыки, въ большой залѣ Сорбонны. Въ классѣ, состоящемъ обыкновенно изъ 50 учениковъ, преподаватель внимательно занимается только съ семью или восемью, которые имѣютъ шансы одержать побѣду на торжественныхъ состязаніяхъ. «Идти на конкурсъ», — эту фразу вы постоянно слышите изъ устъ педагоговъ средне-учебныхъ заведеній. Вся масса учениковъ, которые не подаютъ лестныхъ надеждъ, проводитъ время, какъ ей заблагоразсудится, лишь бы она строго исполняла всѣ предписанія заведенія: въ назначенный часъ и минуту была въ залѣ, въ корридорѣ, въ классѣ, въ постели. Большая часть изъ нихъ обыкновенно занята чтеніемъ самыхъ пошлыхъ романовъ.

Для начальниковъ частныхъ пансіоновъ полученіе наградъ на конкурсахъ еще важнѣе и они еще болѣе, чѣмъ въ лицеяхъ, все приносятъ этому въ жертву. Для этой цѣли они по окончаніи конкурса печатаютъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ перечисляютъ всѣ побѣды, одержанныя ихъ воспитанниками Мало того, многіе изъ нихъ путешествуютъ даже по провинціямъ и набираютъ тамъ воспитанниковъ, которые показались имъ способными, но родители которыхъ не на столько богаты, чтобы платить за ихъ воспитаніе. Этихъ воспитанниковъ принимаютъ, обучаютъ даромъ, а они потомъ отплачиваютъ наградами на конкурсахъ. Трудно представить себѣ, какую тяжелую жизнь ведутъ здѣсь эти юноши, получающіе даровое воспитаніе. За каждую прогулку, за каждое развлеченіе въ свободное для всѣхъ время ихъ упрекаютъ благодѣяніемъ, которое имъ оказываетъ заведеніе. Однажды одинъ изъ этихъ несчастныхъ сталъ сильно проситься на праздникъ домой: «Какъ! конкурсъ приближается, а вы не учитесь: вы не умѣете цѣнить всѣхъ жертвъ, которыя приноситъ для васъ заведеніе». За то есть люди, которые умѣютъ пользоваться честолюбіемъ и жадностью этихъ начальниковъ. Одна небогатая, но ловкая женщина помѣстила въ такое заведеніе своего сына. Ребенокъ уже въ первые годы получилъ три награды на конкурсѣ. Тогда мать стала говорить директору, что ей необходимо перевести его въ другое заведеніе и такъ отлично разыграла свою роль, что директоръ согласился платить ей въ годъ по 1200

франковъ, лишь бы она не брала отъ него своего сына. Когда для юношей, обращавшихъ на себя мало вниманія своихъ преподавателей, наступаетъ пора покончить занятія, они выучиваютъ наизустъ руководство для экзамена на степень *баккалавра*. Подобный экзаменъ выдержать не трудно, благодаря жалкой программѣ: нѣсколько латинскихъ и греческихъ отрывковъ наизустъ, нѣсколько французскихъ авторовъ, а именно: Корнеля, Буало, Расина, Лафонтена и Мольера, нѣсколько отрывковъ изъ философіи, исторіи и географіи, кое-что изъ математики. Трудно себѣ представить, какой вздоръ говорятъ молодые люди, когда экзаменатору вздумается остановить кого нибудь изъ нихъ и испытать, имѣетъ ли какое нибудь понятіе экзаменующійся о томъ, что онъ отвѣчаетъ. Ко всему сказанному необходимо прибавить, что во всѣхъ этихъ заведеніяхъ совершенно пренебрегаютъ новыми языками и изучаютъ древніе чисто схоластически.

Университетъ имѣетъ во Франціи совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ у насъ или въ Германіи. У насъ и у нѣмцевъ университетъ есть высшее учебное и образовательное заведеніе, рѣзко отдѣленное отъ среднихъ и низшихъ и состоящее изъ нѣсколькихъ факультетовъ. Во Франціи университетъ есть совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній, соединенныхъ въ одну систему, подвѣдомственныхъ одному управленію. Всѣ заведенія, входящія въ составъ университета, раздѣлены на три степени: на начальныя учебныя заведенія, на среднія и на высшія.

Высшія учебныя заведенія, принадлежащія къ составу французскаго университета: факультеты и высшія фармацевтическія школы. Во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе публичное. Каждый можетъ, не спрашивая ни у кого позволенія, слушать лекціи, какія хочетъ и сколько ему угодно. Честолюбіе и желаніе выказать себя, которымъ особенно отличаются французскіе профессора, заставляетъ ихъ избирать самыя неподходящія для науки средства, чтобы занять эту разнохарактерную толпу, изъ которой часто половина является въ первый разъ. Вотъ и пускаются въ ходъ анекдоты, подходящіе къ направленію и интересамъ минуты, громкія, красивыя фразы и общія мѣста. Замѣчено, что въ аудиторіи тѣмъ больше публики, чѣмъ хуже стоитъ погода,—тогда множества народа забѣгаетъ сюда укрыться отъ дождя и вѣтра.

Факультетовъ во Франціи 51: 16 физико-математическихъ (des sciences), столько же словесныхъ (des lettres), 9 юридическихъ (de droit), 7 богословскихъ (de théologie) и наконецъ 3 медицинскихъ. Французскіе факультеты не соединены вмѣстѣ, какъ у насъ, а составляютъ каждый совершенно отдѣльное отъ прочихъ учебное заведеніе. Хотя въ Сорбоннѣ и три факультета, но ихъ связь состоитъ только въ томъ, что они помѣщаются въ одномъ зданіи. Высшее образованіе идетъ не лучше средняго. Тутъ прежде всего чувствуется страшный недостатокъ въ талантливыхъ профессорахъ, въ пособіяхъ и денежныхъ средствахъ. Поговоримъ прежде о пособіяхъ. Въ библіотекѣ знаменитой Collège de France болѣе 40 тысячъ томовъ, но вы ничего въ ней не найдете: мѣста для нея отведено такъ мало, что библіотекаря съ трудомъ протискиваются въ проходахъ, книги сложены въ кучу за дверями, на чердакахъ, на окнахъ и т. п. Химическая лабораторія такъ мала, что всѣ студенты рѣшительно не могутъ присутствовать при опытахъ. Для хирургическихъ инструментовъ тоже нѣтъ мѣста и поэтому большая часть ихъ спрятана въ различныхъ ящикахъ. Практическое изученіе медицины имѣетъ здѣсь еще болѣе жалкій видъ; всюду страшная тѣснота и грязь. Въ анатомическомъ театрѣ

трупы распространяютъ убійственную атмосферу, отравляющую весь кварталъ и вдыхаемую больными, лежащими въ сосѣднемъ госпиталѣ. Нѣсколько профессоровъ имѣютъ тамъ свои физіологическія лабораторіи, и можно себѣ представить, каково имъ тамъ заниматься.

Музей естественной исторіи находится еще въ болѣе плачевномъ положеніи: нѣкоторыя отдѣленія его такъ сыры, что плесень сплошь покрываетъ чучелы животныхъ, хранящіяся въ нихъ, и единственное средство ихъ поддерживать—вытирать каждый день губками. Въ другихъ комнатахъ течетъ во время сильнаго дождя, и вода капаетъ черезъ потолокъ по стѣнамъ. Въ отдѣленіи пресмыкающихся змѣи быстро умираютъ отъ крупа единственно отъ сырости. Въ отдѣленіи, гдѣ помѣщены гербаріумы, нѣтъ никакой описи, никакого каталога.

ШВЕЙЦАРІЯ.

АЛЬПЫ

Альпійская природа.—Характеристика горной области: жизнь, движеніе и богатство окружающей природы.—Климатъ.—Фёнъ и его вліяніе на природу, людей и животныхъ.—Туманы.—Зима, весна, лѣто и осень въ горной области.—Дикіе, бурные потоки и страшнѣйшій вредъ, приносимый ими жителямъ.—Майскіе ключи.—Пещеры.

Ни одна въ мірѣ цѣпь горъ не представляетъ такого разнообразія формъ и оттѣнковъ, такого множества великолѣпныхъ видовъ, такой замѣчательно-богатой природы, какъ Альпы. Въ то время, когда въ Альпійскихъ долинахъ во всей красотѣ зеленѣетъ пышная листва толстоствольныхъ, высокихъ каштановъ, когда на лугахъ пестрѣетъ роскошная растительность и жители собираютъ богатую жатву и сочный виноградъ, ихъ близкіе сосѣди половину года терпятъ отъ холода. Тамъ есть и такія мѣста, гдѣ люди десять мѣсяцевъ въ году проводятъ среди мятелей и убійственнаго ненастья.

Невозможно не только опредѣлить, но и вполнѣ изслѣдовать разнообразныя богатства альпійскаго міра. Однако смѣло можно утверждать, что Альпы единственная цѣпь горъ въ Европѣ, которая въ такой степени соединяетъ въ себѣ растенія и животныхъ всѣхъ европейскихъ поясовъ. Растенія и животныя крайняго сѣвера и самаго юга Европы собраны здѣсь на небольшомъ пространствѣ.

На разстояніи нѣсколькихъ верстъ можно видѣть животный и растительный міръ цѣлыхъ 30-ти градусовъ широты. Нигдѣ въ остальной Европѣ метеорологическія явленія не имѣютъ той ужасающей силы, не представляютъ такого разнообразія и поразительно—грандіознаго величія, какъ въ Альпахъ. Видъ и положеніе той или другой альпійской мѣстности то и дѣло мѣняются. Очень часто деревня, сегодня цвѣтущая, завтра можетъ быть погребена подъ лавиною, или снѣжнымъ обваломъ.

Невозможно въ нѣсколькихъ словахъ описать всю прелесть альпійской природы! Она такъ разнообразна, что съ каждымъ поворотомъ дороги, когда вы наблюдаете ее съ глетчера (ледника), или изъ долины, съ разной высоты горъ, смотря по времени года и дня — утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью,

вы видите передъ собою чудную, всегда новую картину, нисколько не похожую ни на одну изъ видѣнныхъ вами прежде.

Но, чтобъ видѣть различныя явленія природы, понять замѣчательное разнообразіе и всю красоту той или другой альпійской области, необходимо самому лазить по горнымъ вершинамъ, взбираться на крутыя скалы, обойти цѣлые лабиринты ледниковъ и снѣговыхъ полей, побродить по берегамъ прозрачныхъ озеръ, по цвѣтущимъ склонамъ, обрамляющимъ шумные водопады, или по мрачнымъ, пустыннымъ лѣсамъ, проникнуть даже въ гроты, изъ которыхъ вырываются горные потоки и ручьи.

Отъ самыхъ высокихъ вершинъ вплоть до населенныхъ долинъ цѣлыми десятками спускаются *ледники*, гигантскія ледяныя массы, похожія на замерзшія рѣки. Подойдите ближе къ подошвѣ такого ледника, и вы увидите передъ собою гротъ, сіяющій фантастическими красками. Гулъ и грохотъ отъ камней, отъ времени до времени ниспадающихъ на ледники съ нависшихъ надъ ними скалъ, какъ нельзя лучше гармонируетъ съ окружающей обстановкой. Тутъ же вы лучше можете разсмотрѣть шероховатую, волнообразную поверхность ледника, заваленную въ страшномъ безпорядкѣ громадными массами обломковъ и пересѣченную глубокими трещинами, въ которыхъ вы видите прелестную игру синихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Тамъ и сямъ у подошвы ледниковъ дико вырываются мутные источники.

По мѣрѣ того, какъ вы подымаетесь на ту или другую высоту, мѣняются климатъ, виды водныхъ теченій, породы растеній и животныхъ, особеннымъ образомъ осѣдаютъ испаренія, замѣтно различное дѣйствіе вѣтровъ и солнечныхъ лучей; звѣзды, луна и самое небо представляютъ иную ясность, оттѣнки, даже другіе цвѣта. На основаніи всего этого обыкновенно раздѣляютъ всю альпійскую природу на три полосы, или области: *на горную область* отъ 2,500 до 4,000 ф. высоты, надъ уровнемъ моря; 2) отъ 4,000 ф. до 7,000 ф. высоты—средняя, собственно *альпійская область* и 3) *снѣжная область*—отъ 7,000 до 14,000 ф. высоты. Горная полоса весьма богата роскошною растительностью и прекрасными лугами; здѣсь центръ жизни и движенія, средоточіе промышленной и общественной дѣятельности. Тутъ по долинамъ и горнымъ склонамъ разсыпаны шалэ, красивые города, мызы, деревни. А вонъ тамъ дальше долина поднимается выше надъ уровнемъ моря. Вмѣстѣ съ нею также возвышаются дома, сады, пашни... Эти идущія вверхъ долины также покрыты богатыми каштановыми деревьями, виноградниками, разукрашены маленькими голубыми озерами и прелестными источниками хрустальной, прозрачной, нѣсколько зеленоватой воды.

Лишь въ очень немногихъ мѣстахъ встрѣчаются въ этой области слѣды бѣдности природы. На каждомъ шагу она представляетъ прелестные виды: потоки глетчеровъ, русла множества источниковъ, воды, просачивающіяся изъ скалъ, самые фантастическіе и разнообразной формы водопады; это область горныхъ, густыхъ, *заповѣдныхъ* лѣсовъ; тутъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, земля доступна обработкѣ, даетъ самую разнообразную зелень, хлѣба, цвѣты, тутъ разстилаются огромные, тучные луга. Только въ совершенно удаленныхъ отъ солнца, глубоко изрытыхъ горныхъ котловинахъ встрѣтится клочекъ снѣга. Климатъ этой области весьма различенъ. Гдѣ долины открыты для сѣвернаго вѣтра, или стѣны горъ оставляютъ лишь узкую, плохо освѣщаемую полосу, тамъ холодъ сильнѣе, чѣмъ въ долинахъ, лежащихъ выше, но защищенныхъ со всѣхъ сторонъ и открытыхъ съ юга. Теплота много зависитъ отъ

освѣщенія мѣстности солнцемъ, а еще больше отъ господствующихъ вѣтровъ, изъ которыхъ многіе производятъ иногда опустошительные вихри и песчанные смерчи. Во всей горной области Швейцаріи, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, самый извѣстный и оригинальный вѣтеръ *фёнъ*. Самумъ Сахары, пронесшись черезъ море и отравивъ итальянскій воздухъ подъ именемъ сирокко, врывается сквозь ущелья Альпъ, черезъ Сенъ-Готардъ и долину Рейса, — тутъ его уже зовутъ новымъ именемъ—фёнъ. По мѣстнымъ наблюденіямъ фёнъ чаще всего является зимою и въ началѣ весны; затѣмъ чаще и сильнѣе ночью, нежели днемъ, — когда вообще въ воздухѣ бываетъ холоднѣе. По нѣкоторымъ явленіямъ угадываютъ приближеніе фёна. На югѣ горизонта показываются легкія, пестрыя облака, которыя окутываютъ, какъ дымкою, вершины горъ; небо принимаетъ красный оттѣнокъ и тусклое солнце скоро заходитъ. Ночь начинается страшной духотой, чувствуется какая-то особенная сухость воздуха. Мѣсяцъ окруженъ красноватымъ, мутнымъ кругомъ; звѣзды блестятъ и сверкаютъ ярче обыкновеннаго; воздухъ мало по малу становится до такой степени прозрачнымъ, что горы кажутся гораздо ближе. Вотъ подулъ откуда-то вѣтерокъ, раздается шелестъ листьевъ, шумъ потоковъ и ручьевъ, жизнь, или, лучше сказать, ропотъ повсюду становятся все громче и громче. Вдругъ врывается сильный порывъ вѣтра, который сперва бываетъ холоденъ и суровъ... Новый порывъ, и теперь онъ уже обдаетъ своимъ горячимъ дыханіемъ. Эти бѣшенные порывы фёна доходятъ иногда до страшныхъ урагановъ, продолжаются по два и по три дня, ломаютъ тысячи деревьевъ и сбрасываютъ ихъ съ вершинъ скалъ въ глубину, срываютъ крыши съ домовъ и мельницъ, однимъ словомъ распространяютъ ужасъ по всей мѣстности. Сильнѣе всего свирѣпствуетъ онъ въ долинахъ, примыкающихъ къ сѣвернымъ склонамъ. Безпокойство природы смущаетъ и животныхъ. Пугливо сбѣгаются серны на сѣверную сторону горы, или въ глубокія котловины скалъ. Лошади, коровы, козы съ безпокойствомъ ищутъ свѣжаго воздуха, потому что фёнъ сушитъ имъ горло. Ни одной птицы не замѣтно ни въ лѣсу, ни въ полѣ, и если этотъ вѣтеръ захватитъ кого нибудь изъ нихъ во время ихъ странствій изъ одной страны въ другую, онѣ прячутся въ закрытыя мѣста. Это явленіе имѣетъ страшное вліяніе на человѣка: дыханіе захватываетъ въ груди, становится душно, тяжело и кровообращеніе дѣлается неправильнымъ. Днемъ все прячется отъ фена, все бросается въ разныя стороны. Лишь только появляется первое предвѣстіе этого страшнаго врага, какъ всюду начинаютъ захлопывать двери балконовъ и окна. Вихри горячей пыли носятся столбомъ, листья падаютъ, вѣтеръ стонетъ въ ущельяхъ, въ трубахъ домовъ, въ снастяхъ парохода. Когда ждутъ появленія фёна ночью, то начинаютъ тушить костры у стадъ и огни въ печахъ. Особые надсмотрщики бѣгаютъ изъ дома въ домъ и смотрятъ, все-ли потушено, такъ какъ этотъ вѣтеръ при сухости воздуха и деревянныхъ постройкахъ часто причиняетъ страшные пожары. Фёнъ въ то же время и оживляетъ природу. Во всей горной области онъ растопляетъ снѣга, и часто однимъ взмахомъ измѣняетъ видъ мѣстности. Въ Гриденвальдской долинѣ въ теченіи 12-ти часовъ фёнъ растопляетъ слой снѣга въ $2^1/_2$ фута толщины; при этомъ ему не можетъ противостоять и старый, упругій слой снѣга, который солнце растопляетъ долгое время безуспѣшно. Если бы онъ отъ времени до времени не сметалъ накопившійся снѣгъ, то въ нѣкоторыхъ верхнихъ долинахъ не было бы ни лѣта, ни жизни, а только лежали бы ледяныя поля. Но за то онъ быстро сушитъ цвѣты, деревья; уничтожаетъ жатву,

палитъ землю, сожигаетъ и дѣлаетъ черной даже крапиву, какъ будто по ней прошелъ огонь. Букъ и гречиха также не растутъ на тѣхъ склонахъ, по которымъ часто пролетаетъ фёнъ.

Другое характерное явленіе горной области — туманы. Туманы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этой области иногда бываютъ сплошь круглый годъ. Иногда они до того усиливаются, что въ двухъ шагахъ нельзя различить человѣка. Они ложатся полосами и клочками на горы, лѣса и ручьи; густыми клубами катятся они по долинамъ, останавливаясь въ ложбинахъ горъ, или громоздятся другъ на друга высокою стѣною въ нѣсколько тысячъ футовъ. На растительную жизнь туманы дѣйствуютъ не особенно благодѣтельно, такъ какъ они пропитываютъ холодомъ и сыростью воздухъ и землю. Напротивъ во время сухаго и жаркаго лѣта они охраняютъ растительность отъ засухи, принося ей влагу. На болѣе высокихъ горныхъ уступахъ и высочайшихъ вершинахъ туманы клубятся и въ самое ясное лѣтнее время. Иногда они здѣсь бываютъ до того сильны, что въ шалашахъ звонятъ, чтобы дать знать пастухамъ о дорогѣ, иначе даже привычному человѣку очень легко заблудиться.

Зима въ горной области начинается съ конца декабря, но наступаетъ не сразу и не въ одно и то же время во всѣхъ мѣстностяхъ. Уже въ октябрѣ и ноябрѣ появляется кое-гдѣ снѣгъ, морозы, образуется ледъ на ручьяхъ и иней на кустахъ, но взойдетъ горячее солнце и все снова растопитъ. Но когда дни становятся совсѣмъ короткими, тогда часто въ одну ночь засыпаетъ снѣгомъ цѣлый округъ. Только на южной сторонѣ Альпъ и на теплыхъ скатахъ горъ еще сверкаетъ зелень и свѣжіе цвѣты. Наконецъ снѣгъ проникаетъ и на солнечную сторону и заваливаетъ лѣса, луга и поля. Ручьи леденѣютъ, водопады окаменѣваютъ и представляютъ собою замерзшія колонны изъ ледяныхъ сосулекъ у каменной стѣны. Только мѣстами остается свободнымъ отъ снѣга какое нибудь небольшое пространство, которое подвержено одному изъ сильныхъ вѣтровъ. Тогда жители горныхъ долинъ отправляются въ свои лѣса на саняхъ съ топорами. Во множествѣ горныхъ мѣстностей только зимняя дорога и дѣлаетъ возможнымъ вывозъ дровъ.

Теплые вѣтры извѣщаютъ о веснѣ и помогаютъ солнцу срывать снѣговой покровъ. Какъ и зима, весна не тотчасъ наступаетъ и часто потекшіе ручьи, запрыгавшіе водопады, засверкавшіе луга снова заносятся мятелью. Но разъ, когда ледъ уже былъ тронутъ, при первыхъ теплыхъ лучахъ солнца онъ быстро начинаетъ таять. Лѣса и кустарники одѣваются въ чудную зеленую одежду, зелень пробивается все больше и больше, и весь горный ландшафтъ начинаетъ звучать и шумѣть и въ воздухѣ, и въ водѣ. Съ каждой террасы бѣгутъ потоки, у каменистыхъ стѣнъ трещатъ ледяные столбы водопада, обливаемые свѣжимъ ливнемъ, и съ страшнымъ трескомъ валятся въ глубоко изрытое ложе. Оттаявшія ледяныя глыбы грохочутъ по скаламъ; къ этому присоединяется глухой громъ катящихся съ вершинъ лавинъ и трещащихъ глетчеровъ, стукъ камней, скопившихся въ щеляхъ скалъ и оттаявшихъ во время оттепелей,—однимъ словомъ весна громко говоритъ о своемъ появленіи и всюду будитъ природу. Также громко привѣтствуетъ весну и весь животный міръ. «Дятлы и черные дрозды, сойки и сороки, синицы и бекасы, сѣрые дрозды и корольки, орлы и совы, вьюрки, кукушки, куропатки, глухари—все это свиститъ, кричитъ, каркаетъ, постукиваетъ, чирикаетъ и громко заявляетъ о себѣ. Вскорѣ къ нимъ присоединяется свистящая крыльями летучая мышь, куница, шелестящая бѣлка, ворчливый барсукъ, затѣмъ кузнечики и лягушки, цикады и

жуки, шмѐли и пчелы, осы и мухи — каждый со своимъ голосомъ, со своими особыми звуками, которые покрываются наконецъ блеяніемъ козъ, ржаніемъ лошадей, мычаніемъ коровъ, лаемъ собакъ, кудахтаньемъ куръ, стоголоснымъ звономъ и бренчаньемъ стадъ. Весна — это самый шумный, самый звучный, тысячеголосный періодъ въ природѣ».

Лѣтомъ и осенью часто являются дикіе, бурные потоки. Они представляютъ самое страшное и опасное явленіе природы въ этой области. Обыкновенно они приносятъ даже болѣе вреда, чѣмъ лавины и бури. Потоки эти нерѣдко превращаются въ нѣсколько часовъ въ огромныя, бурныя рѣки; это чаще всего случается послѣ продолжительныхъ ливней лѣтомъ и осенью, когда фёнъ растопляетъ массы горнаго снѣга. Тогда воды эти собираются вверху на покатыхъ поляхъ, затѣмъ, падая внизъ съ бѣшеною силою, онѣ прорываютъ себѣ ложе сквозь огромные обломки скалъ, несутъ въ своихъ желто-грязныхъ волнахъ стоячія ели, валуны, песокъ, землю; часто вырвавшись изъ своего русла, вслѣдствіе какого нибудь сильнаго сопротивленія и напора, онѣ разливаются по долинѣ, по обработаннымъ полямъ и лугамъ и такъ свирѣпствуютъ, бѣгутъ, ревутъ, пока наконецъ не низвергаются въ какую нибудь рѣку въ глубинѣ долины. Трескъ, шумъ, громъ отъ этого низверженія, отъ этихъ дико-катящихся другъ черезъ друга каменныхъ глыбъ раздаются по горамъ и долинамъ и наводятъ на жителей отчаяніе. Они бѣгутъ съ шестами, баграми, заступами и стараются по возможности воспрепятствовать напору и раздробить его. Крики, вопли сливаются съ шумомъ и трескомъ каменныхъ скалъ, съ рокотомъ разбушевавшагося потока. Эти дикіе потоки иногда въ нѣсколько часовъ превращаютъ богатыя пастбища и пашни въ каменныя груды и песчаныя пустыни. Нерѣдко они сносятъ дома, конюшни, хлѣва и уничтожаютъ цѣлыя долины. Эти наводненія уступаютъ по производимому ими ужасу развѣ только одному явленію альпійской природы—обваламъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже въ особой статьѣ. Горная область не только богата прѣсными источниками, которые иногда съ необыкновенною силой вырываются изъ скалъ, но и перемежающимися источниками, которые называются здѣсь *майскими ключами*. Они появляются во время таянія снѣговъ, вслѣдствіе переполненія внутреннихъ водяныхъ жилъ горы, которыя въ это время должны находить для себя новый выходъ. Между этими *майскими ключами* особенно замѣчателенъ источникъ нижне-энгадинской долины Ассы, который вырывается изъ пещеры известковой скалы и изливается въ помѣстительный бассейнъ, а оттуда уже бѣжитъ въ долину сильнымъ ручьемъ. Онъ начинаетъ течь въ 9 часовъ утра, но затѣмъ въ теченіи дня три раза прекращается на три часа.

Не менѣе замѣчательное явленіе почти всѣхъ альпійскихъ мѣстностей—*пещеры*. Онѣ представляются здѣсь въ самомъ разнообразномъ видѣ: то вы видите передъ собою небольшое углубленіе въ скалу съ выдающимся сверху навѣсомъ; то представляются онѣ ущелистыми углубленіями, наконецъ—какъ проломы въ самой горѣ. Внутренность этихъ пещеръ иногда очень обширна, съ узкими ходами, съ ямами, съ подземными бассейнами воды, съ ручьями и огромными разсѣлинами, уходящими глубоко внутрь горы. Многіе изъ этихъ пещеръ служили убѣжищами для преслѣдуемыхъ и жилищами для разбойниковъ; во многихъ изъ нихъ находятъ окаменѣлыя кости, римскія и древнегермецкія монеты, раковины, округленные валуны серпентина, которыхъ въ горахъ не встрѣчается, или массы горныхъ кристалловъ, остатки хищныхъ животныхъ, которыя исчезли въ странѣ уже сотни лѣтъ тому назадъ,

или, наконецъ, никогда не тающія массы снѣга и льда. Кристаллы и известковые натеки самыхъ разнообразныхъ формъ украшаютъ внутренность этихъ оригинальныхъ жилищъ.

Богатство и разнообразіе растительности горной области.—Кукуруза.—Виноградная лоза.—Каштаны.—Ихъ польза и значеніе для мѣстныхъ жителей.—Цвѣты.—Животная жизнь.—Пернатые обитатели.—Дѣвственные альпійскіе лѣса.—Заповѣдные лѣса.—Вліяніе лѣса на климатъ и почву.—Ужасныя послѣдствія истребленія лѣсовъ.

Горная область отличается особеннымъ богатствомъ растительности. Невозможно точно обозначить начало и предѣлъ растительности на той или другой высотѣ. Въ мѣстностяхъ, охраненныхъ такъ или иначе отъ суровой погоды, растенія могутъ произрастать и на несвойственной имъ высотѣ. На солнечной сторонѣ каждое растеніе можетъ жить на 400—500 ф. выше своего обычнаго уровня.

Блестящіе, длинные листья высокаго *маиса* покрываютъ собою плодородную почву многихъ долинъ. *Табакъ*, *спаржа*, *абрикосы* и *персики* встрѣчаются также въ очень многихъ мѣстахъ, часто даже и на высотѣ 2,500 ф. надъ уровнемъ моря. *Пшеница*, *рожь* и другія хлѣбныя растенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ богатую жатву и воздѣлываются съ большимъ успѣхомъ, хотя часто ихъ и не хватаетъ для продовольствія мѣстныхъ жителей. Названныя растенія занимаютъ большія пространства земли до 2,700 ф., но часто встрѣчаются хлѣбныя поля и на гораздо большей высотѣ. Высшая граница хлѣбовъ для сѣверной Швейцаріи—3,500 ф.; въ Бернскихъ Альпахъ—4,700 ф.; въ Граубинденѣ—5,600 ф., а на южномъ склонѣ Монте-Роза рожь и овесъ растутъ еще и на высотѣ 6,096 ф. надъ уровнемъ моря. Изъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются *орѣшникъ*, *бѣлая ольха* и *вязъ*, который, не смотря на свою темную листву, не лишаетъ пейзажъ игриваго характера. *Виноградныя лозы* не только окаймляютъ дороги, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ необыкновенною граціею обвиваютъ частоколы палисадниковъ, поднимаются выше на балконы втораго и третьяго этажа и свѣшиваютъ на перилы безчисленное количество кистей, усѣянныхъ сочными ягодами. Но еще болѣе прелестный видъ представляетъ виноградъ тогда, когда его лоза обвиваетъ высокій стволъ какого нибудь дерева: она окружаетъ его своими листьями и, поднимаясь между гибкими вѣтвями дерева, распадается на красивыя гирлянды. Далѣе попадается *грецкій орѣхъ*, который достигаетъ въ сѣверныхъ швейцарскихъ Альпахъ приблизительно до 2,500 ф. Часто попадается *шелковица* или *тутовое дерево*, назначенное для разведенія шелковичныхъ червей.

Но лучшимъ украшеніемъ долинъ служатъ *каштановыя деревья* (въ южныхъ мѣстностяхъ онѣ растутъ на высотѣ 3,200 ф., а въ С. Галленѣ рѣдко достигаютъ даже и 2,000 ф.). Каштаны преимущественно покрываютъ долины южныхъ склоновъ Альпъ. Особенно въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ множествомъ потоковъ, можно встрѣтить цѣлые луга, осѣненные густою, пышною листвою каштановыхъ деревьевъ. Деревья эти по истинѣ изумительны, какъ по своей величинѣ и красотѣ, такъ и по пользѣ, доставляемой жителямъ. Покрывая своею тѣнью мшистую скалу или хижину, сзади которой шумитъ водопадъ, каштановое дерево погружаетъ въ пѣнистыхъ волнахъ свои гибкія вѣтви, высоко къ небу поднимаетъ свою вершину и скрашиваетъ пейзажъ. Стволы этихъ деревьевъ пусты внутри, такъ что нѣсколько человѣкъ заразъ могутъ

иногда укрыться въ нихъ, какъ въ павильонѣ. Но изумительнѣе всего то, что въ этомъ самомъ дуплѣ можно разводить даже огонь. Не смотря на то, что внутренность такимъ образомъ бываетъ обуглена, дерево это даетъ вкусные плоды. Часто пастухъ, снимая каштаны, жаритъ ихъ въ дуплѣ того же самаго дерева. Трудно перечислить всю пользу, которую доставляютъ каштановыя деревья. Плоды ихъ часто замѣняютъ хлѣбъ бѣдняку, а самое дерево идетъ на лучшія постройки. Кромѣ того каштановые лѣса даютъ ежегодно полтора милліона кубическихъ футовъ дровъ.

Горный кленъ, до 5,000 ф., съ раскидистыми вѣтвями и зубчатыми листьями, рѣдко встрѣчается большими массами и растетъ больше на известковой почвѣ. Между этими деревьями встрѣчаются экземпляры огромнаго объема. Кленъ пріобрѣлъ въ Швейцаріи историческую извѣстность. Еще до сихъ поръ близь Трунской часовни стоитъ тотъ самый кленъ, подъ которымъ былъ заключенъ клятвенный союзъ четырехъ кантоновъ. Ради его величественной красоты горные жители обсаживаютъ кленомъ свои жилища и заботливо оберегаютъ это дерево по отлогостямъ, гдѣ такъ часто ему угрожаютъ обвалы лавинъ.

Тамъ, гдѣ деревья отступаютъ на задній планъ, песчаные и каменистые берега ручьевъ и крутые выступы скалъ и овраговъ покрыты вкусными ягодами и различными травами, а на хорошихъ лугахъ и пастбищахъ встрѣчаешь богатую и разнообразную альпійскую флору.

Животный міръ во всемъ, разумѣется, зависитъ отъ растительнаго: особенно лѣса укрываютъ много животныхъ подъ своими вѣтвями и въ своихъ толстыхъ дуплахъ.

Если не легко точно опредѣлить предѣлъ высоты, до которой можетъ жить растеніе, то это еще труднѣе относительно подвижнаго животнаго міра. Голодъ, преслѣдованіе и состояніе температуры имѣютъ на мѣстопребываніе животнаго большое вліяніе; принуждаютъ его къ странствованіямъ и заставляютъ иногда переходить въ область, совершенно отличную отъ той, въ которой оно провело всю свою жизнь. Особенно зима побуждаетъ ихъ къ большимъ переселеніямъ сверху внизъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ начинаетъ селиться, обработываетъ и воздѣлываетъ почву, животныя постепенно начинаютъ исчезать и переселяться въ мѣста, болѣе отдаленныя отъ жилищъ человѣка.

На невысокихъ горахъ, густо покрытыхъ лиственнымъ лѣсомъ, можно встрѣтить большія стада *оленей*. Зимою снѣгъ заставляетъ ихъ спускаться съ горъ въ долины; лѣтомъ они поднимаются на вершины горъ средней величины; впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ замѣтно стараются держаться въ низкомъ кустарникѣ, гдѣ огромные, круглые, вѣтвистые рога не зацѣпятся за вѣтви. Во время бѣга олень замѣчательно легко и ловко перепрыгиваетъ холмы и огромныя рытвины, а въ случаѣ нужды, не задумываясь, переплываетъ большія рѣки.

Въ тѣхъ же самыхъ лѣсахъ можно встрѣтить *косулю*, животное, очень похожее на оленя, но поменьше его и съ едва замѣтнымъ хвостомъ. Мѣстные жители особенно любятъ самокъ косули, такъ какъ, пойманныя съ молоду, онѣ скоро дѣлаются ручными, какъ собаки привязываются къ хозяину и становятся настоящими домашними животными. Густые хвойные лѣса даютъ пріютъ *дикой кошкѣ*. Съ хитростью, свойственною всѣмъ кошкамъ, она подкрадывается къ птицѣ, сидящей въ гнѣздѣ, къ *зайцу*, а иногда къ *бѣлкѣ*, и къ *сонѣ*, которыхъ водится здѣсь довольно много. Большимъ звѣрямъ дикая кошка прыгаетъ на шею и перегрызаетъ имъ шейныя артеріи. Вообще это очень

опасный и кровожадный хищный звѣрь: онъ умерщвляетъ гораздо больше животныхъ, чѣмъ можетъ ихъ съѣсть; поэтому альпійскіе охотники жестоко его преслѣдуютъ. Но стрѣлокъ долженъ вѣрнѣе цѣлиться: если дикая кошка только подстрѣлена, то она съ яростью и фырканьемъ вскакиваетъ, сильно выгибаетъ спину, поднимаетъ хвостъ и съ шипѣніемъ приближается къ охотнику; тутъ она бѣшено бросается на него, глубоко впускаетъ въ его тѣло свои острые когти, особенно въ грудь, такъ что ее почти невозможно отцѣпить; такимъ образомъ она часто оставляетъ глубокія, смертельныя раны. Птицъ въ описываемой области попадается довольно много. Ихъ подвижность, пѣніе или крикъ, ихъ полетъ, разнообразіе красокъ и формъ много оживляетъ мѣстную природу.

Хотя вы не услышите здѣсь пѣсни соловья, но здѣшніе лѣса оглашаются не менѣе мелодическими звуками. Прежде чѣмъ розовыя утреннія облачка возвѣстятъ о приближеніи солнца, пробуждается дроздъ, стряхиваетъ росу со своихъ черныхъ, блестящихъ перьевъ, острытъ клювъ о дерево и вспархиваетъ на высокую вѣтку клена. Сначала онъ нѣсколько разъ какъ будто будитъ еще спящую природу и потомъ бодро и бойко начинаетъ пѣть, прерывая пѣснь звуками, полными какой то жалобы и тоски. Тогда во всей окрестности пробуждается животная жизнь, раздаются заунывные призывы кукушки. Даже и маленькія птички, которыя ночью боялись совы, теперь всѣ подымаются съ высокихъ скалъ, темныхъ кустарниковъ, съ земли, всѣ оглашаютъ воздухъ веселыми пѣснями. Въ самыхъ дикихъ, мало населенныхъ горныхъ долинахъ Граубиндена и Ваатланда и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ, куда рѣдко проникаетъ нога человѣческая, еще встрѣчаются *дѣвственные* или *первобытные лѣса*. Дѣвственные лѣса Альпъ имѣютъ хоть и величественный, но однообразный и необыкновенно мрачный видъ: слѣды смерти и разрушенія встрѣчаются тамъ на каждомъ шагу. Превосходныя *ели* и темныя, высокія *лиственницы* безжизненно стоятъ съ обсохшими и опущенными внизъ, поломанными вѣтвями въ изодранной одеждѣ, истерзанной миріадами насѣкомыхъ, издолбленной дятлами. Но и тутъ не все еще вымерло. На сгнившіе пни вѣтеръ занесъ песку, земли, разныхъ сѣмечекъ, и вотъ тамъ и сямъ пробивается новая, молодая жизнь и изъ мертвыхъ уже труповъ, усѣянныхъ безчисленныхъ множествомъ грибовъ, проглядываетъ земляника, шиповникъ, а иногда и молодое деревцо. *Лоза дикаго винограда*, какъ бы прикрывая непривлекательную картину дряхлости и разрушенія, граціозно обвиваетъ стволъ умирающаго великана. *Рысь* и *дикая кошка* подстерегаютъ тутъ свою добычу. Вмѣсто голосистыхъ пѣвцовъ, вы услышите здѣсь только стукъ *дятла*, долбящаго кору своимъ заостреннымъ носомъ, да печальные крики орловъ и ястребовъ.—Грозный шумъ безпрестанно прерываетъ мертвую тишину дѣвственнаго лѣса. То и дѣло слышатся раскаты грома, журчаніе бѣшеныхъ потоковъ, завываніе и дикій вой бури, грохотъ и трескъ отъ паденія лавинъ и скалъ. Дѣвственные, или первобытные лѣса сдѣлались теперь весьма рѣдкими и сохранились еще въ горныхъ долинахъ, мало населенныхъ граубинденцами и ваатланцами. Ихъ не успѣли еще уничтожить отчасти потому, что лѣса эти обыкновенно такъ расположены, что очень неудобно заниматься ихъ вырубкою, отчасти потому, что общины, около которыхъ расположены эти лѣса, не нуждаются ни въ строевомъ лѣсѣ, ни въ топливѣ. Есть однако и такія деревни, которыя въ виду богатыхъ лѣсовъ сильно нуждаются въ нихъ и принуждены большими транспортами вывозить дрова изъ очень отдаленныхъ мѣстностей. Такіе лѣса называются *заповѣдными* «Bannwald», т. е. въ нихъ запрещено сорвать даже вѣтку. Къ несчастію

ихъ очень мало въ Швейцаріи и вообще лѣсъ его немилосердно истребляютъ здѣсь.

Въ каждой странѣ лѣсъ имѣетъ огромное вліяніе на климатъ, почву, растительность, на самую жизнь народа. Прежде всего онъ имѣетъ важное значеніе въ климатическомъ отношеніи: защищаетъ землю отъ холодныхъ и вредныхъ вѣтровъ. Съ истребленіемъ лѣса вѣтеръ совершенно обиваетъ виноградники, губитъ хлѣбныя поля и нерѣдко весь годовой урожай, срываетъ съ домовъ самыя прочныя крыши. Мало этого: во многихъ мѣстахъ Швейцаріи было замѣчено, что, когда окончательно вырубленъ лѣсъ въ какой нибудь горной мѣстности, внизу въ долинахъ усиливались весеніе морозы и холода и губили множество растеній, которыя прежде прекрасно созрѣвали. Но особенно пагубно истребленіе лѣсовъ въ Швейцаріи. Вся изрѣзанная громадными горами, страна эта постоянно страдаетъ отъ губительнаго дѣйствія потоковъ и наводненій, паденія лавинъ, земляныхъ обваловъ, паденія съ высотъ огромныхъ камней и множества другихъ несчастій, которыя трудно даже перечислить. Всѣ эти бѣдствія страшно увеличиваются отъ истребленія лѣсовъ.

Безлѣсная почва мало поглощаетъ влагу; сбѣгающая вода встрѣчаетъ на своемъ пути другіе ручейки и, соединившись съ ними, стремится внизъ уже бурнымъ потокомъ. Такимъ образомъ лѣсная почва устраняетъ внезапное скопленіе воды въ рѣкахъ и препятствуетъ выступленію рѣкъ изъ береговъ, наводненію, которое губитъ скотъ, поля и жилища. Стволы деревьевъ и вся лѣсная растительность заграждаютъ дорогу водамъ, текущимъ по склонамъ; пни деревьевъ часто раздробляютъ уже образовавшійся потокъ на нѣсколько отдѣльныхъ ручьевъ, разумѣется, уже не имѣющихъ всей его губительной силы. Тутъ главное зло заключается въ томъ, что воды, при быстромъ стокѣ, размываютъ и сносятъ верхніе слои земной поверхности и такимъ образомъ отнимаютъ у земли плодородную почву. Трудно описать, какъ ужасенъ бываетъ видъ Швайцарскихъ мѣстностей, постигнутыхъ этими бѣдствіями. Видя каменистую пустыню, лишенную всякой растительности, не вѣрится даже, когда вамъ говорятъ, что еще годъ тому назадъ это была прекрасная мѣстность съ роскошными пастбищами, съ богатыми хлѣбными полями и виноградниками. Между тѣмъ на Альпахъ съ каждымъ годомъ образуются новые потоки, и многіе извѣстные ученые уже давно пишутъ о томъ, что теперешнее бѣдственное положеніе большей части альпійскихъ долинъ произошло отъ разрушительнаго дѣйствія потоковъ, образовавшихся вслѣдствіе истребленія лѣсовъ, и что ихъ всесокрушающая сила, при содѣйствіи мороза и зноя, (конечно, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ) въ состояніи стереть съ лица земли даже Монъ-Бланъ и Монъ-Розу. Уменьшается плодородная почва — увеличивается среди народа нищета, голодъ и смертность.

Водопады.

Водопады въ высшей степени характерное явленіе. Послѣ дождей они дюжинами ниспадаютъ со всѣхъ стѣнъ долины; тоже бываетъ при сильномъ таяніи снѣга, но въ лѣтнюю жару они большею частію снова исчезаютъ. Но тутъ существуетъ и множество постоянныхъ водопадовъ, которые отличаются другъ отъ друга своимъ особеннымъ шумомъ, освѣщеніемъ, массою воды и самымъ разнообразнымъ паденіемъ. Нижнюю часть водопада никогда почти

не освѣщаетъ солнце. Необыкновенно красивыми они бываютъ вечеромъ, когда ихъ освѣщаетъ солнечный закатъ: водяныя капли тогда кажутся золотымъ пескомъ, въ тоже время внизу разстилаются волны тумана. Иной водопадъ таится гдѣ нибудь въ лѣсу; онъ открывается вдругъ: горный ручей быстро катится внизъ и покрываетъ широкую стѣну скалы своею разорвавшеюся на двое, или на трое водяною мантіею. Иной водопадъ точно падаетъ изъ воздуха. Выдающаяся впередъ площадка направляетъ свергающіяся внизъ воды далеко отъ стѣнъ скалы. Такой водопадъ не льется потокомъ, а разсыпается мелкою пылью. Такихъ пыльныхъ водопадовъ не только много въ горной, но и въ альпійской областяхъ. Они особенно оригинальны ночью, когда фантастическими тѣнями мечутся изъ стороны въ сторону. Днемъ, отъ преломленія солнечныхъ лучей, они напоминаютъ пальмы, которыя весело шелестятъ своими верхушками у скалистой стѣны, принимая все новые и новые образы. Часто эти водяные потоки бросаются живо съ уступа на уступъ по каменнымъ террасамъ. Иногда они образуютъ такимъ образомъ нѣсколько отдѣльныхъ водопадовъ. Нѣкоторые изъ нихъ открываются передъ глазами во всей своей полнотѣ, другіе на половину скрываются въ лѣсу, или прикрываются выдающеюся скалою или кустомъ. Изъ тысячи водопадовъ ни одинъ не похожъ на другой, но каждый изъ нихъ необыкновенно скрашиваетъ горный пейзажъ. Нужно замѣтить, что вода каскада, падая внизъ, выбиваетъ себѣ углубленіе, часто довольно большой величины и затѣмъ оттуда продолжаетъ свое теченіе. Почва известковыхъ горъ представляетъ самыя крутыя стѣны и террасы, вотъ почему многія изъ долинъ богаты прекрасными водопадами. Большихъ водопадовъ въ Альпійской области очень не много, большинство ихъ вы встрѣтите ниже, до 4 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря.

Одинъ изъ огромныхъ водопадовъ, *Штаубахскій*, находится около Лаутербруннена, въ Бернскомъ Оберландѣ. По отвѣсной стѣнѣ, съ высоты 900 футовъ, въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга быстро бѣгутъ два потока, но скоро сливаются вмѣстѣ въ одинъ движущійся, могучій водяной столбъ. Когда этотъ водяной столбъ доходитъ до остраго выступа на стѣнѣ, онъ какъ будто хочетъ здѣсь остановиться... Но это колебаніе длится только одно мгновеніе и падающая вода, сверкая тысячами блестящихъ лучей, стремится внизъ по мрачной стѣнѣ, разлетаясь въ воздухѣ милліардами жемчужинъ и затѣмъ превращаясь въ мелкій и блестящій дождь, который поддерживаетъ въ окрестной мѣстности живительную влагу и съ легкимъ шумомъ падаетъ въ бассейнъ. Бассейнъ этотъ довольно обширенъ, такъ какъ сильная струя, да еще съ такой высоты, разумѣется и ложе себѣ пробила довольно объемистое. Подойдите ближе къ бассейну и ваше платье сразу будетъ осыпано множествомъ мелкихъ брилліантовъ, но въ одно мгновеніе все исчезло,—васъ обдало брызгами мелкихъ капель, которыя такъ ярко горятъ на солнцѣ. Не успѣли вы досыта налюбоваться этимъ явленіемъ, какъ ваше вниманіе привлечено массою бѣлыхъ, пѣнящихся, самой разнообразной формы волнъ. По бокамъ бассейна вы увидите холмики, которые образовались изъ обломковъ скалъ. Изъ подъ нихъ текутъ источники и въ ихъ водѣ замѣтна чудная игра радужныхъ цвѣтовъ, а если вы спустились къ центру бассейна въ то время, когда его ярко освѣщаетъ солнце, васъ, какъ ореоломъ, осѣнитъ двойною радугой. И, смотря по времени года и дня, этотъ водопадъ представляется вамъ всегда въ новомъ, самомъ разнообразномъ видѣ. Зимою, во время сильныхъ морозовъ падающія водяныя капли замерзаютъ, а иногда въ минуту все превращается въ круп-

нѣйшій градъ, который съ грохотомъ падаетъ внизъ. — Потомъ, оттуда, гдѣ начинается водопадъ, мало по малу образуются двѣ огромныя ледяныя колонны: онѣ нѣсколько отдѣляются отъ стѣны, усѣянной безчисленнымъ множествомъ блестящихъ иглъ, которыя горятъ на солнцѣ тысячами фантастическихъ огней. Но вотъ въ воздухѣ становится теплѣе и ледяныя колонны на минуты долѣе не въ состояніи вынести своей тяжести, съ такимъ ужаснымъ грохотомъ падаютъ на льдины, скопляющіяся у подножія, что земля въ окрестности содрогается и, какъ во время землетрясенія, колеблется съ минуту. Объемъ источниковъ послѣ этого увеличивается и они бурно стремятся внизъ со скалы, унося съ собою обломки скалъ иногда вѣсомъ до $2^1/_2$ пудовъ. Быстрота теченія все увеличивается, обломки дико скачутъ и грохочутъ, пока не достигнутъ громадной груды ихъ, лежащей у подошвы. При этомъ столкновеніи происходитъ такое треніе массъ между собою, что скалы сильно нагрѣваются и кругомъ слышится сильный запахъ сѣры. Вся природа спѣшитъ помочь этому грозному явленію: тяжелыя, свинцовыя тучи заволакиваютъ все небо, раздаются страшные раскаты грома и сверкающая молнія озаряетъ на минуту голыя, высокія скалы... Все приходитъ въ движеніе, громадныя деревья вырваны съ корнями и съ шумомъ и трескомъ падаютъ въ бездну. Наступаетъ жестокая гроза. — Совсѣмъ другое явленіе представляется намъ, когда ураганъ застаетъ водопадъ лѣтомъ: онъ иногда такъ измѣняетъ свое направленіе, что бассейнъ на нѣсколько минутъ становится пустымъ. Тогда множество дѣтей изъ сосѣднихъ деревень бросаются къ водопаду и руками хватаютъ форелей. Но это бываетъ очень не долго и вода снова наполняетъ бассейнъ. Совсѣмъ инымъ представляется водопадъ, когда вы наблюдаете его въ спокойномъ состояніи, лѣтомъ, ночью, при блѣдномъ свѣтѣ луны.

Рядъ горъ, стоящихъ позади, отбрасываетъ отъ себя длинныя тѣни и тотчасъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, перерѣзываютъ ими водяной столбъ. Теперь, кажется, исчезъ и легкій дневной шумъ отъ паденія водопада и только слышно журчаніе его источника. Когда луна освѣщаетъ пѣнящуюся массу, она принимаетъ чистый, серебристый отливъ. Нѣсколько футовъ повыше, бриллiантовыя капли образуютъ иногда радугу самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ. — Видъ водопадовъ совершенно различенъ: тутъ многое зависитъ отъ высоты паденія, отъ природы, которая ихъ окружаетъ, отъ вида скалъ. — Другой, еще болѣе прославленный водопадъ, но гораздо менѣе высокій—это Шафгаузенскій, около Лауфенбурга, въ кантонѣ Ааргау. Въ этомъ мѣстѣ Рейнъ падаетъ съ высоты 80 футовъ съ такою быстротою, что представляетъ силу, равную 130,000 лошадиныхъ силъ. Подъ водопадомъ Рейнъ образуетъ большое вмѣстилище для воды, глубина котораго не можетъ быть измѣрена, потому что сильное движеніе воды дѣлаетъ приближеніе къ этому мѣсту невозможнымъ.

Обвалы.—Разрушеніе Гольдау. — Чудные случаи спасенія. — Обрывы отдѣльныхъ большихъ камней.—Причина такихъ обваловъ и обрывовъ.—Что можетъ помочь этому горю.

Однажды послѣ двухлѣтнихъ проливныхъ дождей, а именно 2-го сентября 1806 г. въ маленькомъ швейцарскомъ городкѣ Гольдау пастухи замѣтили на склонахъ Россберга вновь образовавшіяся разсѣлины. Въ сосѣднихъ лѣсахъ слышался продолжительный трескъ, какъ будто корни ломались какою-то подземною силою. То тамъ, то здѣсь съ горъ отрывались и падали огромные

обломки. Но жители уже привыкли къ этой подвижной природѣ, гдѣ паденіе камней, ревъ и борьба потоковъ, шумъ водопадовъ — явленіе обыкновенное; поэтому они оставались пока покойными, ни мало не тревожась за свою судьбу. Но вотъ грохотъ отъ падающихъ обломковъ чрезвычайно усилился и камни стали скатываться по всѣмъ направленіямъ; земля задрожала на громадномъ протяженіи, — вдругъ уже раньше замѣченная трещина на склонѣ раскрылась во всѣ стороны. Дернъ, какъ будто поднятый сохою, падалъ въ сторону. Высокіе стволы сосенъ и ихъ вѣтви, ударяясь одни о другіе, качались какъ колосья на нивѣ. Птицы огромными стаями взвились высоко въ воздухѣ и, испуская пронзительные крики, спѣшили улетѣть въ болѣе спокойныя мѣстности. Нѣсколько секундъ спустя земля съ вершины горъ начала скользить, сперва медленно, а потомъ все съ болѣе и болѣе возрастающею скоростью и падала въ долины, засыпая пастбища, виноградники, поля, дома съ людьми, въ нихъ живущими. Вопли, рыданія и крики ужаса: «бѣжимъ, бѣжимъ:» раздавались со всѣхъ сторонъ и все, что только могло, спасалось, оставляя свои пожитки. Но вдругъ въ эту самую минуту раздался ужасный трескъ, точно вся земля готова была развалиться, и масса камня до трехъ верстъ въ длину и тысячу футовъ въ ширину (толщина же ея среднимъ числомъ простиралась до ста футовъ) упала въ долину, увлекая за собою лѣса по откосамъ горы. Это была страшная минута: камни, земля, трава, деревья и кустарники кружились и прыгали, то останавливаясь на минуту, то еще бѣшеннѣе пускаясь опять кружиться и подымая при этомъ тучи пыли. Все рушилось, падало, гремѣло и скатывалось, издавая оглушительный, всепотрясающій визгъ, гулъ, свистъ и ревъ. Казалось насталъ послѣдній день міра. Въ нѣсколько минутъ болѣе ста домовъ и столько же сараевъ, гдѣ былъ скотъ, были уничтожены. Въ то время весь склонъ Россберга, почти до самой вершины, былъ покрытъ жилищами, а у подошвы богатыя деревни Гольдау, Бюзингенъ и Ловерцъ были населены дѣятельнымъ народомъ. Число жертвъ катастрофы доходило до 147 человѣкъ, погребенныхъ подъ развалинами и умершихъ отъ ранъ. Но среди этихъ отчаянныхъ сценъ разрушенія и смерти были и замѣчательные случаи чудеснаго спасенія.

Лишь только прошла страшная минута разрушенія и кругомъ въ природѣ все мало по малу стало успокоиваться, собрались несчастные жители пострадавшей мѣстности, кто посмотрѣть на обломки своего дома, кто въ надеждѣ отыскать хоть что нибудь изъ своихъ пожитковъ; иной, потерявъ все свое имущество, близкій къ помѣшательству, бродилъ среди развалинъ, отыскивая трупъ жены или своего дитяти. Такъ Метлеръ, который во время обвала находился со своимъ стадомъ въ довольно отдаленной отъ катастрофы мѣстности, пришелъ теперь искать трупъ своей жены и двухъ малютокъ, которые погибли подъ обломками его дома. Въ его поискахъ ему помогалъ братъ и множество друзей и сосѣдей. Не было ни малѣйшаго слѣда жилища; цѣлое поле развалинъ разстилалось передъ ними. Но вотъ одинъ предметъ вдругъ привлекаетъ ихъ вниманіе, — это завязнувшій въ тинѣ соломенный тюфякъ. Не смотря на опасность пробираться черезъ густой слой тины, смѣшанной съ кремнемъ, подошли однако къ тюфяку и что же: на немъ лежитъ погруженный въ сладкій сонъ одинъ изъ сыновей несчастнаго Метлера. Ребенка отдали отцу цѣлымъ и невредимымъ, только покрытымъ густымъ слоемъ грязи.

Но самый удивительный случай спасенія въ этотъ несчастный день былъ въ деревнѣ Бюзингенъ, неподалеку отъ озера Ловерцъ. Во время обвала кре-

стьянинъ Вижетъ съ женою и четырьмя дѣтьми подбирали въ своемъ саду падавшіе плоды. Лишь только Вижетъ замѣтилъ, что гора колеблется, онъ схватилъ двухъ старшихъ дѣтей за руки и со всѣхъ ногъ побѣжалъ вонъ изъ сада. Но жена не слѣдуетъ за мужемъ, а, схвативъ двухъ остальныхъ своихъ малютокъ, бросается по направленію къ дому, чтобы вынести оставшуюся тамъ маленькую дочку. На пути ее встрѣчаетъ служанка Франциска, которая спѣшитъ къ ней съ ея маленькой Маріанной на рукахъ. Въ это же мгновеніе сразу наступаетъ совершеннѣйшій мракъ, ихъ домъ разлетается въ дребезги, и несчастныя погибаютъ. Франциска чувствуетъ, что ее перебрасываетъ съ одной стороны на другую и наконецъ она падаетъ въ какую-то глубокую пропасть; тутъ она лишается чувствъ. Когда же она снова пришла въ себя, то не могла пошевелить ни однимъ членомъ, а голова ея какъ будто завязла въ тинѣ; къ счастью, лицо ея было открыто и она могла дышать. Въ ту же минуту она разслышала жалобный крикъ маленькой Маріанны. Но обѣ онѣ точно закованы, — совсѣмъ не могутъ двигаться, къ счастью онѣ могли говорить другъ съ другомъ. Ребенокъ разсказываетъ своей нянѣ, что онъ лежитъ на спинѣ посреди кустарниковъ и бревенъ, но что видитъ свѣтъ чрезъ какое-то узкое отверстіе. Онѣ вмѣстѣ напрягаютъ послѣднія силы, начинаютъ звать на помощь; все напрасно: безмолвіе смерти господствуетъ вездѣ вокругъ. Дитя уже чувствуетъ мученія голода и умоляетъ свою няню облегчить его страданія. Тогда Франциску начинаетъ терзать мысль быть заживо похороненными. Въ то время, какъ она всѣми силами старается разсѣять ребенка, его стоны становятся все слабѣе и невнятнѣе; наконецъ она не слышитъ ни одного звука. Дѣвушка радуется, что страданія малютки наконецъ прекратились и начинаетъ молитвой приготовлять и себя къ смерти. Однако ночью, въ ужасной борьбѣ между жизнію и смертію, ей удалось какъ-то высвободить свои ноги, такъ что она уже могла ими двигать и такимъ образомъ способствовать болѣе правильному кровообращенію, но остальная часть ея тѣла все еще была погружена въ тину. Когда утромъ уже предсмертныя судороги пробѣгали по всѣмъ ея членамъ, вдругъ раздается на горѣ утренній колоколъ и она снова слышитъ стонъ дитяти, котораго уже считала на вѣки погибшимъ.

Между тѣмъ ребенокъ, измученный наканунѣ слезами и безполезными усиліями, стараясь высвободиться изъ своего заточенія, крѣпко заснулъ на нѣсколько часовъ, что успокоило его мученіе; но теперь дѣвочка проснулась и голодъ еще сильнѣе прежняго сталъ ее терзать. Въ это время несчастный отецъ, въ нѣсколько часовъ потерявшій все свое состояніе, жену и дѣтей, съ двумя уцѣлѣвшими сыновьями и нѣсколькими друзьями вездѣ кругомъ раскапывалъ развалины. Вотъ они уже нашли тѣло бѣдной матери; она погибла, прижимая къ своей груди дѣтей, тоже безжизненныхъ. Всѣ три трупа были покрыты ранами, обезображены ушибами. Вижетъ съ воплями падаетъ передъ ними на колѣни. Но этотъ крикъ отчаянія послужилъ спасеніемъ для двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ. Обѣ онѣ начинаютъ звать на помощь. Ихъ наконецъ услышали и открыли: Франциску совсѣмъ невредимою, но маленькую Маріанну хотя и вынули тоже живою, но съ раздробленною ногою.

Еще и теперь путешественники толпами стекаются посмотрѣть развалины, которыя покрываютъ Гольдау. Почти въ продолженіе четверти столѣтія вся страна, находящаяся надъ Ловерцемъ представляла картину разрушенія. Но теперь растительность начинаетъ покрывать ее среди развалинъ. Мохъ уже одѣлъ голыя скалы; разныя ползучія растенія, свѣжіе колокольчики и нѣкоторые

другіе невзыскательные цвѣточки украшаютъ землю среди кремней; нѣсколько кустовъ и маленькія сосны виднѣются тамъ и сямъ — и, того и смотри, чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ эта мѣстность опять покроется человѣческими жилищами и роскошными полями.

Обвалы земли, которые въ конецъ уничтожаютъ всѣ надежды земледѣльца и сотни семействъ, за нѣсколько часовъ передъ этимъ зажиточныхъ, пускаютъ по міру, — сплошь и рядомъ случаются въ Альпійскихъ мѣстностяхъ. Тутъ бываетъ еще и другое несчастіе—обрывы большихъ камней. Очень часто градъ огромныхъ камней, срываясь съ различныхъ высотъ, убиваетъ скотъ, портитъ лѣса, губитъ плодородныя поля. Подобныя несчастія здѣсь такъ часто встрѣчаются, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ есть обыкновеніе застраховывать свой скотъ отъ этой опасности.

Большинство самыхъ памятныхъ обваловъ произошло скоро послѣ того, какъ былъ вырубленъ лѣсъ. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ, мы говоримъ про обвалъ въ Гольдау. Верхняя часть горы, обрушившаяся на Гольдау, имѣла весьма крутой склонъ къ селенію. Лѣсъ былъ совсѣмъ вырубленъ, слѣдовательно верхній слой былъ до того оголенъ, что на немъ не только уже не оставалось никакой растительности, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не было земли, — оставался только камень. Вода могла свободно проникать въ него, а такъ какъ солнце и морозы успѣли образовать въ немъ трещины, то вода проникала и дальше, въ глинистый слой, на которомъ лежали скалы. Какъ только глина превратилась въ липкое тѣсто, камень сталъ соскальзывать съ нея и падалъ въ долины.

Лавины: ихъ страшныя послѣдствія. — Порошистыя лавины. — Какъ деревня Руэрасъ ночью была сдвинута лавиной.—Мука засыпанныхъ снѣгомъ. — Счастливые случаи избавленія.. — Когда падаютъ твердыя лавины.—Инстинктъ животныхъ, предугадывающихъ паденіе лавинъ.—Картина обвала.—Лѣса, какъ охрана отъ лавинъ.

Лавины бываютъ двухъ родовъ: *Staub-Lawine*, порошистыя или пыльныя лавины, обвалы которыхъ случаются зимою и *Rutsch-Lawine*, т. е. соскальзывающія лавины, такъ называемыя твердыя лавины, которыя обрушиваются весною. Лавины происходятъ оттого, что снѣгъ не можетъ таять на высокихъ горныхъ склонахъ, и падаетъ въ долины. Обвалы пыльныхъ лавинъ происходятъ такимъ образомъ: буря, бушующая на вершинѣ, поднимаетъ съ земли огромныя массы свѣжаго, тончайшаго снѣга и относитъ его иногда на очень далекое разстояніе. Эта снѣжная, порошистая масса увеличивается съ каждой минутой; она захватываетъ съ собою все, что попадается ей на пути: тяжелые камни, строенія, перебрасываетъ все это съ необыкновенной легкостью и скоростью, иногда черезъ огромныя пространства, и наконецъ этимъ столбомъ всевозможныхъ обломковъ и снѣжной пыли засыпаетъ въ нѣсколько минутъ цѣлыя деревни, людей, огромныя стада животныхъ.

Въ 1749 году вся деревня Руэрасъ въ Граубинденѣ была ночью засыпана подобной лавиной. Такъ какъ всѣ спали, то многіе изъ жителей, дома которыхъ не были разрушены, а только сдвинуты, не замѣтили сначала того ужаснаго положенія, въ которомъ они находились, и только удивлялись, что ночь такъ долго длится, пока наконецъ не убѣдились въ томъ, что ихъ засыпало снѣгомъ. На другой день жители сосѣднихъ деревень увидали несчастіе и бросились откапывать несчастныхъ. Но какъ найти то мѣсто, гдѣ погибающіе

борятся со смертію: откапывая одного, тутъ такъ легко засыпать другаго... Замѣчательно, что люди, раскапывающіе снѣгъ, никогда не слышатъ ужасныхъ криковъ погибающихъ, напротивъ того, спасенные всегда разсказываютъ, что они слышали все, что говорилось надъ ними и даже явственно могли различать голоса говорившихъ. Каково же мученіе человѣка, погребеннаго подъ снѣгомъ, который слышитъ голоса друзей, истощающихъ всѣ свои силы, чтобы открыть какой нибудь слѣдъ, оставленный имъ, между тѣмъ какъ онъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, задыхается подъ снѣгомъ, кричитъ, но его не слышатъ и начинаютъ разгребать снѣгъ въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-то необыкновенно кстати является инстинктъ животнаго на помощь человѣку. Хорошо выдрессированныя для такихъ случаевъ собаки часто еще прежде людей бросаются туда, куда обрушилась лавина, и безошибочно указываютъ мѣста, гдѣ слѣдуетъ искать погибающихъ. Такъ было и при несчастіи въ деревнѣ Руэрасъ. Людямъ и ихъ лучшимъ помощникамъ—собакамъ въ этотъ разъ удалось спасти до 60 человѣкъ, но болѣе 100 человѣкъ все-таки погибло.

Бываютъ впрочемъ и такіе случаи, что людямъ удается какъ-то счастливо отдѣлаться отъ этого несчастія. Однажды четыреста солдатъ, проѣзжавшихъ черезъ Энгадинъ, попали подъ порошистую лавину и были унесены ею въ глубокій ровъ, но вдругъ вся эта снѣжная масса разсыпалась, какъ муравейникъ, и воины, среди взрыва хохота оставшихся на мѣстѣ товарищей, возвратились къ нимъ здравы и невредимы; нѣкоторые изъ нихъ были только слегка контужены.

Вотъ какъ описываютъ подобный случай избавленія: Семейство, состоящее изъ мужа, жены и ребенка проживало въ хорошенькой хижинѣ верхняго Валлиса; однажды мужъ ушелъ на охоту, а жена осталась дома и вотъ что случилось: ужасная лавина несется съ горы, катится по снѣгу и растетъ съ каждымъ шагомъ... Раздаются оглушительные раскаты грома и черезъ нѣсколько минутъ хижина поглощена громадною массою снѣга. Мужъ приближается къ своему жилищу, но въ темнотѣ ночи не узнаетъ окрестныхъ мѣстъ. Когда луна появилась на небѣ, онъ узнаетъ ужасную истину, бѣжитъ къ сосѣдямъ и проситъ о помощи. Толпа спѣшитъ за несчастнымъ, бросается на снѣжную массу, разгребаетъ льдины, — но все напрасно. Надъ хижиной образовался огромный ледяной склепъ. Но бѣдный человѣкъ не теряетъ мужества и въ продолженіи десяти дней работаетъ надъ тѣмъ, чтобъ какъ нибудь проломить ледъ и раскопать снѣгъ. Наконецъ онъ замѣчаетъ верхушку дерева, которое росло у его хижины. Это придаетъ ему мужества, и онъ вскорѣ откапываетъ трубу своего очага, прикладываетъ къ ней ухо и слышитъ слабый голосъ. Тогда черезъ трубу онъ влѣзаетъ въ жилище и находитъ свою жену и ребенка совершенно невредимыми. Прочная крыша выдержала напоръ снѣга, а жизнь двухъ существъ поддержала коза, которая вмѣстѣ съ семьею была засыпана во время катастрофы.

Быстрота и сила порошистыхъ лавинъ изумительны. Въ 1854 г. одинъ изъ скатовъ Пицъ-Мурауна обнажился въ нѣсколько минутъ и вся долина Сенъ-Плясисъ была занесена снѣгомъ. Въ это время большой гранитный бассейнъ былъ отброшенъ на разстояніе четверти лье; снесло куполъ колокольни въ Диссентисѣ, хотя она находилась въ полъ-лье отъ пути, по которому стремилась лавина. Очень часто зимняя лавина пролетаетъ по лѣсу, вырываетъ по нѣсколько тысячъ деревьевъ и отбрасываетъ ихъ далеко въ сторону; иногда же она ломаетъ ихъ въ щепы и разбрасываетъ, куда попало. Обыкновенно слу-

чается, что упадетъ одна лавина, а за нею сейчасъ и нѣсколько другихъ. Поэтому часто можно слышать, что обвалъ, случившійся въ той или другой мѣстности, продолжался четыре, пять часовъ, а однажды, въ долинѣ Лаутербруннен былъ обвалъ, который длился двадцать четыре часа. Можете себѣ представить, сколько онъ долженъ былъ причинить людямъ горя и несчастій!

Rutsch-Lawine, соскальзывающія лавины, — или еще болѣе подходящее къ нимъ названіе — *твердыя лавины*, обрушиваются тогда, когда природа уже пробуждается отъ своего продолжительнаго сна. Тутъ уже не мелкій и мягкій снѣгъ, а старый и твердый, пролежавшій всю зиму на склонахъ горы и превратившійся въ плотный и твердый ледъ. Вѣтеръ, вздымающій на воздухъ снѣговую пыль, не въ состояніи сдвинуть съ мѣста затвердѣвшія лавины. Это можетъ сдѣлать только весенняя теплота, которая проникаетъ подъ снѣговой покровъ, и уменьшаетъ его связь съ почвою. Вслѣдствіе этого громадная ледяная масса начинаетъ скользить по склону горы съ возростающею скоростью. Эта лавина, еще съ гораздо большею силою, чѣмъ порошистая, разрушаетъ и сноситъ въ долины все, что попадается ей на пути. Она обыкновенно скатывается въ овраги. Такъ какъ снѣгъ такихъ лавинъ очень твердъ, то онъ очень медленно таетъ въ оврагахъ, часто остается въ нихъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, образуя родъ временнаго ледника. По нѣкоторымъ явленіямъ можно очень часто заранѣе опредѣлить время паденія лавины.

Извѣстное направленіе облаковъ, даже ихъ форма, влажность воздуха, подтаиваніе и опаденіе ледяныхъ гирляндъ, украшающихъ выступы скалъ, — все это для опытнаго глаза значительныя примѣты, чтобы предостеречь путешественника и указать ему тѣ высоты, куда онъ не долженъ взлѣзать въ это время, чтобы не быть задавленнымъ обрушившейся лавиной. Впрочемъ тутъ еще больше услугъ человѣчеству оказываетъ инстинктъ многихъ животныхъ. Галки, за нѣсколько минутъ до обвала, слетаютъ съ утесовъ съ зловѣщимъ крикомъ; собаки съ сильнымъ воемъ и лаемъ, дѣлая какіе-то дикіе прыжки, бѣгутъ на встрѣчу путешественнику и часто не пускаютъ его впередъ. Если вы въ дорогѣ съ лошадью, она начинаетъ неистово ржать, просто выбивается изъ силъ, чтобы поскорѣе достигнуть безопаснаго пристанища. Твердыя лавины часто падаютъ въ самыя населенныя долины, заваливая собою проѣзжія дороги. Вотъ почему главныя альпійскія дороги предохраняются отъ лавинъ особенными галлереями. Такія галлереи устроены во многихъ долинахъ Энгадина, Граубиндена и въ другихъ мѣстахъ. Нерѣдко эти глыбы сносятъ дома со всѣми ихъ жителями: часто даже дома разрушаются однимъ сотрясеніемъ воздуха, который происходитъ при этомъ;—рѣки запруживаются и потомъ, прорвавъ снѣжную плотину, затопляютъ поля, и такимъ образомъ производятъ страшныя зимнія наводненія. Вотъ какъ описываетъ паденіе твердыхъ лавинъ одинъ путешественникъ:

«Твердая лавина въ весеннее время представляетъ вблизи такое ужасное зрѣлище, о которомъ трудно дать вѣрное понятіе. Какъ описать этотъ хаосъ, это судорожное потрясеніе природы, которое напоминаетъ вамъ и ревъ урагана, и землетрясеніе, и шумъ обваловъ. Хаотическое смѣшеніе снѣга, земли и воздуха, всеобщее разрушеніе, шумъ снѣга, давимаго надвигающимися массами и увлекаемаго ими, трескъ сломанныхъ деревьевъ, гигантскіе прыжки скалъ, со свистомъ разрѣзающихъ воздухъ, чтобы разбиться въ дребезги о бока горы, адскій гулъ, повторяемый эхомъ долинъ, — вотъ какую картину представляетъ паденіе лавины, если смотрѣть на нее вблизи.»

«Обыкновенно случается такъ, что наблюдатель слышитъ шумъ гораздо прежде, чѣмъ увидитъ самую лавину. Съ непривычки онъ поднимаетъ глаза вверхъ, отыскивая облако, которое могло бы объяснить такіе могучіе раскаты грома; напрасный трудъ — голубой сводъ неба совершенно чистъ, на немъ не видно ни одного облачка, а между тѣмъ громовые раскаты усиливаются и наконецъ наблюдатель замѣчаетъ какъ будто бѣлый вихрь, несущійся съ горы. Это снѣжная лавина, минуту передъ тѣмъ неподвижная, съ неудержимою силою катится внизъ, подобно вспѣненному морю. Она покрываетъ скалы бѣлою пеленою, разбивается объ утесы въ тысячи снѣжныхъ каскадовъ, разлетается по воздуху легкими хлопьями, останавливается подобно запруженному ручью, исчезаетъ на мгновеніе въ глубокой расщелинѣ, но все время неудержимо стремится внизъ, пока не достигнетъ равнины, или не задержится накопленными въ концѣ оврага обломками. Какъ только лавина остановилась,— такъ прекращается и шумъ, ею производимый, и тогда для наблюдателя объясняется причина этого шума: среди ослѣпительно бѣлаго снѣга онъ замѣчаетъ темную кучу земли и каменьевъ — явное доказательство, что лавина состоитъ не изъ одного только снѣга.»

Лучшее предохранительное средство отъ лавинъ — деревья. Деревья заграждаютъ вѣтромъ путь къ сухому снѣгу и такимъ образомъ препятствуютъ образованію, такъ называемыхъ, Staub-Lawine. Они не даютъ также сырому снѣгу скопляться въ большія глыбы и черезъ это препятствуютъ образованію Rutsch-Lawine. Наконецъ волокна и корни деревьевъ и другихъ растеній значительно увеличиваютъ сцѣпленіе снѣга съ почвою, слѣдовательно не даютъ лавинамъ такъ легко соскальзывать съ высотъ, какъ это бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ никакой растительности. Жители безлѣсныхъ мѣстностей, для охраненія себя отъ лавинъ, вколачиваютъ колья сквозь снѣгъ въ землю и такимъ образомъ нѣсколько закрѣпляютъ его. Къ этому же средству прибѣгаютъ иногда и для охраны самаго лѣса отъ лавинъ, которыя образуются выше его.

Не смотря на громадное значеніе лѣсовъ для Швейцаріи, какъ мы замѣтили уже и выше, — ихъ тамъ жестоко истребляютъ. Изъ общинныхъ лѣсовъ (такіе лѣса, которыми владѣетъ цѣлая община) сберегается самая незначительная часть, носящая названіе *заповѣдныхъ лѣсовъ*. Остальные же общинные лѣса въ самомъ жалкомъ состояніи. Тутъ существуетъ даже обыкновеніе пасти въ лѣсахъ скотъ, и онъ до того переломалъ и перепортилъ деревья, что, мѣстами, лѣса эти уже не стоятъ и заботы о ихъ сохраненіи.

Въ Тессинскомъ кантонѣ нерѣдко случалось, что общины продавали свои лѣса и вырученныя за нихъ деньги дѣлили между общинниками; деньги эти нерѣдко пропивались и община лишалась такимъ образомъ лѣса, не доставивъ никакой пользы своимъ членамъ.

Альпійская область отъ 4,000—7,000 ф. надъ уровнемъ моря. — Растительность этой области.— Одинокія ели.—Услуга, которую онѣ оказываютъ людямъ и животнымъ. — Характеръ природы выше 6,000 ф.—Мхи.—Малорослая сосна.—Альпійская роза.—Озера.—Грязные потоки.—Кристаллическія пещеры.—Ланіазы.—Животныя этой полосы. — Невзгоды, которыя они здѣсь терпятъ во время холодовъ.

Альпійская область отъ 4,000 до 7,000 ф. еще доступна для извѣстной культуры. Она представляетъ гораздо болѣе интереса, чѣмъ сосѣдняя высшая область, въ которой постепенно исчезаетъ всякая жизнь и почти одни только

камни привлекаютъ вниманіе человѣка. До 5,000 ф., а на южномъ склонѣ и выше, поверхъ деревень и городовъ, еще можно встрѣтить величественные лѣса стройныхъ, крѣпкихъ *сосенъ, елей* и *кедровъ*. Лиственный лѣсъ рѣдко встрѣчается на большой высотѣ. Выше означеннаго предѣла вы еще встрѣчаете богатыя, зеленѣющія пастбища съ густою травою, усѣянныя маленькими кустарниками; но большіе лѣса замѣтно исчезаютъ. Впрочемъ одинокія ели и малорослыя сосны часто встрѣчаются сначала большими группами, а потомъ и въ одиночку. Такая ель, однако, приноситъ большую пользу. Она служитъ убѣжищемъ не только путешественникамъ, врасплохъ застигнутымъ въ горахъ бурею, но и для стадъ, которыя въ такую минуту бѣгутъ довѣрчиво подъ ея покровъ.

Точно также привѣтливо манитъ она къ себѣ, когда лучи палящаго солнца преслѣдуютъ васъ среди открытыхъ горъ; тогда путешественникъ рядомъ съ животными располагается на мягкой травѣ, подъ ея тѣнистыми вѣтвями. Выше 6,000 ф. уже трудно подыматься: нога вязнетъ, вы каждую минуту спотыкаетесь о какой-нибудь корень или гніющій стволъ. Повсюду развалины: поломанныя деревья навалены въ огромныя, безпорядочныя кучи, а между ними тамъ и сямъ торчатъ обломки камней, кремня, земли, вѣтвей. Поломанныя деревья сплошь покрыты различными грибами и лишаями, которые вытягиваютъ изъ нихъ послѣднюю силу. Однимъ словомъ—тутъ повсюду слѣды разрушеній и опустошеній, произведенныхъ обвалами лавинъ. Ночью эти органическіе остатки распространяютъ фосфорическій свѣтъ. Но видъ этой мѣстности не производитъ вовсе того подавляющаго впечатлѣнія, какъ снѣжная область. Огромныя пространства земли, гранитныя скалы густо покрыты зеленѣющими мхами. Они все обвиваютъ своею тонкою сѣтью и замѣняютъ въ пустынныхъ, по большей части безплодныхъ, мѣстностяхъ роскошное убранство растительности, скрывая подъ своимъ покровомъ развалины и обломки. Среди мховъ движутся цѣлые рои насѣкомыхъ: они истачиваютъ старые стволы деревьевъ, чтобы устроить себѣ жилище, свиваютъ гнѣзда между мхами и лишаями, подстерегаютъ добычу или просто прячутся отъ непогоды. Человѣку однако слѣдуетъ зорко слѣдить за собою, ступая по землѣ, покрытой такими мхами: подъ ними до того тонкая земля, что легко совершенно завязнуть или провалиться. Еще поверхъ мховъ многіе известковые склоны горъ покрыты густыми темными листьями малорослой сосны. Она выростаетъ часто не выше кустарника, а гибкія, длинныя вѣтви, страшно переплетаясь между собою, извиваются на землѣ, какъ ползучія растенія, образуя густую чащу, поверхъ которой можно ходить какъ по ковру. Если обходъ такой чащи требуетъ много времени, то горцы смѣло шагаютъ по ней; но это очень опасно вслѣдствіе необыкновенной эластичности дерева. Любопытнѣе всего наблюдать это дерево, когда его необыкновенныя развѣтвленія, согнутыя въ удивительныя спирали, покрывая выступъ скалы, свѣшиваются и раскачиваются надъ страшными безднами. И часто маленькій пастухъ хватается за эти свѣсившіяся вѣтви, нѣсколько минутъ раскачивается надъ пропастью и потомъ, какъ кошка, карабкается на скалы, чтобы похвастать передъ товарищами своею ловкостью и храбростью, а то и просто, чтобы разогнать скуку своей однообразной, несчастной пастушеской жизни. Малорослыя сосны оказываютъ тоже дѣйствіе, что и лѣса—хранители. Безъ нихъ многія пастбища погибли бы подъ обвалами лавинъ или камней. Чѣмъ выше, однако, тѣмъ больше встрѣчается скалистыхъ стѣнъ, голыхъ утесовъ и безплодныхъ долинъ. Воды извергаются

здѣсь яростными потоками, наполняя шумомъ и движеніемъ горную пустыню. Тамъ и сямъ нѣкоторые склоны уже покрыты и снѣгомъ; но альпійская природа, развертывая грозную, суровую картину, тутъ же, бокъ о бокъ съ подобными явленіями, представляетъ и прелестные, граціозные пейзажи. Стада дикихъ сернъ прыгаютъ по кочкамъ; каменный баранъ поражаетъ васъ изумительною смѣлостью, продираясь по совершенно отвѣсной скалѣ, а вотъ еще и цѣлый коверъ чудной альпійской флоры, богато залитый яркими цвѣтами, которые придаютъ свѣжей зелени такую чудную прелесть. Особенность ея состоитъ въ томъ, что здѣсь чрезвычайно мало наркотическихъ и ядовитыхъ растеній. Царицею альпійскихъ растеній, самымъ характернымъ явленіемъ растительности въ этой полосѣ, исключительно ей свойственнымъ, является *альпійская роза*, столь прославленная всѣми поэтами. И дѣйствительно, тутъ, гдѣ отовсюду вѣетъ холодомъ и смертью, гдѣ на каждомъ шагу валяются скалистые обломки, которые ежеминутно грозятъ скатиться внизъ и погребсти подъ собою сотни жертвъ, альпійская роза напоминаетъ о жизни и счастіи. Ея кустарники одѣваютъ группы скалъ своими темно-зелеными блестящими листочками, изъ которыхъ поднимаются цвѣты то нѣжно-розоваго, то красно-малиноваго цвѣта, а тутъ вблизи бьетъ пѣнящійся водопадъ, быстро текутъ шумящіе потоки, а въ двухъ, трехъ саженяхъ выше разстилаются уже громадныя пространства, покрытыя вѣчнымъ ледянымъ покровомъ,—и очень часто такая картина до мельчайшихъ подробностей отчетливо отражается въ зеркальной поверхности гдѣ-нибудь внизу лежащаго маленькаго озера. Но, давая возможность путешественнику полюбоваться дивной красотой своихъ цвѣтовъ, она часто бываетъ и средствомъ къ спасенію. Не одинъ оступившійся туристъ, скатываясь съ высокой скалы, схватывался за кустарникъ альпійской розы и, такимъ образомъ, спасался отъ вѣрной смерти. Самыя роскошныя и лучше всего окрашенныя розы можно найти на горахъ въ Граубинденѣ. Вообще замѣчено, что чѣмъ выше мѣстность, тѣмъ ярче бываютъ цвѣта. Альпійскую розу можно встрѣтить въ мѣстностяхъ довольно низкихъ, иногда даже на высотѣ 2,000 ф., а на Монте-Розѣ она величественно красуется и на высотѣ 8,800 ф.

Альпы не только украшены цвѣтами, но между множествомъ травъ онѣ пріютили и много кормовыхъ растеній, которыя рогатому скоту приносятъ гораздо больше пользы, чѣмъ тѣ, что ростутъ въ равнинѣ, такъ какъ онѣ необыкновенно увеличиваютъ у нихъ молоко.

Чтобы дополнить картину альпійскаго ландшафта, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о водахъ. Воды вносятъ въ окружающую природу сотни новыхъ красокъ и цѣлый новый міръ растеній и животныхъ. Безъ нихъ жизнь долины однообразна и непривлекательна. Изъ Альповъ, какъ извѣстно, вытекаютъ самыя большія рѣки; но долины собственно альпійской области слишкомъ коротки, чтобы пріютить у себя эти большія рѣки; онѣ слишкомъ узки и для большихъ озеръ; за то альпійская область есть вмѣстилище большихъ потоковъ, маленькихъ озеръ и огромной массы всевозможныхъ водяныхъ жилъ. Кто посѣтилъ весною Альпы и наблюдалъ, какъ со всѣхъ снѣжныхъ полей, по всѣмъ скаламъ стекало множество малыхъ и большихъ ручьевъ, тотъ только можетъ составить себѣ вѣрное понятіе о безконечной массѣ водъ, которыя изъ альпійской области бѣгутъ въ равнины на помощь плодородію. Но всего больше появляется этихъ ручьевъ и водъ во время жаркихъ вѣтровъ фёна и теплыхъ дождей. Тогда всюду образуются новыя водяныя жилы. Маленькіе,

журчащіе ручейки становятся шумящими потоками, стоки глетчеровъ перерѣзываются сотнями пѣнящихся руслъ.

Наибольшее количество альпійскихъ озеръ—въ Граубинденѣ. Онѣ расположены обыкновенно весьма живописно, украшены свѣтлыми лиственницами и на водахъ ихъ, какъ и на берегахъ, живетъ такой богатый міръ птицъ, какой едва-ли можно гдѣ-либо встрѣтить въ другомъ мѣстѣ на такой высотѣ. Зимою озера замерзаютъ и, когда по свѣжимъ слѣдамъ снѣга замѣтятъ отпечатлѣвшіяся лапы лисицы, тогда ледъ считается уже достаточно прочнымъ и по немъ начинаютъ ходить и ѣздить въ саняхъ.

Въ различныхъ мѣстностяхъ высокихъ горъ появляются въ различное время чрезвычайно странные потоки, которые называются *грязными потоками*. Эти грязные потоки въ различное время низвергались въ долину и опустошали различныя мѣстности. Иногда съ глетчеровъ или изъ ущелій низвергаются также потоки каменнаго щебня и засыпаютъ жилища.

Альпійскій поясъ чрезвычайно богатъ также и другими горными достопримѣчательностями; какъ напр., сталактитовыя пещеры, перемѣжающіеся ключи, слои раковинъ, мраморные ходы, бѣлыя массы алебастра, удивительное богатство цвѣтовъ въ утесахъ, минеральные источники и проч. Изъ кристаллическихъ пещеръ, въ которыхъ протекаетъ обыкновенно маленькій ручеекъ, выламываютъ дорогіе кристаллы. Изъ многочисленныхъ минеральныхъ водъ альпійскаго пояса, чрезвычайно разнообразно бьющихъ, то среди луговъ, то въ ущельяхъ, въ одномъ нижнемъ Энгадинѣ насчитываютъ болѣе 20-ти минеральныхъ ключей, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ къ самымъ лучшимъ соленымъ, кислымъ и сѣрнымъ источникамъ. Въ безчисленныхъ сталактитовыхъ пещерахъ выступаютъ наружу самыя богатыя минеральныя образованія; въ одной изъ нихъ висятъ съ потолка капли почти чистой горькой соли толщиною въ палецъ, въ другой находятся большія инкрустаціи желѣзнаго купороса.

Не мало находятъ также въ горахъ альпійской области купоросу, сѣры, нерѣдко даже гипсъ, мраморъ, порфиръ, серпентинъ. Но еще интереснѣе здѣсь явленіе такъ называемыхъ *рудничныхъ газовъ*. Тамъ и сямъ въ землѣ можно видѣть отверстія, идущія въ глубь между камнями, по косому направленію и имѣющія не болѣе полуфута въ ширину, изъ которыхъ постоянно выходятъ обильныя массы газовъ рудничнаго съ азотомъ и сѣрнисто-водороднаго. Не далеко отъ этихъ газоиспускателей обыкновенно валяется множество мертвыхъ насѣкомыхъ, а иногда даже мыши и птицы, убитыя ядовитымъ газомъ. Испаренія эти поднимаются приблизительно на полъ фута отъ земли и, если наклониться къ нимъ, то онѣ своимъ острымъ запахомъ причиняютъ сильный кашель. Кошки и собаки, погруженные въ эту атмосферу, тотчасъ умираютъ въ сильныхъ конвульсіяхъ. Жители увѣряютъ, что если закрыть газоиспускательныя отверстія, то поля сдѣлались бы неплодородными на большомъ пространствѣ.

Огромныя пространства альпійской области покрыты глетчерами, но такъ какъ ихъ больше всего въ снѣжной области, то мы и поговоримъ объ этомъ явленіи ниже. Здѣсь же съ ними имѣютъ огромное сходство *лапіазы*, или разсѣлины, которыя чрезвычайно распространены въ этомъ поясѣ и придаютъ ему суровый, пустынный видъ. Нужно однако замѣтить, что хотя лапіазы болѣе всего распространены въ этой области, но онѣ встрѣчаются и въ другихъ мѣстностяхъ. Видъ лапіазъ чрезвычайно разнообразенъ. Въ большинствѣ

случаевъ — это обширныя, голыя, известняковыя, наклонныя поля, которыя вслѣдствіе вывѣтриванія до того разсѣлись и растрескались, что походятъ то на странно изборожденныя каменныя поля, то на безконечные ряды острыхъ скалистыхъ гребней, иногда идущихъ другъ подлѣ друга, иногда на разстояніи цѣлой сажени и образуя такимъ образомъ то борозды, то глубокіе проломы, пещеры, шахты и ходы. Происхожденіе этихъ лапіазъ объясняютъ различно. По всей вѣроятности однако онѣ произошли оттого, что вода, капая на обнаженную выпуклую равнину, уже нѣсколько сгорбившуюся и растрескавшуюся, заносила въ эти углубленія частички камней; такимъ образомъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій промывались все болѣе глубокія борозды. Когда въ нихъ набралось уже достаточно воды, тогда она начинаетъ уже работать сама по себѣ: при замерзаніи, таяніи, треніи, ударами и толчками, она изъ едва замѣтныхъ бороздокъ дѣлаетъ большія трещины, ходы и шахты, разнообразныя формы которыхъ зависятъ отъ известковаго свойства горъ. Иногда эти разсѣлины имѣютъ форму пчелиныхъ сотовъ и называются пастухами *каменными сотами* иногда имѣютъ видъ продольныхъ и раковинныхъ углубленій. Такимъ образомъ нерѣдко огромныя скалистыя поверхности представляютъ только остовы, между острыми ребрами которыхъ могли бы помѣститься дома, иногда же между ними едва можно просунуть руку. До 5-ти тысячъ футовъ н. п. м., лапіазы обыкновенно покрыты альпійскими розами, можжевельникомъ, а иногда сухимъ дерномъ. Но выше онѣ представляются уже совершенно голыми и имѣютъ видъ изрытыхъ скалистыхъ пустынь, безъ малѣйшаго признака какого-нибудь источника. Пастухи избѣгаютъ ихъ и загораживаютъ ихъ со стороны пастбищъ, для того, чтобы во время тумана или непогоды не могъ забрести сюда скотъ. Между живыми существами тутъ чаще всего встрѣчаешь галокъ, бѣлыхъ и каменныхъ куропатокъ, которыя быстро бѣгаютъ по скалистымъ ребрамъ и скрываются въ недоступныхъ разсѣлинахъ.

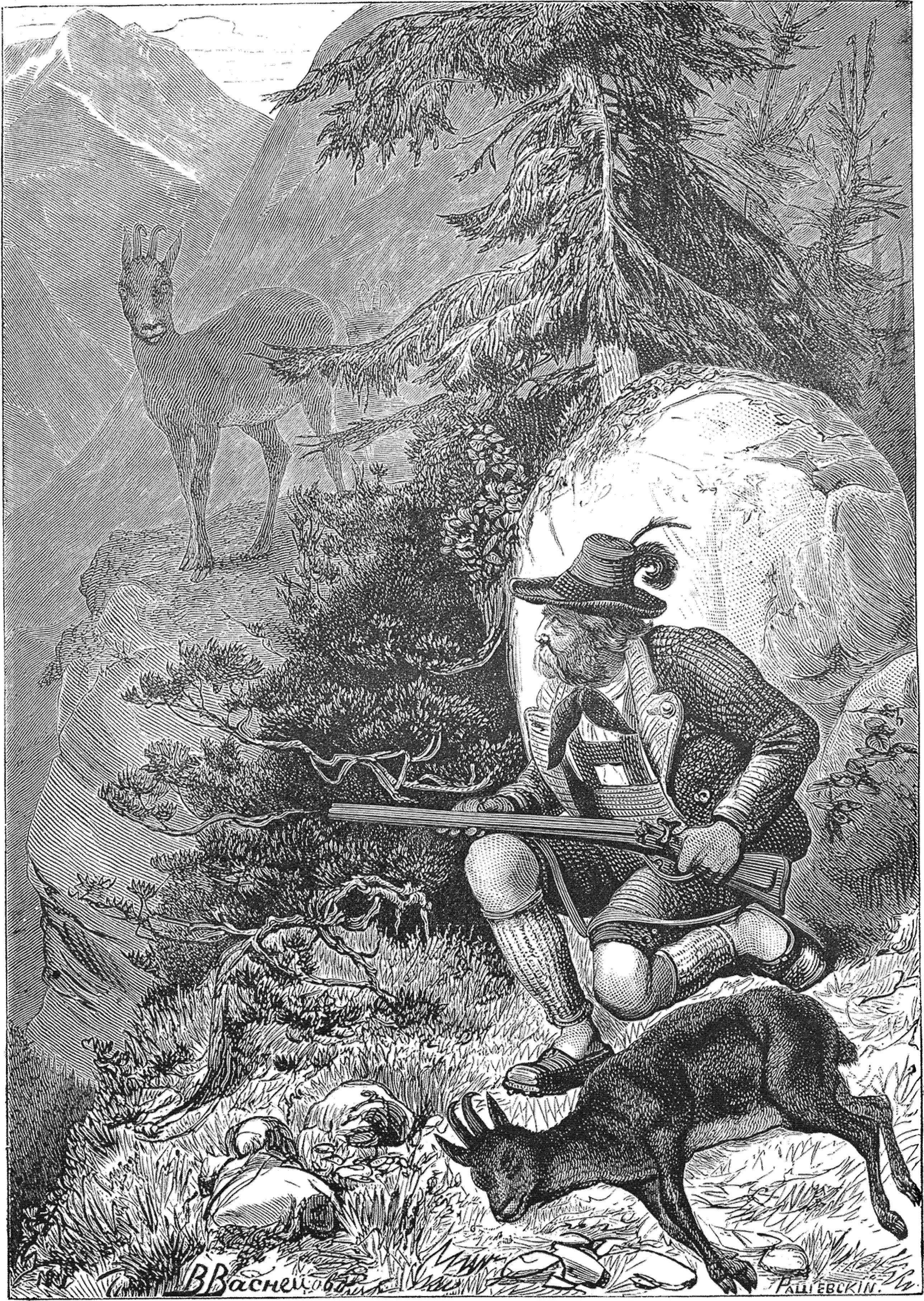
Съ каждымъ шагомъ вверхъ горы становятся бѣднѣе растительнымъ покровомъ, а слѣдовательно и животною жизнію. Съ каждой тысячью футовъ все болѣе ограничивается возможность существованія; съ каждымъ шагомъ тяжелѣе дѣлается борьба за это существованіе. Но предусмотрительная природа все-таки нѣсколько облегчаетъ животнымъ эту борьбу: зимою альпійскія животныя мѣняютъ цвѣтъ своей одежды, становятся до того бѣлыми, что охотникъ или орелъ не можетъ отличить ихъ отъ снѣга. И дѣйствительно, это замѣчательное явленіе. Какъ только появляется весеннее солнце, въ животныхъ здѣсь замѣчается большая перемѣна. Прежде всего становится сѣрой спина *бѣляка* или альпійскаго зайца; въ апрѣлѣ мѣхъ его еще бываетъ испещренъ крапинками, потомъ становится одноцвѣтнымъ; съ появленіемъ перваго снѣга у альпійскаго зайца является много бѣлыхъ волосъ, а скоро онъ и весь бѣлѣетъ. Тоже самое бываетъ съ *горностаемъ*, *бѣлкой*, *куропаткой* и другими животными. Не смотря на это трудно описать, какъ имъ всѣмъ приходится бѣдствовать зимою на Альпахъ. Если ранній снѣгъ застигнетъ зайца въ то время, когда онъ еще не успѣлъ одѣться въ свой болѣе густой зимній мѣхъ, то онъ иногда по нѣсколько дней не выходитъ изъ подъ своего камня или куста, голодаетъ и мерзнетъ. Нѣкоторыя животныя засыпаютъ на все холодное время глубокимъ сномъ, существуя тогда на счетъ своего жира.

Серны.— Альпійскій охотникъ, его жизнь и трудности, которыя ему приходится одолѣвать.

Самое характерное животное альпійской области *серна*. Животное это очень похоже на козу, но отличается отъ нея короткимъ туловищемъ, болѣе сильными и длинными ногами, болѣе длинною шеею и прямыми рогами, за которыми лежатъ острыя уши. Лѣтомъ серны живутъ на самыхъ высокихъ Альпахъ, иногда въ довольно близкомъ сосѣдствѣ съ вѣчными снѣгами. Хоть серны и неприхотливы на пищу,—довольствуются травою, торчащей изъ подъ снѣга, мхомъ и лишаями, даже долго могутъ выносить голодъ,—но такъ какъ вода для нихъ первая необходимость, то зимою онѣ держатся пониже, въ долинахъ и лѣсахъ. Прежде, когда сернъ не такъ еще преслѣдовали охотники, ихъ было гораздо больше и онѣ смѣло и часто спускались въ долины, играли и пили воду въ томъ или другомъ ручьѣ; теперь же онѣ спускаются внизъ только во время суровой зимы и страшныхъ лишеній. На самыхъ высокихъ, отвѣсныхъ скалахъ, куда не рѣшается взобраться ни одно животное, серна карабкается необыкновенно легко и граціозно. Когда она идетъ медленно—ея походка кажется неуклюжей, но вотъ она пустилась бѣжать и тотчасъ же приковываетъ ваше вниманіе красотой своей осанки. Съ быстротою молніи мчится она большими скачками чрезъ крутые утесы, то однимъ прыжкомъ вдругъ вскакиваетъ на стѣну въ 14 ф. и такъ же легко, когда это ей нужно, спрыгиваетъ внизъ. Но больше всего возбуждаетъ она удивленіе, когда, въ нѣсколько скачковъ взлетая на верхъ по отвѣсной скалѣ, она вдругъ останавливается на самомъ маленькомъ выступѣ, на которомъ удержится развѣ только птица, и такимъ образомъ стоитъ нѣсколько минутъ, чутко прислушиваясь, нѣтъ-ли гдѣ опасности, зоркимъ глазомъ окидывая окрестную мѣстность. Въ минуту опасности серна никогда не теряется: если она забѣжала на очень высокій отвѣсный утесъ и не видитъ передъ собою никакого выступа, чтобы минутной остановкой хоть нѣсколько уменьшить силу своего паденія, — она все-таки бросается внизъ, пригнувъ голову и шею къ спинѣ, напирая на заднія ноги, которыя, скользя по скалѣ, задерживаютъ нѣсколько быстроту паденія. Забота о самохраненіи отъ людскаго преслѣдованія не оставляетъ ее даже и во время сна. Когда стадо сернъ отдыхаетъ въ рѣдкомъ кустарникѣ, одна изъ нихъ выполняетъ роль сторожа, отходитъ на нѣкоторое разстояніе, пощипываетъ траву, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ, нюхая воздухъ, а то и поднимаясь на заднія ноги. Но вотъ сторожъ замѣтилъ опасность; онъ издаетъ рѣзкій, протяжный звукъ и все стадо въ одну минуту понеслось быстрымъ галопомъ. Сернѣ отовсюду грозитъ опасность: рысь, волкъ, медвѣдь, коршунъ и другіе животныя не даютъ ей ни минуты покоя. Но этихъ враговъ она еще кое-какъ избѣгаетъ, то съ помощью своихъ легкихъ, крѣпкихъ ногъ, то пуская въ ходъ острые рога. Гораздо труднѣе ей уберечься отъ скатывающихся съ вершины камней и снѣжныхъ лавинъ, которые погребаютъ иногда разомъ цѣлыя стада сернъ. Однако злѣйшимъ врагомъ ея является человѣкъ, пуля котораго очень часто настигаетъ и пронзаетъ ее въ сердце, какъ на самой высокой скалѣ, такъ и въ самой низкой пропасти. Альпійскими охотниками обыкновенно бываютъ люди недостаточные, которые содержатъ своимъ ремесломъ не только себя, но и свою семью. Однако не всякій, пожелавшій быть горнымъ охотникомъ, можетъ имъ сдѣлаться, когда это ему вздумается. Охота въ горахъ совсѣмъ не то, что въ долинахъ: какъ сама природа горъ, она

имѣетъ характеръ въ высшей степени жестокій, измѣнчивый и суровый, и потому тотъ, кто отважится сдѣлаться горнымъ альпійскимъ охотникомъ, долженъ имѣть крѣпкіе мускулы, твердыя ноги, чтобы, какъ и серна, пробираться по узкимъ тропинкамъ на горныхъ и голыхъ скалахъ, гдѣ часто не помогаетъ и его подбитая гвоздями обувь. Чтобы подмѣтить на большомъ разстояніи, часто на огромной высотѣ, чуткую серну, тихо притаившуюся за какимъ-нибудь кустарникомъ, нужно имѣть весьма острое зрѣніе; кромѣ того такой охотникъ долженъ закалить себя, чтобы переносить всякую бурю и непогоду суроваго пояса, имѣть необыкновенно развитые и крѣпкіе члены, такъ какъ ему часто, чтобы удержаться на мѣстѣ или проползти по склону горы небольшое пространство, приходится дѣйствовать локтями, зубами, спиной, словомъ—каждой мышцей своего тѣла. А сколькими качествами нужно обладать охотнику! Безпрестанно пробираясь между пропастями, а иногда и вися надъ ними, ухватившись за какое нибудь растеніе, онъ не долженъ знать головокруженія. Прежде чѣмъ взяться за опасное ремесло охотника, онъ долженъ въ совершенствѣ изучить окрестности и особенно тѣ горы, въ которыхъ онъ собирается охотиться. А это на первыхъ порахъ представляетъ болѣе трудностей, чѣмъ можно себѣ вообразить. Для того, чтобы всегда найти дорогу среди лабиринта трещинъ ледниковъ, среди безконечнаго числа тропинокъ выбрать такую, которая не завела бы въ бездну, откуда нѣтъ возврата, необходимо изучить всѣ развѣтвленія горъ, ихъ углы, острыя возвышенія, откосы, наконецъ общее направленіе ущелій и проходовъ.

Да развѣ одно это приходится ему изучить? Онъ долженъ знать характеръ животныхъ, всѣ явленія природы и серьозно вдуматься въ то, какъ дѣйствуютъ такія явленія и на сколько они измѣняютъ въ данную минуту привычки животныхъ, которыхъ онъ собирается преслѣдовать. Охотники должны пріучить себя переносить всякаго рода лишенія въ пищѣ, въ питьѣ, снѣ и всякихъ другихъ потребностяхъ, неудовлетвореніе которыхъ можетъ иногда гибельно отозваться на здоровьѣ. Долго преслѣдуя и высматривая звѣря, онъ часто не можетъ спуститься внизъ, въ свое жилище, и потому долженъ очень разсчетливо тратить небольшой запасъ сыру, сухарей и вина, которые онъ беретъ съ собою. Какъ въ хорошую погоду, такъ и во время бури, сильнаго вѣтра или густаго тумана, охотникъ проводитъ ночи подъ открытымъ небомъ, прикрываясь отъ дождя и непогоды развѣ только козьей шкурой; иногда же ему приходится ночевать и на краю ледника. «Бороться съ снѣжными обвалами, пренебрегать обрывами земли, камней и цѣлыхъ утесовъ, висѣть надъ бездною, держась за выдавшійся обломокъ скалы, ползти по краю остраго ребра, подвергаться опасности свалиться въ трещины ледниковъ, или быть сброшеннымъ въ пропасть дикою серною, захваченною въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, проводить ночи на льду, не имѣя другаго покрова, кромѣ небеснаго свода, чувствовать на себѣ холодное дуновеніе сѣвернаго вѣтра,—вотъ, говоритъ одинъ писатель,—какъ понимаетъ охоту за сернами настоящій альпійскій охотникъ». Однако, человѣкъ и крѣпкаго сложенія, и пріучившій себя твердо выносить всевозможныя лишенія, и знающій прекрасно все, что его ждетъ впереди,—не можетъ еще быть хорошимъ охотникомъ въ швейцарскихъ горахъ; для этого природа должна одарить его еще необыкновеннымъ мужествомъ, живымъ умомъ, проницательностью и сметкою. Охотникъ долженъ быть всегда на-сторожѣ, умѣть найтись и въ ту минуту, когда на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ только-что собрался укрыться, вдругъ образовался свирѣпый потокъ,


В Васнецовъ
PALLIEBCKIN.

когда его глазамъ вдругъ представляется зіяющая пропасть, когда лавины и обвалы преграждаютъ ему дорогу. Но когда вполнѣ здоровый человѣкъ надѣленъ всѣми этими качествами ума и сердца, онъ можетъ надѣяться на счастье въ охотѣ.

Отправляясь въ путь, охотникъ надѣваетъ теплое, сѣрое платье, беретъ съ собою альпійскую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ; у нѣкоторыхъ на верхнемъ концѣ этой палки еще придѣлана кирка: одинъ зубъ ея прямой, другой—заостренный. Кромѣ этого онъ долженъ взять сумку съ порохомъ и пулями и весьма незатѣйливую провизію. Но болѣе необходимые предметы для охотника, на которыхъ онъ останавливаетъ самое серьезное вниманіе,—это башмаки и вѣрное ружье. Правда, нѣкоторые изъ нихъ отправляются въ горы босикомъ и отъ времени до времени намазываютъ себѣ ноги смолою, чтобы крѣпче стоять, но большинство носитъ башмаки, скорѣе похожіе на остроконечныя копыта серны, чѣмъ на тѣ, которые надѣваемъ мы. По краямъ подошвы охотничьяго башмака вбиваютъ гвозди съ острыми концами, а на носкѣ и на пяткѣ укрѣпляютъ по подковѣ. Вооружившись такой подошвой, нога не будетъ скользить даже и тогда, когда придется ступать по голымъ ледянымъ скаламъ. Деньги, полученныя отъ первой удачной охоты, хорошій охотникъ обыкновенно тщательно сберегаетъ, чтобы какъ можно скорѣе пріобрѣсти себѣ хорошую подзорную трубку: съ помощью ея онъ лучше можетъ высмотрѣть дичь и сообразить, какимъ путемъ ему до нея добраться. Охотники встаютъ обыкновенно ночью и стараются придти къ мѣсту, гдѣ водятся серны, гораздо раньше солнечнаго восхода. Тотъ, кто поосторожнѣе, отнесетъ на горы ружье еще заблаговременно; затѣмъ онъ старается идти какъ можно тише,—безъ шума опускаться на землю; выслушиваетъ, высматриваетъ, наблюдаетъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ, опасаясь, чтобы серны не почуяли его приближенія или не услышали шума шаговъ и наконецъ начинаетъ охоту изъ какой нибудь высокой, пастушьей хижины. При этомъ каждый старается какъ можно ближе подкрасться къ спящимъ сернамъ, постоянно держа палецъ на куркѣ своего ружья. Только онъ замѣтитъ спящее стадо, тотчасъ прячется за кустомъ или камнемъ и ждетъ разсвѣта. Чуть серны пробуждаются, охотникъ уже направляетъ свое ружье въ ту изъ нихъ, которая ему болѣе нравится и спускаетъ курокъ. Подстрѣленное животное дѣлаетъ одинъ только скачекъ кверху и падаетъ мертвымъ; все стадо оборачиваетъ голову въ ту сторону, гдѣ еще не разсѣялся пороховой дымъ, смотритъ туда въ какомъ-то ужасѣ и оцѣпененіи и потомъ, въ одно мгновеніе, какъ молнія, исчезаетъ въ сосѣднемъ лѣсу. Нерѣдко раненое животное не попадается ему въ руки, а вмѣстѣ съ товарищами укрывается въ лѣсъ. Тогда охотникомъ овладѣваетъ какое-то безуміе и упрямство во что бы то ни стало отыскать свою жертву. Очень часто въ подобную минуту онъ взбирается на такую высоту, на которую еще не дерзала вступить нога человѣческая. Примѣтивъ какое нибудь стадо, охотники идутъ за сернами цѣлыя мили, иногда нѣсколько дней сряду и такимъ образомъ гонятъ ихъ передъ собою, пока наконецъ не удастся убить хоть одну изъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, загнать въ какой нибудь узкій проходъ между скалъ. Одинъ охотникъ, загнавъ такимъ образомъ серну, выстрѣлилъ въ нее, но сдѣлалъ осѣчку.... Однако, видя, что животное не можетъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, онъ бросается на него, чтобъ задушить его по крайней мѣрѣ руками. Между ними завязывается страшная борьба: то человѣкъ у края бездны, то звѣрь; сверху съ грохотомъ падаютъ камни, въ

горахъ слышатся раскаты грома; вѣтеръ гудитъ и свиститъ совсѣмъ уже вблизи; все предвѣщаетъ бурю.... На минуту серна останавливается, изнемогая отъ потери крови и отъ страшныхъ усилій. Охотникъ уже торжествуетъ, но сильный орелъ кружится надъ нимъ въ воздухѣ, собираясь столкнуть его въ пропасть своими могучими крыльями. Высвободивъ одну руку, охотникъ выхватываетъ свой ножъ, и вонзаетъ его въ горло животнаго; потомъ быстро отползаетъ отъ пропасти и, принявъ болѣе удобное положеніе, онъ цѣлится въ орла. Но орелъ скрылся, а охотникъ начинаетъ немедленно потрошить серну, рубитъ ей рога и, связавъ ея ноги, взваливаетъ добычу себѣ на плечи. Иному приходится тащить на себѣ заразъ нѣсколько сернъ, но, чѣмъ тяжелѣе его ноша, тѣмъ счастливѣе охотникъ; онъ не стыдится своего, изорваннаго въ лохмотья, платья, не жалѣетъ своего израненнаго и исцарапаннаго лица и рукъ; напротивъ, если у него за плечами тяжелая ноша,—онъ не чувствуетъ подъ собою ногъ. Но такая добыча дорого стоитъ охотникамъ. Проводя всю жизнь среди ужасныхъ опасностей и лишеній, они чрезвычайно рѣдко умираютъ естественною смертію, такъ что жены ихъ говорятъ, что имъ не умереть въ кровати.

Альпійскія пастбища. — Торжественный выгонъ скота въ первый день весны. — Смышленость альпійскаго рогатаго скота.—Шалэ и ихъ назначеніе.—Жизнь пастуха.—Aelplerkilwi.

Альпійская область изобилуетъ множествомъ зеленыхъ, травянистыхъ пастбищъ, на которыхъ тысячи стадъ находятъ сочную, питательную пищу.

Когда наступаетъ весна, Альпы необыкновенно оживляются: онѣ не только покрываются зеленью и цвѣтами, но и стадами рогатаго скота. Первый день весны приноситъ съ собою много оживленья и веселья въ однообразную жизнь горцевъ: они со своими стадами изъ долинъ переходятъ на горы, въ шалэ, чтобы тамъ заниматься лѣтнимъ хозяйствомъ. Да и скоту несравненно полезнѣе быть лѣтомъ въ горахъ: множество альпійскихъ травъ даютъ ему превосходный, ароматическій кормъ; здѣсь солнце не такъ жжетъ, какъ въ долинѣ; слѣпни не тревожатъ, а если животнымъ и приходится терпѣть отъ насѣкомыхъ, то скворцы и другія птички, бѣгающія вокругъ стада, избавляютъ ихъ отъ этихъ враговъ. Такъ какъ воздухъ на горахъ свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ въ долинѣ, то и скотъ кажется бодрѣе, веселѣе и несравненно умнѣе. Вотъ почему первый день весны не только большой праздникъ для пастуховъ, но и для самаго скота. Еще задолго до выгона дѣлается множество приготовленій; всѣ, кому нужно сопровождать стада, разряжены въ самыя лучшія праздничныя платья. Дѣвушки еще съ ранняго утра прикалываютъ букеты живыхъ цвѣтовъ къ своимъ шляпамъ, украшаютъ коровъ лентами, зелеными вѣтками и на ихъ широкіе, кожанные ошейники привѣшиваютъ большіе мѣдные колокола съ разноцвѣтными украшеніями. Потомъ скотъ собираютъ на лугу, устанавливаютъ порядокъ шествія и наконецъ даютъ сигналъ къ отправленію. Во главѣ кортежа, съ трубкою въ зубахъ, идетъ старшій скотникъ. Онъ несетъ на плечѣ чистый, бѣлый подойникъ; одѣтъ по большей части въ новый жилетъ ярко-краснаго сукна съ большими металлическими пуговицами, въ маленькой черной скуфейкѣ и въ поярковой шляпѣ. За нимъ идетъ передовая корова: это обыкновенно не только самая красивая, но и самая сильная изъ всѣхъ коровъ и поэтому она пестрѣе другихъ разукрашена и на ней виситъ

самый большой звонокъ; за нею слѣдуютъ въ строгомъ порядкѣ нѣсколько лучшихъ головъ въ стадѣ. Посреди ихъ идетъ быкъ, у котораго между рогами привязана особаго рода скамеечка, назначенная для доенія коровъ и украшенная цвѣтами. При этомъ коровы показываютъ необыкновенное честолюбіе: тѣ, которыя идутъ за передовою, такъ завидуютъ ея участи, что безпрестанно стараются стать передъ нею, впереди всѣхъ. Но пастухи, которые нарочно для этой цѣли идутъ по бокамъ, зорко наблюдаютъ, чтобы порядокъ не нарушался и палочными ударами напоминаютъ каждой о ея мѣстѣ. Когда стадо, которое состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ сотенъ коровъ, телятъ, козъ, барановъ и нѣсколькихъ свиней, двинется впередъ, то пастухи стараются пѣть какъ можно громче. Животныя не остаются глухи къ общему торжеству и со всѣхъ сторонъ раздается мычанье, блеянье, хрюканье.... Это шествіе заключается обыкновенно нѣсколькими мулами, на которыхъ навьючены снаряды необходимые для производства сыра и масла, и одежда хозяевъ и пастуховъ. Жилища въ долинахъ запираются и семейства по большей части проводятъ лѣто въ горахъ. Съ первымъ звономъ колоколовъ, который раздается издалека, все населеніе сбѣгается посмотрѣть на любимое зрѣлище, которое бываетъ только разъ въ году, и въ которомъ, что нужно также помнить, лично заинтересовано большинство жителей. Скотъ для горца считается самымъ большимъ богатствомъ, почти единственнымъ источникомъ его существованія и счастія; вотъ почему его первыя заботы и любовь сосредоточиваются на немъ. Каждый вечеръ горецъ выходитъ изъ своей хижины и, обращаясь лицомъ къ Альпамъ, гдѣ пасутся его стада, произноситъ молитвы, въ которыхъ онъ прежде всего проситъ сохранить свое стадо, и потомъ уже испрашиваетъ милости для своего семейства. Затѣмъ онъ произноситъ заклинаніе, которое, по его понятіямъ, должно оградить его стада отъ всякой напасти. «Св. Петръ, произноситъ онъ,—загради путь медвѣдю, сдѣлай безвредными зубы волка, когти рыси, прегради камню его скачекъ». Тотъ, которому принадлежитъ до 25 коровъ, считается уже крупнымъ владѣльцемъ, дѣлаетъ сыръ на продажу и называется *armailli* или *fromager*. Поручивъ свой скотъ пастуху, эти armailli въ день выгона вмѣстѣ со своими стадами и семействами отправляются въ шалэ вести молочное хозяйство.

Столько говорятъ о живописной архитектурѣ шалэ, объ ихъ миловидности, уютности и прелести, что туристы бываютъ необыкновенно поражены, встрѣчая совсѣмъ противуположное. Шалэ—грубыя, небольшія постройки, иногда стоятъ уединенно посреди пастбища, иногда же скучены цѣлыми группами, какъ какое-нибудь селеніе; то походятъ на пещеру съ какой-то пристройкой, такъ какъ они очень часто бываютъ прислонены къ скалѣ, у которой выведены стѣны; внѣшняя сторона такой постройки тоже задѣлана стѣной и въ ней пробиты маленькія окна и дверь. Такъ какъ такой домикъ обыкновенно сплошь обростаетъ зеленью,—кленъ или каштановое дерево свѣшиваютъ на него свои чудныя вѣтви,—и онъ окруженъ прелестной мѣстностью, то издали онъ и представляется дѣйствительно чѣмъ-то въ высшей степени граціознымъ и поэтическимъ. Но стоитъ только подойти ближе, чтобы совсѣмъ разочароваться: грязный входъ въ шалэ ведетъ въ еще болѣе грязную, закоптѣлую комнату безъ трубы, въ которой дымъ выходитъ, какъ и вездѣ въ лачугахъ, черезъ двери и щели стѣнъ и крыши. Очень часто въ одной и той же комнатѣ и спятъ, и ѣдятъ, и дѣлаютъ сыръ. Изъ мебели тутъ вы найдете самой незатѣйливой работы шкапъ, нѣсколько скамеечекъ для доенья и сидѣнья и

столъ, придѣланный къ стѣнѣ, на шарнирахъ для того, чтобы его раскинуть, когда это нужно, и тотчасъ опять привинтить чтобы въ комнатѣ было больше мѣста. Тутъ же навалены кадки, бочки и виситъ огромный котелъ, въ немъ грѣется молоко, изъ котораго потомъ дѣлаютъ сыръ. У болѣе зажиточнаго хозяина большое шалэ раздѣлено на два отдѣленія, и для скота предназначается самое обширное помѣщеніе, которое, обыкновенно, для предохраненія отъ сѣвернаго вѣтра, очень хорошо законопачено. Подъ такой удобный кровъ скотъ весьма довѣрчиво бѣжитъ во время бури или зноя. Но если такъ непривлекательна внутренность шалэ и его обстановка, за то васъ поразитъ необыкновенная опрятность во всемъ ихъ молочномъ хозяйствѣ и безукоризненная чистота посуды, которая служитъ для этого. Жизнь пастуха хоть и свободная, не тяжелая по работѣ, но подверженная многимъ опасностямъ. На крутыхъ пастбищахъ онъ по цѣлымъ днямъ сидитъ на краю пропасти, отъ времени до времени встряхивая палку, на которой навѣшены колокольчики, и коровы тотчасъ отходятъ прочь отъ опаснаго мѣста. По этому же звону возвращается заблудившаяся корова въ свое стадо. За то пастуху часто приходится сидѣть подъ открытымъ небомъ и во время проливнаго дождя, мерзнуть въ холодные дни, часто не имѣя даже какой нибудь несчастной кожи, чтобы прикрыться. Впрочемъ, нѣкоторымъ изъ нихъ, кромѣ ничтожнаго жалованья отъ своего хозяина, удается кое-что добыть деревянными вещицами, которыя они мастерски умѣютъ вырѣзывать и сбывать туристамъ по довольно высокимъ цѣнамъ. Другимъ развлеченіемъ пастуху служитъ рожокъ или труба, на которыхъ они умѣютъ играть весьма искусно. Пастушеская мелодія на долго запоминается альпійскими коровами: когда начинаютъ ее наигрывать зимою, то она пробуждаетъ въ нихъ воспоминаніе о лучшей, горной жизни, и коровы, съ поднятымъ хвостомъ, начинаютъ метаться изъ стороны въ сторону, разбиваютъ свои запоры, выбиваются изъ силъ до того, что перестаютъ иногда послѣ этого ѣсть въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

Два раза въ день, а именно передъ разсвѣтомъ и въ 3 часа пополудни, пастухъ пригоняетъ свое стадо въ шалэ. Подоивъ коровъ, армальи вмѣстѣ съ пастухомъ садятся за общій столъ и ѣдятъ молоко съ накрошеннымъ черствымъ хлѣбомъ. Когда осенью стада возвращаются въ долину, порядокъ шествія и празднество, все бываетъ тоже самое; но животныя и люди имѣютъ до того унылый, грустный видъ, что праздникъ этотъ не имѣетъ ничего общаго съ весеннимъ выгономъ.

Послѣ возвращенія стадъ съ горъ въ долину происходитъ главный праздникъ пастуховъ—*die Aelplerkilwi*. Праздникъ этотъ церковный, но онъ оканчивается различными увеселеніями народа. Въ немъ есть много древнихъ языческихъ обрядовъ. Утромъ въ праздничный день представители пастуховъ въ праздничномъ платьѣ, украсивъ сюртукъ и шляпу цвѣтами, отправляются въ церковь, гдѣ они занимаютъ на особыхъ стульяхъ почетныя мѣста. Изображенія покровителя альпійцевъ Св. Венделина ставятъ на алтарь и призванный для этого праздника почетный проповѣдникъ совершаетъ богослуженіе и говоритъ проповѣдь. Потомъ представители пастуховъ приступаютъ къ причастію, а за ними уже и другіе. По окончаніи богослуженія передъ церковными дверями раздается сельская музыка и всѣ присутствующіе торжественно выходятъ изъ храма въ величайшемъ порядкѣ, непремѣнно по парно. Впереди всѣхъ *wildmannli*. Это въ высшей степени оригинально одѣтая парочка состоитъ изъ мужчины и женщины: *wildmann* и *wildweib* (дикій мужчина и дикая женщина).

В. Васнецовъ

Оба они съ головы до ногъ обвѣшаны еловою корою, между которой тамъ и сямъ торчатъ маленькія вѣточки елокъ. У обоихъ на плечахъ молодыя елки съ корнями и оба одѣты въ маски съ длинными бородами изъ мха. Они хихикаютъ, смѣются, дѣлаютъ дикіе прыжки, отпускаютъ шутки и остроты и въ то же время метутъ улицу. Съ одной стороны сильный парень несетъ знамя пастуховъ съ изображеніемъ патрона, съ другой—музыка; сзади множество народа, всѣ съ знаменами. При этомъ нѣкоторые фантастически одѣты горными духами. Это шествіе отъ времени до времени останавливается и всѣ начинаютъ помахивать знаменами. Это шествіе съ музыкою подходитъ къ жилищу мѣстнаго священника, берутъ его съ собою и всѣ двигаются къ гостинницѣ, украшенной цвѣтами, гирляндами и обвѣшанной знаменами. Лишь только усѣлась публика за столъ, какъ начинаются тосты, впрочемъ весьма незамысловатые. «Дай Богъ здоровья пастухамъ, нашимъ женамъ и дочерямъ, духовенству. Пусть тучнѣютъ наши пастбища и процвѣтаетъ свобода. Да здравствуютъ наши союзники и да повергнутся въ прахъ наши враги» и т. п. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, послѣ обильнаго возліянія, одинъ изъ распорядителей встаетъ изъ-за стола, беретъ заранѣе приготовленные дары, которые обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ хлѣбовъ, или блюда жаркого и нѣсколькихъ бутылокъ пива и подаетъ все это бѣднымъ, которые стоятъ у гостинницы. Слѣдующій день начинается также службою въ церкви, во время которой поминаютъ усопшихъ членовъ братства пастуховъ, умершихъ въ послѣдній годъ. Затѣмъ наиболѣе краснорѣчивый изъ присутствующихъ говоритъ рѣчь, въ которой восхваляетъ труды и заслуги пастуховъ. Послѣ рѣчи входятъ дикіе люди и съ трудомъ, точно отъ величайшей тяжести, переваливаясь съ ноги на ногу, несутъ сыръ и подаютъ его въ даръ священнику; тотъ, въ свою очередь, тоже чѣмъ нибудь отдариваетъ. Поднося сыръ wildmannli говорятъ рѣчь, пересыпанную разными шутками, которая вызываетъ аплодисменты и крики одобренія въ толпѣ, но веселость достигаетъ высшаго предѣла, когда эта парочка начинаетъ перебраниваться въ грубыхъ стихахъ. Wildmann жалуется на то, что его жена плохая хозяйка, что она постоянно пересаливаетъ ему кушанье, не умѣетъ ни къ чему приноровиться въ домѣ, перебираетъ всѣ ея качества и наконецъ называетъ ее простофилей и глупой. Wildweib даетъ ему не менѣе лестныя прозвища: она кричитъ, бранится, грозитъ, называетъ его игрокомъ, пьяницею и лѣнтяемъ. Эти празднества кончаются танцами молодежи и различными играми.

Альпійскіе козопасы.—Ихъ несчастная жизнь и опасности, которымъ они подвергаются.

Выше пастбищъ, гдѣ нѣтъ не только хорошихъ дорогъ, но и тропинокъ, гдѣ трава попадается развѣ маленькими клочками, слѣдовательно, куда не посылаютъ уже пастись рогатый скотъ,—тамъ бродятъ рѣзвыя стада козъ, картинно разсыпавшись по маленькимъ выступамъ и лужайкамъ. Около нихъ обыкновенно сидитъ, весь въ лохмотьяхъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти, 14-ти. Не смотря однакоже на эти лохмотья, у него свободная поступь и лицо дышетъ отвагою и холоднымъ спокойствіемъ возмужалаго человѣка. Стоитъ только туристу подняться на эту высоту — и козы тотчасъ поднимаютъ на гостя свои маленькія, красивыя мордочки и съ удивленіемъ смотрятъ на него нѣсколько минутъ. Если же онъ броситъ имъ корку хлѣба или щепотку соли, они на-

вѣрно довѣрчиво побѣгутъ къ нему на встрѣчу. Стада козъ пригоняютъ лѣтомъ въ эти дикія, пустынныя мѣста для того, чтобы прокормить ихъ какъ можно дешевле. Ихъ оставляютъ здѣсь на рукахъ мальчика безъ всякаго ухода. Только по временамъ онъ посыпаетъ имъ горсточку соли на одну изъ скалъ и тѣмъ удерживаетъ ихъ тамъ, гдѣ нужно.

Эти козопасы ведутъ самую несчастную жизнь. Они оставляютъ долины весною и приходятъ въ горы совсѣмъ босикомъ, въ жалкихъ лохмотьяхъ и въ шапкѣ, которая плохо защищаетъ, какъ отъ солнечнаго зноя, такъ и отъ дождя. Весь багажъ мальчика состоитъ изъ перекинутой черезъ плечо котомки съ солью, хлѣбомъ и сыромъ. О теплой пищѣ они здѣсь, разумѣется, и подумать не смѣютъ. Въ двѣ недѣли разъ, а то и разъ только въ мѣсяцъ, имъ приносятъ пищу изъ долины. Вотъ ребенку и приходится по цѣлымъ мѣсяцамъ глодать не только совсѣмъ очерствѣвшій, но и заплѣснѣвшій хлѣбъ и сыръ, превратившійся въ камень. Во время грозы и ливня онъ укрывается подъ выступомъ скалы, а то и просто сидитъ въ какой-нибудь сырой ямѣ, дрожа отъ холода и голода, безъ огня, безъ человѣческаго слова, не зная участія и ласки. Но кто же рѣшается дозволить своему дитяти влачить такую несчастную жизнь? Когда у мальчика умираютъ родители, община, на рукахъ которой онъ долженъ остаться, чтобы даромъ не кормить его хлѣбомъ, обыкновенно старается пріискать ему какую-нибудь работу и посылаютъ его въ горы. Живя среди дикой природы, на каждомъ шагу лицомъ къ лицу съ страшными опасностями, постоянно бѣгая за козами, эти мальчики необыкновенно развиваютъ всѣ свои мускулы, члены и чувства. Тамъ, гдѣ по узкому карнизу даже мышь не рѣшится пробѣжать, козопасъ проходитъ самъ и проводитъ свое стадо. Напѣвая и насвистывая, онъ, какъ кошка, то лазаетъ по самымъ крутымъ горамъ, то беззаботно перескакиваетъ съ одного выступа на другой. Его зрѣніе развивается до замѣчательнаго совершенства. Онъ разсмотритъ не только серну на разстояніи полъ-мили, но подмѣтитъ даже каждое ея движеніе. Вотъ почему впослѣдствіи большинство изъ нихъ становятся самыми отважными охотниками. И представить себѣ трудно, до чего доходитъ смѣлость и ловкость козопасовъ. Когда коза сбивается съ дороги, или взбирается на безвыходный уступъ скалы, козопасъ стремглавъ бѣжитъ ее спасать. Но жалобный крикъ животнаго привлекъ уже хищныхъ птицъ, которыя и парятъ надъ нимъ въ высотѣ. Ребенокъ, не задумываясь, замахивается на нихъ своею желѣзною палкою, бережно сжимаетъ свою козочку и теперь уже онъ скорѣе дозволитъ хищникамъ свалить себя въ пропасть, чѣмъ выпуститъ изъ рукъ свою ношу.

Когда коза падаетъ въ пропасть, козопасы (если только они въ это время бываютъ по близости) съ помощью веревки спускаютъ туда товарища. При этомъ козопасы часто ошибаются въ принятомъ направленіи: тогда несчастный ребенокъ долженъ осторожно двигаться вдоль скалистыхъ стѣнъ, хватаясь за малѣйшія неровности; въ это время онъ обыкновенно ссаживаетъ себѣ кожу на лицѣ и рукахъ, страшно портитъ пальцы ногъ. Случается что, схватившись за одинъ выступъ и не видя передъ собою другаго за который онъ могъ бы схватиться, онъ виситъ такъ иногда въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ: онъ не теряетъ присутствія духа, зорко ищетъ, за что бы уцѣпиться и такимъ образомъ наконецъ приближается къ козѣ. Но самое трудное въ этомъ нечеловѣческомъ предпріятіи — схватить животное съ узкаго выступа, затѣмъ стащить его съ собою, на краю ужасающей пропасти взвалить его себѣ на плечи и потомъ, придерживаясь только одною рукою, которая оста-

лась ему свободною, притащить и привязать козу къ веревкѣ, которую держатъ вверху товарищи. Затѣмъ поднимаютъ вверхъ сперва животное, а потомъ и мальчика. И такимъ образомъ козопасу случается спуститься иногда нѣсколько разъ сряду. Но онъ не горюетъ: онъ съ ранняго дѣтства привыкъ къ опасностямъ и часто даже забавляется ими. Самое большое удовольствіе въ его дикой жизни — когда нѣсколько другихъ козопасовъ пригоняютъ свои стада пастись по сосѣдству съ нимъ. Мальчики сообща придумываютъ разныя забавы, которыя обыкновенно состоятъ въ томъ, что каждый старается перещеголять товарища, лазая на опаснѣйшія скалы и скатываясь съ отчаянною отвагой съ крутыхъ, скалистыхъ хребтовъ. Когда, послѣ этого, они чувствуютъ усталость, то затягиваютъ слѣдующую пѣсню:

«Рано я выучился лазать по ущельямъ, утесамъ и узкимъ, дикимъ полосамъ, куда не могутъ забраться коровы. Навѣрное немного найдется смѣльчаковъ, которые осмѣлятся забраться туда, куда я пробираюсь съ своими козами.... Поворачивай, чернявка; впередъ, кудрявая! двигайтесь, двигайтесь всѣ Поднимайтесь выше, туда, гдѣ скачутъ граціозныя серны!

«Есть много бѣдныхъ людей, которымъ нечѣмъ кормить корову, за то у нихъ есть по крайней мѣрѣ козы. Не буду же пѣнять на судьбу, что я не армальи; и не стану стыдиться когда меня назовутъ козопасомъ.

«Не слишкомъ высоко, сѣрая! Тамъ вверху, въ тѣни, черезъ эту трещину, мы сегодня пройдемъ на Беницегъ. А! а! вотъ мы и на верху! Лавина гремитъ такъ, что наводитъ страхъ. Слышите ли вы, какъ трещитъ ледникъ? Трещи и шуми, сколько угодно, я могу лишь смѣяться надъ тобою... Черная, не такъ низко! не забирайтесь на тѣ полосы, оставайтесь на высотѣ!»

Но какое-же вознагражденіе, спроситъ читатель, получаютъ козопасы за свое ремесло, сопряженное съ такими опасностями, лишеніями и трудами? — Съ козы по франку въ лѣто и — самое большое—по полутора, что на наши деньги составитъ копѣекъ 35, плата до того ничтожная, что козопасъ часто едва можетъ справить себѣ теплое зимнее платье.

Косцы и дровосѣки.—Опасности, которыми они окружены.

Дикая и неумолимая альпійская природа, со своими гибельными, суровыми явленіями, тяжелѣе всего, разумѣется, отзывается на рабочемъ людѣ, который имѣетъ съ нею постоянное, непосредственное сношеніе. Мы только что видѣли несчастную, исполненную всевозможныхъ опасностей жизнь козопаса; теперь намъ предстоитъ поговорить о занятіи косцовъ и дровосѣковъ и, право, затрудняешься, которому изъ этихъ занятій отдать предпочтеніе по ничтожеству получаемаго заработка, по безотрадному бездолью и тѣмъ смертельнымъ опасностямъ, которыми онѣ окружаютъ рабочаго на каждомъ шагу.

Сѣнокосъ на Альпахъ начинается въ августѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ сентябрѣ. Косецъ отправляется въ путь еще наканунѣ. Какъ передъ вѣчной разлукой, каждый разъ прощается онъ съ женою и дѣтьми. Даже вчужѣ тяжело глядѣть на это разставаніе. Всѣ члены семьи, не исключая и дѣтей, изъ которыхъ старшій очень часто идетъ съ отцомъ на подмогу,—сумрачны и печальны. Вѣдь эту обязанность несутъ на себѣ бѣдняки; какой же ударъ для женъ, какая нищета ждетъ семью впереди, если не вернется съ работы отецъ —вся ея надежда и поддержка! Бѣдныя малютки! Община, чтобы избавиться

отъ новыхъ нищихъ, навѣрное сдѣлаетъ ихъ козопасами или разошлетъ въ горы—прислуживать по гостинницамъ. Тяжести, которыя имъ по нѣсколько разъ въ день придется таскать изъ долины въ гору, въ три погибели согнутъ его еще неокрѣпшую спину, сдавятъ его мозгъ такъ, что потомъ уже трудно будетъ вмѣстить въ него какую бы то ни было науку; вотъ почему такимъ мальчикамъ приходится вѣчно оставаться вьючными животными.

Главныя принадлежности косца, которыя онъ беретъ съ собою, — коса, окованная желѣзомъ, палки, крюки, большая сѣть или большой холщевый платокъ для переноски сѣна и шкура, чтобы прикрыться во время ливня. Онъ надѣваетъ камзолъ съ капюшономъ изъ грубаго полотна, беретъ еще мѣшокъ съ кое-какой провизіей, а иногда и козу, чтобы питаться ея молокомъ. Часто высокія, скалистыя стѣны, которыя возвышаются почти вертикально на нѣсколько сотъ футовъ выше самыхъ высокихъ пастбищъ, бываютъ великолѣпно увѣнчаны чудной, зеленой травой. Вотъ туда-то, куда не рискнетъ взлѣзть мало-мальски обезпеченный человѣкъ, лѣзетъ бѣднякъ со своимъ сыномъ. Отъ непривычной долгой ходьбы раскраснѣвшееся личико малютки то и дѣло покрывается смертельною блѣдностью. Онъ проходитъ по самой узкой тропинкѣ, окруженной страшными рвами. Черезъ минуту картина мѣняется и онъ идетъ уже бодрѣе, вглядываясь въ бурный потокъ, который реветъ у его ногъ и пѣнится серебристыми клубами, только отъ времени до времени отводя глаза отъ зіяющихъ пропастей. За то, какимъ счастьемъ блестятъ его глазки, когда, добравшись наконецъ до мѣста, куда они шли, онъ стоитъ съ отцемъ надъ тѣми высокими горами, о которыхъ еще вчера думалъ съ такимъ ужасомъ, и гордо посматриваетъ внизъ, на темные лѣса, на крыши шалэ, блестящія при солнечномъ свѣтѣ. Скала, на которую взбирается косецъ, состоитъ по большей части изъ слоевъ шифера известняка и доломита. Время и вода тамъ и сямъ разъѣли и разрушили нѣкоторые изъ этихъ слоевъ, такъ что они выступаютъ карнизами или образуютъ что-то въ родѣ разныхъ украшеній этому гигантскому фасаду. Карнизы эти толщиною бываютъ иногда только въ нѣсколько дюймовъ, часто покрыты клочками невысокой, нѣжной, душистой зелени съ тонкимъ стеблемъ; вотъ по нимъ-то и пробирается косарь. Онъ постоянно видитъ передъ собою съ одной стороны отвѣсную скалу, которая возвышается до зубцовъ вершины, съ другой — такой же отвѣсный обрывъ, который теряется въ неизъяснимо-страшной глубинѣ. Отъ бѣганья козъ, что пасутся часто надъ его головою, безпрестанно обрываются камни, которые сразу могутъ положить его наповалъ... Рыхлые, узкіе и тонкіе слои карнизовъ, на которыхъ онъ скашиваетъ траву, могутъ оборваться каждую минуту и увлечь съ собою работника въ мрачную бездну. На той высотѣ, гдѣ онъ коситъ, часто даже и среди лѣта, снѣгъ засыпаетъ всѣ проходы и тогда ему еще труднѣе и опаснѣе пробираться по нимъ. Но онъ хладнокровно смотритъ на всѣ эти опасности и бодръ, когда стоитъ хорошая погода, такъ какъ онъ успѣваетъ тогда много накосить и просушить сѣна. Но случившійся ливень можетъ сразу погноить все сѣно или увлечь его внизъ; сильные вѣтры, которые тутъ продолжаются по нѣсколько дней, могутъ до послѣдняго клочка разметать все сѣно. Но туманы, которые въ горахъ бываютъ часто и продолжаются по цѣлымъ недѣлямъ, представляютъ еще болѣе ужасное бѣдствіе для косаря. Туманы эти бываютъ иногда до того густы въ горахъ, что совсѣмъ плотно заволакиваютъ собою дома, дороги, скрываютъ самое небо. Въ такихъ случаяхъ въ шалашахъ обыкновенно звонятъ, чтобы человѣку, застигнутому ими врасплохъ, дать возможность по-

В Васнецов

пасть въ какое-нибудь человѣческое жилье. Этотъ звонъ необходимъ также для пастуховъ, которые, сбившись въ это время съ дороги, могутъ наткнуться на опасность. Когда пастухи не слышатъ этого звона, они полагаются на своихъ животныхъ и идутъ за ними. И дѣйствительно, инстинктъ послѣднихъ рѣдко ихъ обманываетъ. Когда наступаютъ такіе туманы, сѣно, разумѣется, сушится очень плохо, а если они продолжительны, то оно окончательно портится. Когда сѣно высушено и если скала, съ которой оно было скошено, не слишкомъ крута и высока, то косецъ связываетъ все сѣно въ сѣти и холщевые платки и сбрасываетъ все это на болѣе низкіе уступы. Но если на скатѣ онъ замѣтитъ много кустарниковъ или пней, за которые могутъ зацѣпиться его тюки, то онъ поступаетъ иначе. Тюки съ сѣномъ онъ взваливаетъ къ себѣ на плечи, нѣсколько разъ укрѣпляетъ ихъ еще веревками и такимъ образомъ спускается внизъ, часто ступая по такимъ узкимъ карнизамъ, на которыхъ едва помѣщается человѣческая ступня.

При этомъ нога его можетъ зацѣпиться за выступъ скалы (это еще легче можетъ случиться, когда сѣно связано въ сѣтки), онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ въ пропасть. — Сухое сѣно складываютъ въ сѣновалы, построенные въ мѣстахъ, гдѣ гора менѣе крута. Тѣ, у которыхъ нѣтъ сѣноваловъ, складываютъ сѣно въ стога, огораживая ихъ кольями и накладывая на нихъ сверху тяжелые камни, чтобы защитить ихъ отъ ливня и вѣтра. Часто однако, когда приходятъ за этимъ сѣномъ зимою, часть его бываетъ съѣдена сернами, зайцами и другими проголодавшимися животными. Зимою косецъ приходитъ къ своему сѣновалу съ санками на плечахъ. Онъ сваливаетъ сѣно въ сани, крѣпко привязываетъ его, садится самъ спереди и начинаетъ раскачиваться въ ту и другую сторону (какъ мы это дѣлаемъ, чтобы покатиться съ горы во время масляницы) и черезъ минуту сани уже летятъ съ быстротою молніи. Но опасность и тутъ подстерегаетъ его. Во время сильныхъ морозовъ на высотахъ часто дуетъ теплый вѣтеръ; тогда снѣгъ сваливается съ высотъ и засыпаетъ косца со всѣмъ его сокровищемъ. Если онъ очутится въ долинѣ со своими санками и сѣномъ здравъ и невредимъ, то этому помогло его отличное знакомство со всѣми неровностями мѣстности и замѣчательная вѣрность взгляда, помогающая ему обыкновенно выбирать именно такое направленіе, при которомъ онъ можетъ избѣжать всевозможныхъ опасностей.

Дровосѣковъ ждутъ такіе же опасности, такая же суровая жизнь, какъ и косцовъ. Въ башмакахъ, подбитыхъ шипами, они, какъ обезьяны, взлѣзаютъ на самыя высокія деревья и обрубаютъ вѣтви со ствола до самой верхушки, свѣсившись надъ пропастью. Когда дерево очищено, его начинаютъ рубить у корня, но если оно такъ толсто, что топоръ его не прохватитъ, то дровосѣки доканчиваютъ его уже пилой. — Не смотря на сильные морозы, которые бываютъ на возвышенностяхъ, дровосѣки не смѣютъ согрѣвать себя виномъ. Спиртные напитки могутъ усыпить ихъ, а здѣсь сонъ для нихъ—смерть.

Искуственныя дороги и мосты.—Страннопріимные монастыри.

Чтобы сдѣлать страну доступною для торговой и мануфактурной дѣятельности и для сношеній, какъ внутреннихъ такъ и съ иностранными державами,— много пришлось поработать уму человѣческому на неприступныхъ Альпахъ. Теперь только немногія высокія, скалистыя горы, гдѣ нѣтъ никакой жизни,

недоступны для изслѣдованія; за исключеніемъ же ихъ, всѣ остальныя изрѣзаны множествомъ дорогъ, которыя идутъ по всевозможнымъ направленіямъ. Трудно пересчитать тысячи искуственныхъ мостовъ, которые смѣло переброшены чрезъ мрачныя пропасти, чрезъ пѣнящіеся потоки, галлерей, пробитыхъ въ скалахъ, и хорошо защищенныхъ дорогъ, идущихъ нескончаемыми зигзагами и извилинами на самыхъ негостепріимныхъ высотахъ. Повороты такихъ дорогъ по большей части поддерживаются стѣнами и, если будешь смотрѣть на нихъ сверху, то взору представится родъ бастіоновъ, нагроможденныхъ одинъ на другомъ. Галлереи обыкновенно стараются устроить какъ можно прочнѣе, чтобы защищать людей и животныхъ отъ обрыва лавинъ. Падающія лавины скользятъ по крышѣ, но тотъ, кто укрылся въ галлереѣ, только слышитъ страшный шумъ, когда лавина проходитъ надъ его головою. Эти галлереи устраиваютъ также у подошвы ледниковъ. Когда льдины и снѣгъ отрываются съ высотъ и заваливаютъ проходы, то дорожные работники тотчасъ являются къ такому мѣсту и очищаютъ дорогу. На этихъ горныхъ дорогахъ особенно замѣтно необыкновенное оживленіе. Здѣсь ежегодно проходятъ многія тысячи рогатаго скота на итальянскую ярмарку; стада овецъ переходятъ ихъ, чтобы провести лѣто на высокихъ Ретійскихъ Альпахъ. На болѣе опасныхъ проходахъ, иногда миновавъ до 50-ти всевозможныхъ извилинъ, достигаешь страннопріимнаго монастыря. Чаще всего такіе монастыри находятся выше границы вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ, по причинѣ постоянныхъ холодовъ, вьюгъ и мятелей, дороги бываютъ такъ опасны, что каждый годъ поглощаютъ множество жертвъ. То провалится какой-нибудь путешественникъ въ пропасть, то засыпетъ его лавиной, то туманъ заставитъ сбиться съ дороги и онъ гибнетъ отъ голоду и усталости въ этой дикой пустынѣ; то, наконецъ, застигнетъ путника сонъ, отъ котораго ему не суждено уже проснуться. Вотъ монастыри и основываются на такихъ негостепріимныхъ пунктахъ съ цѣлью дать пріютъ, вырвать изъ рукъ смерти или оказать, по крайней мѣрѣ, хоть какую-нибудь помощь погибающимъ. И помощь эту монастыри оказываютъ каждому нуждающемуся въ ней, безъ различія религіи и общественнаго положенія. Такихъ страннопріимныхъ монастырей на Альпахъ до 15; они вовсе не блестятъ внѣшностью: это весьма простыя, прочныя зданія, построенныя изъ камня, съ толстыми стѣнами. Управители такихъ пріютовъ нетолько спасаютъ погибающихъ, но, если позволяютъ средства, даютъ даромъ пищу и проходящимъ мимо бѣднякамъ. Когда дурная погода окончательно мѣшаетъ путешественнику продолжать свой путь, то онъ идетъ въ монастырь. Одинъ изъ монаховъ встрѣчаетъ его, отводитъ въ трапезную и тотчасъ предлагаетъ ему сытный супъ, рюмку водки или цѣлый обѣдъ, если это обѣденное время. Если уже поздно, то путешественника отводятъ въ чистую, просторную и хорошо вытопленную комнату. Всѣ услуги оказываются съ полнымъ радушіемъ и совершенно безвозмедно, хоть и есть обыкновеніе, чтобы тѣ, кто можетъ, опускали въ церковную кружку то, что стоитъ предложенный имъ обѣдъ.

Собаки оказываютъ при этомъ человѣку необыкновенную услугу: лишь только приближается буря, какъ между ними уже замѣтно безпокойство. Тогда въ монастыряхъ начинаютъ звонить въ колокола, и монахи, въ сопровожденіи собакъ, отправляются на поиски, вооруженные палками, носилками и съѣстными припасами. Когда собаки начинаютъ особенно тщательно обнюхивать какое-нибудь мѣсто, монахи удваиваютъ свое вниманіе и разгребаютъ снѣгъ. Такъ какъ собаки часто сами выбѣгаютъ на поиски, то имъ обыкновено при-

вязываютъ на шею корзинку съ ѣдой или бутылку вина, иногда же кладутъ на спину и шерстяное одѣяло. Если отрываемые ими люди приходятъ сами въ чувство и могутъ утолить свой голодъ, то собаки приводятъ ихъ въ монастырь; если же онѣ найдутъ окоченѣлаго человѣка, то кратчайшими дорогами бѣгутъ домой, громко лаютъ и ведутъ монаховъ къ несчастному. Одна такая собака, по имени Бари, изъ монастыря св. Бернарда, была необыкновенно дѣятельна въ отыскиваніи погибающихъ. На своемъ вѣку она спасла жизнь болѣе чѣмъ 40 человѣкъ и этимъ прославилась такъ, что была послѣ смерти воспѣта въ стихахъ нѣсколькими поэтами. При жизни же она пользовалась такимъ уваженіемъ посѣтителей, что къ ней приближались не иначе, какъ снимая передъ нею шляпу и подавая ей руку.

Тѣ, которые посвящаютъ себя служенію въ этихъ монастыряхъ, терпятъ страшныя лишенія и невзгоды. Въ страннопріимномъ монастырѣ Св. Бернарда (на высотѣ 7.368 ф.), на С. Готтардѣ (6.388 ф.) и въ тѣхъ, которые построены такъ же высоко, бываетъ до 8 или 9 зимнихъ мѣсяцевъ. Даже лѣтомъ здѣсь иногда такъ холодно, что вода замерзаетъ. Во весь годъ едва наберется десятокъ ясныхъ дней; безпрестанныя бури, снѣжныя вьюги и туманы дѣлаютъ погоду невыносимой. Часто и въ лѣтніе дни снѣгъ падаетъ здѣсь большими хлопьями, а зимою — мелкими, ледяными кристаллами, которые въ вѣтряную погоду пробиваются чрезъ щели дверей и оконъ. Служащіе въ этихъ монастыряхъ выходятъ на поиски за несчастными во всякое время. Дороги заметены снѣгомъ, а они все таки отправляются, хоть имъ и приходится шагать по сугробамъ, безпрестанно проваливаясь, едва подвигаясь, по поясъ въ снѣгу. Идутъ и тогда, когда лавины падаютъ съ горъ и угрожаютъ безпрестано засыпать или раздавить ихъ. Монахи поступаютъ сюда на 20-мъ году своей жизни и обязываются прослужить 15 лѣтъ; но большинство изъ нихъ умираетъ гораздо раньше этого срока отъ чрезмѣрной суровости климата или жертвою самоотверженія въ поискахъ за погибающими.

Снѣжная область отъ 7.000 до 14.000 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря. — Грозныя явленія природы въ этой области. — Красный снѣгъ.

Надъ послѣдними зелеными ступенями горъ, надъ громадными сѣрыми скалами, разстилается безмолвная снѣжная область. Рѣзко выдѣляясь изъ ночной темноты, она величественно смотритъ въ долины, фантастически облитая свѣтомъ луны. Когда на небѣ загорается заря, вершины бѣлыхъ зубцовъ сначала кажутся облитыми кровью, а затѣмъ начинаютъ горѣть золотомъ и бриллiантами. Снѣжная область представляетъ разорванныя вершины горъ, или болѣе или менѣе круто поднимающіеся гребни и отлогіе отроги, между которыми тамъ и сямъ вдаются горныя долины. О высокихъ равнинахъ здѣсь нѣтъ и помину, есть только ледяныя котловины, да наклонныя снѣжныя ямы. Безчисленные высокіе пики этой сильно наклонной области стоятъ обыкновенно голые и часто совершенно отвѣсно подымаются изъ снѣжной поверхности на 2, а то и на 5 тысячъ футовъ. Это область — вѣчной зимы, ужасовъ и чудесъ. Эти сіяющія снѣжныя вершины, пустынныя высокія долины, наполненныя обломками и льдомъ, эти черныя, бурыя, сѣрыя безконечныя стѣны скалъ тамъ и сямъ иногда представляютъ кой-какую растительность. Чаще всего тутъ передъ вами возстаютъ во всемъ величіи громадные ледники, по-

дали впрочемъ представляющіеся бѣлыми, узкими полосами. Тамъ и сямъ на нихъ видны глубокія трещины и блестящая игра свѣта на ихъ поверхности. По бокамъ тянутся разнообразной формы горы, иногда величественныя, въ блестящихъ коронахъ, которыя горятъ на солнцѣ то будто золотомъ, то ослѣпительнымъ блескомъ бриллiантовъ; а дальше, выше виднѣется рядъ горъ— черныхъ и мрачныхъ, плотно окутанныхъ кругомъ непроницаемымъ туманомъ. Далѣе все больше и больше ледниковъ, все болѣе мрачный, суровый оттѣнокъ принимаетъ все окружающее. На всемъ печать однообразія и безжизненности. Тутъ царство смерти и вѣчной зимы, страна, полная ужаса, съ колоссальными явленіями природы и безконечныли лабиринтами; міръ громадныхъ снѣжныхъ полей, покрывающихъ собою высоты, которыхъ еще не касалась нога человѣка. Только самая незначительная часть, самые крошечные уголки этихъ безконечныхъ снѣговъ и ледяныхъ морей были изслѣдованы учеными, которые, рискуя на каждомъ шагу своею жизнію, подымались на эти высоты, чтобы дѣлать тамъ различныя наблюденія. Высшія альпійскія жилища уже прекращаются на 6,500 ф. высоты. На Монте-Розѣ есть, впрочемъ, хижина на 8,000 ф. Но гораздо выше стоитъ, теперь покинутый, мѣдный заводъ на высотѣ 10,086 ф., въ которомъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ежегодно работали по 2 мѣсяца въ году. Въ этомъ поясѣ съ отвѣсными каменными стѣнами и обрывистыми террасами долины также однообразны и покрыты обломками. О высокихъ равнинахъ тутъ нѣтъ и рѣчи. Утреннія и вечернія сумерки здѣсь очень коротки: тамъ или свѣтъ, или совершенная тьма. Мгновенно свѣтаетъ и точно также быстро наступаетъ ночь послѣ заката. На этихъ высотахъ вообще господствуетъ непогода; густые туманы, рѣзкіе вѣтры, ударяя о скалы, издаютъ дикіе, потрясающіе звуки; сильныя бури съ громомъ и трескомъ, яростные потоки съ грознымъ завываніемъ, снѣжныя лавины и безпрестанные обвалы льдинъ, — всѣ эти грозныя явленія держатъ въ постоянномъ страхѣ обитателей внизу лежащихъ долинъ. Но за то это первая школа горца, вырабатывающая въ немъ мужество, отвагу и самое искреннее желаніе помочь другому, такъ какъ онъ знаетъ, что каждую минуту самъ можетъ быть въ страшной опасности.

Снѣгъ горныхъ вершинъ по всему отличается отъ обыкновеннаго: при бо́льшемъ холодѣ на высотахъ, при чистотѣ и суровости воздуха,—онъ тамъ легче, суше и падаетъ большею частію въ формѣ ледяныхъ иголокъ или звѣздочекъ, но очень рѣдко хлопьями, какъ это бываетъ въ долинахъ. На 9,000 ф. только изрѣдка идетъ дождь, а на высотѣ 11,000 ф. никогда. По этому нужно было бы ожидать, что на высокихъ Альпахъ скопляются и громоздятся снѣжныя груды неизмѣримой высоты. Однако множество причинъ мѣшаетъ этому. Частыя лавины и вѣтры сильно содѣйствуютъ освобожденію высотъ отъ снѣга. Солнечные лучи на высотахъ дѣйствуютъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, и растопляютъ отъ времени до времени твердый ледяной покровъ. На большихъ высотахъ, какъ мы уже сказали, не бываетъ дождя; тоже замѣтили и относительно снѣга. На высотѣ 7 и 8 т. фут. впродолженіи сутокъ онъ падаетъ безпрестанно и выпадаетъ величайшими массами, а выше и ниже количество снѣга значительно уменьшается. Извѣстно, чѣмъ выше мы поднимаемся на горы, тѣмъ становится холоднѣе. И это понятно. Атмосфера на высокихъ горахъ гораздо рѣже, слѣдовательно теплота земли можетъ оттуда гораздо скорѣе проникать въ пространство; поэтому запаса теплоты тамъ меньше и температура несравненно ниже, чѣмъ въ долинахъ. Можно бы было думать, что

при такихъ условіяхъ на вершинахъ господствуетъ жестокая зимняя стужа; но множество ученыхъ наблюденій доказали, что въ сѣверной и южной Германіи и въ нѣкоторыхъ низменныхъ частяхъ Швейцаріи зима бываетъ иногда гораздо холоднѣе и термометръ опускается гораздо ниже, чѣмъ въ горахъ, лежащихъ выше границы вѣчнаго снѣга. Въ солнечные дни тамъ бываетъ иногда даже очень тепло. Это будетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какъ энергично дѣйствуютъ здѣсь лучи солнца, которые еще усиливаются свѣтомъ, отражаемымъ отъ снѣга. Путешественники, которые карабкаются на горы полюбоваться красотами природы, не говоря уже о боли въ глазахъ, противъ которой они должны защищаться синими очками или густыми вуалями, обыкновенно подвергаются тамъ до такой степени сильному зною солнца, что ихъ лицо и руки страшно распухаютъ и сверху покрываются огромными пузырями. Даже на высотѣ 10,000 ф., на хорошо расположенныхъ, освѣщенныхъ солнцемъ скалахъ, теплота доходитъ до 20° и даже до 28° Р. Въ нижнихъ частяхъ этихъ вершинъ есть что-то въ родѣ перемѣнъ года. Зимою выпадаетъ много снѣга; весною, лѣтомъ и осенью идетъ дождь; въ воздухѣ становится довольно тепло, и на оазисахъ, которые тамъ и сямъ встрѣчаются въ этихъ поясахъ, тотчасъ появляется животная и растительная жизнь. Бабочки весело порхаютъ около только что распустившихся цвѣтовъ; пауки, жуки, черви, наливочныя животныя, а иногда и красивый каменный баранъ и легконогая серна проходятъ по молодой растительности. Но эта жизнь длится очень не долго и теплыхъ часовъ и дней недостаточно, чтобы одолѣть громадныя массы снѣга, выпавшія въ холодное время. Смертельный холодъ мятелей, трескучіе морозы, туманы и градъ смѣло врываются въ только что пробуждающуюся область.

На этихъ же высотахъ (отъ 7 до 9 т. ф. надъ уровнемъ моря) иногда представляется взору въ высшей степени поразительное явленіе. Поверхность снѣга, и это всегда бываетъ на старомъ снѣгѣ и никогда на только что выпавшемъ, на большихъ пространствахъ, какъ дымкою покрыта легкимъ налетомъ краснаго цвѣта. Иныя мѣста бываютъ окрашены живѣе въ ярко красный карминный цвѣтъ; къ краямъ же красный цвѣтъ блѣднѣетъ и переходитъ въ легкій, желтоватый оттѣнокъ; подъ слѣдами ногъ блѣдный цвѣтъ обыкновенно переходитъ въ кровавокрасный. Посредствомъ микроскопа удалось доказать, что этотъ красный снѣгъ ни болѣе ни менѣе, какъ простыя водоросли, слѣдовательно, самыя низшія растенія. Затѣмъ замѣтили еще, что эта снѣговая водоросль находится всегда въ обществѣ съ микроскопическими инфузоріями.

Ледники. — Какъ и почему они образуются. — Какую пользу приносятъ ледники. — Ручейки и озерки. — Голубые своды надъ потоками. — Цвѣтъ ледника. — Вкусъ его воды. — Движеніе. — Отчего происходятъ трещины.

Ледники, иначе называемые *глетчерами*, — гигантскія ледяныя массы. Они имѣютъ видъ громадныхъ замерзшихъ рѣкъ и покрываютъ покатости горъ, а часто и чрезвычайно обширныя между ними углубленія. Для физіономіи снѣговой области глетчеровый міръ имѣетъ величайшую важность, такъ какъ онъ покрываетъ большую часть ея нижней половины. По одному этому можно себѣ представить, сколько должно быть ледниковъ въ Альпахъ: ихъ считаютъ болѣе 600 и въ длину величайшіе изъ нихъ имѣютъ 24 и даже до 40 верстъ; въ ширину версты четыре и болѣе. Однимъ словомъ поверхность всѣхъ ле-

никовъ, взятыхъ вмѣстѣ, такъ велика, что составитъ приблизительно пространство трехъ кантоновъ средней величины. Вотъ какъ образуются ледники. Мѣста выше границы снѣга отличаются тѣмъ, что снѣгъ, выпадающій на нихъ въ холода, далеко не весь таетъ въ продолженіи теплаго времени. На этотъ снѣгъ, который уцѣлѣлъ отъ теплаго лѣтняго времени, въ холодное время: осенью, зимою и весною выпадаютъ новыя массы снѣга. Изъ этихъ новыхъ массъ снѣга въ слѣдующее лѣто опять остается извѣстная часть, не успѣвшая растаять, и такимъ образомъ съ каждымъ годомъ накопляются новые слои. Эти правильно расположенные другъ надъ другомъ годовые слои легко узнавать тамъ, гдѣ масса снѣга кончается у крутой стремнины, такъ что видно ея внутренное строеніе. Такой слоистый снѣгъ называется *фирномъ* и отличается отъ обыкновеннаго еще тѣмъ, что онъ рыхлъ и зернистъ. Его болѣе старые, нижніе слои отъ давленія на нихъ верхнихъ слоевъ представляютъ массу болѣе компактную, отдѣльныя зерна которой связаны между собой еще плотнѣе. Наконецъ самые послѣдніе нижніе слои подъ давленіемъ всей массы твердѣютъ, отливаютъ синевою и представляютъ уже *фирновый глетчеръ*. Такъ бываетъ на высотѣ 10 т. ф.; а на 12 и до 14 т. ф. и на самыхъ верхушкахъ лежитъ обыкновенный снѣгъ, который при сухости воздуха и при малой теплотѣ гораздо меньше и рѣже подвергается таянію, — вотъ почему на большихъ высотахъ снѣгъ и не превращается въ фирнъ. Однако это накопленіе снѣжныхъ слоевъ не можетъ идти до безконечности, иначе высота горныхъ вершинъ безпрерывно бы возрастала. Когда высшіе склоны горъ, покрытые снѣгомъ, становятся слишкомъ круты и когда увеличивается тяжесть, давящая на нижніе слои, тогда снѣгъ мало по малу спускается внизъ, въ болѣе теплый поясъ. Снѣгъ съ высшихъ точекъ перемѣщается на болѣе низкіе склоны горъ, слѣдовательно и рыхлый, зернистый снѣгъ фирна тоже опускается ниже, подвергается вліянію еще болѣе теплаго воздуха, таетъ очень быстро и превращается въ твердую, прозрачную однообразную массу голубоватаго льда глетчера. На 7600 футахъ фирновый слой ствершенно исчезаетъ и глетчеръ уже самостоятельно выступаетъ на свѣтъ. Вотъ почему многіе *глетчеры* называютъ также *фирнами*. Глетчеры иногда имѣютъ видъ огромныхъ неподвижныхъ морей, но они избѣгаютъ остроконечныхъ конусообразныхъ горъ, а больше ищутъ себѣ мѣста въ горной равнинѣ, гдѣ могутъ накопляться большія массы снѣга. Внѣшность глетчеровъ очень разнообразна. Отъ полей фирна они тянутся по глубинѣ спускающихся внизъ долинъ, наполняя ихъ льдомъ по всей ширинѣ. При этомъ ледники слѣдуютъ всѣмъ кривизнамъ, извилинамъ, съуженіямъ и расширеніямъ долинъ. Случается, что два глетчера сталкиваются въ одной и той же долинѣ; при этомъ оба ледяные потока соединяются въ одинъ общій потокъ и тогда уже глетчеръ представляется огромнымъ ледянымъ моремъ. Отдѣльными своими рукавами онъ далеко спускается въ нижнія долины и фантастически свѣшивается на сочную зелень луговъ. Распространеніе глетчеровъ въ высшей степени измѣняетъ развитіе органической жизни. Глетчеры гораздо болѣе ей враждебны, чѣмъ снѣгъ. Снѣгъ защищаетъ и охраняетъ зерна растеній, глетчеръ же губитъ все. Онъ не согрѣваетъ земли, и все живое (за немногими исключеніями) бѣжитъ отъ него, какъ отъ царства смерти. Серны, каменный баранъ и другія животныя избѣгаютъ ледника, пока желаніе спастись отъ преслѣдованія не загонитъ ихъ туда. Птица не находитъ тамъ никакой добычи, даже насѣкомыя, исключая одной странной глетчеровой блохи, избѣгаютъ щебня моренъ, лишеннаго

цвѣтовъ, и холода ледянаго моря. Все это мы говоримъ о самихъ ледникахъ, такъ какъ на ихъ берегахъ уже являются трава и животныя. Думаютъ даже, что близость глетчеровъ, ихъ влажность и свѣжесть, которую они щедро распространяютъ вокругъ, очень помогаетъ роскошной растительности. И какое величественное зрѣлище представляютъ эти громадныя, оцепенѣлыя ледяныя моря съ пышными травами, буками и соснами по берегамъ.

Глетчеры однако приносятъ и много пользы. Они питаютъ большія швейцарскія рѣки и снабжаютъ водой равнины. Кромѣ того воды, вытекающія изъ глетчера, содержатъ въ своемъ илѣ много частицъ, полезныхъ для растительнаго міра. Поэтому въ Валлисѣ его часто употребляютъ для удобренія луговъ, виноградниковъ и садовъ. Луга, удобренные такимъ образомъ, необыкновенно плодородны, хотя ихъ никогда не удобряли животнымъ навозомъ. Издали глетчеръ представляетъ плоскую, цѣльную поверхность и только когда взойдешь на него, замѣтишь множество трещинъ, и по нимъ, да и по всей его поверхности, струится безчисленное множество большихъ и малыхъ жилъ воды. Эти ручейки происходятъ отъ таянія всего глетчера; часто они текутъ по три и по четыре вмѣстѣ и тамъ, гдѣ они сливаются, образуютъ небольшое зеленое озерко, изъ котораго въ свою очередь вытекаетъ уже объемистый источникъ. Но у нижняго конца глетчера всѣ эти водяныя жилы соединяются между собой вмѣстѣ въ одинъ большой зеленоватый, а то и совсѣмъ грязный потокъ. Тутъ же у самаго своего конца глетчеръ часто образуетъ сводъ (въ 100 ф. въ вышину и отъ 40 до 80 въ ширину), напоминающій просторные, высокіе ворота прелестнаго голубаго цвѣта, изъ подъ которыхъ и вытекаетъ шумно потокъ, а иногда показывается и въ видѣ каскада съ блестящими ярыми волнами, бурно прыгающими въ разныя стороны. Кромѣ того ледникъ усѣянъ множествомъ отверстій, стѣнки которыхъ чуднаго голубаго цвѣта: онѣ или совершенно пусты, или наполнены синеватой водой. Нѣкоторые изъ этихъ отверстій или дыръ бываютъ чрезвычайно глубоки. Напримѣръ, на нижнемъ Аарскомъ глетчерѣ глубина такой дыры была въ 780 футовъ. Трудно точно опредѣлить цвѣтъ глетчера. Путешественникъ уже на фирновыхъ поляхъ замѣчаетъ голубоватый паръ, выходящій изъ трещинъ. Въ глетчерахъ трещины эти больше и чудный, нѣжный цвѣтъ ихъ мѣняется изъ свѣтлоголубаго въ темносиній. Въ другихъ частяхъ глетчера мелькаетъ какой-то темнозеленый блескъ. Но если вы отобьете кусокъ льда, въ рукахъ онъ будетъ казаться безцвѣтнымъ. Другая особенность глетчернаго льда — это его острый, вяжущій вкусъ. Чистая, совершенно свѣжая вода съ глетчера негодна для питья: она безвкусна, увеличиваетъ жажду и производитъ поносъ. Когда пастухамъ далеко идти за водой, они берутъ кусокъ льда съ глетчера, кладутъ гдѣ нибудь на землѣ, на солнышкѣ и, когда онъ растаетъ и вода потечетъ по скалѣ, они бѣгутъ внизъ и пьютъ ее. Какъ непріятна на вкусъ вода прямо съ глетчера, такъ измѣняется она и дѣлается годною къ употребленію, когда пробѣжитъ по землѣ.

Поэты въ своихъ стихахъ часто сравниваютъ между собой бѣшеные потоки, лавины и глетчеры,—и въ этомъ есть научное основаніе: и потоки, и лавины, и точно также глетчеры — всѣ они двигаются впередъ, только не одинаково скоро. Вотъ почему многіе даже называютъ глетчеры — ледяными потоками. Но ледъ глетчера движется весьма медленно. Такъ какъ ледъ нижней его части постоянно таетъ, то онъ подъ конецъ долженъ былъ бы совершенно исчезнуть, если бы сверху не подвигались новыя массы во-

торыя въ свою очередь постоянно пополняются снѣгомъ фирна. Движеніе глетчеровъ уже давно было замѣчено самими жителями долинъ. Чтобы не дѣлать круга, имъ часто приходится прямо проходить по глетчерамъ, а такъ какъ это бываетъ очень опасно, то они обыкновенно замѣчаютъ по камнямъ и глыбамъ болѣе безопасныя дороги. Они и примѣтили, что эти глыбы и камни на глетчерахъ съ каждымъ годомъ подвигаются внизъ. Для того, чтобы производить наблюденія, какъ и на сколько двигается ледникъ, одинъ ученый построилъ себѣ домикъ на ледникѣ Нижнеаарскомъ и каждый годъ опредѣлялъ мѣсто этого домика. Черезъ 14 лѣтъ домикъ находился на 4884 фута ниже своего первоначальнаго положенія, такъ что онъ среднимъ числомъ подвигался ежегодно внизъ на 349 футовъ. Зимою движеніе гораздо медленнѣе. У боковыхъ краевъ глетчера это движеніе также значительно меньше, чѣмъ по срединѣ. Но вообще скорость движенія глетчеровъ весьма различна: это зависитъ отъ ихъ величины, склона, массы ежегодно выпадающаго снѣга и пр. И такъ громадные ледяные потоки и моря двигаются медленно и тихо, въ часъ приблизительно на одинъ дюймъ, но они двигаются постоянно съ такою силой, которую не можетъ удержать никакая преграда. Камни, глыбы, пещеры, находящіеся на ледникѣ, высочайшіе валы его *морэнъ*, (о которыхъ мы скажемъ нѣсколько ниже), состоящіе изъ колоссальныхъ каменныхъ глыбъ, все участвуетъ въ ихъ движеніи. Трещины на ледникахъ происходятъ отъ самаго незначительнаго измѣненія въ положеніи и движеніи глетчера. Мы уже упомянули, что не всѣ слои его двигаются впередъ съ одинаковою скоростью: нѣкоторыя мѣста на немъ отстаютъ отъ другихъ, напримѣръ, края отъ середины; да если къ этому присоединяется еще неровное ложе и то, что ледъ не можетъ растягиваться, то ясно, что онъ разрывается и образуетъ трещины. Образованіе трещинъ сопровождается страшнымъ трескомъ, похожимъ на удары, которые бываютъ при землетрясеніи. Вслѣдъ за нимъ появляется на льду трещина, края которой еще нисколько не отодвинуты другъ отъ друга, но ледникъ продолжаетъ свое движеніе впередъ и трещины увеличиваются. Мало по малу онѣ превращаются въ бездны, иногда необозримой глубины, въ нѣсколько сотъ, или даже тысячъ футовъ длины, въ 10-ть и иногда доходятъ и до ста футовъ въ ширину. Отвѣсныя, темно-голубыя, влажно блестящія отъ капающей воды, стѣны этихъ ущелій, изъ кристально-прозрачнаго льда, представляютъ одно изъ самыхъ великолѣпныхъ явленій природы. При путешествіи по глетчерамъ неизбѣжно встрѣтишь такія трещины. Зимою многія изъ нихъ засыпаетъ снѣгомъ и это бываетъ причиной множества несчастій. Туристы, прежде чѣмъ ступить на глетчеръ, должны его зондировать (ощупывать палкой). Но даже и такой предосторожности мало. Путешествія по леднику слѣдуетъ предпринимать не иначе, какъ нѣсколькимъ туристамъ заразъ, въ сопровожденіи опытнаго проводника и соединяясь другъ съ другомъ посредствомъ веревки на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

Если мгновенно проваливается одинъ изъ нихъ,—это чувствуетъ каждый, тотчасъ отходятъ отъ опаснаго мѣста и общими силами начинаютъ вытягивать товарища. Положеніе провалившихся въ глетчеровыя трещины ужасно: какъ засыпанный въ лавинахъ слышитъ каждое слово ищущихъ его, не имѣя возможности дать о себѣ знать, такъ точно бываетъ и тутъ. Кромѣ того, идя по лабиринту трещины, можно выйти на такой утесъ, который окруженъ со всѣхъ сторонъ пропастью, тогда несчастному остается одно: или рѣшиться соскочить въ пропасть, или опять пуститься по тому же лабиринту. Поверх-

в
Боковая морэна
Центральная морэна.
Боковая морэна.
Мѣсто соединенія
двухъ ледниковъ.

ность ледника не долго сохраняетъ блестящую бѣлизну снѣга, изъ котораго онъ образуется. Ледники окружены горами, которыя терпятъ всевозможныя невзгоды. Морозъ и тепло крошитъ ихъ въ кусочки и обломки; бури и лавины безжалостно потрясаютъ ихъ, отрывая отъ нихъ громадныя глыбы. И все, что упадетъ съ горъ на ледникъ, онъ терпѣливо несетъ на своемъ хребтѣ. Осколки скатываются съ горныхъ склоновъ и падаютъ на ледникъ. Большія глыбы, прежде чѣмъ упасть, прыгаютъ съ уступа на уступъ, при чемъ очень многія не ломаются и въ такомъ видѣ остаются на глетчерѣ; другія же, ударившись о скалы, разрываются какъ бомбы, и осыпаютъ ледъ своими осколками. И такъ количество камня и мусора, падающаго на глетчеръ, зависитъ отъ свойства прилегающихъ къ нему горъ. Тамъ, гдѣ вершины голы и хрупки, мы можемъ ожидать частыхъ обваловъ; тамъ, гдѣ онѣ тверды, или защищены покрышкою изъ льда и снѣга, количество обломковъ на ледникѣ гораздо меньше. Такимъ образомъ длинныя гряды обломковъ изъ каменныхъ глыбъ и щебня, которые нагромождаются въ могучіе валы, наваливаются по бокамъ ледника и называются *боковыми морэнами*. Тамъ, гдѣ два ледника сливаются въ одинъ, ихъ боковыя морэны соединяются вмѣстѣ, въ одну большую гряду, которая пробѣгаетъ такимъ образомъ по серединѣ всего ледника и называется *серединною или центральною морэною*. Это ясно видно на приложенномъ рисункѣ (подъ буквою в), на которомъ изображено столкновеніе двухъ ледниковъ.

Поверхность глетчера большею частью довольно нечиста: на немъ валяется много камней и масса различныхъ обломковъ, все это собирается у нижняго конца глетчера и называется *конечной морэной*. Эта глыба камня представляетъ иногда колоссальные размѣры и нерѣдко бываетъ величиною въ двухъ-этажный домъ. Если конецъ ледника выдвинется впередъ больше обыкновеннаго, а это бываетъ послѣ снѣжныхъ зимъ и влажныхъ лѣтъ, онъ разрушаетъ валъ, выходитъ въ луга и долины, ломаетъ и опрокидываетъ жилища, какъ ничтожныя соломенки, вывертываетъ съ корнями могучія деревья, уничтожаетъ поля и приноситъ съ собой множество другихъ бѣдствій. Если же глыба не выдвигается, часть ея постепенно одѣвается дерномъ.

Обломки и камни, которые падаютъ на глетчеръ, производятъ различныя фантастическія фигуры: столы, остроконечные столбы, глетчеровыя розы, однимъ словомъ фигуры всевозможныхъ формъ. Откуда же взялись эти фигуры? Ледъ на ледникѣ подвергается солнечнымъ лучамъ и вліянію теплаго воздуха. Онъ поэтому безпрестанно таетъ. Если глыба или камень очень великъ и плотенъ, то солнечные лучи гораздо труднѣе проникаютъ черезъ него на ледъ подъ нимъ лежащій. Такимъ образомъ мало по малу таетъ все, что вокругъ камня, кромѣ того мѣста, который онъ покрываетъ. Когда ледъ стаиваетъ, эти камни и являются на ледникахъ гранитными столами на темныхъ ледяныхъ подставкахъ и во всевозможныхъ формахъ.

Теперь ясно будетъ, если мы скажемъ, что и всѣ морены вообще, подымаясь высокими грядами на ледникѣ, защищаютъ его отъ таянія.

По своей массѣ *Ледяное море* самый большой глетчеръ Швейцаріи, хотя по длинѣ его превосходитъ глетчеръ Алечъ. Онъ образуется снѣжными долинами горъ, которыя лежатъ на сѣверѣ отъ Монблана и изъ которыхъ нѣкоторыя вершины только немногимъ ниже этой высочайшей горы. Снѣжныя поля склоновъ этихъ горъ собираются въ три главные ледяные потоки: Великана, Лешо и Талефра; вотъ эти три потока, соединяясь вмѣстѣ, и образуютъ Ле-

дяное море, которое въ ширину имѣетъ до 3,000 футовъ и тянется до долины Шамуни, гдѣ изъ нижняго конца вытекаетъ необыкновенно могучій ручей. Ледникъ этотъ имѣетъ видъ моря, взрытаго бурею и мгновенно остывшаго. Онъ, какъ и другіе, разсѣкается глубокими трещинами и спускается по скату. У нижней части Ледянаго моря ледъ разрывается по всѣмъ направленіямъ на множество отдѣльныхъ глыбъ, которыя отъ таянія принимаютъ тутъ необыкновенно странныя формы острыхъ рифовъ и пирамидъ и отъ времени до времени сваливаются со страшнымъ грохотомъ въ лежащія между ними ущелья. Издали такія мѣста похожи на замерзшіе водопады; быть можетъ поэтому ихъ и называютъ обыкновенно каскадами. Видъ дикоразорванныхъ ледяныхъ глыбъ, который представляетъ взору каскадъ у подошвы Шамуни,— главный предметъ удивленія туристовъ. Вотъ какъ описываетъ одинъ извѣстный путешественникъ свое посѣщеніе Ледянаго моря: «Привлеченный то тѣмъ, то другимъ любопытнымъ предметомъ, я медленно поднимался все выше, и когда стало вечерѣть, очутился въ лабиринтѣ льдовъ. Пошелъ дождь и великолѣпная радуга перекинулась косвенной дугою черезъ ледникъ. Я былъ совершенно одинъ; обстановка была поразительная, и возможность неожиданныхъ затрудненій при спускѣ къ низшей части ледника придавала моему положенію оттѣнокъ опасности. Я перебрался черезъ нѣкоторыя глыбы льда и обогнулъ другія; шелъ вдоль потоковъ, которые бѣжали весьма неправильно по этой части ледника, отклоняясь то вправо, то влѣво, то стремясь по глубокимъ ложбинамъ, то низвергаясь водопадами и разливаясь глубокими зелеными озерами; часто они уходили глубоко подъ ледъ, текли подъ нимъ съ глухимъ журчаніемъ и снова выступали наружу на значительномъ отдаленіи. Я осторожно ступалъ между развѣтвленными трещинами, разбивая топоромъ, чтобы было куда ступить, дряблый ледъ острыхъ гребней, который падалъ, звеня, въ провалы по обѣимъ сторонамъ. По временамъ слышались подо льдомъ страшные звуки, словно тамъ находились пещеры, въ которыя подъ часъ попадали массы льда, передающія сотрясеніе своего паденія поверхности ледника въ видѣ глухаго гула...

«Медленно и съ значительными обходами, по случаю трещинъ, продолжалъ я подниматься, иногда взлѣзая на высокія кучи льда, съ которыхъ можно было удобно обозрѣть окрестныя части ледника, иногда скрывался въ ложбинахъ между кучами, въ которыхъ мѣстами образовались зеленыя озерки, исполненныя пустынной прелести. Стоя у одной изъ нихъ и слѣдя за движущимися облаками, я услышалъ звукъ, который принялъ было за грохотъ низвергающейся лавины, но продолжительность его удивила меня. Посмотрѣвъ въ ту сторону, откуда доносился звукъ, я разглядѣлъ вырывающійся потокъ, состоящій изъ грязи и камней. Я видѣлъ, какъ камни и болѣе мелкіе обломки слетали по склонамъ въ видѣ причудливыхъ водопадовъ. Шумъ продолжался съ четверть часа, послѣ чего потокъ сталъ быстро уменьшаться, пока наконецъ не остался одинъ ручеекъ, питаемый тающимъ льдомъ. Подледное озеро разорвало свою оболочку и увлекло за собою, въ быстромъ теченіи внизъ, обломки, которые лежали на его пути».

Но самое замѣчательное явленіе ледянаго моря—это его садъ (Le Jardin), который находится подобно острову посреди Талефрскаго ледника. Этотъ садъ совершенно окруженъ льдомъ и заключается въ горной котловинѣ, окруженной величавымъ поясомъ скалъ; онъ тѣмъ и привлекаетъ вниманіе, что, посреди такой мертвой обстановки, блещетъ мягкой зеленой травой и испещренъ цвѣтами.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО

Дѣленіе Швейцаріи на кантоны.—Ихъ политическое значеніе.—Языкъ народа.—Власть законодательная и исполнительная. — Кантонъ Ури: его нравы, обычаи, преданія и политическое устройство.—Майское собраніе.

Вся Швейцарская республика раздѣляется на 22 совершенно отдѣльныхъ области, называемыхъ *кантонами.* Три изъ этихъ 22-хъ кантоновъ, а а именно: Базель, Аппенцель и Унтервальденъ, отчасти вслѣдствіе религіозныхъ распрей, отчасти по причинамъ политическимъ, а то и просто по причинѣ ссоръ ихъ за лѣса и пастбища, раздѣлились каждый на два полукантона. Всѣ эти кантоны очень различны и по величинѣ, и по числу жителей, по ихъ зажиточности, даже по богатству природы и по самой почвѣ. Такъ Бернъ имѣетъ 506,500 жителей, а Ури всего 16 т.; Граубинденъ занимаетъ болѣе 2,700 англійскихъ квадратныхъ миль (англійская миля составляетъ нашихъ полторы версты), а кантонъ Цугъ такихъ миль всего 91. Единства религіи тоже не существуетъ въ Швейцаріи: восточные кантоны—*католическіе,* нѣкоторые западные и внутренніе—*протестантскіе.* Касательно языка тоже различіе. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ говорятъ по нѣмецки, въ другихъ по французски, по итальянски, по романски (романскій языкъ, какъ и итальянскій произошелъ отъ латинскаго, тѣмъ не менѣе значительно отъ него отличается, на немъ больше всего говорятъ въ Граубинденѣ). По народной переписи 1860 г. изъ $2^1/_2$ милліоновъ жителей по нѣмецки говорятъ 1,825,000 челов., по французски 520,000 ч., по итальянски 142,500 ч., по романски 46,000 ч.. Такимъ образомъ изъ 1,000 швейцарцевъ 721 говоритъ по нѣмецки, 205 по французски, 56 по итальянски и 18 по романски. Три языка: нѣмецкій, французскій и итальянскій признаны національными. Депутаты могутъ говорить и на одномъ языкѣ, такъ какъ въ засѣданіяхъ обыкновенно присутствуютъ переводчики. Кромѣ элементарныхъ школъ вездѣ изучаютъ два, а нерѣдко и три языка. Каждый швейцарецъ, лишь только онъ избавился отъ гнетущей нужды, старается выучить своего сына двумъ языкамъ. Въ газетахъ часто попадаются такія объявленія: «Образованное семейство въ кантонѣ Цюрихъ (Аргау или Сенгаленъ и т. п.) желаетъ отдать мальчика 15-ти лѣтъ во французскую Швейцарію и принять въ обмѣнъ пансіонера или пансіонерку того же возраста».

Не смотря на различіе вѣры и языка всѣ кантоны и полу-кантоны, чтобы защитить себя отъ вторженія внѣшнихъ враговъ, иногда отъ могущественныхъ сосѣдей, чтобы не дать возможности богатымъ и сильнымъ кантонамъ угнетать и подавлять менѣе сильные, наконецъ, чтобы охранять права и свободу и развивать общее благосостояніе, сплачиваются, соединяются между собой настоящимъ союзомъ и составляютъ вмѣстѣ *швейцарскую конфедерацію (союзъ).* Слѣдовательно въ дѣлахъ общественныхъ всѣ кантоны вполнѣ подчиняются союзному правительству. Всѣ швейцарцы равны передъ закономъ. Отдѣльному кантону не предоставляется право вступать въ политическій союзъ, или договоръ съ чужестранными государствами; только весь союзъ имѣетъ право объявлять войну и заключать трактаты. Союзъ чеканитъ монету, управляетъ желѣзными дорогами, телеграфами, почтой (почта ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права вскрывать писемъ). Союзъ допускаетъ полную сво-

боду вѣроисповѣданія; что касается печати — та же свобода: каждый можетъ писать то, что ему вздумается. Не существуетъ также казни за политическія преступленія.

Союзное правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ *законодательную* и *исполнительную власть*. Законодательную власть составляютъ двѣ палаты, или, какъ онѣ называются въ Швейцаріи, два совѣта: *національный* и *совѣтъ штатовъ*. *Національный совѣтъ* (палата депутатовъ) состоитъ изъ депутатовъ, выбираемыхъ по одному на 20,000 жителей; кантоны, въ которыхъ менѣе 20,000 ж., все-таки пользуются правомъ послать отъ себя одного депутата. Но вѣдь кантоны очень различны по величинѣ: такъ въ Бернскомъ кантонѣ 506,500 жит., а въ Цугѣ 21,000; слѣдовательно Бернъ будетъ имѣть 25 своихъ представителей, т. е. депутатовъ, а кантонъ Цугъ всего одного депутата. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ. Бернскихъ представителей много; на собраніи они, пожалуй, всѣ дѣла и будутъ рѣшать такъ, какъ это болѣе выгодно для ихъ кантона, нисколько не думая о маленькихъ кантонахъ. Чтобы этого не могло случиться и учрежденъ еще *совѣтъ штатовъ*, который состоитъ изъ сорока четырехъ членовъ: по два депутата съ каждаго кантона. Окончательное рѣшеніе каждаго дѣла должно быть непремѣнно утверждено обоими совѣтами. Поэтому, если Бернскій кантонъ имѣетъ, напримѣръ, въ національномъ совѣтѣ 25 депутатовъ, а Цугскій одного, за то въ *совѣтѣ штатовъ* оба кантона и Цугскій, и Бернскій имѣютъ одинаковое число представителей. Слѣдовательно, если *національный совѣтъ* и постановитъ что нибудь обременительное для маленькаго кантона, то это рѣшеніе не можетъ сдѣлаться закономъ, если съ нимъ не согласится также и *совѣтъ штатовъ*, а тамъ уже, разумѣется, не допустятъ ничего вреднаго для маленькихъ кантоновъ, такъ какъ большіе и маленькіе имѣютъ въ немъ одинаковое число голосовъ.

И такъ *федеральное* (*союзное*) *собраніе*, состоящее изъ двухъ совѣтовъ, составляетъ въ Швейцаріи высшую законодательную власть. Депутаты этихъ совѣтовъ подаютъ голоса совершенно самостоятельно, т. е. они не спрашиваютъ согласія своихъ избирателей. Каждый совѣтъ выбираетъ своего президента и вицепрезидента, а вмѣстѣ они выбираютъ союзнаго президента, союзный совѣтъ, союзныхъ судей, посланниковъ и союзнаго главнокомандующаго. Депутаты обѣихъ палатъ избираются на три года и получаютъ содержаніе. Каждый швейцарецъ, достигнувъ двадцатилѣтнаго возраста, выбираетъ депутатовъ; право же быть депутатомъ принадлежитъ каждому швейцарцу, все равно пастухъ онъ, или богатый армальи. Только монахъ, пасторъ, кретинъ, калѣка, или бывшій подъ судомъ за какой нибудь важный проступокъ, не могутъ быть избраны депутатами. Совѣты собираются разъ въ годъ, но засѣданія продолжаются цѣлый мѣсяцъ. Чтобы наблюдать за исполненіемъ законовъ, постановленныхъ высшею законодательною властью *федеральнаго собранія*, палата изъ всѣхъ своихъ гражданъ выбираетъ на три года семь человѣкъ; это и есть власть *исполнительная—федеральный совѣтъ*. Власть исполнительная во всемъ подчинена власти законодательной. Однако въ случаѣ надобности федеральный совѣтъ можетъ собрать войско, но не болѣе двухъ тысячъ человѣкъ и не дольше какъ на три недѣли. Если же необходимость заставляетъ долѣе удержать войско, или увеличить его, исполнительная власть должна созвать собраніе, которое называется тогда чрезвычайнымъ союзнымъ собраніемъ. Во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ исполнительная власть должна

давать отчетъ союзному собранію (власти законодательной). Каждый кантонъ и полу-кантонъ составляетъ отдѣльную республику и въ собственныхъ дѣлахъ пользуется совершенно самостоятельными правами. Всѣ они безъ исключенія чисто демократическія, т. е. въ каждомъ кантонѣ высшая законодательная власть принадлежитъ народу. Но хотя во всѣхъ ихъ на первомъ планѣ признается воля народа, однако между ними существуетъ большое различіе: въ однихъ кантонахъ народъ заявляетъ свои желанія посредствомъ избранныхъ имъ депутатовъ, которые, какъ и законодательная власть федеральнаго союза, составляютъ два совѣта; въ другихъ же воля народа заявляетъ себя непосредственно, т. е. весь народъ есть законодатель и верховный правитель. Прежде, еще въ древнемъ мірѣ, сходка всѣхъ гражданъ и была законодательнымъ собраніемъ. Тамъ и понятія не имѣли о томъ, что отъ имени всего народа могутъ дѣйствовать нѣсколько десятковъ, или сотенъ депутатовъ. Такъ и у насъ въ древности во всей Россіи, а особенно долго въ Новгородѣ, всѣ дѣла рѣшались на сходкѣ всѣхъ гражданъ, которая называлась *вѣчемъ*. Только въ новомъ мірѣ появились громадныя государства изъ милліоновъ и даже десятковъ милліоновъ людей; поэтому собраніе всего народа на одной площади сдѣлалось физически невозможнымъ. Но что невозможно для большихъ государствъ, то весьма удобопримѣнимо къ такимъ крошечнымъ республикамъ какъ напр. Ури съ 16 тысячами жителей. Чистая демократія (т. е. гдѣ сходка всѣхъ гражданъ республики есть законодательное собраніе) существуетъ въ кантонахъ: Ури, Гларусъ, обоихъ Унтервальденахъ и обоихъ Аппельцеляхъ; здѣсь, повторяемъ, законодательная власть въ рукахъ самого народа. Ури, оба полукантона Унтервальдена и Иннероденъ (полукантонъ Аппенцеля) населены пастухами-католиками, а Аусеррорденъ и Гларусъ имѣютъ преимущественно реформатское населеніе. Въ строго-католическихъ кантонахъ духовенство сильно вліяетъ на народъ, а слѣдовательно и на ихъ управленіе. Въ такихъ кантонахъ духовенство даже на народныхъ собраніяхъ занимаетъ почетное мѣсто. Такъ какъ народное собраніе въ названныхъ кантонахъ имѣетъ одно и тоже значеніе, только съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, то для примѣра возьмемъ хоть кантонъ Ури и посмотримъ, какъ идутъ тамъ дѣла такого рода. Но чтобы вполнѣ понять, какъ могла въ кантонѣ Ури такъ прочно утвердиться эта простая форма правленія, нужно познакомиться съ нравомъ и обычаями самихъ гражданъ: въ нихъ то и кроется обыкновенно причина, почему такая или другая форма правленія прививается въ странѣ. Въ кантонѣ Ури со всѣхъ сторонъ виднѣются огромныя горы съ высокими вершинами (напр. С. Готтардъ) и узкія долины. Это одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ кантоновъ. Вы видите повсюду жалкія хижины и все хозяйство весьма многихъ владѣльцевъ этихъ жилищъ состоитъ только изъ нѣсколькихъ козъ. Ихъ обыкновенная пища: лѣтомъ — козлиное молоко и размазня; зимою — та же размазня, сыворотка и картофель. Нѣкоторые промышляютъ здѣсь стеклянною посудою, очень многіе зарабатываютъ свой хлѣбъ, взбираясь съ туристами на высокія вершины, показывая дикіе, разнообразные ландшафты своего кантона.

Но при всемъ этомъ жители кантона Ури смѣлый, мужественный народъ, они гордятся свободными законами своей страны и въ своихъ дѣтяхъ прежде всего развиваютъ страстную любовь къ родинѣ и самое глубокое уваженіе къ преданіямъ своей страны. Ихъ главный, любимый герой, которымъ гордятся всѣ швейцарцы безъ исключенія, но болѣе всего жители старыхъ кантоновъ Ури, Швица и Унтервальдена, въ существованіи котораго не сомнѣваются са-

мые образованные изъ нихъ,—это Вильгельмъ Телль. Здѣсь уже 10-ти лѣтній ребенокъ разсказываетъ своему младшему брату о злодѣѣ Гесслерѣ, какъ онъ угнеталъ родину, какъ безчеловѣчно выкололъ глаза престарѣлому и ни въ чемъ неповинному старику Мельхталю. Смѣлый, энергическій образъ Телля еще опредѣленнѣе. У этого человѣка каждый слабый и угнетенный можетъ найти себѣ защиту; онъ въ бурю перевозитъ сына несчастнаго старика, — Арнольда Мельхталя, котораго тоже преслѣдуетъ намѣстникъ. Всѣ обходятъ площадь, гдѣ на шестѣ виситъ шляпа, которой приказано кланяться. Телль проходитъ площадь и открыто отказывается исполнить приказъ. Тогда намѣстникъ заставляетъ его стрѣлять изъ лука въ яблоко, положенное на голову его сына. «Если промахнешься, — твоя голова не уцѣлѣетъ», говоритъ онъ ему. Телль не промахнулся, но за то приготовилъ другую стрѣлу.

— «А зачѣмъ ты это сдѣлалъ?« спросилъ Гесслеръ Телля. «Что бы ни было, говори правду, я дарую тебѣ жизнь.» — Если бы я, отвѣчалъ Телль, случайно попалъ въ сына, я пронзилъ бы самого тебя этой стрѣлой».— «Хорошо... я сдержу свое слово и не отниму у тебя жизни, но за то упрячу тебя туда, гдѣ ты не увидишь свѣта», сказалъ ему Гесслеръ, велѣлъ тотчасъ связать его и затѣмъ повезъ съ собою въ лодкѣ по Фирвальштедтскому озеру. Вдругъ поднялась такая буря, что всѣ пришли въ отчаяніе. Гесслеръ, зная, что Телль искусный кормчій, приказалъ снять съ него оковы и, обѣщая совсѣмъ освободить его, просилъ править лодкой. Телль правитъ рулемъ, а самъ зорко высматриваетъ, гдѣ лежитъ его лукъ.— «Дружнѣй гребите, братцы!» говоритъ онъ гребцамъ, «намъ бы только добраться до той высокой скалы, тогда мы спасены»... Но, когда лодка приближается къ скалѣ, Телль хватаетъ свое оружіе, дѣлаетъ отчаянный прыжокъ на выдающійся выступъ скалы, а самъ ногою отталкиваетъ лодку. Вскорѣ послѣ этого онъ прячется въ ущельѣ, не далеко отъ дороги, гдѣ долженъ проѣзжать Гесслеръ, и пронзаетъ его стрѣлой.

Эта вѣсть съ быстротою молніи пронеслась по всѣмъ хижинамъ швейцарцевъ, народъ зажегъ по горамъ костры и бросился разрушать темницы, освобождать несчастныхъ братьевъ.

Эти преданія перешли даже въ народныя пѣсни. Въ существованіи Телля никто не сомнѣвается уже потому, что каждый шагъ въ этихъ лѣсныхъ кантонахъ напоминаетъ о немъ и о событіяхъ, связанныхъ съ нимъ. Фирвальштедтское озеро, долина Грютли, въ которой глубокой ночью собрались пастухи старыхъ кантоновъ и поклялись добыть себѣ свободу;—обо всѣхъ этихъ мѣстностяхъ швейцарцы говорятъ, какъ о колыбели своей свободы и показываютъ ихъ иностранцу съ величайшею гордостью.

Недалеко отъ Грютли, но уже на другомъ берегу и въ другомъ кантонѣ, въ Швицѣ,—площадка Телля. Это мѣсто считается просто святымъ. Сюда, согласно преданію, выскочилъ изъ лодки Вильгельмъ Телль, и въ память этого событія здѣсь стоитъ часовня. Съ какимъ благоговѣніемъ снимаютъ передъ ней швейцарцы шапки и преклоняютъ колѣна, какъ горячо здѣсь молятся женщины! Что же до Альтдорфа, то тамъ ступить нельзя, не вспомнивъ Телля. Пивные, гостинницы, лавки, — все это носитъ имя Телля. Вотъ фонтанъ на томъ мѣстѣ, откуда герой стрѣлялъ въ знаменитое яблоко. Здѣсь стоялъ Вальтеръ, сынъ Телля, съ яблокомъ на головѣ, которое отецъ долженъ былъ пронзить своею стрѣлою. Тутъ площадка, гдѣ вязали Телля. На большой

улицѣ стоитъ настоящій памятникъ этому народному герою—громадная статуя съ натянутымъ лукомъ.

Между тѣмъ теперь положительно доказано историками, что Вильгельмъ Телль личность чисто легендарная. Они доказываютъ, что даже самое сказаніе о стрѣльбѣ Телля сложилось не среди швейцарскаго народа, а заимствовано книжниками изъ датскихъ сказаній.—Тѣмъ не менѣе исторически вѣрно, что въ 1291 г. эти три кантона заключили между собою договоръ для взаимной защиты, а въ 1315 г., въ геройской битвѣ при Моргартенѣ, окончательно свергли владычество Австріи.

Не смотря на то, что сказаніе о Вильгельмѣ Теллѣ не подтверждается исторіею, оно имѣетъ воспитательное значеніе для швейцарской молодежи, возбуждая въ ней любовь къ родинѣ. Возвратимся однако къ Ури и познакомимся съ характерными постановленіями, которыя содержитъ въ себѣ конституція этого кантона.

«Швейцарскій кантонъ Ури есть державная республика, съ чисто демократическимъ правленіемъ. Власть лежитъ въ народѣ и непосредственно проявляется въ собраніяхъ большинствомъ голосовъ; въ этихъ собраніяхъ народъ самъ непосредственно издаетъ себѣ законы».

«Вѣроисповѣданіе кантона римско-католическое, но также свободно допускается и богослуженіе всѣхъ другихъ христіанскихъ религій. Всѣ граждане кантона имѣютъ равныя гражданскія права. Не существуетъ никакихъ привилегій, по мѣсту, происхожденію, титуламъ и личностямъ.»

«Жители и граждане кантона равны передъ закономъ.»

«Личная свобода всѣхъ жителей кантона обезпечена. Никто не можетъ быть арестованъ, или содержаться подъ арестомъ, кромѣ случаевъ, предписанныхъ и опредѣленныхъ закономъ. Высшая законодательная власть принадлежитъ собранію, которое собирается обыкновенно въ первое майское воскресенье».

Но такъ какъ майское собраніе бываетъ только разъ въ году, то на время своего отсутствія оно и передаетъ свою власть *великому совѣту*. Слѣдовательно великій совѣтъ та же законодательная власть, только она во всемъ подчинена майскому собранію. Онъ, т. е. великій совѣтъ, можетъ издавать законы въ такихъ случаяхъ, когда этого никакъ нельзя отложить до майскаго собранія. Но эти законы только тогда получаютъ настоящую силу, когда они утверждены верховною законодательною властью, т. е. майскимъ собраніемъ.

Великій совѣтъ состоитъ изъ 48 депутатовъ (по одному на триста человѣкъ), президента (ландамана) и вице-президента, избираемыхъ всѣмъ народомъ на майскомъ собраніи.

Кромѣ законодательной власти, тамъ есть и власть исполнительная и судебная. Исполнительную власть составляютъ шесть человѣкъ, избираемыхъ майскимъ собраніемъ, а именно: ландаманъ (президентъ), вице-ландаманъ (вице-президентъ), знаменосецъ, воевода, казначей и директоръ публичныхъ работъ. Они обязаны наблюдать, чтобы всѣ исполняли законы, постановленные на майскомъ собраніи; должны управлять полиціей, администраціей, составлять смѣту всѣхъ приходовъ и расходовъ и представлять ее на утвержденіе великаго совѣта. Судебная власть въ кантонѣ Ури, какъ и во всей Швейцаріи, состоитъ изъ выборныхъ на срокъ судей, такъ что тамъ вовсе нѣтъ судебнаго сословія, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ странахъ, — слѣдовательно каждый можетъ сдѣлаться судьею. Хотя здѣсь не мало чиновниковъ и разныхъ присутствен-

ныхъ мѣстъ, но всетаки несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ городахъ. Здѣсь чиновники, какъ бы хорошо они ни исполняли своихъ обязанностей, какъ бы добросовѣстно ни служили, не могутъ долго занимать своихъ мѣстъ. Въ большинствѣ случаевъ, они выбираются на четыре года, другіе же служатъ только два года.

Содержаніе чиновниковъ самое ничтожное; главный изъ нихъ ландаманъ (президентъ) получаетъ не болѣе 400 франк. въ годъ. Другіе и совсѣмъ не получаютъ никакого жалованья, кромѣ ничтожной поденной платы. Поэтому, хотя служба тамъ и считается почестью, но такъ какъ она прибыли даетъ мало, а отнимаетъ у бѣднаго человѣка много времени, то очень многіе были бы весьма не прочь отъ нея отдѣлаться. Но въ Ури чиновникъ выбранъ на свою должность народомъ и онъ не имѣетъ права отъ нея отказываться. Тотъ, кто отказывается отъ должности, нарушаетъ законъ и долженъ или удалиться изъ кантона на то время, впродолженіи котораго онъ обязанъ былъ бы служить, или заплатить сумму отъ 200 до 1.000 франк. Если онъ и отъ этого отказывается, то онъ лишается всѣхъ гражданскихъ правъ. Только 65-ти лѣтній старикъ можетъ быть легко уволенъ отъ всѣхъ должностей. Прежде на майскія собранія всѣ граждане являлись вооруженными; теперь это осталось только въ Аппенцелѣ. Въ этотъ день чиновники являются здѣсь въ черныхъ платьяхъ и съ саблею въ ножнахъ; всѣ остальные также вооружены саблями и пиками, хотя къ пастушеской одеждѣ больше всего шелъ бы мирный посохъ. Въ Гларусѣ около трибуны, на которой произносятъ рѣчи, устраиваютъ особыя мѣста для мальчиковъ, чтобы они уже съ дѣтства пріучались, какъ вести общественныя дѣла. Вотъ какъ происходятъ эти майскія собранія въ кантонѣ Ури. Въ Биргленѣ, въ Шехенской долинѣ, гдѣ, по преданію, родился Телль и гдѣ въ память его возвышается часовня, простирается громадный лугъ, который уже издавна служитъ залой законодательнаго собранія гражданъ Ури.

Одинъ разъ въ годъ, въ первое воскресенье въ маѣ мѣсяцѣ, утромъ происходитъ богослуженіе въ Альтдорфѣ (главный городъ кантона Ури). Послѣ богослуженія, чиновники и всѣ остальные граждане кантона собираются передъ ратушею къ праздничному шествію. Каждый житель Ури, достигшій двадцати лѣтняго возраста, кромѣ монаховъ и священиковъ, обязанъ идти на этотъ лугъ.

Высшіе чиновники появляются въ черныхъ платьяхъ. Въ полдень начинается шествіе. Музыка и войско, съ знаменами въ рукахъ, идетъ впереди. За знаменами идутъ два гражданина, въ древне-швейцарскомъ костюмѣ, и несутъ буйволовые рога въ серебрянной оправѣ. За ними идутъ два чиновника и несутъ протоколы собраній, поземельную книгу и двѣ бархатныя сумки, изъ которыхъ одна — черная, другая — желтая: въ нихъ находятся печать и ключи архива.

Одинъ изъ чиновниковъ, одѣтый въ мантію стараго покроя, несетъ жезлъ, на верхушкѣ котораго—маленькое яблоко, пронзенное стрѣлой. Это напоминаетъ выстрѣлъ Телля. Другой несетъ судейскій мечь, украшенный черными и желтыми лентами. За ними идутъ остальные чиновники и нѣсколько скороходовъ, одѣтые въ народные цвѣта; за тѣмъ ѣдетъ экипажъ съ высшими чиновниками, сопровождаемый толпою народа.

Шествіе останавливается въ долинѣ; музыканты становятся на холмѣ и начинаютъ играть мелодію изъ «Вильгельма Телля». Посреди зеленаго луга устроена платформа, на которую устанавливаютъ буйволовые рога; зеленую

книгу, бархатныя сумки съ печатями и ключами и судейскій мечь кладутъ на столъ. Раздается звукъ трубы; члены правленія, духовныя лица и вообще всѣ, кто найдетъ себѣ мѣсто, садятся на скамейки деревяннаго амфитеатра. Замолкла труба и раздается голосъ ландамана, который всталъ на высокую скамейку. Народъ кругомъ мгновенно смолкаетъ и обнажаетъ головы. Ландаманъ открываетъ собраніе краткой рѣчью, въ которой онъ приглашаетъ присутствующихъ помолиться. Тотчасъ всѣ въ одинъ голосъ произносятъ пять разъ сряду: Отче нашъ и Богородицу. Послѣ этого народъ даетъ клятву, что дружно будетъ стоять за общее дѣло. Затѣмъ ландаманъ или какой нибудь другой представитель власти читаетъ списокъ вопросовъ, которые должны разсматриваться въ это собраніе. Обыкновенно дѣло идетъ о введеніи новаго налога, о взысканіи съ чиновника, или объ измѣненіи какого нибудь закона. Но главную роль въ этихъ собраніяхъ играютъ выборы ландамановъ и другихъ должностныхъ лицъ. «Кто желаетъ, чтобы предложеніе было принято, тотъ поднимай руку», громогласно взываетъ къ народу глашатай. Или «кто желаетъ, чтобъ предложеніе было отвергнуто, и все осталось бы по старому, тотъ подними руку». Каждый вопросъ повторяется по два раза и послѣ каждаго изъ нихъ изъ круга выходятъ по два человѣка, берутся за руки и поднимаютъ ихъ, на подобіе арки, чрезъ которую должны другъ за другомъ проходить всѣ члены, участвующіе въ подачѣ голоса; этимъ способомъ можетъ быть точно опредѣлено число голосовъ, вотирующихъ за то, или другое мнѣніе. Когда покончено обсужденіе вопросовъ, ландаманъ, опершись на судейскій мечь, отдаетъ отчетъ, затѣмъ онъ кладетъ мечь на столъ,— слѣдовательно передаетъ свою должность въ руки народа, а самъ садится на скамейку, возлѣ старыхъ ландамановъ. Если онъ служитъ только одинъ годъ, то его обыкновенно выбираютъ и на слѣдующій. Тогда выбранный подходитъ къ столу и произноситъ клятву: «заботиться о благѣ и чести страны, отстранять вредъ, предупреждать безчестіе; судить безпристрастно, какъ бѣднаго, такъ и богатаго, какъ соотечественника, такъ и иностранца, какъ родственника, такъ и чужаго, при этомъ не брать ни съ кого ни подарка, ни денегъ, но дѣлать все по чести и безъ обмана. Исторія всѣхъ майскихъ собраній показываетъ, что въ нихъ народная воля касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Правда, на нихъ не рѣдко толкуютъ о вещахъ, которыя съ нашей точки зрѣнія могутъ показаться ничтожными, но тамъ онѣ имѣютъ большое значеніе. Такъ напр. нѣсколько лѣтъ сряду подымался вопросъ о правѣ молодежи танцовать въ нѣкоторые дни позже 9-ти ч. вечера. Мѣстное духовенство долго боролось противъ этого рѣшенія, пока наконецъ въ 1863 г., къ величайшему удовольствію молодежи, вопросъ былъ рѣшенъ, какъ этого имъ давно хотѣлось, и танцы разрѣшены до полуночи. Но въ большинствѣ случаевъ тутъ рѣшаются дѣла, въ пользѣ и въ важности которыхъ для страны никто не можетъ сомнѣваться. Для этого бросимъ взглядъ на меморіалъ (перечень вопросовъ) за 1864 г. въ кантонѣ Гларусѣ. Кстати замѣтимъ, что по этимъ меморіаламъ, приготовляемымъ кантональнымъ совѣтомъ и которые онъ раздаетъ задолго до собранія, граждане могутъ серьёзно обдумать и потолковать между собою о всѣхъ вопросахъ, которые будутъ подымать на собраніи. Въ 1864 г. меморіалъ состоялъ изъ 28 пунктовъ, касающихся почти всѣхъ разнообразныхъ предметовъ, которые подлежатъ вѣденію самодержавнаго народа, а именно: приходилось постановлять рѣшенія о поземельной подати; о залогѣ желѣзной дороги кантона; о призрѣніи бѣдныхъ; о продажѣ общинныхъ имуществъ и т. п. Но важнѣе всего

былъ вопросъ о сокращеніи рабочихъ часовъ и о просмотрѣ и измѣненіи нынѣшней конституціи. Посмотримъ, какъ отнеслись къ этимъ вопросамъ на майскомъ собраніи граждане Гларуса. «Ландаманъ читалъ одинъ за другимъ пунктъ меморіала, прибавляя къ каждому нѣсколько объяснительныхъ словъ, и этимъ открывалъ пренія по отдѣльнымъ вопросамъ. Собраніе оказалось удивительно знакомымъ со всѣми пунктами меморіала. Смотря по важности предмета, пренія были болѣе, или менѣе продолжительны. Иныя предложенія были приняты безъ всякаго возраженія. Но, при большинствѣ провозглашаемыхъ ландаманомъ пунктовъ, ораторы являлись за или противъ предложенія и, стóя на ораторской трибунѣ, или просто съ своихъ мѣстъ, развивали свои мнѣнія коротко и ясно. Говорили люди высокообразованные, крестьяне, люди, принадлежащіе ко всѣмъ общественнымъ классамъ. Слушатели съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ словомъ ораторовъ. Отъ времени до времени слышалось: «хорошо сказано!» ««онъ правъ!» — «этого мы не хотимъ». Когда же слушатели слишкомъ оживлялись, ландаманъ взывалъ къ спокойствію, или ликторъ ходилъ по рядамъ, съ приподнятыми вверхъ руками и приговаривая: «тише, господа земскіе люди, тише, вѣдь ужъ не долго. Ужъ его то вамъ стоитъ слушать, право. Лучше его вамъ никто не скажетъ». Затѣмъ поднялся городской голова Гларуса и сказалъ прекрасную рѣчь, въ которой онъ доказывалъ, какъ необходимо уменьшить для рабочихъ, какъ для мужчинъ такъ и для женщинъ, число рабочихъ часовъ. Предложеніе было принято съ радостью, но рѣшеніе собранія въ пользу его было ускорено вслѣдствіе сильнаго дождя. Аппенцельцы на своихъ собраніяхъ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на погоду и, какой бы ни лилъ проливень, они невозмутимо продолжаютъ разсуждать подъ открытымъ небомъ о самыхъ важныхъ государственныхъ дѣлахъ. Граждане Кантона Гларусъ далеко не отличаются въ этомъ отношеніи такою стойкостью. Такъ было и въ этомъ случаѣ: оратору сталъ возражать фабрикантъ, но въ эту самую минуту дождь сильно сталъ накрапывать и пренія были прерваны криками: «вотировать!» Послѣ поспѣшнаго вотированія вопроса большинство голосовъ осталось за предложеніе городскаго головы.

Нужно однако замѣтить, что эти либеральные законы и конституція страны остаются иногда мертвою буквою передъ какимъ нибудь средневѣковымъ, отжившимъ обычаемъ и чаще всего передъ грубымъ, первобытнымъ взглядомъ народа на тотъ, или другой предметъ. Населеніе кантоновъ, гдѣ народъ непосредственно выражаетъ свою волю, считаетъ себя свободнѣе другихъ швейцарцевъ и въ большинствѣ случаевъ это совершенно справедливо. Нерѣдко случается однако, что и эти чистыя демократіи переходятъ въ аристократію. Болѣе зажиточныя семейства обыкновенно въ теченіи долгаго времени занимаютъ высшія должности; отъ нихъ всегда зависитъ множество людей, и слѣдовательно онѣ очень часто имѣютъ огромное вліяніе на рѣшеніе тѣхъ или другихъ вопросовъ. Судопроизводство въ Ури имѣетъ очень много дурныхъ сторонъ. Многіе уголовные законы чрезвычайно кратки и не достаточно опредѣленны, такъ что во многихъ случаяхъ судьѣ предоставляется дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Судьею же тамъ можетъ быть каждый, слѣдовательно и человѣкъ, не получившій никакого юридическаго образованія. Да наконецъ законы дозволяютъ наносить допрашиваемому лицу, въ случаѣ его запирательства, до десяти палочныхъ ударовъ и давать скудную пищу до трехъ разъ въ недѣлю. Если окажется нужнымъ,

сказано въ законѣ, можно и увеличить норму наказанія. Но когда можетъ оказаться нужнымъ увеличить наказаніе, до какого предѣла можетъ доходить оно—ничего этого не объяснено въ законахъ, слѣдовательно въ судебной практикѣ допускается полнѣйшій произволъ. (Въ одномъ изъ полукантоновъ Унтервальдена высшій размѣръ тѣлеснаго наказанія 50 ударовъ розгами). Очень часто въ числѣ другихъ карательныхъ мѣръ судьи предписываютъ преступнику стоять у позорнаго столба, быть высѣченнымъ публично розгами.

Нельзя однако упрекать въ этомъ жителей небольшихъ кантоновъ, по преимуществу состоящихъ изъ пастуховъ, особенно въ виду того, что въ Англіи, этой образованной странѣ, еще до сихъ поръ существуютъ тѣлесныя наказанія въ самой грубой формѣ, гдѣ, послѣ 25-ти ударовъ девяти-хвостовыми кошками (плетьми), поднимаютъ здороваго человѣка еле дышащимъ.

Община.—Ея значеніе для гражданъ.—Положеніе бѣдныхъ.—Гейматлозы.—Общинныя власти и ихъ обязанности.—Общинныя земли.

Въ каждомъ кантонѣ есть много общинъ, которыя отличаются одна отъ другой по величинѣ, по богатству и даже по своимъ обычаямъ. Число общинъ въ каждомъ кантонѣ тоже различно. Въ Женевскомъ кантонѣ, напримѣръ, ихъ всего сорокъ четыре, а въ Граубинденѣ—двѣсти пять.

Каждый швейцарецъ непремѣнно долженъ принадлежать къ какой нибудь общинѣ. Кто не членъ общины, не можетъ быть избирателемъ, т. е. не можетъ выбирать депутатовъ. Слѣдовательно тотъ, кто не принадлежитъ ни къ какой общинѣ, не можетъ пользоваться никакими гражданскими правами. Но онъ не только теряетъ гражданскія права; положеніе такого человѣка, какъ мы увидимъ ниже, самое печальное. — Кто желаетъ быть причисленъ къ какой нибудь общинѣ и пользоваться всѣми выгодами, которыя она представляетъ, тотъ долженъ единовременно, разъ навсегда внести за себя опредѣленную сумму, но за тѣмъ уже его потомство пользуется всѣми правами. Размѣръ суммы различный. Въ нѣкоторыхъ общинахъ глава семейства вноситъ 500 ф., сынъ 350, дочь 75 ф. Въ другихъ общинахъ эта такса доходитъ до 1000 ф. Но вездѣ мужчина платитъ болѣе, чѣмъ дѣвушка, женатый, болѣе холостаго, чужестранецъ болѣе соотечественника. Но не одни деньги нужны для поступленія въ общину. Община, прежде чѣмъ принять въ свою среду новаго члена, требуетъ, чтобы онъ доставилъ ей свѣдѣнія о своей національности, о поведеніи; проситель долженъ также представить доказательства, что онъ въ состояніи содержать себя и семейство, а также, что онъ не потерялъ своихъ гражданскихъ правъ по приговору суда. Но даже и тогда, когда все требуемое отъ вновь поступающаго представлено имъ общинѣ, она можетъ отказать ему въ просьбѣ: то властямъ той общины, куда онъ хочетъ вступить, не нравится его религія, то самъ онъ пришелся имъ не по нутру. Разумѣется, онъ можетъ попытать счастья и пріютиться въ другой, менѣе придирчивой общинѣ. Карликъ, кретинъ, калѣка встрѣчаютъ отказъ вездѣ. Во всякомъ случаѣ вступленіе въ общину весьма затруднительно для бѣднаго человѣка. То онъ не можетъ собрать всѣхъ нужныхъ доказательствъ, то денегъ не хватаетъ.

Такое затруднительное вступленіе въ общину порождаетъ гейматлозовъ, — людей безъ отечества, которые вслѣдствіе разныхъ несчастныхъ обстоятельствъ не значутся членами ни въ одной общинѣ. Теперь считаютъ въ Швейцаріи

гейматлозовъ болѣе 600 человѣкъ. Это самые несчастные люди—нищіе, отверженцы. Швейцарцы не допускаютъ у себя нищихъ, слѣдовательно та община, которая приняла бы гейматлозовъ въ свою среду, должна была бы и содержать ихъ на свой счетъ, вотъ почему ни одна изъ нихъ и не соглашается ихъ пріютить. Поэтому несчастные гейматлозы ведутъ кочевую жизнь. Сплошь и рядомъ бываютъ съ ними случаи такого рода: кочуетъ какое нибудь семейство изъ одного кантона въ другой, но потомъ вдругъ какія нибудь обстоятельства довольно надолго приковываютъ его къ одному мѣсту. Та община, которая живетъ на этой землѣ, собираетъ небольшую сумму, поручаетъ кому-нибудь изъ членовъ взять билетъ на проѣздъ въ Парижъ, въ Вѣну или въ Нью-Іоркъ (какъ изберутъ сами несчастные), провожаютъ ихъ до самаго вагона, даютъ имъ сто, полтораста франковъ на дорогу и такимъ образомъ навсегда отдѣлываются отъ назойливаго нищаго.

Швейцарія дѣйствительно можетъ похвалиться тѣмъ, что она не имѣетъ пролетаріата, хотя должно сознаться, что этого она достигаетъ цѣною многихъ безчеловѣчныхъ поступковъ со своими гражданами. Впрочемъ нищенство и не исчезаетъ совершенно въ Швейцаріи: оно только принимаетъ здѣсь другую форму. На каждомъ шагу попадаются дѣти и даже взрослые, которые продаютъ разноцвѣтныя горныя камешки, букеты цвѣтовъ, рѣзныя деревянныя вещицы, показываютъ бѣлыхъ мышей, сурковъ и т. п. Пріюты для бѣдныхъ, хотя они и очень распространены, находятся здѣсь въ весьма жалкомъ состояніи. Бѣдняки, попавшіе сюда, нерѣдко совершаютъ преступленіе, чтобы перейти въ тюрьму и такимъ образомъ улучшить свое положеніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти пріюты были описаны въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Современныя конюшни Авгіаса», авторъ которой сообщаетъ возмутительныя подробности о грязи и нечистотѣ, среди которыхъ живутъ, и лишеніяхъ, которыя испытываютъ эти несчастные. Гораздо въ лучшемъ состояніи находятся въ городахъ и большихъ деревняхъ пріюты для сиротъ и богадѣльни для престарѣлыхъ гражданъ; такъ напр. въ Цюрихѣ такія учрежденія положительно образцовыя.

Каждая община представляетъ собою маленькую республику съ общественными собраніями, мэромъ, общиннымъ совѣтомъ и избирательными списками. Это общинное собраніе состоитъ обыкновенно изъ всѣхъ членовъ общины. Чтобы потолковать о дѣлахъ, собираются, гдѣ вздумается: на рынкѣ, въ трактирѣ, или на просторномъ лугу и между собой выбираютъ своихъ властей. Власти могутъ быть выбраны изъ всѣхъ гражданъ, которые имѣютъ только право голоса. Такъ какъ женщины не имѣютъ этого права, то онѣ не могутъ быть выбраны ни на какія должности. Безъ согласія мэра и совѣтниковъ ничего не дѣлается въ общинѣ. Ученикъ, изгнанный изъ школы, можетъ быть снова принятъ, если объ немъ будетъ хлопотать мэръ. Ни одинъ членъ общины не имѣетъ права жениться безъ дозволенія мэра. А этотъ послѣдній всегда старается отклонить отъ женитьбы члена своей общины; когда же это не удается, то очень часто просто на просто запрещаетъ новой четѣ вступать въ бракъ. Такое безцеремонное обращеніе съ судьбою членовъ общины ведетъ ко множеству печальныхъ послѣдствій. Когда это ставятъ на видъ Швейцарцамъ, они обыкновенно оправдываются такъ: «у женатаго человѣка могутъ быть дѣти, которыхъ въ случаѣ недостатка родительскаго попеченія придется кормить общинѣ, вотъ почему также женатые вообще неохотно принимаются въ общину.» Да и вообще законы о бракѣ тамъ очень тяжелы. Женится иногда членъ какой нибудь общины на дѣвушкѣ изъ другаго кантона, или даже изъ другой общины,

возвращается съ женой и дѣтьми на родину, — его бракъ не признаютъ дѣйствительнымъ. Общинныя власти объявляютъ ему, что онъ съ своей семьей не долженъ разсчитывать на какое бы то ни было участіе къ нимъ общины. Но это еще только начало несчастій. Куда ни выходитъ это несчастное семейство: на улицу, на гулянье—къ нимъ вездѣ придираются; встрѣтивъ отца семейства, изъ за какихъ нибудь пустяковъ завязываютъ съ нимъ драку. Если мелкія придирки недостаточно его огорчаютъ и онъ все еще остается въ общинѣ, тогда огромная толпа врывается къ нему ночью, перебиваетъ посуду, колотитъ дѣтей, а самого его зачастую и калѣчитъ.

Законъ гласитъ о неприкосновенности личности и собственности, но бѣда тому простаку, который безусловно повѣритъ этому. Если въ настоящемъ случаѣ подвергающійся нападкамъ, избитый отецъ подастъ въ судъ жалобу, дѣло рѣшаютъ обыкновенно тѣмъ, что заставляютъ просителя, для прекращенія впредь скандаловъ и для спокойствія согражданъ, немедленно удалиться изъ общины. И это понятно: если судъ самъ не состоитъ изъ оскорбителей, то во всякомъ случаѣ изъ членовъ общины, а тѣ всѣ какъ одинъ человѣкъ желаютъ избавить свою общину отъ семейнаго члена. Разумѣется въ такихъ дѣлахъ первую роль играетъ собственный интересъ: всѣ страшно боятся даже мысли, что новая семья, которая можетъ быть сама ничего не выработаетъ для себя, останется на ихъ рукахъ. Тогда часть дохода общины пойдетъ на прокормленіе этой семьи, а чрезъ то нѣсколькими копѣйками уменьшится доходъ каждаго члена.

Такое стѣсненіе браковъ и отчужденіе одной общины отъ другой, одного кантона отъ другаго, взаимная вражда, зависть и ненависть другъ къ другу не только вредно вліяютъ на увеличеніе народонаселенія, но и ведутъ ко множеству другихъ печальныхъ послѣдствій. Въ замкнутыя, уединенныя общины разумѣется труднѣе проникаетъ образованіе, въ нихъ труднѣе прививаются нововведенія, давно принятыя не только у сосѣдей, но и у соотечественниковъ въ другихъ кантонахъ. Послѣдствіе этого — умственный и физическій упадокъ населенія.

Перейдемъ теперь къ экономической сторонѣ жизни общины—ея общинному землевладѣнію. Общинныя имущества въ Швейцаріи называются *allmenden*; онѣ состоятъ изъ лѣса, пастбища и обработанной земли. Относительно пользованія лѣсомъ и пастбищами въ большинствѣ общинъ существуетъ правило давать пользоваться каждому сообразно его потребностямъ. Кто сколько держитъ скота зимою, тотъ столько можетъ посылать его лѣтомъ на общинныя пастбища. Такъ что богачъ можетъ цѣлое лѣто прокармливать свое стадо безплатно на общественный счетъ. Между тѣмъ бѣднякъ, имѣющій всего одну козу, считается наравнѣ съ нимъ владѣтелемъ этого угодья. Община смотритъ на собственника, который имѣетъ большое шалэ въ деревнѣ и нерѣдко другое въ горахъ, обширные сараи и скотный дворъ, какъ на человѣка, который имѣетъ больше потребности въ лѣсѣ и потому даетъ ему шесть большихъ деревьевъ на дрова и столько же на поддержку построекъ, а тотъ, кто не имѣетъ своего дома, получаетъ только два бревна. Чтобы хоть нѣсколько смягчить вопіющую несправедливость относительно пастбищъ, въ нѣкоторыхъ кантонахъ рѣшили, что никто не можетъ посылать на общественные луга болѣе 30 коровъ и столько же мелкаго скота. Людей, имѣющихъ значительное количество скота, гораздо больше, чѣмъ неимѣющихъ, и поэтому нельзя посредствомъ голосованія совершенно уничтожить этотъ несправедливый обычай. Наряду съ этимъ

существуетъ и болѣе отрадное явленіе: въ нѣкоторыхъ общинахъ назначенъ денежный сборъ съ каждой головы крупнаго скота, который идетъ въ пользу тѣхъ, которые его не имѣютъ. Что же касается до пользованія пахотною землею, то тутъ вездѣ существуетъ полное равенство. Каждый пользуется своимъ участкомъ въ продолженіи 10, 20, 30 лѣтъ, смотря по желанію общины; по окончаніи этого періода участки вновь перемѣриваются и снова распредѣляются по жребію. Въ нѣкоторыхъ кантонахъ въ общинномъ владѣніи находятся виноградники, которые въ такихъ случаяхъ и обработываются сообща, при чемъ всѣ общинники употребляютъ равное количество труда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такимъ же образомъ воздѣлываются и хлѣбныя поля. Осенью на общинный счетъ устраивается пиръ, присутствовать на которомъ каждый общинникъ считаетъ своею священнѣйшею обязанностью. Общинное пользованіе такъ вошло въ обычай у швейцарцевъ, что, когда имъ нехватаетъ общинныхъ земель, то двадцать, тридцать человѣкъ складываются, сообща покупаютъ себѣ землю и каждый пользуется ею сообразно внесеннымъ деньгамъ.

Во многихъ мѣстностяхъ общинныя владѣнія не обработываются общинниками, а отдаются въ наемъ; полученныя деньги идутъ на покрытіе общинныхъ издержекъ: на жалованье учителю, пастуху, на содержаніе богадѣленъ и на другія потребности, которыя иначе приходилось бы покрывать особыми налогами. Остатокъ отъ общественныхъ суммъ, полученныхъ съ аренды, дѣлится между членами общины.

Для устройства дѣлъ по общинному поземельному владѣнію общинники собираются каждый годъ въ опредѣленное время, выбираютъ нѣсколькихъ лицъ, которые раздѣляютъ на участки лѣсъ, назначенный къ срубкѣ, хлопочутъ отъ имени общины въ судебныхъ мѣстахъ и даже распоряжаются нѣкоторыми работами и предпріятіями въ небольшихъ размѣрахъ; все остальное рѣшается общимъ собраніемъ, которому уполномоченные и отдаютъ отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Семейная жизнь швейцарцевъ. — Товарищество однолѣтокъ. — Значеніе женщины. — Воспитаніе дѣтей. — Вечернее времяпрепровожденіе. — Свадьба. — Воскресный день. — Швейцарскія церкви. — Танцы и пристрастіе къ нимъ молодежи. — Метаніе камней. — Похороны.

Нравы въ швейцарскихъ семействахъ совершенно патріархальные. За обѣдъ садится все семейство со своими рабочими, въ городахъ въ 12 часовъ, въ селахъ въ 11. Одинъ изъ членовъ семьи передъ обѣдомъ непремѣнно читаетъ молитву. Хозяйка и хозяинъ занимаютъ главныя мѣста и только они могутъ начать разговоръ. Дѣти и слуги, хотя тоже тутъ сидятъ, какъ бы на одинаковыхъ правахъ, тѣмъ не менѣе для нихъ обязательна, особенно здѣсь, совершенная скромность и почтеніе къ старшимъ.

Старый дѣдъ въ семьѣ играетъ большую роль, считается главою дома и хотя часто вмѣсто его уже ведутъ хозяйство его дѣти, тѣмъ не менѣе они никогда не поступятъ противъ его воли, безъ его совѣта. Иной разъ 90-лѣтній старикъ, а Швейцарія отличается долговѣчностью своего народа, называетъ своего 50-ти, а иногда 60-ти лѣтняго сына Bub-мальчикъ; своего внука, тоже часто не молодаго и занимающаго общественныя и государственныя должности, — *сыномъ мальчика* (Buben Bub). Въ нѣкоторыхъ здоровыхъ мѣстностяхъ Швейцаріи встрѣчаешь необыкновенно цвѣтущихъ стариковъ. Во многихъ се-

лахъ живутъ большими семьями, и часто большая часть населенія какой нибудь деревни произошла изъ одного рода и носитъ одну фамилію; такъ напр. въ одной большой деревнѣ съ 2,500 жителями болѣе тысячи человѣкъ носитъ одну фамилію Итенъ, такъ что, говоря о томъ или другомъ его членѣ, фамилія отбрасывается и называютъ по имени и по прозвищу, которое обыкновенно заимствуютъ отъ мѣста жительства.

Всѣ швейцарцы принадлежатъ непремѣнно къ какому нибудь обществу, мало того, каждый изъ нихъ членъ дюжины обществъ мѣстныхъ и иностранныхъ, свѣтскихъ и религіозныхъ. Прежде всего конечно, онъ членъ своей общины, своего кантона и своего союза; потомъ онъ членъ швейцарскаго альпійскаго клуба, воскреснаго общества, ассоціаціи общественной пользы, братства Pio-Nono, Грютлійскаго общества, конгресса мира и свободы, союзнаго общества стрѣлковъ. Онъ можетъ быть членомъ многихъ мѣстныхъ корпорацій, клубовъ: музыкальнаго, пѣвческаго, гимнастическихъ, антикварныхъ, различныхъ ассоціацій и волонтерныхъ отрядовъ пожарныхъ. Всѣ эти общества идутъ отлично; каждое изъ нихъ справляетъ свою годовщину торжественными процессіями и церемоніями, съ рѣчами и флагами. Это лучше всего доказываетъ, что Швейцарецъ уже по натурѣ своей организаторъ. Между этими обществами и товариществами существуетъ оригинальное товарищество однолѣтокъ, которые назначаютъ общія сходки, гулянья, поѣздки. Въ эти товарищества вступаютъ люди самаго различнаго общественнаго положенія. Нерѣдко читаешь въ газетахъ: товарищество однолѣтокъ 20-го года въ такой то день предпринимаетъ поѣздку туда-то. Въ случаѣ смерти одного изъ товарищей однолѣтокъ, всѣ сверстники сопровождаютъ его въ глубокомъ траурѣ до самой могилы. Если отъ того или другаго товарищества однолѣтокъ остается немного членовъ, они соединяются съ товариществомъ годомъ ихъ моложе или старше. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 10 или 12 стариковъ старше 80-лѣтняго возраста, изъ Цюриха и его окрестностей, предпринимали поѣздку на Фирвальштедтское озеро. Они хотѣли еще разъ посмотрѣть на Грютли и на площадку Телля. При этомъ такіе сверстники, въ дни назначенные для общаго собранія, не рѣдко являются въ древнихъ швейцарскихъ костюмахъ. Множество такихъ обществъ и стремленіе каждаго швейцарца быть членомъ многихъ изъ нихъ доказываютъ, не смотря на патріархальныя семейныя отношенія, что они не могутъ вести узкую домашнюю жизнь и много времени отдаютъ обществу.

Не смотря однако на развитіе общественной жизни, не смотря на то, что швейцарецъ признаетъ многія способности женщины, она все-таки здѣсь считается болѣе низкимъ существомъ, чѣмъ мужчина. Въ кантонѣ Шафгаузенъ еще существуетъ такой обычай: когда новорожденное лицо мальчикъ, то одинъ изъ членовъ семьи, возвѣщающій объ этомъ всѣмъ родственникамъ, несетъ два букета; если же родилась дѣвочка, то—одинъ. Въ кантонѣ Гларусѣ еще до сихъ поръ выдается премія за рожденіе мальчиковъ-близнецовъ по 10-ти франковъ и никакого вниманія не обращаютъ, если близнецы дѣвочки.

Въ одной церкви кантона Фрейбурга, при погребеніи мальчика, звонятъ въ средній большой колоколъ, а при погребеніи дѣвочки — въ маленькій.

Женщина во всемъ помогаетъ мужу, часто даже работаетъ болѣе его, здѣшній же народъ извѣстенъ своимъ трудолюбіемъ, — вслѣдствіе этого мать не можетъ смотрѣть за своими дѣтьми и онѣ оставлены на произволъ судьбы, часто растутъ наравнѣ съ домашними животными. Не рѣдко швейцарецъ

имѣетъ кой-какія средства и могъ бы нѣсколько болѣе наблюдать за своими дѣтьми, почище ихъ одѣвать, но его одолѣваетъ страсть копить деньгу, увеличивать свое хозяйство. Все это заставляетъ его не обращать ни малѣйшаго вниманія на ребенка до школы и онъ безъ всякаго призора бѣгаетъ около дома, покрытый рубищемъ, или карабкается на горы и скалы. За то эта жизнь и совершенная самостоятельность съ первыхъ лѣтъ необыкновенно закаляетъ этотъ народъ и развиваетъ въ нихъ замѣчательную ловкость и силу.

Прилежно работая цѣлый день, швейцарцы любятъ по вечерамъ проводить время у кого нибудь изъ пріятелей и почти каждый вечеръ они условливаются, гдѣ собраться на другой день, выбирая при этомъ такого хозяина, у кого домъ попросторнѣе. При свѣтѣ камина, или при тускломъ мерцаніи лампы, привѣшенной къ потолку, женщины занимаются шитьемъ и вязаньемъ, при этомъ онѣ ведутъ безконечные разсказы о чудесныхъ происшествіяхъ и о злыхъ духахъ. Но и въ этихъ росказняхъ, павѣянныхъ суевѣріемъ, здѣсь чаще чѣмъ гдѣ-бы то нибыло вы услышите разсказъ, правда большею частію чисто легендарный, о герояхъ родины. Замѣчательно, съ какими подробностями онѣ передаютъ всѣ факты ихъ жизни, какіе геройскіе подвиги онѣ имъ обыкновенно приписываютъ. Особеннымъ суевѣріемъ отличаются здѣшніе католики, и нерѣдко во время такой вечеринки своими разсказами женщины до того разстраиваютъ свое воображеніе, что вдругъ начинаютъ вскакивать съ своихъ мѣстъ и вслухъ читать длинныя молитвы, съ цѣлью заклинанія злыхъ духовъ и предохраненія себя отъ навожденія нечистой силы. Часто въ одинъ какой нибудь домъ вечеромъ собираются цѣлой общиной для переборки и плетенія соломы. По большей части на этихъ вечеринкахъ бываютъ и танцы подъ звуки скрипки.

Хотя свадьба во многихъ мѣстностяхъ Швейцаріи совершается безъ всякихъ церемоній и низводится на степень простаго гражданскаго договора, тѣмъ не менѣе молодежь ждетъ съ большимъ нетерпѣніемъ, когда ихъ подруга или товарищъ вступятъ въ бракъ. Во время свадьбы много танцуютъ, а швейцарцы до танцевъ страстные охотники, не мало ихъ тѣшатъ также обряды, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сопровождаются браки. Невѣсту наканунѣ свадьбы прячутъ отъ жениха, который, въ сопровожденіи своихъ товарищей, долженъ отыскать ее. Впрочемъ на это обыкновенно рѣшается только тотъ изъ нихъ, кто увѣренъ въ успѣхѣ, иначе онъ стыдится насмѣшекъ и шутокъ, которыя долго сыпятся на него въ случаѣ неудачи. Если онъ сразу найдетъ свою невѣсту, это служитъ предзнаменованіемъ, что онъ будетъ главою семейства и что во всѣхъ случаяхъ жизни жена будетъ вполнѣ ему подчинена. При этомъ такая догадливость возвышаетъ его въ глазахъ товарищей. Въ другихъ мѣстностяхъ часто послѣ долгихъ поисковъ, женихъ находитъ безобразную старуху, или большую, нарядно одѣтую куклу, при чемъ всѣ присутствующіе разражаются громкимъ смѣхомъ.

Въ нѣкоторыхъ кантонахъ свадьбу празднуютъ старинными пѣснями и танцами: одна изъ женщинъ беретъ вѣнокъ новобрачной и букетъ супруга, бросаетъ ихъ въ огонь и, если они сгорятъ ровнымъ пламенемъ, это обѣщаетъ молодымъ супружеское счастье. Кое-гдѣ начинаютъ исчезать старинные обычаи, сопровождающіе свадьбу, и единственнымъ увеселеніемъ служитъ пальба изъ мортиръ, или изъ другихъ первобытныхъ, на половину заржавленныхъ огнестрѣльныхъ орудій. Нерѣдко стрѣляютъ просто изъ деревянныхъ обрубковъ, въ которыхъ высверлены отверстія.

Швейцарцы съ необыкновеннымъ уваженіемъ и торжественностью встрѣчаютъ свои воскресные дни. Необыкновенно набожный по природѣ народъ въ эти дни прежде всего отправляется въ церковь. Тогда по всѣмъ тропинкамъ, прорѣзывающимъ зеленѣющіе луга, видны толпы разодѣтаго народа. Одежда женщинъ состоитъ изъ платья яркаго цвѣта, или изъ короткой юбки со множествомъ складокъ, отороченной чернымъ бархатомъ или красною матеріею, и бѣлой рубашки, стянутой корсажемъ, на которомъ висятъ серебряныя или стальныя цѣпи; нѣкоторыя изъ нихъ носятъ также бѣлые передники. Волосы падаютъ длинными косами, перевитыми разноцвѣтными, яркими лентами; у другихъ онѣ приколоты на головѣ серебряною стрѣлкою. Почти въ каждомъ кантонѣ свой нарядъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторое измѣненіе въ головномъ уборѣ женщинъ; однѣ носятъ шляпы, иногда въ высшей степени оригинальнаго фасона, другія чепчики, съ оттопыривающимися оборками и украшенные кружевами.

Церкви швейцарцевъ особенно оригинальны въ Альпійскихъ деревняхъ; большая часть ихъ самой первобытной архитектуры. Внутри храма по стѣнамъ обыкновенно найдете нѣсколько библейскихъ картинъ, или эпизодовъ изъ жизни святаго, покровителя мѣстности; но замѣчательнѣе всего то, что среди этихъ картинъ вы нерѣдко видите разрисованнаго чертика съ рогами и когтями. Не мало церквей богатыхъ и изящныхъ, которыми тщеславится одна община передъ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подлѣ церкви находятся небольшія капеллы, гдѣ хранятся кости и въ которыхъ скелеты разложены въ большомъ порядкѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохраняются подъ стекломъ черепа людей, признаваемыхъ народомъ за святыхъ.

По окончаніи службы, женщины отправляются на кладбище и украшаютъ могилы родственниковъ живыми цвѣтами, или обвѣшиваютъ простой черный крестъ на ней вѣнками иммортелей. Мужчины слушаютъ на площади передъ церковью, или въ какомъ нибудь общественномъ мѣстѣ, чтеніе законовъ и декретовъ и тутъ сообща много толкуютъ объ этомъ. Послѣ обѣда женщины отправляются гулять съ дѣтьми, а мужчины гдѣ нибудь на площадкѣ играютъ въ мячъ, а еще чаще стрѣляютъ въ цѣль.

Но вотъ наступаетъ вечеръ: при первыхъ звукахъ музыки толпа сбѣгается со всѣхъ сторонъ на лугъ и начинаются танцы. Оркестръ обыкновенно состоитъ изъ двухъ, трехъ скрипокъ и иногда даже гармоники. Музыканты такъ усердствуютъ, выбиваютъ тактъ ногами, припѣваютъ, что потъ обыкновенно катится съ нихъ градомъ. Но это заставляетъ молодежь еще болѣе увлекаться. Испанской граціи тутъ нѣтъ: швейцарка обыкновенно средняго роста, полная и съ тяжелой поступью, тѣмъ не менѣе танцамъ она отдается съ неменьшею страстію. Танцуютъ обыкновенно или вальсъ, или круговую пляску; при этомъ всѣ держатся за руки и вертятся вокругъ съ криками и припѣвами.

На другомъ лужку идетъ «метаніе камней». Парень беретъ обѣими руками камень, держитъ его на одной высотѣ съ плечомъ и затѣмъ, раскачиваясь взадъ и впередъ всѣмъ корпусомъ, вытягиваетъ руку и пускаетъ камень въ цѣль. При этомъ нѣсколько человѣкъ обыкновенно держатъ пари и проигравшіе даютъ имъ ременный вышитый поясъ, полъ-бутылки вина, кошелекъ съ одною серебряною монетою или что нибудь въ этомъ родѣ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ церковь и кладбище находятся недалеко отъ дома, погребеніе совершается какъ вездѣ. Гробъ обыкновенно несутъ друзья покойнаго; но тамъ, гдѣ церкви отстоятъ далеко отъ жилищъ, гробъ привязываютъ

лѣтомъ на маленькую двухколесную телѣжку, запрягаютъ лошадь, мула, быка или корову и въ сопровожденіи одного изъ членовъ семейства отправляютъ на кладбище. Тутъ уже стоятъ друзья и родственники покойнаго и встрѣчаютъ молитвами, которыя они читаютъ вслухъ. Зимою это путешествіе совершается еще проще: гробъ крѣпко привязываютъ къ санямъ веревками, одинъ изъ родственниковъ садится на передокъ и, управляя ногами, спускается съ горы. Въ большинствѣ случаевъ на могилѣ покойнаго говорятъ рѣчь.

Занятія народа дома и на чужбинѣ.—Рабочіе: ихъ характеръ и отношенія къ фабриканту.

Швейцарскій народъ зарабатываетъ свой насущный кусокъ хлѣба разными промыслами. Промыслы эти такъ же разнообразны, какъ сама природа. Въ сѣверныхъ кантонахъ главное занятіе сельскихъ жителей — *земледѣліе.* Хотя огромныя пространства земли покрыты рѣками, озерами и ледниками, здѣсь много засѣваютъ зерноваго хлѣба. Не смотря на это, его недостаетъ для пропитанія населенія, и Швейцарія каждый годъ покупаетъ хлѣба за границею среднимъ числомъ болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ франковъ. Большимъ подспорьемъ служатъ *виноградники*, которые здѣсь разводятъ на огромныхъ пространствахъ. Изъ винограда здѣсь не только приготовляютъ вино, но, пересыпавъ его сочныя грозды опилками, ихъ отправляютъ за границу; кромѣ того множество иностранцевъ пріѣзжаетъ сюда лѣчиться виноградомъ и много покупаютъ его у мѣстныхъ жителей. Хорошо умѣютъ также швейцарцы ухаживать за своими садами и ихъ фрукты отличаются не только вкусомъ, но и огромной величиною.

Другая отрасль народной промышленности сосредоточивается въ городахъ. Главное производство—*часы*, табакерки съ музыкою и всевозможныя ювелирныя издѣлія. Женевскіе часы по всему свѣту пользуются громкой славой и производствомъ ихъ занято большинство рабочихъ рукъ, а именно до 36 тысячъ человѣкъ.

Видное мѣсто занимаетъ также *хлопчатобумажное* производство. Рабочіе занимаются имъ не только въ городахъ на фабрикахъ, но нерѣдко имѣютъ на дому станки, и ткутъ, не разставаясь съ семьей. Такія занятія очень любятъ рабочіе: онѣ не разлучаютъ ихъ съ семьею, могутъ быть всегда полезны въ домѣ и такимъ образомъ заработокъ ихъ гораздо лучше сохраняется. Жизнь въ городѣ обыкновенно обходится такъ дорого, что нерѣдко всѣхъ добытыхъ денегъ едва хватаетъ на прожитье. Работающихъ однако дома на станкахъ, сравнительно съ фабричными рабочими, несравненно меньше.

Ремесла не особенно процвѣтаютъ въ Швейцаріи, кромѣ впрочемъ одного—*рѣзьбы на деревѣ*, которымъ такъ славится эта страна. По отдѣльнымъ вещичкамъ этой рѣзьбы, которыя иностранцы вывозятъ изъ этой страны, нельзя получить ни малѣйшаго понятія о изумительной тонкости, изяществѣ, которую пріобрѣли швейцарцы въ этомъ дѣлѣ. Во всѣхъ наиболѣе посѣщаемыхъ иностранцами мѣстахъ грудами разложены эти превосходныя рѣзныя вещи, которыя наглядно рисуютъ не только всю швейцарскую природу, но и жизнь ея согражданъ. Тутъ вы видите высочайшія горы и скалы, по которымъ пробираются козы и серны, охотника, подстерегающаго добычу, беззаботнаго козопаса, свѣсившагося со скалы, коровъ съ бубенчиками, шалэ со множествомъ животныхъ, косца, съ громадною ношею сѣна, пробирающагося по страшнымъ

скалистымъ выступамъ, танцующую молодежь, пастуховъ съ бумагами въ рукахъ, обсуждающихъ важныя государственныя дѣла.

Множество народа промышляютъ охотою, скотомъ, молочными продуктами. Весьма многіе занимаются сплавомъ лѣса, лѣсопромышленностью, служатъ иностранцамъ носильщиками и еще больше проводниками, — послѣдніе составляютъ здѣсь огромный классъ людей.

Нерѣдко швейцарецъ сколачиваетъ себѣ изрядный капиталъ заработкомъ на чужбинѣ. Правда, приэтомъ его сильно гложетъ тоска по родинѣ, но также сильно въ немъ стремленіе испытать счастье на чужбинѣ. Нерѣдко здѣсь приходится прочесть въ газетахъ, что такой-то швейцарецъ, родомъ изъ Люцерна или другой какой мѣстности, умеръ 25 лѣтъ отъ тоски по родинѣ. Тессинцы чаще всего отправляются въ Италію, такъ какъ они сами говорятъ по итальянски: тамъ они дѣлаются каменотесами, стекольщиками, добываютъ гипсъ, жарятъ каштаны. Больше всего, кажется, отправляется искать счастья Граубинденцевъ: снабженные рекомендательными письмами и небольшою суммою денегъ, они, нанявъ вмѣсто себя для исполненія своихъ работъ тирольцевъ, отправляются въ главнѣйшіе города Европы. Тутъ они поступаютъ въ кондитерскія, въ кофейни и въ ликерныя лавки, иногда въ качествѣ опытныхъ рабочихъ, а нерѣдко даже и учениками. На чужбинѣ всѣ они живутъ необыкновенно уединенно, напрягая всѣ мысли и силы, чтобы скопить себѣ денегъ. На свои удовольствія они не только не израсходуютъ ни одной копѣйки изъ жалованья, но даже и изъ денегъ, получаемыхъ на водку. Они мало сходятся съ иностранцами, еще меньше дружатъ съ ними и, лишь только скопятъ капиталъ, непремѣнно возвращаются на родину. Сколько-бы лѣтъ они ни провели за границею, они возвращаются въ родное гнѣздо, къ друзьямъ, съ которыми постоянно переписывались, въ общину, съ которой свято хранили связи. Однако не только указанными нами промыслами занимаются швейцарцы за границей; кругъ дѣятельности ихъ чрезвычайно разнообразенъ. Французская Швейцарія разсылаетъ въ разныя стороны множество слугъ, которыхъ охотно берутъ уже потому, что они хорошо говорятъ по французски. Не мало хозяева различныхъ странъ выписываютъ себѣ опытныхъ швейцарскихъ сыроваровъ; впрочемъ теперь это случается рѣже, такъ какъ многія страны уже опередили швейцарцевъ въ молочномъ хозяйствѣ и сыровареніи. Но еще больше Швейцарія отправляетъ въ чужія края нянюшекъ, гувернантокъ, воспитателей и воспитательницъ. Нѣкоторые швейцарцы отправляются даже въ Калифорнію и Австралію искать золото и алмазы. Здѣсь не рѣдки случаи, что бѣдный пастухъ пріѣзжаетъ довольно зажиточнымъ человѣкомъ; но какъ бы онъ ни разбогатѣлъ, онъ никогда не перестанетъ работать. Значительнымъ заработкомъ для швейцарцевъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и новыхъ временъ была военная служба на чужбинѣ и изъ нихъ не рѣдко формировали тамъ цѣлыя войска. Закономъ 1859 года швейцарцамъ запрещено вступать въ войска, составленныя изъ ихъ собратій, но имъ не запрещено и теперь еще вступать на службу въ иностранную армію и служить тамъ съ цѣлью усовершенствоваться въ военномъ дѣлѣ.

Швейцарскіе фабричные рабочіе лучше ѣдятъ и пользуются лучшими помѣщеніями, чѣмъ ихъ собратья въ другихъ странахъ Европы. Правда, рабочій нерѣдко получаетъ здѣсь гораздо меньшій заработокъ, чѣмъ въ Германіи и Франціи, но онъ живетъ гораздо лучше. Это зависитъ отъ очень многихъ причинъ. Какъ бы ни спеціализировался фабричный рабочій въ томъ или дру-

гомъ производствѣ, но онъ никогда не доходитъ здѣсь до того, что становится негоднымъ къ сельской жизни. Теряя работу на фабрикѣ, или оставляя ее по какой нибудь причинѣ, онъ, не задумываясь, берется за плугъ, лопату или косу. Не мало помогаетъ этому замѣчательная бережливость и простота домашней жизни и обстановки, но еще болѣе благопріятствуетъ хорошему положенію рабочихъ ихъ порядочныя дружескія отношенія къ фабриканту. Мы видѣли во Франціи, какая пропасть лежитъ между фабричнымъ рабочимъ и его хозяиномъ, какую ненависть питаетъ къ нему его рабочій. Совсѣмъ другое въ Швейцаріи: въ отношеніяхъ между хозяиномъ и рабочимъ не замѣтно никакой натянутости. Какъ бы ни разбогатѣлъ швейцарскій фабрикантъ, онъ никогда не окружаетъ себя роскошью и блескомъ. Дочери его, какъ и прежде, продолжаютъ танцовать на лугу съ рабочими; онъ самъ, какъ и его рабочій, членъ однихъ и тѣхъ же обществъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ отправляется въ кафе, въ церковь, разсуждаетъ на площади о дѣлахъ своей общины и своего кантона. Единственное различіе, которое бываетъ здѣсь между фабрикантомъ и его рабочимъ, — то, что первые стараются дать высшее образованіе своимъ дѣтямъ, которое только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ получить сынъ фабричнаго. Большая часть швейцарскихъ фабрикантовъ хлопочутъ объ улучшеніи положенія рабочаго. Въ Аппенцелѣ напр., хозяева старались доставать работу фабричнымъ и ремесленникамъ даже въ то время, когда производство, отъ котораго зависѣла жизнь многихъ семействъ, было убыточно для самихъ капиталистовъ. Они знали, что когда кризисъ пройдетъ, благодарные рабочіе вознаградятъ своимъ усердіемъ убытки, понесенные хозяевами. Въ Гларусѣ, Аппенцелѣ и другихъ кантонахъ фабриканты дѣлаютъ щедрые взносы и пожертвованія для образованія капиталовъ, при помощи которыхъ рабочимъ и ихъ семействамъ доставляются средства къ образованію, пособія во время болѣзни, удобныя жилища и проч., при чемъ стараются придать всѣмъ этимъ предпріятіямъ не филантропическій, а экономическій характеръ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что положеніе швейцарскаго рабочаго не оставляетъ желать ничего лучшаго; напротивъ, тамъ многое необходимо измѣнить: работа продолжается только на немногихъ фабрикахъ 11 и еще рѣже 10 часовъ, а то бываетъ 12 и даже 13. Мы хотѣли только сказать, что свободныя учрежденія страны, гдѣ рабочіе совершенно свободно могутъ отстаивать уменьшеніе рабочихъ часовъ, хорошія отношенія къ хозяевамъ, которые своею обстановкой и складомъ жизни не возбуждаютъ ни малѣйшей зависти, — все это служитъ залогомъ улучшенія въ будущемъ жизни фабричныхъ рабочихъ и скрашиваетъ много темныхъ сторонъ.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

Праздники стрѣлковъ, пѣвцовъ и борцевъ. — Народныя представленія на открытомъ воздухѣ.— Мѣстные праздники: виноградарей въ Веве; празднованіе масляницы въ Базелѣ; сожиганіе зимы въ Цюрихѣ.

Кто познакомится со всѣми швейцарскими праздниками въ продолженіи года, подумаетъ, что швейцарцы болѣе предаются наслажденію и развлеченіямъ, чѣмъ труду, — но это совершенно невѣрно, они только слѣдуютъ пра-

вилу древняго римскаго поэта соединять полезное съ пріятнымъ. Во всѣхъ своихъ праздникахъ они преслѣдуютъ чисто патріотическія цѣли. Къ числу такихъ праздниковъ принадлежатъ праздники общества стрѣлковъ. Искуство стрѣльбы высоко цѣнится между швейцарцами уже по одному тому, что Телль былъ искуснымъ стрѣлкомъ. Въ іюлѣ 1872 года былъ огромный праздникъ этого общества: нѣсколько тысячъ стрѣлковъ, не только со всѣхъ концевъ Швейцаріи, но даже многіе и изъ другихъ странъ собрались сюда на это празднество. Наиболѣе искусные стрѣлки получаютъ призы; на этотъ разъ сдѣлано болѣе милліона выстрѣловъ и первый призъ, состоящій изъ серебрянаго сервиза, былъ поднесенъ простому рабочему. Хотя съ этой минуты стрѣлокъ дѣлается *королемъ*, тѣмъ не менѣе къ его домашнему хозяйству эта драгоцѣнная вещь совсѣмъ не подходила и онъ продалъ сервизъ за 4 тысячи франковъ городскому совѣту. Нѣкоторые изъ стрѣлковъ дѣлаютъ даже изъ своего искуства выгодное ремесло. Такъ не давно въ Базелѣ умеръ король стрѣлковъ, который составилъ себѣ состояніе въ 40 тысячъ франковъ. Обычай давать дорогіе призы составляетъ рѣзкую противоположность древнимъ обычаямъ швейцарцевъ награждать побѣдителей въ стрѣльбѣ парою штановъ. Національный характеръ этого празднества особенно высказывается въ безчисленныхъ рѣчахъ. Когда какое нибудь общество стрѣлковъ изъ другаго кантона, или даже иностранное, торжественно выходитъ съ своимъ знаменемъ, то ораторы одинъ за другимъ держатъ рѣчи, на которыя должны отвѣчать члены комитета, завѣдывающаго праздникомъ, но всего сильнѣе льется краснорѣчіе вечеромъ. Всѣ балконы и наружныя стѣны домовъ съ необыкновеннымъ изяществомъ убраны флагами, цвѣтами и гирляндами. Тамъ, гдѣ должны проходить стрѣлки, устраиваютъ тріумфальныя арки; при этомъ то тамъ, то здѣсь появляется на крышѣ человѣкъ, который силится заставить себя слушать: «Пронзивъ мѣткою стрѣлою сердце врага и угнетателя родины, Телль хотѣлъ избавить народъ отъ притѣснителей, пламенно желалъ для страны свободы и разумнаго законодательства. То и другое, господа, мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе образъ великаго спасителя долженъ быть запечатлѣнъ въ нашихъ сердцахъ. Завоевывать свободу намъ не надо, но мы будемъ поддерживать ее до послѣдней капли крови». Раздаются аплодисменты, крики браво, съ балконовъ бросаютъ въ стрѣлковъ букеты и гирлянды и они наконецъ вступаютъ на лугъ, гдѣ и стрѣляютъ въ цѣль.

Нѣкоторые швейцарцы полагаютъ, что чѣмъ многочисленнѣе будетъ собраніе стрѣлковъ, тѣмъ болѣе національный характеръ получитъ празднество. Но очень многіе предпочитаютъ собранія стрѣлковъ отдѣльныхъ кантоновъ и даже общинъ и особенно возстаютъ противъ призовъ, которые стали придавать празднествамъ стрѣлковъ какой-то спекулятивный характеръ. Этому содѣйствуетъ также и то, что, при устройствѣ обширнаго собранія, акціонерное общество беретъ обыкновенно на себя всѣ издержки по этому предмету, и потому желающій участвовать въ стрѣльбѣ долженъ внести по крайней мѣрѣ 40 франковъ.

Общества пѣвцовъ состоятъ тоже изъ большаго числа членовъ. Первый союзный праздникъ пѣвцовъ былъ въ 1842 году и съ тѣхъ поръ эти праздники чередовались съ большими стрѣлковыми: одинъ годъ бываетъ праздникъ пѣвцовъ, другой — стрѣлковъ. Любители пѣнія могутъ выслушать на этихъ празднествахъ, кромѣ общихъ хоровъ, всѣ состязанія отдѣльныхъ ферейновъ (обществъ). Они познакомятся здѣсь, какъ съ народными пѣснями швейцар-

цевъ, такъ и съ различными романсами на нѣмецкомъ, французскомъ, итальянскомъ и романскомъ языкахъ.

Для праздника *бойцевъ* выбираютъ обыкновенно какой нибудь центральный пунктъ, такъ чтобы бойцы сосѣднихъ долинъ могли также принимать участіе въ бою, потому что всякій интересуется знать, на чьей сторонѣ окажется побѣда.

Когда праздникъ бойцевъ приближается, то желающіе принимать въ немъ участіе заранѣе начинаютъ дѣлать нѣкоторыя приготовленія: они стараются избѣгать всякой утомительной работы, заботятся о своемъ тѣлѣ и употребляютъ въ пищу самыя укрѣпляющія кушанья. Утромъ, въ самый день праздника, конкуренты обѣихъ партій собираются въ трактирѣ, каждый вибираетъ себѣ противника, и всѣ пьютъ и болтаютъ съ неподражаемымъ благодушіемъ. Въ назначенный часъ все собраніе выступаетъ съ музыкою во главѣ, бойцы идутъ попарно, впереди ихъ несутъ призы, и все это движется къ назначенному мѣсту, гдѣ уже ожидаетъ громадная толпа зрителей; по большей части выбирается такая мѣстность, которая имѣла бы видъ амфитеатра и была слегка покрыта мягкою и мелкою травою. Судъ экспертовъ, т. е. людей вполнѣ опытныхъ и въ совершенствѣ знающихъ свое дѣло, уже занялъ свои мѣста, остальная публика размѣстилась громаднымъ кругомъ, въ центрѣ котораго начинаютъ устанавливаться бойцы. Прежде всего они сбрасываютъ съ себя все лишнее изъ одежды и остаются въ одной рубашкѣ, чулкахъ и панталонахъ, сверхъ которыхъ надѣваютъ особенные, нарочно устроенные для драки коротенькіе штаны, доходящіе только до колѣнъ и сшитые изъ очень крѣпкой матеріи. Въ такомъ видѣ бойцы должны сходиться попарно, слѣдуя въ извѣстномъ порядкѣ и придерживаясь того правила, чтобы сначала дрались слабѣйшіе, а потомъ сильнѣйшіе... Прежде чѣмъ вступать въ бой, противники должны подать другъ другу руки, въ знакъ того, что не имѣютъ между собою никакой вражды, и что борьба будетъ вестись самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Грудь и воротъ рубашки должны быть растегнуты и нисколько не стѣснять дыханія, а рукава засучены выше локтя, чтобъ всѣ движенія были какъ можно свободнѣе. Согласно древнему обычаю, костюмы должны быть одинаковые у всѣхъ; главнѣйшимъ образомъ наблюдаютъ, чтобъ не было завязокъ и снурковъ, потому что во время борьбы, въ особенности если она долго и упорно продолжается, малѣйшая неисправность въ одеждѣ можетъ рѣшить побѣду въ ту или другую сторону. Наконецъ бой начинается: на арену выступаетъ первая пара бойцовъ; глаза ихъ горятъ отъ нетерпѣнія и отъ увѣренности въ успѣхѣ. Они спокойно схватываются другъ съ другомъ, грудь съ грудью, правая рука одного крѣпко охватываетъ поясъ другаго, а лѣвая зацѣпляетъ за нижнюю часть его короткихъ штановъ. Иногда они начинаютъ бой стоя, иногда опускаются на колѣни, смотря потому, какъ имъ кажется удобнѣе...

«Опытные бойцы долго таскаютъ другъ друга по аренѣ, кружатся и толкаютъ одинъ другаго, въ ожиданіи момента, когда можно будетъ нанести рѣшительный ударъ. Въ это время они думаютъ только объ одномъ,— чтобъ крѣпче устоять на ногахъ; руки ихъ лежатъ неподвижно, какъ каменныя, и при концѣ трудно бываетъ отличить, кому изъ двухъ онѣ принадлежатъ; лишь только одинъ какъ нибудь зазѣвается, другой тотчасъ же пользуется его промахомъ. Но иногда случается, что оба они такъ долго не уступаютъ другъ другу, что совершенно изнемогаютъ въ борьбѣ, потъ льетъ съ

нихъ градомъ, они едва переводятъ дыханіе и наконецъ оба ложатся на траву. Тутъ имъ подаютъ стаканъ ві , который они выпиваютъ вмѣстѣ, затѣмъ встаютъ, натираютъ руки землей, чтобъ сдѣлать ихъ тверже, и сраженіе возобновляется съ удвоенными силами.

«Пока бойцы только пытаютъ свои силы, въ кругу царствуетъ глубочайшее безмолвіе, но лишь только одинъ изъ нихъ приподнятъ съ земли, лишь только они сцѣпились ногами и отчаянная борьба завязалась, какъ все собраніе оживаетъ, всѣ съ чрезвычайнымъ любопытствомъ слѣдятъ за малѣйшими подробностями битвы, и партія, державшая пари за котораго нибудь изъ бойцовъ, ободряетъ его громкими криками. Наконецъ, одинъ теряетъ равновѣсіе, противникъ схватываетъ его, приподнимаетъ, сгибаетъ и опрокидываетъ на землю»...

Во время различныхъ празднествъ тутъ существуютъ совершенно оригинальныя представленія на открытомъ воздухѣ: драмы и комедіи представляютъ не актеры, а простой народъ. Участвующихъ бываетъ иногда чрезвычайно много, нѣсколько сотъ человѣкъ; при этомъ сюжеты пьесъ очень разнообразны: драматизированныя событія изъ швейцарской жизни, сцены изъ настоящей и прошлой домашней жизни и т. п.

Чаще другихъ на сценѣ фигурируетъ Вильгельмъ Телль, но не забыты и другіе народные герои и замѣчательные факты изъ швейцарской исторіи. Въ 1869 г. на масляницѣ въ Рихтерсвилѣ, на берегу Цюрихскаго озера, была дана пьеса, гдѣ была изображена храбрая борьба Нидвальденцевъ (полукантонъ Унтервальдена) противъ французовъ въ 1798 г. Представленіе вышло чрезвычайно величественно. Все населеніе Рихтерсвиля и окрестныхъ мѣстностей собралось смотрѣть пьесу. Участвующихъ въ представленіи было болѣе 500 человѣкъ. На сценѣ, крышей которой было чудное голубое небо, представлена была древняя башня, далѣе виднѣлась колокольня Станца. Французы съ двумя пушками собрались на берегу озера, и вотъ французскій генералъ, роль котораго игралъ статный пивоваръ, обращаясь къ своимъ войскамъ, начинаетъ подстрекать ихъ къ битвѣ съ пастухами. Затѣмъ французы входятъ на приготовленную флотилію. Нидвальденцы, въ бѣлыхъ пастушескихъ рубашкахъ, съ отрядомъ стрѣлковъ, ожидаютъ на холмѣ непріятеля. Направо отъ башни и въ ней самой стоитъ огромная толпа женщинъ Унтервальдена, пылающихъ воинственнымъ азартомъ. Между врагами начинается перестрѣлка, пока французы не принуждаютъ нидвальденцевъ къ отступленію; но швейцарскія женщины и въ это время продолжаютъ бросать во французовъ каменьями. Однако перевѣсъ непріятелей былъ слишкомъ великъ. У хижинъ Станца загорѣлась послѣдняя борьба, пока не была подожжена деревня и не истраченъ весь порохъ. Послѣ четырехчасовой битвы «французы и нидвальденцы», закопченные дымомъ, но невредимые, всѣ вмѣстѣ возвратились въ мѣстечко, гдѣ распорядители праздника встрѣтили рѣчью воиновъ и воительницъ и распустили ихъ по домамъ съ криками въ честь отечества.

Въ пьесѣ «Крестьянская война 1653 г.» принимаютъ участіе около 400 лицъ. Тутъ происходятъ сраженія, правильно исполненныя, съ пѣхотою, кавалеріею и артиллеріею.

Лѣтъ десять тому назадъ много говорили о японскомъ посольствѣ, разъѣзжавшемъ по Европѣ. Въ Швейцарію оно не пріѣхало, но торговые интересы требовали, чтобы въ Японію было отправлено швейцарское посольство. По этому поводу въ публикѣ много шутили и смѣялись. Жители Швица вос-

пользовались этимъ для большой драмы, которая спустя 3 — 4 года и была представлена нѣсколько разъ. Заглавіе пьесы довольно оригинально: «Швейцарія въ Японіи, — большой японско-швейцарскій придворный праздникъ въ Іеддо-Швицѣ». Въ шуточномъ тонѣ, но въ тоже время съ тонкою сатирою; тутъ касаются современныхъ событій, какъ ближайшихъ, такъ и отдаленныхъ, отечественныхъ и иностранныхъ.

Пьеса «Дома и на чужбинѣ» въ 6 актахъ. Въ ней между прочимъ представлена вербовка швейцарцевъ въ иностранную службу. Тутъ являются французскіе и нѣмецкіе вербовщики и одинъ передъ другимъ даютъ щедрыя обѣщанія. Наиболѣе любимый шестой актъ — выселеніе. Въ торжественномъ шествіи выступаютъ американскіе краснокожіе, швейцарскій пастухъ и отправляется торговая экспедиція въ Тобольскъ: купецъ, закутанный въ мѣха, сидитъ на санкахъ, запряженныхъ собаками. При этомъ поютъ, произносятъ стихи, въ которыхъ высказываютъ, что, куда бы ни ѣхали швейцарцы, они всегда будутъ вѣрны родинѣ.

Эти швейцарскія народныя представленія продолжаются очень долго, но актеры—мѣстное юношество—неутомимы, а публика весьма терпѣлива. Актеры и актрисы такъ превосходно заучиваютъ свои роли, что не нуждаются въ суфлерѣ.

Изъ мѣстныхъ праздниковъ особенно замѣчателенъ праздникъ виноградарей въ Веве. Его устраиваютъ довольно рѣдко: черезъ 6, 8, а иногда даже и 14 лѣтъ. Вслѣдствіе этого народу на этотъ праздникъ собирается чрезвычайно много: такъ напр. въ 1865 г. было до 11,000 человѣкъ.

Въ самый день праздника, въ 7 часовъ утра, уже всѣ окна и стѣны домовъ убраны плющемъ и цвѣтами, устроено множество тріумфальныхъ арокъ, черезъ которыя и проходятъ главныя дѣйствующія лица того праздника, числомъ около 1,300 человѣкъ. Прежде всего въ этой группѣ бросается въ глаза Палесъ (богиня пастуховъ), окруженная огромною свитою въ бѣлыхъ и голубыхъ одеждахъ; въ другой группѣ Церера (богиня плодородія),—ея свита въ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ; въ третьей группѣ Бахусъ (богъ вина) — и окружающіе его убраны виноградными лозами и плющемъ. Бахуса представляетъ ребенокъ 7 — 8 лѣтъ. Палесъ въ этомъ торжествѣ олицетворяетъ весну, Церера — лѣто, Бахусъ — осень; прежде они изображали три главныхъ занятія швейцарцевъ: скотоводство, земледѣліе и винодѣліе. Это шествіе двигается къ площади. Три пѣвца всходятъ на трибуну и открываютъ праздникъ пѣснью въ честь отечества и прославленіемъ свободы. Затѣмъ поетъ хоръ. Главный актъ этого празднества—раздача призовъ. Послѣ рѣчи президента увѣнчиваютъ двухъ виноградарей, которые наиболѣе отличились за это время въ своемъ дѣлѣ. Другимъ раздаютъ медали, преміи. Въ антрактахъ между рѣчами и раздачею наградъ поютъ пѣсни, между которыми непремѣнно услышишь «ranz des vaches»—пастушеская пѣсня. Затѣмъ въ огромной процессіи обходятъ весь городокъ; тутъ представители различныхъ промысловъ идутъ группами и несутъ соотвѣтствующія орудія и снаряды: такъ напр. виноградари несутъ свой ножъ, которымъ они обрѣзываютъ лозы. Въ процессіи ведутъ также коровъ, убранныхъ цвѣтами и большими бубенчиками, овецъ, разукрашенныхъ лентами, и огромнаго барана.

Швейцарцы очень любятъ барабанный бой, такъ что по послѣдней переписи въ одномъ Базелѣ нашли до 2,700 барабановъ, исключительно служащихъ для развлеченія. Но Базель спокойный городъ, и въ немъ нельзя барабанить,

когда вздумается. Чтобы доставить народу увеселеніе, и позволяютъ барабанить одинъ день на масляницѣ. Задолго передъ этимъ базельское юношество неутомимо готовится къ празднику. Эти репетиціи на барабанахъ исполняются огромными компаніями за городскими воротами, подъ руководствомъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Молодежь этимъ однако не удовлетворяется и все свободное время этой недѣли употребляетъ на упражненія. Чтобы пощадить родительскіе уши и не пугать малыхъ ребятъ, они отправляются въ погреба и, разгоняя при первыхъ звукахъ крысъ и мышей, упражняются, сколько хватитъ силы. Настаетъ наконецъ разсвѣтъ желаннаго дня. По старому обычаю зорю бьютъ уже въ 4 часа. Но еще ранѣе улицы и дома ярко освѣщены и на сборныхъ мѣстахъ стоятъ барабанщики и флейтисты. У каждой группы есть огромный прозрачный и разрисованный фонарь съ различными надписями. Тутъ же стоятъ замаскированные, которые подсмѣиваются и мѣтко острятъ. Но вотъ бьетъ 4 часа. Тамбуръ-мажоръ потрясаетъ своимъ жезломъ, раздается старинный швейцарскій маршъ подъ акомпаниментъ флейты, и шествіе двигается по улицамъ города. Весь Базель оглашается страшнымъ шумомъ: отъ него избавлены только тѣ улицы, въ которыхъ есть опасные больные. Объ этомъ дѣлаютъ заранѣе распоряженіе въ газетахъ. Во время шествія тамбуръ-мажоръ возбуждаетъ удивленіе толпы ловкимъ подбрасываніемъ своего жезла. Долго ходятъ такимъ образомъ; только у извѣстныхъ трактировъ останавливаются отъ времени до времени чтобы подкрѣпить свои силы. Въ этотъ день и кушанья особыя: мучная размазня, пирожки съ начинкой, сильно приправленной лукомъ. Ровно въ 7 часовъ барабанный бой и звуки флейты прекращаются. Нужно замѣтить, что въ этой процессіи участвуетъ и много мальчиковъ 10—11 лѣтъ. Иной изъ нихъ и сильно устанетъ, и раньше другихъ захочетъ ѣсть, но ни за что не выдастъ себя. Когда оканчивается первый актъ торжества, онъ съ необыкновеннымъ мужествомъ подходитъ къ родителямъ, чувствуетъ себя на цѣлую голову выше своего возраста и ни за что въ тотъ день не позволитъ матери поцѣловать себя, такъ какъ считаетъ, что такія нѣжности неприличны для воина.

Послѣ обѣда въ этотъ день и до самой ночи двигаются костюмированныя группы. Когда стемнѣетъ, снова появляются большіе фонари съ надписями и рисунками. Такъ напримѣръ на масляницѣ прошлаго года на одномъ изъ такихъ фонарей появилась громадная прусская каска, которая возбудила общее веселье и заставила покраснѣть тѣхъ, которые въ этотъ годъ сильно мечтали объ ней.

Не менѣе любопытенъ праздникъ сожиганія зимы въ Цюрихѣ и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Швейцаріи. Праздникъ этотъ особенно интересуетъ дѣтей.

Когда колоколъ Гросмюнстерской башни ударитъ въ 6 часовъ пополудни въ знакъ того, что для рабочихъ начинается лѣтнее полугодіе, на различныхъ городскихъ площадяхъ устраиваютъ костры и подлѣ торчитъ укрѣпленная на шестѣ соломенная кукла, по одеждѣ и сѣдой бородѣ которой видно, что она должна представлять зиму. Когда раздастся звукъ колокола, то мальчики, которые цѣлый день сносили матеріалы для костровъ, теперь бросаются зажигать ихъ. Раздаются выстрѣлы и звуки барабана. Костры окружаетъ огромная толпа народа всякаго возраста. Когда пламя сдѣлается яркимъ и начнетъ касаться шеста, дѣти въ ту же минуту сбрасываютъ чучело въ огонь.

ОБРАЗОВАНІЕ.

Школьныя зданія. — Положеніе учителя. — Отношеніе народа къ школѣ.—Обученіе. — Кретины и другіе больные.

Школа—самое свѣтлое явленіе швейцарской жизни. «Единственные дворцы, которые существуютъ у насъ, посвящены образованію», сказалъ швейцарецъ, указывая иностранцу на свои школы, — и имѣлъ полное право это сказать. «Красивѣйшее зданіе, которое видитъ швейцарецъ, выходя изъ своего дома, сельская школа или кантональная школа, смотря по тому, гдѣ онъ живетъ, въ деревнѣ или въ городѣ. Тюрьма, рабочій домъ, даже ратуша иногда скрываются отъ глазъ любопытныхъ въ какомъ нибудь уединенномъ уголкѣ. Но школа, академія, университетъ занимаютъ самое видное мѣсто въ селеніи или въ городѣ. Въ Цюрихѣ и Лозаннѣ, умственныхъ столицахъ Швейцаріи, красивѣйшія зданія—общественныя школы. Послѣ союзнаго дома въ Бернѣ политехническій институтъ въ Цюрихѣ есть великолѣпнѣйшее зданіе во всей странѣ, какъ по архитектурной красотѣ и блеску, такъ и по удобству расположенія и живописной обстановкѣ. «Наши дѣти, говорилъ одинъ ученый профессоръ, до того привыкли къ тому, что школа красивѣйшее зданіе въ городѣ, что за границей они впадаютъ въ самыя уморительныя ошибки. Такъ моя десятилѣтняя дочь, увидавъ блестящій фасадъ Версаля, воскликнула, хлопая въ ладоши: «Папа! папа! вотъ и школа, смотри! смотри!»

«Почти то же самое встрѣчаете вы и въ деревняхъ. Въ какомъ нибудь глубокомъ и мрачномъ ущельѣ съ обнаженными вершинами и клокочащими горными потоками, вы видите вокругъ себя рѣдкія сосны и кое-гдѣ на уступахъ разбросанныя хижины; вы не слышите никакихъ человѣческихъ звуковъ, и ничто не нарушаетъ монотоннаго плеска воды и шума листьевъ. «Ну, ужъ здѣсь нѣтъ школы! восклицаете вы, и черезъ нѣсколько шаговъ передъ вами возвышается четырехугольный бѣлый домикъ. Въ Англіи подобный домикъ былъ бы охотничьимъ пріютомъ, а здѣсь это сельская школа. Въ мѣстахъ, не столь уединенныхъ, эти школы устроены лучше и роскошнѣе. Поѣзжайте въ Сенъ-Галенъ, и тамъ на главной улицѣ, среди великолѣпнаго парка, вы увидите кантональную школу, которая поразитъ васъ своимъ великолѣпіемъ даже въ этой странѣ красивыхъ и удобныхъ школъ.»

Какъ ученики, такъ и народъ относятся къ учителю съ большимъ почтеніемъ. За разрѣшеніемъ вопросовъ, за совѣтами отправляются къ нему, и учитель вездѣ почти имѣетъ большое вліяніе на населеніе. Опредѣлить плату учителю невозможно, такъ какъ въ разныхъ кантонахъ она совершенно различна. Правда, одинъ путешественникъ говоритъ, что въ нѣкоторыхъ горныхъ деревняхъ школы такъ дурны устроены и учителя такъ бѣдны, что имъ приходится по очереди питаться у жителей. Среди снѣжныхъ вершинъ Швица, Ури, Граубиндена и Валлиса можно найти множество совсѣмъ безграмотныхъ. Но такія мѣстности рѣдкія исключенія.

Образованіе въ Швейцаріи обязательно повсюду, за исключеніемъ двухъ, трехъ маленькихъ кантоновъ, обитаемыхъ пастухами, и кантона Женевы. Родители, которые не посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, платятъ штрафъ и подвергаются тюремному заключенію. Но, разумѣется, это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда родители не могутъ доказать, что они даютъ дѣтямъ

домашнее образованіе. Дѣти обязаны посѣщать школу отъ 6 до 12-лѣтняго возраста въ кантонѣ Базелѣ и отъ 6 до 15 лѣтъ въ большинствѣ другихъ кантоновъ. Почти всюду недозволено держать на фабрикахъ дѣтей, которые не получили первоначальнаго образованія. Обученіе въ школѣ въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно основательное; недостатки его — излишняя узкость и практичность. Религія занимаетъ первое мѣсто въ преподаваніи и ему посвящена большая часть времени. Хорошо выучиваются дѣти ариѳметикѣ, родному языку; мальчиковъ непремѣнно обучаютъ маршированію и военнымъ пріемамъ, дѣвочекъ учатъ шитью и кройкѣ. Вотъ только въ этомъ послѣднемъ и заключается разница въ обученіи между мальчиками и дѣвочками; что же касается до остальныхъ предметовъ, то имъ обучаютъ одинаково, какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ самомъ легкомъ и популярномъ изложеніи знакомятъ ребенка съ исторіею страны и ея учрежденіями, развиваютъ голосъ и во многихъ мѣстахъ обращаютъ вниманіе на музыкальныя способности, но болѣе всего стараются развить патріотическое чувство. Вѣроятно вслѣдствіе этого здѣшніе школьники постоянно играютъ въ войны, постоянно бѣгаютъ съ знаменами въ рукахъ, съ криками «да здравствуетъ Швейцарія и всѣ наши союзники».

Школа—первая и главная забота каждой общины. Если въ селеніи найдется хоть 20 дѣтей 6, 7-лѣтняго возраста, мэръ и совѣтъ уже обязаны открыть школу и нанять учителя. Есть также и кантональныя школы, которыя содержитъ кантональное правительство.

Союзныхъ же школъ до сихъ поръ существуетъ одна во всей странѣ, это политехническій институтъ въ Цюрихѣ. Трудно перечесть множество школьныхъ празднествъ, который тамъ безпрестанно устраиваются. Вы то и дѣло встрѣчаете на улицахъ торжественную процессію: впереди музыка и флаги, потомъ до тысячи дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, за ними столько же мальчиковъ. Между группою мальчиковъ и дѣвочекъ идутъ: пасторъ, учитель, нѣсколько судей, совѣтниковъ. Шествіе замыкаютъ музыканты, пожарные въ каскахъ, полиція въ мундирахъ. Воздухъ оглашается пѣніемъ тысячи дѣтскихъ голосковъ, прерываемыхъ звуками трубъ и барабановъ. Спросите, что это за торжество и вамъ навѣрно отвѣтятъ, что это школьный праздникъ послѣ окончанія полугодоваго курса, или при его началѣ; выходъ изъ школы, вступленіе въ нее—все, каждый шагъ школьной жизни ознаменованъ торжествомъ.

Сельскія школы управляются самими поселянами, и всѣ безъ исключенія члены общины: пастухи-ли они, дровосѣки или совѣтники—должны принимать участіе въ управленіи общинными школами. Они участвуютъ въ выборѣ учителей и директора, и могутъ всегда посѣщать классы во время урока. Кромѣ слабоумныхъ, дѣтей съ огромными зобами и калѣкъ, которыхъ не принимаетъ ни одна школа, тутъ всѣ учатся грамотѣ, и на школьной скамьѣ вы встрѣтите дѣтей всѣхъ классовъ общества: сынъ лавочника, пастуха, или кабатчика сидитъ подлѣ сына профессора и т. п. Въ школѣ даже самыхъ бѣдныхъ и глухихъ кантоновъ васъ поразитъ необыкновенная чистота и опрятность учащихся. Тотъ же мальчикъ, который, весь растрепаный и испачканый, бѣгалъ по улицѣ, подходя къ школѣ, тщательно причесывается и умывается. Если онъ малъ и слабъ — объ этомъ уже заботятся родители, которые смотрятъ на вступленіе въ школу, какъ другіе на вступленіе въ святое мѣсто, въ божій храмъ. Если мальчикъ вбѣгаетъ въ школу грязнымъ, учитель, прежде чѣмъ начинать свои занятія, моетъ и прибираетъ его. Товарищи при этомъ смѣются

и стыдятъ новичка, говоря, что все это они всегда сами дѣлаютъ, и эта мѣра такъ хорошо дѣйствуетъ, что учителю никогда не приходится мыть ребенка больше двухъ, трехъ разъ во всей его школьной жизни.

За лѣность и школьныя провинности не существуетъ тѣлесныхъ наказаній; слѣдовательно у нихъ нѣтъ ни розогъ, ни пощечинъ, ни битья по головѣ... Дѣти такъ любятъ школу, что шалуну обыкновенно достаточно, чтобы опомниться, и одной угрозы, что завтра ему не позволятъ придти въ школу.

За большую же вину исключаютъ изъ школы на недѣлю, на двѣ и наконецъ самымъ тяжелымъ наказаніемъ служитъ окончательное исключеніе. Этого страшно боятся не только сами дѣти, но и родители, потому такіе случаи очень рѣдки. Дѣйствительно, исключеніе изъ школы почти равняется совершенной гибели. Правила о переходѣ изъ одной школы въ другую чрезвычайно строги, и ученика, выключеннаго съ дурнымъ аттестатомъ, только въ очень рѣдкихъ случахъ примутъ въ другой школѣ. При общемъ рвеніи къ ученію, въ горахъ нѣтъ неграмотнаго люда. Однако полному успѣху мѣшаетъ то, что въ продолженіи всего лѣта, а оно продолжается иногда болѣе полугода, бываютъ каникулы. Очень часто выученное зимою—дѣти забываютъ лѣтомъ, пася свои стада въ горахъ и не имѣя свободной минуты, чтобы раскрыть книгу. Такого ребенка иногда зимою приходится съизнова начинать учить.

Какъ ни строги правила общины, по которымъ каждый восьми лѣтній мальчикъ обязанъ ежедневно посѣщать школу, но съ суровой, дикой альпійской природою не въ состояніи бороться никакіе законы. Зимою на высокихъ Альпахъ жилища и дороги сплошь заноситъ снѣгомъ и бѣдному ребенку приходится дѣлать по три, по четыре версты, пробираясь по сугробамъ въ бурю и непогоду.

Тутъ мэры волей неволей смотрятъ сквозь пальцы на то, что дѣти неисправно посѣщаютъ школу.

Въ школѣ, какъ мы уже упомянули, не могутъ учиться калѣки: слабоумные, глухо-нѣмые, зобастые, т. е. съ большими зобами или наростомъ на шеѣ, и наконецъ кретины. А такихъ несчастныхъ очень и очень много въ глубокихъ Альпійскихъ долинахъ и между сельскимъ населеніемъ внутреннихъ кантоновъ. Чаще же всего они встрѣчаются въ долинѣ Роны. Страшно тяжелое впечатлѣніе производитъ кретинъ: крошечное туловище съ огромнымъ, выпятившимся зобомъ (кретины бываютъ также и безъ зоба) сидитъ на короткихъ, большею частью совсѣмъ кривыхъ ногахъ. Голова маленькая, неуклюже-сдавленная, лице безобразно-идіотское, съ огромными челюстями. Если вы подойдете къ нему, чтобы съ нимъ заговорить, онъ засуетится, безъ всякой надобности начнетъ бросаться изъ стороны въ сторону, поражаетъ васъ какимъ-то дикимъ кривляньемъ, при этомъ безъ смысла смѣется, болтаетъ своими длинными, какъ плети руками, шамкаетъ, мычитъ... Но вотъ онъ вдругъ издаетъ звукъ, похожій скорѣе на ревъ осла, чѣмъ на голосъ человѣка, и вы въ неудомѣніи, кто передъ вами, человѣкъ, или животное. Обыкновенно уже въ дѣтствѣ, по устройству организма, можно замѣтить, будетъ ребенокъ кретиномъ или нѣтъ, но кретинизмъ также можетъ развиться и нѣсколько лѣтъ спустя. Много способствуетъ этому злу: малопитательная пища бѣдняковъ, сырая и удушливая атмосфера глубокихъ долинъ, мало освѣщаемыхъ теплыми солнечными лучами, недостатокъ присмотра въ дѣтствѣ, отчужденность отъ людскаго общества и т. п.

Еще болѣе ослабляетъ организмъ кретина вода съ ледниковъ, которую

многимъ приходится пить. Но если кому-нибудь изъ этихъ несчастныхъ посчастливится въ раннемъ дѣтствѣ попасть къ хорошему, любящему человѣку, который будетъ объ немъ заботиться, хорошо питать его и мало по малу станетъ пріучать его къ работѣ и учить, идіотство кретина проявится въ гораздо меньшей степени. Если не достигали того, чтобы развить у кретина быстрое соображеніе, то все-таки удавалось научить ихъ кой-чему; что же касается полевыхъ и домашнихъ работъ, имъ обыкновенно выучиваются всѣ кретины, если только ихъ учатъ этому съ дѣтства. Особенно много сдѣлалъ для этихъ несчастныхъ одинъ педагогъ Гугенбюль. Онъ устроилъ близъ Интерлакена цѣлое заведеніе для леченія идіотовъ, слабоумныхъ и кретиновъ и доказалъ всему свѣту, что въ каждомъ ребенкѣ можно усовершенствовать его умственную и физическую сторону, если только воспитывать его съ любовью и усердіемъ; это же потверждается и другими фактами. Когда въ какую нибудь несчастную мѣстность, наиболѣе производящую кретиновъ и полу-кретиновъ, начинали болѣе проникать образованіе, гражданская и религіозная свобода, развивалось хлѣбопашество, число несчастныхъ значительно уменьшалось.

Не смотря однако на суровую природу, которая тормозитъ народное образованіе, и множество кретиновъ и полу-кретиновъ, которыхъ не принимаютъ къ сельскія школы, числомъ грамотныхъ Швейцарія превосходитъ многія образованныя страны; неграмотныхъ въ ней считаютъ $^1/_7$ всего населенія, а во Франціи болѣе $^1/_3$.

Пройдя успѣшно въ первоначальной школѣ всѣ шесть классовъ, 13-ти, 14-ти лѣтній мальчикъ можетъ прямо заняться практическою дѣятельностью; при этомъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ онъ рѣдко въ чемъ либо затруднится. Кромѣ того, если онъ еще слишкомъ молодъ, чтобъ идти въ походъ, за то онъ очень хорошо знаетъ все, что долженъ знать солдатъ, и черезъ года три, четыре можетъ хорошо защищать свое отечество. Въ школѣ его научили не только маршировать, военнымъ пріемамъ, употребленію оружія, но также сообщили и нѣкоторыя тактическія свѣдѣнія.

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

В. ВОДОВОЗОВА:

1. Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Изд. 6-е . 45 к.
2. Служащая ей объясненіемъ, Книга для учителей. Изд. 3-е . . . 60—
3. Дѣтскіе разсказы и стихотворенія съ картинками, рисованными Васнецовымъ, гравированными на деревѣ Даугелемъ. При разсказахъ вопросы для бесѣдъ . . . . . 75—
4. Какъ сталъ Петербургъ и откуда пошла русская наука. Жизнь и дѣла Петра Великаго. . . . . 25—
5. Разсказы изъ русской исторіи, вып. I, изд. 6-е . . . . . 40—
6. » » » » вып. II, изд. 4-е . . . . . 60—
7. Практическая славянская грамматика: a) разборъ отрывковъ для самообученія древне-славянскому языку, b) связный курсъ для повторенія, c) отличія новаго церковнаго языка и русскаго лѣтописнаго изд. 2-е . . . . . 70—
8. Предметы обученія въ народной школѣ . . . . . 70—
9. Русская Азбука. Одобрена ученымъ Комит. Мин. Народ. Прос. для употреб. въ начальныхъ школахъ . . . . . 30—
10. Древняя русская литература отъ начала грамотности до Ломоносова, съ приложеніемъ «Очерка народной русской литературы» подъ названіемъ «По старой памяти, какъ по грамотѣ». Популярный разсказъ для народныхъ учителей и среднихъ учебныхъ заведеній . . 1 р. » —
11. Новая русская литература (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно) изд. 2-е . . . . . 1 — 25 —
12. Словесность въ образцахъ и разборахъ, изд. 2-е . . . . . 1 — 25 —
13. Антигона. Переводъ трагедіи Софокла . . . . . 25 —

Складъ книгъ подъ № 2 и 10 въ книжномъ магазинѣ Глазунова; складъ книгъ подъ № 3 и 4 въ книжномъ магазинѣ Черносова; складъ книгъ подъ № 5, 6, 7, 12 и 13 въ книжномъ магазинѣ Иванова. Книги подъ № 1, 8, 9 и 11 продаются у автора.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ И

ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

Изъ русской жизни и природы. Разсказы для дѣтей. Съ 10 картинками, рисованными на деревѣ художникомъ Пановымъ. Содержаніе книги: разсказы о животныхъ, растеніяхъ, явленіяхъ природы, временахъ года, промыслахъ, повѣсти и очерки изъ народной жизни. *Изданіе* 2, исправленное и дополненное; Спб. 1875 г. Цѣна 1 р. 50 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Жизнь европейскихъ народовъ. Географическіе разсказы. Томъ I-й, содержащій описаніе жизни, нравовъ и обычаевъ: турокъ, албанцевъ, болгаръ, черногорцевъ, сербовъ, румынъ, грековъ, итальянцевъ, испанцевъ, португальцевъ, французовъ и швейцарцевъ. Вмѣстѣ съ характеристиками народныхъ нравовъ даны описанія мѣстной природы и государственнаго устройства. Къ этому тому приложено 25 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ художникомъ Васнецовымъ, представляющихъ типы названныхъ народовъ.—Спб. 1875 г. Цѣна книги 3 р. 50 к., въ переплетѣ, 3 р. 75 к.

Складъ обѣихъ книгъ у автора: Спб., Васильевскій островъ, 2 линія, д. № 11, квар. № 10.

ВО ВСѢХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ ТАКЖЕ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ.

1. *Умственное развитіе дѣтей* отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Содержаніе книги: Нравственное и умственное развитіе дѣтей; работы, игры, физическія упражненія на воздухѣ и въ комнатѣ, разсказы, сказки, загадки, пословицы, арифметическія задачи и наблюденія надъ явленіями природы. При книгѣ приложены: чертежи и сборникъ дѣтскихъ пѣсенъ и подвижныхъ игръ съ народными мелодіями. Музыка *А. И. Рубца.* Цѣна 2 р. Изданіе второе, исправленное и дополненное.

2. *Одноголосныя дѣтскія пѣсни* и подвижныя игры—съ народными русскими мелодіями. Музыка *А. И. Рубца.* Отдѣльное изданіе пѣсенъ, приложенныхъ къ книгѣ «Умственное развитіе дѣтей». Ц. . 1 р.